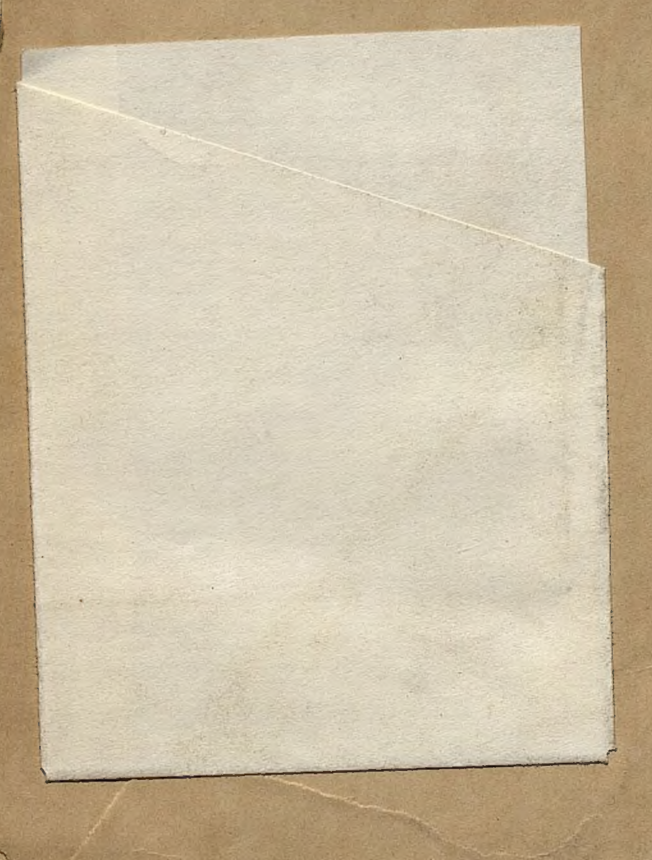

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

ВЪ ПОКАЗАНІЯХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ И МЕМУАРОВЪ

(La France pendant la Révolution).

Виконта де Брока.

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе.

I. Революціонное правительство, его доктрины, дѣянія и способы дѣйствія.

II. Революціонное правительство послѣ 9-го термидора.

III. Тюрьмы во время террора: 1) тюрьмы въ Парижѣ; 2) тюрьмы въ провинціи; 3) разсказы заключенныхъ; 4) ихъ мысли и чувства.

IV. Революціонное правосудіе: 1) революціонный трибуналъ Парижа; 2) реакціонный трибуналъ; 3) революціонный судъ въ провинціи.

V. Казни.

VI. Убійства.

VII. Жертвы революціи изъ народа.

VIII. Благородные характеры изъ жертвъ революціи.

IX. Бастилія: 1) Бастилія до 1789 г.; 2) взятіе Бастиліи; 3) инсурекціонное движеніе.

X. Въ Парижѣ: 1) начало революціи; 2) терроръ; 3) директорія.

XI. Революція въ провинціальныхъ городахъ.

XII. Революція въ деревняхъ.

XIII. Духовенство, его преслѣдованіе и мученичество.

XIV. Буржуазія: 1) положеніе ея при старомъ режимѣ; 2) роль ея въ періодъ революціи.

XV. Народное просвѣщеніе: 1) при старомъ режимѣ; 2) въ періодъ революціи.

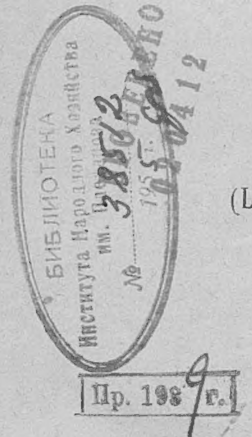
XVI. Хищенія и раззореніе; бѣдствія и голодъ; картина Франціи при паденіи Директоріи.

Въ приложеніи:

1) Cahiers 1789 г.; 2) Перечень политическихъ фактовъ и главныхъ событій революціи; 3) Перечень событій революціонныхъ войнъ; 4) республиканскій календарь; 5) разсказъ офицера швейцарской гвардіи о 10-мъ августа; 6) реляція Дюрлера, капитана полка швейцарскихъ гардистовъ, начальствовавшаго надъ 500 чел., которые защищались на лѣстницѣ капеллы и внутри дворца 10-го августа 1792 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

ВЪ ПОКАЗАНІЯХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ и МЕМУАРОВЪ.

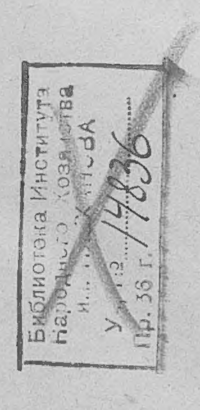
ВИКОНТА ДЕ-БРОКА.

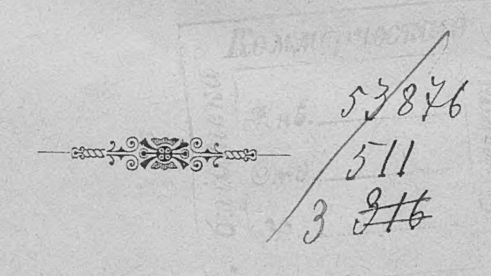
(LA FRANCE PENDANT LA RÉVOLUTION).

ПЕРЕВОДЪ

подъ редакціей Ѳ. И. Булгакова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія бр. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1892.

Въ числѣ историковъ, занимающихся французской революціей, виконтъ де-Брокъ уже пріобрѣлъ себѣ почтенное имя. Три года назадъ онъ издалъ капитальный трудъ подъ заглавіемъ „La France sous l'ancien régime", гдѣ очень искусно воспользовался всей накопившейся литературой по исторіи до-революціонной Франціи. Не отрицая необходимости переворота, онъ добросовѣстно освѣщаетъ и часто проглядываемую оборотную сторону медали, не скрывая и того хорошаго, что можно и должно сказать о „старомъ режимѣ" королевской Франціи. Два тома новаго труда де-Брока, предлагаемые въ русскомъ переводѣ, посвящены исторіи Франціи въ періодъ революціи. Задача этого сочиненія—показать, въ какомъ видѣ складывалась жизнь во Франціи въ годы смутъ и анархіи, и для достиженія этой цѣли авторъ основательно изучилъ обширнѣйшую литературу мемуаровъ той эпохи. Послѣдняя говоритъ какъ бы сама за себя. Де-Брокъ интересуется преимущественно нравственными сторонами французской революціи, и съ такой точки зрѣнія исторія этого переворота получаетъ новое, оригинальное и весьма назидательное освѣщеніе.

Основной взглядъ де-Брока на революцію далеко не благопріятный для нея. Онъ рѣшительный антиреволюціонеръ. Онъ особенно напираетъ на то, что надо рѣзко отличать идеи 1789 года отъ революціи. Идеи 1789 г. доподлинно выражены въ „cahiers", которыя избирателями „états généraux" даны были ихъ депутатамъ въ Версали. Эти „cahiers", даютъ ясное понятіе о тогдашнихъ требованіяхъ французской націи. Она имѣла въ виду: равенство передъ закономъ, допущеніе всѣхъ французовъ ко всякимъ должностямъ, равномѣрное распредѣленіе бремени налоговъ, пересмотръ правительственной системы народнымъ представительствомъ. Ни единой изъ этихъ реформъ не могутъ приписывать себѣ революціо-

неры. Всѣ онѣ были уже выдвинуты раньше, чѣмъ революціонеры выступили на сцену. Сама страна, спрошенная легально, поставила на очередь такія требованія. Она желала не разрушать общественныя и государственныя учрежденія, а улучшить ихъ. Ни единымъ словомъ не требовала она новой конституціи. Она же стояла и за наслѣдственность короны, противъ которой прямо направились бури революціи. И реформа, желательная для страны, была отвлечена революціей отъ своихъ цѣлей. Даже все движеніе приняло извращенный видъ. Насилія и тиранія водворились на мѣсто основъ 1789 г., прикрываться которыми революція не имѣетъ права.

Конечно, многое изъ того, о чемъ повѣствуется въ трудѣ де-Брока, не ново и не можетъ быть ново для спеціально изучающихъ исторію. Тѣмъ не менѣе этотъ трудъ не только не лишній, но для общеобразованной публики важный и нужный. Авторъ взялся изобразить нравственную сторону революціи и превосходно выполнилъ свою задачу въ изложеніи общедоступномъ, которое къ тому же отличается богатствомъ знаменательныхъ фактовъ. Какъ судья и критикъ описываемыхъ имъ явленій онъ умѣло сочеталъ строгость приговоровъ съ безпристрастіемъ и добросовѣстностью. Де-Брокъ—роялистъ и католикъ, но его ни на шагъ не увлекаетъ партійность. То, что имъ осуждается, и не можетъ претендовать на иной приговоръ.

Ѳ. Булгаковъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Изучая нравы и учрежденія старой Франціи за послѣднія два столѣтія жизни общества, съ столь блестящей судьбой и съ такой трагической развязкой, я остановился на порогѣ траурной тюрьмы, изъ которой оно двинулось прямо на эшафотъ, тогда какъ другая часть этого общества спаслась отъ смерти лишь цѣною страданій и бѣдствій изгнанія.

Изученіе стараго режима привело меня къ изученію революціоннаго правительства. Созерцая величіе и паденіе эпохи, гдѣ, на ряду съ дѣйствительнымъ зломъ, блисталъ ореолъ неоспоримой славы,—мнѣ захотѣлось проникнуть въ нѣдра злополучныхъ дней, преступленія которыхъ обагрили кровью несчастную Францію.

Ужасная трагедія, страшная и прискорбная драма, передъ которою цѣпенѣетъ умъ даже по прошествіи цѣлаго столѣтія послѣ кровавыхъ катастрофъ, послѣдніе свидѣтели которыхъ давно исчезли.

Какія картины и какіе уроки, если искать въ этихъ событіяхъ не волненія страстей, а философію вещей и назиданій опыта. Такъ именно слѣдовало-бы каждому читать великую книгу прошедшаго, вразумляющую насъ въ настоящемъ и наставляющую въ будущемъ. Пусть же партіи, успокоенныя временемъ, вопрошаютъ у развалинъ, не прибавляя къ нимъ новыхъ развалинъ! Да не пройдетъ даромъ эта масса бѣдствій, пусть воспоминаніе о нихъ предупредитъ ихъ возвращеніе!

Я не пишу исторіи революціи. Изслѣдованная на знаменитыхъ страницахъ книги Токвилля, она нашла для себя глубокаго наблюдателя въ лицѣ Тэна, посвятившаго этой эпохѣ трудъ, значительный по обилію документовъ, возвышенности

взглядовъ, авторитетности сужденій, наконецъ, достойный его обширнаго ума.

Королевскія жертвы Революціи уже вдохновили писателей на интереснѣйшія книги, послѣ которыхъ не остается сказать ничего новаго [1]).

Въ предлагаемомъ трудѣ не можетъ быть рѣчи о внѣшнихъ войнахъ, нерѣдко столь славныхъ для нашего оружія, честь которыхъ, что-бы тамъ ни говорили, принадлежитъ менѣе революціи, чѣмъ арміи и Франціи.

Вандейское возстаніе составляетъ отдѣльную исторію въ великой исторіи революціи. Его нельзя вынести за предѣлы его естественной рамки, оно заслуживаетъ спеціальнаго изученія.

Моя цѣль—напомнить, какова была жизнь Франціи въ періодъ революціоннаго смятенія, познакомить съ ней при помощи достовѣрныхъ описаній, представить живую картину лицъ и событій.

Я почерпнулъ, насколько возможно, у эпохи черты, въ какихъ она обрисовывается сама собой. Подчасъ одно слово, одинъ анекдотъ лучше знакомитъ съ исторіей и разъясняетъ ее, нежели какое бы то ни было пространное разсужденіе. Они освѣщаютъ ее въ незамѣченныхъ раньше сторонахъ, разъясняютъ обстоятельства и разоблачаютъ характеръ.

Мемуаровъ о революціи цѣлая масса, причемъ въ отдѣльности взятые они носятъ на себѣ отпечатокъ взглядовъ и чувствъ ихъ авторовъ [2]). Революціонный періодъ въ провинціи сталъ предметомъ многочисленныхъ изданій, различнаго достоинства, но въ большинствѣ поучительныхъ, если только источниками для нихъ служили архивы и оригинальные документы. Чтеніе ихъ не всегда свободно отъ утомленія и монотонности. Тамъ встрѣчаешь повтореніе однихъ и тѣхъ же фактовъ, совершавшихся въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ. Но многочисленность этихъ тождественныхъ фактовъ, сама по себѣ, есть уже разслѣдованіе, результатъ котораго позволяетъ произнести рѣшительный приговоръ о людяхъ и дѣлахъ Революціи.

---

[1]) Едва-ли нужно называть имена: de-Beauchesne'a, столь извѣстнаго біографа „Людовика XVII и madame Elisabeth“: де-Лескюра, автора книги „Vraie Marie Antoinette“ и „Princesse de Lamballe“, а также прекрасное сочиненіе „Marie Antoinette“, изданное недавно—де-ла Рошетери.

[2]) „Collection des mémoires relatifs à la Rèvolution française“, изданное Бервиллемъ и Баррьеромъ, обнимаетъ собою 55 томовъ in 8°. Это изданіе по частямъ, съ сокращеніями, воспроизведено „Bibliothèque des mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le dixhuitième siècle“, Баррьеромъ и де-Лескюромъ, въ 37 томахъ in-12.

XIX вѣкъ внесъ серьезный прогрессъ въ историческую науку, обратившись къ самымъ источникамъ исторіи, изучая ее по документамъ наименѣе подтасованнымъ, наиболѣе безпристрастнымъ и подлиннымъ. И именно потому, что нашему уму не доставало идеала, онъ и сталъ требовательнымъ въ области положительныхъ данныхъ.

Прошло то время, когда революціонная легенда принималась съ благоговѣніемъ въ угоду какому-либо стилю. Теперь уже не довольствуются категорическими заявленіями; историкамъ перестаютъ вѣрить на-слово, и читатель умѣетъ самъ судить на основаніи доводовъ.

Благодаря огромному количеству документовъ, касающихся Революціи, благодаря ученымъ трудамъ, предпринятымъ въ наши дни, не перестающимъ приводить къ новымъ открытіямъ, можно сказать, что эта часть нашей исторіи въ настоящее время извѣстна не менѣе въ цѣломъ, какъ и въ подробностяхъ. Обширность сюжета и множество монографій на эту тему, однакоже, чрезвычайно усложняютъ задачу читателя. Она облегчится, если связать факты, разбросанные въ библіотекахъ, установивъ главныя черты періода смуты и анархіи.

Хотя революція и не разразилась повсюду съ одинаковой силой, за то повсюду она представляетъ однѣ и тѣ же черты, и полная картина насилій, какими она ознаменовалась, составила бы длинный перечень страданій и преступленій. За такую тему надо браться разборчиво и при трактованіи ея ограничиваться примѣрами, наиболѣе способными дать точныя понятія и уяснить главныя идеи.

Разсматривая революцію преимущественно съ нравственной ея стороны и въ ея индивидуальныхъ послѣдствіяхъ, я не премину коснуться ея при подходящемъ случаѣ съ точки зрѣнія политической и соціальной. При всемъ кажущемся ихъ различіи, не подобаетъ раздѣлять вопросовъ, стоящихъ въ связи одинъ съ другимъ, для которыхъ основой служили однѣ и тѣже событія.

II.

Всѣ великія революціи ведутъ свое происхожденіе или отъ состоянія умовъ, или отъ учрежденій, хотя рѣшающимъ моментомъ для нихъ нерѣдко и бываютъ причины второстепенныя. Зима 1788 — 1789 годовъ, по своей суровости,

могла сравниться развѣ съ зимой 1709 года. Морозъ доходилъ до 18° въ концѣ декабря. Сена въ Парижѣ у Гавра покрылась льдомъ. Оливки въ Провансѣ повяли. Холодъ на подобіе истиннаго бича производилъ по деревнямъ свои опустошенія. Мѣры, принятыя правительствомъ, и обильныя пожертвованія частной благотворительности были безсильны противъ нищеты.

Съ возростаніемъ народнаго бѣдствія революціонный духъ, рѣзко заявлявшій о себѣ въ мятежническихъ рѣчахъ и памфлетахъ, сталъ оказывать тѣмъ большее вліяніе на легковѣрные умы, чѣмъ больше слабости и нерѣшительности обнаруживало правительство Франціи того времени, вообще не отличавшееся энергіей и иниціативой. Этотъ духъ оппозиціи существующему порядку вещей проникалъ даже въ тѣ сферы, которыя, казалось бы, должны были поддерживать и охранять тогдашній политическій и соціальный строй.

Реформы были необходимы; но онѣ явились черезчуръ поздно, и притомъ въ видѣ потоковъ, опрокидывавшихъ все, встрѣчавшееся имъ на пути. Вмѣстѣ съ собою онѣ внесли нетерпѣливость французскаго характера и, въ силу желанія все передѣлать, люди кончили тѣмъ, что стали вѣрить и другихъ убѣдили въ необходимости сокрушить все разомъ.

XVIII столѣтіе своими писаніями и литературой, своимъ умомъ и тенденціями, явилось лишь подготовкой идей, выступившихъ на сцену въ 1789 году. Вольтеръ воспользовался обольстительнымъ стилемъ и увлекательностью насмѣшки, чтобы ввести въ моду безвѣріе среди общества, прощавшаго все ради ума. Жанъ-Жакъ Руссо внесъ въ это общество доктрины равенства и сентиментальной филантропіи, смѣшивающихъ истинныя понятія о правахъ и обязанностяхъ, вмѣсто того, чтобы согласовать пользованіе одними съ отбываніемъ другихъ. Въ „Contrat social" разъясняетъ онъ принципы обращенія къ народу, имѣвшіе своимъ назначеніемъ замѣнить королевскую верховную власть—верховной властью народной.

О силѣ распространенія новаторскихъ идей можно судить по множеству сочиненій, имѣвшихъ большой успѣхъ, несмотря на осужденія ихъ парламентомъ и главнымъ совѣтомъ [1]).

Оправданіе цареубійства предшествовало покушенію 21 ян-

---

[1]) См. списокъ этихъ сочиненій у Феликса Рокена: „L'esprit révolutionnaire avant la Révolution (1715—1789)".

варя. „L'histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes", первое изданіе которой было выпущено аббатомъ Рейналемъ въ 1770 г., и которая за дерзкія дополненія присуждена была парламентомъ къ сожженію въ 1771 году, не стѣсняясь, приводитъ древній обычай, практикуемый на островѣ Цейлонѣ, „обязывающій короля къ соблюденію закона, присуждающаго его къ смертной казни, если онъ осмѣливается нарушить этотъ законъ".

„Законъ не имѣетъ никакого значенія, — говорилъ авторъ,—если нѣтъ меча, безъ различія посящагося надъ всѣми головами и подсѣкающаго все то, что подымается выше горизонтальной плоскости, по которой онъ движется".

Токвилль основательно отмѣтилъ вліяніе, оказанное въ XVIII столѣтіи литераторами на политику, вліяніе роковое, ибо примѣненіе теорій шло въ разрѣзъ съ неопытностью теоретиковъ, утопистовъ, и „тѣ же вещи, которыя нерѣдко помогали писать хорошія книги, могутъ повести къ крупнымъ революціямъ" [1]).

Великая ошибка этой эпохи заключается въ предположеніи человѣчества слишкомъ добрымъ, слишкомъ кроткимъ для того, чтобъ нуждаться въ нравственной и религіозной уздѣ, а также въ увѣренности, что можно уничтожить и возсоздать общество въ одинъ день. Пускай-де рухнутъ всѣ власти, пускай сокрушатся всѣ преграды, и тогда невѣжественная масса актами насилія осуществитъ благодатность теорій. Аркадскія мечтанія уступятъ мѣсто кровавой дѣйствительности. Народъ извратитъ примѣненіе этихъ столь кроткихъ и увлекательныхъ теорій. Сбитый съ толку софизмами и увлеченный страстями, народъ не будетъ считать себя угнетеннымъ, лишь при томъ условіи, когда самъ приметъ на себя роль угнетателя.

Старый режимъ требовалъ крупныхъ реформъ. Многія изъ его учрежденій не отвѣчали болѣе соціальнымъ преобразованіямъ и новымъ потребностямъ. Но слушая безпрестанныя указанія на его недостатки, менѣе обращали вниманія на то, что̀ надо было сохранить, нежели на то, что̀ слѣдовало уничтожить.

„Не было плательщика, который бы не возмущался неравномѣрнымъ распредѣленіемъ податей, не было ни одного незначительнаго собственника, раззореннаго кроликами дворянина,

---

[1]) L'ancien régime et la Révolution, liv. III, ch. I.

его сосѣда,—который не соглашался бы съ тѣмъ, что всѣ привилегіи безъ исключенія осуждены разумомъ“ [1]).

Дворянство съ неменьшей страстностью стремилось усвоить себѣ идеи реформы, задолго до 1789 года волновавшія умы. Провинціальное дворянство страдало и жаловалось на всякія льготы, дававшіяся придворной аристократіи, которая, въ свою очередь, не оставалась недоступной либеральной идеямъ, отстаивавшимся въ салонахъ дамъ, въ родѣ маршальши де-Бово. Другая дама, извѣстная своей прелестью и обольстительностью, графиня д'Эгмонъ, дочь маршала Ришельё, написала Густаву III слѣдующія строки, въ которыхъ выразилась идея ея времени:

„Да будетъ ваше царствованіе эпохой свободнаго и независимаго правительства, да не явится оно источникомъ абсолютной власти... Монархія, ограниченная законами, представляется мнѣ счастливѣйшимъ правительствомъ... И я полагаю, что вы составите счастье шведовъ, расширивъ свой авторитетъ. Но повторяю, если вы не положите предѣловъ, не сокрушимыхъ для вашихъ наслѣдниковъ, которые оградили бы ваши независимые народы отъ слабоумія какого нибудь короля, отъ фантазій какой-нибудь любовницы, а также отъ самолюбія какого нибудь министра,—ваши успѣхи сдѣлаются первой основой этихъ злоупотребленій, и вы будете отвѣчать въ глазахъ потомства“ [2]).

Духовенство предвидѣло опасное настроеніе общества, когда, на общемъ собраніи, въ августѣ 1765 года, устами своихъ епископовъ и представителей, говорило: „Духъ вѣка, повидимому, угрожаетъ ему революціей, предвѣщающей полное раззореніе и разрушеніе“ [3]).

Еще 20 іюля 1763 года, одинъ священникъ во время проповѣди своей въ церкви св. Маргариты въ предмѣстьѣ Saint-Antoine, съ высоты каѳедры проронилъ слѣдующія пророческія слова: „въ королевствѣ, гдѣ между скипетровъ и кадильницей происходятъ постоянныя столкновенія, *рано или поздно, непременно разразится революція*. Кризисъ въ разгарѣ, и эта революція можетъ быть только очень близка“ [4]).

---

[1]) L'ancien régime et la Révolution, liv. III, ch. I.

[2]) La comtesse d'Egmont, par la comtesse d'Armaille, née de Segur, p. 224, 225.

[3]) Actes de l'Assemblée générale du clergé de France, in-4, Paris, 1765 г.

[4]) Felix Rocquain, L'esprit révolutionnaire avant la Révolution, p. 240.—Проповѣдь эта возбудила тогда такое вниманіе, что Шателе смѣстилъ произнесшаго ее священника.

Подобныя пророческія предупрежденія не были исключительнымъ слѣдствіемъ опасеній религіознаго ума. Скептики, люди, привыкшіе признавать вліяніе своего мнѣнія на ходъ событій, предчувствовали великія политическія потрясенія и возвѣщали ихъ въ утвердительной формѣ.

Д'Аржансонъ еще при Людовикѣ XV предвидѣлъ наступленіе республики:

„Обратите вниманіе,—писалъ онъ 26 декабря 1747 года,— что народы въ наше время, за недостаткомъ уваженія, мало привязаны къ своимъ королямъ. *Осмѣлится-ли теперь кто-нибудь предложить подойти на нѣсколько шаговъ ближе къ республиканскому правленію?* Я не замѣчаю никакой способности къ тому въ народахъ, аристократія, вельможи, палаты, привыкшіе къ рабству, никогда не размышляли на эту поэму, и умъ ихъ очень далекъ отъ нея. *А между тѣмъ подобныя мысли закрадываются въ голову, и французы обладаютъ способностью быстро освоиваться съ новизной*“ [1]).

Вольтеръ не только предсказывалъ революцію, но радовался ей и написалъ слѣдующія строки 2 апрѣля 1764 года:

„Все, что я вижу, сѣетъ сѣмена революціи, которая настанетъ неминуемо. Но я буду лишенъ удовольствія быть ея свидѣтелемъ..... Просвѣщеніе мало по малу распространилось до такой степени, что взрывъ ея послѣдуетъ при первомъ удобномъ случаѣ; и тогда будетъ славная возня. Счастливая молодежь,—она увидитъ хорошія вещи“ [2]).

Одного не предвидѣлъ Вольтеръ, что эта революція воздвигнетъ эшафотъ, на которомъ будетъ проливаться кровь французовъ всѣхъ классовъ, какъ молодежи, такъ и стариковъ.

Въ 1765 г., Виже, отецъ г-жи Лебрень, уходя съ одного обѣда съ философами Дидро, Гельвеціемъ и д'Аламберомъ, былъ грустенъ. Жена его спросила о причинѣ мрачнаго настроенія: „Все, что я только слышалъ, другъ мой,—отвѣчалъ онъ ей,— убѣждаетъ меня, что у всѣхъ людей скоро умъ зайдетъ за разумъ“. Фактъ этотъ приведенъ въ его мемуарахъ. Таково-же было мнѣніе Гримма, конечно, точно также почерпнутое имъ изъ бесѣдъ съ философами, и которое онъ не разъ выражалъ съ поразительной ясностью:

„Я далекъ отъ мысли,—писалъ онъ 15 января 1757 года,— что вѣкъ нашъ обладаетъ благоразуміемъ, я легко повѣрю,

---

[1]) Mémoires, V, 161, 162.
[2]) Correspondance générale, IX, 256.

что Европѣ угрожаетъ какая-нибудь гибельная революція“ [1]).

„Эта тревога, которая глухо охватываетъ умы и подстрекаетъ ихъ нападать на злоупотребленія религіозныя и политическія,—замѣчаетъ онъ въ январѣ 1768 года,—является характернымъ знаменіемъ нашего вѣка,—подобно тому, какъ духъ реформъ былъ знаменіемъ XVI столѣтія, и предвѣщаетъ революцію неминуемую и неизбѣжную“ [2]).

Въ августѣ 1774 года, вскорѣ послѣ смерти Людовика XV, онъ констатировалъ всеобщую потребность судить и рядить о политическихъ учрежденіяхъ. Онъ замѣчаетъ: „нѣтъ ни одного молодого человѣка, окончившаго колежъ, который не составлялъ-бы проекта новой системы правленія, нѣтъ ни одного автора, который не считалъ бы своей обязанностью указать земнымъ властямъ единственный способъ управленія ихъ государствами“ [3]).

Затѣмъ очередь доходитъ до членовъ королевской семьи, которые обрекаются на позорище. За семь лѣтъ до революціи, въ 1782 году, во время празднествъ, дававшихся по случаю рожденія дофина [4]), 21 января (странная фатальность этого числа!) на стѣнахъ Парижа былъ расклеенъ оскорбительный пасквиль, съ угрозою, что „21 января король и королева, подъ надежнымъ эскортомъ приведенные на Гревскую площадь, принесутъ покаяніе въ своихъ грѣхахъ въ городской ратушѣ, а затѣмъ взойдутъ на эшафотъ для того, чтобы быть сожженными за-живо“ [5]).

Общественный духъ освоивается съ наиболѣе революціонными идеями. Мирабо пишетъ въ 1787 году: „Франція созрѣла для революціи“ [6]).

Достаточно было подходящаго случая, чтобы вызвать взрывъ революціи, достаточно было искры, чтобы зажечь цѣлый пожаръ.

---

[1]) „Correspondance littéraire“. II, 81.
[2]) Ibid, V, 358, 359.
[3]) Ibid, VIII, 383.
[4]) Умершаго въ 1789 г., приходившагося старшимъ братомъ Людовика XVII.
[5]) Hardy V, 88.—L'esprit révolutionnaire avant la Révolution, par F. Rocquain, p. 398.
[6]) „Mémoires“, IV, 462, 465, „Lettres des 10 et 18 novembre 1787“.—F. Rocquain, p. 457.

III.

Въ настоящее время и къ самымъ вопіющимъ преступленіямъ относятся снисходительно, они находятъ себѣ даже апологистовъ. Недавно дошли до того, что воздвигли статую Дантону [1]. Но постоянно оправдывать пролитую кровь и ужасы, содѣянные развращенными и жестокими людьми, никто не рѣшится. Однако существуетъ мнѣніе, въ силу котораго представляется возможнымъ простить терроръ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ спасъ Францію отъ иноземщины [2].

Въ 1789 и 1790 годахъ не было еще объявлено войны съ Европой, а между тѣмъ эти года отмѣчены многочисленными кровопролитіями. Революціонеры не могли тогда ссылаться на эту иноземщину. Когда господство Террора тяготѣло надъ Франціей, этому правленію тѣмъ легче было въ ней утвердиться, что военныя силы пребывали на границахъ. Кстати обратимъ вниманіе на даты. Лѣтомъ 1793 года коалиція торжествовала на сѣверной границѣ, департаменты начали возставать противъ якобинскаго владычества. Но не къ этому времени относится наибольшее число жертвъ. Въ слѣдующемъ году французскія войска одержали побѣды на Самбрѣ и на Рейнѣ; Вандейское возстаніе было подавлено; Ліонъ— подчиненъ и вотъ тогда-то комитетъ общественнаго спасенія удвоилъ свои изступленныя дѣянія. Конвентъ явился наиболѣе жестокимъ именно тогда, когда, повидимому, ему удалось одолѣть всѣхъ своихъ враговъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Въ Парижѣ цифра его жертвъ за послѣдніе четыре мѣсяца Террора превосходитъ число приведенныхъ въ исполненіе приговоровъ въ теченіе пятнадцати предъидущихъ мѣсяцевъ.

Если у членовъ Конвента не было иной цѣли, кромѣ безопасности отечества и интересовъ арміи, стали-ли бы они въ такомъ случаѣ жертвовать такой массой генераловъ и офицеровъ, единственное преступленіе которыхъ состояло въ славныхъ услугахъ отечеству, оказанныхъ ими самими или же

---

[1] Въ Arcis-sur-Aube, его родномъ городѣ.

[2] Въ опровержепіе этого мнѣнія смотри: Madame de Stael Considérations sur la Révolution française III-e partie, ch. X.—Mortimer-Ternaux „Histoire de la Terreur“, I, 415, Introduction.—Nisard, „Considérations sur la Révolution et sur Napoléon I-er p. 30, 31.—Campardon, Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris“ Préface.—Féugere, „La Révolution et la critique contemporaine“, p. 140.

ихъ отцами? Подозрѣніе преслѣдовало дворянъ, сдѣлавшихся солдатами республики. Оно взвело на эшафотъ Богарнэ, Бирона, Кюстина, Дилона, д'Эстэнга, маршала Люкнера. Войско лишилось генераловъ, наиболѣе способныхъ своихъ командировъ, что признавалось самими виновниками этого факта. Такимъ образомъ пали Линьвилль, Шауенбургъ, д'Абовилль, Ландремонъ, Левенеръ, Гедувилль, Берю, Лобадеръ, защитникъ Ландау; Кустаръ, Ламарльеръ, Шансель, Давэнъ, О'Моранъ. Побѣды, одержанныя надъ роялистами Вестерманомъ, не спасли его отъ участи, уготованной ихъ партизанамъ. Лафайетъ спасся отъ революціонеровъ только бѣгствомъ. Гошъ, вслѣдствіе доносовъ, былъ отставленъ Сенъ-Жюстомъ, арестованъ, отправленъ въ Парижъ, заключенъ въ тюрьму и обязанъ своей жизнью и свободой единственно 9-му термидора. Бонапартъ попалъ подъ подозрѣніе и заключенъ былъ въ тюрьму 25-го термидора 1794 года, откуда освободился лишь послѣ того какъ ему удалось разсѣять сомнѣнія, распространенныя противъ него. Монтескьё и Ансельмъ, которымъ французы были обязаны завоеваніемъ Ниццы и Савойи, не обезоружили непріязни революціонеровъ; первый вынужденъ былъ бѣжать, а второй вынесъ тюремное заключеніе.

Келлерманнъ, побѣдитель при Вальми, былъ подвергнутъ аресту, причемъ ему угрожали смертной казнью въ тотъ моментъ, когда онъ готовъ былъ взять Ліонъ и отбивалъ пьемонтцевъ отъ Савойи.

Гушару не удалось смягчить своихъ судей воспоминаніемъ о Гондшутѣ и осадѣ Дюнкирхена. А между тѣмъ онъ не состоялъ въ подозрѣніи ни по своему происхожденію, ни по своимъ убѣжденіямъ. Выйдя изъ рядовъ народа, онъ писалъ въ сентябрѣ 1793 года военному министру [1]), въ оправданіе возведенныхъ противъ него обвиненій.

„Я генералъ санкюлотъ, съ самаго начала революціи сражавшійся какъ истый санкюлотъ“. Въ 1794 году онъ былъ приведенъ на революціонное судилище [2]), и судья, не рѣшаясь упрекать его въ его побѣдахъ, обратился къ нему со слѣдующимъ вопросомъ:

„Почему не взяли вы въ плѣнъ всей арміи англійской и голландской?“

---

[1]) Бушотту.

[2]) Въ силу декрета Конвента. Согласно революціонному закону, генераловъ необходимо было предавать суду по спеціальнымъ декретамъ, издававшимся Конвентомъ.

Депутатъ Левассеръ осмѣлился обвинять его, что онъ спрятался за плетень во время сраженія. „Я сдѣлалъ десять кампаній,—гордо отвѣтилъ обвиняемый.—Я былъ раненъ пулей на вылетъ прямо въ лицо; другая пуля попала мнѣ въ бедро и еще одна въ ногу. Само собой разумѣется—кто прячется за плетни, тотъ не подвергается такому риску“.

Президентъ Дюма, резюмируя дебаты, назвалъ его трусомъ. При этомъ послѣднемъ оскорбленіи старый солдатъ задрожалъ отъ негодованія. „Негодяй!—воскликнулъ онъ.—Онъ назвалъ меня трусомъ!“

Приведенный обратно въ тюрьму, съ возмущеніемъ и отчаяніемъ повторялъ онъ это выраженіе, столь жестоко оскорбившее его. Вскорѣ послѣ того Республика отблагодарила Гондшутскаго побѣдителя, подставивъ голову его подъ сѣкиру палача [1]).

Вотъ какъ поступали якобинцы съ тѣми, кто проливалъ кровь свою за Францію. Побѣжденные генералы считались предателями. Возвратясь побѣдителями, они подвергались подозрѣнію. Сами революціонеры признавали пагубность этой системы навѣтовъ, зависти и мщенія для національной обороны.

„Съ горестью видимъ мы,—пишетъ де-Седанъ, депутатъ Бо, въ 1793 году, — какъ военный министръ раздаетъ отставки почти всѣмъ офицерамъ, патріотизмъ, храбрость и таланты коихъ торжественнно признаны, какъ солдатами, такъ и народными массами. Однако, это фактъ, что онъ обманутъ, и что, вмѣсто того, чтобы очистить армію отъ франтовъ, находящихся тамъ въ большомъ количествѣ, онъ лишаетъ армію истинныхъ ея защитниковъ“ [2]).

Неужели революціонеры проявляли французскія чувства, распоряжаясь во французскихъ странахъ съ такимъ варварствомъ, какого нельзя было встрѣтить ни у одного непріятеля-побѣдителя? Не одни Вандейцы подвергались самымъ лютымъ жестокостямъ со стороны руспубликанцевъ, получая приказаніе „не заключать въ тюрьмы [3])“. Ліонъ, послѣ энергическаго сопротивленія, попавшій во власть революціонной арміи, былъ осужденъ на полное разрушеніе. На предложеніе Барера, Конвентъ постановилъ 21 октября 1793 года:

„Городъ Ліонъ да будетъ разрушенъ: всѣ жилища бога-

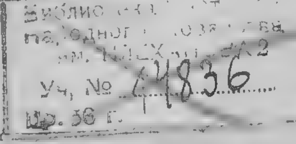
---

[1]) Wallon, „Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris“. II, 82, 90.

[2]) Wallon, „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements“, IV, 156.

[3]) Декретъ Конвента отъ 27 мая, 1794 г.

чей да будутъ обращены въ развалины, пусть останутся нетронутыми лишь дома бѣдняковъ, жилища удушенныхъ патріотовъ и изгнанниковъ, спеціально промышленныя постройки и памятники посвященные человѣчеству и просвѣщенію".

„Имя Ліона да будетъ изъято изъ списка городовъ Республики, остатокъ сохранившихся домовъ отнынѣ будетъ именоваться „Ville-Affranchie".

„На развалинахъ Ліона да будетъ воздвигнута колонна, имѣющая возвѣстить потомству преступленія и наказанія роялистовъ этого города, съ слѣдующей надписью: *Ліонъ протестовалъ противъ свободы; Ліона больше не существуетъ*".

Этотъ декретъ уже приводился въ исполненіе. „Мина ускоритъ разрушеніе", торжественно возвѣщаетъ Колло д'Эрбуа, 17 брюмера 1793 года.

„По 400.000 ливровъ тратится въ каждую декаду на разгромленіе и нѣкоторые другіе обиходы,—пишетъ, въ свою очередь, якобинецъ Ашаръ, 28 нивоза, 1794 года. Самъ посуди, слѣдуетъ-ли Республикѣ спѣшить съ колонизаціей этой страны [1])".

Съ Тулономъ, которому также предстояло утратить свое имя и назваться Port-la-Montagne, поступлено было не лучше. *По сожженіи Тулона*—пишетъ Куту 20 октября;—*по сожженіи Тулона*, ибо, необходимо, чтобы этотъ гнусный городъ исчезъ съ почвы свободы [2])". Но вмѣсто сожженія, удовольствовались разрушеніемъ. Депутатъ Фреронъ сообщаетъ о томъ съ явнымъ удовольствіемъ. „Все здѣсь обстоитъ благополучно. Мы вытребовали тысячу каменщиковъ для разрушенія и срытія города. Съ момента нашего вступленія, по нашему распоряженію ежедневно падаютъ по двѣсти головъ [3])". Тотъ же самый Фреронъ впослѣдствіи говорилъ: „Необходимо срыть Бордо".

Въ этомъ изступленномъ стремленіи разрушать города и уничтожать ихъ имена, Конвентъ, когда очередь дошла до Марселя, не нашелъ новаго названія на революціонномъ языкѣ.

„Названіе Марселя будетъ измѣнено,—рѣшилъ Барра. „*На время онъ останется безъ названія*".

И 3-го плювіоза втораго года, одна прокламація была под-

---

[1]) Wallon, „Les représentants du peuple en mission", III, 171.
[2]) „Les représentants du peuple en mission", III, 63.
[3]) Ibid. III, 68.

писана Барра и Фрерономъ: „A Sans-Nom, ci-devant Marseille". („Въ городѣ безъ имени, бывшемъ Марселѣ") [1]".

Въ департаментѣ Воклюзы Бедуэнская коммуна была заподозрѣна въ антиреволюціонномъ духѣ, и депутатъ Менье рѣшилъ предать ее пламени. Сожжено было пятьсотъ домовъ, и Менье наложилъ „запрещеніе кому-бы то ни было на этомъ пространствѣ строить какое-бы то ни было зданіе или воздѣлывать почву". И Конвентъ привѣтствовалъ его [2]).

Гдѣ же былъ патріотизмъ этихъ людей, которые расправлялись съ почвой Франціи такъ, какъ этого никогда еще не дѣлалось ни въ какой покоренной странѣ? Иные апологисты желали приписать успѣхъ нашего оружія страху, нагнанному Конвентомъ на сражавшихся, которымъ безпрестанно грозили его звѣрства. Но страхъ не порождаетъ героевъ, а мужество тѣхъ, которые вели тогда французовъ на побѣду, было тѣмъ большее, что имъ приходилось бравировать подозрительностью и непріязненностью торжествующей демагогіи.

Въ интересахъ тенденціи и партіи обыкновенно стараются смѣшивать злодѣянія террористовъ съ героизмомъ солдатъ. Но окровавленная площадь гильотины не имѣетъ ничего общаго съ полемъ битвы, и преступленіямъ Революціи невозможно укрыться подъ славными складками знамени.

IV.

Измѣряя прошлое по идеямъ другого вѣка, старый режимъ обыкновенно представляютъ себѣ или въ слишкомъ обольстительныхъ краскахъ воображаемаго блаженства, или же связываютъ съ нимъ такія бѣды, какихъ онъ не вѣдалъ. Намъ не подобаетъ къ нему относиться ни снисходительнѣе, ни строже, чѣмъ относились люди 1789 года.

Никто не оспаривалъ злоупотребленій; всѣ требовали реформъ. Но въ какой же мѣрѣ должны были измѣниться учрежденія? Рѣшеніемъ этого вопроса занялись знаменитыя „cahiers" 1789 года [3]). Составленныя по требованію Людовика XV, желавшаго узнать истинныя чувства Франціи, записки эти выражаютъ претензіи трехъ сословій. Ихъ единодушіе есть самое разительное и самое полное изобличеніе общественнаго настрое-

---

[1]) „Les représentants du peuple en mision", III, 73.
[2]) Ibid., III, 175.
[3]) См. въ приложеніи: „Les cahiers 1789 г.".

нія наканунѣ Революціи, прежде чѣмъ послѣдняя своими крайностями успѣла внести въ него столь глубокую смуту.

Въ нихъ указаны всѣ злоупотребленія стараго режима, а реформы намѣчены въ предѣлахъ разума и здраваго смысла.

Равенство передъ закономъ, допущеніе всѣхъ французовъ ко всевозможнымъ должностямъ, справедливое распредѣленіе податей, контроль надъ правительствомъ въ лицѣ народнаго представительства, такова въ общемъ программа, формулированная духовенствомъ, дворянствомъ и третьимъ сословіемъ и указывающая соціальное и политическое положеніе, какого вожделѣла Франція 1789 года.

Революціонеры не могли похвалиться иниціативой ни въ одной изъ этихъ реформъ; во всѣхъ реформахъ ихъ опередилъ законный голосъ страны, свободно высказавшей свое мнѣніе. Правда, они менѣе задавались улучшеніемъ учрежденій, нежели ихъ уничтоженіемъ. Записки 89 года провозглашали наслѣдственность престола, тогда какъ революціонеры нападали на эту форму правленія и стремились къ ея ниспроверженію. Они остановили такимъ образомъ преобразовательное и либеральное движеніе, примѣнивъ насиліе и тиранію, взамѣнъ истинныхъ принциповъ 89 года, мирное осуществленіе которыхъ могло быть обезпечено вѣковѣчной властью.

И такъ, неумѣстно говорить, что принципы эти были провозглашены Революціей и восторжествовали при ея содѣйствіи. Пора перестать оправдывать ее необходимостью, этимъ доводомъ для владычества всяческихъ деспотизмовъ. Воцареніе какой бы то ни было справедливой идеи не нуждается въ помощи преступленія и преслѣдованія.

Крайности Революціи заслуживаютъ быть заклейменными, скажутъ намъ. Однако, онѣ принесли хорошіе результаты: онѣ сдѣлали невозможнымъ возвращеніе вспять, навсегда разрушивъ старый режимъ, который люди могли попытаться возстановить снова. Не вѣрнѣе ли сказать, что эти крайности, не только не благопріятствовали прогрессу либеральныхъ идей, но онѣ отдалили отъ нихъ всѣхъ тѣхъ, кто не считалъ болѣе возможнымъ отдѣлять реформы 89 года отъ развалинъ, нагроможденныхъ демагогіей 93 года? Претендуя водворить свободу, революція могла породить ненависть къ самому имени свободы. Какъ было не бѣжать отъ ея культа, когда проповѣдниками являлись подобные апостолы?

Зло, причиненное Франціи Революціей, не прекратилось съ ея окончаніемъ. Оно оставило по себѣ долгую и надлежащую

память, раздѣливъ Францію на двѣ враждебныхъ націи: грабителей и обираемыхъ, жертвъ и палачей.

Защитники Революціи объясняютъ ея дѣянія необходимостью сломить слѣпыя сопротивленія, подчиняя противниковъ ея силою и поражая ихъ терроромъ. Исторія отвергаетъ это оправданіе и свидѣтельствуетъ о дерзости революціонеровъ, которая не вызывалась сопротивленіемъ, а поощрялась слабостью.

Откуда шелъ вызовъ для взятія Бастиліи, гдѣ мятежъ восторжествовалъ надъ кучкой солдатъ, которые сдались слишкомъ довѣрчиво? По своему личному характеру, Людовикъ XVI не отстаивалъ силой королевскую власть. Онъ не прибѣгалъ ни 5-го, ни 6-го октября къ военной силѣ, чтобы разогнать чернь, оцѣпившую его дворецъ. Съ королевской семьей онъ отдался въ руки толпы, удивившейся своей побѣдѣ, и попустилъ увести себя плѣнникомъ въ Парижъ. 10-го августа, осажденный въ Тюльери мятежниками, онъ отказался воспользоваться самопожертвованіемъ преданныхъ ему людей, отвага которыхъ могла доставить несчастному монарху свободу и спасеніе.

И отнюдь не противодѣйствія послужили мотивами или предлогами для революціонныхъ насилій; имъ не хватало именно препятствій.

О томъ, что были люди, желавшіе удержать учрежденія стараго режима въ ихъ неприкосновенности, и упрямо отвергавшіе полезнѣйшія реформы, объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія.

Малуэ зналъ ихъ по опыту: „Они нашли способъ, — говоритъ онъ,—дискредитировать съ большимъ умомъ наилучшіе принципы, наиболѣе здравыя требованія; *никогда не погрѣшать въ морали, но почти всегда дѣлать промахи въ политикѣ.* Неловкіе въ комбинированіи цѣли со средствами, нетерпимые къ малѣйшему оскорбленію по адресу стараго режима, раздраженные всякимъ нововведеніемъ, вызывавшимся какъ обстоятельствами, такъ и полнымъ разрушеніемъ, они ставили людей разсудительныхъ въ невозможность принять ихъ сторону, протестуя противъ нихъ, когда тѣ подавали голосъ за одно съ ними, что̀ бывало нерѣдко. *Они горячо защищали главныя основы монархіи, религіи, собственности, которыя потомъ потрясали, включая сюда привилегіи и злоупотребленія правительства, котораго больше не желали, и неудачное смѣшеніе принциповъ съ аксессурами сдѣлало ихъ, совершенно помимо ихъ воли, соучастниками разрушенія, котораго они опасались*“ [1]).

[1]) Mémoires 2 édit., I, 271, 272.

Графъ де-Сегюръ, вернувшись во Францію въ началѣ революціи, послѣ своего пребыванія въ Россіи, былъ пораженъ заблужденіемъ, въ какомъ находились эти честные, но неподвижные умы, которые думали воспротивиться революціоннымъ идеямъ, своей безусловной неуступчивостью законнымъ требованіямъ новаго времени. „Забывая обо всѣхъ причинахъ, —говоритъ онъ,—вызвавшихъ и сдѣлавшихъ неизбѣжнымъ это ниспроверженіе стараго режима, они видѣли въ томъ исключительно посягательство на порядокъ, дисциплину, на исконныя права трона, на права дворянства и на ихъ привычки, равно какъ и на свои интересы. Со всѣхъ сторонъ чудились имъ оскорбленія, они смотрѣли какъ на предателей и какъ на враговъ на всѣхъ, кто не думалъ подобно имъ“ [1]).

Несмотря на всю ослѣпленность ихъ протестовъ, у нихъ все таки было нѣкоторое оправданіе: старый режимъ могъ быть защищаемъ тѣми, кто жилъ при его учрежденіяхъ, и не зналъ никакихъ иныхъ. Если не всегда сходятся люди во взглядахъ на реформы, то еще рѣже соглашаются они въ опредѣленіи границъ для этихъ реформъ. Сегюръ, котораго я только что цитировалъ, объяснялъ чувство сторонниковъ стараго режима такимъ сравненіемъ: „Когда разрушаютъ каменное зданіе, развалины его неподвижно остаются на землѣ. Не то бываетъ съ зданіемъ человѣческихъ учрежденій: они давали множеству людей, цѣлымъ классамъ, прерогативы, достатокъ, почести, привилегіи, ставшія правами въ ихъ глазахъ, и которыми каждый изъ нихъ дорожилъ не менѣе, чѣмъ своей жизнью“ [2]).

Историческій фактъ, зачастую приводимый аналогистами революціи въ оправданіе кровавыхъ ея жестокостей,—это эмиграція, которая вызвала вмѣшательство иноземщины и тѣмъ раздражила національное чувство, давая, такимъ образомъ, право революціонерамъ всевозможными средствами бороться съ ихъ врагами, заключившими союзъ между собою [3]).

Чтобы судить объ эмиграціи, необходимо прежде всего точно установить даты и вспомнить, что революція отличалась

---

[1]) Mémoires, изд. 1826 г., III, 566.

[2]) Mémoires, III, 572.

[3]) „Эмигранты, при возвращеніи во Францію съ бѣлымъ знаменемъ, старавшіеся возсоединить подъ нимъ всѣхъ французовъ, преданныхъ монархіи, рисковали развѣ вызвать междуусобную войну, съ ихъ стороны мотивированную вынесенными ими гоненіями и оскорбленіями королевской семьи; но сліяніе ихъ дѣла съ иноземнымъ извращало его сущность. Ставши подъ знамена Австріи и Пруссіи, они являлись, какъ бы врагами народа“. Малуэ, „Mémoires“, II, 209.

насиліями съ первыхъ же ея шаговъ, т. е. задолго до того, когда противники ея давали поводы къ ея насиліямъ. Болѣе трехъ сотъ мятежей вспыхнуло въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ взятію Бастиліи, сопровождавшемуся въ свою очередь мятежнымъ волненіемъ, которое Тэнъ охарактеризовалъ словами „своевольной анархіи". Волненіе это распространилось по всему королевству и выразилось разграбленіемъ и пожарами замковъ.

Такимъ образомъ, начиная съ 1789 года, во Франціи безопасность не была обезпечена. Можно-ли удивляться, что многіе дворяне покинули страну, гдѣ ихъ жизни грозила постоянная опасность и гдѣ отъ несчастнаго Людовика XVI они не могли ожидать никакихъ энергичныхъ мѣръ обузданія?

Эмиграція представляется съ другой точки зрѣнія, если принять во вниманіе внѣшнюю ея организацію, ея тактику и средства атаки [1]).

Въ исторіи эмиграціи есть двѣ различныя части: политическая эмиграція, начавшаяся въ 1789 году, съ графомъ д'Артуа во главѣ, и эмиграція, послѣдовавшая за сентябрскими убійствами. Вторая, внушаемая исключительно чувствомъ самосохраненія, могла пріумножить ряды первой; но двигателями ея являлись совершенно иные поводы. Участники ея тѣмъ болѣе подчинялись необходимости спасти свою жизнь, что они не надѣялись одолѣть революцію силою оружія.

Отвергнутая Людовикомъ XVI, осужденная Маріей-Антуанеттой въ безконечно суровыхъ выраженіяхъ, вооруженная эмиграція претендовала служить королевской власти, дѣйствуя помимо воли короля и независимо отъ него и не только не спасла его, а еще болѣе увеличила грозившую ему опасность. Людовикъ XVI, очутившись въ положеніи заложника Революціи, видѣлъ себя обвиненнымъ въ соучастничествѣ, которое онъ отвергалъ и въ которое поселить вѣру старались революціонеры, дискредитировавшіе монарха, чтобы сокрушить самую монархію [2]).

---

[1]) Эрнестъ Доде всесторонне знакомитъ съ эмиграціей и поясняетъ ее съ политической точки зрѣнія, въ трехъ томахъ, подъ заглавіемъ „Coblentz" —„Les Bourbons et la Russie pendant la Révolution française".—„Les émigrés et la seconde coalition».—Фарнеронъ выяснилъ преимущественно индивидуальныя стороны эмиграціи въ своей „Histoire générale des émigrés", заключающей въ себѣ массу любопытныхъ подробностей о жизни эмигрантовъ преисполненной испытаній. Два тома вышли при жизни автора. Третій появился послѣ его смерти, съ предисловіемъ Ле-Трезоръ де-ла Рокка.

[2]) „Одного присутствія арміи эмигрантовъ на границѣ,—писала Марія-Антуанетта 4 октября 1792 г.,—достаточно для того, чтобъ поддерживать огонь и давать пищу къ обвиненіямъ противъ насъ. („Coblenz" Эрнеста Доде, p. 163).

Армія эмигрантовъ находилась между Сцилой и Харидбой. Въ случаѣ своихъ удачъ она обрекала на непопулярность и національную антипатію тотъ режимъ, который возстановляла съ помощью иноземцевъ. Угрожая же Революціи, не имѣя возможности противодѣйствовать ей, эмигранты становились въ положеніе подстрекателей, опасное для королевской власти; они давали революціонерамъ поводъ къ разнузданію народныхъ страстей въ свою пользу, драпируя ихъ знаменемъ патріотизма.

Эмиграція ошибалась. Но вмѣшательство иноземщины, въ ея глазахъ, не являлось недостаткомъ патріотизма, ибо она считала себя въ правѣ освободить Францію отъ враговъ всякаго общественнаго порядка. Вмѣшательство это не представляло никакого новшества, ибо исторія являла не одинъ примѣръ подобныхъ вмѣшательствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло исключительно только о частныхъ интересахъ или о партійномъ соперничествѣ. Французскіе министры противопоставили Испанію Генриху IV. Былъ такой моментъ, когда Тюрень и Конде бились въ непріятельскихъ рядахъ. Еще ранѣе, во времена феодализма, ссорившіеся другъ съ другомъ владѣтели не задумывались призывать къ себѣ на помощь сильныхъ сосѣдей.

Остатокъ феодальнаго духа существовалъ еще въ 1789 г. Онъ воскресалъ у тѣхъ, кто смѣшивалъ отечество съ старыми учрежденіями, которымъ грозила опасность.

Эмиграція разсчитывала на симпатіи монархической Европы, но послѣдняя, повидимому, мало была заинтересована опасностью угрожавшей французскому королевству. Рыцарское самопожертвованіе Густава III осталось единичнымъ фактомъ. Императоръ Австрійскій, родной братъ Маріи Антуанетты, ничего не сдѣлалъ для ея спасенія.

Можно-ли было удивляться индиферентности Европы? Политика, подчиненная интересамъ каждаго въ отдѣльности, вожделѣніямъ, честолюбивымъ видамъ, эгоистическимъ разсчетамъ, отнюдь не вдохновлялась уваженіемъ къ праву, идеей законности, солидарностью троновъ. Альбертъ Сорель доказалъ это съ неопровержимой авторитетностью [1]).

Европа неоднократно представляла зрѣлище политическихъ революцій. Одни государи смѣщались съ царства другими. Узурпація столкнула съ трона англійскихъ Стюартовъ, когда пала голова Карла I. Августъ Саксонскій вытѣснилъ въ Польшѣ

---

[1]) „L'Europe et la Révolution française" 2 vol.

Станислава Лещинскаго. Раздѣленіе Польши совершилось на глазахъ и съ одобренія короля Франціи. Людовикъ XVI оказалъ поддержку своимъ оружіемъ новой Американской Республикѣ противъ монархической Англіи. Сверхъ того, европейскія правительства, по своему происхожденію и по составу, были чрезвычайно различны. Въ Россіи была автократія, въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ—федеративная республика, въ Испаніи, Пруссіи, Австріи—абсолютная монархія, въ Англіи—монархія конституціонная.

Европа видѣла сперва въ Революціи исключительно поводъ къ ослабленію Франціи, на величіе которой взирала не безъ зависти. Она не считала Революцію опасной для себя самой и не предвидѣла того, что ей придется выставить всѣ силы коалиціи противъ побѣдоносныхъ войскъ Республики.

Эмиграція не поняла значенія Революціи. Отъѣздъ, привѣтствовавшійся радостными надеждами,—для этихъ первыхъ эмигрантовъ послужилъ лишь прологомъ быстраго возвращенія и тріумфальнаго обратнаго вступленія. Иллюзіи преслѣдовали ихъ и въ странѣ изгнанія, также какъ соперничество и распри,—слабости, присущія побѣжденнымъ. Они познали, увы! и другія бѣдствія,—бѣдствія нищеты и лишеній, со всѣми ихъ ужасами и тяготою. Исторія, осуждая ошибки, не одобряетъ безчувственности; она останавливается взволнованная передъ зрѣлищемъ бѣдствія и мужественно перенесенныхъ испытаній. Въ этомъ отношеніи эмиграція должна ослабить строгость приговоровъ противъ нея, ибо она внушаетъ сожалѣніе во имя несчастія. Въ своихъ лохмотьяхъ она представляется озаренною поэзіей страданія.

Возвратившись впослѣдствіи въ свое отечество, котораго они болѣе не узнавали, эти обѣднѣвшіе, униженные эмигранты, изгнанные изъ своихъ жилищъ, гдѣ другіе заняли ихъ мѣсто,—невольно отъ всего приходили въ отчаяніе. Жестокія страданія надо понять, чтобы сожалѣть о нихъ, и въ то же время новыя затрудненія, порождавшіяся ихъ сочувствіемъ къ возстановленной монархіи!

Число эмигрантовъ, изгнанныхъ несчастьемъ за предѣлы Франціи, принимается въ сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ [1]).

---

[1]) Тэнъ, „La révolution“, III, 381. Тысяча восемьсотъ духовныхъ лицъ отправилось въ первую эмиграцію и почти столько же во вторую. (Грегуаръ „Mèmoires“, II. 172). 19-го октября, 1800 года, по донесенію министра полиціи, насчитывалось еще сто сорокъ пять тысячъ эмигрантовъ, не включая сюда тринадцати тысячъ, изъятыхъ изъ списковъ Директоріей и тысячи двухъ сотъ человѣкъ, вычеркнутыхъ Консульскимъ правительствомъ (Лафайеттъ,«Ме-

Умалчивается при этомъ одно обстоятельство—что въ составъ этого числа входила не одна аристократія. Многіе изъ эмигрантовъ, по происхожденію, принадлежали къ низшимъ слоямъ общества. На 18.000 Дубскихъ эмигрантовъ приходится 11.000 человѣкъ вышедшихъ изъ народа [1]).

Преступность эмиграціи эксплоатировалась особенно относительно богачей, имущество коихъ возбуждало вожделѣнія. Съ этой цѣлью отъѣзду такихъ эмигрантовъ или покровительствовали, любезно выдавая имъ паспорты; или же ихъ прямо силой заставляли покидать Францію, помимо ихъ собственнаго желанія [2]).

„Много-ли эмигрантовъ въ Шартрѣ? поинтересовался какъ-то Трейляръ.—Не очень.—„Тѣмъ хуже, ихъ надо-бы побольше“ [3]).

„Цѣлыя тысячи людей, зачисленныхъ въ разрядъ эмигрантовъ, даже и не выѣзжали за предѣлы Франціи. Мѣстная администрація вносила ихъ въ списки или вслѣдствіе переселенія ихъ въ другой департаментъ, причемъ они не могли получить весьма многочисленныхъ удостовѣреній, — требовавшихся закономъ для подтвержденія ихъ мѣста жительства, или же, потому, что составители списковъ съ презрѣніемъ относились къ представлявшимся удостовѣреніямъ. Они находили удобнымъ для себя фабрикацію новыхъ эмигрантовъ, дабы легально конфисковать ихъ имущество и неменѣе легально гильотинировать ихъ самихъ, какъ возвратившихся эмигрантовъ [4]).

Графъ Лораге былъ включенъ въ списокъ эмигрантовъ восемь мѣсяцевъ спустя послѣ его смерти.

Де-Келенъ, взятый подъ арестъ въ 1798 году, въ качествѣ заговорщика, былъ оправданъ. Но Директорія потребовала его выѣзда изъ Франціи, внеся его имя въ списокъ эмигрантовъ. Де-Монтіонъ, столь извѣстный своими благодѣяніями, былъ объявленъ эмигрантомъ яко-бы за то, что не жилъ въ департаментѣ Сены и Марны. Въ качествѣ аристократа, заключенный

---

moirés», II, 181) Сто сорокъ шесть тысячъ значилось въ спискѣ эмигрантовъ въ началѣ Консульства. (Тэнъ, „Le régime moderne“, I, 197). Эмиграція, политическая роль которой завершилась Люневильскимъ трактатомъ, съ тѣхъ поръ существовала лишь въ смыслѣ эмигрированія отдѣльныхъ личностей. Нѣкоторые изъ списковъ исправлялись еще въ 1813 году; масса эмигрантовъ вернулась во Францію только въ 1814 г.

[1]) Тэнъ, „La révolution“, III, 435.

[2]) Форнеронъ, „L'histoire des émigrés“. 1-re edit, I, 201.

[3]) Антуанъ, „Histoire des émigrés français“.—Форнеронъ. I, 206.

[4]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 381, note 2.

въ замокъ Дижонъ, де-Данжевилль былъ выпущенъ на свободу черезъ семнадцать мѣсяцевъ. Онъ нашелъ имя свое внесеннымъ въ списокъ эмигрантовъ, а имущество — конфискованнымъ. Къ эмигрантамъ причислялся одинъ параличный, въ теченіе десяти лѣтъ не покидавшій своей постели. Въ категорію ихъ зачисляли купцовъ, уѣзжавшихъ въ дальнія страны для продажи своихъ товаровъ, рабочихъ, нанимавшихся за границу [1]).

Далѣе мы увидимъ, какъ революціонеры аттестовали аристократами цѣлую толпу разночинцевъ, съ намѣреніемъ извести ихъ и завладѣть ихъ имѣніями. Законы противъ эмиграціи такъ же точно безпрестанно примѣнялись и къ тѣмъ, кто и не думалъ эмигрировать. Общественное мнѣніе не питало никакихъ иллюзій на этотъ счетъ. Одинъ авторъ писемъ изъ Франціи въ періодъ революціи приводитъ такой примѣръ:

„Одинъ бѣдный купецъ горевалъ при мнѣ вчера о томъ, что не принялъ сдѣланнаго ему предложенія отправиться на житье въ Англію. На мое замѣчаніе о благополучіи его, вслѣдствіе этого отказа, ибо иначе-де его объявили бы эмигрантомъ,— онъ отвѣчалъ мнѣ со смѣхомъ: эмигрантъ, я-то, не имѣющій гроша за душой!

„И онъ говорилъ это въ простотѣ души, отнюдь не желая оказать неуваженіе Конвенту, ибо дѣйствительно уразумѣлъ, что богатство эмигрантовъ является истиннымъ поводомъ къ ихъ преслѣдованіямъ“ [2]).

Заклеймивъ анаѳемой эмиграцію, революціонеры почли себя счастливыми, въ свою очередь, искать убѣжища за границей. Такимъ образомъ жирондисты избѣгли участи тѣхъ, которые погибли на эшафотѣ, и въ числѣ эмигрантовъ встрѣчаются имена Лафайета, Карно и Ларевельеръ-Лепо.

V.

Революція дала великій урокъ въ участи, на какую обрекла она виновниковъ и соучастниковъ ея.

Камиллъ Демуленъ, бросившій въ массу первые призывные мятежные кличи, взошелъ на эшафотъ. Роланъ окончилъ жизнь само-

---

[1]) Форнеронъ „Histoire des émigrés“, I, 201, 206, 207.

[2]) „Un séjour en France de 1792 à 1795, lettres d'un témoin de la Révolution française, traduites par H. Taine, 3-me édit., p. 67. Эти письма, весьма интересныя и крайне поучительныя, безъ имени автора. Извѣстно только, что они были написаны одной англичанкой, проведшей во Франціи самые смутные годы революціоннаго періода.

убійствомъ, а его жена, эта madame Роланъ, опьяненная дыханіемъ революціи, съ горестью обратилась къ статуѣ Свободы, прежде чѣмъ подставить голову свою палачу. Маратъ палъ отъ кинжала женщины-республиканки. Робеспьеръ погибъ той же смертью, на которую осудилъ столько невинныхъ и благородныхъ жертвъ. Дантонъ, заявившій во время процесса Людовика XVI: „мы не станемъ его судить, мы его убьемъ", казненъ смертью вмѣстѣ съ Фабромъ д'Эглантиномъ, котораго онъ присоединилъ къ своему несчастію.

Бриссо и Манюэль, требовавшіе низверженія короля, очутились на позорной колесницѣ. Гильотина отсѣкла голову жестокому Кутону, послѣ смерти Людовика XVI приглашавшаго якобинцевъ составить обвинительный актъ для всѣхъ королей, „чтобы,—какъ говорилъ онъ,—никакой тиранъ не могъ найти небо, которое бы освѣщало его, ниже землю, которая бы носила его". Петіонъ, на котораго было возложено порученіе привезти изъ Варенна бѣжавшее королевское семейство, Петіонъ, Парижскій мэръ, остававшійся безучастнымъ во время мятежей, 20-го іюня и 10-го августа и при видѣ сентябрскихъ убійствъ,—тщетно искалъ убѣжища въ Бордосскихъ пустошахъ отъ угрожавшей ему смерти. Онъ погибъ вмѣстѣ съ членомъ Конвента Бюзо; трупы ихъ были найдены полуизглоданные волками.

Самые знаменитые террористы не были пощажены. Жозефъ ле-Бонъ, за свою жестокость, прослывшій столь грознымъ въ Аррасѣ; Каррье, чудовищный виновникъ Нантскихъ потопленій; Сенъ-Жюстъ, одинъ изъ пламенныхъ инициаторовъ того режима, въ періодъ котораго было принесено въ жертву столько жизней, всѣ они погибли подъ революціоннымъ ножемъ.

Люди, засѣдавшіе на кровавомъ судилищѣ, понесли кару отъ своихъ преступленій. Фукье-Тэнвиль кончилъ дни свои на гильотинѣ, на которой предварительно погибли всѣ тѣ, кого онъ неправедно приговорилъ къ ней. Казнь Геберта, клеветника Маріи-Антуанетты и судьи принцессы Ламбалль, была встрѣчена съ восторгомъ. По божественной справедливости, Дюма, президентъ революціоннаго суда, находившій жестокое удовольствіе въ подломъ издѣвательствѣ надъ несчастными жертвами,—былъ осужденъ къ смерти подобнаго же рода.

Башмачникъ Симонъ, этотъ ужасный тюремщикъ Людовика XVII, умеръ ранѣе несчастнаго принца, котораго онъ такъ долго мучилъ,—взойдя на эшафотъ одновременно съ Робеспьеромъ. Геро де-Сешелль, одинъ изъ главныхъ виновниковъ

конституціи 1793 года, оказался самъ кровавой ея жертвой. Его казнили, подобно Шометту, изобрѣтателю празднествъ Разума, осквернившихъ алтарь Мадонны. Генріо, начальникъ національной гвардіи, горячность котораго воспламенила чернь 10-го августа, былъ выброшенъ изъ окна, а на другой день его стащили на эшафотъ, гдѣ наконецъ онъ и умеръ.

Жирондисты также въ казематахъ разсѣяли послѣднія свои иллюзіи и шли на казнь, какъ достопамятные примѣры этого бурнаго времени, когда слабость характера являлась соучастницей преступленія.

Мораль Революціи заключается въ неумолимой логикѣ событій, крутящихся подобно адскому колесу, растирающему виновныхъ вслѣдъ за невинными.

„Крайне поразительная странность, — по словамъ одного свидѣтели этой эпохи, — въ тогдашнемъ способѣ тюремнаго заключенія состояла въ томъ, что Дантонъ, Гебертъ, Шометтъ и Робеспьеръ сидѣли въ одномъ и томъ же казематѣ. Всѣ ихъ старанія, притворство, сумасбродства и преступленія, въ концѣ концовъ, доставили имъ всего по четыре фута земли въ тюремныхъ казематахъ и по одной доскѣ на площади Революціи“ [1]).

Когда, въ „Mariage de Figaro“, Бомарше посылалъ ѣдкія эмиграммы по адресу стараго режима, при которомъ онъ достигъ почестей и богатства, онъ не предвидѣлъ, что Революція вынудитъ его бѣжать изъ окровавленной страны, что жена его, сестра и дочь переживутъ ужасы тюремнаго заключенія, что имущество его будетъ конфисковано и что, по возвращеніи изъ изгнанія, онъ окажется бѣднякомъ, пока внезапная смерть не прекратитъ его преисполненнаго приключеній существованія [2]).

Революціонеры отказались отъ догматовъ, которые они проповѣдовали съ такимъ паѳосомъ. Жестокіе противники тираніи обратились въ слугъ и протеже цезаризма, апостолы революціи сдѣлались ея ренегатами.

Сіейсъ, извѣстный своимъ выраженіемъ о третьемъ сословіи, былъ сенаторомъ при первой имперіи, съ 200.000 ливровъ годоваго дохода. Мерленъ де-Дуэ, бывшій членъ комитета общественнаго спасенія, послѣ 18 брюмера, занималъ низшія должности въ магистратурѣ, а затѣмъ сдѣлался главнымъ про-

---

[1]) Riouffe, „Mémoires d'un détenu“.

[2]) Его нашли мертвымъ на его постелѣ въ 1797 году. См. трудъ, посвященный ему де-Ломени: „Beaumarchais et son temps“.

курором при кассаціонном судѣ и графом Имперіи. Друэ, этот почтмейстер, арестовавшій Людовика XVI в Вареннѣ,— при Наполеонѣ I занимал мѣсто субпрефекта. Камбасарес, состоявшій сперва президентом Конвента, а затѣм президентом комитета общественнаго спасенія,—был эрцканцлером и князем Имперіи. Фуше, бывшій в свитѣ Колло д'Эрбуа и принимавшій участіе в самых кровавых насиліях Революціи, получил титул герцога Отрантскаго, оставаясь при Наполеонѣ в должности министра полиціи, которую он занимал и при Директоріи. Из числа прежних членов Конвента двадцать три получили мѣста префектов, тридцать заняли важныя государственныя должности и восемьдесят пять оказались в императорской администраціи [1]. Наконец Давид, живописец-цареубійца, котораго не тронул вид Маріи-Антуанетты, отправлявшейся на эшафот, этот Давид написал картину коронованія Наполеона I.

VI.

Революція всегда будет оцѣниваема различно. Страсти, разнуздавшія ее, и осужденіе, вызванное ею против себя, не перестанут руководить сужденіями по этому предмету. Разсматриваемая с двух противуположных точек зрѣнія, она не может привести к соглашенію своих защитников и своих противников. Для одних она представляется благодѣяніем, для других—бичем.

Многообразіе событій не может не вносить нѣкоторую путаницу в умы и из одного сюжета возникает разом столько сюжетов, что, изучая одни, рискуешь упустить из виду другіе. Как же тут не быть заподозрѣнным в пристрастіи, к какому бы лагерю вы ни принадлежали, сколько бы ни старались внести невозмутимости в вопрос, всегда готовый вызвать цѣлыя бури? Если вы проклинаете Революцію,—вас немедленно обвинят в том, будто вы сожалѣете о злоупотребленіях стараго режима. Если вы стараетесь найти ей объясненіе,—вас считают ея защитником, причем бросают вам упрек, что вы стоите за душегубцев.

Свидѣтели Революціи слишком пострадали от нея, чтобы не сохранить о ней ужаснѣйших воспоминаній и справедли-

[1] Тэн, „La Révolution“, III, 381.

ваго озлобленія. Послѣдующія поколѣнія легче простили ей, приписывая ей результаты, какіе считались достигнутыми ею и не казались купленными слишкомъ дорого, хотя бы даже цѣною столькихъ преступленій и несчастій.

Этотъ взглядъ оказалъ вліяніе на Тьера; трудъ его такъ характеризуется Низаромъ:

„Тьеръ написалъ исторію Революціи *съ цѣлью оправдать ее*. Это объясняется двояко и вполнѣ естественно. Тьера не было на свѣтѣ, въ то время, когда всѣмъ такъ плохо жилось. Когда же для него настала пора сознательнаго выбора общественнаго положенія, онъ вполнѣ могъ воспользоваться свободой Хартіи, располагая возможностью устроиться, гдѣ ему вздумается и имѣя при этомъ новомъ порядкѣ вещей единственную привилегію, открывающую дорогу повсюду — свой талантъ. Преисполненный благодарности, онъ поинтересовался узнать, откуда ему сіе и почему онъ счастливѣе своихъ отцовъ. Когда же ему сказали, что между эпохой привилегированныхъ классовъ и эпохой равенства существовала великая эпоха, называвшаяся Революціей, онъ обратился за разъясненіемъ къ книгамъ и публичнымъ листкамъ; онъ внесъ сюда свою любовь къ серьезнымъ занятіямъ, свою логику, жаръ своей души,—и сдѣлался защитникомъ Революціи....“

Мишле, въ своей книгѣ „Histoire de la Révolution“ выражается такъ:

„Я опредѣляю Революцію, какъ водвореніе закона, возстановленія права, реакцію правосудія [1]“. Если Революція дѣйствительно достигла этихъ трехъ результатовъ, въ такомъ случаѣ ее мало оправдывать,—ее придется поставить на ряду съ самыми чистыми, самыми счастливыми эпохами человѣчества.

Эдгаръ Кине видитъ въ Революціи справедливыя репрессаліи, вызванныя отмѣной Нантскаго эдикта и злоупотребленіями абсолютной властью. По его мнѣнію, нѣтъ никакой разницы между террористами и палачами Людовика XI, между Ришелье и Дантономъ, Робеспьеромъ и Людовикомъ XIV. „Посредствомъ Террора, — говоритъ онъ, — новые люди мгновенно снова обращаются въ прежнихъ“ [2]. Такимъ образомъ оказывается, что Революція, превозносимая, какъ прогрессъ, шла ретрограднымъ путемъ и хулители прошлаго утрачиваютъ свое право на осужденіе дѣяній,

[1] „Histoire de la Révolution française“, I, Введеніе.
[2] La Révolution, II, liv. XVII, „Теорія террора“.

съ которыхъ царство якобинцевъ представляло сколокъ и точную копію.

Графъ Сегюръ смотрѣлъ на Революцію умно и разсудительно, говоря:

„Я никого не виню за ошибки этой Революціи, ибо прежде всего весь міръ желалъ ея. Каждый старался внести свою долю участія, по мѣрѣ силъ своихъ, и начиная съ короля и кончая самымъ незначительнымъ частнымъ человѣкомъ его королевства,—всякій болѣе или менѣе потрудился въ этомъ дѣлѣ,—одинъ попуская ее до пряжки своего башмака, другой до самаго пояса, третій по горло; наконецъ, были и такіе, которые успокоивались лишь тогда, когда погружались въ нее выше головы“ [1]).

Интересно упомянуть мнѣніе одного Американца, современника Революціи и очевидца ея, а именно губернатора Морриса, полномочнаго министра Соединенныхъ Штатовъ во Франціи 1792—1794 годовъ. Его впечатлѣнія, приведенныя въ его перепискѣ, свидѣтельствуютъ о проницательности и прозорливости этого государственнаго человѣка. 1-го іюля 1789 г. онъ писалъ изъ Парижа:

„Въ теченіе долгаго времени чувствовалась удручающая тягость королевской власти. Въ настоящее время съ удовольствіемъ можно замѣтить, какъ все клонится къ тому, чтобы ограничить ее или сломить. Франціи невѣдомы еще тѣ бѣдствія, какимъ неминуемо подвергла бы ее преувеличенная слабость исполнительной власти [1])“.

Нѣсколько дней спустя, онъ весьма резонно указывалъ на ошибку тѣхъ, кто желалъ бы заимствовать у чужеземной націи ея учрежденія, лишенныя племенныхъ преимуществъ и традицій, которыя только и могутъ придать имъ живучесть.

„Они желаютъ устроить американскую конституцію съ королемъ, въ видѣ президента, но они не помышляютъ о томъ, что для американской конституціи потребуются и американскія условія жизни. Издали всегда неправильно судишь о вещахъ. Человѣкъ увлекается кажущимся и ложнымъ сходствомъ. Это старое наблюденіе. Есть еще одно наблюденіе, не менѣе старое, ускользающее еще чаще отъ вниманія простыхъ смертныхъ, а именно: все заимствованное за границей вводится съ предвзятыми идеями, съ предубѣжденіями. Если дѣло идетъ

---

[1]) „Mémoires“, édit. Didot, II, 214.

[2]) Mémorial du Gouverneur Morris suivi d'extraits de sa correspondence, traduits de l'anglais par Aug. Gandais. Paris, 1841, †. II.

объ учрежденіяхъ, то хотятъ, чтобы они мгновенно приняли форму, приспособились къ желанной цѣли. Искусство управленія—практическое искусство. Навязывать странѣ законы и формы, существующіе въ другой, единственно на томъ основаніи, что эти законы успѣшно дѣйствуютъ тамъ, гдѣ они были даны,—это значитъ впадать въ педантизмъ, свойственный нашимъ свѣжеиспеченнымъ университетскимъ кандидатамъ, у которыхъ голова полна еще римской исторіей и они мечтаютъ о возвращеніи къ римской республикѣ и римскимъ нравамъ".

Губернаторъ Моррисъ признавалъ преобразованія политическія и соціальныя, какихъ достигла Франція въ эту эпоху: „На самомъ дѣлѣ,—прибавлялъ онъ,—совершенно незамѣтно въ странѣ произошла громадная перемѣна. Дворянство, уступающее противникамъ въ дарованіяхъ, силѣ, матеріальныхъ средствахъ, могло противопоставить своимъ противникамъ только гордость. Цѣпляясь за привилегіи прежняго времени, оно давало сбивать себя съ дороги на всѣхъ пунктахъ, тогда какъ противники его, сообразивъ его ошибку и поощренные народнымъ довѣріемъ, смѣло двинулись впередъ, причемъ импонировала прочность ихъ положенія" [1]).

Не увлекаясь отживавшимъ старымъ режимомъ, онъ указывалъ на промахи революціонной партіи, предвидя, что насилія демагогіи должны были обратно привести къ абсолютной власти:

„Опрометчивые сторонники свободы,—писалъ онъ 10-го іюня 1792 года,—и подготовили подобную развязку событіямъ. Въ порывѣ страсти къ сокрушенію прежнихъ учрежденій, они запамятовали, что монархія безъ среднихъ классовъ ни что иное, какъ анархія или деспотизмъ. Къ несчастію, анархія дошла въ этой странѣ до такой крайней степени, ужасъ и страхъ, внушенные своеволіемъ или точнѣе политическимъ цинизмомъ якобинскихъ обществъ, возросли до того, что есть много основаній допустить предположеніе, что громадное большинство французскаго народа приняло бы самый деспотизмъ какъ благодѣяніе, если бы этотъ деспотизмъ обезпечилъ людей и собственность безопасностью, хотя бы такою, какою пользуются люди подъ управленіемъ самаго худшаго изъ европейскихъ правительствъ".

Де-Мэстръ, отмѣтившій „сатанинскій характеръ" [2]) рево-

---

[1]) Lettre du 4 juillet, 1789.

[2]) „Есть во французской Революціи сатанинская черта, отличающая ее отъ всего того, что люди видѣли до сихъ поръ и, быть можетъ, отъ всего

люціи, не обманывался на счетъ ея послѣдствій, когда писалъ маркизѣ Коста: „Долго мы принимали Революцію за событіе; мы заблуждались,—это цѣлая эпоха“.

И стараясь уразумѣть эту Революцію посреди ея бурнаго теченія, онъ признаетъ въ ней черты сверхъестественной силы и воли, ниспосланной Провидѣніемъ:

„Первымъ условіемъ декретированной Революціи,—говоритъ онъ,—является отсутствіе всего того, что могло бы ее предупредить, и неудача во всемъ для тѣхъ, кто желаетъ ей воспрепятствовать. Никогда, однако, не бываетъ столь очевиденъ порядокъ, никогда Провидѣніе не бываетъ столь осязательно, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда воздѣйствіе свыше замѣняетъ дѣло рукъ человѣческихъ и дѣйствуетъ исключительно своей силой: это-то и происходило въ то время“.

„Особенно поразительною во французской Революціи представляется эта увлекающая сила, сокрушающая всѣ препятствія. Вихрь ея на подобіе легкой соломинки уносилъ все, что человѣческая сила съумѣла противопоставить ей; никто не останавливалъ хода ея безнаказанно. Чистота мотивовъ могла освятить препятствіе, но это и все, — эта ревнивая сила, неизмѣнно шествуя къ своей цѣли, отвергла одинаково Шаретта, Дюмурье и Друэ.

„Вполнѣ основательно было замѣчено, что французская Революція скорѣе сама управляла людьми, нежели люди управляли ею... Даже изверги, которые, повидимому руководили Революціей, участвовали въ ней лишь какъ простыя орудія; едва успѣвали они выразить претензію поработить ее себѣ, какъ погибали съ позоромъ... Никогда Робеспьеръ, Колло, или Барреръ не собирались учреждать революціонное правительство и режимъ Террора; они были приведены къ тому совершенно незамѣтно обстоятельствами... И въ тотъ самый моментъ, когда эти отвратительные тираны превысили мѣру своихъ преступленій, необходимыхъ для этой фазы Революціи, одного дуновенія было достаточно для ихъ ниспроверженія“ [1]).

того, что увидятъ впредь“ („Considérations sur la France“, ch. V). Тэнъ видитъ въ Революціи „благообразную маску“, скрывающую за собою „гнусный обликъ“. „Подъ личиной номинальнаго царства гуманитарной теоріи,—говоритъ онъ,—она прикрываетъ дѣйствительное диктаторство злыхъ и низменныхъ страстей; въ каждомъ истинномъ ея представителѣ, какъ и въ ней самой, во всемъ сквозь филантропію проглядываетъ жестокость, въ педантѣ виденъ палачъ“. („La Révolution“, III, 220).

[1]) „Considérations sur la France“, ch. I. Де-Мэстръ еще разъ возвращается къ той же мысли, высказываясь о революціонныхъ дѣятеляхъ: „Все

Такова, въ дѣйствительности, поразительная черта Революціи, въ которой проявляется какой-то рокъ, или вѣрнѣе таинственное велѣніе Провидѣнія, которое заставляетъ служить своимъ предначертаніямъ тѣхъ, кто его отрицаетъ, караетъ промахи преступнаго общества и затѣмъ настигаетъ преступниковъ, сдѣлавшихся, помимо собственной воли и безъ вѣдома для себя, орудіями религіознаго и моральнаго возрожденія. Не станемъ извинять преступленія, во имя политической необходимости. Отвергнемъ догматы, которые стремятся оправдать самыя страшныя преступленія, порожденныя человѣческой жестокостью, или, по крайней мѣрѣ, внушать къ нимъ нѣчто въ родѣ снисхожденія. Будемъ непрестанно твердить апологистамъ Революціи: „Вы развращаете общественную совѣсть. Беззаконіе никогда не служило основаніемъ правосудія. Мятежъ, при посредствѣ анархіи, ведетъ исключительно къ деспотизму. Кровавыя катастрофы, которыми завершилось послѣднее столѣтіе, явились карой; это не благодѣянія".

Если состраданіе охватываетъ насъ при видѣ несчастныхъ, не постыдимся отдаться ему. Несчастіе священно, и оно имѣетъ неотъемлемыя права на уваженіе и соболѣзнованіе.

VII.

Малле дю-Панъ, лучше другихъ понимавшій значеніе Революціи, въ самый разгаръ ея писалъ: „Громадное большинство французовъ, участвующихъ въ Революціи ошибочными дѣлами или мыслями,—никогда не сдастся безусловно... Передѣлать старый режимъ такъ же невозможно, какъ выстроить римскій соборъ Св. Петра изъ дорожной пыли" [1]).

Революція не только уничтожила политическія учрежденія,— она измѣнила нравы, уравняла состоянія. Такимъ образомъ она создала новые интересы и распространила новыя идеи. При крупныхъ потрясеніяхъ одни классы выигрываютъ на счетъ другихъ.

Конфискація имуществъ духовенства и эмигрантовъ, актъ

имъ удавалось, ибо они были орудіями силы, которая вѣдала о томъ больше ихъ самихъ... Наконецъ, чѣмъ внимательнѣе всматриваешься въ людей, повидимому, наиболѣе дѣятельныхъ участниковъ Революціи, тѣмъ болѣе находишь въ нихъ что-то пассивное и механическое. Придется неустанно повторять, что совсѣмъ не люди вели дѣло Революціи, а Революція пользовалась людьми". (Ibid., ch. I).

[1]) „Considérations sur la Révolution française".

революціоннаго беззаконія, долгое время вносила разстройство въ общественное богатство и въ общественное сознаніе [1]). Но продажа этихъ имуществъ, приманка, брошенная аппетитамъ толпы, привлекла цѣлую массу людей на сторону Революціи. Въ глазахъ этихъ людей, призракъ отжившаго режима менѣе напоминалъ имъ объ уничтоженныхъ злоупотребленіяхъ, нежели о свободѣ отъ обязательствъ, къ которымъ возвращеніе прежняго режима могло понудить владѣльцевъ національныхъ имуществъ.

Виконтъ де-Мо, разсматривая положеніе Франціи по окончаніи Революціи, говоритъ по этому поводу:

„Несмотря на развалины, устилающія территоріи, несмотря на утрату всякаго общественнаго кредита, народная масса стремится къ обогащенію. Уничтоженіе феодальныхъ правъ, единообразіе закона и налога,—словомъ, освобожденіе отъ налога поземельной собственности — пріумножатъ уже общественное благосостояніе. Послѣднее распространяется даже на установленіе и пониженіе бумажныхъ денегъ, которыя, раззоряя крупныхъ землевладѣльцевъ и рантье, облегчили множество бѣдныхъ потребителей и свели на нуль повинности фермеровъ. Прибавьте сюда общественныя имущества, почти что задаромъ распредѣленныя между землепашцами, и вы поймете, какимъ образомъ, цѣна, какою была куплена Революція, повидимому, раззорила лишь меньшинство, тогда какъ ея завоеваніями, законными или незаконными—воспользовались всѣ.

„Тѣ же самыя имущества, конечно, могли быть пріобрѣтены и безъ этихъ жертвъ, но разъ они находились уже въ рукахъ, то это не мѣшало имъ казаться столь же драгоцѣнными, и люди, наиболѣе оплакивавшіе эру безполезныхъ преступленій, только что пережитую Франціею, не желали возвращаться вспять. Правда, революціонная безурядица мѣшала каждому наслаждаться благами, предоставленными ему Революціей. Это служило мотивомъ такъ или иначе утвердить новый соціальный строй, но никакъ не поводомъ къ возстановленію прежняго порядка“ [2]).

Революція не принесла выгодъ именно тѣмъ, кому, повидимому, она должна была благопріятствовать наиболѣе. Въ осо-

---

[1]) Продавцы конфискованныхъ имуществъ не были вполнѣ увѣрены въ своемъ правѣ отчуждать ихъ. Покупатели не были увѣрены въ своемъ правѣ пріобрѣтать эти имущества... Это обстоятельство привело въ дурное настроеніе многія тысячи людей». (Токвиль, «Oeuvres et Correspondance», I, fragments, p. 269).

[2]) „La Révolution et l'Empire“, p. 183.

бенности послужила она наиболѣе смѣлымъ и наиболѣе ловкимъ. Народъ жестоко пострадалъ отъ этого потрясенія. Онъ былъ сраженъ въ своемъ бытіи и въ своихъ матеріальныхъ интересахъ.

Одинъ иностранецъ, пріѣхавъ въ Парижъ въ 1795 году, говорилъ: „Классъ людей, которые могли выиграть при Революціи... состоитъ исключительно изъ ажіотаторовъ, антрепренеровъ, поставщиковъ для арміи и ихъ подручныхъ, нѣсколькихъ правительственныхъ чиновниковъ, фермеровъ, обогатившихся новыми своими пріобрѣтеніями и оказавшихся въ достаточной мѣрѣ черствыми и предусмотрительными, чтобы припрятать свою рожь, закопать свое золото, неизмѣнно отвергая ассигнаціи“ [1]).

Этотъ самый иностранецъ, замѣтивъ прекрасный замокъ на дорогѣ, поинтересовался узнать имя его владѣльца. Ему отвѣтили: „Это бывшій вшивецъ“.

Въ Весулѣ, хозяйка гостинницы, гдѣ онъ остановился, сказала ему:

„Ахъ, сударь, на одного обогащеннаго Революціей, повѣрьте, приходится тысяча человѣкъ, раззоренныхъ ею“ [2]).

Такое множество незаслуженныхъ раззореній и позорныхъ богатствъ надолго потрясло общественный строй. При всемъ беззаконіи стяжаній, необходимость обязывала закрѣпить ихъ за новыми владѣльцами, что и составило одинъ изъ первыхъ актовъ королевской власти, по возвращеніи ея изъ изгнанія.

„Продажа общественныхъ имуществъ останется непреложною въ своей силѣ, сказано въ деклараціи Людовика XVIII, данной 2 мая 1814 года, въ Сентъ-Уэнѣ“ [3]).

Но какъ помѣшать чувству озлобленія между грабителями и ограбленными. Какъ можно было ожидать, чтобы этотъ осадокъ злобы не представилъ лишняго орудія при борьбѣ стараго духа съ новымъ? Можно ли было удивляться тому, что къ прошлому обращались взоры тѣхъ, кто съ утратой этого прошлаго терялъ все. Тѣмъ болѣе можно-ли было удивляться ревнивой и тревожной заботливости, съ какою пріобрѣтатели старались удержать за собой свои пріобрѣтенія? Существуютъ

---

[1]) Мейссперъ, „Voyage à Paris“, p. 65.
[2]) „Voyage à Paris“, p. 68, 70.
[3]) До него конституція VIII года постановила, «что послѣ законно совершенной продажи національныхъ имуществъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе, законный пріобрѣтатель не можетъ быть лишенъ ихъ». 93 параграфъ гласилъ, что „имущества эмигрантовъ составляютъ неотъемлемую собственность Республики“.

права, отъ которыхъ не отречешься въ глубинѣ своего сердца, даже въ томъ случаѣ, когда они осуждены силою вещей. Людямъ свойственно одно весьма естественное и могучее чувство: разъ поднявшись на высоту, они не могутъ примириться съ тѣмъ, чтобы снова спуститься внизъ.

Когда между интересами устранено уже столкновеніе, послѣднее не прекращается въ сферѣ идей. А кто же можетъ отрицать вліяніе этой борьбы на устойчивость правительствъ нашего вѣка?

Революція не сдержала ни единаго изъ своихъ обѣщаній. Свобода! Она начертала свое имя на стѣнахъ казематовъ. Что же это за равенство, при режимѣ, гдѣ громадное число французовъ было объявлено *внѣ закона?* Братства не существовало даже между революціонерами; охваченные соперничествомъ, пламя котораго раздували между ними враждебныя партіи, они взаимно гильотинировали другъ друга.

Привилегированные Революціи замѣстили привилегированныхъ стараго режима.

„До 1789 года, какъ выразился одинъ изъ знаменитыхъ историковъ Франціи, нація выдерживала анархію дворянъ и знати, начиная съ 1789 года она несла на себѣ олигархію якобинцевъ, большихъ и малыхъ. До Революціи во Франціи существовали три или четыре сотни тысячъ привилегированныхъ, которыхъ можно было узнать по ихъ краснымъ каблукамъ или по ихъ башмакамъ съ серебряными пряжками. Начиная съ Революціи, во Франціи насчитывалось отъ трехъ до четырехъ сотъ тысячъ привилегированныхъ, которыхъ можно было отличить по ихъ краснымъ шапкамъ и по ихъ карманіоламъ. Наиболѣе привилегированнымъ особамъ, въ лицѣ трехъ-четырехъ тысячъ дворянъ, патентованныхъ, именитыхъ, стариннаго рода, которые по праву своихъ дворянскихъ грамотъ, разъѣзжали въ королевскихъ экипажахъ — наслѣдовали три-четыре тысячи новоиспеченныхъ якобинцевъ, не менѣе патентованныхъ и именитыхъ, которые, на основаніи своихъ гражданскихъ грамотъ, засѣдали въ клубѣ улицы Saint-Honoré, — и вторая категорія господствовала еще сильнѣе, отличалась еще большей односторонностью и партійностью, нежели первая“ [1]).

Революціонныя теоріи должны были потерпѣть полное фіаско со стороны людей и событій, ибо онѣ противорѣчатъ природѣ и провиденціальному порядку вещей.

---

[1]) Тэнъ, „Le Régime moderne“, I. 257.

Необузданная свобода никогда не можетъ существовать ни въ какомъ политическомъ обществѣ и вызоветъ только анархію. Сколько-бы человѣкъ ни провозглашалъ себя свободнымъ, онъ всегда остается рабомъ своихъ страстей, своей слабости физической и моральной. Бѣднякъ зависитъ отъ богача.

Равенство есть химера, безпрестанно опровергаемая дѣйствительностью. Все общество зиждется лишь на превосходствѣ и подчиненности. Тщетными оказываются всѣ протесты противъ іерархіи. Она является слѣдствіемъ различія условій; права, равно какъ и обязанности, не могутъ быть одинаковыми, при неравномѣрномъ распредѣленіи богатства и ума.

Слѣдствіемъ Революціи былъ подъемъ демократическаго чувства. Однимъ изъ прискорбныхъ воздѣйствій ея было возбужденіе гораздо большаго числа самолюбій, чѣмъ она могла удовлетворить. Старый режимъ чрезмѣрно раздразнилъ погоню за привилегіями тѣхъ, кто ими не пользовался. Однако, если въ то время возможно было возвыситься, желанія не шли до безпредѣльности, ибо въ самыхъ препятствіяхъ встрѣчались границы. Революція поразила дворянство и духовенство; именно надъ этими двумя классами одержала она побѣду, которую привѣтствовали многіе. Она лишила духовенство его богатствъ; но французская церковь вышла изъ этихъ испытаній возвеличенною и очищенною. Утративъ земное владычество, она снова завладѣла властью надъ душами, которая ускользала отъ нея.

Безбожіе XVIII столѣтія и революціонныя гоненія вызвали къ жизни возрожденіе религіозныхъ идей, которымъ такъ блестяще соотвѣтствовалъ „le Génie du christianisme“.

Дюпонъ де-Немуръ писалъ Бомарше въ апрѣлѣ 1799 г.:

„Якобинскія преслѣдованія затормазили просвѣщеніе. Ихъ религіозная нетерпимость возсоздала христіанъ изъ людей, которые не были даже деистами. Таково бываетъ возмущеніе противъ всякой тираніи“ [1]).

Революція упразднила дворянство, какъ отдѣльный классъ въ государствѣ. Ей не пришлось уничтожать его политическаго вліянія, уже не существовавшаго въ 1789 году. Дворянство, почти исключительно военное, не имѣло никакого прямого вліянія на ходъ управленія, оно стояло вдали отъ общественныхъ дѣлъ и, по свидѣтельству помѣщичьихъ домоправителей,

---

[1]) „Beaumarchais et son temps“, par L. de Loménie, II, 517.

дворянинъ въ своемъ приходѣ былъ только „первымъ обывателемъ“.

Привязанное болѣе къ почестямъ и отличіямъ, нежели къ реальнымъ условіямъ власти, дворянство возбуждало не опасенія, а зависть. Быть можетъ, ему простили бы главенство власти, но ему труднѣе прощали преимущества ранга. Ривароль тонко замѣтилъ:

„Люди ума и богачи находили дворянство невыносимымъ, большинство же находило его столь несноснымъ, что само начинало покупать титулы“ [1]).

Едва успѣла стихнуть Революція, какъ дворянство не только не было уничтожено, но на поляхъ битвы пустило отпрыски новое дворянство, блестѣвшее обаяніемъ побѣды.

Революція была совершена, какъ говорили и говорятъ до сихъ поръ, противъ абсолютной монархіи. А между тѣмъ сама она готовила цезаризмъ. Проницательные люди не ошибались въ данномъ случаѣ.

17-го мая 1791 года одинъ членъ Конституціоннаго Собранія произнесъ о Революціи слѣдующій пророческій приговоръ:

„То, что называется Революціей, настало. Люди не хотятъ болѣе повиноваться прежнимъ деспотамъ. Но если они не примутъ своихъ мѣръ, то создадутъ себѣ новыхъ деспотовъ, власть которыхъ, какъ болѣе новая и болѣе популярная, будетъ еще опаснѣе“ [2]).

Екатерина II, императрица Всероссійская, не колеблясь предсказала исходъ Революціи въ письмѣ къ Гримму, отъ 13-го января 1791 года:

„Когда же явится цезарь? О, онъ явится; остерегайтесь сомнѣваться въ этомъ“ [3]).

И онъ явился. Но надо было идти окровавленной дорогой, гдѣ передъ глазами развертываются отвратительныя зрѣлища и мрачныя картины. Посреди позора и преступленій оказались и самопожертвованія, великія смерти, героическія добродѣтели, которыя заблистали затѣмъ на французской землѣ.

---

[1]) Знаменитѣйшіе революціонеры не гнушались этимъ декорумомъ до паденія стараго режима. Дантонъ подписывался „d'Anton“, Brissot велѣлъ называть себя „de Warville“, по имени деревни, гдѣ онъ родился. Роланъ присоединялъ къ своему имени имя „de la Platière“, Фабръ называлъ себя „d'Eglantine“.

[2]) Адріанъ Дюпоръ, „Discours sur la rééligibilité des membres de la Législative“.

[3]) „Сборникъ Историческаго Общества“, XXII, 503.

Глава I.

Революціонное правительство. — Его доктрины, его дѣянія и способы дѣйствія.

I.

Не слѣдуетъ смѣшивать преобразовательныя идеи, относящіяся къ 1789 году, съ революціонными, господство которыхъ навело ужасъ на Францію. Надо отдать справедливость благороднымъ усиліямъ, пытавшимся утвердить монархію на ея основахъ и внести мудрыя улучшенія, какихъ желали и требовали лучшіе умы того времени. Отцы наши воображали возможнымъ выполнить эту задачу, окруженную столькими камнями преткновенія. Они не предвидѣли послѣдующаго времени и не знали еще этой Революціи, которую мы разсматриваемъ теперь на основаніи опыта. Они прямо выражали желанія всей Франціи, желанія, заключавшіяся въ „cahiers“ 1789 года.

Чтобы справедливо судить о какой-нибудь эпохѣ надо перенестись къ исповѣдуемымъ ею идеямъ, къ обстоятельствамъ и событіямъ, породившимъ ихъ.

Долгое царствованіе Людовика XV значительно ослабило уваженіе къ монархической власти. Правленіе Людовика XVI носило на себѣ отпечатокъ потребности реформъ, которая ощущалась всѣми. Его привѣтствовали радостными упованіями; но онъ оказался государемъ слабымъ, унаслѣдовавшимъ ослабѣвшую власть.

Все предвѣщало большія перемѣны и дѣлало ихъ неизбѣжными. Для стараго режима насталъ часъ или преобразоваться, или пасть. Никому, и королю менѣе, чѣмъ кому-бы то ни было,—не представлялось возможнымъ остановить дви-

женіе, такъ давно волновавшее умы, и декретировать неподвижность.

Возможно-ли было дѣло 1789 года? Событія отвѣтили на это. Однако, это—не резонъ для осужденія законныхъ стремленій и великодушныхъ намѣреній. Насильственно остановленное революціоннымъ взрывомъ, задержанное преступными насиліями, дѣло 1789 года возродилось снова въ мирные дни. Оно жило въ нѣкоторыхъ принципахъ принятыхъ правительствами нашего вѣка.

Необходимо дѣлать моральное и историческое различіе между реформами и Революціей, между законными стремленіями 1789 года и мятежнымъ движеніемъ, не замедлившимъ послѣдовать за ними. Если же мы будемъ разсматривать событія, а не идеи, въ такомъ случаѣ придемъ къ заключенію, что Революція началась въ 1789 году и тогда уже торжествовала.

20-го іюня 1789 года, представители третьяго сословія незаконно собрались въ залѣ Jeu de paume. Когда же маркизъ де-Дрё-Брезе, оберцеремоніймейстеръ явился отъ имени короля съ приказаніемъ, чтобы они разошлись, Мирабо отвѣтилъ ему: „Мы собрались по волѣ націи и выйдемъ отсюда уступая только силѣ“ [1]).

Нѣсколько дней спустя, дворянство и духовенство, по просьбѣ Людовика XVI, присоединились къ третьему сословію, которое предалось инсурекціи. Королевская власть уступила. Она стала уступать, признавъ превосходство этой силы надъ собой.

14-го іюля мятежники завладѣли Бастиліей, одержавъ

---

[1]) Мирабо никогда не говорилъ другихъ словъ, которыя ему приписываются: „Пойдите скажите вашему повелителю, что мы здѣсь по волѣ народа и уступимъ только силѣ штыковъ“. Когда эта фраза была повторена на трибунѣ Вилльменомъ, въ палатѣ перовъ 10-го марта 1833 года, маркизъ де-Дрё-Брезэ, сынъ оберцеремоніймейстера, имя котораго связывается съ этимъ историческимъ фактомъ, отвѣтилъ, исправляя столь свойственную ему неточность: „Отецъ мой былъ посланъ съ требованіемъ распущенія Національнаго Собранія. Онъ явился туда съ покрытой головой, это было его долгомъ, ибо онъ говорилъ отъ имени короля. Собраніе, находившееся уже въ состояніи броженія, не одобрило сего. Употребивъ выраженіе, которое я не желаю повторять, онъ отвѣчалъ, что не сниметъ шапки, ибо говоритъ отъ имени короля. Мирабо не говорилъ ему: „Подите, скажите своему повелителю“. Ссылаюсь на всѣхъ, кто былъ въ этомъ Собраніи, и кто, можетъ быть и теперь находится въ этой Палатѣ, такая рѣчь не могла быть допущена. Мирабо сказалъ моему отцу: „Мы собрались по волѣ націи и выйдемъ отсюда, уступая только силѣ“. Прошу г. Монлозье подтвердить, точно ли я выражаюсь. Отецъ мой отвѣчалъ Бальи: „Я могу признать въ г. Мирабо не болѣе, какъ депутата околотка, а никакъ не представителя Національнаго Собранія“. Шумъ усилился. Одинъ противъ пятисотъ всегда кажется слабѣйшимъ, и отецъ удалился. Вотъ, господа, истина во всей ея непреложности“.

легкую побѣду надъ нѣсколькими инвалидами и освободивъ семерыхъ арестантовъ, присужденныхъ къ тюремному заключенію.

Въ этотъ день произошло нѣчто бо́льшее, нежели простой штурмъ почти пустой тюрьмы; въ этотъ день состоялось торжество мятежа и пораженіе власти. Съ этого дня, королевская власть, не оказавшая противодѣйствія ни начинаніямъ третьяго сословія, собравшаго въ залѣ Jeu de paume, ни вызовамъ вооруженнаго народа — уступила мѣсто революціонной власти. Мятежи могли повторяться безъ конца, мятежники могли быть увѣрены въ безнаказанности, а Бальи, констатируя слабость или немощность правительства Людовика XVI, могъ говорить: „Не посмѣли противиться народу, восемь дней тому назадъ взявшему Бастилію“ [1]).

Мятежи не дожидались 14 іюля; они тревожно слѣдовали одинъ за другимъ во многихъ провинціяхъ [2]). Но шумный тріумфъ побѣдителей Бастиліи, восторженныя оваціи, оказанныя имъ, были явной демонстраціей по адресу паденія королевской власти.

Одинъ американецъ, находившійся въ то время въ Парижѣ, не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій въ этомъ отношеніи: „Свобода является въ настоящее время всеобщимъ возгласомъ,— пишетъ онъ 19 іюля 1789 года; власть осталась только номинально и не имѣетъ болѣе реальной силы“ [3]).

Номинальное царство Террора начинается исторически 20 іюня 1792 года, со дня нападенія на Тюльери, и оканчивается въ 1794 году, 9 термидора, со смертью Робеспьера. Но уже съ 1789 года монархія, обезоруженная при первыхъ воинственныхъ кличахъ Революціи, перестала быть оплотомъ общества и утратила свою силу. Терроръ жилъ уже въ умахъ, и революціонное движеніе должно было разростаться, ободренное этимъ успѣхомъ.

Малуэ ясно различаетъ первыя проявленія терроризма въ 1789 году и приводитъ поразительные примѣры:

„Терроръ, царство котораго чистые республиканцы признаютъ лишь въ 1793 году, по мнѣнію каждаго безпристрастнаго человѣка, собственно начинается съ 14 іюля. Я же, лично, имѣлъ бы право отнести начало его къ болѣе раннему періоду,

---

[1]) „Mémoires“, I, 95, 108. — „Что вы подѣлаете, — говорилъ Неккеръ Малуэ,—начиная съ февраля 1789 г., когда нигдѣ нѣтъ болѣе послушанія? Мы не увѣрены даже въ войскахъ“. (Mémoires de Malouet, I, 125).

[2]) Тэнъ „La Révolution“, I, liv. I, ch. 1.

[3]) Губернаторъ Моррисъ „Correspondance avec Washington“.

на основаніи двухъ извѣстныхъ фактовъ, меня касающихся. Наканунѣ созванія общинъ въ Національномъ Собраніи [1]), во время совѣщанія мы находились въ большой ажитаціи. Я предложилъ Собранію, прежде постановленія рѣшенія, хладнокровно и безъ шума взвѣсить, на какой сторонѣ окажется большинство, обѣщая, что противная партія, къ которой принадлежалъ и я, подчинится и подпишетъ это постановленіе единогласно, если мы окажемся въ меньшинствѣ. Мы были убѣждены въ противномъ и во мгновеніе ока всѣ „несогласные" стали на мою сторону, въ числѣ трехъ сотъ слишкомъ. Во время этого движенія какой-то человѣкъ, судя по тѣлосложенію и по фигурѣ—носильщикъ, хотя весьма прилично одѣтый, бросился съ галереи прямо на меня и, схвативъ меня за воротъ, крикнулъ: „Молчи, мерзкій гражданинъ!" Призванъ былъ караулъ; человѣкъ этотъ исчезъ, но ужасъ распространился по залѣ; полетѣли угрозы по адресу „несогласныхъ" депутатовъ, и на другой же день насъ было всего девяносто человѣкъ.

„За двѣ недѣли до того къ намъ явилось посланіе отъ короля, въ которомъ указывались средства для соглашенія сословій. Я требовалъ разсмотрѣнія этого посланія при закрытыхъ дверяхъ, чтобы при томъ удалили иностранцевъ. Присутствующіе возстали противъ этого, и Бушъ, поддерживая ихъ недовольство, сказалъ мнѣ слѣдующія многознаменательныя слова: *„Знайте, сударь, что мы совѣщаемся здѣсь передъ лицомъ нашихъ повелителей и что мы обязаны дать имъ отчетъ въ нашихъ мнѣніяхъ"*. Это красивое заявленіе было покрыто рукоплесканіями, а мое предложеніе—свистками.

„Если уже тогда терроръ до такой степени завладѣлъ умами, то можете судить, что̀ онъ представлялъ собою 5 октября; напуганныхъ людей было многое-множество; въ такомъ настроеніи была вся Франція, кромѣ темпераментовъ, закаленныхъ въ Революціи, и характеровъ энергичныхъ въ противной партіи. Среди нихъ существовало еще подраздѣленіе на два лагеря; къ большинству относились люди, обладавшіе пассивнымъ мужествомъ, выражавшимся въ томъ, чтобы не принимать ничьей стороны во всемъ совершавшемся и не противодѣйствовать; тогда какъ другіе, безъ всякихъ положительныхъ средствъ какъ для нападенія, такъ и для защиты, ограничивались заявленіемъ своей готовности къ дѣлу. Таково было настроеніе на-

---

[1]) Засѣданіе 16 іюня 1789 года.

ціи въ концѣ 1789 года, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ“ [1]).

Мнѣніе, высказанное Малуэ, подтвердилось событіями. Само собой разумѣется, что въ Революціи должны были существовать различные періоды, которыми отмѣчены, такъ сказать, ея этапные пункты; но она продолжала свое поступательное движеніе и не останавливалась.

Прослѣдимъ революціонныя дѣйствія, связанныя одно съ другимъ непрерывной цѣпью.

20 іюня представители третьяго сословія, устроивъ незаконное собраніе, отказались повиноваться повелѣнію короля и поклялись не расходиться до тѣхъ поръ, пока Франціи не дадутъ конституцію. Клятва, произнесенная въ залѣ Jeu de paume, преобразила Національное Собраніе, уклонившееся, въ свою очередь, отъ цѣли и задачъ „états généraux“, въ конституціонное собраніе. Эти депутаты не только захватили въ свои руки чужую власть,—они открыто начали противъ воли своихъ избирателей. Въ запискахъ, составленныхъ въ каждомъ околоткѣ прежде избранія представителей въ „États généraux“, предначертанъ былъ планъ желанныхъ реформъ. Всѣ ввѣряли, такимъ образомъ, депутатамъ высшія полномочія; никто не предполагалъ, что можетъ возникнуть вопросъ о перемѣнѣ политической конституціи королевства. Еще болѣе далеки были всѣ отъ мысли, чтобы депутаты, на коихъ была возложена миссія искоренить злоупотребленія, присвоили себѣ миссію составленія новой конституціи Франціи.

Предоставимъ опять слово Малуэ, бывшему членомъ этого Собранія.

„Разрушительная идея Конституціоннаго Собранія,—говоритъ онъ,—возникла изъ пассивнаго состоянія и нерѣшительности монарха, стушевывшагося самолично передъ новой властью, которую онъ призывалъ для укрѣпленія своей, а не для уничтоженія ея...

„Напрасно полагаютъ, что мы были посланы для установленія королевской власти или какой бы то ни было иной формы правленія. Мы были именно посланы для урегулированія дѣятельности властей, сообразно съ нашими инструкціями. Развѣ королевская власть не сложилась de facto и de jure? Не было ли намъ предписано уважать ее и поддерживать во всѣхъ ея основахъ? Такимъ образомъ, дѣло шло единственно

---

[1]) „Mémoires“, I, 9—11.

объ указаніи и искореніи злоупотребленій, внесенныхъ временемъ, забвеніемъ формъ и принциповъ. Мы были уполномочены предлагать и обсуждать средства, а не самые принципы и основы, а тѣмъ менѣе разрушать ихъ. И когда Собраніе, въ первомъ порывѣ своего изступленія, осмѣлилось нарушить свою присягу, свои полномочія, объявить себя свободнымъ отъ обязательства инструкцій, полученныхъ нами отъ нашихъ довѣрителей,—король имѣлъ право, — что я говорю? онъ былъ обязанъ отослать насъ обратно въ наши околотки и дать отчетъ нашимъ довѣрителямъ, которые, навѣрное, осудили бы насъ за то, что мы облекли себя властью, независимою отъ той, какая была предоставлена намъ“ [1]).

Конституція, выработанная Собраніемъ въ теченіе двухъ лѣтъ, оконченная 3 сентября 1791 года и принятая 13 сентября, соблюдавшаяся Людовикомъ XVI, низвела королевскую власть на подчиненную функцію, въ тоже время облекши Собраніе всемогущей властью. Король не могъ ни созывать, ни распускать Собранія, ни выбирать его членовъ, ни объявлять войну, ниже пользоваться безконтрольнымъ правомъ назначеній по арміи. Его лишили права помилованія, стали помимо него назначать ему караулъ, — дѣло дошло до вмѣшательства въ регулированіе воспитанія его сына. Словомъ, мѣры предосторожности только и были приняты противъ монархіи, и тогда же можно было уже предвидѣть ея паденіе. Король являлся плѣнникомъ Конституціи въ ожиданіи заключенія своего въ Тамплѣ.

Законодательное Собраніе заступило мѣсто Конституціоннаго. Оно собралось 1 октября, 1791 года. Приняты были мѣры, чтобы объявить членовъ Конституціоннаго Собранія неизбираемыми, въ виду ихъ умѣренности. Выборы состоялись подъ давленіемъ мятежей и страха.

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Законодательнаго Собранія было еще большее униженіе королевскаго достоинства, — послѣдовало объявленіе, что въ случаѣ посѣщенія королемъ Собранія, онъ займетъ въ немъ кресло, параллельное президентскому. Титулованія, въ родѣ „Sire“ (Государь) и „Majesté“ (Величество), были изъяты изъ употребленія.

Вскорѣ послѣ того установили смертныя казни для эмигрантовъ. Гражданская конституція духовенства, установленная Конституціоннымъ Собраніемъ 12 іюля, 1790 года, по-

---

[1]) „Mémoires“, I, 250.

лучила полное санкціонированіе. Священники, отказывавшіеся отъ гражданскихъ проповѣдей, лишались содержанія, а затѣмъ осуждались на изгнаніе. Духовное платье было воспрещено.

Естественнымъ слѣдствіемъ, повторявшимся и впредь при всякомъ случаѣ торжества революціонныхъ идей, былъ фактъ, что покровительство и снисхожденіе остались ненарушимыми для злодѣевъ и враговъ порядка и общества. Законодательное Собраніе даровало амнистію дезертирамъ, каторжникамъ и разбойникамъ, разжигавшимъ возмущеніе. Это было справедливо, они много способствовали торжеству Революціи.

Что нужды до „veto", которыми король тщетно пытался воспротивиться мѣрамъ, возмущавшимъ его совѣсть? Настоящій король,—это народъ или тѣ, кто правитъ его именемъ. Королевское „veto" обратилось въ оскорбительное насмѣшливое прозвище, короля и королеву стали звать: „M. и madame Veto". Людовикъ XVI пересталъ быть королемъ ранѣе, чѣмъ Конвентъ провозгласилъ его ниспроверженіе.

Даже умѣренные, своей непредусмотрительностью и своимъ ослѣпленіемъ, ускоряли ходъ Революціи. Умѣренность дѣлаетъ людей подозрительными, и иногда они уступаютъ силѣ, въ надеждѣ направить на путь истины стопы буяновъ. Такимъ образомъ жирондисты безсознательно помогали якобинцамъ въ дѣлѣ захвата послѣдними власти въ свои руки, ибо жирондисты декретировали публичность засѣданій административныхъ корпорацій. Это повело за собой нашествіе улицы и революціонныхъ клубовъ. Если ходъ Революціи до сихъ поръ не отличался еще достаточной быстротою, за то публика трибунъ, составленная изъ агитаторовъ и выброшенныхъ изъ колеи жизни, воздѣйствовала на рѣшенія законодателей.

II.

Въ народѣ всегда есть масса пассивныхъ трудолюбивыхъ людей, до извѣстной степени безучастныхъ къ общественнымъ дѣламъ, лишь бы имъ не мѣшали въ ихъ ежедневныхъ работахъ и не нарушали ихъ инстинктовъ спокойствія. Но существуютъ также и массы, которыя всегда готовы внести смуту и воспользоваться ею, естественные союзники Революцій. Наводя ужасъ на робкую армію честныхъ людей, они парализуютъ увѣренность послѣднихъ въ ихъ руководителяхъ.

Существуютъ наконецъ въ нисшемъ классѣ разрушитель-

ныя страсти въ различныхъ степеняхъ. Эти-то страсти и возбуждаются противъ власти, когда желаютъ уничтожить послѣднюю, причемъ начинаютъ дѣло ихъ возбужденія не съ призывовъ къ преступленію, а завлекательными, съ виду великодушными формулами [1]).

Свобода! Таково было слово, произносившееся Революціей для подготовленія царства тираніи; слово, звучащее сладко, для всѣхъ несчастныхъ, всѣхъ закабаленныхъ, для всѣхъ страждущихъ, недовольныхъ, воспламеняющее благородныя сердца, горящія справедливостью, идеалами и любовью къ человѣчеству. Поднявъ именно это обманчивое знамя, выступила впередъ революціонная партія. Этимъ самымъ увлекла она за собою, какъ зачинщиковъ безпорядка, такъ и тѣхъ, которые прозрѣвали въ новой эрѣ долгіе дни мира и благоденствія. Свобода! Свобода! Имя ея не переставало быть связаннымъ, по какой-то жестокой ироніи, съ революціонной тираніей.

Одинъ житель Турэна писалъ въ іюнѣ 1793 года одному изъ своихъ соотечественниковъ, бѣжавшему въ Швейцарію:

„Мало есть семей, гдѣ не насчитываютъ одного или нѣсколькихъ членовъ своихъ заключенными въ тюрьму, по подозрѣнію, которымъ притомъ грозитъ гильотина.

„Ты можешь быть свободнымъ сегодня, но достаточно одного облыжнаго доноса какого-нибудь мерзавца и на завтра же ты очутишься въ тюрьмѣ. Нѣтъ болѣе иного закона кромѣ воли и каприза представителей, присланныхъ въ наши мѣста Конвентомъ. Населеніе, воображавшее себя освобожденнымъ Революціей 1789 года, обращено въ настоящее рабство, а между тѣмъ слово „свобода“ непрестанно и повсюду бросается въ глаза. Его можно видѣть начертаннымъ громадными буквами на всѣхъ памятникахъ; оно красуется въ заголовкѣ

---

[1]) „Народная партія, раздѣлившаяся и подраздѣлившаяся впослѣдствіи на такое множество враждебныхъ секцій, съумѣла или имѣла благоразуміе вначалѣ выступить на сцену въ своей массѣ. Она всѣ вопросы выразила одной простой фразой: „Мы хотимъ свободы!“, и на этотъ возгласъ, вскорѣ освященный, тысячи голосовъ въ клубахъ, на перекресткахъ, откликнулись: „Мы желаемъ ее“! Вотъ вся сила, все чародѣйство Революціи. (Малуэ, Mémoires, I, 252).— Нерѣдко народъ усвоивалъ выраженія и формулы, не понимая ихъ смысла. Карамзинъ, русскій путешественникъ, пріѣхавшій во Францію въ началѣ революціи, разсказываетъ слѣдующій анекдотъ: „Въ одной маленькой деревушкѣ, близъ Парижа, крестьяне схватили одного хорошо одѣтаго молодого человѣка и требовали, чтобы онъ кричалъ вмѣстѣ съ ними“: „Vive la nation!“ Молодой человѣкъ исполнилъ ихъ волю. Потрясая своей шляпой, онъ крикнулъ „Vive la nation!“—„Ну ладно, отвѣчали крестьяне, мы довольны. Ты славный французъ; иди куда хочешь, или нѣтъ, постой. Объясни намъ прежде, что такое нація“ („Карамзинъ“ Voyages en France, 1789—1790, переводъ съ русскаго Легреллемъ, „Revue de la Révolution“, 1884, III, 232).

всѣхъ общественныхъ актовъ. У членовъ правительства, начиная отъ палача и кончая министромъ, оно не сходило съ устъ. Все совершается и повелѣвается именемъ свободы" [1]).

Мало того, что народу представили Революцію символомъ освобожденія. Со всѣхъ сторонъ явились посягательства на все то, что народъ привыкъ чтить. Брошюры, памфлеты, самыя бурныя движенія поддерживали возбужденіе умовъ. Театръ сталъ средствомъ для внушенія народу революціонныхъ идей и разнузданія страстей. Одна иностранка сдѣлала такое замѣчаніе въ сентябрѣ 1792 года:

„Годъ тому назадъ весь прискорбный списокъ человѣческихъ заблужденій былъ олицетворенъ графами и маркизами. Притомъ они изображались не въ видѣ людей, нѣсколько возгордившихся и чрезмѣрно пристрастившихся къ пышности, благодаря своему богатству и власти, а въ видѣ какихъ-то чудовищъ, существованіе и наслѣдственныя владѣнія которыхъ, сами по себѣ, независимо отъ личнаго ихъ характера, являются преступленіемъ, искупить которое возможно лишь конфискаціей. Дѣйствительно, французы склонны были находить аристократію свою преступною. Въ ихъ глазахъ высокое положеніе ея являлось роковымъ эквивалентомъ всѣхъ остальныхъ преступленій, и многіе, не вѣрившіе въ другія обвиненія, радуются тому, что она принижена въ своей гордости. Народъ, богатые купцы, даже мелкопомѣстное дворянство усердно соперничаютъ въ разрушеніи порядка, который гнушался ими и устранялъ ихъ. Изъ всѣхъ новѣйшихъ нововведеній уничтоженіе ранговъ, пожалуй единственное, которое возбуждаетъ наименьшій интересъ.

„Въ настоящее время нѣтъ никакой нужды въ очерненіи дворянства, всѣ современныя сочиненія направлены противъ трона, духовенства и монастырскихъ орденовъ. Всѣ тираны прошлыхъ вѣковъ повытащены педантами крамолы на свѣтъ Божій изъ шкафовъ, причемъ этимъ тиранамъ уподобляютъ мирныхъ монарховъ современной Европы. *Догматъ народнаго верховенства артистически проводится въ умы, а народъ подстрекаютъ къ пользованію властью, какою, судя по намекамъ, онъ долженъ облечь тѣхъ, кто его обманывалъ и совращалъ съ пути истины.* Разнузданность черни представляется, какъ самое возвышенное проявленіе патріотизма; самолюбіе и мсти-

---

[1]) Карре де-Бюссеролль, „Souvenirs de la Révolution dans le département d'Indre et Loire", p. 205.

тельность присвоиваютъ себѣ титулъ „національной справедливости“ и издѣваются надъ своими жертвами при рукоплесканіяхъ толпы. Тенденція подобныхъ пріемовъ очевидна: они пріучаютъ народный умъ къ такимъ событіямъ, которыя, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, привели бы его въ ужасъ“ [1]).

Такимъ-то образомъ одураченъ былъ революціонной агитаціей народный умъ. Нравственная безурядица подготовила царство деспотизма, основаннаго на страстяхъ демагогіи. Конвентъ теперь уже могъ вступить въ свои права. Собраніе его состоялось 21-го сентября 1792 года, подъ предсѣдательствомъ Петіона. По рѣзкостямъ выраженій, ознаменовавшимъ первое его засѣданіе, можно судить о чрезмѣрномъ возбужденіи умовъ.

Грегуаръ [2]). „Короли въ нравственномъ порядкѣ вещей то же, что чудовища въ физическомъ строѣ. Дворы являются мастерскими порока и логовищемъ тирановъ. Исторія королей есть мартирологія народа...“

Дюко [3]). „Поводомъ къ вашему декрету послужитъ исторія преступленій Людовика XVI, уже слишкомъ знакомая французскому народу“ [4]).

Конвентъ постановилъ уничтожить королевскую власть, по предложенію Грегуара. Но Республика была обнародована только на слѣдующій день. По прочтеніи протокола, одинъ изъ членовъ потребовалъ, чтобы даты на публичныхъ актахъ помѣчались съ 1-го года Республики.

Цифра избирателей, которыми избранъ былъ Конвентъ, свидѣтельствуетъ съ очевидностью, что она представляла собою лишь слабое меньшинство Франціи.

„Устанавливая среднее ариѳметическое,—говоритъ Бордъ,—на основаніи полученныхъ нами данныхъ (которыя, несмотря на усилія администраціи, продолжаютъ намъ сообщать), мы находимъ, что на 7.580.000 внесенныхъ въ списки избирателей, всего 630.000 человѣкъ принимали участіе въ голосованіи; т. е. *около восьми процентовъ*“ [5]).

Революціонные элементы мало по малу проникли въ то,

---

[1]) Un séjour en France de 1792 à 1795, p. 31.

[2]) Аббатъ Грегуаръ, конституціонный епископъ.

[3]) Не слѣдуетъ забывать, что Дюко одинъ изъ тѣхъ жирондистовъ, котораго любили изображать умѣреннымъ, жертвою смѣлыхъ иллюзій. Онъ погибъ въ числѣ казненныхъ 31-го октября 1793 года.

[4]) Moniteur, juillet-décembre, le 31 octobre, 1793.

[5]) „La proclamation de la République“, Густава Борда. „Revue de la Révolution“, 1883, I, 162. Большая часть якобинскаго элемента въ Конвентѣ принадлежала Парижу и его окрестностямъ.

изъ чего складывалось правительство. Оставалось дополнить организацію этого правительства и привести въ дѣйствіе. Такимъ образомъ обезпечивалось преобладаніе меньшинства надъ большинствомъ, вмѣшательствомъ черни въ управленіе общественными дѣлами, посредствомъ страха и революціонныхъ подстрекательствъ. Изъ 749 членовъ Конвента первоначально едва насчитывалось 50 якобинцевъ. А между тѣмъ, то, что Тэнъ называетъ „якобинской побѣдой", распространилось на всю Францію, которую побѣда эта охватила подобно добычѣ и заключила въ обширную сѣть, такъ чтобы никому не удалось ускользнуть отъ тяжелой руки страшнѣйшей тираніи.

48 революціонныхъ комитетовъ въ Парижѣ, 21.500 въ департаментахъ [1]) разжигали дурныя страсти и служили пособниками деспотизму.

9-го марта 1793 года Конвентъ назначилъ полномочныхъ представителей, по два на каждый департаментъ, явившихся жестокими деспотами, терроризировавшими населеніе [2]).

По словамъ Баррера, „это были римскіе проконсулы, существовавшіе въ столицѣ міра во времена ея анархіи и разложенія. Они налагали наказанія по своему произволу, распоряжались арестами патріотовъ и аристократовъ, какъ попало и часто почти безъ всякихъ основаній, постановленія ихъ произвольно произносили смертные приговоры. Они захватывали законодательную власть и смѣшивали ее съ исполнительной и даже съ судебной властями, ибо направляли операціями уголовныхъ и революціонныхъ судовъ и вліяли на нихъ, создавали подозрѣнія, учреждали коммиссіи".

Комитетъ общественнаго спасенія, учрежденный 6 марта 1793 года, составился изъ двѣнадцати членовъ. Комитетъ этотъ сталъ выше самаго Конвента и сконцентрировалъ власть въ нѣсколькихъ рукахъ.

Комитетъ общественной безопасности, возобновленный Конвентомъ 9 января 1793 года и поставленный въ зависимость отъ Комитета общественнаго спасенія, былъ облеченъ полицейской властью, функціи его стали чудовищными, подъ вліяніемъ революціонныхъ законовъ, предоставлявшихъ личную свободу произволу, частной мстительности и низшимъ инстинктамъ любостяжанія.

---

[1]) Барреръ „Mémoires", II, 324. Тэнъ „La Révolution", III, 320.
[2]) См. важный трудъ де-Валлона: „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements".

Закономъ 11 августа 1792 года доносъ вмѣнялся въ обязанность каждому французу.

„Доносъ составлялъ ремесло въ теченіе всей Революціи,— говоритъ Мерсье, авторъ „Tableau de Paris“, взгляды котораго во многомъ опередили либерализмъ 1789 года;—доносъ былъ, пожалуй, хуже убійства; онъ убивалъ національное достоинство, по крайней мѣрѣ, въ городахъ; онъ порождалъ ненависть, вѣроломство, озлобленность, зависть, семейныя узы расторглись на долгія времена.

„Нашлась цѣлая толпа доносчиковъ, ибо для плутовъ открылась одна ужасная тайна, я хочу сказать, искусство наживать деньгу или завладѣвать чужою собственностью, ложью или ложнымъ доносомъ... Какой же двигатель съ такой силой воздѣйствовалъ на патріотизмъ этихъ доносчиковъ? Ассигнація въ сто су [1]).

Законъ о *„подозрѣніяхъ“*, изданный 17 сентября 1793 г., назначалъ жертвы и допускалъ всѣ мѣры самыя произвольныя, по неопредѣленности заключающихся въ немъ обвиненій.

Въ силу этого закона почитались подозрительными: „Тѣ, кто, своимъ поведеніемъ, или же *своими рѣчами*, или писаніями заявили себя сторонниками тиранніи (такъ опредѣлялась королевская власть) или федерализма, и врагами свободы; тѣ, кто эмигрировалъ; тѣ изъ бывшихъ дворянъ, купно, мужья, жены, отцы, матери, сыновья или дочери и повѣренные эмигрантовъ, которые *не проявляли своей непрестанной преданности Революціи*; тѣ, коимъ было отказано въ свидѣтельствахъ патріотизма“.

Такимъ образомъ революціонный законъ посягнулъ на женщинъ и дѣтей, которымъ угрожала отъ него смерть. Можно было подвергнуться такому же доносу, какъ за произнесенную рѣчь, такъ и за слово, которое никогда не было сказано. Считалось недостаточнымъ заявить себя патріотомъ, требовалось являть собою патріота непрестанно, всякій день, во всякій часъ, во всѣ времена. Наконецъ, обязательство имѣть сви-

---

[1]) „Paris pendant la Révolution“ nouvelle édit., 1862, II, 4. „Господствующая партія чрезвычайно мудро разсуждаетъ, что тѣ, кто еще не обратился въ ихъ врага, можетъ сдѣлаться таковымъ впослѣдствіи, что всѣ тѣ, которые неспособны бороться сами, могутъ подстрекать къ тому другихъ. Но каково-бы ни было побужденіе, подсказывавшее подобный законъ, нельзя придумать ничего болѣе благопріятнаго своевольному правительству... Онъ ставитъ каждую личность въ республикѣ въ непосредственную зависимость отъ шпіоновъ и доносчиковъ.. Онъ исключаетъ возможность бѣгства для всѣхъ оговоренныхъ по политическому подозрѣнію или же по личной злобѣ“. (Un séjour en France de 1792 à 1795, p. 72).

дѣтельство о патріотизмѣ, въ которомъ вамъ могли отказать ваши недруги, подвергало васъ опаснымъ испытаніямъ.

Уже одинъ этотъ законъ былъ крайне жестокъ. А благодаря широкому толкованію, которое съумѣлъ дать ему Шометтъ, генералъ-прокуроръ Парижской Коммуны, каждый человѣкъ могъ быть арестованъ мгновенно. Указъ объ арестѣ, подписанный семью членами Наблюдательныхъ Комитетовъ, учрежденныхъ закономъ 21 марта, давалъ право заключать въ тюрьму всякаго, причемъ исполнители общественной власти обязывались немедленно давать ходъ этимъ указамъ объ арестахъ, подъ страхомъ отрѣшенія ихъ отъ должностей и зачисленія, въ свою очередь, въ категорію людей подозрительныхъ.

И сколько было облыжныхъ и произвольныхъ арестовъ! Какъ часто упрекали старый режимъ въ „lettres de cachet!“ Но когда же еще производились аресты такъ, какъ это дѣлалось революціоннымъ правительствомъ?

„Во мракѣ ночи, втихомолку, тайно, безъ всякихъ формальностей, — какъ пишетъ Мерсье, заключенный тогда въ тюрьму,—произволъ, личная ненависть цѣлыми тысячами заключала гражданъ въ казематы. Аресты производились не только во мракѣ ночи, но и въ формахъ самыхъ грубыхъ и самыхъ оскорбительныхъ. Комитетъ общественнаго спасенія создалъ цѣлую безконечную серію подчиненныхъ ему диктатуръ, и граждане, лишенные всѣхъ своихъ правъ,—несчастные, трепетавшіе и безмолвные передъ своими тиранами, являлись на человѣкоубійственномъ судилищѣ, гдѣ слышался единственный возгласъ: *смерть! смерть!*“

Существовало ли, по крайней мѣрѣ, правосудіе для защиты невинныхъ? У нихъ былъ революціонный судъ, учрежденный 10 марта 1793 года, кровавое судилище, не замедлявшее расправу палача. Жаловаться на этотъ судъ было некому,—судьи его и присяжные избирались Конвентомъ. Представитель обвинительной власти, на основаніи простого доноса, производилъ аресты, преслѣдовалъ и судилъ подсудимыхъ, которымъ предоставлено было право призрачной и почти всегда безполезной защиты.

Смерть санкціонирована была всѣми революціонными законами, поражая ежеминутно тѣхъ, до кого хотѣли добраться.

„Наказаніемъ за всевозможныя преступленія, подлежащія революціонному суду,—читаемъ въ законѣ 22 преріала 1793 г.,—является смерть.

„Революціонный судъ учрежденъ для наказанія враговъ народа.

„Враги народа тѣ, кто старается уничтожить общественную свободу, силою ли, или хитростью; тѣ, кто вздумаетъ содѣйствовать безнаказанности аристократовъ, клеветать па патріотизмъ, тѣ, кто пытается унижать революціонный судъ.

„Законъ суда есть совѣсть присяжныхъ, просвѣтленныхъ любовью къ родинѣ; ихъ цѣль—торжество Республики и сокрушеніе враговъ ея“.

„Всякій гражданинъ имѣетъ право схватить и привести передъ судьями заговорщиковъ и контръ-революціонеровъ. Онъ обязанъ выдать ихъ, лишь только провѣдаетъ о нихъ“ [1]).

Вотъ сколько формулъ, вотъ сколько смертоносныхъ орудій было въ рукахъ якобинцевъ. Революціонерамъ оставалось только примѣнять свой законъ, давая ему подчасъ циничное толкованіе.

„Къ чему такія церемоніи,—говорилъ Геберъ,—чтобы сократить число негодяевъ, уже осужденныхъ народомъ?“

„Для чего всѣ эти проволочки?—говорилъ другой.—Куда приведутъ васъ эти вѣчные допросы? На что вамъ нужны эти справки? Имя, профессія, паденіе,—и вся процедура окончена. Развѣ вы не знаете, за какія дѣла доносить на умѣренныхъ? Такъ знайте же, что одного единственнаго жеста достаточно“ [2]).

Преступленіе было организовано легально. Декретъ 23-го марта 1793 года осуждалъ на смерть дѣтей старше четырнадцатилѣтняго возраста. Декретъ 27-го марта ставилъ аристократовъ внѣ закона. Декретъ 17-го сентября присуждалъ къ арестованію всѣхъ тѣхъ, „кто не проявилъ преданности къ Революціи“. Декретъ 13-го марта 1794 года осуждалъ на смерть всякаго, который дастъ пріютъ эмигрантамъ. Декретъ 11-го апрѣля приговаривалъ къ смертной казни всякаго, кто укрываетъ священника.

Революціонное правительство явилось хозяиномъ свободы гражданъ, располагая правомъ арестовывать ихъ подъ малѣйшими предлогами; хозяиномъ ихъ жизни, ибо оно располагало исключительнымъ судомъ, который судилъ и чинилъ приговоры надъ ними; хозяиномъ ихъ богатства, при помощи конфискацій и насильственныхъ займовъ.

---

[1]) Bulletin des lois, 1-er trimestre an II.

[2]) Слова депутата ле-Карпантье изъ Санъ-Мало. — Тэнъ, III, 57 и 300, note 3.

На засѣданіи 27-го апрѣля 1793 года Камбонъ съ трибуны Конвента произнесъ слѣдующія слова, покрытыя рукоплесканіями:

„Я желалъ бы, чтобы Конвентъ открылъ гражданскій заемъ въ милліардъ, который пополнился бы деньгами богачей и людей индиферентныхъ... Ты богатъ, у тебя свое имѣніе, которое требуетъ расходовъ съ нашей стороны, — помимо твоей воли, я хочу привязать тебя къ Революціи; я желаю, чтобы ты предоставилъ состояніе свое Республикѣ“.

Насильственный заемъ установленъ былъ закономъ 20-го мая 1793 года.

„Будетъ произведенъ насильственный заемъ, — говоритъ этотъ законъ,—у всѣхъ богатыхъ гражданъ“.

Какихъ, однако, гражданъ можно относить къ категоріи богатыхъ? Какія цифры должны служить для того основаніемъ? Согласно опредѣленію Конвента (декретъ 3-го сентября 1793 года), богатыми должны считаться холостяки, пользовавшіеся тысячью франковъ годоваго дохода. Для семейныхъ людей maximum'омъ назначена цифра въ тысячу пятьсотъ франковъ, прибавляя по тысячѣ на ихъ женъ и по стольку же на каждаго изъ дѣтей и родственниковъ по восходящей линіи. Всякій гражданинъ обязывался объявить цифру своего дохода, включая сюда наличныя деньги и цѣнности, опредѣляемыя закономъ подъ названіемъ „свободныхъ фондовъ“. Если сумма этихъ фондовъ превышаетъ половину дохода, въ такомъ случаѣ она называлась капиталомъ и облагалась тремя процентами [1]).

Собственность перестала быть правомъ; она представляла собою лишь опасность. Революція стала единственнымъ собственникомъ. Она забрала четыре милліарда отъ духовенства, около трехъ милліардовъ отъ эмигрантовъ, воспользовалась доходами съ секвестрованныхъ имуществъ, продавала земли, раскассировывала мебель по аукціонамъ, получила восемь сотъ милліоновъ отъ госпиталей и благотворительныхъ учрежденій, наложила руку на звонкую монету и на цѣнныя вещи. И тѣмъ не менѣе всѣ эти несмѣтныя богатства конфискаціи, расхищенныя алчными руками, не помѣшали революціонному правительству въ 1799 году дойти до банкротства [2]).

Правда, патріоты требовали дорогой платы за свои услуги. Каждый членъ революціонныхъ Комитетовъ получалъ отъ трехъ

---

[1]) „Les finances de l'ancien régime et de la Révolution“, Рене Стурма, II, ch. XXVII.

[2]) „La Révolution“, III, 345, 355.

до пяти франковъ въ день. Наблюдательные Комитеты присвоили себѣ фонды, предназначенные для областныхъ казначеевъ. Такимъ образомъ исчезли сто тысячъ франковъ въ Виллефраншъ, четыреста пятьдесятъ тысячъ въ Божанси. Иногда, при наложеніи печатей на недвижимыя имущества, откуда намѣренно удаляли сторожей и собственниковъ, въ домахъ и магазинахъ хозяйничали коммиссары [1]).

„Не подобаетъ,—говорилъ Робеспьеръ,—самому зажиточному французу имѣть болѣе шести сотъ ливровъ годоваго дохода“ [2]).

„Но и этотъ богачъ послѣ смерти не могъ располагать имуществомъ своимъ, по своему желанію, ибо Конвентъ въ мартѣ 1793 года уничтожилъ право дѣлать завѣщанія.

Помимо налоговъ, которыми обложены были богатые, существовали еще произвольные личные налоги. Подвергнутые домашнему аресту должны были оплачивать своихъ надсмотрщиковъ и шпіоновъ. Заключенные въ тюрьму должны были оплачивать своихъ сторожей, пищу и помѣщеніе. Дѣло доходило до того, что продавалась свобода [3]), устраивался торгъ жизнью. Въ Люксембургскомъ участкѣ, въ Парижѣ, Революціонный Комитетъ обложилъ тридцать человѣкъ налогомъ въ 67.654 ливра съ каждаго, за содержаніе ихъ караульщиковъ и помѣщеніе, поставивъ въ зависимость ихъ свободу отъ уплаты этой цифры, причемъ Комитетъ внесъ въ кассу всего 2.855 ливровъ и не представилъ счетовъ. Такимъ образомъ онъ наживалъ большіе барыши [4]).

Законъ „maximum'а,“ изданный Конвентомъ 5 сентября 1793 года, установилъ налогъ на всѣ предметы первой необходимости. Онъ былъ уничтоженъ 24 сентября слѣдующаго года, просуществовавъ, однако, достаточно долго, для того, чтобы окончательно раззорить торговлю и вызвать всеобщее бѣдствіе.

Въ Канкопѣ, маленькой деревушкѣ Лоты и Гаронны, гдѣ у Террора не было жертвъ, люди пострадали, какъ и повсюду

---

1) „La Révolution“, III, 345, 355.

2) Ibid. III, 92.

3) Въ Бордо, напримѣръ, помилованіе и освобожденіе заключенныхъ являлось для якобинцевъ предметомъ настоящей торговли. (См. Тэнъ, III, 349). Въ Вервенѣ свобода покупалась на деньги („Moniteur“, XXII, 713. Донесеніе Комбона, 6 фримера, годъ III). Одна дама добилась освобожденія своего мужа за шесть тысячъ ливровъ, вмѣсто десяти тысячъ ливровъ, затребованныхъ съ нея вначалѣ. Другіе платили по двѣ тысячи ливровъ, по шести сотъ ливровъ за освобожденіе изъ тюрьмы. (Альбертъ Гарро, „Histoire des Troyes pendant la Révolution“, II, 164, 165, 206).

4) Александръ Сорель «Le couvent des Carmes et le séminaire de Saint-Sulpice pendant la Terreur», p. 343 et suiv.

отъ „maximum'a“, и 1793 годъ сохранилъ тамъ названіе „годъ налоговъ“ [1]).

Законы вооружили революціонное правительство страшной силой. Въ то время, какъ высшіе классы изгонялись и лишались своихъ имуществъ,—власть попадала въ руки людямъ съ жадными аппетитами и звѣрскими инстинктами.

Эта безграничная тираннія утвердилась отчаяніемъ честныхъ людей, не видѣвшихъ болѣе вокругъ себя никакой власти для ихъ объединенія, никакой силы для защиты ихъ. Той же цѣли служило и чувство страха, парализовавшее всякое сопротивленіе, подчинившее мирное большинство буйному меньшинству, и обращавшее трусовъ въ доносчиковъ.

„Въ то время,—по словамъ одного свидѣтеля той эпохи,—во избѣжаніе тюремнаго заключенія или эшафота, казалось, не было иного средства, какъ привести къ тому же заключенію другихъ“ [2]), а, по энергичному выраженію Низара, „во Франціи существовало тогда всего двѣ партіи: партія живыхъ и партія мертвыхъ“.

III.

Революціонное правительство распоряжалось жизнью и имуществами; этого было еще мало. Оно желало поработить себѣ души и подчинить совѣсть. Религія, по своей природѣ и своимъ догматамъ, ускользаетъ отъ людского деспотизма. Значитъ, надо и ее уничтожить и замѣнить новою, болѣе покладистою. Духовенство исполняетъ духовныя функціи, слѣдовательно,—независимыя отъ гражданской власти; оно имѣетъ вліяніе на вѣрующихъ. Значитъ, надо и его устранить.

Гражданская конституція духовенства, учрежденная въ 1790 году, представляла для духовныхъ лицъ альтернативу или быть богоотступниками, или же мятежниками противъ закона. Благодаря этому средству, являлась возможность преслѣдованія непокорныхъ священниковъ и создавались присяжные священники, т. е. люди подчиненные и подкупные.

Конфискаціей духовныхъ имуществъ духовенство лишено было матеріальной независимости; роль священниковъ низведена была къ роли чиновниковъ на жалованьѣ, котораго лишали

---

[1]) „La Révolution à Cancon“, Люсьена Массипа, Agen, 1888, p. 4.
[2]) Тибодо, «Mémoires», I, 46.

мятежныхъ; а въ случаѣ недостаточности этой мѣры,—прибѣгали къ ссылкѣ и смертной казни.

Монашескіе обѣты были уничтожены Національнымъ Собраніемъ въ 1790 году. Такимъ образомъ, обезлюжены были монастыри, и если не удалось поколебать вѣру въ большинствѣ, то во всякомъ случаѣ, успѣли монаховъ и монахинь повергнуть въ пучину революціоннаго потока и вызвать съ ихъ стороны попущенія. Религія была изгнана. Но какими средствами вытравить ее изъ людской памяти? Подобно тому, какъ лѣтосчисленіе начали вести лишь съ 1792 года (время уничтоженія королевской власти), вычеркивая на дѣлѣ или въ воображеніи вѣка монархизма,—такъ же точно изъ республиканскаго календаря должны были исчезнуть имена святыхъ, ибо святые признавались подозрительными, напоминая собою о недавно уничтоженномъ культѣ.

Таковою являлась задача республиканскаго календаря, замѣнившаго грегоріанскій. Въ новомъ календарѣ присуждено было къ изъятію Воскресенье, день преступный, по преимуществу, какъ день, посвященный Богу.

„Мы не могли болѣе,—говоритъ Фабръ д'Эглантинъ,—считать тѣ года, когда мы находились подъ ярмомъ королей, за такіе, какъ будто мы тогда жили. Предразсудки трона и церкви, заблужденія той и другой, оскверняли каждую страницу употреблявшагося нами календаря“ [1]).

И такъ Воскресенье было изъято, а „декады“ стало обязательнымъ. Постановленіемъ Директоріи 14 жерминаля, VI года (14 апрѣля 1798 года) измѣнены были даже базарные дни, чтобы устранить возможность покупки рыбы въ постные дни [2]).

„Надъ милосердымъ Создателемъ былъ учиненъ надзоръ, Революція задавалась вопросомъ добросовѣстности конституціоннаго Бога, сомнѣваясь, не предатель-ли онъ, не ведетъ-ли онъ переписки съ эмигрантами, не учиняетъ-ли заговоровъ“ [3]).

Революція, не желавшая исповѣдывать религіи другихъ людей, претендовала, что имѣетъ свою, установивъ культъ Разума, причемъ символъ вѣры этихъ новыхъ правовѣрныхъ изложенъ былъ въ слѣдующихъ словахъ: „Клянусь не имѣть

---

[1]) Annuaire de républicain, ou Légende physico-économique, par l'Eleuthérophile Millin, p. 414.
[2]) Тэнъ, «La Révolution», III, 89.
[3]) «Histoire de la société française pendant la Révolution», par Ed. et J. de Goncourt, p. 414.

иной религіи, помимо Религіи Природы, иного храма, кромѣ храма Разума“ [1]).

Семья, въ томъ видѣ, какою она была установлена христіанскимъ закономъ, такая, какою освятили ее нравы и традиціи, боролась противъ новой системы, которую хотѣли установить. И вотъ, Революція принялась за уничтоженіе супружеской вѣрности и всѣхъ принциповъ, являющихся душею семейнаго очага. Бракъ превратился въ гражданскій контрактъ, легко нарушавшійся разводомъ, въ языческій обрядъ, праздновавшійся передъ свѣтской статуей Гименея, въ присутствіи муниципальнаго чиновника въ красномъ колпакѣ. По выраженію Шометта, то было не болѣе, какъ „выполненіе великихъ предначертаній природы“.

Голосованіе закона о разводѣ состоялось 20 сентября 1792 года, безъ всякихъ преній, вставаніемъ и сидѣніемъ, причемъ Конвентъ добавилъ дополнительные законы (8 нивоза и 4 флореаля, II года), на основаніи которыхъ простое шестимѣсячное отсутствіе одного изъ супруговъ являлось достаточнымъ поводомъ для развода и для немедленнаго заключенія новаго брака. Послѣ этого увеличилось число такъ называемыхъ „divorces d'inclination“ („разводовъ по склонности“).

Такимъ именемъ довольно остроумно обозначались разводы, вслѣдствіе *несогласія характеровъ.*

„Нерѣдко,—разсказываетъ одинъ современникъ,— можно было встрѣтить людей, которые, благодаря снисходительности закона, въ теченіе пяти-шести мѣсяцевъ успѣвали заключить до шести браковъ. Не разъ случалось, что разведенныя пары, тутъ же во время засѣданія разыгрывали въ лицахъ басню Ла-Фонтэна, „Troqueurs“, тутъ-же заключая новые брачные союзы,—первый мужъ съ женой втораго, а второй съ женой перваго. Я былъ знакомъ съ однимъ изъ этихъ квартетовъ, пребывавшемъ въ такомъ взаимномъ согласіи, что обѣ свадьбы праздновались на общій счетъ, въ „Arc-en-ciel“, на бульварѣ de l'Hopital“ [2]).

Понятый и практиковавшійся такимъ образомъ бракъ обратился въ „договоръ, нарушавшійся по желанію“, въ „контредансъ“, по окончаніи котораго люди откланивались другъ другу.

Торжественное благословеніе Церкви, серьезныя и рели-

---

[1]) Гонкуры, Histoire de la société française pendant la Révolution, p. 418.

[2]) Дюваль, „Souvenirs thermidoriens“.—„Revue de la Révolution“, напечатанныя д'Эрико 5 іюля 1885 г.

гіозныя напутствія христіанства замѣнялись краткой формулой, ничтожнымъ обрядомъ, пустыми и трескучими фразами. „Юные супруги, соединенные уже нѣжными узами,—говорилъ Шометтъ разведеннымъ парамъ,—факелы Гименея снова возжигаются для васъ на алтаряхъ свободы“ [1]).

Такая снисходительность революціоннаго закона поощряла растлѣніе нравовъ, находя огромное число людей, готовыхъ имъ воспользоваться.

„Въ первые три мѣсяца 1793 года, число разводовъ въ Парижѣ достигло до пятисотъ шестидесяти двухъ, а браковъ заключено было тысяча семьсотъ восемьдесятъ пять, такъ что на три брака приходился одинъ разводъ, фактъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ человѣческаго рода“ [2]).

Когда понадобилось, произведено было смѣшеніе сословій, помощью насильственныхъ браковъ; богатыя аристократки, „по требованію“, вынуждены были соединиться брачными узами съ санкюлотами [3]). Что касается дѣтей, то они не составляли болѣе собственности родителей; Революція захватила ихъ въ свои руки, чтобы воспитать изъ нихъ гражданъ. „Сынъ мой не принадлежитъ мнѣ,—говорилъ Дантонъ,—онъ принадлежитъ республикѣ“ [4]).

„Родина,—говорилъ въ свою очередь Робеспьеръ—располагаетъ правомъ воспитывать своихъ дѣтей; она не можетъ довѣрять эту заботу семейной гордости, или частнымъ предразсудкамъ, съ вѣчно неизмѣнными правами аристократіи и домашняго федерализма, съуживающимъ души, изолируя ихъ. Мы желаемъ, чтобы воспитаніе было общимъ и равнымъ для всѣхъ французовъ, запечатлѣвая на немъ великій характеръ, аналогичный съ природой нашего правительства и высотой судебъ нашей республики“ [5]).

Несмотря на изгнаніе аристократіи и конфискацію иму-

---

[1]) Гонкуры, „La société française pendant le Directoire“, 176, 177.—La société française pendant la Révolution, 405.

[2]) „Le divorce pendant la Révolution“, Мориса д'Отервиля.—„Revue de Révolution“, 1883, II, 213.—Въ Парижѣ, съ 1-го января 1793 года по 17 іюня 1795 года насчитываютъ 2,119 разводовъ, состоявшихся по требованію мужчинъ, и 3.868—по требованію женщинъ. Всего—5.987 (Ibid).—На 5.994 разводовъ, состоявшихся въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ въ Парижѣ, 3.870 были совершены по требованію женщинъ. (Гонкуръ, „La société française pendant le Directoire“, p. 180).

[3]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 77.—См. „Une famille noble sous la Terreur“, par mademoiselle des Écherolles (2-ое изд., стр. 287), пріемъ, съ какимъ встрѣчались иногда „патріоты“, гнавшіеся за извлеченіемъ барышей изъ этихъ необычайныхъ браковъ.

[4]) Journal de Perlet, августъ 1793.—„La société française pendant la Révolution“, par Ed et J de Goncourt, p. 394.

[5]) Rapport de Robespierre 18, floréal an II.—Бюше и Ру, Archives parlamentaires de la Révolution, XXIII, 373.

ществъ, тѣмъ не менѣе опасались людей съ высшимъ образованіемъ, соціальныхъ подраздѣленій. Для болѣе полнаго уравненія, нашли нужнымъ уничтожить формы языка, все, что напоминало изысканность и французскую вѣжливость. 9 октября 1792 законодательное собраніе постановило, обращенія „monsieur“ и „madame“ замѣнить словами: „citoyen“ и „citoyenne“. Употребленіе мѣстоименія втораго лица единственнаго числа вмѣнено Конвентомъ въ обязанность всѣмъ администраціямъ 8 ноября 1793 года. Вѣрный якобинскому закону, Ожеро, впослѣдствіи герцогъ Кастильонскій, въ одномъ дневномъ приказѣ, въ іюнѣ 1796 года, говорилъ:

„Всякій, кто словесно или письменно употребитъ слово „monsieur“, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, будетъ лишенъ своего чина и признанъ неспособнымъ служить въ арміяхъ республики“ [1]).

Неподчиненіе этимъ уравнительнымъ формамъ являлось контрреволюціоннымъ дѣйствіемъ, а слѣдовательно возбуждалъ подозрѣніе относительно тѣхъ, кто противился обычаю, имѣвшему задачей сліяніе всѣхъ званій при посредствѣ грубой фамиліарности.

„Въ настоящее время считается общепринятымъ взаимно обращаться другъ къ другу съ словомъ „citoyen“—читаемъ въ одномъ письмѣ отъ сентября 1792 года,—дѣйствительный ли вы гражданинъ или нѣтъ, живете ли вы въ Парижѣ или уроженецъ Перу. Признакомъ аристократіи служитъ требованіе или примѣненіе всякаго иного титула“.

Это отлично согласуется съ системой того времени: злоупотребленія происходятъ на дѣлѣ, а реформа существуетъ въ воображеніи. Народъ обольщается словами, утрачивая притомъ существенныя преимущества; разрѣшеніе ко всѣмъ обращаться съ словомъ „citoyen“ есть слабое удовлетвореніе за деспотизмъ какого-нибудь департамента или муниципалитета.

„Тщетно обнадеживаютъ народъ химерическимъ равенствомъ; равенство немыслимо въ цивилизованной странѣ, да если бы оно и могло существовать гдѣ-нибудь, то, во всякомъ случаѣ, не во Франціи. Французы привыкли къ субординаціи; они естественно опираются на что нибудь высшее, и въ случаѣ разжалованія одного класса, на смѣну ему непремѣнно явится другой. Дворянская спѣсь замѣнилась чванствомъ купца. Вліяніе богатства проявляется снова въ пріобрѣтеніи

---

[1]) Мерсье, „Paris pendant la Révolution“, I, 265.

національныхъ помѣстій. Покинутыя аббатства обращаются въ загородные дома богатыхъ коммерсантовъ, замѣнивъ собою разрушенные замки феодальнаго режима. Разбогатѣвшій дѣлецъ, преисполненный важности, которая пріобрѣтается въ правленіе Республики коммерческимъ вліяніемъ, легко идетъ на притѣсненіе высшихъ классовъ, съ великимъ достоинствомъ наслаждаясь новымъ своимъ высокимъ положеніемъ. Контора фабриканта шерстяныхъ тканей въ настоящее время на столько же недоступна, какъ и будуаръ маркиза“ [1]).

Вскорѣ преступность аристократіи распространилась на всѣхъ, кого только могли заподозрить въ симпатіяхъ къ старому режиму и равнодушіи къ Революціи. Самое темное происхожденіе, самое послѣднее ремесло не спасало отъ такого обвиненія. *Модерантизмъ* (умѣренность) считался преступленіемъ, оскорбленіемъ правительства, недостаткомъ патріотизма. Въ Бордо преслѣдовались тѣ, которыхъ обвиняли въ „*негоціатизмъ*“. Торговля, богатство не щадились въ той же степени, какъ и родовитая аристократія.

„Аристократами являются богачи, ибо они трепещутъ за неприкосновенность своей собственности; аристократами считаются купцы, ибо они плачутся на застой торговли и не довѣряютъ кредиту ассигнацій. Аристократы же и мелкіе торговцы, ибо ихъ грабятъ, если они не продаютъ дешевле того, нежели они заплатили за товаръ сами (причемъ подобныя хищенія скорѣе поощряются властями, нежели обуздываются), и наконецъ, кстати, аристократами признаются бѣдняки, которые ропщутъ на дороговизну хлѣба и поголовное ополченіе“ [2]).

Интеллигенція также точно являлась аристократіей. Горе образованію ума, дающемуся воспитаніемъ, составляющимъ привилегію! Горе ученымъ и горе литераторамъ!

Лавуазье, приговоренный къ смертной казни, просилъ дать ему отсрочку для завершенія одного важнаго открытія, и въ этой отсрочкѣ ему было отказано.

„Республика,—отвѣтилъ Коффингалъ,—не нуждается въ химикахъ“.

Руше, авторъ „Mois“, обратился съ трогательными и поэтическими прощаніями къ любимымъ существамъ, съ которыми не надѣялся болѣе видѣться. Андре Шенье не успѣлъ докончить послѣднихъ стиховъ, написанныхъ имъ въ заключеніи; его повлекли на казнь.

---

[1]) Un séjour en France de 1792 à 1795, p. 49.
[2]) Ibid, p. 67.

„Не прошло двухъ недѣль съ начала Революціи, какъ по всѣмъ улицамъ раздавались уже крики о закрытіи всѣхъ Академій" [1]).

Революціонный журналъ „L'ami du peuple" осуждаетъ ихъ съ презрѣніемъ:

„Академіи — это родъ звѣринцевъ, куда съ большими издержками, на подобіе рѣдкихъ звѣрей, собираютъ шарлатановъ и ученыхъ педантовъ" [2]).

„Академія Революціи — это гильотина", съ неменьшимъ цинизмомъ объявлялъ одинъ присяжный судья Революціоннаго Суда въ Монпелье [3]).

Академіи были уничтожены 8-го августа 1793 года. Состоять членомъ ихъ считалось тоже преступнымъ. Одной женѣ архитектора, обратившейся къ живописцу Давиду съ просьбой о ходатайствѣ его за ея мужа, находившагося тогда въ заключеніи, Давидъ отвѣчалъ:

„Пользуюсь случаемъ предупредить васъ, что всѣ сторонники Академіи весьма плохіе патріоты, и если наша Революція переживаетъ задержки, этихъ-то людей главнымъ образомъ и приходится обвинить въ нихъ [4]).

Одинъ ученый, спасшійся отъ убійствъ этой эпохи, Фуркруа, на засѣданіи Конвента, мѣсяцъ спустя послѣ 9-го термидора, сказалъ:

„Преслѣдовали всѣхъ образованныхъ людей; достаточно было обладать знаніями, быть литераторомъ, чтобы подвергнуться аресту, какъ аристократъ" [5]).

IV.

Въ системѣ революціонеровъ разрушеніе служитъ не только средствомъ; это доктрина ихъ.

„Республика складывается, — говорилъ Сенъ-Жюстъ, — именно изъ развалинъ того, что ей противодѣйствуетъ".

Депутатъ Жюльенъ, въ Бордо, возвѣщаетъ такое изреченіе:

---

[1]) Mercure de France, octobre 1790.

[2]) L'Ami du peuple, mars 1791.

[3]) Валлонъ. „Les représentans du peuple en mission dans les départements", II, 448.

[4]) „Les autorgraphes", де-Лескюра, стр. 300.—Кампардонъ, „Histoire du tribunal révolutionnaire". I, 6.

[5]) „Moniteur", XXI, 645. Séance de la Convention du 14 fructidor, an II. — Тэнъ, „La Révolution", III, 432.

„Молоко служитъ пропитаніемъ для дѣтей; кровь есть пища для дѣтей свободы“ [1]).

Депутатъ Иснаръ дополнилъ его мысль зловѣщей игрой словъ:

„Свобода покупается лишь цѣною потоковъ крови. Произносите смертные приговоры. Въ началѣ мятежа вы и должны быть рѣшительны *(tranchants)*“.

„Если свобода есть опасность, — восклицаетъ Дантонъ, — мы дерзостью превзойдемъ тирановъ; мы раззоримъ французскую землю; богатые и эгоисты явятся первой добычей“ [2]).

„Всякая насильственная медленность преступна, — говоритъ Кутонъ, докладчикъ пресловутаго декрета 22-го преріаля; — всякая снисходительная или излишняя формалистика представляетъ собой общественную опасность. Срокомъ для наказанія враговъ отечества можетъ служить единственно время, необходимое для признанія ихъ таковыми. Не въ томъ дѣло, чтобы ихъ наказать, а въ томъ, чтобы ихъ уничтожить“ [3]).

Робеспьеръ осуждалъ на смерть всѣхъ тѣхъ, кто былъ знакомъ съ старымъ режимомъ:

„Поколѣніе, видѣвшее старый режимъ, всегда будетъ сожалѣть о немъ; и такъ всякій человѣкъ, которому въ 1789 году было болѣе пятнадцати лѣтъ, долженъ подлежать удушенію“ [4]).

Повсюду проповѣдывался тотъ же безпощадный и кровавый догматъ:

„Не надо никакой ссылки; необходимо уничтожить всѣхъ мятежниковъ и закопать ихъ въ землю свободы“ [5]).

„Вы можете все дѣлать, все ломать, все ниспровергать, все сжигать, все предавать изгнанію, все гильотинировать, все перерождать. Пусть все трепещетъ, пусть все рушится“ [6]).

„Одни только мертвецы не возвращаются обратно“ [7]).

„Хотите ли вы исполнять свои обязанности? — гильотинируйте. Желаете ли вознаградить калѣкъ, увѣчныхъ? — гильотинируйте. Желаете ли оплатить громадные расходы на ваши арміи? — гильотинируйте. Хотите ли погасить долгъ? — гильотинируйте“ [8]).

---

[1]) „Le tribunal révolutionnaire d'Orange“, В. де-Бомефора.
[2]) „Bordeaux sous le régime de la Terreur“, 1849, in 12.
[3]) Bulletin des lois, an II de la République, 1-er trimestre, 1—16.
[4]) Моллевилль, „Histoire de la Révolution“, XII, 425.
[5]) Колло д'Эрбуа, засѣданіе 17-го сентября 1793 г. „Moniteur“, отъ 20-го сентября, p. 1115.
[6]) Піорри, засѣданіе 22-го термидора, годъ III. „Moniteur“, отъ 27-го термидора, стр. 316.
[7]) Барреръ, засѣданіе 16-го мессидора, годъ II. „Moniteur“, отъ 17-го мессидора, стр. 1175.
[8]) Камбонъ. „Le tribunal révolutionnaire d'Orange“, В. Бомефора.

Тѣ же самые люди, которые съ наибольшей рѣзкостью и негодованіемъ возставали противъ безбрачія духовенства и хотѣли принудить священниковъ жениться, возводятъ обезлюживаніе Франціи въ политическую систему.

„Долой всѣхъ дворянъ! и тѣмъ хуже для добрыхъ, если таковые окажутся среди нихъ,—говоритъ Гюффруа.—Пусть гильотина непрестанно дѣйствуетъ во всей Республикѣ; для Франціи достаточно будетъ пяти милліоновъ жителей“ [1]).

Такимъ образомъ девятнадцать милліоновъ французовъ обрекались на исчезновеніе съ лица земли. Чтобы ослабить ужасъ такого преступленія, иные изъ революціонеровъ ссылались на такіе мотивы:

„Да, мы можемъ сознаться въ томъ, что проливаемъ много нечистой крови, но это ради человѣколюбія и по чувству долга“ [2]).

„Жестокость служила не только средствомъ для устрашенія; она считалась необходимостью для удержанія власти за этими людьми, которые должны были непрерывно заявлять о себѣ новыми насиліями, чтобы, въ свою очередь, не быть смѣщенными и низвергнутыми людьми еще болѣе преступными и еще болѣе дерзкими“.

„Въ революціяхъ,—говорилъ Дантонъ,—власть остается за наибольшими извергами“.

Онъ самъ испыталъ это на опытѣ, ибо, въ то время, когда произносилъ эти слова, потерпѣлъ пораженіе отъ Робеспьера и долженъ былъ отправиться на эшафотъ.

„Страшные дни правленія Тиверія,—писала г-жа Роланъ;—мы снова видимъ во-очію ваши ужасы, только еще пріумноженные, пропорціонально числу нашихъ тирановъ и ихъ фаворитовъ! Нужна кровь для этого несчастнаго народа, въ которомъ убили нравственность и извратили инстинкты. Пользуются всѣми средствами, кромѣ справедливости, чтобы дать ему этой крови“ [3]).

Ужасная вещь! Жестокость входила въ систему революціоннаго воспитанія. Ее внушали дѣтямъ, которыхъ пріучали къ виду крови. Во многихъ городахъ воспитатели обязаны были водить своихъ учениковъ на мѣсто казни, во время пригово-

[1]) Засѣданіе 15-го мессидора, годъ II. „Moniteur“, отъ 18-го мессидора, годъ III, стр. 1161.

[2]) Лапортъ, Арбиттъ и Фуше, депутаты въ Ліонѣ; посланіе Конвенту отъ 27-го сентября 1793 г. — Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission dans les départements“, III, 151.

[3]) „Mémoires“, изд. Барріера, 1874, in 12, 113.

ровъ [1]). Въ Реннѣ маленькіе школьники устроивали маленькія гильотины подъ окнами г-жи Ланжюинэ; эти маленькія гильотины были вручены имъ ихъ учителями и они маневрировали съ ними по цѣлымъ часамъ [2]).

Членъ Конвента Дону возмущался такимъ варварскимъ воспитаніемъ.

„Почемъ знать,—говорилъ онъ,—не станутъ ли эти хищныя поколѣнія угрожать отечеству, не возрастутъ ли они на несчастія для цѣлаго полувѣка" [3]).

Въ революціонной системѣ преобладаетъ идея разрушенія, то жестокая, то ребяческая. Города и коммуны утрачивали свои имена, которыя замѣнялись новыми. Революція добралась и до игральныхъ картъ, гдѣ король переименовался въ *генія*, дама — въ *свободу*, валетъ — въ *равенство*, тузъ — въ *законъ*. Цвѣта также не избѣгли этой революціи въ словахъ,—*синій цвѣтъ короля* обратился въ *синій цвѣтъ тирана*.

Въ этой Франціи, съ красной шапочкой на головѣ и въ фуфайкѣ, еще очень многое напоминало о величіи прошлаго. Революція напала на воспоминанія, вообразивъ себя способной вырвать страницы изъ отечественной исторіи.

Все, что относится къ прежней эрѣ, объявлялось мятежническимъ. Эмблемы религіозныя, дворянскія и королевскія повсюду были воспрещены и уничтожались, статуи и изображенія христіанскія истреблялись; благородные цвѣты лиліи подстрекали къ разрушенію или коверканію вещей, украшенныхъ ими; гербы, обвиненные въ сохраненіи памяти предковъ, стирались. Конвентъ простеръ свой пылъ до того, что издалъ декретъ 14 октября 1793 г., въ силу котораго требовалось вывернуть на изнанку всѣ доски на каминахъ съ гербами или гербовыми лиліями.

Вандализмъ, ободряемый революціоннымъ безуміемъ, посягалъ на старинные соборы, разбивалъ изящнѣйшую рѣзьбу, обезглавливалъ святыхъ изъ мрамора и камня и, извлекая изъ гробовъ королей Франціи, погребенныхъ въ Сенъ-Дени, полагалъ, что наноситъ вторично ударъ королевству.

Въ этихъ несмѣтныхъ, безпощадныхъ опустошеніяхъ, совершавшихся новыми варварами, страхъ помогалъ разрушенію и

---

[1]) „La Révolution et l'enfance", Эд. Бирс. „Révue de la Révolution", 1883, 1, 81.

[2]) „Notice historique sur le comte Lanjuinais", Виктора Ланжюинэ, стр. 43.

[3]) „Mémoire de Daunou, destiné à ses commettans et écrit de la prison de Port-Libre, au mois d'août 1794.—„Révue de la Révolution". 1883, I, 81.

множество драгоцѣнныхъ предметовъ уничтожалось самими владѣльцами ихъ. Невозможно сосчитать, сколько богатствъ, сколько чудесъ и сокровищъ неоцѣнимыхъ, сокрушенныхъ грубой рукой революціи, пропали въ то время на вѣчныя времена. Можно повѣрить свидѣтельству объ этомъ Грегуара, конституціоннаго епископа, когда онъ говоритъ: „разрушили, я не скажу на милліоны, но на милліарды“ [1]).

„Неисчислима, замѣчаетъ онъ еще, утрата предметовъ религіозныхъ, научныхъ и литературныхъ. Администрація округа Бланъ (Индры) обратила мое вниманіе на то, что для сохраненія библіотеки она припрятала всѣ книги въ бочки“ [2]).

А въ тѣхъ случаяхъ, когда не истреблялись богатства движимыхъ имуществъ во Франціи, считавшіяся въ 140 милліоновъ въ 1788 г. [3]) они умалялись въ цѣнѣ и теряли свою стоимость отъ публичныхъ распродажъ вслѣдствіе невѣжества или своекорыстія коммисаровъ, которые продавали ихъ за свой собственный счетъ и перекупали ихъ при содѣйствіи подставныхъ именъ [4]).

Столы изъ окаменѣлаго дерева, стоившіе 120.000 ливровъ, и принадлежавшіе королевѣ Маріи-Антуанетѣ, были проданы за 8.000 ливровъ [5]). Движимость Версальскаго дворца, несравненной красоты и богатства, продана въ 1796 г. Республика платила свои долги этими блестящими рѣдкостями. Поставщики арміи выбирали себѣ изъ королевской движимости вещи въ уплату должныхъ имъ суммъ. Одинъ изъ нихъ получилъ на 89.000 франковъ мебели, на 27.582 фр. Севрскаго фарфора, на 31.169 фр. хрусталя, на 13.189 фр. матерій, золотой парчи, на 20.000 фр. обоевъ Бовэ [6]).

Впрочемъ, торговцы евреи сдѣлались главными хозяевами столь богатой добычи и отправляли шедевры за границу, чтобъ получить на нихъ огромные барыши [7]).

Цѣна на недвижимость иногда падала до невѣроятно низ-

---

[1]) Rapports sur le vandalisme 14 фримера II года и 24 брюмера III года.— „Moniteur“, XXII, 86 и 751.

[2]) Mémoire, I, 334. — Рамель высчитываетъ до 200 или 250 милліоновъ стоимость движимости церквей, каковы серебряныя вещи, драгоцѣнныя матеріи, священные сосуды, колокола и пр., что сдѣлалось добычей разграбленія и конфискаціи (Рене Стурмъ, «Les finances de l'ancien régime et de la Révolution», II, ch. XXX).

[3]) La société française pendant la Révolution, par Ed. et J. de Goncourt, p. 363.

[4]) Тэнъ, La Révolution, III, 357.

[5]) Гонкуры, La société française pendant la Révolution, p. 364.

[6]) Дюсье, Le château de Versailles. II, 58, 59.

[7]) Гонкуры, 365.

кихъ размѣровъ. Соборъ въ Мо, одни матеріалы котораго стоили 45.000 франковъ, продавался за 500 франковъ и не нашелъ покупателя. За стоимость рѣшетокъ парка и свинца на крышѣ можно было пріобрѣсти иной замокъ [1]). При продажѣ національныхъ имуществъ движимость замковъ считалась ни во что [2]).

Такимъ-то образомъ разсѣялись по вѣтру и разбросались грубой рукой предметы искусства и ума, издѣлія утонченной цивилизаціи, нѣкогда пріобрѣтавшіяся на вѣсъ золота или передавшіяся по наслѣдству, богатства матеріальныя и моральныя, накоплявшіяся вѣками и сохранявшіяся въ сокровищницѣ воспоминаній Франціи.

V.

Но, быть можетъ, являли примѣръ безкорыстія и простоты? по крайней мѣрѣ, сами зачинщики и апостолы революціи, дѣйствовавшей во имя свободы.

Ихъ видѣли „разъѣзжавшихъ въ экипажахъ шестерикомъ", окруженныхъ конвоемъ, возсѣдавшихъ за пышными трапезами на 30 персонъ, кушавшихъ подъ шумъ музыки съ кортежомъ лицедѣевъ, куртизанокъ и преторіанцевъ [3]). Палили изъ пушекъ при въѣздѣ ихъ въ города. Въ Ліонѣ „торжественное" появленіе Колло д'Эрбуа походитъ на появленіе султана. Аудіенціи у него можно добиться лишь послѣ троекратныхъ просьбъ; цѣлый рядъ апартаментовъ предшествуетъ его пріемному салону; никто не подходитъ къ нему иначе, какъ на 15 шаговъ разстоянія; два гардиста съ заряженными ружьями стоятъ по бокамъ у него со взоромъ, устремленнымъ на просителей [4]).

Предавались роскоши среди всеобщаго бѣдствія. Въ Бордо депутатъ Изабо имѣлъ роскошный экипажъ, сопровождавшійся жандармами, и требовалъ, чтобъ его встрѣчали на улицахъ привѣтственными возгласами. Талльенъ, сентябрьщикъ, окружалъ себя всякими прелестями роскоши и благополучія. Мерленъ де-Тіонвилль и Баррасъ накопили себѣ богатыя помѣстья; Фуше набралъ до четырнадцати милліоновъ. Другіе при-

---

[1]) Тэнъ, La Révolution, 357, 396.
[2]) Гонкуры, p. 365.
[3]) Малле дю Панъ, Mémoires, II, 6.—1 февраля 1794 г.
[4]) Малле дю Панъ, Mémoires, II, 46.

своили имущества эмигрантовъ по цѣнѣ во сто разъ ниже ихъ дѣйствительной стоимости, и понастроили себѣ дворцовъ [1]).

Обирали Францію въ пользу крамолы. Всякое богатство стало добычей.

„Вы повелители болѣе властные, чѣмъ Конвентъ, который вы можете распустить, пишетъ депутатъ Готье des Orcières Комитету общественнаго Спасанія. Берите же себѣ имущества богатыхъ, власть въ вашихъ рукахъ, умѣйте ею пользоваться“ [2]).

Достаточно было имѣть состояніе, чтобы подвергнуться осужденію на тюремное заключеніе. „Въ Авиньонѣ, въ одной церкви арестовано двѣ тысячи человѣкъ. Знаете, за что? За то, что ихъ состояніе достигаетъ до 15.000 ливровъ!“.

Фуше, народный представитель въ Мулэнь, 23 сентября 1793 г. постановилъ отправлять въ тюрьму каждаго гражданина, у котораго найдутся 25.200 ливровъ золотомъ, золото его конфисковать. Въ слѣдующемъ сентябрѣ онъ предписалъ всѣмъ гражданамъ, обладавшимъ золотомъ или серебромъ, драгоцѣнностями, посудой, нести все это въ Наблюдательный Комитетъ, подъ страхомъ наказанія, какъ антиреволюціонерамъ. 8-го брюмера II года онъ пишетъ изъ Невера: „Продать движимость заподозрѣнныхъ людей, находящихся въ заключеніи, и полученную сумму внести въ революціонную кассу“. Онъ не понималъ, какъ это революціонеръ поколебался бы передъ захватомъ желательныхъ ему вещей, когда ихъ прямо и просто можно было отнять у владѣльцевъ ихъ. „Удивляюсь, граждане, вашему смущенію. Вамъ недостаетъ муки? Возьмите у богатыхъ аристократовъ, у которыхъ имѣется она. Вамъ не хватаетъ ржи? Организуйте революціонно вашу армію и возведите на эшафотъ богачей и собственниковъ, противящихся реквизиціямъ... Словомъ, не останавливайтесь ни передъ кѣмъ въ вашихъ мѣропріятіяхъ; идите твердыми и смѣлыми стопами къ всеобщему возрожденію“.

Онъ накладывалъ руку на всѣ предметы изъ драгоцѣнныхъ металловъ, стараясь не упустить издѣлій изъ серебра: „Дѣйствуйте такъ, чтобы при моемъ пріѣздѣ я нашелъ на нѣсколько милліоновъ серебра. Мы отправимъ его въ Національный Конвентъ; мы придадимъ пышность этому приношенію. Я ничего не щажу: епископскіе посохи, митры, чаши,

---

[1]) Тэнъ, La Révolution, III, 276, 359.
[2]) Bourg et Belley pendant la Révolution; par Ch. Jarrin, p. 170.

кресты, золотые и серебряные всякаго рода, все пригодится Конвенту“ [1]).

Въ Мулэнь революціонный Комитетъ обложилъ жителей налогами отъ 10.000 до 280.000 ливровъ, изъ которыхъ четвертая часть назначалась къ уплатѣ въ теченіе двухъ недѣль, подъ страхомъ смерти. Грабили дома среди ночи, и каждый изъ грабителей назначалъ себѣ отъ 8—10 домовъ [2]).

Продажность царила въ революціонномъ судѣ. Г-жа Роланъ изобличаетъ продажность одного изъ наиболѣе жестокихъ представителей его:

„Фукье-Тенвилль, публичный обвинитель революціоннаго суда, извѣстный своей безнравственной жизнью, своимъ безстыдствомъ при составленіи обвинительныхъ актовъ безъ мотивовъ, обыкновенно получаетъ деньги съ подсудимыхъ. Г-жа Рошешуаръ заплатила ему 80.000 ливровъ за эмигранта Мони. Фукье-Тенвилль взялъ эту сумму, Мони казнили, а госпожа Рошешуаръ была предупреждена, что если она вздумаетъ разглашать объ этомъ ее такъ крѣпко запрутъ, что ей не увидать и свѣта бѣлаго. Спрашивается: возможно-ли это? А вотъ еще послушайте: въ рукахъ бывшаго президента департамента Эры имѣются два письма Лакруа, депутата, нѣкогда фискальнаго судьи изъ Анета. Въ одномъ онъ показываетъ 500.000 ливровъ на пріобрѣтеніе національныхъ имуществъ, въ другомъ онъ устраняетъ это показаніе и ссылается въ своемъ отреченіи на декретъ, обязывающій депутатовъ оправдывать увеличеніе ихъ богатства со времени Революціи. Но этотъ декретъ не исполнялся уже съ тѣхъ поръ, какъ 22 неудобныхъ (жирондистовъ) были изгнаны. Лакруа, владѣетъ богатствомъ, какъ и Дантонъ, награбивъ его себѣ, какъ и онъ“ [3]).

Малле дю Панъ въ свою очередь пишетъ:

„Фукье-Тэнвилль имѣлъ пенсію въ 1000 экю въ мѣсяцъ отъ г-жъ де-Буфлерсъ, пенсію, увеличивавшуюся на четверть ежемѣсячно, въ виду жестокости обстоятельствъ. Этотъ способъ спасъ этихъ дамъ, тогда какъ тѣ, которые давали куши сразу, пропали... Такая участь постигла Дю-Восель, арендатора, спасшаго княгиню Тарентскую 500 луидорами послѣ того, какъ онъ спасъ двухъ другихъ женщинъ 300 луидорами, данными одному изъ главарей-якобинцевъ [4]).

[1]) „La Terreur en Bourbonnais,“ Луи Одіа, стр. 28, 29, 30.
[2]) Ibid., стр. 32, 33.
[3]) Mémoires, p. 148.
[4]) Mémoires, II, 495.

„Торговались о казематѣ и казни, какъ торгуются при покупкѣ скота на ярмаркѣ,—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Этотъ торгъ „повторяется во всѣхъ городахъ, селеніяхъ, департаментахъ, предоставленныхъ вѣдѣнію комисаровъ Конвента и революціоннымъ комитетамъ... Онъ установился съ 10 августа. Я назову только несчастнаго герцога дю-Шателе: никогда дороже никто не покупалъ своей казни“ [1]).

Народные представители, отправлявшіеся съ разными полномочіями въ департаменты, пользовались лошадьми и экипажами „на счетъ націи“. Такъ постановилъ это Конвентъ 29 марта 1793 г. [2]).

Вино, въ случаѣ надобности, брали изъ погребовъ эмигрантовъ. Въ Анжу, въ домѣ одного представителя народа, въ три мѣсяца, истребили его 1.974 бутылокъ; 6.110 бутылокъ были посланы въ Нантъ и 1.602 бочекъ предназначались для депутата Безара.

Вашеронъ, секретарь одного изъ этихъ проконсуловъ, пишетъ 15 фримера IX года:

„*Республиканецъ*, надо непремѣнно сегодня утромъ немедленно тебѣ явиться или принести въ домъ народныхъ представителей извѣстное количество бутылокъ краснаго вина, которое потребляется больше, чѣмъ когда либо.

Вполнѣ основательно выпить за Республику, когда содѣйствовали сохраненію общины, какъ тебя и твоихъ *обитателей*. Считаю тебя отвѣтственнымъ за свое требованіе.

Республиканецъ Вашеронъ“ [3]).

Луи Бланъ, увлекаясь желаніемъ прославлять революцію, пишетъ: „въ Римѣ тріумвиры насыщались по горло чужими пожитками; *здѣсь проскрипторы остаются бѣдняками*, и самый властный изъ нихъ живетъ подъ крышей какого то мастерового, зятемъ котораго надѣется сдѣлаться [4]).

Революціонеры сами должны были отрицать это, и въ одномъ отчетѣ того времени только резюмируется мнѣніе современниковъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Всѣ эти бѣсноватые эксплоатировали республику только для себя. Они именовали себя патріотами только для того, чтобъ душить своихъ братьевъ и захватывать себѣ богатства“ [5]).

---

[1]) Première lettre à un négociant de Genève, 1 марта 1796 г.—Тэнъ, II, 350.
[2]) Добанъ, La démagogie à Paris, p. 125.
[3]) C. Bourcier, Essai sur la Terreur en Anjou, ch. XIII.
[4]) Histoire de la Révolution française, I, préambule, p. 5.
[5]) Rapport de Courtois sur les papiers de Robespierre. Lettre de Reverchon.—Тэнъ, La Révolution, III, 356.

Изабо, народный представитель въ Бордо, 19 ноября, 1793 года, писалъ Бушотту, военному министру и такому-же якобинцу, какъ и онъ.

„Что же мнѣ сказать тебѣ, когда я вижу, какъ высшіе чины, предполагающіе опытныхъ воиновъ, жалуются молокососамъ безъ способностей и таланта, которымъ ихъ эполеты и нашивки, въ концѣ концовъ, вскруживаютъ головы? Вотъ Оже, о которомъ мы говоримъ,—развѣ онъ не генералъ-адъютантъ, не бригадный командиръ, не начальникъ главнаго штаба и моральный помощникъ военнаго министра? Цѣлыхъ двѣ строки титуловъ у двадцатитрехлѣтняго молодого человѣка, интригана по профессіи, клеветника по характеру. Другой примѣръ, Кавей, такого же возраста, и такой же генералъ-адъютантъ, какъ и тотъ покрытый золотымъ шитьемъ!..

„Какое-же уваженіе могутъ внушать подобные субъекты? Какое горе для стараго солдата, покрытаго ранами, быть вынужденнымъ повиноваться подобнымъ людямъ, внушающимъ одно презрѣніе!.. Ты наводняешь департаменты своими агентами... Эти агенты, люди невѣжественные и жестокіе, присвоивая себѣ званіе народныхъ представителей, выполняютъ функціи послѣднихъ. Они заставили воздавать себѣ высшія почести, присущія національному вліянію; цѣлые города выходили къ нимъ на встрѣчу, причемъ они угрожали громомъ и молніей тѣмъ, кто отказывался отъ подобныхъ демонстрацій... Мнѣ случалось видѣть даже кузнецовъ, присланныхъ тобою въ качествѣ твоихъ агентовъ, для изготовленія пикъ. И эти кузнецы имѣли дерзость разгонять муниципалитеты, замѣнять ихъ другими, заключать гражданъ въ тюрьму, выпускать ихъ на свободу, всяческими неправдами забирать себѣ все, что имъ только заблагоразсуживалось... Какъ ты полагаешь, долго можетъ продлиться подобное положеніе вещей? Что же это за соперничествующая власть, которая претендуетъ стать выше единственной законной власти? Или правильнѣе спросить, не двѣ-ли уже теперь власти во Франціи?—Нѣтъ!—говоритъ народъ!—Да,—говорятъ твои прикащики, ибо вчера я прочелъ такую фразу, сказанную однимъ изъ нихъ: пора провести демаркаціонную линію между обѣими властями.

„Не правда-ли, вполнѣ придворный жаргонъ? Не потребуется-ли воздвигнуть престолъ для твоихъ канцелярій, подобный заведенному въ Тюльери?“ [1]).

---

[1]) Валлонъ. „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements“, II, 209.

Такимъ образомъ, послѣ проповѣди презрѣнія по адресу власти, каждый оспаривалъ эту власть въ свою пользу. Отрицаніе всякой религіозной идеи, разрушеніе семейныхъ узъ, разнузданіе революціонныхъ страстей порождали лихорадку наслажденій, возбуждавшуюся сознаніемъ постояннаго Дамоклова меча, угрожавшаго существованію всѣхъ и каждаго. Если терроръ леденилъ ужасомъ, то онъ же развивалъ и необузданную потребность въ наслажденіяхъ въ людяхъ безъ принциповъ, дѣйствовавшихъ тѣмъ съ большей неразборчивостью, чѣмъ менѣе разсчитывали они на продолжительную жизнь.

Одинъ свидѣтель той эпохи въ слѣдующихъ выраженіяхъ констатировалъ растлѣніе, всѣмъ тогда бросавшееся въ глаза.

„Вполнѣ очевидно, что въ теченіе 1793 года безнравственность сдѣлала громадные успѣхи. Прежде всего она распространилась среди людей, облеченныхъ властью: ихъ положеніе, власть, самая жизнь, дѣйствительно оказывались крайне непрочными. Съ высшихъ классовъ зло спустилось въ нисшіе слои общества, оно заполонило ихъ, проникая непрестанно все дальше и глубже. Почти повсюду къ внѣшней благопристойности стали относиться съ презрѣніемъ: никто болѣе не бралъ на себя труда предпринимать какія-бы ни было мѣры предосторожности или соблюдать извѣстную тайну, чтобы обезпечить себя отъ обвиненія въ безнравственности... Начиная съ мая мѣсяца 1793 года, въ Парижѣ стали жаловаться, что республиканскіе чиновники, получавшіе жирные куши, катались въ роскошныхъ экипажахъ, содержали *любовницъ направо и налѣво.* Въ іюнѣ намъ сообщили, что Сантерръ, находившійся въ то время при арміи, жилъ тамъ окруженный азіятской роскошью, разъѣзжалъ въ самыхъ чудныхъ экипажахъ, державъ при себѣ лучшихъ поваровъ, красивѣйшихъ женщинъ“ [1]).

„Три милліарда, расхищенные поставщиками и агентами всякаго рода, въ настоящее время конкуррируютъ съ правительствомъ въ своихъ стяжаніяхъ... Военная администрація кишитъ разбойниками; крадутъ лошадиные раціоны. Субординаціи тамъ болѣе не признаютъ, и крадутъ всѣ, взаимно презирая другъ друга“.

Чьи это слова? Такъ говоритъ не какой-нибудь контръ-революціонеръ, такъ говоритъ Сенъ-Жюстъ въ рапортѣ своемъ Конвенту отъ 26-го февраля 1794 г. [2]).

[1]) Шмидтъ. „Paris pendant la Révolution“, II, 76, 80 и слѣд.
[2]) „Moniteur“ отъ 27 февраля.

Франція представляла въ тотъ періодъ чудовищную картину общества, гдѣ повелители рождены были для того, чтобы повиноваться, гдѣ составились законы противъ права и справедливости, гдѣ меньшинство, насиліемъ и страхомъ управляло большинствомъ.

У этихъ людей всемогущество представляло контрастъ съ низменностью ума и гнусностью характера. Они отвергали Бога и хотѣли сами быть божествами новаго храма. Они возстали противъ абсолютизма королей, а между тѣмъ сами своей тираніей превзошли всѣхъ знаменитѣйшихъ деспотовъ древности. Они собирались возрождать общество, а организовали одно варварство.

Глава II.

Революціонное правительство послѣ 9-го термидора.

I.

Обыкновенно принято думать, что если революція и не прекратилась 9-го термидора, которымъ завершился кровавый ея періодъ, то во всякомъ случаѣ, начиная съ этого времени, она приняла характеръ терпимости и умѣренности. Растлѣніе нравовъ при Директоріи извѣстно всему міру, но удовольствія, какимъ предалось общество, избавившись отъ террора, поражаютъ умъ до такой степени, что исключаютъ всякую мысль о преслѣдованіи. Репрессивные законы, суровыя мѣры Директоріи противъ классовъ, уже изгнанныхъ и сраженныхъ якобинцами, привлекаютъ меньшее вниманіе, нежели экцентричные образы „Merveilleuses" и „Incroyables".

Паденіе и смерть Робеспьера, казни Карье и Фукье-Тенвилля явились, правда, удовлетвореніемъ общественной совѣсти.

Законъ о подозрительныхъ былъ отмѣненъ немедленно послѣ 9-го термидора, а съ 31-го мая 1795 года сошелъ со сцены революціонный судъ, которому наслѣдовалъ судъ исправительный. Однако, духъ якобинцевъ пережилъ терроръ. По его внушенію, состоялись декреты вандеміера, 18-й фрюктидоръ, законы 1799 года о насильственномъ займѣ и о заложникахъ. Гоненія противъ священниковъ и эмигрантовъ продолжались. Только гильотина замѣнилась изгнаніемъ. Перестали воздвигать эшафотъ; тѣмъ не менѣе новыя жертвы, осужденныя военнымъ судомъ въ военныхъ коммиссіяхъ, падали подъ пулями экзекуціоннаго взвода.

Революція вступила въ новую фазу и измѣнила форму, не отступаясь отъ грубыхъ репрессалій и произвольныхъ дѣяній.

Мы видѣли, какъ въ 1789 году конституціонное собраніе захватило въ свои руки верховную власть, вопреки своимъ полномочіямъ и формально выраженной волѣ избирателей. Послѣ 9-го термидора воля народа по прежнему не признавалась революціоннымъ правительствомъ.

Конституція 1793 года, уничтоженная 5-го фруктидора, III года (5-го августа 1795 года) была замѣнена исполнительной властью, подъ названіемъ *Директоріи*, составленной изъ пяти членовъ, и законодательной властью, возложенной на совѣтъ *Старѣйшинъ* и совѣтъ *Пятисотъ*. Приходилось заставить народъ принять эту новую конституцію. Члены Конвента настаивали, чтобы избиратели непремѣнно выбирали *двѣ трети* своихъ представителей изъ членовъ Конвента [1]).

Подъ вліяніемъ страха и отвращенія, многіе воздержались отъ подачи голосовъ, такъ что изъ шести милліоновъ избирателей едва милліонъ выразилъ свою волю, согласно съ продиктованной имъ волей. Если поданные голоса не соотвѣтствовали желаніямъ правительства, ихъ прямо пропускали, обходили молчаніемъ [2]).

„Такимъ мошенническимъ способомъ, говоритъ Тэнъ,—въ одномъ Парижѣ Конвентъ сократилъ число протестовавшихъ на 50.000 человѣкъ, да на столько же и въ провинціи, на манеръ плута-управляющаго, который, будучи вынужденъ пред-

---

[1]) Декреты 5-го и 13-го фруктидора III года.

[2]) Отдѣлъ Попенкуръ предварительныхъ собраній департамента Сены, узнавъ, что голосъ его противъ декретовъ не былъ принятъ въ разсчетъ, — выразилъ протестъ, заявивъ, что, во время этого голосованія, имѣвшаго мѣсто 22-го фруктидора, отдѣлъ состоялъ изъ 845 гражданъ, представлявшихъ собою 2.594 выборщика. Несмотря на его протестъ, голосованіе его оставлено было втунѣ, при общей провѣркѣ въ вандеміерѣ. Отдѣлъ „Fidélité“ въ своемъ протоколѣ говоритъ, что, состоя изъ 1.300 гражданъ слишкомъ, онъ единогласно отвергаетъ декреты. Голосованіе этого отдѣла было изъято при общей провѣркѣ. Малле дю Панъ насчитываетъ до 80.000 избирателей въ Парижѣ, враждебныхъ декретамъ Конвента (Тэнъ, „La Révolution“, III, прим. 2). „На дѣлѣ нѣтъ свободы печати. Разрѣшается писать противъ Барера или якобинцевъ, ибо они не стоятъ болѣе у власти. Но малѣйшее непочтительное слово противъ Конвента влечетъ за собою „lettre de cachet“, вѣрнѣе, чѣмъ вызвалъ бы таковое цѣлый томъ сатиръ на министра Людовика XIV“. („Un séjour en France“ отъ 1792 — 1795, стр. 261, 262. Письмо отъ 30 января 1795 г.). Законъ, принятый 1 мая 1795 г., присуждалъ къ изгнанію всякаго, кто словесно или письменно станетъ возбуждать презрѣніе къ „Національному представительству“, и къ смертной казни, если оскорбленіе совершено публично или въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей.

ставить отчетъ въ своихъ тратахъ, смарываетъ цифры, замѣняя сложеніе вычитаніемъ.

„Только такимъ образомъ по дѣлу декретовъ на 300.000 голосовавшихъ, которыхъ Конвентъ принялъ въ счетъ, онъ могъ объявить 200.000 „да“ и 100.000 „нѣтъ“ и провозгласить, что верховный народъ, его повелитель, выдавъ ему поголовную квитанцію и неограниченныя полномочія, удостовѣреніе въ неподкупности и въ правоспособности, снова облекаетъ его своимъ довѣріемъ и оставляетъ за нимъ его полномочія“ [1]).

Вскорѣ затѣмъ, въ видахъ упроченія этой призрачной побѣды и въ обезпеченіе за собой содѣйствія со стороны готовыхъ на насиліе, стали открыто поощрять террористовъ. Отъ 1.500 до 1.800 якобинцевъ получили свободу [2]), и когда народъ попробовалъ возстать противъ новаго, возложеннаго на него ярма, — пушка 13-го вандеміера наложила печать молчанія на уста инсургентовъ.

Претензія обязать избирателей снова выбрать двѣ трети Конвента могла показаться чудовищной. А когда избирательныя собранія не отвѣчали ожиданіямъ членовъ Конвента, революціонная партія не задумалась пополнить ихъ выборы, назначивъ отъ себя 104 представителей, указанныхъ Комитетомъ Общественнаго Спасенія, и такимъ образомъ обезпечивъ за собою большинство какъ въ совѣтѣ Пятисотъ, такъ и въ совѣтѣ Старѣйшинъ.

Всѣ подозрительные чиновники были уволены. Прежде чѣмъ прекратить свое хозяйничанье, Конвентъ наложилъ veto на всякую общественную дѣятельность,—включая сюда даже обязанности присяжнаго,— не только для всѣхъ, внесенныхъ въ списки эмигрантовъ, но также для ихъ родственниковъ и свойственниковъ [3]). Такимъ образомъ, 200.000—300.000 французовъ подверглись остракизму. Такая же легальная неспособность постигла тѣхъ, кто на выборахъ оказалъ опозицію декретамъ, какіе Конвентъ заблагоразсудилъ предложить избирателямъ. Пожизненное изгнаніе угрожало всѣмъ чиновникамъ, которыхъ намѣтилъ этотъ законъ, если они сами не выйдутъ въ отставку въ 24 часа.

Вотъ къ какимъ средствамъ прибѣгали революціонеры, чтобы удержать за собою власть. Послѣднее засѣданіе Конвента происходило 26 октября 1795 года. Онъ просуществo-

[1]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 562, 563.
[2]) Фабръ де л'Одъ, „Histoire secrète du Directoire“, I, 10.
[3]) Декретъ 3-го брюмера, годъ IV.

валъ три года одинъ мѣсяцъ и четыре дня и издалъ 8.370 декретовъ.

„За исключеніемъ пятидесяти человѣкъ, которые были честны и образованы,—говоритъ Барбе-Марбуа,—исторія не представляетъ ни единаго верховнаго собранія, которое совмѣщало-бы въ себѣ столько пороковъ, столько гнусности и столько невѣжества“ [1]).

Съ Директоріей начался другой режимъ, представлявшій смѣсь насилія и слабости, попытокъ умѣренности и духа гоненій. Якобинское могущество продолжало при ней свое существованіе, проявившись съ самаго начала въ выборѣ пяти директоровъ: Барраса, Ларевельера-Лепо, Ревбеля, Летурнера и Карно, все цареубійцы—титулъ, обезпечивавшій клику, въ случаѣ угрозы по ея адресу со стороны настоящаго правительства.

Директорія, съ самаго своего нарожденія, служила предметомъ фамильярныхъ шутокъ, присущихъ французскому уму. Она была прозвана „королемъ въ пяти томахъ“.—„Они окажутся такими же плоскими, — сейчасъ-же отвѣтили на это — что ихъ отлично можно будетъ переплести въ одинъ томъ“.

Между этими господами не существовало ни единства взглядовъ, ни соотвѣтствія въ характерахъ. Де-Барантъ характеризуетъ ихъ такъ:

„Прежде всего тамъ былъ де-Ларевельеръ-Лепо, худощавый, нескладный человѣкъ, съ некрасивой отталкивающей физіономіей. Когда-то онъ пробовалъ быть адвокатомъ, затѣмъ сдѣлался до нѣкоторой степени литераторомъ, ученымъ и философомъ, посредственностью во всемъ, съ фальшивымъ умомъ, скучный и преисполненный самолюбія... Онъ всегда относился съ философской нетерпимостью и страстнымъ отвращеніемъ къ христіанскимъ обрядамъ и къ священникамъ... Онъ сталъ гонителемъ, причемъ въ основу его политики легла пропаганда его теофилантропіи, уничтоженіе католической религіи и тиранническое подавленіе всякаго мнѣнія, противнаго революціонной Республикѣ“.

Что касается Ревбеля, то и его можно было назвать человѣкомъ правительства, но правительства революціоннаго. Общій интересъ страны, предусмотрительность относительно будущаго, порядокъ, вытекающій изъ справедливости и умѣ-

---

[1]) «Mémoires», предисловіе, стр. VIII.

ренности, знаніе настоящаго общественнаго мнѣнія и дѣйствительныхъ чувствъ націи, — всѣ эти элементы разумной политики Ревбелю были совершенно невѣдомы. Онъ не умѣлъ и не желалъ пользоваться властью иначе, какъ для защиты и поддержанія революціонныхъ интересовъ. Для него и для тѣхъ, кто ввелъ его въ Директорію, отечество заключалось въ якобинской партіи...

„Безъ искренняго убѣжденія онъ сдѣлался революціонеромъ случайно, а также изъ склонности или привычки къ безпорядку. Сохранивъ въ себѣ нѣкоторыя черты дворянина въ якобинствѣ, отличаясь на дѣлѣ бо̀льшимъ развратомъ и болѣе гнусной испорченностью, нежели гласила о томъ его репутація, Баррасъ былъ безпеченъ, лѣнивъ, безъ всякой системы, безъ политической цѣли, безъ опыта въ дѣлахъ правленія и вмѣшивался въ него только случайно...

„Карно былъ не болѣе того, чѣмъ онъ являлся въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія. Революціонный потокъ утратилъ свою стремительность и не увлекалъ уже съ прежней легкостью этотъ слабый характеръ, слишкомъ поддававшійся обстоятельствамъ... Карно всегда, если и не игралъ въ популярность, то, во всякомъ случаѣ, избѣгалъ всякихъ промаховъ въ этомъ направленіи. Притомъ онъ любилъ регулярность администраціи. Это являлось необходимымъ условіемъ для успѣха военныхъ операцій. Его заслуги и слава заключались въ томъ, что посреди революціонныхъ безпорядковъ, несмотря на безуміе правительства Конвента, не взирая на ежедневныя препятствія, онъ успѣлъ направить въ важные пункты нашихъ военныхъ линій необходимыя средства для того, чтобы побѣда стала возможной. Практическій умъ Карно относился терпимо къ разумнымъ взглядамъ на политику и къ умѣреннымъ мнѣніямъ о внутреннемъ правительствѣ...

„Летурнёръ, изъ Манша, подобно ему, бывшій военнымъ инженеромъ, старинный коллега его по Комитету Общественнаго Спасенія, гдѣ онъ также вѣдалъ военныя дѣла, являлъ собою посредственность, хотя отличался мягкимъ, застѣнчивымъ характеромъ. Онъ всецѣло подчинялся вліянію Карно“ [1]).

Намъ еще предстоитъ не мало случаевъ показать, чѣмъ была Директорія, какъ правительство, и на сколько дѣйствія ея были достойны порицанія. Во всякомъ случаѣ дѣйствія эти объясняются положеніемъ Франціи послѣ 9-го термидора.

---

[1]) „Histoire du Directoire“, I, книга I.

Директорія не создавала революціоннаго хаоса, она унаслѣдовала его, она явилась, въ нѣкоторомъ родѣ, насильственнымъ послѣдствіемъ и моральнымъ его продолженіемъ. Безурядица царила въ умахъ и нравахъ. Утратилось чувство права, а революціонныя преступленія оставили по себѣ лишь понятіе о насиліи. Пытались установить какую-нибудь власть. Но въ какой формѣ должна была она воплотиться? Какъ могла она примирить унаслѣдованныя положенія съ этой потребностью въ порядкѣ и исправленіи, какая начинала ощущаться въ душѣ націи? Вѣдь столько интересовъ, затронутыхъ Революціей, могли только продлить борьбу якобинскаго духа съ духомъ реакціи. Уже само недовѣріе побѣдителей развѣ не поощряетъ суровость по отношенію къ побѣжденнымъ?

„Безъ сомнѣнія,—замѣчаетъ де-Барантъ объ этой эпохѣ,— Директорія погрѣшила противъ своихъ обязанностей и законовъ; нѣтъ сомнѣнія, что она безразсудно и неразборчиво примѣняла свою власть; но вѣдь надо же было принять во вниманіе положеніе, въ какомъ находилась французская нація, когда производился экспериментъ съ этой республиканской конституціей. У нея не было тогда ни законовъ, ни обычаевъ, ни традицій, ни какихъ-либо иныхъ воспоминаній, кромѣ четырехъ лѣтъ революціи, никакого иного политическаго чувства, кромѣ презрѣнія къ власти, которая тяготѣла надъ нею. Въ то же время она сознавала, что возвратъ къ прежней Франціи немыслимъ: она не вѣрила ни въ монархію, ни въ республику“ [1]).

Первыя дѣйствія Директоріи свидѣтельствуютъ о томъ, какимъ внушеніямъ она подчинялась. Администрація набиралась изъ среды якобинцевъ, и всѣ власти, заподозрѣнныя въ умѣренныхъ тенденціяхъ, смѣщались и замѣнялись испытанными революціонерами [2]).

Чтобы обезпечить себя со стороны большихъ городовъ, Директорія сама организовала администраціи для Парижа, Ліона, Марселя, Бордо [3]).

Люди, принимавшіе участіе въ сентябрскихъ убійствахъ, проконсулы, примѣнявшіе въ провинціи самую жестокую тиранію, пользовались невозмутимой безнаказанностью. Дѣло доходило до пріостановки судебнаго разбирательства, въ тотъ

[1]) „Histoire du Directoire“, I, предисловіе, стр. XVI.
[2]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 568.—Альб. Бабо, „Histoire de Troyes“, II. 367 и слѣд.—Созэ, „Histoire de la persécution révolutionnaire dans le Doubs“, VIII, ch. LII, LIV.
[3]) Законъ 4-го плювіоза, годъ IV.

моментъ, когда имъ уличались виновные. Въ Блуа, къ вящему скандалу, однимъ декретомъ прекращено было судопроизводство надъ семью убійцами, которые въ одномъ транспортѣ арестантовъ, ввѣренныхъ для охраны, загубили 600 человѣкъ, перерѣзавъ священниковъ, землепашцевъ и крестьянокъ. Депутатъ Севестръ, прибывъ въ Блуа, освободилъ преступниковъ [1]).

21-е января праздновалось какъ національный праздникъ. Въ этотъ день члены совѣта Старѣйшинъ и совѣта Пятисотъ поклялись въ ненависти къ королевской власти,—клятва, которую впослѣдствіи навязывали избирателямъ. Между тѣмъ, общественное мнѣніе возстало противъ режима, не признававшаго интересовъ и упованій большинства французовъ, и выборы 1797 года явились сигналомъ реакціи. Якобинцамъ съ трудомъ удалось попасть въ выборные восьми департаментовъ. Правительство чувствовало себя въ осадномъ положеніи, паденіе его было очевидно, и государственный переворотъ 18-го фруктидора, которому генералъ Ожеро оказалъ поддержку военной силой, явился отвѣтомъ, даннымъ народу со стороны напуганной Директоріи.

Ларевельеръ-Лепо въ слѣдующихъ выраженіяхъ опредѣляетъ личный составъ, введенный тогда въ правительство:

„18-е фруктидора понудило Директорію къ многочисленнымъ перемѣнамъ. Вмѣсто того, чтобы служащихъ и отставленныхъ чиновниковъ замѣстить республиканцами, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они были людьми честными, умными, просвѣщенными,—выборъ, подсказанный новымъ составомъ совѣта, остановился главнымъ образомъ на анархистахъ, сторонникахъ крови и рѣзни“ [2]).

Изъ законодательнаго корпуса удалены были 214 членовъ. Выборы признаны недѣйствительными въ 49-ти департаментахъ, гдѣ чиновники получили отставку. Всѣ выборные народнымъ голосованіемъ похерены были гуртомъ [3]). На мѣсто разжалованныхъ ею, Директорія посадила собственныя свои креатуры. Она уничтожила всѣ обычные уголовные суды, измѣнивъ ихъ составъ, учредила военныя коммиссіи, ввела гуртовое правосудіе, суды исключительные и безапеляціонные, которые приговаривали къ разстрѣлянію священниковъ, преданныхъ своей вѣрѣ, а также лицъ, попавшихъ въ партію эмигрантовъ. Родственники послѣднихъ были изъяты изъ предварительныхъ со-

[1]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 571.
[2]) „Mémoires“, II, 364.
[3]) Декреты 19-го и 22-го фруктидора.

браній. Былъ возобновленъ послѣдній декретъ Конвента, оправдывавшій революціонныя преступленія. 42 газеты были запрещены, ихъ печатные станки уничтожены.

Всѣ подозрительные обвинялись въ мнимомъ заговорѣ, и въ силу особаго распоряженія высланы въ Кайенну два члена Директоріи: Бартелеми и Карно [1]), 11 членовъ совѣта Старѣйшинъ, 42 члена совѣта Пятисотъ [2]), журналисты и много всякихъ другихъ лицъ.

„Камердинеръ Бартелеми обратился къ Директоріи съ просьбой о разрѣшеніи послѣдовать за своимъ бариномъ. Прочитавъ этотъ приказъ, Ожеро сказалъ ему:

— Ты, значитъ, хочешь связать судьбу свою съ людьми, погибшими на вѣки. Что бы ни случилось, будь увѣренъ, что оттуда они никогда не вернутся.

— Я рѣшился,—отвѣчалъ бравый Летеллье;—я никогда не разстанусь съ моимъ бариномъ, я буду дѣлить съ нимъ его несчастія.

— Ну, такъ отправляйся же, фанатикъ, ты погибнешь вмѣстѣ съ нимъ,—прибавилъ Ожеро.

Затѣмъ, обратившись къ конвойнымъ, сказалъ:

— Солдаты, смотрѣть въ оба за этимъ человѣкомъ, такъ-же, какъ и за этими злодѣями" [3]).

Докладчикъ закона о высылкѣ замѣтилъ:

„Ни единой капли крови не прольется *при такой мѣрѣ, отвѣчающей справедливости и человѣколюбію.* Такимъ путемъ мы избавимся отъ тѣхъ, кто противится режиму свободы" [4]).

Такова была цѣль людей, захватившихъ въ то время власть въ свои руки. Они избѣгали вида крови, проливавшейся Терроромъ, но за то заставляли умирать, не смущаясь ни чувствомъ негодованія, ни состраданіемъ. Они изводили болѣзнями и изгнаніемъ; климатъ долженъ былъ замѣнить палача.

Одинъ голосъ осмѣлился подняться въ совѣтѣ Старѣйшинъ и указать на всю жестокость этой мѣры, ничѣмъ неоправдывавшейся:

„Ссылка,—сказалъ Лекультê,—страшное наказаніе и хотя я готовъ отдать справедливость очевиднымъ намѣреніямъ не

---

[1]) Карно избѣжалъ ссылки бѣгствомъ. Какъ членъ Директоріи, онъ былъ замѣщенъ Франсуа (изъ Нёшато), а Бартелеми наслѣдовалъ Мерленъ (изъ Дуе).

[2]) Въ томъ числѣ: Барбе-Марбуа, Пишегрю, Вилло, Роверъ, Обри, Лаффонъ де-Ладеба, Деларю, Мюринэ, Тронсонъ дю-Кудрэ, Бурдонъ (изъ Оазы), Рамель, Доссонвилль, ла-Веллёрнуа, аббатъ Бротье.

[3]) Барантъ, „Histoire du Directoire", II, кн. VI.

[4]) Ibid.

проливать крови, тѣмъ не менѣе скажу, что наказаніе, отрывающее гражданина отъ его жены, дѣтей, ото всей семьи, изгоняя его за 3—4.000 миль отъ его родины,—это наказаніе столь же ужасно, какъ и смерть" [1]).

Ссыльныхъ отправили въ Рошфоръ, причемъ имъ пришлось пересѣчь всю Францію, нерѣдко вынося оскорбленія, претерпѣвая дурное обращеніе, лишенія, и оставаться въ невѣдѣніи того, куда ихъ вели [2]). Въ Рошфорѣ ихъ посадили на суда для отправленія въ Кайенну, куда они прибыли черезъ 51 день, въ теченіе которыхъ погибли многіе изъ нихъ. Ихъ немедленно послали въ Синнамари. Одинъ старый офицеръ, мѣстный комендантъ, при видѣ ихъ, пришелъ въ изумленіе и замѣтилъ начальнику доставившаго ихъ конвоя, передававшему ему распоряженія Директоріи:

— Осуждены! Эти господа не были судимы. Это подлость—присылать ихъ сюда.

Офицеръ немедленно былъ уволенъ, съ обязательствомъ оставить колонію [3]).

— Ахъ, господа,—обратился къ ссыльнымъ молодой колонистъ, состарившійся отъ лихорадки, — вы спускаетесь въ могилу.

— Мы это знали, и чѣмъ скорѣе это случится, тѣмъ лучше,—отвѣчалъ Мюринэ, испросившій для себя хижину, самую близкую къ кладбищу.

Онъ умеръ черезъ нѣсколько дней [4]).

Самое гнусное въ религіозномъ преслѣдованіи этого періода заключалось въ томъ, что оно имѣло характеръ западни и предательства. Закономъ 7 фруктидора (24 августа) 1797 года, были отмѣнены прежніе законы, осуждавшіе на изгнаніе или тюремное заключеніе священниковъ, отказавшихся отъ присяги конституціи, и возстановленныхъ съ тѣхъ поръ въ своихъ правахъ. Многіе изъ нихъ вернулись обратно съ довѣріемъ къ своей родинѣ и подпали подъ революціонные за-

---

[1]) Рѣчь Лекультё въ совѣтѣ Старѣйшинъ, 19-го фруктидора.—„La Terreur sous le Directoire", Виктора Пьерра, 58, 59.

[2]) „Нашими каретами были громадныя желѣзныя клѣтки, тяжелыя, не на вѣсу, съ единственной дверцей, запертой на задвижку съ висячимъ замкомъ. Если бы онѣ опрокинулись, мы обязательно должны были переломать себѣ руки и ноги. Плохо прикрытыя рѣшетчатыя отверстія пропускали къ намъ холодный вѣтеръ, а во время сильнаго дождя вода лилась къ намъ черезъ множество желобковъ". (Барбе-Марбуа, „Mémoires").

[3]) Барантъ, „Histoire du Directoire", II, кн. VI.

[4]) Ibid.

коны, которые Директорія снова ввела въ дѣйствіе послѣ государственнаго переворота 18-го фруктидора.

Восьмерымъ изъ политическихъ осужденныхъ удалось бѣжать: Пишегрю, Бартелеми, Вилло, Рамелю, Доссонвиллю, Летеллье и Обри. Барбе-Марбуа и Лаффонъ де-Ладеба вынуждены были оставаться въ этой негостепріимной странѣ до 18-го брюмера и воспользоваться амнистіей, данной нѣкоторымъ ссыльнымъ 3 нивоза, VIII года (24 декабря 1799).

Мюринэ умеръ первый въ Синнамари. Тронсонъ дю-Кудрэ, Бурдонъ (изъ Уазы), ла-Виллёрнуа, Роверъ и Бротье послѣдовали за нимъ въ могилу.

Статистическія данныя, приведенныя въ книгѣ, посвященной Викторомъ Пьерромъ „Террору при Директоріи" („Terreur sous le Directoire"), отличаются прискорбнымъ и обвинительнымъ краснорѣчіемъ, что составляетъ одно изъ достоинствъ этого труда, представившаго въ новомъ освѣщеніи факты невѣдомые или невполнѣ извѣстные. Оттуда мы узнаемъ, что 328 ссыльныхъ были отправлены въ Гвіану и доставлены туда цѣлымъ рядомъ конвоевъ. 180 человѣкъ умерло. Въ числѣ изгнанниковъ духовныхъ лицъ было 263, а въ числѣ умершихъ—156 [1]).

943 священника и 96 мірянъ,—въ томъ числѣ женщины темной среды, виновныя тѣмъ, что дали пріютъ священникамъ,—были сосланы на островъ Ре; 192 священника и 46 мірянъ—на островъ Олеронъ [2]), причемъ духовенство составляло въ этихъ спискахъ преобладающій контингентъ жертвъ. Его именно почти исключительно постигло преслѣдованіе Директоріи, которое заслуженно именуется „вторымъ Терроромъ".

Военныя коммиссіи съ октября 1797 года по мартъ 1799 года постановили 131 смертный приговоръ. Тутъ значатся имена 100 свѣтскихъ эмигрантовъ и 31 священника [3]). Маркизъ де-Сюрвилль, графъ де-Менардъ, маркизъ де-Мерль д'Анберъ находились въ числѣ этихъ жертвъ.

Вотъ какъ былъ примѣненъ декретъ 19-го фруктидора V года, предписывавшій эмигрантамъ, подъ страхомъ смертной казни, покинуть Францію въ 24 часа.

---

[1]) „La Terreur sous le Directoire", Оправдательные документы, стр. 435 и 461.

[2]) Ibid., стр. 454, 458. Сюда надо прибавить 55 узниковъ въ Рошфорѣ, въ числѣ которыхъ насчитываютъ 36 священниковъ.

[3]) Ibid, стр. 164.

Разстрѣливали въ Парижѣ, въ Безансонѣ и въ Ліонѣ. Не попадали ли по ошибкѣ чьи нибудь имена въ списокъ эмигрантовъ? Ихъ утверждали за подлинныя, чѣмъ доставлялась новая пожива грабителямъ [1]).

Дѣло потерпѣвшихъ кораблекрушеніе въ Кале не можетъ быть отнесено къ категоріи наименѣе поразительныхъ примѣровъ революціоннаго правосудія того времени. Въ ноябрѣ 1795 года старые офицеры полковъ Шуазёля и Лёвенштейна выброшены были бурей на берега Франціи. Въ числѣ ихъ находились герцогъ де-Шуазёль, де-Монморанси, де-ла-Рошфуко, де-Водрёль, де-Комонъ, де-Буажененъ и де-Вибрэ. Четверо изъ этихъ офицеровъ предпочли ринуться въ разинутыя пасти волнъ, нежели добраться до береговъ, гдѣ они предвидѣли свою участь, уготованную имъ законами остракизма. 53 человѣка съ трудомъ выбрались на берегъ. Ихъ арестовали и представили военной коммиссіи, „какъ эмигрантовъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ“. Ихъ не разстрѣляли, но тюремное ихъ заключеніе затянулось на четыре года, хотя совѣтъ Пятисотъ и совѣтъ Старѣйшинъ высказались за ихъ оправданіе. 17 человѣкъ умерли во время своего заключенія, и только въ концѣ 1799 года оставшимся въ живыхъ возвращена была свобода и ихъ доставили на границу [2]).

Барбе-Марбуа такъ отзывается объ этой политикѣ подозрѣній и преслѣдованій, введенной тогда правительствомъ: „Въ декретахъ 18 и 19 фруктидора V года, гдѣ мы присуждались къ изгнанію, было еще много всякихъ другихъ распоряженій и въ особенности распоряженіе, которымъ Директоріи предоставлялось право высылать священниковъ, нарушавшихъ общественное спокойствіе внутри страны. Начиная съ этого момента всякій, кто давалъ пріютъ Ревбеллю, Баррасу, считался нарушителемъ общественнаго спокойствія. Полагаю, что священники вообще съ большимъ отвращеніемъ относились къ правительству, сокрушителю того культа, служителями коего они состояли, и лишившему ихъ всего, самаго необходимаго. Кромѣ того, къ общимъ поводамъ для изгнанія присоединились еще: ненависть, личная зависть, причемъ коммиссары Директоріи безъ пощады пользовались предоставленными имъ полномочіями. Не существовало никакихъ обязательныхъ формъ суда для постановки рѣшеній: они произносились то судомъ,

[1]) Декреты 20 вандемьера и 9 фримера VI года.—Декретъ 10 мессидора. „La Terreur sous le Directoire“, стр. 21, 42, 140.
[2]) „La Terreur sous le Directoire“, стр. 21, 42, 140.

то административными учрежденіями, Директорія же утверждала ихъ безъ разслѣдованія. Законъ требовалъ, чтобы постановленія мотивировались; но большинство мотивовъ тутъ оказывалось столь ничтожно, что можно было подумать, что нѣкоторые суды, чувствуя свое безсиліе сопротивляться давленію свыше и желая помочь осужденнымъ, въ самыхъ рѣшеніяхъ своихъ подготовили для нихъ средства къ протесту".

„Одинъ осуждался за фанатизмъ; другой—за то, что выставлялъ реликвіи; тотъ — за высказываніе опасныхъ сентенцій; этотъ — за совершеніе обѣдни; иные — за недостаточную преданность Революціи. Многіе изъ нихъ, подобно намъ, не были ни обвинены, ни судимы, нижѐ допрошены. Одинъ братъ былъ висланъ вмѣсто своего брата, на основаніи простой тождественности имени. Ни въ одномъ изъ актовъ не приводилось фактовъ ясныхъ и пунктуальныхъ. Нѣтъ даже намека на соблюденіе формъ и процедуры судопроизводства. Высылали, какъ священниковъ, людей, не достигшихъ еще возраста, обязательнаго для этого сана. Администраторы Нижней Луары помѣстили въ числѣ примѣтъ одного постриженнаго въ церковники причетника, по имени Агасса, то, что онъ состоялъ священникомъ, имѣя двадцать лѣтъ отъ роду. Законъ предоставилъ ему 15 дней для выѣзда изъ Франціи, но его задержали въ тюрьмѣ до истеченія этого срока, а затѣмъ, подъ предлогомъ, что онъ не воспользовался этимъ правомъ, его сослали въ этомъ санѣ священника, дававшемся лишь въ 24 года. Онъ умеръ два мѣсяца спустя по пріѣздѣ въ Кайенну" [1]).

Вотъ какимъ образомъ личная свобода предоставлена была фантастическому толкованію несправедливыхъ и произвольныхъ законовъ. Свобода совѣсти также болѣе не уважалась. Въ то время, какъ Воскресенье было изгнано, соблюденіе декады вмѣнялось въ обязанность, подъ страхомъ штрафа и тюремнаго заключенія [2]). Присутствіе наставниковъ и ихъ учениковъ на гражданскихъ церемоніяхъ считалось обязательнымъ, и всѣ чиновники обязывались примкнуть къ культу этихъ раскольничьихъ поповъ [3]).

Тайна частной переписки не уважалась. Послѣ 18-го фруктидора администраторамъ предписывалось слѣдить за перепиской, причемъ рекомендовалось имъ вскрывать и читать

[1]) „Mémoires". II, тетр. 1.
[2]) „Journal d'un bourgeois d'Ecreux", стр. 134.
[3]) Тэнъ „La Révolution", III, 600.

письма, казавшіяся подозрительными. Въ театрѣ, подчиненномъ строгому контролю, не могли болѣе исполнять пьесъ, въ родѣ „Athalie", въ которыхъ въ благопріятномъ смыслѣ намекалось на роялизмъ, или, подобно „Frères rivaux" и „Médiocre et Rampant", выставлявшимъ на посмѣшище публикѣ министровъ и директоровъ канцелярій.

Возобновились обыски по квартирамъ. „Уполномочиваю васъ, подъ моей отвѣтственностью, производить домашніе обыски даже по ночамъ", писалъ властямъ Côtes-du Nord 25 вандемьера VI года, Сошенъ, министръ полиціи [1]).

Директорія подняла руку на главу церкви, и Пій VI, схваченный въ Римѣ 20-го февраля 1798 года, ночью брошенъ былъ въ карету и отправленъ въ Сіенну. На его глазахъ легально разграбили его дворецъ, съ него самого сняли даже перстни. На заявленіе его, что онъ старъ и боленъ и хотѣлъ-бы умереть въ Римѣ, Галлеръ, администраторъ отъ имени Директоріи, грубо отвѣтилъ ему: „Умереть можно вездѣ". Злополучный первосвященникъ проживалъ нѣкоторое время въ Тосканѣ, откуда долженъ былъ удалиться, по приказанію Директоріи. „Пускай папа убирается отсюда живой или мертвый", объявилъ агентъ, которому поручено было его отвезти. Перевозившійся послѣдовательно въ Болонью, Парму, Бріансонъ, 14-го іюля 1798 года, онъ прибылъ въ Валенсію, гдѣ и умеръ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ.

Однимъ изъ наиболѣе жестокихъ законовъ Директоріи явился законъ о заложникахъ [2]), напоминавшій собою законъ о подозрительныхъ. Подъ предлогомъ обузданія разбоевъ, онъ поразилъ 200.000 человѣкъ, лишилъ всякаго спокойствія цѣлую массу другихъ лицъ и былъ примѣненъ правительствомъ въ 17 департаментахъ въ послѣдніе мѣсяцы его существованія [3]). Тысячи женщинъ и стариковъ оказались его жертвами, однимъ въ удѣлъ досталось тюремное заключеніе, другіе были сосланы въ Кайенну.

Финансовое положеніе являлось слѣдствіемъ административной безурядицы, нелѣпости законовъ. Тщетно пыталась Директорія возобновить пріемы, примѣнявшіеся Конвентомъ для захвата общественнаго имущества. Въ 1795 году она издала указъ о насильственномъ займѣ въ шестьсотъ милліоновъ.

---

[1]) „Histoire de la Révolution dans les départements de l'ancienne Bretagne", Дюшателле, VI, 125, 127.
[2]) Декретъ 20 мессидора, VII года.
[3]) Барантъ, „Histoire du Directoire", III, 456.

Законъ 1793 года налагалъ подати на *богатыхъ* гражданъ. Законъ 1795 года обложилъ налогами людей *достаточныхъ*. Вмѣсто затребованныхъ имъ шестисотъ милліоновъ, онъ добился всего 11.339.444 ливровъ, полученныхъ въ теченіе 16 мѣсяцевъ. Въ іюнѣ 1799 года послѣдовалъ новый насильственный и прогрессивный налогъ, причислившій къ „достаточному" классу тѣхъ, кто платилъ болѣе 300 франковъ „поземельныхъ сборовъ, или же 100 франковъ по движимостямъ". Этотъ налогъ къ концу четвертаго мѣсяца принесъ около трехъ милліоновъ [1]).

Мѣры эти не достигали тѣхъ денежныхъ выгодъ, какихъ отъ нихъ ожидали, но онѣ мутили народъ и все болѣе и болѣе расшатывали общественное довѣріе.

Въ Парижѣ накопилось до 70—76 милліоновъ недоимокъ. Раскладка налоговъ зачастую отличалась неправильностями. Не существовало никакого мѣрила при распредѣленіи налоговъ, и Законодательный Корпусъ въ VIII году отовсюду получалъ жалобы.

„Несмѣтное количество несчастныхъ, — говорилось въ одной изъ этихъ жалобъ,—было внесено въ списки плательщиковъ, обязанныхъ уплачивать не только одну шестую, одну треть или половину, но подчасъ и всю сумму своихъ доходовъ" [2]).

Съ одного участка земли взимались двѣ трети чистаго дохода, тогда какъ за сосѣдній съ нимъ участокъ платилась 1/10 или 1/12, а другіе совсѣмъ освобождались отъ налога. Были такіе, которые числились въ спискахъ какъ состоящіе изъ 12 десятинъ, включая въ себѣ на самомъ дѣлѣ цѣлыхъ пятьдесятъ. Въ другихъ мѣстахъ помѣстья были предоставлены сборщикамъ податей для уплаты налоговъ.

Муниципальные агенты уменьшали налоги съ своихъ земель и съ земель своихъ друзей, обременяя чрезмѣрно земли своихъ противниковъ.

Одинъ Турэнскій землевладѣлецъ писалъ въ то время:

„Землевладѣльцы настолько отягощены налогами, что имъ не хватаетъ ни на повседневные расходы, ни на обыденныя затраты по обработкѣ земли. Налоги на мои старыя помѣстья

---

[1]) Рене Стурмъ, „Les finances de l'ancien régime et de la Révolution", II. гл. XVII.

[2]) Феликсъ Рокенъ, „L'état de la France au 18 brumaire". Введеніе, стр. XVII.

простираются приблизительно до 13 су изъ 20 су дохода... Денежная прибыль достигаетъ до $4^0/_0$ въ мѣсяцъ..." [1]).

Многіе изъ чиновниковъ не получали своего жалованья. Повсюду мировымъ судьямъ приходилось требовать причитавшееся имъ жалованье, а въ Па-де-Кале сумма недоплаченныхъ окладовъ доходила до 55.000 франковъ [2]).

Власть не могла ожидать повиновенія, дѣйствуя однимъ произволомъ. Многочисленность революціонныхъ законовъ породила неувѣренность и смущеніе. 2.557 законовъ были изданы Конституціоннымъ Собраніемъ, 1.172—Законодательнымъ Собраніемъ, 11.210—Конвентомъ. 4.000 постановленій было сдѣлано Комитетами и проконсулами, посланными въ Департаменты. 20.000 законодательныхъ актовъ слѣдовали одинъ за другимъ въ промежутокъ отъ 1789 г. до V-го года [3]).

— „Никакая наука въ многолюдномъ государствѣ не представляетъ столько затрудненій, какъ законовѣдѣніе,—говорилъ одинъ иностранецъ одному французу.

— Есть еще кое-что потруднѣе этого,—отвѣчалъ послѣдній,—это знаніе законовъ.

— Не понимаю васъ, туземецъ всякой просвѣщенной страны долженъ-бы знать всѣ главные законы.

— У насъ ихъ болѣе десяти тысячъ, — возразилъ парижанинъ.

— Какъ мнѣ жаль васъ! — воскликнулъ иностранецъ. — Десять тысячъ! Это все равно, что сказать, что у васъ нѣтъ законовъ" [4]).

Естественно, что толкованіе столькихъ законовъ давало мѣсто постояннымъ уклоненіямъ со стороны лицъ, уполномоченныхъ примѣнять эти законы. Отсюда возникали противорѣчія въ сосѣднихъ департаментахъ и даже сосѣднихъ кантонахъ. Офиціальныя донесенія съ перваго же года Директоріи свидѣтельствовали объ этой безурядицѣ:

„Часто случается, что законъ бываетъ расширенъ или измѣненъ, раньше его примѣненія; въ особенности же въ сельскихъ общинахъ въ этомъ отношеніи царитъ такой непроглядный мракъ, что люди бродятъ въ немъ ощупью".

Въ IX году Барбе-Марбуа, уполномоченный инспектиро-

---

[1]) „Mémoires du Dufort de Cheverny", октябрь, 1797 г., августъ 1798 и 1799.
[2]) Феликсъ Рокенъ, „L'état de la France au 18 brumaire". Введеніе, стр. XV.
[3]) „Notes inédites de la Villenave. Révue de la Révolution" (1883), I, 429.
[4]) „Paris à la fin du XVIII siécle", Пюжуля. Парижъ, годъ IX, in-12, стр. 87, 88.

вать 13-ую военную дивизію, замѣтилъ, что въ смежныхъ департаментахъ „одни и тѣ же предметы подлежатъ вѣдѣнію противоположныхъ принциповъ", что онъ приписалъ личному расположенію префектовъ и чиновниковъ, а также разногласію приказовъ министра [1]).

II.

Къ произволу и безпорядку прибавилось растлѣніе нравовъ и зазорность богатствъ, пріобрѣтенныхъ хищеніемъ и воровствомъ.

Тутъ-то именно и наступило время, „когда всякія условности нарушались, всякія приличія изгонялись, всѣ богатства перетасовались, всякія общественныя связи разрывались, всѣ сословія перемѣшивались, и этотъ міръ, представлявшій собою толчею, проводилъ жизнь въ наслажденіяхъ" [2]).

Нечестность проявлялась въ постыдныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, доставлявшихъ громадные барыши съ военныхъ поставокъ. Есть указанія [3]) на эти излишества, добытыя цѣною штиблетъ, едва прикрывающихъ ножку малаго ребенка, цѣною этихъ окургуженныхъ сорочекъ, изъ которыхъ гренадеры умудряются мастерить себѣ ночные колпаки, цѣною картонныхъ подошвъ на сапогахъ, цѣною фуража изъ болотнаго тростника, цѣною голодныхъ лошадей, окровавленныхъ ногъ, искалѣченныхъ членовъ, ревматизмовъ, голоданія, истощенія, болѣзней, цѣною мученичества арміи Франціи... А что это за торговыя аферы, когда сукно, пріобрѣтенное одной компаніей по 6 франковъ, продавалось государству по 17 ливровъ 17 су [4]); эти торги, гдѣ центнеръ муки, купленный за 10 ливровъ, продавался морскому министру за 21 ливръ [5]); эти торги, которые, даютъ возможность одной компаніи, вернувшей уже 4 милліона, нажить 7—8 милліоновъ, эти торги, гдѣ концессіонеры становятся землевладѣльцами съ рентою въ 11 милліоновъ при доставкѣ на 11.680.000 франковъ [6])... Одинъ складывалъ въ амбары своего дома въ Сюрэнь на 150 тысячъ франковъ ху-

---

[1]) „L'état de la France au 18 brumaire". Введеніе, стр. XVIII.
[2]) „La sociéte française pendant le Directoire", Эд. и Ж. Гонкуръ, стр. 170,
[3]) Ibid., стр. 388, 389.
[4]) Journal de France, germinal an XI.
[5]) „Парижъ", іюнь 1797 г.
[6]) „Nouvelle dénonciation à la France entière de tous les vols, dilapidations et fraudes commises", Лагарда.

дожественныхъ предметовъ, принадлежавшихъ государству [1]); другой платилъ своему мяснику гобеленами [2]); третій увезъ изъ Версаля четыре воза мебели и меблировалъ ею гостиную своего отеля“ [3]).

Лихоимство сборщиковъ податей было очень въ ходу. Обманъ маскировался безурядицей. Въ четырехъ департаментахъ 13-го отдѣла не было ни единаго счетчика, который могъ бы представить свои счета. Въ мѣсяцѣ нивозѣ, IX года, Барбе-Марбуа констатируетъ фактъ, что центральная администрація Морбигана и префектъ, наслѣдовавшій ему, въ теченіе одного года расхитили около одного милліона изъ кассъ главнаго сборщика“ [4]).

Терроръ обогатилъ якобинцевъ, блиставшихъ своимъ богатствомъ при Директоріи. Въ Бордо произвольные налоги съ 65 лицъ дали сумму въ 7.019.800 франковъ, затѣмъ военная коммиссія посвятила не менѣе 52 засѣданій для разграбленія „аристократовъ“ [5]).

„Слѣдуетъ, — цинично говорилъ народный представитель Жавогъ, — чтобы санкюлоты воспользовались моментомъ для устройства своихъ дѣлъ, какими бы то ни было средствами“.

Изъ церквей во Франціи было похищено около милліарда. Въ рапортѣ своемъ Камбонъ привелъ только цифру въ 30 милліоновъ, обойдя молчаніемъ 970 милліоновъ, подѣленныхъ между загребущими руками.

Тальенъ, не имѣвшій другихъ доходовъ, кромѣ жалованья въ 18 франковъ въ сутки, сдѣлался обладателемъ громаднаго состоянія. Одинъ старый парикмахеръ, по имени Тайлеферъ, въ качествѣ депутата, имѣвшаго полномочія отъ правительства, жилъ окруженный азіятской роскошью, купался въ молочныхъ ваннахъ [6])!

Какой контрастъ между строгостью догматовъ революціи и пышностью тѣхъ, кого она обогатила!

„Эти спартанскіе апостолы, эти проповѣдники республиканской простоты, эти подавители злоупотребленій, эти гонители прежняго дворянскаго богатства, нынѣ главные арендаторы Республики, скандализируютъ своими богатствами дни года III, года IV, года V, года VI и года VII! Насмѣшли-

---

1) „Censeur des journaux“, октябрь, 1796 г.
2) „Semaines critiques“, томъ II.
3) „Orateur du peuple“, жерминаль, годъ III.
4) „L'état de la France au 18 brumaire“, Введеніе, стр. XIX—XXI.
5) „Bordeaux sous le régime de la Terreur“, 1849, in 12, стр. 22 и слѣд.
6) Ibid., стр. 22 и слѣд.

вый рокъ осуществилъ таки и пошелъ даже дальше пророчества Дюмурье, предсказывавшаго, „что *новая аристократія замѣнитъ монархическую;* что *Шабо будетъ жить въ Шантильи, Вазиръ — въ Рамбулье, Мерленъ—въ Шантелунѣ*" [1]). Пройдитесь въ настоящее время по большому городу, полюбопытствуйте въ любомъ отелѣ съ почетнымъ въѣздомъ, съ рѣзнымъ фронтономъ, узнать объ имени его владѣльца, и вы услышите имена члена Конвента, министра, директора. Загляните за всѣ городскія ворота великаго города, на эти замки, завершающіеся цѣлой милей зелени, спросите-ка объ имени владѣльца,—и вамъ назовутъ имена директора, министра или члена Конвента. Да, всѣ чудеса, созданныя архитектурой, вся роскошь природы, дворецъ и его великолѣпія; земля и ея богатства, лѣсъ и его тѣни,—все это составляло жетоны этой кровавой академіи, Конвента?.. А между тѣмъ они пришли бѣдняками всѣ эти люди; а между тѣмъ они нуждались, когда поступили на службу Революціи [2])!

„Одинъ столяръ, по имени Дюкло, обратился въ богатаго барина, рантье, покупающаго національныя помѣстья, имѣющаго часы, лошадей, цѣлые портфели, наполненные ассигнаціями. Леманъ, портной, бывшій кругомъ въ долгахъ, быстро обмеблировалъ свою квартиру со всею роскошью стараго режима; у него были постели по сту пистолей и т. п. Альбанъ, мéръ, повсюду налагавшій печати, былъ слесаремъ, отцомъ семейства, которое онъ содержалъ своими трудами; вдругъ онъ опочилъ отъ дѣлъ своихъ, перешелъ отъ нужды къ роскоши, ему потребовались брилліанты, серьги; онъ всегда былъ одѣтъ съ иголочки, носилъ сорочки изъ голландскаго полотна, кисейные галстуки, шелковые чулки и т. д. и т. п." [3]).

Подобный скандалъ въ концѣ концовъ долженъ былъ возбудить общественное негодованіе. 70 газетъ въ Парижѣ, за-одно съ провинціальными, стали обличать воровъ и взяточниковъ. Эти обличенія заставляли послѣднихъ блѣднѣть отъ безпокойства, и для того, чтобы заставить замолчать эти докучливые голоса, Директорія постановила арестовывать журналистовъ, направляя ихъ въ „Force" [4]).

---

[1]) „Paris", іюль 1796.

[2]) „La société française pendant le Directoire", Эд. и Ж. Гонкуры, стр. 385, 387.

[3]) „La vérité en réponse aux calomnies dirigées contre le dápartement de l'Ain, Lettre de Roux". Вандемьеръ, годъ III. Тэнъ, „La Révolution", III, 555, прим. 1.

[4]) Декретъ Директоріи, дѣйствовавшій, начиная съ 18-го фруктидора V года, подписанный Ларевельеромъ-Лепо.—„La Société française pendant le Directoire", стр. 390.

Пріобрѣтая такъ быстро богатство, они, естественно, не умѣли имъ пользоваться. И, дѣйствительно, современники не щадили этихъ выскочекъ своимъ презрѣніемъ и насмѣшками.

„При старомъ режимѣ,—читаемъ въ одномъ сатирическомъ памфлетѣ того времени,—освистывали хищниковъ и Тюркаре; презрѣніе сметало эту пѣну, эту блестящую грязь. Въ настоящее время люди, въ родѣ Тюркаре, пользуются наибольшимъ значеніемъ въ обществѣ. Они зададутъ вамъ хорошій обѣдъ, но не съумѣютъ сервировать его“ [1]).

Были богачи, цинично выставлявшіеся на показъ, но были и такіе, которые отличались излишней бережливостью,—„стыдливые богачи“, какъ ихъ называютъ въ одной книгѣ, напечатанной въ концѣ правленія Директоріи:

„Въ настоящее время существуетъ классъ богачей, невѣдомый десять лѣтъ тому назадъ: это классъ „стыдливыхъ богачей“. Какъ вы хотите, чтобы человѣкъ, который ничего не имѣлъ въ 1791 году, осмѣлился теперь открыто вести жизнь милліонера? Тратитъ онъ такъ же, какъ и нажилъ — подло, тайкомъ. Милліонеры! Многіе не вѣрятъ въ нихъ болѣе. Недовѣрчивые люди! отправьтесь въ канцеляріи, составьте списки поставокъ за восемь лѣтъ, и вы увидите, что во Франціи иной частный человѣкъ сдѣлалъ ихъ болѣе, чѣмъ на сто милліоновъ. Допустите, что онъ нажилъ всего 10% (что свидѣтельствовало бы о неопытности поставщика), вотъ вамъ и десятимилліонное состояніе.

„Но,—возразятъ скептики,—еще были ли оплачены эти крупныя поставки, когда цѣлое множество мелкихъ осталось въ долгу?

„О, наивные люди, потому-то и малыя остались въ долгу, что крупные были оплачены...

„Однако же,—прибавятъ они,—гдѣ же тѣ роскошно обставленные дома, которые красовались десять лѣтъ тому назадъ? Гдѣ же эти обширные отели, многочисленные лакеи,—обычныя свидѣтельства большихъ состояній? Другія времена, другіе нравы. Человѣкъ, считавшійся въ прежнее время comme il faut, тратилъ часто вдвое противъ своего дохода, — современный богачъ тратитъ подчасъ всего половину процентовъ съ своего капитала, ибо у него не хватаетъ смѣлости жить на

---

[1]) „Le nouveau diable boiteux, tableau moral et philosophique de Paris“, доктора Дикакулуса, изъ Лувена. Парижъ, годъ VII, II, 221.

всѣ проценты съ своего капитала, что является большимъ несчастіемъ для государства" [1]).

Богатства, собранныя и награбленныя руками революціонеровъ, возмущали честныхъ людей, распространяя въ то же время деморализацію своимъ растлѣвающимъ примѣромъ. Что же будетъ, если перенестись мысленнымъ взоромъ за предѣлы страны, если вспомнить о хищеніяхъ, произведенныхъ за границей во время войны, если перечислить всѣ реквизиціи, всѣ богатства, всѣ предметы искусства, захваченные по церквамъ и госпиталямъ? Въ Германіи, Бельгіи, Голландіи, Италіи, — эти общественныя хищенія въ 1798 году, на протяженіи трехъ лѣтъ, достигли двухъ милліардовъ [2]).

Въ Швейцаріи главнокомандующій Шарвембуръ и диктаторскій коммиссаръ Рапина, имя котораго напрашивается на сатирическое сопоставленіе, увезли каждый по милліону турнскихъ ливровъ. Ругіеръ, кригскоммиссаръ, нажилъ не менѣе ихъ, производя сверхъ того 20% учетъ при каждой ассигновкѣ, выдававшейся имъ состоявшимъ на службѣ подрядчикамъ и реализовавъ такимъ образомъ 350.000 ливровъ. Первый его секретарь укралъ въ Бернѣ 150.000 ливровъ; Амбергъ, секретарь Рапина,—300.000 ливровъ. Генералъ Лоржъ съ разграбленія Сіона привезъ домой 165.000 ливровъ; Брюнъ — 300.000 турнскихъ ливровъ; два бригадныхъ генерала, Рампонъ и Пижу,—каждый по 216.000 ливровъ; Массена, во время въѣзда своего въ Миланъ, отдалъ приказъ въ теченіе четырехъ часовъ, безъ всякихъ описей, ниже квитанцій, забрать всѣ частныя кассы монастырей, братствъ, госпиталей, благотворительныхъ учрежденій, — что дало ему сумму въ 1.200.000 ливровъ [3]).

Въ письмѣ одного французскаго офицера, изъ Турина, читаемъ:

„Въ ту минуту, когда я пишу, большая часть Пьемонта возстала противъ *французскихъ грабителей*, — вотъ какъ насъ величаютъ. Станешь ли ты этому удивляться, если я тебѣ скажу, что со времени мнимой революціи въ этой странѣ, длившейся три-четыре мѣсяца, мы поглотили 10 милліоновъ звонкой монеты, 15 милліоновъ бумажными деньгами, брил-

---

[1]) „Paris à la fin du XVIII-e siècle", Пюжу, годъ IX, стр. 180, 182.

[2]) Тэнъ, „La Révolution", III, 616.

[3]) Мале дю Панъ, „Mercure britannique", 10-го января, 10-го и 25-го февраля 1799. — „Journal manuscrit", мартъ 1797. — Тэнъ, „La Révolution", III 614, прим. 2.

ліанты, движимость короля и т. п. Народы судятъ насъ по нашему поведенію, мы вызываемъ ужасъ, омерзѣніе" [1]).

Возвратившись въ свое отечество, офицеры принесли туда съ собою привычки къ хищенію. Фактъ этотъ констатированъ въ IX году Барбе-Марбуа, въ запискѣ, гдѣ онъ даетъ отчетъ о своей миссіи въ тринадцатомъ военномъ отдѣлѣ, обнимавшемъ департаменты Côtes-du-Nord, Finistère, Morbihan и Ille-et-Vilaine:

„Если вѣрить сдѣланнымъ мнѣ донесеніямъ, рѣчи нѣкоторыхъ офицеровъ могли бы возмутить истинныхъ друзей порядка: *„Богатство и состояніе предназначены для храбрыхъ. Будемъ брать ихъ себѣ у пушечнаго жерла"*.

„Подчиненные, отлично зная, что ихъ начальство черпаетъ изъ общественной сокровищницы, ставятъ имъ въ законъ давать и имъ долю въ добычѣ. Привыкнувъ обязывать контрибуціей внѣшнихъ враговъ, они готовы были въ томъ же родѣ повести дѣла въ департаментахъ покоренныхъ странъ, которыя имъ поручено было оберегать" [2]).

При старомъ режимѣ приходилось оплакивать ослабленіе нравственности, безчинства, творившіяся на тронѣ, легкомысліе, растлѣніе правовъ при дворѣ. Но, по крайней мѣрѣ, порокъ прикрывался тамъ лоскомъ изящества и вѣжливости. Во времена Директоріи, при немъ осталась одна наглость. Распущенность являлась въ нѣкоторомъ родѣ отместкой за страданія и насилія въ злополучные дни Террора; но легкомысліе не могло уже болѣе извиняться неопытностью, и забыло урокъ, данный эшафотомъ.

Правда, это новое общество не имѣло права проклинать бѣдствій, порожденныхъ Революціей, ибо этимъ бѣдствіямъ оно обязано было своимъ богатствомъ и возвышеніемъ. Оно бредило только наслажденіемъ, не находя никакого интереса въ воспоминаніяхъ.

Мадамъ Тальенъ наслѣдовала королевскимъ фавориткамъ. Она царила надъ этой эпохой, олицетворяя собою идеи и вожделѣнія послѣдней. Баррасъ собралъ въ Люксанбургскомъ дворцѣ общество, которое производило впечатлѣніе импровизированнаго случайно.

„Оно представляло, — говоритъ Тьеръ, — странную смѣсь различныхъ званій, большую свободу нравовъ, необузданную

---

[1]) Тэнъ, ibid.

[2]) Феликсъ Рокэнъ, „Etat de la France au 18 brumaire", p. 80.—Эта часть записки Барбэ-Марбуа озаглавлена: „Жалованье, расхищеніе кассъ генераламиˮ.

страсть къ удовольствіямъ, необычайную роскошь. Директорскіе салоны были переполнены генералами, образованіе и карьера которыхъ совершились въ два года, поставщиками и дѣльцами, обогатившимися спекуляціями и хищеніями, изгнанниками, возвратившимися и искавшими случая снова сойтись съ правительствомъ, людьми съ большими талантами, начинавшими вѣрить въ Республику и желавшими занять въ ней мѣста, наконецъ интриганами, искавшими протекціи" [1]).

Костюмъ служитъ разительнымъ выраженіемъ нравовъ націи: онъ не только обрисовываетъ эпоху, но и свидѣтельствуетъ о нравственномъ ея характерѣ. При старомъ режимѣ онъ поочередно отражалъ въ себѣ величественность царствованія Людовика XIV, прелесть и обаяніе XVIII столѣтія. Въ періодъ революціи мода отличалась ухарствомъ и грубостью, свойственными тому времени, когда искусство нисколько не цѣнилось, какъ не уважалась и человѣческая жизнь. Французская традиція затмилась подражаніемъ греческой и римской античности. Пересаливаніе свидѣтельствовало объ отсутствіи какой бы то ни было узды. Безнравственность снова привела къ миѳологіи, а разрушеніе христіанскаго культа, повидимому, клонилось къ возстановленію язычества. При старомъ режимѣ люди разодѣвались, въ періодъ Революціи—они раздѣвались.

„Мода шагъ за шагомъ, въ различныхъ своихъ проявленіяхъ, слѣдовала за страстями времени. Революція вскружила голову массѣ женщинъ; съ нѣкоторыми она поступила еще хуже, она лишила ихъ чувства приличія; она толкнула ихъ прямо нагими на улицу; она поощряла, развивала, аплодировала въ нихъ наихудшимъ инстинктамъ; она пріучала ихъ одновременно къ безстыдству и жестокости, отождествляла уваженіе съ раболѣпствомъ, она лишила ихъ стыдливости, означающей уваженіе и къ себѣ, и къ другимъ... По мѣрѣ ослабленія жестокости, въ женщинѣ снова оживаетъ чувство приличія; во всякомъ случаѣ, безстыдство удаляется тогда съ улицы, являясь уже не правиломъ, а въ видѣ исключенія, прячется по салонамъ, а когда ему вздумается снова выглянуть на свѣтъ Божій, въ Тюльерійскомъ саду, то оно освистывается въ лицѣ красивой мадамъ Тальенъ и ея сотоварокъ" [2]).

Видъ богатствъ, которыя накоплялись такъ позорно, много способствовалъ деморализаціи націи и возбужденію новыхъ

---

[1]) „Histoire de la Révolution française", VIII, 195.

[2]) „La mode pendant la Révolution", г-жи Эммелины Раймонъ. „Revue de la Révolution" (1884), IV, 245 и слѣд.

вожделѣній, ибо свидѣтельствовалъ о торжествѣ безчестности.

Революціонная оргія какъ-бы внушала растлѣніе нравовъ насиліемъ и страхомъ. Авторъ „Séjour en France de 1792 à 1795“, не разъ цитированнаго здѣсь и заключающаго въ себѣ такія любопытныя наблюденія объ этой эпохѣ,—15 іюня 1795 года писалъ:

„Депутаты и ихъ агенты развращали націю не только своими примѣрами: тамъ, гдѣ недоставало склонности, страхъ вербовалъ имъ прозелитовъ. Презрѣніе къ религіи и приличію считалось признакомъ преданности правительству; грубое нарушеніе общественнаго или нравственнаго долга являлось доказательствомъ патріотизма и побѣдой надъ предразсудкомъ. Многіе изъ робости отдѣлывались сперва только наружной оболочкой порока, и кончали тѣмъ, что входили во вкусъ порока“ [1]).

„Да не подумаютъ,—замѣчаетъ позже одинъ писатель,—что все распутство въ нравахъ и идеяхъ, какое обогатившіеся въ ту эпоху, изъ „золотой молодежи“ Директоріи, забросили въ лоно столицы, не просочится нисколько въ наши темные департаменты. И здѣсь, какъ и тамъ, зло лежало глубоко и вызвало серьезныя пертурбаціи, отъ которыхъ наши семьи долго страдали и которыя, по справедливости, можно считать первымъ и самымъ серьезнымъ препятствіемъ, какое по всей Франціи встрѣтило установленіе общественныхъ нравовъ посредствомъ празднествъ, соотвѣтственно принаровленныхъ къ обязанностямъ гражданина“ [2]).

Со времени изгнанія религіи, люди утратили даже уваженіе къ смерти, вплоть до тѣхъ знаковъ почтенія, какими самые равнодушные люди встрѣчаютъ и провожаютъ гробъ. Сперва конституціонные священники завладѣли мѣстомъ истинныхъ служителей церкви. Вскорѣ, однако, ихъ также вытѣснилъ культъ Разума. Вотъ какъ происходили гражданскія похороны. Коммиссары отвозили покойниковъ на кладбища, въ тѣ времена называвшіяся „мѣстомъ общаго упокоенія“. Они шли во главѣ погребальнаго шествія, въ шапкахъ свободы, неся трехцвѣтное знамя, съ слѣдующей надписью: „люди родятся и умираютъ равными“. Трехцвѣтная матерія съ той же надписью замѣнила черное сукно съ бѣлымъ крестомъ, символомъ упованія [3]).

---

[1]) Стр. 296.

[2]) А. Р. Дюшателлье, „Histoire de la Révolution dans les cinq départements de l'ancienne Bretagne“, VI. 102.

[3]) „Souvenirs de la Révolution dans le département d'Indre-et-Loire“, 1790—1798, Карре де-Бюссеролль, стр. 270, 271.

Сыновнія чувства не защищали болѣе усопшаго отъ пренебреженія, свойственнаго эпохѣ, проникнутой всей грубостью матеріализма. Нельзя себѣ представить болѣе потрясающаго зрѣлища, какъ то, какимъ явились однѣ похороны въ Парижѣ въ 1795 году. Не мѣшаетъ прочесть описаніе ихъ въ одной брошюрѣ, озаглавленной: „Réflexions sur l'enterrement de ma mère" [1]). (Размышленія о погребеніи моей матери).

„Погребеніе было назначено въ пять часовъ пополудни... Мнѣ доложили, что гражданскій коммиссаръ явился и проситъ меня сойти, такъ какъ послѣ похоронъ онъ былъ назначенъ дежурнымъ па одномъ зрѣлищѣ... Сойдя къ уличной двери, я увидѣлъ, что всѣ погребальные аксессуары заключались въ гробу, покрытомъ трехцвѣтнымъ сукномъ и поставленномъ па скамьѣ: носильщики подхватили его, и мы двинулись въ путь. Пройдя двѣ улицы, я замѣтилъ нѣкоего гражданина, предшествовавшаго намъ на разстояніи десяти шаговъ: то былъ гражданскій коммиссаръ. Носильщики прошли цѣлый рядъ улицъ, лавируя направо и налѣво между различными препятствіями, скорѣе какъ-бы утаскивая, нежели пронося это тѣло посреди занятой толпы, не обращавшей на него никакого вниманія. Лишь нѣкоторые, попадавшіе среди насъ или же натыкавшіеся на носильщиковъ, невольно замѣчали его: „А, это покойникъ", сказала одна женщина своей спутницѣ.

— А!-а!-а! это покойникъ!

Нѣсколько далѣе другой воскликнулъ: „Вотъ-то счастливецъ!" — Третій: „Пропустите же покойника!"

„Какой-то человѣкъ, нагнувши голову подъ своей ношей, попалъ какъ разъ на перерѣзъ процессіи и чуть-чуть не свалился на гробъ.

„Черезъ полчаса ходьбы мы пришли на кладбище. Чтобы заставить открыть ворота, носильщики начали свистать, послѣ чего явилась старая мегера со связкой ключей. Но чрезмѣрная грязь образовала клоаку, которая преграждала входъ на кладбище. Пришлось съ трудомъ пробираться до мѣста, огражденнаго стѣнами, куда и проникли носильщики, которыхъ ожидалъ гражданскій коммиссаръ.

„Я искалъ глазами могилы, склепа, какого-нибудь закоулка, по крайней мѣрѣ, ямы, — продолжаетъ разсказчикъ. — Я ничего не видѣлъ; гробъ прямо поставили на грязную землю, сняли трехцвѣтное сукно, отстегнули пряжки у ремня, стя-

[1]) Ж. Деламалля, 2-е изд., IV годъ Республики, 12 страницъ in-8.

гивавшаго неустойчиво поставленный гробъ... Не вѣря, чтобы это тѣло могло остаться такъ на дорогѣ и все еще продолжая глазами искать иного мѣста упокоенія, я замѣтилъ на другомъ концѣ, справа отъ меня, родъ эшафота, воздвигнутаго на кускахъ сруба и, какъ мнѣ показалось, утвержденнаго надъ пропастью, шедшей почти во всю ширину почвы; трупный запахъ, распространявшійся оттуда, вразумилъ меня тотчасъ же, я понялъ, что тѣла бросались въ общую яму, и я могъ себѣ представить, какъ ихъ туда бросали. Я предвидѣлъ, что съ наступленіемъ ночи должно было случиться съ подобіемъ гроба и одеждами, которыми благочестіе прикрыло усопшую...“ [1]).

Вотъ къ чему привели прискорбныя доктрины и глубокое смятеніе, внесенное въ души преступленіями и безпорядками Революціи. Она отучила толпу отъ чувства состраданія, убивая на ея глазахъ множество жизней; уничтожила всякое уваженіе, даже уваженіе передъ гробомъ, который религія провожаетъ своими напутствіями и своими молитвами, вызывая образъ воскресенія.

III.

Подобно только что описанному нами погребальному шествію, Директорія подвигалась къ зіяющей могилѣ, куда должны были снести ея трупъ. Еще живая, она представляла всѣ признаки разложенія. Государственный переворотъ 18 фруктидора, не только не упрочилъ правительства, а напротивъ пріумножилъ грозившія ему опасности и его неустойчивость. Онъ предоставлялъ его якобинскому владычеству, все болѣе и болѣе отвергавшемуся общественнымъ мнѣніемъ, утомленнымъ революціонными насиліями. Якобинство имѣло противъ себя ту умѣ-

---

[1]) См. на эту же тэму „Paris à la fin du XVIII siécle“ Пюжу, стр. 115, 117. „Какимъ образомъ можно было убѣдиться, что вы любили своихъ родителей при жизни ихъ, когда ихъ останки сопровождались въ могилу съ гнуснымъ равнодушіемъ, преступной безчувственностью, скажу болѣе—почти съ презрѣніемъ! Спросите-ка у этого молодого человѣка, кумира своего отца, жаждавшаго повидать его еще разъ въ послѣднія минуты своей жизни, который вручилъ сыну свой послѣдній вздохъ, спросите у него, гдѣ почиваетъ прахъ этого достопочтеннаго родителя? Ему это неизвѣстно. Онъ предоставилъ его наемщикамъ, привыкшимъ съ одинаковымъ равнодушіемъ таскать и бросать въ одну и ту же могилу какъ останки самыхъ зловредныхъ людей, такъ и самыхъ добродѣтельныхъ... Слышалъ, что краснорѣчивые перья собираются отстаивать дѣло мертвецовъ. Значитъ, мы отличаемся изряднымъ бездушіемъ, если требуются поэмы и академическія рѣчи, чтобы разъяснять намъ обязанности, которыя первобытные народы земли постигали исключительно чутьемъ своего сердца?“

ренную партію, которая вербовалась изъ всѣхъ партій, и побѣда этой партіи ждала только рѣшительнаго часа. Наконецъ, насиліе, примѣненное Директоріей, должно было обратиться противъ нея самой, и 18-е брюмера могло воспользоваться 18-мъ фруктидоромъ, чтобы захватить въ свои руки власть, столько разъ опиравшуюся на нарушеніе легальности.

22-го флореала VI года, видя, что избирательные голоса ускользали отъ нея, Директорія уничтожила выборы 49 департаментовъ, уволивъ сверхъ того судей, прокуроровъ, высшихъ присяжныхъ и множество чиновниковъ.

30-го преріала VII года, якобинцы, удаленные отъ власти понудительными мѣрами Директоріи, снова завладѣли большинствомъ голосовъ на выборахъ. Они воспользовались запугиваніемъ и уныніемъ честныхъ людей. Многіе изъ выборныхъ были изъяты произвольно, другіе отказались отъ борьбы. Мы видимъ города, какъ Блуа, „гдѣ предварительныя засѣданія составлялись изъ самаго низкаго сброда; честные люди представительствовали тамъ въ маломъ числѣ; подозрительные, родственники эмигрантовъ, священники, всѣ были исключены и предоставили свободное поле всяческимъ интригамъ. Не было избрано ни одного землевладѣльца. Изъ четырехъ отдѣловъ,— въ трехъ преобладали террористы“ [1]).

Сдѣлавшись снова хозяевами, якобинцы изгнали изъ Директоріи Трейляра, Мерлена (изъ Дуэ) и Ларевельера-Лепо, замѣнивъ ихъ Гогье, Муленомъ и Роже-Дюко.

Вскорѣ, однако, возникли раздоры въ побѣдившей партіи, гдѣ умѣренные встрѣчались съ крайними. Все предвѣщало паденіе режима, который никому не внушалъ довѣрія и носилъ въ себѣ зародыши смерти.

Ни одна изъ партій не представлялась достаточно сильной, чтобы одержать рѣшительную побѣду. Малле дю Панъ въ 1795 г. высчитывалъ, что республиканцы составляютъ четверть населенія Франціи, а роялисты — треть, разумѣя подъ этимъ обозначеніемъ всѣхъ тѣхъ, кто, несмотря на весьма различныя тенденціи, желали возстановленія религіи и монархической власти.

„Къ роялистамъ же можно причислить,—замѣчаетъ онъ,— нѣкоторую часть третьяго сословія изъ духовенства, или купечества, или же вообще изъ буржуазіи, именно лицъ, принявшихъ вначалѣ нѣкоторыя изъ идей Революціи, но горько

[1]) „Mémoires“, Дюфора де-Шеверни, мартъ 1799 г.

сожалѣвшихъ о возникновеніи этой Революціи и съ радостью готовыхъ привѣтствовать ея пресѣченіе, даже цѣною возвращенія къ прежнему режиму".

Повидимому, онъ вѣрно понялъ настроеніе умовъ, и прибавляетъ далѣе: „Нація, разсматриваемая въ массѣ, не имѣетъ политической воли: фанатизмъ ея притупленъ; у нея никогда нѣтъ готоваго общественнаго мнѣнія; *не стоятъ ни за монархію, ни за республику, но всѣ желаютъ установленія прочнаго правительства, все равно какого, только бы оно покончило съ Революціей*" [1]).

Одинъ иностранецъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о настроеніи той же эпохи: „Общее наблюденіе, какое, по моему, не можетъ ускользнуть ни отъ одного путешественника, — таково, что въ департаментахъ, отдаленныхъ отъ Парижа, недовольство касается болѣе новаго порядка вещей, которому смутно приписываются всѣ испытываемыя невзгоды, а по мѣрѣ приближенія къ столицѣ недовольство это скорѣе относится къ людямъ, которые управляютъ, нежели къ самой формѣ правленія" [2]).

„Общественный духъ,—по словамъ одного современника,—находится въ летаргіи, возбуждающей опасеніе полнаго его атрофированія. Ни наши неудачи, ни наши успѣхи, не вызываютъ ни радости, ни безпокойства. Читая отчетъ о нашихъ сраженіяхъ, кажется, что читаешь исторію другого народа. Перемѣны, происшедшія во внутреннемъ нашемъ положеніи, также не вызываютъ никакой тревоги. Любопытства ради, распрашиваютъ другъ друга, отвѣчая безъ всякаго интереса и выслушивая съ равнодушіемъ. Какими средствами можно нарушить этотъ мертвый сонъ?" [3]).

Съ годами утомленіе должно было возрости; но оппозиція не выразилась въ опредѣленной формѣ. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Мерсье, который писалъ слѣдующее 10-го фримера VII года:

„Трудно было бы опредѣлить въ настоящее время господствующее мнѣніе. Личное мнѣніе отличается свойственнымъ ему упрямствомъ. *Въ виду раздоровъ, царящихъ въ обществѣ,*

---

[1]) „Correspondance inédite avec la Cour de Vienne (1794—1798)", изданная Андре Мишелемъ, съ предисловіемъ Тэна, 2 тома, in-8°, 1884, т. II, стр. 42—51.

[2]) Мейстеръ, „Souvenirs de mon dernier voyage à Paris vers la fin de 1795", стр. 277.

[3]) Шмидтъ, „Tableaux de la Révolution française", напечатанныя по неизданнымъ документамъ департамента тайной полиціи Парижа, Лейпцигъ, 1870, III, 288.

общественнаго мнѣнія болѣе не существуетъ; за то наименѣе распространенное мнѣніе, — людей разсудительныхъ, признающихъ необходимость въ сильномъ правительствѣ, мало по малу становится преобладающимъ [1]).

Среди политическихъ расколовъ Мерсье предполагаетъ существованіе *третьей партіи*:

„Кажется теперь ясно, что между роялистами и террористами существуетъ третья партія, не одобряющая ни тѣхъ, ни другихъ, и которая съ одинаковой стремительностью всегда будетъ бороться съ ними“ [2]).

Одинъ роялистъ, свидѣтель тѣхъ же событій, высказываетъ приблизительно тоже самое о политическомъ положеніи Франціи въ концѣ правленія Директоріи. Онъ объясняетъ намъ, какимъ образомъ составилась партія, которая удалялась отъ Революціи, не желая вернуться къ монархизму:

„Мѣры, принятыя противъ изгнанниковъ, — говоритъ Гайдъ де-Нёвилль, — законъ о заложникахъ, законъ насильственнаго займа вызывали всеобщее негодованіе, не устрашивъ никого. Всѣ ждали, желали пресѣченія этой тираніи, столь же подлой, сколько и преступной, этой власти, которую никто не дерзалъ признавать...

„Вообще, люди, склонные пользоваться поочередно ошибками всѣхъ партій, кажется, менѣе опасались возвращенія террора, нежели роялизма. Въ якобинцахъ они видѣли лишь негодяевъ, преступныхъ по отношенію къ нимъ, ко всему человѣчеству, и въ то же время не могли не признать виновными и себя по отношенію къ защитникамъ законной власти. Они страшились, что, въ случаѣ побѣды якобинцевъ, послѣдніе приговорятъ ихъ къ смертной казни; но они знали, что роялисты обрекутъ ихъ на забвеніе“ [3]).

Многіе, будучи замѣшаны въ Революцію и принимая участіе въ ея насиліяхъ, считали себя изъятыми изъ монархіи, первой заботой которой, по ихъ мнѣнію, было-бы вознагражденіе тѣхъ, кто пострадалъ ради нея и отстаивалъ ее. Такимъ образомъ королевская власть сдѣлалась символомъ возмездій, и съ того времени на возвращеніе ея смотрѣли съ опаской, не только главные лиходѣи Революціи, но и тѣ, кого она обогатила и возвела въ высшее званіе.

---

[1]) „Paris pendant la Révolution“, I, Предисловіе, стр. 8 и 9.
[2]) Ibid., II, 241.
[3]) Баронъ Гайдъ де-Нёвилль, „Mémoires et souvenirs, publiés en 1888“, стр. 224—227.

Это чувство ясно отмѣчено въ документѣ, написанномъ по случаю одного слѣдствія, произведеннаго въ началѣ консульства, и гдѣ сказано:

„.....Эта толпа людей, такъ или иначе участвовавшихъ въ Революціи, по убѣжденію, или изъ личныхъ склонностей, изъ страха, лицемѣрія, корысти, самолюбія, или же по какимъ бы то ни было инымъ мотивамъ,—всѣ, какъ ярые демократы, такъ и умѣренные республиканцы, какъ атеисты, такъ и конституціонные священники, какъ судьи революціоннаго суда, такъ и судьи обыкновенныхъ судовъ,—вся эта страшная масса людей всѣхъ классовъ, каждый за себя лично, страшится возстановленія партіи или духа партіи, съ которою они боролись, которую разсѣяли, затерли, оскорбили, раздражили.

„Присвоившіе себѣ національныя имущества опасаются, чтобы эмигранты не сочли ихъ разбойниками, чтобы священники не признали ихъ за святотатцевъ и нечестивцевъ“ [1]).

Вѣрность роялизму упрочилась пролитіемъ крови, самопожертвованіями, какъ громкими, такъ и негласными, достойными удивленія. Но ни единый принцъ не явился, чтобы собственнымъ присутствіемъ ободрить усилія, направленныя въ пользу дѣла монархизма. Безстрашный Луи дѐ-Фротте, которому пришлось умереть за это дѣло, не побоялся однажды написать слѣдующее:

„.....Интересы, за которые мы боремся, слишкомъ близки Бурбонскому дому, чтобы всѣ принцы этой знаменитой крови пребывали отъ нихъ въ такой отдаленности. Генрихъ IV завоевалъ свою корону шпагой, у Людовика XVIII также не менѣе вѣрноподданныхъ. Но они жаждутъ Бурбона. За четыре года, пока они бились, ни одинъ изъ сыновъ Генриха не сталъ во главѣ ихъ. Загляните въ лѣтописи исторіи, и это постоянство сочтется за феноменъ вѣрности, въ особенности, если принять во вниманіе тѣ лишенія, при которыхъ они не измѣнили и тотъ способъ, какимъ они осмѣлились поднять бѣлое знамя. Горсть французовъ борется за короля,—неужели-же они не имѣютъ права поинтересоваться, гдѣ находится ихъ повелитель? Гдѣ находятся многочисленные принцы его крови, когда ихъ присутствіе могло-бы увлечь за ними общественное мнѣніе, равномѣрное настроеніе котораго не поддается воздѣйствію простыхъ смертныхъ, окруженныхъ много-

---

[1]) Записка, адресованная Сенскимъ префектомъ Лакюэ.—Рокенъ, „L'état de la France au 18 brumaire“, стр. 286.

численными врагами, часть которыхъ перестала бы существовать, увидѣвъ монарха во главѣ насъ. Какъ человѣкъ слишкомъ почтительный и слишкомъ преданный крови моихъ повелителей,—какова-бы ни была ихъ участь,—я не сомнѣваюсь въ томъ, что, если бы они могли явиться въ нашу среду, они оказались бы на своемъ мѣстѣ. Но почему они думаютъ, что не могутъ сюда явиться“ [1]).

Наученный опытомъ, Людовикъ XVIII долженъ былъ проявить своего рода политическую мудрость, доказательство которой онъ далъ на тронѣ. Но въ 1795 г. онъ не утратилъ еще иллюзій, разсѣянныхъ впослѣдствіи событіями. Передъ смертью несчастнаго Людовика XVII, въ запискѣ, адресованной имъ къ „своему народу“, онъ обѣщалъ прощеніе всѣмъ, кто былъ повиненъ въ ошибкахъ и заблужденіяхъ Революціи, но онъ исключалъ отсюда цареубійцъ, стоявшихъ въ то время у кормила правленія. Онъ объявлялъ о намѣреніи своемъ уничтожить злоупотребленія стараго режима, хотя высказывался за возстановленіе прежней политической организаціи королевства, съ нѣкоторыми ограниченіями, которыя, быть можетъ, могли пройти незамѣченными, вслѣдствіе сохраненія старыхъ формулъ [2]).

Идеи Людовика XVIII измѣнились, какъ это видно изъ письма, адресованнаго имъ къ императору Россійскому во второй половинѣ 1799 года. Въ этомъ письмѣ онъ признавалъ необходимость успокоить своихъ подданныхъ насчетъ проектовъ, какіе приписывались ему, а также разслѣдовать, что̀ въ учрежденіяхъ стараго режима заслуживало возстановленія или же окончательнаго уничтоженія.

Онъ возобновлялъ обѣщанія амнистіи, исключая изъ нея цареубійцъ, во всякомъ случаѣ увѣренныхъ въ снисхожденіи, буде они окажутся того достойными. Генераламъ онъ обѣщалъ сохраненіе ихъ чиновъ. Въ концѣ іюля Людовикъ написалъ графу д'Артуа письмо въ такомъ же духѣ, указывая на снисхожденія, какія онъ готовъ былъ сдѣлать присвоившимъ себѣ національныя имущества, уже высказывалъ тутъ мнѣніе, что можно было-бы согласить справедливость съ потребностями даннаго положенія, вознаградивъ жертвъ грабежа. Эти намѣренія, отличавшіяся еще нѣкоторой неопредѣленностью, свидѣ-

---

[1]) Письмо отъ 25 февраля 1796 г. — „Louis de Frotté et les insurrections normandes“, де-ла-Сикотьера, I, 417.

[2]) „Les Bourbons et la Russie pendant la Révolution française“, Эрнеста Доде, стр. 19.

тельствовали о прогрессѣ ума наблюдательнаго и разсудительнаго. Но каковы-бы ни были чувства Людовика XVIII, они были мало извѣстны народу и были опровергнуты эмигрантами, фракціей роялистской партіи, возстававшей противъ всякой уступки и поддерживавшей въ общественномъ мнѣніи опасенія, которыя слѣдовало разсѣять [1]).

И такъ, королевская власть повидимому не оказывалась призванною наслѣдовать правительству, которому грозило скорое паденіе.

IV.

Директорія кончила свою карьеру у ногъ побѣдоноснаго генерала. Франція узнала свободу только номинально, какъ слово, повторявшееся голосами демагогіи. Она испытала худшее изъ рабствъ. Почему-же ей было страшиться какого-то деспотизма, сулившаго ей безопасность? Бонапартъ воплощалъ въ себѣ военную власть; это былъ точно также участникъ вандеміера, предоставившій силу къ услугамъ умиравшаго Конвента. Онъ успокоилъ сторонниковъ порядка, не вызвавъ тревоги въ тѣхъ, кого прошлое привязывало къ Революціи. Онъ восторжествовалъ надъ нею, не отвергнувъ ея наслѣдства. Можно думать даже, что онъ сохранилъ нѣчто изъ якобинскихъ традицій, когда послѣдній Конде, по его распоряженію, подвергся разстрѣлянію въ Венсенскихъ рвахъ, а Пій VII, подобно Пію VI, былъ осужденъ на самое жестокое плѣненіе. То были дѣянія — заставляющія поблекнуть историческую славу злоупотребленія властью, о которыхъ потомство въ правѣ судить строго. Но народы многое прощаютъ тѣмъ, кто спасъ ихъ отъ анархіи и привелъ къ побѣдамъ.

Господствующее чувство въ эпоху 18-го брюмера было таково, какъ выражалъ его одинъ современникъ:

„Парижъ и Франція выходили изъ хаоса. Теперь желали порядка, какъ прежде желали свободы, во что бы то ни стало. То было новое сладкое чувство для каждаго, ложась въ постель, до нѣкоторой степени быть увѣреннымъ за свою голову, до извѣстной степени быть хозяиномъ своего благосостоянія“ [2]).

Сколько бы ни вздыхали поклонники Революціи объ ея

---

[1]) „Les émigrés et la seconde coalition“, Эрнеста Доде, стр. 166 и слѣд.
[2]) Ш. Лакретелль, „Dix années d'épreuves pendant la Révolution“, стр. 387.

пресѣченіи, они должны были признать универсальность слѣдующаго мнѣнія:

„Это было, какъ себѣ представляю, — говоритъ Эдгаръ Кине,—наивысшимъ огорченіемъ для послѣднихъ представителей свободы во Франціи; послѣ этого всякое горе является забавой. Они полагали, что за ними идетъ народъ, душой коего они владѣютъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней они сновали то туда, то сюда, отыскивая его глазами на перекресткахъ и въ публичныхъ мѣстахъ. Ни единое эхо не откликнулось. Совѣтъ Пятисотъ встрѣчалъ лишь изумленныя лица, умы, внезапно обратившіеся къ силѣ, невѣрующихъ или безмолвныхъ“ [1]).

18-е брюмера явилось роковой, необходимой развязкой режима, тиранія котораго не скрывала болѣе своей слабости. Цезаризмъ народился изъ излишествъ Революціи и насилій Директоріи.

Одни предвидѣли въ новомъ царствованіи упроченіе своихъ положеній, другіе—зарю новыхъ удачъ. Диктаторъ не замедлилъ украситься императорской короной. Онъ возстановилъ поруганные алтари, связалъ свое имя съ цѣлымъ кодексомъ законовъ, диктовалъ волю свою Европѣ. Но его самолюбіе вырыло ему могилу. Только воспоминаніе о выигранныхъ сраженіяхъ пережило утраченныя побѣды. Франція пала изнуренная военной славой, предварительно подавленная и опустошенная кровавой революціей.

---

[1]) „La Révolution“, II, кн. XXIII, тетр. 1.

Глава III.

Тюрьмы во время Террора.

I. Тюрьмы въ Парижѣ.—II. Тюрьмы въ провинціи.—III. Разсказы заключенныхъ.—IV. Ихъ думы и чувства.

I.

Революція совершилась подъ кличъ свободы; она захватила Бастилію и не хотѣла оставить отъ нея камня на камнѣ. Едва успѣла восторжествовать революціонная партія, какъ нельзя было сдѣлать шага, чтобы не наткнуться на тюрьмы, которыхъ, однако, не хватало для заключенія всѣхъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ сажали туда ежедневно.

Гильотинѣ было вдоволь работы,—мѣста, освобождавшіяся ея жертвами, заполнялись новыми узниками, обреченными на такую же смерть.

Никогда во Франціи не было столько узниковъ, какъ въ эпоху, наступившую съ „года свободы“.

Въ Парижѣ насчитывали 36 обширныхъ тюремъ и столько же темницъ; 1.200 тюремъ и 40.000 темницъ въ департаментахъ.

9-го флореала II года въ Парижѣ число узниковъ простиралось до 7.840, а въ слѣдующемъ мессидорѣ 25-го числа цифра эта, несмотря на усиленныя казни, достигла 7.502. Въ Брестѣ ихъ было 957, въ Аррасѣ—1.000, въ Тулузѣ—1.500, въ Страсбургѣ—свыше 3.000, въ Нантѣ общая цифра числа узниковъ съ декабря мѣсяца 1793 года до первыхъ чиселъ февраля, т. е. въ періодъ двухъ мѣсяцевъ, составляла 13.000 человѣкъ [1]).

[1]) Альфредъ Лаллье, „Les prisons de Nantes pendant la Révolution“, стр. 91. Тэнъ, „La Révolution“, III, кн. IV, тетр. 1.

Въ 1794 году въ Бургѣ на 7.000 жителей приходилось 340 заключенныхъ. Аресты производились по *классамъ*, причемъ департаментъ доставлялъ контингентъ въ 1.000 человѣкъ [1]).

Во всей Франціи число узниковъ представило ужасающую цифру въ 433.000 человѣкъ [2]).

Отъ 12.000 до 15.000 человѣкъ были арестованы въ департаментахъ Воклюзы и устьевъ Роны [3]).

Въ случаѣ ареста какого нибудь подозрительнаго лица, къ нему являлся коммиссаръ и накладывалъ печати; этимъ обстоятельствомъ часто пользовались для грабежей, искушавшихъ революціонную алчность. Каждый отдѣлъ имѣлъ въ Парижѣ камеру или „скрипку“, куда приводились арестованные. Они рѣдко оставались тамъ болѣе 24-хъ часовъ, исключая періода въ концѣ Террора, когда приходилось ожидать мѣста, не хватавшаго по тюрьмамъ. Изъ „скрипокъ“ подозрительныхъ вели въ арестантскія при мэріяхъ, вмѣстѣ съ ворами и бродягами, предоставляли ихъ грубостямъ надзирателей, приставленныхъ охранять это депо, гдѣ приходилось иногда оставаться по двѣ недѣли [4]).

Кто же могъ считать себя свободнымъ, чувствуя надъ собою непрестанный Дамокловъ мечъ? Однимъ давалась простая „отсрочка“, иначе сказать—они всегда могли ожидать своего арестованія; другимъ воспрещалось переступать границу своихъ коммунъ; третьи состояли подъ домашнимъ арестомъ, причемъ, бо̀льшею частью, при нихъ находился караулъ, который они должны были оплачивать [5]), и присутствіе котораго являло собою гнусное, непрерывное шпіонство. Подобная жизнь была пыткой, терзавшей людей ежедневно, ежечасно. Что же должно было ожидать подозрительныхъ за порогомъ тюрьмы?

Тамъ съ нихъ срывали ихъ платье, подвергали ихъ *обшариванію*,—операціи, состоявшей въ обыскиваніи, подчасъ весьма

---

[1]) „Bourg et Belley pendant la Révolution“, Ш. Жаррена, стр. 125, 126.

[2]) Тэнъ, „La Révolution“, III, стр. 384, прим. 2.

[3]) Ibid., III, кн. IV, тетр. 1.

[4]) Прусиналь, „Historie secrète du tribunal révolutionnaire“, I, гл. VIII.

[5]) Въ Парижѣ революціонный комитетъ Люксанбургскаго отдѣла принуждалъ тѣхъ, кого онъ оставлялъ подъ домашнимъ арестомъ, оплачивать до трехъ караульщиковъ по 5—6 ливровъ въ день, не считая помѣщенія и пропитанія. (Александръ Сорель, „Le couvent des Carmes et le seminaire de Saint Sulpice pendant la Terreur“, стр. 343 и слѣд.).—Въ Бордо, при графинѣ д'Амблимонъ, урожденной Шамонъ-Китри, вплоть до 9-го термидора, состояли три караульщика, которыхъ она должна была содержать и оплачивать по 4 франка въ сутки („Souvenirs d'émigrations“, маркизы Лажъ де-Волюдъ. Evreux, 1869, in 8°, стр. 134).

неприличномъ. Такимъ образомъ ихъ обирали до чиста, что не препятствовало, однако, драть съ нихъ страшную цѣну за ихъ пропитаніе, за ихъ помѣщеніе, за ихъ сторожей.

Не всѣ тюрьмы подчинены были одинаковому режиму. Онѣ отличались между собою не только обращеніемъ съ узниками, но также принятымъ тамъ образомъ жизни и существовавшими въ нихъ элементами. Если страданія и составляли въ нихъ общій удѣлъ, то, во всякомъ случаѣ, эти страданія могли быть смягчены богатствомъ.

Въ тюрьмахъ собирались тогда самые разнокалиберные люди. Невинные смѣшивались съ преступными; но преступныхъ-то и было тамъ всего менѣе. Люди самыхъ видныхъ положеній размѣщались вмѣстѣ съ самыми темными личностями недовѣрчивой тираніей, всюду усматривавшей подозрительныхъ, которыхъ надо арестовать, виновныхъ, заслуживавшихъ наказанія. Въ Брестѣ на 975 арестантовъ насчитывали 106 дворянъ, 239 дворянокъ, 174 священника или монаховъ, 206 монахинь, 111 работницъ, портнихъ, бѣлошвеекъ, 46 мастеровыхъ или ремесленниковъ, 17 купцовъ и 3 человѣка либеральныхъ профессій [1]).

„Въ Ліонскихъ тюрьмахъ сидятъ вмѣстѣ аристократки, мужички, монахини, публичныя женщины, богачихи, бѣдныя служанки, крестьянки и торговки травами. Фономъ для всѣхъ ихъ, затерянные въ толпѣ, служатъ шпіоны, существованіе которыхъ было извѣстно всѣмъ и каждому, хотя они оставались невѣдомыми“ [2]).

Если заключеннымъ удавалось миновать какого-либо омерзительнаго сосѣдства, за то на долю ихъ доставались оскорбленія, дурное обращеніе тюремщиковъ, отсутствіе сношеній съ внѣшнимъ міромъ, неувѣренность въ участіи дорогихъ для нихъ людей, ожиданіе несправедливаго суда и неизбѣжнаго осужденія.

Дѣти точно также обрекались на тюремное заключеніе, хотя они не сдѣлали иного преступленія, кромѣ того, что они начали жить.

Въ Лаонѣ сидѣли въ заключеніи дѣти отъ 3 — 12 лѣтъ; были и такіе, которымъ было всего по 1 году 8 мѣсяцевъ [3]).

Въ Аррасской тюрьмѣ находился одинъ торговецъ угольями

---

[1]) Дюшателлье, „Brest pendant la Terreur“, стр. 205.

[2]) „Une famille noble sous la Terreur“, Александрины des Echerolles, стр. 143.

[3]) А. Комбье, „La justise criminelle à Laon pendant la Révolution“, I, 348.

съ женой и съ семерымъ дѣтьми отъ 6—17 лѣтъ; одна вдова съ четырьмя дѣтьми, другая съ девятью, изъ коихъ младшему было 3 года; наконецъ, шесть человѣкъ дѣтей изъ одной и той же семьи, у которыхъ не было ни отца, ни матери [1]).

Въ теченіе вентоза II года, нѣкій Деве жаловался, что вынесъ шестимѣсячное заключеніе безо всякаго къ тому повода, безъ малѣйшаго допроса. Другой оказался забытымъ въ тюрьмѣ цѣлыхъ три мѣсяца. Петиція, посланная имъ по этому поводу, вызвала со стороны агента Лаонскаго округа письмо, гдѣ въ жерминалѣ III года, констатируется фактъ, что многіе изъ заключенныхъ находились въ такомъ же положеніи. 25-го фруктидора общественный обвинитель признался, что, за многочисленными своими „занятіями", позабылъ о Суассонскихъ заключенныхъ [2]).

Такое скопленіе несчастныхъ пріумножало ихъ страданія. Если ихъ показанія обвинять въ преувеличеніи, то во всякомъ случаѣ нельзя оспаривать свидѣтельство агента революціоннаго правительства.

Въ одномъ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ, гражданинъ Гранпре приводитъ слѣдующія подробности о состояніи тюремъ „Conciergerie", 17-го марта 1793 года:

„Потрясающее впечатлѣніе, произведенное на меня видомъ этихъ несчастныхъ, скученныхъ въ этомъ ужасномъ помѣщеніи, не поддается описанію; притомъ, не могу понять жестокости полицейскихъ офицеровъ, которымъ поручено наблюденіе за ними, и безпечности судовъ къ тому, чтобы оправдать или осудить обвиняемыхъ.

„Всѣ тюрьмы были опустошены въ эпоху, оскверненную навѣки,—2 и 3 сентября. А между тѣмъ въ настоящее время тамъ находится 950 заключенныхъ: 320 человѣкъ сидятъ въ отелѣ „de la Force", 44 — въ „Sainte-Pélagie, 206 — въ Бисетрѣ и 380 — въ „Conciergerie". Послѣдняя тюрьма, по самому своему положенію, находясь по близости отъ уголовнаго суда, всегда предназначалась для содержанія преступниковъ, и, согласно новой организаціи, должна была служить исключительно зданіемъ суда; а между тѣмъ она сразу исполняетъ роль арестнаго дома, суда и смирительнаго дома... Я видѣлъ тамъ тридцать мужчинъ и женщинъ, присужденныхъ къ смертной казни; изъ нихъ всѣ тѣ, у кого дѣла

[1]) Тэнъ, „La Révolution", III, кн. IV, гл. 1.
[2]) А. Комбье, „La justice criminelle pendant la Révolution", I, 541, 542.

позатянулись [1]), озаботились подать на кассацію, и все имѣющееся въ ихъ распоряженіи время употребляютъ на всевозможныя попытки, то покушаясь на свою жизнь, то затѣвая возстаніе за стѣнами тюрьмы или даже внутри ея, причемъ ихъ ужасныя сборища, обнаруживая передъ ними ихъ силу, заставляютъ находиться подъ постояннымъ страхомъ за осуществленіе ихъ проектовъ. Что особенно способствуетъ ихъ отчаянію и рѣшимости не останавливаться ни передъ чѣмъ окончательно,—это именно жестокость, съ какою ихъ всѣхъ скучиваютъ въ одной камерѣ и неисчислимыя муки, какія они испытываютъ по ночамъ. Я какъ-то посѣтилъ ихъ и не нахожу достаточно сильнаго выраженія для описанія испытаннаго мною чувства ужаса, при видѣ 26 человѣкъ, скученныхъ въ одной и той-же камерѣ, расположившихся на 21 циновкѣ, вдыхавшихъ самый смрадный воздухъ, прикрытыхъ полусгнившими лохмотьями. Въ другой камерѣ находилось 45 человѣкъ, сваленныхъ на 10 убогихъ койкахъ; въ третьей—38 умирающихъ, тѣснившихся на 9 кушеткахъ; въ четвертой—очень маленькой—14 человѣкъ, для которыхъ не находилось мѣста въ 4 клѣткахъ, наконецъ, въ пятой, шестой и седьмой камерахъ—85 несчастныхъ тѣснились другъ около друга, стараясь растянуться на 16 циновкахъ, кишащихъ червями, и не находя возможности преклонить своей головы. Подобное зрѣлище заставило меня въ ужасѣ отступить; у меня теперь пробѣгаетъ морозъ по кожѣ, при одной попыткѣ нарисовать эту картину. Съ женщинами обращаются не лучше. 54 изъ нихъ вынуждены были лечь на 19 циновкахъ, или смѣняться поочередно, чтобы остаться на ногахъ и не задохнуться, ложась одна на другую...

„Тюрьмы переполняются ежедневно; почти ни одинъ узникъ оттуда не выходитъ; туда же пребываетъ большое число новыхъ безпрестанно... Постоянный кризисъ, въ какомъ находится Республика, внутреннія частыя волненія, какъ слѣдствіе этого кризиса, слухи о новой рѣзнѣ, которые не перестаютъ распространять, постоянно носящаяся передъ глазами картина совершившагося передъ ними, — все это наполняетъ ужасомъ души этихъ несчастныхъ; они переживаютъ смертную агонію по тысячѣ разъ въ день, проклиная минуту, которая спасла

[1]) Не то было, когда число казней возросло. Мнимые заговоры въ тюрьмахъ имѣли цѣлью вызвать многочисленныя присужденія къ смертной казни, чтобы очистить мѣста въ тюрьмахъ, въ чемъ въ концѣ концовъ оказывался недостатокъ.

ихъ жизнь только для того, чтобы предать повседневной мучительной неопредѣленности, во сто кратъ болѣе лютой, нежели всевозможные роды смертей“ [1]).

Для поддержанія своихъ силъ, узники не располагали ничѣмъ, кромѣ ужасной или же недостаточной пищи.

„Умирая съ голоду,—пишетъ одинъ изъ нихъ,—мы отбивали у собакъ кости, предназначенныя для ихъ пропитанія, и растирали ихъ въ порошокъ для варки бульона“ [2]).

Когда ко всѣмъ ужасамъ подобной неволи присоединялась болѣзнь, можно себѣ представить, какое опустошеніе она производила среди узниковъ, лишенныхъ всякаго ухода, въ которомъ имъ отказывали подчасъ съ безчеловѣчіемъ.

Одинъ очевидецъ, оставилъ нижеслѣдующее потрясающее описаніе Нантскихъ тюремъ:

„Я былъ свидѣтелемъ гибели въ революціонной больницѣ 75 узниковъ въ два дня. Тамъ валялись только одни прогнившіе матрасы, на каждомъ изъ которыхъ эпидемія пожрала болѣе пятидесяти человѣкъ... Въ пакгаузѣ я увидѣлъ множество труповъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ; я видѣлъ дѣтей, трепетавшихъ и утопавшихъ въ лоханяхъ, переполненныхъ человѣческими экскрементами“ [3]).

Такимъ образомъ, въ Нантѣ изъ 13.000 заключенныхъ болѣзнь унесла 3.000 человѣкъ. Тюремные доктора часто оставляли безъ всякаго вниманія больныхъ, которыхъ они должны были изслѣдовать. Главный врачъ Консьержери, по имени Тьери, извѣстный своими революціонными взглядами, производилъ свою визитацію 42 больныхъ въ теченіе 22 минутъ, что составляетъ немного болѣе полминуты на человѣка. Однажды, подойдя къ постели больного, онъ сталъ щупать у него пульсъ. „Ему сегодня лучше, нежели вчера“,—замѣтилъ онъ равнодушно.—Точно такъ, гражданинъ,—отвѣтилъ ему больничный служитель,—только это другой: вчерашній больной умеръ и этотъ занялъ его мѣсто.—„Это другое дѣло,—возразилъ докторъ. Ну, такъ пускай ему приготовятъ тизаны“ [4]).

Какимъ именемъ можно было назвать мѣсто, отведенное въ Консьержери для больныхъ узниковъ? Вотъ что говоритъ Бёньо, разсказывавшій объ этой тюрьмѣ, на основаніи собственнаго опыта:

---

[1]) Валонъ, „La Terreur“, II, 87.
[2]) Пескайръ, „Tableau des prisons de Toulouse“, стр. 316.
[3]) „Déposition de l'officier de santé Thomas dans le procés Carrier“.—Кампардонъ, „Le Tribunal révolutionnaire“, II, 55.
[4]) Добанъ, „Les prisons de Paris“, стр. 151.

„Отъ 40 до 50 коекъ стояли по обѣимъ сторонамъ этого корридора, гдѣ на этихъ койкахъ валялись по двое, а часто и по трое несчастныхъ, съ различными болѣзнями. Освѣжать воздухъ въ этомъ корридорѣ было совершенно немыслимо. Не болѣе того заботились и о перемѣнѣ соломы на койкахъ и о чисткѣ одѣялъ, такъ что несчастный, попадавшій туда, обертывался въ цѣлыя облака зловонія и гнилостности. Разложенія эти доходили до такого обилія, что гнѣздились на мостовыхъ плитахъ, такъ что въ самую сухую погоду нельзя было пройти черезъ больницу, не загрязнивъ себѣ обуви...

„Въ случаѣ смерти одного изъ больныхъ, ему прикрывали голову частью того одѣяла, которымъ пользовался и его сосѣдъ, и послѣдній, конечно, несчастнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, леденѣлъ отъ ужаса, въ ожиданіи, пока его отдѣлятъ отъ этого трупа".

Нездоровое помѣщеніе въ тюрьмахъ часто порождало болѣзни и ускоряло смерть. И однако—фактъ, который могъ бы показаться невѣроятнымъ, если-бы онъ не былъ засвидѣтельствованъ очевидцемъ, достойнымъ довѣрія,—люди, заболѣвавшіе смертельными недугами, выздоравливали въ этихъ тюрьмахъ, которыя привыкли считать преддверіемъ смерти [1]).

Тюрьмы этой эпохи были различны, не только относительно болѣе или менѣе суроваго обхожденія, какое тамъ приходилось выносить, но и по ихъ строю, моральному размѣщенію узниковъ, образу ихъ жизни, ихъ занятіямъ и, подчасъ, ихъ развлеченіямъ.

Изъ парижскихъ тюремъ наиболѣе страшными являлись „la Force", „le Plessis", „Bicêtre" и „la Conciergerie", о которой только что упоминалось. О послѣдней изъ этихъ тюремъ мы имѣемъ разсказъ одного узника, который лучше познакомитъ насъ съ нею. Разсказъ этотъ принадлежитъ Болье, писателю и журналисту.

„Въ то время,—говоритъ онъ,—когда казематы Консьержери открылись для людей, извѣстныхъ подъ именемъ контрреволюціонеровъ, эта тюрьма, самая ужасная, самая нездоровая изъ всѣхъ, была еще полна несчастными, обвиненными въ кражахъ и убійствахъ, исхудалыми, отвратительными, вслѣдствіе своей нищеты, представлявшими собою олицетвореніе всего, самаго чудовищнаго, самаго отталкивающаго, что только можетъ соединить въ себѣ человѣческая природа. Съ этими-то

---

[1]) „Journal des prisons de mon père, de ma mère et des miennes", герцогини де-Дюрасъ.

несчастными и были посажены вмѣстѣ въ самыхъ ужасныхъ казематахъ—графы, маркизы, сластолюбивые финансисты, элегантные франты и не мало злополучныхъ философовъ. Здѣсь приходилось выжидать, пока пришедшіе первыми, присужденные къ смертной казни, освобождали мѣста въ убѣжищахъ, почти столь же печальныхъ, но гдѣ, по крайней мѣрѣ, можно было поставить походную кровать. До полученія этого убогаго ложа, васъ на ночь запирали вмѣстѣ съ негодяями, прозванными „pailleux", посреди омерзительной нечистоты, превосходившей ту, въ какой валяются самыя нечистоплотныя животныя. Вновь прибывшіе, въ большинствѣ случаевъ, проходили черезъ это испытаніе. Камеръ съ постелями ожидали иногда по двѣ недѣли, платя за нихъ по 18 франковъ въ мѣсяцъ, хотя многіе пользовались ими всего одну ночь.

„Надо самому познать, что такое представляютъ собою эти адскія мѣста, чтобы понять то пріятное наслажденіе, какое доставляла какая нибудь убогая постель въ углу подобной тюрьмы. Я спалъ или вѣрнѣе находился всего три ночи съ шайкой воровъ въ смрадной тюрьмѣ: одни ругались, другіе курили, третьи повѣствовали о своемъ удальствѣ; приходилось съ ними пить водку, въ угоду имъ дѣлать разныя мерзости, подъ страхомъ побоевъ съ ихъ стороны, а быть можетъ, и убійства".

Въ теченіе дня узники имѣли право выходить изъ казематовъ, куда ихъ запирали на ночь, скликая при помощи солдатъ. „Затѣмъ насъ пересчитывали, какъ какое-то стадо животныхъ,—продолжаетъ Больё,—послѣ чего съ страшнымъ шумомъ за нами замыкалось 7 — 8 дверей. Нѣсколько времени спустя, снова появлялся одинъ изъ помощниковъ тюремщика, со спискомъ осужденныхъ, который онъ раздавалъ тѣмъ, кто на завтра долженъ былъ предстать передъ страшнымъ трибуналомъ, и посмѣиваясь съ свойственной ему жестокостью, приговаривалъ: На, вотъ твое свидѣтельство о смерти" [1]).

Ничто не рисуетъ такъ изящные и утонченные нравы общества XVIII вѣка, какъ привычки, не утраченныя даже въ разгаръ самаго жестокаго заточенія свѣтскими женщинами, оставшимися вѣрными обычаямъ и традиціямъ времени ихъ благоденствія. Такими являются онѣ въ Консьержери, гдѣ графъ Бёньо сравниваетъ ихъ съ „цвѣтникомъ, усѣяннымъ цвѣтами, но заключеннымъ въ оковы".

---

[1]) „Essais historiques sur les causes et les effets de la Révolution en France", стр. 287—367.

„По утрамъ онѣ являлись, — какъ разсказываетъ онъ, — въ кокетливомъ неглиже, отдѣльныя части котораго были подобраны съ такой свѣжестью и грацiей, что весь ансамбль ничѣмъ не напоминалъ о ночи, проведенной на койкѣ или чаще всего на зловонной соломѣ. Вообще женщины воспитанныя, попадавшiя въ Консьержери, до конца сохраняли тамъ священный огонь хорошаго тона и вкуса. Послѣ утренняго появленiя въ неглиже, онѣ снова поднимались наверхъ въ свои камеры и къ полудню спускались внизъ въ изысканныхъ туалетахъ и красивыхъ прическахъ. Онѣ и держали себя иначе, чѣмъ утромъ; въ нихъ было что-то болѣе рѣшительное, своего рода сознанiе собственнаго достоинства; къ вечеру онѣ являлись въ дезабилье. Я замѣтилъ, что почти всѣ женщины, которыя только располагали этой возможностью, соблюдали три дневныхъ костюма. Остальныя замѣняли изящество чистоплотностью, доступной въ ихъ положенiи. Женскiй дворъ обладалъ однимъ сокровищемъ: фонтаномъ, такъ что воды у нихъ было сколько угодно, и каждое утро я наблюдалъ, какъ эти злополучныя бѣдняжки, захватившiя съ собой, а быть можетъ, только и имѣвшiя одно платье, суетились вокругъ этого фонтана, занятыя стиркой и чисткой съ неутомимымъ соревнованiемъ. Первый часъ дня посвящался ими этимъ заботамъ, отвлечь отъ коихъ не могло ихъ ничто, ниже обвинительный актъ“.

Люксанбургская тюрьма представляла картину высшей аристократiи и придворной вѣжливости. Сановники и дворяне продовольствовали на свой счетъ санкюлотовъ, подобно тому, какъ содержали свою дворню,—послѣдняя роскошь, по которой судили о средствахъ узниковъ. Они поддерживали этикетъ, титулуя другъ друга, обмѣниваясь визитами и подъ сводами тюрьмы не измѣняли привычкамъ салонной жизни.

Снаружи были приставлены часовые, для воспрепятствованiя роднымъ и друзьямъ утѣшать узниковъ своими рѣчами и присутствiемъ. Протянутая веревка указывала границу, преступать которую воспрещалось, а на каждомъ деревѣ можно было прочесть слѣдующую надпись:

„Граждане, проходите своей дорогой, не поднимая глазъ на окна этой тюрьмы“ [3]). Чтобы обойти принятыя мѣры и преодолѣть препятствiя, любовь прибѣгала къ хитрости, которая вознаграждалась иногда успѣхомъ. Голосъ газетчика раздавался время отъ времени въ Люксанбургскомъ саду. Онъ

[1]) Пруссиналь, „Histoire secrète du tribunal révolutionnaire“, 1, гл. VIII.

выкрикивалъ такъ, чтобы его услышали узники: „Вотъ списокъ выигравшихъ въ лотерею святой гильотины! Кто хочетъ просмотрѣть этотъ списокъ? Сегодня назначено 60 человѣкъ“ [1]).

Старость не была пощажена отъ дурного обращенія и оскорбленій.

„Въ числѣ узницъ,—разсказываетъ Больё въ описаніи своего Люксанбургскаго заточенія, — находились герцогини де-Нойалль [2]) и д'Айэнъ. Первой было около 83 лѣтъ и она была почти совсѣмъ глухая. Она съ трудомъ могла ходить и тѣмъ не менѣе должна была, подобно другимъ, отправляться къ котлу, неся съ собой бутылку, тарелку и деревянный приборъ, иного не позволялось имѣть. У всѣхъ подводило животы отъ голода, когда они направлялись къ этому жалкому обѣду, и каждый спѣшилъ придти раньше другихъ, не обращая вниманія на тѣхъ, кто шелъ рядомъ съ нимъ. Старую жену маршала толкали также, какъ и другихъ. Слишкомъ слабая, чтобы выносить эти толчки, она тащилась вдоль стѣны, во избѣжаніе ежеминутной опасности быть опрокинутой; она не рѣшалась двинуться ни взадъ, ни впередъ и добиралась до стола, когда всѣ успѣвали уже усѣсться. Тюремщикъ грубо хваталъ ее за руку, заставлялъ выдѣлывать пируэтъ и сажалъ на скамью. Однажды ей показалось, что этотъ человѣкъ что-то говоритъ ей, и она обернулась къ нему съ вопросомъ: „Что вы говорите?“—Я говорю, старая чертовка, что здѣсь некому ходить за твоей юбкой.

„И онъ посадилъ ее на скамью, словно сложилъ какой нибудь узелъ“.

Одна женщина, состоявшая служанкой маршала и супруги маршала де-Муши, раздѣлявшая вмѣстѣ съ ними ихъ Люксанбургское заточеніе, описала ихъ времяпровожденіе:

„Маршалъ вставалъ первымъ, очень рано, зажигалъ свѣчу, молился Богу и пилъ кофе. Затѣмъ вставала г-жа Муши и завтракала. Когда она была одѣта, я шла для нѣкоторой услуги къ madame д'Ошефоръ, съ которой они обыкновенно жили вмѣстѣ, затѣмъ я возвращалась къ совершенію ихъ туалетовъ. Послѣ того они удалялись изъ своей камеры, чтобы я могла прибрать ее. Въ это именно время они отправлялись

---

[1]) Больё, „Essais historiques sur les causes et les effets de la Révolution en France“. Разсказъ объ его заключеніи въ Консьержери и въ Люксанбургѣ, стр. 287—367.

[2]) Маршальша де-Нойалль, умершая на революціонномъ эшафотѣ вмѣстѣ съ герцогиней д'Айэнъ, ея невѣсткой, и виконтессой де-Нойалль, ея внучкой.

къ герцогинѣ Орлеанской [1]), и всегда возвращались отъ нея въ полномъ восторгѣ отъ ея ангельской доброты. Они не могли ею достаточно нахвалиться, что относилось и къ нимъ самимъ. Они приходили домой въ 12 час. 30 мин. пополудни; въ часъ имъ приносили обѣдъ...

„Являлось нѣсколько визитеровъ; затѣмъ супруги де-Муши шли присутствовать при обѣдѣ сосѣдей. По возвращеніи, они играли другъ съ другомъ въ пикетъ. Маршалъ прохаживался по дому. Къ пяти часамъ общество собиралось вмѣстѣ. По временамъ оно бывало слишкомъ многочисленнымъ, принимая во вниманіе тѣсноту комнаты и мою тревогу, по поводу множества шпіоновъ... Въ 8 часовъ всѣ расходились. Мы ужинали. Когда намъ давались газеты, то ихъ приносили именно въ эти часы. Въ послѣднее время, я заранѣе старалась проглядѣть, нѣтъ-ли тамъ чьихъ либо именъ изъ тѣхъ, кого особенно страшились встрѣтить въ спискѣ осужденныхъ М. и madame де-Муши; и если тамъ оказывались таковыя, я припрятывала газеты до другого дня“ [2]).

Монастырь Англичанокъ, подобно другимъ, былъ преобразованъ въ тюрьму. Стѣны рѣшили окрасить черной краской, и узники жаловались, что задыхались отъ запаха краски: „Велика бѣда,—отвѣчалъ имъ Бертранъ, привратникъ тюрьмы, состоявшій коммиссіонеромъ.—Только бы мнѣ васъ уморить, тогда я буду свободенъ“.

Одинъ заключенный фигурировалъ на тюремной росписи съ слѣдующей странной помѣткой:

„Заподозрѣнный въ подозрѣніи относительно недостатка патріотизма“. Въ настоящее время подобное обвиненіе представляется скорѣе смѣшнымъ, чѣмъ серьезнымъ. Не то было въ тѣ времена, когда жизнь и свобода зависѣли отъ безразсудной тираніи и отъ грубаго невѣжества. Узникъ, узнавъ о тяготѣвшемъ на немъ преступленіи, сообщилъ о томъ своему тюремщику, которому оно представилось чрезвычайно тяжкимъ, и онъ отвѣтилъ: „Я скорѣе бы согласился быть обвиненнымъ въ воровствѣ 4 лошадей и даже въ убійствѣ“.

Другая черта рисуетъ особенности воспитанія людей, ко-

---

[1]) Дочь герцога де-Пентьевръ. Арестована въ началѣ 1794 г., имущество ея было конфисковано послѣ 18 фруктидора; Директорія отправила ее въ Испанію.

[2]) „Journal de madame Latour contenant des détails sur la prison du Luxembourg pendant les années 1793 et 1794; avec madame la maréchale la duchesse de Mouchy“, изданный, какъ продолженіе „Journal des prisons de la duchesse de Duras“, стр. 230.

торымъ революціонная партія довѣряла важныя функціи. Дюпомье, состоявшій полицейскимъ администраторомъ, былъ неграмотенъ. Однажды, войдя въ комнату одного узника, онъ засталъ его съ книгою въ рукахъ:

„Что ты тамъ дѣлаешь?“ — обратился онъ къ тому съ вопросомъ.—Вы видите, читаю.— „Развѣ такъ надо отвѣчать?— Я читаю.—Да что читаешь?“

Заключенный подалъ ему книгу. Тогда Дюпомье, не желая выдать своего невѣжества, крикнулъ: „Ты наглецъ; отвѣчай мнѣ, каналья!“ —Я читаю Монтеня.— „А! такъ это гора (la Montagne) вотъ такъ такъ, каналья, книга написанная горой (la Montagne)“ [1]).

Музыка и стихи занимали почетное мѣсто въ „Port-libre“. Виже, братъ г-жи Лебрёнъ, сочинялъ тамъ пьески къ случаю, а Монморанси-Лаваль читалъ тамъ свои риѳмованные отрывки. У одной изъ узницъ родилась дочь, и это событіе было немедленно воспѣто въ романсѣ [2]).

Въ „Madelonnettes“ и въ „Conciergerie“ импровизировались куплеты, которые узники распѣвали тамъ каждый вечеръ. Играли въ карты, въ шашки, въ триктракъ.

Ужасъ тюремнаго пребыванія и ожиданіе смерти не мѣшали разнымъ авантюрамъ, и безчинство, повидимому, бравировало эшафотомъ [3]).

Адскимъ измышленіемъ Робеспьера была эта система шпіонства, учрежденная въ тюрьмахъ и имѣвшая цѣлью доставить противъ заключенныхъ поводы къ обвиненію, служившіе мотивами для ихъ казни. Ихъ превратили въ заговорщиковъ,— жестокая иронія по отношенію къ несчастнымъ, лишеннымъ всякихъ средствъ къ дѣйствію. Таковы были мнимые заговоры въ Бисетрѣ, Люксанбургѣ, „Carmes“, „Saint-Lazare“.

Справедливая кара революцій! Знаменитые террористы, явившись жертвами соперничествовавшихъ партій, въ свою очередь попали въ тѣ тюрьмы, гдѣ до нихъ успѣли побывать столько невинныхъ. На нихъ смотрѣли тамъ съ презрѣніемъ, а подчасъ и подвергали насмѣшкамъ люди, участь коихъ они раздѣляли.

Шометтъ явился какъ-то въ Люксанбургскую тюрьму, изъ которой онъ отправился прямо на эшафотъ.

---

[1]) Пруссиналь „Histoire secrète du tribunal révolutionnaire“.

[2]) „Journal des événements, arrivés à Port-Libre, ci-devant Port-Royal, par un priçonnier“.—Добанъ, „Les prisons de Paris“, 291 и слѣд.

[3]) См. „Les Mémoires du comte Beugnot“ и Добанъ „Prisons de Paris“, 171 и 236.

„Это не былъ болѣе,—какъ передаетъ одинъ узникъ,—тотъ страшный прокуроръ Коммуны, гроза проститутокъ: это былъ просто постыдный субъектъ съ гладкими, лоснящимися волосами. Напоминая собою лисицу, попавшуюся въ собственныя свои сѣти, онъ ходилъ, опустивъ голову, съ потухшимъ и поникшимъ взоромъ, медленной и нетвердой походкой, съ печальнымъ страдальческимъ видомъ, говорилъ кроткимъ, умоляющимъ голосомъ. Сначала его можно было видѣть только черезъ кошачью западню, куда каждый спѣшилъ, чтобы посмотрѣть на него. Наконецъ отворили корридоры, и онъ не избѣгнулъ депутацій. Въ числѣ различныхъ привѣтствій, съ которыми къ нему обращались, интересно одно, принадлежавшее одному извѣстному чудаку, который обратился къ нему съ важностью римскаго сенатора:

„*Величавый агентъ національный, по твоему безсмертному обвиненію я подозрительный человѣкъ, ты подозрительный.* Затѣмъ, указавъ на одного изъ своихъ товарищей, продолжалъ: *Онъ подозрительный, мы подозрительные, вы подозрительные, всѣ они подозрительные*“.

„И отвѣсивъ ему глубокій поклонъ, онъ удалился вмѣстѣ съ своими товарищами, уступивъ мѣсто другой депутаціи“ [1]).

II.

Выше мы ознакомились съ тюрьмами Парижа. Новыя подробности о провинціальныхъ тюрьмахъ будутъ не безполезны, обнаруживъ передъ нами универсальность испытаній и режима, примѣненнаго ко всей Франціи.

Въ Нантѣ, въ Saintes-Claires, численность заключенныхъ представила опасность эпидеміи для города. Люди задыхались отравленнымъ воздухомъ, распространявшимся изъ тюрьмы при открытіи ея дверей,—фактъ, констатированный 17 мая 1793 года офиціальнымъ протоколомъ. Многіе изъ узниковъ умирали отъ голода. Въ Буффе, 9-го ноября 1793 года, оказалось 47 покойниковъ на 206 узниковъ въ теченіе одного мѣсяца, и революціонный судъ, засѣдавшій по сосѣдству, началъ ужасаться этой смертности [2]).

---

[1]) Tableau du Luxembourg fait par un suspect arreté en primaire, an II.— Almanach des prisons, an III, и „Histoire des prisons“, Нусаре, II, стр. 42—100.

[2]) Альфредъ Лалье, „Les prisons de Nantes pendant la Révolution“, стр. 18 и 23.

Въ Аррасѣ, революціонные коммиссары, благодаря потворству сторожей, обольщали женщинъ, опаивая ихъ. Тюрьмы становились театромъ настоящихъ оргій, въ особенности въ дни казней, когда въ довершеніе варварства, молодыхъ дѣвушекъ принуждали пить за здоровье утраченныхъ ими подругъ [1]).

Въ Суассонѣ „было очень мало камеръ; послѣднія представляли собою настоящія клоаки, способныя губить вверженныхъ туда людей, или нездоровой обстановкой, или же отчаяніемъ". Это сказалъ 22 фримера IV года президентъ Исправительнаго Суда въ Суассонѣ [2]).

Въ Бургѣ молодыя женщины, кормившія своихъ дѣтей, получили приказаніе отнимать ихъ отъ груди черезъ двѣ недѣли, и дѣтей разлучали съ ихъ матерями [3]).

Тюльская семинарія служила тюрьмой. Караульные получали по три франка суточныхъ отъ заключенныхъ, на обязанности которыхъ лежала даже плата за прокормленіе собакъ, приставленныхъ сторожить ихъ.

Женщины, заключенныя въ Сентъ-Анжель, обязаны были содержать по четыре караульныхъ, причемъ онѣ протестовали противъ такого излишества. Тюльскіе комитеты якобинцевъ не располагали средствами для пропитанія узниковъ, вслѣдствіе чего послѣдніе оказывались въ ужасно бѣдственномъ положеніи. Началъ ощущаться недостатокъ въ хлѣбѣ, и четверо изъ нихъ умерли голодной смертью. Подобная нищета вызывала состраданіе.

Тогда многіе изъ бѣдныхъ ремесленниковъ стали отдѣлять отъ своего ежедневнаго обѣда „долю узниковъ", причемъ ихъ примѣру послѣдовали еще многія другія небогатыя семьи.

Въ Бривѣ узникамъ приходилось хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Одинъ тюремщикъ плюнулъ однажды имъ прямо въ супъ; другой накидалъ туда нечистотъ. Обыскивали ихъ съ величайшей строгостью, и они были лишены всѣхъ письменныхъ принадлежностей. Одинъ заключенный, желая испросить въ пользу своей жены, которой вскорѣ предстояло разрѣшиться отъ бремени, нѣкоторыя льготы, дозволенныя закономъ,—вынужденъ былъ, для поданія своей челобитной, написать ее своей кровью.

---

[1]) „Atrocités commises envers les citoyennes ci-devant détenues dans la maison d'arrêt dite la Providence, à Arras, par Joseph Lebon et ses adhérents. Par les citoyens" Монже и Пуарье. Парижъ, 7-го нивоза, годъ III, стр. 28.

[2]) „La justice criminelle à Laon pendant la Révolution", Комбье, I, 552.

[3]) „Bourg et Belley pendant la Révolution", Ш. Жаррена, стр. 170.

Въ Треньякѣ за деньги можно было избѣжать тюрьмы. За каждый день свободы назначалась извѣстная пошлина. Членами Революціоннаго Комитета составлены были списки, гдѣ граждане значились расцѣненными налогомъ, начиная отъ 50 до 20.000 ливровъ. Списки эти назывались „черными списками". Вслѣдствіе дурной пищи въ тюрьмѣ появились болѣзни. „Плевать мнѣ на чуму,—говорилъ одинъ коммиссаръ,—лишь бы аристократы заразились ею".

Желаніе его исполнилось, смертность усилилась. Арестовали одного 98 лѣтняго старика, совсѣмъ больного, такъ что онъ не въ состояніи былъ встать съ постели. Караульные схватили его съ постели и бросили на лѣстницу на глазахъ рыдавшихъ его дочерей. Паденіе оказалось смертельнымъ. Еще теплый трупъ старика былъ грубо сволоченъ внизъ по лѣстницѣ, обагренной кровью, струившейся изъ его головы, стукавшейся о ступеньки; затѣмъ его положили на дворѣ, гдѣ онъ и оставался цѣлую ночь [1]).

Монастырь „de la Visitation", въ Тулузѣ, принялъ 25-го апрѣля 1793 года сразу 200 человѣкъ, брошенныхъ въ тюрьму безъ всякаго распоряженія объ арестѣ, ниже судопроизводства. Революціонеры устроили здѣсь систематическую кражу. Узниковъ обирали до-чиста. Нѣкоторые подлежали налогамъ, доходившимъ иногда до 27.000 ливровъ. Это называлось „налогъ на жизнь". Другіе платили по 1.735 ливровъ на иждивеніе караула въ теченіе полугода. Одинъ отецъ долженъ былъ внести 50 ливровъ за позволеніе обнять своего сына, безъ права говорить съ нимъ. У Нарбоннъ-Лара украли все его бѣлье и 48 луидоровъ. Одинъ молодой человѣкъ, у котораго хотѣли отнять десять луидоровъ, оказалъ такое сильное сопротивленіе, что принуждены были оставить ихъ у него. Коммиссары предавались шумнымъ оргіямъ, поѣдая притомъ пищу, предназначенную для узниковъ, страдавшихъ отъ мученія голода. Десять унцій хлѣба дѣлились между одиннадцатью узниками. „Хлѣба, свободы или гильотину!" воскликнулъ одинъ изъ этихъ несчастныхъ. Другой пригрозилъ перепуганному коммиссару, что онъ сгложетъ ему руку [2]).

Въ Ліонѣ, въ монастырѣ des Recluses, въ одной камерѣ помѣщалось 58 женщинъ, обреченныхъ ѣсть, стоя. Ихъ заста-

---

[1]) Графъ де-Сейлакъ, „Scènes et portraits de la Révolution en bas Limousin", стр. 499 и слѣд.

[2]) Пескайръ. „Tableau des prisons de Toulouse" (Тулуза; годъ III).

вляли платить по 3 франка за кружку воды. Лишенныя топлива зимою, онѣ застывали отъ холода и требовали печки.

„Время года было суровое; сгущенная и зловонная атмосфера ихъ камеры требовала вентилированія посредствомъ топки. Имъ отказали въ ихъ просьбѣ, несмотря на готовность ихъ принять расходы на себя. Тщетно ходатайствовали онѣ объ угольныхъ жаровняхъ. Наконецъ имъ разрѣшили жаровни изъ угольной пыли, которыя набивались каждые 24 часа; огонекъ въ нихъ былъ едва замѣтенъ. Время отъ времени туда пропускали желѣзо, которое, поднимая эту пыль, оживляло потухавшій огонекъ...

„Черезъ каждые два дня имъ раздавали хлѣбъ, каждое утро кружки ихъ наполнялись свѣжей водой. Тѣ, кто не могъ платить за это, не получали ни того, ни другого. Богатые жертвовали своей долей въ пользу бѣдныхъ; то былъ настоящій Евангельскій глотокъ воды. Кажется, черезъ каждыя двѣ недѣли имъ выдавали якобы свѣжую солому. Каждый получалъ по охапкѣ. Такъ называли они то, что можно было удержать обѣими руками. Это ничтожное количество быстро мялось отъ употребленія. И бѣдныя женщины, связывая по нѣскольку „охапокъ" вмѣстѣ, устраивали себѣ изъ нихъ менѣе жесткое ложе, гдѣ, лежа притиснутыя одна къ другой, онѣ засыпали тяжкимъ сномъ. По вечерамъ, когда все было приготовлено на ночь, камера имѣла видъ обширной походной кровати, устланной матрасами или соломой, гдѣ нельзя было ступить, не задѣвъ ногами одну изъ этихъ 58 злополучныхъ, лежавшихъ на полу [2]).

Послѣдуемъ теперь въ Оранжскую тюрьму за однимъ узникомъ, который описалъ ее, и это описаніе дошло до насъ [1]),— то былъ Климентъ-Жозефъ Пэи д'Алисакъ, другъ поэта Парни, заточенный въ старый монастырь des Dames de la Croix:

„Довольно обширный дворъ, сбоку садъ, фонтанъ, аллея высокихъ деревьевъ,—подали мнѣ надежду,—говоритъ онъ— на нѣкоторое благоденствіе. Обширное и удобное помѣщеніе предстало моимъ взорамъ, три-четыре старыхъ гвардейца, сидѣвшіе въ кухнѣ около фляжки съ виномъ, произвели на меня впечатлѣніе добродушныхъ людей, скорѣе готовыхъ послужить намъ, нежели караулить насъ.

---

[1]) „Une famille noble sous la Terreur", Александрины Эшеролль, стр. 146, 147.

[2]) Изданная 25-го брюмера въ видѣ брошюры, эта реляція была перепечатана въ книгѣ огромнаго интереса: „Le Tribunal révolutionnaire d'Orange", Бомфора, стр. 73 и слѣд.

„Число заключенныхъ впачалѣ никогда не превышало 60, и памъ легко было тогда поддерживать чистый и здоровый воздухъ. Но нѣсколько дней спустя, тюрьма переполнилась. Ежеминутно приводили узниковъ со всѣхъ мѣстностей, изъ департаментовъ Устьевъ Роны и Воклюзы, и даже изъ сосѣднихъ департаментовъ. Вскорѣ мы оказались въ числѣ 250 человѣкъ, причемъ, конечно, пришлось лѣпиться одному на другомъ. Многіе изъ узниковъ, выходя изъ казематовъ, заносили намъ всяческіе ужасы, могущіе оскорблять деликатность и уничтожать зародышъ жизни.

„Такое громадное населеніе потребовало жестокихъ мѣръ предосторожности. Пользованіе дворомъ и садомъ намъ было воспрещено, окна были замуравлены на двѣ трети ихъ высоты, двери герметически затворялись. Караулъ въ 20 человѣкъ дежурилъ на этомъ посту. Нестерпимая жара той поры дѣлала лишеніе воздуха еще болѣе гибельнымъ и производила заразу въ помѣщеніи...

„Обыватели Оранжа боялись скомпрометтировать себя, доставляя пропитаніе заключеннымъ. Наша пища добывалась съ трудомъ, и при этомъ весьма нездоровая и страшно дорогая. Насъ лишили нашихъ бритвъ, ножей и ножницъ. Старики и беззубые умирали съ голода надъ кучами жесткаго хлѣба и мяса. Только послѣ 17-ти-дневной мольбы мы добились, чтобы насъ обрили. Намъ воспретили всякія сношенія съ нашими родственниками и друзьями, даже письменныя; и къ ужасу невѣдѣнія объ участи людей, близкихъ нашему сердцу, присоединился ужасъ невозможности сообщить имъ о нашемъ житьѣ-бытьѣ, изложить имъ наши нужды и попросить ихъ о доставленіи оправдательныхъ документовъ, столь необходимыхъ накапунѣ приговора. Чернильницы, бумага и перья были у насъ отобраны. Вся эта масса огорченій и непріятностей дѣлала для насъ дни слишкомъ длинными и невыносимыми и заставляла желать наступленія ночи и умолять о снѣ, какъ объ единственномъ нашемъ утѣшителѣ. Однако, шумъ засововъ, гаекъ и ключей, производившійся однимъ ужаснымъ тюремщикомъ при отпираніи нашихъ камеръ, пробуждалъ насъ, возстановляя въ памяти наши страданія. Иногда усталость усыпляла насъ снова; но посреди ночи двери еще разъ растворялись съ страшнымъ шумомъ. Человѣкъ двѣнадцать караульныхъ, одни съ факелами, другіе—съ ружьями или съ саблями на-голо, съ крикомъ и страшными проклятіями входили въ наши камеры, окружали наши постели, нагло прикасаясь къ

нимъ, желая удостовѣриться, тутъ ли мы еще. Этотъ страшный свѣтъ, эти яростныя рычанія, это бряцанье оружіемъ, ужасный видъ большинства этихъ людей, часъ этой сцены, внезапность пробужденія, — все это удвоивало ужасъ нашихъ ощущеній...

„Я видѣлъ нѣсколько человѣкъ, ввергнутыхъ въ эту тюрьму какимъ-нибудь презрѣннымъ клеветникомъ. Справедливый упрекъ, мужественное сопротивленіе, большое состояніе, хорошенькая жена, — таковы были зачастую мотивы ихъ арестованія. Тутъ было множество землепашцевъ, ремесленниковъ, молодыхъ волонтеровъ, покрытыхъ ранами, которыхъ указъ объ арестѣ оторвалъ отъ ихъ батальоновъ.

„Въ заключеніе картины этой тюрьмы, я видѣлъ тамъ трехъ нищихъ, нагота ихъ была едва прикрыта самыми отвратительными лохмотьями. Я видѣлъ тамъ 4 слѣпыхъ, 5 калѣкъ, въ теченіе многихъ уже лѣтъ лишенныхъ возможности ходить даже по комнатѣ безъ костылей. Я видѣлъ тамъ двухъ девяностолѣтнихъ стариковъ, которые не могли безъ опасности двигаться въ своихъ креслахъ; наконецъ, я видѣлъ тамъ двухъ помѣшанныхъ, безуміе которыхъ началось чуть ли не съ пеленокъ. Таковы были подозрительные люди, которыхъ я встрѣтилъ въ Оранжской тюрьмѣ, гдѣ я самъ находился.

„Если, удрученные страданіями и нравственными мученіями, мы умоляли о медицинской помощи, то, для полученія ея, требовалось нѣсколько дней болѣзни и моленій. Утомленные подобнымъ существованіемъ, мы часто вопрошали: „Когда же явится народная коммиссія?..“ Намъ немедленно сообщали, что гильотина дѣйствуетъ непрерывно, и что въ сосѣднихъ коммунахъ было заказано 4.000 бочекъ извести, для уничтоженія труповъ тѣхъ, кто падетъ подъ національной сѣкирой. Такія мрачныя предупрежденія распространяли тревогу въ нашей тюрьмѣ. Судя по набросанной мною картинѣ тюрьмы, нельзя себѣ представить, чтобы судьи этой коммиссіи могли увеличить ужасъ ея режима. И, однако, это случилось. Съ того времени, всѣхъ вновь приводимыхъ обыскивали при ихъ прибытіи и безжалостно обирали. Люди, привыкшіе къ излишку, обратившемуся для нихъ въ необходимость вслѣдствіе привычки, приносили съ собой набитые портфели, и они отбирались отъ нихъ: часы, готовальни, пряжки, табакерки — обрекались той же участи. Всѣ были подчинены этому правилу, какъ богатые, такъ и бѣдные.

„Тотъ, къ Которому несчастные никогда не взываютъ

тщетно, былъ единственной нашей опорой. Духъ и тонъ этого дома представлялъ картину религіознаго стоицизма. Молчаніе, сосредоточенность, размышленіе и мужество составляли тамъ общее явленіе, и я утверждаю, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ кризиса, который мнѣ придется описывать, я не слыхалъ ни единаго грубаго слова, ни единаго препирательства. Я не видалъ ни единаго безчестнаго поступка. Среди 250-ти несчастныхъ, большею частью людей безъ образованія, въ большинствѣ незнакомыхъ другъ другу, въ большинствѣ южанъ,— царила неизмѣнно кротость, терпимость и непрестанное желаніе взаимно служить другъ другу. Въ теченіе всего этого времени никакого выраженія отчаянія, ни одной угрозы по адресу своихъ мучителей, ни одного богохульства противъ Провидѣнія не вырвалось изъ ихъ растерзанной души. Ровное настроеніе, кротость, даже веселость дѣлали, изъ этихъ въ кучу сваленныхъ жертвъ зрѣлище, достойное вниманіе и уваженія философа...

„Я видѣлъ, какъ эти жертвы волоклись къ своему кровавому суду. Всѣ узники знали, какой жребій ожидалъ ихъ, и не дѣлали никакихъ иллюзій на этотъ счетъ. Едва судебный приставъ Коммиссіи появлялся съ перекличкой, какъ тюремщикъ завладѣвалъ всѣмъ скарбомъ тѣхъ, кто осуждался на смертную казнь. Подсудимые находились еще на тюремномъ дворѣ, а вещи ихъ были уже обобраны на ихъ глазахъ, и этотъ пріемъ давалъ имъ понять, имъ и ихъ товарищамъ по несчастію, какого приговора имъ ожидать. Не только мужчины, но и женщины проявляли твердость въ эти высокія минуты. Большинство этихъ жертвъ составляли молодые люди, любезные и интересные, или же добродѣтельныя матери семействъ. Какія были ихъ преступленія? Это угадать не трудно“.

Смерть Робеспьера пресѣкла работу палача. Но несправедливость и тиранія пережили 9-е термидора. Тюремныя двери отворялись невсегда для освобожденія тѣхъ, кому пресѣченіе кроваваго владычества возвращало жизнь; онѣ затворялись еще за новыми жертвами. Якобинскіе законы настигали ихъ иногда за границей, въ отдаленныхъ убѣжищахъ, куда скрывались онѣ.

Маркизъ де-Ла-Жонкьеръ, генералъ-лейтенантъ флота [1]), представляетъ разительный тому примѣръ. Ему было 86 лѣтъ,

[1]) Племянникъ начальника эскадры этого имени, сражавшагося у м. Финистеръ противъ адмирала Ансона въ 1747 году и умершаго генералъ-губернаторомъ Новой-Франціи въ 1752 г.

когда наступила Революція, во время которой семья его извѣдала всевозможныя бѣдствія. Въ помѣстьѣ его de Guitalens, въ Лангедокѣ, проживали при немъ его сынъ, капитанъ корабля, котораго, подобно многимъ другимъ, событія вынудили оставить службу, его невѣстка Габріель де-Портъ и трое ихъ дѣтей: двѣ дочери десяти и двѣнадцати лѣтъ и сынъ—четырехъ лѣтъ.

Преслѣдованіе изгнало изъ Франціи многихъ священниковъ, отказавшихся присоединиться къ гражданской конституціи духовенства. Расколъ, опиравшійся на Революцію, закрылъ католическіе храмы. Тогда-то де-Ла-Жонкьеръ рѣшилъ искать убѣжища въ странѣ, гдѣ бы онъ могъ безопасно отправлять свои религіозныя обязанности. Въ концѣ 1791 года онъ поѣхалъ въ Испанію, выжидая благопріятнаго момента для возвращенія въ свое отечество. У него не было еще на то ни малѣйшей надежды, когда въ 1794 году возгорѣлась война между Франціей и Испаніей, и эмигранты получили приказаніе удалиться съ границы.

И вотъ де-Ла-Жонкьеръ, въ сопровожденіи своихъ дѣтей и внуковъ, сѣлъ на корабль въ Барцелонѣ, направляясь въ Малагу. 21 декабря, онъ перебрался на купеческое судно „Clarence“ вмѣстѣ съ другими эмигрантами, въ числѣ которыхъ находились маркиза де-Комонъ-ла-Форсъ, съ своимъ зятемъ и дочерью, маркизъ и маркиза де-Шабрильянъ съ двумя дѣтьми, семи и пяти лѣтъ. Нѣсколько священниковъ также присутствовали на палубѣ „Clarence“. На другой день по отплытіи, „Clarence“ встрѣтило французскій фрегатъ „Минерву“, состоявшій подъ командой лейтенанта Дюперре, который арестовалъ злополучныхъ эмигрантовъ и отвезъ ихъ въ Тулонъ.

Маркизу де-Ла-Жонкьеръ только что минуло 89 лѣтъ. Внукъ его, которому тогда было семь лѣтъ, навсегда сохранилъ въ памяти горестное и глубокое впечатлѣніе отъ этого переѣзда, во время котораго родители его, оставленные безъ средствъ, страдая отъ множества лишеній, подвергались грубостямъ и дурному обращенію. Отъ узниковъ не скрывали объ участи ожидавшей ихъ въ Тулонѣ со стороны населенія, у котораго революціонныя страсти только что разожглись рѣзней, произведенной надъ эмигрантами, попавшими на ихъ берега.

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на тѣ обстоятельства, какія дѣлали особенно гнуснымъ положеніе несчастныхъ пассажировъ, по волѣ случая попавшихся въ руки командира „Минервы“. Они были эмигрантами, и къ нимъ собирались

примѣнить революціонное законодательство, противъ ихъ воли возвращая ихъ на французскую почву, тогда какъ они подлежали этимъ законамъ лишь въ томъ случаѣ, если бы вернулись туда самовольно.

Вслѣдствіе дурной погоды фрегатъ запоздалъ въ пути и прибылъ на Тулонскій рейдъ 31-го декабря. Онъ долженъ былъ простоять тамъ нѣсколько дней, согласно требованіямъ карантина. Въ это время неожиданное несчастіе постигло графа и графиню де-Ла-Жонкьеръ, поразившее ихъ въ самое сердце. Старшая изъ ихъ дочерей, пятнадцати лѣтъ, здоровье которой страшно разстроилось, вслѣдствіе пережитыхъ грубостей и треволненій, умерла 21 января 1795 г. Тѣло ея было брошено въ море, на глазахъ безутѣшныхъ родителей. Горе совпало съ наступленіемъ заточенія, какъ будто испытанія должны слѣдовать одни за другими, выростая одни изъ другихъ.

Эмигранты были высажены на берегъ, затѣмъ 24 января посажены въ тюрьму Saint-Esprit. Въ большой камерѣ соединены были семьи де-Ла-Жонкьеръ и де-Шабрилланъ, причемъ каждая семья заняла половину камеры. Дѣти находились по срединѣ, занимаясь играми, нерѣдко нарушавшимися угрожающими криками черни, жаждавшей крови. Рѣзня шла въ другихъ тюрьмахъ, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей. Дошла очередь и до узниковъ, заключенныхъ въ тюрьмѣ Saint-Esprit. Однажды вечеромъ, два священника, захваченные на „Clarence“, были зарѣзаны на лѣстницѣ. Толпа приближалась къ камерѣ, гдѣ находились заключенными обѣ семьи, столь тѣсно связанныя одинаковой судьбой. Крики женщинъ и дѣтей остановили убійцъ, готовыхъ броситься на нихъ. Одинъ членъ муниципалитета, распоряжавшійся убійствами въ Авиньонѣ, остановилъ ихъ и приказалъ удалиться. Они повиновались, и ихъ покорность достаточно свидѣтельствуетъ, сколь велико было вліяніе одного человѣка и могущество одного слова приказанія надъ этими кровожадными массами. Правда, въ то время Робеспьера уже не было, и порокъ, повидимому, утомился уже своими собственными насиліями.

Въ Тулонѣ командовалъ тогда добрый и бравый воинъ, генералъ Бизанеттъ [1]).

Участь, грозившая женщинамъ, старикамъ и дѣтямъ, растрогала его сострадательное сердце, и онъ рѣшилъ ихъ спасти.

---

[1]) Родился въ Греноблѣ въ 1755 г., возведенъ въ чинъ генералъ-лейтенанта Реставраціей. Онъ разбилъ Англичанъ у Бергъ-опъ-Зума.

Генералъ Бонапартъ, командовавшій артиллеріей Итальянской арміи, находился проѣздомъ въ Тулонѣ, гдѣ онъ вооружалъ баттареи для защиты береговъ.

Встрѣтившись съ нимъ, Бизанеттъ описалъ ему положеніе узниковъ и висѣвшую надъ ихъ головами смерть.

„Будь у меня средства для переправы, я бы спасъ этихъ несчастныхъ“,—сказалъ онъ.—„Какъ, ты знаешь, что я здѣсь и не призываешь меня, когда нужно сдѣлать доброе дѣло? Пиши мнѣ скорѣе требованіе; ты получишь въ твое распоряженіе дорожные артиллерійскіе фургоны, и кромѣ того я помогу тебѣ всей моей властью“.

Фургоны были даны въ распоряженіе Бизанетта, онъ поставилъ ихъ на боевое поле и, все приготовивъ, ночью явился въ тюрьму, чтобъ отдать приказъ объ отъѣздѣ. Вокругъ тюрьмы раздавались крики, повелительно требовавшія жертвъ.

Узники, ничего не знавшіе о великодушномъ проектѣ ихъ освободителя, считали, что послѣдній часъ ихъ пробилъ. Стонами и воплями отвѣчали они на угрозы, шедшія съ улицы. Въ эту минуту маркизъ де-Ла-Жонкьеръ, изнемогая подъ тяжестью своихъ несчастій и своего 89-ти лѣтняго возраста совершенно потерялъ силы, и чуть не умеръ. Сынъ взвалилъ его себѣ на плечи и, сопутствуемый женой и дѣтьми, покинулъ тюрьму вмѣстѣ съ прочими эмигрантами. Эта маленькая группа, въ сопровожденіи внушительнаго конвоя, полагавшаго, что ведетъ осужденныхъ на казнь, прошла часть города, между шпалерами солдатъ и достигла французскихъ воротъ. Генералъ Бизанеттъ усадилъ узниковъ въ артиллерійскія повозки, и они стремглавъ покатили по направленію къ Грассу, подъ конвоемъ въ 42 человѣка, которому поручено было охранять ихъ при проѣздѣ черезъ предстоявшія имъ на пути мѣстности— что оказалось необходимой предосторожностью, ибо при своемъ проѣздѣ конвой встрѣтилъ враждебныя манифестаціи.

Во время этого переѣзда де-Ла-Жонкьеръ, обезсиленный возрастомъ, испытаніями и страданіями, впалъ въ агонію. Онъ испустилъ послѣдній вздохъ на соломенной настилкѣ повозки. Въ деревняхъ, черезъ которыя они проѣзжали, нельзя было похоронить того, который покончилъ свою жизнь при столь печальной и драматической обстановкѣ. Свирѣпость революціонныхъ страстей, или опасеніе подвергнуться ихъ воздѣйствію, доходила до такой степени, что никто не хотѣлъ принять тѣла аристократа. Наконецъ, 12-го марта, въ Cuers, маленькомъ городкѣ, въ 5 миляхъ отъ Тулона, по требованію

коменданта отряда, муниципалитетъ согласился вырыть могилу, въ которую и опустили останки стараго генералъ-лейтенанта, доблестно служившаго своему королю и отечеству въ теченіе шестидесяти лѣтъ, рискуя своей жизнью во многихъ сраженіяхъ.

По прибытіи въ Гроссъ,—какъ на мѣсто своего освобожденія,—эмигранты были засажены въ тюрьму, гдѣ просидѣли $2^1/_2$ года. Супруги де-ла-Жонкьеръ получили временное освобожденіе въ іюнѣ 1797 года. Имъ вернули свободу, но лишили состоянія. Имѣнія ихъ были конфискованы и проданы. Возвращеніе смутило новыхъ владѣльцевъ отобранныхъ у нихъ земель. Три мѣсяца спустя, государственный переворотъ 18-го фруктидора снова вернулъ власть въ руки якобинцевъ, ввергнувъ въ новыя бѣды тѣхъ, кто ожидалъ увидать зарю лучшихъ дней. Супруги де-ла-Жонкьеръ должны были снова отправиться въ изгнаніе и вернулись во Францію лишь послѣ всеобщей амнистіи 1802 г.

Неизгладимыми чертами врѣзались эти столь жестокія страданія въ памяти ихъ сына, семилѣтняго ребенка, первыя игры котораго имѣли своими свидѣтелями стѣны тюрьмы. Онъ разсказалъ эти трагическія событія своимъ наслѣдникамъ, которые съ благоговѣніемъ сохраняютъ воспоминаніе о нихъ вмѣстѣ съ семейными традиціями, ибо если честныя заслуги являются почетными титулами, то несчастье, въ свою очередь, обладаетъ своимъ ореоломъ славы. Другая личность, пережившая эти дни ужаса и скорби, — Зоя де-Шабрилланъ, раздѣлявшая игры своихъ сотоварищей по возрасту и по заточенію, сдѣлалась впослѣдствіи графиней Бельбефъ и умерла 97 лѣтъ. Время нисколько не ослабило впечатлѣнія, оставленнаго въ умѣ ея этими сценами ужаса, совершавшимися на ея глазахъ.

„Я до сихъ поръ вижу передъ собою, — говорила она, — де-ла-Жонкьера, уносящаго своего умирающаго отца. Я слышу крики разъяренной толпы, которая насъ окружала. Мы бросились между нашими родителями и убійцами, готовившимися ихъ зарѣзать“. [1]).

Въ этой революціонной драмѣ испытанія удесетерялись вокругъ тюрьмы. Если и столѣтіе спустя они не перестаютъ поражать насъ, на сколько же сильнѣе они должны были потрясать, когда передавались непосредственно тѣми, кто ихъ пережилъ и чья долголѣтняя старость была преисполнена подобными воспоминаніями дѣтства!

---

[1]) Семейныя воспоминанія, сообщенныя маркизомъ де-ла-Жонкьеръ.

III.

Разсказы, оставленные намъ узниками, которымъ удалось избѣжать гильотины, знакомятъ насъ съ бѣдствіями и страданіями ихъ заточенія.

Напрасно одинъ историкъ [1]), желая оправдать Революцію, старается подчеркнуть, что этимъ разсказамъ нельзя довѣряться, ибо они написаны врагами того режима, для недовольства которымъ у нихъ имѣлось такъ много поводовъ, — за этими многочисленными свидѣтельствами тѣмъ не менѣе стоитъ печальный и неопровержимый авторитетъ. Если мы откажемся вѣрить угнетеннымъ, на какомъ же основаніи можно довѣрять отрицаніямъ угнетателей? Мнѣ, впрочемъ, неизвѣстно, чтобы эти угнетатели когда бы то ни было пытались обходиться съ своими жертвами съ человѣчностью, какую имъ тщетно старались приписывать въ позднѣйшихъ апологіяхъ.

Страницы, начертанныя людьми, пережившими терроръ въ тюрьмахъ, гдѣ они ожидали смерти и нерѣдко ее призывали, носятъ на себѣ отпечатокъ слишкомъ реальныхъ бѣдствій, воспоминаніе о которыхъ не могло легко изгладиться изъ памяти.

Изъ описаній этой эпохи прежде всего слѣдуетъ указать на описаніе Madame Royale, впослѣдствіи герцогини Ангулемской и дофины Франціи. Она разсказываетъ о невзгодахъ въ Тампльской башнѣ съ трогательной простотой [2]). Какой еще документъ можетъ быть драгоцѣннѣе и достойнѣе для страницъ исторіи, если не строки, начертанныя дочерью Людовика XVI и Маріи Антуанетты, принцессой, выплакавшей свои глаза. Конечно, въ этомъ описаніи нѣтъ тѣхъ подробностей, какія тамъ обыкновенно ищутъ, ниже проявленія чувства, вызвавшаго разсказъ о подобныхъ бѣдствіяхъ, подписанный такимъ именемъ. За то правда, такъ сказать, говоритъ въ немъ сама за себя, безъ горечи, и съ той спокойной покорностью Провидѣнію, которая является какъ бы выполненіемъ высшаго всепрощенія, начертаннаго въ Евангеліи Христа-Страдальца.

Антуанъ Филиппъ, герцогъ де-Монпансье [3]), начерталъ

---

[1]) Луи Бланъ, «Histoire de la Révolution française», II, гл. III.

[2]) „Relation de la captivité de la famille royale à la Tour du Temple", герцогини Ангулемской, напечатанная впервые полнымъ изданіемъ по подлинной рукописи Лескюромъ, 1862, in-18.

[3]) Братъ короля Луи-Филиппа. Арестованіе его и графа Божоле было произведено по распоряженію Конвента, 8 апрѣля 1793 г.

интересныя страницы о своемъ заточеніи въ Марселѣ, гдѣ онъ пробылъ 3 года и 7 мѣсяцевъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, графомъ Божоле. Въ той-же тюрьмѣ были заключены: отецъ его, отправленный въ Парижъ, гдѣ онъ погибъ на эшафотѣ, тетка его, герцогиня Бурбонская и принцъ Конти, страхи и странности котораго были забавно описаны герцогомъ Монпансье. Послѣдній пытался бѣжать съ опасностью жизни, при драматической обстановкѣ. Онъ былъ узнанъ и арестованъ и снова водворенъ въ тюрьму, изъ которой вмѣстѣ съ братомъ былъ освобожденъ Директоріей въ 1797 [1]).

„Journal des prisons“ герцогини Дюрасъ, урожденной Ноайль, интересенъ своей непосредственностью и искренностью [2]).

6 октября 1793 года въ замкѣ де-Муши арестовали ту, которая, по революціонному жаргону, представляла собою простую „гражданку Дюрасъ“. Сперва она была заключена въ Шантильи, гдѣ все ей напоминало о блестящихъ празднествахъ, въ которыхъ она сама принимала участіе.

„Въ золоченой галереѣ маленькаго дворца [3]), — говоритъ она,—устанавливали столъ на двѣсти приборовъ, безъ скатерти, для трехъ очередныхъ смѣнъ. Въ домѣ насъ помѣщалось болѣе шестисотъ человѣкъ, но старикамъ и калѣкамъ разрѣшалось оставаться у себя. За первымъ столомъ обѣдали священники и холостяки, за вторымъ—люди женатые и дѣти; за третьимъ—одинокіе, къ которымъ принадлежала и я. Каждое мѣсто было занумеровано, и у насъ находились дубликаты этихъ нумеровъ. Когда раздавался звонокъ, мы являлись съ корзинами (точно въ школѣ), гдѣ находились наши приборы, стаканы и т. п. Нерѣдко предъидущая партія не успѣвала еще отобѣдать и приходилось по долгу ожидать, стоя группами въ салонѣ передъ галереей. Намъ подавали супъ, состоявшій изъ одной воды, чечевицу, какую обыкновенно ѣдятъ

---

[1]) Его описаніе было напечатано въ „Bibliothèque des mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le dix-huitième siécle“, Баррьера, т. IX.— Освобожденіе обоихъ принцевъ Директорія обусловила удаленіемъ ихъ брата Луи-Филиппа изъ Европы. Онъ отправился въ Филадельфію, гдѣ оба принца снова съѣхались съ нимъ. Герцогъ Монпансье умеръ 32-хъ лѣтъ въ Англіи, въ Твикенгэмѣ, въ 1807 г., графъ Божоле послѣдовалъ за нимъ въ 1808 г.

[2]) „Journal des prisons de mon père, de ma mère et des miennes“, 1888, in 8⁰. Герцогиня Дюрасъ была дочерью маршала де-Муши, о которомъ упоминалось въ этой главѣ. Графиня Бомъ, урожденная де-Жирарденъ, авторъ книги, озаглавленной „Les prisons en 1793“, говоря о герцогинѣ Дюрасъ, называетъ ее женщиной несравненной за ея благородный характеръ, добродѣтели и достоинство.

[3]) Его называютъ также замокъ d'Enghien; онъ существуетъ еще и понынѣ.

лошади, какое-то сѣно изъ шпината, проросшій картофель и чрезвычайно невкусный рагу, называвшійся ratatouille. Какъ мнѣ кажется, такого слова не имѣется въ Академическомъ Словарѣ, и Французскій Институтъ не внесетъ его туда. Изъ-за стола вставали голодными. Тамъ былъ одинъ молодой человѣкъ, очень дюжій, которому мы посылали всѣ остатки съ нашего конца, чтобы сколько-нибудь утолить его голодъ.

„Члены революціоннаго комитета вмѣстѣ съ офицерами нашей стражи обходили вокругъ нашего стола, въ красныхъ колпакахъ на головѣ“.

Притѣсненія объяснялись необходимостью надзора. На основаніи этого, воспрещалось доставлять заключеннымъ съѣстные припасы, изъ опасенія, чтобы они не послужили для тайной передачи писемъ. Больные были лишены всѣхъ медикаментовъ и малѣйшаго ухода. Заключеннымъ не дозволялось оказывать имъ услуги.

„Одинъ коммиссаръ,—разсказываетъ г-жа Дюрасъ,—сдѣлалъ какъ-то нѣкоему привратнику довольно жестокое замѣчаніе, что-де въ его тюрьмѣ умираетъ недостаточное количество узниковъ. Дѣло тутъ, конечно, было не въ томъ, что гибло слишкомъ мало народу вслѣдствіе недостатка ухода, дурной пищи и неопытности военнаго врача. Нѣтъ, само Провидѣніе покровительствовало этимъ людямъ, и общее состояніе здоровья было несравненно лучше, чѣмъ можно было-бы ожидать“.

Среди своихъ страданій узники находили возможность заниматься благотворительностью. Одинъ солдатъ изъ революціонной арміи явился какъ-то въ Шантильи и, не замѣтивъ бассейна, упалъ въ него. Въ первый моментъ явилось подозрѣніе, не было-ли тутъ попытки къ бѣгству какого-нибудь узника, и — ему не подали помощи. Священникъ вмѣстѣ съ однимъ заключеннымъ тщетно пытались вернуть его къ жизни. Когда-же надежда на то окончательно была потеряна, тогда въ пользу вдовы и дѣтей этого солдата въ тюрьмѣ сдѣланъ былъ сборъ, давшій шестьсотъ франковъ [1]).

Одно изъ испытаній, какимъ подвергались заключенные, состояло въ переводѣ ихъ изъ одной тюрьмы въ другую, причемъ имъ приходилось разставаться съ своими товарищами по несчастью, а подчасъ съ родными и друзьями, и отправ-

---

[1]) „Les prisons en 1793“, графини де-Бомъ, воспоминанія, заключающія въ себѣ также подробности о Шантильи, гдѣ она содержалась въ то время. Молодымъ узницамъ и женамъ эмигрантовъ, говоритъ она, было предложено выдти замужъ за солдатъ, если онѣ желаютъ получить свободу. Всѣ не колеблясь отказались отъ этого предложенія.

ляться въ полной неизвѣстности объ уготованной имъ участи. Въ октябрѣ 1794 года герцогинѣ Дюрасъ объявили, что ее отправятъ въ Шантильи. Ее посадили въ повозку, не позаботившись даже настлать туда соломы, — рядомъ съ какой-то мегерой, которая хвасталась близкой дружбой своей съ Робеспьеромъ. Отъѣздъ состоялся посреди всеобщей скорби. Въ теченіе часа опечаленныя матери могли смотрѣть на своихъ дочерей, съ которыми ихъ разлучали и которыхъ большинство изъ нихъ видѣли въ послѣдній разъ. Конвой двинулся въ путь, въѣзжая въ деревни съ барабаннымъ боемъ, причемъ во многихъ мѣстностяхъ выразительные жесты давали понять узникамъ, что имъ предстоитъ сложить голову на плахѣ. Одинъ революціонеръ, по имени Мартенъ, величественно развалясь въ золоченомъ берлинѣ, запряженномъ почтовыми лошадьми, произвелъ имъ смотръ. Отъ нихъ потребовали уплаты издержекъ за доставку ихъ; многіе отказались за неимѣніемъ денегъ.

Однако, повозки снова продолжали свой путь, подвергая несчастныхъ своихъ пассажировъ немилосерднымъ толчкамъ, когда лошади бѣжали рысью. Наконецъ они добрались до Парижа. Шелъ дождь, а между тѣмъ проводники не знали дороги. Тюрьмы оказались переполненными, въ нѣкоторыя женщинъ не принимали. Наконецъ въ 1 часъ пополуночи раскрылись ворота Плесси, причемъ мракъ еще болѣе усиливалъ ужасъ этого обиталища, гдѣ около калитокъ и у желѣзныхъ засововъ торчали пьяные тюремщики. Узницъ встрѣтили гнусными предложеніями; ведро воды утолило ихъ жажду. Отъ нихъ отняли ихъ ножи, ножницы, вилки и часы, подъ тѣмъ предлогомъ, что-де часовыми пружинами онѣ могли распилить оконныя задвижки. Въ Плесси возобновились испытанія тюремной жизни. Освѣщеніе воспрещалось заключеннымъ, такъ что ужинать имъ приходилось въ потемкахъ. Тѣ-же, кто помѣщался противъ фонарнаго столба, считались какъ-бы привилегированными. Въ корридорахъ стояло множество жаровень, на которыхъ каждый готовилъ себѣ ужинъ. Вилокъ, какъ опаснаго орудія, не полагалось, ложки и чашки, для раздачи супа, были деревянныя. Обѣды вызывали не столько аппетитъ, сколько отвращеніе: „Скатерти,—пишетъ г-жа Дюрасъ, — никогда не мылись; ихъ страшно заливали виномъ, вслѣдствіе чего отъ нихъ пахло невыносимо; блюда были переполнены волосами, самые нечистоплотные заключенные назначались прислуживать намъ. Во время обѣда по столовой

прохаживались свиньи. Какъ-то на стѣнѣ вывѣсили объявленіе, чтобы намъ давали лишь столько, сколько требуется для предупрежденія голодной смерти... Ужинъ былъ уничтоженъ совершенно. Дамы де-Куртель, де-Рошешуаръ и де-Ришелье обѣдали вмѣстѣ съ мужичками, а madame и mademoiselle де-Попсъ—съ mademoiselle Дервье, оперной пѣвицей, негритянкой, принадлежавшей къ категоріи тѣхъ, которыхъ называли санкюлотами женскаго пола“.

Герцогиня Дюрасъ сама перенесла очень многое отъ общенія съ грубыми и подчасъ несносными людьми.

„Ближайшими моими сосѣдками были мужички, проститутки изъ улицы Шартръ, чесоточныя, любовница палача, горькая пьяница, выдававшая себя за аристократку изъ фамиліи Дезармуазъ, на которую она походила менѣе всего. Она считала себя въ правѣ денно и нощно предаваться шумному веселью и являться въ наши комнаты, гдѣ она изрыгала цѣлые потоки ругательствъ, за которыя затѣмъ просила прощенія. Меня это очень трогало, но тѣмъ не менѣе посѣщенія ея мнѣ были очень непріятны. Другая изъ моихъ сосѣдокъ была умалишенная и, на мое несчастье, она ужасно привязалась ко мнѣ“.

Въ Плесси въ это время сидѣло двѣсти священниковъ; но узники, жаждавшіе религіознаго утѣшенія, лишены были возможности сообщаться съ ними.

„Поминутно являлись новыя партіи изо всѣхъ департаментовъ. Одна партія прибыла съ 80 крестьянками изъ Виваре, въ странныхъ костюмахъ. Мы спросили у нихъ о причинѣ ихъ арестованія, и онѣ объяснили намъ на своемъ нарѣчіи, что ихъ взяли за то, что онѣ были у обѣдни“.

Вступая въ тюрьму, вновь прибывшіе узники являлись для старыхъ предметомъ трогательной предупредительности. Высшее вниманіе, какое могли имъ оказать, состояло въ уступкѣ имъ своего матраца, въ ожиданіи, пока они будутъ имѣть возможность запастись таковымъ сами.

Дни протекали горестно, посреди страданій физическихъ и нравственныхъ. Самымъ тревожнымъ часомъ былъ тотъ, когда происходила перекличка узниковъ.

Предоставимъ герцогинѣ Дюрасъ разсказать о глубокомъ впечатлѣніи, какое она сохранила объ этомъ часѣ:

„Едва-ли возможно описать тотъ ужасъ, какой мы испытывали при открытіи большихъ воротъ, тѣмъ болѣе, что это повторялось по нѣскольку разъ въ день. Въ ушахъ моихъ до сихъ поръ раздается стукъ щеколды. Судебные пристава

Революціоннаго Суда предшествовали каретамъ съ полными руками обвинительныхъ актовъ. И мгновенно наступало страшное молчаніе — гробовое. Каждый ожидалъ, что ему именно будетъ врученъ роковой приговоръ. На лицахъ отражалось уныніе, умы и сердца охватывались ужасомъ. Пристава поднимались въ коридоры, для сбора назначенныхъ къ отправкѣ, предоставляя всего четверть часа для приготовленія къ этому отъѣзду. Узники прощались другъ съ другомъ на-вѣки, мы оставались въ оцѣпенѣніи, увѣренные за свою жизнь лишь на одну ночь, съ десяти часовъ вечера до семи часовъ утра. При такихъ встряскахъ сонъ не отличался крѣпостью, притомъ весьма часто онъ нарушался появленіемъ конвойныхъ".

9-е термидора спасло г-жу Дюрасъ,—двери тюрьмы раскрылись передъ ней 19-го октября 1794 года. Однако, вмѣстѣ съ свободой нельзя было вернуть ей родныхъ и друзей, загубленныхъ Революціей. Прежде всего она озаботилась облечься въ траурное платье, а затѣмъ отправилась за подробными свѣдѣніями къ вѣрной г-жѣ Латуръ, сопровождавшей въ Люксанбургскую тюрьму маршала Муши и его жену, павшихъ на революціонномъ эшафотѣ.

Оставшіеся въ живыхъ встрѣчались другъ съ другомъ съ нѣжностью, смѣшанной съ сожалѣніями; они разсказывали другъ другу о пережитыхъ испытаніяхъ. Въ новой своей жизни они подвергались еще многимъ лишеніямъ; на этой жизни продолжали тяготѣть несчастія Революціи. Г-жа Дюрасъ, не имѣя прислуги, сама готовила себѣ обѣдъ и обходилась безъ топлива, несмотря на страшно суровую зиму. Совершать богослуженія публично воспрещалось, и она слушала обѣдню тайкомъ, до наступленія дня, у благочестивыхъ ремесленниковъ, скромное жилище которыхъ служило алтаремъ для ссыльнаго священника. Герцогиня Дюрасъ отправлялась туда въ одеждѣ служанки, чтобы не обратить на себя вниманія, что было бы небезопасно. Она испытывала громадное удовольствіе, вслѣдствіе возвращенія ей многихъ необходимыхъ вещей, которыхъ она была лишена.

„Революція, — писала она, — познакомила насъ съ бѣдностью, на нашемъ собственномъ опытѣ. Два фермера изъ имѣнья де-Муши, имена которыхъ я называю съ благодарностью,—Дюранси и Изоре,—прислали мнѣ муки. Мнѣ кажется, что тарелка, верхомъ полная золота, не доставила бы мнѣ столько удовольствія. Въ обществѣ только и разговоровъ было, что о дневномъ пропитаніи".

Какихъ только воспоминаній ни оставили тяжкіе дни революціонной эпохи въ тѣхъ, кто ихъ пережилъ! Глубина соціальнаго потрясенія, это множество развалинъ, общественныхъ и частныхъ бѣдствій, объясняютъ простоту привычекъ, привитую Революціей; простота эта преобладала въ цѣломъ поколѣніи, воспитанномъ въ суровой школѣ несчастья.

Этой простотѣ присущи были свои радости; она поддерживала продолжительную, неподкупную задушевную дружбу.

Авторъ одной интересной книги, mademoiselle des Echerolles, свидѣтельница трагическихъ дней исторіи Франціи, по этому поводу замѣчаетъ:

„Въ отношеніяхъ, установившихся тогда между аристократическими фамиліями, существовала какая-то прелесть, утраченная впослѣдствіи съ возвращеніемъ богатства. Занявъ прежнее свое положеніе, многія изъ нихъ мало по малу освободились отъ этихъ мощныхъ и кроткихъ добродѣтелей, порожденныхъ одинаковостью ихъ страданій, пріумноженныхъ однородными испытаніями, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ одинаковыя лишенія установили между ними настоящее равенство.

„Накапунѣ еще нося оковы, нынѣ свободный, каждый испытывалъ потребность раздѣлить это равенство пріятныхъ ощущеній со своими товарищами по несчастію, насладиться хорошими минутами сообща съ тѣми, кто знавалъ и дурныя. Дома были раззорены, но это никого не тяготило; счастливое сознаніе, что они находились дома, мѣшало имъ замѣчать все, чего недоставало. Счастіе это дѣлало людей сообщительными: ходили повидаться другъ съ другомъ, принести взаимныя поздравленія. Никто никогда не хлопоталъ о размѣщеніи своихъ гостей. Если, сравнительно съ помѣщеніемъ, гостей собиралось слишкомъ много, то молодежь спала на соломѣ, дамы устраивались какъ могли; всѣ такія приключенія вызывали искренній смѣхъ и на другое утро всѣ встрѣчались вполнѣ довольные кануномъ! Столъ уставлялся самыми простыми блюдами, удовольствіе свободы скрашивало все наилучшимъ образомъ. Слишкомъ счастливые настоящимъ, для того, чтобы достаточно серьезно взглянуть въ лицо будущему, они торопились подѣлиться своими удовольствіями другъ съ другомъ и тѣмъ удвоить цѣну этихъ удовольствій“ [1]).

Возвратимся, однако, къ тюрьмамъ и къ несчастнымъ ихъ обитателямъ. Объ ихъ житьѣ-бытьѣ у насъ имѣется разсказъ

---

[1]) „Une famille noble sous la Terreur“, 2-е изд., стр. 368.

одной иностранки, миссисъ Элліотъ [1]), не заявившей себя добродѣтелями, какими блистала герцогиня Дюрасъ, но она доказала большое мужество, не задумавшись подвергнуть себя опасности, ради спасенія людей, которымъ грозили неистовства Революціи.

Связи ея съ именитыми личностями дали ей возможность собрать свѣдѣнія о событіяхъ, о которыхъ она разсказываетъ въ своемъ „Journal de ma vie pendant la Révolution française“ [2]), — сочиненіе слишкомъ извѣстное, чтобы можно было обойти его молчаніемъ.

Александръ Сорель высказываетъ сомнѣніе въ его подлинности въ своей интересной книгѣ, посвященной имъ монастырю des Carmes во время Террора. Онъ не думаетъ, чтобы г-жа Элліотъ была въ заключеніи въ Carmes, и не нашелъ имени ея въ тюремномъ спискѣ. Онъ указываетъ на нѣсколько неточностей въ ея разсказѣ. Отсюда, пожалуй, можно заключить, что память измѣнила г-жѣ Элліотъ, или-же, что она, какъ англичанка, смѣшала имена мѣстностей и лицъ. Какъ-бы тамъ ни было, умѣстно привести нѣсколько отрывковъ изъ ея дневника, не столько въ видѣ документа, сколько вслѣдствіе извѣстности, какою онъ пользуется.

Послѣ своего арестованія въ Парижѣ, въ 1793 г., г-жа Элліотъ сначала была отправлена въ Версаль въ тюрьму des Récollets, гдѣ у нея была одна встрѣча, произведшая на нее сильное впечатлѣніе.

„Однажды, — передаетъ она, — войдя въ комнату тюремщика, — куда мы ходили иногда, когда намъ что-нибудь требовалось, — я увидѣла тамъ молодого человѣка, въ праздничной одеждѣ, сидѣвшаго за столомъ и пившаго вмѣстѣ съ тюремщикомъ. Послѣдній пригласилъ меня присѣсть и выпить рюмочку. Я не смѣла отказаться. Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на свои часы и сказалъ: — Пора мнѣ уходить. — Рано еще, возразилъ тюремщикъ, ваша работа начинается не раньше полудня. Замѣтивъ, что я разглядывала этого человѣка, тю-

---

[1]) Grace Darymple, рожденная въ 1765 въ Шотландіи, принадлежала къ фамиліи лордовъ Стэръ. Она вышла замужъ за сэра Джона Элліота, который былъ значительно старше ея; они были не пара другъ другу, и бракъ ихъ вскорѣ былъ расторгнутъ разводомъ. Красотой ея плѣнился принцъ Уэльскій, отъ котораго у нея родилась дочь. Она была также въ связи съ герцогомъ Орлеанскимъ, казненнымъ въ 1793 году. Она умерла въ Ville d'Avray во время Реставраціи.

[2]) Напечатанный вмѣстѣ съ „Souvenirs de lord Holland“ въ „Bibliothèque des mémoires relatifs l'histoire de France pendant le dix-huitième siécle“, Баррьера, т. XXVII.

ремщикъ сказалъ:—Вамъ слѣдуетъ расположить къ себѣ этого гражданина; это Сансонъ, палачъ; очень можетъ быть, что именно онъ отсѣчетъ вамъ голову.

„Я почувствовала себя близкой къ обмороку, въ особенности, когда Сансонъ взялъ меня за шею съ словами:—„Это будетъ сдѣлано мигомъ,—она такая длинная и тонкая; если мнѣ придется отправлять васъ на тотъ свѣтъ,—то я не задержу васъ“.

Г-жа Элліотъ указываетъ на значительную пропорцію народнаго элемента въ Кармской тюрьмѣ:

„Тамъ находилось множество людей почтенныхъ. То были въ большинствѣ фермеры и землепашцы, слишкомъ открыто выражавшіе въ своихъ деревняхъ тотъ ужасъ, какой имъ внушала новая система. Не малое число этихъ истинно добрыхъ и благочестивыхъ людей подверглись казни. Тамъ было также нѣсколько аристократическихъ семействъ, но лишь немногія изъ нихъ принадлежали къ очень извѣстнымъ фамиліямъ. Двое бѣднягъ, показывавшихъ маріонетокъ въ Елисейскихъ поляхъ, были приведены въ тюрьму за то, что они показывали Шарлотту Кордэ съ хорошенькимъ личикомъ. Они были добры и честны и, несмотря на то, что мы ничего не въ состояніи были сдѣлать для нихъ, оказывали намъ всевозможныя маленькія услуги, какія только могли. Мы надѣялись, что страшная бѣдность спасетъ ихъ отъ эшафота. Но увы! ихъ повлекли на него, какъ и другихъ, и всѣ оставшіеся искренно сожалѣли о нихъ“ [1]).

По прибытіи г-жи Элліотъ въ тюрьму des Récollets, въ Версалѣ, отъ нея отобрали, согласно практиковавшемуся тогда обыкновенію, ея деньги, разныя вещи и небольшое количество звонкой монеты, имѣвшейся при ней. Въ то-же время тюремщики вручили ей номеръ, объявивъ, что все отнятое отъ нея будетъ послано и помѣщено подъ тѣмъ номеромъ въ Ратушѣ. Прошли два года. По выходѣ изъ тюрьмы, среди своихъ бумагъ, она розыскала номеръ, который ей дали при

[1]) Ихъ звали Гильомъ и Анна-Морисъ-Луазонъ. Мужъ, состоявшій директоромъ театра Champs-Elysées, занимался также ремесломъ печника. Ему было 47 лѣтъ, а женѣ — 33 года. Оба были осуждены 9-го термидора II года, составивъ часть программы послѣдней казни Террора (Кампардонъ, „Le tribunal révolutionnaire de Paris“, I, 540). Кампардонъ раздѣляетъ мнѣніе, высказанное Александромъ Сорелемъ на счетъ подлинности мемуаровъ г-жи Элліотъ, считая ихъ подложными, по крайней мѣрѣ, въ той части, которая касается пребыванія ея въ Кармской тюрьмѣ. Анекдоты объ этой тюрьмѣ могли быть заимствованы изъ различныхъ повременныхъ сборниковъ и включены въ мемуары г-жи Элліотъ англійскимъ издателемъ.

заключенія ея въ тюрьму. Она представила его въ Ратушу, и ей вернули все взятое у нея, — фактъ, приведшій ее въ истинное изумленіе, да такихъ примѣровъ, по всей вѣроятности, и было весьма немного.

Передо мною лежитъ письмо вдовы одного бретонскаго дворянина, адресованное ею къ сыну, жившему за предѣлами Франціи. Она внушила глубокую привязанность одному сердечному и достойному человѣку, изъ почтенной семьи, но изъ низшаго слоя общества, нежели была она сама. По выходѣ изъ тюрьмы наградой для него за его преданность, деликатность и великодушіе была ихъ свадьба. Оба они, получивъ свободу, пережили лучшіе дни посреди бѣдствій, продолжавшихъ омрачать Францію. Таковъ романъ, заключающійся въ этомъ письмѣ, романъ, завязавшійся во время Террора и завершившійся счастьемъ семейнаго очага.

„Въ это время (1793 г.) обнаружились Вандейскія смуты... Прибытіе Карье въ департаментъ воздвигло эшафоты... Тебя помѣстили въ списокъ эмигрантовъ, тебя секвестровали, конфисковали все мое имущество... Не имѣя болѣе возможности жить въ Парижѣ, за недостаткомъ денегъ для прожитія, я уѣхала въ деревню вмѣстѣ съ твоей кузиной, гдѣ, безъ горничной, безъ никого, мы работали для своего пропитанія, вышивая жилеты, которые мы старались продавать въ Парижѣ.

„Передъ отъѣздомъ изъ Парижа я дала знать одному изъ нашихъ друзей, г. М..., объ ужасномъ положеніи, въ какомъ я находилась... Все было секвестровано, я ничего не имѣла... Вскорѣ послѣ этого г. М... самъ былъ посаженъ въ тюрьму и даже въ секретное отдѣленіе, откуда вышелъ только послѣ 9-го термидора. Мать моя давнымъ-давно находилась подъ карауломъ и нельзя было ни видѣть ее, ни писать ей.

„Однажды, г. Леже пріѣхалъ ко мнѣ въ деревню и вручилъ мнѣ сумму въ 10.000 франковъ, заявивъ, что эту сумму онъ давно долженъ былъ моему брату, что меня вотъ-вотъ арестуютъ, что онъ знаетъ о полномъ моемъ безденежьѣ, что все у меня секвестровано и что эта сумма можетъ мнѣ быть полезна. Я поняла его доброе дѣло. Я знала, что братъ мой никогда не ссужалъ ему такой крупной суммы, и не хотѣла брать, не зная, какъ я съумѣю ее отдать.

„Нѣсколько времени спустя за мной пришли, чтобы посадить меня въ Force. Съ меня требовали твоихъ писемъ, удостовѣреній въ мѣстѣ жительства... Я отвѣтила, что они у меня были, но что я ихъ потеряла, и что послѣ объявленія войны

не приходили корабли, и притомъ письма въ Англію были воспрещены подъ страхомъ смертной казни. Наконецъ эти діаволы нанесли мнѣ визитъ, обыскали всѣ мои бумаги и, не найдя въ нихъ ничего подозрительнаго, всеконечно тронуты были моими слезами и воплями твоей превосходной кузины, которая просила взять ее вмѣстѣ со мной. Они объявили мнѣ, что на сей разъ не поведутъ меня въ тюрьму, а оставятъ при мнѣ двухъ караульныхъ и запрещаютъ мнѣ выходить изъ дома и изъ сада.

„Я знала, что на меня былъ сдѣланъ доносъ въ Комитетъ Общественной Безопасности по поводу моей поѣздки къ теткѣ и моего вмѣшательства въ дѣла сестры. Шесть недѣль спустя явились арестовать меня въ парижской моей квартирѣ и потребовали мой адресъ. Я знала одного депутата, къ которому обратилась за совѣтомъ черезъ г. Леже, единственнаго человѣка, котораго я видѣла.

„Депутатъ отвѣтилъ ему: „Я знаю единственное средство для ея спасенія — она должна перемѣнить свое имя, пускай она броситъ свое прежнее имя, которое — увы! — слишкомъ извѣстно, пускай снова выйдетъ замужъ, тогда я могу ее спасти, иначе я ничего не могу сдѣлать“.

„Передавая мнѣ этотъ отвѣтъ, г. Леже предложилъ мнѣ свою руку, которую я отвергла. Я слишкомъ многимъ была ему обязана, чтобы согласиться скомпрометировать его, связавъ судьбу его съ моею. Онъ заставилъ меня принять 5.000 ливровъ, которые совѣтовалъ держать при себѣ, на случай моего арестованія; отъ этого я не могла отказаться. Нѣсколько дней спустя ко мнѣ явились два коммиссара. Я полагала, что они пришли за мной, но оказалось, что, напротивъ того, они прибыли объявить мнѣ, что снимаютъ съ меня надзоръ.

„Но это благополучіе было непродолжительно, ибо вскорѣ послѣ того ко мнѣ пріѣхали двое другихъ чертей, съ каретой, съ приказомъ объ арестѣ и съ требованіемъ ѣхать въ Комитетъ. Они наложили печати и похитили меня у твоей несчастной кузины, которую я оставила полумертвой отъ горя.

„Въ Комитетѣ со мной обошлись какъ съ послѣдней негодяйкой и затѣмъ заперли меня aux Anglaises [1]). Нѣсколько дней спустя г. Леже нашелъ случай передать мнѣ записку, которую просилъ меня списать и подписать. Въ этой запискѣ говорилось, что еще шесть мѣсяцевъ тому назадъ я дала ему

---

[1]) Монастырь, превращенный тогда въ тюрьму.

слово быть его женой и что я уполномочиваю его требовать моего освобожденія, какъ его жены; что только семейныя обстоятельства помѣшали намъ завершить нашъ бракъ. Въ то же время онъ сообщалъ мнѣ, что, помощью денегъ, онъ располагалъ возможностью освободить меня изъ тюрьмы. И дѣйствительно, онъ сталъ хлопотать за меня; но обстоятельства сложились настолько опасно и неблагопріятно, что ему не удалось освободить меня изъ тюрьмы; его самого арестовали за то, что онъ защищалъ мое дѣло. Я не чувствовала себя несчастной aux Anglaises. Но мало по малу цѣпи наши отяжелѣли. Насъ лишили свѣчей, топки печей; не допускалось никакого общенія и притомъ въ насъ жила увѣренность въ смерти.

„Наконецъ, однажды намъ велѣли приготовиться къ отъѣзду, такъ какъ насъ надо перевести. При помощи денегъ, къ моему счастью, я могла предувѣдомить г. Леже. Онъ явился. Въ тревогѣ передала я ему немного денегъ, какія у меня оставались, твой портретъ, мои часы и послѣднее „прости“ тебѣ и моимъ.

„Четверть часа спустя понапихали на двѣ повозки 35 женщинъ. Погода была ужасная, съ громомъ и дождемъ, при самыхъ грозныхъ возгласахъ многочисленной толпы народа: „*Мерзкіе аристократы! На гильотину ихъ!*“ Насъ перевели въ Плесси, составлявшую въ то время депо Консьержери. Мы пріѣхали туда мокрые до послѣдней нитки и попали въ большую камеру, гдѣ некуда было даже сѣсть. Вся мебель въ ней заключалась въ одномъ большомъ ведрѣ для питья и въ другомъ — для отправленія физическихъ потребностей. Въ этой ямѣ мы провели семь часовъ, а затѣмъ насъ выпустили изъ нея одну за другой для обыска пятнадцатью человѣками, которые, производя весьма тщательный обыскъ, оскорбляли насъ ругательствами и дурнымъ обращеніемъ. Лишивъ насъ ножей, ножницъ, драгоцѣнностей,—они оставили намъ только по ассигнаціи въ сто су. Затѣмъ насъ привели въ продолговатую камеру, оштукатуренную только наканунѣ, и на тридцать пять женщинъ и троихъ дѣтей дали четырнадцать раздвижныхъ коекъ безъ матрацовъ.

„На другое утро пробужденіе наше было ужасно. Мы увидѣли, что пріѣхала роковая двухколесная повозка страшнаго суда. Въ какой-то день я насчитала, что было уведено семьдесятъ четыре жертвы, которыхъ къ вечеру уже не существовало на свѣтѣ. Въ теченіе двадцати семи часовъ намъ не дали

ни пить, ни ѣсть, ни даже стакана воды, а что было тягостнѣе всего—это отсутствіе какого-бы то ни было способа общенія.

„Я заболѣла очень сильнымъ кровохарканіемъ. Насъ не кормили; картофель, дурной хлѣбъ,—вотъ и все; такой пищей довели насъ до того, что, когда приходили за несчастными нашими собратьями, чтобы вести ихъ на гильотину,—мы завидовали, что наша очередь еще не настала. Наконецъ наступило 9-е термидора, спасшее жизнь намъ всѣмъ. И пора было, ибо 22-го намъ предстояло всѣмъ погибнуть...

„9-го термидора, г. Леже, снова получивъ свою свободу и не переставая хлопотать о моемъ освобожденіи, явился за мной. Онъ былъ настолько великодушенъ, что предложилъ мнѣ вернуть мою росписку.

„— Нѣтъ,—отвѣтила я ему.—Я всѣмъ обязана вамъ. Если вы полагаете, что я могу составить ваше счастіе, если моя бѣдность не пугаетъ васъ, если вы принимаете моего сына и мою племянницу,—я буду чувствовать себя безмѣрно счастливой дать вамъ это счастье.

„— Да,—сказалъ онъ,—вашего ребенка я готовъ считать своимъ.

„Нѣсколько дней спустя мы обвѣнчались“ [1]).

Тяжкія испытанія тюремнаго заключенія рѣдко приводили къ счастью, составляющему какъ бы эпилогъ этого разсказа. Чаще всего развязкой ихъ была смерть, эта освободительница, которую не напрасно призывали многіе изъ несчастныхъ.

Послѣ такихъ прискорбныхъ и неопровержимыхъ свидѣтельствъ, раскрывшихъ передъ нами картину всевозможныхъ страданій въ тюрьмахъ Террора, не безъ удивленія можно прочесть слѣдующія строки Луи Блана:

„Въ эпоху, отмѣченную страстями, безпримѣрными до того времени, *тюремный режимъ былъ менье суровъ, нежели какимъ онъ былъ при монархическомъ правленіи*... Разница, какая замѣчается, — прибавляетъ онъ, — между режимомъ, принятымъ въ одной тюрьмѣ и режимомъ, которому слѣдовали въ другой, въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуетъ, что по отношенію къ узникамъ не существовало никакой тѣни политики систематическаго угнетенія. На дѣлѣ, *люди, занимавшіе горнія мѣста Революціи, далеко не знали всего того, что творилось въ преисподней.* На Комитетъ Общественнаго Спасенія никогда не

---

[1]) Архивъ замка des Feugerets.

возлагалась ни административная часть тюремъ, ни надзоръ за ними. Законъ поручалъ эту заботу муниципалитетамъ, и въ Парижѣ тюремныя дѣла вѣдала муниципальная полиція, дѣйствовавшая подъ контролемъ Комитета Общественной Безопасности" [1]).

Люди Революціи *стояли слишкомъ высоко*, чтобы знать о страданіяхъ своихъ жертвъ! Странное извиненіе, какого бы не приняли, если бы рѣчь шла объ ошибкахъ королей. Какъ бы высоко ни былъ возведенъ тронъ, на какомъ возсѣдали владыки Террора,—во всякомъ случаѣ, трудно допустить ихъ невѣдѣніе. Ихъ поступки и догматы исключаютъ вѣру въ ихъ человѣчность. Пустыя извиненія не въ силахъ оправдать этихъ жестокихъ деспотовъ. Партійный духъ тщетно будетъ пытаться прикрыть ихъ своей снисходительностью, — человѣческая совѣсть отказываетъ имъ въ амнистіи. Тѣ же, кого они мучили и предавали смерти, всегда будутъ внушать чувства, какія вызываются мучениками всякой тираніи: интересъ и сострадание.

IV.

Разсказы узниковъ познакомили насъ съ ихъ испытаніями и волновавшими ихъ чувствами. Но до сихъ поръ разсказы эти главнымъ образомъ касались ихъ матеріальныхъ невзгодъ. Заглянемъ, насколько это возможно, болѣе въ глубь ихъ существованія и приглядимся къ нравственной ихъ сторонѣ, которая далеко не безъинтересна.

Связанные общимъ горемъ, узники отличались другъ отъ друга не только по своему положенію, но и по своимъ духовнымъ дарованіямъ. Извѣстный процентъ среди нихъ доходилъ до желанія себѣ смерти, — люди искали случая сами покончить съ собою.

„Отчаяніе, скука, дурное обхожденіе,—по словамъ графини де-Бомъ,—вызывали въ узникахъ, въ особенности въ молодежи, такое отвращеніе къ жизни, что многіе изъ нихъ прибѣгали къ самоубійству. Одинъ изъ нихъ, послѣ многочисленныхъ попытокъ, выбралъ моментъ, когда, оставшись одинъ въ своей камерѣ, безъ вреда для своихъ товарищей могъ крикнуть: *Vive le Roi!* Это непривычное восклицаніе привлекло тюремщиковъ. Юный узникъ повторилъ свой запретный воз-

---

[1]) „Histoire de la Révolution française", III, гл. III.

гласъ, бросая въ головы тюремщикамъ деревянныя перекладины, вырванныя имъ изъ своей кровати. Прибѣжали жандармы, хотя ихъ никто не требовалъ, — онъ обошелся съ ними очень дурно, овладѣлъ даже саблей одного изъ нихъ и уже готовъ былъ всадить ее въ себя. Но солдаты напали на него, повалили на землю и немедленно потащили его въ судъ. Тюремщикъ, призванный въ качествѣ обвинителя и свидѣтеля, давалъ показанія въ единственномъ числѣ, и вотъ, почти въ самый моментъ казни, молодой человѣкъ вручилъ часы свои своему доносчику, съ словами: „Ты оказалъ мнѣ величайшую услугу!“ [1]).

Непреодолимое желаніе жизни и обманчивыя иллюзіи также овладѣвали многими узниками, а „нѣкоторыя изъ этихъ несчастныхъ жертвъ, — какъ говорилъ Ріуффъ, — до послѣдняго момента оставались ослѣпленными надеждой и обольщали себя какой-то идеей справедливости. Онѣ не могли повѣрить, что она совершенно исчезла изъ сердецъ людей, осмѣливавшихся носить званіе судей и присяжныхъ. Пріѣзжавшіе изъ отдаленныхъ департаментовъ самоувѣренно отстаивали свои права. Одинъ старый совѣтникъ изъ Тулузскаго департамента, передъ тѣмъ, какъ взойти на эшафотъ, заявилъ, что не желалъ бы быть на ихъ мѣстѣ, и что онъ очень стѣснитъ ихъ. Другой цитировалъ *Римское право.* Это заблужденіе, удручавшее душу узниковъ, старинныхъ и опытныхъ обитателей Консьержери, имѣло источникомъ своимъ самое естественное невѣдѣніе. Горе человѣку, который могъ бы предвидѣть столько ужасовъ! И въ особенности передъ самымъ наступленіемъ суда повязка на ихъ глазахъ стягивалась крѣпко. Намѣченная жертва, ничего о томъ не подозрѣвая, заглядывала въ самое себя и находила тамъ полную невиновность и душевный миръ; законная процедура развертывалась передъ нею. Обвинительный актъ, списокъ присяжныхъ, свидѣтели, дорого оплаченные защитники, всѣ формы защиты, все, что только есть святого среди людей — пускалось въ ходъ. Но то была лишь жестокая комедія, разыгрывавшаяся съ тѣмъ, чтобы какъ можно лучше околпачить ею человѣка. Можно ли послѣ того удивляться, что жертва дѣйствительно оказывалась одураченною этой комедіей?“.

Нѣкоторые узники безъ страха предвидѣли свое осужденіе. Были и такіе, которые собирались съ своей стороны провести революціонный судъ.

---

[1]) „Les prisons en 1795“. — Bibliothèque des mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le dix-huitième siécle, XXXIV, 259.

Такова была картина, безпрестанно возобновлявшаяся въ одной изъ тюремъ Консьержери, о которой Ріуффъ даетъ намъ любопытныя подробности:

„Здѣсь играли въ верховный судъ. Восемнадцать кроватей, прилегавшихъ одна къ другой, были раздѣлены высокими досками, между которыми каждый отдѣленный индивидуумъ казался какъ бы похороненнымъ; на каждой кровати возсѣдалъ присяжный. Обвиняемый, забравшись на столъ, видѣлъ ихъ всѣхъ предъ собою; протоколистъ и обвинитель занимали мѣсто, отгороженное для судей. Наши засѣданія обыкновенно начинались ночью, когда за нашими замками и подъ нашими печальными сводами мы могли быть увѣрены, что насъ не потревожатъ. Обвиняемый всегда присуждался къ казни; могло ли это быть иначе, разъ этотъ судъ былъ революціонный? Послѣ осужденія совершалась ужасная процедура: осужденный на смерть, съ связанными руками, на перекладинѣ кровати получалъ ударъ меча, опускавшагося на его голову“.

Ріуффъ, въ свою очередь, перенесъ одну изъ такихъ фиктивныхъ казней; затѣмъ, облаченный въ бѣлую одежду, онъ снова вернулся, съ цѣлью напугать узниковъ разсказомъ о воображаемыхъ мученіяхъ, яко-бы перенесенныхъ имъ въ аду. Онъ предсказалъ присяжнымъ, приговоръ коихъ только что сразилъ его, страшныя муки, уготованныя для нихъ, затѣмъ, продолжая свою мрачную шутку, намѣтилъ вора, заключеннаго въ той же самой тюрьмѣ. Схвативъ его за шиворотъ, онъ сталъ укорять его въ его преступленіяхъ и дѣлалъ видъ, будто тащитъ въ адъ настоящаго преступника, холодѣвшаго отъ ужаса, вызваннаго этой сценой, происходившей въ глухую ночь и освѣщенной слабымъ мерцаніемъ свѣчи.

„Такимъ-то манеромъ,—прибавляетъ Ріуффъ,—забавлялись мы на лонѣ смерти, во время нашихъ пророческихъ забавъ, высказывая правду въ присутствіи шпіоновъ и палачей“.

Одинъ молодой человѣкъ, которому едва минуло тридцать лѣтъ, по имени Дюкурно, былъ осужденъ на смерть, какъ федералистъ, вмѣстѣ съ однимъ викаріемъ конституціоннаго епископа въ Бордо. Получивъ въ тюрьмѣ свой обвинительный актъ, онъ написалъ комическіе куплеты“ [1]).

„Это легкомысліе,—пишетъ одинъ свидѣтель той эпохи,—составляло странный контрастъ съ ужасающей важностью обстоятельствъ. Не рѣдко ими вдохновлялось оно. Въ числѣ

---

[1]) Кампардонъ, „Le tribunal révolutionnaire à Paris“, I, 223.

женскихъ украшеній встрѣчались тонко исполненныя репродукціи гильотины, которыми онѣ украшали себѣ уши и шею. Ихъ уборы назывались именами, аналогичными съ обстоятельствами: онѣ стали носить прическу *à la victime*. Мы уже видѣли, что сами тюрьмы давали примѣры этой неисцѣлимой пустоты, отъ которой не излечиваютъ самыя страшныя бѣды. Нерѣдко смерть являлась съ указаніемъ своей жертвы посреди танцевъ или какой нибудь комедіи. Они заранѣе мстили своимъ палачамъ, сочиняя куплеты на нихъ. Дамы упражнялись, какъ входить на эшафотъ, чтобы не было видно ногъ; съ этою цѣлью онѣ взбирались на горы стульевъ, которые нагромождали одинъ на другой, и все это отнюдь не было бравированіемъ мужества, скорѣе это было злоупотребленіемъ его. Такое чрезмѣрное презрѣніе къ смерти шло дальше цѣли, свидѣтельствуя о недостаточномъ уваженіи къ жизни“ [1]).

Само собой разумѣется, что неизлечимая фривольность XVIII вѣка отразилась и на катастрофахъ Революціи, стойко выдерживая столь жестокіе уроки. Тутъ, однако, надо признать также одну изъ чертъ французскаго характера, который во всѣ времена и въ самомъ разгарѣ несчастія испытывалъ потребность въ развлеченіи. Затѣмъ, неужели недостойно удивленія это прежнее общество, столь мужественное, столь безропотное во время тюремнаго заключенія, неослабно стойкое даже передъ эшафотомъ? Кавалеры, стоявшіе высоко по положенію, по богатству и служебной іерархіи, дамы, привыкшія ко всевозможнымъ изысканностямъ, — переносили самыя жестокія лишенія, самыя горькія страданія, грубости, дурное обращеніе. Этимъ узникамъ и узницамъ, кромѣ жизни, терять было нечего и у нихъ оказывалось достаточно силы воли, чтобы съ улыбкой встрѣчать несчастіе, безъ страха смотрѣть смерти прямо въ глаза и принимать ее, не унывая. Высшей честью для стараго режима является тотъ фактъ, что онъ до извѣстной степени искупилъ свои промахи и ошибки героизмомъ своего конца.

Къ несчастью, вѣра отсутствовала у большинства этихъ людей, поддерживавшихъ себя исключительно идеей чести и наслѣдственнаго мужества. Тѣмъ не менѣе, она проявлялась въ нѣсколькихъ тюрьмахъ, возводя мужество на высоту христіанскихъ упованій. Священнослужители преслѣдовавшейся религіи внесли туда назидательность собственныхъ примѣровъ.

---

[1]) „Mémoires et souvenirs du baron Hyde de Neuville“, I, 69, 70.

Темные поселяне, оставшіеся вѣрными своей религіи, по утрамъ и по вечерамъ возносили молитвы къ Богу въ тюрьмахъ, куда ихъ ввергла Революція, во имя освобожденія народа [1]). Благочестіе проявилось въ лицѣ королевы Елизаветы французской, въ Тампльской башнѣ, гдѣ державнымъ узникамъ не на кого болѣе было надѣяться, кромѣ Бога.

Сраженныя одинаковыми ударами, дворянство и буржуазія смѣшались равенствомъ несчастія, и тѣ, кто уцѣлѣлъ отъ язвы вѣка невѣрія, собирались вмѣстѣ для молитвы и назидательныхъ чтеній. Маршалъ де-Муши каждое утро колѣнопреклоненно молился въ Люксанбургской тюрьмѣ, начиная день свой христіанскимъ актомъ [2]), а герцогиня Дюрасъ, дочь его, о заключеніи которой разсказано было выше ею самою, умудрялась иногда исповѣдываться въ одной изъ тюремъ, гдѣ находились священники. Лишенная утѣшенія присутствовать при совершеніи обѣдни, она повторяла молитвы въ углу камеры, вмѣстѣ съ другими узницами.

„Каждый вечеръ, ложась спать,—писала она,—я прочитывала свой *In manus;* я такъ распредѣлила очень скудную свою движимость что имѣла возможность раздать ее моимъ сотоваркамъ...

„Я горячилась обыкновенно по поводу прощенія обидъ. Родители мои, люди образцовые въ этомъ отношеніи, служили мнѣ въ томъ примѣромъ. Сколь прекрасно, согласно съ христіанскимъ духомъ и, дѣйствительно, достойно зависти это отсутствіе всякой горечи въ сердцѣ противъ тѣхъ, которые, покрывъ насъ позоромъ, столь жестокимъ способомъ ведутъ насъ къ могилѣ! Только при условіи слѣдованія Евангельской морали во всей ея чистотѣ мыслима на дѣлѣ столь совершенная любовь къ ближнему“ [3]).

Однихъ окружалъ ореолъ религіи и добродѣтели, другихъ—ореолъ юности, столь трогательной въ своихъ прощаніяхъ съ жизнью.

Генералъ де-Кюстинъ сложилъ свою голову на эшафотѣ въ 1793 году. Сынъ его, открыто защищавшій отца, не могъ избѣгнуть той-же участи. Арестованный и заключенный въ

---

[1]) „Almanach des prisons ou Anecdotes sur le régime intérieur de la Conciergerie, du Luxembourg“ etc., 3-е изд., Парижъ, годъ III.—Нугаре, „Histoire des prisons“, 1797, 3 тома.—С. А. Добанъ, „Les prisons de Paris“, стр. 167.

[2]) „Journal de madame Latour, contenant des détails sur la prison du Luxembourg, où elle a été détenue pendant les années 1793 et 1794 avec madame la maréchale de Mouchy.

[3]) „Journal des prisons de mon père, de ma mère et des miennes, стр. 152.

тюрьму, онъ отказался отъ бѣгства, чтобы не подвергнуть опасности дочь тюремщика, предлагавшую ему средства къ побѣгу. Его молодость, мужество вызвали удивленіе и состраданіе, но тѣмъ не менѣе, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, на основаніи одного письма, текстъ котораго былъ искаженъ Дюма, президентомъ революціоннаго суда. Онъ выслушалъ свой приговоръ съ твердостью, простился въ Консьержери съ своей женой, Дельфиной де-Сабранъ, и накапунѣ смерти, 3 января 1794 года, написалъ ей нижеслѣдующія строки:

„9 часовъ утра.

„Не могу лучше начать послѣдняго моего дня, какъ бесѣдой съ тобой о нѣжныхъ и горестныхъ чувствахъ, какія я переживаю по поводу тебя. Временами я ихъ отталкиваю, но иногда мнѣ это не удается. Что будетъ съ тобой? Оставятъ-ли тебѣ, по крайней мѣрѣ, твою квартиру, по меньшей мѣрѣ твою комнату? Печальныя думы, печальные образы!

„Я спалъ въ теченіе девяти часовъ. Зачѣмъ твоя ночь не была столь-же покойна? Ибо мнѣ необходима твоя нѣжность, а не твое горе. Тебѣ извѣстна уже та жертва, какую я принесъ. Со мной находится одинъ бѣдный товарищъ по несчастью, который зналъ тебя маленькою, и который производитъ впечатлѣніе добраго человѣка. Покончивъ съ своими бѣдами, человѣкъ бываетъ слишкомъ счастливъ помочь горю ближняго своего; сообщи объ этомъ Филоктету.

„Забылъ тебѣ сказать, что защита моя велась почти исключительно мною самимъ и исключительно ради тѣхъ, кто меня любитъ".

На другой день онъ написалъ ей еще въ тотъ моментъ, когда во дворъ тюрьмы въѣзжала роковая колесница осужденныхъ:

„4 часа пополудни.

„Я долженъ тебя покинуть... Посылаю тебѣ мои волосы въ этомъ письмѣ. Гражданка... обѣщаетъ передать тебѣ то и другое; засвидѣтельствуй ей мою признательность. Все кончено, бѣдная моя Дельфина, обнимаю тебя въ послѣдній разъ! Не могу увидать тебя, да если-бы даже и могъ, я не хотѣлъ-бы этого. Разставаніе было-бы слишкомъ тяжелымъ, а между тѣмъ теперь не время растрогиваться. Что я говорю, растрогиваться!.. Да гдѣ-же у меня силы, чтобы скрыться отъ твоего образа? Остается единственное средство,—это оттолкнуть его съ раздирательнымъ варварствомъ, необходимымъ въ данномъ случаѣ.

„Моя репутація будетъ такова, какою она должна быть, а для жизни это хрупкая вещь по своей природѣ. Сожалѣнія

суть единственныя ощущенія, нарушающія временами полное мое спокойствіе. Возьми на себя трудъ выразить ихъ, ты, которой такъ хорошо извѣстны мои чувства, но не останавливайся на наиболѣе горестныхъ, ибо они касаются тебя.

„Не думаю, чтобы я причинилъ кому-либо зло умышленно; мнѣ приходилось иногда испытывать горячее желаніе сдѣлать добро. Хотѣлось-бы, чтобы его сдѣлано было больше, но я не испытываю непріятной тягости угрызеній совѣсти. Зачѣмъ же мнѣ испытывать смущеніе? Умереть необходимо и не менѣе просто, какъ и родиться.

„Скорблю о твоей судьбѣ. Дай Богъ, чтобы она смягчилась! Дай Богъ, чтобы современемъ ты была счастлива! Это одно изъ моихъ желаній, самыхъ дорогихъ и самыхъ искреннихъ.

„Научи твоего сына любить своего отца. Пускай просвѣщенныя заботы подальше отведутъ его отъ порока. Что касается несчастія, — да дастъ ему энергичная и чистая душа силу перенести это несчастье.

„Прощай. Не возвожу въ аксіомы упованій моего воображенія и моего сердца, но вѣрю, что разстаюсь съ тобой не безъ желанія нѣкогда снова встрѣтиться съ тобою.

„Я простилъ тѣмъ немногимъ, которые, повидимому, обрадовались моему приговору. Вознагради того, кто передастъ тебѣ это письмо".

Онъ долженъ былъ окончить свое письмо. Въ этотъ моментъ послышалась перекличка осужденныхъ.

Во время этихъ горестныхъ дней романъ примѣшивался къ драмѣ. Самые звѣрскіе характеры смягчались подчасъ, при видѣ несчастія, и человѣческое сердце проявлялось, несмотря на страшную тиранію, обязывавшую его къ молчанію.

Madame де-Кюстинъ осталась вдовой 23-хъ лѣтъ. Во время процесса генерала де-Кюстинъ, ея свекра, она проявила рѣдкое мужество, не переставая выказывать ему знаки своей преданности, которая отдавала ее въ руки революціонной жестокости. Узнанная однажды посреди враждебной и угрожавшей толпы, она должна-бы была погибнуть, если-бы не одна женщина изъ народа, которая, замѣтивъ грозившую ей опасность, поспѣшила сунуть ей маленькаго ребенка, бывшаго у нея на рукахъ. Подъ покровительствомъ этого ребенка, madame де-Кюстинъ удалось перейти черезъ дворъ суда и добраться до Pont Neuf, гдѣ она вернула настоящей матери свою драгоцѣнную ношу. Онѣ разстались, не произнеся ни слова, и ни разу потомъ не встрѣчались. По смерти своего мужа madame

де-Кюстинъ собиралась уѣхать изъ Франціи, какъ вдругъ, выданная своей горничной, была арестована и отведена въ Carmes. Гибель ея была неминуема безъ таинственнаго и неожиданнаго вмѣшательства одного ея врага, сдѣлавшагося ея покровителемъ и спасителемъ. Нѣкто Жеромъ, каменщикъ, коммиссаръ революціоннаго Комитета и ярый якобинецъ, не могъ равнодушно видѣть madame де-Кюстинъ.

„Жеромъ имѣлъ свободный доступъ въ бюро Фукье-Тенвилля, публичнаго обвинителя. Тамъ собирались выписки изъ протоколовъ, гдѣ находились имена всѣхъ заключенныхъ, сидѣвшихъ въ Парижскихъ тюрьмахъ. Листки прятались въ папку, гдѣ одинъ подъ другимъ подкладывались вмѣстѣ Фукье-Тенвиллемъ; оттуда постепенно безъ всякаго выбора, онъ вытягивалъ извѣстное количество ихъ для назначенія къ казнямъ каждаго даннаго дня. Жеромъ зналъ, гдѣ лежала роковая папка. Въ теченіе шести мѣсяцевъ каждый вечеръ прокрадывался онъ въ бюро въ такой часъ, когда былъ увѣренъ, что его никто тамъ не увидитъ, и удостовѣрялся, что листъ съ именемъ madame де-Кюстинъ находился на днѣ папки“ [1]).

Было-бы слишкомъ рискованно уничтожить хотя-бы одинъ изъ этихъ ужасныхъ листковъ, а между тѣмъ число ихъ убывало, такъ что оставалось всего 3 листка, когда 9-е термидора прекратило кровавое правленіе Робеспьера. Чувство, внушенное очаровательной аристократкой суровому якобинцу, было ясно, какъ день. Но подъ вліяніемъ деликатности, вызывающей одновременно удивленіе и преклоненіе, — героическая и безмолвная преданность этого человѣка, которому она обязана была жизнью, стала извѣстною madame де-Кюстинъ только послѣ ея освобожденія.

Такія черты заслуживаютъ запоминанія, въ честь человѣколюбія, существовавшаго въ эти дни варварства.

Сразивъ Лавуазье, Революція не пощадила науки. Могла-ли она пощадить поэзію? Флоріанъ былъ арестованъ въ іюнѣ 1794 года, по распоряженію Сенъ-Жюста. Его басни, пасторальныя поэмы, кроткій нравъ не могли внушить подозрѣнія революціонному правительству. Но онъ состоялъ при герцогѣ де-Пентьеврѣ, и этого титула было достаточно, чтобы привлечь вниманіе доносчиковъ. Флоріанъ написалъ пѣсню, называвшуюся Le nom de frère, на голосъ *Кармоньолы*, въ которой онъ воспѣвалъ республиканскія чувства. Эта пѣсня, принося-

---

[1]) Madame de Custine, Барду. Revue des deux Mondes, 15 февраля. 1888 г.

щая ему мало чести, не спасла его, однако, отъ опасностей, которыхъ онъ надѣялся избѣжать, сдѣлавъ уступку идеямъ дня. Онъ былъ брошенъ въ тюрьму, откуда вышелъ послѣ 9-го термидора [1]). Но здоровье его было подломлено испытаніями узчества. Онъ умеръ 13 сентября 1794 г., 38 лѣтъ.

Двое другихъ поэтовъ, Руше и Андре Шенье вышли изъ тюрьмы только для того, чтобы сложить свои головы подъ сѣкирой палача. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Руше такъ выразилъ свою покорнсть Провидѣнію:

„Вы хотите знать, дорогой другъ, въ какомъ состояніи находится душа моя послѣ девятимѣсячнаго тюремнаго заключенія. Узнайте-же! почти въ томъ-же самомъ, — безъ всякой надежды, но и безъ отчаянія. *Терпѣніе,*—какъ говоритъ одна англійская пословица,—*такое растеніе, которое растетъ не въ каждомъ саду.* Что меня касается, то я пересадилъ его въ мой садъ, и вотъ помощью ухода и культивированія, достигаю его сбереженія, если и не въ особенно сильномъ и обильномъ цвѣту, то, по крайней мѣрѣ, въ такомъ состояніи, въ какомъ оно не глохнетъ. Остерегаюсь, какъ какого-нибудь великаго зла, этой близкой надежды на свободу. Безумцы, предающіеся здѣсь этой надеждѣ, изъ всѣхъ узниковъ заслуживаютъ наибольшаго сожалѣнія“ [2]).

Послѣдній часъ приближался. По желанію Руше, одинъ изъ его товарищей сдѣлалъ его портретъ, предназначенный для жены его, дѣтей и друзей, причемъ онъ начерталъ на немъ трогательное, грустное четверостишіе.

Онъ былъ казненъ 7-го термидора 1794 года, въ одинъ день съ Андре Шенье, подъ сводами тюрьмы писавшаго стихотвореніе, проникнутое мрачнымъ предчувствіемъ смерти и прерванное зловѣщимъ призывомъ.

Эшафотъ всегда стоялъ на готовѣ. Но прежде чѣмъ взойти на него, обвиненные должны были выслушать противъ себя несправедливыя обвиненія. То были жертвы, почти всѣ заранѣе осужденныя революціоннымъ судомъ.

---

[1]) К. А. Добанъ, Paris en 1794 et en 1795, стр. 413.

[2]) „Consolations de ma captivité, ou Correspondance de Roucher.—Bibliotèque des mémoires“, Баррьера и Лескюра, XXXIV, 532.

Глава IV.

Революціонное правосудіе.

I. Революціонный судъ въ Парижѣ.—II. Судъ возстановительный.—III. Революціонное правосудіе въ провинціи.

I.

Когда де-Сезъ имѣлъ безсмертную честь защищать короля передъ Конвентомъ, онъ произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: „Ищу среди васъ судей и нахожу однихъ только обвинителей“.

Такъ могли-бы отвѣтить и невинные, представшіе передъ революціоннымъ судомъ. Чтобы осудить ихъ, слѣдовало прежде всего уничтожить правосудіе, къ которому они могли-бы прибѣгать, и создать исключительный судъ, придавъ ему видъ законности. Такъ именно и поступилъ Конвентъ, декретировавъ „учрежденіе чрезвычайнаго судилища — безъ права аппеляціи на него, ниже обращенія въ кассаціонный судъ—предназначавшагося для суда надъ всѣми измѣнниками, заговорщиками и контръ-революціонерами“.

Такимъ образомъ, подъ эти неясныя и вѣроломныя рубрики легко было подвести всѣхъ тѣхъ, кого только вздумалось-бы загубить якобинцамъ. Дантонъ не даромъ крикнулъ съ трибуны, чтобъ повліять на окончательное голосованіе этого декрета:

„Судъ этотъ необходимъ именно для контръ-революціонеровъ; онъ долженъ замѣнить для нихъ верховный судъ народнаго отмщенія! Ничего нѣтъ труднѣе, какъ опредѣлить составъ политическаго преступленія. Необходимо, чтобы чрезвычайные законы, принятые внѣ общественнаго строя, устрашали мятежныхъ и настигали виновныхъ; спасеніе народа

требуетъ грандіозныхъ средствъ и грозныхъ мѣропріятій. Середины нѣтъ между обыденными формами и революціоннымъ судомъ. Въ этомъ собраніи осмѣлились напомнить о кровавыхъ дняхъ, о которыхъ печаловался всякій добрый гражданинъ; такъ я-же скажу, что, если-бы тогда существовалъ революціонный судъ, то народъ, которому такъ часто ставились въ укоръ эти дни, не обагрилъ-бы ихъ кровью.

„Сдѣлаемъ-же то, чего не сдѣлало законодательное собраніе, будемъ жестоки, чтобы избавить народъ отъ необходимости быть жестокимъ, и организуемъ судъ, если и не вполнѣ совершенный, что̀ недостижимо, то, по крайней мѣрѣ, наименѣе плохой изъ возможныхъ, чтобъ мечъ закона висѣлъ надъ всѣми виновными. Я требую, чтобы въ этомъ-же засѣданіи былъ организованъ революціонный судъ и чтобы исполнительной власти вручены были необходимыя ей средства для дѣйствія и энергіи“.

Вотъ подъ какими исключительными доводами скрывалась тиранія! Когда 10 марта 1793 года, Дантонъ зычнымъ голосомъ произносилъ эти слова, ночь начинала уже окутывать собою зало Конвента, гдѣ мерцали нѣсколько слабыхъ свѣчей. Другой голосъ проронилъ тогда одно только слово: „Сентябрь!“ Его произнесъ Ланжуинэ, заставивъ поблѣднѣть Дантона и вызвавъ глубокое смущеніе во всей аудиторіи напоминаніемъ объ убійствахъ, въ которыхъ Дантонъ принималъ такое дѣятельное участіе [1]).

Тѣмъ не менѣе Конвентъ принялъ декретъ касательно составленія и организаціи чрезвычайнаго уголовнаго суда, а въ слѣдующее засѣданіе — 27-го марта — онъ рѣшилъ, что судъ этотъ немедленно вступитъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Согласно этому декрету, судъ этотъ составлялся изъ пяти судей, назначавшихся Конвентомъ, двухъ помощниковъ и публичнаго обвинителя. Двѣнадцать присяжныхъ, точно также избиравшихся Конвентомъ, дополняли это шутовское породіе правосудія.

Законъ 22-го преріала, II-го года (10 іюня 1793 года) не смягчилъ дѣйствій и распоряженій революціоннаго суда, но онъ придалъ законный и ужасный характеръ духу, внушившему учрежденіе этого суда. Законъ этотъ былъ принятъ на основаніи кроваваго доклада Кутона, служившаго орудіемъ Комитета Общественнаго Спасенія.

---

[1]) Notice historique sur la vie et les ouvrages du comte Lanjuinais, Виктора Ланжуинэ, бывшаго министра, стр. 23.

„Революція, подобная нашей,—говорилъ онъ,—есть ничто иное, какъ послѣдовательный быстронесущійся рядъ заговоровъ, ибо это есть борьба тираніи противъ свободы, преступленія — противъ добродѣтели. Дѣло не въ томъ, чтобы дать нѣсколько уроковъ, а въ томъ, чтобы искоренить всѣхъ неукротимыхъ сторонниковъ тираніи или-же погибнуть вмѣстѣ съ Республикой. Снисходительность къ нимъ является жестокой, милосердіе — убійственнымъ. *Тотъ, кто желаетъ подчинить общественное спасеніе предразсудкамъ дворцовъ—есть безумецъ или злодѣй*, стремящійся юридически уничтожить человѣчество... Естественные защитники и необходимые друзья патріотовъ—это патріотическіе присяжные: *заговорщики должны оставаться безъ нихъ*".

Законъ влагалъ въ руки заправилъ власти смертоносное орудіе, едва прикрытое обманчивыми формулами, въ родѣ слѣдующихъ:

„IV. Революціонный судъ учрежденъ для наказанія *враговъ народа*.

„Враги народа суть тѣ, кто будетъ подстрекать къ возстановленію королевской власти или-же стараться унизить или разрушить Національный Конвентъ и республиканское и революціонное правительство, для которыхъ оно служитъ центромъ; тѣ, кто измѣнитъ Республикѣ, въ качествѣ комендантовъ крѣпостей и командировъ арміи, или вообще при исполненіи какой-нибудь военной функціи; кто станетъ поддерживать сношенія съ врагами Республики и т. д. и т. п.

„VII. Наказаніемъ за всѣ преступленія подсудныхъ революціонному суду,—является *смерть*.

„VIII. Руководствомъ для приговоровъ служитъ совѣсть судей, просвѣщенная любовью къ отечеству; цѣль ихъ — торжество Республики и гибель ея враговъ...

„IX. *Всякій гражданинъ* имѣетъ право схватить и привести на судъ заговорщиковъ и контръ-революціонеровъ. Онъ обязывается донести на нихъ, какъ только о нихъ узнаетъ.

„XVI. Оклеветаннымъ патріотамъ въ защитники законъ даетъ присяжныхъ патріотовъ; *но заговорщикамъ защитниковъ не полагается*" [1]):

Многимъ членамъ Конвента законъ этотъ показался столь чудовищнымъ, что вызвалъ протесты и прошелъ не безъ со-

---

[1]) „Le tribunal révolutionnaire de Paris", Эмиля Кампардона, I, стр. 328 и слѣд.

противленія. Дюма и Коффингаль были уже тогда президентами суда; Фукье-Тенвилль—публичнымъ обвинителемъ. Двое судей, заподозрѣнныхъ въ умѣренности, были устранены. Законъ установилъ пятьдесятъ два присяжныхъ, въ томъ числѣ одного парикмахера, одного бывшаго лакея, одного столяра, одного сапожника, одного шляпника, одного землепашца [1]).

Декретомъ 24-го іюля 1793 года содержаніе судей и присяжныхъ было опредѣлено въ 18 ливровъ въ день. Президентъ и публичный обвинитель получали 18.000 ливровъ въ годъ [2]).

Пейанъ, бывшій присяжный этого суда, оставилъ изложеніе принциповъ, которыми должны были руководствоваться присяжные при отправленіи своихъ обязанностей.

„Я долго состоялъ, дорогой другъ мой, членомъ революціоннаго суда,—писалъ онъ,—и въ качествѣ такового считаю себя обязаннымъ сообщить тебѣ нѣкоторыя замѣчанія касательно поведенія судей и присяжныхъ. Прежде всего надо тебѣ замѣтить, что коммиссіи, на которыя возложено наказывать заговорщиковъ, не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ судами прежняго режима, ни даже съ судами новаго режима. *Для этихъ коммиссій не полагается никакой формы; тутъ совѣсть судьи замѣняетъ всякія формальности... Всѣ тѣ, кто не былъ за Революцію, тѣмъ самымъ былъ противъ нея*, ибо такіе люди ничего не сдѣлали для отечества... Всякій человѣкъ, спасающійся отъ народнаго суда, есть злодѣй, который когда нибудь погубитъ республиканцевъ, которыхъ вы должны спасать. *Судьямъ твердятъ непрестанно: смотрите, спасайте невинныхъ! А я говорю имъ, во имя родины: Трепещите, чтобы не спасти виновнаго!*“ [3]).

Судъ, учрежденный 10-го марта 1793 г., произнесъ первый приговоръ свой 6-го апрѣля, осудивъ на смерть одного аристократа изъ Пуату [4]), обвиненнаго въ эмигрантствѣ. Голова его пала въ тотъ-же вечеръ, и казнь совершена была при свѣтѣ факеловъ.

Закономъ 9-го брюмера II-го года, названіе „чрезвычайнаго уголовнаго суда“ замѣнено было названіемъ „револю-

---

[1]) Кампардонъ, „Le tribunal révolutionnaire de Paris“, I, стр. 328 и слѣд.
[2]) „Paris en 1794 et 1795“, К. А. Добана, стр. 499.
[3]) „Papiers saisis chez Robespierre“, III, 370. — „Paris en 1794 et 1795“, стр. 501.
[4]) Его звали Луи Гюйо-Демоланъ.

ціоннаго суда“, и такимъ образомъ судъ этотъ былъ окрещенъ настоящимъ своимъ именемъ [1]).

Съ 5-го апрѣля 1793 года публичному обвинителю дано было право арестовывать, преслѣдовать и судить подсудимыхъ, на основаніи простого доноса. На сколько-же страшнѣе оказались эти функціи, когда онѣ были ввѣрены Фукье-Тенвиллю, сыгравшему столь гнусную роль въ исторіи революціоннаго суда!

Великіе преступники бываютъ по преимуществу одарены отталкивающей наружностью. Мерсье даетъ слѣдующій портретъ Фукье-Тенвилля:

„У этого чудовища въ человѣческомъ образѣ была круглая голова, гладкіе черные волосы, узкій и блѣдный лобъ, круглые, маленькіе глаза съ отливомъ, полное, рябое лицо, взглядъ то пристальный, то искоса, средній ростъ, довольно тяжелая поступь...

„Существовалъ-ли когда-либо человѣкъ съ болѣе глубоко извращеннымъ умомъ, который могъ-бы искуснѣе измыслить преступленіе и подтасовать факты? Каждое изъ его словъ являлось ловушкой, которой обвиняемый не могъ ни предвидѣть, ни избѣгнуть, сковывавшей языкъ его и мысль. Тщетно одна супруга со слезами, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, умоляла его выслушать до конца оправданіе ея мужа, — этотъ тигръ остался глухимъ къ горестнымъ воплямъ ея и рѣшительно произнесъ осужденіе невиннаго“ [2]).

Нѣкто Гали, привратникъ при тюрьмѣ Плесси, разсказалъ однажды слѣдующее заключеннымъ:

„Я только-что отъ Фукье-Тенвилля; я засталъ его распростертымъ на коврѣ, блѣднымъ, обезсилѣвшимъ; дѣти его ухаживали за нимъ, отирая потъ съ его лба. На вопросъ мой о распоряженіи его насчетъ списка на завтрашній день, онъ мнѣ отвѣтилъ: *Оставьте меня, Гали, мнѣ это не подъ силу! Какая служба!*.. Затѣмъ какъ-бы инстинктивно, онъ добавилъ: *Повидайтесь съ моимъ секретаремъ; я желаю непремѣнно*

---

[1]) Не слѣдуетъ смѣшивать этого суда съ другимъ судомъ, учрежденнымъ 17 августа 1792 г. Законодательнымъ Собраніемъ, на который было возложено судить „преступленія 10 августа“, приписывавшіяся Двору и роялистамъ. Члены суда 17 августа избраны были народнымъ голосованіемъ изъ парижскихъ секцій, пріобщившихся въ то время къ революціоннымъ идеямъ. Фукье-Тенвилль дебютировалъ въ этомъ судѣ, уничтоженномъ 1 декабря 1792 г.; въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ обвинялъ 62 человѣка, изъ коихъ 25—были присуждены къ смертной казни, 17—къ кандаламъ и тюремному заключенію, 25—оправданы и выпущены на свободу.

[2]) „Paris pendant la Révolution“, изд. 1862 г., II, 127, 128.

шестьдесятъ человѣкъ, все равно какихъ; пускай онъ подберетъ" [1]).

Можно себѣ представить, какія чувства волновали осужденныхъ, когда они появлялись передъ судомъ, имѣвшимъ общаго съ правосудіемъ одно только имя, и гдѣ какой-то непримиримый врагъ возводилъ на нихъ воображаемыя преступленія.

Кампардонъ разсказываетъ, какъ поступали съ осужденными:

„Немедленно, послѣ объявленія приговора, ихъ передавали палачу, и два часа спустя ихъ уже не существовало.

„Всякая вещь имѣетъ свое основаніе, и судъ, устраняя такимъ образомъ обвиняемыхъ, тоже долженъ былъ имѣть свои мотивы. Быть можетъ, это дѣлалось во избѣжаніе неминуемой потери времени, съ ихъ размѣщеніемъ и вывозомъ? Нѣтъ; судьи опасались, чтобы значительное число лицъ, осужденныхъ на смерть, не возмутилось, сильное своимъ раздраженіемъ и тѣмъ чувствомъ, какое воодушевляетъ человѣка, когда онъ знаетъ, что терять ему больше нечего.

„Но судъ напрасно опасался такого взрыва; никогда не было видано такой покорности судьбѣ, какъ та, съ какой отцы наши всходили на эшафотъ; было ли то пассивное мужество или отвращеніе отъ жизни, но только почти ни одинъ изъ нихъ не проявилъ раздраженія при объявленіи ему извѣстія о необходимости умереть. Одни плакали, другіе начинали пѣть, большинство оставалось равнодушнымъ...

„Только наканунѣ суда, около восьми часовъ вечера, раздавали обвинительные акты, и какіе это были акты! Бумажки безъ всякой формальности, какія-то неразборчивыя каракули, съ орѳографическими ошибками, написанныя на такомъ языкѣ, который не имѣлъ рѣшительно никакого подобія французскаго языка" [2]).

Въ этихъ актахъ, съ заключительной формулой *Fait et prononcé* и подписанныхъ зарапѣе судьями и присяжными, были цѣлыя страницы пробѣловъ, гдѣ оставалось только вписывать

---

[1]) „Les prisons en 1793", графиня де-Бомъ. — Bibliothèque des mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le dix-huitieme siècle, M. M. Кампардона и де-Лескюра, XXXIV, стр. 278.

[2]) „Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris", I, 398. Обвинительные акты редактировались не болѣе тщательно. Ріуффъ, авторъ „Mémoires d'un détenu", прочелъ однажды на какомъ-то актѣ: „Гильотинировать голову безъ снисхожденія".

имена осужденныхъ [1]). Иногда имена обвиняемыхъ вписывались въ эти акты раньше произнесенія приговора судомъ. Судъ чинился съ такой поспѣшностью, что актуаріусъ не поспѣвалъ редактировать; ему приходилось прямо, росчеркомъ пера, вычеркивать имена тѣхъ, которые, будучи внесены въ обвинительные акты, оказывались оправданными [2]). Нерѣдко случалось, что сорокъ—пятьдесятъ человѣкъ осуждались часъ спустя послѣ своего освобожденія [3]).

Маркиза де-Фёкьеръ судилась безъ свидѣтелей. Судебный приставъ, на котораго возложено было призвать ее къ суду, отправился на ея квартиру, чтобы тамъ поискать какого нибудь важнаго вещественнаго доказательства, который могъ бы фигурировать въ процессѣ. Но на возвратномъ пути, пересѣкая площадь Революціи, онъ увидѣлъ, какъ уже разбирали эшафотъ, на которомъ казнена была г-жа де-Фёкьеръ безъ всякаго суда [4]).

Жена маршала де-Муши была осуждена безъ всякаго допроса. Фукье-Тенвилль, которому это замѣтили, отвѣчалъ: „Дѣло вѣдь то же самое, это безполезно“ [5]).

Герцогиня де-Биронъ, урожденная Буффлеръ, призвана была къ суду на основаніи обвинительнаго акта, написаннаго для ея повѣреннаго [6]). Сенъ-Пернъ, семнадцати лѣтъ отъ роду, попалъ на судъ по ошибкѣ судебнаго слѣдователя, смѣшавшаго его съ его отцомъ; юноша былъ осужденъ и казненъ [7]).

Супруги Тардьё де-Малейсси и ихъ дочь были присуждены къ ссылкѣ, какъ „фанатики“. Но когда вздумали приводить приговоръ въ исполненіе, то оказалось, что они были уже гильотинированы двѣнадцать дней тому назадъ [8]).

Если число жертвъ казалось недостаточнымъ, то его пополняли самымъ простымъ и вмѣстѣ неправеднымъ способомъ.

„Однажды, — разсказываетъ Больё, — одинъ изъ агентовъ Фукье-Тенвилля явился въ тюрьму (Люксанбургскую) со спискомъ, по словамъ его начальника, содержавшимъ въ себѣ 18 именъ. Онъ дѣлаетъ перекличку и на-лицо оказывается всего

---

[1]) Огромное количество подобныхъ актовъ имѣется въ Національныхъ архивахъ.
[2]) Валлонъ, „Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris“, IV, 421.
[3]) Показанія въ процессѣ Фукье-Тенвилля.—„Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris“, Кампардона, II, 198.
[4]) Кампардонъ, II, 198.
[5]) Ibid., I, 373, прим. 1.
[6]) Ріуффъ, „Mémoire d'un détenu“, стр. 80.
[7]) Кампардонъ, I, 399.
[8]) Ibid., I, 383.

17 человѣкъ. *Но, вѣдь*, — обратился онъ къ привратнику, — *Фукье велѣлъ мнѣ привести ему восемнадцать контръ-революціонеровъ; значитъ, мнѣ необходимо имѣть еще одного.*

„Въ это время какой-то несчастный изъ подозрительныхъ проходилъ мимо него. Агентъ спросилъ его объ имени. Тотъ назвался. *Да, да*,—сказалъ онъ,—*тебя-то мнѣ и надо.* И онъ приказалъ жандармамъ отвести его, а на другое утро тотъ былъ гильотинированъ.

„Какъ-то одинъ изъ этихъ агентовъ позвалъ въ корридоръ одного узника, которому было около пятидесяти лѣтъ,—имени его я не помню, знаю только, что онъ былъ офицеромъ въ Корсикѣ. Тотъ не разслышалъ или, быть можетъ, зная, въ чемъ дѣло, неособенно спѣшилъ дать отвѣтъ. Въ галереѣ игралъ въ мячъ одинъ юный вѣтрогонъ. Услыхавъ имя, приблизительно одинаковое съ его именемъ, онъ спросилъ, не его ли это зовутъ. *А какъ твое имя?—N...—Да, тебя; идемъ къ калиткѣ.* Его потащили въ Консьержери. И несчастный семнадцатилѣтній юноша былъ гильотинированъ вмѣсто пятидесятилѣтняго старика“ [1]).

Оправданіе подвергало лишь новымъ опасностямъ и только раздражало революціонное ненавистничество. Фрето, бывшій членъ Учредительнаго Собранія, только что былъ оправданъ по суду. Вилатъ, бывшій присяжнымъ въ этомъ судѣ, сообщилъ о томъ Бареру, трактовавшему съ присяжными контръ-революціонеровъ.

„Правда ли,—обратился къ нему съ вопросомъ Билло-Вареннь, бесѣдовавшій въ то время съ Колло д'Эрбуа,—что Фрето оправданъ?—Да.—Въ такомъ случаѣ,—возразилъ Колло д'Эрбуа,—его арестуютъ снова“ [2]).

Ничтожество мотивовъ также подчасъ увеличивало ужасъ осужденія. Пюи-Верина допрашивала народная комиссія. Треншаръ, вице-президентъ этой комиссіи, началъ съ вопроса, дворянинъ ли обвиняемый. По глухотѣ своей, послѣдній не разслышалъ вопроса и оставилъ его безъ всякаго отвѣта.

„— Почему же,—продолжалъ тогда Треншаръ,—сберегъ ты медали съ изображеніемъ Капета?

„— Это были игральные жетоны, лежавшіе въ кошелькѣ,—отвѣтила г-жа Пюи-Веринъ, отъ имени своего мужа.

„— Да, да, само собой разумѣется, что люди вашего со-

[1]) „Essai historique sur les causes et les effets de la Révolution de France“, стр. 287—367.

[2]) „Des causes secrètes de la Révolution du 9 au 10 thermidor“, Вилата.

словія всегда преданы королевской власти. Вы виновны въ сохраненіи этихъ жетоновъ для вашего мужа" [1]).

И оба супруга были казнены 9-го термидора II года.

Андре Шенье былъ арестованъ въ Пасси 18-го вентоза II года, въ силу распоряженія Комитета Общественной Безопасности. Допросъ, которому подвергся поэтъ со стороны коммиссаровъ, имѣвшихъ порученіе арестовать его, любопытенъ по своей орѳографической и логической безграмотности. Онъ приведенъ во всей своей неприкосновенности въ „Causeries du lundi" Сентъ-Бёва [2]).

Восемь монахинь въ 1793 году были заключены въ Port-libre. Одна изъ нихъ въ такомъ видѣ приводитъ допросъ, которому она была подвергнута революціоннымъ судомъ:

— Присягали ли вы? [3]).

— Нѣтъ.

— Почему?

— Потому что это противно совѣсти и моимъ обѣтамъ.

— Разрѣшается ли ложь въ вашей религіи?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, скажите, навѣщали ли васъ священники въ улицѣ Cassetti?

— У насъ были друзья, которые по временамъ посѣщали насъ.

— Я не спрашиваю, приходили ли друзья навѣщать васъ. Я именно спрашиваю, бывали ли у васъ священники. Отвѣчайте мнѣ: приходили ли къ вамъ священники?

— Иногда.

— Были ли то епископы? Занимали ли они извѣстные посты?

— Нѣтъ.

— Сколько ихъ приходило? Быть можетъ, двое?

— Да.

— Скажите, гдѣ они живутъ?

— Этого я не знаю.

— Ихъ имена?

— Этого я вамъ не скажу.

— Почему?

— Потому что этого не желаю сказать.

---

[1]) Кампардонъ, II, 204.
[2]) 3-е изд., IV, 164.—См. также Кампардонъ, II, 350.
[3]) Гражданской конституціи духовенства.

Судебный приставъ напомнилъ монахинѣ объ опасности, которой она подвергала себя своими отвѣтами.

— Со мной случится только то,—возразила она,—что попуститъ Господь.

— Однако,—замѣтилъ одинъ изъ членовъ суда,—тебя судитъ теперь не Господь, а я и всѣ члены суда.

— И все же это Господь, Который попуститъ тотъ приговоръ, какой вы произнесете надо мной.

— Какое упрямство! Вы готовы подвергнуть себя за нихъ смертной казни, а между тѣмъ вы не сдѣлали бы этого ради вашего отца.

— Извините меня, я, навѣрное, пожертвовала бы своей жизнью за моего отца и сдѣлала бы то же самое ради васъ.

— Это неправда; этого вы не сдѣлали бы ради меня.

— Извините меня, но я не согласилась бы спасти мою жизнь на счетъ вашей.

— И такъ, вы ихъ не назовете?

— Нѣтъ.

— Значитъ, они виновны, если вы не хотите ихъ назвать?

— Нѣтъ, они невиновны; но такъ какъ вы хотите узнать ихъ имена только для того, чтобы повредить имъ, то я вамъ ихъ не назову.

Монахиню заставляли дать присягу, воспрещенную Церковью и претившую ея совѣсти; она упорствовала. Тогда судья обратился къ ней съ вопросомъ, развѣ-де она не признаетъ равными всѣхъ людей?

— Давнымъ давно,—отвѣчала она ему,—знакома я съ этимъ равенствомъ. Но, съ другой стороны, я признаю также старшихъ, которымъ я обязана повиноваться.

— Гдѣ же они эти старшіе?

— На счетъ ихъ вы такъ славно распорядились, что я не знаю, гдѣ они теперь.

— Какъ же вы хотите повиноваться мертвецамъ? И если они уже умерли, вы не можете болѣе повиноваться.

— Это значитъ, что въ лицѣ ихъ я повинуюсь Богу. Если же они умираютъ, ихъ замѣщаютъ другіе. Господь же, Который вѣченъ, есть Тотъ, Кому я повинуюсь въ лицѣ каждаго изъ нихъ.

— Вы очень добры, повинуясь имъ. Они покинули васъ и наслаждаются теперь тамъ, между тѣмъ какъ вы предоставлены здѣсь всякимъ бѣдамъ. Да, ну же, примите присягу!

— Нѣтъ, я этого не сдѣлаю.

— На вашемъ лицѣ написана непорочность; это ваши старухи забили вамъ въ голову.

— Сестры мои совсѣмъ не забивали мнѣ это. Господь и моя совѣсть всегда были моими руководителями.

— Вы всѣ за одно поселяете смуту противъ насъ.

— Мы никогда не вмѣшивались въ дѣла націи, а жили въ мирѣ и спокойствіи. Мы собирались вмѣстѣ въ силу взаимной братской любви и во избѣжаніе излишнихъ расходовъ...

— Вы въ тягость націи.

— Не слѣдовало отбирать отъ насъ нашего имущества, и тогда мы не были бы вамъ въ тягость.

— Какъ, развѣ у васъ было что нибудь?

— Наши имущества были общими, и я имѣла тамъ свою часть, также какъ и другіе.

— Правда ли, что вы отказались отъ пенсіи?

— По стольку, по скольку приходилось давать присягу въ ея полученіи.

— Въ такомъ случаѣ, чѣмъ же вы живете?

— Я предаю себя на волю Провидѣнія!

— Разсказывайте, Провидѣніе! У васъ навѣрняка есть кто нибудь, кто васъ поддерживаетъ?

— Нѣтъ, но я знаю, что Богъ никогда не покидаетъ тѣхъ, кто предается на Его волю [1]).

Этотъ допросъ изобличаетъ революціонное преслѣдованіе, искушавшее вѣру женщины, твердость которой не уступила ни силѣ, ни хитрости, нижѣ застращиванію. Гдѣ же тутъ истинная мощь? Въ этомъ ли судьѣ, съ палачемъ за спиною, или же въ этой скромной монахинѣ, противупоставившей ему мужественное простосердечіе своей вѣры?

Духовныя сестры ея съ такимъ же упорствомъ отказались дать присягу на допросѣ и, на обращенные къ нимъ вопросы, отвѣчали приблизительно то же самое. Глухота двухъ изъ нихъ значительно сократила ихъ допросъ. Всѣ были призваны на судъ. Имъ дали защитника, который, вмѣсто того, чтобы защищать своихъ кліентокъ, призвалъ на ихъ головы всю строгость судей. Публичный обвинитель аттестовалъ ихъ „безум-

---

[1]) „Récit de la détention dans la prison de Port-Libre et du jugement de huit religieuses, écrit par l'une d'entre elles, Soeur Angélique-Françoise Vitasse“.—Кампардонъ, I, 460 и слѣд. — Всѣ эти монахини были кармелитки, за исключеніемъ одной, принадлежавшей къ ордену des Visitandines.

ными дѣвами“ и „фанатичками“. Онѣ присуждены были къ ссылкѣ, подобно непокорнымъ священникамъ, имена которыхъ онѣ отказались назвать.

Революціонеры надѣялись восторжествовать надъ слабостью женщины, а вмѣсто того сами оказались побѣжденными ея мужествомъ, не въ силахъ будучи преодолѣть ея упорства. Одна дѣвушка изъ народа, нѣкая Сесиль Рено, громко заявила о монархическихъ своихъ убѣжденіяхъ, подобно тому, какъ другія заявляли о религіозныхъ вѣрованіяхъ. Сесиль Рено обвинили въ намѣреніи убить Робеспьера, свиданія съ которымъ она добивалась. На судѣ у нея спросили, давно ли она стала роялисткой, и она отвѣтила, что всегда была таковою.

„Я желаю имѣть короля, потому что предпочитаю имѣть одного тирана, вмѣсто 50.000 тирановъ. У Робеспьера же я была съ единственной цѣлью посмотрѣть, каковъ изъ себя тиранъ“ [1]).

Передъ революціоннымъ судомъ предстала и Марія-Антуанетта; оставаясь королевой, она съумѣла найти ноту высокаго благородства, которой смутила своихъ обвинителей и потрясла всѣхъ матерей. Туда же приведены были: сестра короля, Елизавета, прославившаяся ангельскими добродѣтелями своими въ тюрьмѣ, какими она раньше блистала на ступеняхъ трона; достопочтенный Малербъ, защитникъ Людовика XVI; оставшіеся въ живыхъ судьи этихъ античныхъ парламентовъ, гдѣ вершилось правосудіе; добродѣтельные люди, какъ аббатъ Фенелонъ, покровитель бѣдныхъ маленькихъ савояровъ; представители военной чести и храбрости. Аристократія съ рыцарскими влеченіями была осуждена, какъ и старая французская буржуазія съ несокрушимыми добродѣтелями, подобно народу, удивленному при видѣ надѣтыхъ на него оковъ тѣми самыми людьми, которые обѣщали имъ свободу.

Жирондисты, въ большинствѣ примкнувшіе къ юридическому убійству Людовика XVI, въ свою очередь, были судимы и, сдѣлавшись слѣпымъ орудіемъ божественнаго правосудія, революціонный судъ возвелъ виновныхъ на эшафотъ, на которомъ складывали свои головы правые и виноватые. Онъ осудилъ Дантона, Камилла Демулена, Геберта, Шометта, не пощадивъ также и г-жу Роланъ. Манюэль тоже выслушалъ свой смертный приговоръ. Когда онъ вернулся въ тюрьму, какой-то изъ узни-

---

[1]) Кампардонъ, I, 352.

ковъ толкнулъ его къ одному изъ тюремныхъ столбовъ, окрашенному кровью сентябрскихъ убійствъ, прибавивъ:

„Посмотри на кровь, которая проливалась по твоему велѣнью!“

10-го термидора, на носилкахъ, съ раздробленной челюстью, на судъ принесли Робеспьера, и судъ для его приговора ограничился лишь удостовѣреніемъ его личности. Такимъ же образомъ казнены: Дюма, президентъ этого суда, гдѣ онъ явился въ качествѣ обвиненнаго, Дюма, показавшій себя столь кровожаднымъ при исправленіи своихъ обязанностей; Сенъ-Жюстъ, Кутонъ, Генріо, башмачникъ Симонъ, тюремщикъ несчастнаго Людовика XVII или, вѣрнѣе, его палачъ, которому не суждено было видѣть кончины своей жертвы.

Послѣднее засѣданіе криваваго суда состоялось 12-го термидора. За время своего существованія, съ 16-го апрѣля 1793 года до 12-го термидора 1794 года, т. е. въ теченіе пятнадцати мѣсяцевъ, въ немъ судилось четыре тысячи шестьдесятъ одинъ обвиняемый, изъ которыхъ двѣ тысячи шестьсотъ двадцать пять человѣкъ были приговорены къ смертной казни, тысяча триста пять были оправданы или подвергнуты какимъ либо инымъ наказаніямъ. Сто три казни лицъ, поставленныхъ внѣ закона, состоялись 10-го, 11-го и 12-го термидора, и такимъ образомъ общая цифра смертныхъ приговоровъ достигла до двухъ тысячъ семисотъ двадцати восьми человѣкъ [1]).

Въ этихъ смертныхъ приговорахъ,—гдѣ поочередно фигурировали самыя разнообразныя личности, представители самыхъ противуположныхъ партій, — тщетно было бы искать того единства доктрины, какое претендовали приписать Революціи. Такія явныя противорѣчія объясняются смѣной котерій, поочередно стоявшихъ у власти и поочередно истреблявшихъ одна другую.

„Революціонный судъ,—сказалъ Луи Бланъ,—былъ краткій судъ, не сомнѣвавшійся, неумолимый, смертоносный; *но, во всякомъ случаѣ, онъ призывалъ палача не раньше, какъ послѣ судьи; онъ не убивалъ на-обумъ, закрывая всякій выходъ для невинныхъ;* доказательствомъ тому служатъ многочисленные оправдательные приговоры, произнесенные этимъ судомъ“ [2]).

---

1) Кампардонъ, II, 224.
2) „Histoire de la Révolution française“, II.

Вышеприведенные нами факты отвѣтили на такое утвержденіе. Они показали намъ, какъ надо смотрѣть на правосудіе революціоннаго суда. Если и случалось, что невинные иногда миловались имъ, тѣмъ не менѣе съ него не смывается великое множество смертныхъ приговоровъ надъ остальными. Что же касается до оправданій, то они не могутъ служить доказательствомъ его безпристрастія. Съ одной стороны, эти оправданія были необходимы для соблюденія хотя бы призрачнаго правосудія; съ другой—они допускались или подъ давленіемъ какого либо сильнаго вмѣшательства, или же подъ вліяніемъ денегъ. Читатель помнитъ, что было сказано выше о революціонной продажности, и обвиненіе г-жи Роланъ противъ Фукье-Тенвилля.

Паденіе Робеспьера было паденіемъ его системы. Терроръ умеръ вмѣстѣ съ нимъ. Послѣ того наступила новая фаза Революціи и первыя послѣдствія духа реакціи дали себя почувствовать въ приговорахъ, произносившихся послѣ того судомъ.

II.

Законъ 22-го преріаля, принятый Конвентомъ, былъ отмѣненъ послѣднимъ. 1-го августа 1794 года закрыты были засѣданія суда, реорганизованнаго 10-го августа, составъ котораго былъ вполнѣ обновленъ. Въ то же время Конвентъ возстановилъ отвѣтственность за намѣренія для преступленій противъ Революціи. Такимъ образомъ новый судъ сохранялъ политическіе атрибуты и произносилъ свои приговоры о „намѣреніяхъ“ обвиняемыхъ, считавшихся преступными, разъ они оказывались „контръ-революціонными“. И правосудіе, по прежнему, оставалось подчиненнымъ духу партій и страстямъ той эпохи. Какъ бы то ни было, страсти эти начали стихать. Продолжительное кровопролитіе, творившееся террористами, поселило въ умахъ чувство ужаса и утомленія. Подъ давленіемъ этихъ реакціонныхъ идей, судъ проявилъ склонность предавать жестокому наказанію по преимуществу истинно виновныхъ.

Коффингалъ, бывшій вице-президентъ революціоннаго суда, гдѣ онъ отличался возмутительнымъ отношеніемъ къ обвиняемымъ, — 9-го термидора сдѣлалъ попытку бѣжать отъ смерти, которая завѣдомо грозила ему. Переодѣтый лодочникомъ, онъ бѣжалъ на островъ Cygnes, гдѣ провелъ подъ дож-

демъ два дня и двѣ ночи, не имѣя другой пищи, кромѣ древесной коры. Побѣжденный голодомъ и холодомъ, онъ довѣрился одному человѣку, которому самъ оказывалъ услуги, состоявшему у него въ долгу. Но тотъ его вскорѣ выдалъ его врагамъ, а затѣмъ декретъ Конвента уполномочилъ судъ приговорить Коффингала къ смертной казни, предварительно удостовѣривъ его личность.

Преобразованный судъ открылъ свои дѣйствія 25-го термидора. Реакціонныя его постановленія вытекали изъ его приговоровъ. Двумя мѣсяцами раньше, въ теченіе двадцати одного дня, Фукье-Тенвилль загубилъ шестьсотъ человѣкъ. Новый судъ въ такой-же промежутокъ времени произнесъ всего 8 смертныхъ приговоровъ. За десять мѣсяцевъ своего существованія (съ 24-го термидора II-го года по 28-е фримера III года), въ немъ судилось девятьсотъ сорокъ два обвиняемыхъ, причемъ было произнесено 46 смертныхъ приговоровъ, восемьсотъ тридцать семь человѣкъ были оправданы, 51 подверглись различнымъ наказаніямъ и 8 человѣкъ были отосланы въ другой судъ [1]).

Однимъ изъ первыхъ актовъ этого суда было освобожденіе злосчастныхъ нантцевъ, которыхъ нантскій революціонный комитетъ отправилъ для суда въ Парижъ, и узничество ихъ длилось уже около года. Ихъ было 132, но тридцать пять изъ нихъ погибли или не въ силахъ были перенести дороги, трое умерли въ тюрьмѣ. И суду осталось произнести свой приговоръ только надъ девяносто четырьмя. Вскорѣ послѣ того онъ разбиралъ дѣло Каррьера и членовъ нантскаго революціоннаго комитета. Свидѣтельскія показанія, данныя во время этого процесса въ судѣ, вызвали негодованіе, разоблачивъ жестокости Каррьера. Судъ посвятилъ на пренія тридцать семь засѣданій и выслушалъ сто девяносто пять свидѣтелей. Онъ приговорилъ къ смертной казни Каррьера и двухъ его соумышленниковъ, Пинара и Грапмэзона, освободивъ тридцать обвиняемыхъ, уличенныхъ въ убійствахъ, утопленіи, лихоимствѣ и произволѣ. Мотивомъ для ихъ освобожденія послужило то обстоятельство, что они-де совершили эти преступленія, не имѣя „контръ-революціонныхъ намѣреній".

Приговоръ этотъ свидѣтельствуетъ о томъ, подъ давленіемъ какихъ противорѣчивыхъ идей дѣйствовалъ судъ, обязанный судить не преступленія, а намѣренія, враждебныя по

[1]) Кампардонъ, II, 225.

отношенію къ Революціи. При такихъ именно условіяхъ этотъ судъ и началъ свои функціи.

8-го нивоза III-го года новый законъ Конвента измѣнилъ еще болѣе учрежденіе революціоннаго суда, внеся туда гарантіи правосудія и человѣчности. По выраженію Кампардона, онъ сталъ „судомъ возстановительнымъ“.

Уничтоженный Конвентомъ 12-го преріаля III-го года (31 мая 1795 года), онъ функціонировалъ около четырехъ мѣсяцевъ. Въ теченіе этого періода въ немъ судилось сто девять обвиняемыхъ, произнесено было семнадцать смертныхъ приговоровъ, 6 человѣкъ приговорено къ тюремному заключенію, 54 оправдано и 29 отослано въ другой судъ [1]).

Изъ всѣхъ разбиравшихся въ немъ процессовъ наиболѣе важнымъ былъ процессъ Фукье-Тенвилля. Обвиненіе печальной славы публичнаго обвинителя состоялось 14-го термидора. Онъ разсчитывалъ предотвратить грозившіе ему удары, явившись добровольнымъ узникомъ въ Консьержери, гдѣ прибытіе его вызвало такой ужасъ среди заключенныхъ, что они чуть-чуть не убили его, такъ что для безопасности его пришлось посадить въ отдѣльную камеру. Однажды ему вздумалось открыть форточку, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, но онъ вынужденъ былъ немедленно закрыть ее, вслѣдствіе проклятій, поднявшихся противъ него.

Изъ своего заключенія онъ отправилъ въ Комитетъ общественной безопасности длинную записку, въ которой старался оправдаться отъ взводившихся на него преступленій. Любопытно, что въ числѣ главныхъ обвиненій противъ него выставлялся фактъ „подстрекательства къ возстановленію королевской власти“. Дантонъ подвергался тому-же упреку. Таково было еще вліяніе якобинскихъ идей, что самымъ вѣрнымъ средствомъ загубить общепризнанныхъ революціонеровъ оказывалось впутываніе ихъ въ партію антиреволюціи, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вся прошедшая ихъ жизнь дѣлала забавнымъ подобное обвиненіе.

Вмѣстѣ съ Фукье-Тенвиллемъ предстали на судъ прежніе судьи, присяжные и помощники обвинителей прежняго суда Террора, въ числѣ двадцати трехъ; извѣстнѣйшими изъ нихъ были: Фуко, Германъ и Вилатъ [2]).

Какое зрѣлище являлъ собою тогда Фукье-Тенвилль, гроз-

[1]) Кампардонъ, II, 225.
[2]) Вилатъ, будучи присяжнымъ, выразился такъ: „Во время революціи всѣ, привлекаемые къ суду, должны быть осуждены“.

ный публичный обвинитель, въ свою очередь обвиненный! Преступное его прошлое возставало передъ нимъ въ тяжкихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ.

„Посаженный на первой скамьѣ суда, гдѣ онъ осудилъ столько невинныхъ, вмѣсто пюпитра онъ опирался на два толстыхъ картона. Онъ писалъ безъ перерыва, перо его, казалось, поспѣвало за словомъ. Несмотря на то, что онъ писалъ не отрываясь, ни единое слово президента, подсудимыхъ, свидѣтелей, судьи или публичнаго обвинителя не ускользнуло отъ него. Подобно баснословному Аргусу, онъ обратился весь въ слухъ и зрѣніе. Вниманіе его въ теченіе этого длиннаго дѣла не ослабѣло ни на минуту. Правда, онъ прикинулся, будто дремлетъ во время резюме рѣчи публичнаго обвинителя, но къ этому притворному сну онъ прибѣгнулъ съ единственной цѣлью обморочить зрителей. Онъ хотѣлъ имѣть спокойный видъ, когда адъ уже кипѣлъ въ его душѣ... Когда одинъ судья представилъ ему приговоръ съ пробѣломъ, подписанный его рукою, онъ твердымъ голосомъ отрекся отъ своей подписи, не дрогнувъ передъ обвинявшимъ его свидѣтелемъ. Въ случаѣ какого-либо неопровержимаго доказательства, онъ оглашалъ всю аудиторію ужаснѣйшимъ рычаніемъ [1]).

Судебныя пренія въ процессѣ Фукье-Тенвилля длились шестьдесятъ дней, причемъ выслушано было четыреста девятнадцать свидѣтелей. Онъ защищалъ себя самъ и говорилъ два битыхъ часа безъ перерыва. На другой день онъ продолжалъ свою защитительную рѣчь, которая длилась еще четыре часа. Осужденный 17 флореаля III года, вмѣстѣ съ Фуко, Вилатомъ и четырнадцатью другими [2]), онъ съ гнѣвомъ выслушалъ этотъ приговоръ, съ грубыми оскорбленіями по адресу своихъ судей. Казнь его совершилась 18 флореаля. Такъ умерло это „чудовище въ человѣческомъ образѣ“.

Фукье-Тенвилль олицетворялъ собою революціонный судъ. Онъ царилъ въ нѣкоторомъ родѣ въ его исторіи, и наказаніе его является финаломъ его и назиданіемъ.

---

[1]) Мерсье, „Paris pendant la Révolution“, II, 127, 128.

[2]) Пятнадцать человѣкъ принадлежали къ прежнему суду Террора и потому были оправданы. Двое были изъяты изъ судебнаго разбирательства по болѣзни.

III.

Парижскій революціонный судъ печальной своей извѣстностью и важностью своихъ дѣяній привлекъ, такъ сказать, всеобщее вниманіе и сосредоточилъ на себѣ всѣ взгляды. Въ провинціи меньше занимались революціоннымъ правосудіемъ.

Конституціонное Собраніе въ каждомъ департаментѣ учредило уголовный судъ, совершенно не похожій на судъ округа. Имѣя своей обязанностью исключительно пресѣченіе фактовъ, квалифицированныхъ „преступленіями", онъ оставался совершенно чуждымъ администраціи правосудія гражданскаго и исправительнаго. Президентъ, публичный обвинитель и протоколистъ назначались по выборамъ, — президентъ и обвинитель на время, ограниченное закономъ. Только протоколистъ назначался пожизненно. Трое судей, взятые изъ судовъ различныхъ округовъ департамента, дополняли эту судебную организацію. Въ такомъ видѣ эти уголовные суды существовали до 22 фримера VIII года. Они сдѣлались орудіемъ революціоннаго правосудія и пособниками парижскаго суда. На обязанности ихъ лежало судить политическія преступленія, за которыя Революція присуждала къ изгнанію и смертной казни. При произвольности своей власти, суды эти, столь недостойные своего названія, неоднократно самолично, безъ всякихъ присяжныхъ, распоряжались жизнью и свободой подсудимыхъ [1]).

Изъ восьмидесяти пяти департаментовъ, на которые дѣлилась тогда территорія, только четыре избѣгли этихъ кровавыхъ и произвольныхъ судовъ. Берріа-Сенъ-При насчитываетъ сто пятьдесятъ революціонныхъ судовъ, размѣщавшихся въ восьмидесяти различныхъ городахъ, причемъ онъ полагаетъ, что не всѣ суды были ему извѣстны [2]). Кромѣ того, существовали еще сорокъ *амбулаторныхъ* судовъ, т. е. сопровождавшихся гильотиной и произносившихъ смертные приговоры по всей территоріи Франціи. Не далѣе, какъ въ теченіе года депутаты, имѣвшіе полномочія по провинціямъ, учредили *военныя* коммиссіи для суда надъ мятежниками, взятыми съ

---

[1]) „Le tribunal criminel de l'Orne pendant la Terreur", Робильяра де-Berепера, 1866, in 12.

[2]) „La justice révolutionnaire à Paris et dans les départements", Шар. Берріа-Сенъ-При, 1865, in 12.

оружіемъ въ рукахъ, и *революціонныя* — для суда надъ эмигрантами и контръ-революціонерами.

По приговорамъ одной изъ этихъ военныхъ коммиссій въ Анжерѣ казнено было четыреста слишкомъ мужчинъ и триста шестьдесятъ женщинъ. Приговоры ихъ выражались одной буквой: F (fusillé — разстрѣленъ) и G (guillotiné — гильотинированъ [1]). Въ Ліонѣ, засѣдая въ залѣ, наполненномъ доносчиками и недругами подсудимыхъ, судьи привѣсили себѣ на грудь на трехцвѣтной лентѣ по маленькому топорику. Они прикладывали къ нему руку, для обозначенія гильотинированія, подносили руку ко лбу, въ знакъ разстрѣлянія осужденныхъ, и опирались локтемъ о столъ въ знакъ ихъ освобожденія. Сбивчивость этихъ знаковъ породила не одну ошибку, стоившую жизни подсудимымъ [2]).

Въ 1793 году, послѣ взятія Ліона, въ немъ были учреждены три революціонныя коммиссіи: одна *военная* коммиссія, которая, на сто семьдесятъ шесть подсудимыхъ, приговорила къ разстрѣлянію въ Беллькурѣ сто шесть человѣкъ; *народный* судъ, дѣйствовавшій одновременно, и изъ ста сорока девяти лицъ присудившій къ смертной казни сто четыре человѣка; затѣмъ *временный* судъ или наблюдательный комитетъ, заключившій въ тюрьму 3.000 подозрительныхъ [3]).

Беріа-Сенъ-При насчитываетъ до семнадцати тысячъ казней, состоявшихся въ Ліонѣ за то время. Въ числѣ жертвъ фигурировали тысяча двѣсти женщинъ, изъ нихъ много восьмидесятилѣтнихъ старухъ и немощныхъ.

Въ Нантѣ по распоряженіямъ военныхъ и революціонныхъ коммиссій среднимъ числомъ разстрѣливали по сту человѣкъ въ день, что въ общемъ составило сумму въ тысячу девятьсотъ семьдесятъ одинъ человѣкъ [4]).

Первое разслѣдованіе политическихъ преступленій ввѣрялось вначалѣ властямъ съ полномочіями судебной полиціи, а именно центральнымъ властямъ каждаго департамента. Впослѣдствіи, согласно закону 14 фримера III-го года, это дѣло возлагалось на власти округовъ. Дѣятельность Комитета Общественнаго Спасенія, учрежденнаго Конвентомъ 6 апрѣля 1793 года, отражалась на всѣхъ революціонныхъ комитетахъ

---

[1]) Камиллъ Бурсье, „Essai sur la Terreur en Anjou“, стр. 228.
[2]) Валлонъ. „Les représentants du peuple en mission dans les départements“, III, 154.
[3]) „Bourg et Belley pendant la Révolution“, Шар. Жарренъ, стр. 134.
[4]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 338.

въ департаментахъ и такимъ образомъ распространялась на всю Францію. Не всѣ подсудимые представали на судъ въ своихъ департаментахъ; нѣкоторыхъ отправляли также въ Парижъ для суда въ революціонномъ судилищѣ. Для такого изъятія ихъ отъ естественной судебной инстанціи имѣлись свои мотивы. Послѣдняя могла оказаться къ нимъ или слишкомъ снисходительной или-же, въ случаѣ присужденія ихъ къ смертной казни, исполненіе этихъ приговоровъ могло иногда вызвать возмущеніе общественнаго мнѣнія при гибели людей, пользовавшихся почетомъ и любовью въ данной мѣстности.

Депутаты, имѣвшіе полномочія въ департаментахъ, писали: „Населеніе приходитъ въ ужасъ отъ казней". И Конвентъ постановилъ отсылку узниковъ въ Парижъ. Народныя общества и наблюдательные комитеты обязаны были составлять списки осужденныхъ. Депутатъ Ру, въ своихъ инструкціяхъ Коррезскимъ властямъ, говорилъ:

„Слѣдуетъ отсылать въ революціонный судъ всѣхъ враговъ народа. Необходимо, однако, избѣгать посылать такихъ, улики противъ которыхъ не достаточно очевидны, дабы не пришлось опасаться ихъ помилованія" [1]).

Если же какой либо субъектъ попадалъ въ категорію французовъ, поставленныхъ внѣ закона, то, въ силу постояннаго обычая, освященнаго закономъ 16-го вандемьера II года, его немедленно приводили изъ мѣста его заключенія въ революціонный судъ, гдѣ, по удостовѣреніи его личности, отсылали на эшафотъ, безъ всякаго приговора, на основаніи простой *visa*, выданной судомъ.

Подсудимые, лишенные въ революціонныхъ судахъ гарантіи со стороны присяжныхъ, допрашивались секретно, въ присутствіи президента и публичнаго обвинителя. Обвинительный актъ составлялся государственнымъ прокуроромъ и принимался судомъ, засѣдавшимъ только въ своемъ составѣ. Затѣмъ начинались судебныя пренія. Въ случаѣ присутствія присяжныхъ, послѣдніе должны были, каждый поочередно, публично высказать свой приговоръ, причемъ страхъ могъ влiять на ихъ рѣшенія, ибо имъ было извѣстно, чему подвергало ихъ оправданіе тѣхъ, кто считался контръ-революціонеромъ и врагомъ Республики.

Отъ 9-го термидора, въ отдаленнѣйшихъ городахъ отъ Па-

---

[1]) Департаментскіе архивы.—„Scènes et portraits de la Révolution en bas Limousin", графа Сейлака, стр. 609, 610.

рижа, до 14-го и 15-го термидора, по приговорамъ революціонныхъ судовъ, въ департаментахъ было гильотинировано и разстрѣлено безъ всякихъ формальностей и уликъ слишкомъ четырнадцать тысячъ семьсотъ человѣкъ. Двадцать восемь изъ этихъ судовъ произнесли за этотъ періодъ отъ двухъ сотъ восьмидесяти до двухъ сотъ девяносто смертныхъ приговоровъ, съ соблюденіемъ притомъ судебныхъ формальностей [1]).

Маленькій городокъ Оранжъ (въ департаментѣ Воклюзъ) одинъ насчитывалъ у себя триста тридцать одну казнь. Двѣсти девяносто девять мужчинъ и девяносто три женщины были гильотинированы въ Аррасѣ [2]). Одинъ изъ процессовъ, рѣшенныхъ въ Аррасѣ, заслуживаетъ упоминанія по своей необычайности. Г. де-ла-Віефвилль и г-жа де-Бетюмъ, дочь его, вмѣстѣ съ бѣлошвейкой, дѣвицей Фарино, и нянькой, дѣвицей Питръ, находившихся у нихъ въ услуженіи, обвинялись въ попыткахъ возстановить королевскую власть при посредствѣ попугая, который выкрикивалъ: „Да здравствуютъ король, императоръ, наши священники и дворяне!“ Попугай этотъ, привлеченный къ суду въ качествѣ свидѣтеля, былъ принесенъ жандармомъ. Судья и присяжные тщетно подстрекали его, крича на него: „Жако, скажи же: да здравствуетъ король!“ Онъ заупрямился и принялся свистать. Тѣмъ не менѣе трое первыхъ обвиняемыхъ были присуждены къ смертной казни [3]).

Этотъ же самый судъ, вмѣстѣ съ Камбрайскимъ, приговорилъ къ смертной казни, въ теченіе фримера II года, одиннадцать человѣкъ мѣдниковъ или странствующихъ точильщиковъ, переступившихъ границу для работъ по своей спеціальности въ Бельгіи. По возвращеніи въ свой департаментъ они были объявлены „эмигрантами“ и, по удостовѣреніи ихъ личности, отведены на эшафотъ [4]).

Мы только что познакомились съ упрощеніями, примѣнявшимися военными коммиссіями въ Анжу для ускоренія расправы съ подсудимыми. Иногда приговоръ ограничивался слѣдующими несложными словами: „Это разбойникъ“. Нерѣдко обходились безъ всякихъ протоколовъ, безъ выслушиванія свидѣтельскихъ показаній, безъ защитниковъ для подсудимыхъ.

---

[1]) Беррія-Сенъ-При, „La justice révolutionnaire à Paris et dans les départements“.

[2]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 388. Изъ департаментскихъ судовъ, загубившихъ огромное количество жертвъ, можно еще назвать суды въ Мансѣ, Лавалѣ, Марселѣ, Мàндѣ и Родезѣ. (Беррія-Сенъ-При. Введеніе).

[3]) Беррія-Сенъ-При.

[4]) Ibid.

Допросы заключали въ себѣ слѣдующее краткое указаніе: „Отмѣченъ; подходитъ подъ гильотину“.

Восемьдесятъ человѣкъ были допрошены въ одно засѣданіе, причемъ семьдесятъ пять приговорены къ смертной казни.

Иногда ограничивались тѣмъ, что спрашивали у подсудимыхъ объ ихъ именахъ, возрастѣ, мѣстахъ жительства и т. п. Нѣкоторые оставались совсѣмъ безъ допроса. Въ одинъ прекрасный день послѣдовало приказаніе освободить какихъ-то узниковъ изъ тюрьмы, и оказалось, что они были уже казнены [1]).

Байонская революціонная коммиссія, засѣдавшая также въ Сенъ-Северѣ, Даксѣ и Auch'ѣ вершила весьма короткій судъ и расправу. Подсудимый являлся къ ней безъ обвинительнаго акта, объявлялъ свое имя и прозвища, родъ своихъ занятій, мѣстожительство, выдерживалъ быстрый допросъ со стороны президента и не получалъ защитника. Читались касавшіяся его бумаги; затѣмъ немедленно слѣдовала казнь, а за нею отдавался приказъ конфисковать его имущество [2]).

Присяжные суда въ Пуатьѣ старались соблюсти наружное благоприличіе. Но вотъ образчикъ ихъ вниманія къ дѣлу, которое они обязаны были разобрать. При разбирательствѣ дѣла почтенной г-жи дю-Шилло, сестры Турскаго архіепископа, они произнесли надъ нею смертный приговоръ въ совѣщательномъ залѣ, куда удалились. Рѣшеніе это состоялось заранѣе. Но, желая показать, что они употребили для того значительное время и соскучившись бездѣйствіемъ, они принялись играть въ saute-mouton, а затѣмъ явились въ зало засѣданія и объявили свой приговоръ [3]).

Узники, заключенные въ Даксѣ, въ монастырѣ капуциновъ, изъ своихъ оконъ видѣли могилы, вырытыя заранѣе для погребенія въ нихъ подсудимыхъ послѣ ихъ осужденія [4]).

Графиня Ларонадъ играла въ карты въ Грильякской тюрьмѣ. Ее позвали; она бросила игру, разсчитывая вскорѣ къ ней вернуться. Нѣсколько часовъ спустя графиня была гильотинирована [5]).

Одинъ старикъ восьмидесяти одного года, по имени Барре-Ферранъ, больной и разбитый параличемъ, былъ приговоренъ

---

[1]) Бурсье, „Essai sur la Terreur en Anjou“, 2-е изд., тетр. III и IV.
[2]) Беррія-Сенъ-При.
[3]) Боше-Филло, „Dictionnaires des familles de l'ancien Poitou“, I, 619.
[4]) Беррія-Сенъ-При.
[5]) Марселленъ Буде, „Les tribunaux criminels et la justice révolutionnaire en Auvergne“, I, 63.

къ смертной казни въ Бордо, за то, что слишкомъ поздно вернулъ свой крестъ Святого Людовика [1]).

Приговоры, постановлявшіеся президентомъ военной коммиссіи въ Бордо, формулировались такъ:

„Военная коммиссія, убѣдившись въ томъ, что ты аристократъ, приговариваетъ тебя къ смертной казни, отдавая приказаніе, чтобы настоящій приговоръ немедленно былъ приведенъ въ исполненіе на площади Революціи".

„Палачъ, никогда не покидавшій кабинета президента, схватывалъ несчастнаго, обрѣзалъ ему волосы и выводилъ черезъ маленькую дверь. Толпа фурій бѣжала на мѣсто казни, оглашая улицы криками: „Вотъ еще одинъ! Вотъ еще одинъ! Браво! Браво!"

„Мы были свидѣтелями смертной казни нашихъ согражданъ за дурные отзывы о Дантонѣ, а между тѣмъ, двѣ недѣли спустя, Дантонъ самъ былъ казненъ. Говорить ли о тѣхъ, кто погибъ, выразившись о Маратѣ, какъ о человѣкѣ жестокомъ? Число ихъ слишкомъ велико" [2]).

Не щадили даже актеровъ; всякая комедія подвергала своихъ исполнителей опасности сдѣлаться жертвами настоящей трагедіи. Сто семьдесятъ одинъ человѣкъ артистовъ, актеровъ, пѣвцовъ, музыкантовъ, танцоровъ, танцовщицъ, изъ которыхъ троимъ было по пятнадцати лѣтъ, изъ труппы „Большаго театра" въ Бордо и театровъ „Variétés" и „Vaudeville",—были заключены въ тюрьму и предстали въ военную коммиссію, обвиненные въ представленіи 17-го и 21-го іюня 1793 года пьесы, называвшейся *„La vie est un songe, ou Arlequin bouffon de cour"*. Особенная важность этого случая заключалась въ томъ, что въ числѣ главныхъ персонажей этой пьесы фигурировали одинъ польскій король, два принца, принцесса и ихъ шутъ. Утверждали, что въ зрительной залѣ слышали возгласъ: *„Vive le roi!"*

„Третьяго дня,—писали Тальенъ и Изабо,—всѣ дѣйствующія лица *„Grand-Théatre"*, въ числѣ восьмидесяти шести, были заарестованы. *То былъ очагъ аристократіи;* мы его разрушили. Сегодня ночью арестовано болѣе двухъ сотъ крупныхъ негоціантовъ, бумаги ихъ опечатаны и военная коммиссія не замедлитъ произвести надъ ними судъ и расправу. Гильотина и

---

[1]) Беррiа-Сенъ-При.

[2]) Сентъ-Люсъ-Удэлль, „Histoire de Bordeaux pendant dix-huit mois, depuis l'arrivée des représentans Tallien et Ysabeau jusqu'à la fin de leur mission", стр. 80.

усиленные штрафы произведутъ очистительную торговую баллотировку и искоренятъ ажіотаторовъ и барышниковъ... Всѣ церкви закрыты“ [1]).

Театральный персоналъ былъ оправданъ. Впослѣдствіи, однако, 22-го преріаля, нѣкто Делилль-Аррушъ былъ присужденъ къ смертной казни, обвиненный въ произнесеніи этого мятежнаго возгласа во время представленія 17-го іюня 1793 г., привлекшаго на актеровъ громы и молніи террористовъ [2]).

Въ Лавалѣ судьи революціонной коммиссіи почти всегда были пьяны. Одинъ изъ нихъ, осовѣвъ отъ вина, при каждомъ появленіи подсудимыхъ машинально повторялъ: „Смерть! Смерть!“ [3]).

Въ Эльзасѣ судьи, во время объѣзда, устраивали себѣ обильные завтраки и вставали изъ-за стола не ранѣе, какъ дойдя до состоянія полной невмѣняемости.

Въ такомъ видѣ они являлись въ судъ, гдѣ присуждали къ смертной казни всѣхъ подсудимыхъ, дѣйствуя совершенно безсознательно.

Одинъ изъ этихъ судей, нѣкто Клавель, напился однажды до такой степени, что гражданскій коммиссаръ Шнейдеръ вынужденъ былъ толчкомъ разбудить его въ тотъ моментъ, когда ему надо было произнести смертный приговоръ надъ однимъ подсудимымъ“ [4]).

Въ Вьерзонѣ гражданинъ ла-Буври, делегатъ Лапланша, народный представитель въ Шерѣ, писалъ ему:

„Я обновилъ составъ суда, гдѣ сидѣли старые колпаки, чрезмѣрно сокрушавшіеся о Бартолѣ и Кюжасѣ, и замѣнилъ этотъ старый режимъ людьми просвѣщенными и санкюлотами: одинъ винодѣлъ, одинъ сапожникъ и одинъ столяръ получили это назначеніе при тысячекратномъ возгласѣ: *Vive la montagne!*

„Я обложилъ богатыхъ налогами, какъ истый революціонеръ; цифра этихъ налоговъ достигаетъ до двухъ сотъ сорока девяти тысячъ ливровъ“ [5]).

Орѳографія признавалась не болѣе, чѣмъ и правосудіе и жизнь людей.

---

[1]) „Moniteur“, 23-го фримера II года, 333.
[2]) Берріа-Сенъ-При.
[3]) Аббатъ Теод. Гилльонъ, „Les martyrs de Maine“, стр. 256, 257.
[4]) „Déposition du greffier Weiss contre Euloge Schneider“, 13-го февраля 1794 г.—Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission“, IV, 351.
[5]) Валлонъ, III, 300.—„La justice révolutionnaire à Bourges“, Е. Робильяръ де-Боренеръ, стр. 36.

Судьи Оранжскаго суда также нерѣдко бывали пьяны при исполненіи своихъ обязанностей и произносили смертные приговоры, не выслушавъ свидѣтелей, а подчасъ не повидавъ даже и подсудимыхъ. Иногда они начинали оскорблять подсудимыхъ, передразнивали ихъ и вмѣстѣ съ женами присутствовали при свершеніи казни надъ своими жертвами.

Приговоры заготовлялись за двѣ недѣли впередъ. Отъ этого суда сохранилось двѣсти такихъ заготовленныхъ приговоровъ, гдѣ оставалось только вписать имена осужденныхъ.

Послѣ вызова подсудимыхъ судебнымъ приставомъ, тюремщикъ, знавшій объ ожидавшей ихъ участи, забиралъ себѣ ихъ вещи.

Въ числѣ судей этого суда находился одинъ столяръ, который былъ вѣчно пьянъ. Въ полуснѣ давалъ онъ свой голосъ за смертный приговоръ, указывая жестомъ на шею.

Однажды этимъ судьямъ сдѣлано было замѣчаніе по поводу ихъ нетрезвости.

„Ну, мы вѣдь совсѣмъ не такъ близоруки, какъ вы полагаете,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.—Прежде, чѣмъ отправиться на засѣданіе, мы собираемся въ кабачкѣ и заранѣе рѣшаемъ нашъ приговоръ. Доброе винцо подбодряетъ насъ, иногда черезъ мѣру, это правда, ибо нерѣдко намъ приходится подъ руки вести нашихъ коллегъ".

Однажды братъ осужденъ былъ этимъ трибуналомъ вмѣсто своего брата, отецъ—вмѣсто своего сына.

Одного умирающаго старика притащили на засѣданіе въ креслѣ. Въ числѣ наиболѣе вопіющихъ смертныхъ приговоровъ, надо указать на приговоръ, объявленный одной восьмидесятичетырехлѣтней женщинѣ, урожденной де-Видо-Латуръ, и одной крестьянкѣ, кормившей грудью ребенка, съ которымъ ее разлучили, чтобы возвести ее на эшафотъ [1]).

На основаніи декрета 7-го мая 1793 года, члены революціоннаго суда въ Оранжѣ получали слѣдующіе оклады:

Публичный обвинитель	3.600	ливровъ.
Актуаріусъ и его помощникъ . . .	3.000	„
Писцы при актуаріусѣ.	1.500	„
Каждый судебный приставъ. . . .	1.200	„
Канцелярскіе служители	900	„
Привратникъ	1.500	„

[1]) В. де-Бомефоръ, „Le tribunal révolutionnaire d'Orange", стр. 55, 59, 80, 81, 94.

Декретомъ 11 мая 1793 г. установлено было слѣдующее жалованье членамъ военныхъ коммиссій[1]):

Публичный обвинитель	6.000	ливровъ.
Канцелярскіе расходы	600	„
На помѣщеніе	400	„
Каждому офицеру	2.000	„

Депре, революціонный начальникъ въ Бривѣ, велъ распутную жизнь. Живя напротивъ арестнаго дома, онъ изъ своего будуара наблюдалъ за узниками. Въ rez-de-chausée дома, занятаго окружнымъ комитетомъ, былъ кабакъ, гдѣ комитетъ собирался каждое утро для кутежей, на глазахъ несчастныхъ узниковъ, умиравшихъ съ голоду и созерцавшихъ это зрѣлище сквозь свои рѣшетчатыя окна.

Въ этомъ городѣ образованъ былъ тайный комитетъ для составленія списка подозрительныхъ, которыхъ надлежало отправить въ Парижъ. Революціонеры никогда не упускали случая проявить свое корыстолюбіе, о чемъ можно судить по допросу, какому Депре подвергъ нѣкоего Сальвіата, предназначеннаго къ отправленію въ Парижъ:

— Жанъ..., гдѣ у тебя твое серебро?

— Лишившись большей части моего состоянія послѣ прекращенія ренты, я вынужденъ былъ продать часть этого состоянія, такъ что во время моего арестованія у меня оставалось всего шесть серебряныхъ приборовъ и двѣ ложки для рагу, которые я поручилъ женѣ моей продать для нашего пропитанія.

— И она ихъ продала?

— Мнѣ это неизвѣстно; я не имѣлъ возможности говорить съ ней. Но полагаю, что продала, ибо въ этомъ году съ скудныхъ остатковъ нашей земли у насъ не было почти никакой жатвы, и я не постигаю, какъ-же-бы могла она безъ этой продажи пропитать себя, дѣтей и меня.

— Ты мошенникъ и обманщикъ. Тебѣ извѣстно, что̀ я тебѣ готовлю (показывая ему жестомъ, что онъ велитъ ему отсѣчь голову). Жена твоя будетъ арестована; до сихъ поръ я щадилъ ее, но теперь уже довольно. А дѣти твои, хорошо-ли тебѣ извѣстна ожидающая ихъ судьба? больница... Разъ жена твоя попадетъ въ тюрьму, она уже не выйдетъ оттуда. Да и по собственному опыту ты узнаешь, что легко въ нее попасть, но не легко выдти...

[1]) В. де-Бомефоръ, „Le tribunal révolutionnaire d'Orange“, приложеніе, 337, примѣч. 74.

— Дѣлайте, что хотите... я могу говорить только то, что есть на самомъ дѣлѣ.

— А серебряный кофейникъ ты также продалъ?

— У меня никогда не было серебрянаго кофейника, у меня былъ только накладнаго серебра, который я оставилъ въ тюрьмѣ.

— А твои подсвѣчники?

— У меня не было другихъ, кромѣ какъ изъ накладнаго серебра [1]).

Допросъ этотъ достаточно ясно свидѣтельствуетъ о цѣли преслѣдованій какого-нибудь темнаго, безобиднаго субъекта. Прежде чѣмъ отправить его въ парижскій революціонный судъ, всячески старались завладѣть послѣдними его крохами.

Въ іюлѣ 1794 года въ Тюллѣ былъ составленъ списокъ подозрительныхъ, жертвъ для Робеспьера. Списокъ заключалъ въ себѣ двадцать пять человѣкъ буржуа, четверыхъ аристократовъ и четырехъ женщинъ. На пяти тележкахъ должны они были переправиться въ Парижъ, причемъ подсудимымъ не было дозволено взять съ собою ни бѣлья, ни платья. Въ моментъ отъѣзда одна изъ арестованныхъ, madame д'Арлюкъ, лишилась разсудка. Поѣздъ ихъ медленно подвигался по направленію къ Парижу, и подсудимымъ не пришлось сожалѣть объ этой медленности, ибо они прибыли туда 8-го термидора. Паденіе Робеспьера, внезапно состоявшееся на другой день по пріѣздѣ ихъ, спасло ихъ. Одинъ изъ арестованныхъ—Добешъ, не воспользовался этимъ счастливымъ обстоятельствомъ, ибо умеръ отъ страха. Лишившаяся разсудка madame д'Арлюкъ изъ рукъ директора получила письмо, адресованное ей однимъ революціоннымъ депутатомъ изъ Коррезы, который зарился на ея пашню, желая округлить ею свое поле. Поступившись этимъ полемъ, она могла, быть можетъ, взамѣнъ его, получить жизнь и свободу. При этомъ предложеніи, у бѣдной женщины мелькнулъ проблескъ сознанія, и она съ негодованіемъ воскликнула: „Пускай онъ подождетъ моей смерти!“ [2]).

Деньги, продажность, алчность, — двигатели эти безпрестанно встрѣчаются въ революціонныхъ дѣяніяхъ.

„Баллоръ — человѣкъ *очень богатый*, а слѣдовательно фе-

---

[1]) „Scènes et portraits de la Révolution en bas Limousin“, графа де-Сейлака.

[2]) Ibid.

дералистъ",—читаемъ въ одномъ письмѣ, адресованномъ Муленскимъ Комитетомъ одному изъ членовъ временной Ліонской коммиссіи [1]).

Съ этимъ обвиненіемъ можно сопоставить обвиненіе, находившееся въ протоколахъ Директоріи въ департаментѣ Mayenne, значившееся подъ 12 фримера II года: „Леклеркъ де-ла-Ранжеръ имѣетъ четыре тысячи ливровъ годоваго дохода: *слѣдовательно эгоистъ* [2]).

Тѣхъ, кто не подвергался осужденію за богатство, обвиняли за ихъ физіономію. На одного плебея былъ сдѣланъ доносъ въ Moulins за то, что „на лицѣ его видна аристократическая харя" [3]).

У нѣкоего Туре „на лицѣ запечатлѣлось его злодѣйство". У другого, по имени Гюге Дюлисъ, „точно также на лицѣ отражается двуличность его характера" [4]).

Въ Страсбургѣ банкиръ Виллибадъ Вуктеръ былъ объявленъ подозрительнымъ. Его упрекали въ эгоизмѣ" [5]).

Комичность и ребячество обвиненій, взводившихся на подсудимыхъ, еще болѣе усиливало гнусность ихъ осужденія.

Одну портниху приговорили къ смертной казни „за то, что она не приняла Конституціи 24-го іюня 1793 года". Самое примѣчательное въ этомъ обвиненіи заключается въ томъ, что Конституція 24 іюня, отмѣненная декретомъ 10-го октября и отсроченная на неопредѣленное время декретомъ 14-го фримера II-го года, никогда не была введена въ дѣйствіе.

Одна женщина, по имени Жанна Мами, была казнена за то, что „до отмѣны королевской власти продавала жилеты съ узоромъ лилій"; нѣкто Ларокъ—„за то, что имѣлъ проценты и намѣренія, противныя соблюденію правъ человѣка", одинъ бакалейный торговецъ—„за склонность къ аристократіи" [6]).

Двѣ старыхъ дѣвы, проживавшія въ Абосѣ, нѣкія дѣвицы Сомъ, одна—сорока лѣтъ, другая—сорока девяти, были обвинены въ „сношеніяхъ съ ангелами и со святыми, въ ханжествѣ и сожалѣніи о старомъ режимѣ" [7]).

---

[1]) Валловъ, „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements", III, 313.

[2]) Бурсье, „Essai sur la Terreur en Anjou", тетр. VI.

[3]) „La Terreur dans le Bourbonnais", Л. Одія, стр. 35.

[4]) Валонъ, III, 313.

[5]) Ibid., IV, 383.

[6]) „La justice révolutionnaire", Фабра де-ла-Бенодьера, судьи въ Бордо, 1865, стр. 48—73.

[7]) „Pau et les Basses Pyrénées pendant la Révolution", Фредерика Риваресъ, стр. 324.

Въ департаментѣ Deux-Sèvres коммиссары, посланные къ гражданкѣ Дюфэ де-ла-Тайлье, торжественно засвидѣтельствовали въ обвинительномъ актѣ, что нашли у нея „мотки бѣлыхъ нитокъ, смотанныхъ въ видѣ кокарды“ [1]). Въ этомъ фактѣ они усмотрѣли признакъ ея контръ-революціоннаго направленія.

Одна дама, нѣкая Майлье, судилась и была осуждена вмѣсто вдовы Майлье. При констатированіи этой ошибки, ей сказали: „Судить хотѣли собственно не васъ; но это безразлично, не все-ли равно, сегодня или завтра“ [2]).

Юный Мелле былъ приведенъ на судъ вмѣсто восьмидесятилѣтняго старика Беллэ. На вопросъ, сколько ему лѣтъ, онъ отвѣтилъ, что ему нѣтъ еще шестнадцати. „По твоему преступленію, тебѣ вѣрныхъ восемьдесятъ“, — возразилъ президентъ, и юноша возведенъ былъ на эшафотъ [3]).

Въ Марселѣ революціонный судъ судилъ девятилѣтняго ребенка.

Въ Сенъ-Моло народный представитель Ле-Карпантье хотѣлъ судить заговорщиковъ пяти, восьми и девяти лѣтъ [4]).

Депутатъ Мэнье учредилъ въ Марселѣ военную коммиссію, состоявшую изъ восьми членовъ, самымъ скоропалительнымъ образомъ осудившую шестьдесятъ шесть человѣкъ. Допросивъ подсудимыхъ объ ихъ именахъ, родѣ занятій и положеніи ихъ состоянія, судьи приказывали сажать ихъ на телѣжку и съ балкона произносили имъ смертный приговоръ [5]).

Казнивъ невинныхъ, естественно миловали виновныхъ. Вердикты присяжныхъ Лаонскаго суда весьма любопытны. Въ промежутокъ времени отъ 15 марта 1792 г. до 9 термидора 1794 г.—они оправдали семь воровъ. Изъ сорока пяти убійцъ, отравителей и душегубцевъ они оправдали двадцать два человѣка. Ни одинъ не былъ приговоренъ къ смертной казни. Изъ трехъ поджигателей двое были оправданы, а одинъ приговоренъ къ кандаламъ. Изъ десяти человѣкъ, осужденныхъ во взяточничествѣ—семеро были оправданы и трое осуждены. Послѣ 9-го термидора двое убійцъ изъ четверыхъ были оправданы тѣмъ-же судомъ, двое остальныхъ приговорены къ кан-

---

[1]) „La justice révolutionnaire à Niort“, Антон. Пруста, 1879 г., стр. XVI.
[2]) „Bordeaux sous le régime de la Terreur“, 1849, in 12, стр. 40.
[3]) Ibid.
[4]) В. де-Бомефоръ, „Le tribunal révolutionnaire d'Orange“, стр. 25.—Берріа-Сенъ-При.
[5]) В. де-Бомефоръ, стр. 25, 26.

даламъ. Кромѣ того, состоялся еще 41 оправдательный приговоръ на 75 фактовъ доказаннаго воровства.

Въ общемъ на сто девятнадцать уголовныхъ преступниковъ насчитывается 73 оправдательныхъ приговора, сорокъ шесть осужденій и 5 субъектовъ, оставленныхъ подъ подозрѣніемъ [1]).

Судьи, прежде сами чинившіе судъ надъ другими, представали теперь передъ этими судами, членамъ которыхъ подобало-бы скорѣе занимать скамьи подсудимыхъ. Почтенный семидесятичетырехлѣтній старикъ д'Аршъ, прежній совѣтникъ въ парламентѣ въ Бордо, владѣвшій притомъ большимъ состояніемъ, на этихъ двухъ основаніяхъ привлекъ особенное вниманіе якобинцевъ. Послѣ первыхъ революціонныхъ насилій въ Тюллѣ, онъ удалился въ Феллетэнь, маленькій городокъ департамента de la Creuse. Онъ велъ тамъ тихую жизнь, въ безвѣстности, какъ вдругъ случилось народное возстаніе въ Меймакѣ, деревнѣ de la Creuse, гдѣ у него былъ замокъ д'Амбрюжà. Мятежники напали на этотъ замокъ. Отсутствіе д'Аршъ не помѣшало доносу народнаго представителя настигнуть его въ Феллетэнѣ. Его арестовали и привели въ Меймакъ. Мэръ (его звали Динматэнь), добившійся разрѣшенія задержать его подъ карауломъ въ своемъ домѣ, предложилъ ему легкое средство для побѣга. Въ домѣ имѣлось два выхода, и бдительность двухъ стражей можно-де усыпить хмѣльными винами. Но д'Аршъ отказался отъ такого великодушнаго предложенія, изъ опасенія скомпрометировать своего освободителя.

Судъ присяжныхъ, судившій его, состоялъ изъ землепашцевъ и рабочихъ. Совѣщаніе ихъ затянулось. Тогда президентъ замѣтилъ имъ: „Напоминаю вамъ, что народъ ждетъ". Не добившись священника, д'Аршъ потребовалъ молитвенникъ. Ему въ насмѣшку послали „*Droits de l'homme*". Одинъ членъ наблюдательнаго Комитета замѣтилъ, что при немъ должны быть деньги и драгоцѣнности, какъ и при Бонне де-ла-Шабанъ, осужденномъ вмѣстѣ съ нимъ. Шабана совершенно ограбили передъ смертью, отобравъ отъ него семьсотъ ливровъ и золотой перстень. Д'Аршъ оказался болѣе предусмотрительнымъ, передавъ своей женѣ все, что было при немъ, какъ только онъ услыхалъ о своемъ смертномъ приговорѣ. Онъ шелъ на эшафотъ твердымъ шагомъ, съ непоколебимостью.

---

[1]) „La justice criminelle à Laon pendant la Révolution", А. Комбье, I, 79, 365.

Недруги его имѣли варварство окружить эшафотъ отрядомъ національной гвардіи, составленнымъ изъ преданныхъ ему людей.

Въ день казни президентъ приказалъ перенести апельсиновыя деревья изъ замка д'Аршъ на свою дачу. По его-же распоряженію, начали искать серебро, но оно было припрятано въ укромное мѣстечко, такъ что нашли только часть его [1]).

Судъ въ Бривѣ въ февралѣ 1794 года потребовалъ къ себѣ двѣнадцать подсудимыхъ изъ Кюблака, общины департамента Корезы, прозванной „la petite Vendée“. Однихъ обвиняли въ аристократизмѣ, другихъ упрекали въ томъ, что они не ходятъ къ обѣдни къ конституціонному кюре, третьихъ въ томъ, что у нихъ недостаточны республиканскія чувства. Въ числѣ ихъ былъ только одинъ аристократъ. Звали его де-ла-Филоли. Онъ 69 лѣтъ былъ отцомъ одиннадцати человѣкъ дѣтей и жилъ въ замкѣ Савиньякъ. Всѣ прочіе были деревенскими людьми, въ томъ числѣ — четыре женщины. Одна изъ нихъ, Марта Сежераль, сорока лѣтъ, была вдовой крестьянина, по имени Лубильякъ. Допросъ ла-Филоли свидѣтельствуетъ, какимъ притѣсненіямъ онъ подвергался, прежде чѣмъ предсталъ для этого допроса передъ своими обвинителями:

— Разговаривая съ Дюпонъ, не сказали-ли вы ему, что побѣда была обезпечена за союзными державами? что генералы Республики измѣняли на каждомъ шагу, что, впрочемъ, можно было разсчитывать на поселянъ, что-де они охотно присоединятся къ непріятельскимъ войскамъ и сдѣлаютъ все, чего захочетъ дворянство? И не прибавили-ли вы, говоря о патріотахъ: „мы имъ наступаемъ на горло?“

— Я все это думалъ про себя, но протестую противъ приписываемыхъ мнѣ словъ; я никогда не раскрывалъ рта по поводу Революціи, которой не сочувствую, я слишкомъ хорошо зналъ ея послѣдствія. Многіе изъ моихъ крестьянъ изъ общины Конда стараются мнѣ вредить, для чего прибѣгаютъ къ всевозможнымъ средствамъ. Меня обидѣли въ Кюблакѣ. Какъ-то разъ хотѣли задержать мою лошадь, которую я получилъ обратно только послѣ обѣщанія предоставить ее въ распоряженіе общины. Они даже удерживали въ теченіе трехъ или четырехъ дней кобылу и осленка, на которыхъ ѣхали моя сестра и одна изъ моихъ дочерей. Въ другой разъ, желая обра-

---

[1]) „Scènes et portraits de la Révolution en bas Limousin“, графа де-Сейлака, стр. 593 и слѣд.

тить меня въ посмѣшище, меня хотѣли заставить сѣсть на осла и проѣхать по деревнѣ; командиръ національной гвардіи спасъ меня отъ такого посрамленія. Въ третій разъ, въ бытность мою въ Ларшѣ, я подошелъ къ церкви, какъ вдругъ услышалъ, какъ кричали, что-де надо отдѣлаться отъ....... дворянина. Я удалился, во избѣжаніе большихъ опасностей.

— Приняли ли вы республиканскую конституцію?

— Фактически да, но не сердцемъ. Однако я присоединился бы ко всему, что могло бы послужить на пользу моей родины.

— Говорили ли вы, что дѣла идутъ хорошо и что дворяне наступятъ на горло бѣдняковъ?

— Конечно, нѣтъ; признаюсь вамъ откровенно, что если бы я это и подумалъ, то не рѣшился бы этого высказать; въ наши времена я не вмѣшиваюсь въ дѣла, а молчу.

— Не сказали ли вы въ присутствіи четырехъ лицъ: „Намъ хотѣли наступить ногой на горло, но они у насъ въ рукахъ. Они желали лишить насъ ренты, но эмигранты справятся со всѣмъ".

— Я никогда объ этомъ не говорилъ. Конечно, очень тяжко лишиться ренты, но надо быть терпѣливымъ. Всякій разъ, когда поднимали людей въ моемъ приходѣ, я давалъ лошадей, чтобы ихъ подвезти, или же давалъ каждому изъ нихъ по сто су, а ихъ была цѣлая дюжина. Наконецъ, поторговавшись съ ними, я отдѣлывался иногда двадцатью ливрами. Однажды они навѣрное увели бы моихъ лошадей, если бы я самъ не оставался въ конюшнѣ съ моими слугами и не помѣшалъ имъ. Я долженъ былъ объявить имъ, что они могли убить меня, но что увести лошадей моихъ я имъ не позволю".

Публичный обвинитель въ своемъ обвинительномъ актѣ не преминулъ сказать о роялистскомъ заговорѣ и взывалъ къ мщенію закона. Судъ обвинилъ ихъ въ „замыслахъ зловредныхъ для свободы и посягательствѣ на верховенство народа, клонящихся къ уничтоженію Національнаго Конвента и возстановленію королевской власти". Онъ присудилъ къ смертной казни ла-Филоли и Марту Сежераль. Остальные подсудимые были приговорены къ тюремному заключенію до наступленія мира; нѣкоторые выпущены на свободу.

Приговоръ состоялся 14-го февраля, но еще съ 11-го числа національный агентъ далъ письменное предписаніе на счетъ приготовленій къ казни.

„Для осужденія аристократа, — выразился актуаріусъ, — достаточно полууликъ“.

„Не будь онъ аристократомъ,—сказалъ о ла-Филоли президентъ суда, возвращаясь изъ Тюлля,—я не осудилъ бы его“.

Эшафотъ былъ воздвигнутъ въ Бривѣ. Туда привели аристократа и крестьянку. Ла-Филоли передъ казнью перекрестился и громкимъ голосомъ трижды воскликнулъ: „Vive le roi!“ Марта Сежераль, ожидая своей очереди, молилась у подножія гильотины. Узнавъ свою предательницу, она велѣла ей потребовать отъ жены тюремщика новую юбку свою, которую она ей оставила.

„Вернись къ Богу,—прибавила она ей,—и помолись Ему обо мнѣ. Я тебя простила!“

Женщина изъ народа умерла подобно аристократу, съ возгласомъ монархической вѣрности: „Vive le roi!“

Населеніе съ ужасомъ глядѣло на два трупа. Власти дефилировали передъ ними. Больныхъ и дѣтей изъ богадѣльни заставили быть свидѣтелями этого ужаснаго зрѣлища [1]).

Другая женщина изъ народа, вдова Бозакъ, поселянка въ Пюи, вслѣдствіе одного обыска была заподозрѣна въ укрывательствѣ своего сына, непокорнаго священника. Она приведена была на судъ и приговорена къ смертной казни. Услышавъ свой приговоръ, Бозакъ воскликнула:

— Какъ!.. Сука имѣетъ право питать своихъ щенковъ, а вы казните смертью мать за то, что она приняла къ себѣ своего ребенка! Вы злѣе тигровъ!

Это суровое восклицаніе взволновало судей и смущенный президентъ могъ только отвѣтить:

— Таковъ законъ.

Нѣсколько часовъ спустя ея не стало [2]).

Стойкость монахинь вызывала иногда сильное волненіе въ департаментскихъ судахъ. 26-го мессидора II года (14-го іюля 1794 года), народная коммиссія въ слѣдующихъ выраженіяхъ описывала Комитету Общественнаго Спасенія, какъ держали себя монахини при появленіи своемъ передъ ней въ Оранжѣ:

„Ханжи объявили, что помѣшать имъ быть монахинями не въ людской власти; что присяга была противна ихъ совѣсти и обѣтамъ. На замѣчаніе, что въ числѣ этихъ обѣтовъ былъ обѣтъ послушанія, что самъ апостолъ Павелъ сказалъ,

---

[1]) „Scènes et portraits de la Révolution en bas Limousin“, стр. 572 и слѣд.
[2]) „Causeries historiques sur le Velay“, аббата Корню, I, 94.

приводя въ данномъ случаѣ слова Христа, что человѣкъ обязанъ послушаніемъ Кесарю, даже несправедливому, и что, слѣдовательно, на отказъ ихъ отъ присяги можно, конечно, смотрѣть, какъ на возмущеніе противъ верховенства народа, — онѣ отвѣтили, что Кесаря болѣе не существуетъ, что его убили, и что одинъ ужасъ вызываетъ въ нихъ видъ шестисотъ королей въ Конвентѣ и *тысячу подобныхъ оскорбленій. Коммиссія и слушатели были справедливо возмущены*" [1]).

Городъ Оранжъ, о которомъ намъ не разъ приходилось говорить, отмѣтилъ себя въ исторіи Революціи въ провинціи еще одной поразительной чертой.

Президентъ революціонной коммиссіи въ Оранжѣ, по имени Фовети, въ іюнѣ 1795 года, бѣжалъ, чтобъ спастись отъ грозившаго ему тюремнаго заключенія, которымъ, какъ онъ зналъ, угрожали ему. Въ различные муниципалитеты разосланы были инструкціи, чтобы арестовать его, но поймать его не удалось. Исчезновеніе его занимало умы всей Франціи.

У одного изъ наиболѣе почтенныхъ обитателей [2]) общины Saint-Alban-sous-Sampson (въ Ардешѣ) жали рожь, и въ числѣ жнецовъ находился одинъ волонтеръ 4 батальона, по имени Луи Буйль, служившій прежде въ Оранжскомъ гарнизонѣ. По службѣ ему не рѣдко приходилось бывать въ залѣ революціоннаго суда, и онъ охотно разсказывалъ о сценахъ, свидѣтелемъ которыхъ былъ и о которыхъ всѣ любили его разспрашивать.

Въ тотъ день, послѣ своего обѣда, несмотря на лѣтній зной, жнецы измѣнили своему обыкновенію и не ложились на отдыхъ. Они не могли оторваться отъ разсказовъ солдата. Онъ повѣствовалъ имъ, что 17 термидора 1794 года, онъ стоялъ на часахъ въ самомъ помѣщеніи суда, у дверей, съ приказаніемъ никого не впускать. Зала была полна народу. Вдругъ послышался лошадиный топотъ. Сквозь скученные ряды протискался всадникъ, показывая письмо, которое онъ передалъ Фовети. Послѣдній поблѣднѣлъ, читая это письмо, и затѣмъ присудилъ къ смертной казни пятерыхъ подсудимыхъ. По отбытіи караула, возвратившись въ казармы, солдатъ былъ пораженъ радостью, написанной на всѣхъ лицахъ. Сперва онъ не понялъ причины этой радости, но на другой день она стала для него ясна, когда онъ узналъ о смерти Робеспьера и о распущеніи суда.

---

[1]) Беррія-Сенъ-При.
[2]) Его звали Шальве ла-Шамбонъ.

Въ то время, какъ солдатъ доканчивалъ свой разсказъ внимательно слушавшимъ его жнецамъ, къ нимъ подошелъ человѣкъ усталаго вида, въ растерзанномъ платьѣ и обратился къ нимъ съ вопросомъ, гдѣ можно перейти черезъ рѣку. Ему указали мостъ и дорогу къ нему. Поблагодаривъ, незнакомецъ немедленно удалился. Но едва успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ Луи Буйль сказалъ владѣльцу нивы:

— Я узнаю этого человѣка,—это Фовети.

— Ты увѣренъ въ томъ?

— Я видѣлъ его очень часто и не могу ошибиться.

— Захвати съ собою одного изъ жнецовъ и арестуй его.

Двое нагнали Фовети. Одинъ изъ нихъ, чтобы разсѣять свои сомнѣнія, схватилъ бутылку вина и предложилъ ему подкрѣпиться. Фовети довѣрчиво взялся за бутылку, но, пока онъ пилъ, два серпа окружили его шею, образовавъ желѣзный кругъ, и парализовали всякую возможность сопротивленія. Его повели въ Saint-Alban, гдѣ толпа встрѣтила его бранью. Посланный затѣмъ въ Авиньонъ, онъ былъ судимъ и казненъ [1]).

Не заключается ли въ этой правдивой исторіи, которую на первый взглядъ можно принять за почерпнутую изъ романа,—урока, согласнаго съ требованіями совѣсти и указывающаго на виновнаго, постигнутаго карою? Революціонные суды составляли пародію на правосудіе; они явились пособниками преступленія, вслѣдствіе несправедливости своихъ приговоровъ, жестокихъ и безчисленныхъ обвиненій. Но правосудіе, стоящее превыше человѣческаго, должно было произнести свой окончательный приговоръ. Оно-то и явилось недреманнымъ окомъ, въ лицѣ солдата, сидѣвшаго посреди жнецовъ, внезапно настигшаго преступника во время его побѣга и, такимъ образомъ, оказавшагося орудіемъ божественнаго отмщенія.

---

[2]) „Le Tribunal révolutionnaire d'Orange", В. де-Бомефора, стр. 193.

Глава V.

Казни.

I.

„Гильотина вполнѣ готова“, писалъ Прюдоммъ 27 апрѣля 1793 года въ своихъ „Révolutions de Paris“. Зловѣщее орудіе функціонировало безостановочно, проливало цѣлые потоки крови въ теченіе ужасной эпохи, для которой оно сдѣлалось эмблемой.

На засѣданіи 23 августа 1792 года Парижская коммуна приняла такое рѣшеніе:

„Выслушавъ прокурора Коммуны, главный совѣтъ постановляетъ не снимать гильотины съ площади Революціи впредь до новаго распоряженія, за исключеніемъ, однакоже, сѣкиры, которую палачъ обязанъ будетъ уносить съ собою послѣ каждой казни [1]).

Согласно съ этимъ постановленіемъ, гильотина воздвиглась на площади Революціи, нынѣ площади Согласія. Торговцы улицы Saint-Honoré запирали лавки незадолго до появленія осужденныхъ, двигавшихся среди мертваго безмолвія. Къ 12 вандемьера III года, послѣ казни сорока девяти осужденныхъ, наступило такое утомленіе этими ужасными зрѣлищами, и притомъ они наносили такой ущербъ кварталамъ, гдѣ, такъ сказать, нарушали ежедневно жизнь и торговлю, что комитеты перенесли эшафотъ въ другое мѣсто, а именно—въ Бастилію. Купцы улицы Saint-Antoine, въ свою очередь, стали запирать лавки во время слѣдованія позорныхъ колесницъ. Гильотина была снова перемѣщена къ Венсеннькой заставѣ, или, какъ тогда ее называли—заставѣ „Trône renversé“ [2]). Для того, чтобы

---

[1]) „Registres de la Commune“, IX, 350.—Добанъ, „Paris en 1794 et 1795“, стр. 416.

[2]) Отъ 14 іюня по 27 іюля 1794 г. (9 термидора II-го года) тамъ было казнено слишкомъ тысяча триста человѣкъ, что среднимъ числомъ составляетъ болѣе тридцати человѣкъ въ день.

добраться до нея, приходилось проѣхать все предмѣстье Saint Antoine, гдѣ осужденныхъ осыпали оскорбленіями.

Парижскій палачъ получалъ десять тысячъ ливровъ въ годъ. Въ провинціи палачамъ платили по шести тысячъ ливровъ— въ городахъ съ населеніемъ отъ ста тысячъ до трехъ сотъ тысячъ душъ, и по двѣ тысячи четыреста ливровъ—въ городахъ съ населеніемъ въ пятьдесятъ тысячъ душъ [1]).

По совершеніи туалета осужденнаго, „палачъ усаживалъ жертву свою,—съ связанными руками и босыми ногами или обутыми въ широкіе башмаки или же туфли,—на колесницу, въ которой могли помѣститься до пяти—шести осужденныхъ; ихъ усаживали по продольнымъ бокамъ колесницы, оставляя извѣстное свободное разстояніе между ними. Когда было всего одинъ или два осужденныхъ, ихъ сажали спиною къ лошади. Время переѣзда, длившееся отъ трехъ четвертей часа до полутора, являлось истинной агоніей и пыткой. Колесница останавливалась у подножія эшафота. Помощники палача помогали осужденнымъ сойти внизъ. Помощь ихъ требовалась также и при восхожденіи по узкой, крутой лѣстницѣ, съ перилами по одну только сторону, ведшей на платформу.

„Едва показывался тамъ осужденный, какъ его хватали, вели къ орудію казни, прилаживали его къ толстой, тяжелой доскѣ, помѣщенной на близкомъ разстояніи отъ двухъ столбовъ, между которыми сверкалъ истребительный мечъ; доска шла не выше груди и не доходила вполнѣ до земли. Дюжія руки немедленно застегивали два — три широкихъ ремня на груди, бедрахъ и икрахъ; затѣмъ толчокъ въ нижнюю часть доски и сильный ударъ въ спину осужденнаго, два движенія въ противоположномъ направленіи, приводили толстую доску въ колебаніе. Тѣло принимало горизонтальное положеніе, причемъ шея попадала на дерево, нарочито вырѣзанное полумѣсяцемъ, и въ то же мгновеніе другой полумѣсяцъ, въ видѣ кривого ножа, опускался на шею... Верхній полумѣсяцъ соединялся съ нижнимъ посредствомъ засовки или болта, который мгновенно попадалъ на свое мѣсто. Полумѣсяцъ былъ снабженъ желѣзнымъ лезвіемъ, служившимъ для устраненія возможности какой бы то ни было попытки казнимаго преступника поднять голову, если бы это ему вздумалось. Но онъ не успѣвалъ опомниться отъ испытаннаго имъ потрясе-

---

[1]) В. де-Бомефоръ, „Le tribunal révolutionnaire d'Orange“, стр. 337 прим. 74.

нія, какъ пружина, тронутая рукою палача, уже опускала ножъ, скользившій по мѣднымъ желобкамъ подъ дѣйствіемъ своей тяжести, усиленной еще болѣе свинцовой оправой, и падавшій на голову преступника съ высоты нѣсколькихъ метровъ. Голова скатывалась въ ивовую корзину. Несмотря на желаніе народа, требовавшаго, чтобы *дѣло это производилось опрятно*, какъ видно изъ письма Сансона, гдѣ онъ проситъ у Коммуны прибавки жалованья, — палачи заботились болѣе о быстротѣ выполненія своей задачи, нежели объ ея благоприличіи. Кровь струилась по эшафоту, стекала на землю, пропитанную ею до такой степени, что слѣдъ отъ ногъ прохожихъ, прошедшихъ по этой кровавой грязи, отпечатлѣвался на далекомъ разстояніи до самой мостовой по улицѣ Бургонь [1]. На мѣстѣ казни была вырыта глубокая яма, куда стекала кровь казненныхъ. Жители этого квартала жаловались на ужасный запахъ, распространявшійся отъ этой крови [2].

Два кладбища были далеко не лишними для погребенія многочисленныхъ осужденныхъ, головы коихъ падали подъ революціоннымъ ножемъ. Въ одно изъ этихъ кладбищъ, расположенное близъ Madeleine, входили съ улицы Ville-l'Evêque, мостовыя которой были постоянно обагрены кровью. Кладбище это было упразднено, причемъ Парижская Коммуна выбрала одно сосѣднее пустопорожнее мѣсто въ паркѣ Монсо [3]. Другое кладбище, гдѣ погребались жертвы казней,—было кладбище Picpus [4].

По совершеніи казни, головы вмѣстѣ съ одѣтыми тѣлами бросались на телѣгу, окрашенную въ красную краску. Лишен-

---

[1]) „La démagogie à Paris de 1793", К. А. Добана, стр. 166.

[2]) „Paris en 1794 et 1795", Добана, стр. 413. — Генеральный прокуроръ-синдикъ писалъ гражданину Гидону: „Посылаю вамъ, гражданинъ, копію съ одного письма гражданина Шометта, прокурора Коммуны, откуда вы узнаете о существованіи жалобъ на то, что послѣ совершенія публичныхъ казней по уголовнымъ приговорамъ, кровь казненныхъ остается на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ она была пролита, что *псы приходятъ ею утолять свою жажду...*" („Révue rétrospective", томъ VI.—Гонкуръ, „Histoire de la Societé française pendant la Révolution", стр. 446).

[3]) Добанъ, „Paris en 1794 et 1795", стр. 416—420.

[4]) Кладбище Picpus послѣ Революціи было пріобрѣтено принцессой Гогенцоллернской, сестрой принца Сальмъ-Кирбургскаго, погребеннаго за этой оградой, къ которой madame де Монтегю и madame де-ла-Файеттъ присоединили купленный ими садъ Августиновъ. Развалины монастыря были также откуплены посредствомъ подписки, устроенной родственниками казненныхъ. Въ часовнѣ, гдѣ ежегодно совершается служба, находится мраморная доска съ именами павшихъ жертвъ, помѣщающаяся въ алтарѣ. На этой доскѣ насчитываютъ до тысячи трехъ сотъ семи именъ. Въ томъ числѣ фигурируютъ слишкомъ сто человѣкъ моложе двадцати пяти лѣтъ, сто восемьдесятъ два старца отъ шестидесяти до семидесяти девяти лѣтъ, десять человѣкъ отъ восьмидесяти до восьмидесяти пяти лѣтъ и сто семьдесятъ шесть женщинъ.

ныя савана и гроба, они погребались, какъ попало, въ общей ямѣ въ тридцать квадратныхъ футовъ.

„...Сансонъ являлся въ четыре часа, повозки въѣзжали во дворъ тюрьмы; судебные пристава выкликали; вызванные пересчитывались, повозки наполнялись, — и лошадей подгоняли ударами кнута.

„И повозки тяжело врѣзались во вчерашнюю колею, дѣлая ее еще глубже для колеи слѣдующаго дня. Медленно волоча этихъ людей въ продолжительной агоніи, повозки достигали до Pont-Neuf, и также медленно продолжали тащиться до улицы de la Monnaie, и также медленно добирались до улицы Honoré. Затѣмъ на мѣстѣ подъема уличной мостовой, на углу улицы Honoré и улицы Florentin, поѣздъ замедлялся еще болѣе; и долго еще изъ салоновъ Герона сыпались насмѣшки и оскорбленія на увязавшія въ грязи повозки.

„Въ тотъ часъ, когда солнце готово было погрузить городъ въ сумерки, въ часъ багроваго небосклона, при ударахъ лома и лошадиномъ галопѣ, на площади Революціи производилась великая гекатомба.

„На площади этой, вокругъ воздвигнутой гильотины, вокругъ гипсовой статуи Свободы, отбронзировавшейся уже отъ кроваваго пара, тысячи головъ въ красныхъ колпакахъ волновались, подобно полю съ маковыми головками. Всѣ эти головы глазѣли; группы людей, прилѣпившихся къ цоколю статуи Людовика XV, — глазѣли; Plaisir des Tuilleries и des Champs-Elysées — глазѣлъ; раскрытыя настежь окна Garde-meuble — глазѣли.

„Повозки опорожнялись; выходившіе изъ нихъ люди поднимались по лѣстницѣ, — они были связаны и затянуты.

„Ножъ опускался, причемъ всякій разъ, когда онъ опускался, подметавшій Жако начиналъ подпрыгивать на длинныхъ своихъ ногахъ и, съ разинутымъ ртомъ кривляясь на влажномъ своемъ пьедесталѣ, стряхивалъ на толпу съ красной метлы своей капельки совсѣмъ теплой крови. Галдѣвшая толпа потрясала въ воздухѣ тростями и шляпами.

„У подножія гильотины выкрикивали о маленькихъ пирожкахъ, раздавались колокольчики торговцевъ тизаны, работали воры, модныя *красныя рубашки* выдѣлялись отъ шалей“ [1]).

Не наименѣе возмутительной стороной казней являлись

---

[1]) „Histoire de la société française pendant la Révolution“, Эд. и Ж. де-Гонкуровъ, стр. 442.

эти толпы, скученныя вокругъ эшафота, привлеченныя туда видомъ крови, спѣшившія посмотрѣть, какъ скатывались людскія головы, изъ любопытства, ради удовольствія, отъ бездѣлья, вслѣдствіе жестокости.

„Въ театрѣ гильотины, — говорилъ Мерсье, — никогда не было недостатка въ зрителяхъ“ [1]).

Честные люди, въ которыхъ подобныя зрѣлища могли вселять только одинъ ужасъ, вынуждены были встрѣчаться на улицахъ съ осужденными, причемъ одного вида послѣднихъ было достаточно для того, чтобы вызвать тяжелое и глубокое впечатлѣніе.

„Повозки, направлявшія осужденныхъ къ эшафоту,—пишетъ Фьеве въ своихъ мемуарахъ, — проѣзжали по столицѣ безъ конвоя. Всѣ старались избѣжать встрѣчи съ ними“ [2]).

„Однажды (то было 29-го жерминаля) Этьеннь Делеклюзъ, которому тогда было двѣнадцать лѣтъ, сопровождалъ мать свою, вынужденную отправиться въ предмѣстье Сенъ-Жермень. Било половина четвертаго, когда они готовы были войти въ кварталъ Palais-Royal'я. Передъ площадью Dauphine, замѣтивъ, что мать стремительно увлекаетъ его за собою, ребенокъ спросилъ ее, зачѣмъ она такъ скоро идетъ.

„— Колесницы, колесницы!—пробормотала она, торопясь еще болѣе.—Ты не видишь ихъ? Ты слышишь шумъ? Пойдемъ, пойдемъ! Бѣжимъ скорѣе!

„Мать Делеклюза надѣялась добраться до своей квартиры раньше четырехъ часовъ — часъ, когда совершались казни. Поспѣшность ея не увѣнчалась успѣхомъ. Вмѣстѣ со своимъ юнымъ сыномъ она была задержана толпой, при спускѣ съ моста Pont-Neuf, въ тотъ моментъ, когда семь повозокъ съ осужденными дефилировали передъ ними. Чувствуя, что колѣни ея подгибаются, бѣдная женщина сдѣлала движеніе, чтобы закрыть себѣ глаза руками и оперлась о перила, какъ вдругъ какой-то человѣкъ, просто одѣтый, подойдя къ ней, тихонько шепнулъ ей:

„— Сдержитесь, сударыня, ибо вы окружены людьми, которые могутъ дурно истолковать вашу слабость“ [3]).

Этотъ человѣкъ былъ правъ. Революція, повсюду усматривавшая подозрительныхъ, не довѣряла состраданію. Это чув-

---

[1]) „Paris pendant la Révolution“, V, 182.

[2]) „Bibliothèque des mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le dix-huitième siecle“, I, 140

[3]) „La bourgeoisie française (1789—1848)“, A. Барду, стр. 72.

ство, являвшееся изгнанникомъ во Франціи, вынуждено было прятаться или *эмигрировать*. Въ чужихъ странахъ оно трогало сердца, отзывчивыя къ бѣдствіямъ, и милосердіе старалось смягчить и облегчить послѣднія. Но въ Англіи, гдѣ гостепріимство оказалось столь великодушнымъ по отношенію къ французскимъ бѣглецамъ, можно ли было бы повѣрить, что тамъ давались представленія гильотины, функціонировавшей во Франціи съ такой ужасной реальностью? Въ апрѣлѣ 1793 г. англійскія газеты возвѣстили, что каждый день, исключая воскресенья, уплативъ шиллингъ за входъ, можно будетъ видѣть гильотину, уставленную въ баракѣ въ Haymarket'ѣ и воспроизводившую въ точности гильотину Франціи. На ней отсѣкали голову манекену въ человѣческій ростъ, причемъ голова, отдѣленная отъ тѣла, производила полную иллюзію. Выставка эта имѣла огромный успѣхъ [1]).

Мерсье набросалъ портретъ Сансона, гдѣ мы снова находимъ энергію его кисти:

„Безстрастный, онъ былъ всегда за-одно вмѣстѣ съ ножемъ гильотины. По мановенію его руки скатились головы могущественнѣйшаго монарха Европы и его супруги, головы Бриссо, Кутона, всѣхъ противниковъ, и все это творилось съ одинаковымъ безстыдствомъ; онъ пролилъ ручьи смѣшанной крови принцевъ, законодателей, плебеевъ, философовъ... Онъ снималъ предоставляемыя ему головы, кому бы онѣ ни принадлежали... Какое орудіе! какой человѣкъ! Ему приходилось опасаться на одинъ день остаться одному въ Парижѣ.

„О чемъ говоритъ онъ? О чемъ онъ думаетъ? Размышлялъ ли онъ когда нибудь о томъ, что уложилъ въ могилу всѣхъ главарей противныхъ партій? Шарлотту Корде и Фукье-Тенвилля, супругу Ролана и Анріота... На его глазахъ въ пьяномъ видѣ умеръ Дантонъ, отъ всѣхъ декретовъ котораго отдавало виномъ; онъ присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ Робеспьера и гнусныхъ его сателитовъ, видѣлъ, какъ тѣ дрожали, обливаясь холоднымъ потомъ отъ ужаса, которымъ они леденили французовъ; онъ точно также готовъ былъ отрубить голову Кондорсе, какъ и Марату... Онъ слышалъ, какъ съ неистовыми возгласами тысячи этихъ женщинъ-фурій рукоплескали такому кровавому потопу. Говорятъ, онъ спалъ по ночамъ! и очень можетъ быть, что совѣсть его была вполнѣ покойна.

---

[1]) „La guillotine de Londres“, графа де-Контадъ.—„Revue de la Révolution“, 1884, III, 5 и слѣд.

„Гильотина пощадила его, какъ бы составляя съ нимъ одно цѣлое. Никому никогда въ голову не пришло предать огню ту качавшуюся доску, которая подставляла жертвы подъ роковое острiе...

„Что за человѣкъ этотъ Сансонъ! Онъ ходитъ, двигается, какъ и всякiй другой; иногда бываетъ въ театрѣ Vaudeville. Онъ смѣется, глядитъ на меня; моя голова миновала его рукъ. Онъ этого ничего не вѣдаетъ, а такъ какъ это для него безразлично, то я ненасытно продолжаю созерцать въ немъ эту безучастность, съ какой онъ отправилъ на тотъ свѣтъ такую массу людей, какъ высшаго, такъ и нисшаго слоя“ [1]).

Первая казнь политической жертвы состоялась 21 августа 1792 года, а именно—надъ роялистомъ д'Ангремономъ, участвовавшимъ въ сраженiи 10 августа [2]).

Былъ опубликованъ общiй и весьма точный списокъ именъ, съ обозначенiемъ лѣтъ, званiя и мѣстожительства всѣхъ заговорщиковъ, осужденныхъ на смерть революцiоннымъ судомъ, учрежденнымъ въ Парижѣ закономъ 17-го августа 1792 г., а также вторымъ судомъ, учрежденнымъ въ Парижѣ закономъ 10-го марта 1793 г., и имѣвшимъ назначенiе чинить судъ и расправу надъ недругами отечества.

Этотъ зловѣщiй списокъ представлялъ печальный интересъ для всѣхъ тѣхъ, кто тревожно искалъ въ немъ именъ родныхъ своихъ и друзей. Коллекцiя его составляла десять номеровъ съ адресомъ книгопродавцевъ „улица Honoré и улица Éloi“, по революцiонному стилю. Въ одномъ изъ этихъ номеровъ читаемъ „Avis aux citoyens“ („Предостереженiе гражданамъ“), изложенное нижеслѣдующимъ образомъ:

„Этотъ интересный списокъ отпечатанъ съ соблюденiемъ большой точности именъ, лѣтъ, прежнихъ профессiй и т. д. Пять номеровъ уже вышли изъ печати, будемъ продолжать съ тою же поспѣшностью. Номеръ будетъ выходить черезъ каждыя двѣ недѣли, болѣе или менѣе въ зависимости отъ количества заговорщиковъ, присужденныхъ къ смертной казни“.

„Со всѣхъ уголковъ Францiи,—разсказываетъ Ритуффъ въ трогательныхъ своихъ „Mémoires d'un détenu“—везли жертвы въ Консьержери. Она безпрестанно наполнялась транспортами изъ департаментовъ и такъ же безпрерывно опустошалась убiйствомъ и пересылкой въ другiя тюрьмы. Помощники тюрем-

[1]) Paris pendant la Révolution, I, 421.
[2]) Добавъ. „La démagogie à Paris en 1793“, стр. 164.

ныхъ смотрителей, съ обвинительными актами въ рукахъ, переносили ихъ изъ камеры въ камеру, до глубокой ночи. Узники, пробужденные отъ сна страшными и грубыми ихъ голосами, воображали, что это былъ ихъ общій приговоръ. Такимъ образомъ эти приговоры, осуждавшіе на смерть до шестидесяти, восьмидесяти человѣкъ, раздавались ежедневно, пугая собою всѣхъ шестьсотъ узниковъ...

„Сначала они запихивали въ свои смертоносныя повозки по пятнадцати человѣкъ, вскорѣ туда насаживали тридцать осужденныхъ и наконецъ число это возрасло до восьмидесяти четырехъ. Въ тотъ моментъ, когда смерть Робеспьера принесла человѣческому роду освобожденіе отъ ихъ жестокости, все уже было готово для отправленія на тотъ свѣтъ ста пятидесяти человѣкъ сразу. На площади Saint-Antoine была уже вырыта громадная канава для протока крови. Точно также были приготовлены громадныхъ размѣровъ каменоломни обширныя катакомбы, которыя должны были вмѣстить въ себя по крайней мѣрѣ до тридцати тысячъ труповъ.

„Около трехъ часовъ пополудни длинныя процессіи жертвъ спускались изъ суда и двигались медленно, подъ длинными сводами, посреди узниковъ, строившихся въ живую изгородь, чтобы посмотрѣть; какъ они пройдутъ мимо нихъ, причемъ на лицахъ смотрѣвшихъ отражалась страшная зависть... Я былъ свидѣтелемъ, какъ шли на смертную казнь сорокъ пять судей Парижскаго парламента, тридцать три — изъ Тулузскаго парламента, съ тѣмъ же видомъ, съ какимъ въ былое время они шествовали въ публичныхъ церемоніяхъ. На моихъ глазахъ спокойнымъ и твердымъ шагомъ прослѣдовали къ эшафоту пятьдесятъ главныхъ арендаторовъ, двадцать пять первостепенныхъ негоціантовъ Седана, идучи на смерть, сожалѣвшихъ о десяти тысячахъ работникахъ, которыхъ они оставляли безъ куска хлѣба... Я видѣлъ этихъ генераловъ, которыхъ побѣды только что украсили лаврами, внезапно превращенными въ кипарисъ; видѣлъ всѣхъ этихъ юныхъ воиновъ, блиставшихъ силой и энергіей, и окруженныхъ арміей жандармовъ... Состоявшійся надъ ними приговоръ, казалось, производилъ на нихъ впечатлѣніе чародѣйства, которое привело ихъ въ столбнякъ. Я видѣлъ эти длинныя вереницы людей, которыхъ отсылали на бойню. Ни единой жалобы не вырывалось изъ ихъ устъ; они шли безмолвно и, казалось, боялись поднять взоры на небо, чтобы не выдать излишка своего негодованія. Они умѣли только умереть.

Эти приговоры огуломъ, изобрѣтенные революціонной спѣшкой для быстрѣйшаго истребленія человѣческихъ жизней, съ жестокой очевидностью свидѣтельствовали о неправедности осужденій, гдѣ смѣшивались личности, совсѣмъ чуждыя другъ другу, которымъ бросали въ глаза обвиненіе въ сообщничествѣ, тогда какъ они встрѣчались здѣсь впервые. Смертные приговоры сводили также вмѣстѣ политическихъ противниковъ, въ родѣ Шапелье, Туре и д'Эпремениля. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ для членовъ одного и того же семейства при данныхъ приговорахъ огуломъ служило то обстоятельство, что они избѣгали такимъ образомъ горести разлуки.

Въ маѣ 1794 года были казнены двадцать человѣкъ, связанныхъ другъ съ другомъ узами кровнаго родства. Четверо Бріенновъ погибло разомъ. Достопочтенный Малэрбъ взошелъ на эшафотъ одновременно съ дочерью своею madame де-Розамбо, внучкой и ея мужемъ, графомъ и графиней де-Шатобріанъ. Madame де-Розамбо, покидая тюрьму, обняла mademoiselle де-Сомбрейль, эту героиню дочерней любви, и сказала ей: „Вы были такъ счастливы, что спасли вашего отца, а меня ожидаетъ счастье умереть вмѣстѣ съ моимъ". Она была свидѣтельницей казни своихъ дѣтей; затѣмъ казнили ее, Малэрбъ умеръ послѣднимъ.

Три поколѣнія другой фамиліи вошли вмѣстѣ на ступени того же самаго эшафота: супруга маршала Ноайль, невѣстка ея—герцогиня д'Айенъ, и внучка ея—виконтесса де-Ноайль. О казни ихъ имѣется разсказъ одного очевидца, и намъ еще придется говорить о ней въ этой главѣ.

Графиня де-Монморенъ, вдова бывшаго министра Людовика XVI, павшаго также жертвой революціонныхъ убійцъ, была гильотинирована вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Она значилась въ спискѣ осужденныхъ, насчитывавшемъ двадцать пять человѣкъ [1]), гдѣ, между прочимъ, была занесена также и сестра короля Елизавета. Смерть этой принцессы одна изъ прекраснѣйшихъ въ мартирологіи Революціи. Предоставимъ въ данномъ случаѣ слово Бошену:

„Вскорѣ раздался послѣдній вызовъ. Погребальный туалетъ совершился. Тюремныя ворота распахнулись, и повозки палача, прозванныя Барреромъ „гробами живыхъ"—принимаютъ осужденныхъ. Принцесса Елизавета попала въ ту же повозку, гдѣ сидѣли дамы де-Сенозаръ и де-Крюссоль-д'Амбуазъ; всю

[1]) Единственная, которую не казнили,—была madame Мегре-де Серилли, которая объявила о своей беременности. О ней упомянуто ниже.

дорогу отъ Консьержери вплоть до площади Людовика XV она бесѣдовала съ ними. На жалобы, вырывавшіяся изъ устъ нѣкоторыхъ осужденныхъ, она отвѣчаетъ трогательными утѣшеніями. При спускѣ съ Pont-Neuf,—разсказываетъ одинъ очевидецъ—бѣлый платокъ, покрывавшій голову принцессы, развязался и упалъ къ ногамъ палача, который поднялъ его. Съ этого момента, принцесса Елизавета, оставшись одна съ непокрытой головой посреди сотоварищей своихъ по несчастію, тѣмъ самымъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Такимъ то образомъ, многіе, которые безъ этой случайности, быть можетъ, не замѣтили бы ее, могли засвидѣтельствовать о спокойствіи и ясности выраженія ея лица. Наконецъ прибыли на площадь Революціи. Принцесса сошла первой. Палачъ, какъ бы желая поддержать ее, подалъ ей руку. Принцесса, глядя въ сторону, не воспользовалась этой предложенной ей рукой. У подножія эшафота жертвы нашли скамью, на которую ихъ усадили. Есть предположеніе, что это вниманіе было оказано имъ въ разсчетахъ предосторожности. Революціонное правительство,—какъ говорили,—опасалось, чтобы, въ виду значительности партіи, нѣкоторые осужденные, отъ долгаго ожиданія передъ гильотиной, не упали въ обморокъ. Но обморока ни съ кѣмъ не случилось. Ободренные присутствіемъ и взоромъ сестры Людовика XVI, всѣ осужденные дали себѣ слово бодро подниматься, когда будутъ выкликать ихъ по имени и съ твердостью выполнить свою задачу. Первой вызвана была madame де-Крюссоль. Она немедленно встала, подошла отдать поклонъ принцессѣ Елизаветѣ и, громогласно засвидѣтельствовавъ свое почтеніе и преданность, внушенныя ей принцессой, попросила у нея разрѣшенія обнять ее.

„— *Охотно и отъ всего сердца,*—отвѣтила ей принцесса съ тѣмъ выраженіемъ привѣтливости, которое ей было такъ свойственно.

„И царственная жертва дала ей поцѣлуй послѣдняго прости, поцѣлуй муки и славы. Всѣ слѣдующія женщины получили такое же свидѣтельство ея расположенія. Такимъ образомъ онѣ взошли на эшафотъ, освященныя этимъ ангельскимъ поцѣлуемъ, напоминавшимъ дѣянія мучениковъ, во имя блаженнаго безсмертія. Мужчины точно также сочли долгомъ засвидѣтельствовать свое почтеніе принцессѣ Елизаветѣ, подходя къ ней каждый по-очередно и преклоняя передъ ней свою голову, которая, минуту спустя, падала подъ ножемъ гильотины...

„Все время, пока длилось жертвоприношеніе, святая женщина, какъ бы предсѣдательствуя при совершеніи его, не переставала произносить *De profundis*. Въ ожиданіи собственной смерти, она молилась за отшедшихъ въ вѣчность. Ее прибергли на послѣдокъ. Повелители гильотины, располагая возможностью убить ее только однажды, хотѣли, по крайней мѣрѣ, заставить ее испытать чувство смерти столько разъ, сколько жертвъ будетъ казнено на ея глазахъ. Когда двадцать третья изъ жертвъ подошла отдать ей поклонъ, Елизавета обратилась къ ней съ словами:

„— *Мужайся и вѣруй въ милосердіе Божіе.*

„Затѣмъ она встала съ своего мѣста, чтобы быть готовой къ призыву палача. Твердыми шагами взошла она на эшафотъ; палачъ еще разъ подалъ ей руку, но поза жертвы дала ему понять, что она достаточно сильна, чтобы подняться на эшафотъ безъ посторонней помощи. И, взирая на небо, она предоставила себя въ распоряженіе палача“ [1]).

Однажды изъ Кармской тюрьмы потребовалось пятьдесятъ жертвъ, въ томъ числѣ находились Богарне, Шампсенецъ, принцъ Сальмскій, герцогъ де-Шаростъ. Двое молодыхъ людей рѣшили предупредить смерть самоубійствомъ. Они бросились съ лѣстницы, сверху внизъ, держа за руки другъ друга. Тѣла ихъ размозжились при паденіи. Такимъ образомъ до назначенной цифры не хватало двухъ головъ, и ее пополнили, замѣнивъ самоубійцъ двумя другими узниками [2]).

Казнь двадцати одного жирондиста длилась не болѣе тридцати одной минуты. Партія, гдѣ находилась Сесиль Рено, эта дочь народа, обвиненная въ намѣреніи покуситься на жизнь Робеспьера, — состояла изъ шестидесяти одного осужденнаго, казненныхъ въ теченіе сорока пяти минутъ [3]).

Мнимые заговоры въ тюрьмахъ имѣли цѣлью огульное истребленіе наибольшаго числа жертвъ. Такимъ образомъ казнены были одна за другой двѣ *партіи* изъ Бисетрской тюрьмы, четыре —изъ Люксанбургской, три—изъ тюрьмы Saint-Lazare.

Прежняя французская магистратура имѣетъ свою славную и кровавую страницу въ лѣтописяхъ революціоннаго эшафота. Она была избрана мишенью для ударовъ убійцъ за свой ан-

---

[1]) „Vie de madame Elisabeth“, II, 227.

[2]) „Journal de ma vie pendant la Révolution française“, миссъ Эліотъ.—„Bibliothèque des mémoires relatifs à l'histoire de France pendant le dix-huitième siecle“, собр. Барріеромъ, XXVII, 397.

[3]) Добанъ, „La Démagogie à Paris en 1793“, стр. 164.

тичный блескъ и мужественные протесты, раздававшіеся въ ней противъ декретовъ, которыми конституціонное собраніе постановило ея распущеніе въ сентябрѣ 1790 года.

Протесты Реннскаго и Тулузскаго департаментовъ были опубликованы. Парижскій парламентъ ограничился составленіемъ своего протеста на листкахъ, подписанныхъ многими изъ его членовъ и хранившихся у Пеллетье де-Розамбо, зятя Малэрба. Обнаруженіе этихъ листковъ повлекло за собою его арестованіе, причемъ въ томъ же самомъ обвинены были и всѣ подписавшіе протестъ. Де-Розамбо присовокупилъ сюда завѣщаніе, выраженное въ такой формѣ:

„Въ случаѣ моей смерти, прошу madame Розамбо передать этотъ пакетъ,—въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ есть,—въ руки де-Саррона или же въ руки де-Гурга, Жильбера, д'Ормессона, Шамплатрё, *дабы тотъ изъ нихъ, кто окажется старѣйшимъ Президентомъ Парламента въ это время, вскрылъ его и взялъ на свое попеченіе эти документы*" [1]).

Предосторожность эта, свидѣтельствовавшая объ его заботливости о традиціи и объ уваженіи къ прежнимъ формамъ, послужила, однако, поводомъ къ смертному приговору семнадцати президентовъ и совѣтниковъ Парижскаго Парламента [2]), къ которымъ присоединили шестерыхъ совѣтниковъ изъ Тулузы [3]), одного первоприсутствующаго изъ суда, рѣшавшаго спорныя дѣла о сборахъ и налогахъ [4]), и одного пѣхотнаго полковника [5]), друга послѣдняго.

26-го преріаля II года (14-го іюня 1794 года) на эшафотъ были возведены еще тридцать членовъ Парижскаго и Тулузскаго Парламентовъ [6]), а 18-го мессидора II года (6-го іюля 1794 года) послѣдовала третья парламентская „партія" изъ Тулузы, въ двадцать два человѣка [7]).

---

[1]) „Histoire de la Terreur", Мортимера-Терно, I, 305 и слѣд.

[2]) Де-Розамбо, Ленуаръ, Дюпоръ Фреди, Камюсъ де-ла-Гибуржеръ, Дюпюи де-Марсе, Фагье де-Мардёйль, Пакье, Бурре-Корберонъ, Роланъ, Урсийнъ де-Бюръ, Руэттъ, де-Гургъ, Рошаръ де-Сарронъ, Моле де-Шамплатрё, Саллье и Лефебвръ д'Ормессонъ.

[3]) Сегла, Кюссакъ, Бальзакъ-Фирми, Лафонъ, Риго и Монтегю.

[4]) Гоккаръ.

[5]) Норъ, бретонецъ.

[6]) Сепо, Комбеттъ-Комонъ, Гальяръ, Дорте, Лаказъ, Пуларье — отецъ и сынъ, Эгевилль, Реверсакъ-Селестъ, Кассенъ, Сажо, Казъ, Лабронъ, Ларроканъ, Бланъ, Дюбуръ, Дагенъ, Маркье, прозванный Фажакъ, Молинари-Мюроль, Мьежевилль, Сави, Рошфоръ, Бюиссонъ, прозванный д'Оссоннъ, Бономъ-Дюпенъ, Брюно-Деліо, Монтегю, Леребуръ, Фурместро де-Бриссейль, Титонъ и Фретто. Послѣдній былъ уже ранѣе судимъ и оправданъ.

[7]) Леспинассъ, Бланке де-Рувилль, Комбеттъ-Лабурели, Барди, Пейро, Рей-Сенъ-Жери, Жюгону, Гюиренго, Перренъ, Карбонъ, Барресъ, Дозапьель-

Одинъ изъ присяжныхъ революціоннаго суда въ Парижѣ, столяръ Треншаръ, во время первой казни написалъ женѣ своей письмо, стиль и орѳографія котораго въ достаточной мѣрѣ знакомятъ съ образовательнымъ цензомъ тѣхъ людей, которые судили и присуждали къ смертной казни знаменитѣйшую магистратуру Франціи:

„Si tu *nest* pas toute *seulle* et que le *compagnion* soit à *travalier* tu peus ma *chaire* amie venir voir juger 24 *mesieurs* tous *si deven président* ou *conselies* au parlement de Paris et de Toulouse. Je *t'ainvite* à prendre quelque *choge aven* de venir *parcheque* nous *naurons* pas fini *de 3 hurres*.

Je *tembrase* ma *chaire* amie et *épouge*. Ton mari Trinchard [1]).

Вотъ какимъ образомъ самое грубое невѣжество и гнуснѣйшая тиранія призывали къ своему суду представителей этихъ старинныхъ парламентовъ, славившихся своей просвѣщенностью и независимостью.

Такимъ-то образомъ, предъ мнимымъ правосудіемъ и отъ руки палача кончали жизнь судьи, нѣкогда съ величественнымъ достоинствомъ возсѣдавшіе „на цвѣтахъ лиліи".

Духовенство доставило гонимой религіи свидѣтельство о новыхъ ея мученикахъ. Аристократія видѣла, какъ на эшафотахъ проливалась кровь, которую она не щадила на поляхъ битвы. Изгнанная буржуазія также точно умирала мужественно, проживъ жизнь съ честью. Народъ, въ свою очередь, взбирался по ступенямъ гильотины, сраженный демагогами, обвинявшими его въ „преступленіи аристократичности".

Богатство подверглось преслѣдованію въ лицѣ этихъ двадцати восьми первостепенныхъ fermiers géneraux, изъ коихъ одинъ прославилъ науку. То былъ Лавуазье. Они были присуждены къ смертной казны, какъ люди, обвиненные во взяточничествѣ и заговорѣ противъ Республики. На поляхъ приказа о выдачѣ, на основаніи котораго двухъ изъ этихъ финансистовъ перевели изъ тюрьмы въ судъ,—Фукье-Тенвилль начерталъ: „Прикажите принести ихъ вещи, въ виду того, что они не вернутся болѣе" [2]). Значитъ, присужденіе ихъ къ смертной казни было предрѣшено до суда.

Въ числѣ финансистовъ, находившихся въ этой „партіи",

Лабордъ, Лесшнасъ сынъ, Нероттъ-Вельгозп, Даспъ, Беллокъ, Лассюзъ-Нестьс Тренкостъ, Ламотъ, Гюилерменъ, Мурлюн и Турнье. Приведенные списки заимствованы изъ труда Кампардона „Le tribunal révolutionnaire de Paris", I, 486 и слѣд.

[1]) Кампардонъ, I, 306.—Добанъ, «Paris en 1794 et en 1795», стр. 504.

[2]) Кампардонъ, I, 313.

были Бутенъ, извѣстный своею расточительностью, д'Арленкуръ и Жозефъ де-ла-Бордъ [1]). Истиннымъ мотивомъ осужденія этихъ финансовыхъ тузовъ было ихъ состояніе, которое было конфисковано, и годъ спустя послѣ ихъ казни 16-го флореаля, III-го года (8-го мая 1795 года) у осудившаго ихъ члена конвента Дюпена, вырвалось такое признаніе: „Прошло ровно полгода, какъ совершилось великое беззаконіе; двадцать восемь головъ погибли тогда на эшафотѣ безъ всякаго судебнаго разбирательства, безъ осужденія, *сдѣлано это было съ корыстолюбивой цѣлью завладѣть ихъ казной*" [2]).

Одна изъ наиболѣе беззаконныхъ казней была казнь Вердюнскихъ дѣвушекъ, обезглавленныхъ въ Парижѣ 5-го флореаля II года (24 апрѣля 1794 года) вмѣстѣ съ жителями Вердюна обвиненными въ отдачѣ города пруссакамъ. Казнь этихъ дѣвицъ вдохновила Виктора Гюго написать одну изъ его одъ [3]).

Одна изъ казней царитъ надъ всѣми остальными величіемъ своей жертвы — то была казнь Людовика XVI. О ней существуетъ множество разсказовъ. Но ни одинъ изъ нихъ не можетъ сравниться съ письмомъ, написаннымъ по этому поводу Сансономъ, палачемъ, отсѣкшимъ королевскую голову.

Въ одной газетѣ того времени *Thermomètre du jour*—13 февраля 1793 г. помѣщено было неточное описаніе смерти Людовика XVI. Сансонъ исправилъ вкравшіяся ошибки слѣдующимъ письмомъ, появившимся въ номерѣ отъ 21-го февраля 1793 года, т. е. мѣсяцъ спустя послѣ смерти Людовика XVI:

„Гражданинъ!

„Непродолжительная отлучка была причиной того, что я не имѣлъ чести отвѣтить на ваше приглашеніе, съ какимъ вы обращаетесь ко мнѣ въ вашей газетѣ, по поводу Людовика Капета. Вотъ, согласно моему обѣщанію, точная истина того, что произошло. При выходѣ изъ кареты для казни, ему сказали, что слѣдовало-бы снять его платье. Онъ нѣсколько смутился, говоря, что можно бы его казнить такъ, какъ онъ есть. Въ отвѣтъ на возраженіе, что этого невозможно, онъ самъ сталъ помогать снимать свое платье. Такое-же смущеніе

---

[1]) Онъ владѣлъ замкомъ де-Меревилль. Былъ еще другой Лабордъ, также первостепенный фермеръ и выдающійся музыкантъ.

[2]) См. Les financiers d'autrefois, виконтессы де-Жанзе, урожд. Шуазель.

[3]) Ода III, книга I. См. объ этой казни, съ точки зрѣнія исторической—этотъ М. Кювиллье-Флёри въ его „Portraits politiques et révolutionnaires".

проявилъ онъ, когда стали связывать ему руки, которыя онъ протянулъ самъ, когда сопровождавшая его особа [1]) замѣтила, что то была послѣдняя жертва. А потомъ? онъ освѣдомился будетъ-ли продолжаться барабанный бой, и ему отвѣтили, что это неизвѣстно. И это была правда. Онъ взошелъ на эшафотъ и хотѣлъ выступить впередъ, какъ бы желая говорить. Но ему указали, что это опять таки невозможно, и онъ далъ себя отвести къ мѣсту, гдѣ его привязали. Отсюда онъ трижды крикнулъ очень громко: *Народъ, я умираю невиннымъ.* Затѣмъ, обратившись къ намъ, онъ сказалъ: *Господа, я неповиненъ во всемъ томъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Желаю, чтобы кровь моя упрочила счастіе французовъ.*

„Таковы были, гражданинъ, его послѣднія и подлинныя слова.

„Нѣкоторое пререканіе у подножія эшафота произошло по поводу того, что онъ не считалъ нужнымъ снимать своего платья и давать связывать себѣ руки. Онъ сдѣлалъ также предложеніе, что самъ острижетъ себѣ волосы.

„И говоря по правдѣ, онъ перенесъ все это съ хладнокровіемъ и твердостью, которыя насъ всѣхъ удивили. Я остаюсь при своемъ убѣжденіи, что онъ почерпнулъ эту твердость въ принципахъ религіи, которыми, кажется, никто не былъ проникнутъ больше, чѣмъ онъ, и въ которые вѣрилъ, какъ никто.

„Вы можете быть увѣрены, гражданинъ, что такова истина, во всей ея неприкосновенности.

„Имѣю честь быть, гражданинъ, вашимъ согражданиномъ

„Сансонъ“.

„Парижъ, сего 20-го февраля, 1793 г., II года Французской Республики“ [2]).

Письмо это съ его орѳографическими ошибками и неправильностями въ языкѣ является лучшей апологіей праведника. Это честь, воздаиная жертвѣ палачемъ. Сансонъ присовокупилъ краснорѣчивый комментарій къ своему письму. Шесть мѣсяцевъ спустя, онъ скончался, выразивъ желаніе въ своемъ завѣщаніи, чтобы ежегодно 21 января совершалась очистительная обѣдня за упокой души Людовика XVI, — воля его была исполнена сыномъ его и наслѣдникомъ Анри Сансономъ, умершимъ въ 1840 году, 73 лѣтъ [3]).

Когда Марія-Антуанетта вышла изъ Консьержери, чтобы

---

[1]) Аббатъ Эджевортъ де-Фирмонъ.
[2]) „Louis XVII“, А. де-Бошена, I, 479.
[3]) „Louis XVII“, А. де-Бошена, I, 481.

въ свою очередь взойти на эшафотъ (16 октября 1793 года), живописецъ-цареубійца Давидъ помѣстился у одного окна улицы Saint-Honoré. Имѣется эскизъ, на которомъ онъ изобразилъ королеву на позорной колесницѣ, съ связанными назадъ руками [1]). Вражеская рука набросала ея черты, но грубость линій не уничтожила царственнаго величія. Это была все таже Марія-Антуанетта, состарившаяся, но не подавленная несчастьемъ, проявившая благородную гордость характера въ безпримѣрныхъ испытаніяхъ, оставшаяся королевой въ несчастіи, какъ она была таковою на тронѣ. Вотъ она и на позорной колесницѣ. Тюрьма осталась уже позади ея, и скоро настанетъ освобожденіе для этой несчастной королевы, надъ которой тяготѣлъ подавляющій гнетъ ея страданій.

Былъ полдень, когда она прибыла на площадь Революціи. Орудіе казни высилось въ виду Тюльерійскаго дворца, свидѣтеля столькихъ жестокихъ воспоминаній. Марія-Антуанетта твердой поступью поднялась по ступенямъ эшафота, и голова ея, показанная палачемъ, вызвала радостные крики толпы.

Трогательное письмо, адресованное ею изъ Консьержери къ принцессѣ Елизаветѣ, до которой оно такъ таки и не дошло, осталось завѣщаніемъ ея сердца. Внѣ себя отъ оскорбленій враждебной толпы, нарочито собранной на ея пути, она произнесла слѣдующія пророческія слова: „Мои страданія скоро окончатся, ваши-же только что начинаются".

II.

„Хоть въ кладбище превратимъ мы Францію, а ужь переродимъ ее по своему [2])". Такъ выражались эти люди, жестокость коихъ утомляла палача. Къ ужасу казни присоединялось временами ихъ лютое издѣвательство, причемъ они прибѣгали къ варварскимъ шуткамъ. Гильотина называлась „національной бритвой". Быть обезглавленнымъ значило „съиграть въ жгуты" или „чихнуть въ мѣшокъ".

Бланкаръ, адвокатъ въ совѣтѣ д'Артуа, былъ казненъ въ 1794 г. Когда желѣзо на гильотинѣ зазубрилось объ его голову, Ле-Бонъ, узнавъ о томъ, сказалъ: „Вотъ видите, какіе эти аристократы, они упрямы даже подъ ножемъ гильотины" [3]).

[1]) Факсимиле этого эскиза было воспроизведено впервые Добаномъ въ заголовкѣ книги „La démagogie à Paris en 1793".

[2]) Déposition de Lamarie, Бюше и Ру, XXXIV, 204.—Тэнъ—«La Révolution.», III, 276.

[3]) Histoire de Joseph le Bonet des tribunaux révolutionnaires d'Arras et de Cambrai, А. Ж. Пари, стр. 254.

Въ Метцѣ головы гильотинированныхъ проносились мимо домовъ обезглавленныхъ людей, чтобы показать ихъ семьямъ несчастныхъ. Въ Лавалѣ голова Лароша, бывшаго депутата въ Конституціонномъ Собраніи, — по распоряженію народнаго представителя Лавалле,—была выставлена на домѣ, гдѣ жила вдова казненнаго. Депутатъ Леженъ употреблялъ миніатюрную гильотину для разрѣзанія дичи, подававшейся къ его столу. Въ Нимѣ члены революціоннаго суда и полномочные представители народа назначали часъ казней одновременно съ часомъ своей трапезы, во время которой они присутствовали при этомъ зрѣлищѣ. Бенике, окружной администраторъ этого города, при паденіи каждой головы приговаривалъ: „Вотъ такъ славно соскочила! Ну-ка выпьемъ!" „Чѣмъ болѣе падаетъ головъ,—говорилъ онъ еще,—тѣмъ прочнѣе укрѣпляется моя собственная голова и Республика".

Тальеферъ, полномочный представитель народа въ Кагорѣ, приказывалъ осужденныхъ облачать въ костюмы королей и королевъ, заставляя ихъ притомъ преклоняться передъ гильотиной, представлявшей какъ бы тронъ.

Тріаль, прежній актеръ, одинъ изъ оскорбителей королевы во время слѣдованія ея на эшафотъ, замѣтилъ какъ-то Вадье при видѣ проходившихъ мимо осужденныхъ въ красныхъ рубашкахъ: „Не находишь ли ты, что это напоминаетъ процессію кардиналовъ?"

Фукье-Тенвилль, бывшій прокуроромъ въ Шателе, называлъ процессіи осужденныхъ, облаченныхъ въ эти красные костюмы, „красивой красной обѣдней" [1]).

Въ Ліонѣ, при свѣтѣ факеловъ, придумали производить казни для разнообразія спектакля. Гильотинированіе происходило сперва на площади Bellecour, затѣмъ на площади des Terreaux, гдѣ кровь лилась въ изобиліи. Ровъ, вырытый для пріема крови, засыпали землею, но она продолжала выступать снова на поверхность. Прохожіе не безъ ужаса проходили по этой площади; окраска ея долго свидѣтельствовала о тѣхъ кровавыхъ жертвахъ, для которыхъ она служила ареной [2]).

Четырнадцать священниковъ были осуждены революціонной коммиссіей въ Лавалѣ въ 1794 г. Идучи на казнь, они пѣли *Salve Regina*; палачъ приказалъ имъ замолчать. Одного паралитика священника вплоть до роковой доски пришлось

---

[1]) В. де-Бомефоръ. „Le tribunal révolutionnaire d'Orange".
[2]) Une famille noble sous la Terreur, Александрины des Echerolles, стр. 219.

нести на креслѣ. Судьи, помѣстившись въ домѣ, окна котораго выходили на площадь съ гильотиной, приказали поставить тамъ себѣ столъ съ винами и бисквитами. При каждой скатывавшейся головѣ слышались громкіе ихъ возгласы: „Долой сумасбродовъ! Да здравствуетъ Республика!“ Одинъ изъ этихъ судей, нѣкто Вольклеръ, увидя подходившаго къ эшафоту аббата Андре, кюре изъ Руессе-Вассе, крикнулъ ему, показывая бутылку краснаго вина: „За твое здоровье! Буду пить это вино, какъ будто-бы то была твоя кровь!“

— А я, — кротко отвѣчалъ священникъ, — помолюсь за васъ [1]).

На алтарь Революціи словно вѣчно требовалась кровь,— если одна жертва ускользала, она обязательно замѣщалась другою.

„8-го термидора потребовали Шартрскаго каноника по имени Вермантуа. Никто не явился, никакого каноника не было на лицо. *Мнѣ необходимо имѣть каноника*, повторялъ посланный Фукье. Наконецъ послѣ долгихъ поисковъ добрались до какого-то человѣка, по имени Курле-Вермантуа, бывшаго военнаго, сына нѣкоего совѣтника въ Дижонѣ. Ему вручили обвинительный актъ каноника, хотя онъ никогда ничего общаго не имѣлъ ни съ какимъ соборомъ. Тѣмъ не менѣе, его повлекли для объясненія съ публичнымъ обвинителемъ, и на слѣдующій же день казнили“ [2]). Ошибки сознавались тогда, когда уже поздно было ихъ исправлять. Кто-то послѣ 9-го термидора явился разыскивать одного старика, прежняго актуаріуса въ Шателе, и, узнавъ о томъ, что онъ уже гильотинированъ, замѣтилъ: „Какъ жаль! а я принесъ ему свободу“ [3]).

Нѣкоторые откупали жизнь свою деньгами. Но и то надо было договариваться во-время и не медлить, подобно Бришару, Парижскому нотаріусу, приведенному въ тюрьму въ февралѣ 1794 года. Занимаясь исключительно своими дѣлами, онъ былъ вполнѣ далекъ отъ дѣлъ Революціи и на столько увѣренъ въ своемъ освобожденіи, что отказался даже взять съ собой постель, разсчитывая провести тамъ всего одну ночь. Будучи богатымъ человѣкомъ, онъ надѣялся разсѣять сомнѣнія, скудно обѣдая шпинатомъ. Ему дали знать, что его

---

[1]) „Les martyrs du Maine“, аббата Теод. Перренъ, стр. 57.

[2]) Нугаре, „Histoire des prisons“. — Добанъ, „Les prisons de Paris“, стр. 441.

[3]) Показаніе Милле.—Кампардонъ, „Le tribunal révolutionnaire de Paris“, II, 179.

состояніе было единственнымъ мотивомъ его осужденія и что необходимо пожертвовать частью этого состоянія, для сохраненія его головы. Дѣло шло о дарѣ приблизительно въ сто тысячъ экю. Помощью этой суммы удастся-де отложить судъ надъ нимъ, а затѣмъ его отпустятъ. Бришаръ отклонилъ это предложеніе, въ чемъ ему скоро пришлось раскаиваться, когда онъ предсталъ на судъ. Тогда онъ готовъ былъ договориться съ посредникомъ, желавшимъ спасти его. Начались переговоры, но имъ не было времени окончиться. Бришаръ на другой же день былъ приговоренъ къ смерти и казненъ [1]).

Если деньги не всегда спасали, еще менѣе могла предохранить подлость.

Герцогъ де-Виллерой служитъ тому примѣромъ. У него было громадное состояніе, которое онъ потерялъ вслѣдствіе Революціи. Людямъ его было приказано не служить ему болѣе. Онъ платилъ имъ жалованье и содержалъ подъ условіемъ отправленія службы ихъ въ національной гвардіи. Во время его тюремнаго заключенія онъ отказался однажды вмѣстѣ съ графомъ де-Бріеннь принять предлагавшіяся имъ для ихъ партіи въ пикетъ игральныя карты, на томъ основаніи, что карты эти, сохранивъ прежнія названія, не были-де *республиканскими*. Уступки революціонному духу, продиктованныя слабостью или же страхомъ, не спасли этихъ аристократовъ. Оба они были казнены [2]).

Мужество герцога дю-Шателе не было на высотѣ его званія. Онъ не скрывалъ ужаса, какой внушала ему смерть. Въ тюрьмѣ его находилась одна куртизанка, по имени Эгле, которая обратилась къ нему съ слѣдующей гордой рѣчью: „Знайте, господинъ герцогъ, что тѣ, у кого нѣтъ имени, пріобрѣтаютъ его здѣсь, а тѣ, у кого оно есть, должны умѣть его носить“. Эгле проявила гораздо болѣе высокія чувства, чѣмъ того можно было ожидать отъ женщины ея положенія, причемъ она заявляла о нихъ въ крайне свободныхъ выраженіяхъ.

Когда судъ обвинилъ ее въ соучастіи съ королевой, она воскликнула:

— Вотъ такъ славно, могу сказать, вы премудры. Я соумышленница той, которую вы называете вдовой Капета и которая дѣйствительно была королевой, несмотря на ваши зубы! Я, бѣдная дѣвушка, снискивавшая себѣ пропитаніе по

---

[1]) Добанъ, „Paris en 1794 et 1795“, стр. 48.
[2]) Ріуффъ, „Mémoires d'un détenu“.—Кампардонъ, I, 312.

угламъ улицъ и которая не рѣшилась бы подойти близко къ поваренку съ ея кухни, — вотъ что достойно кучки такихъ негодяевъ и дурней, какъ вы!

При чтеніи смертнаго ея приговора, какъ контръ-революціонерки, и объявленіи о конфискованіи ея имущества, она сказала президенту:

— А! воръ, вотъ тутъ-то ты и попадешься. Напрасно разсчитываешь на мое имущество! Ручаюсь, что ты не разстроишь себѣ желудка тѣмъ, чѣмъ накормишь себя изъ него.

Она сохранила свою твердость до послѣдняго часа, вскочила въ повозку, которая препроводила ее къ мѣсту казни [1]).

3-го жерминаля II года (26-го марта 1794 года) въ Аррасѣ казнили одновременно маршала де-Мальи, восьмидесяти шести лѣтъ; глухую и разбитую параличемъ маркизу де-Мональди—восьмидесяти восьми лѣтъ; виконтессу де-Недоншель — восьмидесяти четырехъ лѣтъ; madame Саметтъ—восьмидесяти восьми лѣтъ; нѣкоего Реколле — восьмидесяти одного года; одного священника и одного прокурора, изъ которыхъ каждому было по восьмидесяти лѣтъ. По поводу казни трехъ женщинъ Ле-Бонъ замѣтилъ:

— Мы сдѣлали сегодня доброе дѣло: гильотинировали старухъ. На что онѣ были нужны? Онѣ были безполезны на свѣтѣ [2]).

Пытка, вынесенная почтенной madame де-Кандевилль, по жестокости не уступала смерти. У нея былъ сынъ эмигрантъ. Заключенная въ тюрьму вмѣстѣ съ тремя своими дочерьми, она была осуждена на шестилѣтнее тюремное заключеніе и приведена на площадь де-По, гдѣ ее привязали къ позорному столбу на шесть часовъ, выставивъ надпись надъ ея головой и предоставивъ ее палящимъ лучамъ солнца. Разсудокъ ея, уже ослабѣвшій отъ преклоннаго возраста и отъ горя, не въ силахъ былъ вынести подобнаго испытанія, и когда ее отвязали, она уже была сумасшедшая [3]).

Оригинальная казнь состоялась надъ собакой одного инвалида, по имени Сенъ-При, обвиненной въ сношеніяхъ съ эмигрантами и контръ-революціонерами. Не желая попасться шпіонамъ, инвалидъ выдрессировалъ собаку, чтобы она предупреждала его лаемъ. Собака укусила однажды какого-то

---

[1]) „Mémoires du comte Beugnot“.—Добанъ, „Les prisons à Paris“, стр. 188.
[2]) Беррiа-Сенъ-При, „La justice révolutionnaire“, стр. 9.
[3]) „Pau et les Basses-Pyrénées pendant la Révolution“, Ф. Ривареса, стр. 36.

письмоносца изъ караула, который подалъ жалобу. Разслѣдованіе повлекло за собою обнаруженіе компрометирующихъ бумагъ. Сенъ-При обвинили по суду и казнили въ тотъ же день. Собака его была обвинена въ соучастничествѣ и убита въ присутствіи полицейскаго коммиссара, причемъ послѣ этой казни торжественно составленъ былъ протоколъ, отправленный къ Фукье-Тенвиллю [1]).

III.

Жертвы Революціи изъ народа были многочисленны и составятъ предметъ особой главы. Но здѣсь умѣстно упомянуть о нѣкоторыхъ разительныхъ примѣрахъ этихъ казней.

Топенъ, бретонка, мужъ которой, бывшій управляющимъ Ле-Ментье, епископа въ Трегье, эмигрировалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Англію,—была арестована и приведена въ Ланьонъ вмѣстѣ съ двумя непокорными священниками. Въ отвѣтахъ своихъ на судѣ она проявила непоколебимую твердость.

— Такъ ты очень любила своего короля? — спросилъ ее президентъ;—желала ли бы ты имѣть другаго?

— Я любила его, согласно своему долгу, а теперь желаю другого.

— Значитъ, ты гнушаешься республиканскимъ режимомъ?

— Положительно.

Когда ее попытались смягчить участью ея дѣтей, которыхъ она оставляла послѣ себя, она отвѣтила:

— У моихъ дѣтей есть Отецъ на небесахъ, Которому я ихъ и поручаю.

Судъ имѣлъ варварство помѣстить дѣтей ея у окна, напротивъ эшафота, такъ, чтобы она могла ихъ видѣть. „Кричите: *„Да здравствуетъ Республика!“* приказывали ей ея палачи. Но она отвѣчала: *„Да здравствуетъ король“* (1-го мая 1794 года) [2]).

Мишель Форъ, земледѣлецъ изъ Бриффона (Пюи де-Домъ), не скрылъ ужаса, какой внушало ему покушеніе 21-го января. Приведенный въ Клермонъ, въ присутствіи делегата народнаго депутата, онъ воскликнулъ:

— Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ Людовикъ XVI!

Ему замѣтили, что Людовика XVI болѣе не существуетъ.

---

[1]) Кампардонъ, I, 187.

[2]) Жесленъ де-Бургонь, „Etudes sur la Révolution en Bretagne“, стр. 85.

— Въ такомъ случаѣ, да здравствуетъ Людовикъ XVII! продолжалъ онъ.

Когда же ему поставили въ вину, что онъ не республиканецъ, онъ отвѣтилъ, „что никогда таковымъ и не будетъ; что свобода не продолжительна; что онъ желалъ бы быть въ Вандеѣ, чтобы присоединиться къ христіанской арміи, для разгромленія арміи республиканской, и что, если бы только онъ могъ, то и другихъ привлекъ бы оттуда въ свою партію“.

— Таковы были собственныя его выраженія, записанныя въ его приговорѣ.

Казнь его состоялась въ Клермонѣ, 12-го жерминаля II года, посреди громаднѣйшей толпы крестьянъ, смотрѣвшихъ на него съ явной симпатіей. По дорогѣ къ эшафоту онъ читалъ по четкамъ „Отче нашъ“. Изъ толпы слышались крики: „Пощады! пощады!“ и угрозы освободить его. По совершеніи казни, женщины смочили свои платки въ крови казненнаго [1]).

19-го сентября въ Узершѣ (Коррезѣ) казнили одного бѣднаго поденщика, по имени Пишару, пользовавшагося на родинѣ уваженіемъ за свой добрый нравъ и честность. Сыновья его состояли на дѣйствительной службѣ. Будучи старымъ слугой фамиліи Делоръ, онъ остался вѣренъ своимъ господамъ, находя средства оказывать содѣйствіе изгнанникамъ. Всѣ эти преступленія обратили на него вниманіе якобинцевъ.

У Пишару была одна физическая особенность,—шея необычайной толщины.

— Господь создалъ ее такою,—говорилъ онъ,—для ношенія грузныхъ тяжестей. Имѣй Людовикъ XVI такую же толстую шею, какъ моя, его не обезглавили бы такъ легко.

Пишару былъ отмѣченъ въ числѣ подозрительныхъ. Арестовать его необходимо было такъ, чтобы не возбудить общественнаго мнѣнія, которое очень благоволитъ къ нему. Двое членовъ Комитета Общественнаго Спасенія, пріѣхавъ однажды въ Узершъ, поручили ему снести письмо въ Люберзакъ. Онъ довѣрчиво отправился туда и вручилъ тамъ командиру національной гвардіи письмо, содержаніе котораго было ему неизвѣстно.

— Несчастный,—сказалъ ему командиръ,—ты принесъ мнѣ приказъ свести тебя сегодня же ночью въ Узершскую тюрьму.

Узнавъ о прибытіи Пишару въ тюрьму, собралась толпа;

---

[1]) Марселленъ Буде, „Les tribunaux criminels et la justice révolutionnaire en Auvergne“, стр. 47.

тщетно дѣлались попытки къ его освобожденію. Никто не согласился давать показаній противъ него. По этому поводу были арестованы и заключены въ тюрьму двадцать женщинъ.

Не смотря на то, Пишару долженъ былъ явиться въ гостинницу des Trois-Marchands и предстать передъ четырьмя членами Комитета Общественнаго Спасенія, представлявшими собою революціонный судъ. Обвиненный въ томъ, будто онъ сказалъ, что при условіи вступленія на престолъ сына Людовика XVI налоги сократились бы и народъ получилъ бы облегченіе—онъ былъ осужденъ на смертную казнь 18 сентября „за предложеніе и подстрекательство къ возстановленію королевской власти и за помѣху вербовкѣ арміи приглашеніемъ къ возстанію съ оружіемъ въ рукахъ, какъ то было въ Вандеѣ“.

На другой день въ полдень похоронный звонъ заунывными звуками возвѣстилъ о послѣднемъ часѣ осужденнаго. Пишару шелъ спокойной поступью, сопровождаемый такими же бѣдняками, какъ и онъ. „Я не сдѣлалъ ничего дурного“, твердилъ онъ. Поднимаясь на эшафотъ, онъ получилъ отъ сопровождавшаго его священника отпущеніе грѣховъ и въ отвѣтъ на это еще разъ повторилъ; „Я не сдѣлалъ ничего дурного“.

Нѣтъ, это дитя народа не совершило никакого иного преступленія, кромѣ того, что онъ остался вѣренъ дѣлу угнетенныхъ. И казнь его была одной изъ наиболѣе ужасныхъ. Толщина его шеи представила неожиданное затрудненіе для палача во время исполненія его обязанности. Ножъ, опустившись на его голову, отсѣкъ ее не вполнѣ, вырвавъ изъ устъ жертвы страшный вопль. Второй ударъ также не сдѣлалъ дѣла до конца. Лезвіе, казалось, притупилось при третьемъ ударѣ. Пришлось женѣ палача, потрясенной этимъ зрѣлищемъ, вооружившись ножемъ, отдѣлить окончательно отъ туловища голову несчастнаго крестьянина [1]).

IV.

Мужество передъ лицомъ смерти было общей чертой въ ту эпоху, когда царила державная власть эшафота. Трусость жертвъ была такимъ рѣдкимъ явленіемъ, что примѣровъ ея

[1]) Scénes et portraits de la Révolution dans le bas Limousin, графа де-Сейлака, стр. 516.

указывается очень мало. Madame дю-Барн была въ ихъ числѣ. За то, по крайней мѣрѣ, смерть ея была достойна ея жизни. Она отбивалась отчаянно, съ страшнымъ крикомъ, произведшимъ впечатлѣніе на толпу. Говорили, что если бы подобные вопли осужденныхъ повторялись почаще,—число казней сдѣлалось бы менѣе значительнымъ, увеличивая ужасъ, какой онѣ должны были тогда внушать [1]). Но развѣ нельзя было привыкнуть къ воплямъ, какъ привыкли тогда ко всевозможнымъ эмоціямъ и всяческимъ зрѣлищамъ? Допуская, что такой пріемъ имѣлъ бы своимъ результатомъ уменьшеніе кровопролитія,—можно сказать, что онъ пришелся бы на руку истинно виновнымъ. Для достоинства же несправедливо загубленныхъ жертвъ онъ явился бы унизительнымъ, обнаруживая въ нихъ чувство ужаса и такимъ образомъ лишая этихъ усопшихъ ореола мужества и величія.

Однако, одной матери прощено было ея отчаяніе передъ казнью ея сына. Madame де-Маролль, сестра генералъ-лейтенанта Барантэня, была присуждена къ смертной казни вмѣстѣ со своимъ двадцатитрехлѣтнимъ сыномъ. Ихъ привели къ мѣсту казни. Своими слезами она растрогала палача. Она держала сына въ объятіяхъ, и пришлось разнять ихъ силою, чтобы связать каждаго. Вопли ея удвоились, когда сыну ея стригли волосы. Сынъ не переставалъ твердить, что чувствуетъ себя счастливымъ умереть вмѣстѣ съ ней, но она съ гнѣвомъ отвѣчала, что не хочетъ, чтобы онъ умиралъ. Въ моментъ казни она снова пришла въ отчаяніе. Ее казнили первою, причемъ она успѣла умоляющимъ голосомъ проговорить: „Не правда ли, его помилуютъ?“ [2]).

Княгиня де-Монако, урожденная Шуазель-Стэнвилль, объявила, что она беременна и на другой же день отреклась отъ этого, выигравъ такимъ образомъ лишній день, чтобы имѣть возможность срѣзать себѣ волосы, предназначавшіеся ею дѣтямъ. Она написала имъ письмо, прилагая при немъ этотъ печальный сувениръ:

„Дѣти, вотъ мои волосы. Я на день отсрочила свою смерть, *но отнюдь не изъ страха*, а изъ желанія имѣть возможность собственноручно срѣзать это печальное наслѣдіе для васъ. Я не хотѣла, чтобы это сдѣлано было палачемъ, а дру-

---

[1]) Мнѣніе это высказано г-жей Эліотъ, по поводу смерти madame дю-Барри: „Journal de ma vie pendant la Révolution française“, стр. 369.

[2]) „Les tribunaux criminels et la justice révolutionnaire en Auvergne“, Марселена Буде, стр. 8.—„Mémoires de Sanson“, V, 351.

гого средства, кромѣ даннаго, не было. Я провела лишній день въ агоніи, но на то не жалуюсь. Я желаю, чтобы моя шевелюра находилась подъ стекляннымъ колпакомъ, покрытымъ черным крепомъ, убранная подъ замокъ въ теченіе цѣлаго года, и лишь три-четыре раза въ году открывалась бы въ вашей комнатѣ, чтобы вы имѣли передъ своими глазами останки несчастной вашей матери, которая умерла, любя васъ, и сожалѣетъ о жизни лишь потому, что не можетъ болѣе быть вамъ полезной" [1]).

Бывали и стоическія смерти. Биронъ, герцогъ Лозенскій, приговоренный къ смертной казни 31-го декабря 1793 г., принялъ вѣсть о своемъ приговорѣ съ хладнокровнымъ видомъ, сохранивъ свое хорошее расположеніе духа и спокойствіе. Онъ съ аппетитомъ пообѣдалъ, легъ спать и спалъ всю ночь самымъ мирнымъ сномъ. По утру, въ день казни, онъ приказалъ подать себѣ устрицъ и только что принялся за нихъ, какъ за нимъ пришли. Онъ попросилъ позволенія окончить послѣднюю дюжину устрицъ, поспѣшилъ проглотить ее и отправился, чтобы сложить свою голову на плахѣ [2]).

Шампсенетцъ, услышавъ, какъ читали его приговоръ, шутливо обратился къ Фукье-Тенвиллю съ вопросомъ, не можетъ ли онъ кѣмъ либо замѣнить себя? Сидя въ повозкѣ, онъ замѣтилъ палачу: „Вези насъ хорошенько". Одинъ изъ его сотоварищей у подножія эшафота воскликнулъ, что умираетъ республиканцемъ: „Не вѣрьте ему,—отвѣчалъ Шампсенетцъ,—это шарлатанъ. Онъ такой же аристократъ, какъ и я!" [3]).

Аббатъ Ламуреттъ, бывшій депутатъ Законодательнаго Собранія, гдѣ противоположнымъ партіямъ онъ предложилъ одно соглашеніе, окрещенное именемъ „поцѣлуя Ламуреттъ", принялъ гражданскую конституцію духовенства, что не помѣшало, однако, 22-го нивоза II года, присудить его къ смертной казни, какъ федералиста. Возвратившись изъ суда, гдѣ онъ выслушалъ свой приговоръ, онъ спокойно поужиналъ и отвѣтилъ одному пріятелю, сожалѣвшему объ его участи: „Ну что же, развѣ смерть не такая случайность, къ которой слѣдуетъ себя готовить? Гильотина является собою не болѣе какъ щелчокъ въ шею [4]).

---

[1]) Кампардонъ, I, 410.
[2]) Больё, „Essais historiques sur les causes et les effets de la Révolution".— Добанъ, „Les prisons de Paris", стр. 202.
[3]) Малле дю-Панъ, Mémoires et correspondance, II, 402.
[4]) Ріуффъ, „Mémoires d'un détenu", стр. 64.

Одинъ двадцати-семилѣтній гусаръ, по имени Госсенэ, состоявшій въ полку де-Бершени, проявилъ искреннѣйшее удовольствіе, узнавъ о близкой своей кончинѣ. Когда ему принесли его обвинительный актъ, онъ взялъ его и зажегъ имъ свою трубку. Онъ позавтракалъ и покурилъ до отправленія своего въ судъ. „Ну теперь, послѣ такого славнаго завтрака надо позаботиться объ ужинѣ,—обратился онъ къ своимъ товарищамъ.—Вы дадите мнѣ адресъ ресторана на томъ свѣтѣ, чтобы я могъ заказать вамъ хорошій ужинъ на сегодняшній вечеръ“. Далекій отъ самозащиты противъ взводившихся на него обвиненій, онъ самъ поддерживалъ ихъ непреложность. Защитникъ его замѣтилъ, что, навѣрное, онъ не въ своемъ умѣ. „Никогда, — возразилъ онъ,—не располагалъ я головой своей въ такой степени, какъ въ данный моментъ, хотя и нахожусь наканунѣ ея утраты. Офиціальный защитникъ, запрещаю тебѣ защищать меня. Пускай ведутъ меня на гильотину!“

Садясь въ повозку палача, онъ замѣтилъ одному изъ привратниковъ: „Другъ мой, намъ необходимо выпить kirschwasser изъ твоей чашки, иначе я буду проклинать тебя до самой смерти. И онъ съ наслажденіемъ осушилъ стаканъ принесеннаго ему ликера. Когда нѣсколько человѣкъ, при проходѣ его по двору дворца, встрѣтили его бранью, онъ возразилъ имъ: „Ахъ вы, подлецы, вы меня еще оскорбляете? Да развѣ пошли бы вы на смерть съ такимъ мужествомъ, какъ я?“ [1]).

Въ числѣ такихъ, которые въ послѣднія минуты свои сохраняли достаточно силы, чтобы шутить надъ собственной своей кончиной, — одинъ, по своей оригинальности, заслуживаетъ особаго вниманія. Звали его Марронъ де-Мейльона. Какъ-то онъ подержалъ пари съ своими товарищами по заключенію, что насмѣшитъ ихъ у подножія эшафота, „ибо намъ подобаетъ перейти въ лучшій міръ весело и показать, что мы плевать хотимъ на нашихъ убійцъ. Я намѣренъ сыграть фарсъ съ господиномъ Рипе“.

Такъ звали палача, которому предстояло погибнуть отъ того же орудія, какимъ онъ казнилъ семьсотъ шестнадцать человѣкъ. Мейльона отличался довольно рѣдкой силой. Въ день своей казни внезапнымъ движеніемъ ему удалось освободиться отъ путъ, причемъ, схвативъ палача за горло, онъ сказалъ:

---

[1]) Добанъ, „Les prisons de Paris“, стр. 164.—Кампардонъ, I, 228.

„Если бы ты былъ Фуше или Альбиттъ [1]), ты занялъ бы теперь мое мѣсто, а я твое для аккуратнаго отсѣченія головы... Ты трусишь, бездѣльникъ? Успокойся, я не созданъ для такой спеціальности". И онъ отдался въ руки палача, быть можетъ, еще не пришедшаго въ себя отъ испуга, какой пришлось ему испытать [2]).

V.

Быть осужденнымъ на смерть, отправиться на казнь и избѣжать ея — фактъ весьма рѣдкостный, но и это случалось въ то время, столь чреватое трагическими событіями.

Нѣкій молодой человѣкъ состоялъ въ спискѣ осужденныхъ въ городѣ Оранжѣ. Однимъ изъ послѣднихъ онъ уже помѣстился въ повозкѣ, которой пришлось остановиться вслѣдствіе замѣшательства въ толпѣ. Онъ воспользовался минутой, когда никто не обращалъ на него вниманія, и несмотря на связанныя свои руки, ловко скатился на землю. Онъ быстро добрался до одной пустынной улицы и оперся спиной о стѣну одного дома, дѣлая видъ, какъ будто усталъ. Такое положеніе давало ему возможность скрыть свои путы, что могло возбудить подозрѣніе. Такимъ образомъ сталъ онъ выжидать благопріятнаго случая. Въ числѣ прохожихъ онъ усмотрѣлъ одного человѣка съ кроткимъ и симпатичнымъ лицомъ.

— Гражданинъ, — обратился онъ къ нему, — окажите мнѣ услугу. Я необдуманно побился объ закладъ, что проберусь въ число узниковъ, которыхъ ведутъ на эшафотъ, и вернусь съ головой на плечахъ, заявивъ, что-де не принадлежу къ партіи и что имени моего тамъ не значится. Подойдя ближе, я понялъ, что это было бы рискованнымъ безуміемъ, и не захотѣлъ продолжать его до конца.

Быть можетъ, прохожій и не повѣрилъ этому вымыслу, но онъ согласился развязать руки молодого человѣка, который, поблагодаривъ своего освободителя, покинулъ городъ и добрался до деревни, гдѣ скрывался въ теченіе нѣсколькихъ дней. Желая повидаться съ семьей, которой долгое время не давалъ о себѣ вѣстей, изъ страха скомпрометировать ее, — блѣдный, изнуренный, едва прикрытый рубищемъ, подошелъ онъ къ своему дому. Онъ постучался, дверь открылась,

---

[1]) Народный представитель въ Ліонѣ, подобно Фуше ознаменовавшій себя тираніей и жестокостью.

[2]) „Histoire du peuple lyonnais pendant la Révolution", А. Баллейдье, II, 378.

причемъ жена его, считавшая его умершимъ, бросилась бѣжать, приведенная въ ужасъ его появленіемъ. Когда улеглось первое волненіе, причиненное его возвращеніемъ, онъ объяснилъ необычайныя обстоятельства своего освобожденія и, признанный своими, могъ укрываться въ своемъ домѣ, пока 9-е термидора не разрѣшило ему показываться всюду открыто [1]).

Лорансонъ, бывшій муниципальный чиновникъ въ Морно и узникъ въ одной изъ Ліонскихъ тюремъ, такъ-же точно былъ освобожденъ въ послѣднюю минуту, хотя менѣе счастливо. Одна бумага, говорившая въ пользу обвиняемаго, пришла послѣ его осужденія. Когда его везли на гильотину, бумага эта выскользнула изъ его кармана и была поднята жандармомъ, который бросился въ судъ и просилъ объ его помилованіи. Онъ получилъ его и прибылъ въ тотъ моментъ, когда, послѣ тридцати девяти осужденныхъ, Лорансона должны были казнить послѣднимъ. Онъ былъ уже привязанъ къ роковой доскѣ, какихъ-нибудь нѣсколько секундъ оставалось до его казни. Его отвязали отъ орудія казни и снесли въ ратушу въ обморокѣ. Прійдя въ себя и открывъ глаза, онъ сказалъ: —„Развѣ голова моя не на землѣ? Пусть мнѣ ее вернутъ! Пусть мнѣ ее вернутъ! Неужели вы не видите этой дымящейся крови? Взгляните на эту пропасть, куда кучами свалены всѣ эти тѣла... Поддержите меня, иначе я туда упаду".

Онъ лишился разсудка [2])

Для нѣкоторыхъ помилованіе приходило слишкомъ поздно. Мадамъ Гей, урожденная де-Лоръ, была присуждена къ смертной казни вмѣстѣ съ четырьмя своими дочерьми. Одинъ республиканскій офицѣръ попытался ихъ спасти. Онъ умолилъ судъ отложить казнь и отправился выпрашивать помилованіе, которое было ему дано. Возвратившись въ Лаваль, онъ бросился къ тому мѣсту, гдѣ возвышалась гильотина. То былъ часъ, назначенный для казни.—„Помилованіе! помилованіе!"— восклицалъ онъ, показывая бумагу, которую держалъ въ рукахъ.—„У меня есть помилованіе вандеекъ!" Но съ казнею поспѣшили. Мадамъ Гей и четыре ея дочери, распростертыя у подножія эшафота, вознесли Богу жаркую молитву, прежде чѣмъ взойти на эшафотъ. Мать только что была обезглавлена послѣднею [3]).

---

[1]) Бомефоръ, „Le tribunal révolutionnaire d'Orange", стр. 154.

[2]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les departements", III, 158.

[3]) „Les martyrs du Maine", аббата Перрена, стр. 238.

Другой фактъ менѣе печальный, но не менѣе драматичный, касается мадамъ Мегре де-Серилли. Числясь въ спискѣ осужденныхъ, на которомъ фигурировала принцесса Елизавета, она объявила, что беременна, вслѣдствіе чего казнь ея пришлось отложить. 9-е термидора спасло ее. Но имя ея было внесено въ гражданскихъ спискахъ, гдѣ значилось, какъ будто казнь ея состоялась одновременно съ казнью остальныхъ осужденныхъ.

Во время процесса Фукье-Тенвилля она предстала свидѣтельницей противъ него, явившись въ судъ съ своимъ свидѣтельствомъ о смерти въ рукахъ [1]). Каково же было впечатлѣніе этого зрѣлища: обвинитель невинныхъ, привлеченный наконецъ на скамью подсудимыхъ, и обвинявшійся одной изъ своихъ жертвъ, которая, для осужденія его, въ свою очередь, казалось, возстала изъ гроба!

VI.

Имя еще одного изъ наиболѣе жестокихъ людей Революціи подвернулось мнѣ подъ перо. Здѣсь именно умѣстно сказать, съ какими чувствами и какимъ образомъ умерли нѣкоторые изъ этихъ великихъ преступниковъ.

Дантонъ встрѣтилъ свой приговоръ съ бѣшеной яростью и изругалъ своихъ палачей. Смерть его была мужественна, но послѣднимъ словомъ было горделивое обращеніе къ палачу:— „Ты покажешь голову мою народу,—сказалъ онъ,—она вполнѣ этого заслуживаетъ“. Камиллъ Демуленъ отвѣтилъ богохульствомъ, когда у него спросили, сколько ему лѣтъ [2]). Узнавъ о своемъ осужденіи, онъ пришелъ въ страшную ярость, затѣявъ отчаянную борьбу съ помощниками палача, которые связали его и уложили въ повозку, гдѣ онъ все еще продолжалъ отбиваться.

Шометтъ, отправляясь на казнь, предался страшному гнѣву, прекратившемуся только вмѣстѣ съ его жизнью.

У Карръе было черствое, безстрастное выраженіе лица. Одинъ изъ его соумышленниковъ—Пинаръ, осужденный вмѣстѣ съ нимъ, осыпалъ его проклятіями, и помѣщенный въ повозкѣ рядомъ съ нимъ, пытался укусить его. Гранмезонъ, точно

[1]) Кампардонъ, I, 325.
[2]) „Мнѣ тридцать три года,—это возрастъ санкюлотта Іисуса, возрастъ—критическій для патріотовъ“.

также принимавшій участіе въ его преступленіяхъ, взошелъ на эшафотъ одновременно съ нимъ, проявивъ величайшую трусость передъ смертью.

Фукье-Тенвилль обратился съ площадной бранью по адресу осудившихъ его судей, а Германнъ, предсѣдательствовавшій въ революціонномъ судѣ во время процесса Маріи-Антуанетты,— услышавъ свой смертный приговоръ, пустилъ книгой въ голову предсѣдателя. Фукье-Тенвилль произносилъ угрозы, пока его вели на эшафотъ; но онъ затрепеталъ отъ ужаса, при видѣ орудія казни, на которомъ онъ казнилъ столько невинныхъ.

Конецъ Робеспьера былъ однимъ изъ наиболѣе потрясающихъ. Анріо, выброшенный изъ окна 9-го термидора, оказался съ окровавленнымъ лицомъ и вышибленнымъ глазомъ. Его вытащили изъ водосточной трубы, куда онъ скрылся. Робеспьеръ младшій сломалъ себѣ ногу во время попытки самоубійства. Робеспьеръ старшій, правленіе котораго терроризировало Францію, выстрѣлилъ въ себя изъ пистолета, хотя ему удалось только раздробить себѣ челюсть.

— Никогда,—говоритъ Мерсье,—ни на одномъ преступникѣ не была запечатлѣна такая страшная печать осужденія, какою отмѣчена была агонія Робеспьера. Полуубитый рукой своего брата или своей собственной (версія о томъ до сихъ поръ остается невыясненной), все лицо обмотанное окровавленными тряпками, преслѣдуемый проклятіями и радостными криками народа, читая на всѣхъ лицахъ выраженіе удовольствія, вызваннаго наступившимъ отмщеніемъ и паденіемъ чудовищной его системы, восходя на эшафотъ, который я предсказалъ ему еще въ дни его всемогущества... если онъ и не увѣровалъ въ ту минуту въ божественное правосудіе, то лишь потому, что являлъ собою автомата, вышедшаго изъ ада для кары человѣчества [1]).

„Сотоварищи его [2]), изувѣченные, обезображенные, менѣе походили на преступниковъ, нежели на хищныхъ звѣрей, пойманныхъ *въ капканъ*, причемъ захватить ихъ удалось не иначе, какъ сокрушивъ часть ихъ членовъ...

„Недалеко отъ мѣста казни, противъ дома, гдѣ онъ жилъ, народъ заставилъ остановиться, и группа женщинъ исполнила

---

[1]) Paris pendant la Révolution, I, 182.

[2]) Анріо и Кутонъ съ парализованными ногами. Списокъ осужденныхъ, казненныхъ вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, включалъ въ себѣ двадцать одно имя, въ числѣ которыхъ надо назвать Сенъ-Жюста, Симона, тюремщика Людовика XVII, Дюма—бывшаго президента революціоннаго суда, Пайяна и Лескотъ-Флеріо, одинъ присяжный, а другой помощникъ въ томъ же судѣ и бывшій мэръ Парижа.

тутъ танецъ, подъ акомпанементъ рукоплескавшей толпы. Одна изъ плясавшихъ воспользовалась этимъ моментомъ и, указывая на него жестомъ, крикнула ему: „*Казнь твоя опьяняетъ меня восторгомъ. Ниспустись въ адъ, сопровождаемый проклятіями всѣхъ женъ и матерей семействъ!*“ Онъ не отвѣтилъ ей ни слова.

„Когда онъ взошелъ на эшафотъ, палачъ, словно наэлектризованный общей народной ненавистью, грубо сорвалъ повязку съ его ранъ. Робеспьеръ заревѣлъ, какъ тигръ. Нижняя челюсть отдѣлилась отъ верхней, причемъ брызнувшіе ручьи крови обратили эту человѣческую голову въ чудовищную, самую ужасную, какую только можно себѣ представить. Оба его компаньона, не менѣе отвратительные въ своихъ разодранныхъ и окровавленныхъ одеждахъ, явились спутниками этого великаго преступника, страданія котораго ни въ комъ не возбудили ни малѣйшаго сочувствія. Несмотря на то, что Робеспьеръ былъ смертельно раненъ, народное мщеніе требовало для него еще вторичной смерти, народъ бѣжалъ толпами, чтобы не пропустить мгновенія, когда голова его склонится подъ топоромъ, подъ который онъ повергалъ такое множество чужихъ головъ: аплодисменты не смолкали въ теченіе четверти часа“ [1]).

Вотъ какъ кончали преступники, являвшіеся бичами своей страны. Не такъ умирали непорочныя жертвы, осужденныя неправедными приговорами. Втораго термидора II года (20 іюля 1794 г.), за нѣсколько дней до паденія Робеспьера, представительницы трехъ поколѣній одной и той же фамиліи одновременно взошли на эшафотъ. То были: супруга маршала де-Ноайль [1]), герцогиня д'Айенъ, урожденная д'Огессо [2]), невѣстка ея, и виконтесса де-Ноайль [3]) ея внучка. Арестованныя въ сентябрѣ 1793 г., онѣ были заключены въ Люксанбургскую тюрьму, затѣмъ переведены въ Консьержери, откуда и были призваны на революціонный судъ. Герцогиня д'Айенъ, унаслѣдовавшая строгія добродѣтели знаменитой фамиліи судебнаго сословія, была при дворѣ наиболѣе совершеннымъ образцемъ ея. Когда за ней явились въ Люксанбургскую тюрьму,

---

¹) „Paris pendant la Révolution“, II, 374 и слѣд.

²) Рожденная Коссе-Бризакъ.

³) Внучка канцлера.

⁴) Дочь герцога и герцогини д'Айенъ, вышедшая замужъ за своего кузена виконта де-Ноайль, и бывшая сестрой госпожъ де-Монтегю, де ла-Файеттъ, дю-Руръ и де-Граммонъ. Отецъ ея, герцогъ д'Айенъ, съ той поры именовавшійся герцогомъ де-Ноайль, умеръ въ 1824 году, 85 лѣтъ.

чтобы препроводить ее въ Консьержери, одно названіе которой равносильно было смертному приговору для тѣхъ узниковъ, которыхъ туда отправляли, — она читала *Jmitation de Jesus Christ*. Она поспѣшила на листкѣ бумаги написать слѣдующія слова: „Дѣти мои, мужайтесь и молитесь". Затѣмъ, вложивъ бумажку въ книгу, на подобіе закладки, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ее прервали, она попросила герцогиню Орлеанскую, сидѣвшую въ то время въ той же самой тюрьмѣ, какъ нибудь, если будетъ возможно, передать это наслѣдство ея дѣтямъ. То была послѣдняя ея воля, долженствовавшая быть исполненной. Закрывая книгу, въ которой она почерпала силу и покорность Провидѣнію, она не могла удержаться, чтобы не омочить ее слезами [1]).

Дочь ея, виконтесса де-Ноайль, вызывала общее удивленіе узниковъ ангельскимъ своимъ благочестіемъ. Эмигрировавшій мужъ ея ожидалъ ее въ Англіи, гдѣ она могла бы успѣть догнать его, если бы не самопожертвованная любовь ея къ матери, удержавшая ее около нея, пока, наконецъ, ее арестовали. Трогательной заботливостью окружала она супругу маршала, разсудокъ которой ослабѣлъ отъ старости. Когда всѣ трое прибыли въ Консьержери, герцогиня д'Айенъ бросилась на койку. Замѣтивъ, что дочь ея стояла, она пригласила ее отдохнуть въ эту ночь, которая должна была быть послѣдней.

— Стоитъ ли отдыхать, — возразила виконтесса де-Ноайль, — наканунѣ вѣчности?

Она достала себѣ какую-то священную книгу и ночь провела въ молитвѣ. По утру она одѣла супругу маршала, пожелала сама сдѣлать ея куафюру и сказала ей: „Мужайтесь, maman, у насъ остается всего одинъ часъ!"

Было девять часовъ утра, когда судебные пристава явились за ними. Допрошенныя для формы, онѣ были осуждены вмѣстѣ съ двадцатью другими осужденными.

Казнь ихъ была разсказана однимъ священникомъ — патеромъ Карришономъ, съ котораго madame де-Ноайль, — въ одно изъ его посѣщеній ихъ въ тюрьмѣ [2]), (что ему удалось устроить переодѣтымъ въ чужое платье), взяла слово, что онъ будетъ сопровождать ихъ на эшафотъ. Достопочтенный пастырь трогательно описалъ назидательное зрѣлище, свидѣтелемъ коего онъ былъ,

---

[1]) Кампардонъ, I, 527.

[2]) Разсказъ этотъ, приведенный въ біографіи маркизы де-Монтегю, воспроизведенъ во многихъ трудахъ, касающихся эпохи Революціи и въ недавнее время повторенъ въ „Journal des prisons" герцогини де-Дюрасъ.

совершая христіанскую свою миссію. Преисполненный грусти, помѣстился онъ у рѣшетки при входѣ въ Консьержери, въ тотъ самый часъ, когда жертвы должны были выйти оттуда, чтобы отправиться на эшафотъ. Показалась первая повозка съ восемью женщинами. Супруга маршала де-Ноайль помѣстилась на послѣдней вмѣстѣ съ герцогиней д'Айенъ, въ бѣлой съ синимъ одеждѣ, и виконтессой де-Ноайль, въ бѣломъ платьѣ и во всемъ блескѣ своей молодости.

Не будучи замѣченъ при въѣздѣ на мостъ au Change, гдѣ онъ помѣстился такъ, чтобы его не было видно, священникъ продолжалъ слѣдовать за повозками. Вдругъ небо заволоклось тучами. Отдаленные раскаты грома возвѣстили о наступавшей грозѣ. Вскорѣ, дѣйствительно, разразилась она съ страшной силой, сверкая молніей сквозь проливной дождь. Улицы опустѣли. Любопытные остались лишь у оконъ или на порогахъ подъѣздовъ и лавокъ.

Патеру Карришону удалось помѣститься передъ одной изъ этихъ лавокъ. Ходъ процессіи былъ ускоренъ, причемъ въ рядахъ ея произошелъ безпорядокъ. Всѣ эти обстоятельства помогли пастырю добраться до одной изъ повозокъ, гдѣ находились тѣ, кого онъ искалъ. Лицо madame де-Ноайль просвѣтлѣло при видѣ священника, и она сообщила матери о причинѣ своей радости.

Гроза усилилась, и ругательства сыпались по адресу жертвъ, промокшихъ отъ дождя, подъ сумрачнымъ небомъ. Наконецъ, на перекресткѣ, передъ предмѣстьемъ св. Антонія, патеръ Карришонъ намѣтилъ мѣстечко, которое показалось ему удобнымъ для выполненія его миссіи. Онъ знакомъ далъ понять это дамамъ Ноайль и д'Айенъ, которыя благоговѣйно склонили свои головы.

„Гроза немедленно стала стихать,—говоритъ онъ,—дождь уменьшился. Казалось, все это только и имѣло мѣсто для вящшаго и столь желаемаго успѣха съ той и съ другой стороны. Благославляю за то Господа. Онѣ сдѣлаютъ это точно также. Лица ихъ выражаютъ довольство, спокойную увѣренность, радость.

„Съ приближеніемъ къ предмѣстью, любопытная толпа снова набирается по сторонамъ улицы. Слышатся издѣвательства надъ первыми дамами, въ особенности надъ супругой маршала. Двухъ остальныхъ оставляютъ въ покоѣ. Дождь пересталъ. Я то опережаю, то сопровождаю повозки... Наконецъ, мы пріѣзжаемъ къ роковому мѣсту... Показывается эшафотъ... Повозки останавливаются... Ихъ оцѣпляетъ стража... Еще бо-

лѣе многочисленный кружокъ зрителей окружаетъ насъ... Большинство хохочетъ и забавляется этимъ печальнымъ зрѣлищемъ...

„Пока палачъ и двое его помощниковъ помогаютъ высаживаться дамамъ изъ первой повозки, madame де-Ноайль ищетъ меня глазами. Она замѣчаетъ меня... Чего только ни выразили мнѣ эти взоры, то поднимавшіеся къ небесамъ, то поникавшіе долу; эти взоры, столь кроткіе, столь оживленные, столь выразительные, столь небесные!.. Я слышалъ какъ она говорила:

„Наша жертва принесена. Сколько дорогихъ лицъ оставляемъ мы! Но Богъ призываетъ насъ, по своему милосердію. У насъ существуетъ въ томъ сладкая и твердая увѣренность! Мы не забудемъ ихъ на небѣ... Примите нѣжное наше прости для передачи имъ и нашу признательность вамъ. Христосъ, умершій за насъ, есть наша сила! Если бы намъ удалось умереть во Христѣ! Прощайте... Если бы намъ дано было всѣмъ снова встрѣтиться на небѣ!.. Прощайте!..“

„Ухожу съ того мѣста, гдѣ былъ. Перехожу на другую сторону, пока ссаживаютъ другихъ. Я очутился визави той деревянной лѣстницы, по которой всходили на эшафотъ и о которую опирался сѣдой, высокій тучный старикъ, добродушнаго вида. Говорили, что то былъ главный фермеръ [1]). Рядомъ съ нимъ весьма внушительная, незнакомая мнѣ дама, а далѣе визави меня, — супруга маршала де-Ноайль, въ черной тафтѣ, по случаю смерти маршала, по которомъ она еще носила трауръ [2]). Съ своими большими остановившимися глазами она сидѣла на деревянномъ чурбанѣ, попавшемся ей тамъ подъ руку... Я отнюдь не забылъ сдѣлать для нея то, что дѣлалъ столькимъ другимъ и въ особенности маршалу де-Муши и его супругѣ [3]). Всѣ остальные были выстроены въ два ряда по сторонѣ, обращенной къ предмѣстью Св. Антонія.

„Разыскиваю своихъ дамъ. Нахожу только одну мать, съ выраженіемъ простого, благороднаго благоговѣнія и покорности волѣ Провидѣнія на лицѣ, всецѣло поглощенную той жертвой, какую она готова была принести Богу, — заслугами Спасителя, Божественнаго Его Сына, — съ закрытыми глазами, совершенно спокойную, словомъ, такую, какою она была, когда имѣла счастіе подходить къ Св. Причастію.

---

[1]) Его звали Жанъ Бенжаменъ де-Ла-Бордъ. Выше упоминалось, что онъ не принадлежалъ къ фамиліи Жозефа Лабордъ, бывшаго также главнымъ фермеромъ и казненнымъ въ 1793 году.

[2]) Онъ умеръ въ Сенъ-Жерменѣ въ Леѣ, въ августѣ 1793 г.

[3]) Казненные ранѣе, 27 іюня 1794.

„Супруга маршала де-Ноайль взошла третьею на жертвенный алтарь. Пришлось вырѣзать полукругомъ часть ея платья около шеи, чтобы обнажить шею... Затѣмъ прослѣдовали четыре дамы. Madame д'Айенъ поднялась по счету десятою. Какъ она была довольна,—какъ мнѣ показалось,—умереть раньше своей дочери, а дочь—умереть послѣ матери! Когда она взошла, палачъ сорвалъ съ нея чепецъ. Такъ какъ онъ былъ пришпиленъ шпилькой, которую палачъ не вынулъ, и потому сильно потянутые волосы причинили ей страданіе, отразившееся въ ея чертахъ.

„Мать исчезла... Какое волненіе испытывалъ я при появленіи этой молодой женщины въ бѣлой одеждѣ, казавшейся еще гораздо моложе своихъ лѣтъ, напоминавшей собою кроткаго и маленькаго ягненка, котораго сейчасъ зарѣжутъ! Мнѣ казалось, что я присутствую при мученичествѣ одной изъ этихъ юныхъ дѣвственницъ или святыхъ женъ, такихъ, какими онѣ представлены на картинахъ великихъ мастеровъ.

„То, что случилось съ матерью, повторилось и съ нею: то-же недоразумѣніе со шпилькой, то-же страданіе и затѣмъ немедленно то-же спокойствіе. Та-же смерть! Какая обильная алая кровь потекла изъ головы, изъ шеи!

„Наконецъ-то она обрѣла блаженство!—воскликнулъ я внутренно, когда тѣло ея было брошено въ этотъ ужасный гробъ".

При этомъ закланіи жертвъ ярко блещутъ добродѣтели и чувства, дѣлающія честь многочисленнымъ жертвамъ Революціи, и увѣнчивающія, какъ бы ореоломъ, общество того времени. Его упрекали въ легкомысліи, въ испорченности нравовъ, въ невѣріи. Однако, смерти, подобныя только что пройденнымъ передъ нашими глазами, развѣ не свидѣтельствовали о тѣхъ непорочныхъ и высокихъ чувствахъ, какія продолжали жить въ душѣ прежней Франціи? Дни могущества обнаружили заблужденія и ошибки. Въ дни бѣдствія оставалось преклоняться передъ величіемъ характеровъ. При свѣтѣ молній, бороздившихъ небо во время страшной грозы Революціи, виднѣлись Надежда въ бѣлой одеждѣ, и Вѣра, царившая превыше эшафота.

VII.

9-го термидора, день, которымъ суждено было отмѣтить конецъ кровожаднаго владычества Робеспьера, судъ осудилъ еще сорокъ пять лицъ. Въ этомъ спискѣ фигурировали: торговецъ желѣзнымъ товаромъ, обойщикъ, негоціантъ, искусный печникъ,

шляпникъ, плюмажныхъ и цвѣточныхъ дѣлъ мастеръ, лимонадчикъ, столяръ, земледѣлецъ, трое священниковъ и восемь аристократовъ.

Юный де-Майлье, семнадцати лѣтъ, былъ казненъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ вмѣстѣ съ подсудимыми мнимаго заговора въ Сенъ-Лазарѣ. Madame де-Майлье, явившись на судъ 9-го термидора, не въ силахъ была вынести видъ судей, казнившихъ ея сына. Взволнованное ея состояніе понудило судъ отложить разбирательство ея дѣла. Эта отсрочка спасла ее.

По отъѣздѣ повозокъ съ осужденными на эшафотъ, получилось извѣстіе, что Робеспьеру грозитъ опасность. Фукье-Тенвиллю предложили, не лучше ли было бы отложить казнь; но онъ отвѣтилъ: „Ничто не можетъ замедлять теченіе правосудія“.

Народъ, растроганный видомъ отправлявшихся на казнь, и смутно чувствуя, что часъ освобожденія былъ недалекъ, хотѣлъ остановить поѣздъ, выпрячь лошадей и спасти жизнь тѣмъ, которымъ предстояло умереть. Въ этотъ моментъ проходилъ Анріо, въ сопровожденіи нѣсколькихъ военныхъ. Съ саблей въ рукахъ разсѣялъ онъ толпу, собравшуюся отстаивать осужденныхъ. Такимъ образомъ для нихъ исчезла всякая надежда спасенія. Повозки двинулись по направленію къ Венсенньской заставѣ, гдѣ состоялась казнь.

11-го термидора должны были судиться пятнадцать обвиняемыхъ [1]. Благодаря событіямъ 9-го термидора, они избѣгли уготованной имъ смерти. Революціонныя казни не были окончены. Имъ предстояло возобновиться въ правленіе Директоріи, 18-го фруктидора, въ періодъ, заслужившій названіе „втораго Террора“. Пожизненное изгнаніе, какъ мы видѣли, замѣнило гильотину, сокращая жизнь страданіями, вслѣдствіе климата и изгнанія. Казни, выполнявшіяся военными коммиссіями, напомнили лихія времена.

Но, по крайней мѣрѣ, если на дѣйствіяхъ правительства отражалось еще вліяніе террористовъ, — настоящій терроръ, тотъ, который овладѣлъ Франціей и подчинилъ ее жестокой своей власти, погибъ въ крови Робеспьера, и во многихъ сердцахъ проснулась надежда въ вечеръ 9-го термидора, съ прекращеніемъ грохота послѣдней позорной колесницы.

---

[1]) Кампардонъ, I, 421.

Глава VI.

Рѣзня.

I.

Казни, по распоряженію революціонныхъ судовъ, являлись законными убійствами. Тѣ-же, которыя имѣли мѣсто въ Вандеѣ, Анжу, Ліонѣ и Марселѣ, — равносильны были настоящей рѣзнѣ. Если не извиненіемъ, то, по крайней мѣрѣ, предлогомъ, первыя имѣли увлеченіе междуусобной войной. Не то было съ сентябрскими убійствами, которыя не прикрывались никакой законной личиной, и служили могущественными пособниками гильотины.

Присовѣтованныя Маратомъ, измышленныя Дантономъ, при участіи Робеспьера, Манюэля, Геберта, Билльо-Варенна, Паписа, Сержанта, Фабра д'Эглантина, Камилла Демулена и десятка членовъ Наблюдательнаго Комитета и Главнаго Совѣта Парижской Коммуны, сентябрскія убійства на имени ихъ виновниковъ оставили то страшное пятно, какое тщетно пыталась смыть одна героиня Шекспира, и которое неизмѣнно выступало на ея преступныхъ рукахъ.

Идея рѣзни разъяснялась Маратомъ въ демагогическихъ его листкахъ еще съ 19-го августа. Наблюдательный Комитетъ способствовалъ насажденію ея въ умахъ, доказывая необходимость уничтожить „измѣнниковъ и заговорщиковъ“ прежде, чѣмъ идти сражаться съ врагомъ на границу.

Дантонъ содѣйствовалъ выполненію этого проекта дерзостью и извращенностью своего генія. Чтобы обезпечить за собой безусловное распоряженіе вооруженной силой и слѣпое повиновеніе тюремной стражи, онъ озаботился, черезъ посредство Тюрьо, внести въ Законодательное Собраніе декретъ, на осно-

ванiи котораго,—въ виду полномочiй слѣдить за опасностями, грозившими родинѣ, и нуждами общественнаго спасенiя,—усиливалось представительство главнаго совѣта Парижской Коммуны, куда, такимъ образомъ, являлась возможность ввести элементы, благопрiятные для самыхъ крайнихъ мѣръ. Благодаря ловкимъ распоряженiямъ такого сорта, что они могли провести малопроницательныхъ людей, декретъ этотъ далъ возможность учредить диктаторскую и мятежную власть. Вооруженный такимъ образомъ Наблюдательный Комитетъ обязалъ отдѣлъ предмѣстья Пуассоньеръ, — якобинское рвенiе котораго было извѣстно,—постановленiемъ, выраженнымъ въ слѣдующей формѣ: „Принимая во вниманiе страшную опасность, въ какой находится отечество, и адскiя махинацiи священниковъ, постановляется:

1. „Казнить всѣхъ священниковъ и лицъ подозрительныхъ, заключенныхъ въ Парижскихъ тюрьмахъ.

2. „Женщинъ, дѣтей эмигрантовъ и лицъ, не заявившихъ себя гражданами и не проявившихъ своихъ гражданскихъ чувствъ, отправить вмѣстѣ съ волонтерами къ границѣ, для защиты храбрыхъ санкюлотовъ отъ ударовъ, грозящихъ имъ со стороны непрiятеля“.

Постановленiе это, распространенное по разнымъ отдѣламъ, было одобрено во многихъ изъ нихъ [1]). И рѣзня могла такимъ образомъ быть представлена до извѣстной степени санкцiонированной народомъ.

Участiе, какое принималъ Дантонъ въ этой рѣзнѣ, признано Луи Бланомъ:

„Между Дантономъ, содѣйствовавшимъ рѣзнѣ, по принципу, и Робеспьеромъ, который не препятствуетъ этому дѣлу, хотя и сожалѣетъ о немъ, — безъ малѣйшаго колебанiя признаю наиболѣе виновнымъ Робеспьера“ [2]).

Мортимеръ-Терно, установивъ отвѣтственность Дантона, показываетъ, какимъ образомъ онъ старался избѣгнуть ея. Конституцiонное Собранiе только что извѣстили, что все правоспособное населенiе было собрано на Марсовомъ Полѣ, гдѣ этимъ

---

[1]) Въ то время Парижъ былъ раздѣленъ на 48 отдѣловъ. Списки двѣнадцати отдѣловъ утрачены, въ семи — не было засѣданiй во время сентябрскихъ убiйствъ, въ двадцати — въ дѣлахъ не значится ничего относящагося къ этимъ событiямъ, девять—выразили свое мнѣнiе. Только Люксамбургскiй и Луврскiй отдѣлы высказались открыто. Остальные выразились двусмысленно или же только дали свое согласiе на второе предложенiе постановленiя Пуассоньерскаго предмѣстья („Histoire de la Terreur“, Мортимера-Терно, III, 475 и слѣд.).

[2]) „Histoire de la Révolution française“, VII, 193.

населеніемъ произведено было голосованіе всѣхъ мѣръ, предложенныхъ ему противъ побѣдоноснаго врага: „Дантонъ усматриваетъ благопріятный моментъ для прикрытія террористическихъ своихъ плановъ, подъ маской патріотизма. Онъ бросается къ трибунѣ и, повидимому, занятъ исключительно тѣмъ, чтобы дать новую жизнь чувствамъ, выраженнымъ предшествовавшими ораторами. Въ сущности-же обиняками онъ приводитъ программу злодѣяній, на которыя готовы отважиться друзья его изъ Наблюдательнаго Комитета.

— „Все волнуется, — восклицаетъ онъ, — все приходитъ въ движеніе, все горитъ нетерпѣніемъ сражаться. Да будетъ караемъ смертью всякій, кто откажется послужить собственной особой или сложить свое оружіе. *Барабанный бой раздается не въ видѣ сигнала къ набату, это атака на враговъ родины*: чтобы одолѣть ихъ, господа, требуется отвага, еще отвага, всегда отвага,—и тогда Франція будетъ спасена“. И тутъ же, на предложеніе Лакруа, друга и довѣреннаго лица Дантона, Національное Собраніе постановляетъ смертный приговоръ всѣмъ тѣмъ, кто прямо или косвенно отказался-бы исполнять приказанія, или воспрепятствовалъ-бы имъ и мѣрамъ, принятымъ временной исполнительной властью.

Между тѣмъ пока редижируется декретъ, предоставлявшій ему и коллегамъ своего рода диктатуру, Дантонъ исчезаетъ и устремляется на Марсово Поле съ воззваніемъ къ многочисленнымъ собравшимся тамъ волонтерамъ. Ему извѣстно настоящее значеніе предстоящаго сигнала съ площади Pont-Neuf, и онъ хлопочетъ, чтобы въ рѣшительный моментъ не быть ни въ залѣ Feuillants, ни въ ратушѣ, ни въ министерствѣ юстиціи. Высокое положеніе, занимаемое имъ, обязываетъ его остаться въ тѣни, пока преступленіе совершается, чтобы появиться по совершеніи преступленія, для собиранія плодовъ его.

„Едва успѣваетъ Дантонъ покинуть Собраніе, какъ почти немедленно раздается пушечный выстрѣлъ тревоги, колокола со всѣхъ церквей сразу забили въ набатъ, барабанный бой послышался по всѣмъ улицамъ, черное знамя отечества въ опасности взвилось въ воздухѣ.

„На этотъ сигналъ, данный одновременно подъ такими многочисленными формами, откликаются герой и тайный убійца. Первый спѣшитъ присоединиться къ своимъ товарищамъ, собравшимся уже на Марсовомъ Полѣ и готовящимся двинуться къ равнинамъ Вальми. Второй пробирается вдоль

стѣнъ Аббатства, желая оказаться во-время на rendez-vous, назначенномъ ему Майльяромъ [1]).

Чѣмъ преступнѣе были эти убійства, тѣмъ болѣе важно поименовать причастныхъ къ нимъ лицъ.

„Манюэль, прокуроръ синдикъ, Эбертъ и Билльо-Вареннь, два товарища прокурора, назначенные къ нему Коммуною,—по словамъ Мортимера-Терно,—знали подробно все, ибо все проходило черезъ ихъ руки. Манюэль посѣщалъ тюрьму наканунѣ и въ самый день убійства, Эбертъ предсѣдательствовалъ при рѣзнѣ въ Force, а Билльо-Вареннь—при рѣзнѣ въ Аббатствѣ. Послѣдній именно и установилъ плату *работникамъ*, т. е. убійцамъ.

„Фабръ д'Эглантинъ и Камиллъ Демуленъ были повѣренными, собутыльниками Дантона,—его соумышленниками. Фабръ д'Эглантинъ на бланкѣ министра юстиціи разослалъ во всѣ муниципалитеты Франціи циркуляръ, въ которомъ Наблюдательный Комитетъ приглашалъ всѣ эти муниципалитеты послѣдовать примѣру, только что поданному имъ въ Парижѣ. Камиллъ Демуленъ принималъ дѣятельное участіе въ тайныхъ сборищахъ на Вандомской площади, на которыхъ Дантонъ давалъ внушенія преданнымъ ему журналистамъ, чтобы они оправдывали и превозносили мѣры строгости противъ узниковъ.

„Что же касается Паниса, Сержара и членовъ Наблюдательнаго Комитета, то ихъ причастность открытая, явная и громкая. Многіе изъ членовъ Комитета, облаченные въ свой шарфъ, предсѣдательствуютъ при рѣзнѣ въ Force. Другіе постоянно пребываютъ въ канцеляріи Аббатства или же являются въ различныя тюрьмы, справляясь, все ли идетъ, какъ слѣдуетъ и не требуется ли подкрѣпленія.

„Что же касается зачинщиковъ, которые помогали измыслить, обдумать, подготовить сентябрскія преступленія, таковыхъ было два рода. Для однихъ организаторовъ рѣзни важно было упрочить за собою диктатуру, которою они злоупотреб-

[1]) Мортимеръ-Терно, «Histoire de la Terreur», III, 221.—Мортимеръ-Терно по поводу сентябрскихъ убійствъ говоритъ еще слѣдующее о Дантонѣ: «Повсюду видна его рука. Къ нему идутъ за приказаніями, у него сводятся всѣ разслѣдованія. У него есть свои люди въ Главномъ Совѣтѣ Коммуны, въ Наблюдательномъ Комитетѣ, въ пародіяхъ судовъ, учрежденныхъ въ канцеляріяхъ тюремъ. *Онъ умѣетъ пользоваться преданностью и стойкостью всѣхъ этихъ писцовъ съ площади, которые всегда готовы къ его услугамъ.* Каждому изъ нихъ онъ назначаетъ подходящую роль, каждому даетъ тайныя инструкціи. На подаваемомъ ему спискѣ отмѣчаетъ крестомъ имена тѣхъ, кого *надо принести въ жертву*, предоставляя остальное благоусмотрѣнію своихъ соумышленниковъ». (Т. III, 189).

ляли. Для другихъ, во что бы то ни стало, желательно было *дѣйствовать безотчетно.* Для всѣхъ же вообще требовалось разлить цѣлую рѣку крови между ними и врагами ихъ“ [1]).

Ниже людей, распоряжавшихся рѣзней, слѣдуетъ поставить тѣхъ, которые приводили ее въ исполненіе. Изъ нихъ особенно прославился Майльяръ. Это былъ одинъ изъ побѣдителей Бастиліи. Въ эпоху сентябрскихъ убійствъ онъ предводительствовалъ шайкой, состоявшей изъ шестидесяти человѣкъ, готовыхъ на всякія злодѣянія и на все, и которые, подъ его руководительствомъ играли дѣятельную роль въ убійствахъ этихъ злосчастныхъ дней. Послѣ рѣзни Майльяръ спекулировалъ на счетъ родственниковъ павшихъ жертвъ, доставляя имъ за деньги дорогія вещи, попадавшіяся въ руки его или кого-либо изъ злодѣевъ его шайки. Онъ дошелъ до такихъ насилій, что Комитетъ Общественной Безопасности приказалъ арестовать его въ октябрѣ 1793 г. Но у него были покровители, и онъ не замедлилъ снова получить свободу. Тѣмъ не менѣе, негодованіе, вызванное его преступленіями, преслѣдовало его, и онъ былъ арестованъ вторично. Жандармы, явившіеся къ нему на квартиру, застали его умирающимъ. Его оставили подъ домашнимъ арестомъ. Этотъ кровожадный человѣкъ харкалъ кровью. Онъ умеръ до суда 26-го жерминаля II года, черезъ восемь дней послѣ казни Дантона.

Фурнье, прозванный *Américain,* также былъ предводителемъ одной изъ такихъ шаекъ убійцъ. Онъ ознаменовалъ себя избіеніемъ Орлеанскихъ узниковъ, зарѣзанныхъ въ Версалѣ,— рѣзня, за которую онъ получилъ одобреніе Дантона. Madame Роланъ видѣла его у своего мужа, бывшаго тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ, когда этотъ злодѣй явился со своими счетами и требованіемъ суммы въ 8.996 ливровъ, которая была

---

[1]) „Histoire de la Terreur“, III, 190. — Немедленно, по своемъ прибытіи, Конвентъ пожелалъ выяснить себѣ образъ дѣйствій диктаторовъ Ратуши. Онъ потребовалъ, и даже весьма настоятельно, предъявленія счетовъ и наказанія взяточниковъ. Но послѣдніе въ самомъ Собраніи имѣли сильныхъ покровителей, не допустившихъ произвести слѣдствія до конца. Борьба, поддерживавшаяся ворами и ихъ патронами противъ людей, осмѣлившихся имѣть дерзкое желаніе заглянуть окомъ правосудія въ темныя дѣла Коммуны и Наблюдательнаго Комитета,—тянулась то тайно, то открыто, начиная со времени водворенія Конвента вплоть до паденія Жиронды. Такимъ образомъ узурпаторамъ 10-го августа приходилось сводить двоякіе счеты, во-первыхъ съ тѣми, которыхъ они арестовали послѣ домашнихъ обысковъ; они порѣшили эти счеты, предавъ всѣхъ арестованныхъ смертной казни 2-го сентября въ Аббатствѣ и въ Force. Во вторыхъ — съ тѣми, которые хотѣли ихъ заставить возвратить неправедно взятое. Съ послѣдними они расквитались, прогнавъ ихъ 31 мая изъ лона народнаго представительства и возведя ихъ на эшафотъ 31 октября 1793 г. (Ibid,, III, 192).

ему уплачена въ награду за его подвиги. Вотъ портретъ его, набросанный ею въ ея „*Мемуарахъ*“: „съ своей багровой, зловѣщей физіономіей, со своими усами, съ тройнымъ поясомъ пистолетовъ, своей грубой рѣчью, своей божбой, — онъ производилъ впечатлѣніе настоящаго пирата“.

Осужденный судомъ Сены и Уазы, который въ іюлѣ 1795 года обвинилъ убійцъ Орлеанскихъ узниковъ,—Фурнье-„Американецъ“ былъ заключенъ въ Force, затѣмъ освобожденъ, по декрету объ амнистіи, изданному Конвентомъ 4-го брюмера IV года. Приговоренный къ изгнанію при Директоріи, въ теченіе двухъ лѣтъ спасался онъ отъ поисковъ, затѣмъ былъ арестованъ, заключенъ послѣдовательно сперва въ Sainte-Pélagie, а затѣмъ въ крѣпость Joux, потомъ отправленъ въ Кайенну, откуда бѣжалъ въ Гваделупу, сдѣлался корсаромъ и въ 1814 году вернулся во Францію, гдѣ умеръ нѣсколько лѣтъ спустя.

Изъ числа убійцъ, не заслуживающихъ упоминанія, нѣкоторые, благодаря своей безвѣстности, избѣгли кары правосудія; другіе призваны были къ уголовному суду, когда проявились уже реакціонныя идеи. Нерѣдко не хватало уликъ для установленія ихъ виновности, и приходилось произносить оправдательные приговоры.

Пти-Мамэнъ, котораго считали однимъ изъ убійцъ принцессы Ламбалль, 1801 г., вмѣстѣ съ другими преступниками былъ высланъ на острова Коморскіе, гдѣ и умеръ отъ мѣстной лихорадки, въ страшныхъ мученіяхъ.

Шарла и Гризонъ вмѣстѣ съ нимъ считались участниками въ убіеніи принцессы Ламбалль. Шарла, барабанщикъ національной гвардіи, отправился въ Вандею съ батальономъ парижскихъ волонтеровъ. Товарищи его, узнавъ, что это за гусь, убили его. Гризонъ былъ присужденъ къ смертной казни Обскимъ судомъ нѣсколько лѣтъ спустя, какъ участникъ какой-то шайки разбойниковъ.

Трудно было бы опредѣлить цифру всѣхъ тѣхъ, кто принималъ участіе въ убійствахъ и кровавыхъ насиліяхъ Революціи. Ихъ насчитывается около трехъ сотъ тысячъ [1]).

Мерсье говоритъ объ одномъ изъ этихъ убійцъ, извѣстныхъ подъ именемъ „головорѣза“.

— Это чудовище, — говоритъ онъ, — я видѣлъ его! Онъ

---

[1]) Созэ, „Histoire de la persécution révolutionnaire dans le département du Doubs, VI, 687.—Письмо члена Конвента Грегуара, 24 декабря 1796 г.

долго былъ рабомъ въ Марокко, государь котораго, къ числу мелкихъ своихъ развлеченій относитъ удовольствіе снести пять-шесть головъ каждое утро передъ завтракомъ. Тутъ-то по неволѣ и наловчился онъ въ ужасномъ ремеслѣ, которымъ впослѣдствіи по собственному желанію занимался въ Парижѣ.

„Разсказываютъ, будто въ Версалѣ этотъ кровожадный человѣкъ, опасаясь, чтобы дождь не смылъ крови, окрашивавшей его бороду (которую онъ долго носилъ), пряталъ послѣднюю подъ пальто. Возвращаясь въ Парижъ послѣ ночи 6 октября, онъ замѣтилъ: „Нечего сказать; стоило заставлять меня тащиться туда изъ-за двухъ головъ!"

„Онъ хвастался тѣмъ, будто вырвалъ сердце Фулону и Бертье, и считая такое дѣло патріотическимъ актомъ, потребовалъ себѣ гражданскую медаль отъ Національнаго Собранія. На него указывали другъ другу на улицѣ, какъ указываютъ на уличнаго точильщика" [1]).

Во время сентябрскихъ дней, исполнивъ ужасное свое дѣло, эти негодяи отправлялись къ виноторговцамъ и дѣлились между собою кровавымъ своимъ заработкомъ. Одинъ очевидецъ, въ показаніи, данномъ имъ впослѣдствіи объ этихъ событіяхъ, передаетъ, что видѣлъ, какъ четверо изъ этихъ убійцъ не могли раздѣлить между собою двойного луидора, который они держали въ рукахъ. „Они попросили у меня мелкихъ денегъ и я поспѣшилъ имъ вручить ихъ".

Они получали вообще каждый по десяти ливровъ. Это они называли „своимъ должнымъ". Одинъ парикмахеръ, явившійся къ казначею отдѣла за жалованьемъ, не могъ получить его, такъ какъ принадлежалъ не къ тому участку, куда предъявилъ свой искъ. Онъ хвалился, что задушилъ трехъ священниковъ, но не былъ вознагражденъ за свой трудъ и выразилъ живѣйшее неудовольствіе, что убивалъ *задаромъ* [2]).

Пожитки послѣ умершихъ нерѣдко составляли часть вознагражденія убійцъ. Пожитки эти часто доставлялись также и въ комитеты отдѣловъ.

У Коммуны хватило цинизма на дворѣ Аббатства пустить на аукціонъ вещи жертвъ 4 сентября [3]). Убійцамъ выдавались чеки, съ которыми они отправлялись къ виноторговцамъ, и тѣ оплачивали имъ эти чеки натурою. Майльяръ учредилъ

---

[1]) „Paris pendant la Révolution", I, 345. Была также одна женщина, которая прославилась въ шайкахъ сентябрскихъ убійцъ. Ее называли „la tueuse".
[2]) Мортимеръ-Терно „Histoire de la Terreur", III, 276.
[3]) Мортимеръ-Терно, „Histoire de la Terreur", III, 534.

судъ, гдѣ онъ предсѣдательствовалъ. Помѣщаясь въ Аббатствѣ, судъ этотъ состоялъ изъ двѣнадцати человѣкъ; зало, гдѣ они засѣдали, представляло гнусную картину. Столъ, покрытый бумагами, уставленный бутылками и рюмками, былъ окруженъ убійцами съ засученными рукавами, съ красными отъ крови руками, причемъ мнимые судьи сидѣли бокъ-о-бокъ съ палачами въ тяжелой атмосферѣ, гдѣ запахъ вина мѣшался съ табачнымъ дымомъ.

Рѣзня производилась въ пяти мѣстахъ: близь калитки улицы Sainte-Marguerite, на дворѣ Saint-Germain des Près, въ Force, въ Шателе и въ Консьержери.

Въ Force засѣдалъ судъ, подобный тому, въ которомъ предсѣдательствовалъ Майльяръ. Эбертъ и другіе поочередно занимали тамъ предсѣдательское кресло. Формула „Освобождайте" была смертнымъ приговоромъ. Это освобожденіе возвѣщалось криками: „Да здравствуетъ нація!"

Въ Force осужденіе жертвъ обозначалось словами: „Въ Аббатство!" Въ послѣднемъ, наоборотъ, приговаривали „A la Force!" для обозначенія осужденныхъ къ смертной казни. Такимъ образомъ морочили узниковъ, заставляя ихъ думать, что ихъ перемѣщали и не допуская въ нихъ никакой мысли о сопротивленіи.

По словамъ одного свидѣтеля подобной рѣзни, двое брали за руки несчастнаго и вытаскивали его изъ канцеляріи прямо къ убійцамъ, выстроеннымъ въ два ряда. Едва успѣвалъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ ближайшіе къ нему кололи его въ спину; по немъ дѣлали выстрѣлъ и онъ валился направо или налѣво; тащили его крючьями, затѣмъ добивали ударами полѣньевъ, ружейными прикладами, кололи пиками... Это творилось иногда довольно долго...

„Убійцы говорили намъ, да и сами мы могли во-очію убѣдиться въ томъ, что бѣдныхъ дѣтей убивать было труднѣе, нежели взрослыхъ, что, впрочемъ, и вполнѣ понятно, ибо въ эти годы жизнь еще очень устойчива!" [1]).

„Маленькая улица des Ballets, гдѣ *работали убійцы*, во всю свою длину окаймлялась тремя рядами мужчинъ, женщинъ и даже дѣтей, присутствовавшихъ при убійствахъ, точно на какомъ-то спектаклѣ. Шоссе было завалено трупами. Ихъ накладывали кучами одинъ на другой; вскорѣ прекратился стокъ для ручья. Ужасная лужа воды и крови, на подобіе морскаго прилива, омывала стѣны улицы съ обѣихъ сторонъ.

---

[1]) „Histoire de la Terreur", III, 293.

Бывали случаи, что несчастнымъ раненымъ удавалось спастись отъ руки своихъ палачей и многіе достигали улицы Saint-Antoine, но здѣсь они встрѣчали новыхъ убійцъ, преграждавшихъ имъ путь и приканчивавшихъ ихъ“ [1]).

Начавшись 2-го сентября, Парижскія убійства длились и въ слѣдующіе дни и окончились не ранѣе какъ въ ночь съ 6-го на 7-е сентября [2]).

Въ своей „Histoire des gerondins et des massacres de septembre“ Гранье де-Кассаньякъ насчитываетъ до тысячи четырехъ сотъ пятидесяти восьми жертвъ, казненныхъ въ эти дни омерзительной памяти. По оффиціальнымъ спискамъ Наблюдательнаго Комитета насчитывается 1.079 жертвъ. Прюдоммъ насчитываетъ ихъ 1.035. Мортимеръ-Терно, послѣ основательной провѣрки, опредѣляетъ число ихъ въ 1.368, при чемъ указываетъ слѣдующія подробности [3]):

Аббатство	171
Force	169
Шателе	223
Консьержери	328
Les Bernardins	73
Les Carmes	120
Saint-Firmin	79
Bicêtre	170
La Salpêtrière	35
	1.368

Двадцать четыре священника 2-го сентября были переведены изъ Mairie въ Аббатство. Многіе были умерщвлены во время пути. Другіе погибли по прибытіи въ Аббатство. Находившемуся въ этомъ транспортѣ аббату Сикаръ удалось бѣжать. Онъ спасся чудеснымъ образомъ, благодаря усиліямъ одного члена Комитета при отдѣлѣ des Quatre-Nations, который узналъ его и преклонялся передъ самопожертвованіемъ этого благодѣтеля глухонѣмыхъ. Двое остальныхъ священниковъ были спасены вмѣстѣ съ нимъ.

Послѣ 10 августа 1792 года въ Парижѣ были арестованы и отправлены въ Кармелитскій монастырь священники, отказавшіеся присягнуть гражданской конституціи духовенства. Въ числѣ ихъ находились братья Ла-Рошфуко-Байеръ, про-

---

[1]) „Histoire de la Terreur“, III, 267.
[2]) Ibid., III, 318.
[3]) Ibid., III, 548.

славившіеся священнической вѣрностью и братской преданностью. Одинъ былъ епископомъ въ Saintes, другой—епископомъ въ Бове. Сентскому епископу предложили остаться на свободѣ, когда пришли, чтобы арестовать его вмѣстѣ съ братомъ въ квартирѣ, которую они занимали вдвоемъ. Но онъ пожелалъ сопровождать въ тюрьму того, участь котораго онъ раздѣлялъ. Дюло, архіепископъ Арльскій, былъ съ ними въ Кармелитскомъ монастырѣ, гдѣ были собраны сто пятьдесятъ духовныхъ лицъ. Кормили ихъ хлѣбомъ и водой. Шесть ночей они провели въ церкви. Тѣ, кто не могъ добыть себѣ подстилки, растянулись прямо на мостовой. Они безропотно ожидали послѣдняго своего часа, который не замедлилъ своимъ наступленіемъ. Приняты были мѣры для указанія ихъ убійцамъ. 31 августа 1792 г. Тальенъ говорилъ въ Національномъ Собраніи, отъ имени одной депутаціи Коммуны:

„Мы арестовали мятежныхъ священниковъ; они заключены въ отдѣльной тюрьмѣ и нѣсколько дней спустя почва свободы будетъ очищена отъ ихъ присутствія“ [1]).

„Никто, пишетъ Мишле,—не сомнѣвался въ рѣзнѣ“ [2]).

Всѣ эти священники, обреченные на извѣстную смерть, исповѣдывались другъ другу въ субботу, 1-го сентября. На другой день, около четырехъ часовъ, они получили приказаніе отправиться въ садъ; стариковъ и убогихъ погнали вслѣдъ за другими. Садъ былъ въ то время значительно больше теперешняго, такъ какъ съ тѣхъ поръ тамъ возведены обширныя постройки. Но часть, гдѣ пали первыя жертвы, существуетъ и понынѣ въ томъ самомъ видѣ, какъ она была въ то время.

Рѣшеніе о рѣзнѣ состоялось въ Люксанбургскомъ отдѣлѣ, какъ всегда отличавшемся склонностью къ наиболѣе революціоннымъ мѣрамъ. Злодѣи немедленно бросились въ улицу Вожирарь и, съ саблями на-голо, съ убійственными криками разбѣжались по монастырю. Несчастные узники укрылись въ глубь сада, тщетно ища убѣжища подъ грабинами и въ маленькой часовнѣ, посвященной Св. Дѣвѣ, гдѣ находился архіепископъ Арльскій. Каменный памятникъ указываетъ нынѣ это мѣсто.

— На сей разъ, ваше высокопреосвященство,—замѣтилъ аббатъ изъ Панноніи, сопровождавшій архіепископа,—мнѣ кажется, что они намѣрены убить насъ.

---

[1]) „Moniteur“ отъ 2-го сентября 1792 г.
[2]) „Histoire de la Révolution française“, IV, 121.

— Ну такъ что же, другъ мой,—спокойно отвѣтилъ прелатъ,—если насталъ часъ принесенія нашей жертвы, предадимъ себя волѣ Божіей и возблагодаримъ Господа за возможность принести ему на алтарь кровь нашу за такое благое дѣло.

Въ этотъ моментъ послышались новые крики. То были священники, которыхъ искали въ складѣ Maiгіе и убивали на дворѣ при садѣ Аббатства.

„Идемъ въ Кармелитскій монастырь!" Это приказаніе Майльяра было услышано и исполнено. Было почти четыре часа, когда убійцы проникли въ садъ. Аббатъ Жиро погибъ первымъ, ему отсѣкли голову ударомъ сабли. Аббатъ де-Саленъ палъ замертво отъ ружейнаго выстрѣла.

— Это ты Арльскій архіепископъ?—обратились съ вопросомъ къ Дюло.

— Да, господа, это я.

— Ахъ злодѣй, такъ это ты пролилъ кровь столькихъ патріотовъ въ городѣ Арль?

— Я никогда никому не сдѣлалъ зла.

— А я такъ сдѣлаю тебѣ зло.

И ему нанесенъ былъ первый ударъ саблей по головѣ. Второй ударъ вскрылъ ему черепъ. Инстинктивно поднесъ онъ руку къ головѣ, и правая рука немедленно была у него отсѣчена. Послѣдній ударъ уложилъ его бездыханнымъ на землю, причемъ въ грудь его вонзили пику съ такой силой, что ее не выдернуть было оттуда. Затѣмъ убійца удалился, похитивъ у убитаго его часы.

Многіе изъ священниковъ были убиты въ тотъ моментъ, когда они взаимно давали другъ другу отпущеніе грѣховъ. Епископу изъ Бове выстрѣломъ раздробило бедро.

Между тѣмъ узникамъ дано было приказаніе удалиться въ церковь, чтобы никому не удалось спастись. Снесенный своими убійцами на матрасѣ и положенный въ церкви епископъ изъ Бове снова встрѣтился тамъ съ братомъ своимъ, епископомъ Сентскимъ. Рѣзня была организована по жестокому способу. Священниковъ приводили попарно къ лѣстницѣ, которая и теперь еще видна въ той части построекъ, долженствующая исчезнуть при сломкѣ ихъ. Каждый священникъ вставалъ, когда называли его имя. Услышавъ свое имя, епископъ Сентскій повиновался въ надеждѣ, что раненнаго брата его минуетъ эта участь. Но убійцы вернулись въ церковь и призвали епископа изъ Бове.

— Я готовъ,—отвѣтилъ прелатъ,—и не отказываюсь умереть смертью остальныхъ. Но вы видите, что я не могу идти. Будьте-же милостивы поддержать меня, и снесите меня сами, куда вы пожелаете.

Епископа перенесли къ лѣстницѣ, гдѣ его и сразилъ смертельный ударъ. Впродолженіе двухъ часовъ было убито сто пятнадцать священниковъ. Число это было бы еще больше, если бы почти сорока четыремъ не удалось бѣжать и спастись, изъ жалости или участія убійцъ. Рѣзня прекратилась послѣ смерти епископа изъ Бове. Одна часть убійцъ вернулась въ Аббатство, при шумныхъ крикахъ и пѣсняхъ. Остальные почти всю ночь провели въ церкви за выпивкой, доставленной однимъ трактирщикомъ во время рѣзни. Около девяти часовъ вечера убійцы эти услыхали легкій шумъ. То былъ аббатъ Дабрэ, спрятанный между двумя матрацами, и который не въ силахъ былъ сдержать своего вздоха. Его стащили въ алтарь, гдѣ отсѣкли ему голову сабельнымъ ударомъ. Это была послѣдняя жертва Кармелитской рѣзни.

Всѣ трупы, послѣ раздѣленія ихъ одеждъ, 3-го сентября скучены были подъ тисовымъ деревомъ, близъ построекъ, затѣмъ свалены на двѣ большихъ повозки и отвезены на кладбище де-Вожираръ, откуда впослѣдствіи кости ихъ были взяты и въ настоящее время погребены въ склепѣ. Онѣ представляютъ ужасный видъ,—однѣ образуя печальную груду, виднѣющуюся сквозь рѣшетки, другія, помѣщенныя подъ стекломъ, сохраняя знаки отъ сабельныхъ ударовъ, нанесенныхъ убійцами [1]).

Графъ де-Монморенъ, прежній министръ Людовика XVI, былъ зарѣзанъ въ Аббатствѣ у дверей суда, въ которомъ предсѣдательствовалъ Майльяръ. Рульеръ, старый командиръ на-

---

[1]) Кармелитскій монастырь, послѣ ужасной рѣзни, произведенной въ немъ, былъ нанятъ трактирщикомъ, превратившимъ въ бальное зало садъ, еще не высохшій отъ крови мучениковъ. Постройки же Комитетъ Общественнаго Спасенія не замедлилъ обратить въ тюрьму. Съ 16 декабря 1793 г. до октября 1794 года здѣсь перебывало до семисотъ слишкомъ узниковъ. Послѣ революціи madame de Soyecourt, монахиня кармелитскаго монастыря, дочь графа de Soyecourt, заключеннаго въ эту тюрьму, откуда его на ея глазахъ повезли на эшафотъ,—выкупила этотъ монастырь. Показываютъ комнату, гдѣ она жила, и портретъ отца ея, помѣщенный ею въ этой комнатѣ. Въ настоящее время Кармелитскій монастырь представляетъ католическій университетъ. Что касается исторіи рѣзни въ немъ и другихъ мѣстностяхъ, то лучше всего для того обратиться къ труду Александра Сореля „Le couvent des Carmes et le séminaire de Saint-Sulpice pendant la Terreur“, in 8°, 1863. Никакой другой трудъ не можетъ превзойти его по правдивости разсказа, обилію и точности подробностей.

ціональной гвардіи, перенесъ въ Force'ѣ получасовыя муки, палачи, прежде чѣмъ убить его, истыкали его ударами шпагъ.

Одна жертва доминируетъ надъ всѣми прочими въ эти ужасные дни. Это принцесса Ламбаль, мученица преданной любви своей къ королевѣ, съ которой она пожелала раздѣлить опасности и заключеніе. Она уѣхала изъ Франціи и, оставаясь въ чужой странѣ, могла избѣгнуть грозившей ей участи, если-бы сердце ея, сохранявшее вѣрность къ несчастной, не призвало ея къ Маріи-Антуанеттѣ. Поведеніе ея тѣмъ почтеннѣе, что, вначалѣ осыпанная милостями королевы, она была вытѣснена герцогиней де-Полиньякъ и попала какъ-бы въ немилость. Отличаясь робкимъ характеромъ, она нашла силы возвыситься до героизма. Всѣ находили ее не очень умной. Но въ испытаніяхъ своихъ она проявила болѣе рѣдкое достоинство—достоинство, зависящее отъ высоты душевной. Трогательный ореолъ окружаетъ эту личность умилительной прелестью, которую обезсмертили ея палачи [1]).

Рѣзня узниковъ, заключенныхъ въ Аббатствѣ,—гдѣ погибли аббатъ Ланфанъ, бывшій проповѣдникъ короля, и аббатъ де-Растиньякъ, бывшій членъ Конституціоннаго Собранія,—описана на поразительныхъ страницахъ Журніакомъ де-Сенъ-Меаръ, свидѣтелемъ этихъ ужасныхъ сценъ, чудесно спасшимся отъ смерти.

„Нѣтъ никакой возможности выразить ужасъ того глубокаго и мрачнаго безмолвія, какое царило во время этой рѣзни. Оно нарушалось только криками избиваемыхъ и ударами сабель объ ихъ головы. Едва успѣвали ихъ прикончить, какъ подымался шумъ, усиливавшійся отъ криковъ *Vive la Nation*! (*Да здравствуетъ Нація*!) пугавшихъ насъ въ тысячу разъ болѣе, нежели ужасъ безмолвія.

„Въ промежутокъ отъ одной рѣзни до другой мы слышали, какъ говорилось подъ нашими окнами: Нужно, чтобы никто

---

[1]) См. о ней сочиненіе де-Лескюра. «La princesse de Lamballe», in 8°, 1864, и «Madame de-Lamballe», Жоржа Бертена, in 8°, 1888. Завѣщаніе этой несчастной принцессы свидѣтельствуетъ, какія великодушныя чувства руководили ею, при возвращеніи ея во Францію. Завѣщаніе это, сдѣланное въ Aix-la Chapelle, помѣчено 15-мъ октября 1791 г., а 29-го октября она отправилась вслѣдъ за королевскимъ семействомъ въ Парижъ. По этому завѣщанію, она щедро наградила своихъ родныхъ, друзей и слугъ. Припоминая ея судьбу и оскорбленія, расточавшіяся ея трупу, невольно горестно поражаешься выраженіемъ послѣдней ея воли по отношенію къ бреннымъ ея останкамъ и ея похоронамъ: «Желаю быть погребенной, какъ можно проще, не нужно ни *присяжныхъ священниковъ, ни самозванныхъ. Желаю оставаться не преданной землѣ въ теченіе трехъ дней, и чтобы докторъ мой или же хирургъ наблюдалъ меня въ теченіе этихъ трехъ дней*».

изъ нихъ не ускользнулъ. Необходимо всѣхъ ихъ перебить, а въ особенности тѣхъ, которые находятся въ часовнѣ,—тамъ все заговорщики...

„Главною нашею заботою было разузнать, какое положеніе слѣдуетъ намъ принять на мѣстѣ рѣзни, чтобы смерть явилась для насъ въ наименѣе тяжелой формѣ. Время отъ времени мы подсылали нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей къ окну башенки за свѣдѣніями о положеніи несчастныхъ жертвъ и, на основаніи ихъ показаній, соображали, какое положеніе намъ лучше выбрать для себя. Они передавали, что тѣ, кто вытягивалъ руки, мучались гораздо долѣе, ибо сабельные удары успѣвали притупиться, прежде чѣмъ попадали въ голову; были даже такіе, у которыхъ кисти рукъ и руки падали ранѣе тѣла, и что тѣ, кто держалъ руки за спиною, должны были страдать значительно менѣе“.

Въ этой часовнѣ, обращенной въ тюрьму, была одна торжественная минута,—когда аббатъ Ланфанъ и аббатъ Растиньякъ, появившись на каѳедрѣ, возвѣстили узникамъ о приближеніи своего послѣдняго часа и пригласили ихъ принять отъ нихъ благословеніе.

„Какая-то электрическая сила, которая не поддается никакому описанію, передаетъ авторъ этого разсказа,—повергла насъ всѣхъ на колѣни, и, сложивъ руки, приняли мы ихъ благословеніе. Наканунѣ преставленія нашего передъ Всевышнимъ, колѣнопреклоненные передъ его священнослужителями, мы представляли собою зрѣлище неописуемое. Преклонный возрастъ этихъ двухъ старцевъ, высокое ихъ положеніе надъ нами, смерть, витавшая надъ нашими головами и окружавшая насъ со всѣхъ сторонъ—все это придавало этой церемоніи величественный и вмѣстѣ съ тѣмъ печальный оттѣнокъ... Полчаса спустя оба эти священнослужителя были зарѣзаны, мы слышали ихъ стоны [1])“.

Швейцарцы, за свою храбрую и вѣрную защиту 10-го августа, особенно отмѣченные революціонной ненавистью, были перебиты 2 сентября въ Аббатствѣ. Когда ихъ пригласили выйти, они нѣкоторое время не двигались съ мѣста, прижавшись другъ къ другу въ глубинѣ своего каземата, въ виду убійцы, выжидавшаго ихъ, какъ только они переступятъ порогъ. Одинъ

---

[1]) „Mon agonie de quarante huit heures“. Разсказъ этотъ многократно перепечатывался. Онъ находится въ *Collection des mémoires sur la Révolution*. Напечатанный впервые въ сентябрѣ 1792 г., онъ разошелся менѣе чѣмъ въ годъ въ количествѣ 280.000 экземпляровъ.

молодой человѣкъ рѣшился выйти первымъ и, окинувъ убійцъ отважнымъ взоромъ, бросился на ихъ оружіе, и нашелъ свою смерть. Товарищи его, вытащенные изъ тюрьмы одинъ за другимъ, были перерѣзаны, равно какъ и двадцать пять гардистовъ короля, заключенныхъ въ сосѣднемъ казематѣ.

Редингъ, швейцарскій офицеръ, раненный 10 августа въ Тюльери и почти умирающій, лежалъ распростертымъ на койкѣ, куда къ нему пришли, чтобы добить его. „Я довольно страдалъ,—сказалъ онъ,—я не боюсь смерти, но сжальтесь, дайте мнѣ ее тутъ-же“.

Вынесенный на порогъ тюрьмы, онъ погибъ здѣсь подъ ударами убійцъ.

Мѣста, гдѣ производилась рѣзня, представляли ужаснѣйшее зрѣлище. Въ улицѣ Ballets, кровь, вытекавшая изъ груды труповъ, не могла болѣе стекать ручьемъ и затопляла стѣны домовъ, обагренныхъ ея волнами. По вечерамъ убійства продолжались при свѣтѣ факеловъ, бросавшихъ на эти страшныя сцены зловѣщій отблескъ. Поспѣшимъ оставить ихъ, но для того, чтобы узнать о другихъ преступленіяхъ, совершенныхъ въ провинціи съ неменьшимъ варварствомъ.

II.

Сигналъ былъ данъ. Нашлись злодѣи, готовые откликнуться на него. Въ Мо, Реймсѣ, Канѣ, Шарлевиллѣ, Бургоньѣ, Ліонѣ, мы видимъ повтореніе жестокостей рѣзни. Узниковъ хватали и убивали. То были или ослушные священники, или же офицеры и чиновники. Герцогъ де-Ла-Рошфуко, арестованный на Forges'скихъ водахъ, былъ уведенъ вмѣстѣ съ своей женой и матерью, герцогиней д'Анвилль, восьмидесятилѣтней старухой. По прибытіи въ Жизоръ, 4-го сентября, на него напали эти неистовцы, и онъ не замедлилъ испустить послѣдній вздохъ.

Пятьдесятъ три узника были взяты изъ Орлеана и отправлены въ Парижъ, подъ надзоромъ Фурнье - „Американца“, обрекшаго ихъ на смерть. Въ томъ числѣ находились герцогъ де-Бриссакъ, Кастеллане, бывшій епископъ Мандскій, двое бывшихъ министровъ Людовика XVI—Делессаръ и д'Абанкуръ, двадцать три офицера изъ полка Камбрезиса, девять буржуа и ремесленниковъ изъ Перпиньяна, облыжно обвиненные, будто бы они хотѣли предать городъ испанцамъ. По дорогѣ несчастные писали своимъ семействамъ и друзьямъ. Но письма ихъ

никогда не дошли до ихъ адресатовъ. Въ письмахъ этихъ видно мучительное выраженіе пережитыхъ ими чувствъ. Сознавая, что настать часъ для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ, они отдавали послѣднія распоряженія. Иные посылали послѣднее прости и слова надежды.

Монжонъ, офицеръ, пишетъ изъ Étampes 7-го сентября: „Вотъ мы и здѣсь со вчерашняго дня, дорогой дядюшка, а завтра ѣдемъ въ Версаль... Здоровье наше довольно исправно, не смотря на то, что способъ нашего путешествія весьма утомителенъ. Насъ всѣхъ пятьдесятъ три узника. Насъ утѣшаетъ въ этомъ непріятномъ переселеніи надежда быть судимыми и имѣть возможность доказать нашу невинность... Народъ считаетъ насъ виновными, потому что мы осуждены; опытъ докажетъ ему, что такой пріемъ суда несправедливъ. Жду не дождусь освобожденія, чтобы отправиться къ своей семьѣ и вознаградить себя за девять мѣсяцевъ самаго тяжкаго заточенія".

Письмо одного рабочаго-токаря, помѣченное тѣмъ же числомъ, трогательно по своей наивной формѣ: „Пишу тебѣ, дорогая женушка, чтобы сказать тебѣ, что мы на дорогѣ въ Парижъ... Прощай, женушка, не премину написать тебѣ, какъ только получу свободу, если только намъ ее дадутъ. Обнимаю васъ всѣхъ и остаюсь по гробъ твой вѣрный супругъ".

Одинъ офицеръ, родственникъ Дельфау—депутата въ Національномъ Собраніи,—обращается къ нему съ слѣдующими строками: „Насъ переводятъ въ Парижъ, любезнѣйшій кузенъ, послѣ девятимѣсячнаго тюремнаго заключенія. Большинство нашего конвоя предсказываетъ намъ, что мы будемъ зарѣзаны при вступленіи въ столицу. Не откажите выдти къ намъ навстрѣчу съ отличительными знаками вашего ранга. Имѣя васъ при себѣ, я увѣренъ, что мы укроемся отъ всѣхъ грозящихъ намъ бѣдъ... Мы стенали въ тюрьмахъ, не имѣя возможности добиться суда... Если мы попадемъ въ тюрьмы, то просимъ васъ похлопотать, чтобы насъ судили, какъ можно скорѣе. Документы по нашему процессу докажутъ нелѣпость относительно намѣреній, въ какихъ насъ заподозрили. Не забудьте же придти, какъ я васъ прошу, дорогой мой кузенъ".

Тщетная надежда на справедливость и законность, которая вскорѣ оказалась обманутой.

Одинъ молодой человѣкъ, также офицеръ, по имени Пугре де-Ла-Блиньеръ, поддался своей страсти и увлекъ одну дѣвушку. Онъ признавался въ томъ въ письмѣ своимъ родителямъ, поручая имъ ту, которую оставлялъ безъ поддержки.

„Мнѣ остается жить немного часовъ, самое бо́льшее—три дня. И потому съ даннаго часа опускаю занавѣсъ между міромъ и собою. Вижу передъ собою однѣ мученія, какія меня ожидаютъ. Имѣю право говорить лишь о томъ отчетѣ, какой дамъ Богу въ дѣлахъ моихъ... У Всевышняго, если Онъ будетъ ко мнѣ милосердъ, стану просить я для васъ благословенія и милости. Да ниспошлетъ Онъ вамъ столько дней, сколько вы въ состояніи будете дѣлать добро вашимъ ближнимъ, а затѣмъ да воздастъ Онъ вамъ счастіе въ другой жизни“.

Вотъ еще письмо судьи къ одному изъ его друзей. Это настоящее письмо узника, предвидящаго свою кончину. Послѣ просьбы о дѣлахъ, которыя должны быть переданы его женѣ, онъ прибавляетъ: „Мы отправляемся въ Парижъ; ты можешь себѣ представить, что мы, конечно, не доберемся до тюремъ. Прощай же въ послѣдній разъ. Молись за меня“.

Транспортъ прибылъ въ Версаль черезъ улицу des Chantiers, затѣмъ направился по avenue de Paris, черезъ площадь d'Armes и улицу de la Surintendance, посреди толпы, скорѣе любопытной, нежели враждебной. Версальскій мэръ Ришо, проявившій величайшее мужество, охраняя узниковъ, сопровождалъ повозки и предшествовалъ имъ. Едва успѣлъ онъ миновать рѣшетку оранжереи по дорогѣ въ Сенъ-Сиръ, какъ ему доложили, что повозки остановлены. Рѣшетка была заперта, отдѣливъ Ришо и его коней отъ мятежниковъ, чтобы облегчить рѣзню, предрѣшенную заранѣе. Ришо вернулся, бросился къ повозкамъ, и, открывъ рѣшетку, сталъ умолять офицеровъ и солдатъ придти на помощь узникамъ. Мольбы его остались безъ отвѣта. Его оттащили насильно, чтобы спасти самого; но онъ рвался съ опасностью собственной жизни защитить жертвы, которымъ предстояла смерть. Онъ упалъ въ обморокъ, его унесли, послѣ чего онъ вернулся лишь для того, чтобы увидать совершившееся преступленіе, которому онъ старался помѣшать. Девять узниковъ бѣжали, сорокъ четыре—были убиты, въ присутствіи тысячи пятисотъ вооруженныхъ людей, сдѣлавшихся сообщниками въ убійствахъ, совершеніе коихъ они хладнокровно допустили на своихъ глазахъ.

Убійцы ограбили убитыхъ, удержавъ себѣ то, что имъ было пригодно, и сложивъ остальное на бюро муниципалитета. Затѣмъ они направились къ тюрьмѣ, гдѣ избіеніемъ двадцати шести узниковъ завершили этотъ кровавый день. Кавеньякъ, членъ главнаго Совѣта и Совѣта Коммуны 10 августа, писалъ одному изъ своихъ пріятелей 19-го плювіоза III года:

„Не могу дать тебѣ положительныхъ свѣдѣній въ отвѣтъ на твою просьбу. Насколько мнѣ извѣстно, и что явствуетъ изъ различныхъ донесеній, занесенныхъ въ списокъ счетовъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ 1793 года, отъ Орлеанскихъ узниковъ досталось много очень цѣнныхъ вещей... Могу тебѣ еще сказать, *что многіе люди, имена которыхъ, надѣюсь, обнаружатся впослѣдствіи, лихо обогатились наслѣдствомъ послѣ Орлеанскихъ узниковъ*“ [1]).

И все это цѣною крови!

Когда Фурнье-„Американецъ“ доложилъ Дантону объ избіеніи Орлеанскихъ узниковъ въ Версалѣ, Дантонъ поздравилъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Тотъ, кто благодаритъ васъ, это не министръ правосудія, а министръ народа“ [2]).

III.

Сентябрскія убійства составляютъ лишь эпизодъ изъ революціонныхъ убійствъ. Казни, разстрѣливанія,—по распоряженію революціонныхъ коммиссій въ Ліонѣ, Тулонѣ, Анжу, Бретани, Вандеѣ—имѣли характеръ настоящей рѣзни.

Въ Ліонѣ тысячу шестьсотъ восемьдесятъ два убійства были признаны оффиціально и состоялись въ періодъ пяти мѣсяцевъ. Одинъ изъ приближенныхъ Робеспьера довелъ цифру ихъ до шести тысячъ. Разстрѣляны были восемьсотъ тулонцевъ; въ теченіе трехъ мѣсяцевъ казнили тысяча восемьсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ насчитывали одиннадцать молодыхъ женщинъ и одного 94-лѣтняго старика. Населеніе въ двадцать восемь тысячъ жителей сократилось до шести или семи тысячъ [3]).

Однимъ изъ наиболѣе гнусныхъ было избіеніе семидесяти пяти молодыхъ людей въ Ліонѣ, 4 декабря 1793 г., два мѣсяца спустя послѣ взятія города. Ихъ помѣстили на равнинѣ Бротто передъ жерломъ пушки, которая должна была на глазахъ зрителей разметать ихъ члены. Два рва, вырытыхъ заранѣе, указывали мѣсто, назначенное для погребенія ихъ труповъ, шпалеры солдатъ не допускали побѣговъ несчастныхъ, которые вздумали-бы перебраться черезъ роковую преграду. Скованные узники были разставлены попарно. Пока происходили приготовленія къ ихъ смерти, они распѣвали отходную. Одинъ

---

[1]) Мортимеръ-Терно, „Histoire de la Terreur“, III, 399.
[2]) „Histoire de la Terreur“, III, 398.
[3]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 50, 51.

залпъ настигъ ихъ, когда они повторяли ее вторично, но этимъ залпомъ удалось убить лишь меньшинство. Солдаты прикончили ихъ сабельными ударами при стонахъ и крикахъ жертвъ [1]).

Послѣ осады Анжера и пораженія Мана истреблено было до двухъ сотъ человѣкъ сразу, причемъ тѣла тѣхъ, которыя еще дышали, бросались въ Луару. Казнили десятилѣтнихъ дѣтей и идіотовъ. Можно безъ преувеличенія насчитать до десяти тысячъ восьми сотъ восьмидесяти жертвъ, погибшихъ въ этихъ гекатомбахъ—Анжерѣ, Ponts-de-Cé, Сомюрѣ, Дуэ, Сабле и Шемилье,—на гильотинѣ или же отъ разстрѣлянія, не считая убитыхъ въ Вандеѣ, съ оружіемъ въ рукахъ [2]).

Еще одинъ ужасный фактъ, которому нельзя было-бы повѣрить, если бы онъ не былъ засвидѣтельствованъ достовѣрными разсказами,—нѣкій полковой штабъ-лѣкарь 4-го батальона республиканской арміи приказалъ содрать кожу съ тридцати двухъ труповъ, и кожа эта была отправлена къ кожевнику [3]).

Огульныя потопленія вызвали ужасъ, навлекшій проклятіе потомства на имя Карье. Сколько жертвъ тутъ погибло? Мишле насчитываетъ число ихъ до двухъ тысячъ или двухъ тысячъ восьмисотъ. По словамъ Берріа-Сенъ-При, число ихъ равнялось тысячѣ восьмистамъ семидесяти. Альфредъ Лаллье,—авторъ одной книги, полной серьезныхъ изысканій по этому предмету, — самою вѣроятною цифрою признаетъ четыре тысячи восемьсотъ шестьдесятъ человѣкъ [4]).

Онъ относитъ къ легендѣ эти республиканскіе браки, которые къ ужасу казни прибавили-бы еще поруганіе нравственности. Нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ подобной чудовищности, можетъ быть, и были, но они составляли лишь исключенія, а не общепринятую мѣру. На памяти Карье и его сообщниковъ тяготѣетъ достаточно преступленій, и потому нѣтъ никакой надобности приписывать имъ тѣ, какихъ они и не совершали.

Потопленія были описаны въ одномъ разсказѣ, напечатанномъ въ „*Orateur du peuple*“, въ номерахъ отъ 3 и 6 брюмера III года. Въ этомъ разсказѣ, появившемся во время

---

[1]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements“, III, 137.

[2]) Камиллъ Бурсье, „Essai sur la Terreur en Anjou“, 2 изд., гл. V и X.

[3]) Ibid, гл. V. Нѣкоторыя чудовища, по примѣру Сенъ-Жюста,— говоритъ членъ Конвента Арманъ (изъ Meuse),—занимались изысканіемъ средствъ для утилизированія трупной кожи, съ тѣмъ, чтобы пустить ее въ продажу. *И этотъ фактъ достовѣренъ.* (Анекдоты, относящіеся къ французской Революціи).

[4]) „Les noyades de Nantes“, 2 изд., 1879, стр. 90.

процесса Карье, приведены подробности этихъ ужасныхъ разрушеній человѣческой жизни, причемъ, для уничтоженія узниковъ, прибѣгали къ слѣдующему пріему [1]):

„Они связывались попарно, рука съ рукой, кисть съ кистью. Имъ приказывали становиться гуськомъ, однимъ за другими, причемъ вереница ихъ вытягивалась впередъ все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ сводили новыхъ узниковъ. Самое положеніе ихъ представляло уже пытку, для связанныхъ первыми длившуюся по пяти часовъ. Приходилось все время имѣть передъ глазами грустныя жертвы варварства Карье. Несмотря на казавшуюся поспѣшность палачей, старанія ихъ устроить эти путы, какъ они того желали, замедляли адскую операцію. Самъ страшный Фуке явился осматривать ряды, чтобы надвязать еще новыя путы или же покрѣпче затянуть тѣ, которыя недостаточно еще врѣзывались въ мясо на смерть осужденныхъ преступниковъ. Одинъ изъ нихъ оказался затянутымъ такъ сильно, что одна изъ венъ лопнула у него на кисти руки, причемъ кровь брызнула струей.

„Увидѣвъ это, какой-то гардистъ, безмолвный свидѣтель этихъ ужасовъ,—не въ силахъ былъ сдержать своихъ слезъ, воскликнулъ: „Боже мой! до чего это жестоко!“

„Къ нему немедленно подскочилъ одинъ изъ лютыхъ палачей, крикнувъ ему съ яростью: „Исполняй свои обязанности, негодяй!.. Если ты скажешь хоть еще слово, я сейчасъ тебя вздерну!“

„Вереница увеличивалась съ каждой минутой. Наконецъ она такъ растянулась, что заняла весь путь отъ Entrepôt вплоть до Sanitat, гдѣ собственно и производилась нагрузка судна. Согласно донесенію одного изъ самихъ лицедѣевъ по утопленію, въ эту ночь назначено было загубить слишкомъ тысячу человѣкъ. Они представляли собою смѣсь всевозможнаго рода людей: одни были истощены нищетой и болѣзнью, другіе, не смотря на всѣ ужасы своей участи, сохраняли еще бодрый, здоровый видъ. Тутъ были купцы, фермеры, земледѣльцы и масса фабричныхъ рабочихъ изъ Шоле. Невозможно представить себѣ болѣе чудовищной картины. Темнота почи еще болѣе усиливала ея ужасъ. У этихъ людоѣдовъ не было иного освѣщенія, кромѣ нѣсколькихъ свѣчей, которыя они держали въ рукахъ, да и то въ большинствѣ безъ подсвѣчниковъ. Не

[1]) „Les noyades de Nantes“, стр. 55 и слѣд.

было никакой надобности слѣдить за узниками, — они, какъ вкопанные, стояли, каждый въ своемъ ряду, не издавая ни звука ропота, кромѣ стоновъ, вырывавшихся у нихъ отъ страданій. Мы видѣли такихъ, которые, выйдя изъ Entrepôt, гдѣ ихъ предварительно связывали, сами становились въ вереницу, долгое время спустя послѣ начала нагрузки корабля. Каждый разъ, когда лиходѣи проходили мимо нихъ, они умоляли ослабить ихъ путы, но все было напрасно.

„Нѣкоторые заливались слезами; другіе, напротивъ того, бодрились, посмѣивались и утѣшали своихъ товарищей, успокоивая ихъ, что въ дорогѣ имъ, навѣрное, дадутъ болѣе свободы. Имъ дали понять, что отсылаютъ ихъ въ замокъ д'О, отстоявшій въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Нанта, гдѣ имъ придется работатъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не отправятъ, однихъ—въ Брестъ, другихъ—къ границамъ, гдѣ они будутъ включены въ республиканскія арміи. Многіе, казалось, этимъ были очень довольны. Большинство-же, напуганное видомъ злодѣевъ, взявшихся за утопленіе людей, и печальнымъ и загадочнымъ видомъ стражниковъ,—почти всѣ они плакали,—казалось убитымъ, встревоженнымъ съ неотступной мыслью о смерти.

„Вслѣдъ за жестокой операціей сковыванія, узникамъ предстояло перенести еще другую. Надо было произвести обыскъ, прежде чѣмъ размѣстить ихъ въ лодки, что и было исполнено тѣми же извергами, которые ихъ связывали. Они набросились на этихъ несчастныхъ со всѣмъ звѣрствомъ убійцъ и со всей презрѣнной стремительностью необузданной алчности. Они рвали галстуки, пояса, шарили по карманамъ, за пазухой... Всѣ вещи гнусной добычи сброшены были внизъ на набережную, затѣмъ снова сложены въ большія корзины.

„Видъ этой добычи, казалось, еще болѣе разжигалъ ихъ ярость. Они пренебрегали воплями, слезами, трогательными мольбами тѣхъ, кого обирали, присоединяя къ самому варварскому обращенію ругательства и ужаснѣйшія угрозы. Они толкали узниковъ насильно, заставляя входить ихъ въ лодки, гдѣ тѣхъ ожидали новые палачи, которые связывали ихъ, нагружая ими корабли.

„Чтобы добраться до этихъ лодокъ приходилось проходить по мосту, устроенному изъ двухъ досокъ, положенныхъ наискось на другія лодки стоявшія впереди ихъ на рейдѣ. Посреди этого моста находился перевощикъ, который при проходѣ уз-

никовъ мимо него, срывалъ съ нихъ ихъ шапки и шляпы. Онъ устроилъ въ своей лодкѣ новую груду добычи, ускользнувшей отъ прожорливости палачей въ шарфахъ“.

Одинъ очевидецъ приводитъ о потопленіяхъ слѣдующія подробности, дополняющія этотъ разсказъ:

„Двѣ *габары*, нагруженныя людьми, остановились въ одномъ мѣстѣ, называвшемся Praine-au-Duc. Тамъ я и мои товарищи были свидѣтелями самой ужасной рѣзни, какую только можно себѣ представить. Слишкомъ восемьсотъ человѣкъ всѣхъ возрастовъ и половъ безчеловѣчно были утоплены и изрѣзаны въ куски. Мнѣ довелось слышать, какъ Фуке и его сателлиты упрекали нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей, якобы они плохо владѣли саблей, причемъ Фуке самъ лично показалъ, какъ именно слѣдовало браться за это дѣло. Габары не довольно быстро шли ко дну, и вотъ по тѣмъ, которыя оставались поверхъ воды, данъ былъ ружейный залпъ. Ужасные вопли несчастныхъ жертвъ только еще болѣе раззадоривали ихъ палачей. Мужчины и женщины, до чиста обобранные передъ своей кончиной, были взаимными свидѣтелями, какъ съ нихъ срывали все платье, надѣтое на нихъ, не оставляя имъ ни клочка одежды, „и чему не легко повѣрить,—прибавляетъ очевидецъ, — обобравшіе ихъ такимъ образомъ, на другое же утро продавали эту добычу тому, кто больше давалъ“ [1]).

Потопленія, совершавшіяся вначалѣ по ночамъ, стали за тѣмъ производиться среди бѣла дня и возобновлялись въ теченіе двухъ мѣсяцевъ [2]).

Не легко вспоминать столько варварскихъ дѣяній и отталкивающихъ сценъ. Но они относятся къ исторіи Революціи. Тщетно было бы накидывать на нихъ завѣсу, которой ихъ не укроешь. Не будемъ останавливать нашего взора на этихъ явленіяхъ, преисполненныхъ ужаса. Будемъ также остерегаться и отворачиваться отъ нихъ, чтобы не внушить снисходительности къ эпохѣ преступленій.

Если и не всегда осмѣливаются оправдывать чудовищъ, повидимому, ничего не имѣющихъ общаго съ человѣчествомъ, то существуютъ на свѣтѣ умы, слишкомъ склонные отдѣлять превратныя доктрины отъ палачей ихъ породившихъ.

Умирая, Мирабо предвидѣлъ часть зла, которому содѣйствовало его пламенное краснорѣчіе, но онъ, быть можетъ,

---

[1]) Показанія де-Вэлли.—„Les noyades de Nantes“, A. Лаллie, стр. 49.

[2]) Ихъ было одиннадцать явныхъ до 12-го плювіоза II-го года и еще другія, для которыхъ нельзя установить цифру жертвъ.

не предвидѣлъ Карье. Сіейесъ, требуя возстановленія полновластія для третьяго сословія, и не воображалъ, что оно будетъ немедленно уничтожено вслѣдъ за своимъ провозглашеніемъ, уступивъ мѣсто якобинской тираніи. Національное Собраніе, народившееся изъ мятежной власти, затормазившей великое реформаторское и либеральное движеніе 1789 г. въ пользу демагогіи 1793 г.,—не замѣтило скрывавшихся въ тѣни Робеспьера и Марата. Члены Законодательнаго Собранія не думали, что готовятъ дѣло Конвента. Но слѣпыя страсти, непредусмотрительность и слабость не въ силахъ помѣшать неумолимой логикѣ идей и событій. И если бы прорвали всѣ плотины, сооруженныя для защиты соціальнаго строя,—ничто не могло бы удержать разлитія кровавой рѣки. Первые зачинщики Революціи проторили дорогу великимъ преступникамъ, за которыми они отказались слѣдовать, а между тѣмъ, разрушеніе, произведенное ихъ руками, и сдѣлало возможнымъ наступленіе Террора.

Глава VII.

Жертвы Революціи изъ народа.

I.

Воспоминаніе о великихъ преступленіяхъ Революціи неизгладимо запечатлѣлось у всѣхъ. Не говоря уже о тѣхъ, которыхъ мученичество украсило вторымъ вѣнцомъ, — особенно памятными являются имена людей, славившихся знаменитостью рода, сановитостью, добродѣтелями духовнаго чина, и которыхъ незаслуженная казнь увѣнчала славнымъ безсмертіемъ.

Сколько разъ указывались жертвы, загубленныя въ рядахъ аристократовъ и духовенства. И какъ рѣдко упоминается, что жертвы эти, многочисленныя въ буржуазіи, были еще многочисленнѣе въ рядахъ народа.

По словамъ революціоннаго писателя Прюдомма [1]), цифра казней достигаетъ 18.630; цифра жертвъ въ проконсульство Карръе—до тридцати двухъ тысячъ. Онъ насчитываетъ до девятисотъ тридцати семи тысячъ человѣкъ умершихъ въ Вандейскихъ войнахъ, что въ общемъ составляетъ сумму въ милліонъ восемнадцать тысячъ семьсотъ тринадцать человѣкъ. Въ числа эти не входятъ ни сентябрскія убійства, ни Тулонскія и Марсельскія разстрѣливанія. Впрочемъ, вычисленія Прюдомма не отличаются безусловной точностью, нѣкоторыя изъ нихъ выше дѣйствительной цифры. По свидѣтельству Тэна [2]), общая цифра смертности во всѣхъ одиннадцати западныхъ департаментахъ отнюдь не превышала пятисотъ тысячъ человѣкъ. Мортимеръ-Терно приводитъ цифру въ тысячу триста шестьдесятъ восемь человѣкъ, погибшихъ во время сентябрскихъ убійствъ въ одномъ Парижѣ.

---

1) Авторъ „Révolutions de Paris“ и „Histoire des crimes de la Révolution“.
2) „La Révolution“, III, 388.

Кампардонъ насчитываетъ двѣ тысячи семьсотъ двадцать восемь смертныхъ приговоровъ, произнесенныхъ Парижскимъ Революціоннымъ судомъ [1]), причемъ семнадцати тысячное число убійствъ и казней въ провинціи, списокъ коихъ былъ сдѣланъ Беріа-Сенъ-При [2]), оказывается ниже полнаго комплекта. Общая сумма достигаетъ пятисотъ двадцати тысячъ девяносто шести человѣкъ. Но мы далеки еще отъ милліона, насчитаннаго Прюдоммомъ. Но, за недостаткомъ цифровыхъ данныхъ, мы не считали ни всѣхъ казней, произведенныхъ революціонными судами и военными коммиссіями въ департаментахъ, ни сентябрскихъ убійствъ въ провинціи, ни жертвъ 10-го августа. Общая цифра убійствъ, начавшихся съ 1789 года, быть можетъ, нисколько не меньше милліона. Леонсъ-де-Лавернь [3]) насчитываетъ до милліона французовъ, павшихъ во время войны отъ 1792 до 1800 года. Цифра умершихъ отъ крайней нищеты во время революціоннаго періода значительно превышаетъ милліонъ, согласно вычисленіямъ Тэна [4]).

Такимъ образомъ выходитъ, что Революція стоила около трехъ милліоновъ жизней. Такова страшная цифра, являющаяся въ результатѣ всѣхъ этихъ статистическихъ свѣдѣній.

Въ 1789 г. аристократическихъ семей во всей Франціи насчитывалось около двадцати шести тысячъ. Изъ нихъ многія эмигрировали во время Революціи, а въ убійствахъ и казняхъ онѣ фигурировали лишь сравнительно не крупной цифрой.

Нельзя не поразиться пропорціей простолюдиновъ въ спискахъ осужденныхъ на смерть и погибшихъ во время рѣзни. Статистическія данныя Прюдомма указываютъ тысячу двѣсти семьдесятъ восемь дворянъ, на тринадцать тысячъ шестьсотъ тридцать три человѣка изъ различныхъ сословій, не принадлежащихъ къ дворянству.

Въ Вандейскихъ войнахъ сражавшійся народъ далъ наибольшее число смертности.

Гарнье де-Кассаньякъ напечаталъ похоронные списки жертвъ сентябрскихъ убійствъ, составленные по городскимъ и полицейскимъ архивамъ. Въ числѣ лицъ, не достигшихъ восемнадцатилѣтняго возраста, находимъ слѣдующія имена: Овраръ-Бернаръ, чулочный мастеръ, по ремеслу.—Бидо, пер-

---

[1]) „Le tribunal révolutionnaire de Paris“, II, 224.
[2]) „La justice révolutionnaire“, стр. 23 и 24.
[3]) „Économie rurale de la France depuis 1789“, стр. 38.
[4]) „La Révolution“, III, 545 прим. 2.

гаментщикъ.—Камюзе, подмастерье столяра.—Шарбонье, коммиссіонеръ. — Шарль-Кокамбрэй, переплетчикъ. — Кампіонъ, фабрикантъ одѣялъ. — Кокель, разнощикъ газетъ.—Далмонъ, коммиссіонеръ.—Діо, обойный печатникъ.—Дюбуа, пастухъ.—Дюбрай, ленточный торговецъ.—Галлуа, мостильщикъ.—Жофруа, шляпочникъ.—Жервилле, прозванный Руссо, ремесленникъ.—Гансбергъ, коробейникъ.—Гюасъ, разнощикъ-торговецъ.—Гюре, коммиссіонеръ.—Лаландъ, продавецъ тросточекъ.—Леблонъ, лакей.—Лефевръ.—Лелупъ, разнощикъ печатныхъ листковъ.—Ленуаръ, мясникъ—Леруа, коммиссіонеръ.—Лорей, подмастерье чулочника.—Мераръ, поденщикъ.—Міале, коммиссіонеръ. — Миртиль, парикмахеръ. — Молле, разнощикъ печатныхъ листковъ.—Монтиньяръ, коммиссіонеръ.—Монвуазенъ, винодѣлъ.—Морель, переплетчикъ.—Мюлль, коммиссіонеръ.—Павилле, разнощикъ печатныхъ листковъ.—Пети, садовникъ.—Пьеръ, торговецъ кроликовыми шкурками.—Пипонъ, садовникъ.—Плантье, пуговочникъ.—Руссо, обойный печатникъ.—Сентъ-Андре, портной.—Сушаръ, разнощикъ печатныхъ листковъ.—Варенъ, подмастерье шляпника [1]).

Пробѣгая *списокъ гильотинированныхъ*,—обнимающій собою десять нумеровъ, о которыхъ я имѣлъ уже случай упомянуть,—усматриваемъ, что гильотина загубила шестьсотъ аристократовъ, т. е. менѣе четверти общей цифры жертвъ, гдѣ фигурируютъ: сто двѣнадцать лицъ судебнаго вѣдомства, сто офицеровъ, семьдесятъ солдатъ, двадцать пять врачей, шестьнадцать писателей, двѣсти купцовъ, въ томъ числѣ пятнадцать типографщиковъ, тридцать старьевщиковъ, двадцать два виноторговца, шестнадцать бакалейщиковъ, семьдесятъ шесть лакеевъ, сто тридцать рабочихъ, двадцать три парикмахера, двадцать девять портныхъ и портнихъ и т. д.

Подъ 2.584 номеромъ этого списка читаемъ: „Т. Ж. Дервиньи, девяносто трехъ лѣтъ, бакалейщикъ изъ улицы Муффетаръ“.

Какое преступленіе могъ совершить этотъ бакалейщикъ? Девяностотрехлѣтній возрастъ его долженъ былъ служить порукой въ безопасности его для Республики.

Въ двухъ департаментахъ Cantal и Puy-de-Dôme—на 179 гильотинированныхъ находимъ 67 буржуа и людей изъ народа, и 71 аристократа [2]).

---

[1]) „Histoire des girondins et des massacres de septembre“.—Мортимеръ-Терно, „Histoire de la Terreur“, III, 295.

[2]) „Les tribunaux criminels et la justice révolutionnaire en Auvergne“, Марселлена Буде.

По списку трехсотъ лицъ, казненныхъ въ Аррасѣ, — насчитываютъ сто шестнадцать простолюдиновъ, съ указаніемъ ихъ профессій. Это были купцы, мѣдники, точильщики, башмачники, чулочные фабриканты, кабатчики, столяры, каменьщики, плотники, боцмана, ткачи, виноторговцы и табачники, прислуга, фермеры, землепашцы, полевые рабочіе и т. п. Пять мѣдниковъ, по имени Арналь, изъ одной и той же семьи, значатся въ этомъ спискѣ, гдѣ встрѣчаются также имена священниковъ, нотаріусовъ и докторовъ, но аристократическихъ именъ въ немъ внесено весьма немного.

Списокъ девяносто двухъ женщинъ заключаетъ въ себѣ двадцать семь простолюдинокъ, съ указаніемъ ихъ профессій: служанки, кружевницы, гладильщицы, бѣлошвейки, торговки, одна продавщица, ключницы, служанки, одна повивальная бабка, одна кухарка [1]).

Въ нижнемъ Лимузенѣ, въ Узершѣ,—на все число жертвъ приходится двѣ трети буржуа и землепашцевъ [2]).

На триста четырнадцать казней въ Бордо насчитываютъ всего сорокъ три аристократическихъ фамиліи [3]).

17-го іюля 1793 года въ Бокэрѣ судились и были присуждены къ смертной казни тридцать одинъ обвиненный. Достаточно перечислить ихъ имена, чтобы показать, насколько классъ народа не щадился тѣми, которые претендовали быть его друзьями.

Жакъ Отаръ—отецъ, носильщикъ, шестидесяти лѣтъ.— Поль Батэлье, волонтеръ, двадцати четырехъ лѣтъ.—Никола Бернаръ, морякъ, двадцати шести лѣтъ.—Этьеннь Шардонъ, торговецъ кожами, двадцати трехъ лѣтъ.—Ж. Куле, жандармъ, сорока лѣтъ.—Баптистъ Далакъ, маляръ, двадцати четырехъ лѣтъ.—Пьерръ Данлакъ, эксъ-аббатъ, тридцати трехъ лѣтъ.— Клодъ Дассакъ, кожевникъ, пятидесяти лѣтъ.—Клодъ Дассакъ младшій, торговецъ, тридцати восьми лѣтъ.— П. Жозефъ Деганъ, торговецъ, двадцати шести лѣтъ.—Кл. Домергъ, землевладѣлецъ, шестидесяти лѣтъ.—Пьерръ Фусса, бывшій приказщикъ, двадцати четырехъ лѣтъ.—Жакъ Моро, серебряникъ, сорока семи лѣтъ.—Фр. Ипполитъ Муре, торговый коммиссіонеръ, двадцати восьми лѣтъ.—Ант. Пелопъ, архитекторъ, двадцати

---

[1]) „Histoire de Jean le Bon et des tribunaux révolutionnaires d'Arras et de Cambrai", А. Ж. Пари, стр. 644, 649.

[2]) „Scènes et portraits de la Révolution dans le bas Limousin", графа де-Сейлака, стр. 496.

[3]) „Bordeaux sous le régime de la Terreur", 1849, in—12, стр. 13.

восьми лѣтъ.—Пьеръ, булочникъ, тридцати восьми лѣтъ.—Т. Пейронъ, каменщикъ, двадцати одного года. — Ж. Пиле, не имѣющій опредѣленныхъ занятій, сорока шести лѣтъ.—Ж. Платонъ, столяръ, тридцати пяти лѣтъ.—Оноре Гюйо, хлѣботорговецъ, двадцати пяти лѣтъ.—Т. П. Ріё, каретникъ.—Ж. Рувьеръ, парикмахеръ, двадцати девяти лѣтъ.—Жозефъ Дом. Сованъ, бывшій стряпчій, пятидесяти четырехъ лѣтъ.—Ж. Б. Симонъ, мясникъ, тридцати шести лѣтъ.—Александръ Барт. Сюккаръ, шестидесяти девяти лѣтъ.—Ж. Б. Труба, хирургъ, пятидесяти двухъ лѣтъ.—Маренъ Верне, ткачъ, тридцати лѣтъ.—Альф. Кониль.—Ж. Б. Патронъ—Ж. Аллекъ, сорока двухъ лѣтъ.—Андре-Антуанъ Тайлльянъ, тридцати двухъ лѣтъ [1]).

„Къ простонародью, преслѣдовавшемуся по общественнымъ мотивамъ, прибавьте,—говорилъ Тэнъ,—простонародье, преслѣдовавшееся по частнымъ мотивамъ: между крестьянами одной и той же деревни, между работниками, занимающимися одинаковымъ ремесломъ, между лавочниками одного и того же квартала всегда есть зависть, вражда, злопамятство. Тѣ изъ нихъ, которые, будучи якобинцами, сдѣлались пашами у себя и на площади, могли безнаказанно удовлетворять своей мѣстной зависти или личному озлобленію, что́ они и дѣлали.

„Вотъ почему въ спискахъ гильотинированныхъ узниковъ и эмигрантовъ такъ громадно число мужчинъ и женщинъ низшаго сословія. Число это превышаетъ цифры сотоварищей ихъ изъ высшаго и средняго класса, вмѣстѣ взятыхъ.

„На двѣнадцать тысячъ осужденныхъ на смерть, званіе и занятіе которыхъ указано, насчитываютъ семь тысячъ пятьсотъ сорокъ пять крестьянъ, землепашцевъ, рабочихъ различныхъ сословій, кабатчиковъ и виноторговцевъ, солдатъ и матросовъ, прислуги, дочерей и женъ ремесленниковъ, служанокъ и швей.

„Изъ девятнадцати тысячъ Дубскихъ эмигрантовъ, слишкомъ одиннадцать тысячъ принадлежитъ къ простому народу. Около апрѣля 1794 г. всѣ французскія тюрьмы заполнились землепашцами. Въ однихъ парижскихъ тюрьмахъ, за два мѣсяца передъ 9-мъ термидора, таковыхъ было двѣ тысячи. Не говоря уже объ одиннадцати западныхъ департаментахъ, гдѣ были опустошены отъ четырехсотъ до пятисотъ квадратныхъ миль,

---

[1]) Валлонъ „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements“, II, 467, прим. 3.

гдѣ были уничтожены двадцать городовъ и тысяча восемьсотъ деревень, гдѣ открытой цѣлью якобинской политики было систематическое и огульное уничтоженіе страны, животныхъ и людей, зданій, жатвы, пашенъ, вплоть до деревьевъ. Были уѣзды и даже цѣлыя провинціи, гдѣ арестовывалось или бѣжало все сельское и рабочее населеніе.

„Короче сказать, дѣло Революціи являетъ собою *темную рубку*, проведенную какъ по лѣсосѣку, такъ и по высокому лѣсу, при которой нерѣдко расчищали и срѣзали до самыхъ низенькихъ кустарниковъ“ [1]).

Были примѣры обвиненія въ „аристократизмѣ“ людей самыхъ скромныхъ профессій и самаго темнаго происхожденія.

Въ Страсбургѣ, въ 1794 г., въ Наблюдательный Комитетъ генераломъ Діешемъ, ярымъ якобинцемъ, посланы были списки подозрительныхъ, гдѣ говорилось:

„Жена гражданина Бетшъ, трубочиста, уже подвергшаяся аресту, какъ личность, извѣстная своимъ аристократизмомъ и фанатизмомъ. — Ридлингъ, булочникъ, аристократъ, произносившій контръ-революціонныя рѣчи.—Швейнгаузеръ, рыбакъ, и жена его, повивальная бабка, аристократы и фанатики. — Вилемъ, виноторговецъ, аристократъ и фанатикъ.—Кіефферъ, пивоваръ, аристократъ и фанатикъ“ [2]).

Многіе поденщики и простолюдинки арестовались точно такимъ же образомъ.

Одинъ башмачникъ былъ аттестованъ какъ всегдашній аристократъ. Подобная же аттестація дана была нѣкоему бочару, одному торговцу требухой, какъ людямъ „весьма непатріотичнымъ, ни разу не проявившимъ преданности своей къ Революціи“, одному каменщику „ни разу не засвидѣтельствовавшему своего патріотизма“, и цѣлой толпѣ торговокъ и работницъ различныхъ разрядовъ [3]).

Торговцы, рабочіе, крестьяне находили, что дѣла шли неважно. Многіе не могли равнодушно смотрѣть, какъ гильотинировали богачей, которые давали имъ кусокъ хлѣба. Они съ недостаточной горячностью приняли культъ разума, который долженъ былъ замѣнить вѣрованія, внушенныя имъ съ колыбели. Патріотическимъ празднествамъ не удалось осушить слезы бѣдняковъ и утѣшить огорченныхъ. Горе тѣмъ, которые

---

[1]) „La Révolution“, III, 434, 436.
[2]) Валлонъ, „Les représéntants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements“, IV, 383.
[3]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 433.

выказывали свое недовольство или выдавали его своими жестами или выраженіемъ лица! Съ того момента они переставали уже быть „патріотами", становились „контръ-революціонерами" и сожалѣли о старомъ режимѣ. Не было никакого сомнѣнія, что они должны были составлять заговоры для возстановленія королевской власти и ниспровер женія порядка, который имѣетъ осчастливить народъ помимо его желанія.

„Народъ, — читаемъ въ одномъ донесеніи, написанномъ 6-го нивоза II-го года, однимъ якобинцемъ, не особенно сильнымъ въ орѳографіи,—народъ жалуется (ce plain), что имѣется еще нѣсколько заговорщиковъ внутри страны, а именно мясники и булочники, въ особенности же первые, отличающіеся несноснымъ аристократизмомъ (qui son d'une aristocratie insupportable)" [1]).

Жертвами воровства и хищеній, производившимися надъ всѣми субъектами, являлись не только узники и присужденные къ смертной казни. Революція нападала на всѣхъ собственниковъ. Когда имущества настоящихъ аристократовъ были конфискованы, революціонная алчность тѣмъ тяжелѣе обрушилась на богачей и людей зажиточныхъ, несмотря ни на какую темноту ихъ происхожденія и низменность сословія.

Одного поденщика арестовали, какъ подозрительнаго, за то, что, согласно подлиннымъ выраженіямъ его тюремнаго протокола, онъ имѣетъ достатокъ" [2]).

Въ Эльзасскихъ деревняхъ арестовали шестерыхъ или семерыхъ наиболѣе зажиточныхъ обывателей.

Одинъ революціонный коммиссаръ наивно пишетъ: „я, нижеподписавшійся, объявляю, что, по приказанію гражданина Клауэра, кантональнаго коммиссара, доставилъ въ Страсбургъ семерыхъ богатѣйшихъ жителей Обершеффольсгейма, самъ не знаю за что" [3]).

Костюмъ также являлся признакомъ аристократизма, если въ немъ обнаруживался достатокъ или даже только нѣкоторая изысканность. Хорошо одѣтые считались аристократами [4]). Нѣсколько паръ платья обличало недостатокъ патріотизма. Полагалось считать уже большимъ благополучіемъ, когда кто располагалъ и одной парой.

---

[1]) Шмидтъ, „Tableau de la Révolution française", II, 19. Донесенія Пурвуаёра. — Тэнъ, III, 432, прим. 3.

[2]) Тэнъ, III, 432.

[3]) Ibid.

[4]) „Un séjour en France de 1792 à 1795", стр. 43. — Больё, „Essais" V, 281. —Тэнъ, III, 430.

„Было обнародовано, что всякій, имѣющій два платья, обязанъ одно доставить въ свой отдѣлъ, чтобы могли надѣть его на какого нибудь добраго республиканца и упрочить царство равенства“ [1]). Купцы считались аристократами, ибо торговля ведетъ къ богатству. Въ Бордо были казни по обвиненію въ „торговлѣ“. Дантонъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, обличалъ „купеческую аристократію“ Марселя. „Мы должны, — говорилъ онъ,—явить себя не менѣе жестокими по отношенію къ купцамъ, чѣмъ и относительно аристократовъ и священниковъ“ [2]).

„Завтра, — писалъ представитель Фреронъ, котораго казни приводили въ необузданно веселое настроеніе,—три негоціанта *также пропляшутъ карманіолу. На нихъ то мы и накинемся*“.

При всемъ игнорированіи народныхъ чувствъ, заключеніи преступниковъ въ тюрьму, ихъ гильотинированіи, лишеніи ихъ права голоса, имя того же народа призывалось непрестанно и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о противодѣйствіи народной волѣ, подъ видомъ приведенія ея въ исполненіе.

II.

Въ числѣ сыновъ народа, присужденныхъ къ эшафоту, попадались и такіе, которыхъ насилія Революціи выводили изъ терпѣнія, и которые, вмѣсто самозащиты отъ взведенныхъ на нихъ обвиненій, дерзали оскорблять судей своихъ безцеремонною прямотой отвѣтовъ и важной манерой держать себя. Нѣкій пятидесятилѣтній пастухъ, по имени Жанъ Лефебвръ, жившій въ Руавиллѣ, въ Нормандіи, 24 марта 1794 года, предсталъ передъ Діеппскимъ революціоннымъ судомъ, которому не удалось таки застращать его, какъ видно изъ его допроса:

Его спросили, почему онъ не носитъ кокарды.

— Я не кокардистъ.

— Вы гражданинъ?

— Это слово — одно посмѣшище. Я христіанинъ и человѣкъ крещеный, а граждане ни то, ни другое.

Его еще разъ спросили, почему на немъ не было кокарды въ моментъ его арестованія.

— Думаю, что это не велика важность. Вѣдь она не даетъ

---

[1]) Тэнъ, III, 48.
[2]) Ibid, III, 49.

куска хлѣба, поэтому я и полагалъ, что можно жить честно, какъ съ кокардой, такъ и безъ оной.

— Обращаю ваше вниманіе, что, по требованію закона всѣ французы должны имѣть кокарду.

— Законъ! Хорошъ законъ, который нарушается ежедневно; такъ какъ нѣтъ болѣе религіи, то и уничтожаютъ церкви и запрещаютъ служить обѣдню.

— Присутствовали ли вы при насажденіи дерева свободы?

— Семь или восемь, мѣсяцевъ тому назадъ, я работалъ въ Сенъ-Жюстѣ, гдѣ сажали дерево свободы. Я находился при этомъ, вмѣстѣ съ другими, а иныхъ насажденій никакихъ болѣе не видалъ.

— Кричали ли вы „Vive la République?“

— Я никогда не кричалъ этого.

— Хорошій ли вы гражданинъ, хорошій ли вы республиканецъ?

— Я хорошій гражданинъ въ духѣ того закона, въ которомъ всѣ мы были воспитаны, а сюда попалъ также, какъ и всѣ остальные [1]).

Нечего прибавлять, что онъ былъ приговоренъ къ смертной казни.

Въ другой разъ передъ судомъ въ Эврё 26 апрѣля 1793 г. предсталъ погонщикъ скота, по имени Дюкастель, пятидесяти лѣтъ. Ему замѣтили, что онъ безъ паспорта и не соблюдаетъ законовъ. Онъ отвѣтилъ, что „знаетъ одинъ только законъ—короля; что если нѣтъ болѣе короля, то непремѣнно будетъ опять таковой, и что онъ будетъ поддерживать его престолъ“. Судьи признали его виновнымъ „въ произнесеніи контръ-революціонныхъ рѣчей, клонящихся къ возстановленію королевской власти, а также въ томъ, что якобы, во время своей защиты, всѣ современные принципы онъ назвалъ дурными“.

Его казнили черезъ два часа послѣ его приговора [2]). Если бы этого бѣднягу оставили въ живыхъ, онъ, конечно, не измѣнилъ бы формы правленія, хотя не онъ одинъ находилъ ее непригодной.

Справедливые и ложные доносы доставляли также легкое средство для удовлетворенія мщенію и злопамятству, превращая въ „контръ-революціонеровъ“ тѣхъ, кого желали загубить.

---

[1]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements“, II, 78.

[2]) „Notices pour servir à l'histoire de la Révolution dans le département de l'Eure“, Буавенъ-Шампо, стр. 103.

Примѣромъ тому можетъ служить молодой мельникъ изъ Анпервиля-Аннебо, по имени Пурпуанъ, судившійся 25 апрѣля 1793 г. и присужденный къ смертной казни тѣмъ же самымъ судомъ въ Эвре. У него была ссора съ нѣкіемъ субъектомъ изъ-за денегъ. Послѣдній не преминулъ донести на него, когда тотъ какъ-то, послѣ нѣсколькихъ лишнихъ стакановъ сидра, необдуманно выразился, „что народъ поступилъ глупо, приговоривъ короля къ смертной казни". Тщетно ссылался онъ на хмѣль и враждебныя отношенія къ нему доносчика,—его казнили на площади Pont-Audemer [1]).

Въ департаментѣ Шаранты, нѣкій бочаръ изъ коммуны Мазероллъ, по имени Жанъ Фованъ, прозванный Бертраномъ, былъ обвиненъ въ томъ, будто онъ обзывалъ дурными словами всѣхъ офицеровъ, не желавшихъ имѣть короля, а когда ему посовѣтывали побудить сына своего поступить въ солдаты вмѣстѣ съ молодыми людьми — его сверстниками, которыхъ законъ призывалъ тогда подъ свои знамена, то онъ будто бы отвѣтилъ: „Если бы вы избрали короля, дѣло было бы въ шляпѣ. Но такъ какъ вы этого не пожелали, то сынъ мой не двинется съ мѣста отсюда. Если же вы захотите непремѣнно заставить его ѣхать, его придется убить на мѣстѣ". Онъ отрицалъ эту рѣчь, что̀ не помѣшало гильотинировать его 24 брюмера 1793 г., послѣ продолжительныхъ преній Ангулемскаго суда, гдѣ ему поставили въ упрекъ „его ненависть и презрѣніе къ новой конституціи, составленной Конвентомъ для блага французовъ" [2]).

Жанна Фужеръ, жена Шадуто, тридцати шести лѣтъ, положительно не могла благодушно относиться къ Революціи. Она состояла привратницей епископа Ангулемскаго, д'Альбиньяка, который эмигрировалъ. Жанна осталась весьма преданной своему хозяину и старому режиму, и, если вѣрить ея доносчикамъ, не скрывала своихъ чувствъ. Для выраженія ихъ она прибѣгла даже къ такому жаргону, какого навѣрное не употребляла въ епископствѣ до событій, возбудившихъ ея негодованіе. Когда снимали гербы, помѣщавшіеся надъ воротами епископскаго дворца, говорили, будто бы она замѣтила человѣку, которому поручена была эта операція:

---

[1]) „Notices pour servir à l'histoire de la Révolution dans le département de l'Eure", А. Буавенъ-Шампо, стр. 102.

[2]) „Les victimes de la Terreur du département de la Charente", доктора Жигона, стр. 229.

„Ну, прощелыга, ты ихъ снимаешь, но ихъ не замедлятъ снова прибить на прежнее мѣсто“.

Еще она будто бы говорила, „что честные люди уѣхали изъ Франціи, а остались въ ней разбойники, что кокарду заставляютъ теперь носить всѣхъ и что скоро надѣнутъ ее на собакъ, что патріоты — пошлые глупцы, а аристократы — умные люди“.

Она отрицала рѣчи, въ которыхъ ее обвиняли, на первомъ своемъ допросѣ у мирового судьи въ Варѣ. Но вскорѣ послѣ того у нея случились жестокія пререканія съ двумя мѣстными демократами. Отъ ругательствъ перешли къ ударамъ. Опрокинутая навзничь, въ борьбѣ съ двумя своими противниками, она защищалась когтями, сорвала парикъ съ одного изъ своихъ обидчиковъ и швырнула его въ садъ съ словами: „Вотъ тебѣ твой гнусный парикъ, онъ уже леталъ однажды, пускай взлетитъ еще разъ!“

Этого было слишкомъ достаточно, чтобы усугубить ненависть къ ней этихъ двухъ людей, ея доносчиковъ. Указъ объ арестѣ ея не замедлилъ своимъ появленіемъ, революціонный Ангулемскій Комитетъ сдѣлалъ распоряженіе о заключеніи ея въ этомъ городѣ, откуда она была переведена въ Парижъ. 26-го мессидора II года, она предстала на Революціонный судъ. Въ своемъ обвинительномъ актѣ Фукье-Тенвилль обвинялъ ее, „что она объявила себя врагомъ народа, что она произносила мятежныя и контръ-революціонныя рѣчи, пытаясь поколебать вѣрность и мужество защитниковъ отечества, унизить національное представительство, содѣйствовать возстановленію королевской власти“ и т. д.

Приговоренная къ смертной казни, она была казнена въ тотъ же самый день [1]).

Женщина эта, живость характера которой не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, громогласно выразила свои антипатіи, а кромѣ того она служила у епископа, что являлось вполнѣ достаточнымъ преступленіемъ, чтобы включить ее въ категорію контръ-революціонеровъ. А вотъ нѣкоего Бужи не слѣдовало бы принимать за очень опаснаго аристократа. То былъ тряпичникъ изъ департамента Ла-Маншъ, жившій въ Гранвиллѣ вмѣстѣ съ женой своей Анной Оливье. Какъ-то въ присутствіи стоявшаго у нихъ солдата они выразились: „Нашъ добрый король (Людовикъ XVI); наши добрые священники“.

---

[1]) „Les victimes de la Terreur du département de la Charente“, стр. 141.

Солдатъ немедленно сдѣлалъ на нихъ доносъ, и оба они были казнены 22-го жерминаля, II года [1]).

Опьяненіе не принималось въ разсчетъ для извиненія словъ, произнесенныхъ подъ вліяніемъ вина, разъ слова эти были „антигражданственныя". Въ числѣ первыхъ смертныхъ приговоровъ, произнесенныхъ революціоннымъ судомъ въ Парижѣ, фигурируютъ—приговоръ одного солдата, обвиненнаго въ произнесеніи неподобающихъ для гражданина рѣчей въ пьяномъ видѣ, и приговоръ одного легковаго извощика двадцати одного года, арестованнаго ночью въ такомъ же видѣ, причемъ, ругая національную гвардію, онъ объявилъ себя роялистомъ [2]).

Но ничто не можетъ сравниться съ отвѣтомъ, даннымъ этимъ судомъ нѣкоему канониру, по имени Клодъ Янсонъ. Обвиненный въ произнесеніи контръ-революціонныхъ рѣчей въ кабакѣ, гдѣ онъ пьянствовалъ, Янсонъ ссылался на послѣднее обстоятельство, желая оправдаться отъ всякаго враждебнаго умысла по отношенію къ Революціи. И ему пресерьезно отвѣтили, „что извиненіе хмѣлемъ не можетъ быть принято во вниманіе *въ виду того, что патріотъ остается патріотомъ даже въ моментъ опьяненія*, и что одни аристократы и контръреволюціонеры скрываютъ свои чувства, выдавая ихъ въ пьяномъ видѣ".

Его гильотинировали [3]).

Двое братьевъ-близнецовъ, по имени Жакъ и Пьеръ Белланже, погонщики быковъ, назначенныхъ для армій Республики, были приговорены къ смертной казни 4 октября 1793 г., за произнесеніе роялистскихъ рѣчей въ пьяномъ видѣ. Они отрекались отъ приписывавшихся имъ мнѣній, заявивъ судьямъ, что, если ихъ осудятъ умирать, то, умирая, они крикнутъ: „Vive la République!" („Да здравствуетъ республика!") Они сдержали свое слово, и ихъ казнили [4]).

Въ числѣ простолюдиновъ, приговоренныхъ къ смертной казни за контръ-революціонныя рѣчи, находимъ одного странствующаго дантиста, одного стараго лакея, одного часовыхъ дѣлъ мастера, отца шестерыхъ дѣтей, одного кровельщика, одного нищаго, одного лимонадчика, одного извозчика. Женщины, работницы, точно также присуждались къ смерт-

---

[1]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements", I, 388.
[2]) Валлонъ, „Le tribunal révolutionnaire de Paris", I, гл. V.
[3]) „Le tribunal révolutionnaire de Paris", II, 196.
[4]) Ibid., II, 192.

ной казни за мятежные возгласы. Одну торговку осудили за то, что она прибила къ стѣнѣ афишу съ протестомъ противъ гильотины [1]).

Многіе смертные приговоры свидѣтельствуютъ о негодованіи, какое вызывали революціонныя преступленія среди лицъ изъ народнаго класса. Помимо того, они указываютъ на тѣ опасенія, какія вызывались въ якобинской тираніи малѣйшими проявленіями народнаго духа.

Выдвинули на сцену призракъ равенства, съ цѣлью возбужденія страстей противъ всякихъ властей. Если же у этихъ людей являлось желаніе напомнить всемогущимъ якобинцамъ о примѣненіи провозглашавшагося ими принципа, то за такое преступленіе они платились эшафотомъ, какъ и случилось съ однимъ жандармомъ, по имени Тюйльѐ и пріятелемъ его— бригадиромъ Рамондомъ. Послѣдній, въ день своей свадьбы, повелъ молодую жену свою въ театръ. Не найдя мѣста, онъ вдругъ замѣтилъ пустую ложу, предназначенную для депутатовъ Пинэ и Кавеньяка. „Развѣ равенство только пустой звукъ?"—замѣтилъ Рамондъ: — „Откройте эту ложу". И онъ занялъ ее вмѣстѣ съ женой и Тюйльѐ, при рукоплесканіяхъ зрителей. Они нѣсколько разъ приходили въ эту ложу съ своими женами, приговаривая имъ: „Садитесь тутъ; ложа представителей народа есть общее достояніе".

Представителямъ народа такой взглядъ показался непозволительнымъ, и они приняли рѣшеніе, которымъ впутали виновныхъ въ обширный заговоръ.

„Принимая во вниманіе, — говорили они, — что спасеніе Республики тѣсно связано съ уваженіемъ, почтеніемъ и довѣріемъ, долженствующими окружать народное представительство; что нельзя отнять ни малѣйшей дозы этого уваженія, этого почтенія и этого довѣрія, не нанося отечеству смертельнаго удара.

„Принимая во вниманіе, что Національный Конвентъ, твердо убѣжденный въ этомъ принципѣ, постановилъ смертную казнь всѣмъ тѣмъ, кто проявилъ бы попытки унизить народное представительство или же содѣйствовалъ уничиженію его", и т. д.

И двое жандармовъ, согласно постановленію представителей, оказавшись виновными въ „семъ ужасномъ преступленіи", судились революціонной коммиссіей въ Байоннѣ и при-

---

[1]) „Le tribunal révolutionnaire de Paris", I, гл. V.—II, 196, 198.—III, 382.—IV, 281, 282.

говорены были къ смертной казни 22 апрѣля 1794 г. [1]. Ихъ казнили „среди рыдавшихъ товарищей и остолбенѣвшей толпы, ошеломленной такимъ ужасомъ“, какъ говорится въ одномъ разсказѣ того времени.

Во время своего заточенія Ріуффъ былъ пораженъ зрѣлищемъ, какое явили собою двадцать женщинъ изъ Пуату, почти всѣ крестьянки.

„Я вижу ихъ до сихъ поръ передъ своими глазами,—говоритъ онъ,—этихъ несчастныхъ жертвъ; я вижу ихъ растянувшимися на дворѣ Консьержери, изнемогшими отъ усталости послѣ длинной дороги и уснувшими на мостовой. Взоръ ихъ, въ которомъ не отражалось ни малѣйшаго сознанія угрожавшей имъ участи, напоминалъ глаза быковъ, скученныхъ на рынкахъ, пристально озирающихся вокругъ себя, безъ всякаго сознанія. Онѣ были казнены всѣ до одной, нѣсколько дней спустя послѣ ихъ прибытія“ [2].

Бѣдныя эти женщины, навѣрное, не пользовались никакой театральной ложей никакого представителя. Но, можетъ быть, онѣ слушали обѣдню, совершавшуюся священникомъ, отказавшимся отъ присяги гражданской конституціи духовенства.

Къ этимъ днямъ убійства съ поразительной правдой подходятъ слова Писанія:

„Одинаковымъ судомъ былъ наказанъ рабъ съ господиномъ, и простолюдинъ терпѣлъ одно и тоже съ царемъ.

„Всѣ вообще имѣли безчисленныхъ мертвецовъ, умершихъ одинаковою смертью“ [3].

---

[1] Валлонъ „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements“, II, 418.

[2] „Mémoires d'un détenu“.

[3] Книга Премудрости Соломона, XVIII, 11 и 12.

Глава VIII.

Благородные характеры жертвъ Революціи.

Посягательства Революціи обнаружили варварство и развращенность гонителей и палачей. Но въ то же время они представили яркую картину героизма и добродѣтелей жертвъ. Они сняли покрывало съ чувствъ и характеровъ, о существованіи которыхъ и не подозрѣвали до той эпохи, когда они проявили себя въ страданіяхъ и испытаніяхъ подъ сводами тюремъ и на ступеняхъ эшафота.

Изучая различныя стороны общества стараго режима, мы дивились его любезности и великодушію, поддавались обаянію его изящества и ума. Недостатки учрежденій и пороки людей неоднократно поражали наши взоры, и грандіозность зданія, величественность его архитектуры, красота его фасада, богатство орнаментовъ не помѣшали намъ на растрескавшихся стѣнахъ разглядѣть предвѣстій разрушенія.

Вмѣстѣ съ Революціей началось искупленіе для преступнаго вѣка, въ ожиданіи, пока оно не наступитъ для великихъ преступниковъ, явившихся какъ бы бичемъ земли. Во всякомъ случаѣ, благородная роль принадлежитъ и остается за побѣжденными и угнетенными. Передъ лицомъ революціонной тираніи и жестокости всякое чувство уступаетъ мѣсто негодованію и состраданію. Единственно, что занимаетъ и воспламеняетъ благородныя сердца, — это страданіе и бѣдствіе, которыми прославились высокія жертвы и героическія смерти. Несмотря на всю громадность несчастій, послѣдпія не достигаютъ высоты этихъ характеровъ.

Въ Версальскомъ дворцѣ королевская власть пользовалась блескомъ могущества; въ Тампльской башнѣ она обладаетъ престижемъ несчастія. Мужественная покорность Провидѣнію Людовика XVI сглаживаетъ слабость характера, въ какой

обвиняли монарха. Марія-Антуанетта носила въ Консьержери болѣе лучезарный и истинный вѣнецъ, нежели всѣ діадемы, какими украшала она себя на тронѣ.

Изъ рядовъ духовенства, подвергавшагося поруганію, вышли апостолы, достойные первыхъ вѣковъ церкви, засвидѣтельствовавшіе мученичествомъ вѣру свою.

Всякаго рода мужество проходитъ при этомъ мрачномъ дефилированіи мертвецовъ: мужество солдата, мужество судьи, сраженнаго за дѣло правосудія, мужество роялиста, наказаннаго за свою вѣрность. Дворяне, буржуа, сыны изъ народа соперничали въ мужественной кончинѣ. Всѣ подлости превзойдены были самопожертвованіемъ, и если прежнее общество подвергало упрекамъ въ дни его благоденствія, за то можно сказать, что конецъ его являетъ собою наиболѣе блестящую изъ апологій.

Въ кровавыхъ испытаніяхъ и слѣдуетъ искать возстановленія честнаго имени этого общества, слабости и пороки котораго описываются столь охотно. Старая Франція дала увлечь себя утопіями и софизмами. Но заблужденія ума тѣмъ не менѣе не умалили характера. Они не уничтожили свойствъ расы, всплывшихъ наружу въ предсмертныя минуты. Если королевскій абсолютизмъ и портилъ учрежденія, удалившись во многихъ отношеніяхъ отъ истинныхъ традицій французской монархіи, то, во всякомъ случаѣ, надо признать, что онъ не посягалъ на независимость и гордость этихъ добродѣтелей свободныхъ народовъ. Не подъ его ли сѣнью возросъ либеральный духъ, который долженъ былъ подготовить движеніе 1789 г., столь роковымъ образомъ скомпрометированное революціонными насиліями и преступленіями? Несомнѣненъ фактъ, что именно монархія породила необходимыя и законныя оппозиціи. Содѣянныя и замѣченныя ошибки очень много способствовали развитію реформаторскихъ идей. А сколько произвольныхъ и злонамѣренныхъ дѣяній имѣли мѣсто въ другія эпохи, не встрѣчая оппозиціи и сопротивленія!

Подчиненность не доходила до рабства у этихъ людей, въ большинствѣ являвшихся жертвами великодушныхъ фантазій, но способныхъ на идеализмъ и жертвы. Среди тѣхъ, которымъ рожденіе и королевскія милости пролагали путь къ придворнымъ почестямъ, сохранились благородство души и истинная преданность, которыя не устрашились громко заявить о себѣ во время опасности и передъ лицомъ смерти.

Несмотря на свои восемьдесятъ девять лѣтъ, маршалъ

де-Майльи не задумался стать во главѣ ста двадцати дворянъ, явившихся на защиту короля, 10 августа, въ Тюльери, и съумѣлъ отвлечь бдительность жандармовъ, поставленныхъ при входѣ во дворецъ для содѣйствія возстанію. Проникнувъ въ зало, гдѣ находилось въ сборѣ все семейство короля, маршалъ, со шпагою въ рукѣ, преклонилъ колѣно передъ Людовикомъ XVI и сказалъ ему: „Ваше величество, вѣрное ваше дворянство поспѣшило сюда, чтобы снова водворить ваше величество на тронѣ вашихъ предковъ“. Послѣ отъѣзда короля и избіенія швейцарцевъ, одинъ изъ федератовъ встрѣтилъ его и хотѣлъ убить его. Но сѣдина стараго воина внушила этому человѣку невольное уваженіе, и онъ провелъ его въ безопасное мѣсто. Спасенный однимъ изъ побѣдителей 10 августа, де-Майльи былъ арестованъ нѣсколько дней спустя, и, конечно, погибъ бы во время сентябрьскихъ убійствъ, еслибы не вмѣшательство одного коммиссара изъ его отдѣла, затормазившаго дѣло его отправки въ Аббатство. Онъ удалился въ Морель, близь Амьена, гдѣ его настигло распоряженіе объ арестованіи, данное Андре-Дюмономъ, народнымъ представителемъ, въ Соммѣ. То была эпоха кроваваго владычества Жозефа ле-Бона. Письмо, найденное при маршалѣ въ Дулленсѣ и адрессованное къ его сыну, послужило предлогомъ для его приговора. Передъ смертью онъ въ послѣдній разъ заявилъ о привязанности своей къ несчастному своему монарху, крикнувъ: „Vive le Roi!“

Маршалъ де-Муши, уже упоминавшійся нами при разсказѣ о Люксанбургской тюрьмѣ, погибъ 9 мессидора II года (27 іюня 1793 года), проявивъ высокія чувства религіозной вѣры и монархической преданности. „Мужайтесь, господинъ маршалъ“,—говорили ему, провожая его на казнь. „Въ пятнадцать лѣтъ,—возразилъ онъ,—я шелъ на штурмъ за моего короля. Восьмидесяти — я поднимусь на эшафотъ за моего Бога“. Онъ не хотѣлъ, чтобы кто-либо, помимо него, сообщилъ его супругѣ приказъ о переводѣ ихъ въ Консьержери передъ ихъ судомъ, предупредивъ ее о томъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Madame, приходится умирать. Такова воля Божья. Преклонимся предъ Его предначертаніями, вы христіанка. Я ѣду съ вами и не покину васъ ни на минуту“ [2]).

---

[1]) „Histoire de Joseph le Bon et des tribunaux révolutionnaires d'Arras et de Cambrai“, А. Ж. Пари, 230.

[2]) „Le tribunal révolutionnaire de Paris“, I, 372.

Неразлучные во время заточенія, они не были раздѣлены и смертью, взойдя на эшафотъ вмѣстѣ.

Характеръ старой французской магистратуры выказался съ неподражаемымъ величіемъ, когда она предстала передъ революціоннымъ судомъ въ лицѣ членовъ Парижскаго и Тулузскаго Парламентовъ (20 апрѣля 1794 г.). То было правосудіе передъ беззаконіемъ. Видъ этихъ почтенныхъ судей внушилъ уваженіе самому Коффингалу. Онъ предсѣдательствовалъ тогда въ судѣ, и обвиненіе было мотивировано протестомъ Парижскаго и Тулузскаго Парламентовъ противъ отмѣны судовъ стараго режима, объявленной въ сентябрѣ 1790 г.

Протестъ Тулузскаго Парламента, чрезвычайно энергичный, былъ всѣмъ извѣстенъ, и Мирабо объявилъ о немъ съ трибуны Національнаго Собранія. Парижскій протестъ не былъ вписанъ въ его протоколы. Но, какъ уже сказано было раньше, онъ хранился у де-Розамбо, у котораго его и нашли вмѣстѣ съ именами судей, обозначенными имъ на случай своей смерти, чтобы протестъ этотъ былъ переданъ тому, кто въ то время оказался бы старѣйшимъ президентомъ Парламента. Имя Рошара де-Сарона стояло первымъ. Коффингалъ, назвавъ его просто „гражданинъ“, спросилъ его, какъ бы онъ поступилъ съ протестомъ, имѣя въ виду его указанія, если бы онъ былъ ему переданъ. Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ де-Саронъ, почтенный старецъ, увѣнчанный сѣдинами, гордо поднявшись съ своего мѣста и обратившись къ де-Розамбо, сказалъ: „Благодарю васъ, monsieur, и прошу принять всяческое выраженіе моей признательности за довѣріе, которымъ вы меня почтили и которое я всегда старался бы оправдать, не переставая пользоваться вашимъ руководительствомъ“.

Подобное объясненіе было повторено съ той же энергіей президентами Гургомъ, Жильбертомъ, д'Ормессомъ и Моле де-Шамплатре. Гоккаръ, первый президентъ податного суда, засвидѣтельствовалъ тѣ же самыя чувства, а одинъ бретонецъ, полковникъ Норъ, старый вояка и инвалидъ, услышавъ эти гордыя и отважныя слова, восхищенный, воскликнулъ: „Я также служилъ моему королю и моему отечеству, — и горжусь этимъ!“ [1]).

Магистратура и старый солдатъ были смѣшаны въ одномъ общемъ осужденіи. Оно и кстати было пріобщить образъ воен-

[1]) „Les dernières années du Parlement de Toulouse“, Амеде-Томаса Латура.

ной доблести къ мужеству правосудія, сраженному въ лицѣ отважныхъ и вѣрыхъ его представителей.

Ни д'Огеско, ни Ламуаньонъ не отказались бы отъ великолѣпнаго отвѣта, обращеннаго къ Дюма, президенту революціоннаго суда, Изабо де-Монвалемъ, бывшимъ главнымъ актуаріусомъ Парижскаго Парламента, представшимъ въ качествѣ подсудимаго. „Тебѣ должна быть знакома эта зала", — иронически замѣтилъ Дюма, указывая ему на бывшую первую камеру палаты Парижскаго Парламента, гдѣ возсѣдалъ тогда революціонный судъ, и гдѣ фригійскія шапки смѣнили повсюду цвѣты лилій. „Да, я узнаю ее, — отвѣтилъ Монваль. — Здѣсь нѣкогда невинность судила преступленіе, а въ настоящее время преступленіе судитъ невинность" [1]).

Малербъ, намѣченный революціонерами за свой титулъ защитника Людовика XVI, гордился этимъ въ своей тюрьмѣ. Вѣрноподданническія чувства, выраженныя имъ въ письмѣ, которое, прежде доставленія его по адресу, подлежало прочтенію и разсмотрѣнію въ регистратурѣ, вызвали замѣчаніе, что письмо это можетъ увеличить опасность его положенія. „Будь, что будетъ, — отвѣтилъ онъ послѣ минутнаго размышленія. — Письмо пойдетъ по назначенію, таково мое мнѣніе, я его не измѣню". И письмо, дѣйствительно, было отправлено и представлено въ судъ, который осудилъ Малерба [2]).

Де-Николаи, бывшій президентъ главнаго Совѣта, проявилъ не меньшее мужество, когда, желая добиться опасной чести быть защитникомъ Маріи-Антуанетты, обратился къ ней съ слѣдующими строками:

„Madame, „Я всегда искалъ чести быть принятымъ въ вашемъ домѣ. Надежда замѣнить покойнаго де-Польми составляла мое счастье. Ничто въ мірѣ не въ силахъ ослабить моей чувствительной признательности. Ваше положеніе ставитъ мнѣ священнымъ долгомъ выразить вамъ ее публично и взять на себя смѣлость предложить вамъ мои услуги. Сознаю недостаточность моихъ способностей; но чувствую въ себѣ безграничное мужество, чистую душу и прямое сердце. Развѣ этого не довольно для того, чтобы сдѣлаться защитникомъ вдовы покойнаго Людовика XVI? Обращаюсь къ президенту Національнаго Конвента, чтобы онъ передалъ вамъ о моемъ усердіи и предан-

---

[1]) Кампардонъ, I, 379.
[2]) Кампардонъ, I, 307.

ности. Да помогутъ мнѣ то и другая, — если только вы удостоите принять ихъ,—добиться должнаго вамъ правосудія!

Николаи старшій, бывшій первый президентъ
Главнаго Совѣта" [1]).

Подобное письмо являлось документомъ, приводящимъ на эшафотъ. Президентъ Николаи умеръ раньше королевы, быть адвокатомъ которой онъ такъ добивался. Онъ былъ казненъ прежде королевы, 19-го мессидора II года (17-го іюня 1793 г.).

Что особенно поражаетъ въ эпоху Революціи и возбуждаетъ къ ней прискорбный и непреоборимый интересъ, — это постоянный контрастъ самыхъ противоположныхъ чувствъ, — героизмъ въ отвѣтъ на преслѣдованіе, гордость предъ тираніей, величіе въ отвѣтъ на низость, добродѣтель рядомъ съ преступленіемъ. У этихъ жертвъ, падающихъ подъ ударами, столь же подлыми, сколько и безжалостными, находятся выраженія, рисующія деликатность чувствъ или энергію характера.

Когда аббатъ Фенелонъ, благодѣтель маленькихъ савояровъ, былъ присужденъ къ смертной казни,—одинъ изъ бывшихъ его любимцевъ, получившій мѣсто тюремщика въ Люксанбургѣ, бросился со слезами къ нему въ объятія. „Утѣшься, сказалъ ему аббатъ Фенелонъ,—смерть перестаетъ быть зломъ для того, кто не можетъ болѣе дѣлать добро" [2]).

Герцогиня де-Грамонъ, сестра герцога Шуазёля, передъ своими судьями держала себя какъ великосвѣтская дама. Когда ее спросили, не имѣла ли она сношеній съ недругами Революціи, она отвѣтила: „Я могла бы дать отрицательный отвѣтъ, но моя жизнь не стоитъ лжи". Приведенная вмѣстѣ съ пріятельницей своей, герцогиней Шателе въ Революціонный судъ, она не пожелала защищаться и произнесла только слѣдующія слова: „Это я, убивайте меня". За то она употребила все свое краснорѣчіе, чтобы спасти жизнь герцогини Шателе, погибшей вмѣстѣ съ нею. Члены Комитета Общественнаго Спасенія дважды являлись въ тюрьму къ madame Грамонъ, намекая о возможности ея помилованія, если она согласилась бы указать убѣжище графа Шателе, сына ея подруги. „Доносъ,—сказала она,—есть гражданская добродѣтель, слишкомъ юная для меня" [3]). И она съ непоколебимой твердостью взошла на эшафотъ (17-го апрѣля 1794 г.).

---

[1]) Кампардонъ, I, 312.
[2]) Кампардонъ, I, 381.
[3]) „La duchesse de Choiseul et le patriarche de Ferney", Гастона Моргаса, стр. 150.

Въ эту эпоху всемогущества преступленія самопожертвованіе удесятеряется, принимая всевозможныя формы. Оно сіяло въ чертахъ сестры короля принцессы Елизаветы. Оно же подвергло въ опасности принцессу Ламбалль, и голова ея, представленная королевѣ, служила кровавымъ и ужаснымъ свидѣтельствомъ этой дружбы, вѣрной до смерти. Madame де-Турзель какимъ-то чудомъ избѣгла участи, какую обязанности ея и привязанность, казалось, дѣлали для нея неизбѣжною. Но благородно исполненныя ею задачи и воспоминаніе о королевскихъ испытаніяхъ, съ такимъ мужествомъ раздѣленныхъ ею съ ними, составляютъ честь ея имени и памяти.

II.

Характеръ жертвъ, насильственно принесенныхъ на закланіе, достоинъ удивленія. Но что же сказать о добровольныхъ самопожертвованіяхъ и о тѣхъ людяхъ, которые отдавали свою жизнь ради спасенія другихъ?

Примѣромъ героизма дочерей является mademoiselle де-Сомбрёйль, отстаивавшая отца своего отъ сентябрскихъ убійцъ и согласившаяся, ради его освобожденія, проглотить стаканъ крови. Высокая самоотверженность, хотя и безполезная! Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, арестованный вторично, де-Сомбрёйль былъ гильотинированъ [1]).

Имя де-Сомбрёйль было какъ бы неразрывно связано съ добрыми и великодушными дѣлами. Шарль де-Сомбрёйль, братъ той, которая увѣковѣчила любовь дочери,—пожертвовалъ своей жизнью ради спасенія своихъ товарищей, явившихся жертвами вмѣстѣ съ нимъ при взятіи Квиберона. Всѣ погибли въ этой рѣзнѣ, представлявшей собою гнуснѣйшее нарушеніе данной присяги. Осужденный и приговоренный военной коммиссіей, де-Сомбрёйль сказалъ: „Я жилъ и умру роялистомъ. Готовый предстать передъ лицомъ Бога, клянусь, что тутъ была капитуляція, а между тѣмъ съ эмигрантами стали обращаться какъ съ военноплѣнными. Прибѣгаю къ вашему свидѣтельству, — прибавилъ онъ, обратившись къ окружавшимъ

---

[1]) Mademoiselle де-Сомбрёйль, заключенная въ тюрьму вмѣстѣ съ своимъ отцомъ и старшимъ братомъ (оба они были казнены), была спасена 9-мъ термидора. Затѣмъ она удалилась за границу, гдѣ вышла замужъ за графа де-Виллелюмъ. Она вернулась во Францію въ 1815 году и скончалась въ Авиньонѣ, въ 1823 году. Сердце ея было перенесено въ Домъ Инвалидовъ, гдѣ отецъ ея состоялъ комендантомъ; она заслуживала мѣста въ этомъ святилищѣ почета и доблести.

его гренадерамъ,—вы свидѣтели, что я сдался на капитуляцію". Передъ самымъ разстрѣляніемъ онъ не позволилъ завязать ему глаза и отвѣтилъ тѣмъ, которые заставляли его стать на колѣни: „Я преклоняю колѣна только передъ Богомъ, правосудіе котораго высоко чту, но буду стоять передъ вами, подлые убійцы" [1]).

Елизавета Казоттъ соперничала съ mademoiselle де-Сомбрёйль въ дни сентябрскихъ убійствъ неустрашимостью, проявленной ею въ видахъ спасенія отъ смерти своего отца. Защищая его своимъ собственнымъ тѣломъ, она сказала грозившимъ ему убійцамъ: „Вы достигнете сердца моего отца не раньше, какъ пронзивши прежде мое". Ея самопожертвованіе, одержавшее побѣду на этотъ разъ, было вознаграждено не лучше самоотверженности mademoiselle де-Сомбрёйль. Отца ея арестовали вторично и казнили 25 сентября 1792 года.

Жакъ Казоттъ съ честью фигурируетъ въ лѣтописяхъ, гдѣ имя его дочери вписано на ряду съ его собственнымъ. Родился онъ въ Дижонѣ, отецъ его былъ актуаріусъ въ Бургундскомъ сеймѣ. Жакъ состоялъ чиновникомъ въ морской администраціи, гдѣ достигъ должности коммиссара. Въ этой должности онъ отправился на островъ Мартинику, гдѣ женился на Елизаветѣ Руаньонъ, дочери судьи. Онъ былъ извѣстенъ какъ поэтъ и писатель. Слава объ его умѣ сдѣлала его желаннымъ гостемъ парижскихъ салоновъ, а личными добродѣтелями онъ снискалъ себѣ всеобщее уваженіе. Предсказаніе по поводу Революціи, приписываемое ему ла-Гарпомъ, есть чисто литературный вымыселъ и уже провѣрки самыхъ подробностей, заключающихся въ этомъ пророчествѣ, достаточно, чтобы доказать его неправдоподобіе. Не будучи пророкомъ, Казоттъ могъ предвидѣть катастрофы, къ которымъ шло французское общество. Но ни онъ, ни кто другой — не зналъ заранѣе размѣровъ несчастій, какія навлекла на это общество Революція. Онъ горячо боролся съ ней съ самыхъ первыхъ ея шаговъ. Въ письмѣ къ другу своему Пото, секретарю „liste civile", онъ выражалъ свое огорченіе и негодованіе, причиненное ему событіями. Послѣ 10 августа открытіе его переписки послужило поводомъ къ его аресту. Когда, несмотря на старанія его дочери, онъ снова попалъ въ руки своихъ враговъ,—уваженіе, какимъ онъ пользовался, его высокій ростъ, почтенная физіономія, обрамленная сѣдинами.

---

[1]) Мило, „Biographie universelle".

произвели впечатлѣніе на осудившихъ его. Судья, произносившій смертный приговоръ, сопровождалъ его словами, въ которыхъ выражалъ свое сожалѣніе. Передъ отправленіемъ своимъ на казнь, Казоттъ исповѣдывался, и написалъ своимъ: „Жена моя и дѣти мои, не оплакивайте меня, не забывайте меня, а главное—помните непрестанно, что никогда не слѣдуетъ роптать на Бога". Готовый взойти на эшафотъ, онъ передалъ своему духовнику локонъ своихъ волосъ, предназначенный для его дочери-героини, а прежде чѣмъ отдать свою голову палачу, онъ обернулся къ толпѣ, воскликнувъ твердымъ голосомъ: „Умираю, какъ и жилъ, вѣрный Богу и моему королю" [1]).

Въ супружеской любви были также свои героини, какъ и въ любви дочерей. Въ этомъ благородномъ кортежѣ всевозможныхъ самопожертвованій, слѣдуетъ указать на Викторію Ренье, жену де-Лавернь-Шамплорье. Она была во всемъ блескѣ молодости и красоты, а мужъ ея,—подполковникъ и военный комендантъ въ Лонгви,— былъ человѣкъ старый и больной. Его обвиняли, будто онъ отдалъ крѣпость непріятелю. Онъ предсталъ на судъ, лежа на матрасѣ, не имѣя силъ отвѣчать на предлагавшіеся ему вопросы. Тѣмъ не менѣе онъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Madame Лавернь, для спасенія супруга прибѣгавшая къ самымъ отважнымъ шагамъ, находилась въ залѣ, въ толпѣ. Услышавъ смертный приговоръ своего мужа, она повторила возгласъ „Vive le Roi!". Немедленно арестованная, она была приведена на революціонный судъ, но отвѣтила однимъ молчаніемъ на сдѣланный ей допросъ. Когда ее приговорили къ смертной казни, она была удовлетворена. Она помѣстилась въ ту же самую повозку, гдѣ сидѣлъ ея мужъ, который, несмотря на всю свою прострацію, понялъ великодушіе ея жертвы и отвѣтилъ ей на это слезами признательности и удивленія [2]).

Какъ ни косила человѣческія головы Революція, она не въ силахъ была подавить ни супружескую вѣрность, ни братскую самоотверженность.

Madame д'Армайлье и три ея дочери были арестованы въ Анжу и отправлены въ Нантъ, во время проконсульства Каррье. Онѣ были заключены въ *Entrepôt*, откуда узники выходили только для того, чтобы быть брошенными въ Луару. Всѣ чет-

---

[1]) „Biographie universelle".
[2]) Кампардонъ, I, 285.

веро вошли въ составъ одного изъ этихъ погребальныхъ кортежей, направлявшихся по ночамъ къ рѣкѣ, которая должна была ихъ поглотить. Воспользовавшись минутной остановкой, одинъ военный, наклонившись къ матери, сказалъ ей тихимъ голосомъ: „Я могу спасти одну изъ нихъ“.

Madame д'Армайлье обратила вопросительный взоръ на своихъ дочерей. „Спасите младшую“,— отвѣтили двѣ старшихъ, одиннадцати и двѣнадцати лѣтъ. И младшая ихъ сестра, семи или восьми лѣтъ, мгновенно схваченная неизвѣстнымъ спасителемъ, исчезла подъ складками его плаща. Сдѣлавшись впослѣдствіи madame де-Гастинъ, она на всю жизнь сохранила впечатлѣніе этой печальной сцены, когда была обязана жизнью самому трогательному самопожертвованію [1]).

Mademoiselle Вердье де-ла-Сорипьеръ могла быть спасена и не пожелала этого. Включенная въ одинъ многочисленный транспортъ осужденныхъ, она не знала, что мать ея и сестра уже казнены. Тронутый ея молодостью и красотой, одинъ офицеръ изъ конвоя предложилъ ей спасти ее отъ смерти, для чего надо было имъ повѣнчаться. „Я согласна, — отвѣтила она,—только подъ тѣмъ условіемъ, что вы спасете мою мать и мою сестру“. Офицеръ не рѣшился сообщить ей объ ея несчастіи, но объявилъ о невозможности выполнить условіе, какое она ставила для своего спасенія,—и молодая дѣвушка не задумалась умереть [2]).

Самопожертвованіе вознаграждалось, по крайней мѣрѣ, когда спасеніе чьего-либо существованія являлось цѣной его жертвы. Самоотверженность Пьерра Мейнара заслуживаетъ упоминанія. Матѳей Мейнаръ, братъ его, кузнецъ, былъ отцомъ многочисленнаго семейства. Оба попали въ число подозрительныхъ, за ихъ отказъ отъ содѣйствія въ казни де-Байе, повѣшаннаго на балконѣ ратуши Карпантра̀. Матѳей былъ приведенъ въ революціонный судъ въ Оранжѣ. Когда же пришли его арестовывать, Пьерръ сталъ на мѣсто него. Его увели, несмотря на всѣ возгласы Матѳея, которыми послѣдній хотѣлъ воспротивиться великодушной хитрости своего брата, казненнаго на другой день, 8-го термидора. Паденіе Робеспьера, нѣсколько дней спустя, могло бы его спасти [3]).

Состраданіе есть собственно врожденное чувство въ сердцѣ

---

[1]) „Rennes et l'hôtel d'Armaillé pendant la Révolution“, Сенъ-Бріекъ, 1857, стр. 66.
[2]) Бурсье, „Essai sur la Terreur en Anjou“, гл. VI.
[3]) В. де-Бомефоръ, „Le tribunal révolutionnaire d'Orange“, стр. 153.

женщинъ, и потому черты самоотверженности съ ихъ стороны поражаютъ менѣе, нежели черты, въ какихъ онѣ явили доказательство мужества. Двѣ молодыхъ дѣвушки, имена которыхъ, къ сожалѣнію, остались неизвѣстными, могутъ быть уподоблены древнимъ римлянкамъ, по энергіи своего поведенія и гордой осанкѣ.

Городъ Ліонъ, послѣ энергичнаго сопротивленія, въ 1793 г., подпалъ, наконецъ, подъ власть революціонной партіи. Одна молодая дѣвушка отказалась украсить себя кокардой, которую обязывали ее носить. „Не самая кокарда ненавистна мнѣ,— сказала она судьямъ. — Но именно потому, что вы носите ее,—она представляется мнѣ признакомъ преступленія и не можетъ идти къ моему челу".

Тогда одинъ изъ судей сдѣлалъ знакъ помощнику тюремщика приппилить кокарду къ ея чепцу. „Иди,—сказалъ онъ ей,—ты спасена". Но она немедленно отцѣпила кокарду, съ словами: „Возвращаю вамъ ее", и пошла на смертную казнь.

Другая молодая дѣвушка, шестнадцати лѣтъ, принимала участіе въ осадѣ, переодѣтая канониромъ.

— Какъ же это,—замѣтилъ ей судья,—ты рѣшилась стрѣлять изъ пушки противъ отечества?

— Напротивъ того,—возразила она,—я стрѣляла для защиты родины и для спасенія ея отъ угнетенія [1]).

III.

Эпохи соціальнаго потрясенія и революціонной тираніи порождаютъ сразу всевозможныя преступленія и всяческія добродѣтели. Тогда обнаруживаются величіе души и низость сердца, страхъ, доходящій до подлой трусости, и мужество, возвышающееся до героизма. Стыдъ подталкиваетъ самую непорочную честь, и въ этомъ калейдоскопѣ, подобномъ холсту, на которомъ сочетались бы самыя несоотвѣтственныя краски и самыя не схожія фигуры, человѣчество проявляетъ себя съ своихъ чудовищныхъ и высокихъ сторонъ.

Такова картина Революціи, если наблюдать ее съ моральной точки зрѣнія.

Никто не удивляется доблестнымъ чертамъ характера въ

---

[1]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements", III, 156.

высшемъ обществѣ. Онѣ кажутся естественнымъ слѣдствіемъ благороднаго происхожденія и превосходства чувствъ и воспитанія. Особенно же достойными удивленія являются подобные характеры въ низшихъ слояхъ общества, гдѣ достоинство поступковъ усугубляетъ цѣну самопожертвованій. Мы неоднократно встрѣчали въ народныхъ классахъ примѣры такихъ возвышенныхъ, мужественныхъ, безкорыстныхъ чувствъ и поставили ихъ въ честь настоящему народу, который не слѣдуетъ смѣшивать съ демагогами, царящими подъ его именемъ.

Роль слугъ во время Революціи была различна, въ зависимости отъ мнѣній и субъектовъ. Бывали доносы со стороны людей, руководимыхъ революціоннымъ духомъ, корыстолюбіемъ, чувствомъ мести, надеждой на снисканіе себѣ милостей у новыхъ властителей и обезпеченія собственной безопасности на счетъ своего ближняго.

На madame де-Кюстинъ сдѣлала доносъ ея горничная; другіе были измѣннически преданы своей прислугой. Но бывали и неподкупныя привязанности въ это лихое время, доказательства мужества и безкорыстія, проявленныя слугами несчастныхъ.

При Людовикѣ XVI, въ Тампльской башнѣ встрѣчаемъ Клери, его камердинера, окружавшаго его своими попеченіями до самаго утра 21-го января, Гю (Hue), другого слугу, которому также дѣлаетъ честь преданность его августѣйшимъ узникамъ.

Нѣкоторыя женщины подвергались тюремному заключенію, какъ напр. Маргарита, за то, что она не хотѣла доносить на своего хозяина, маркиза Фенуйль [1]). Дѣти, которыхъ гильотина дѣлала сиротами, или же тѣ, родители которыхъ эмигрировали, находили пріютъ и семью у добрыхъ людей, принимавшихъ ихъ къ себѣ. Назовемъ хотя нѣсколько такихъ примѣровъ. Одна дочь герцога Гишъ была усыновлена родителями своей няни. Барышни Вентимилль и Беранже были приняты горничной, по имени Жюли, съ которой онѣ и дѣлили свою судьбу. Madame дю-Руръ, арестованная въ своемъ замкѣ, уѣзжая, поручила дочь свою кормилицѣ, которая воспитала ее вмѣстѣ съ своими дѣтьми [2]).

Mademoiselle des Écherolles упоминаетъ объ одномъ старомъ слугѣ, по имени Саапа, покинувшемъ домъ съ момента аре-

[1]) „Vie de madame Élisabeth“, де-Бошана, II, 226, примѣч. 1.
[2]) Форнеронъ, „Histoire générale des emigrés“, I, 168.—Графиня де-Сентъ-Олеръ, „Souvenirs“, стр. 11. — Филиппъ де-Сегюръ, „Mélanges“.

стованія г. des Écherolles. „Проникнутый новыми принципами,—говоритъ она,—онъ смотрѣлъ на насъ, какъ на чудовищъ. И во избѣжаніе зараженія аристократизмомъ, покинулъ домъ; встрѣчаясь, онъ болѣе не кланялся съ нами“ [1]). Но она упоминаетъ также о преданности своей няни, которая пеклась о младшей ея сестрѣ. Когда она вернулась въ Écherolles въ маѣ 1794 года и сошла съ повозки на пустынномъ дворѣ замка, который, казалось, носилъ на себѣ трауръ по отсутствовавшимъ, mademoiselle des Écherolles встрѣтила снова эту превосходную, хотя нѣсколько запуганную женщину, которая безпрестанно наставляла ее въ осторожности и подчиненіи въ тѣхъ случаяхъ, когда молодая дѣвушка возмущалась, не имѣя силъ обуздать свою врожденную гордость. „Няня, подобно новой Іозаветѣ, трепетала за меня и молилась въ тиши“. Однажды меръ коммуны, ревностный патріотъ, нанесъ ей угрожающій визитъ и сталъ увѣщевать донести на контръ-революціонеровъ и приказалъ ей работать на республиканскихъ солдатъ, чтобы смыть позоръ своего аристократизма. По отъѣздѣ мера, между mademoiselle des Écherolles и ея няней поднялся споръ. Няня говорила: „Необходимо подчиниться, работайте, какъ онъ приказалъ. Я велю спросить у Moulins рубашекъ и жилетокъ для волонтеровъ, чтобы ты могла послать свою работу въ Комитетъ.

— Я! Я не стану работать.

— Да развѣ ты не слыхала, что онъ сказалъ?

— Я не буду работать.

— Александрина, ты увеличишь свои несчастія.

— Я покорюсь этому. Ничто въ мірѣ не можетъ меня заставить повиноваться этому человѣку.

— Ну, по крайней мѣрѣ, щипли корпію.

— Нѣтъ, не стану и корпіи щипать.

„Бѣдная моя няня, обезкураженная моимъ упрямствомъ, сама принялась щипать корпію. Я видѣла, какъ она шила рубашки и жилеты, и думаю, что своей работой она принесла мнѣ честь въ глазахъ Революціоннаго Комитета, ибо болѣе о немъ со мной не говорила.

„Меръ коммуны явился въ свою очередь для обозрѣнія доставленныхъ мною вещей. Каждая изъ послѣднихъ развертывалась, встряхивалась, тщательно осматривалась, чтобы быть увѣреннымъ, что въ нихъ не было запрятано никакой прокла-

[1]) „Une famille noble sous la Terreur“, 2-е изд., стр. 25.

маціи мятежниковъ. Затѣмъ протоколъ осмотра былъ отправ ленъ въ Комитетъ. Изъ предосторожности, которую я понимала, хотя и не одобряла, няня спрятала половину того скуднаго гардероба, какимъ я располагала, такъ что у меня въ распоряженіи осталось всего одно платье, весьма неприглядное, что меня огорчало. Притомъ она постоянно твердила: „Необходимо казаться бѣдной“, на что я возражала: „Я не желаю внушать жалость“. Въ нѣжной своей заботливости она боялась всего, что, по ея мнѣнію, могло меня скомпрометировать“ [1]).

Mademoiselle des Écherolles набросала также картину домашней жизни одной крестьянки, mère Шозьеръ, у которой она нашла себѣ пріютъ на нѣкоторое время. Г. des Écherolles явился туда, чтобы скрыться, въ крестьянскомъ платьѣ. Затѣмъ, прежде чѣмъ покинуть Францію, онъ вызвалъ туда свою дочь и довѣрилъ ее заботамъ этой доброй и достойной женщины. Мы не удалимся отъ нашего предмета, если заглянемъ въ этотъ сельскій домикъ, гдѣ изгнанники были приняты съ такимъ мужествомъ и невозмутимостью.

Mademoiselle des Écherolles описала посидѣлки, гдѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя изъ тѣхъ чертъ, какія особенно пріятно видѣть посреди ужаса, леденившаго тогда почти всѣ сердца.

„Трогательная эта картина никогда не изгладится изъ моей памяти. Эта патріархальная простота поражаетъ мой умъ и успокоиваетъ мое сердце... Я провела восемь дней въ этомъ домѣ, на которомъ почіетъ благословеніе Спасителя, гдѣ слабые и бѣдные люди употребляли всѣ свои старанія, чтобы утѣшить въ несчастіи и помочь въ нищетѣ тѣмъ, кто былъ могущественъ и богатъ, и нерѣдко въ томъ успѣвали“ [2]).

Не одинъ бѣглецъ скрылся въ этихъ скромныхъ жилищахъ, которыя устояли отъ бурнаго и разрушительнаго шквала Революціи. Спасали также изъ благодарности за благодѣянія, воспоминаніе о которыхъ защищало головы, находившіяся въ опасности. Такимъ образомъ сердце выплачивало свой долгъ въ моментъ грозившей бѣды, причемъ услуги, оказанныя тутъ прежнимъ покровителямъ, обращали послѣднихъ въ протежируемыхъ, иногда имѣвшихъ случай, въ свою очередь, расквитаться. Слѣдующій фактъ можетъ служить тому подтвержденіемъ.

---

[1]) „Une famille noble sous la Terreur“, стр. 274.
[2]) Ibid, стр. 117.

Однажды вечеромъ въ Парижѣ, во время Террора, послышался большой шумъ въ улицѣ Saints-Pères, у дверей одного отеля [1]), гдѣ жилъ виконтъ де-Бомонъ, племянникъ Христофора Бомона, блиставшаго своими добродѣтелями на архіепископскомъ престолѣ Парижа. Туда именно и удалился онъ съ женой своей Елизаветой Кайлюсъ и четверыми дѣтьми, тогда какъ сынъ ихъ продолжалъ свое образованіе въ Англіи, вдали отъ событій, потрясавшихъ Францію. Семья ихъ увеличилась одной молодой сироткой, mademoiselle Гроссоль де-Фламаранъ, которую они приняли къ себѣ и которую довѣрилъ ихъ попеченіямъ, прежде эмигрированія своего, дядя ея де-Фламаранъ, епископъ изъ Перигё. Они постоянно ожидали, что ихъ арестуютъ. Шумъ, доносившійся въ тотъ день съ улицы въ отель, возвѣстилъ имъ, что этотъ моментъ насталъ. Цѣлая толпа разъяренныхъ людей ворвалась въ квартиру, имѣя во главѣ нѣкоего Гранмэзона, приказавшаго имъ произвести въ отелѣ самый тщательный обыскъ.

Пока они удалялись, Гранмэзонъ, подойдя къ Бомону, сказалъ ему: „Я былъ воспитанъ вашимъ дядей, архіепископомъ, и желаю васъ спасти. Недалеко отсюда вы найдете карету, которая отвезетъ васъ въ безопасное мѣсто. Приготовьтесь всѣ къ бѣгству“.

Супруги Бомонъ не преминули воспользоваться предложеніемъ и отправились въ ночь со своими дѣтьми. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, они двинулись къ югу и удалились въ Руэргъ, въ Кайлюсъ.

Насилія Революціи не замедлили ослабѣть. Несмотря ни на даль разстоянія, ни на затруднительность сообщеній, супруги Бомонъ узнали таки о грустной новости. Гранмэзонъ, спасшій имъ жизнь, въ свою очередь, оказался жертвой гоненій той эпохи. Онъ находился въ тюрьмѣ въ Парижѣ, причемъ можно было опасаться, что его не пощадитъ революціонная жестокость. Средства для передвиженія были тогда ограничены, дороги—часто непроходимы. Бомонъ, страдавшій смертельной болѣзнью, былъ не въ состояніи предпринять подобное путешествіе. Энергичная и рѣшительная женщина, madame де-Бомонъ, не задумалась пуститься въ этотъ путь, указывавшійся ей ея сердцемъ, и она немедленно отправилась въ Парижъ. Путешествіе было продолжительно и затруднительно.

---

[1]) На немъ значится № 56. Въ настоящее время онъ составляетъ собственность графини де-Кастрисъ, урожд. Веракъ.

Она совершила его частью верхомъ, частью пѣшкомъ, частью въ какой-то ужасной колымагѣ, нисколько не напоминавшей той кареты, въ какой, въ качествѣ компаньонки принцессы Викторіи французской, она нѣкогда ѣздила въ Версаль для отправленія придворныхъ своихъ обязанностей. Преодолѣвъ всѣ препятствія, она пріѣхала въ Парижъ. Успѣхъ увѣнчалъ ея старанія и вознаградилъ ея попытки,—ей удалось добыть свободу для человѣка, которому она была обязана спасеніемъ своимъ и всѣхъ близкихъ ей людей.

Такимъ образомъ, благодѣянія сердобольнаго прелата создали для его собственной семьи покровителя изъ крестьянскаго мальчика, воспитаннаго и облагодѣтельствованнаго имъ, причемъ въ этой борьбѣ великодушныхъ чувствъ побѣда осталась за признательностью.

Съ водвореніемъ спокойствія во Франціи, тѣ, кто избѣжалъ смерти, познали бѣдность. Событія уничтожили большую часть состоянія виконта и виконтессы де-Бомонъ; за то они сберегли своихъ дѣтей вмѣстѣ съ сиротой, сдѣлавшейся для нихъ пріемной дочерью. Mademoiselle Фламаранъ стала имъ еще роднѣе, выйдя замужъ за сына ихъ, Христофора де-Бомона, причемъ она не разсталась и въ мирные дни съ семьей, съ которой была неразлучна въ дни испытаній [1]).

IV.

Въ цѣломъ рядѣ разсказовъ и показаній мы прослѣдили дѣянія революціоннаго правительства въ различные его періоды. Они познакомили насъ съ жертвоприношеніями и преступленіями эпохи, прозванной Терроромъ. Но мы еще не взглянули на Революцію въ ея цѣломъ. Теперь слѣдуетъ посмотрѣть, что сталось съ Парижемъ и департаментами, очертить гоненія, какимъ подвергалось духовенство, указать мѣсто, какое отвели эти событія буржуазіи и наиболѣе виднымъ личностямъ. Намъ остается, наконецъ, показать, какія матеріальныя и моральныя развалины покрывали французскую почву, когда диктатура 18 брюмера задумала водворить тамъ новые законы и на пустопорожнемъ мѣстѣ прежняго общества воздвигнуть новое зданіе.

---

[1]) „Souvenirs de famille“, графиниНоайль, урожденной де-Бомонъ.

То, что̀ мы могли уже усмотрѣть изъ Революціи, возбуждаетъ въ насъ различныя чувства. Если ошибки прежнихъ эпохъ сдѣлали катастрофы неизбѣжными, то, во всякомъ случаѣ, онѣ не оправдываютъ преступныхъ насилій. Эти насилія не только не вредили прошедшему, а скорѣе внушали къ нему снисхожденіе, въ которомъ часто ему отказываютъ. Видя, какъ въ часы искупленія возвышались души и возвеличивались характеры, никто не станетъ защищать заблужденій общества того времени, ниже оправдывать ихъ; но тѣмъ болѣе будутъ отдавать справедливость его достоинствамъ и добродѣтелямъ. Такое множество примѣровъ героизма, самоотверженности, энергіи, покорности Провидѣнію, преданности не могли быть проявлены народомъ раболѣпнымъ и испорченнымъ окончательно. Франція, которая, подъ давленіемъ грозныхъ событій, выдержала столь рѣшительную метаморфозу,—унаслѣдовала гордыя и благородныя чувства. Среди разрушенія прежнихъ своихъ учрежденій, она показала, чего она стоила и чего еще можно было ожидать отъ нея впереди.

Глава IX.

Бастилія.

Бастилія до 1789 года. — Взятіе Бастиліи. — Инсурекціонное движеніе послѣ 14 іюля.

I.

Легенда о Бастиліи болѣе извѣстна, нежели ея исторія. Предоставляется полная свобода изслѣдованія для тѣхъ, кто изучаетъ старый режимъ. Но у Революціи есть свои правовѣрные, свои символы вѣры, свои достопамятные праздники, свой оффиціальный культъ. Бастилія — одинъ изъ ея символовъ. Взятіе этой крѣпости рисуется, какъ бы началомъ новой эры, разрушеніе ея — какъ бы уничтоженіемъ всякихъ злоупотребленій, съ какими связываются ея имя и память.

Прежде чѣмъ припомнить обстоятельства, при какихъ взята была Бастилія, и какъ это событіе принято было въ провинціи, бросимъ взглядъ на прошлое этой знаменитой государственной тюрьмы и, предоставивъ духу партіи его страсти и химеры, поищемъ, по совѣсти, историческую правду.

Не мало было говорено о lettres de cachet, въ силу которыхъ производились заточенія въ Бастилію, причемъ слухи о примѣненіи ихъ были необычайно преувеличены. Припомнимъ прежде всего, что эти письма намѣчали четыре категоріи лицъ: 1) тѣхъ, тюремное заключеніе которыхъ было исходатайствовано по важнымъ причинамъ собственными ихъ семьями. Лицо, къ которому семьи эти обращались съ своими просьбами, провѣряло ихъ помощью разслѣдованія и передавало ихъ въ совѣтъ депешъ, присоединивъ къ нимъ свой рапортъ; 2) лицъ, уже находившихся въ заключеніи по судебнымъ приговорамъ; 3) лицъ, подлежавшихъ взятію подъ стражу, но семьи которыхъ добивались тюремнаго ихъ заключенія, во

избѣжанie судебной огласки; 4) тѣхъ, которыхъ, по политическимъ соображенiямъ, считали полезнымъ запереть въ государственную тюрьму. Въ первомъ случаѣ lettres de cachet оберегали семейную честь, во второмъ — онѣ смягчали наказанie, а въ третьемъ—являли собою извѣстную милость. Что касается четвертой категорiи, то мы сейчасъ разсмотримъ, какiя злоупотребленiя могла она порождать. Lettres de cachet, подписанныя королемъ и скрѣпленныя министромъ, для полученiя исполнительной силы, должны были проходить черезъ руки генералъ-лейтенанта полицiи.

Не вѣрно, будто-бы lettres de cachet давались съ пробѣлами или продавались. При Людовикѣ XV и въ правленie madame де-Помпадуръ примѣненie ихъ было подчасъ произвольно, но и то въ очень рѣдкихъ случаяхъ [1]). Францъ Функъ-Брентано, которому поручено было составить оффицiальный каталогъ архива Бастилiи, находящагося въ библiотекѣ арсенала, нашелъ единственное lettre de cachet, свидѣтельствовавшее о несправедливомъ заключенiи въ тюрьму. Его недавнiя работы о Бастилiи [2]) пролили новый свѣтъ на эту часть исторiи Францiи, изученную имъ съ полной добросовѣстностью, разработанной на страницахъ, полныхъ интереса, которыми намъ не разъ придется пользоваться въ дальнѣйшемъ изложенiи. Аресты производились различными способами, то среди бѣлаго дня, шумно, съ цѣлью запугиванiя, то вечеромъ, въ теченie ночи или же на разсвѣтѣ.

Являлся полицейскiй унтеръ-офицеръ, въ сопровожденiи пяти-шести полицейскихъ, дотрогивался до подсудимаго бѣлой палочкой и тѣмъ давалъ ему понять объ его арестованiи. Онъ вѣжливо приглашалъ его сѣсть въ карету, и разговоръ продолжался въ учтивыхъ выраженiяхъ, какими и встрѣчался узникъ при вступленiи своемъ въ Бастилiю. При Людовикѣ XIV комендантъ нерѣдко удерживалъ его у себя къ обѣду. Обыскивали только преступниковъ уголовныхъ.

Отнюдь не слѣдуетъ полагать, что, разъ человѣкъ попадалъ въ Бастилiю, его могли бы тамъ забыть или лишить

---

[1]) Таково мнѣнie Сенака де-Мейлана. „Можно было бы найти при Людовикѣ XV множество образчиковъ подобнаго злоупотребленiя властью, хотя гораздо менѣе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. Не то было при Людовикѣ XVI; характерной чертой царствованiя его является снисходительность, да и принципы на счетъ пользованiя властью измѣнились“. „Du gouvernement, des moeurs et des conditions en France avant la Révolution“.

[2]) Latude („Revue des Deux Mondes“, 1-го октября, 1889 г.), „La Bastille d'après ses archives „Rèvue historique“, 1-го января и 1-го марта 1890 г. и „Les gens de lettres à la Bastille“ („Revue bleue“, 13 iюля 1889 г.)“.

средствъ протестовать противъ несправедливости и произвола. Генералъ-лейтенантъ полиціи, облеченный властью настоящаго судьи, весьма часто посѣщалъ Бастилію для допроса узниковъ, которые имѣли съ нимъ письменныя непосредственныя сношенія.

Разъ въ году бывали „большія визитаціи“, когда съ особеннымъ вниманіемъ допрашивались узники и разслѣдовались мотивы ихъ заключенія.

Если даже lettre de cachet было достаточно для заключенія въ Бастилію, то на основаніи его не могли еще задержать тамъ преступника, котораго полагалось допросить въ двадцать четыре часа. Срокъ этотъ нарушался въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Коммиссаръ Шателе, причисленный къ Бастиліи, по даннымъ инструкціямъ генералъ-лейтенанта полиціи, производилъ допросъ каждому заключенному. Для важныхъ дѣлъ учреждена была особая коммиссія, причемъ судьи, входившіе въ ея составъ, вели судопроизводство съ благосклонностью, что вынужденъ былъ признать за ними даже Ренневилль, авторъ памфлетовъ на Бастилію.

Протоколъ, подписанный коммиссаромъ Шателе и редактировавшимъ его актуаріусомъ, посылался къ полицейскому поручику, съ мотивированнымъ мнѣніемъ. Новое lettre de cachet возвращало узнику свободу, если его признавали невиннымъ. Комендантъ Бастиліи былъ преисполненъ человѣколюбія и относился къ узникамъ съ отеческой заботливостью. Равэссонъ, которому мы обязаны важнымъ изданіемъ „Archives de la Bastille“ [1]), сравниваетъ его съ „содержателемъ пансіона средней руки“. Латюдъ расхваливаетъ начальника Шевалье. Начальникъ де-Ломъ, убитый въ 1789 г., проявлялъ удивительнѣйшую заботливость по отношенію ко всѣмъ заключеннымъ. Сто инвалидовъ составляли гарнизонъ Бастиліи. По словамъ Дюмурье, „то были солдаты съ благородствомъ и честью [2])“.

Поражаешься послабленіями и предупредительностью, съ какими относились къ узникамъ. Весьма многіе изъ нихъ имѣли возможность убирать свои комнаты по своему вкусу. Madame де-Сталь-Делонэ приказала оклеить свою комнату обоями. Другіе украшали стѣны фамильными портретами, пользовались библіотеками въ 600 томовъ. Всѣ узники, включая сюда людей низшаго сословія, пользовались прислугой на счетъ адми-

---

[1]) 16 томовъ, in 8°.
[2]) „Mémoires“, II, 274.

нистраціи Бастиліи. Въ случаѣ одновременнаго заключенія нѣсколькихъ членовъ одной и той же семьи, имъ разрѣшалось жить вмѣстѣ. Они занимали общую камеру.

Посѣщенія извнѣ разрѣшались безъ затрудненій. Заключенные принимали своихъ посѣтителей въ залѣ Совѣта, въ присутствіи одного изъ офицеровъ замка. Но при Людовикѣ XV темы разговоровъ предназначались заранѣе, причемъ воспрещалось касаться тѣхъ, которыя имѣли отношеніе къ Бастиліи или къ мотивамъ заключенія даннаго лица.

Мемуары де-Гурвилля, Бюсси-Рабютена, madame де-Сталь-Делонэ, Ришелье даютъ возможность оцѣнить жизнь въ Бастиліи при Людовикѣ XIV. Узники получали разрѣшеніе прогуливаться по всему замку, иногда даже и по улицамъ Парижа, за предѣлами тюрьмы, подъ условіемъ возвращенія туда вечеромъ. Въ срединѣ XVIII столѣтія былъ такой случай, что одного узника временно выпускали на свободу для проведенія одного процесса. Другой, при Людовикѣ XIV, получилъ разрѣшеніе поѣхать въ Голландію, выдавъ предварительно письменное обязательство возвратиться черезъ три недѣли.

Въ 1752 году одной дамѣ, по имени Сове, пришла фантазія имѣть бѣлое шелковое платье, съ зелеными цвѣточками. И вотъ обѣгали всѣ магазины, чтобы достать ей желанной матеріи. Но точно такой матеріи, какъ она заказала, не нашлось, причемъ выражена была надежда, что она удовлетворится бѣлой шелковой матеріей съ зелеными полосами.

Больныхъ пользовалъ одинъ изъ врачей короля. Въ ихъ распоряженіи были теплыя ванны. Родственникамъ разрѣшалось иногда ухаживать за ними. Въ Бастиліи имѣлся парикмахеръ, аптекарь и—верхъ предусмотрительности—акушерка. Дровъ для топлива отпускалось вволю.

Недостаточные узники получали денежную помощь. За нихъ платили старые долги ихъ за квартиру; имъ давался табакъ [1]), ихъ одѣвали на счетъ короля, причемъ имъ заказывали даже шлафроки на ватѣ и жилеты, подбитые шелковымъ плюшемъ.

Бюсси-Рабютенъ давалъ обѣды въ Бастиліи. О кулинарномъ режимѣ можно судить по исторіи Мармонтеля, случайно

[1]) „Въ Бастиліи есть обычай: узникамъ, которые желаютъ курить и не имѣютъ средствъ купить себѣ табаку, — давать по двѣ унціи въ недѣлю; есть и такіе, которымъ я даю болѣе этого“. Письмо Шевалье къ поручику полиціи, отъ 24 августа 1754 г. „Archives de la Bastille“. „La vie à la Bastille“, Франца Функъ-Брентано, стр. 21.

скушавшаго и нашедшаго превосходнымъ обѣдъ, предназначенный для его лакея, который, воспользовавшись этой ошибкой, въ свою очередь, поѣлъ вкусный обѣдъ своего барина [1]).

Въ Бастиліи кормили прекрасно,—говорилъ Дюмурье, на основаніи собственнаго опыта, — тамъ подавали всего пять блюдъ къ обѣду, три — къ ужину, не считая дессерта, и все это, сервированное вмѣстѣ, казалось великолѣпнымъ" [2]).

Въ постные дни узники имѣли право требовать себѣ скоромный столъ. Лэнге, вмѣстѣ съ Ренневиллемъ и Латюдомъ, способствовавшій созданію легенды о Бастиліи, не могъ нахвалиться пищей и разсказывалъ, что поваръ ежедневно подавалъ ему меню, на которомъ онъ назначалъ блюда по своему выбору.

„Пускай не думаютъ, говоритъ Францъ Функъ-Брентано,— что факты эти были исключеніями, — нѣтъ, они были правиломъ. Узники, пользовавшіеся наименьшимъ вниманіемъ, ѣли очень хорошо. Только тѣхъ, которыхъ сажали въ карцеръ, оставляли иногда на хлѣбѣ и на водѣ. Но то было уже наказаніе, вызванное какимъ-нибудь ослушаніемъ, и притомъ случайнаго характера" [3]).

Плата за содержаніе, выдававшаяся комендантомъ, распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Буржуа—пять ливровъ въ день. Капиталистъ, судья, литераторъ — десять ливровъ. Совѣтникъ Парламента—пятнадцать ливровъ. Генералъ лейтенантъ—двадцать четыре ливра. Маршалъ Франціи—тридцать шесть ливровъ.

Конечно, никто не станетъ утверждать, чтобы пребываніе въ Бастиліи было предпочтительнѣе свободы. Но, должно быть, пребываніе это было менѣе ужасно, чѣмъ это любили разсказывать,—иначе многіе узники не вспоминали бы о немъ безъ скорби и огорченія. По свидѣтельству Франца Функа-Брентано, нѣкоторые бастильскіе узники сожалѣли, когда выходили оттуда, а иные даже добивались попасть туда. Само собой разумѣется, что то были лица съ недостаточными средствами.

Даже самые ярые хулители Бастиліи не оспаривали ихъ въ этомъ случаѣ. Многіе изъ заключенныхъ, по словамъ Ренневилля „выходили изъ крѣпости, сожалѣя о своемъ отбытіи" [4]). Леметръ де-Саси и Фонтэнь относили года, проведен-

[1]) „Mémoires de Marmontel" (Bibliothéque des Mém. relatifs à l'hist. de France pendant le XVIII siècle, Баррьера, 3).
[2]) „Mémoires", кн. II, гл. I.
[3]) La vie à la Bastille, стр. 19.
[4]) „Histoire de la Bastille", I, LXXXV.

ные ими въ Бастиліи, къ числу счастливѣйшихъ лѣтъ въ ихъ жизни. „Въ глубинѣ моей души, — писала въ своихъ мемуарахъ madame де Сталь-Делонэ, — я была очень далека отъ желанія свободы". „Я провелъ въ Бастиліи шесть недѣль,—писалъ, въ свою очередь, аббатъ Морелле, — смѣюсь до сихъ поръ при воспоминаніи объ этихъ недѣляхъ, которыя протекли для меня очень пріятно" [1]).

Одно обстоятельство игнорируется, повидимому, всѣми, — а именно, что Бастилія носила почти исключительно аристократическій характеръ [2]). Злоумышленники и уголовные преступники встрѣчались тамъ въ меньшинствѣ. Наибольшая часть узниковъ принадлежала къ высшей буржуазіи и духовенству. Послѣдними узниками, заключенными въ Бастилію, были двѣнадцать бретонскихъ дворянъ: Маркизъ де-ла-Бурдоннэ, де-Монлюкъ и де-Тремарга; дю-Буа де-Ла-Фероньеръ, Арманъ де-Ла-Ройери, де-Сисе, де-Карне, де-Гюэ и des-Нетюмьеръ, маркизъ де-Беде де-Висделу, графы де-Шатильонъ, де-ла-Фрюглэ и дю-Буэксикъ де-Бекдельевръ. Они были отправлены депутатами отъ своихъ провинцій въ 1788 г. для принесенія жалобы королю, по поводу изданныхъ эдиктовъ въ министерство Ломени де-Бріенна, противъ парламентовъ. Заключенные въ Бастилію, они провели въ ней два мѣсяца. Имъ показалось, что время тянулось слишкомъ долго, и они потребовали бильярдъ, который и получили, послѣ чего регулярно отправлялись къ начальнику играть свою партію [3]).

Народная молва не ошибалась на счетъ истиннаго назначенія Бастиліи. Въ 1789 году, когда ее разрушали, одинъ человѣкъ изъ простонародья замѣтилъ аббату Рюдеману, приводящему этотъ фактъ въ своихъ мемуарахъ: „Вы не можете сказать, чтобы мы трудились для васъ, ибо мы и не нюхали Бастиліи; насъ пихаютъ въ Бисетръ" [4]).

Въ Бастиліи съ ея 8 башнями, каждая въ четыре или пять этажей, могли помѣщаться всего пятьдесятъ узниковъ, размѣщенные отдѣльно. Францъ Функъ-Брентано насчитываетъ, среднимъ числомъ при Людовикѣ XIV, по двадцати

---

1) Mém. („Collect. des Mém. relatifs à la Révolution", I, 95).

2) Ла-Гарпъ говоритъ объ аристократизмѣ, отличавшемъ ее отъ другихъ тюремъ. „Народъ,—говоритъ Мерсье въ своемъ „Tableau de Paris"—наканунѣ 1789 года страшится болѣе Шателе, нежели Бастиліи. Онъ не боится послѣдней, ибо она для него какъ бы чужда; слѣдовательно, онъ нисколько не жалѣетъ и заключенныхъ въ ней".

3) „La vie à la Bastille", Франца Функъ-Брентано, стр. 23.

4) „Mémoires de l'abbé Rudemann (1789—1792)" „Revue de la Révolution française", 1883, стр. 165.

пяти человѣкъ заключенныхъ ежегодно, въ большинствѣ на короткое время [1]. При Людовикѣ XVI Альфредъ Бежи составилъ статистику узниковъ въ Бастиліи отъ 1784 до 1789 г., на основаніи имѣвшейся у него тюремной росписи де-Ломъ. Онъ доводитъ общую цифру узниковъ при Людовикѣ XVI до двухъ сотъ сорока человѣкъ, т. е. среднимъ числомъ по шестнадцати человѣкъ въ годъ.

По Гюставу Борду, цифра эта достигаетъ до двухъ сотъ восьмидесяти семи человѣкъ за все царствованіе Людовика XVI, что среднимъ числомъ дало-бы по девятнадцати человѣкъ въ годъ, считая въ томъ числѣ и заключенныхъ предшествовавшаго царствованія, содержавшихся правительствомъ Людовика XVI. Обыкновенно тамъ не бывало болѣе девяти заключенныхъ сразу. Наибольшее число арестовъ относится къ либеральному министерству Тюрго, въ теченіе одного года и десяти мѣсяцевъ заключившаго въ тюрьму 77 человѣкъ, что среднимъ числомъ составляло по 42 человѣка въ годъ. Калоннъ въ пять лѣтъ и десять мѣсяцевъ своего министерства заточилъ всего 95 человѣкъ, а Неккеръ — среднимъ числомъ по 17 человѣкъ въ годъ. При Людовикѣ XVI содержалось или было переведено 249 заключенныхъ; кромѣ того, было выдано 38 распоряженій объ отмѣнѣ заключенія, что среднимъ числомъ составило 15% [2].

Имѣются указанія, дающія возможность ознакомиться съ положеніемъ большинства узниковъ при Людовикѣ XVI и съ мотивами ихъ заключенія [3]:

Добровольныхъ узниковъ [4]	12
За неповиновеніе	11
За шпіонство	8
За мошенничество, шантажъ, лихоимство . .	5

---

[1]) Отъ 1664 до 1703 г. Поль Сере насчитываетъ 365 заключенныхъ, т. е. среднимъ числомъ по 19 человѣкъ въ годъ. Таковыхъ было 147 человѣкъ въ одномъ 1686 году, по поводу отмѣны Нантскаго эдикта. „La Bastille devant l'histoire", стр. 74.

[2]) „Liste des prisonniers à la Bastille sous Louis XVI", Гюстава Бордъ. „Révue de la Révolution", 1883, I и II, 158.

[3]) Ibid., II, 158.

[4]) Эта рубрика добровольныхъ узниковъ можетъ удивить лишь людей, мало знакомыхъ съ исторіей Бастиліи, которая нерѣдко бывала убѣжищемъ и спасительнымъ мѣстомъ. Бодаръ де-Сенъ-Джемсъ, главный фермеръ, извѣстный своей расточительностью, сѣлъ въ Бастилію 1-го января 1787 г., во избѣжаніе преслѣдованія своихъ кредиторовъ. Ревельонъ, обойный фабрикантъ изъ предмѣстья Saint-Antoine, разорившись 28 апрѣля 1789 г., 1-го мая, по собственной просьбѣ, посаженъ былъ въ Бастилію, для спасенія отъ неистовства мятежниковъ. Онъ вышелъ оттуда 28 мая, не избѣжавъ рѣзни 14 іюля.

Умалишенныхъ фантазеровъ	7
За посягательство на нравственность	7
Литераторовъ	24
Типографщиковъ, разнощиковъ газетъ, книгопродавцевъ	38
По дѣлу о мукѣ	31
По дѣлу Коллье	11
По дѣлу Парламента въ Бретани	12
По разнымъ дѣламъ	7
Заключенныхъ при Людовикѣ XV и продолжавшихъ свое заточеніе при Людовикѣ XVI .	8
	181

„Эти достовѣрныя цифры,—заключаетъ Гюставъ Бордъ,—рисуютъ намъ старый режимъ совсѣмъ съ иной точки зрѣнія, нежели та, съ какой нѣкоторые желали-бы его освѣтить. Мы видимъ въ дѣйствительности, что королевская власть, въ общемъ, пользовалась своимъ могуществомъ лишь съ самой величайшей умѣренностью, хотя властью этой легко злоупотребить. Мы видимъ, какъ постоянно къ самымъ разнообразнымъ проступкамъ она примѣняетъ наказанія гораздо болѣе мягкія, нежели тѣ, какія были-бы примѣнены современнымъ законодательствомъ“.

Когда Малербъ, министръ Людовика XVI, посѣтилъ государственныхъ преступниковъ, то среди нихъ оказалось всего двое, заслуживавшихъ освобожденія. Въ эту эпоху надо было опасаться не злоупотребленій властью, а, напротивъ того, крайней снисходительности власти и чувствительныхъ эфектовъ, пользовавшихся такимъ фаворомъ въ тѣ времена. Малуэ приводитъ по этому поводу одинъ примѣръ, заслуживающій упоминанія. У него служилъ одинъ лакей, который, взломавъ однажды его письменный столъ, укралъ оттуда пятьдесятъ луидоровъ и двѣ пары кружевныхъ маншетъ. Дѣло это обнаружилось на другой день. Но лакей, подъ предлогомъ доставки одного письма въ Версаль, скрылся. Тогда Малуэ послалъ описаніе его примѣтъ къ Сартину, генералу-лейтенанту полиціи, и подалъ жалобу коммиссару отдѣла.

Прошло три недѣли. Вдругъ онъ получилъ отъ Сартина письмо, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его, что воръ найденъ на Ронѣ, на перевозномъ суднѣ, въ кружевныхъ маншетахъ и съ пятидесятью луидорами, и что объѣздная команда везетъ его обратно въ Парижъ, гдѣ его будутъ судить. Послѣ

своего ареста, невѣрный слуга написалъ Малуэ письмо, умоляя объ его посредничествѣ, такъ какъ законы карали домашнее воровство очень строго. Малуэ поспѣшилъ къ Сартину. Жалоба и протоколъ объ арестѣ были уже направлены къ королевскому прокурору Шателе. Процессъ не затянулся-бы и, согласно обычаю того времени, вора должны были повѣсить передъ домомъ его хозяина. Сартинъ началъ противиться исполненію просьбы Малуэ, ссылаясь на то, что нельзя уже было остановить данную инструкцію безъ приказа короля, чего канцлеръ не допустилъ-бы. Тогда Малуэ обратился къ принцессѣ Аделаидѣ, и ея вмѣшательствомъ добился отъ канцлера lettre de cachet, для заключенія вора въ Бисетръ. Пятьдесятъ луидоровъ и кружева послужили для уплаты расходовъ.

Визитируя впослѣдствіи тюрьмы, о чемъ я уже упоминалъ, и опрашивая заключенныхъ съ той мыслью, не былъ-ли кто арестованъ на недостаточныхъ основаніяхъ, Малербъ напалъ на этого вора. Послѣднему удалось расположить министра въ свою пользу и убѣдить его въ своей невинности. Пересмотрѣвъ тюремный списокъ узниковъ, Малербъ прочелъ на немъ приказъ короля: „Арестованъ за лихоимство по жалобѣ Малуэ, его хозяина". Вообразивъ, что тутъ произошло злоупотребленіе властью, онъ распорядился освободить вора изъ тюрьмы.

Прошло много времени, какъ вдругъ Малуэ получилъ отъ этого человѣка вызовъ къ суду для возстановленія оскорбленной его чести и уплаты проторей и убытковъ. Въ своей наглости воръ дошелъ до того, что сталъ требовать пятьдесятъ луидоровъ и кружева, которые объѣздъ, по словамъ его, отобралъ отъ него. Малуэ немедленно бросился къ Сартину, занимавшему уже въ то время постъ морскаго министра, и тотъ много трунилъ надъ Малуэ и Малербомъ по этому поводу. Письменное показаніе вора, признавшагося въ преступленіи, найдено было въ полицейскомъ бюро и послѣдовалъ немедленный приказъ объ его арестованіи. Но онъ исчезъ, ибо имѣлъ въ виду только напугать своего прежняго барина. Шесть мѣсяцевъ спустя, его арестовали и снова водворили въ Бисетрѣ [1]).

Этотъ анекдотъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ концѣ стараго режима скорѣе существовала склонность къ снисходительности относительно преступниковъ, нежели къ жестокости.

---

[1]) „Mémoires de Malouet", I, 48.

Когда 14 іюля 1789 г., Бастилія была захвачена народомъ, — въ ней нашли всего семерыхъ узниковъ. Вотъ ихъ имена:

1) Жанъ Бешадъ Ла-Бартъ, чиновникъ;

2) Бернаръ Ларошъ, 18 лѣтъ, чиновникъ;

3) Жанъ Ла-Коррежъ, чиновникъ;

4) Жанъ Антуанъ Пюжадъ, негоціантъ.

Всѣ четверо были заключены въ Бастилію въ январѣ 1787 года, по обвиненію въ поддѣлкѣ векселей;

5) Графъ де-Солажъ, заключенный въ 1782 г. въ Венсеннь, по просьбѣ его отца, за мотовство и дурное поведеніе, и переведенный въ Бастилію 28 февраля 1784 г.;

6) Тавернье, обвиняемый въ заговорѣ на жизнь короля, отсидѣвшій сперва въ заключеніи десять лѣтъ на островахъ Св. Маргариты, затѣмъ 4 августа 1759 года переведенный въ Бастилію. Какъ страдающій бредомъ, онъ былъ помѣщенъ въ Шарантонъ, вскорѣ послѣ выхода его изъ Бастиліи;

7) Графъ де-Вайтъ де-Маллевилль, заключенный сначала въ Венсенньскомъ замкѣ и переведенный въ Бастилію 29-го іюля 1784 года. Онъ находился почти постоянно въ бреду и, подобно Тавернье, былъ помѣщенъ въ Шарантонъ, по выходѣ изъ Бастиліи [1]).

Внимательной и безпристрастной провѣркѣ фактовъ, касающихся Бастиліи, вполнѣ достаточно для доказательства ложности разсказовъ, которые продолжаютъ приниматься за истинные легковѣріемъ или партійнымъ духомъ. Какъ зародилась эта пресловутая легенда? Какъ могла она удержаться? Она вызвана къ жизни Революціей, интересамъ которой служила, эксплоатировалась ею для устрашенія народнаго воображенія представленіемъ стараго режима, въ видѣ правительства угнетавшаго, при которомъ никто не могъ считать себя въ безопасности. Но въ измышленіи этой легенды повинны не одни революціонеры. Она слишкомъ хорошо подходила къ тону даннаго настроенія человѣческаго ума, съ такой легкостью поддававшагося таинственнымъ вещамъ, съ такой быстротой усвоивавшаго ихъ на вѣру.

Она служила въ тоже время интересамъ абсолютной власти, разсчитывавшей найти силу въ страхѣ наказанія, сильнѣйшаго нежели то, какое она налагала въ дѣйствитель-

---

[1]) „Le registre d'écrou à la Bastille", отъ 1782 до 1789 г., Альфреда Бежи.— Извлеченіе въ „Nouvelle Révue", 1-го сентября 1880 г.

ности. Далекій отъ того, чтобы разсѣять ошибочныя мнѣнія, старый режимъ, казалось, находилъ удовольствіе въ поощреніи этихъ мнѣній такимъ орудіемъ, которое внушало къ нему страхъ, но еще болѣе дало возможность клеветать на него. Отъ узниковъ, при ихъ прибытіи, требовалось обѣщаніе хранить безусловное молчаніе обо всемъ, предоставляя предполагать не вѣсть какія страшныя тайны. Похороны производились на кладбищѣ св. Павла не при дневномъ свѣтѣ, а ночью, при свѣтѣ факеловъ. Этого было достаточно, чтобы напугать массу и поселить вѣру въ драматическія розсказни.

Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Гранье де-Кассаньякъ, „таинственность, окутывавшая всѣ дѣйствія стараго режима, при которомъ не допускались и не признавались система гласности и публичности, и придавала колоссальные размѣры дѣйствію lettres de cachet. Вслѣдствіе недостатка этого контроля, воображеніе и легковѣріе доводили злоупотребленія до крайности, и эта фантасмагорія абсолютной власти принесла ей болѣе вреда, нежели самыя крайнія насилія. Такова-то справедливость партій, — онѣ надѣлали страшнаго шуму изъ-за семи заключенныхъ Людовика XVI и умолчали о двухъ стахъ тысячахъ узниковъ Комитета Общественной Безопасности“ [1]).

Все должно было быть легендарнымъ въ этой исторіи Бастиліи, столь странно обезображенной заблужденіемъ и зловредной довѣрчивостью. По мнѣнію Віолле-Ледюка, подземныхъ темницъ никогда не существовало, а былъ просто ледникъ. Люди не преминули разжалобиться объ участи несчастныхъ, ввергнутыхъ туда варварствомъ абсолютной власти. Въ саду замка были похоронены евреи, протестанты и самоубійцы, лишенные христіанскаго погребенія, и вотъ, когда въ 1789 г. нашли ихъ кости, то поднялись самыя невѣроятныя предположенія. Мирабо воскликнулъ: „У министровъ не хватило предусмотрительности,—они позабыли доглодать кости!“..

Изъ рыцарскихъ доспѣховъ среднихъ вѣковъ, найденныхъ въ Бастиліи, создали „желѣзныя латы, изобрѣтенныя, для того, чтобы сковывать человѣку всѣ члены и устанавливать его въ положеніи вѣчной неподвижности“ [2]). Не могли объяснить себѣ употребленія одного снаряда, также открытаго впослѣдствіи, но который, безъ всякаго сомнѣнія, имѣлъ на-

---

[1]) „Hist. des causes de la Révolution française“, II, 234, 237.

[2]) „Moniteur“, 1789, стр. 97.—„La vie à la Bastille“, Франца Функъ-Брентано, стр. 32.

значеніемъ уничтоженіе человѣческой жизни. То была тайная типографія, захваченная въ 1786 г. у ея собственника, Франсуа Ленормана [1])

Что же касается до знаменитыхъ казематовъ, куда сажались лишь мятежные преступники или узники, то къ нимъ и не прибѣгали въ 1789 г., и ни одинъ изъ тюремныхъ ключниковъ, спрошенныхъ 18 іюля, не помнилъ, чтобы видѣлъ тамъ кого бы то ни было. Двое заключенныхъ, Бешадъ и Тавернье, найденные тамъ инсургентами 14 іюля, посажены были туда офицерами замка, въ моментъ аттаки, ради безопасности [2]).

Но какъ же было не сдѣлать себѣ орудія изъ Бастиліи противъ власти, которую хотѣли ниспровергнуть! Крѣпость эта чудесно подходила для трагическихъ замысловъ съ своими величественными башнями, высокими стѣнами, вытягивавшимися подобно грозящимъ привидѣніямъ посреди вечернихъ тѣней. Не была ли она связана съ таинственнымъ воспоминаніемъ о Желѣзной маскѣ, оставшейся какъ бы загадкой этой тюрьмы? Латюдъ, наконецъ, олицетворялъ собою всѣхъ жертвъ тираніи. Изъ доподлинной исторіи его узнаемъ, что то былъ интриганъ и безумецъ. Но репутація его опередила Революцію. Онъ былъ избранникомъ салоновъ, принятымъ въ нихъ съ благосклонностью, и потому разсказы, созданные его воображеніемъ, имѣли успѣхъ любопытства и тревоги [3]).

Необходимо перенестись въ конецъ XVIII столѣтія, когда всѣ умы, въ мечтахъ своихъ объ идеальной справедливости и свободѣ, преслѣдовали злоупотребленія власти даже тамъ, гдѣ таковыхъ болѣе не существовало или гдѣ ихъ никогда и не бывало. Единственное, что можетъ служить извиненіемъ ихъ заблужденія, это сознаніе, созрѣвшее въ нашихъ предкахъ въ теченіе долгаго царствованія Людовика XV, неудобствъ абсолютной монархіи. Быть можетъ ей подчинялись бы охотнѣе, еслибы властью этой, какъ во времена Людовика XIV, распоряжался исключительно законный ея представитель; но тутъ на глазахъ всѣхъ она отдана была въ руки фавориток [4]).

---

[1]) „La vie à la Bastille“, стр. 32.

[2]) Ibid., стр. 98.

[3]) См. весьма любопытную и интересную статью, уже приводившуюся нами, посвященную ему Функъ-Брентано. Настоящее имя Латюда было *Жанъ Анри*. Онъ былъ незаконнорожденнымъ сыномъ одной кухарки, по имени Жаннетонъ Обресии и нѣкоего Виссека Латюда. Тѣмъ не менѣе онъ подписывался Мазеръ де-Латюдъ-д'Ори д'Обресни.

[4]) Назовемъ хотя бы одну madame де-Помпадуръ, вліяніе которой было столь пагубно для государственныхъ дѣлъ. На основаніи документальныхъ

Вотъ почему явилась мысль о необходимости положить королевской власти предѣлы, чтобы предупредить возвращеніе къ испытаннымъ бѣдамъ.

Cahiers 89 года всѣхъ трехъ видовъ требовали уничтоженія lettres de cachet прежде, чѣмъ у революціонеровъ явилась мысль о разгромленіи Бастиліи. Герцогъ Леви выражаетъ идею своего времени, равно какъ и идею либеральнаго дворянства, говоря: „Что же касается личной безопасности, то она ничѣмъ не гарантировалась. Въ просвѣщеннѣйшей странѣ Европы, гдѣ царили самые кроткіе нравы, никто не былъ увѣренъ, что будетъ спать въ своей постели. Какой нибудь ложный доносъ, какая нибудь преступная интрига могли васъ оторвать отъ вашей семьи и отправить въ Государственную тюрьму. *Правда, что этого совсѣмъ не случалось, и что въ особенности съ начала новаго царствованія, въ правленіе монарха справедливаго и добродѣтельнаго, lettres de cachet являлись скорѣе охранительной грамотой противъ суровости законовъ, помилованіемъ или отсрочкой, нежели средствомъ для угнетенія. Но они могли сдѣлаться таковыми* [1]).

Такая предубѣжденность представляется намъ ребяческой послѣ преступленій и несчастій Революціи. Но она являлась тогда естественной у людей, которые обсуждали условія хорошаго правительства, гдѣ ничто не должно быть предоставлено произволу. Злоупотребленія въ такомъ случаѣ были бы менѣе грандіозны, чѣмъ они могли бы быть, менѣе многочисленны, нежели принято ихъ себѣ представлять. И тѣмъ не менѣе люди были правы въ своемъ желаніи, чтобы этими злоупотребленіями нельзя было искусить власть никакого монарха.

Революція, захватившая Бастилію, должна была замѣнить ее тюрьмами Террора. Мы только что видѣли, что̀ въ сущности являло собою ея завоеваніе. Скажемъ же теперь, что̀ сталось съ ея побѣдой.

II.

Парижъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ находился въ рукахъ мятежниковъ. Тридцать тысячъ злодѣевъ пребывали въ столицѣ, готовые къ содѣйствію всевозможнымъ волненіямъ. Мя-

---

данныхъ извѣстно, что Людовикъ XV затратилъ на нее 36 милліоновъ (72 милліона на теперешнія деньги). См. Тэна, „L'ancien régime“, стр. 105

[1]) „Souvenirs et portraits“. Объ общественномъ мнѣніи во Франціи въ эпоху Революціи.

тежи слѣдовали одинъ за другимъ. 28-го апрѣля состоялось разграбленіе лавки Ревейльона, торговца бумажными обоями въ предмѣстьѣ Saint-Antoine. Ему приписали рѣчи, какихъ онъ никогда не держалъ. Домъ его раззорили, мебель сожгли. Мятежники выпили все, что только нашли, включая краски и лакъ; нѣкоторые изъ нихъ умерли отъ того.

Нѣкій селитроваръ, по имени Апріо, былъ разграбленъ наканунѣ на основаніи тѣхъ ложныхъ обвиненій, какія такъ часто возобновлялись въ періодъ Революціи. Въ послѣдующіе дни мятежники продолжали разгромлять остальныя лавки. Примѣръ былъ поданъ; власть же, слишкомъ снисходительная или слишкомъ слабая, не приняла строгихъ мѣръ по отношенію къ зачинщикамъ безпорядка. 30-го іюня чернь взломала ворота тюрьмы въ Аббатствѣ Saint-Germain, съ цѣлью освобожденія задержанныхъ тамъ французскихъ гардистовъ. Затѣмъ начались подстрекательства со стороны вожаковъ революціонной партіи. 8-го іюля Мирабо потребовалъ отозванія войскъ, желая слить во едино дѣло Національнаго Собранія съ дѣломъ мятежа. Вслѣдъ за увольненіемъ Неккера, Камиллъ Демуленъ 13-го іюля сдѣлалъ въ Пале-Роялѣ призывъ къ междуусобной войнѣ, въ отвѣтъ на который начали вырывать садовыя деревья. На принца Ламбеска и его солдатъ произведено было нападеніе на площади Людовика XV, причемъ имъ съ трудомъ удалось отдѣлаться отъ бунтовщиковъ. Трое изъ этихъ солдатъ были зарѣзаны нѣсколько времени спустя. Всѣ театры были закрыты; всѣ гербы похищены, и грабежи продолжались вмѣстѣ съ угрозами.

Смута испробовала свою силу: Парижъ оказался въ ея власти, и при такихъ-то обстоятельствахъ настало 14 іюля. Королевская власть не могла разсчитывать па Парижскую гвардію. Различные полки находились въ окрестностяхъ. Но, была ли то небрежность или же не ожидали нападенія, только защита не была организована. Бастильскій гарнизонъ состоялъ изъ 82 инвалидовъ. И вотъ ограничились тѣмъ, что подкрѣпили его отрядомъ швейцарскаго полка Salis-Salmade, т. е. тридцатью солдатами съ однимъ поручикомъ по имени Флю.

Правда, Бастилія имѣла возможность защищаться своими рвами, своими высокими стѣнами, своимъ подъемнымъ мостомъ, своими башнями, откуда легко было стрѣлять въ осаждавшихъ. По части боевыхъ запасовъ крѣпость располагала 3.000 патроновъ и 15 пушками, помѣщавшимися на башняхъ. Но они могли служить лишь для общественныхъ увеселеній.

„И такъ Бастилія, — говоритъ Гюставъ Бордъ въ поучительной книгѣ своей, написанной имъ на эту тему, — была не въ состояніи ни произвести страшной рѣзни народа, ни выдержать правильной осады. А такъ какъ мятежники не могли производить осаду при такихъ условіяхъ, то и оставалось только затворить ворота и предоставить имъ стрѣлять въ стѣны“ [1]).

О нападеніи на Бастилію заранѣе не было извѣстно ничего опредѣленнаго. Однако зародыши смуты начали распространяться. 14-го іюля мятежники захватили 28.000 ружей изъ дома Инвалидовъ [2]), причемъ инвалиды были съ ними заодно. Въ одиннадцать часовъ утра толпа окружила всѣ подъѣзды Бастиліи, а около полудня коменданту де-Лони доложили о посѣщеніи вооруженныхъ людей, которыхъ онъ принялъ при входѣ на подъемный мостъ, давши свое согласіе ввести ихъ. Онъ отказался выдать имъ оружіе и боевые запасы, какъ они того требовали. Полчаса спустя явился новый вѣстовщикъ — де-Корни, посланный отъ Ратуши, съ просьбой къ коменданту снять пушки съ башенъ, не оказывать никакого сопротивленія въ случаѣ аттаки, не проливать народной крови, ввести наконецъ въ гарнизонъ гражданскій караулъ, который по всей вѣроятности привелъ бы къ умиротворенію мятежа. Комендантъ отказался принять эти предложенія, согласившись только на снятіе пушекъ и обязуясь избѣгать всякаго вызова и отвѣчать исключительно на тѣ, которые послѣдуютъ по его адресу.

Короткое время спустя послѣ ухода де-Корни, послышался шумъ отъ ружейнаго залпа. То были мятежники, стрѣлявшіе въ Бастилію. Тогда нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей, заряженныхъ порохомъ, были сдѣланы по приказанію коменданта, и этого оказалось достаточнымъ, чтобы обратить мятежниковъ въ бѣгство.

Около трехъ часовъ новые мятежники осадили Бастилію со стороны Арсенала. Они вошли во дворъ, подъемный мостъ котораго охранялся единственнымъ и притомъ невооруженнымъ инвалидомъ. Двое солдатъ дезертировъ перелѣзли черезъ первую ограду, не встрѣтивъ сопротивленія. Съ помощью двухъ другихъ инсургентовъ они опустили подъемный мостъ,

---

[1]) „La prise de la Bastille et les conséquences de cet événement dans les provinces jusqu'au journées des 5 et 6 Octobre 1789“, 2 изданіе, I часть, стр. 45.

[2]) Комендантомъ тамъ былъ де-Сомбрёйль.

у котораго они разбили цѣпи, разбили ворота топоромъ и толпа могла тогда безпрепятственно проникнуть во дворъ администраціи. Де-Лони приказалъ спросить у мятежниковъ, добравшихся до вторыхъ воротъ, чего они желаютъ. Они желали, чтобы мосты были опущены. Тогда послѣдовала угроза начать стрѣльбу, если они откажутся удалиться.

Тутъ въ качествѣ парламентеровъ явилась депутація отъ ратуши [1]). На башняхъ взвился бѣлый флагъ. Но прежде чѣмъ посреди шума удалось выслушать первыхъ парламентеровъ, появилась другая депутація, въ составѣ которой были Леденстъ, Ботиду, Шиньяръ, де-Ла-Винь и аббатъ Фоше. Эта новая депутація не была даже замѣчена защищавшими крѣпости.

Когда мятежники дали залпъ въ войско, человѣкъ тридцать инвалидовъ получили приказаніе стрѣлять черезъ амбразуры. Осажденнымъ пришлось затѣмъ удалиться въ кухни и во дворъ администраціи, чтобы избѣжать выстрѣловъ инсургентовъ, противъ которыхъ они продолжали стрѣлять. Сочтя Бастилію неодолимою, мятежники избили многихъ инвалидовъ и едва не зарѣзали mademoiselle Монсиньи, которую они приняли за дочь коменданта. Въ виду такой безурядицы гарнизонъ далъ одинъ пушечный залпъ; то былъ единственный во весь день.

Триста французскихъ гардистовъ-дезертировъ явились съ пушками, взятыми наканунѣ, и направили свою баттарею на Бастилію, хотя безуспѣшно. Во главѣ ихъ находился сержантъ Эли и Гюленъ, тотъ самый, который, сдѣлавшись впослѣдствіи дивизіоннымъ генераломъ и графомъ Имперіи, предсѣдательствовалъ въ военной Венсеньской коммиссіи, на которую возложено было юридическое убіеніе герцога Энгьенскаго.

Возстанію грозила неудача во всѣхъ его попыткахъ, какъ вдругъ де-Лони, замѣтивъ приготовленія къ тому, чтобы взорвать ворота на дворѣ администраціи посредствомъ пушечныхъ выстрѣловъ и видя ограниченность энергіи въ большинствѣ людей, составлявшихъ гарнизонъ, отдалъ приказъ прекратить огонь, не снесшись съ главнымъ штабомъ, и предложилъ сдаться на капитуляцію. Ему отказали въ военныхъ почестяхъ. Тогда онъ послалъ къ осаждающимъ записку слѣдующаго содержанія: „У насъ имѣется двадцать тысячъ фунтовъ пороху.

[1]) Въ ней участвовали де-Бобургъ, Бушеронъ, де-Корни, Кутанъ, Франкотэ, Жогано, Лафлери, Милли, Пико и Сизъ.

Мы взорвемъ гарнизонъ и весь участокъ, если вы не примете капитуляціи".

Въ отвѣтъ на обѣщаніе, данное Эли [1]) и Гюленомъ, что не будетъ сдѣлано ничего дурного гарнизону, комендантъ приказалъ открыть ворота и опустить мостъ. Толпа мгновенно хлынула черезъ него и насилія не замедлили показать, чего можно было ожидать отъ мятежниковъ, съ которыми обращались, какъ съ регулярной арміей.

Швейцарцы въ своихъ холщевыхъ балахонахъ не были узнаны, и это обстоятельство спасло ихъ. Они были единственными защитниками Бастиліи. Де-Лони, увлеченный на площадь Grève, былъ страшно изуродованъ передъ кончиной. Голова его, отрубленная однимъ поваромъ, была насажена на остріе пики и разносилась по улицамъ Парижа, также какъ и голова де-Ломъ-Сальбрэ, маіора Бастиліи. Полковой лѣкарь де-Мирэ и поручикъ де-Персанъ были также убиты. Двое солдатъ и два инвалида были повѣшены. Одному передъ казнью обрубили кисти рукъ [2]).

Въ тотъ же день городской голова де-Флессель былъ убитъ выстрѣломъ изъ пистолета на углу Гревской площади.

Взятіе Бастиліи въ глазахъ парижанъ представлялось далеко не такимъ важнымъ событіемъ; любопытные глазѣли на него, какъ на какое-то зрѣлище, изъ оконъ сосѣднихъ домовъ или стоя въ своихъ экипажахъ.

По свидѣтельству одного изъ героевъ этого дня, Бастилія не была взята приступомъ [3]); она сдалась. Побѣдители, противно условіямъ капитуляціи и вопреки принятымъ ими обязательствамъ, пролили кровь тѣхъ, которые, бросивъ защищаться, сдались черезчуръ довѣрчиво имъ.

О нравственности этихъ мнимыхъ героевъ можно судить по именамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Фурнье — Американецъ, участвовавшій также въ убійствахъ, перерѣзалъ орлеанскихъ узниковъ, приведенныхъ имъ въ Версаль. Паренъ предсѣдательствовалъ въ революціонной коммиссіи Сомюра, одной изъ гнуснѣйшихъ коммиссій того времени. Извѣстна роль Сантерра, сопровождавшаго Людовика XVI на казнь, и приказавшаго бить барабанную дробь, чтобы заглушить послѣднія

---

[1]) Онъ сдѣлался дивизіоннымъ генераломъ въ 1793 г., комендантомъ Ліона — въ 1797 г. и умеръ въ безвѣстности.

[2]) „La prise de la Bastille", Гюстава Борда, стр. 32 и слѣд.

[3]) „Бастилія,—говорилъ Эли,—взята не приступомъ; она сдалась прежде чѣмъ успѣли ее аттаковать". (Мармонтель, „Mémoires", IV, 317).

слова короля. Россиньоль также успѣлъ блеснуть среди главарей мятежа. Клодъ Фоше, сдѣлавшійся конституціоннымъ епископомъ въ Кальвадосѣ, погибъ на эшафотѣ вмѣстѣ съ жирондистами. Въ числѣ побѣдителей Бастиліи фигурировала также Теруань де-Мерикуръ, революціонная изступленность которой завершилась умопомѣшательствомъ. Она умерла въ Salpêtrière, въ 1817 г.

На титулъ побѣдителя Бастиліи была цѣлая толпа претендентовъ изъ людей, жаждавшихъ милостей со стороны мятежной власти. Одной коммиссіи поручено было составить ихъ списокъ, причемъ ей предписывалось не быть слишкомъ требовательной, такъ какъ провѣрка доказательствъ нерѣдко представлялась затруднительной. Констатировано было 80 человѣкъ умершихъ и 860 оставшихся въ живыхъ, въ томъ числѣ насчитывали 63 французскихъ гардиста.

Просьбы о вспомоществованіи и пенсіи были не менѣе многочисленны. Онѣ не прекращались до 1848 г., а въ 1834 г. эти пенсіи обошлись казнѣ до 660.600 франковъ въ годъ [1].

Разгромъ Бастиліи сдѣлался предметомъ театральныхъ манифестацій. Архитекторъ Паллуа разсылалъ по департаментамъ камни отъ сломки ея, подрядъ которой онъ взялъ на себя. Камень доставлялся въ ящикѣ, и его полученіе давало мѣсто торжествамъ новаго рода.

Въ Анжерѣ одинъ изъ этихъ камней сдѣлался предметомъ церемоніи, на которой присутствовалъ муниципалитетъ, члены мѣстнаго суда и національная гвардія, съ музыкой во главѣ. Толпа размѣстилась на скамейкахъ въ избирательной залѣ департамента, и президентъ главнаго совѣта сказалъ слѣдующее: „Господа, непрестанно въ умѣ нашемъ сохраняется этотъ приснопамятный день, когда готовились великія событія, устанавливающія судьбу народовъ, *когда еще утромъ стояла эта страшная крѣпость, ужасное мѣстопребываніе несчастныхъ жертвъ, стоны которыхъ до сихъ поръ еще отдаются въ нашихъ сердцахъ; тотъ день, полдень котораго прославленъ побѣдой надъ этимъ неодолимымъ оплотомъ, памятникомъ мщенія и жестокости!..* Тотъ день, наконецъ, вечеръ котораго былъ столь прекрасенъ, когда показалась свобода, которая приблизилась къ трону, одной рукой поддерживая его, а другую протянувъ французской имперіи!..“

„Господа!—въ свою очередь, сказалъ главный прокуроръ

---

[1]) „Les hommes du 14 juillet“, Виктора Фурнеля.

синдикъ:—*И такъ, его не существуетъ болѣе, этого памятника изступленій деспотизма, этого гнуснаго вертепа, куда могущество сильныхъ повергало несчастныя жертвы ненависти и интриги.* Ангелъ-хранитель французовъ рекъ: *Да не будетъ болѣе этого страшнаго вертепа, человѣческаго отмщенія!* И Бастилія пала" [1]).

Дѣйствительно, Бастиліи не существовало болѣе; ее разнесли всю по камнямъ. Но если послѣ ея разрушенія предавался анаѳемѣ „этотъ памятникъ неистовствъ деспотизма", какими же эпитетами можно было характеризовать впослѣдствіи якобинскую тиранію, заковавшую Францію въ цѣпи и пролившую цѣлые потоки крови?

Въ этомъ взятіи Бастиліи, въ изступленныхъ восторгахъ, какіе оно возбуждало, заключалась побѣда смуты, господство мятежной власти. Таково было истинное значеніе этого событія изъ всѣхъ объясненій, какія революціонная партія старалась ему придать. Въ политическомъ и соціальномъ строѣ оно имѣло важное значеніе. Оно довершило разрушеніе монархической власти, обезоруженной уже преобразованіемъ états généraux въ Національное Собраніе. Изъ рукъ короля власть перешла въ руки этого Собранія, передъ которымъ, въ свою очередь, воздвиглось могущество улицы. Добившись торжества въ Парижѣ, смутѣ оставалось только похвастать побѣдой своей въ провинціяхъ. Интересно знать, какъ она была тамъ встрѣчена.

III.

Въ субботу 18 іюля прибыла почтовая карета въ Манъ, гдѣ уже нѣсколько дней господствовало возбужденіе, вызванное самыми невѣроятными и самыми тревожными слухами. Прибывшіе въ ней путники были въ кокардахъ и, рукоплеская, кричали: „Добрыя вѣсти! Добрыя вѣсти!" Толпа въ тревогѣ вышла на встрѣчу нетерпѣливо ожидавшейся почтовой каретѣ. Путешественники не замедлили заразить ее своимъ энтузіазмомъ. Всѣ окружили карету, кто цѣплялся за дверцы, кто за колеса. Всѣ выказывали величайшее любопытство и необычайную суетливость.

Какія же то были событія, которыя доставили такую радость? Всѣ горѣли нетерпѣніемъ узнать подробности. И вотъ

---

[1]) „Réception d'une pierre de la Bastille à Angers", Гюстава Борда.— „Revue de la Révolution", 1883, II, 176.

одинъ изъ путешественниковъ сталъ держать рѣчь и, посреди глубокаго молчанія, повѣдалъ о взятіи Бастиліи. Затѣмъ толпа разошлась, и каждый пошелъ распространять далѣе ту новость, которую онъ только что услышалъ. Вскорѣ послѣ того наиболѣе ярые революціонеры завладѣли ею, комментируя ее по своему и возбуждая умы. Кокарда, принятая одними и отвергнутая другими, сдѣлалась предметомъ раздора. Посреди всѣхъ этихъ событій смута преуспѣвала. На другой день, Революція, — еще неувѣренная наканунѣ, — хозяйничала въ городѣ Манъ, гдѣ, согласно обычному своему ходу, мѣстною народною властью она смѣнила власть центральнаго правительства [1]).

Между тѣмъ какъ въ провинціяхъ взятіе Бастиліи представлялось великой побѣдой, паденіемъ стараго режима и всѣхъ его насилій, тѣмъ временемъ распускались самые ужасные слухи, имѣвшіе цѣлью посѣять смуту въ умахъ. То говорили, будто англичане собираются высадиться на берега Франціи, то будто-бы иноземное вторженіе было неминуемо. А то вдругъ начали раздавать подложныя королевскія жалованныя грамоты, разрѣшавшія грабежъ и бунтъ, имѣя въ виду подвигнуть на болѣе крупные безпорядки тѣхъ, кто еще признавалъ королевскую власть. Поселяне жили въ постоянной тревогѣ, въ ожиданіи предстоявшихъ нападеній вооруженныхъ разбойниковъ, о которыхъ постоянно распространялись вѣсти, хотя эти разбойники никогда не появлялись.

„Очевидно,—говоритъ Бордъ, у котораго мы заимствуемъ нѣкоторые изъ собранныхъ имъ фактовъ, — что то были не друзья Двора, которые подали сигналъ къ этой всеобщей паникѣ. Непосредственнымъ интересомъ ихъ, напротивъ того, было наискорѣйшее возстановленіе порядка, такъ какъ они-то прежде всего и страдали отъ такого положенія вещей.

„Для революціонеровъ-же, зачинщиковъ или партизановъ парижской смуты, наоборотъ,—именно въ продленіи, расширеніи смуты и заключался неоспоримый интересъ. Въ случаѣ наступательнаго возвращенія Двора, они не желали одни переносить заслуженное ими наказаніе“ [2]).

Въ Анжерѣ слѣдствіемъ извѣстія о взятіи Бастиліи была революціонная вспышка, вслѣдъ за которой мятежники захва-

---

[1]) „L'année 1789 au Mans et dans le haut Maine“, Роберта Трижера, стр. 222 и слѣд.

[2]) „La prise de la Bastille et les conséquences de cet événement dans les provinces“, 1-я часть, стр. 83.

тили Анжерскій замокъ, охранявшійся всего нѣсколькими инвалидами. То было въ своемъ родѣ подражаніемъ дню 14-го іюля въ Парижѣ. На другой день настала очередь замка Бриссакъ, куда отправились за пушками, которыя съ тріумфомъ были привезены въ Анжеръ.

Въ Нантѣ былъ также поднятъ вопросъ о взятіи замка. Но послѣдній сдался, и охрана его была поручена совмѣстно гарнизону съ буржуазіей. Дворянъ оскорбляли на улицѣ. Монти чуть не убили. Герцогъ де-Майлье производилъ въ то время смотръ полку Рогана, стоявшему гарнизономъ въ томъ городѣ. Опасаясь вліянія его на войска, жители запрягли карету его почтовыми лошадьми и вѣжливо попросили его удалиться. И онъ долженъ былъ уступить такому приглашенію. Мятежъ дошелъ до своего апоѳеоза. Учрежденъ былъ административный комитетъ для защиты города.

Ансенисъ былъ иллюминованъ, въ честь взятія Бастиліи. Въ различные замки страны посланы были отряды для отобранія имѣвшагося тамъ оружія. Результатомъ этихъ экспедицій были восемь маленькихъ пушекъ и нѣсколько ружей.

Въ Реннѣ 16 іюля жители разгромили всѣ оружейные склады. Они захватили пушки изъ отеля Блоссакъ, гдѣ жилъ графъ Ланжеронъ, командовавшій стражей, и отъ него потребовали удаленія войскъ. Онъ обѣщалъ согласиться на это требованіе, если оно будетъ предъявлено ему со стороны муниципальныхъ властей. Солдаты были за одно съ городскими обывателями. Когда узнали объ отставкѣ Неккера, смута перешла въ ликованіе, была зажжена иллюминація. Но 18-го депутація отъ муниципалитета явилась къ Ланжерону, съ расчетомъ добиться отъ него уступокъ въ дѣлѣ военныхъ распоряженій. При всѣхъ революціяхъ повторяется одна и та-же забота — подчинить военный элементъ гражданскому, иначе сказать, устранить возможность вооруженнаго сопротивленія и обезпечить успѣхъ смуты. Бретонская набожность заявила себя на другой день, по случаю voeu d'argent 1634 г. Толпа наполнила Доминиканскую церковь, гдѣ возносились общія молитвы о прекращеніи дождей, вредныхъ для жатвы. *Te Deum* въ церкви Sainte Melaine, иллюминація на королевской площади и общая иллюминація вечеромъ. Между тѣмъ Ланжерону пришлось таки уѣхать изъ Ренна, гдѣ власть его перестали признавать даже войска его. Бретонская молодежь захватила арсеналъ и главные городскіе посты, солдаты сошлись съ мятежниками при крикѣ „Vive la nation!“

Жители Квимпера отпраздновали взятіе Бастиліи требованіемъ отъ муниципальныхъ властей освободить восьмерыхъ узниковъ, участвовавшихъ въ смутѣ. Желаніе это было удовлетворено. Подобная же челобитная объ освобожденіи солдатъ, нарушившихъ дисциплину, была подана полковнику, командовавшему гарнизономъ,—и она также была уважена.

Муниципальное собраніе Saint-Brieuc не прониклось, повидимому, особенно сильнымъ революціоннымъ энтузіазмомъ, если судить по слѣдующему постановленію, съ отпечаткомъ довольно наивныхъ иллюзій:

„Отдавая честь благородству души, отеческой добротѣ его величества, удивляясь энергіи этихъ храбрыхъ честныхъ согражданъ, которыхъ онъ снова обрѣтаетъ въ своемъ сердцѣ, —община постановила зажечь иллюминацію на общественной площади для выраженія своего привѣта прекрасной зарѣ свободы, возсіявшей для французскаго народа. Двое отъ коммунъ и двое отъ духовенства, одинъ отъ дворянъ, комендантъ полка Пуату, стоящаго гарнизономъ въ этомъ городѣ, будутъ приглашены для зажженія иллюминаціи вмѣстѣ съ двумя гг. муниципальными чиновниками“ [1]).

Менѣе мирное настроеніе царило въ окрестностяхъ Динана. Производились обыски въ замкахъ, въ постоянныхъ поискахъ за оружіемъ и хлѣбомъ, причемъ подожгли замокъ ла-Тушъ-Поре, принадлежавшій Ла-Вилль-Гюше. Въ Руанъ извѣстіе о взятіи Бастиліи принесено было въ тотъ-же день конвойнымъ при почтѣ, явившимся въ городъ съ кокардой на шляпѣ. Голодъ вызвалъ броженіе въ предшествующіе дни. Вспыхнули мятежи, но стражѣ удалось ихъ подавить. Двое главныхъ вожаковъ подверглись суду и были повѣшены, несмотря на вмѣшательство Бальи, мэра Парижа, въ пользу одного изъ нихъ.

Узнавъ о событіяхъ 14 іюля, муниципалитетъ Ніора обязалъ присягой командировъ войскъ никоимъ образомъ не прибѣгать къ вооруженной силѣ, безъ требованія со стороны гражданскихъ или муниципальныхъ властей. Опять таки дѣло шло о подчиненіи военной силы гражданской власти.

Въ Шателлеро народъ завладѣлъ ратушей и арестовалъ судей, несогласныхъ съ его воззрѣніями.

---

[1]) «Etudes sur la Révolution en Bretagne, principalement dans les Côtes du Nord» Ж. Жеслена де Бургонь и А. де Бартелеми, стр. 28.

Жители Орлеана были охвачены сильной революціонной агитаціей. Многіе представители власти вынуждены были уѣхать изъ города, чтобы не рисковать своею жизнью. Поселяне вооружились, помѣщики бѣжали изъ своихъ помѣстій, гдѣ они уже не считали себя въ безопасномъ положеніи. Амело, владѣлецъ Гюэ-Пэана, общины Monthou-sur-Cher, внезапно прибылъ въ Saint-Aignan вмѣстѣ съ своей семьей, въ сопровожденіи экипажей, нагруженныхъ мебелью, включая сюда даже „все бѣлье изъ прачешной, еще совсѣмъ мокрое“. Сцены безпорядка произошли въ Шартрѣ, въ присутствіи объѣздной команды и гражданской милиціи. Дома были разрушены, изъ замка Виллебона вывезено было восемь пушекъ.

Интендантъ изъ Шампаня возвѣстилъ 23 іюля о возстаніи почти всѣхъ городовъ въ его округѣ. Въ Труа 18 іюля, — базарный день, — крестьяне отказались платить ввозныя пошлины. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ ратушу наводнила толпа, подѣлившая между собою найденное тамъ оружіе. Мэръ былъ страшно избитъ и умеръ подъ ударами мятежниковъ. Дома его и многихъ другихъ были разорены. Въ Бургоньи всѣ обыватели Массона вооружились съ цѣлью отражать нападенія грабителей, проходившихъ черезъ деревни. Дижонскій интендантъ бѣжалъ.

Мѣстныя власти въ Эльзасѣ подвергались весьма серьезнымъ опасностямъ. 19-го іюля Страсбургская ратуша предана была разграбленію, общественные архивы — сожжены или разбросаны по всѣмъ улицамъ, погреба — опустошены, причемъ войско, вмѣсто того, чтобы обуздать эти насилія, казалось ихъ поощряло. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ тюрьмы были раскрыты, и безпорядки возобновились.

Мятежный духъ свирѣпствовалъ въ Амьенѣ. Въ Булоньѣ были помилованы контрабандисты, приговоренные на каторгу, и въ пользу ихъ былъ устроенъ сборъ.

Комендантъ гарнизона въ Лиллѣ подвергся нападенію 20-го іюля — въ него швыряли камнями за то, что онъ отказался нацѣпить кокарду на свою шляпу. Четыре тысячи человѣкъ подвергли разграбленію одинъ домъ.

Во Франшъ-Конте правосудіе было обезоружено, не менѣе, нежели объѣздная команда передъ злодѣями. Интендантъ покинулъ Безансонъ, а президентъ департамента вынужденъ былъ освободить людей, принимавшихъ участіе въ бунтѣ.

Въ Бордо вѣсть о взятіи Бастиліи была встрѣчена съ восторгомъ, хотя въ то-же время старались найдти средства для

поддержанія порядка. Учреждена была милиція изъ 12.000 человѣкъ, и однимъ изъ первыхъ ея дѣлъ 29 іюня было требованіе выдачи оружія изъ замка Тромпеттъ. Волненіе царило и въ Ливорнѣ, гдѣ на одного изъ совѣтника Бордо произведено было нападеніе толпой.

Народъ силою заставилъ перваго президента Тулузскаго Парламента надѣть кокарду и стать въ главѣ гражданской милиціи. Въ провинцію глубоко проникла смута, пожары и убійства пріумножились. Возстаніе обнаружилось 27 іюля въ Перпиньянѣ, и этому примѣру не замедлила послѣдовать вся страна.

Отставка Неккера вызвала въ Ліонѣ еще болѣе сильное волненіе, нежели взятіе Бастиліи, явившись для всѣхъ трехъ сословій предметомъ открытаго протеста.

Городъ Вьенъ въ Дофинэ вынужденъ былъ освободить всѣхъ злодѣевъ, заключенныхъ по тюрьмамъ,—во избѣжаніе грозившаго ему пожара.

Одинъ обыватель въ Э писалъ 30 августа 1789 года:

„Мы находимся здѣсь въ постоянной тревогѣ. Правда, здѣсь не жгутъ еще замковъ, какъ въ Дофинэ и Бургоньѣ, но тѣмъ не менѣе всѣ чувствуютъ себя, какъ бы наканунѣ зрѣлища этихъ дикихъ опустошеній... Тщетно предъявляю я требованія къ моимъ фермерамъ, они не платятъ мнѣ болѣе.

„Третьяго дня страшное возмущеніе разразилось въ Марселѣ. Гражданская милиція, желая разсѣять скопище, встрѣчена была градомъ камней. Отданъ былъ приказъ стрѣлять. Одинъ изъ мятежниковъ былъ убитъ; двѣнадцать другихъ — поранены. Толпа не разошлась, несмотря на энергію блюстителей порядка. Поднявъ трупъ, она понесла его къ Караману, губернатору провинціи. Его не было дома, но нѣсколько времени спустя безумцы встрѣтили его на улицѣ. Одинъ изъ нихъ выхватилъ его саблю, чтобы ударить его. Неминучая гибель грозила бѣдному губернатору, весьма хорошему и достойному человѣку, если-бы не преданный слуга его, который отвелъ руку убійцы. И Караманъ, невооруженный и преслѣдуемый толпой этихъ негодяевъ, вынужденъ былъ скрыться въ крѣпость Св. Николая, гдѣ онъ находится и по сіе время.

„Злодѣи понесли трупъ къ Ла-Флешъ, Марсельскому старшинѣ. Не заставъ его, они разорили его домъ и сожгли подъ окнами трупъ человѣка, убитаго гражданской милиціей. Швейцарцы прибыли во время, чтобы схватить двадцать восемь человѣкъ изъ этихъ разбойниковъ, которыхъ посадили

въ крѣпость Saint-Jean. Въ настоящее время они повѣшены. Но придется очень плохо, если не обуздаютъ ихъ товарищей, угрожающихъ предать все огню и мечу и спалить Марсельскую гавань. У насъ пришлось удвоить стражу, въ предупрежденіе наплыва этой швали на нашъ городъ.

„Ахъ, любезный соотечественникъ! какъ вы счастливы, что не живете болѣе во Франціи!“ [1]).

Это восклицаніе провансальца согласовалось съ чувствами всѣхъ тѣхъ, безопасности коихъ грозила постоянная опасность. Событія, случавшіяся наканунѣ, заставляли предвидѣть и опасаться событій завтрашняго дня. Революція была тогда только въ зародышѣ. По нѣкоторымъ примѣрамъ можно было судить о состояніи Франціи того времени. Рухнули тогда не только стѣны Бастиліи, а и тотъ оплотъ, за которымъ укрывались правительство и общественный строй. Власть, атакованная со всѣхъ сторонъ, всюду терпѣла пораженіе. Призракъ народной власти льстилъ страстямъ массы и увлекалъ умы. Но народилась одна единственная власть,—то была власть демагогіи, которая должна была сконцентрироваться въ нѣсколькихъ рукахъ и которую оспаривали другъ у друга революціонныя котеріи.

---

[1]) „La prise de la Bastille et les conséquences de cet événement dans les provinces“, Гюстава Борда, часть 2-я, стр. 217.

Глава X.

Парижъ.

I. Начало Революціи. — II. Терроръ. — III. Директорія.

I.

„Парижъ теперь уже не тотъ, какимъ онъ нѣкогда былъ. Грозная туча паритъ надъ его башнями и омрачаетъ физіогномію этого пышнаго города. Роскошь, нѣкогда царившая тутъ, покинула излюбленную свою резиденцію, набросивъ на все покрывало изъ чернаго крепа и оставивъ на своемъ мѣстѣ лишь смутное отраженіе прежняго своего великолѣпія. Ужасы Революціи изгнали изъ Парижа богатѣйшихъ его обывателей. Высшая аристократія эмигрировала. Тѣ-же, кто остался, живутъ въ большинствѣ очень замкнуто, въ ограниченномъ кругу своихъ друзей и близкихъ родственниковъ.

„Здѣсь, — говорилъ мнѣ аббатъ, проходя со мною по улицѣ Saint-Honoré, и указывая своей тростью на большіе необитаемые дома,—здѣсь, у маркиза Д..., по воскресеньямъ собирались свѣтскія дамы, высокопоставленныя особы, наиболѣе извѣстные остряки. Одни играли, другіе разсуждали о философіи, о чувствахъ, о вкусѣ, о высокихъ идеалахъ. Тамъ, у графини А.... по четвергамъ сходились глубочайшіе политики обоего пола, и занимались сравненіемъ идей Мабли съ идеями Жанъ-Жака, оспаривали ихъ и устанавливали основы новой утопіи... Вы запоздали пріѣздомъ своимъ въ Парижъ, любезнѣйшій. Славные дни далеко закатились отъ насъ; ужиновъ болѣе не существуетъ, добрая компанія разбрелась теперь по всѣмъ уголкамъ міра. Человѣкъ comme il faut не знаетъ болѣе что съ собой подѣлать, ни куда себя дѣвать, ни гдѣ провести вечеръ“ [1]).

---

[1]) Карамзинъ, „Lettres d'un voyageur russe en France, en Allemagne et en Suisse“ (1789—1790), переведенныя съ русскаго В. Парошинымъ, стр. 209—215.

Такъ выражался иностранецъ, прибывшій въ Парижъ въ началѣ Революціи. То не былъ болѣе Парижъ стараго режима, повелитель вкуса и изящества, знаменитая столица, гдѣ блестящее общество держало скипетръ ума и давало тонъ Европѣ. Ураганъ разогналъ это общество, представителямъ котораго суждено было встрѣтиться лишь на чужеземныхъ берегахъ или же передъ смертью, подъ темными сводами тюрьмы. Прошло время изящныхъ собраній, гдѣ такъ процвѣтало разговорное искусство. Рѣдкіе остатки этого общества, разстроеннаго на вѣки вѣчные, словно выходцы изъ другаго столѣтія, выплыли снова на свѣтъ Божій гораздо позднѣе. Событія слѣдовали одно за другимъ, болѣе ужасныя, нежели то предвидѣлъ аббатъ X, меланхолически соболѣзновавшій любезнымъ людямъ, которые не знали болѣе, „гдѣ провести имъ свой вечеръ".

Одинъ французъ, а именно графъ Сегюръ, въ началѣ 1790 г. прибывшій изъ Россіи, гдѣ онъ состоялъ посланникомъ при дворѣ Екатерины II,—въ живыхъ краскахъ описалъ впечатлѣніе, произведенное на него перемѣной, какую онъ нашелъ во Франціи и Парижѣ, сравнительно съ тѣмъ, какими онъ ихъ оставилъ. На пути онъ съ удивленіемъ читалъ на лицахъ выраженіе чувствъ, волновавшихъ тогда всю націю. „Буржуа, — говоритъ онъ — крестьяне, рабочіе, даже женщины въ своей осанкѣ, въ своихъ жестахъ и во всѣхъ своихъ чертахъ проявляли что-то живое, гордое, независимое и возбужденное, чего я никогда у нихъ не замѣчалъ прежде.

„Необычайное возбужденіе царило повсюду. На улицахъ, площадяхъ я замѣчалъ группы людей въ самомъ живомъ собесѣдованіи, барабанный бой поражалъ мой слухъ посреди деревень, мѣстечки изумляли меня большимъ количествомъ встрѣчавшихся мнѣ вооруженныхъ людей.

„При обращеніи моемъ къ лицамъ низшихъ сословій, они отвѣчали съ гордымъ взоромъ, громкимъ, дерзкимъ тономъ; повсюду видѣлъ я отпечатокъ этихъ чувствъ равенства, свободы, обратившихся въ то время въ столь сильныя страсти. Наконецъ при моемъ отъѣздѣ изъ Франціи, я оставилъ мирный народъ, согбенный привычкой подъ ярмомъ долгаго порабощенія. Возвратившись же, я нашелъ его воспрянувшимъ, независимымъ и, быть можетъ, слишкомъ горячимъ для разумнаго пользованія новой свободой" [1]).

---

[1]) „Mémoires, souvenirs et anecdotes", графа Сегюра, томъ II, изд. Дидо, 196.—„Bibliothèque des Mémoires relatifs à l'histoire. de France pendant le dix-huitième siècle", Барръера, XX.

Зрѣлище, какое являлъ собою Парижъ, было достойно не меньшаго удивленія. Салоны его раздѣлились вслѣдствіе разногласія мнѣній; ожесточенные споры замѣнили causeries преисполненныя пріятности и вѣжливости.

„Я проводилъ вечера свои въ томъ,—говоритъ Сегюръ,— что посѣщалъ различные кружки столицы, желая снова увидать эти собранія, очаровывавшія меня въ моей молодости. Я нашелъ ихъ болѣе пылкими, болѣе остроумными, болѣе оживленными, чѣмъ когда либо. Трудно было бы встрѣтить въ нихъ вялость или скуку. Между тѣмъ, они, казалось, утратили для меня свою наиболѣе симпатичную привлекательность, въ нихъ не замѣтно было болѣе той мягкости, той аттичности, той учтивости, которыя такъ долго составляли истинную школу вкуса и граціи.

„Политическія страсти, проникши въ наши салоны, почти что превратили ихъ въ арену, гдѣ безпрестанно сталкивались и состязались самыя противоположныя мнѣнія. Пренія перешли въ диспуты. Единственнымъ и неизмѣннымъ предметомъ разговора была эта политика, изрѣдка допускавшая варьировать бесѣды объ искусствахъ, музахъ и галантерейности.

„Каждый говорилъ громко, слушалъ мало. Какое-то нерасположеніе духа сквозило въ тонѣ, какъ и во взорѣ. Нерѣдко въ томъ же самомъ салонѣ люди противуположныхъ мнѣній разсаживались отдѣльными группами. Вскорѣ все возраставшая вражда разъединила и окончательно раздѣлила эти собранія, которыхъ не связывали болѣе нѣжныя узы любезности.

„Но въ домахъ, гдѣ собирались единомышленники, жаръ дебатовъ не умалялся, и предметы бесѣдъ не становились разнообразнѣе, одно только, что въ нихъ замѣчалось, это меньшая натянутость отношеній.

„Дамы много теряли отъ такой громадной перемѣны: нѣжныя привязанности больше всего подходятъ къ ихъ граціи, ихъ чувствительности, ихъ голосу и чертамъ лица; скромность составляетъ первую ихъ прелесть. И нѣтъ ничего болѣе имъ несвойственнаго, какъ страсти политическія: дурное расположеніе духа ихъ обезображиваетъ, и отъ гнѣва онѣ дурнѣютъ.

„Тѣмъ не менѣе многія изъ нихъ блистали въ этихъ философскихъ собесѣдованіяхъ своимъ краснорѣчіемъ и своими остротами. Назову всего одну изъ нихъ — madame де-Сталь. Не многимъ ораторамъ уступала она въ діалектикѣ и вдохновеніи. Она удивляла, убѣждала и увлекала.

„Громадный интересъ оживлялъ постоянно подобныя собесѣдованія. Но то былъ все одинъ и тотъ же интересъ, и тщетно искалъ я въ этихъ разговорахъ того разнообразія, того веселья, той взаимной терпимости, той пріятной легкости, придававшихъ имъ такую привлекательность“ [1]).

Революція началась, и легко было предвидѣть, что она болѣе не остановится. Единственный вопросъ заключался въ томъ, остались ли еще средства, для направленія ея и обузданія. Національное Собраніе, въ рядахъ котораго засѣдали лица, лишенныя старинныхъ общественныхъ отличій, давало возможность судить о томъ, что совершилось въ короткое время.

„Не безъ удивленія, — сообщаетъ намъ еще Сегюръ, — увидѣлъ я впервые публично, и на торжественномъ собраніи кардиналовъ, епископовъ, священниковъ, генераловъ, офицеровъ, людей высокопоставленныхъ, дворянъ, земледѣльцевъ, судей, законовѣдовъ, и наконецъ, то̀, что мы называемъ буржуа, смѣшанныхъ всѣхъ вмѣстѣ и сидящихъ pêle-mêle на тѣхъ-же самыхъ скамьяхъ, безъ всякаго различія ранговъ.

„Но это мое изумленіе смѣнилось новымъ при видѣ того, что и такого зрѣлища оказалось недостаточно для того, чтобы раскрыть глаза партизанамъ стараго режима. То уже не было, однако, пустое слово *равенство*, раздававшееся въ ихъ ушахъ, то было само воплощенное и живое равенство, поражавшее ихъ взоры. Несмотря на то, они сомнѣвались, а быть можетъ, и понынѣ сомнѣваются еще въ его существованіи.

„Наиболѣе значительная разница, существующая между ними и тѣми людьми, мнѣніе которыхъ я раздѣляю, — состоитъ въ томъ, что мы, въ данномъ случаѣ, считаемъ Революцію неотвратимымъ фактомъ, тогда какъ они полагаютъ, что такой фактъ совершился неокончательно. Они забываютъ, что можно иногда уничтожить то, что написано только въ законахъ, но не то, что разъ навсегда усвоено нравами“ [2]).

Революція проявлялась во всемъ: въ костюмѣ, въ цвѣтахъ, въ символахъ. Бархатъ, золотыя и серебряныя украшенія исчезли. Матеріи гармоничныхъ цвѣтовъ замѣнились у женщинъ кричащими цвѣтами. Сюртукъ и платье изъ чернаго сукна своимъ однообразіемъ окутывали мужчинъ всѣхъ сословій. Богатство и изящество придворныхъ костюмовъ также были изгнаны, какъ и образъ умиравшей королевской власти. На волосахъ уже не было пудры; она царила вмѣстѣ съ ста-

[1]) „Mémoires, souvenirs et anecdotes“, графа де-Сегюра, II, 212.
[2]) Ibid. II, 210.

рымъ режимомъ, съ нимъ-же она и исчезла. Трехцвѣтная кокарда украшала всѣ головы. Революція напала и на мебель. Красное дерево вытѣснило черное и розовое. Подражаніе грекамъ и римлянамъ изгнало стиль Людовика XV и Людовика XVI, напоминавшій времена монархическія. Росписныя обои взяли верхъ надъ тонкой и изящной рѣзьбой изъ дерева. Контурныя формы XVIII столѣтія смѣнились строгими формами античнаго стиля.

Ливрея была изъята изъ употребленія, какъ признакъ рабства. Въ маѣ 1790 г. должны были исчезнуть съ каретъ гербы, да и самыя кареты подвергались нападенію и арестамъ, такъ какъ онѣ нарушали принципъ равенства [1]).

Событія посѣяли тревогу въ Парижѣ и, повидимому, ничто не могло возвратить спокойствія этому городу. 14-го іюля мятежная власть утвердилась взятіемъ Бастиліи. Слѣдующее 22-е іюля было обагрено кровью отъ убійства Фулона и Бертье. Королевская семья, плѣненная мятежниками, прибыла въ Парижъ 6 октября, а 12-го числа Національное Собраніе было переведено въ столицу, гдѣ ему предстояла борьба съ угрозами демагогіи и уличными волненіями. Большіе отели закрылись; многія семьи эмигрировали или сокращали свои расходы. Не прошло еще года отъ начала Революціи, а между тѣмъ торговля была уничтожена. Къ 10 октября 1789 года было заложено въ Mont-de-piété слишкомъ три милліона вещей цѣною ниже одного луи. Въ 1790 года насчитывалось уже шестьдесятъ тысячъ конфискацій, считая съ іюля мѣсяца предшествующаго года. Рабочіе предметовъ роскоши, дававшіе жизнь искусству и промышленности, вынуждены были съ заступомъ въ рукахъ идти просить работы на большія дороги, чтобы заработать двадцать су въ день. То-же бѣдственное положеніе чувствовалось въ провинціяхъ, гдѣ ремесла страдали повсемѣстно, или - же приходили въ полный упадокъ [2]).

„Не знаю, быть можетъ, я ошибаюсь,—говорилось въ мартѣ 1791 года въ одномъ демагогическомъ органѣ,—но меня нисколько-бы не удивило, если бы двадцать лѣтъ спустя въ Парижѣ не оказалось ни одного рабочаго, умѣющаго сдѣлать шляпу или пару башмаковъ“ [3]).

---

[1]) „Hist. de la société française pendant la Révolution“, Эд. и Ж. де-Гонкуръ. Новое изд., стр. 72 и слѣд.

[2]) Графъ де-Сегюръ, „Mémoires, souvenirs et anecdotes“, II, 211 и слѣд.

[3]) „L'Ami du peuple“, редактированный Маратомъ.

Появленіе ассигнацій (іюнь 1790 г.) нанесло страшный ударъ дѣламъ, поколебавъ общественное довѣріе. Въ сентябрѣ насчитывали въ милліардъ сумму денегъ, исчезнувшую со времени начала Революціи [1]). Начали съ того, что стали платить за луидоръ тридцать су, затѣмъ деньги поднялись на 12%, а въ августѣ 1792 года стоимость ихъ достигла 30%.

14 іюля 1790 г., въ первую годовщину взятія Бастиліи, въ Парижѣ состоялся праздникъ *Федераціи*, на Марсовомъ полѣ. Де-Тайлеранъ, епископъ Отенскій отправлялъ обѣдню на „алтарѣ Отечества", и Людовикъ XVI услышалъ послѣдніе радостные возгласы своихъ подданныхъ. Русскій путешественникъ, впечатлѣнія котораго во время пріѣзда его въ Парижъ приводились уже нами, — знакомитъ насъ съ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него королевской семьей въ Тюльери, печальную судьбу которой можно было уже предвидѣть въ то время.

„Вчера, въ придворной церкви, видѣлъ я короля и королеву. Спокойствіе, кротость и добродушіе изображаются на лицѣ перваго, и я увѣренъ, что никакое злое намѣреніе не рождалось въ душѣ его. Есть на свѣтѣ счастливые характеры, которые по природному чувству не могутъ не любить и не дѣлать добра: таковъ сей государь! Онъ можетъ быть злополученъ; можетъ погибнуть въ шумящей бурѣ—но правосудная исторія впишетъ Людовика XVI въ число благодѣтельныхъ царей, и другъ человѣчества прольетъ въ память его слезу сердечную.— Королева, несмотря на всѣ удары рока, прекрасна и величественна, подобно розѣ, на которую вѣютъ холодные вѣтры, но которая сохраняетъ еще цвѣтъ и красу свою. Марія рождена быть королевою. Видъ, взоръ, усмѣшка—все показываетъ необыкновенную душу. Нельзя, чтобы ея сердце не страдало; но она умѣетъ скрывать горесть свою, и на свѣтлыхъ глазахъ ея не примѣтно ни одного облачка. Улыбаясь такъ, какъ Граціи улыбаются, перебирала она листочки въ своемъ молитвенникѣ, взглядывала на короля, на принцессу, дочь свою, и снова бралась за книгу. Елисавета, сестра королевская, молилась съ великимъ усердіемъ и набожностію; мнѣ казалось, что по лицу ея катились слезы.—Въ церкви было множество народу, такъ что я отъ жару и духоты упалъ бы въ обморокъ, есть-ли бы одна дама, примѣтивъ мою блѣдность, не подала мнѣ спирту. Всѣ люди смотрѣли на короля и королеву, еще болѣе на по-

---

[1]) „l'Ami dr peuple", сентябрь 1790 г.

слѣднюю; иные вздыхали, утирали глаза свои бѣлыми платками; другіе смотрѣли безъ всякаго чувства, и смѣялись надъ бѣдными монахами, которые пѣли вечерню. — На королѣ былъ фіолетовый кафтанъ; на королевѣ, Елисаветѣ и принцессѣ черныя платья, съ простымъ головнымъ уборомъ. — Дофина видѣлъ я въ Тюльери. Прекрасная, нѣжная Ланбаль, которой Флоріанъ посвятилъ сказки свои, вела его за руку. Милый младенецъ! Ангелъ красоты и невинности! Какъ онъ, въ темномъ своемъ камзольчикѣ, съ голубою лентою черезъ плечо, прыгалъ и веселился на свѣжемъ воздухѣ! Со всѣхъ сторонъ бѣжали люди смотрѣть его, и всѣ безъ шляпъ; всѣ съ радостію окружали любезнаго младенца, который ласкалъ ихъ взоромъ и усмѣшками своими. Народъ любитъ еще кровь царскую! [1]).

Этотъ иностранецъ не ошибался, и событія не опровергаютъ его взгляда, ибо народъ, настоящій народъ Парижа, оставался чуждымъ насиліямъ Революціи, жертвой которой онъ сдѣлался и самъ. Въ случаѣ необходимости, это можно доказать цифрами. Въ моментъ Революціи Парижъ насчитывалъ около 600.000 жителей, въ томъ числѣ было 33.000 человѣкъ, незаинтересованныхъ въ защитѣ общественнаго строя, такъ что дѣйствительно революціонную партію можно считать равной двумъ третямъ этого числа, т. е. отъ 8.000 до 9.000 человѣкъ. Быть можетъ, они могли доставить 5—6.000 бунтовщиковъ. Допустивъ, что послѣдніе увлекли за собою 7.000 человѣкъ еще, мы достигнемъ максимальной цифры въ 16.000. Прибавимъ сюда еще иностранцевъ, собравшихся изъ разныхъ странъ для того, чтобы разжигать мятежи. Число ихъ не могло превысить 23.000 человѣкъ.

Съ августа 1792 года Парижъ былъ раздѣленъ на 48 секцій неравномѣрнаго значенія, причемъ въ каждой секціи было среднимъ числомъ 3.300 избирателей.

Вслѣдствіе дезертирства многихъ изъ обывателей, по случаю революціонныхъ мятежей, населеніе Парижа должно было представлять цифру, низшую сравнительно съ той, какой оно достигало въ 1789 году. Однако, несмотря на отсутствіе достовѣрныхъ данныхъ для установленія абсолютно вѣрной статистики, можно считать, что только одна десятая населенія являла собою революціонный элементъ. Въ одномъ донесеніи отъ іюня 1793 года утверждалось, что во всемъ Парижѣ не

---

[1]) Карамзинъ, *Voyage en France* (1789 — 1790), переведено съ русскаго А. Легрелλемъ, стр. 100, 102.

было 3.000 убѣжденныхъ революціонеровъ [1]). Но смѣлость однихъ, страхъ другихъ объясняютъ, какимъ образомъ меньшинство могло подчинять себѣ большинство и пользоваться столь роковой властью. Положеніе Парижа въ 1790 году было плачевное и вызывало жалобы, нашедшія себѣ выраженіе въ сочиненіяхъ того времени.

„Парижъ,—говорилось въ одной изъ этихъ брошюръ, въ которой критика одновременно обращается къ королю и Революціи,—Парижъ не представляетъ уже болѣе того великолѣпнаго города, гдѣ процвѣтали искусство и торговля. Безпечность и малодушіе монарха произвели въ немъ злополучное запустѣніе. Горожанинъ живетъ тамъ лишь съ большимъ трудомъ, помощью преступнаго ремесла. Парижскія набережныя, общественные сады, променады являютъ собою для всѣхъ одно зрѣлище страшной и ужасной нищеты; а когда жители со слезами на глазахъ смотрятъ на этотъ дворецъ, откуда Генрихъ Великій взиралъ на свой народъ съ нѣжностью и трудился для его блага,—они видятъ тамъ царство слабости и преступленія... Всякій кричитъ теперь, что все свободно. Въ силу этой пагубной свободы, натворится же всѣмъ зла въ Парижѣ... Было такое время, когда Парижъ былъ *à l'éclipse*, затѣмъ *à la grecque*, потомъ *à la Montanciel*, тамъ au ballon, aux cheveux de la Reine, au caca Dauphin, и. т. д. Теперь все дѣлается *à la nation*. Парижскія кафе,—въ большинствѣ народныя кафе; трактиры —„à la nation“... Вотъ что представляетъ собою нынѣшній Парижъ, верхъ нищеты, бахвальства, разбоя и ужаса. Коммуна предсѣдательствуетъ при всѣхъ только что описанныхъ мною злодѣйствахъ. Людовикъ миролюбецъ вынужденъ своимъ народомъ быть ихъ свидѣтелемъ. И посреди этихъ-то ужасовъ, посреди хаоса этихъ нелѣпостей заставляютъ насъ надѣяться на наше возрожденіе [2])“.

„Какой контрастъ между Парижемъ менѣе двухъ лѣтъ тому назадъ и современнымъ Парижемъ!—читаемъ въ другой брошюрѣ, напечатанной въ концѣ 1790 года. Веселье повидимому совсѣмъ изгнано изъ него въ настоящее время. Смѣхъ и радости смѣнились тревогой, меланхоліей, ужасомъ. Честные, мирные люди не рѣшаются болѣе пользоваться свѣжимъ воздухомъ на прекрасныхъ прогулкахъ этой знаменитой столицы,

---

[1]) Адольфъ Шмидтъ, „Paris pendant la Révolution“, по „Rapports de la police sécrète. (1789—1800)“. Франц. переводъ Поля Віолле, I, 19, 20, 21.

[2]) „Le Nouveau Tableau de Paris“, анонимъ. Парижъ, 1790 г.

такъ какъ многочисленныя группы людей проявляютъ тамъ страшный деспотизмъ, тиранію, нерѣдко оказывающуюся роковой для того субъекта, который возымѣетъ несчастіе непонравиться, даже не произнеся ни единаго слова. Самое кратковременное пребываніе въ кафе оказывается не менѣе опаснымъ, даже для самаго молчаливаго человѣка. Смирные люди, но одѣтые *въ нарядное платье*, переходя черезъ улицу, двадцать разъ услышатъ, какъ имъ подъ ухо или даже прямо подъ носомъ крикнутъ: *Смотри-ка! смотри-ка! Вотъ еще одинъ изъ этихъ аристократовъ. На фонарь его! на фонарь!* Такъ что не требуется ни словъ, ни дѣлъ, чтобы быть аристократомъ. Достаточно имѣть какое нибудь украшеніе, которое не понравится. Въ театральныхъ залахъ вы подвергаетесь еще большей опасности. Если вы рукоплещете нравственнымъ красотамъ, пьесамъ, являющимся шедеврами поэзіи, мѣстамъ, гдѣ говорится въ пользу королевской власти, или стихамъ, выражающимъ похвальнѣйшія чувства любви и преданности королямъ, — подкупленная и яростная партія немедленно шлетъ вамъ самыя страшныя угрозы, поднимается и даже идетъ за вами въ вашу ложу, чтобы уничтожить васъ, въ порывѣ своего безумія. Если вы не рукоплещете пьесамъ противоположнаго жанра, мѣстамъ, направленнымъ противъ королевской власти, куплетамъ заговорщиковъ, то вы опять таки подвергаетесь риску. Вамъ ставятъ въ вину ваше молчаніе, васъ бранятъ, оскорбляютъ, называютъ аристократомъ, и малѣйшее возраженіе, даже заключающее въ себѣ отрицаніе вашего арестократизма, чего добраго, можетъ стоить вамъ кровавыхъ оскорбленій" [1]).

Какимъ же образомъ театръ могъ бы миновать Революціи, когда онъ имѣлъ назначеніемъ своимъ быть истолкователемъ ея страстей?

13 января 1791 года Національное Собраніе узаконило свободу театровъ, въ силу которой всякій гражданинъ получалъ право ставить и давать въ нихъ представленія всевозможныхъ пьесъ, по представленіи докладной записки въ муниципалитетъ, собиравшій налогъ за надзоръ. Сочиненія авторовъ, по смерти которыхъ прошло пять лѣтъ, объявлены были общественной собственностью. Результатомъ этого постановленія должно было явиться пріумноженіе числа театровъ. Въ 1789 году насчитывали четыре большихъ театра и шесть малыхъ. Въ концѣ 1791 года театровъ было тридцать пять,

---

[1]) „Voulez vous donc nous faire déserter Paris?“.

т. е. на двадцать пять болѣе, нежели въ 1789 г., хотя 65.000 семействъ покинули столицу [1]).

„Скоро,—говорилось въ одномъ сатирическомъ листкѣ,— будетъ по спектаклю на каждой улицѣ, по одному актеру въ каждомъ домѣ, по музыканту въ каждомъ погребкѣ и по автору на каждомъ чердакѣ" [2]).

Постановленіе Національнаго Собранія вызвало страшный расколъ во мнѣніяхъ среди актеровъ „Théâtre Français", съ іюня 1789 года переименовавшагося въ „*Théâtre de la Nation*" [3]).

Между тѣмъ какъ Молэ, Ларивъ, Дазинкуръ, Флери, дѣвицы Конта и Рокуръ, вѣрные старымъ традиціямъ, оставались въ предмѣстьѣ Сенъ-Жерменъ, близь Люксембурга [4]), Тальма, Дюгазонъ, Дюбуа, madame Вестри занялись основаніемъ *Théâtre Français de la rue Richelieu* [5]), открывшагося 27 апрѣля 1791 г. первымъ представленіемъ „*Henri VIII*" Мари-Жозефа Шенье. Въ 1792 году этотъ театръ преобразовался въ „*Théatre de la Liberté et de l'Egalité*", въ томъ же году его еще разъ переименовали въ „*Théâtre de la République*". Эти отщепенцы старой „Comédie française" рѣшили допускать дамъ въ партеръ, чего прежде никогда не бывало въ большихъ театрахъ.

Съ тѣхъ поръ сцена обратилась въ орудіе и отголосокъ революціонныхъ страстей, вмѣсто того, чтобы стараться „смѣхомъ исправлять нравы", согласно прежнему своему девизу. Театральныя пьесы явились пособницами Революціи, занимаясь истолкованіемъ сюжетовъ наиболѣе пригодныхъ для внушенія ненависти къ трону и алтарю.

4-го ноября 1789 г., въ первый разъ исполнялась въ „Théatre Français" трагедія Шенье „Charles IX". Первоначально, въ чтеніи она имѣла мало успѣха, если вѣрить маркизу Люше, писавшему 13 января 1789 года: „Г. Шенье читалъ у г. виконта де-Сегюръ трагедію, озаглавленную *Charles IX*. Герцогиня Орлеанская и принцъ Генрихъ присутствовали на этомъ засѣданіи, весьма продолжительномъ и весьма многолюдномъ. Никто не растрогался, многіе зѣвали и всѣ восклицали, что

---

[1]) „Paris pendant la Terreur" Эдм. Бире, стр. 73 — 97. — „Hist. de la société française pendant la Révolution", Эд. и Ж. де Гонкуръ, гл. II, IV, VII, XII.

[2]) „Les nouvelles lunes".

[3]) Названіе „ординарныхъ актеровъ короля" было уничтожено 22 іюня 1791 г.

[4]) Дважды горѣвшій, въ 1799 и въ 1818 году, „Théatre Français" занималъ то мѣсто, гдѣ нынѣ находится Одеонъ.

[5]) Это тотъ самый, который существуетъ и понынѣ.

трагедія безподобна“. Но цѣлью этой пьесы было внушеніе ужаса ко всѣмъ королямъ вообще, ужаса, нагнаннаго королемъ, имя котораго вызываетъ въ памяти образъ святого Варѳоломея. Съ тѣхъ поръ назначеніемъ ея было служить для манифестацій и боевымъ кличемъ. Въ 1790 г. „Théatre Français“ поставилъ „*Брута*“, трагедію Вольтера, гдѣ многіе отрывки были истолкованы въ антимонархическомъ смыслѣ и вызвали восторженныя рукоплесканія. Затѣмъ въ 1792 году тамъ представлено было „*Взятіе Бастиліи*“. Стоимость постановки обошлась театру въ 15.000 ливровъ, причемъ каждый вечеръ для пьесы расходовалось 2.000 фунтовъ пороху и горючаго матеріала.

Въ другихъ мѣстахъ ставились пьесы, въ родѣ: *la Royauté abolie*, *les Crimes de la féodalité*, *la Féte civique*, самыя названія которыхъ въ достаточной мѣрѣ говорятъ о духѣ и цѣли ихъ. Между ними особенно заслуживаетъ упоминанія *Jugement dernier des rois*, Сильвэна Марешаля, комедія или скорѣе грубый фарсъ, въ которомъ оскорбленіе распространялось на всѣхъ монарховъ Европы.

Религія не могла избѣжать рѣзкихъ нападокъ со стороны театра преобразованнаго въ революціонный клубъ. Въ 1791 г. давали *les Rigueurs du cloître*, *les victimes cloîtrées*; въ 1793 г. *le Tombeau des imposteurs* и *l'Inauguration du temple de la Vérité*, пародію на обѣдню съ пѣніемъ и ея обряды, причемъ *Отче нашъ* распѣвался на веселые мотивы.

Во всѣхъ театрахъ гудѣли *Ça ira*. Въ *Opéra* распѣвали *Марсельезу* или *Offrande à la liberté*. Каждую недѣлю давалось безплатное представленіе для санкюлоттовъ [1]).

Театръ, предназначавшійся для распространенія революціонныхъ идей, могъ бы служить также и для борьбы съ ними. Но Конвентъ предупредилъ такую опасность, 2 августа 1793 г. издавъ слѣдующее постановленіе: „Всякій театръ, въ которомъ будутъ представлены пьесы, *направленныя къ развращенію общественныхъ умовъ и къ пробужденію постыднаго суевѣрія королевской власти*, будетъ закрытъ, а директоры будутъ арестованы и наказаны, по всей строгости законовъ“.

Théatre de la Nation, бывшій „Théatre Français“ осмѣлился поставить *Paméla*, весьма невинную пьесу Франсуа де-Нефшато. Въ ней усмотрѣли какіе-то контрреволюціонные на-

[1]) „La société française pendant la Révolution“, Эд. и Ж. де-Гонкуръ, нов. изд., стр. 306.

меки. Въ одинъ прекрасный вечеръ, въ августѣ 1793 года, въ пять часовъ, всѣхъ зрителей, вступившихъ въ зало, попросили удалиться оттуда. Позволительно надѣяться, что имъ по крайней мѣрѣ вернули ихъ деньги. Авторъ пьесы избѣжалъ суровости Конвента, подчинившись всѣмъ поправкамъ, какія были признаны необходимыми. Актеры подверглись аресту. Въ ихъ числѣ находились Ларивъ, Дазинкуръ, Флери, Сенъ-При, mesdemoiselles Рокуръ и Конта. Однихъ отправили въ „Sainte-Pélagie", другихъ въ „Madelonnettes". Всѣ они болѣе или менѣе были подъ подозрѣніемъ, такъ какъ принадлежали къ старому „Théatre-Français", тенденціи котораго не были достаточно демократичны и который отказался присоединиться къ диссидентамъ улицы Ришелье. Ларивъ пробылъ въ „Port-Libre" всего нѣсколько дней, двѣ актрисы—дѣвицы Ланжъ и Мезерэ,—оставались въ тюрьмѣ короткое время. Остальные же актеры провели тамъ одиннадцать мѣсяцевъ.

Вмѣстѣ съ демагогіей царила верховная власть улицы. Она возсѣдала въ театрѣ, распоряжалась актерами, требовала постановки или снимала со сцены пьесы. Директоръ одного маленькаго театра вынужденъ былъ вывѣсить объявленіе, редактированное въ слѣдующей формѣ: „Васъ просятъ, господа, снимать ваши шапки и не производить нечистотъ въ ложахъ" [1]).

Общій видъ, какой представляли собою театральныя залы, былъ достоинъ остального: „Въ театральныхъ ложахъ, — говоритъ одинъ современникъ, — въ первыхъ рядахъ торчали одни только чудовищные красные колпаки. Словно каторжники всѣхъ остроговъ Европы покинули свои остроги, чтобы, въ свою очередь, дать тонъ этому пышному городу, который давалъ его всей Европѣ" [2]).

Если театровъ было много, то деньги стали рѣдки, и это должны были помнить, когда на одной афишѣ театра Фейдо значилось: „Въ виду рѣдкости денегъ и трудности ихъ добыванія, публика предупреждается, что за взятый билетъ деньги не возвращаются" [3]).

Ни всеобщее обѣднѣніе, ни общественныя бѣдствія, ни гильотина, висѣвшая надъ всѣми головами, не вытѣснили театровъ изъ Парижа. Они не оставались безъ зрителей даже въ мрачные дни Террора.

---

[1]) „Journal de la cour et de la ville," январь, 1791 г.

[2]) Болье, „Essais historiques sur les causes et les effets de la Révolution en France", V, 281.

[3]) „Petites Affiches", августъ, 1791.

„Занавѣсъ, — говоритъ Мерсье,—взвивалась аккуратно въ опредѣленный часъ, отсѣкалось ли въ тотъ день шестьдесятъ головъ, или же всего тридцать“ [1]).

Чтобы не прерывать того, что слѣдуетъ сказать о театрѣ во время Революціи, приходится заглянуть нѣсколько впередъ. Возвратимся теперь къ 1791 году, къ которому насъ приводитъ торжественное перенесеніе останковъ Вольтера въ Пантеонъ, отличавшееся театральностью. Идея этого торжества зародилась въ декабрѣ 1790 года, во время одной изъ театральныхъ манифестацій. Шелъ *Брутъ* въ Théâtre-Français въ улицѣ Ришелье. Вдругъ одинъ изъ зрителей, воспользовавшись энтузіазмомъ, вызваннымъ трагедіей Вольтера, всталъ и обратясь къ публикѣ, сказалъ:

„Господа! требую, во имя родины, чтобы гробъ Вольтера былъ перенесенъ въ Парижъ. Это перенесеніе будетъ послѣднимъ вздохомъ фанатизма“ [2]).

Произнесъ эти слова де-Виллеттъ, внучатый племянникъ Вольтера. Онъ обратился съ призывомъ къ господствовавшимъ страстямъ, доставивъ имъ случай къ шумной и тріумфальной манифестаціи. Перенесеніе останковъ Вольтера въ Парижъ явилось первымъ революціоннымъ празднествомъ. Программа его обсуждалась и была утверждена въ собраніи якобинцевъ 20 іюня 1791 г. Національное Собраніе 8 мая сдѣлало ее предметомъ декрета, санкціонированнаго 5 мая королемъ.

Въ воскресенье, 10 іюля, прокуроръ-синдикъ отправился къ границамъ департамента для принятія колесницы античной формы съ слѣдующими двумя надписями:

«Если человѣкъ созданъ свободнымъ, онъ долженъ
собою самъ управлять.
«Если у человѣка окажутся тираны, онъ долженъ
низвергнуть ихъ съ престола».

Такимъ образомъ ясно указывалось революціонное значеніе, какое намѣревались придать этой манифестаціи. Делегаты отъ муниципалитета, національной гвардіи и патріотическихъ обществъ находились у Шарантонской заставы. Они свезли колесницу на развалины Бастиліи, на то самое мѣсто, гдѣ стояла башня,

[1]) «Paris pendant la Révolution», I, 115.

[2]) „Annales patriotiques“, декабрь, 1790.—Гонкуръ, „Hist. de la société française pendant la Révolution“, стр. 167. По смерти Вольтера, постигшей его въ 1778 г. въ Парижѣ, останки его, стараніями племянника его, аббата Миньо, были перенесены въ аббатство de Scellières, находящееся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Nogent-sur-Seine, гдѣ они и оставались до 1791 г.—время перенесенія ихъ въ Пантеонъ.

въ которой находился въ заключеніи Вольтеръ. Громаднѣйшая толпа огласила воздухъ своими криками. Но то былъ лишь прологъ къ торжеству, какое началось на другой день. Процессія двинулась въ путь. Позади представителей суда, слѣдовала вооруженная группа рыночныхъ носильщиковъ, затѣмъ шли рабочіе, принимавшіе участіе въ сломкѣ Бастиліи, граждане предмѣстья Saint-Antoine съ планомъ разрушенной крѣпости и посреди нихъ, въ костюмѣ амазонки, одна гражданка, участвовавшая при взятіи Бастиліи.

Далѣе слѣдовала группа гражданъ, вооруженныхъ пиками; на одной изъ послѣднихъ былъ надѣтъ колпакъ свободы, съ слѣдующимъ девизомъ: „изъ сего желѣза рождается свобода". Эту группу сопровождала Французская Академія, которая везла золотой сундукъ, заключавшій въ себѣ произведенія Вольтера въ семидесяти томахъ, изданныхъ Бомарше.

На колесницѣ, запряженной двѣнадцатью бѣлыми конями, которыми правили люди въ античныхъ одеждахъ, возвышалось погребальное ложе, гдѣ покоился Фернейскій философъ, увѣнчанный славой. Около „Opéra" [1]) сдѣлали остановку и увѣнчали бюстъ Вольтера, — украшавшій лицевую часть зданія,—причемъ въ честь празднуемаго былъ исполненъ гимнъ. Другая остановка имѣла мѣсто на набережной, передъ отелемъ, гдѣ Вольтеръ испустилъ свой послѣдній вздохъ [2]). Племянница его, madame де-Виллеттъ, возложивъ вѣнокъ на изображеніе великаго человѣка, пролила приличныя сему случаю слезы, причемъ въ честь философа, подъ звуки античной музыки, были пропѣты строфы Шенье. Затѣмъ кортежъ снова двинулся въ путь и остановился передъ театромъ de la Nation (бывшимъ Théâtre Français), въ то время, когда раздался хоръ „Opéra" Самсона. Наконецъ въ 10 часовъ вечера, гробъ былъ установленъ въ Пантеонѣ.

Во время этой продолжительной церемоніи, которую напомнили въ наше время въ Парижѣ громкія похороны великаго поэта,—безчисленная толпа непрестанно наполняла улицы, скучивалась у оконъ и даже на крышахъ домовъ на всемъ пути, по которому слѣдовала процессія. Порядокъ не былъ нарушенъ, — энтузіазмъ выражался взрывами рукоплесканій. Однако, въ Національномъ Собраніи былъ проявленъ нѣкій протестъ. То былъ протестъ конституціоннаго епископа Гре-

---

[1]) Помѣщавшейся тогда на бульварѣ Saint-Martin.

[2]) Домъ этотъ, существующій понынѣ, образуетъ въ настоящее время уголъ набережной Вольтера и улицы Beaune.

гуара, возставшаго противъ того, что онъ не побоялся назвать „скандаломъ“, и отказавшагося примкнуть къ воздававшимъ почести автору „*Pucelle*“, останки котораго помѣщались въ храмѣ, посвященномъ патронессѣ Парижа. Въ Національное Собраніе представлена была петиція, выражавшая чувства протеста, разъясненіе котораго принялъ на себя Грегуаръ [1]).

Въ то время, какъ Революція, присудивъ Вольтеру почести, равнявшіяся апоѳеозу, продолжала грозное свое теченіе, интересно знать, что думали о событіяхъ остававшіеся въ Парижѣ, когда до нихъ доходили слухи извнѣ, и они дѣлились съ своими родственниками и отсутствовавшими друзьями своими опасеніями или надеждами? Мнѣ попались письма, относящіяся къ той эпохѣ, передающія впечатлѣнія, не лишенныя интереса.

„8 ноября 1791. — Предстоятъ выборы муниципальныхъ властей. Люди, занимавшіе эти мѣста, готовы все бросить и молятъ судьбу объ ея къ нимъ благосклонности. Они вполнѣ правы, ибо съ одной стороны секціи дурно съ ними обращаются, а народъ ихъ презираетъ. Они уже дважды собирались прогнать всѣхъ этихъ мелкихъ торговцевъ, занимающихъ всѣ набережныя и площади, и дважды монархъ воспротивился имъ. Мэру [2]), вынужденному подать въ отставку, грозили цѣпями и позоромъ...

„Неизвѣстно, кто еще будетъ мэромъ [3]). Слышно о заговорахъ“.

„22 декабря 1791 г.—Мы убѣдились, что война неизбѣжна и что она состоится въ будущемъ году, передъ весной. Каждый старается, согласно своимъ взглядамъ или скорѣе своему чувству, комбинировать послѣдствія ея и результаты.

„Одни рисуютъ ее себѣ не иначе, какъ въ видѣ безразсудства или же вѣроломства: безразсудства потому, что войны можно было бы избѣжать, если бы постараться возстановить финансы, порядокъ, безопасность личности и собственности, предоставить времени судить о неудобствахъ новыхъ учрежденій, вывести изъ терпѣнія эмигрантовъ, которые раззоряются,— словомъ уважить всѣ остальныя правительства. Но доводы эти далеко не сознаются народомъ и не поддерживаются клубами и административными учрежденіями,—напротивъ того.

---

[1]) А. Маджіоло, „Les fêtes de la Révolution“. — „Revue de la Révolution“, августъ, 1885.

[2]) Больи.

[3]) То былъ Петіонъ, вступившій въ должность 17 октября.

„Улицы Парижа испещрены воззваніями „*Guerre aux émigrants!*“ („Война эмигрантамъ!“). Редакторы однимъ почеркомъ пера выметаютъ вамъ горсть бунтовщиковъ, которыхъ національные гвардейцы зарубятъ саблями, а власти, въ особенности императоръ,—не поддержатъ. Швеція и Россія слишкомъ отдалены, и ихъ фанфоронада стушуется.

„Какая-то невидимая рука все направляетъ и влечетъ за собою разореніе патріотовъ или внушаетъ имъ желаніе войны, чтобы поработить ихъ, ниспровергнуть конституцію и водворить деспотизмъ. Вотъ откуда идутъ предложенія, сдѣланныя якобинцамъ по поводу объявленія войны, сопровождавшіяся посланіемъ къ королю и рѣчью его величества, приказавшаго объявить трирскому курфюрсту, что если 15 января онъ попуститъ еще сборища, то король будетъ считать своего племянника врагомъ.

„Посреди этого прилива и отлива мнѣній и сквозь все окутывающее покрывало трудно распознать истину и самую цѣль политики, дѣйствующей исподтишка и окольными путями.

„Единственный пунктъ повидимому сближаетъ всѣхъ,—то общій вопль, что существующій порядокъ вещей, каковъ онъ есть, не можетъ продолжаться, что всѣ изнемогли отъ томленія, смущенія, безпокойства, раздора и разъединенія. Но затѣмъ начались разногласія изъ-за Республики, изъ-за двухъ Палатъ, изъ-за современной Конституціи безъ малѣйшаго измѣненія и наконецъ изъ-за возстановленія стараго режима, очищеннаго отъ главныхъ своихъ злоупотребленій. Какимъ образомъ согласить столько разнорѣчивыхъ мнѣній? Народъ не поддается болѣе на мятежи, къ которымъ его подстрекаютъ. Секціи, обнаруживающія внутреннюю нерѣшительность, и постановленія ихъ являются дѣломъ всего нѣсколькихъ безпокойныхъ подстрекателей.

„Недавно мы имѣли доказательство спокойствія, къ какому стремится народъ. По поводу одного доноса о проектѣ рекрутчины, составленномъ въ одномъ кабачкѣ людьми низшаго класса, Національное Собраніе не расходилось всю ночь, занятое допросомъ виновныхъ съ большою торжественностью. И единственнымъ результатомъ всей этой сцены, устроенной намѣренно для народа, не обратившаго на то ни малѣйшаго вниманія,—были насмѣшки...

„Многіе полагаютъ, что одинъ налогъ самъ по себѣ убьетъ Конституцію и, судя по различнымъ донесеніямъ, во многихъ мѣстностяхъ трудно взимать эту громадную раскладку.

„Фельянтинцы задумываютъ учредить контръ-общество, съ цѣлью уничтожить якобинцевъ. Но это будетъ имъ нелегко, къ нимъ никто не пойдетъ. Одни желаютъ Республики. Девизомъ другихъ служитъ *Конституція, полная Конституція и ничего, кромѣ Конституціи.*

„Настоящее время полно грядущаго. Мы вступаемъ въ годъ, который, быть можетъ, окажется столь же знаменитымъ, какъ и два послѣдніе. Желательно было бы, чтобы онъ предупредилъ побольше зла и помогъ бы наконецъ согласить столько противоположныхъ интересовъ“.

1792 году предстояло быть отмѣченнымъ важными событіями. Начался онъ войной, о чемъ и сообщаетъ нашъ корреспондентъ, давая отчетъ о состояніи Парижа, обсуждая политическое положеніе, тамъ и сямъ вплетая ироническія свои размышленія.

„22 апрѣля 1792 года. Война объявлена, любезный другъ, королю Богеміи и Венгріи. 20-го числа этого мѣсяца король сдѣлалъ формальное предложеніе на счетъ войны, и въ тотъ же вечеръ она была рѣшена Національнымъ Собраніемъ, санкціонирована и тридцать курьеровъ отправлены. Вообще, войну считали неизбѣжной, и она пріятна всѣмъ партіямъ, видящимъ въ ней какъ бы преддверіе конца безпорядка и анархіи.

„Что касается насъ, патріотовъ, то мы заранѣе сокрушили уже деспотовъ, тирановъ и всѣхъ враговъ нашей высокой Конституціи. Эти эмигранты, которые теперь ликуютъ, скоро запоютъ другую пѣсню. Они будутъ наказаны, возвратившись во Францію, гдѣ встрѣтятъ только общество равноправныхъ. Нѣтъ болѣе богатыхъ, за то нѣтъ болѣе и бѣдныхъ, кромѣ нихъ самихъ, ибо мы захватываемъ ихъ имущества.

„Побѣда уже опережаетъ насъ. Мы готовы; австрійцы и пруссаки не готовы. Гражданскіе вѣнки, болѣе цивичные, нежели вѣнки солдатъ изъ Шатовье, шпаги, пенсіи, Te Deum вознаградятъ славныхъ нашихъ побѣдителей...

„Всѣ граждане поспѣшатъ отдать свое золото и серебро. Наши бравые депутаты пожертвовали уже по шести ливровъ изъ ежедневной получки своей въ восемнадцать ливровъ. Муниципалитеты будутъ уполномочены обратиться ко всѣмъ гражданамъ для взиманія съ нихъ гражданскаго сбора на защиту свободы.

„14 іюля.—Собраніе только что объявило, что *отечество въ опасности.* Такое обнародованіе не помѣшало, однако, уве-

селеніямъ, прогулкамъ, театрамъ и всевозможнымъ развлеченіямъ этихъ подлыхъ эгоистовъ-парижанъ. Повѣрите ли, что при такомъ кризисѣ еще острятъ! Да, говорятъ, Франція въ опасности... быть спасенной.

„Нація,—говорятъ еще,—раздѣлилась на двѣ части: les sansculottes et les ch... en culottes. Ибо страхъ поражаетъ иногда, а страхъ теперь таковъ, что многіе, очень многіе, еще недавно бывшіе патріотами, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ австрійцевъ и пруссаковъ, словно доктора, послѣ котораго больной облегченно вздыхаетъ. У нихъ имѣется исподнее платье, которое они желаютъ сберечь, и выпучиваютъ глаза, чтобы замѣтить, что старый режимъ былъ предпочтительнѣе; что съ часу на часъ они могутъ быть раззорены, ограблены и убиты. Я буйствую противъ нихъ: какъ! васъ было двадцать пять милліоновъ человѣкъ, которые могли уничтожить тирановъ, обратить въ прахъ троны Европы, и вы не въ силахъ предписать законъ якобинцамъ и санкюлоттамъ? И вы желаете свободы! Вы ея не стоите!

„Гнѣвъ мой усугубился, когда третьяго дня многіе депутаты различныхъ партій грустно сознались мнѣ, что все пропало, что конституція отживаетъ свой вѣкъ, что нѣтъ болѣе средствъ для противодѣйствія коалиціи властей, что три мѣсяца спустя все будетъ кончено; что, наконецъ, многіе готовы уйти и что Бриссо и Кондорсе запаслись паспортами.

„Въ такомъ случаѣ, для чего же вы постановляете наборъ въ сто тысячъ человѣкъ, вольныя роты (свободныя, конечно, отъ своихъ ногъ)? Ужъ не для того ли, чтобы отправить ихъ на скотобойню? Зачѣмъ же было приносить клятву жить свободными или умереть? Господа эти мнѣ сказали: „Надо проявить большую твердость“.—Иначе сказать, — отвѣчалъ я,— обманывать народъ.

„Вотъ настоящее мнѣніе всего Собранія. Надо сознаться, что безпорядокъ, анархія, лиценція, растлѣніе дошли до послѣднихъ предѣловъ.

„Быть можетъ, вамъ извѣстно, что шестеро служившихъ министровъ двѣ недѣли тому назадъ подали въ отставку. Гдѣ же король найдетъ замѣстителей?

„О, что за ужасный день 20 іюня! Король напомнилъ поруганнаго Христа, оплеваннаго, осыпаннаго оскорбленіями со стороны евреевъ. Онъ проявилъ мужество человѣка, если таковое и не всегда оказывалось въ немъ, какъ въ королѣ.

„Этотъ день вызвалъ со стороны департамента отставку мэра и прокурора Коммуны. Король утвердилъ эту отставку.

А сегодня, 13-го, Собраніе особымъ декретомъ возстановило мэра въ его должности, чтобы завтра, 14-го, онъ присутствовалъ въ Федераціи. Санкюлотты нѣсколько дней выкрикивали: *Pétion ou la mort! Vive la mort!* А теперь кричатъ: *Vive Pétion, notre père!* Затѣмъ послѣ его возвращенія: *Vive la nation!*

„Множество федератовъ изъ департаментовъ прибыли сюда для церемоній. Опасаются ихъ пребыванія, замысловъ и намѣреній. Но это опасеніе, по всей вѣроятности, неосновательно.

„У подножія алтаря сожжены будутъ завтра списки различныхъ сословій и все, что можетъ относиться къ дворянству.

„Король войдетъ въ среду депутатовъ и займетъ мѣсто на сторонѣ лѣвой. Маршалъ Люкнеръ пріѣхалъ сегодня вечеромъ, чтобы занять мѣсто возлѣ короля и защищать его, въ случаѣ... Говорятъ, что Лафайеттъ пріѣзжаетъ для той же цѣли. Быть можетъ, также не являются ли съ намѣреніемъ принять мѣры, для благополучнаго возрожденія всего этого великаго блеска тираніи“ [1]).

10 августа довершило паденіе королевской власти. Но еще 20 іюня нападеніе на Тюльери показало могущество демагогіи. Съ этого дня для Парижа и для Франціи настало царство Террора.

II.

Десятое августа не разъ описывалось историками Революціи. Ни одинъ разсказъ не можетъ поспорить въ точности съ описаніемъ Мортимера-Терно. Заимствованный изъ достовѣрныхъ источниковъ, онъ знакомитъ насъ съ этимъ ужаснымъ днемъ въ общемъ и въ подробностяхъ [2]). Какъ всегда, возстаніе было дѣломъ меньшинства. Изъ сорока восьми отдѣловъ Парижа всего двадцать принимали въ немъ участіе, подготовивъ его при лицемѣрномъ содѣйствіи Петіона. Главные вожаки: Робеспьеръ, Фабръ д'Эглантинъ, Бильо-Вареннъ, Маратъ, Дантонъ и Камиллъ Демуленъ оставались въ тѣни, выступивъ на сцену только послѣ побѣды. Другіе прикрылись званіемъ коммиссаровъ секцій; въ томъ числѣ находимъ Роберта, — журналистъ; Леонарда Бурдона — наставникъ; Россиньоля,—рабочій и будущій главный революціонеръ; сапожника Симона, которому предстояло сдѣлаться тюремщикомъ и палачемъ Людвика XVII, священниковъ-вѣроотступниковъ и другихъ господъ,

---

[1]) „Lettres de M. de Morassin“—Архивы замка des Feugerets.
[2]) „Hist. de la Terreur“, II, кн. VII и VIII.

принадлежавшихъ къ отбросамъ общества. Возстаніе было предвидѣно и возвѣщено наканунѣ. Въ ночь съ 9 на 10, парижане толковали о немъ на порогахъ своихъ жилищъ, съ безпокойствомъ прислушиваясь къ уличному шуму. Большое возбужденіе царило въ предмѣстьѣ Saint-Martin. Повсюду чувствовалось приближеніе великихъ событій. Въ полночь данъ былъ сигналъ церковными колоколами, перезванивавшими между собою. Къ звуку набата присоединился барабанный бой. Бунтовщики били тревогу, тогда какъ сборъ приглашалъ національную гвардію къ сопротивленію.

Извѣстно, какъ король съ королевской семьей покинулъ Тюльери, по уговору совѣтниковъ, находившихъ защиту немыслимой.

Было половина девятаго утра, когда они отправились къ Законодательному Собранію, надѣясь тамъ найдти себѣ убѣжище. Сто пятьдесятъ швейцарцевъ сопровождали Людовика XVI. Шестьсотъ остались въ Тюльери, имѣя при себѣ еще около сотни національныхъ гвардейцевъ, изъ которыхъ двадцать восемь человѣкъ принадлежали къ преданному батальону des Filles de Saint-Thomas. Извѣстно также, что эти геройскіе защитники королевской власти, осажденные мятежниками, встрѣтили послѣднихъ энергическимъ сопротивленіемъ, какъ вдругъ д'Эрвильи принесъ имъ приказъ о прекращеніи стрѣльбы, приказъ, написанный карандашомъ рукой Людовика XVI.

За отступленіемъ швейцарцевъ, послѣдовало ихъ избіеніе. Со стороны инсургентовъ было шестьдесятъ раненыхъ, общее число убитыхъ за всю ночь не превысило ста человѣхъ [1]). Потери ихъ были бы гораздо значительнѣе, если бы защитники Тюльери продолжали стрѣлять изъ перваго этажа въ эти массы, выставленныя подъ огонь, поддерживавшійся на протяженіи 60—80 метровъ.

Дворецъ былъ предоставленъ на разграбленіе, сожженіе и всевозможныя неистовства изступленной черни. „Королевскій дворецъ, заключаетъ Мортимеръ-Терно, не былъ взятъ приступомъ, а оставленъ по приказу Людовика XVI" [2]).

Королевской власти не существовало болѣе. Законодательное Собраніе, въ свою очередь, подчинялось власти мятежниковъ.

Существовала единственная верховная власть, могущество которой только что утвердилось: та власть звалась Террором.

[1]) „Histoire de la Terreur", II, 325 и 495.
[2]) Ibid., II, 325.

Нахожу слѣдующія строки, написанныя одной женщиной, свидѣтельницей этихъ событій,—подъ впечатлѣніемъ, испытаннымъ, навѣрное, многими парижанами:

„10 августа мы занимались чтеніемъ бумагъ. Слышимъ тревогу, набатъ, адскій шумъ... Я выхожу на улицу съ моей горничной. Пройдя мимо улицы Petits-Champs, я намѣревалась попасть къ моему брату, о которомъ тревожилась. Я знала, что тамъ была компанія защитниковъ короля. У него были билеты для входа во дворецъ; онъ передалъ мнѣ всѣ свои бумаги, а 9 августа де-Буассье [1]) потребовалъ отъ него билетъ въ отдѣлѣ, сказавъ ему:

„Все потеряно. Они не понимаютъ другъ друга. Я не желаю жертвовать храбрыми и преданными людьми“.

„Какъ разъ на этомъ проектѣ я была остановлена толпой, которая несла головы на пикахъ. На бульварахъ творилось то же самое. Я была измучена страхомъ и проникнута ужасомъ. Я заблудилась въ улицѣ Porte-Foin, гдѣ встрѣтила двухъ торговокъ, которыя, взявъ меня за руку, показали мнѣ дорогу. Онѣ были всѣ въ крови и говорили: „Пойдемъ, убьемъ этихъ собакъ-аристократовъ!.. Пойдемъ посмотримъ, что натворили наши мужья!“

„Наконецъ я добралась до моей матери, которая показалась мнѣ скорѣй испуганной, нежели обрадованной моимъ посѣщеніемъ, вслѣдствіе тревоги за брата. Мы увидѣли его, когда онъ возвратился въ два часа, спокойный, холодный и проникнутый случившимися событіями. Толпа была повсюду... улицы—запачканы кровью раненыхъ. Наши сосѣди, простонародье и мелкіе торговцы,—прислали просить насъ стать у оконъ, чтобы замаскировать нашъ испуганный видъ. Братъ мой ушелъ отъ насъ. Моя мать хотѣла отослать меня вмѣстѣ съ нимъ, но онъ воспротивился. Стрѣляли со всѣхъ сторонъ. Улицы были запружены народомъ.

„Ночью добрый маіоръ де-Лале [2]) вернулся изъ дворца. Онъ не покинулъ любезнаго своего короля, былъ взволнованъ, охмѣлѣлъ отъ горя и ходилъ какъ ошалѣлый. Онъ едва сумѣлъ объяснить намъ, что случилось. Онъ плакалъ, билъ себя въ грудь. Мы видѣли его тогда въ послѣдній разъ. Въ ту же

---

[1]) Онъ командовалъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, 10 августа, вмѣстѣ съ де-Мену и Мальярдозомъ, полковникомъ швейцарцевъ.

[2]) Старый офицеръ Ліонскаго полка, а затѣмъ генералъ-адъютантъ Національной гвардіи. См. описаніе его смерти у Мортимера-Терно, „Hist. de la Terreur“, III, 257.

ночь онъ былъ арестованъ, посаженъ въ Аббатство и зарѣзанъ 2 сентября" [1]).

Одинъ литераторъ описываетъ свои ощущенія, когда, прибывъ изъ Руана, онъ снова очутился въ столицѣ, въ началѣ Террора.

„Я ходилъ по Парижу, какъ по чужому городу. Печать Террора лежала на всѣхъ лицахъ, а между тѣмъ Терроръ не былъ еще объявленъ оффиціально. Каждый, казалось, прятался въ тѣнь. Лица оставались укрытыми подъ шляпами. Встрѣчаясь, люди отдавали другъ другу лишь мимолетный знакъ привѣтствія" [2]).

Одинъ человѣкъ, славившійся своимъ умомъ и осмѣявшій старый режимъ въ сатирѣ на сценѣ—Бомарше, въ свою очередь и не безъ ужаса переживалъ послѣдствія анархіи, когда къ нему явился народъ-самодержецъ, которому на трибунѣ Законодательнаго Собранія донесли на Бомарше, якобы послѣдній скрывалъ оружіе. Авторъ *Mariage de Figaro* соорудилъ себѣ великолѣпную резиденцію на землѣ, часть которой занята бульваромъ, носящимъ нынѣ его имя и тянувшимся до крѣпости Бастиліи. Первыя событія Революціи настигли его въ разгарѣ роскошныхъ его сооруженій, расходъ по которымъ долженъ былъ дойти до 1.660.000 франковъ. Изъ своего недостроеннаго жилья онъ былъ свидѣтелемъ разгрома лавки фабриканта Ревельона и того момента, когда Бастилія сдалась во власть бунтовщиковъ.

Впрочемъ, повидимому, онъ не выразилъ восторга при встрѣчѣ Революціи, и не создавалъ себѣ никакихъ иллюзій по поводу новой эры, явившейся съ угрозой его благополучію въ тотъ моментъ, когда онъ сталъ располагать богатствомъ.

9 ноября 1789 г. онъ послалъ очередному актеру „Théâtre-Français" письмо, въ которомъ указывалъ на неудобства и опасность, каковыя влекли за собою представленія *Карла IX*, имѣвшія цѣлью возбужденіе революціонныхъ страстей.

„Какой моментъ,—говорилъ онъ,—гдѣ король и его семейство возвращаются на жительство въ Парижъ, какой моментъ для намека заговорщикамъ, которые, быть можетъ, и привели ихъ сюда. Какой моментъ для того, чтобы въ лицѣ одного кардинала приписать духовенству преступленіе, котораго оно никогда не совершало (преступленіе, состоявшее въ благосло-

---

[1]) „Souvenirs de madame de Léger", Архивъ замка „Feugerets".
[2]) Ш. Лакретелль, „Dix années d'épreuves pendant la Révolution", стр. 129.

веніи кинжаловъ убійцъ протестантовъ); какой моментъ,—говорю я,—когда, лишенное всѣхъ своихъ имуществъ, духовенство не должно быть въ когтяхъ общественнаго недоброжелательства, такъ какъ оно спасаетъ государство, служа ему своими богатствами!.. Намъ гораздо нужнѣе,—прибавляетъ онъ въ заключеніе,—чтобы насъ утѣшили картиной добродѣтелей нашихъ предковъ, нежели пугать насъ картиной нашихъ пороковъ и преступленій" [1]).

„Мнѣ слишкомъ много извѣстно,—писалъ онъ 10 сентября 1791 года, одному члену Конституціоннаго Собранія, чтобы не умирать съ горя по поводу всѣхъ золъ, какія я вижу готовыми низвергнуться на бѣдную нашу Францію" [2]).

На другой день послѣ 10 августа, чернь захватила его домъ, не причинивъ самому ему иного вреда, кромѣ испуга, который онъ описалъ своей дочери въ длинномъ письмѣ:

„Въ субботу 11 августа 1792 года,—писалъ онъ ей,—около восьми часовъ утра, явился ко мнѣ какой-то человѣкъ съ извѣстіемъ, что женщины изъ гавани Saint-Paul, вели всю чернь, возбужденную ложнымъ извѣстіемъ, будто бы у меня было оружіе въ воображаемыхъ подземельяхъ... Въ отвѣтъ на это извѣстіе, я все пораскрывалъ у себя, письменные столы, шкафы, комнаты и кабинеты, словомъ, все какъ есть, рѣшившись подвергнуть какъ мою личность, такъ и мой домъ строгому обыску всѣхъ людей, о прибытіи которыхъ меня предупредили. Когда же явилась толпа, шумъ и крики были такъ сильны, что смущенные друзья мои не позволили мнѣ сойти внизъ, посовѣтовавъ мнѣ спасти, по крайней мѣрѣ, собственную мою особу.

„Пока они добивались, чтобы имъ открыли мои рѣшетки, друзья заставили меня удалиться черезъ верхній конецъ сада, но какой-то человѣкъ поставленъ былъ туда часовымъ, который крикнулъ: „Вотъ онъ спасается!" А между тѣмъ я шелъ медленно. Онъ бросился по бульвару, чтобы дать знать народу, собравшемуся около моей входной рѣшетки. Я только удвоилъ шаги. Но женщины, во сто кратъ болѣе жестокія въ своихъ ужасныхъ увлеченіяхъ, всѣ бросились за мной въ погоню.

„Само собою разумѣется, милая Евгенія, что несчастный твой отецъ былъ бы растерзанъ ими на части, если бы ему

---

[1]) „Beaumarchais et son temps", Л. де-Ломени, 3 изд., II, 436.
[2]) Ibid, II, 448.

не удалось опередить ихъ, ибо обыска еще не было, и ничѣмъ нельзя было бы выбить у нихъ изъ головы, что я спасался отъ нихъ, не будучи виновнымъ. Вотъ къ чему привела меня слабость, благодаря которой я послѣдовалъ совѣту, подсказанному страхомъ, вмѣсто того, чтобы спокойно остаться на мѣстѣ, какъ я ранѣе рѣшился.

„Я зашелъ къ одному пріятелю, который замкнулъ за мною свою дверь; онъ жилъ въ улицѣ, составлявшей уголъ съ той улицей, по которой бѣжали жестокія женщины, и укрывшей меня отъ нихъ; до меня доносились туда ихъ крики.

„Между тѣмъ пока я былъ запертъ въ безопасномъ убѣжищѣ, тридцать тысячъ душъ, по крайней мѣрѣ, находились въ моемъ домѣ, гдѣ, начиная отъ житницы и кончая погребами, слесаря вскрывали всѣ шкафы, гдѣ каменьщики обыскивали подземелья, выщупывали повсюду, поднимали камни, добираясь до отхожихъ ямъ, просверливали стѣны, въ то время, какъ другіе копали мотыкою садъ, дорываясь до невоздѣланной земли, двадцать разъ принимались обыскивать снова въ комнатахъ, причемъ, однако, къ великому сожалѣнію нѣсколькихъ сотенъ негодяевъ, находившихся тамъ,—нѣкоторые говорили: „Если мы не найдемъ здѣсь ничего изъ того, что ищемъ, первый, кто похититъ ничтожнѣйшій предметъ изъ мебели, хоть солонку,—будетъ повѣшенъ безпощадно, а затѣмъ изрубленъ нами на куски...“.

„Наконецъ, послѣ семичасового строжайшаго обыска, толпа удалилась, по распоряженію невѣдомаго мнѣ главаря. Люди мои вымели дюйма полтора пыли. Но не пропало ни единой подставки для огарка... Одна женщина сорвала въ саду левкой и поплатилась за него двадцатью пощечинами; ее хотѣли окунуть въ тополевый бассейнъ.

„Я вернулся къ себѣ. Въ своемъ вниманіи они дошли до составленія протокола, украшеннаго сотней подписей, подтверждавшихъ, что они ничего не нашли подозрительнаго въ моемъ домѣ“.

Вечеромъ этого столь ужаснаго для него дня, Бомарше не было никакой охоты ночевать въ своемъ домѣ, и онъ отправился искать убѣжища къ одному изъ своихъ друзей, въ одну изъ самыхъ спокойныхъ улицъ мирнаго квартала Marais. Онъ спалъ глубокимъ сномъ, какъ вдругъ въ полночь его разбудили, сообщивъ ему, что убѣжище его открыто, что чернь находилась у дверей, готовая выломать ихъ и разрушить домъ.

„Я открылъ окно, выходившее на улицу „Parc-Royal“,—

продолжаетъ писать Бомарше.—На балконѣ стояла горѣвшая плошка, благодаря которой, сквозь жалюзи, я увидѣлъ, что улица была полна народомъ. Тутъ безумное желаніе мое выскочить изъ окна пропало въ тоже мгновеніе, когда я готовъ былъ выброситься. Дрожа, сошелъ я внизъ, въ кухню, помѣщавшуюся въ глубинѣ двора, увидѣлъ въ окно, что дверь наконецъ отворилась. Показались синія одежды, пики, люди въ жилетахъ; женщины кричали на улицѣ...

„Близь кухни имѣется нѣчто въ родѣ буфетной, съ большимъ шкафомъ для фарфора, двери котораго оказались незапертыми. Въ этомъ-то единственномъ и послѣднемъ убѣжищѣ, дитя мое, бѣдный отецъ твой, опираясь на свой костыль, въ невообразимомъ положеніи, сталъ за одной изъ створчатыхъ дверей, просто притворивъ дверь этого чулана. И вотъ начался обыскъ.

„Черезъ убогія окна, выходившія на дворъ, я видѣлъ, какъ огни перебѣгали, поднимались, спускались внизъ, обходили по комнатамъ. Ходили взадъ и впередъ надъ моей головой. Дворъ охранялся, дверь на улицу была открыта. Поднявшись на цыпочки, задерживая дыханіе, я старался добиться отъ себя полной покорности Провидѣнію и овладѣть собой“.

Къ счастію, вмѣшательство патруля національной гвардіи положило конецъ этому обыску и освободило Бомарше отъ непріятнаго положенія, въ какомъ онъ находился.

„Господа эти ушли, объявивъ народу и женщинамъ на улицѣ, что домъ былъ чистъ. Женщины, внѣ себя отъ того, что ничего не нашли, объявили, что вѣрно худо искали, что онѣ въ теченіе восьми минутъ разыщутъ укромное мѣсто. Онѣ хотѣли, чтобы всѣ вернулись въ домъ, но этому воспротивились, коммиссаръ грубо захлопнулъ двери. Такимъ образомъ прекратились мои мученія, но я изнемогалъ отъ холоднаго пота, усталости и слабости...

„На другое утро я узналъ, что пожилые люди, пользовавшіеся почетомъ въ этомъ кварталѣ, въ которомъ всегда царилъ ненарушимый покой,—услышавъ этотъ страшный шумъ и охваченные ночнымъ ужасомъ, начали скакать черезъ стѣны изъ одного сада въ другой, причемъ были обезпокоены дамы изъ улицы „Perle“, къ которымъ, въ однихъ ночныхъ сорочкахъ тѣ обратились съ просьбой спасти ихъ отъ смерти. Одинъ изъ нихъ сломалъ себѣ ногу.

„Ужасъ распространился по всему кварталу, гдѣ твой отецъ, имѣвшій наибольшее основаніе быть въ тревогѣ, быть

можетъ, былъ единственнымъ человѣкомъ, окончившимъ эту столь безпокойную ночь у себя въ постелѣ“ [1]).

Но непріятности Бомарше тѣмъ еще не окончились. 23-го августа онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Аббатство, а 30-го августа, за четыре дня передъ сентябрьской рѣзней, былъ освобожденъ, благодаря Манюэлю, котораго расположилъ къ себѣ, какъ говорятъ, при помощи суммы въ тридцать тысячъ франковъ [2]). Жена его, сестра и дочь, въ свою очередь, были заключены въ тюрьму въ 1794 году и освобождены 9-го термидора, тогда какъ Бомарше, принявшій на себя миссію отъ Комитета Общественнаго Спасенія, удалился въ Гамбургъ. Онъ былъ внесенъ въ списокъ эмигрантовъ, и на покинутомъ его жилищѣ большими буквами стояла надпись: *Національная собственность* [3]).

29-го августа начались домашніе обыски, продолжавшіеся до вечера 31-го числа и вызвавшіе такую глубокую тревогу по всей столицѣ. Согласно постановленію, принятому Законодательнымъ Собраніемъ 28-го августа, подъ давленіемъ Дантона, обыски эти должны были производиться по всей Франціи подъ предлогомъ приведенія въ извѣстность количества оружія и боевыхъ запасовъ, имѣвшихся въ квартирѣ каждаго гражданина. Представители муниципалитета были уполномочены обезоруживать подозрительныхъ и раздавать ихъ оружіе „защитникамъ отечества“. Всякій гражданинъ, у котораго находили не объявленное имъ оружіе, признавался подозрительнымъ, и оружіе его конфисковалось. Подобные обыски, истинную цѣль которыхъ легко было понять, естественно послужили поводомъ ко множеству насилій, жестокостей, хищеній и воровству. Въ Парижѣ именно дѣло дошло до того, что вытаскивали больныхъ изъ ихъ постелей и переносили ихъ въ Аббатство. Дантонъ, принимавшій большое участіе въ этихъ мѣропріятіяхъ, по приведеніи ихъ въ исполненіе,—торжественно объявилъ открытіе восьмидесяти тысячъ ружей, хотя таковыхъ нашли всего двѣ тысячи [4]).

Трудно было бы опредѣлить число арестовъ, явившихся результатомъ этихъ обысковъ. По словамъ однихъ, въ одну ночь ихъ произведено было три тысячи; по словамъ другихъ—восемь тысячъ. Достовѣрно одно, что они послужили болѣе

---

[1]) Добанъ, „Les prisons de Paris sous la Révolution“, стр. 34 и слѣд.
[2]) Ibid., стр. 42.
[3]) „Beaumarchais et son temps“, II, 481, 484.
[4]) Мортимеръ-Терно, „Hist. de la Terreur“, III, 136 и слѣд.

прочнымъ основаніемъ для Парижской коммуны при составленіи списковъ ссыльныхъ.

Одинъ разсказъ того времени рисуетъ намъ физіономію Парижа въ эту эпоху:

„Вообразите себѣ обширнѣйшую столицу, улицы которой за нѣсколько дней передъ тѣмъ были оживлены постояннымъ стеченіемъ всевозможныхъ экипажей, разнообразнѣйшими криками, и снующими безпрерывно взадъ и впередъ гражданами. Вообразите же себѣ,—говорю я,—такія многолюдныя и столь оживленныя улицы, внезапно охваченныя запустѣніемъ и мертвеннымъ безмолвіемъ передъ закатомъ солнца, въ одинъ изъ прекрасныхъ лѣтнихъ вечеровъ, не представлявшими болѣе на пустынныхъ своихъ пространствахъ ни гуляющихъ, ни экипажей, — напротивъ того, на всемъ своемъ протяженіи являвшими одинъ призракъ запустѣнія. Всѣ лавки заперты. Всякій, забравшись въ свое жилище, дрожитъ за свою жизнь и за свою собственность. Всѣ находятся въ ожиданіи событій въ ночь, когда никто не можетъ даже надѣяться на помощь въ его горѣ. Они дрожатъ всѣ, ибо угрозы относятся къ двадцати тысячамъ, подписавшимъ петицію противъ Петіона. У каждаго изъ подписавшихъ есть семья и друзья [1]).

„Горе его пріумножается печалью дорогихъ ему людей, такъ что опасенія одного становятся тревогой пятидесяти. Только и заботы, какъ бы раздобыть оружія, а между тѣмъ барьеры всѣ закрыты и охраняются съ строжайшей заботливостью, а между тѣмъ по рѣкѣ то тамъ, то сямъ появляются лодки, наполненныя вооруженными людьми. Послѣдніе размѣщены даже на плотахъ прачекъ. Караульные сторожатъ на верху и внизу всѣхъ лѣстницъ, ведущихъ къ водѣ, а также на береговой площадкѣ и вдоль набережныхъ.

„Въ десять часовъ вечера группы часовыхъ, поставленныхъ по угламъ перекрестковъ, грубо останавливаютъ тѣхъ гражданъ, которыхъ случай задержалъ еще на улицѣ. А между тѣмъ, люди едва имѣли два часа, чтобы отыскать вѣрныя и укромныя убѣжища. Мужъ бѣжитъ отъ своей жены, отецъ оставляетъ дѣтей и прижимаетъ ихъ къ своей груди, думая, что онъ дѣлаетъ это въ послѣдній разъ. Всякій подозрѣваетъ,

---

[1]) Петиція эта, такъ называемая петиція *двадцати тысячъ*, была составлена въ Парижѣ и его департаментахъ по отважной иниціативѣ Дюпона де-Немура и Гильома, адвоката, бывшаго депутата третьяго сословія въ Etats généraux. Она имѣла цѣлью соединить всѣхъ умѣренныхъ людей вокругъ легальности и содержала въ себѣ порицаніе Парижскаго муниципалитета и командовавшаго національной гвардіей 20 іюня.

что на него сдѣланъ доносъ. Каждый въ посѣщеніи патруля думаетъ найти домашняго слугу, близкаго человѣка, который въ своихъ навѣтахъ не пощадитъ и друзей, которыхъ онъ заподозритъ въ томъ, что у нихъ ищутъ убѣжища.

„Всѣ впопыхахъ бросались въ отдаленнѣйшіе кварталы. Въ одномъ мѣстѣ пускали, въ другомъ отказывали, причемъ, въ послѣднемъ случаѣ уходящее время и приближающаяся ночь удвоивали безпокойство и ужасъ...

„Одинъ, скорчившись за обивкой, снова заколоченной надъ нимъ гвоздями, казалось, отождествлялся со стѣной, почти лишенный дыханія и жизни; другой, растянувшись въ чуланѣ на широкой и прочной перекладинѣ, окутывался всей мѣстной грязью, которая его укрывала, и въ такомъ стѣсненномъ положеніи проводилъ всю ночь. Третій задыхался отъ страха и жары между двухъ матрацовъ [1]). Четвертый, забравшись въ бочку, терялъ сознаніе о своемъ существованіи, вслѣдствіе нервнаго напряженія. Страхъ сильнѣе боли.

„Былъ 1 часъ пополуночи, когда начались домашніе обыски. На каждой улицѣ стояли патрули, вооруженные пиками. То были подмастерья слесарей, ученики, лакеи, *дрягили*, предводительствуемые коммиссарами секцій, въ свою очередь, представлявшими собою ничто иное, какъ комми; рабочихъ, юныхъ развратниковъ или старыхъ пьянчужекъ...

„Говорили, что ищутъ оружія, а нашли всего нѣсколько охотничьихъ ружей, нѣсколько плохихъ пистолетовъ и сабель. За то по секціямъ развели слишкомъ три тысячи человѣкъ, аттестованныхъ подозрительными. Большинство изъ нихъ было освобождено на другой день, однако очень многіе были брошены въ Аббатство... Ночное передвиженіе такого количества вооруженныхъ людей, многократные удары въ двери, въ знакъ того, чтобы ихъ отворили, шумъ взламывавшихся дверей, вслѣдствіе отсутствовавшихъ квартирохозяевъ [2]), жалобы и крики тѣхъ, кого влекли въ отдѣлы, и проклятія тѣхъ, которые вели первыхъ, безпрерывная оргія, продолжавшаяся всю эту ночь въ кабакахъ и у мелочныхъ лавочниковъ,—все это являло собой картину, которая никогда не изгладится изъ моей памяти... Такова-то была та ночь, въ теченіе которой можно было ви-

---

[1]) Де-Паруа скрывался въ теченіе трехъ ночей въ госпиталѣ между однимъ больнымъ и умирающимъ.

[2]) На квартиры наложены были печати, въ отсутствіи ихъ хозяевъ, и такимъ образомъ организовано было легальное расхищеніе, такъ какъ всѣ вещи въ этихъ квартирахъ продавали за безцѣнокъ.

дѣть, какъ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ безнаказанно мучили шестьсотъ тысячъ гражданъ, и какіе еще то были люди! Подонки общества [1]).

Свидѣтельства цивичности, выдававшіяся Комитетомъ Общественнаго Спасенія каждаго отдѣла, служили для революціоннаго правительства только лишнимъ средствомъ для обнаруженія тѣхъ, кто могъ бы иначе остаться незамѣченнымъ. Они подвергали личную свободу новымъ опасностямъ. Для полученія этихъ свидѣтельствъ, надо было хлопотать о нихъ, а слѣдовательно прямо отдавать себя въ руки своихъ враговъ. Аббатъ Морелле разсказываетъ въ своихъ *Мемуарахъ*, какихъ трудовъ, попытокъ, затрудненій, безпокойства стоили эти свидѣтельства, когда они дѣйствительно не влекли за собою арестованія тѣхъ, которые надѣялись найти въ нихъ охранительную грамоту противъ доносовъ и опасностей своего положенія.

Аббатъ Морелле, жившій на Champs-Élysées, семь или восемь разъ напрасно являлся въ Ратушу, пока наконецъ его не пригласили для предварительнаго допроса передъ выдачей ему этого свидѣтельства. Онъ прибылъ туда около шести часовъ вечера.

„Тамъ, — говоритъ онъ, — я увидѣлъ оба амфитеатра по краямъ залы наполненными простолюдинками, которыя вязали, чинили жилетки и штаны; большинство изъ нихъ съ воспаленными глазами, солдатскими манерами, лицами, достойными кисти Гогарта, нанятыя для присутствованія при спектаклѣ и для аплодисментовъ въ эфектныхъ сценахъ.

„Къ семи часамъ собрался совѣтъ Коммуны. Президентъ помѣстился на эстрадѣ или трибунѣ, отдѣльно отъ главныхъ чиновниковъ и секретарей, имѣя передъ собою направо скамьи, гдѣ возсѣдали члены совѣта,—представители каждаго отдѣла, а на лѣво—другія скамьи, гдѣ находились челобитчики, домогавшіеся свидѣтельствъ.

„Начали съ чтенія протокола, составленнаго наканунѣ, гдѣ между прочими событіями, сообщалось объ удовлетвореніи всѣхъ патріотовъ арестомъ Бальи [2]), врага народа, проливавшаго кровь гражданъ на Марсовомъ полѣ; осужденіе и смертный приговоръ надъ несчастнымъ Бальи были встрѣчены громкими браво и радостными возгласами, истиннымъ восторгомъ всей аудиторіей, а въ особенности женщинами“.

Пришлось присутствовать при входѣ представителей пяти

---

[1]) „Dernier tableau de Paris, ou Récit historique de la révolution du 10 août 1792“, Ж. Пельтье, Лондонъ, 1794, 3-е изд., II, 219 и слѣд.

[2]) Онъ былъ арестованъ въ Мелепѣ, 17 сентября 1793 г.

отдѣловъ, слышать воззванія, патріотическія рѣчи, изъ которыхъ каждая сопровождалась пѣніемъ *Марсельезы*, повторенной по пяти разъ всей залой, также какъ и *Ca ira*, съ громкими рукоплесканіями и топаньемъ всего собранія.

„Наконецъ настала очередь просителей, домогавшихся получить свидѣтельства. Ихъ вызывали по именно, послѣ чего они сходили съ своего амфитеатра и становились на эстрадѣ передъ президентомъ и передъ лицомъ Совѣта Коммуны. Затѣмъ президентъ обращался съ вопросомъ: *Есть ли кто нибудь, кто бы зналъ этого гражданина и могъ поручиться за его цивизмъ?* Если не было отвѣта, что зачастую случалось, то президентъ произносилъ: *отсрочить*. Если же кто нибудь изъ совѣтниковъ Коммуны говорилъ: *Я знаю гражданина и отвѣчаю за его цивизмъ*—слышалось: *получаетъ*".

Вызвали аббата Морелле. Никто не давалъ свидѣтельства въ его пользу, напротивъ одинъ голосъ объявилъ его подозрительнымъ. Его обвинили въ авторствѣ одного сочиненія, котораго онъ не зналъ названія. Ходатайство его было отложено до полученія болѣе полныхъ данныхъ. Его призвали на другой день въ тоже зало, гдѣ онъ предсталъ передъ однимъ коммиссаромъ, предварительно запасшись восемью или десятью томами своихъ сочиненій, чтобы оправдать и доказать свой цивизмъ. Аббатъ напомнилъ о трехмѣсячномъ своемъ заключеніи въ Бастиліи, послѣ нападокъ его на Палиссо, врага философовъ. Это пребываніе въ Бастиліи расположило судью въ его пользу. Однако, вниманіе послѣдняго было непродолжительно, и онъ посовѣтовалъ аббату Морелле повидаться съ двумя изъ его коллегъ, впрочемъ, не особенно-то обнадеживая его. Аббатъ снова принялся за свои хожденія и ходатайства передъ сильными временщиками, людьми низкими, которыхъ ему не удалось убѣдить въ „своемъ революціонномъ благородствѣ, каковое, по словамъ его, надо было доказать четыремъ кварталамъ". Онъ еще нѣсколько разъ возвращался въ Ратушу, испыталъ еще разъ томленіе безконечнаго выжиданія, рѣчей и пѣнія *Марсельезы*. Онъ шелъ въ двѣнадцатый разъ, когда ареопагъ Ратуши постановилъ не выдавать болѣе свидѣтельствъ цивичности, а визировать прежнія новыми революціонными комитетами. Такимъ образомъ, аббатъ Морелле былъ избавленъ отъ одной формальности, опасность которой увеличивалась для него вмѣстѣ съ попытками, какія ему приходилось дѣлать ради нея [1]).

[1]) Добанъ „Les prisons de Paris sous la Révolution", стр. 43—70.

После 10 августа въ заголовкѣ всѣхъ публичныхъ актовъ стоялъ знаменитый девизъ: *Liberté, égalité, fraternité. (Свобода, равенство, братство).* Девизъ этотъ значился также на всякой національной собственности и на фронтонахъ всѣхъ общественныхъ зданій. Тогда циркулировало слѣдующее четверостишіе:

Святое, державное братство,
Ты восхищаешь меня, ты приводишь меня въ восторгъ.
Однако, чудесное братство,
Я вижу тебя лишь на дверяхъ [1]).

Измѣнены были названія улицъ, подозрительныя по воспоминаніямъ, на какія они наводили. Исключеніе именъ святыхъ производило иногда странное впечатлѣніе. Улица Saint-Roch обратилась въ улицу Roch; улица Saint-Antoine въ улицу Antoine, улица Saint-Honoré въ улицу Honoré. Мерсье возставалъ противъ этой нелѣпости и указывалъ на то значеніе, какое онъ придавалъ именно тѣмъ вещамъ, которыя хотѣли уничтожить.

„Мы проходили по этимъ улицамъ,—говоритъ онъ,—точно также, какъ англичане проходятъ по улицѣ Св. Павла въ Лондонѣ, турки—по улицѣ Св. Софіи въ Константинополѣ, римляне—по улицѣ Flaminia въ Римѣ, причемъ никто изъ нихъ и не помышляетъ никогда ни о Фламиніи, ни о святой Софіи, ни о святомъ Павлѣ. Существовало единственное средство заставить насъ, французовъ, думать о томъ, а именно запретить намъ это. Къ этому-то мудрому средству и прибѣгли новѣйшіе наши иконоборцы... Они прямо пошли противъ своей задачи, поставивъ насъ между пріятностью привычки и страхомъ прослыть аристократами, и тѣмъ самымъ заставляя насъ непрестанно помнить какъ о нашихъ предразсудкахъ, такъ и объ ихъ мотивахъ“ [2]).

Сентябрскія убійства, о которыхъ мы уже говорили раньше, навели на Парижъ и ужасъ и уныніе.

Какъ бы желая облечься верховной властью, помѣстившись въ королевскомъ дворцѣ, Конвентъ устроилъ первое свое засѣданіе 21 сентября 1792 г., въ Тюльери въ залѣ Ста Швейцарцевъ. Но начавшіяся тогда работы по присвоеніи себѣ этого помѣщенія были окончены только въ слѣдующемъ году. До тѣхъ поръ Конвенту пришлось засѣдать въ залѣ Манежа, гдѣ

---

[1]) Добанъ, „La démagogie à Paris en 1793 г.“, стр. 196.
[2]) „Paris pendant la Révolution“, нов. изд. 1862 г., II, 208.

до него засѣдали Конституціонное Собраніе (съ 9 ноября 1789—30 сентября 1791 г.) и Законодательное (съ 1 октября 1791—21 сентября 1792 г.), и гдѣ происходилъ процессъ Людовика XVI. Конвентъ вступилъ во владѣніе Тюльери незадолго передъ 31 мая 1793 г.

21 января, голова короля Франціи пала передъ этимъ дворцомъ, на площади Революціи [1]). Начиная съ четырехъ часовъ утра во всѣхъ кварталахъ забили тревогу. Вся національная гвардія была подъ ружьемъ. Жителямъ Парижа отданъ былъ приказъ не выходить изъ дому, хотя достаточно было бы одного страха, чтобы удержать ихъ по домамъ. Наканунѣ 21 января снѣгъ растянулъ свой саванъ надъ столицей, но мало по малу онъ сталъ исчезать, между тѣмъ какъ непрерывный дождь лилъ съ пасмурнаго неба. Улицы были пустынны, магазины закрыты. Патрули расхаживали посреди угрюмаго безмолвія. Никакая манифестація не встрѣтила кортежа, отправлявшагося на мѣсто казни. Переѣздъ отъ Тампля до площади Революціи длился часъ. Людовикъ XVI прибылъ въ 10 часовъ къ подножію эшафота, воздвигнутаго между входомъ въ Champs-Elysées и пьедесталомъ, гдѣ статуя Людовика XV была замѣнена статуей Свободы. Было двадцать минутъ одиннадцатаго, когда палачъ Сансонъ показалъ народу голову Людовика XVI, причемъ послышались возгласы: „Vive la Nation! Vive la République!“ Но толпа разошлась въ молчаніи, въ этотъ день Парижъ объятъ былъ какимъ-то оцѣпенѣніемъ. Всѣ чувствовали, что въ этотъ день совершилось великое преступленіе.

Конвентъ убилъ короля, но не убилъ королевской власти. Не прошло четверти столѣтія, какъ въ томъ же самомъ Тюльерійскомъ дворцѣ привѣтствовали возвращеніе короля, и этотъ король былъ братъ Людовика XVI.

Въ самый часъ казни Людовика XVI, Конвентъ постановилъ рѣшеніе произвести новые домашніе обыски въ Парижѣ, которые и состоялись 27 января. Обшарили всѣ дома. Отъ шести до семи тысячъ гуляющихъ, собравшихся провести вечеръ въ Palais-Royal'ѣ, были оцѣплены и подверглись допросу, причемъ арестовывали тѣхъ, кто не могъ представить свидѣтельства цивичности [2]).

25 февраля произошелъ бунтъ противъ мелочныхъ лавочниковъ. Подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія, поддерживавша-

---

[1]) Бывшая площадь Людовика XV, нынѣ площадь Согласія.
[2]) „Paris en, 1793“, Эдм. Бире, стр. 31.

гося газетой Марата, чернь бросилась въ кварталъ Lombards въ восемь часовъ утра, съ требованіемъ установленія таксы для мелочныхъ лавочниковъ и угрожая имъ смертью, если они не согласятся отпускать свой товаръ по предписываемой имъ цѣнѣ: сахаръ по 20 — 25 су за фунтъ, мыло и свѣчи по 12 су, кофе по 10 су и т. д. Нѣкоторые платили, а большинство прямо захватывало товаръ, и разграбленіе стало всеобщимъ. Лавки подвергались расхищенію. Розлитая водка и крѣпкіе напитки текли ручьями. Сцены эти повторились на другой день [1]).

31-го мая Парижъ былъ пробужденъ звуками набатнаго колокола, возвѣщавшаго о возстаніи, завершившемся побѣдой партіи монтаньяровъ и сопровождавшемся 2-го іюня арестованіемъ двадцати одного депутата изъ жирондистовъ.

Можно-ли было бы повѣрить, что весной 1793 года Парижъ предавался удовольствіямъ, выставляя всѣмъ на показъ свои изящныя сезонныя моды? Театры были полны зрителей каждый вечеръ. Дамы щеголяли на общественныхъ прогулкахъ свѣжестью своихъ туалетовъ, мужчины обращали на себя вниманіе изысканностью своихъ костюмовъ [2]). Какъ же осуждать безпечное легкомысліе другихъ эпохъ, когда передъ нами предстаетъ такая картина легкомыслія въ эпоху мрачнаго господства Террора?

Но если театры не оставались безъ зрителей въ такое время, когда сама жизнь являла собою драму или трагедію, то надо засвидѣтельствовать также, что Національная Библіотека [3]) усиленно посѣщалась въ тотъ періодъ [4]). Счастливые люди, которыхъ самый страхъ тюрьмы и эшафота не могъ отвлечь отъ дорогихъ имъ занятій, и которымъ только приказъ объ арестѣ могъ помѣшать снова приняться за тотъ же томъ, на той же страницѣ, на какой они остановились наканунѣ!

Эшафотъ воздвигался безпрестанно. Мы видѣли уже [5]), какъ ежедневно въ 4 часа повозки направлялись къ мѣсту казни, доставляя туда осужденныхъ. Въ этотъ часъ каждый рисковалъ натолкнуться на своемъ пути на этотъ зловѣщій кортежъ, представлявшій собою образъ смерти, напоминая объ участи, угрожавшей всѣмъ.

---

[1]) „Paris en 1793“, Эдм. Бире, стр. 65.
[2]) Ibid., стр. 247.
[3]) Бывшая Королевская Библіотека, въ улицѣ Ришелье, называвшейся въ то время улицей Закона.
[4]) Гонкуръ, „La societé française pendant le Directoire“, стр. 2.
[5]) См. выше, главу: „Казни“.

Маратъ скончался 13 іюля, сраженный кинжаломъ Шарлотты Корде [1]). Трудно было набальзамировать его, въ виду быстраго разложенія трупа.

На живописца Давида, великаго организатора празднествъ Революціи, возложено было устройство торжественнаго погребенія. Имѣя на своемъ попеченіи публичную выставку тѣла Марата, онъ сказалъ съ трибуны Конвента:

„Нѣкоторыхъ частей его тѣла положительно нельзя открывать, такъ какъ *вамъ извѣстно, что у него была проказа и кровь его была опалена.* Мнѣ собственно казалось, что интересно было бы представить его въ томъ положеніи, въ какомъ я его засталъ—*пишущимъ для блага народа*“ [2]).

Погребеніе должно было состояться въ саду Cordeliers, близъ церкви. Но чтобы придать ему особенную торжественность, рѣшено было провести кортежъ черезъ часть столицы, а затѣмъ уже направить его къ мѣсту погребенія. Въ семь часовъ вечера гробъ былъ вынесенъ изъ церкви des Cordeliers [3]) и двинулся впередъ, несомый двѣнадцатью мужчинами. Его сопровождали молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и молодые люди съ вѣтками кипариса въ рукахъ или воскуряя ѳиміамъ. Затѣмъ показалась знаменитая ванна, въ которой Маратъ былъ убитъ. За нею шли члены Конвента, со своимъ президентомъ [4]), далѣе слѣдовали муниципалитетъ и генеральный Совѣтъ Парижа, члены различныхъ администрацій и судовъ, присяжные революціоннаго суда, клубъ des Cordeliers, депутація отъ якобинскаго клуба, революціонные комитеты и Парижскіе отдѣлы съ флагами впереди.

Процессія прошла постепенно улицу des Fossés-Saint-Germain, Pont-Neuf, Pont-au-Change, мостъ и площадь Saint-Michel и площадь Національнаго театра [5]). Наступила полночь, когда кортежъ добрался до мѣста своего назначенія. Садовыя ворота были иллюминованы. На нихъ красовалась слѣдующая надпись: *Temple de la liberté (Храмъ Свободы).* Могила представ-

---

[1]) Гарманъ изъ Мааса, членъ Конвента, рисуетъ такой портретъ Марата: со стороны физической, у Марата, какъ у гіены, былъ горящій, угрюмый взглядъ; какъ у гіены, взглядъ его пребывалъ въ постоянномъ безпокойствѣ и подвижности; движенія его были кратки, быстры и неровны. Непрестанная подвижность вызывала въ его мускулахъ и чертахъ лица конвульсивное сокращеніе, распространявшееся и на его походку, онъ не ходилъ, а какъ-то припрыгивалъ. (Anecdotes relatives à la Révolution).

[2]) „Moniteur“, отъ 17 іюля 1793.

[3]) Она была тогда преобразована въ революціонный клубъ.

[4]) „Jean Bon—Saint-André“.

[5]) Нынѣ площадь Одеона.

ляла груду скалъ съ отверстіемъ, которое вело въ подземелье, закрытое желѣзной рѣшеткой. Тутъ произнесена была рѣчь президентомъ Конвента, сопровождавшаяся множествомъ другихъ рѣчей. Затѣмъ началось дефилированіе, длившееся всю ночь [1]).

У Вольтера былъ свой апоѳеозъ. У Марата свой. Въ воскресенье 28 іюля воздвигнутъ былъ алтарь *сердцу Марата*. Сердце это, заключенное въ великолѣпную урну, выставлено было въ Люксанбургскомъ саду на уличномъ алтарѣ. Затѣмъ при пѣніи революціонныхъ гимновъ, его перенесли въ клубъ des Cordeliers, гдѣ президентъ, принимая его какъ святыню, назвалъ его „драгоцѣнными останками божества". Предоставимъ Прюдомму слово объ этомъ празднествѣ и объ этомъ новымъ культѣ:

„Алтарь, воздвигнутый въ революціонномъ саду для вознесенія на немъ сердцу Марата поклоненія и признательности патріотовъ, отличался простотой и трогательностью. Чествованіе *новаго святого* было столь же необычайно, какъ и самый предметъ празднества...

„Нѣкій ораторъ произнесъ рѣчь, имѣвшую эпиграфомъ: *O cor Jesus, o cor Marat! Священное сердце Іисуса, священное сердце Марата, у васъ одинаковыя права на наше благоговѣніе.* Въ своей рѣчи ораторъ провелъ параллель между трудами Сына Дѣвы Маріи и трудами Друга народа. Якобинцевъ и Кордельеровъ онъ сравнилъ съ Апостолами, торговцевъ— съ мытарями, аристократовъ—съ фарисеями. Іисусъ, — говорилъ онъ, — пророкъ, а Маратъ — божество. Въ заключеніе ораторъ сравнилъ подругу Марата съ Богоматерью: Послѣдняя спасла Младенца Іисуса въ Египтѣ, а та спасла Марата отъ меча Лафайетта, явившагося современнымъ Иродомъ...

„Затѣмъ комендантъ Парижской крѣпости предложилъ доставить безвозмездно кипарисовъ, гвоздикъ и розъ для украшенія могилы Марата" [2]).

Этотъ простой разсказъ изобличаетъ совращенность революціонныхъ умовъ. Гонители католической религіи уничтожили такимъ образомъ церковныя церемоніи только для того, чтобы замѣнить ихъ чудовищнымъ культомъ и провозгласить божественность человѣка гнуснаго и кровожаднаго!

Сила религіознаго чувства была такова, что оно продол-

---

[1]) Эд. Бире, „Paris pendant la Terreur", стр. 125.

[2]) „Révolutions de Paris", № 211, отъ 20 іюля до 30 августа. — Добанъ, „La démagogie en 1793, à Paris", стр. 301.

жало проявляться въ Парижѣ въ первые годы Революціи. Праздникъ Тѣла Господня справлялся еще въ 1792 г., съ обычной своей торжественностью. Процессіи прослѣдовали по столицѣ посреди запертыхъ магазиновъ и увѣшанныхъ коврами улицъ. Не снявшіе шапокъ вынуждены были обнажить свои головы по настоянію толпы. Законодательное Собраніе, приглашенное къ участію въ процессіи священникомъ „Saint-Germain l'Auxerrois", рѣшило отмѣнить засѣданіе на этотъ день, чтобы дать возможность членамъ своимъ присоединиться къ процессіи. Новый годъ справлялся по прежнему, праздникъ Пятидесятницы въ 1793 г. праздновался всѣмъ парижскимъ населеніемъ [1]). Революція кончила воспрещеніемъ внѣшнихъ манифестацій христіанской религіи. Но чѣмъ болѣе чувство это стѣснялось насиліемъ и преслѣдованіемъ, тѣмъ съ большею горячностью всплыло оно, едва успѣли снова открыть церкви, возвращенныя изгнанному культу.

10-го ноября установленъ былъ культъ Разума, который можно было считать измышленіемъ безумія. Празднествами въ честь него, курьезными и нечестивыми, оскверняли алтарь „Notre-Dame" и другихъ парижскихъ церквей.

Вотъ что говорилъ объ этомъ Мерсье въ своемъ описаніи Парижа той эпохи:

„Разумъ олицетворялся обыкновенно въ видѣ богини, для чего избиралась дѣвушка изъ породы санкюлотовъ. Дарохранительница главнаго алтаря служила ступенькой къ ея трону. Канониры съ своими трубками въ зубахъ изображали ея свѣщеносцевъ. Тысячеголосные нестройные крики, шумъ барабановъ, хриплые трубные звуки, грохотъ органа производили такое впечатлѣніе на зрителей, какъ будто они попали въ компанію вакханокъ, на возвышенности Ѳракіи.

„Вотъ что являетъ собою народъ, внезапно сбросившій съ себя политическое и религіозное ярмо! Это болѣе не народъ. Это необузданная чернь, пляшущая передъ храмомъ, распѣвая *Карманьолу*, причемъ танцоры (я не преувеличиваю ни на іоту), бывшіе почти безъ штановъ, съ обнаженной шеей и грудью, съ сползавшими чулками, — быстрымъ круженіемъ напоминали

---

[1]) Эд. Бире, „Paris en 1793", стр. 290. — 11 января 1793 г., депутаты сорока коммунъ департаментовъ Эры, Орна и Эры—и—Луары, допущенные къ периламъ Конвента, держали передъ нимъ такую рѣчь: „Мы посланы къ вамъ съ просьбою о ненарушимомъ соблюденіи католической религіи, свободнаго ея культа и о сохраненіи жалованья нашимъ священникамъ, Просьба наша не можетъ быть отвергнута, ибо васъ избирали не безбожники". (Ibid., стр. 295).

собою передовые вихри бури, вносящіе повсюду опустошеніе и ужасъ.

„Жена книгопродавца Моморо, презрѣннаго оратора Кордельеровъ, пѣвица Майльяръ, актриса Кайдель,—вотъ тѣ богини Разума, которыхъ съ тріумфомъ несли на рукахъ, которымъ почти поклонялись и которыя попускали это.

„Лицевыя стороны боковыхъ капеллъ нефа были замаскированы большими коврами, и не безъ умысла. Изъ глубины этихъ темныхъ убѣжищъ доносились пронзительные крики, привлекавшіе авантюристовъ...

„То же самое празднество въ церкви Saint-Eustache являло собою зрѣлище большого питейнаго дома. Внутренность хоръ представляла пейзажъ, декорированный хижинами и группами деревьевъ. Вдали виднѣлись таинственныя рощи. Въ самомъ дѣлѣ тамъ были маленькія тропинки, проложенныя на представленныхъ откосахъ громадныхъ скалъ. Пихтовыя пропасти отнюдь не были непреступными... Вокругъ хоръ поставлены были столы, загроможденныя бутылками, колбасами, мясными колбасами, паштетами и другими мясными блюдами.

„Гости стекались черезъ всѣ двери. Всякій вновь прибывшій принималъ участіе въ празднествѣ. Семи-восьмилѣтнія дѣти, какъ дѣвочки, такъ и мальчики, запускали руку въ блюда, въ знакъ свободы, пили прямо изъ бутылокъ, причемъ быстрое ихъ опьяненіе вызывало смѣхъ, въ свою очередь, опьянѣвшихъ негодяевъ...

„Въ Сенъ-Жерве церемонія совершилась безъ пира. Торговки съ базара Saint-Jean вошли туда съ своими лотками; вся церковь пропахла селедкой. Продавцы тизаны позвонивали своими стаканами, утоляя жажду послѣ соленыхъ блюдъ. Въ капеллѣ Дѣвы Маріи былъ устроенъ балъ. Какіе-то огарки, распространявшіе больше чаду, нежели свѣту, замѣняли люстры...

„Изъ церкви Сенъ-Жерве шелъ спускъ на Гревскую площадь, гдѣ цѣлая масса зрителей грѣлась около огня, возженнаго на перилахъ капеллы и сѣдалищахъ священниковъ и канониковъ...

„Охмѣлѣвъ отъ вина и крови, возвращаясь съ мѣста воздвигнутаго эшафота, жрецы и жрицы Разума, пошатываясь слѣдовали за колесницей нечестивой своей богини. Сзади ѣхала другая колесница: то былъ странствующій оркестръ слѣпыхъ музыкантовъ,—слишкомъ вѣрное изображеніе разума того времени“ [1]).

---

[1]) „Paris pendant la Révolution“, II, 99.

Согласно одному постановленію Парижской Коммуны, 6 апрѣля 1793 г., предписывалось на каждомъ домѣ вывѣсить списки, съ обозначеніемъ его жильцовъ. То было средство для установленія ссылочныхъ списковъ. Нѣкоторые дѣлали попытки отвлечь вниманіе, пиша имена свои очень мелкими буквами, на маленькихъ клочкахъ бумаги. Другіе жильцы часть ярлыка прикрывали рѣшетчатымъ ставнемъ, или же прилѣпляли его облатками, такимъ образомъ, чтобы вѣтеръ, отлѣпивъ ярлыкъ перегнулъ надпись пополамъ и помѣшалъ бы ее прочесть. Болѣе трусливые къ перечисленіямъ своихъ именъ прибавляли: „Всѣ добрые республиканцы!" или „Да здравствуетъ республика, единая и нераздѣльная!".

Лавочники выставляли громадныя объявленія, разукрашенныя красными колпаками и революціонными сентенціями, въ родѣ: „Свобода или смерть" [1]).

Если васъ не выдавало имя, то могла выдать физіономія. „Во время революціи,—сказалъ Кутонъ,—всѣ добрые граждане должны быть физіогномистами. Именно по физіогноміи можете вы узнать заговорщика, соумышленника злодѣевъ, преданнаго закону правосудія" [2]).

Противъ честныхъ людей были приняты всѣ предосторожности, одни злодѣи могли быть совершенно спокойны.

„Ничего не было сдѣлано въ пользу народа, — замѣчаетъ Мерсье, говоря о правленіи Парижской Коммуны. Все устраивалось въ пользу плутовъ, воровъ, ибо въ нихъ нуждались, какъ въ покорныхъ агентахъ. Всѣ кафе, кабаки, газеты получили полное своеволіе. Грязь не вычищалась, фонари не зажигались. Дошли до такой деморализаціи, что настало во сто кратъ худшее рабство, нежели то, отъ котораго освободились" [3]).

Несмотря на угрозы и шумныя увѣренія демагогической власти, народъ жаловался на такое положеніе вещей, сдѣлавшееся нестерпимымъ. Недовольство его не составляло тайны для революціонеровъ; въ полицейскихъ рапортахъ, въ случаѣ необходимости, дѣлались имъ сообщенія въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Ежедневно и повсюду замѣчается возрастаніе числа недруговъ нашей Революціи. Всюду встрѣчаются люди, которыхъ

---

[1]) „Un séjour en France, de 1792 à 1795, lettres d'un témoin de la Révolution française", переведенныя Тэномъ, 3-е изд., стр. 72.

[2]) „Moniteur", 26 вентоза, годъ II.

[3]) „Paris pendant la Révolution", II, 178.

считали самыми горячими ея партизанами, а между тѣмъ они громко сѣтуютъ на ея дѣйствія" [1]).

Въ другомъ рапортѣ констатировалось, что всѣ торговки сходятся на одномъ пунктѣ, а именно—на необходимости новаго порядка вещей. Онѣ жалуются на конституціонныя власти, не исключая ни единой... Онѣ еще не называютъ короля. Но можно опасаться, нѣтъ ли его уже у нихъ въ сердцѣ. Одна женщина сказала въ предмѣстьѣ Saint-Antoine: „Если наши мужья устроили Революцію, мы отлично съумѣемъ устроить контръ-революцію, если это потребуется" [2]).

Между тѣмъ головы продолжали валиться. 16-го октября телѣжка, выѣхавшая изъ Консьержери четверть двѣнадцатаго утра, увезла королеву Франціи, а четверть перваго пополудни Марія-Антуанета покинула землю, гдѣ испытала высшее величіе и высшее горе.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни гражданинъ Антонелль, одинъ изъ присяжныхъ, приговорившихъ королеву къ смертной казни, заходилъ въ отель Вобанъ, — усиленно посѣщавшійся въ то время гастрономами,—причемъ заказывалъ себѣ обѣды по слѣдующимъ меню [3]):

18 октября 1793 г.

Béchamel d'ailerons et foie gras . .	5	ливровъ.	
31 октября.			
Poularde fine rôtie	6	"	
3 ноября.			
Обѣдъ на троихъ	30	"	
Шампанское	61	"	10 су.
4 ноября.			
2 cailles au gratin	5	"	
Ris de veau	4	"	
12 mauviettes	3	"	
Хлѣбъ.	—	"	6 су.
Сотернъ	10	"	

Въ концѣ одного изъ этихъ обѣдовъ, гдѣ властелины Революціи предавались объяденію, Дантонъ произнесъ въ присутствіи Кавеньяка, депутата изъ Ло, и многихъ членовъ Конвента: „Наконецъ-то настала наша очередь попользоваться

---

[1]) Извлеченія изъ полицейскихъ рапортовъ 6—7 іюня.—Добанъ, „La démagogie en 1793 à Paris", стр. 229.

[2]) Докладъ Латуръ Ламонтаня, отъ 20 сентября 1793 г.—Тэнъ, „La Révolution", III, 433, примѣч. 1.

[3]) Vergniaud, М. Вателя, II, 322.—„Paris pendant la Terreur", Эд. Бире, стр. 392.

жизнью! Роскошные отели, тонкія блюда, вкусныя вина, парча и шелкъ, женщины, которыми бредишь,—все это куплено цѣною завоеванной силы. Итакъ это все наше, все намъ, ибо мы самые сильные. Въ сущности что такое Революція? Битва. И слѣдовательно, какъ и послѣ всякой битвы, результатомъ ея долженъ быть дѣлежъ доспѣховъ непріятельскаго полководца между побѣдителями" [1]).

Посреди всеобщей нищеты существовали еще модные рестораны, гдѣ можно было найдти хорошій обѣдъ. У Мео, не имѣвшаго соперниковъ, было не менѣе двадцати двухъ сортовъ краснаго вина, двадцати семи сортовъ бѣлаго вина и шестнадцати сортовъ ликеровъ. Барерь, Вилатъ и Эро де-Сешелль приказывали тамъ подавать себѣ въ „красной комнатѣ" водку изъ погребовъ Шантильи, по шестидесяти франковъ бутылка. Эберръ и Шометтъ также посѣщали его. Жирондисты предпочтительно ходили къ Венуа, въ улицу Honoré, гдѣ каждый изъ нихъ бралъ шестифранковый обѣдъ [2]).

Болѣе республиканскими трапезами являлись тѣ братскіе ужины, первымъ примѣромъ которыхъ послужила гражданская пирушка 10 августа 1793 г. Прюдоммъ такъ излагаетъ ея программу:

„Передъ домомъ капитана каждаго отряда секціи долженъ быть поставленъ столъ, за который возсядутъ и побратаются отъ всего сердца всѣ граждане квартала данной улицы, мужчины, женщины, дѣти, федераты, законодатели, магистраты, администраторы, министры и судьи. Пусть каждый принесетъ свое блюдо, если можетъ это сдѣлать. У кого не будетъ ничего приготовленнаго, тотъ раздѣлитъ трапезу сосѣда. *Необходимо, чтобы всѣ блюда были перемѣшаны и смѣшаны такимъ образомъ, чтобы никто не ѣлъ своего, а непремѣнно ѣлъ блюдо своего брата.* Ровно въ полдень всѣ санкюлоты должны сѣсть за столъ и произнести первый тостъ за царство братства и равенства. Пускай всѣ граждане дадутъ другъ другу лобзаніе мира, не разбирая чиновъ, богатства или талантовъ. Пускай министръ или муниципальный чиновникъ пожметъ руку или прижметъ къ своей груди мастерового, торговца или же носильщика... „*Ни подъ какимъ предлогомъ никто не можетъ быть освобожденъ отъ непосредственнаго участія въ этой тра-*

---

[1]) Луи Бланъ, „Hist. de la Révolution", VII, 96. — Эд. Бире, „Paris pendant la Terreur", стр. 392.

[2]) Эд. Бире, стр. 380 и слѣд.

пезъ собранія. Даже калѣки будутъ привлечены къ ней, ибо имъ снесутъ ихъ долю и потребуютъ съ нихъ тосты“ [1]).

Въ данномъ случаѣ калѣка являлся привеллигированнымъ, которому можно было завидовать, такъ какъ онъ располагалъ мотивомъ для своего освобожденія. Эти агапы не сдержали сентиментальныхъ своихъ обѣщаній, ибо, сдѣлавъ ихъ обязательными, вынуждены были воспретить ихъ въ концѣ мессидора II-го года. Мерсье говоритъ о томъ безъ удивленія и безъ сожалѣнія:

„Всякій, изъ страха быть заподозрѣннымъ, изъ страха показать себя врагомъ равенства, приходилъ съ семьей и садился обѣдать рядомъ съ ненавистнымъ или презираемымъ имъ человѣкомъ. Богачъ, насколько могъ, умалялъ роскошь своего стола; бѣднякъ разорился, скрывая свою нищету, и несмотря на то, что изъ гордости онъ затрачивалъ весь доходъ своей недѣли, скромный его столъ заставлялъ его краснѣть на ряду со столомъ богача, воображавшаго, что онъ осанкюлотился въ достаточной мѣрѣ.

Съ одной стороны зависть, съ другой—оргіи обратили въ вакханаліи эти мнимыя братскія трапезы; недовольство стало всеобщимъ, причемъ завѣдывавшіе ими, какъ агенты Питта и Кобурга, доносили на всѣхъ робкихъ изъ своихъ подчиненныхъ“ [2]).

Трапезы эти, имѣвшія назначеніемъ выраженіе самаго трогательнаго братскаго единенія, могли еще производить впечатлѣніе полезности, если бы съѣстные припасы не поднялись до страшныхъ цѣнъ, вслѣдствіе чего приходилось голодать.

„Не ужасно-ли это,—горестно восклицаетъ Прюдоммъ въ іюлѣ 1793 г.,—что приходится платить по 25 су за мѣру сухихъ турецкихъ бобовъ, по 12 су за одинъ артишокъ и въ такомъ же родѣ за другіе предметы необходимаго и повседневнаго потребленія“ [3]).

5 сентября 1793 г. Конвентъ постановилъ пагубный законъ maximum'а, назначавшаго таксу на всѣ предметы первой необходимости. Законъ этотъ былъ уничтоженъ въ слѣдующемъ году 24 декабря, но тѣмъ не менѣе и этого времени оказалось достаточно, чтобы разорить торговлю и усилить трудность существованія. Цѣлые департаменты обложены были повинностью доставлять въ столицу пищевые продукты по макси-

[1]) „Révolutions de Paris“, n° 211, XVII, 42.
[2]) „Paris pendant la Révolution“, I, 244.
[3]) „Révolutions de Paris“, n° 211.

мальной цѣнѣ, и тѣмъ не менѣе не могли предупредить разразившагося тамъ голода. У дверей булочниковъ, мясниковъ и мелочныхъ торговцевъ устраивались громадныя сборища, порождавшія безпорядки. Такой порядокъ вещей длился уже въ теченіе семнадцати мѣсяцевъ, когда наступило 9-е термидора, послѣ котораго онъ продержался еще двадцать два мѣсяца.

„Фунтъ говяжьяго мяса съ восемнадцати су поднялся вдругъ на двадцать пять, — говоритъ Мерсье. — Граждане роптали, еще не воображая, однако, что потребленіе этого съѣстнаго припаса цѣлой арміей въ 12.000 человѣкъ, вмѣстѣ съ крайней ограниченностью фуража и Вандейской войной, вызоветъ такое возвышеніе цѣнъ“ [1]).

Съ того времени доставка скота мало по малу стала уменьшаться. Недоброжелательные происки еще болѣе способствовали такому уменьшенію. Въ этотъ періодъ, по распоряженію кровожадной Коммуны, почти на всѣхъ домовыхъ воротахъ расклеено было достопамятное ея постановленіе, ограничивавшее каждаго потребителя однимъ фунтомъ мяса въ декаду... Изъ за толпы многочисленныхъ читателей этого постановленія какая-то торговка капустой, съ своей корзиной за спиной, воскликнула жалобнымъ голосомъ: „быковъ больше нѣтъ, поскоблимъ наши кишки“.

„Между тѣмъ изъ провинціи начали прибывать стада дойныхъ коровъ. Такимъ образомъ народные кровопійцы принялись приводить въ исполненіе договоръ свой съ голодомъ и способствовали быстрому прекращенію дальнѣйшаго нарожденія скота. Предвѣстники революціонной арміи, напоминавшіе собою голодныхъ волковъ, перебѣгали уже изъ одной деревни въ другую, метая горящіе взоры на фермы и мызы. Они накидывались на нихъ, вооруженные вилами и штыками, захватывали барановъ и дичь, поджигали риги, отвязывали быковъ въ стойлахъ на глазахъ ихъ собственниковъ и продавали похищенное ими низкимъ спекулянтамъ. Эти страшные разбои способствовали быстрому исчезновенію масла и яицъ. Уже съ 9 часовъ утра рынокъ, бывшій нѣкогда обширнымъ и богатымъ складочнымъ мѣстомъ всяческихъ естественныхъ продуктовъ, — оказывался опустошеннымъ. Вскорѣ вошли въ обыкновеніе длинныя вереницы женщинъ, которыя съ самой пол-

[1]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 534 и вся глава II четвертой книги въ томъ же томѣ, содержащая въ себѣ множество подробностей по вопросу о съѣстныхъ продуктахъ въ этотъ періодъ.

ночи, пренебрегая холоднымъ ночнымъ воздухомъ, терпѣливо выжидали, каждая своей очереди, чтобы съ опасностью жизни отвоевать себѣ три яйца и квартеронъ масла. Кавалерія и стража отдѣловъ, отряженные хищными животными революціонныхъ комитетовъ, увеличивали сумятицу и безпорядокъ...

„Къ этому прискорбному недостатку съѣстныхъ припасовъ присоединилось еще болѣе прискорбное затрудненіе добыванія хлѣба. Съ двухъ часовъ пополуночи женщины устанавливались по двѣ въ рядъ длинной вереницей, прозванной народомъ подъ именемъ *хвоста*... Всѣ умы прониклись хитростью. Стоявшіе послѣдними въ хвостѣ умѣли протискиваться въ первые ряды. Вскорѣ женщинамъ пришлось силою одолѣвать мужчинъ. Онѣ ожесточались упорствомъ болѣе сильныхъ. Всѣ онѣ стали раздражительнѣе, всѣ усвоили себѣ привычку ругаться, голосовъ ихъ, охрипшихъ отъ гнѣвнаго крика, нельзя было болѣе отличить отъ извощичьихъ голосовъ.

„За скандальными спорами наступали перерывы безмолвія. Слышались только крики новорожденныхъ и болѣе взрослыхъ дѣтей, просившихъ хлѣба... Приблизительно около этого же времени установились другіе хвосты, добивавшіеся масла, мыла и свѣчей. Въ маѣ мѣсяцѣ (1794 года), былъ одинъ такой хвостъ, который, начинаясь отъ дверей одного мелочнаго торговца у Petit Carreau, тянулся до половины улицы Montorgueil.

„Рабочіе, съ угрюмымъ видомъ, уставившись глазами въ землю, вздыхая, считали часы, которые они теряли безъ работы...

„1795 годъ не былъ счастливѣе предъидущаго. Съ самаго начала осени на каждомъ углу улицы устроились торговки, которыя начали продавать мясо по двадцати пяти су за фунтъ, а въ теченіе вентоза требовали за него по три ливра десяти су, снимая притомъ съ говядины жиръ, для выдѣлки сала [1]).

Въ одномъ полицейскомъ рапортѣ, адресованномъ революціонному правительству въ началѣ 1794 г., говорилось: „Картина Парижа становится ужасною. На рынкахъ и улицахъ, всюду встрѣчается громадная толпа бѣгущихъ гражданъ, толкающихъ другъ друга, съ крикомъ и слезами, являя собою повсемѣстно воплощеніе отчаянія“ [2]).

Въ другомъ рапортѣ въ 1795 г. приводились слѣдующія рѣчи простолюдиновъ: „Въ началѣ мы отъ всей души присяг-

---

[1]) „Paris pendant la Révolution“, I, 350 и слѣд.
[2]) Добанъ „Paris en 1794 et en 1795“, стр. 80.

нули въ вѣрности Республикѣ; но намъ не сказали, во время присяги, что насъ будутъ морить голодомъ...“ [1]).

„Тѣмъ, кто принялъ Революцію изъ стремленія къ свободѣ, управляемой ея законами, и уравненію въ правахъ,—писалъ въ ноябрѣ 1795 года одинъ парижанинъ министру внутреннихъ дѣлъ,—тяжко видѣть упованія свои почти разлетѣвшимися въ прахъ, при невыносимой безнадежности, испытываемой безъ малаго девятнадцатью двадцатыми всего народа (часть котораго они составляютъ), изнемогающаго отъ ужасныхъ страданій вслѣдствіе безхлѣбицы и лишенія необходимѣйшей одежды; скуднымъ хлѣбомъ своимъ имъ приходится еще поступаться, чтобы хотя отчасти утолить пожирающій насъ голодъ“ [2]).

Хлѣба не было, за то были спектакли. По словамъ того же Мерсье „никогда такъ часто не посѣщались спектакли, какъ въ эти голодныя времена. Тамъ ѣли грецкіе и каленые орѣхи, причемъ приговаривали, выходя: „я сберегъ дрова и свѣчи, которыя обошлись бы мнѣ не дешевле для отопленія и освѣщенія моей квартиры“.

„Одинъ конецъ въ фіакрѣ стоилъ 600 ливровъ, — по 10 ливровъ въ минуту. Нѣкто, возвратившись вечеромъ домой, обратился къ извощику съ вопросомъ: Сколько! — 6000 ливровъ. Тотъ вынулъ свой портфель и заплатилъ“ [3]).

Изъ одной счетоводной книги того времени можно видѣть, что расходовалось тогда на жизнь въ Парижѣ [4]).

1794.

	Ливры.
Термидоръ.	
Десять фунтовъ свѣчей	480
Красный шерстяной поясъ	35
Фруктидоръ.	
Большая стирка	140
Фасонъ двухъ чепцовъ	64
Газъ на три чепца	100
Двѣ дюжины коленкоровыхъ носовыхъ платковъ	3.400
За платье изъ коричневой тафты	1.000
За батистовое платье, цвѣта écrue, вышитое шелкомъ	2.540

---

[1]) Добанъ „Paris en 1794 et en 1795“, стр. 569.

[2]) Ibid., стр. 581.

[3]) „Paris pendant la Révolution“, I, 213. Нечего и говорить, что деньги, бывшія въ то время въ обращеніи, представляли собою ассигнаціи.

[4]) „La société française pendant le Directoire“, Эдмондъ и Ж. де-Гонкуръ стр. 147.

1795.

Вандемьеръ.

За бѣлый съ желтымъ галстухъ изъ шелку съ бумагой.	200

Брюмеръ.

Починка часовъ.	200
Шляпа изъ черной соломки	400
За три фунта свѣчей по 110	330
Семь паръ бѣлыхъ шелковыхъ чулокъ.	3.600

Фримеръ.

За пачку свѣчей	625
Запасъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ нитокъ	2.000
За фунтъ кофе.	210
Пара башмаковъ	250
Полпоросенка.	7.000
За двухъ индюковъ.	500
За большую стирку	600

Нивозъ.

Высшій сортъ свѣчей, двѣ пачки.	2.000
Говядина, купленная въ П.	1.000

Плювьозъ.

За пять перьевъ	2.600
За рѣшетку для библіотечнаго шкафа	2.000
За двѣ дюжины тряпокъ	5.200
За говядину купленную въ П.	2.000
За масло	3.600
За свѣчи	4.000
Большая стирка	2.500

Вентозъ.

Возъ дровъ	7.100
За вышитое тарлатановое мантеле	7.000
За фасонъ чепца	300

Жерминаль.

За платье и вѣеръ	20.000
На расходы по платью.	3.000
За тафту на мантеле.	3.000

Жюли де-Бомарше, сестра автора *Mariage de Figaro*, на другой день послѣ наступленія Террора, писала madame де-Бомарше:

„Мнѣ только что принесли фунтъ телятины за двадцать восемь франковъ. И это еще дешево, такъ какъ онъ стоитъ тридцать. Ярость! бѣшенство! проклятіе! Просто не знаешь,

какъ жить, когда приходится разоряться, проѣдая свое состояніе втрое“ [1]).

Ея belle-soeur ссудила ей 4.000 франковъ ассигнаціями, объ употребленіи которыхъ Жюли де-Бомарше даетъ ей отчетъ въ декабрѣ 1794 г.:

„Когда ты одолжила мнѣ эти 4.000 франковъ, милый другъ, сердце мое забилось. Мнѣ казалось, что ты съ ума сошла, давая мнѣ такое состояніе. Я мигомъ опустила ихъ въ мой карманъ и заговорила съ тобой о другомъ, чтобы отвлечь тебя отъ твоей мысли.

„Возвратилась я домой:—Скорѣй, скорѣй дровъ, провизіи, прежде чѣмъ все успѣло вздорожать! Но вотъ бѣжитъ Дюпонъ (старая служанка), запыхавшись; и вотъ завѣса спадаетъ съ моихъ глазъ, когда, не считая мѣсячнаго продовольствія, я вижу итогъ въ 4.275 франковъ.

„Возъ дровъ	1.460 фр.
„Девять фунтовъ свѣчей, отъ 80—100 фр. за фун.	900 „
„Четыре фунта сахару по 100 фр. за фунтъ . .	400 „
„Три мѣры зарна, по 40 франковъ	120 „
„Дюжину свѣтиленъ, по 5 франковъ	60 „
„Полтора четверика картофеля, по 200 франковъ за четверикъ	300 „
„Большая стирка	215 „
„Фунтъ пудры для волосъ	70 „
„Двѣ унціи помады (прежде стоившей по 2 су) нынѣ по 25 фр.	50 „
	4.275 фр.
„Остается столъ на мѣсяцъ, масло и яйца по 100 франковъ, какъ тебѣ извѣстно, говядина по 25 или 30 франковъ и все остальное въ томъ же размѣрѣ	567 „
„Хлѣба не было въ теченіе двухъ дней; мы получаемъ его не чаще, какъ черезъ день, какъ излишній расходъ. За десять дней я купила его всего 4 фунта по 25 франк.	180 „
	5.022 фр.

„Когда я подумаю объ этой *королевской* затратѣ, какъ ты ее называешь, которая заставляетъ меня употреблять отъ

[1]) „Beaumarchais et son temps“, Л. де-Ломени, II. 485.

18—20.000 франковъ, не считая пропитанія и не позволяя себѣ никакихъ лакомствъ, я ко всѣмъ чертямъ посылаю этотъ режимъ. Правда, эти 20.000 франковъ стоютъ 6—7 луидоровъ, тогда какъ мои 4.000 франковъ давали мнѣ 160, что составляетъ большую разницу".

Нѣсколько дней спустя стоимость ассигнацій понизилась, цѣны на съѣстные припасы страшно поднялись, и Жюли пишетъ своей невѣсткѣ:

„10.000 франковъ, которые я промотала за двѣ недѣли, вызываютъ во мнѣ такой ужасъ и такую жалость, что я положительно не знаю, какъ сводить свои счеты при такихъ условіяхъ. За три дня дрова поднялись съ 4.200 фр. до 6.500, и всѣ остальныя издержки въ соразмѣрной пропорціи, такъ что, какъ я тебя извѣщала, возъ дровъ съ укладкой стоитъ мнѣ до 7.100 франковъ. Теперь каждую недѣлю надо считать отъ 7—800 франковъ на супъ и другое мясо на рагу, не считая масла, яицъ и тысячу другихъ мелочей. Стирка бѣлья также точно съ каждымъ днемъ возрастаетъ въ цѣнѣ до такой степени, что мнѣ не хватаетъ 8.000 франковъ въ мѣсяцъ. Это меня выводитъ изъ терпѣнія, причемъ клянусь святой истиной своего сердца, что во всѣхъ этихъ расходахъ, въ теченіе почти двухъ лѣтъ, я не позволила себѣ ни единой прихоти, никакой иной затраты, какъ по хозяйству. А между тѣмъ у меня есть отдѣльные и неотложные расходы, на которые мнѣ потребовались бы кучи ассигнацій" [1]).

Въ іюлѣ 1795 года мѣшокъ ржи стоилъ 9.000 франковъ, фунтъ сала—36 франковъ; пара башмаковъ—100 франковъ [2]). Написаніе письма обходилось 100 франковъ, считая въ томъ числѣ стоимость бумаги, чернилъ, пера и масла, сгоравшаго въ то время въ лампѣ [3]).

Въ промежутокъ между Терроромъ, окончившимся 9 термидора (27 іюля 1794 г.) и Директоріей, учрежденной 22 августа 1795 года, — годъ съ небольшимъ — на почвѣ виднѣлись лишь безформенныя развалины и нельзя было представить себѣ, какой политическій и соціальный строй возникнетъ изъ этихъ развалинъ. Съ отчаяніемъ и ужасомъ высчитывалъ каждый свои расходы, въ родѣ только что приведеннаго свидѣтельства Жюли де-Бомарше. Боялись за свой кошелекъ, но—что состав-

---

[1]) „Beaumarchais et son temps", II, 486.

[2]) Малле дю-Панъ, „Correspondance avec la cour de Vienne", I, 253.—Тэнъ, „La Révolution", III, 519, примѣч. 1.

[3]) „Beaumarchais et son temps", II, 489.

ляло уже большой шагъ впередъ—не боялись болѣе за свою жизнь.

Парижъ, этотъ пышный городъ, перенесъ революціонную анархію небезслѣдно, и производилъ отталкивающее впечатлѣніе своимъ упадкомъ и запустѣніемъ [1]). Поросята бродили на перекресткахъ [2]).

„Улицы Парижа всегда въ ужасномъ видѣ,—говорилось въ одномъ полицейскомъ рапортѣ.—Навѣрное, къ нимъ боятся прикоснуться метлой“ [3]).

„Улицы, — говорилось въ другомъ рапортѣ, — отличаются страшнѣйшей грязью. Улица, носившая названіе Sainte-Anne, завалена мусоромъ. Въ той части, которая соприкасается съ улицей Louvois, вдоль стѣнъ лежатъ цѣлыя навозныя кучи, находящіяся тамъ уже двѣ недѣли... Бѣдняки кишатъ по всѣмъ улицамъ, на променадахъ и бульварахъ“ [4]).

Крестъ, возвышавшійся на церквахъ, былъ замѣненъ краснымъ колпакомъ, посаженнымъ на кончикъ пики. Хоры Notre-Dame были завалены бочками вина. Другія церкви превратились въ театры. Лучшіе отели служили магазинами или же преобразились въ меблированныя квартиры. Во всѣхъ выставочныхъ окнахъ магазиновъ разложены были роскошныя матеріи, предметы искусства, награбленная и похищенная мебель. На всѣхъ стѣнахъ можно было прочесть слова: *Продажа національной собственности* [5]).

„Мужчины,—писалъ одинъ современникъ по возвращеніи своемъ въ столицу,—одѣваются, какъ послѣдняя шваль; молодыя женщины, подъ вліяніемъ потребности нравиться, прибѣгаютъ къ роскоши, которую въ прежнія времена мы сочли бы за замаскированную бѣдность, неумѣло прикрывающую свою наготу. Нѣтъ болѣе ни общества, ни общественнаго мнѣнія, ни даже общественнаго интереса. Въ настоящее время все живетъ лишь духомъ партіи, партійнымъ интересомъ; все, что внѣ партіи, гибнетъ. Это плодъ, который долженъ былъ произрости изъ системы гнусныхъ людей, каковыми были Робеспьеръ, Кутонъ, Сенъ-Жюстъ, Маратъ, Карръе, Фукье-Тенвилль и другіе разбойники, слишкомъ недостаточно наказанные смертью.

[1]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 498.
[2]) Мейеръ, „Fragments sur Paris“, томъ II. — „Petites Affiches“, вентозъ годъ II.—Гонкуръ, „La société française pendant le Directore“, стр. 3.
[3]) Рапорты отъ 9 и 28 нивоза.—Національные архивы. — Тэнъ, III, 498, прим. 4.
[4]) Добанъ, „Paris en 1794 et en 1795“, стр. 120.
[5]) Гонкуръ, „La société française pendant le Directoire“, стр. 3.

Онѝ уничтожили искусства, торговлю, мануфактуру, всѣ источники народнаго богатства“ [1]).

На площади Революціи возвышалась статуя Свободы, передъ которой пало столько головъ, статуя изъ гипса, окрашенная розовой краской, хотя она бы могла быть красной отъ крови. Изборожденная трещинами и щелями, — своими изъянами она, казалось, возвѣщала о концѣ режима, представительницей котораго служила.

„Она возсѣдаетъ на обломкахъ тираніи. Потомство [2])...“ Самая эта полустертая надпись на ея цоколѣ являлась иронiей. Этотъ символъ Свободы, имя которой призвано было тираніей и за которой укрылось столько преступленій,—еще стоялъ на мѣстѣ, но уже готовый рухнуть подобно той власти, которую онъ пережилъ.

III.

Подобно сказочному фениксу, Парижъ готовъ былъ возродиться изъ своего пепла. Возвратившись туда послѣ кроваваго періода Революціи, можно было замѣтить симптомы жизни и надежды, проявлявшіеся посреди всеобщаго разрушенія.

„Поразительная живучесть французскаго характера,—говоритъ баронъ Гайдъ де-Невилль, возвратившійся въ Парижъ въ это время,—проявлялась въ единодушныхъ усиліяхъ вернуть обратно все то, что такъ жестоко отняла у него тиранія. Эта постоянная смѣсь недавнихъ вліяній и старыхъ привычекъ, дерзнувшихъ снова всплыть на поверхность,—представляла странный и пикантный контрастъ для посторонняго наблюдателя. Но еще многое множество страстей волновалось на этой почвѣ, съ которой едва успѣли убрать груды труповъ, нагроможденныхъ тамъ революціонной яростью.

„Умы, столь насильственно возбужденные, не могли мгновенно вернуть свой здравый смыслъ. Масса жестокостей смѣнилась множествомъ сумасбродствъ. Изящество стараго режима сталкивалось съ грубостью Республики, уживаясь однако въ добромъ согласіи въ салонахъ, которые снова стали раскрывать свои двери. Всѣ жаждали вернуться къ жизни; она била ключемъ изъ всѣхъ источниковъ сразу. Веселье, движеніе, самое удовольствіе, столь долго сдерживаемыя и попиравшіяся, про-

---

[1]) Письмо Гюдена къ Бомарше. „Beaumarchais et son temps“, II, 489.
[2]) Гонкуръ, „La société française pendant le Directoire“, стр. 37.

извели взрывъ: наконецъ пробужденіе народа не было робкимъ и неопредѣленнымъ, какимъ можно было его предполагать вслѣдъ за такимъ насильственнымъ кризисомъ, который могъ быть еще не оконченъ. Пробужденіе это имѣло всѣ признаки воскресенія" [1]).

Тѣмъ не менѣе невозможно было позабыть бѣдствій, причиненныхъ Революціей, когда образъ ихъ стоялъ передъ глазами. Населеніе Парижа замѣтно уменьшилось, многіе промыслы совершенно исчезли. Нѣкоторые кварталы опустѣли. Новыя администраціи заняли прекрасные и старинные отели Сенъ-Жерменскаго предмѣстья. Запустѣніе этихъ отелей свидѣтельствовало о революціонномъ вандализмѣ. Въ нихъ сняли зеркала, украшенія, самыя крыши, съ цѣлью утилизированія свинца. Многіе изъ этихъ отелей, стоимость которыхъ доходила до нѣсколькихъ милліоновъ, продавались за пустякъ.

Одинъ иностранецъ, пріѣхавшій въ Парижъ въ концѣ 1795 г., утверждаетъ, что въ десять часовъ вечера, послѣ спектаклей, повсюду царило „могильное безмолвіе", вмѣсто ужиновъ и свѣтской жизни, которымъ въ былое время часъ этотъ служилъ сигналомъ.

„Встрѣча кареты,—говоритъ онъ,—составляетъ событіе".

Начиная съ 9-го термидора каретъ было совсѣмъ мало. Остались только кареты иностранныхъ посланниковъ, членовъ Комитета Общественнаго Спасенія и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Фіакры также были въ рѣдкость, по случаю ихъ дороговизны. Конецъ стоилъ сто франковъ ассигнаціями, что, правда, составляло двадцать четыре су.

Тотъ же самый путешественникъ былъ пораженъ ажіотажемъ и торговлей подержанными вещами, доведенными до крайнихъ размѣровъ. Продавалось все безъ исключенія. Въ Invalides въ наружной оградѣ продавались колоссальныя статуи святыхъ, украшавшихъ зданіе.

Нужда читалась на многихъ лицахъ, люди, рѣчь и манеры которыхъ свидѣтельствовали о принадлежности ихъ къ благовоспитанному кругу, приставали къ прохожимъ, умоляющимъ голосомъ прося у нихъ милостыни [2]).

Стефанія-Луиза де-Бурбонъ-Конти публиковалась, что даетъ уроки калиграфіи, грамматики, орѳографіи, музыки, рисованія и обучаетъ первымъ начаткамъ знаній.

---

[1]) „Mémoires et souvenirs", стр. 116—117.

[2]) Мейстеръ, „Souvenirs de mon dernier voyage à Paris" (около конца 1795 г., стр. 83 и слѣд.

„Эксъ - монахини торговали въ бѣлыхъ парикахъ: иная продавала мужскіе башмаки... Маркиза становилась штопальницей, графиня выхваляла передъ вами свой талантъ къ шитью. Нѣкоторыя, доведенныя до нищества, выдавали унизительное свое положеніе, предлагая вамъ услуги своихъ кистей, карандашей и фортепіанной игры,—жалкіе таланты, пріобрѣтенные ими лишь въ видѣ дополненія къ превосходному образованію. Но какъ далеки онѣ были отъ салоновъ или же блестящихъ будуаровъ, гдѣ этимъ талантамъ воскурялся ѳиміамъ. Льстецы теперь исчезли. Разбогатѣвшіе люди, платившіе имъ, грубо давали имъ чувствовать несовершенство сдѣланнаго ими портрета или исполненной ими музыкальной пьесы. Принимая такъ долго льстивые комплименты, онѣ выслушивали теперь рѣзкія выраженія правды. Однѣ маскировали свое горе. Другія, добравшись до своихъ чердаковъ, обливали слезами корку хлѣба, которую получали“ [1]).

Доведенные до нищеты изгнанники, возвращаясь во Францію, не признавались въ собственныхъ своихъ обителяхъ. Madame de-Boufflers умерла на чердакѣ, съ котораго ей виденъ былъ нѣкогда принадлежавшій ей отель [2]).

Иностранцевъ нисколько не влекло въ Парижъ въ 1796 г., ибо они подвергались непріятнымъ формальностямъ. По пріѣздѣ, необходимо было предъявить свой паспортъ, явиться въ муниципалитетъ, съ сопровожденіи двухъ надежныхъ гражданъ, выстаивать въ грязныхъ бюро, добиваясь тамъ иностраннаго билета, изготовленіе котораго приходилось дожидаться по полтора часа.

Лавки запирались въ бо́льшемъ количествѣ по воскресеньямъ, нежели въ дни декады, причемъ торговцы составили двѣ партіи, прозванныя „декаденцами“ и „доминиканцами“. Послѣдніе положительно восторжествовали въ 1797 году.

Статуя Генриха IV исчезла съ Pont-Neuf, она была уничтожена 10-го августа 1792 г. Едва ли двадцатая часть осталась изъ прежнихъ каретъ. Однако, экипажи стали все-таки многочисленнѣе и элегантнѣе. Одинъ нѣмецкій путешественникъ, отмѣчающій это, былъ пораженъ учтивостью различныхъ классовъ народа, учтивостью, которую не могло уничтожить царство якобинцевъ, — до такой степени она была въ нравахъ [3]).

---

[1]) Мерсье, „Paris pendant la Révolution„ I, 326—328.
[2]) „Souvenirs de madame de Genlis“.
[3]) Ф.-Ж.-Л. Мейеръ, „Fragments sur Paris“, переводъ съ нѣмецкаго Дюмурье, I.

Реакція противъ революціонныхъ идей выразилась на тысячу ладовъ, и началась съ тщеславія. „Прежніе“ были въ фаворѣ у женщинъ. Тѣ, кто набилъ себѣ карманы, были бы не прочь позаимствоваться правилами вкуса и наставленіями въ умѣньѣ жить у разоренныхъ Революціей.

Изгнанная религія стала желанною. Присягнувшіе священники начали открещиваться отъ своихъ словъ. Ла-Гарпъ сдѣлался правовѣрнымъ. Духовный костюмъ снова появился на улицахъ; церкви стали наполняться; сборы дали тамъ до двухъ тысячъ ливровъ. Съ наступленіемъ праздника св. Пасхи, въ 1797 г., закрылись всѣ магазины, а въ іюнѣ того же года де-Майлье, епископъ Сенъ-Папульскій, въ полномъ облаченіи отправлялъ службу въ церкви св. Роха, посреди благоговѣвшей и растроганной толпы [1]).

Роскошь блистала на ряду съ нищетой. Завязалась борьба между прошлымъ и настоящимъ, между тѣмъ, что̀ было прежде и что̀ есть теперь. Немыслимо было предсказать, чего еще предстояло ожидать въ будущемъ. Яснѣе всего представлялись въ то время пріобрѣтенныя положенія и загубленныя состоянія, сѣтованія однихъ и удовлетворенность и надежды другихъ.

Частные интересы преобладали надъ общественными.

„Говорилось о патріотизмѣ и свободѣ, а желали власти и богатства“ [2]).

Пройдясь по авеню Елисейскихъ полей, иностранецъ видѣлъ, что „она съ двухъ сторонъ окаймлена элегантными фаэтонами, кишитъ прелестными женщинами“. Онъ продолжалъ свой путь, „привлеченный этой магической перспективой, открывающейся черезъ Тюльерійскій садъ“, любуясь „этимъ прекраснымъ, роскошнымъ садомъ, содержавшимся лучше, чѣмъ когда бы то ни было въ самыя цвѣтущія времена монархіи... Женщины очень блестящи, кареты многочисленны, а Булонскій лѣсъ чрезвычайно посѣщается. А между тѣмъ все кричитъ о бѣдности. Это объясняется тѣмъ, что за этими роскошными обоями скрываются рантье, государственные пенсіонеры, несчастливцы, смятые Революціей. Они кричатъ и — правы. Ювеналъ также точно огласилъ бы воздухъ своими криками, но удалось-ли бы ему заставить внять его голосу, прекратить гнусный контрастъ самаго наглаго богатства, расположившагося рядомъ съ страшнѣйшей бѣдностью?“ [3])

---

[1]) Гонкуръ, „La société française pendant le Directoire“, 191, 199, 237.
[2]) Мейстеръ, „Souvenirs de mon dernier voyage à Paris“.
[3]) Мерсье, „Paris pendant la Révolution“, II, 353.

Годовщина преступленія, снявшаго голову Людовику XVI, явилась не днемъ траура, а напротивъ того, — праздникомъ, общественнымъ ликованіемъ. Недостаточно было пролить кровь праведника, надо было еще публично засвидѣтельствовать свою радость по поводу ея пролитія.

„21-го января 1796 года (IV года) празднество,—которое предназначалось справлять въ память справедливаго наказанія тирана,—началось артиллерійскими выстрѣлами. Съ восьми часовъ барабаны и трубы возвѣщали нерадивымъ о томъ, что обязанность и празднество призывали ихъ на Марсово Поле.

„Въ полдень всѣ конституціонныя власти Парижа собрались вокругъ большой сидячей статуи,—статуи Свободы, хотя по своимъ формамъ и аттрибутамъ она скорѣе, какъ намъ казалось, олицетворяла собою Геркулеса или Силу.

„Директорія предсѣдательствовала въ парадныхъ мундирахъ. Пѣли патріотическія пѣсни, въ родѣ *Марсельезы*, *Ça ira*, *Veillons au salut de l'Empire*, *Chant du départ* и т. п.

„Въ два часа присяга была произнесена при грохотѣ многочисленныхъ орудій, и повторена толпой республиканцевъ, охваченныхъ энтузіазмомъ и готовыхъ пролить кровь свою въ защиту своего дѣла.

„Давно уже не было у насъ республиканскаго праздника. Данное празднество было справлено съ пышностью, принято съ восторгомъ и закончилось безъ несчастій, не смотря на грустныя предчувствія однихъ и громкія пророчества другихъ [1]).

10-го термидора того же года состоялось новое празднество, еще болѣе блестящее. Предоставимъ описаніе его Мерсье:

„Если число и великолѣпіе каретъ, собраніе изящнѣйшихъ женщинъ, настоящихъ щеголей изъ молодежи и самыхъ борзыхъ коней, толпа зрителей, въ видѣ длинной процессіи отъ Парижа до Марсова Поля занявшей откосы на всемъ ихъ протяженіи, — если все это, — повторяю, можетъ дать представленіе о блестящемъ празднествѣ, *хотя и безъ пира*, въ такомъ случаѣ распорядитель празднества 10-го термидора могъ польстить себя увѣренностью въ успѣхѣ.

„Кто могъ-бы подумать, при видѣ такой роскоши экипажей и дамскихъ туалетовъ, искренняго веселья, розлитаго на лицахъ, что мы состояли еще въ то время въ войнѣ съ третьей частью Европы, что кровь лилась на границахъ и что національная казна оскудѣла?

---

[1]) „Paris pendant la Révolution, II, 281".

„Кто сказалъ бы, при взглядѣ на это громадное скопище солдатъ, лошадей, кабріолетовъ, женщинъ, якобинцевъ, роялистовъ и республиканцевъ, которые приходили въ соприкосновеніе другъ съ другомъ безъ столкновенія,—не опрокидывая другъ друга навзничь, если же и опрокидывали, то, во всякомъ случаѣ, не нанося одинъ другому смертельнаго удара, кто сказалъ бы, что это тотъ же самый народъ, охмѣлѣвшій отъ крови и ожесточившійся, вслѣдствіе рѣзни, который полосовалъ другъ друга два года тому назадъ и который продолжалъ, быть можетъ, дѣлать тоже самое и въ данный моментъ въ Марселѣ? Народъ легкомысленный, фривольный, непослѣдовательный, но отнюдь не злой, а добрый, самъ по себѣ, когда онъ перестаетъ быть орудіемъ мщенія, или предметомъ ужасной спекуляціи въ рукахъ крамольниковъ! Вчера наблюдалъ я его съ его вкусами, съ его привычками, въ настоящей его стихіи. Покоя, *празднествъ и хлѣба*, вотъ чего онъ требуетъ и вотъ что смущаетъ всѣхъ Нума Помпиліевъ съ задняго крыльца, желающихъ во чтобы то ни стало сдѣлать изъ него воинственный, завистливый, неспокойный народъ,—нѣчто въ родѣ Спартанцевъ,—который пребывалъ бы въ вѣчной борьбѣ со вселенной, а у своихъ очаговъ тѣмъ удовольствовался бы, что натиралъ тѣло свое масломъ и питался черной похлебкой.

„Мнѣ позволили зайти на Марсово Поле: только избранные проникали туда съ билетами или безъ оныхъ, но, во всякомъ случаѣ, сопровождаемые однимъ или двумя генералами, въ которыхъ не было недостатка, которымъ пѣшеходы имѣли основаніе пожелать бо̀льшей ловкости въ дѣлѣ управленія ихъ лошадьми, и меньшаго усердія, чтобы не сказать болѣе,—при отталкиваніи тѣхъ, кто не имѣлъ чести находиться съ ними въ большей или меньшей близости.

„Вообще, порядка не было по винѣ ли начальниковъ или же вслѣдствіе наглости ихъ чиновниковъ. Народъ, наскучившій тѣмъ, что его постоянно отталкивали, а также тѣмъ, что, призывая его на празднества, ему показывали ихъ только издали, пробился сквозь караулъ и продѣлалъ три или четыре бреши въ оградѣ. Впрочемъ бѣга не заслуживали всей этой блестящей обстановки. Они были довольно плохи, что и легко себѣ представить, принимая во вниманіе нашу неопытность въ этомъ дѣлѣ. Сынъ одного лошадинаго барышника взялъ призъ по верховой ѣздѣ.

„Съ Марсова Поля я отправился на Елисейскія поля. Тамъ

было иное зрѣлище: почти можно было сказать, другой народъ, если бы танцы, игры и пѣсни не напоминали въ той же мѣрѣ легкомысленную его беззаботность и любезную фривольность.

„Но здѣсь уже не было тѣхъ женщинъ, блиставшихъ миловидностью и нарядами, не было ни англійскихъ лошадей, ни щеголей *à parole numéraire*. Тутъ была буржуазная простота, тутъ былъ народъ рабочій, народъ—рантье, народъ по преимуществу, сидѣвшій на травѣ, поѣдавшій вишни и пышки, или же весело разгуливавшій вокругъ прелестной изгороди изъ гирляндъ, фонарей и горючихъ матеріаловъ, которую декорировалъ Руджіери.

„Полная иллюминація зажжена была гораздо позднѣе; устройство ея очень затянулось. Но зрители, занятые своими забавами, не производили впечатлѣнія скучающихъ или же людей, горѣвшихъ нетерпѣніемъ.

„Темнота ночи, мягкость воздуха, смѣшеніе группъ, хорошее настроеніе, шумъ танцевъ, магичность деревьевъ,—все способствовало сладкимъ бесѣдамъ, и казалось возбуждало къ изліяніямъ веселости.

„Было около одиннадцати часовъ, когда пустили фейерверкъ. Всѣмъ извѣстны таланты Руджіери въ такого рода фейерверочныхъ спектакляхъ, особенно излюбленныхъ парижанами. Единственное, въ чемъ можно было упрекнуть фейерверкъ,—это въ его краткосрочности, исполнителя же его, быть можетъ, въ недостаточно высокомъ подъемѣ своего фокуса...

„Когда каждый убѣдился въ томъ, что смотрѣть болѣе не на что, стали расходиться“ [1]).

Заглянемъ въ ресторанъ. Блюда стоили дорого, а денегъ часто не хватало. Малый размѣръ порцій не могъ удовлетворить аппетитовъ. Рестораторы не давали ничего ѣсть, назначая притомъ высокія цѣны, къ великому неудовольствію потребителей.

„Всякій ощупываетъ свою мошну, чтобы удостовѣриться, есть ли дѣйствительно на что пообѣдать, такъ какъ теперь дешевымъ обѣдамъ уже конецъ. Хорошенько разсчитайте заранѣе, если не желаете попасть врасплохъ и за половину пулярдки оставить при разсчетѣ въ закладъ свои часы или табакерку.

„Вы видите цѣны, но не видите блюда, когда же вамъ

---

[1]) „Paris pendant la Révolution“, II, 246.

принесутъ его, то оказывается, что содержимое его могло бы помѣститься на блюдечкѣ или на тазикѣ употребляемомъ при кровопусканіи. На небѣ вы замѣчаете подъемъ луны, у ресторатовъ же наблюдается сокращеніе блюдъ, а между тѣмъ цѣны неподвижны и неизмѣнны, какъ полярная звѣзда. Говядина вырѣзана въ видѣ филиграновыхъ издѣлій, а скоро будетъ выстригаться, въ видѣ кружевъ. Можно подумать, что быки стали не толще индѣекъ: полунціи считается теперь за полфунта,—не съ бо́льшей разсчетливостью и самъ аптекарь отвѣшиваетъ свои дозы...

„Входя въ ресторанъ, озаботьтесь, чтобы кошелекъ вашъ былъ обильнѣе обѣденной карты, да и то смотрите, чтобы не пришлось поститься, несмотря на щедрую расплату...

„На карточкахъ встрѣчаются забавныя названія. Снимая со стола, гарсонъ кричитъ какому то господину, въ родѣ метръ д'отеля: принесите похлебку *à la ci-devant Reine*, съ почками à la brochette; подайте похлебку *à la ci-devant Condé*, съ заячьимъ рагу...

„Лоскутники продаютъ свои товары въ тѣни, чтобы скрыть имѣющіяся на нихъ пятна. Рестораторы продаютъ свои кушанья заглазно, разоблачаютъ ихъ поваренки, и то лишь тогда, когда вы уже попались: такимъ образомъ, какъ рестораторы, такъ и тряпичники заслуживаютъ названія жидовъ. Они быстро богатѣютъ, о чемъ свидѣтельствуютъ анонсы, напечатанные громадными буквами и возвѣщающіе, что такой то наслѣдуетъ такому-то. Леда оспариваетъ уже его у знаменитаго Мео. Обжорство является главной основой современнаго общества. Серьезная забота одна, —какъ бы поѣсть, какъ бы хорошо пообѣдать. Всѣ эти зеркала, украшающія залы ресторатовъ, отражаютъ эгоизмъ, который одинъ пожираетъ все, въ свое удовольствіе, и который, пообѣдавъ, не трогается ничьимъ несчастьемъ“ [1]).

Быть можетъ, воспоминаніе о лишеніяхъ и годахъ нищеты способствовало взрыву обжорства, удовлетворить которое могли почти одни разжившіеся отъ Революціи. Большинство, подобно Мерсье, проклинали скудость своего кошелька и дороговизну обѣдовъ.

Модными кафе были Гарши, въ улицѣ de la Loi, гдѣ Tout-Paris собирался послѣ спектакля; Вельони—въ Гановрскомъ павильонѣ, преображенный въ кафе въ китайскомъ стилѣ;

---

[1]) „Paris pendant la Révolution“, II, 355.

Фраскати, щеголявшій своимъ садомъ, блиставшимъ огнями. *Petit-Coblentz*, помѣщавшійся между улицами Mont-Blanc и Grande-Batelière, самымъ названіемъ своимъ достаточно характеризовалъ собравшуюся въ немъ публику. Тамъ ѣли мороженое; но болѣе всего расточалось тамъ остроуміе и эпиграммы противъ Революціи [1]).

Въ 1796 году насчитывалось 16 театровъ [2]). Какъ видно, число ихъ сократилось. Первое мѣсто занимали Théatre-Français, прозванный Théatre de la République, Одеонъ, Опера въ улицѣ de la Loi, противъ библіотеки [3]); затѣмъ театръ Montansier, Ambigu-Comique и др.

Mademoiselle Конта и mademoiselle Рокуръ продолжали пожинать лавры. Тальма восходилъ на вершину трагическаго искусства.

Революція поднялась на подмостки. Реакція, въ свою очередь, завладѣла сценой. Революціонныя преступленія бичевались въ пьесахъ, гдѣ настоящее мстило за прошлое.

„*Внутренность революціонныхъ комитетовъ*“ [4]) предавала публичному проклятію тѣхъ людей, которые въ революціонномъ судѣ, передъ лицомъ всѣхъ пародировали правосудіе и распоряжались человѣческой жизнью. Театръ давалъ мѣсто непредвидѣннымъ встрѣчамъ; родственники жертвъ оказывались иногда сосѣдями съ убійцами послѣднихъ.

„Ты убійца моего брата!“—вскричалъ нѣкій молодой человѣкъ въ театрѣ Montansier, узнавъ бывшаго президента Революціоннаго Комитета въ зрителѣ, сидѣвшемъ рядомъ съ нимъ [5]). Подобные инциденты перемѣщали интересъ со сцены въ зрительное зало.

На ряду съ этой жаждой правосудія, начинавшей давать себя чувствовать, повсюду встрѣчалось вліяніе революціонныхъ нравовъ. Прародитель „Гавроша“ не измѣнилъ своего духа; только шутки и вольности его стали иными, нежели шутки и вольности стараго режима.

„Въ прежнее время, когда какой нибудь шелопай выходилъ между двумя пьесами, то всѣ чистильщики сапоговъ у театральнаго подъѣзда принимались горланить во всю мочь:

---

[1]) Гонкуръ, „La société française pendant le Directoire“, стр. 221 и слѣд.
[2]) Мейеръ, „Fragments sur Paris“. Мерсье насчитываетъ ихъ около двадцати трехъ, относящихся къ той же эпохѣ (I, 319).
[3]) Нынѣ площадь Лувра.
[4]) Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, поставленная впервые на театрѣ de la Cité-Variétés, 8-го флореала III года,
[5]) „Le censeur des journaux“, іюль, 1797.—Гонкуръ, стр. 129.

Ваша карета, господинъ кавалеръ, господинъ маркизъ, господинъ графъ"! Въ настоящее время они замѣнили эти воззванія кличками капитановъ, генераловъ, коммиссаровъ. Они стали болѣе фамильярными, подаютъ руку изящнымъ дамамъ, величая ихъ гражданками, предлагаютъ кабріолетъ, приговаривая: „Вдвоемъ сидѣть весьма удобно". Они отличаются наглой веселостью, безразлично относясь ко всѣмъ партіямъ, издѣваясь одинаково надъ собачьми ушами и якобинскимъ парикомъ" [1]).

Афиши служили для разжиганія мнѣній, или же для возбужденія общественнаго интереса. Онѣ кричали разнообразными своими красками на стѣнахъ, расклеенныя въ избыткѣ, достойномъ періода выборовъ въ наше время. Весь Парижъ обратился въ одну афишу. Всевозможныя объявленія, аннонсы, рекламы, проспектусы, политическія программы покрывали его, окутывали какъ бы какимъ-то одѣяніемъ [2]). Афиши эти свидѣтельствовали также о всеобщей нищетѣ, содержа въ себѣ указанія ростовщическихъ ссудъ, предлагавшихъ деньги по 8—10% въ мѣсяцъ [3]).

„Camelots" были уже изобрѣтены. Они выкрикивали своимъ осипшимъ голосомъ газеты, вѣрныя и ложныя извѣстія, оглушая цѣлый кварталъ и съ каждымъ днемъ одурачивая все новыхъ покупателей.

Въ 1796 году было не менѣе шестидесяти-пяти газетъ, изъ которыхъ однѣ появлялись по утрамъ, а другія—по вечерамъ.

„*Вечернія газеты*, — говоритъ одинъ иностранный наблюдатель,—всякій вечеръ продаются газетчиками, которые ихъ разносятъ. Быстрота ихъ составленія и печатанія необычайна. Совѣтъ Пятисотъ обыкновенно кончаетъ свои засѣданія въ четыре часа, а иногда и позднѣе, а между тѣмъ уже съ шести часовъ, вы слышите, какъ выкрикиваютъ по улицамъ: *Вотъ сегодняшнее засѣданіе обоихъ Совѣтовъ*! И весьма рѣдко случается, чтобы вы не нашли тамъ точнаго изложенія дебатовъ послѣдняго засѣданія, сколь бы длинны и сложны они ни были.

„Стоимость всѣхъ этихъ вечернихъ газетъ, если вы не позволяете себя надуть, — до сихъ поръ ограничивалась всего однимъ су... Но скоро она дойдетъ до двухъ су, на которыхъ разнощикъ газетъ наживаетъ треть.

---

[1]) Мерсье, „Paris pendant la Révolution", I, 199.
[2]) Ibid., II, 284.
[3]) Ibid., II, 428.
[4]) Ibid., I, 197.

„Еще одна черта современнаго общественнаго настроенія умовъ. Я часто слышалъ, какъ, при выкрикиваніи газетчика увѣреннымъ голосомъ важныхъ новостей о побѣдахъ,—прохожіе останавливали его возгласомъ: *Убирайся ты къ Директоріи съ твоимъ побѣднымъ кличемъ! Нѣтъ болѣе никакихъ побѣдъ! Мы жаждемъ вѣстей о мирѣ.* Напротивъ того, когда у газетчика срывались съ языка слова: *Переговоры о мирѣ*, то самые отдаленные прохожіе однимъ прыжкомъ настигали его и съ крикомъ: *Давай, давай!* вырывали отъ него газету, нерѣдко содержавшую лишь измышленіе самого газетчика. *Миръ*! это единодушный возгласъ Парижа. Газетчики, зная эту слабость, привлекали покупателей, выкрикивая слово *Миръ*! громовымъ голосомъ“ [1]).

Книги соперничали съ газетами, и на ихъ безнравственность жаловались:

„Въ настоящее время выставляются однѣ непристойныя книги, заглавія и иллюстраціи которыхъ въ одинаковой мѣрѣ отталкиваютъ стыдливость и хорошій вкусъ. Эти мерзости продаютъ повсюду въ продолговатыхъ корзинахъ вдоль мостовъ, у тетральнаго подъѣзда, на бульварахъ. Ядъ этотъ цѣнится не дорого: по десяти су за томъ“ [2]).

Каррикатуры вышучивали современныя моды, и прохожіе, останавливаясь передъ витринами, разглядывали различныя каррикатуры, на *Incroyables*, *Merveilleuses*, *Danger des perruques*, гдѣ одна наѣздница теряла свою шевелюру и свою шляпу, уносившіяся отъ нея одновременно. Въ *Англоманѣ* осмѣяна была манія къ „спорту“. *Парикмахеръ милліонеръ*, распивая шоколадъ, указывалъ на быстро пріобрѣтенныя имъ богатства. Въ *Rentiers sur le chemin de Bicêtre* можно было узнать несчастныхъ рантье государства, которыхъ оскудѣніе казны и финансовая безурядица лишали доходовъ. Реакціонныя идеи противъ якобинской тираніи отразились въ иллюстраціяхъ, изъ нихъ одна, подъ названіемъ *Исключительной*, представляла человѣка съ яростной физіономіей. Внутри его шляпы стояло слово *Свобода*, на дулѣ пистолета, который онъ держалъ одной рукой — начертано было слово *Смерть*, а на рукояткѣ кинжала, находившагося у него въ другой рукѣ, — слово *Братство*. Небольшой красный колпакъ висѣлъ у него въ петличкѣ, а изъ кармановъ торчали доносы.

---

[1]) Ф.-Ж.-Л. Мейеръ, „Fragments sur Paris“, I.
[2]) Мерсье, I, 410.

На ряду съ забавными сюжетами помѣщались также портреты героевъ дня, портреты генераловъ, недавно прославленныхъ побѣдой. Тутъ же стоявшее въ рамкѣ изображеніе Людовика XVI напоминало покушеніе 21 января, и прохожимъ за 15 су предлагалась трагедія, подъ названіемъ: *Смерть Людовика XVI и Маріи-Антуанетты* [1]).

Число лавокъ страшно возросло, вслѣдствіе крайне распространившагося торга подержанными вещами. Многія изъ этихъ лавокъ содержались людьми, бросившими прежнія свои профессіи и занявшимися коммерціей, хотя послѣдняя далека была отъ процвѣтанія. Оскудѣвшія состоянія, рѣдкость звонкой монеты, чрезмѣрность конкурренціи, — все это представляло не особенно благопріятныя условія для торговли и вызывало многочисленныя банкротства [2]).

Экипажи, болѣе легкіе на ходу, нежели при старомъ режимѣ, были безъ позолоты или какихъ либо иныхъ отличительныхъ марокъ. Въ берлинѣ, фаэтонѣ, кабріолетѣ быстро проѣзжались разстоянія, по которымъ въ прежнія времена ѣздили въ коляскахъ, двигавшихся съ величавой медлительностью. Козлы на нѣкоторыхъ экипажахъ были подняты до такой степени, что Мерсье жаловался на возможность предоставленную кучерамъ для наблюденія за тѣмъ, что творилось на антресоляхъ [3]).

Фіакры сдѣлали большіе успѣхи въ концѣ правленія Директоріи. Одинъ современникъ держитъ имъ цѣлое похвальное слово:

„Фіакры!.. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ объ этихъ неопрятныхъ каретахъ, съ отвратительной закладкой, говорили не иначе, какъ съ омерзеніемъ... Кучера въ лохмотьяхъ походили скорѣе на нищихъ, нежели на извощиковъ. Въ настоящее время карета, закладка, кучеръ,—все свидѣтельствуетъ о достаткѣ и опрятности; многіе фіакры успѣшно конкуррируютъ съ лучшими нашими берлинами. Маленькая дощечка съ неизбѣжнымъ номеромъ была едва замѣтна. Но эта мѣтка, отличающая ихъ отъ собственныхъ экипажей, достаточна для того, чтобы сохранить за ними гнусное имя, которое, быть можетъ, забылось бы, если бы не нахальство извощиковъ, почти всегда напоминающее о томъ, что это фіакры [4]).

---

[1]) Мерсье, I, 401, II, 163.
[2]) Ibid., II, 301.
[3]) Ibid., 429.
[4]) Ж.-Б. Пюжу (Pujoulx), „Paris à la fin du dix-huitéime siècle“, стр. 185.

Цѣны на нихъ возвысились. Можно составить себѣ о нихъ понятіе на основаніи слѣдующаго замѣчанія, приведеннаго въ одной книгѣ того времени:

„Дешевле стоитъ съѣздить въ Версаль, нежели въ сосѣднюю улицу“ [1]).

По численности своего населенія, Парижъ въ то время снова приближался ко времени Революціи. Въ немъ насчитывали до шестисотъ тысячъ жителей, считая въ томъ числѣ сто докторовъ, четыреста писателей, около двухъ тысячъ четырехсотъ портныхъ и восемьдесятъ банкировъ, жаловавшихся на застой въ дѣлахъ. Число парикмахеровъ уменьшилось на три четверти со времени Революціи [2]).

Состояніе безопасности оставляло многаго желать. Одни воры и преступники находили покровительство во время Террора. Они чувствовали себя менѣе обезпеченными, начиная съ конца правленія Парижской Коммуны; безнаказанность свою они возмѣщали хитростью и ловкостью. Ремесломъ своимъ они занимались по преимуществу у театральнаго подъѣзда.

„Производятся громадныя кражи, — говоритъ Мерсье, — скажу болѣе, составляются цѣлые заговоры. Между тѣмъ полиція слѣдитъ, но и у нея, подобно другимъ учрежденіямъ, были свои сильныя и слабыя альтернативы; она сама развратилась...

„Рано или поздно, а придется таки вернуться къ возстановленію коннаго и пѣшаго дозора, для спеціальной охраны Парижа. Жандармерія составляетъ конный дозоръ, но этого недостаточно.

„По собраннымъ вычисленіямъ и даннымъ, сорокъ восемь отдѣловъ поставляютъ сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, отбывающихъ караулъ, причемъ очередь ихъ службы наступаетъ для нихъ по крайней мѣрѣ двѣнадцать разъ въ году. Три четверти съ половиной ставятъ за себя замѣстителей, такъ какъ большая разница между отбываніемъ караула и несеніемъ солдатской службы. Кто вздумалъ бы воспротивиться отбывать караулъ, тому пришлось бы снова идти брать Бастилію. Таковы ужъ всѣ люди, а парижане въ особенности; они ненавидятъ службу, и именно со времени дезорганизаціи національной гвардіи, они готовы воровать во время сраженій и отказываются арестовать вора“ [3]).

---

[1]) „Tableau de Paris en l'an VIII“, стр. 4.
[2]) Мерсье, II, 429.
[3]) Ibid., I, 200; II, 180.

Мы видѣли только внѣшній Парижъ,—уличный и бульварный. Остается обрисовать главныя черты того общества, наиболѣе разительнымъ олицетвореніемъ и подобіемъ котораго остаются *les Incroyables.* Прозвище ихъ, должно быть, произошло отъ безпрестанныхъ ихъ восклицаній: „это чудесно! это невѣроятно!" Они стали появляться въ концѣ 1794 года [1]). Щеголи 1795 года носили широкіе жилеты изъ полуплиса и замши, съ перламутровыми пуговицами, коротко остриженные волосы на затылкѣ, завитые спереди и напудренные „à la victime". Галстуху придавалось непомѣрное значеніе и онъ закрывалъ собою часть подбородка. Панталоны, стянутые въ колѣнахъ, придавали ногѣ контурную форму; нога была обута въ башмакъ, съ чрезвычайно заостреннымъ носкомъ или же въ легкій бальный башмакъ. Сапогъ также имѣлъ успѣхъ, какъ товаръ, привезенный республиканскими арміями. Incroyables'и носили въ рукахъ суковатыя палки, на которыя охотно опирались, наклоняя корпусъ впередъ. Они носили на носу очки, славились тонкостью бѣлья, украшали себя розетками и лентами и появлялись въ публикѣ не иначе, какъ пропитанные мускусомъ. Вычурность ихъ костюма и манера держать себя уступала только жеманству ихъ рѣчи, изъ которой изгнана была буква *р.* Они клялись лишь своимъ „paole supême", обращая на себя вниманіе въ „théâte'ѣ" въ „loze'ѣ", гдѣ ухаживали за какими нибудь *щеголихами,* au „visase anzélique".

Щеголихи одѣвались по античному, т. е. по возможности наименѣе одѣвались. То были лишь прозрачныя одежды „à la Vestale", „à la Diane". Рубашка являлась украшеніемъ. Котурнъ охватывалъ икры; пальцы на ногахъ были украшены золотыми кольцами. Зеленый цвѣтъ, изгнанный Терроромъ, былъ принятъ именно на этомъ основаніи; жонкилевый цвѣтъ наслѣдовалъ ему. Скипетръ моды принадлежалъ madame Талльенъ; ея капризы считались закономъ.

Со времени уничтоженія эшафота, революція и реакція состязались въ прическѣ и костюмѣ. Все служило предлогомъ для манифестаціи. Прическа „à la victime" была воспоминаніемъ о тюрьмахъ Террора. Свѣтлые парики явились реакціоннымъ символомъ; „Собачьи уши", спускавшіяся на уши, вели войну съ волосами „à la Brutus" и „à la Titus". Они навлекли на себя подозрѣніе полиціи, которая прекратила раздоръ воспрещеніемъ того и другого. Для воротниковъ также насталъ свой

---

[1]) Шмитъ, „Paris pendant la Révolution", I, 273.

чередъ. Бывшіе зелеными до 1795 года, въ знакъ аристократизма,—своимъ чернымъ цвѣтомъ они обозначали теперь партію реакціи и объявили настоящую войну краснымъ воротникамъ якобинцевъ, вслѣдствіе которой затѣвались ссоры, а нерѣдко и кровопролитныя драки.

Разводъ, это „таинство адюльтера", какъ тогда его называли [1]), содѣйствовалъ развращенію нравовъ, допуская съ неслыханной легкостью расторгать узы, которыя прежде признавались неразрывными. Такимъ образомъ законъ санкціонировалъ всякіе капризы, всякія измѣны. Развѣ не являла собою прообраза развода эта Революціонная Франція, насильственно порвавшая связь съ своими традиціями и со своимъ прошлымъ?

Въ 1796 году насчитывали четыре тысячи подкидышей въ Сенскомъ департаментѣ и сорокъ четыре тысячи въ другихъ департаментахъ [2]). Подобные факты довольно ясно свидѣтельствовали о деморализаціи общественнаго строя, не оберегавшаго болѣе ни нравственности, ни семьи.

Горячка удовольствій волновала, повидимому, Парижъ, доводя его до безумія. Веселиться значило снова начать жизнь прерванную или подвергавшуюся опасности отъ гильотины. Вслѣдъ за конвульсіями агоніи начались конвульсіи пляски. Послѣ Террора каждый день бывало по 1.800 общественныхъ баловъ. Танцовали всюду—въ салонахъ, въ загородныхъ кабачкахъ, въ храмахъ, гдѣ прежде молились, и даже на могилахъ мертвецовъ, попирая ихъ прахъ подъ звуки скрипокъ. Еще болѣе невѣроятное дѣло! Танцуя, вспоминали тѣхъ, кого утратили на революціонномъ эшафотѣ. Давались „bals à la victime", на которые допускались исключительно отцы, матери, мужья, жены, братья и сестры гильотинированныхъ, а всѣ остальные строго исключались.

Къ этой эпохѣ можно бы примѣнить то, что Тацитъ сказалъ о Римѣ, въ концѣ царствованія Вителія:

„Люди наслаждались, предавались восторгу, не смущаясь никакой партіей, и общественныя бѣды входили въ составъ удовольствій". Nulla partium cura, malis publicis loeti [3]).

„Никогда не было столько спектаклей, концертовъ, танцевъ, обѣдовъ, трактировъ, лимонадчиковъ, общественныхъ са-

---

[1]) Paris, февраль 1797 г.—Гонкуръ „La sociéte française pendant le Directoire", стр. 176.

[2]) Гонкуръ, стр. 178.

[3]) Hist., lib. III, LXXXIII.

довъ, фейерверковъ, лицеевъ, газетъ и виноторговцевъ. Это разнообразіе развлеченій посреди самой убійственной войны, вслѣдъ за революціей, которая должна была вызвать однѣ меланхолическія размышленія, — являло собою нѣчто феноменальное, равно какъ и эти пышности частныхъ лицъ посреди бѣдствій правительства, этотъ духъ безпечности и расточительности и мотовства, охватившій всѣ классы общества, эта жажда барышей и отсутствіе экономіи, эта алчность морского разбойника, примѣняющаяся для достиженія богатствъ, и эта нелѣпая манера, съ какою ихъ расточаютъ. Одинъ день создаетъ состоянія, на другой—они гибнутъ. Иной, избавившись отъ своего чердака, нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ въ великолѣпномъ дворцѣ, а затѣмъ снова вынужденъ вернуться въ прежнее свое логово!" [1]).

Домашній столъ составлялъ роскошь привилегированныхъ. Остальное-же большинство кормилось въ ресторанахъ, гдѣ бывшіе повара аристократовъ, находившихся въ изгнаніи, упражнялись въ своемъ искусствѣ.

„Три четверти парижанъ — говоритъ одинъ современникъ—не ужинаетъ болѣе, и половина изъ этихъ трехъ четвертей усвоила себѣ эту привычку ради экономіи. Люди ужинающіе садятся за столъ въ одиннадцать часовъ, а ложатся лѣтомъ тогда, когда рабочіе встаютъ. Одинъ только завтракъ пользуется большимъ значеніемъ во Франціи, причемъ совершается онъ совсѣмъ по новому" [2]).

Прежніе ужины замѣнились *чаями*. Успѣхомъ своимъ послѣдніе были обязаны не только экономическимъ соображеніямъ, но также и трудности соединить за однимъ и тѣмъ же столомъ людей, которыхъ раздѣляли многія воспоминанія и злопамятство. На эти новомодныя собранія, гдѣ происходили уже нѣкоторыя сближенія, и которыя служили какъ бы первой попыткой, къ новому сплоченію общества, дамы являлись въ большомъ парадѣ. Кличка „гражданинъ" утрачивалась мало-по малу. Въ 1797 году начали отваживаться произносить „monsieur", о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая записка Бомарше, адресованная имъ 10 преріала къ одному значительному чиновнику:

„Привѣтъ вамъ, *monsieur*, если этимъ словомъ я васъ не обижаю. Мы немножечко сбились съ толку въ употребленіи

---

[1]) Мерсье, „Paris pendant la Révolution", II, 429.
[2]) Ж.-Б.-Пюжу (Pujoulx) „Paris à la fin du dix-huitième siecle", стр. 141.

титуловъ. Но всѣ тѣ, которые циркулируютъ въ обращеніи альпари, не нарушаютъ святого равенства“ [1]).

Всѣми чувствовалась необходимость вернуться къ обычаямъ, уничтоженнымъ эпохой тираніи и жестокости. Но могли ли когда либо вернуться изящество и прелесть прежнихъ салоновъ, это изысканное обхожденіе, эта учтивость, эта свѣтскость, не покидавшая жертвъ Революціи въ самый смертный часъ и передъ эшафотомъ. Примѣромъ тому можетъ служить Марія-Антуанетта, которая извинилась, наступивъ на ногу Сансону,—то была послѣдняя учтивость со стороны королевы Франціи по отношенію къ ея палачу?

Роскошь, при старомъ режимѣ носившая на себѣ отпечатокъ изящества и вкуса, въ эпоху Директоріи обличала неопытность новичковъ. Она выражала идеи и нравы общества, которое, избавившись отъ катастрофъ Революціи, пробовало пользоваться богатствомъ, ища для себя образцовъ въ прошломъ, но не располагая способностью подражать этимъ образцамъ.

„Дѣлаются попытки,—говоритъ Мерсье,—подражать прежнему двору, прежнему хорошему обществу, но подражаніе это выходитъ приблизительно столь же удачно, какъ обезьяничанье своихъ господъ, продѣлываемое Жоделе и Маскариллемъ, похитившими барское платье“ [2]).

„Республиканскій Парижъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ оттѣнковъ,—писалъ одинъ иностранецъ въ 1796 году,—походитъ на Парижъ — столицу монархіи. Въ общемъ онъ представляетъ собою очень выразительную картину самой расточительной роскоши, самой глубокой безнравственности, грубыхъ наслажденій и ненасытнаго желанія смѣны всевозможныхъ удовольствій. Какое предзнаменованіе для Республики, добродѣтель, цѣломудріе и простота нравовъ которой должны бы явиться наиболѣе прочной опорой!

„Фактъ, который я хочу привести здѣсь, въ качествѣ свидѣтеля его, касается хорошаго современнаго общества или, вѣрнѣе, того класса, который зовется обществомъ хорошаго тона, а на дѣлѣ представляетъ собою худшее общество дурного тона, т. е. новыхъ богачей, эфемерныхъ продуктовъ Революціи, ажіотеровъ, поставщиковъ армій и ихъ своры. Въ настоящее время они играютъ въ Парижѣ первую и наиболѣе

---

[1]) „Beaumarchais et son temps“, II, 505.
[2]) „Paris pendant la Révolution“, II, 430.

блестящую роль, при помощи богатствъ, собранныхъ ими съ финансовыхъ остатковъ Франціи, ажіотажемъ и разграбленіемъ народа. Отели этихъ капиталистовъ, ихъ загородные дома, пиры, отличаются чрезмѣрной роскошью. Напыщенная гордость, отвратительная грубость служатъ характерными признаками происхожденія и спеціальности этихъ баловней фортуны. Роскошь, въ которой утопаютъ эти развратники въ ущербъ націи, тѣмъ болѣе безразсудна, что, повидимому, она привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе и какъ бы дѣлаетъ вызовъ правосудію, мечъ котораго нѣкогда настигнетъ этихъ хитителей и расточителей національной собственности. И кто могъ бы этому повѣрить? Эти люди, рѣшительно всѣмъ обязанные Революціи, равно какъ и клика ихъ льстецовъ и ихъ паразитовъ,—являются наиболѣе завзятыми аристокатами" [1]).

Прежняя аристократія была изгнана, но тщеславіе осталось; его только разожгла Революція, но не уничтожила, и оно давало себя чувствовать нерѣдко въ весьма забавной формѣ.

„Хотя Революція, совершившаяся во Франціи,—говоритъ одинъ бытописатель той эпохи,—уничтожила титулы, отличія и права, присвоенныя себѣ дворянскимъ сословіемъ; хотя графы, маркизы, герцоги и простые дворяне прежняго времени вынуждены были вернуться въ классъ гражданъ или же покинуть отечество, хотя всѣ орденскія ленты, кресты, звѣзды исчезли изъ Франціи вмѣстѣ съ ливреями, тѣмъ не менѣе въ Парижѣ ежедневно можно наблюдать еще болѣе поразительную метаморфозу, которой нельзя было бы повѣрить, если бы не приходилось убѣждаться въ ней собственными глазами и ушами. Въ средѣ народа находятся люди, которые стараются васъ увѣрить, что они бывшіе дворяне. Они начинаютъ съ изліяній о томъ, что все потеряли во время Революціи, а затѣмъ на ушко признаются вамъ, что родились добрыми дворянами. Эту грубую ложь легко замѣтить, ибо немногаго требуется, чтобы замѣтить у нихъ отсутствіе всякаго воспитанія и разговоръ на жаргонѣ, который очень мало отличается отъ рыночнаго" [2]).

Посреди самыхъ пышныхъ пировъ слышались рѣчи, грубость которыхъ обличала въ собесѣдникахъ полное отсутствіе воспитанія. Роскошь туалетовъ составляла иногда странные контрасты съ манерами и рѣчью. Театръ и большіе обѣды

---

[1]) Мейеръ, „Fragments sur Paris", I.

[2]) „Paris métamorphosé, ou Histoire de Gilles-Claude Ragot", П.-Ж.-Б. Нугаре, Парижъ, годъ VII, II, 68.

иногда давали возможность дѣлать забавныя наблюденія по части нравовъ.

„Одна дама изъ ложи перваго яруса уронила платокъ въ партеръ. Какой-то свѣтскій господинъ вздумалъ подать ей этотъ платокъ, но ошибся ложей, причемъ дама, которой онъ сталъ его отдавать, замѣтила: *Monsieur, ce n'est pas t'à moi.*— *Dans ce cas,*—возразилъ онъ съ иронiей,—*je ne sais pas t'à qu'est-ce...*"

„Нѣкій новоиспеченый богачъ, присутствуя на одномъ церемоніальномъ обѣдѣ, держалъ кость отъ курицы между пальцевъ и казался въ затрудненіи. Замѣтивъ это, сосѣдъ его обратился къ нему съ вопросомъ, не нужно ли ему чего нибудь. „Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—я желалъ бы только знать, что приличнѣе, положить ли кость на свою тарелку или же бросить ее подъ столъ" [1]).

Въ предметахъ для сатиры не было недостатка. Осмѣянные въ прозѣ, пороки и смѣшныя стороны того времени не миновали и стиховъ, дававшихъ слѣдующую печальную картину Парижа въ 1799 году:

О, Парижъ! о, ты, нѣкогда столь восхитительная обитель!
Въ какомъ видѣ рѣшаешься ты предстать передъ нашими взорами?
Гдѣ твои остряки, твоя пышность и твои зрѣлища?
Гдѣ твои искусства, грація и чудеса.
Въ былое время хорошій тонъ, твои моды, твои сочиненія
Влекли къ тебѣ иностранца, очарованнаго твоими удовольствіями,
И его золото оплачивало твою промышленность.
Нынѣ ты славно оплаченъ своимъ безуміемъ.
Краснѣй за свои несчастья, смотри на твоихъ многочисленныхъ рантье,
Сдѣлавшихся прозрачными отъ худобы, забравшись на твои чердаки.
Торговля твоя погибла, богатства пропали,
Улицы твои повсюду заросли травою.
Храмы твои обратились въ грустныя пустыни,
Отцы твоихъ семействъ задушены въ твоихъ стѣнахъ [2]),
Дѣти твои погибли лишь для того, чтобы погибнуть еще разъ;
Марсъ продолжаетъ ихъ призывать, не переставая пожирать ихъ.
Вотъ горькіе плоды твоего равенства,
Та же свобода надѣваетъ на тебя оковы [3]).

Парижъ, этотъ новый Протей, измѣнился лишь для того, чтобы измѣниться еще разъ, причемъ въ этомъ фазисѣ своего

---

[1]) „Encore un tableau de Paris", Аpріона, годъ VIII, гл. XXV.
[2]) 13 вандемьера.
[3]) „Tableau de Paris au commencement de l'année 1799", Гамбургъ, 1800, in-12.

существованія онъ принялъ форму, которая не была заключительной. Онъ облекся въ ливрею своихъ несчастій, въ ожиданіи того момента, когда ему предстояло появиться облеченнымъ въ обновленныя свои искусства и новую цивилизацію.

Конечно, принимая во вниманіе преступленія, какими осквернила себя великая столица, и ту скорбь, какою была она преисполнена, — невольно изумляешься легкомыслію ума, столь легко забывающаго свои несчастія, и непонятными представляются эти удовольствія, среди которыхъ, на другой же день послѣ жесточайшихъ испытаній, въ вихрѣ танцевъ, попирались могильныя плиты. Но этотъ народъ въ самомъ легкомысліи своемъ обрѣлъ силу устоять противъ безпримѣрныхъ бѣдствій. И если подчасъ онъ переносилъ ихъ съ излишней безпечностью, за то энергично и быстро исправлялъ ихъ.

Символомъ Парижа служитъ корабль, изображенный на его гербѣ, какъ эмблема его характера и судьбы. Корабль этотъ былъ разбитъ бурею. Но, вѣрный своему девизу, онъ не потонулъ въ волнахъ.

Глава XI.

Революція въ провинціи: города.

I.

Революція обладала общимъ характеромъ, слѣдуя однимъ и тѣмъ же внушеніямъ и повинуясь однѣмъ и тѣмъ же страстямъ. Но въ ней были отдѣльныя черты, въ зависимости отъ мѣстности, духа и тенденцій жителей. Не вездѣ пронеслась она съ одинаковой силой. Были даже такія мирныя и отдаленныя мѣстности, гдѣ она прошла почти незамѣченной, гдѣ едва отразилась ея жестокость, гдѣ избѣгли если не ея вліянія, то, по крайней мѣрѣ, ея тираніи. Такіе факты возможны были скорѣе въ деревняхъ, нежели въ городахъ, населенію которыхъ почти всегда присущи элементы безпорядка.

Революція въ городахъ также располагала средствами для организаціи. Ей удалось водворить тамъ дѣятельные комитеты; она посылала туда своихъ агентовъ, своихъ проконсуловъ. Тамъ именно и засѣдали ея суды и происходили казни.

Чтобы избѣжать опасностей, грозившихъ въ деревнѣ, люди скрывались въ города, хотя тамъ рисковали подвергнуться домашнимъ обыскамъ. Въ деревнѣ власти были слабы, а за предѣлами—враждебны.

Триста или четыреста дворянъ, вмѣстѣ со своими семействами, перебрались въ Канъ, не рѣшаясь болѣе оставаться въ своихъ помѣстьяхъ. 23 августа 1791 г. имена ихъ и мѣстопребываніе были объявлены публично и они предоставлены были ярости якобинцевъ. Не пользуясь защитой административныхъ властей, они рѣшили образовать родъ ассоціаціи взаимной защиты. Ничтожнѣйшаго факта было достаточно для возбужденія противъ нихъ. При нападеніи они защищались. На нихъ сейчасъ же набросились, подвергли аресту и засадили въ тюрьму. Законодательное Собраніе, признавъ ихъ невиновными,

отдало приказъ освободить ихъ. Несмотря на то, они могли избѣгнуть грозившихъ имъ опасностей не иначе, какъ покинувъ городъ подъ сильнымъ конвоемъ, въ два часа ночи [1]).

Анархія, обнаружившаяся въ 1789 году на всемъ пространствѣ Франціи, научила сомнѣваться въ королевской власти. Конституціонное Собраніе довело эту власть до того, что отъ нея осталась только ея тѣнь, — до такой степени она оказалась подчиненной всѣмъ остальнымъ. На кого же было возложить поддержаніе порядка въ каждой отдѣльной мѣстности? На муниципалитеты. Но послѣдніе не могли уже болѣе опираться на вооруженную силу. До отправленія войскъ къ границѣ,—что было вызвано войною,—военный элементъ, начиная съ 14 іюля, почти повсюду встрѣчалъ оскорбленія. Ему приходилось подчиняться гражданскому элементу, если онъ самъ не вступалъ въ соглашеніе съ безурядицей. Революціонный духъ проникъ въ армію со времени федераціи 1790 г. Обезкураженные отсутствіемъ дисциплины среди солдатъ и рѣзней, которой подверглись многіе изъ нихъ самихъ,—офицеры рѣшили удалиться. Число ихъ увольненій возросло въ концѣ 1791 г. и въ началѣ 1792 г.

Не подобало ли муниципальнымъ властямъ опереться на національную гвардію? Но она не обязана была подчиняться имъ; помимо того, она составлена была изъ людей, не особенно воинственныхъ по своимъ вкусамъ и положенію; притомъ же офицеры зависѣли тамъ отъ избравшихъ ихъ солдатъ.

Такимъ образомъ, города нисколько не были обезпечены. Безопасность зависѣла отъ случайности, отъ чьего либо вліянія, отъ буйнаго или умѣреннаго настроенія населенія и его вожаковъ. 12 августа 1789 г. маіоръ де-Бельзенсъ былъ убитъ въ Канѣ во время мятежа. Трупъ его разрѣзали на куски. Одинъ изъ злодѣевъ, поденщикъ Пьерръ Эбертъ, роздалъ ихъ нѣсколькимъ мятежникамъ. Самъ онъ отправился къ булочнику и велѣлъ зажарить одинъ изъ этихъ кусковъ человѣческаго мяса. Одна женщина ѣла сердце жертвы, останки которой были страшно изуродованы. Виновные были арестованы и посажены въ тюрьму, но другой кары имъ не послѣдовало. Такимъ-то образомъ новыя преступленія оказались поощренными мягкостью возмездія. Строго наказывались только противники Революціи.

Гюэцъ, мэръ изъ Труа, былъ убитъ 9 сентября 1789 года.

[1]) Тэнъ, „La Révolution", I, 408.

Одна женщина ножницами проткнула ему глаза. Разможженное тѣло его, съ веревкой на шеѣ, волокли по улицамъ въ рѣку.

На отель де-Комартена, безансонскаго интенданта, 13 августа сдѣлано было нападеніе и произведено его разграбленіе. На другой день чернь ринулась на кафе, гостинницы и монастыри, завладѣла виномъ и съѣстными припасами, подожгла правительственныя бюро, затѣмъ двинулась открывать ворота тюремъ. Устроенъ былъ большой банкетъ, для того, чтобы собрать въ гарнизонъ національную гвардію. Одна партія гостей окончила пиръ подъ столомъ, другая отправилась громить окрестные погреба.

Въ Провансѣ, гдѣ революціонное возбужденіе встрѣтило себѣ естественную союзницу въ южной горячности, деревни оказались не спокойнѣе городовъ. Марсельскій муниципалитетъ, избранный въ 1790 г. буйнымъ меньшинствомъ, уничтожилъ буржуазную гвардію, составилъ національную гвардію изъ какихъ-то бродягъ, угрожалъ магистратамъ, которые въ предшествовавшемъ году строго расправились съ инсургентами, и требовалъ освобожденія послѣднихъ. Гарнизонъ, занимавшій крѣпости, былъ изгнанъ національной гвардіей. Де-Боссе былъ убитъ за попытку сопротивленія, причемъ убійство это марсельскимъ муниципалитетомъ охарактеризовано названіемъ „досаднаго инцидента". Національное Собраніе постановило очистить крѣпости, съ тѣмъ, чтобы сдать ихъ военнымъ комендантамъ, а муниципалитетъ, во избѣжаніе исполненія этого постановленія, распорядился предать ихъ разгрому. Затѣмъ, въ пользу разрушавшихъ ихъ рабочихъ, поставилъ въ театрѣ пьесу, изображавшую взятіе марсельскихъ крѣпостей.

Въ Э якобинскіе клубы повергли въ трепетъ весь городъ; муниципальные чиновники были перебиты. Эмигрировали массами. Выдано было болѣе двухъ тысячъ паспортовъ отъ 23 по 27 декабря 1790 г. „Если эмиграція не прекратится,—писали коммиссары,—въ такомъ случаѣ въ Э останутся одни рабочіе безъ работы и безъ всякихъ средствъ къ жизни... Цѣлыя улицы опустѣли... Пока безнаказанность будетъ обезпечена за подобными преступленіями, страхъ выгонитъ изъ города всѣхъ, у кого только найдутся средства существовать гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ" [1]).

Въ Сарріансѣ, маленькомъ городкѣ въ Провансѣ, шайки грабителей расхищали дома, вымогали деньги почти повсемѣстно.

---

[1]) Тэнъ, „La Révolution", I, 88, 89, 95, 304, 319.

Одна паралична женщина восьмидесяти лѣтъ была растрѣлена въ упоръ и брошена въ огонь; одного пятилѣтняго ребенка перерѣзали пополамъ, обезглавивъ его мать и изувѣчивъ его сестру. Священнику отрубили уши, привязали ихъ ему на лобъ; его задушили вмѣстѣ съ поросенкомъ, у котораго вырвали сердце, и послѣднее положили вмѣстѣ съ сердцемъ священника. Затѣмъ эти каннибалы принялись плясать, попирая трупы ногами [1]).

Надо замѣтить, что факты эти совершены не въ 1793, а 1791 году. Въ слѣдующемъ году прокуроръ-синдикъ былъ убитъ въ Каркассоннѣ. Въ Орлеанѣ царила полнѣйшая анархія. „Окружныя власти и муниципалитетъ утратили свой престижъ и безсильны заставить себя уважать... Теперь только и угрожаютъ убивать, сокрушать дома, предавать ихъ разграбленію; проэктируютъ снести всѣ замки“. Прокуроръ-синдикъ въ Кальвадосѣ былъ убитъ въ Канѣ ружейными выстрѣлами и штыкомъ. Въ Камбрэ убили прежняго королевскаго прокурора, въ то время, какъ открывали ворота тюремъ. Въ Реймсѣ перебиты были священники, причемъ трупы ихъ волокли по улицамъ, а затѣмъ бросили въ огонь, куда одного духовнаго швырнули прямо живого [2]).

Повсюду царило убійство и грабежъ; повсюду безнаказанность, торжество разнузданной демагогіи, безпомощность партіи порядка. Списокъ содѣянныхъ преступленій явился бы лишь печальнымъ, душу раздирающимъ перечнемъ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ къ революціоннымъ страстямъ примѣшались страсти религіозныя. Въ Нимѣ, напримѣръ, возобновилась борьба протестантовъ съ католиками 13 іюня 1790 г., ознаменовавшаяся ужаснымъ днемъ, прозваннымъ „днемъ сумятицы“. Протестанты убили триста католиковъ слишкомъ. Сорокъ пять католиковъ засѣли въ башнѣ Фроманъ; всѣ они были перебиты, а иные изъ нихъ зарѣзаны. Клодъ Доде, ткачъ, 28 лѣтъ, былъ убитъ послѣ того, какъ ему выкололи глаза. Другой, по имени Клодъ Віоле, двадцати одного года, былъ повѣшенъ на желѣзномъ крючкѣ, который ему вбили въ подбородокъ. Винорговецъ, по имени Газъ, католикъ по исповѣданію, женился на перекрещенной протестанткѣ. Толпа протестантовъ забралась къ нему и убила его. Жена его принята была за мертвую, дѣти ихъ

---

[1]) Тэнъ, „La Révolution“, II, 171.
[2]) Ibid., II, 335 и слѣд.

бѣжали. Въ числѣ нападающихъ находился тесть Газа съ тремя своими сыновьями. Дѣти несчастнаго, котораго они только что убили, тщетно просили у нихъ убѣжища, ссылаясь на кровныя узы. Они встрѣтили единственный отвѣтъ: „Богъ отмстилъ вамъ за то, что мать ваша перемѣнила религію; убирайтесь, убирайтесь прочь".

Ни одинъ католикъ не могъ показаться на улицѣ безъ риска для своей безопасности. Сто двадцать домовъ было разрушено; монастыри разграблены. Духовенство и монашескіе ордена доставили цѣлую массу жертвъ. Эти сцены ужаса продолжались до 17 іюня [1]).

Революція дала волю всѣмъ прежнимъ инстинктамъ, сдерживавшимся страхомъ и уваженіемъ передъ установленными властями; она разжигала мстительность, поощряла дерзость. Алансонскій интендантъ Жюльенъ уже съ 1789 года отмѣчалъ ея соціалистическій характеръ. „Я нахожу мало средствъ для предупрежденія грозящихъ намъ бѣдъ, — писалъ онъ генеральному контролеру. — Въ этомъ году я избѣжалъ многихъ изъ этихъ бѣдъ въ городахъ, переполненныхъ несчастными людьми безъ работы. Я раздавалъ этимъ людямъ вспомоществованіе, какое г. главный директоръ и вы, monsieur, разрѣшили отнести на сумму случайныхъ расходовъ финансоваго баланса 1787 года, въ настоящее время истраченную уже всю сполна. Учредивъ въ каждой общинѣ работы, которыя давали бы заработокъ на пропитаніе людямъ, остававшимся безъ дѣла, можно было бы надѣяться, если не на полное возстановленіе спокойствія, то, по крайней мѣрѣ, на предупрежденіе многихъ случаевъ его нарушенія. Само собой разумѣется, что настоящая нищета будетъ служить постояннымъ препятствіемъ, но это не единственное, съ которымъ придется бороться. Дѣло въ томъ, что *надо успокоить народный духъ. Они не признаютъ болѣе никакого закона; они дерзко заявляютъ, что богатые достаточно долго пользовались богатствомъ, что теперь насталъ ихъ чередъ разбогатѣть.* Собственность болѣе не уважается: королевскіе лѣса, равно какъ и лѣса другихъ частныхъ лицъ опустошены. Деревья всевозможныхъ размѣровъ расхищаются оттуда среди бѣла дня и продаются публично" [2]).

Въ Иссуденѣ 14 іюля 1790 года, день празднованія Фе-

---

[1]) „Les évêques de Nimes au dix-huitième siècle", аббата Гуаффона, стр. 195.
[2]) „Ephémérides de la moyenne Normandie et du Perche en 1789", Л. Дюваля, стр. 194.

дераціи, населеніе приготовилось съ большой помпой чествовать это торжество. Но множество кабатчиковъ, трактирщиковъ и виноторговцевъ, вооруженныхъ косами и топорами, явились на праздникъ и объявили, что вино не будетъ болѣе оплачиваться пошлиною. Вотъ какъ они поняли и истолковали себѣ человѣческія права. Двое изъ ихъ депутатовъ въ Національномъ Собраніи были повѣшены заочно, въ тотъ же вечеръ, въ назиданіе, чтобы они лучше защищали народные интересы [1]).

Террору не пришлось освящать притѣсненія и насилія, когда онъ открыто заявилъ о своемъ существованіи. Онъ нашелъ для своего воцаренія подготовленную почву въ нравственной испорченности, въ уныніи однихъ и дерзости другихъ. Ему оставалось лишь организовать свое собственное правленіе, придать революціи болѣе однородное направленіе, разослать полномочныхъ своихъ представителей по департаментамъ, учредить свои революціонные суды и пустить въ ходъ гильотину.

Съ протестовавшими городами, въ родѣ Ліона и Марселя, было поступлено съ ужаснѣйшей жестокостью. Не довольствуясь разстрѣляніемъ жителей гуртомъ, ихъ обирали до нитки. Ліонъ былъ обложенъ податью въ шесть милліоновъ, которые его обязали выплатить въ одну недѣлю. Составленъ былъ инвентарь товарамъ и имѣніямъ, которые и были конфискованы. Марсельскимъ купцамъ нанесенъ былъ жесточайшій ударъ. Пущены были въ продажу имѣнія двѣнадцати тысячъ эмигрантовъ [2]).

Тулонъ потерпѣлъ не менѣе другихъ отъ террористовъ побѣдителей. Бордо, сопротивлявшійся безъ оружія, подвергся самой жестокой тираніи. Мэръ города, несмотря на свое подчиненіе, былъ казненъ вмѣстѣ съ 881 людьми. Двѣсти негоціантовъ были арестованы въ ночь съ 29 на 30 ноября 1793 года. Тысяча пятьсотъ человѣкъ подверглись тюремному заключенію, а съ города взыскали чудовищныя подати. Люди лишились возможности укрыться даже въ театрѣ. 27 ноября, около десяти часовъ вечера, революціонная армія, подъ командой генерала Брюна, завладѣла театральной залой въ то время, когда тамъ находилось слишкомъ двѣ тысячи зрителей. Всѣ подозрительные были арестованы. Церкви разграблены. Депутаты Изабо и Тальенъ назначили церковную утварь для

---

[1]) Тэнъ, „La Révolution", I, 352.
[2]) Тэнъ, „La Révolution", III, 46 и слѣд.

празднествъ Разума и часть этихъ украшеній вручили актерамъ театра Республики [1]).

Маркиза де-Лаже де-Волюдъ, находившаяся въ то время въ Бордо, свидѣтельствуетъ, какой зловѣщій стукъ нарушалъ сонъ жителей этого города:

„Каждый день, въ полночь, слышала я, какъ на аллеяхъ муниципалитета раздавался скрипъ телѣги, которая везла тѣла жертвъ. Ее сопровождали люди, называвшіеся въ то время *санкюлоттами*, распѣвавшіе *Карманьолу* и тысячу другихъ мерзостей“ [2]).

Не счастливѣе отдѣлался въ 1793 году и Страсбургъ. Алчность проконсуловъ разоряла его, словно городъ, покоренный безжалостнымъ непріятелемъ. Подати приводили въ отчаяніе жителей. Одинъ старикъ въ теченіе трехъ часовъ былъ привязанъ къ столбу, подъ проливнымъ дождемъ, за то, что не хотѣлъ или не могъ уплатить налога [3]). Сенъ-Жюстъ и Леба̀ въ одной прокламаціи обязывали всѣхъ „аристократовъ“ отдать ихъ обувь для удовлетворенія нуждъ арміи. Всѣ граждане, безъ различія, лишены были своихъ сапогъ, сорочекъ, простынь, безъ малѣйшей пользы для кого бы то ни было, такъ какъ вещи эти много времени спустя были найдены объѣденными мышами и червями. Въ другой разъ затребованы были всѣ плащи, а затѣмъ черезъ годъ ихъ нашли въ складахъ, куда они были доставлены. Говорили, что армія нуждались въ шерстяныхъ одѣялахъ. Въ магазинахъ лежало ихъ двадцать тысячъ штукъ. Тѣмъ не менѣе бѣднѣйшихъ жителей обязали отдать ихъ одѣяла, причемъ жертвователи не знали даже, были ли когда-нибудь употреблены въ дѣло эти одѣяла [4]).

Число подозрительныхъ росло вмѣстѣ съ невозможностью удовлетворить революціонныя требованія. „Противъ нихъ введены были въ дѣйствіе цивичныя карточки. Состоялось постановленіе, въ силу котораго всякій человѣкъ, мужчина или женщина, всегда долженъ былъ имѣть при себѣ одну изъ такихъ карточекъ. Для большей торжественности ихъ раздачи, послѣдняя производилась публично, на площади Ратуши. Возсѣдая на эстрадѣ, съ которой онъ доминировалъ надъ толпой,

---

[1]) „Hist. de la Terreur à Bordeaux“, Орельена Вяви, II, 109.
[2]) „Souvenirs d'émigration,“ стр. 157.
[3]) „Strasbourg pendant la Révolution“, Е. Сейнгёрле, стр. 182—184.
[4]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements“, IV, 397.

башмачникъ якобинецъ, Юнгъ, допрашивалъ мужчинъ и женщинъ, съ утра до вечера стекавшихся въ бюро. Особенно строгому допросу подвергалась буржуазія. Отъ нея требовали чрезвычайно подробныхъ свѣдѣній, доказательствъ ея республиканства, объясненій на счетъ матеріальнаго ея положенія и того, съ кѣмъ и почему допрашиваемые находятся въ сношеніяхъ. Помимо того, каждый долженъ былъ доставить благопріятный отзывъ отъ комитета своего отдѣла,— безъ соблюденія этихъ условій не получали карточки цивичности и подвергались всевозможнымъ мѣрамъ по подозрѣнію" [1]).

Вслѣдствіе постоянныхъ домашнихъ обысковъ, приходилось скрываться и укрывать изъ собственности наиболѣе драгоцѣнныя и компрометирующія вещи. Никогда всякіе тайники не были такъ распространены, какъ въ эпоху Революціи. Для этого пользовались или толстыми стѣнами, или же панелью, отверстіе которой искусно маскировалось. Подчасъ шкафы укрывали цѣлыя семейства. Одной изъ опасностей этихъ тайниковъ представляло предательство рабочихъ, которые ихъ устраивали. Въ западныхъ провинціяхъ, гдѣ Революція встрѣтила энергично противодѣйствіе и отважную неподкупность, имѣются лишь весьма рѣдкіе примѣры доносовъ, сдѣланныхъ рабочими, несмотря на угрозы и попытки подкупа, которымъ они подвергались.

Въ Реннѣ, отель д'Армайлье служилъ убѣжищемъ изгнанныхъ священниковъ. На чердаки нанесены были громадныя кучи хворосту, въ которыхъ устроены были потайныя дорожки, проведенныя къ слуховому окну, а оттуда на крышу, и такимъ образомъ дана была возможность для побѣга. Однажды къ д'Армайлье, совѣтнику Реннскаго Парламента, находившемуся подъ домашнимъ арестомъ въ собственномъ своемъ отелѣ, явились агенты для обыска.

— Гражданинъ, — обратились они къ нему, — скажите только, что у васъ нѣтъ ни священниковъ, ни эмигрантовъ подъ вашей кровлей, и мы немедленно удалимся.

— Ищите! — отвѣчалъ старый судья.

Роясь въ его бумагахъ, въ надеждѣ найдти среди нихъ письма отъ его сына-эмигранта, члены муниципалитета напали на завѣщаніе Людовика XVI.

— Я храню его, — съ гордостью сказалъ д'Армайлье,—

---

[1]) Е. Сейнгёрле, „Strasbourg pendant la Révolution"

какъ памятникъ, обязанный своимъ существованіемъ внушенію Того, Кто, по своему изволенію, разрушаетъ или созидаетъ государства.

Слова эти обезоружили инквизиторовъ. Отель д'Армайлье, въ которомъ размѣстились солдаты республиканской арміи, преобразился въ казарму. Однажды явился туда искать убѣжища палачъ съ женой и дѣтьми,—до такой степени широко распространена была молва о щедромъ гостепріимствѣ этой обители. Не зная, чѣмъ и какъ выразить свою признательность, жена палача предложила mademoiselle д'Армайлье свои услуги и „услуги своего мужа" [1]).

Совсѣмъ иныя чувства господствовали въ другихъ городахъ, подчиненныхъ якобинскому закону. Въ маленькомъ городкѣ Рамбервилье, въ маѣ 1793 года, муниципальный совѣтъ утвердилъ списокъ подозрительныхъ, въ числѣ которыхъ находились: одинъ башмачникъ, одинъ ремесленникъ, одинъ плотникъ, одинъ каменьщикъ, одинъ извощикъ, одинъ бочаръ и т. д.

Въ слѣдующемъ году, 26 марта, Рамбервилье удостоился принимать у себя народнаго представителя. Чернь оповѣщена была объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Народный представитель прибудетъ сегодня вечеромъ или, самое позднее, завтра утромъ. Для него потребуется почетный караулъ. Этого мало. Нужно, чтобы пушечные выстрѣлы, присутствіе національной гвардіи и наши восторженныя пѣсни, возвѣстили ему о радости, какою мы преисполнены!.."

На другой день вывѣшенная афиша гласила:

„Граждане, народный представитель находится въ нашихъ стѣнахъ. По его распоряженію, объявляемъ общенародное собраніе въ Храмѣ Разума въ пять часовъ вечера. Вотъ мѣсто, гдѣ онъ долженъ произвести очищеніе всѣхъ образовавшихся корпорацій" [2]).

Перенесемся въ эпоху Террора, въ другой изъ этихъ городовъ, еще недавно вполнѣ мирныхъ. Вотъ мы въ Кутансѣ, въ сентябрѣ 1793 года. Несмотря на уходъ свой за больными, монахини подвергались гоненію. Революціонный комитетъ обратился къ властямъ департамента съ просьбой уполномочить его изгнать Августинскихъ сестеръ изъ госпиталя и поселить

---

[1]) „Rennes et l'hôtel d'Armaillé pendant la Révolution". Сенъ-Бріекъ, 1857, in-12.

[2]) „Rambervillers pendant la Révolution", Фурье. Нанси, 1889, in-8°, стр. 25 и 27.

на мѣсто ихъ Кальвадосскій батальонъ. „Безполезность сестеръ,—важно объявляли члены комитета,—требуетъ немедленнѣйшаго ихъ удаленія. Среди нихъ есть даже такія, которыя заслужили тюремное заключеніе. Всѣ эти соображенія достаточно вѣски, чтобы позволить намъ надѣяться на то, что вы уполномочите насъ изгнать изъ госпиталя *этихъ фанатическихъ администраторшъ, примѣръ и совѣты которыхъ опасны для больныхъ*".

Разрѣшеніе на это, конечно, было дано, 38 монахинь отведены были въ тюрьму, въ которую онѣ шли, распѣвая *Salve Regina*. Общественное мнѣніе не замедлило проявиться въ ихъ пользу, и взрывъ негодованія его, должно быть, отличался значительными размѣрами, потому что сестры, за исключеніемъ двухъ, были снова выпущены на свободу и вернулись къ дѣятельности своей въ госпиталѣ. Администраторы мстили за эту неудачу, отмѣнивъ музыку въ соборѣ.

„Обращаемъ ваше вниманіе на то,—писали они Комитету Общественнаго Спасенія,—что первый музыкантъ оплачивается двумя тысячами шестью стами франковъ въ годъ, единственно за исполненіе въ церкви, съ методой и вкусомъ, во время праздниковъ, прекраснаго гимна въ честь божества, которое они также разсчитываютъ обольстить. Разрушать ихъ заблужденіе теперь не время, а вотъ, что касается удаленія этихъ музыкантовъ, то оно не представитъ никакихъ затрудненій. Затрата, идущая на нихъ, приводитъ въ негодованіе всѣхъ друзей свободы".

Всѣмъ домовладѣльцамъ въ Кутансѣ предписано было вывѣсить на домовыхъ воротахъ имена своихъ жильцовъ. Мѣра эта напоминала подобное же мѣропріятіе, пущенное въ ходъ Коммуной въ Парижѣ. Но тиранія кутанскихъ якобинцевъ пошла еще далѣе, воспретивъ сапожникамъ работать на частныхъ лицъ безъ ея разрѣшенія. Если кому случалась надобность въ парѣ сапогъ, то ему приходилось ходатайствовать у Комитета разрѣшенія для ея выдачи, а разрѣшеніе это давалось только тѣмъ, кто считался „патріотомъ".

21 преріала праздновался праздникъ Верховнаго Существа, и это торжество сопровождалось патріотическими пѣснями и хороводными плясками. Въ деревняхъ продолжали соблюдать Воскресенье, а не декаду. Революціонный Комитетъ обнаруживалъ крайнее недовольство этимъ и старался найти средства, какъ бы навязать новый культъ.

„Желательно было бы,—замѣчалъ онъ,—чтобы Національ-

ный Конвентъ *издалъ предписаніе* на счетъ работы во всѣ дни безразлично, кромѣ дня декады. Кара, какую онъ наложилъ бы на нерадивыхъ или мятежныхъ, которые стали бы отказываться отъ исполненія этого предписанія, повлекла бы за собою строгое его соблюденіе и вскорѣ стали бы признавать единственный культъ—культъ Разума. Вѣдь большинство изъ этихъ слабыхъ или заблуждающихся людей справляютъ Воскресенье и праздники скорѣе вслѣдствіе рутины, нежели изъ благочестія. *Убѣжденія тутъ недостаточны*".

Отсюда видно, какъ понимали кутанскіе революціонеры свободу совѣсти. 21 мессидора, по поводу декады, Комитетъ такъ формулируетъ свою доктрину:

„Республиканскіе праздники будутъ единственными днями отдохновенія. Мы станемъ считать подозрительными всѣхъ тѣхъ, кто вздумаетъ признавать и слѣдовать какимъ нибудь инымъ. *Декада, исключительно декада*".

Народные представители, съ своей стороны, предписывали закрывать церкви. Кутанскій соборъ былъ закрытъ. Храмъ Св. Николая обратили въ „національную конюшню". Но религіозное чувство тѣмъ не менѣе настаивало на своемъ и кутанскіе жители ходили къ обѣднѣ въ деревни. Проконсулы особенно жаловались на упорство женщинъ. 22 вентоза, II года, они писали:

„Деревенскіе храмы остались храмами и открыты священникамъ, которые продолжаютъ справлять тамъ обѣдни и вечерни. Такое неравенство даетъ средство фанатичкамъ этой коммуны (Кутанса) исполнять то, что онѣ называютъ религіозными своими обязанностями. Цѣлыми толпами спѣшатъ онѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ окрестныя коммуны для слушанія обѣдни. *Отсюда происходитъ великое зло*, и вы сами понимаете это. *Горожанки сходятся съ поселянками, является возможность бесѣдовать другъ съ другомъ, подстрекать одна другую, разговаривать насчетъ вѣчныхъ принциповъ правды, свѣтъ которой, слишкомъ ослѣпительный для слабаго ихъ зрѣнія, будетъ оцѣненъ лишь тогда, когда священники уступятъ Разуму естественное его вліяніе*" [1]).

18 мессидора II года, народный представитель Лекарпантье приказалъ отослать „двѣ фуры подсудимыхъ" въ парижскій революціонный судъ. Они были казнены 2 термидора. Въ Авраншѣ онъ посадилъ въ тюрьму двѣсти подозрительныхъ. 17 вентоза II года, онъ писалъ Національному Конвенту:

---

[1]) „La Terreur dans une ville de province". Л. Кэпо. Кутансъ, 1862, in.-12.

„Сообщаю съ большимъ удовольствіемъ, что при посредствѣ *революціонныхъ слабительныхъ*, примѣненныхъ и еще долженствующихъ быть примѣненными здѣсь, аристократія, федерализмъ и суевѣріе, словомъ всѣ элементы, несовмѣстимые съ Республикой, разлетѣлись въ прахъ“.

„Я не щажу никого,—писалъ онъ еще по поводу Авранша Комитету Общественнаго Спасенія.—Посылаю вамъ еще новой *дичи*“.

Подъ дичью подразумѣвались несчастные, обреченные на гильотину. Народный представитель, питая страсть къ равенству, не брезговалъ, однако, почетомъ. Въѣздъ свой въ Валонь онъ совершилъ въ берлинѣ четверкой, вмѣстѣ съ женой своей, креатурой изъ низшаго сословія. Гражданка Лекарпантье хлопотала, чтобы окна были опущены, „для того,—говорила она своему мужу, — чтобы нашъ народъ могъ видѣть насъ и мы, въ свою очередь, могли любоваться имъ“. Супруги водворились въ Валонѣ, въ отелѣ маркиза д'Увилль, находившагося въ то время въ тюрьмѣ. На другой же день послѣ своего пріѣзда, Лекарпантье издалъ приказъ на счетъ арестованія всѣхъ подозрительныхъ дворянъ и буржуа. Они были брошены въ отель Шиффревастъ, такъ какъ городскихъ тюремъ не хватало, да и этотъ отель до такой степени былъ переполненъ подсудимыми, что нѣкоторыхъ пришлось помѣстить въ погребахъ.

„Вотъ еще головы“, писалъ Лекарпантье, 25 мессидора II года, президенту Національнаго Конвента, посылая новыя жертвы. Онъ отдалъ приказъ затребовать всѣ почтовыя брички для отправки арестованныхъ въ Парижъ. Годною оказалась всего одна. Пришлось взять нѣсколько двухколесныхъ телѣжекъ. Въ числѣ аристократовъ находился маркизъ де-Шиффревастъ—почтенный старецъ восьмидесяти лѣтъ. При появленіи экипажей передъ воротами тюрьмы, всѣ заключенные, изъ уваженія къ его старости, предложили уступить ему почтовую бричку. Это обстоятельство было причиной его погибели. Прибывъ въ Парижъ раньше нихъ, въ первые дни термидора, на другой же день по пріѣздѣ онъ былъ представленъ въ революціонный судъ и въ тотъ же самый день казненъ. Телѣжки же, прошедшія это разстояніе съ большей медленностью, прибыли въ Парижъ только 11 термидора, послѣ смерти Робеспьера, и такимъ образомъ находившіеся на нихъ арестанты были спасены [1]).

[1]) „La Terreur dans une ville de province“, Л. Кэпо.

Съ конца 1792 года въ каждомъ департаментѣ насчитывали по дюжинѣ революціонныхъ клубовъ. Клубы эти, родственно связанные между собою и послушные одному лозунгу, разжигали страсти толпы и запугивали законныя власти. Ваннскій клубъ помѣщался въ капеллѣ. Каждый членъ вносилъ за право входа шесть франковъ. Женщины допускались на засѣданія на галлереи и приглашались присягать Конституціи.

„Клянетесь ли вы, mesdames,—говорилъ имъ президентъ,—быть вѣрными націи, закону и королю, всею вашею властью поддерживать Конституцію, декретированную Національнымъ Собраніемъ, принятую королемъ, и воспитывать дѣтей вашихъ въ принципахъ той же Конституціи?“ „Клянемся въ этомъ“, отвѣчали онѣ, при радостныхъ восклицаніяхъ залы. И комиссаръ галлерей, въ знакъ присоединенія ихъ къ Конституціи, вручалъ каждой изъ нихъ по „помпону изъ національныхъ цвѣтовъ“. Въ этомъ клубѣ фигурировала избранная ваннская буржуазія.

Въ одинъ прекрасный день клубъ вздумалъ измѣнить названіе улицъ. Улица des Chanoines должна была именоваться улицей de l'Égalité, улица des Duchesses — улицей de la Bienfaisance, улица du Duc — улицей de la Concorde, улица du Marché — улицей de la Liberté, улица des Lices — улицей de la Réunion.

2 апрѣля 1791 года, членъ клуба, Кюро, объявилъ на засѣданіи, что жена его только что подарила его „толстымъ мальчуганомъ“, и счастливый отецъ присягнулъ, клянясь своимъ сыномъ. Эта выходка произвела огромный эфектъ и привѣтствовалась громомъ рукоплесканій. За четыре мѣсяца своего существованія ваннскій клубъ постановилъ удаленіе ослушныхъ священниковъ, секвестрацію, а затѣмъ и конфискацію имуществъ, принадлежавшихъ духовенству, и мѣры эти не замедлило санкціонировать революціонное законодательство [1]).

Почти всѣ эти клубы имѣли одну и ту же физіономію, различаясь лишь значеніемъ занимаемаго ими мѣста и городовъ, гдѣ они находились. Въ Шони, маленькомъ городкѣ Энскаго департамента, засѣданія революціоннаго клуба происходили по вечерамъ, нерѣдко оканчиваясь очень поздно, подъ звуки *Марсельезы*. Хоры украшались гражданками съ вязаньемъ; тутъ же бывали и дѣти. Часть засѣданій посвящалась чтенію *Père Duchêne* и новостей дня. На одномъ изъ засѣданій какой-то членъ

---

[1]) „Clubs et clubistes du Morbihan (1790—1795)“, Ф. Мюллера. Наптъ, 1885

замѣтилъ, что въ городѣ Шони нѣтъ-де ни одного храма, посвященнаго Разуму, тогда какъ даже въ большинствѣ деревень имѣются таковые. „Совершенно непонятно, — заявилъ онъ, — какъ это до сихъ поръ не подумали еще о такомъ важномъ обстоятельствѣ“. Другой членъ предложилъ предоставить церкви въ распоряженіе новой религіи, но ему отвѣтили, что онѣ уже отданы подъ фабрикацію селитры или же служатъ фуражирными магазинами. Избрана была коммиссія для розысковъ помѣщенія. Въ залѣ стоялъ всего одинъ бюстъ Марата. Рѣшено было купить второй и водворить его съ большой церемоніей, подобно первому.

Во время одного засѣданія одинъ членъ попросилъ разрѣшенія пропѣть патріотическую пѣсню своего сочиненія, которая имѣла шумный успѣхъ. Другой гражданинъ предложилъ замѣнить трехцвѣтнымъ знаменемъ погребальный покровъ на гробахъ, цвѣта котораго „пахнутъ фанатизмомъ“. Предложеніе это вызвало неподдѣльный восторгъ и два коммиссара избраны были для приведенія его въ исполненіе. Одной коммиссіи поручено было сожженіе всѣхъ церковныхъ украшеній, для добыванія золота и серебра, изъ которыхъ сдѣланы-де „эти безполезные остатки этого нелѣпаго и *нетерпимаго* культа“. Операція эта была произведена и принесла тридцать девять марокъ, три унціи и двѣнадцать драхмъ золота и серебра. Кромѣ того, сожжено было шестнадцать „домино шарлатановъ“. Такимъ именемъ назвали якобинцы изъ Шони церковныя облаченія. Муниципалитетъ не желалъ уступать клубу въ патріотизмѣ, предложивъ учинить „цивичный постъ“ и въ теченіе его посылать мясо республиканскимъ солдатамъ, лишая себя онаго.

На клубныхъ засѣданіяхъ гражданки вели себя крайне непристойно. Громкіе ихъ разговоры заглушали голоса ораторовъ. Одна изъ нихъ вздумала щелкать орѣхи. Президентъ предложилъ ей перестать, но она отвѣтила ему, что будетъ очень рада, если онъ пожелаетъ избавить ее отъ этого труда. Потребовали ея изгнанія, съ исключеніемъ изъ клуба на три декады. Она возразила, что вполнѣ готова исполнить это требованіе, такъ какъ ей тутъ совсѣмъ не весело. Президентъ, выведенный изъ себя, напомнилъ ей о высокомъ значеніи законовъ и пригрозилъ болѣе строгимъ наказаніемъ. Но она только разразилась громкимъ смѣхомъ и вышла, припрыгивая, къ великому скандалу присутствовавшихъ [1]).

---

[1]) „Un club à Chaumy en 1794“, Эд. Флёри. Ланъ, 1849.

II.

Исторія городовъ, подобно исторіи деревень, въ теченіе лѣтъ, слѣдовавшихъ за Терроромъ, является исторіей „куска хлѣба“, недостатка съѣстныхъ припасовъ, чудовищныхъ цѣнъ, какихъ достигали предметы первой необходимости. Она имѣетъ связь также съ стѣснительными мѣрами, принятыми Директоріей, о которыхъ у насъ была рѣчь въ своемъ мѣстѣ. Далѣе мы покажемъ, насколько нищета эта сдѣлалась всеобщей и до какой степени она доходила.

Паденіе Робеспьера вызвало чувство радости и освобожденія. Оплакивая содѣянныя уже преступленія, представляли себѣ тѣ, которыя могла бы еще совершить подобная тиранія. Однако, съ прекращеніемъ ужаса, не было еще возстановлено довѣріе. Якобинскій духъ продолжалъ все еще жить. Онъ вдохновлялъ законодательство Конвента, какъ вдохновилъ и законодательство Директоріи. Знаменитѣйшихъ террористовъ болѣе не было. Несмотря на то, демагогическій элементъ не утратилъ своей силы во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ воспоминаніе объ его господствѣ укрѣпляло его могущество, поддерживая страхъ въ умахъ.

Въ маленькомъ городкѣ Валонѣ, послѣ Террора, простой народъ жаловался на сокращеніе числа тюремъ послѣ 9 термидора, хотя онѣ были еще многочисленны въ Валонѣ и еще въ 1795 г. продолжали быть переполненными узниками всѣхъ сословій. Муниципалитетъ удвоилъ бдительность для непосредственнаго наблюденія за подозрительными. Постановленіе отъ 13 іюля 1795 г. гласило слѣдующее:

„Коммиссары, избранные муниципалитетомъ, помѣстятъ по караульному у всякаго дома каждаго изъ поименованныхъ гражданъ или гражданокъ. Караульные избираются муниципалитетомъ изъ честныхъ и лучшихъ республиканцевъ. Они не должны попускать, чтобы арестованныя лица выходили изъ домовъ или принадлежащихъ къ нимъ садовъ, а равно, чтобы неизвѣстныя лица входили въ ихъ дома“ [1]).

Возвращеніе къ произвольнымъ мѣропріятіямъ, борьба якобинскаго духа съ духомъ реакціи—таковъ главный характеръ періода Директоріи. Тѣмъ временемъ, пока департаменты подчинялись этому правительству, одновременно слабому и же-

---

[1]) „Valognes pendant la période révolutionnaire“. Валонь, 1888, in-12.

стокому, западныя мѣстности, возставшія въ 1793 году и успокоенныя Гошемъ въ 1796 г., взялись снова за оружіе въ 1799 г. Менѣе воспріимчивая къ возстанію Нормандія послѣдовала примѣру Бретани и Вандеи, послушная голосу Луи де-Фротте, и въ 1799 г. снова подняла знамя протеста.

Новыя религіозныя преслѣдованія вызвали новые мятежи, которые, казалось, уже улеглись по стольку, по скольку войны эти являлись претензіей народовъ, оскорбленныхъ въ ихъ вѣрованіяхъ. Успокоеніе, внесенное силою оружія, оставалось непрочнымъ до успокоенія умовъ, достигнутаго религіозной свободой.

По ту сторону границъ война продолжала призывать французовъ подъ знамена, одерживая побѣды, перемѣшанныя съ пораженіями, безпрестанно требуя новыхъ жертвъ, прибавляя къ внутреннимъ бѣдамъ страны поводъ къ нищетѣ и крайнему утомленію.

Мы уже отмѣтили фазисы правленія Директоріи [1]). Можно было бы прослѣдить ихъ въ положеніи и администраціи городовъ, съ мѣстными особенностями. Провинція, вернувъ относительную, хотя все же еще ненадежную безопасность, въ общемъ, не представляетъ болѣе для историка фактовъ, достойныхъ его вниманія. Интересъ сосредоточивается въ Парижѣ, столицѣ, зажившемъ новой жизнью, сконцентрировавшемъ въ себѣ правительство и почти исключительно своими силами создавшемъ физіогномію того времени.

Революція, которую мы только что наблюдали въ городахъ, преслѣдовала въ деревняхъ тѣ же самыя цѣли, но разрушала она тамъ иное. Прослѣдимъ главнѣйшія проявленія и развитіе реакціонныхъ идей, породившихъ насилія, несчастія и страданія.

---

[1]) См. выше, гл. „Революціонное правительство послѣ 9 термидора“.

Глава XII.

Революція въ провинціи: деревни.

I. Нападенія на замки—II. Сельскія коммуны.—III. Общественное мнѣніе въ деревняхъ временъ Директоріи.

I.

Соціальныя преимущества въ городахъ стушевывались въ глазахъ толпы, благодаря извѣстнаго рода однообразію, господствовавшему снаружи. Хотя дома и различались между собою степенью своего значенія, зато на улицѣ царили безпорядокъ и равенство. Достатокъ попадался только мимоходомъ, скрываясь въ большинствѣ въ мѣстахъ укромныхъ, куда проникали лишь немногіе. Наконецъ, сутолока, занятія, развлеченія большихъ городовъ мѣшали взорамъ массы сосредоточиваться на одномъ пунктѣ. Совсѣмъ иначе было въ деревняхъ. Уединенный замокъ привлекалъ къ себѣ вниманіе и возбуждалъ зависть. На него-то и должна была обрушиться ненависть, разогрѣтая революціонными страстями.

Среди горожанъ противъ смуты и народнаго возстанія могла быть организована защита, тогда какъ замокъ, вслѣдствіе своей изолированности, лишенъ былъ средствъ для борьбы съ нападеніями со стороны Революціи, намѣтившей его для неріязни. Замки первыми подверглись угрозамъ, разграбленію и сожженію въ мятежномъ движеніи, начавшемся въ 1795 г. Пощаженные вѣками, они не были пощажены людьми. Вандализмъ и слѣпая ярость разрушили или же разорили эти старыя обители, въ которыхъ при старомъ режимѣ жизнь текла въ сладкой безпечности,—блестящая для однихъ, тяжелая и менѣе благословенная для другихъ, но для всѣхъ одинаково преисполненная почета, преемственно наслѣдовавшагося каждымъ новымъ поколѣніемъ. Дворянинъ, выдавшій свое гнѣздо,

вмѣсто того, чтобы защитить его, оказался бы вынужденнымъ бѣжать изъ-подъ родительской кровли. Быть можетъ, онъ удалился бы оттуда на вѣки, или же, оставшись на мѣстѣ, подвергъ бы себя оскорбленіямъ и смерти.

Когда Революція объявила всѣмъ замкамъ столь безжалостную и убійственную войну, то не замедлили вывести заключеніе насчетъ того, якобы всѣ дворяне должны быть тиранами народа, разъ они до такой степени раззадорили его ярость. Вотъ почему необходимо напомнить, чѣмъ они были въ 1789 г. и бросить взглядъ назадъ.

Феодальныя права были законными, по своему происхожденію, такъ какъ добыты были цѣною заслугъ и соблюдались, на основаніи договора, обезпечивавшаго какъ за сюзеренами, такъ и за ихъ вассалами взаимныя выгоды. Между тѣмъ совершились великія политическія преобразованія. Дальнѣйшее существованіе феодальныхъ правъ оказывалось болѣе затруднительнымъ въ такую эпоху, когда синьоръ, лишенный прежняго могущества, не защищалъ болѣе тѣхъ, которые, оставаясь его вассалами, должны были нести повинности и исполнять по отношенію къ нему свои обязательства.

Подати, барская рента, право *на хлѣбную повинность*, равнявшуюся обыкновенно четверти или пятой части жатвы, право *на пошлины съ продажи помѣстій*, причемъ удерживалась шестая часть съ продажной цѣны на землю, находившуюся въ округѣ владѣльца, помимо государственныхъ податей,—вотъ въ чемъ заключались главныя феодальныя права.

Къ этимъ правамъ синьора надо прибавить еще ярмарочныя и рыночныя права, *помѣщичьи права*, печныя, мельничныя и по винодѣлію, во многихъ провинціяхъ обязывавшія крестьянъ печь свой хлѣбъ, молоть муку и выжимать виноградъ свой у синьора. Наконецъ, право голубятни, вредное для жатвы, вслѣдствіе нерѣдко великаго множества голубей, разлетавшихся по деревнямъ, и право охоты, одно изъ наиболѣе нелюбимыхъ народомъ и притомъ одно изъ такихъ, которое дворяне оберегали особенно ревниво, такъ какъ оно касалось излюбленнѣйшаго ихъ удовольствія.

Таковы, въ сущности, были феодальныя права, крайне преувеличенныя, по невѣдѣнію или же въ партійныхъ разсчетахъ. Говоря по справедливости, можно было понять не гнѣвъ, вызванный долгое время спустя послѣ ихъ уничтоженія, а тѣ неудовольствія, какія могли они порождать и радость, съ какой встрѣчена была ихъ отмѣна. Въ мирныя времена и въ пра-

25*

вленія регулярной власти такая отмѣна имѣла-бы характеръ прогресса, тогда какъ, вслѣдствіе дикихъ страстей Революціи, она обратилась въ посягательство на личность и собственность.

Вслѣдствіе уничтоженія феодальныхъ правъ, ленные владѣльцы лишились ста двадцати трехъ милліоновъ дохода—примѣрно съ двухъ милліардовъ съ половиной капитала [1]. Конституціонное Собраніе надѣялось согласить права съ интересами, объявивъ выкупными права, которыми синьоръ пользовался на землѣ, какъ поземельный собственникъ. То было ловкое толкованіе, котораго не приняла въ разсчетъ стремительность революціонаго движенія. Собраніе произнесло „Уничтоженіе феодальнаго режима“, и съ той поры не хотѣли признавать никакого поземельнаго налога по отношенію къ синьору, въ чемъ бы этотъ налогъ ни выражался. Явился протестъ также и противъ податей, которыя стали казаться столь же противозаконными, какъ и права синьора. Захотѣли прекратить платежъ податей, подобно тому, какъ перестали быть вассалами.

Въ 1792 г. борьба началась снова. Въ Иссуденѣ, какъ мы уже видѣли, въ 1790 г. произведено было возстаніе противъ пошлинъ. Въ Монбазонѣ въ томъ же году грозили смертью муниципальнымъ чиновникамъ, на которыхъ возложено составленіе податныхъ списковъ, причемъ чиновники вынуждены были ночью бѣжать въ Туръ. Въ Турренѣ перебили муниципальныхъ чиновниковъ, обнародовавшихъ списки податей по движимому имуществу, порванные въ Крезѣ въ моментъ ихъ чтенія актуаріусомъ [2].

Духъ инсурекціи еще не доказываетъ, что въ эту эпоху подати отличались какой либо чрезмѣрной обременительностью. Напротивъ, податныя сословія получали все бо̀льшія и бо̀льшія льготы. Еще менѣе можетъ свидѣтельствовать о тираніи синьоровъ — возстаніе противъ замковъ, владѣльцы которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, были человѣчны, великодушны и готовы дѣлать добро [3].

---

1) Тэнъ, La Révolution, I, 201.
2) Тэнъ, La Révolution, I, 362.
3) Тэнъ, „La Révolution“, I, 100.—„Я читалъ въ оригиналѣ нѣсколько сотъ рукописныхъ слѣдственныхъ документовъ и почти всегда дивился человѣчности дворянъ, ихъ долготерпѣнію, ихъ боязни крови. Не только многіе изъ нихъ обладаютъ сердцемъ и всѣ располагаютъ честью, но, воспитанные въ принципахъ философіи XVIII вѣка, они кротки и чувствительны. Они питаютъ отвращеніе къ насиліямъ. Особенно образцовыми являются офицеры. Единственный недостатокъ ихъ—слабость. Вмѣсто того, чтобы стрѣлять въ бун-

Многіе изъ дворянъ, доведенные до положенія, граничившаго съ бѣдностью, существовали исключительно взимавшимися ими поземельными оброками. Скромность ихъ средствъ, ветхость жилищъ—все это не могло вызывать зависти, какую возбуждала пышная аристократія, пользовавшаяся ленными своими правами въ земляхъ, гдѣ сама она и не жила вовсе. И тѣмъ не менѣе провинціальное дворянство и придворное, богатое и бѣдное были сражены тѣми же самыми руками, подверглись одинаковымъ ударамъ.

Причину народныхъ насилій прежде всего слѣдуетъ искать въ страстяхъ, раздраженныхъ партіей Революціи. Страсти эти, конечно, встрѣтили себѣ союзника въ желаніи народа освободиться отъ всевозможныхъ обязательствъ, въ той или иной формѣ тяготѣвшихъ надъ нимъ. Феодальныя права являлись для него самыми непріятными обязательствами, обращая синьора въ кредитора по отношенію къ крестьянину, и кредитора требовательнаго въ томъ случаѣ, если синьоръ самъ бѣдствовалъ или былъ обремененъ долгами [1]) и еще болѣе требовательнаго, когда подати по феодальнымъ правамъ собирались управителями, агентами или подрядчиками, откупавшими эксплоатацію этихъ правъ за извѣстную сумму, вносившуюся ими синьору. Этого рода главные арендаторы и возбуждали къ синьорамъ ту ненависть, какую они же сами къ себѣ порождали. 4-го августа 1789 г. герцогъ д'Эгильонъ резонно замѣтилъ въ Національномъ Собраніи: „Собственники ленъ и ленныхъ помѣстій только въ рѣдкихъ случаяхъ повинны въ насиліяхъ, на какія жалуются ихъ вассалы. А вотъ управляющіе ихъ,—тѣ, дѣйствительно, часто бываютъ безжалостны".

Жестокость была не въ нравахъ XVIII столѣтія. Филантропическія идеи были, такъ сказать, въ модѣ въ то время. Всѣ стремились создать себѣ репутацію людей гуманныхъ, „чувствительныхъ"; и потому дворянъ рѣдко кто ненавидѣлъ. Если же можно было жаловаться на что-либо, то скорѣе на

товщиковъ, они отдаютъ крѣпости, находящіяся подъ ихъ начальствомъ, попускаютъ народъ оскорблять ихъ, швырять въ нихъ каменьями". (La Révolution, I, 206).

[1]) Высшая придворная аристократія зачастую была обременена долгами, и состояніе ея, при всей его значительности, нерѣдко оказывалось ниже цифры расходовъ. Богатства Гюэменея привели къ банкротству, вызвавшему большой скандалъ при Людовикѣ XVI. Герцогъ Шуазель, имѣвшій милліонъ годового дохода, умеръ разореннымъ въ 1785 году, оставивъ долговъ на десять милліоновъ. Герцогъ Орлеанскій въ 1793 г. изъ ста четырнадцати милліоновъ актива—оставилъ семьдесятъ четыре милліона долгу.

феодальныя права, чѣмъ на самихъ синьоровъ. Желали уничтожить эти права, а никакъ не людей.

Тэнъ опредѣляетъ положеніе синьоровъ по отношенію къ крестьянамъ и, разсуждая о феодальныхъ правахъ, о собственникахъ ленъ говоритъ: „Разъ они живутъ этими податями, въ такомъ случаѣ, конечно, они должны и пользоваться ими, даже если бы подати оказались тяжкими, а должникъ бѣденъ. Какимъ же образомъ предоставили бы они ему ежегодный оброкъ зерномъ и виномъ? Какимъ же образомъ лишить его пошлины съ пятой части наслѣдства, и съ пятой доли этой пятой части, если это единственныя деньги, которыя онъ получаетъ? Какимъ же образомъ, нуждаясь самъ, онъ не былъ бы требователенъ!

„И вотъ по отношенію къ крестьянамъ они оказываются простыми кредиторами. Вотъ къ чему приводитъ феодальный режимъ, преобразованный монархіей. Мы видимъ, какъ симпатія по отношенію къ замкамъ слабѣетъ, возгарается зависть и растетъ ненависть. Удаленный отъ дѣлъ, лишенный податей, синьоръ остается въ одиночествѣ, чужой посреди своихъ вассаловъ. Отнятая у него власть и предоставленныя ему подати создаютъ ему жизнь особнякомъ. Выбиваясь изъ этого положенія, онъ неизбѣжно способствуетъ увеличенію общественной нужды. На эту землю, разоренную фискомъ, является онъ за извѣстной долей ея продуктовъ, забирая себѣ столько-то сноповъ ржи и столько-то чановъ вина. Жатву поѣдаютъ его голуби и дичь. На его мельницу надо идти молоть и оставить ему шестнадцатую часть муки. Изъ 600 ливровъ, полученныхъ за проданное поле, 100 ливровъ надо положить въ карманъ того же синьора. Наслѣдство отъ одного брата другому достается не иначе, какъ за вычетомъ годового дохода въ пользу синьора. Двадцать другихъ оброковъ, прежде служившихъ на пользу общую, нынѣ служатъ лишь для пропитанія одного безполезнаго частнаго лица. Крестьянинъ, такой, какимъ мы знаемъ его теперь, жадный до денегъ, готовый и привычный все претерпѣть и на все пойти, лишь бы сколотить или нажить какой-нибудь экю,—въ концѣ концовъ, начинаетъ сердито коситься на башенку, гдѣ хранятся архивы, поземельная роспись наслѣдственнаго имѣнія, ненавистные пергаменты, въ силу которыхъ какой-то человѣкъ иной породы,—облеченный преимуществами, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ, всеобщій кредиторъ, оплачиваемый притомъ за полное бездѣлье,—пользуется землею и всѣми ея произведеніями. И вотъ является случай,

разжигающій всѣ эти вожделѣнія: поземельная роспись наслѣдственнаго имѣнія сгораетъ, а съ ней и башня, а съ башней и замокъ" [1]).

Если дворянство и не принимало непосредственнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, если и взимало оно ленныя подати, за то и само вносило дань собственной своей кровью. Съ гордостью могло оно указать на своихъ убитыхъ и раненыхъ— родинѣ, которую защищала его доблесть, и народу, не подлежавшему въ то время призыву для участія въ сраженіяхъ и опасностяхъ, какимъ подвергалось именно дворянство, и вступавшему лишь въ ряды волонтеровъ или милиціи, для которой онъ доставлялъ слабый контингентъ. Дворянство никогда не погрѣшало противъ традицій, создавшихъ изъ него лучшее воинство Франціи. Многія изъ его привилегій не согласовались болѣе съ общественнымъ положеніемъ, съ тѣми перемѣнами, какимъ подверглись учрежденія, идеи и права. За то, по крайней мѣрѣ, привилегіи эти прикрывались знаменами, окрашенными дворянской кровью и нерѣдко прославленными побѣдой.

Но слава можетъ трогать только возвышенныя души. Народъ же больше всего чувствителенъ къ матеріальнымъ своимъ интересамъ. Согбенный каждодневно надъ поденной работой, засѣваемое имъ поле онъ предпочитаетъ полю сраженія. И французскій народъ такъ-же точно легко забывалъ услуги, оказанныя ему дворянствомъ во время войны, памятуя лишь однѣ обязательства, которыя приходилось ему нести относительно этого привилегированнаго сословія въ мирное время.

То, чѣмъ нѣкогда люди поступались въ пользу отдѣльнаго лица, въ настоящее время поступаетъ въ пользу государства, т. е. правительствъ, нерѣдко старающіяся о томъ, какъ бы увеличить бремя налоговъ, а не о томъ, какъ бы ихъ ослабить. Но вѣдь государство существо безличное, не возбуждающее въ умѣ податнаго лица представленія о какомъ-то высшемъ сословіи, предвосхищающемъ родъ выкупа отъ нисшаго. И потому, въ случаѣ даже разорительности этого ценза, всякій утѣшается сознаніемъ, что приноситъ пользу общему дѣлу, а не какому-то отдѣльному частному лицу.

Въ возстаніи деревень противъ замковъ было нѣсколько періодовъ. Первая жакерія возникла въ Провансѣ, въ мартѣ и апрѣлѣ 1789 г. Возмущеніе это не было обуздано, и успѣхъ

---

[1]) „L'ancien régime", стр. 51—52.

этихъ первыхъ попытокъ способствовалъ поощренію послѣдующихъ. Вторая жакерія разразилась въ періодъ взятія Бастиліи, со времени котораго мятежный духъ начинаетъ прогрессировать. Это второе народное возстаніе проявилось въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ въ центрѣ, на югѣ и на западѣ. На востокѣ оно было повсемѣстнымъ.

Третья и четвертая жакерія вспыхнули въ 1790 и 1791 годахъ, въ Бретани и Лимузенѣ, Кверси, Перигорѣ и сосѣднихъ провинціяхъ. Въ это то время и сожжены были феодальные титулы, объявлена война всѣмъ архивамъ, гдѣ хранились хартіи, причемъ цѣлью этихъ насилій было уничтоженіе феодальнаго режима, неудержимое желаніе смыть самые слѣды о немъ.

Между тѣмъ, феодальныя повинности прекратились съ 4 августа 1789 года, хотя опасеніе новаго ихъ возвращенія все еще жило въ народѣ. Многіе изъ ленныхъ собственниковъ, лишенные того, что нерѣдко составляло единственный ихъ доходъ, вынуждены были сократить свои расходы, чѣмъ вызвалось общее разореніе.

Бургонь и Ліонъ въ 1791 г. явились театромъ пятой жакеріи. Шестая, распространившаяся въ томъ же году по центру Франціи и на югѣ, ознаменовалась отдѣльными случаями на сѣверѣ, востокѣ и западѣ. Послѣдняя жакерія была направлена противъ церквей, монастырей и духовенства. Послѣ конфискаціи церковныхъ имуществъ (2 ноября 1789 г.) часть этихъ имуществъ пошла въ продажу, и новые собственники опасались обратныхъ требованій со стороны духовенства, протестовавшаго противъ гражданской конституціи.

Пожарами и грабежемъ хотѣла революціонная партія уничтожить титулы и самые слѣды феодализма. Борьбой своей съ духовенствомъ желала она помѣшать ему вернуть обратно свѣтскую власть, которой она его лишила [1]).

Несомнѣнно заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что дворянство, будучи жертвой насилій, каковыхъ само оно не вызывало, не проявило никакихъ попытокъ защититься отъ этихъ насилій. Оно было преисполнено довѣрія и иллюзій на счетъ характера Революціи. Оно считало человѣчество сострадательнымъ, какимъ было само. Жанъ-Жакъ Руссо училъ его, что человѣкъ отъ природы добръ и добродѣтеленъ, и что портятъ его именно общество и воспитаніе. Эта аристократія, убаюканная гуманитарными утопіями XVIII вѣка, приготовлена

[1]) Тэнъ „La Révolution“, I, 26, 94, 369, 436.

была къ эрѣ братскаго мира, благоденствія, справедливости и свободы. Она не ожидала взрывовъ гнѣва, дикости и звѣрства, разразившихся надъ нею и надъ Франціей. Она предвкушала возвышеніе золотого вѣка, а никакъ не вѣка варварства. „Свобода столь драгоцѣнна,—пишетъ герцогъ де-Бриссакъ, 25 августа 1789 г.,—что за нее стоитъ поплатиться нѣкоторыми тяготами. Уничтоженный феодализмъ не помѣшаетъ любить и почитать все доброе и цѣнное“ [1]).

Три года спустя человѣкъ, произнесшій эти слова, погибъ въ Версалѣ, убитый въ обозѣ Орлеанскихъ арестантовъ.

Почти все дворянство проникнуто было тогда самымъ либеральнымъ духомъ. Въ особенности въ провинціи интересовалось оно реформами, будучи отдалено отъ дѣлъ и живя въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ съ ограниченными средствами, или же въ глуши, въ условіяхъ, изъ которыхъ оно желало выбраться. И вотъ взамѣнъ жертвъ, какія отъ него требовались, оно не получило даже личной безопасности.

„Мы собственно сожалѣемъ не о нашихъ привилегіяхъ, не о нашемъ дворянствѣ, — писалъ въ Національное Собраніе одинъ изъ этихъ дворянъ,—но какъ перенести то угнетеніе, на какое мы обречены? Нѣтъ болѣе безопасности ни для насъ, ни для нашихъ имуществъ, ни для нашихъ семей. Эти злодѣи, наши должники, мелкіе фермеры, расхищаютъ наши доходы, угрожаютъ намъ факелами или фонарями. Ни единаго покойнаго дня, ни единой ночи, на счетъ которой мы были бы увѣрены, что намъ удастся проспать ее безъ треволненій. Наша личность предоставлена самымъ ужаснымъ оскорбленіямъ, наши дома—инквизиціи со стороны толпы вооруженныхъ тирановъ. Наши поземельные доходы безнаказанно расхищены, наша собственность подверглась открытому нападенію. Мы единственные, которые платимъ подати, и насъ облагаютъ ими беззаконно, во многихъ случаяхъ всѣхъ нашихъ доходовъ не хватило бы на удовлетвореніе удручающихъ насъ расходовъ. Мы не можемъ жаловаться, не рискуя быть убитыми. Администрація, суды,—эти орудія массы, — ежедневно жертвуютъ для ея посягательствъ. Само правительство, повидимому, боится скомпрометировать себя требованіемъ защиты для насъ со стороны законовъ. Достаточно быть арестованнымъ аристократомъ, чтобы утратить свою обезпеченность. Если наши крестьяне вообще, сохранили еще по отношенію къ намъ извѣстную степень честности,

---

[1]) Добанъ, „La démagogie à Paris“, стр. 598.

уваженія и привязанности, за то каждый заносчивый буржуа, бѣсноватые клубисты, — позорнѣйшіе люди, марающіе свой мундиръ, — присвоиваютъ себѣ привилегію оскорблять насъ, и эти негодяи остаются безнаказанными, имъ протежируютъ. Самая религія наша несвободна. У одного изъ насъ на глазахъ его разрушили его домъ за то, что онъ оказалъ гостепріимство одному восьмидесятилѣтнему священнику своего прихода, отказавшемуся отъ присяги" [1]).

„Мы узнаемъ тогда,—писалъ баронъ дю-Буа д'Эли 29-го апрѣля 1790 г., домогаясь правительственнаго декрета для дворянъ,—изгнанники ли мы, или за нами признаются еще какія либо человѣческія права, начертанныя такимъ обильнымъ количествомъ крови, или же, быть можетъ, для насъ ничего болѣе не остается, какъ перенести подъ другія небеса остатки нашихъ имуществъ и несчастнаго нашего существованія" [2]).

Эмиграція находила себѣ оправданіе въ безпрестанныхъ покушеніяхъ на спокойствіе и жизнь дворянъ, не та эмиграція вооруженная, творившаяся во имя чести и различныхъ иллюзій, а эмиграція людей угнетенныхъ, искавшихъ въ другой странѣ того же самаго, чего каждый человѣкъ имѣетъ право требовать отъ своей родины и чего честные люди не находили болѣе въ революціонной Франціи.

Соціалистическій характеръ Революціи ясно проявился въ большинствѣ этихъ мятежей, что было засвидѣтельствовано и современниками. „Это война бѣдняковъ съ богачами",—говорилъ одинъ депутатъ изъ Національнаго Собранія.

Комитетъ донесеній, 3 августа 1789 г., объявилъ этому собранію, что „никакая собственность, въ чемъ бы она ни состояла, не была пощажена" [3]).

Самыя курьезныя басни, самыя неправдоподобныя розсказни производятъ впечатлѣніе на народные умы въ смутныя времена. Распространяемыя недобросовѣстностью, онѣ легко усвоиваются легковѣрными людьми.

Въ одной мили отъ Романа, въ Дофинэ, мирно проживалъ себѣ нѣкто де-Жиллье, съ женой и сестрой, занимаясь своими плантаціями и ухаживая за своими цвѣтами. Вздумалось ему провести къ себѣ воду по деревяннымъ трубамъ. И вотъ немедленно распространился слухъ, что онъ привезъ къ себѣ

---

[1]) Тэнъ, „La Révolution", I, 208.
[2]) Ibid, I, 208, примѣч.—„Mercure"; 15 мая 1790 г.
[3]) Тэнъ, „La Révolution", I, 103.

массу пушекъ. Одна особа находившаяся у него проѣздомъ, получила чемоданъ à l'anglaise, причемъ стали говорить, что этотъ чемоданъ биткомъ-де набитъ пистолетами. Сосѣдній адвокатъ какъ-то прогуливался по деревнѣ съ рисовальной бумагой и карандашемъ. Послѣ этой прогулки не замедлили распустить слухи и повѣрить тому, что онъ набрасывалъ планы, намѣреваясь провести въ страну иноземцевъ. Четыре кареты съ приглашенными также, конечно, обратили на себя вниманіе. Изъ четырехъ выросло цѣлыхъ девятнадцать, переполненныхъ аристократами, пріѣхавшими укрыться въ подземельяхъ. Де-Санневиль, въ красной своей лентѣ, на возвратномъ пути изъ Алжира, заѣхалъ туда съ визитомъ. Сейчасъ-же прошелъ слухъ, что видѣли синюю ленту, и что это былъ самолично графъ д'Артуа. Эти злонамѣренные слухи оказались столь упорными, что въ пять часовъ утра восемнадцать коммунъ и двѣ тысячи вооруженныхъ людей явились къ воротамъ подозрительныхъ домовъ. Возмущеніе длилось въ теченіе восьми часовъ и окончилось лишь съ возвращеніемъ де-Жиллье, находившагося въ отсутствіи. Пріѣхавъ съ королевскими охотниками изъ Дофинэ и Національной гвардіей изъ Романа, онъ въ состояніи былъ освободить наконецъ свою семью отъ опасной толпы, которая ее осаждала" [1]).

Въ концѣ іюня 1789 г. возмущеніе держалось въ землѣ де-Фуа среди крестьянъ, взволнованныхъ первыми событіями Революціи. Неизвѣстные всадники промчались во весь опоръ черезъ пригороды и деревни, съ крикомъ: „Разбойники! вотъ разбойники! вооружайтесь!" Охваченные ужасомъ, кучки людей стали вооружаться и сторожить по ночамъ, не видя, однако, ничего такого, о чемъ имъ возвѣщалось. Малѣйшій свѣтъ принимался за пожаръ; звукъ колокола представлялся звукомъ набата. Никто не видѣлъ разбойниковъ, но каждый воображалъ, что видѣлъ ихъ. Самыя вѣроломныя инсинуаціи обрушивались на замки, гдѣ, какъ говорилось тогда, скрывался врагъ. Поселяне находили у своихъ воротъ или же на улицахъ записки въ такой формѣ: „Врагъ въ замкѣ. Жгите замки. Такъ повелѣваетъ вамъ король".

Рѣшено было произвести домашніе обыски по замкамъ. За обысками послѣдовало разграбленіе. На замокъ Делагардъ, принадлежавшій герцогу де-Мирепуа, произведено было нападеніе, причемъ онъ подвергся опустошенію. Тоже самое постигло за-

---

[1]) Тэнъ, „La Révolution", I, 394.—Ривароль, „Mémoires", 367.

мокъ де-Крампанья, принадлежавшій маркизу де-Галаръ-Терробъ. Замокъ де-Лорда былъ разрушенъ [1]).

Во Франшъ-Конте, въ теченіе одного мѣсяца въ 1789 г., было разграблено и сожжено около сорока замковъ и домовъ; въ Дофинэ подожжено или предано опустошенію двадцать семь замковъ.

Между Лангромъ и Граемъ та-же участь постигла каждые три замка изъ пяти [2]).

Наиболѣе опасными крестьянами для владѣльцевъ за̀мковъ являлись обыкновенно крестьяне не изъ ихъ деревень, а изъ сосѣднихъ деревень и окрестныхъ помѣстій.

Когда впослѣдствіи состоялась распродажа національныхъ имуществъ, то все, что уцѣлѣло отъ грабежа и хищенія, было секвестровано и продано съ публичнаго торга. За̀мокъ шелъ иногда за стоимость рѣшетокъ парка и свинца на кровлѣ. За̀мокъ де-ла-Куръ де-Брокъ, въ Анжу, пріобрѣтенъ былъ однимъ крестьяниномъ за пару быковъ.

„Такой-то землепашецъ купилъ ферму въ пять тысячъ франковъ за одну лошадь" [3]).

Нападенія не всегда ограничивались только опустошеніемъ, грабежемъ и пожарами; по временамъ они сопровождались убійствами.

23 іюля 1789 года, когда ужасные слухи насчетъ приближенія воображаемой арміи разбойниковъ распространили панику и уныніе въ Мэнской провинціи, — пятьдесятъ человѣкъ изъ Люсе, вооруженные косами, ружьями и вилами, двинулись къ замку де-Нуанъ, близъ Баллона, въ которомъ жилъ Кюро, богатый Ма̀нскій буржуа и тесть графа де-Монтессонъ. Они увели Кюро, пригласивъ слѣдовать за ними и графа де-Монтессонъ, встрѣтившагося имъ на дорогѣ. Обоихъ арестованныхъ отвели въ замокъ де-Баллонъ, гдѣ, для соблюденія порядка, къ нимъ приставили вооруженныхъ людей, подъ начальствомъ де-Гибера. Сначала они были посажены въ безопасное мѣсто. Но затѣмъ кучка мятежниковъ выломала ворота, захватила Кюро и убила его ударами косъ. Де-Монтессона потащили точно также. Негодяи, — въ числѣ которыхъ находился одинъ бывшій солдатъ, нѣкогда состоявшій подъ командой Монтессона и претендовавшій, якобы у него имѣлись по-

---

[1]) „Hist. de la Révolution française dans le pays de Foix et dans l'Ariège", П. де-Кастера, стр. 120 и слѣд.

[2]) Тэнъ, „La Révolution", I, 103.

[3]) Мейсснеръ, „Voyage en France", стр. 343.

воды быть недовольнымъ де-Монтессономъ,—повели его ко рву. Какъ милости, попросилъ онъ не убивать его медленно и ударами косъ, какъ убивали его тестя. И онъ добился разстрѣлянія. Но первый выстрѣлъ изъ ружья не убилъ, а только ранилъ его. Онъ сталъ упрекать своихъ палачей, что они доставляли ему столько мученій, и умолялъ поскорѣе прикончить его. Наконецъ, онъ упалъ, пораженный сорока пулями. Ему и Кюро отсѣкли головы, которыя затѣмъ разносили по улицамъ. Одна изъ головъ свалилась въ ручей. Который-то изъ убійцъ поднялъ ее, и процессія, предшествуемая барабаномъ, двинулась далѣе [1]).

Подобныя сцены относятся не къ 1792 и не къ 1793 гг., а къ первой половинѣ 1789 г., т. е. къ началу Революціи,—къ тому времени, когда дѣйствительно приходилось отказаться отъ надежды направлять или регулировать ея увлеченія.

Нѣсколько дней спустя въ замкѣ де-ла-Кулоншъ, въ Нормандіи, произошла сцена иного рода. Замокъ этотъ принадлежалъ д'Аргужу синьору, не пользовавшемуся популярностью, и ревниво отстаивавшему свои права. Но въ то время хозяиномъ замка былъ зять его, графъ де-Монтрейль, человѣкъ совершенно другого нрава, единственной ошибкой котораго было то обстоятельство, что онъ оставилъ на мѣстѣ управителя д'Аргужа, человѣка требовательнаго и жестокаго. 26 іюля супруги де-Монтрейль дали письменное обязательство въ полномъ отреченіи отъ всѣхъ ленныхъ своихъ правъ. Отреченіе это было прочтено публично послѣ обѣдни въ двухъ приходахъ священниками де-ла-Кулоншъ и де-ла-Саважеръ. Этимъ актомъ они обязывались отказаться неукоснительно отъ всѣхъ своихъ правъ нотаріальнымъ актомъ, заключеннымъ на ихъ счетъ. Они указали мѣсто, гдѣ хранились феодальные ихъ документы. Народъ съ ликованіемъ немедленно бросился къ синдику и, въ сопровожденіи члена Соважерскаго муниципалитета, двинулся въ замокъ де-Вожуа, гдѣ хранились эти документы.

Соважерскій священникъ вручилъ послѣдніе представителю муниципалитета, причемъ документы эти не были сожжены, а вложены въ запечатанный конвертъ. Но синдикъ отказался взять ихъ къ себѣ, и потому сдѣлано было предложеніе отдать ихъ на храненіе кюре или какому-нибудь нотаріусу. Все со-

---

[1]) „L'année 1789 au Mans et dans le haut Maine", Роберта Трижера, стр. 236 и слѣд.

вершено было безъ малѣйшаго безпорядка. Казалось, можно было разсчитывать, что добровольное отреченіе супруговъ Монтрейль спасетъ ихъ отъ всякой угрозы и народныхъ претензій.

27 іюля набатъ призвалъ поселянъ къ оружію. Отъ пяти до шести сотъ человѣкъ двинулись къ замку де-ла-Кулоншъ, подъ оглушительный шумъ флейтъ и барабановъ. Ла-Кулоншскій и Соважерскій кюре волей-неволей должны были стать въ ихъ ряды вмѣстѣ съ Соважерскимъ нотаріусомъ и мѣстными членами буржуазіи. Де-Монтрейль былъ обязанъ во время засѣданія у нотаріуса отказаться отъ своихъ феодальныхъ правъ.

Пока редактировали актъ отреченія, около восьми сотъ человѣкъ разбѣжалось по замку, причемъ, подъ предлогомъ поисковъ феодальныхъ документовъ, всѣ комнаты были обшарены и шкафы взломаны. Обойдены были также и погреба замка. Наконецъ документы снесли во дворъ и предали пламени.

Но де-Монтрейль этимъ еще не отдѣлался. У него отобрали тысячу восемьсотъ ливровъ. Ему пришлось отдать деньги свои людямъ, которые требовали платы за время, затраченное ими на пропаганду ихъ по странѣ, съ цѣлью возмущенія деревень. Безпорядки затянулись на часть вечера, и посѣтители удалились лишь послѣ истребленія чудовищнаго количества сидра. Сосѣдніе приходы оказались наиболѣе ярыми въ этой революціонной манифестаціи.

Въ отплату за это, обитатели ла-Кулонша и ла-Соважеръ, по просьбѣ сосѣдей своихъ изъ Кутернъ, отправились раннимъ утромъ для сожженія архива съ хартіями въ замкѣ графа де-Фроттъ. Послѣдній сдѣлалъ попытку сопротивленія. Но ему дали пять минутъ сроку для размышленія, прибавивъ, что по истеченіи этого срока замокъ будетъ преданъ огню. Тогда онъ немедленно приказалъ открыть свой архивъ, и въ то время, пока одни разводили большой огонь во дворѣ, остальные проникли въ погреба и предались возліяніямъ Бахуса.

Всѣ феодальные документы были сожжены, не пощадили даже фамильныхъ бумагъ и счетоводныхъ книгъ. Де-Фротте вынужденъ былъ, кромѣ того, подписать такое же нотаріальное отреченіе, какъ и де-Монтрейль. Утоливъ свою жажду, они захотѣли ѣсть. Когда-же запасы провизіи въ замкѣ истощились, то посланы были гонцы въ сосѣднія деревни закупить съѣстнаго на счетъ синьора. Затѣмъ толпа хотѣла заставить де-Фротте, бывшаго протестантомъ, читать като-

лическія молитвы, „чтобы поглядѣть, какъ онъ справится съ этимъ“ [1]).

Въ Пикардіи, къ графинѣ де-Ла Миръ въ замокъ де-Давенескуръ, близъ Амьена, явились вооруженные крестьяне, желавшіе принудить ее отречься отъ ея правъ на хлѣбную подать и на треттретные оброки. Дѣтей ея избили, ей самой ударомъ сабли разсѣкли руку. Одному изъ ея слугъ пулей оторвало руку. Замокъ былъ разграбленъ и, только благодаря энергіи ея слугъ, графинѣ удалось бѣжать [2]).

Не довольствуясь сожженіемъ и разграбленіемъ, революціонныя шайки дѣйствовали иногда съ утонченной жестокостью. Въ Лангедокѣ, въ 1789 году де-Баррасъ искромсанъ былъ на куски передъ глазами его жены, находившейся въ послѣднемъ періодѣ беременности. Отъ испуга и ужаса она тутъ-же скончалась.

Въ Нормандіи нѣкоего дворянина, разбитаго параличемъ, бросили въ костеръ, изъ котораго его вытащили съ обгорѣлыми руками. Во Франшъ-Контэ, шевалье д'Амбли схватили въ его замкѣ и потащили нагимъ въ его деревню. Повырвавъ у него волосы и брови, бѣсноватые швырнули его въ навозную кучу и принялись плясать вокругъ него. Баронъ де-Монжюстенъ, повѣшенный въ одномъ изъ колодцевъ, въ теченіе цѣлаго часа выслушивалъ совѣщаніе по вопросу, бросить-ли его въ колодезь, или же подвергнуть какому-либо иному роду смерти [3]).

Маркизъ де-Лапортъ де-Лиссакъ, семидесяти лѣтъ, инженерный штабъ-офицеръ, жилъ въ Лимузенѣ, въ замкѣ своемъ де-Лиссакъ, близъ Брива. Онъ не требовалъ феодальныхъ своихъ доходовъ. Въ декабрѣ 1789 года подъ его окнами воздвигли висѣлицу, на которой начертано было слѣдующее: „Здѣсь будетъ повѣшенъ первый изъ жителей, который внесетъ синьору оброкъ; здѣсь будетъ повѣшенъ самъ синьоръ, если онъ таковой приметъ“. Но крестьяне не ограничились этой грозной манифестаціей. Они напали на его домъ, взломавъ ворота, и предали его разграбленію. Самъ де-Лиссакъ приведенъ былъ къ висѣлицѣ. Здѣсь благородный старецъ подвергался всевозможнымъ оскорбленіямъ, которыя повергли его въ такое негодованіе, что онъ скончался отъ апоплексиче-

---

[1]) „Ephémérides de la moyenne, de la basse Normandie et du Perche en 1789“, Луи Дюваля, стр. 118 и слѣд.

[2]) Тэнъ, „La Révolution“, I, 371.

[3]) Лалли-Толлендаль, „Deuxième lettre à mes commettants“, 104.—Тэнъ, I. 404.

скаго удара, на рукахъ бривскихъ крестьянъ, прибѣжавшихъ съ намѣреніемъ спасти его [1]).

Въ январѣ 1790 г. на замокъ д'Алассакъ, находившійся въ той же провинціи и принадлежавшій де-Ламазу, сдѣлано было нападеніе пятью-шестью стами крестьянъ, которые разнесли крыши, швыряя въ нихъ каменьями, и стрѣляли прямо въ окна изъ ружей. Пришлось выдержать настоящую атаку. Де-Ламазъ обратился за помощью къ Бривскому муниципалитету, но тотъ остался глухъ къ его просьбѣ. Боролись одинъ на-одинъ. Толпа осаждавшихъ прибывала ежеминутно. Казалось, всякая надежда пропала. Въ восемь часовъ вечера де-Ламазъ сдѣлалъ вылазку съ своими людьми, которые начали стрѣлять въ толпу. Тогда послѣдняя перекочевала на другую сторону замка, получила новыя подкрѣпленія и стала отвѣчать каменьями и ружейными залпами. Наконецъ, осаждающіе удалились, не безъ намѣренія возвратиться снова и оставивъ на мѣстѣ двухъ убитыхъ. Де-Ламазъ призвалъ Бривскую національную гвардію. Однако, ему самому посовѣтовали удалиться, и онъ уѣхалъ въ четыре часа утра. Часъ спустя національная гвардія ушла, въ свою очередь, покинувъ замокъ, который вынуждены были бросить на произволъ судьбы послѣдніе его защитники. Замокъ подвергся новому нападенію почти на глазахъ національной гвардіи. Окна, зеркала, мебель,—все было побито грабителями, въ числѣ которыхъ находились бривскіе милиціонеры. Погреба были опустошены. Нѣкоторые крестьяне пили бутылками скипидарную эссенцію, и многіе отъ того умерли. Осада этого замка стоила шести жизней и двадцати восьми раненыхъ [2]).

Въ Ліоннэ, въ 1791 г. разграбленіе замка Болье, принадлежавшаго де-Шампонэ, благодѣтелю своей страны,—организовано было муниципалитетами и національной гвардіей. Предупрежденный насчетъ задуманнаго намѣренія отсѣчь ему голову, де-Шампанэ спасся съ семействомъ черезъ единственную дверь, остававшуюся безъ охраны, проблуждалъ всю ночь, рискуя попасть подъ выстрѣлы своихъ враговъ, и на другой день прибылъ въ Ліонъ [3]).

Возвратившись въ 1790 году въ Овернь, въ замокъ де-Плазанатъ, маркизъ и маркиза де-Монтэгю прибыли туда ночью,

---

[1]) „Scènes et portraits de la Révolution en bas Limousin", графа де-Сейлака, стр. 112.
[2]) „Scènes et portraits de la Révolution en bas Limousin", стр. 115.
[3]) Тэнъ, „La Révolution", I, 494.

во избѣжаніе не какихъ-либо враждебныхъ манифестацій населенія, а почетныхъ овацій, готовившихся имъ со стороны послѣдняго. Какъ только въ народѣ стало извѣстно объ ихъ возвращеніи, жители окружили замокъ, привѣтствуя ихъ радостными криками. Тѣмъ не менѣе, революціонный духъ началъ проникать въ страну. Совсѣмъ вблизи замка устроился клубъ, такъ что маркиза де-Монтагю изъ своей комнаты слышала возгласы собиравшихся тамъ. Вскорѣ послѣ того населеніе, съ такимъ почтеніемъ и такой преданностью относившееся къ бывшимъ своимъ синьорамъ, измѣнило свой взглядъ, народъ пересталъ кланяться имъ, при встрѣчѣ, распѣвая притомъ *Ça ira* или выкрикивая: *A la lanterne!* [1]).

Къ madame де-Лафайетъ, сестрѣ madame де-Монтагю, жившей въ замкѣ Шаваньякъ, находившемся также въ Овернѣ,— въ сентябрѣ 1792 года явился отрядъ вооруженныхъ людей. „Мать моя,—разсказываетъ madame де-Ластейри въ описанной ею біографіи madame де-Лафайетъ,—увидѣла, что къ ней вошло много военныхъ, съ нѣкіимъ дю-Пюи во главѣ. На этомъ дю-Пюи тяготѣло подозрѣніе, что онъ принималъ участіе въ недавнемъ убійствѣ одного заключеннаго. За нимъ слѣдовалъ коммиссаръ Оланье, пользовавшійся весьма дурной репутаціей. Послѣдній представилъ ей постановленіе Комитета Общественной Безопасности, повелѣвавшее отправить ее въ Парижъ вмѣстѣ съ ея дѣтьми...

„Мать моя съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ отнеслась къ своему назначенію. Она сознавала необходимость сократить визитъ отряда, изъ котораго одинъ солдатъ сталъ хвастаться передъ ней, что онъ убилъ офицера за то, что послѣдній былъ аристократомъ. Ей хотѣлось скорѣй добраться до какой-нибудь власти, которая могла бы оказать ей покровительство. Она немедленно велѣла закладывать. Пока готовились къ отъѣзду— вскрыли ея письменный столъ и забрали письма моего отца.

„— Вы увидите изъ нихъ, monsieur,—обратилась мать моя къ коммиссару,—что будь во Франціи суды, де-Лафайетъ принесъ бы на нихъ свою голову, вполнѣ увѣренный, что въ жизни его не нашлось бы ни единаго поступка, который могъ бы скомпрометировать его въ глазахъ истинныхъ патріотовъ [2]).

— Въ настоящее время, madame,—отвѣтилъ коммиссаръ,— роль суда исполняетъ общественное мнѣніе.

---

[1]) „Anne-Paule-Dominique de Noailles, marquise de-Montagu“, 2-е изданіе, стр. 62.

[2]) Въ то время онъ былъ военноплѣннымъ въ Пруссіи.

„Тѣмъ временемъ солдаты шныряли по всему дому. Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ старинные фамильные портреты, обратился съ вопросомъ къ бывшей горничной моей тетки, женщинѣ весьма преклонныхъ лѣтъ и почти слѣпой:—Чьи это портреты? Навѣрное, какихъ-нибудь важныхъ аристократовъ?

„— Это честные люди, которыхъ нѣтъ уже на свѣтѣ,— отвѣчала она гробовымъ голосомъ,—и если бы они были еще живы, то не было бы такого безобразія.

„И они удовлетворились тѣмъ, что проткнули нѣсколько холстовъ“ [1]).

Madame де-Лафайетъ была арестована и отослана въ Парижъ. Однако, отведенная сперва въ Пюи, она написала Ролану, послѣ чего получила разрѣшеніе остаться подъ домашнимъ арестомъ подъ честное слово, въ собственномъ своемъ замкѣ. Къ ней хотѣли приставить караулъ, но она объявила, что въ такомъ случаѣ будетъ считать себя свободной отъ всякаго обязательства чести, и тогда согласились удалить отъ нея этотъ караулъ.

Въ 1793 г., въ Муши происходили сцены, подобныя тѣмъ, какія разыгрывались въ то время во многихъ замкахъ. Были арестованы маршалъ де-Муши и его супруга, съ которыми намъ приходилось уже встрѣчаться въ Люксанбургской тюрьмѣ и которые погибли на эшафотѣ. Мы знакомы также съ Латуръ, преданной ихъ горничной, дѣлившей съ ними ихъ заключеніе. Приведемъ ея разсказъ объ арестованіи ея господъ и ихъ отъѣздѣ въ тюрьму:

„Я видѣла, какъ пріѣхало человѣкъ шестьдесятъ вооруженныхъ, муниципальныхъ чиновниковъ и коммиссаровъ Комитета Общественной Безопасности, снабженныхъ приказомъ произвести повальный обыскъ, въ надеждѣ найти множество оружія, которое, какъ говорили, было спрятано въ замкѣ, и, кромѣ того, арестовать все, что покажется подозрительнымъ. Они нашли всего одинъ пистолетъ, за то нашли документы, которые феодалъ этотъ привелъ въ порядокъ, чтобъ доставить ихъ въ назначенное депо.

„Коммунары пришли въ ярость и заключили его въ тюрьму... Они грозили всей деревнѣ, высказывая сожалѣніе, что не захватили съ собой гильотины, чтобы казнить тамъ всѣхъ безъ изъятія. Обыскъ дошелъ до такой строгости, что разрушены были нѣкоторыя части зданія. Коммиссары освѣдоми-

---

[1]) «Vie de madame de Lafayette», in-12, 1878, стр. 235.

лись, не было ли свинцовыхъ гробовъ въ склепѣ взломанной капеллы. Послѣ усиленныхъ поисковъ таковыхъ оказалось три. Но этой добычи имъ было мало; они полагали, что серебро пряталось съ покойниками, но тутъ они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ...

„Въ деревнѣ распространилась такая паника, что никто не осмѣливался выходить изъ своей квартиры. Ночь оказалась еще болѣе ужасною. Крестьяне, составлявшіе нашъ караулъ, перепились виномъ изъ нашего погреба и стрѣляли изъ ружей подъ окнами. Сколько разъ считали мы себя близкими къ последнему часу нашей жизни. Наконецъ, послѣ трехдневнаго обыска, главный коммиссаръ наложилъ печати, забралъ серебро, подъ тѣмъ предлогомъ, что на нѣкоторыхъ приборахъ стояли гербы, составилъ протоколъ и обязалъ насъ укладываться непремѣнно въ присутствіи стражи, чтобы она видѣла всѣ вещи, какія мы брали съ собой...

„Трудно повѣрить, но мы чувствовали себя такими несчастными въ теченіе этихъ трехъ дней, проведенныхъ съ этой шайкой, что стремились въ назначенную намъ тюрьму. Представьте себѣ дворъ, наполненный экипажами, въ которыхъ мы должны были ѣхать, двѣ большія телѣги съ документами, гробами, колоколомъ, старыми картинами, чемоданами и вещами; раскиданные останки мертвецовъ, дрова, разбросанныя бумаги; обломки, мѣстныхъ караульныхъ въ рубищѣ, уныніе на лицахъ,—и тогда вы можете судить о положеніи де-Муши въ моментъ нашего отъѣзда...“ [1]).

Дворяне, которыхъ миновалъ продолжавшійся приливъ Революціи, утрачивая свои привилегіи, утѣшались всеобщей любовью, которая ихъ окружала.

„— Ну, бѣдный мой Матюренъ,—говорилъ одинъ изъ нихъ какому-то крестьянину,—мы теперь равны, мы можемъ хлебать изъ одной чашки.

— Ахъ, сударь,—отвѣчалъ ему тотъ,—намъ не придется курить изъ общей трубки!“ [2]).

Другіе, привыкшіе къ почтенію и главенству, съ удивленіемъ, къ которому примѣшивалось чувство гнѣва, встрѣчали нападенія и оскорбленія, возобновлявшіяся безпрерывно. Къ

---

[1]) „Journal de madame Latour“, въ которомъ имѣются подробности о Люксанбургской тюрьмѣ, гдѣ она находилась въ заключеніи 1793 и 1794 г. вмѣстѣ съ супругой маршала герцогиней де-Муши. Напечатано въ «Journal des prisons de la duchesse de Duras».

[2]) Мерсье, «Paris pendant la Révolution», I, 270.

числу таковыхъ принадлежалъ виконтъ де-Рошеморъ, жившій въ замкѣ де-Гален, въ Лангедокѣ [1]). На него напала шайка революціонеровъ. Съ энергичнымъ и грознымъ видомъ появился онъ на балконѣ и зычнымъ голосомъ крикнулъ: „Шапки долой, канальи!“ Всѣ головы обнажились, и оробѣвшая толпа удалилась. На другой день, однако, она появилась снова, болѣе многочисленная и свирѣпая. Де-Рошемору пришлось бѣжать. Онъ удалился въ Германію, откуда громилъ своихъ грабителей за ихъ хищенія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ жаловался, что „виконтесса, спасаясь, не успѣла даже захватить съ собой ни кружевъ, ни оборокъ“ [2]).

Гористыя страны представляли для аристократовъ убѣжища посреди почти пустынныхъ мѣстностей, подъ гостепріимнымъ кровомъ, укрывавшимъ ихъ отъ преслѣдованія и эшафота. Но убѣжище приходилось мѣнять очень часто, приходилось вести скитальческую жизнь, подобную той, какую велъ де-Мо въ Форезѣ. Сынъ президента уѣзднаго суда этой провинціи, онъ предназначалъ себя къ военной карьерѣ, когда разразилась революціонная буря, во время которой погибли его отецъ и братъ,—одинъ отъ руки палача, а другой—послѣ взятія Ліона, разстрѣлянный въ Бротто.

„Переодѣтый крестьяниномъ,—разсказываетъ его внукъ въ очень интересномъ описаніи,—де-Мо встрѣтилъ сильную поддержку въ Форезскихъ горахъ. Одно почтенное духовное лицо, аббатъ Девикъ, основавшій впослѣдствіи въ нашей епархіи небольшую семинарію Saint-Godard, бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ котомкѣ лежали у нихъ требникъ, чаша и священный камень,—все это оба изгнанника несли поочередно. Набожные и отважные горные жители, рискуя собственной жизнью, принимали ихъ къ скромному и бѣдному своему очагу. Нерѣдко могли они имъ предложить всего одну постель, и дѣдушка разсказывалъ мнѣ, что, не будучи увѣреннымъ за завтрашній день, онъ не разъ передъ сномъ исповѣдывался своему сотоварищу по постелѣ.

„Когда они считали себя въ безопасности, то аббатъ совершалъ обѣдню въ какомъ-нибудь отдаленномъ потайномъ мѣстѣ. Дѣдушка прислуживалъ ему. Нѣсколько крестьянъ присутствовали при совершеніи Святого Таинства, отправлявшемся

---

[1]) Находившемся въ Гардскомъ департаментѣ, между Нимомъ и Люнелемъ.
[2]) Семейныя воспоминанія, сообщенныя вдовствующей маркизой де-Ланкри де-Пронлеруа.

какъ въ глубинѣ катакомбъ. Время отъ времени къ аббату приходили съ предупрежденіемъ поторопиться, въ виду замѣченныхъ жандармовъ.

„И все-таки тяжелое и невѣрное это существованіе не лишено было извѣстной прелести. У дѣдушки остались въ памяти часы настоящей, искренней радости, проведенные имъ въ этихъ темныхъ убѣжищахъ, гдѣ собранія изгнанниковъ бывали иногда очень многолюдны. Вѣчно находясь подъ страхомъ попасться, дѣдушка устраивалъ, вмѣстѣ со своими гостями и сотоварищами по несчастію, продолжительные и веселые деревенскіе праздники. Во всякомъ случаѣ, мрачное воспоминаніе преобладало надъ всѣми остальными.

„Однажды въ зимній вечеръ, когда онъ грѣлся, сидя въ печи, которая должна была на одну ночь служить его убѣжищемъ, одинъ крестьянинъ вернулся изъ города. Окружавшіе спросили у него, нѣтъ ли чего новаго? Дѣдушка слышалъ, какъ онъ отвѣтилъ: „О, рѣшительно ничего нѣтъ новаго, если не считать казни де-Мо въ Фёрѣ".

„Такимъ образомъ онъ узналъ о смерти своего отца. И ему пришлось скрыть свое волненіе, чтобы не выдать себя. На другое утро онъ всталъ бѣлымъ, какъ лунь, хотя ему было всего двадцать лѣтъ" [1]).

Въ интересныхъ разсказахъ, оставленныхъ mademoiselle des Echerolles объ этой эпохѣ, она передаетъ о жизни своего отца, находившагося въ постоянномъ страхѣ за себя во время Террора. Скрываясь въ Ліоннэ, въ деревнѣ, у madame де-ла-Костъ, мужъ которой обрѣтался въ милости у Фуше, состоявшаго въ то время полномочнымъ представителемъ народа,—des Echerolles каждое утро запирался въ шкафъ, изъ котораго выходилъ только тогда, когда считалъ себя въ полной безопасности.

„Около одиннадцати часовъ вечера,—разсказываетъ mademoiselle des Echerolles—у воротъ раздался необычайный звонокъ; тревога подняла всѣхъ на ноги. Этотъ властный трезвонъ возвѣщалъ о прибытіи орудій власти. Стали требовать моего отца, котораго пришлось запрятать еще дальше. Подняли матрацы на постели madame де-ла-Костъ, и отецъ растянулся тамъ, въ отверстіи, продѣланномъ для того въ соломенномъ тюфякѣ. Затѣмъ матрацы положили снова на мѣсто, постели постлали, и madame де-ла-Костъ улеглась. Можно себѣ представить мучительное положеніе моего отца. Онъ натянулъ ночной свой

---

[1]) „Souvenirs sur la vie de mon grand père", виконта де-Мо.

колпакъ на самыя уши, чтобы защитить ихъ отъ соломы, держа сжатые кулаки на лбу, чтобы доставить себѣ нѣкоторый просторъ и притокъ воздуха. Всѣ эти манипуляціи потребовали не болѣе минуты. И это устраивалъ народный представитель Фуше! Все было открыто. Коммиссары стали допрашивать madame де-ла-Костъ, гдѣ ея мужъ.— Онъ уѣхалъ по дѣламъ, — отвѣчала она. Ей объявили, что она должна явиться къ Фуше. Она стала протестовать, ссылаясь на дурное состояніе своего здоровья, на нервныя боли, заставляющія ее очень часто оставаться въ постели, на то, что она нерѣдко чувствуетъ себя совсѣмъ безъ силъ, что всѣ знаютъ о томъ, что она никогда не выходитъ изъ дому. Но всѣ настоянія ея остались втунѣ. — Надо идти, а не препираться, объявили ей, едва-едва давши ей время накинуть платье. Горничная ея поспѣшно приподняла матрацъ, немедленно опустивъ его, и сказала моему отцу „Мы пропали!“ Онъ отлично сознавалъ это. Горничная послѣдовала за своей госпожей. Двери затворились и запечатались надъ моимъ отцомъ“.

Однако, побѣжденный потребностью дышать, des Echerolles выбрался изъ прятокъ, гдѣ онъ задыхался. Послышались голоса. То были драгуны, распѣвавшіе революціонныя пѣсни. Какъ тутъ бѣжать? Всѣ выходы были закрыты. Усмотрѣвъ одно окно, онъ бросился внизъ, ранилъ себя осколками разбитаго окна. Этотъ шумъ привлекъ вниманіе солдатъ. Но des Echerolles скрылся подъ лѣстницу. Между тѣмъ настала ночь, а онъ не зналъ дороги, по которой могъ бы бѣжать. Добравшись до одной аллеи, онъ, къ несчастью, былъ выданъ луннымъ свѣтомъ. Солдаты бросились за нимъ. Одинъ драгунъ чуть-чуть было не схватилъ его, но, будучи пьянымъ, свалился какъ разъ въ тотъ моментъ, когда протягивалъ руку, чтобы схватить бѣглеца.

Во время тревожнаго своего странствія, des Echerolles попалъ въ огороженное пространство, гдѣ очутился плѣнникомъ, такъ какъ не могъ оттуда выбраться. Онъ дождался наступленія дня. Когда въ садъ пришла маленькая дѣвочка, онъ умолилъ ее привести къ нему ея отца. То былъ нѣкій виноградарь, сначала принявшій des Echerolles'я за вора. Мольбами и небольшой суммой денегъ онъ добился отъ него согласія дать ему крестьянское платье. Благодаря этому переодѣванью, des Echerolles добрался до уединеннаго жилья мельника въ департаментѣ Эны. Нѣсколько времени спустя онъ нашелъ убѣжище у одной доброй крестьянки, тетки Гозьеръ. Здѣсь начались

новыя тревоги, новыя ухищренія, какъ бы помѣшать розыску и отвести безпокойныя посѣщенія мѣстнаго мэра [1]).

Въ 1794 году mademoiselle des Echerolles возвратилась въ замокъ des Echerolles, находившійся въ то время подъ секвестромъ, и откуда ей пришлось уѣхать полтора года передъ тѣмъ.

„За неимѣніемъ права проникнуть въ покои замка, я отправилась блуждать по обширнымъ и прекраснымъ садамъ его, полнымъ воспоминаніями изъ моего дѣтства. Я встрѣтила тамъ старыхъ знакомцевъ, дорогихъ моему сердцу; я упивалась прелестью, которую они вокругъ себя распространяли... Не было ни одного мѣстечка, которое не было бы связано съ какимъ - либо воспоминаніемъ о счастливомъ прошломъ, о моихъ играхъ и радостяхъ. Какъ далеко отлетѣло это время! Революція обратила меня въ столѣтнюю старуху, хотя мнѣ было всего четырнадцать лѣтъ!

„Въ самомъ дѣлѣ, цѣлое столѣтіе не могло бы принести съ собою большихъ перемѣнъ для des Echerolles'ей, чѣмъ это случилось въ теченіе полутора года. Фермеры, проживавшіе въ пристройкахъ, подвѣдомственныхъ замку, начинали тогда свои быстрыя обогащенія, создававшіяся ассигнаціями. Многочисленные гости, каждый день возсѣдавшіе у нихъ за столомъ, свидѣтельствовали объ ихъ достаткѣ. Крики, вакхическія пѣсни, шумное веселье, очень часто продолжавшееся за полночь и доносившееся до насъ,—все это черезчуръ ясно говорило о томъ родѣ общества, какое являлось имъ на помощь въ дѣлѣ любостяжанія и мотовства.

„Никогда богатство не производило такого обаянія и не создавало столько глупцовъ. Обогатиться было такъ легко, что каждый спѣшилъ этимъ воспользоваться. Всякій желалъ возвыситься и добиться того положенія, того блеска, съ которыхъ низвели прежнихъ ихъ обладателей. Пріобрѣтали за безцѣнокъ дорогую мебель, а вмѣстѣ съ ней являлись новыя потребности. Немногія изъ этихъ состояній оказались прочными, такъ какъ все быстро нажитое и растрачивалось съ такой же быстротой" [2]).

Тяжело было возвращаться въ замки, пережившіе столько событій и печали. А еще того тяжелѣе было подвергнуться изгнанію изъ нихъ навсегда и видѣть, какъ попадала въ чужія руки обитель, гдѣ воскресали воспоминанія дѣтства и память предковъ. Остававшіеся на прежнемъ пепелищѣ не-

---

[1]) „Une famille noble sous la Terreur", 2-е изд., стр. 159 и 190.
[2]) Ibid., стр. 279.

рѣдко кончали разоре́ніемъ и горемъ. Слѣды революціоннаго вандализма напоминали о несчастіяхъ семьи и родины. Какое множество замковъ исчезло съ лица земли, было сожжено или разрушено!

Благородныя обители синьоровъ все таки устояли. До сихъ поръ увѣнчиваются главы ихъ величественными башнями, доминирующими надъ деревней, гдѣ лже-демократія желала-бы пробудить алчныя вожделѣнія и возжечь прежнюю ненависть.

Да пощадятъ время и революціи васъ, старые замки, почернѣвшія стѣны которыхъ говорятъ намъ о минувшихъ столѣтіяхъ. Не вижу болѣе въ вашихъ архивахъ феодальныхъ документовъ. Но за вашими владѣльцами остается одно право, котораго никто не дерзнетъ отнять у нихъ,—это право подавать примѣръ патріотизма, заставлять благословлять милосердіе.

II.

Притѣсненія терпѣли не одни обитатели замковъ. Поселянъ точно также преслѣдовали, гнали, заключали въ тюрьмы, гильотинировали, разъ они признавались подозрительными. Подозрительными-же становились они, укрывши какого-нибудь ослушнаго священника или сохраняя извѣстную степень уваженія или привязанности къ религіи и изгнаннымъ классамъ. Ихъ объявляли подозрительными за ихъ умѣренность и равнодушіе, если они не попадали подъ арестъ за свое упорство и вѣрность. Въ числѣ жертвъ Революціи народъ составлялъ значительный контингентъ и мы имѣли уже случай засвидѣтельствовать этотъ фактъ [1]).

Въ 1794 г. масса хлѣбопашцевъ была брошена въ тюрьму, во время примѣненія закона о maximum'ѣ и реквизиціи зерноваго хлѣба. Сначала они вступили въ отчаянную борьбу съ людьми, которые, во имя Революціи, хотѣли обложить налогомъ ихъ продукты и отнять ихъ у нихъ насильно. Разграбленіе богачей, уничтоженіе богатствъ истощили источникъ, утолявшій и бѣдныхъ. Приходъ уменьшался, а управляющіе увеличивали расходы. Несмотря на свой форсированный курсъ, ассигнаціи увеличили трудность существованія и коммерческихъ сдѣлокъ. Налоги удвоились, при вычетѣ 12—13 су изъ каждаго франка [2]). Затѣмъ въ 1794 и 1795 гг. настала го-

[1]) См. гл. VII.
[2]) Тэнъ, „La Révolution" III, 517.

лодъ, нищета невообразимая. Ужасы голода терзали столицу и распространялись на всю Францію. Одни питались травами, другіе—отрубями. Многіе совершенно ослабѣвали. Въ одномъ мѣстѣ нашли отца семейства въ полѣ, съ полнымъ ртомъ травы, которую онъ началъ жевать, въ другомъ—гибли матери, вмѣстѣ съ грудными дѣтьми, которыхъ имъ нечѣмъ было кормить [1]).

Ассигнаціи дискредитировались все болѣе и болѣе, такъ что стоимость луидора дошла, наконецъ, до 19.000 франковъ.

Посреди всеобщаго бѣдствія крестьяне обогащались. Припрятавъ звонкую монету, они воспользовались паденіемъ бумагъ и, начиная съ 1795 г., пріобрѣтали земли почти за безцѣнокъ [2]).

Можно судить о недостаткѣ продовольствія въ Энскомъ департаментѣ по слѣдующему факту. 13-го мессидора III года, въ Лаонъ были вызваны свидѣтели къ суду. Но они просили о разрѣшеніи не являться, ссылаясь на невозможность добыть хлѣба" [3]).

Одинъ иностранецъ, путешествовавшій по Франціи въ концѣ 1795 г., удивлялся, видя, какъ въ деревняхъ женщины занимались землепашествомъ.

„Нерѣдко случается видѣть, — пишетъ онъ, — какъ женщины, безъ всякой посторонней помощи ведутъ плуги, или же имѣютъ при себѣ помощниками только стариковъ и дѣтей" [4]). Къ этой необходимости онѣ приведены были войною, бичъ которой присоединялся ко множеству другихъ.

Всѣ коммиссары Директоріи въ VII году оплакивали „общественную нищету, дошедшую до послѣдней крайности. Эта нищета, повидимому, представляетъ для недоброжелателей наиболѣе опасный поводъ къ тому, чтобы угнетать общественный духъ въ неимущемъ классѣ, отнимая у послѣдняго всѣ средства къ существованію абсолютнымъ лишеніемъ работы и подстрекая его къ ропоту и жалобамъ на правительство" [5]).

Нищенство достигло необычайныхъ размѣровъ.

„Въ настоящее время, во Франціи, — замѣчаетъ въ 1798

---

[1]) Тэнъ, „La Révolution", III, 522, 526.
[2]) Ibid., III, 526.
[3]) „La justice criminelle à Laon pendant la Révolution", А. Комбье, I, 373.
[4]) Мейстеръ, „Souvenir de mon dernier voyage à Paris", стр. 19—21.
[5]) „Résumé des comptes rendus au ministre de l'intérieur par les commissaires du Directoire exécutif prés les administrations centrales des départements pendant le mois de floréal an VII".—Феликсъ Рокенъ, „Etat de la France au 18 brumaire", 378.

году одинъ писатель, — на двѣ трети больше бѣдныхъ, чѣмъ ихъ было до Революціи“ [1]).

Въ одной брошюрѣ, изданной въ IX году и озаглавленной: *L'humanité souffrante soulagée par la suppression de la mendicité*, высчитывалась средняя цифра нищихъ каждаго департамента до трехъ-четырехъ тысячъ, всего, слѣдовательно, на всей территоріи ихъ было до трехъ сотъ тысячъ [2]).

Вначалѣ революціонный духъ,—согласно признанію самихъ его сторонниковъ,—проникалъ въ деревни съ большимъ трудомъ.

„Вообще,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—города патріотичны, деревни же находятся на разстояніи тысячи миль отъ Революціи... Потребуются громадныя усилія, чтобы поставить ихъ на высоту Революціи“ [3]).

По мѣрѣ того, какъ событія способствовали распространенію мятежей и анархіи, муниципалитеты проникнуты были не элементами упорства, а элементами безпорядка. Всякія разумныя и успокоительныя вліянія рѣшительно отклонялись. Къ народнымъ страстямъ, которыхъ не сдерживала болѣе никакая узда, надо еще прибавить невѣжество людей, руководившихъ уличными коммунами.

„На сорокъ тысячъ муниципалитетовъ,—возглашалъ нѣкій ораторъ съ трибуны Законодательнаго Собранія 8 ноября 1791 года,—въ двадцати тысячахъ муниципальные чиновники не умѣютъ ни читать, ни писать“ [4]).

Любопытно прослѣдить теченіе Революціи въ странѣ мирной и отдаленной, каковой являлась небольшая коммуна Орнскаго департамента Гермитьеръ, гдѣ было тогда всего пятьсотъ человѣкъ жителей. Однимъ изъ первыхъ знаменій Революціи было увеличеніе тамъ налоговъ въ 1790 г. Усиленная контрибуція достигла цифры 123 ливровъ 12 су 11 динаріевъ. Само собой разумѣется, что такая сумма показалась чрезмѣрной тѣмъ, на кого ложилось обязательство ее выплатить. Жизнь была въ безопасности, но кошелекъ, цѣнный для обитателей всѣхъ странъ, подвергался нападенію.

Въ деревню проникла масса законовъ и декретовъ, слѣ-

---

[1]) „Considérations politiques et morales sur la France, constituée en république“, Эд. Ле-Февръ, Парижъ, 1798, стр. 249.

[2]) Феликсъ Рокепъ, „Etat de la France au 18 brumaire“. Введеніе, стр. LXI.

[3]) Легро, „La Révolution telle qu'elle est“. Неизданная переписка Комитета Общественнаго Спасенія, I, 366. Письмо Марнскаго пріора.—Тэнъ, III, 321.

[4]) Тэнъ, I, 250.

довавшихъ одинъ за другимъ непрерывно. Цѣль и важность этихъ законовъ не всегда была ей ясна. Тѣмъ не менѣе коммуна пользовалась преимуществомъ имѣть прокурора для поддержанія нарушеннаго порядка.

Четырнадцатое іюля 1790 года, — первая годовщина взятія Бастиліи, — прошло незамѣченнымъ. Но вотъ событіе, которое, по характеру своему, могло еще болѣе поразить поселянъ. 30 января 1791 года кюре вынужденъ былъ уступить свое мѣсто священнику *jureur*'у, какъ тогда называли священниковъ, давшихъ присягу гражданской конституціи. 1-го мая того же года мэръ и его совѣтъ объявили конституціонному кюре, чтобы онъ не употреблялъ болѣе дворянскихъ титуловъ, согласно постановленію Національнаго Собранія, 19-го іюня уничтожившаго всѣ дворянскіе титулы. Синьоромъ Гермитьера былъ тогда Ла - Мартелльеръ, человѣкъ скромный и благотворитель, жившій совсѣмъ безшумно; ни характеромъ своимъ, ни богатствомъ, ни дворянскими титулами, повидимому, не посягалъ онъ на великій принципъ равенства. И къ этому-то благодушному человѣку 25 іюня явилась національная гвардія изъ Беллема съ требованіемъ выдачи имѣвшагося у него оружія. Вскорѣ послѣ того барская казна его сократилась до двадцати су. Впрочемъ, онъ пересталъ въ ней и нуждаться, такъ какъ кюре при храмѣ уже не существовало. Конституціонный священникъ уѣхалъ изъ Гермитьера и не былъ замѣщенъ. За то община располагала національной гвардіей, состоявшей подъ командой капитана, поручика, двухъ сержантовъ и четырехъ капраловъ. Нужно было пріобрѣсти знамя. Нѣсколько сосѣднихъ общинъ приняли на себя расходъ по этому предмету въ 108 ливровъ.

Одинъ изъ двухъ церковныхъ колоколовъ былъ снятъ и отправленъ въ Беллемъ для плавленія. Церковь окончательно была закрыта въ 1794 году, причемъ отъ продажи находившихся въ ней вещей получено 403 ливра.

Въ небольшой Гермитьерской общинѣ денегъ было мало, за то въ декретахъ недостатка не замѣчалось. Въ сентябрѣ 1793 года ею уже было получено двѣ тысячи постановленій.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ муниципалитетъ не составлялъ протоколовъ. 25 мессидора VIII года,—по случаю взятія Бастиліи, годовщину которой предстояло праздновать, согласно высшему распоряженію,—онъ снова взялся за это дѣло. Бюджетъ общины не превышалъ въ то время 500 франковъ. Въ этотъ періодъ муниципалитеты собирались не иначе, какъ съ

разрѣшенія префекта. При старомъ режимѣ всѣ поселяне принимали непосредственное участіе въ дѣлахъ общины, именуясь учредителями по выбору. Однимъ изъ послѣдствій Революціи было ограниченіе свободы общинъ, гораздо сильнѣйшее, нежели во времена администраціи изъ управляющихъ.

Гермитьерскій муниципалитетъ формулировалъ слѣдующія пожеланія:

„Имѣть у себя учредителя; реставрировать разрушающуюся церковь; обгородить кладбище, открытое для скота; исправить проселочныя дороги, сдѣлавшіяся непроходимыми“. Община „лишена возможности поддерживать своихъ бѣдныхъ и затрудняется вносить подати“. Она принесла префекту свои жалобы. Однако, событія тѣснили ее не болѣе другихъ. Наконецъ, церковь ея была возстановлена въ своемъ культѣ 25 преріала IX года. 14 іюня раздались крики: „Vive la République! Vive Bonaparte!“ Вскорѣ первому изъ этихъ возгласовъ предстояло быть изъятымъ изъ употребленія; удержался только второй. Наступило 18 брюмера. Колоколъ звонилъ, не умолкая. Муниципалитетъ собрался во всемъ составѣ для зажженія потѣшныхъ огней, подъ звуки распѣвавшихся патріотическихъ пѣсенъ. По странной ироніи цезаризмъ привѣтствовался у подошвы древа свободы [1]).

Слѣдя за различными періодами Революціи въ небольшой сельской общинѣ,—какъ мы именно и поступаемъ,—можно составить себѣ картину этой эпохи, мѣстами наивную, но, во всякомъ случаѣ, правдивую. Впослѣдствіи старались представить, якобы Революція повсемѣстно отличалась однороднымъ характеромъ, и, такъ сказать, единственнымъ въ своемъ родѣ. Но единство между партіями, оспаривавшими власть одна у другой, выражалось лишь во взглядѣ, какимъ смотрѣли на революціонные факты департаменты, гдѣ снова сталкивались различія мѣстнаго духа.

Мы только что наблюдали Революцію въ такой странѣ, гдѣ это движеніе отличалось благодушнымъ характеромъ.

Съ бо́льшей страстностью проявилась она въ Тейлѣ, сосѣдней общинѣ съ Гермитьеромъ, насчитывавшей въ то время пятьсотъ двадцать человѣкъ жителей. Главой революціонной

---

[1]) „L'Hermitière pendant la Révolution“, доктора Жуссе. Mamers, 1885 г., in 12. Сочиненіе это, написанное на основаніи муниципальныхъ протоколовъ того времени, прочтется съ пользою всѣми, кто ищетъ исторію Революціи не въ пустыхъ, напыщенныхъ рѣчахъ, предразсудкахъ и слишкомъ дешево добытыхъ мнѣніяхъ, а въ документахъ и живыхъ впечатлѣніяхъ той эпохи.

партіи въ этой мѣстности былъ приходскій кюре, по имени Мэре, конституціонный священникъ. Благодаря политическимъ своимъ убѣжденіямъ, онъ сдѣлался мэромъ общины. 14-го іюля 1790 года онъ пожелалъ съ помпой отпраздновать годовщину взятія Бастиліи, возвѣщенной звономъ колоколовъ. Въ виду того, что мэръ былъ въ то же время и кюре, праздникъ одновременно являлся церковнымъ и гражданскимъ. Муниципальный совѣтъ и національная гвардія присутствовали при торжественной обѣднѣ, съ музыкой, и принесли гражданскую присягу. Вечеромъ состоялась вечерняя молитва и преподано было благословеніе; вокругъ потѣшныхъ огней исполнили *Te Deum*, сдѣланы были артиллерійскіе залпы, пущенъ фейерверкъ. И всѣмъ этимъ распоряжался мэръ-кюре, въ шарфѣ, повязанномъ поверхъ его сутаны.

Въ слѣдующемъ году онъ снова отпраздновалъ 14-е іюля. Затѣмъ, въ октябрѣ, въ Тейлѣ состоялись большія празднества по случаю конституціи 1791 года. Мэръ усердно рекомендовалъ танцы. Въ званіи кюре онъ остался. Но не былъ вторично выбранъ мэромъ въ церкви, гдѣ въ декабрѣ происходили муниципальные выборы. Мэре замѣнили какимъ-то столяромъ. Орѳографія отъ того нисколько не выиграла. Редакція списка, включавшаго въ себѣ двѣсти четыре имени выборщиковъ, обязанныхъ пошлиною, была такова: „Liste des *citoyent et lectif et actif*, de cette paroisse du Teil *inscrit* année 1792 *suivans* le decret de *Lasemblée* à l'organisation de la garde nationale suivant le dit *d'eret*".

Доказательствомъ того, что революціонный пылъ въ странѣ, несмотря на эти заказныя демонстраціи, былъ неособенно силенъ,—можетъ служить тотъ фактъ, что ослушнаго священника, по имени Мальгранжъ, жившаго въ пригородѣ Тейля, даже и не потревожили.

Гражданамъ безпрестанно приходилось возобновлять присягу съ обязательствомъ „умереть на своемъ посту". Но едва успѣвши дать присягу, всѣ они возвращались къ своимъ дѣламъ и всѣ преспокойно умирали въ собственныхъ своихъ постеляхъ.

1-го ноября 1792 года, кюре Мэре снова былъ избранъ мэромъ. Одной обязанности для его дѣятельности, очевидно, ему было мало. Вслѣдствіе закрытія всѣхъ церквей, храмъ въ Тейлѣ обратился въ храмъ Верховнаго Существа. Здѣсь праздновались гражданскіе праздники. Однако, муниципалитетъ не согласился обратить его въ революціонный клубъ.

Не обязанный болѣе отбывать церковныя службы, Мэре сдѣлался секретаремъ мэріи, а затѣмъ школьнымъ учителемъ. Изгнанный Революціей изъ своего священническаго дома, онъ получилъ разрѣшеніе удержать тамъ за собою одну комнату, въ качествѣ наставника. Послѣ 9-го термидора въ церкви было возстановлено богослуженіе, причемъ населеніе возстановило Мэре въ его званіи кюре, что не помѣшало ему, однако, 19-го фруктидора IV года, быть оффиціально назначеннымъ тейльскимъ наставникомъ. Такъ прожилъ онъ нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ, съ началомъ возрожденія нравственнаго строя, усвоилъ себѣ реакціонныя идеи съ тою же легкостью, съ какою воспринялъ революціонныя [1]).

Во многихъ другихъ мѣстностяхъ вожаки Революціи оказывались болѣе грозными, нежели конституціонный кюре въ Тейлѣ, нѣсколько напоминавшій собою maître Jacques — Мольера. Отдыхавшіе по воскресеньямъ и работавшіе въ декады подвергались смертной казни. Кто не проявлялъ рвенія при исполненіи обязанностей революціоннаго культа, тотъ подвергалъ себя опасности. Нѣкій якобинецъ въ Велэ ѣхалъ верхомъ въ Монфоконъ, гдѣ было назначено народное собраніе. По дорогѣ онъ встрѣтилъ одну бѣдную старушку, которая пряла кудель и пасла свою овцу. „Какъ! старая аристократка, — сказалъ онъ ей, — ты осмѣливаешься прясть въ день декады! Значитъ, ты врагъ Республики?“. И кара не заставила себя ждать. Жестокій революціонеръ, отвязавъ отъ сѣдла длинный ремень, обвилъ имъ вокругъ старухи и привязалъ ее къ сѣдельной лукѣ. Такимъ образомъ ей пришлось поспѣвать за лошадинымъ аллюромъ. Но въ Монфоконѣ ее освободили. Члены народнаго собранія равнодушно отнеслись къ подобной добычѣ, замѣтивъ привезшему ее: „Еще если бы ты привезъ намъ какого-нибудь жирнаго монаха или какую-нибудь жеманную монахиню, другое дѣло! А то приволокъ эту старую каргу, которой и волкъ не тронетъ“ [2]).

Въ VI году муниципальная администрація въ Оксеррѣ прибѣгла къ вооруженной силѣ, чтобы помѣшать землепашцамъ работать въ день декады. На поля посланы были фузелеры, чтобы записать имена виновныхъ. На каждаго наложили денежный штрафъ въ пятьдесятъ франковъ.

По временамъ въ религіозномъ чувствѣ населеній револю-

---

[1]) „Histoire de la commune du Theil sous la Révolution“, доктора Жуссе Алансонъ, 1874, in-8°.

[2]) „Causeries historiques sur le Velay“, аббата Корнута, I, 367.

ціонеры встрѣчали такое сопротивленіе, передъ которымъ имъ приходилось невольно отступать. 5-го флореала II-го года, кровельщикъ, взявшій на себя подрядъ сломать Аббекурскую колокольню, въ департаментѣ Уазы, вмѣстѣ съ своими рабочими явился туда для сломки. Группа женщинъ воспротивилась этому. Прибывшій коммиссаръ округа засталъ мэра, готоваго ударить въ колоколъ. Около ста женщинъ и нѣсколько мужчинъ бросились съ ругательствами на коммиссара и рабочихъ. Вскорѣ послѣ того Аббекурскій мэръ вызванъ былъ Наблюдательнымъ Комитетомъ въ Шони для объясненій, по поводу того фанатизма, который, согласно обвиненію, поддерживался имъ въ его общинѣ. „Мнѣ приходится,—отвѣчалъ онъ,—звонить въ колоколъ, когда мнѣ нужно бываетъ созвать жителей для прочтенія имъ декретовъ, а они пользуются открытіемъ церкви, чтобы помолиться, и я безсиленъ помѣшать имъ въ этомъ“.

Въ Bucy-les-Pierrepont (Энскій департаментъ), 19-го фримера II-го года, коммиссаръ прибылъ для производства продажи колокола, назначенной по распоряженію администраціи. Послѣ долгаго ожиданія вмѣстѣ съ мэромъ у входа въ церковь, онъ увидѣлъ двухъ муниципальныхъ чиновниковъ, приближавшихся въ сопровожденіи пятидесяти-шестидесяти женщинъ. Многія изъ нихъ угрожали вилами подрядчикамъ, явившимся изъ сосѣднихъ деревень. И коммиссаръ вынужденъ былъ остановить торгъ, который такъ и не состоялся [1]).

Въ Марнскомъ департаментѣ, въ Луази, въ IV году, покупатель священническаго дома былъ окруженъ женщинами и дѣтьми, грозившими сжечь его въ этомъ домѣ, если онъ только поселится въ немъ. И новый владѣлецъ вынужденъ былъ бѣжать оттуда. Подобные факты повторялись многократно въ одной и той-же мѣстности.

Notre Dame de Liesse во время Террора не переставала посѣщаться для богомолья. Пока засѣдали революціонные суды и воздвигались эшафоты, священникъ казначей церкви выдавалъ себѣ квитанціи за отправленіе обѣденъ, заказанныхъ паломниками [2]).

Отстаивать колокольни еще удавалось. За то гораздо труднѣе было помѣшать надругательствамъ надъ святыней. Святыхъ

---

[1]) Были церкви, проданныя за 8.000 ливровъ, за 13.200 ливровъ, 31.000 ливровъ. (Альб. Бабо, „Hist. de Troyes pendant la Révolution“, T. II.

[2]) А. Комбье, „La justice criminelle à Laon pendant la Révolution“, I, 318, 319, 322, 527.

уродовали, вырывали изъ нишъ, исповѣдальни, обращенныя въ караулки, приставлялись къ дверямъ подозрительныхъ [1]).

И какъ бы на зло гонителямъ свободы совѣсти, скромные поселяне оставались вѣрными религіи своихъ отцовъ; лишенные возможности молиться публично въ храмѣ, они молились тайкомъ подъ сельской кровлей, какъ это дѣлалось, напримѣръ, въ деревнѣ Фонтэнь, на берегахъ Соны, близъ Ліона, у тетки Шозьеръ, съ которой уже познакомила насъ mademoiselle des Echerolles.

„Благочестивѣйшія сосѣдки собирались къ семи-восьми часамъ вечера въ хлѣвъ тетки Шозьеръ, куда къ тому времени заботливо настилали свѣжей соломы. Онѣ приносили съ собой свои прялки и свое вязанье. У нѣкоторыхъ были скамейки; иныя преклоняли колѣна прямо на солому. Лампа, висѣвшая на перекладинѣ, обозначала центральное мѣсто собранія. Тетка Шозьеръ, сидѣвшая на возвышенномъ стулѣ, какъ бы предсѣдательствовала на собраніи. Выполнивъ свою задачу и благочестиво побесѣдовавъ, она читала житіе какого нибудь святого и въ полночь заканчивала бдѣніе молитвой. Всѣ крестьянки, подобно ей, стоя на колѣняхъ, съ жаромъ присоединялись къ этой молитвѣ“ [2]).

Преслѣдованіемъ надѣялись добиться торжества. Но это гоненіе глубоко возмущало честныхъ людей и подготовляло реакцію, которая должна была произойти въ умахъ противъ Революціи. Донесенія коммиссаровъ исполнительной Директоріи при администраціяхъ департаментовъ и округа, многочисленны и поучительны на этотъ счетъ [3]).

„Господство религіозныхъ убѣжденій,—читаемъ въ одномъ изъ этихъ донесеній,—гораздо болѣе обширно, нежели оно было до Революціи, такъ какъ большинство прежде этимъ не занималось, а въ настоящее время почти всѣ обращаютъ ихъ въ предметъ своихъ разговоровъ и жалобъ“ [4]).—„Разрушеніе алтарей, закрытіе церкви,—говорилось въ другомъ рапортѣ,—вызвали ярость въ народѣ въ періодъ господства тираніи“ [5]). Слѣдующее свидѣтельство приводилось въ одномъ иностранномъ документѣ той-же эпохи: „Травля, производимая на отказавшихся отъ присяги священниковъ, въ связи съ расхи-

---

[1]) „Une commune boulonnaise pendant la Révolution“. — Samer (1789—1800), аббата Лефевра, 1886, in—8°.
[2]) „Une famille noble sous la Terreur“, стр. 177.
[3]) Національные Архивы.—Тэнъ, „Le régime moderne“, I, 225, прим. 1.
[4]) Кантонъ Пассаванъ, Doubs, 7-го вентоза IV года.
[5]) Кантонъ Лиракъ, Дордонь, 13 вентоза IV года.

щеніемъ казны и разрушеніемъ храмовъ, породили недовольство въ народѣ, который желаетъ религіи и богослуженія. Правительство ему опротивѣло" [1]).

III.

Только спустя долгое время послѣ Революціи можно было представить ее себѣ окрашенною красками иными, чѣмъ то было въ дѣйствительности. Люди, непострадавшіе отъ прошлаго, легко приписываютъ ему то, чего не было. Мертвецы не станутъ возражать, а живые охотно согласятся съ тѣмъ, что льститъ ихъ убѣжденіямъ, тенденціямъ, предразсудкамъ.

Совершенно иначе смотрѣли на Революцію тѣ, кто пережилъ причиненныя ею бѣдствія и страданія, тѣ, на чьи безопасность, состояніе и свободу посягнула она. Оставляя умышленно въ сторонѣ привилегированные и матеріально пострадавшіе классы, я буду говорить исключительно о классахъ народныхъ.

Въ 1795 году Конвентъ провожали всеобщими проклятіями. Закатъ его привѣтствовался радостными криками. Якобинцевъ величали „разбойниками" [2]). Эпитеты въ родѣ „злодѣи", „мошенники", казались уже недостаточно сильными. Ихъ замѣняли слѣдующими: „запятнанные, истасканные, развращенные" [3]).

Швейцарецъ Жакъ Генрихъ Мейстеръ, пріѣхавшій во Францію въ концѣ 1795 года, разсказываетъ объ общественномъ настроеніи и положеніи провинцій, черезъ которыя онъ проѣхалъ въ то время. Это не слова какого-нибудь эмигранта-француза, приверженца стараго режима. Это говоритъ гражданинъ Республики. Впечатлѣнія его были искренни, духъ независимъ. Предоставимъ же ему описать видѣнное и повторить слышанное имъ:

„Прежде всего, что чаще всего бросалось мнѣ въ глаза на всемъ моемъ пути, безъ всякаго старанія съ моей стороны, это впечатлѣніе тревоги, безпокойства, усталости, недовольства, къ которымъ примѣшивалась большая доза полнѣйшаго равнодушія къ успѣху или неудачѣ новаго порядка вещей [4]).

„Хотя за этой Революціей было своеобразное достоинство, заключавшееся въ способности заинтересовать, даже возбудить страсти значительнаго числа людей, въ чемъ, безъ сомнѣнія, съ ней не могла соперничать никакая другая изъ Революцій,

---

[1]) Кантонъ Гу, 13 плювіоза, IV года.
[2]) „Un séjour en France de 1792 à 1795", стр. 267, 271.
[3]) Тэнъ, „La Révolution", III, 558.
[4]) Директорія.

тѣмъ не менѣе остается фактомъ, что весьма значительное большинство націи пребывало нейтральнымъ и что нейтральное отношеніе этого большинства пошло бы гораздо дальше, если бы не всемогущая сила обстоятельствъ, еслибы не страшная жестокость революціоннаго деспотизма. Масса всегда болѣе или менѣе является осломъ изъ басни, да и впредь неизмѣнно останется, убѣжденнымъ въ необходимости вѣчно таскать на себѣ свою ношу и свой вьюкъ. „Эхъ! не все ли мнѣ равно,—говоритъ она,—кому я достанусь?“

„Къ этой массѣ не слѣдуетъ причислять исключительно такихъ людей, которыхъ невѣжество и нищета обрекаютъ на самый тяжелый трудъ. Сюда же необходимо отнести весьма многочисленный классъ ничтожныхъ или слабохарактерныхъ людей, ищущихъ и обрѣтающихъ свое благополучіе только въ покоѣ невѣдѣнія, въ тиши и беззаботности. Эта громадная масса, слѣдуя принципамъ новѣйшей нашей политики, при условіи добросовѣстности, составила бы дѣйствительно абсолютное значительное большинство народа-повелителя, представляющаго высшаго кумира вашихъ филантропическихъ демократовъ.

„Во время моего путешествія созваны были предварительныя собранія. Увѣряю васъ, что на мой вопросъ: *Гражданинъ, скажите какъ прошло собраніе въ вашемъ округѣ?* изъ ста разъ восемьдесятъ мнѣ отвѣчали: *Moi, citoyen? Quas que j'irions fare là! Ma fi, l'ont bin de la poine à s'entendre.* Или: *Que vouli vous? On atait en bin petit nombre*; *les honnêtes gens restions chez ou, et puis se plaignont qu'on laisse far aux autres ce qui leur plait*; *ça n'est pas de bons patriotes... Vous êtes sûrement député, vous, citoyen? Dites leur donc qu'il serait bin temps, qu'on nous débarassait de la guerre et des assignats*; *on prendrait encore son parti sur le reste.*

„Когда я вздумалъ поздравлять Республику со славой ея оружія, славой блестящихъ ея побѣдъ (въ то время только что съ успѣхомъ совершенъ былъ переходъ черезъ Рейнъ, причемъ никто не ожидалъ, что придется такъ скоро переправляться черезъ него вспять). *Ну, что же, правда, это хорошо, что мы прогнали ихъ отъ себя. Только что же мы выиграемъ отъ нихъ? Какъ видите, еще большую нищету!*.. отвѣчали мнѣ.

„Итакъ, если бы къ небольшому меньшинству первоначальныхъ собраній, отвергшихъ Конституцію, присоединить всѣ тѣ, которыя не могли подать своего голоса въ силу наводненія ихъ вандейцами или шуанцами; если сравнить затѣмъ число наличныхъ подателей голосовъ въ собраніяхъ съ тѣми, кото-

рые вовсе не подавали голоса, хотя и имѣли на то право,— или подъ вліяніемъ остатка террора, или же по безпечности, то полагаю, что легко будетъ математически точно доказать фактъ, что громаднѣйшее большинство французскаго народа, говоря безъ преувеличенія, ни малѣйше не привязано къ новому порядку вещей.

„Но, повторяю еще разъ, этимъ ничего не докажешь, пока у этого большинства не будетъ своего центра для сборищъ, пока у него не будетъ хотя бы призрака вожака, который смогъ бы овладѣть его довѣріемъ, пока наибольшіе рессурсы, какими располагаютъ физическая и моральная сила, будутъ въ распоряженіи преобладающей партіи.

„Значительнѣйшее большинство народа въ великихъ революціяхъ видитъ только то, что онѣ есть на самомъ дѣлѣ, т. е. бичъ болѣе или менѣе ужасный, болѣе или менѣе продолжительный. Поддавшись увлеченію, подъ вліяніемъ стремительности перваго толчка, вскорѣ послѣ того всѣ свои желанія, всѣ усилія эта народная масса направляетъ лишь къ тому, чтобы высмотрѣть какое-нибудь удобное и вѣрное убѣжище, стараясь миновать, или, по крайней мѣрѣ, смягчить гибельныя послѣдствія этого бича".

Взглядъ этотъ разнится съ тѣми, какіе не разъ высказывались по поводу Революціи, но онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ природѣ вещей. Онъ свидѣтельствуетъ о направленіи общественнаго мнѣнія по отношенію къ препрославленнымъ побѣдамъ Революціи въ то время, когда дѣйствительность разоблачила всю массу коварныхъ обѣщаній. Наконецъ, взглядъ этотъ даетъ вѣрную оцѣнку настоящаго характера народа вообще и характера французскаго народа въ частности. Народу сказали, что съ уничтоженіемъ стараго режима для него настанетъ новая эра счастія и свободы. И онъ поспѣшилъ повѣрить этому. Затѣмъ передъ глазами его развернулись страшныя событія. Гильотина скашивала безъ разбора всякія головы. Нищета распространилась по всей Франціи. Поземельныхъ податей синьорамъ больше не платили, отъ охотничьихъ правъ были освобождены,—тѣмъ не менѣе земледѣліе было разорено реквизиціями, maximum'омъ, войной. Народъ не былъ ни счастливѣе, ни свободнѣе. Онъ чувствовалъ только одно, что перемѣнилъ господъ.

Будемъ продолжать слѣдить за нашимъ наблюдателемъ по тѣмъ странамъ, которыя привлекали его вниманіе. „Множество замковъ было разрушено, разорено и уничтожено во Франціи; но ихъ была такая масса, что существующіе по настоящее время отнюдь не позволяютъ путешественнику замѣтить со-

кращеніе ихъ числа. На всемъ протяженіи сдѣланнаго мной пути [1]), какъ мнѣ представляется,—я встрѣтилъ не болѣе трехъ-четырехъ достопримѣчательныхъ памятниковъ разрушенія въ такомъ родѣ. Менѣе всего пощажены были монастыри, аббатства, колокольни, а въ особенности кресты. Послѣднихъ совсѣмъ не видно было во Франціи, за исключеніемъ кладбищенскихъ, на кровляхъ церквей. Въ настоящее время просто чудо, если попадется хоть одинъ крестъ. На верхушкахъ общественныхъ зданій кресты замѣнены чаще всего краснымъ колпакомъ или трехцвѣтнымъ знаменемъ...

„Существовало желаніе ограбить старинный классъ дворянъ и богачей. Для достиженія этой цѣли не было такого средства насилія или хитрости, которое не пускалось бы въ ходъ. Но что-же изъ этого вышло? Нелѣпость и варварство новыхъ законовъ, несправедливость и безпорядокъ мѣръ, получившихъ право гражданства, прежде всего привели къ тому, что большая часть національныхъ богатствъ пропала рѣшительно для всѣхъ; другую значительную часть этихъ богатствъ пропустили за границу. Остальное сдѣлалось добычей толпы, которая больше проматываетъ, чѣмъ наслаждается. Все, что при этомъ способѣ не разсѣялось, такъ сказать, аки дымъ пустой, попало въ руки небольшого числа людей, столь-же алчныхъ и корыстныхъ“.

Разсматривая перемѣны, происшедшія съ собственностью, утратой и пріобрѣтеніемъ состояній во время этого перваго революціоннаго періода, Мейстеръ высказываетъ слѣдующее мнѣніе:

„Полагаю, что нельзя было-бы отрицать, что классъ мелкихъ собственниковъ во Франціи въ настоящеее время сталъ болѣе значителенъ, нежели какимъ онъ былъ до Революціи. Но приростъ этотъ далеко не такъ великъ, какъ можно было-бы того ожидать. Не всѣ еще земли проданы, которыя нація такъ великодушно присудила себѣ въ наслѣдство. Изъ проданныхъ— однѣ пріобрѣтены прежде всего негоціантами, капиталистами, которыхъ обстоятельства понудили такимъ образомъ реализировать капиталы изъ ихъ торговли или портфеля. Другія— сдѣлались добычей небольшого числа интригановъ, которые въ самыхъ несчастіяхъ разрушенія нашли случай обогатиться столь же быстрымъ, сколь и неслыханнымъ способомъ. Богатые фермеры точно также необходимо воспользовались оказіей пріобрѣсти и увеличить собственность доменовъ, цѣну и пригодность которыхъ они знали лучше другихъ. И только остальная часть, и

---

[1]) Онъ въѣхалъ во Францію черезъ Вогезы, переправившись черезъ Bar-sur-Aube, Линьи и пр.

вы согласитесь, что это должна быть наименьшая часть, могла попасть въ руки промышленныхъ людей, до тѣхъ поръ нерасполагавшихъ никакой собственностью.

„И такъ, вполнѣ возможно, что число этихъ новыхъ собственниковъ находилось почти въ полномъ равновѣсіи съ числомъ бывшихъ владѣльцевъ, каковыми нынѣ послѣдніе уже не состоятъ, изъ которыхъ не всѣ эмигрировали или были гильотинированы, или послѣ которыхъ въ Республикѣ остались наслѣдники или ихъ представители, болѣе или менѣе достойные состраданія. *Единственный фактъ, который нельзя было бы оспаривать, — это-то, что территоріальныя владѣнія Франціи вообще гораздо раздробленнѣе нынѣ, чѣмъ это было прежде. Но чтобы быть безпристрастнымъ, необходимо тутъ же прибавить, что, по крайней мѣрѣ, большая часть этихъ участковъ и удѣловъ не принесла пользы бѣдняку. Поденщики фермеровъ оплачиваются не такъ, какъ оплачивались поденщики бывшихъ синьоровъ, и быть можетъ даже хуже поденщиковъ духовенства.* Не безъ нѣкоторой горечи и нерѣдко съ извѣстной долей основательности громилось въ наше время злоупотребленіе церковными богатствами. Тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрно, что изрядная часть этихъ богатствъ постоянно служила источникомъ и вотчиной для людей, нерасполагавшихъ ничѣмъ другимъ.

„Всѣ эти обстоятельства, увы! свидѣтельствуютъ слишкомъ ясно о томъ, что число бѣдныхъ не могло особенно сократиться въ деревняхъ. Еще болѣе становится понятнымъ, до какой степени число ихъ должно было возрасти въ городахъ, гдѣ окончательно уничтожилось столько отраслей торговли и промышленности, гдѣ, съ давнихъ поръ, рантье получали какъ съ государства, такъ и съ частныхъ лицъ, лишь фиктивную монету, цѣнность которой падала со дня на день въ ужасающей прогрессіи...

„*Классъ людей, которые могли выиграть отъ Революціи, гораздо менѣе многочисленъ въ настоящее время, чѣмъ мнѣ это представлялось. Въ дѣйствительности онъ состоитъ лишь изъ ажіотаторовъ, подрядчиковъ, поставщиковъ на арміи, ихъ подчиненныхъ, нѣсколькихъ особенныхъ правительственныхъ агентовъ, фермеровъ, обогатившихся отъ новыхъ пріобрѣтеній и оказавшихся достаточно жестокими, достаточно предусмотрительными, чтобы припрятать свой хлѣбъ, зарыть свое золото и упорно не принимать ассигнацій.* Всѣ эти новые выскочки вмѣстѣ взятые, далеко не стоили остальной націи, составлявшей прежде контингентъ привилегированныхъ дворянъ, фи-

нансистовъ, негоціантовъ и всѣхъ оборотливыхъ промышленниковъ, на счетъ которыхъ обогатились эти выскочки“ [1]).

Эти размышленія поучительны. Они рисуютъ истинное положеніе Франціи съ точки зрѣнія выгодъ, каковыя должны были извлечь изъ этого положенія низшіе классы, причемъ они рисуютъ это положеніе не съ революціонными предубѣжденіями или чувствомъ раздраженія, свойственнымъ изгнанникамъ или угнетеннымъ, а съ свободнымъ духомъ иностранца и независимаго наблюдателя.

Близъ Лангреса въ одной деревнѣ у нашего путешественника произошла встрѣча, крайне поразившая его. Онъ познакомился съ однимъ богатымъ фермеромъ, почтеннымъ старцемъ, пользовавшимся почетомъ среди своей семьи, въ которой онъ какъ бы предсѣдательствовалъ на своемъ креслѣ, по праву авторитета своихъ сѣдинъ.

Съ негодованіемъ разсказывалъ онъ, какъ прежняго его синьора,—къ которому онъ былъ привязанъ искренней любовью,—потребовали въ революціонный судъ и затѣмъ казнили, несмотря на преклонныя его лѣта и неисчислимыя благодѣянія.

Со слезами произнесъ онъ такія слова: „Нѣтъ, у меня не безчувственное сердце. Но это отвратительное чудовище, лютая злоба котораго явилась сюда за добрымъ и славнымъ синьоромъ, я желалъ бы видѣть вотъ въ этомъ огнѣ и какъ бы я насладился своей местью, безъ малѣйшей жалости“.

За терроромъ послѣдовало отвращеніе, порожденное излишествами революціи. Пресыщеніе это выражалось на тысячу ладовъ. Правительственные агенты констатировали это съ сожалѣніемъ, но тѣмъ не менѣе они все-таки признавали его.

Нѣкоторыя слова, какъ напр. „патріотъ“, „нація“ стали, наконецъ, внушать прямой ужасъ,—до такой степени Революція связала ихъ со своими преступленіями. Такъ, нѣкій честный малый, въ 1799 году, во время мессы св. Роха совершенно чистосердечно припѣвалъ: „Боже мой! истреби *націю*!“ [2])

На долю коммиссара одного сельскаго округа выпало неудовольствіе быть свидѣтелемъ отвращенія, выраженнаго крестьянами противъ революціонныхъ формулъ: „Наши зажиточные землепашцы, которые болѣе всѣхъ остались въ выгодѣ отъ Революціи, — пишетъ онъ, — оказываются самыми ожесточен-

---

[1]) „Souvenirs de mon dernier voyage à Paris“, Жака Генри Мейстера, Цюрихъ, 1797 г., in-12, стр. 28, 37, 43 и 65.

[2]) Лафайетъ, „Mémoires“, II, 162 (письмо отъ 2 іюля 1799). — Тэнъ, III 622, прим. 2.

ными врагами ея формъ: гражданинъ, который зависѣлъ бы отъ нихъ въ самыхъ малѣйшихъ пустякахъ и который вздумалъ бы аттестовать кого-нибудь изъ нихъ именемъ гражданина, немедленно былъ бы изгнанъ изъ ихъ дома [1]).

Прочтемъ слѣдующее письмо, адресованное 18 іюля 1798 года національнымъ коммиссаромъ изъ Труа коммиссару департамента:

„Кѣмъ празднуются и украшаются національные праздники? Представителями общественныхъ властей, призываемыми къ тому закономъ, причемъ очень даже многіе освобождаютъ себя отъ этого. Этотъ-то общественный духъ и мѣшаетъ честнымъ людямъ принимать участіе въ этихъ празднествахъ и въ произносящихся на нихъ рѣчахъ, и отдаляетъ отъ нихъ женщинъ, которыя должны были бы составлять главное ихъ украшеніе... Театръ представляетъ собой пустыню въ дни національныхъ праздниковъ и въ декады, а между тѣмъ онъ усиленно посѣщается въ бывшія воскресенья и въ другіе дни, установленные во время стараго режима. Тотъ же общественный духъ безучастно и съ презрѣніемъ смотритъ на героическія республиканскія дѣянія, изображаемыя на сценѣ, встрѣчая съ восторгомъ все, что можетъ намекать на королевскую власть или на старый режимъ...

„Въ дѣлѣ соблюденія декадъ снова встрѣчаемся съ тѣмъ же общественнымъ духомъ. Съ аффектаціей, которую можно было-бы назвать преступной, отпираютъ всѣ купцы лавки свои въ декады и національные праздники, широко раскрывая свои двери и разставляя витрины, словно на зло закону, тогда какъ въ прежнія воскресенья и обыкновенные праздники стараго режима они едва отворяютъ обыкновенныя входныя двери. Быть можетъ, вы полагаете, что это дѣлается въ видахъ присутствія при отправленіи ихъ богослуженія? Нѣтъ, большинство гражданъ не заражено этимъ предразсудкомъ. *Но считается хорошимъ тономъ не казаться республиканцемъ*“ [2]).

Общественное мнѣніе было тогда одинаково, что въ одномъ департаментѣ, то и въ другомъ. Оно соотвѣтствовало тождественнымъ условіямъ, соціальному строю, явившемуся плодомъ кроваваго деспотизма, анархіи, всеобщаго истощенія и пресыщенія. Если старый режимъ, злоупотребленія котораго совер-

---

[1]) Шмидтъ, III, 313. (Донесеніе Гюйеля, коммиссара Директоріи округу Пьеррефитскому (Сена), жерминаль VI годъ).—Тэнъ, III, 622.

[2]) Письмо Милони, „Hist. de Troyes pendant la Révolution“, Альберта Баро, II, 466.

шенно стушевывались передъ преступленіями Революціи,—и вызывалъ еще сѣтованія у извѣстнаго числа людей,—то, во всякомъ случаѣ, не было обнаружено рѣшительнаго поворота въ пользу королевской власти, за исключеніемъ мѣстностей на западѣ, гдѣ Республика встрѣтила неустрашимыхъ противниковъ. Разочарованія, оцѣпенѣніе и равнодушіе царили въ общественномъ мнѣніи, склоняя его къ власти твердой и возстановительной, власти признанной, прежде знакомства съ нею.

Таково было настроеніе умовъ, безусловно согласное съ логикой и съ ходомъ событій. Во имя свободы возбуждены были рѣшительно всѣ страсти. На долю народа досталась одна лишь тиранія. Страдая отъ золъ, оставленныхъ въ наслѣдіе междуусобными распрями, онъ видѣлъ передъ собою правленіе Директоріи, произвольное, безъ авторитета, поочередно, то якобинское, то умѣренное, послушное оппозиціоннымъ партіямъ и противоположнымъ импульсамъ, не располагавшее ни обаятельностью, ни устойчивостью, повсюду обнаруживавшее разрушеніе, и оказывавшееся безсильнымъ возстановить эти развалины. Надо-ли удивляться, если Франція всецѣло отдалась побѣдителю, требуя отъ военной диктатуры того, чего не могли ей дать революціонныя партіи.

Представительная монархія есть правительство наиболѣе способное согласовать власть со свободой и человѣческимъ достоинствомъ. Но она предполагаетъ уваженіе всѣхъ правъ, независимость, подчиненную мудрости и разуму. Она не была призвана къ возрожденію посреди хаоса умовъ, ни къ тому, чтобы сдерживать страсти, не знавшія никакой узды.

Пришелъ Цезаризмъ. Революція подготовила его наступленіе. Далекая отъ того, чтобы развить вкусъ и потребность въ свободѣ, она убила либеральный духъ, въ благородномъ значеніи этого слова, этотъ духъ, который воодушевлялъ отцовъ нашихъ великодушнымъ своимъ пламенемъ въ 1789 году и которому революціонеры скоро нанесли жестокіе удары, уничтоживъ королевскую власть въ тотъ моментъ, когда она освобождалась отъ прошлыхъ злоупотребленій для того, чтобы начать желанную эру реформъ.

Революція похвалялась, что сломила скипетръ въ слабыхъ рукахъ Людовика XVI. Но за то она сдѣлала возможной и необходимой суровую власть высокомѣрнаго солдата, которому, послѣ облаченія его въ императорскую мантію, вручена была такая власть, на какую никогда не осмѣливались претендовать представители абсолютной монархіи.

Глава XIII.

Духовенство.

I. Французская церковь въ 1789 году.—II. Гражданская конституція.—III. Преслѣдованіе.—IV. Мученичество.—V. Ссылка и изгнаніе.

I.

Чтоже представляло собою это духовенство, которое Революція собиралась преслѣдовать и доканать?

Заслуживало-ли оно тѣхъ упрековъ, какими громили его противники? На столько-ли велики были его потери во время политическаго и соціальнаго переворота, отмѣтившаго собой конецъ стараго режима, какъ это принято считать? Вопросы эти приходятъ въ голову всякій разъ, когда рѣчь заходитъ о духовенствѣ прошлаго времени. Отвѣтимъ на нихъ прежде описанія тѣхъ испытаній, какимъ подвергли французскую церковь ея враги и преслѣдователи.

Скажемъ прежде всего, что французское духовенство въ 1789 году состояло изъ 19 архіепископствъ, 121 епископства, 35.266 приходовъ и 5.211 церквей, причисленныхъ къ другимъ приходамъ. Кромѣ того, насчитывали, по меньшей мѣрѣ, 30.000 молитвенныхъ домовъ. Мужскихъ аббатствъ, служившихъ для комменды, было 813. Цифра женскихъ, учрежденныхъ на тѣхъ же основаніяхъ, доходила до 270. Пріорствъ было 12.400, каноничествъ—2.800, Мальтійскихъ командоровъ—256. Бенефиціи, не считая подушныхъ повинностей, составляли сумму въ 22.291 [1]).

Доходы большинства епископствъ равнялись обыкновенно 20.000—40.000 ливровъ. Богатѣйшее епископство Страсбургское имѣло 300.000 ливровъ годового дохода. Парижское

---

[1]) А. Гранье де-Кассаньякъ, „Hist. des causes de la Révolution“, I, 231, 245, 286.

архіепископство давало своему настоятелю 200.000 ливровъ годового дохода. Камбрэ приносило 150.000 ливровъ, Руанъ и Тулуза — 100.000; Реймсъ 80.000 ливровъ. Остальныя епископства располагали 60.000 и 50.000 ливрами годового дохода.

Богатѣйшими изъ аббатствъ были слѣдующія: Saint-Germain des Près (150.000 ливровъ годового дохода); Saint-Etienne et Anchin (70.000 ливровъ); Corbie et le Bec (60.000 ливровъ). Половина аббатствъ давала менѣе 6.000 ливровъ [1]).

Членовъ бѣлаго духовенства, считая въ томъ числѣ прелатовъ, каноннковъ и церковнослужителей безъ бенефицій, насчитывали около 70.000 человѣкъ. Монаховъ различныхъ орденовъ считалось 23.000 и 5.394 монахини [2]).

Богатство духовенства подало поводъ къ различнымъ математическимъ разсчетамъ. Талейранъ оцѣниваетъ доходъ съ церковныхъ десятинъ въ 80.000.000, а доходъ съ имуществъ въ 70 милліоновъ. Малуэ приписываетъ церкви 160 милліоновъ годового дохода. Неккеръ устанавливаетъ цифру ея доходовъ отъ 110 до 120 милліоновъ. Капиталъ, который стоили ея имѣнія, будто бы равнялся 3 милліардамъ,—по словамъ однихъ [3]); годовой-же доходъ составлялъ 182 милліона слишкомъ [4]), по словамъ другихъ [5]). Тэнъ признаетъ цифру въ 4 милліарда для капитала и отъ 80—100 милліоновъ для годового дохода, куда причисляются и 123 милліона десятиннаго дохода. Отсюда слѣдуетъ, что общій церковный доходъ составляетъ 200 милліоновъ [6]).

Но какую-бы цифру ни принимать за истинную, одинъ фактъ остается неоспоримымъ — это богатство духовенства. Правда, оно несло на себѣ въ большинствѣ повинности по общественному просвѣщенію, на его же обязанности лежало содержаніе и сооруженіе всѣхъ церковныхъ зданій. Но за то оно освобождено было отъ всякихъ налоговъ, на основаніи *добровольнаго дара*, выплачивавшагося королю каждыя пять лѣтъ и представлявшаго сумму въ 18 милліоновъ, т. е. нѣсколько болѣе 3 милліоновъ ежегодно, откуда слѣдуетъ исклю-

---

1) Людовикъ Сціу, „Histoire de la constitution civile du clergé“, I, 34.
2) Тэнъ, „L'ancien régime“, Примѣчанія; примѣч. I.
3) Л. Сціу, I, 108, 113.
4) „Etudes économiques et statistiques sur le morcellement“, М. де-Фольвилля, Парижъ, 1886 г.—На земли изъ этой цифры приходится милліардъ, на дома милліардъ и на лѣса—третій милліардъ.
5) Метра, „Correspondance secrète, politique et littéraire“, III, 335.
6) „L'ancien régime“, стр. 18.

чить ежегодную сумму въ 2.500.000 франковъ, получавшуюся духовенствомъ изъ Государственнаго Казначейства. Такимъ образомъ существовала очевидная несоразмѣрность между богатствами духовенства и его долей участія въ налогахъ, тяготѣвшихъ надъ другими классами. Приходится сожалѣть объ отказѣ, которымъ духовенство постоянно встрѣчало попытки, какія дѣлались съ цѣлью получить отъ него подать болѣе соразмѣрную съ его богатствомъ, въ то время когда дурное положеніе финансовъ озабочивало королевскую власть и общественное мнѣніе. Противники церкви, а такихъ было не мало въ тотъ вѣкъ безбожія, послѣ того еще съ большей яростью стали упрекать церковь въ ея богатствахъ, жалуясь на ихъ безполезность.

Бенефиціи, аббатства, жалованныя коммендою, служили семейнымъ интересамъ. Они являлись источникомъ милостей, временныхъ преимуществъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и реальнымъ зломъ съ точки зрѣнія религіозной. Они отклоняли богатства церкви отъ истиннаго ихъ назначенія, предоставляя ихъ прелатамъ, аббатамъ, расходовавшимъ монастырскіе доходы на собственныя нужды, внѣ этихъ монастырей, гдѣ сами даже и не жили.

„Начало существованія духовныхъ коммендъ относится, повидимому, къ XIV вѣку“, — говоритъ Людовикъ Сціу въ своей замѣчательной „*Histoire de la Constitution civile du clergé*“, цитировать которую намъ придется довольно часто.

„Первоначально лицо, пользовавшееся коммендою, завѣдывало лишь администраціей аббатства, въ промежутокъ между кончиной аббата и вступленіемъ въ должность его преемника, причемъ администрація эта обыкновенно назначалась на шесть мѣсяцевъ. Но коммендаторы вскорѣ устроились такъ, чтобы на всю жизнь сохранять за собою пользованіе плодами бенефиціи. Въ XVIII столѣтіи они пользовались тѣми-же почестями, какъ и штатные аббаты, всѣми прерогативами, какими располагало аббатство, въ родѣ права суда, права назначенія на нѣкоторыя мѣста, и шли непосредственно вслѣдъ за епископами. Монахи не были имъ подвѣдомственны, будучи подчинены монастырскому пріору, и потому монастырь подвергался полному разграбленію въ ихъ пользу. Въ оправданіе комменды, прежде говорилось, что она была учреждена съ цѣлью обязать монаховъ дѣлиться своими богатствами съ бѣлымъ духовенствомъ. Но вмѣсто того, чтобы помочь послѣд-

нему, коммента больше всего служила для обогащенія людей, совершенно чуждыхъ духовному званію. Коммендаторъ долженъ былъ дѣлить доходъ на три доли: одну бралъ себѣ, другую отдѣлялъ для духовенства и третью—на расходы и ремонтъ. Но обыкновенно третью долю онъ присвоивалъ себѣ-же, беря на себя ремонтъ, который дѣлалъ по своему произволу или-же совсѣмъ забывалъ о немъ.

„Такимъ образомъ, всѣ приходы общины вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что составляло внѣшній ея блескъ, конфисковались въ пользу чуждаго духовнаго лица. Прежніе вклады, сдѣланные въ пользу какого-нибудь религіознаго ордена, не приносили уже ему дохода. Они обогащали цѣлую свиту аббатовъ-коммендаторовъ, пользовавшихся богатствами ордена, не принимая ни малѣйшаго участія въ его обязанностяхъ. Подчиненныя подобному режиму, аббатства, самою силою вещей, должны были быстро придти въ упадокъ.

„Монастырскій пріоръ, настоящій настоятель монастыря, поставленъ былъ въ положеніе оскорбительной подчиненности. Аббатъ-коммендаторъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть иной заботы, какъ только бы возможно побольше вытянуть дохода съ подвѣдомственнаго ему аббатства, процвѣтаніе котораго, какъ духовной обители, мало его занимало. Напротивъ того, чѣмъ меньше было тамъ монаховъ, тѣмъ покойнѣе онъ былъ за свою эксплоатацію, ибо коммента въ данномъ видѣ и не заслуживала иного названія“ [1]).

Послѣдствія подобной системы, столь неблагопріятныя для блага церкви, вскорѣ дали себя чувствовать. Зло было очевидно для всѣхъ. Аббатства, предназначенныя служить кровомъ значительному числу монаховъ, нерѣдко состояли изъ двухъ или трехъ монаховъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что стали приписывать монастырямъ ошибки временныхъ ихъ начальниковъ.

Антирелигіозное увлеченіе философовъ XVIII столѣтія старательно избѣгало заниматься разслѣдованіемъ истинныхъ причинъ зла. Въ его интересахъ было дискретировать церковь; они льстили себя надеждой уничтожить всѣ учрежденія цѣликомъ, во имя закравшихся въ нихъ злоупотребленій. Съ другой стороны, доходы съ аббатствъ, обложенныхъ коммендой, представляли драгоцѣнный источникъ для младшихъ членовъ семейства, вмѣстѣ съ тѣмъ являясь для королевской

---

[1]) „Hist. de la Constitution civile du clergé“, I, 42.

власти, распоряжавшейся вѣдомствомъ бенефицій, легкимъ средствомъ для того, чтобы держать дворянство въ своей зависимости.

Съ негодующимъ краснорѣчіемъ громитъ де-Монталамберъ эти столь гибельныя злоупотребленія въ церкви:

„Непосредственное назначеніе самими королями, дарованное Конкордатомъ 1516 года, влечетъ за собою всеобщій безпорядокъ, радикальный и неисправимый. Званіе аббата, принятое и почтенное такой массой святыхъ, докторовъ, папъ, затоптано было въ грязь. Оно не обязывало болѣе ни къ резидентской должности, ни вообще къ какому-либо изъ послушаній религіозной жизни. Званіе это являлось лишь доходной синекурой, которой корона располагала по своему произволу или по произволу своихъ министровъ, причемъ очень часто это дѣлалось на удовлетвореніе самыхъ недостойныхъ страстей или корыстолюбія. Тщетно, однако, соблазнъ, творившійся въ этихъ монастыряхъ, лишенныхъ настоящихъ своихъ настоятелей и эксплоатировавшихся людьми совершенно чуждыми, являвшимися туда лишь для поборовъ съ обителей,— вызывалъ единодушные и частые протесты; тщетно правительства Блуа и Парижа, равно какъ и большинство политическихъ и религіозныхъ обществъ XVI столѣтія, настаивали на возвращеніи прежней дисциплины;—все было напрасно; зло шло все crescendo. Самое понятіе о благочестивомъ и благотворительномъ назначеніи этихъ славныхъ сооруженій вѣры нашихъ отцовъ вскорѣ изгладилось въ представленіи тѣхъ, которые такимъ образомъ обращались съ сокровищами прошлаго, равно какъ и тѣхъ, которые на счетъ ихъ кормились. Эта великолѣпная вотчина вѣры и милосердія, созданная и пріумноженная вѣками, спеціально предназначенная своими учредителями для поддержанія регулярной и общинной жизни и помощи бѣднымъ, оказалась такимъ образомъ превращенной въ казенный сундукъ, зависѣвшій отъ королевскаго казначейства, изъ котораго монаршая рука черпала по произволу, стараясь утолить алчность своихъ куртизановъ или, какъ тогда говорилось, *насытить* и *укротить* ихъ дворянство...

„Древнѣйшія и знаменитѣйшія въ лѣтописяхъ отечества и церкви аббатства служили достояніемъ королевскихъ незаконныхъ дѣтей или же недостойнѣйшихъ ихъ любимцевъ, а подчасъ окупали преступныя слабости какой-нибудь королевской фаритки.

Впослѣдствіи во время междуусобныхъ нашихъ распрей,

послѣ Лиги и Фронды, они сдѣлались предметомъ торга, столь же одобреннаго, сколь и возмутительнаго, и служили добавочными суммами на всѣхъ рынкахъ въ сдѣлкахъ того времени. Наконецъ, когда абсолютная монархія преодолѣла всѣ препятствія, тогда эти огромные и знаменитые дома чаще всего стали обращаться въ добычи министровъ, причастныхъ духовенству только своимъ костюмомъ. Утоливъ самолюбіе Ришелье и алчность Мазарини, они должны были послужить для пріумноженія циничной роскоши аббата Дюбуа и аббата Террая...

„Можно себѣ представить, во что въ большинствѣ изъ этихъ монастырей, лишенныхъ своихъ самыхъ существенныхъ прерогативъ, истиннаго смысла своего бытія, и превращенныхъ въ фермы, эксплоатировавшіяся чужими людьми— обращались пять-шесть монаховъ, предоставленныхъ сами себѣ, уничтоженные подъ тяжестью прошлой своей славы и настоящаго униженія! Нечего было и удивляться прогрессированію безнравственности, умственнаго и духовнаго упадка. Не то-ли же самое пришлось-бы сказать объ отрядѣ караула или солдатъ, забытыхъ своей арміей, оставленныхъ безъ начальника и безъ дисциплины? Они естественно были бы предоставлены и почти обречены на всяческій разгулъ бездѣйствія.

„Жизнь мало по малу отлетала отъ нихъ, не только религіозная жизнь, а прямо жизнь, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Несмотря на привлекательность, какую для неблагородныхъ душъ могло являть собою изнѣженное и роскошное существованіе, освобождавшее отъ какихъ-бы то ни было обязанностей и умерщвленій плоти,—не находилось болѣе монаховъ для заселенія этихъ оскверненныхъ святилищъ. Слѣдуетъ замѣтить, къ чести человѣческой природы, христіанства и религіозной жизни, что распущенные монашескіе ордены всегда остаются безплодными. Люди пренебрегаютъ ими, да и Богъ отказывается отъ нихъ“ [1]).

Сказаннымъ въ приведенныхъ строкахъ объясняется состояніе упадка и разслабленія монашескихъ орденовъ въ концѣ послѣдняго столѣтія. Ордены эти не вызывали негодованія, въ чемъ желали увѣрить всѣ хулители церкви. Они просто утратили свое назидательное значеніе; они незамѣтно впадали въ погрѣшности мірянъ, которые ихъ обвиняли. Они далеко не были вполнѣ свѣтскими, но и церкви принадлежали не всецѣло.

---

[1]) „Les moines d'Occident“, 5-е изд. Введеніе, стр. CXLIX и слѣд.

Гражданская власть, корыстолюбіе, фамильное самолюбіе поддерживали порядокъ вещей, отъ котораго приходилось страдать религіи. Наконецъ, невѣрующіе въ этомъ злѣ видѣли только лишнее основаніе для уничтоженія религіозныхъ орденовъ и санкціонированія грабежа, который могла довершить Революція, не встрѣчая сопротивленія, какое она встрѣтила бы въ другія времена.

Злоупотребленія и распущенность не мѣшали, однако, добродѣтелямъ процвѣтать по прежнему во многихъ монастыряхъ, милостями которыхъ поддерживались неимущіе и откуда исходили лучи науки и свѣта.

„Если взять одни только монашескіе ордены,—сказалъ Тэнъ,—то большая половина изъ нихъ достойна была всякаго уваженія“ [1]).

Санъ французскаго епископа былъ не безупреченъ. Можно было скорбѣть о свѣтскихъ привычкахъ нѣкоторыхъ епископовъ [2]), объ увлеченіи ихъ пребываніемъ въ Парижѣ и Версалѣ, весьма нерѣдко предпочитавшемся ими пребыванію въ своей эпархіи [3]). Тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ судить о прелатахъ того времени, исключительно основываясь на нѣсколькихъ громкихъ именахъ, въ родѣ Рогана, де-Бріенна, де-Жаранта, де-Талейрана. Эти имена почти единственныя, какія указываются, и это доказываетъ, что дурныхъ примѣровъ было немного. Если же и существовали тогда епископы, недостойные своего сана, то они являлись исключеніями и далеки были отъ того, чтобы составлять общее правило. Отнюдь не всѣ епископы стараго режима были таковы. Въ большинствѣ они являлись образцами добродѣтели, ихъ вѣра, въ дни испытаній, устояла противъ изгнанія и самой смерти. Почти всѣ они принадлежали къ аристократіи, и потому не вполнѣ избѣгли традиціонныхъ вкусовъ и придворныхъ вѣяній.

[1]) „La Révolution“, I, 216.

[2]) Де-ла-Туръ дю-Пенъ, епископъ въ Нанси, для потѣхи своей сестры, давалъ балы и концерты. Въ 1781 году его кюре обратились къ нему съ просьбой, на время великаго поста отложить свѣтскія его сборища. („L'épiscopat français à la veille de la Révolution“, аббата Сикара.—„Correspondant“ отъ 25 апрѣля 10 и 25 мая 1889 года).

[3]) Въ одной брошюрѣ 1789 года разсказывается, какъ одинъ епископъ съ окраинъ Франціи ѣхалъ въ Парижъ, гдѣ собирался провести зиму. Пріѣхавъ въ деревню, онъ зашелъ къ кюре, желая исповѣдаться у него передъ отправленіемъ обѣдни.—Охотно, монсиньоръ,—отвѣчалъ ему кюре,—если вы вернетесь въ свой приходъ, къ исполненію обязанностей вашей службы. Епископъ принялъ это наставленіе къ сердцу, вернулся въ свой приходъ, который не покидалъ уже болѣе и заслужилъ себѣ отъ прихожанъ общую любовь и уваженіе. (Аббатъ Сикаръ, цитированный ранѣе).

За то къ епископскому достоинству присоединяли они еще достоинство своихъ манеръ. Прилагая бенефиціи къ значительнымъ доходамъ со своихъ епархій, они пользовались своимъ достаткомъ не только для блеска своего сана, но и употребляли этотъ достатокъ съ щедростью джентльмэновъ и поощряли высшіе общественные интересы.

Де-Сюффренъ де-Сенъ-Тропецъ, епископъ изъ Систерона, приказалъ на его счетъ вырыть каналъ, содѣйствовавшій плодородію въ деревняхъ. Де-Бертейль, епископъ Монтобанскій, проводилъ въ своей епархіи большія дороги. Де-Шуазель-Стенвиллъ, архіепископъ въ Альби, украшалъ свою резиденцію. Де-Сисе и де-Кольберъ Сейньелай, епископы Родезскіе, устраивали земледѣльческіе съѣзды. Де-Барраль, епископъ Кастрскій, въ теченіе двадцати лѣтъ, занимался улучшеніемъ эпархіальнаго своего города, устроивъ въ своей эпархіи дороги, тогда какъ прежде по ней путешествовали не иначе, какъ въ носилкахъ [1]).

Де-Мэстръ, котораго нельзя обвинить въ желаніи польстить галликанской церкви, называлъ французскую епископскую власть „благороднѣйшимъ сословіемъ въ Европѣ“ [2]). Онъ восхвалялъ прямоту и благородство характера, сознательный образъ дѣйствій, тактичность французскаго духовенства“ [3]).

Положеніе кюре въ 1789 году не было уже такимъ отчаяннымъ, какимъ его старались представить.

Кюре, получавшіе извѣстную часть десятины, полагавшейся духовнымъ лицамъ,—а таковыхъ было большинство—съ 1786 г. имѣли 700 ливровъ въ годъ, что на наши деньги составляетъ около 1.500 ливровъ. Тѣ, которые взимали десятую часть дохода съ чужихъ приходовъ, получали всего около трети приведенной суммы. Десятая же часть дохода съ чужого прихода достигала иногда до 2.000 ливровъ. Случайные доходы составляли источникъ только въ городахъ; въ деревняхъ они почти равнялись нулю.

Три четверти десятиннаго дохода шло обыкновенно штатнымъ кюре, главнымъ десятинникамъ, выплачивавшимъ кюре, жалованье которыхъ, называвшееся portion congrue, состояло изъ опредѣленнаго дохода. Такимъ образомъ, со стороны дохода, кюре зависѣли отъ главныхъ десятинниковъ, отъ должностныхъ лицъ въ аббатствѣ и отъ бенефицій,—зависимость не-

---

[1]) „L'épiscopat français à la veille de la Révolution“, аббата Сикара.
[2]) „L'église gallicane“, кн. II, гл. XI.
[3]) Ibid, кн. II гл. XVI.

пріятная, въ томъ случаѣ, если эти господа плохо исполняли свои обязанности. Эта система имѣла то неудобство, что большая часть десятиннаго дохода попадала къ штатнымъ епископамъ, въ капитулы, въ коллегіальныя церкви, въ аббатства и пріорства, въ которыхъ монахи, какъ мы только что видѣли, сами были лишены своихъ доходовъ, отбиравшихся у нихъ аббатами съ правомъ комменды. Роскошь послѣднихъ и епископовъ и создавала именно это поразительное неравенство между высшимъ и низшимъ духовенствомъ, въ смыслѣ матеріальныхъ средствъ. Отсюда вытекали сравненія, порождавшія зависть и недовольство. Отсюда же шло нѣчто въ родѣ сепаративности, аналогичной съ той, какая замѣчалась между дворянствомъ придворнымъ и дворянствомъ провинціальнымъ. Чувства эти ощутительнымъ образомъ сказались въ états généraux. Изъ трехсотъ депутатовъ отъ духовенства насчитывали двѣсти пять кюре, сорокъ четыре епископа или архіепископа, пятьдесятъ два аббата и каноника и семь монаховъ.

Нетрудно было сопоставить богатство и жизнь на широкую ногу иного прелата со скромными условіями жизни какого-нибудь кюре, или, еще того болѣе, викарія, получавшаго съ 1766 года по триста пятьдесятъ ливровъ, такъ какъ жалованье его прежде не превышало двухсотъ пятидесяти ливровъ [1]).

При аббатахъ коммендаторахъ, вполнѣ чуждыхъ своимъ аббатствамъ, состояли сельскіе священники, которые должны были производить впечатлѣніе обдѣленныхъ. И чѣмъ значительнѣе становились церковныя богатства, тѣмъ болѣе всякій имѣлъ право удивляться крайней посредственности, въ какой пребывало извѣстное число ея членовъ.

Съ духовной точки зрѣнія, кюре, сравнительно съ епископами, располагали независимостью, утраченной ими въ настоящее время. Почти всѣ они были несмѣняемы. Епископы не располагали всѣми доходами, назначеніе которыхъ въ большинствѣ случаевъ принадлежало королямъ, сеньорамъ, аббатамъ. Они сохраняли за собою права отказываться отъ каноническаго института. Но они могли это сдѣлать только на основаніи важныхъ мотивовъ, точно указанныхъ въ письменныхъ актахъ, противъ которыхъ была возможность протестовать въ предвидѣнныхъ случаяхъ. Нѣкоторые епископы располагали правомъ назначенія всего ста

[1]) „Les curés avant 1789“, аббата Сикара.—„Correspondant“ отъ 10 и 25 февраля 1890 г.

кюре изъ шестисотъ. Въ вѣдѣніи аббатовъ находилось по сорокъ кюре на одинъ приходъ [1]).

Въ числѣ лицъ, занимавшихъ духовныя мѣста, попадались такія, у которыхъ съ духовенствомъ не было ничего общаго, кромѣ платья. Они носили *petit collet*, и не связанные духовнымъ чиномъ, могли жениться, отказавшись отъ своей бенефиціи.

„Если бы подъ именемъ духовенства,—замѣчаетъ аббатъ Баррюэль,—можно было разумѣть всѣхъ, кто во Франціи носилъ духовное платье, всѣхъ, которыхъ называли аббатами въ Парижѣ и въ другихъ какихъ-нибудь большихъ городахъ, въ такомъ случаѣ историкъ могъ бы сказать: съ самаго начала борьбы среди духовенства были предатели. Но на самомъ дѣлѣ народъ не смѣшивалъ этихъ аббатовъ съ духовенствомъ. Онъ зналъ, что всѣ они были лишь алчными самозванцами. Одни изъ нихъ искали просто церковныхъ бенефицій, не заботясь объ обязанностяхъ; другіе облачались въ сутану изъ экономіи, оскверняя ее распущенностью своихъ нравовъ и своихъ писаній. Многіе изъ этихъ аббатовъ направлены были на духовное поприще самими софистами, добивавшимися бенефицій для своихъ адептовъ, имѣя притомъ въ виду опозорить духовенство ихъ нравами и въ нашу среду внести свои принципы. Они какъ бы насылали чуму на непріятельскій станъ. Не располагая силами, чтобы одолѣть насъ, они отравляли насъ или, по крайней мѣрѣ, старались это сдѣлать“ [2]).

Религія необходимо должна была пострадать отъ злоупотребленій, внесенныхъ свѣтской властью въ человѣческіе интересы. Остается только удивляться, какъ это имъ не удалось окончательно извратить нравственность духовенства.

Въ моментъ опасности католическое единеніе сказалось снова во всей своей неприкосновенности. Несчастіе мгновенно сгладило всѣ разногласія и всякое соперничество. Лишь только церковь оказалась въ опасности, какъ громадное большинство духовенства готово было пострадать и умереть ради нея.

Въ извѣстномъ сочиненіи своемъ Боркъ отдаетъ большую честь прежнему французскому духовенству. Онъ былъ сынъ ревностнаго протестанта, но его заподозрили въ католицизмѣ, хотя и не имѣли возможности доказать это [3]). Даже люди, склонные видѣть въ немъ исключительно рѣшительнаго про-

---

[1]) Люд. Сціу, „Hist. de la constitution civile du clergé“, I, 38.
[2]) „Mémoires pour servir à l'histoire du jacobinisme“, I, 164.
[3]) Поводомъ къ такому мнѣнію послужилъ фактъ, что жена его была католичка.

тивника Революціи, не могли бы отвергнуть важнаго значенія его взглядовъ.

„Случай поѣхать во Францію, — говоритъ онъ, — представился мнѣ какъ разъ почти въ концѣ прошлаго столѣтія. Духовенство, во всѣхъ его видахъ, крайне меня интересовало. Но вмѣсто обилія всевозможныхъ жалобъ и неудовольствій на это сословіе, которыхъ, на основаніи нѣкоторыхъ прочтенныхъ мною сочиненій, я могъ ожидать, мнѣ не пришлось услыхать ни единаго слова негодованія, ни общественнаго, ни частнаго, если, конечно, не считать извѣстнаго класса людей, немногочисленнаго, но весьма дѣятельнаго. Идя далѣе въ своихъ наблюденіяхъ, я нашелъ вообще, что духовенство состоитъ изъ людей ума средняго и благопристойныхъ нравовъ. Я говорю о бѣломъ и черномъ духовенствѣ обоихъ половъ. Мнѣ не посчастливилось поближе познакомиться со многими кюре. Но вообще я получилъ самыя точныя свѣдѣнія на счетъ ихъ нравственныхъ принциповъ и ревности при исполненіи ихъ обязанностей. Я былъ близокъ съ нѣкоторыми представителями изъ высшаго духовенства, и получилъ самыя точныя свѣдѣнія объ остальной категоріи этого класса. Почти всѣ его члены— люди благороднаго происхожденія и имѣютъ много общаго со всѣми людьми ихъ круга. Когда же приходилось замѣчать нѣкоторую разницу, то она была въ ихъ пользу. Образованіе ихъ было болѣе законченнымъ, нежели то, какое получало военное дворянство, такъ что имъ не такъ-то легко было омрачить блескъ своей профессіи какимъ-либо невѣжествомъ или какой-либо, безтактностью при пользованіи своей властью. Сверхъ того, я видѣлъ въ нихъ клерикальный характеръ, благородство и искренность. Имъ свойственны были чувства джентльмэна и людей, дорожащихъ своею честью. Ничего рабскаго, ничего нахальнаго не замѣчалось въ ихъ манерахъ и поведеніи. Я дѣйствительно видѣлъ въ нихъ своего рода высшій классъ, какъ бы избранныхъ людей, въ числѣ которыхъ не удивительно встрѣтить Фенелона. Среди французскаго духовенства мнѣ попадались люди съ огромной эрудиціей и безупречнымъ цѣломудріемъ. Я склоненъ былъ даже полагать, что это преимущество не было исключительнымъ въ столицѣ. Встрѣчи мои въ другихъ мѣстностяхъ этого королевства были совершенно случайны, и потому образчикъ, который я имѣю изъ нихъ привести, можетъ служить благопріятнымъ свидѣтельствомъ въ пользу всего сословія. Я прожилъ нѣсколько дней въ одномъ провинціальномъ городѣ, гдѣ, за отсутствіемъ епископа, проводилъ мои вечера съ тремя

монахами, старшими его викаріями; и эти люди могли сдѣлать честь всякой церкви.

„Всѣ трое были очень образованы. Двое изъ нихъ обладали глубокой эрудиціей, всеобщей, обширной, какъ относительно прошлыхъ вѣковъ, такъ и относительно новѣйшаго времени, какъ по части знаній Востока, такъ и по части наукъ всякихъ западныхъ странъ, и въ особенности по всему, что относилось къ ихъ профессіи... До вашей Революціи у васъ было около ста двадцати епископовъ. Извѣстное число изъ нихъ отличалось высокой ученостью и безграничнымъ милосердіемъ... Я увѣренъ, что въ бытность мою во Франціи число прелатовъ, достойныхъ порицанія, было незначительно. Нѣкоторые изъ нихъ, погрѣшая до извѣстной степени въ своихъ правахъ, выкупали благородными качествами то, чего недоставало строгости ихъ добродѣтели. Они обладали крупными талантами, которые дѣлаютъ людей полезными церкви и государству“ [1]).

Среди злоупотребленій, въ какихъ упрекали духовную организацію стараго режима, существовали истинныя преимущества. Благодаря постоянному соприкосновенію собственныхъ интересовъ духовенства съ гражданскимъ обществомъ, духовенство знало духъ этого общества и понимало его нужды. Соприкасаясь съ своимъ вѣкомъ оно могло подпасть подъ его вліяніе. За то, по крайней мѣрѣ, оно избѣгало неудобства чрезмѣрной отъ него отчужденности.

Cahiers 1789 г. находятся на лицо, готовыя засвидѣтельствовать о политическомъ настроеніи духовенства; они дѣлаютъ честь мудрости его идей.

Мы не старались скрывать слабыхъ и уродливыхъ сторонъ французской церкви въ тотъ моментъ, когда настигла ее Революція. Если изслѣдовать зло безпристрастно, то окажется, что оно зависѣло скорѣе отъ системы, нежели отъ людей. Признавъ чистосердечно тѣ злоупотребленія, въ какихъ его часто упрекали, мы позволимъ себѣ выразить одобреніе и удивленіе этому духовенству за тотъ періодъ, когда, изгнанное и лишенное всего,—изъ рукъ собственныхъ враговъ своихъ оно получило славный вѣнецъ мученичества.

---

[1]) „Réflexions sur la Révolution française“, напечатанныя въ 1790 г.

II.

Епископъ Талейранъ, 11 октября 1789 года, потребовалъ конфискаціи имуществъ духовенства, отъ имени комитета, учрежденнаго 28 августа, съ цѣлью разсмотрѣнія проекта о займѣ. Это предложеніе, столь оскорбительное со стороны служителя церкви, сопровождалось скандаломъ его вѣроотступничества.

2 ноября пятьюстами шестьюдесятью восемью голосами противъ трехсотъ сорока шести, Національное Собраніе объявило имущества духовенства „національными имуществами“ [1]).

Если бы французскую церковь лишили только свѣтской ея власти, то и это лишеніе само по себѣ было бы нарушеніемъ правъ закона и справедливости. Но гражданская конституція, установленная 12 іюля 1790 года, посягнула на независимость духовенства въ значительнѣйшей степени, ниспровергнувъ ея учрежденія и замѣнивъ свѣтской властью власть духовную.

Гражданская конституція уничтожила тридцать восемь епископствъ, опредѣливъ точное число ихъ, въ количествѣ 83, и обозначивъ каждое по имени департаментовъ, гдѣ они были расположены. Она пошла еще далѣе, подчинивъ назначеніе епископовъ свѣтскимъ второстепеннымъ выборщикамъ изъ того же департамента, а выборъ кюре—второстепеннымъ выборщикамъ того же округа. Отъ этихъ выборщиковъ требовалось единственное условіе,—обязанность присутствовать на приходской обѣднѣ, предшествовавшей выбору пастыря. Члены диссидентскихъ культовъ, или невѣрующихъ и атеистовъ могли принимать участіе при выборѣ священниковъ католической религіи. Такимъ образомъ, управленіе церкви, выборы, интересовавшіе совѣсть вѣрующихъ, были ввѣрены свѣтскимъ элементамъ, которые, подъ вліяніемъ революціонныхъ увлеченій, неизбѣжно настраивались враждебно относительно всякой религіозной идеи. Эта конституція, названная гражданской конституціей, налагала руку на религіозную собственность, приравнивая политическое собраніе къ собору, навязывая свѣтскимъ людямъ роль представителей церкви. Въ этотъ самый моментъ, когда французская церковь лишилась своихъ имуществъ и власти, вздумали дать ей другую организацію, совершенно отличную отъ

---

[1]) Тьеръ такъ отзывается объ этой конфискаціи: «имущества духовенства представляли огромный капиталъ, а ассигнаціи дѣлали его всегда пригоднымъ, и потому *было естественно* ему (Національному Собранію) *воспользоваться* этимъ капиталомъ „Hist. de la Révolution française“, изд. 1828 г., I, 256).

ея собственной. Разрушали церковь, пользовавшуюся привилегіями государственной религіи и созидали оффиціальную церковь, навязанную властью, враждебной религіознымъ вѣрованіямъ. Гражданская конституція обязывала къ присягѣ всякое духовное лицо, подъ страхомъ лишенія его содержанія и отставленія отъ должности. Положеніе, созданное для представителей новой церкви, въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствовало о той зависимости, въ какую хотѣли ихъ поставить. Епископамъ воспрещалось обращаться къ папѣ для мvропомазанія ихъ въ ихъ санъ. Епископы и кюре лишались права отлучаться изъ своихъ приходовъ сверхъ срока въ двѣ недѣли, безъ разрѣшенія администраціи департамента или округа. Епископъ не имѣлъ права избирать ни кюре, назначавшихся, подобно ему, по выборамъ, ни викаріевъ, избиравшихся въ приходѣ кюре. За нимъ осталось единственное право избранія своихъ епископскихъ викаріевъ, а также начальниковъ и директоровъ въ его семинарію, составлявшихъ его совѣтъ. Удаленіе ихъ тоже ставилось въ зависимость отъ согласія на то большинства членовъ его совѣта.

Конституціонный епископъ, въ сущности, сохранялъ за собою лишь посохъ и митру, знаки власти, обратившейся въ шутовскую, и въ глазахъ истинно вѣрующихъ имѣвшей характеръ самозванства и пародіи.

Слово терпимость безпрестанно повторялось устно и письменно философами XVIII столѣтія, а между тѣмъ однимъ изъ первыхъ дѣлъ новыхъ законодателей этой эпохи было оскорбительное нарушеніе свободы совѣсти, столь часто отстаивавшейся, какъ неотъемлемое и священное право. Людовикъ XIV отрекся отъ нея, отмѣнивъ эдиктъ славнаго своего предка, и это одинъ изъ наиболѣе тяжкихъ укоровъ, тяготѣющихъ на его памяти. Одно изъ золъ абсолютной монархіи состояло въ случавшихся иногда фактахъ злоупотребленія имѣвшейся у нея властью. Но какая поразительная разница между доктринами, исповѣдывавшимися апостолами терпимости, и тѣмъ гоненіемъ, какое воздвигали они на людей, все преступленіе которыхъ заключалось въ томъ, что они не измѣняли своимъ вѣрованіямъ!

24 августа 1790 года Людовикъ XVI санкціонировалъ гражданскую конституцію духовенства. Съ тяжелымъ чувствомъ изумленія приходится смотрѣть на подпись его подъ этимъ актомъ, который претилъ его совѣсти, и которому уступила его слабость. Онъ льстилъ себя надеждою со стороны папы Пія VI получить въ отвѣтъ такое же вниманіе, какое самъ онъ проявилъ по отношенію къ папѣ. Римскій первосвящен-

никъ сперва уклонился отъ произнесенія публичнаго осужденія, которое увеличило бы опасность положенія. Это промедленіе допущено было имъ во имя благоразумія; безъ малѣйшаго при томъ намека на формальное осужденіе свое ни Людовику XVI, ни епископамъ.

Встрѣтивъ столь неосторожно вызванную имъ оппозицію, Собраніе сдѣлало попытку преодолѣть эту оппозицію двумя декретами, изданными 24 іюля и 27 ноября 1790 года. Первый грозилъ духовнымъ лицамъ, не давшимъ присяги, лишеніемъ ихъ содержанія. Второй объявлялъ уволенными отъ службы, съ прекращеніемъ выдачи отобраннаго отъ нихъ жалованья—тѣхъ епископовъ и кюре, которые въ теченіе недѣли не перестанутъ справлять свои службы. Оба эти декрета 26 сентября были утверждены подписью короля.

Аббатъ Грегуаръ далъ конституціонную присягу съ трибуны на другой день. Изъ 300 депутатовъ духовнаго сословія—65 духовныхъ лицъ; всѣ кюре или же простые священники примкнули къ гражданской конституціи. Изъ нихъ пятьнадцать человѣкъ сдѣлались конституціонными епископами [1]). Отенскій епископъ Талейранъ присягнулъ 28 сентября. Затѣмъ пришелъ чередъ Гобеля, состоявшаго тогда епископомъ въ Лиддѣ, а послѣ того сдѣлавшагося конституціоннымъ епископомъ въ Парижѣ. Сорокъ лицъ духовнаго званія присоединились къ нимъ, такъ что число присягнувшихъ священниковъ, засѣдавшихъ въ Собраніи, приблизительно равнялось сотнѣ, что составляло треть депутатовъ изъ духовнаго сословія.

Наконецъ, 2-го января, съ наступленіемъ срока, обозначеннаго Собраніемъ, состоялось засѣданіе, на которомъ представители духовенства, вынужденные выбирать между вѣроотступничествомъ и гоненіемъ, своей непоколебимой стойкостью показали себя достойными того дѣла, какое они имѣли честь защищать. Маркизъ Феррьеръ [2]) оставилъ описаніе этого достопамятнаго собранія, которое здѣсь же подобаетъ привести:

---

[1]) Сціу, II, 3.

[2]) Родившись въ 1741 году, онъ принадлежалъ къ провинціальному дворянству. Въ качествѣ депутата Учредительнаго Собранія, онъ засѣдалъ на правой сторонѣ, хотя мало былъ расположенъ къ духовенству. Тѣмъ болѣе основанія привести здѣсь его свидѣтельство, которое будетъ менѣе заподозрѣно въ пристрастіи. Человѣкъ искренняго ума, безпристрастный наблюдатель, онъ возставалъ противъ конституціи 1791 года. Политическая роль его окончилась вмѣстѣ съ Учредительнымъ Собраніемъ, члены котораго не пожелали подвергаться возможности новаго избранія въ слѣдующее Законодательное Собраніе,—прискорбная разборчивость, благодаря которой направленіе революціоннаго движенія попало въ руки людей болѣе жестокихъ и менѣе опытныхъ.

„Наступаетъ роковой день. Аббатъ Грегуаръ всходитъ на трибуну. По его словамъ, онъ намѣренъ говорить во имя религіи, патріотизма, мира. Онъ отвергаетъ братскій союзъ и неизмѣнное уваженіе, связывающіе его съ кюре, его собратіями, и настоящими начальниками его — епископами. Онъ повторяетъ, что Собраніе никогда не имѣло въ виду касаться духовной стороны [1]). Продолжительные аплодисменты какъ бы подтверждаютъ увѣренія аббата Грегуара. Онъ продолжаетъ: *Клятва, требуемая Собраніемъ, не должна пугать богобоязненныя души. Собраніе не требуетъ внутренняго согласія...* Такое странное признаніе возбуждаетъ ропотъ епископовъ и дворянъ. *„Можно присягнуть въ повиновеніи извѣстному закону, сохранивъ, однако, собственное свое мнѣніе...“* Но это новое разъясненіе не удовлетворило никого, и Мирабо поспѣшилъ его развить: *„Собраніе не имѣетъ власти надъ совѣстью, оно только объявляетъ о несовмѣстимости такой-то функціи съ такой-то присягой... Отказъ въ принесеніи этой присяги имѣетъ лишь значеніе добровольной отставки“.*

Мирабо осуждалъ одно объявленіе, покрывавшее стѣны Парижа. Въ этомъ объявленіи подстрекался народъ противъ духовныхъ лицъ, которые вздумали бы отказаться отъ присяги. Послѣ того какъ это объявленіе достигло желанной цѣли, революціонеры прикидывались, что проклинаютъ употребленное ими средство. По распоряженію Собранія, эти пасквили были немедленно сняты и уничтожены, но разслѣдованіемъ на счетъ именъ ихъ авторовъ и наказаніемъ послѣднихъ старательно избѣгали заняться.

Барнава, протестуя, замѣтилъ, что срокъ, данный духовнымъ лицамъ, засѣдавшимъ въ Собраніи, уже истекалъ и что необходимо было допросить присутствовавшихъ, чтобы узнать объ ихъ намѣреніяхъ. Мирабо высказалъ увѣренность, что присяга не встрѣтитъ противниковъ, послѣ сдѣланныхъ разъясненій.

— Вы не можете думать, — сказалъ онъ, — чтобы служители мира пожелали надъ своей родиной потрясти факелы раздора. — Можно было бы ему отвѣтить, что эти факелы были возжены авторами гражданской конституціи.

Вначалѣ революціонеры возымѣли надежду, что резуль-

---

[1]) Это утвержденіе, много разъ повторявшееся въ теченіе засѣданія для увлеченія нерѣшительныхъ и одобренія малодушныхъ, не могло обмануть никого, что гражданская конституція, какъ всѣмъ было извѣстно, касалась самой организаціи церкви и самыхъ существенныхъ ея прерогативъ.

татъ допросовъ будетъ въ ихъ пользу. Когда аббатъ Мори появился на трибунѣ, они пытались воспрепятствовать его доступу.

— Бейте, но выслушайте!—вскричалъ аббатъ.

Раздались яростные крики. Епископы и дворяне замѣтили, что Собраніе не было свободнымъ. Д'Эспремениль обвинилъ Мирабо въ передержкѣ при его объясненіяхъ. Смута и ругательства посыпались снова. Революціонеры настаивали, чтобы духовныя лица присягнули. Мирабо попробовалъ вернуться къ вопросу, говоря, что Собраніе своимъ декретомъ имѣло въ виду только обезпечить выполненіе законовъ, но что оно признавало свободу мнѣній и совѣсти, которая не могла быть отнята ни отъ кого рѣшительно. Это новое разъясненіе осталось безуспѣшнымъ. Въ пылу разнузданныхъ страстей стали настаивать на поименной перекличкѣ. Когда же она началась, то со стороны послышались крики:

— Вздернуть на фонарь тѣхъ, кто откажется!

Казалесъ потребовалъ, чтобы заставили замолчать угрожавшихъ. Нѣсколько епископовъ объявили о невозможности совѣщаться, и Мюринэ настаивалъ, чтобы президентъ закрылъ засѣданіе. Вдругъ революціонеры успокоились, и шумъ уже причинялся ихъ противниками.

— Поименная перекличка продолжается,—говоритъ Ферьеръ. Епископъ изъ Ажана [1]) отвѣчаетъ съ скромной кротостью:

„— *Я огорченъ, господа, что не могу исполнить того, что требуете отъ меня. Я нисколько не сожалѣю о моемъ богатствѣ. Я пожалѣлъ бы объ утратѣ вашего уваженія, которое желаю заслужить.*

„Шумныя рукоплесканія членовъ правой стороны увѣнчиваютъ отвѣтъ епископа изъ Ажана... Призвали аббата Фурнье, кюре изъ Ажана:

„— *Считаю за честь,* — возразилъ онъ,—*присоединиться къ мнѣнію моего епископа. Послѣдую за нимъ повсюду и даже на самую казнь, подобно тому, какъ діаконъ Лаврентій послѣдовалъ за папой Сикстомъ.*

„Съ правой стороны раздаются новыя рукоплесканія, новыя браво. Аббатъ Леклеркъ, кюре де ла Комбъ, изъ Алансонскаго округа, выступилъ третьимъ и сказалъ:

---

[1]) Жанъ Луи д'Юссонъ де Боннакъ, родился въ 1734 г., рукоположенъ въ епископы въ 1768 году.

„— *Объявляю, что, какъ чадо католической и римской церкви, я ни за что не принесу требуемой присяги.*

„Наконецъ, сознавши, что въ этой торжественной борьбѣ, противъ нихъ возстаютъ самая честь, религія, скромность— революціонеры стали требовать, чтобы каждое духовное лицо ограничилось словами: *клянусь* или *отказываюсь.*

— *Это тиранія!* — возразилъ Фуко:—*римскіе императоры предоставляли мученикамъ свободу произносить имя Божіе и исповѣдывать славное свидѣтельство своей вѣрности религіи.*

„Нѣкоторые предлагаютъ коллективный призывъ и составленіе списка присягнувшихъ. Революціонеры поддерживаютъ это предложеніе; епископы и дворяне оспариваютъ его. Оно принимается большинствомъ голосовъ. Одинъ кюре присягаетъ, на основаніи мнѣнія собранія, объявившаго, что оно не намѣрено было посягать на духовную сторону. Президентъ увѣряетъ, что собраніе не переставало подтверждать это во всѣхъ случаяхъ. „*И такъ!*—возразилъ Казалесъ,—*пускай же собраніе объявитъ его въ положительной формѣ и пускай приметъ присягу, предложенную клермонтскимъ епископомъ*“ [1]). Мирабо поддерживаетъ, что собраніе, дѣйствительно, нисколько не касалось духовной стороны. Умы, повидимому, готовы были настроиться къ примиренію. Де-Бопуаль [2]), епископъ изъ Пуатье, встаетъ и направляется къ трибунѣ. Наступило гробовое молчаніе. Революціонеры воображаютъ, что де-Бопуаль дастъ присягу и не сомнѣваются болѣе, что этотъ примѣръ, поданный однимъ изъ старѣйшихъ епископовъ Франціи, увлечетъ за собою значительное число кюре.

„*Господа,*—говоритъ епископъ изъ Пуатье,—*мнѣ семьдесятъ лѣтъ; изъ нихъ тридцать пять я провелъ въ епископствѣ, стараясь тамъ сотворить то доброе, что было въ моихъ силахъ. Удрученный годами, недугами, я не желаю позорить мою старость. И такъ, я не даю присяги: я съумѣю терпѣливо перенести свою участь*“.

„Революціонеры не скрываютъ своей ярости. Крики, бѣшенство возобновились. Постановляется, что духовныя лица, готовыя присягнуть, будутъ записываться въ бюро. Записывается всего нѣсколько кюре. Президентъ распускаетъ Собраніе.

„Епископы украсились настоящимъ вѣнцомъ славы въ этотъ

---

[1]) Онъ предложилъ ловкую формулу, обезпечивавшую духовную сторону
[2]) Изъ Saint-Aulaire.

достопамятный день. Революціонеры стали раскаяваться въ этой насильственной, неполитичной мѣрѣ, безполезной даже для утвержденія гражданской конституціи духовенства. Но желчная ненависть янсениста Камюса противъ епископства, жажда мести, быть можетъ, законной, со стороны протестантовъ, гораздо меньше позволяли тѣмъ и другимъ думать о реальномъ благѣ вещей, чѣмъ объ удовольствіи умерщвлять плоть, которая въ послѣднее столѣтіе столько злоупотребляла своей безпредѣльной властью" [1]).

Изъ ста тридцати четырехъ епископовъ и архіепископовъ нашлось всего четыре, которые примкнули къ гражданской конституціи духовенства. Талейранъ, епископъ Отенскій; Ломени де-Бріеннъ, кардиналъ архіепископъ Санскій; Жарантъ, епископъ Орлеанскій, и Савинъ, епископъ изъ Вивье. Такимъ образомъ французское епископство проявило почти единодушный протестъ противъ тѣхъ, которые хотѣли опозорить его, чтобы поработить Церковь и тѣмъ легче сокрушить ее впослѣдствіи.

Подчиненіе епископовъ обезпечило бы за ними покойное пользованіе временными преимуществами. Но осужденное ихъ религіозной вѣрой, это подчиненіе вызвало бы презрѣніе къ нимъ со стороны самихъ враговъ ихъ, тогда какъ тутъ пришлось преклониться предъ ихъ упорствомъ и вѣрностью тѣмъ алтарямъ, которымъ они присягали.

Громадное большинство, *двѣ трети, по крайней мѣрѣ* [2]), отвергли присягу, какую требовала отъ нихъ партія гонителей. Въ Парижѣ, изъ пятидесяти двухъ кюре — двадцать девять отказались, а двадцать три уступили. Аббатъ Пупаръ, кюре церкви Saint-Eustache, духовникъ короля и королевы, имѣлъ слабость присягнуть, и его примѣръ увлекъ за собой тридцать шесть священниковъ. Всѣ члены духовенства изъ Saint-Etienne du Mont покорились, за исключеніемъ одного.

Кюре церкви Sainte-Marguerite, восьмидесятилѣтній пастырь, выразилъ свой отказъ отъ присяги въ прекрасныхъ и трогательныхъ словахъ: „Чего меня могутъ лишить?—говорилъ онъ своимъ прихожанамъ. — Моего прихода? Въ такомъ случаѣ лишеніе будетъ относиться къ вамъ, а не ко мнѣ, ибо все, чѣмъ владѣю я, принадлежитъ вамъ. Жизни? Мнѣ восемьде-

---

[1]) «Mémoires», кн. VIII («Bibliothèques des Mémoires relatifs à l'hist. de France pendant le dix-huitième siècle», де-Лескюра, т. XXXV).

[2]) Л. Сціу, II, 22.—Тэнъ, «La Révolution», I, 238.

сятъ два года, и остатокъ моихъ дней не стоитъ того, чтобы я пожертвовалъ моими принципами“ [1]).

Изъ пятидесяти четырехъ священниковъ Ораторіи всего пятеро присягнули. Безансонская епархія насчитывала триста тридцать конституціонныхъ священниковъ на тысячу четыреста пастырей. Восемьдесятъ человѣкъ отреклись отъ вынужденной присяги. Въ la Lozère изъ двухсотъ пятидесяти—десятеро дали присягу [2]). Въ Кольмарскомъ округѣ насчитывали девяносто три кюре или викаріевъ, отказавшихся отъ присяги, и тридцать присягнувшихъ, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи произнесли отреченіе. Въ другихъ округахъ Верхняго Рейна повторялась та же пропорція. Аббатъ де-Ферретъ, каноникъ Гвебвиллерскаго капитула, присягнулъ и отрекся отъ данной присяги, вернувъ двѣ тысячи двѣсти семьдесятъ ливровъ изъ своего жалованья, которое онъ получалъ какъ конституціонный священникъ [3]).

Число присягнувшихъ священниковъ было бы ограниченнѣе, если бы не угрозы и насилія со стороны революціонной партіи,—средства, имѣвшія успѣхъ для людей робкихъ и недалекихъ.

9-го января 1791 года присяга отбиралась во всѣхъ приходахъ Парижа.

Де-Пансемонъ, кюре церкви Saint-Sulpice, вошелъ на каѳедру, съ цѣлью отказаться отъ присяги и едва не погибъ жертвой изступленныхъ людей, произведшихъ въ его церкви страшные безпорядки. Его вынесли въ ризницу безъ сознанія и почти задушеннымъ. Весь его причтъ послѣдовалъ его примѣру и рѣшительно отказался отъ присяги.

Парижскій мэръ Байльи, вмѣстѣ съ прокуроромъ Коммуны и муниципальными чиновниками, явился въ Шаронскую церковь, гдѣ аббатъ де-Гранте совершалъ обѣдню. Алтарь немедленно былъ окруженъ саблями и штыками. Прокуроръ вошелъ

---

[1]) Гонкуръ, „La société française pendant la Révolution“, стр. 142.

[2]) Тэнъ, 238.—Въ своей «Histoire de la Révolution», II, 32, Тьеръ характеризуетъ духовныхъ лицъ, отказавшихся дать присягу, «упрямыми священниками», «возбуждавшими смуту и междуусобія». Обсуждая изгнаніе и тюремное заключеніе, на которыя Учредительное Собраніе обрекало священниковъ, отказавшихся отъ присяги, онъ говоритъ: «Эта мѣра, равно какъ и та, которая была принята противъ эмигрантовъ, граничила съ желаніемъ, которое овладѣваетъ правительствами, находящимися въ опасности, и которое заставляетъ ихъ окружать себя чрезвычайными *предосторожностями*». (II, 29).

[3]) Веронъ-Ревилль, «Histoire de la Révolution française dans le département du Haut-Rhin», стр. 55 и 68.

на него, желая заставить священнослужителя примкнуть къ гражданской конституціи. „Monsieur, — отвѣчалъ пастырь,— эта присяга противна моей совѣсти. Рѣшившись не нарушать законовъ послѣдней, я, конечно, не изберу для ея оскверненія моментъ, когда приношу безкровную жертву Предвѣчному,—вашему и моему Судьѣ.

— Monsieur,—возразилъ прокуроръ,—запрещаю вамъ продолжать обѣдню.

Тогда, обратившись къ Байльи, пастырь сказалъ ему: „Прошу васъ, monsieur, прекратить это насиліе. Обѣдня идетъ, и моя обязанность окончить ее". Байльи удалился, сопровождаемый негодованіемъ толпы, и прерванная служба была окончена послѣ его отъѣзда [1]).

Кюре изъ Sept-Saux, въ Шампани, объявилъ съ каѳедры мотивы своего отказа, какъ вдругъ ружейный выстрѣлъ одного изъ присутствующихъ уложилъ его на мѣстѣ. Въ Фертанахъ, въ Дубсѣ, кюре подвергся подобному же покушенію, при тѣхъ же обстоятельствахъ. Но человѣкъ, покушавшійся на его жизнь, выстрѣлилъ, но не попалъ въ него. Въ день, назначенный для присяги, въ церквахъ были поставлены вооруженные люди, остервенѣлые, имѣвшіе цѣлью запугивать ослушное духовенство и производить надъ нимъ крайнія насилія. Этими пріемами и объясняются случаи слабости въ рядахъ духовенства.

Гражданская конституція была торжественно осуждена посланіемъ папы Пія VI 10 марта 1791 года, адресованнымъ кардиналу де ла-Рошфуко. Сперва римскій первосвященникъ воздерживался отъ выраженія своего мнѣнія, опасаясь пріумножить опасности даннаго положенія вещей. Но французское духовенство и не дожидалось папскаго осужденія, чтобы отказаться отъ согласія на гражданскую конституцію.

Папское посланіе и зло, причиненное расколомъ, послѣдствія котораго съ каждымъ днемъ становились все очевиднѣе, повлекли за собой многочисленныя отреченія. Въ апрѣлѣ 1791 года въ одномъ Вервенскомъ округѣ произнесли отреченіе сорокъ два кюре. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя то же самое продѣлали еще четырнадцать человѣкъ. Въ Суассонскомъ округѣ въ одинъ день состоялось тринадцать отреченій, за которыми вскорѣ послѣдовали еще двѣнадцать другихъ [2]).

Несчастный Людовикъ XVI, санкціонировавшій эту граж-

---

[1]) Баррюэль, „Hist. du clergé pendant la Révolution française", 2 изд., 1794, стр. 45.
[2]) Сціу, II, 104.

данскую конституцію, долженъ былъ, по настоянію епископа Клермонскаго, къ которому онъ обратился за совѣтомъ, воздержаться и не справлять Свѣтлаго праздника въ апрѣлѣ 1791 года. Онъ далъ новое доказательство своей слабохарактерности, явившись вмѣстѣ съ королевой къ конституціонной обѣднѣ въ день Св. Пасхи, въ ц. Saint-Germain-l'Auxerrois.

Но гражданская конституція была отвергнута не однимъ духовенствомъ. Вѣрные прихожане толпами слѣдовали за своими пастырями. Оппозиція выразилась особенно рѣзко въ Мэнѣ, Анжу и Бретани. Она проявилась въ Нормандіи, Бордо, Ліонѣ, въ Тарнѣ, Жерсѣ, Фландріи и Артуа. Менѣе препятствій встрѣтилъ расколъ въ центральныхъ и восточныхъ земляхъ [1]).

Въ то время можно было констатировать силу религіознаго чувства въ народѣ. Упорство шло не со стороны аристократіи, лишенной всякой власти и гонимой въ свою очередь. Кромѣ того, извѣстно, что аристократія не отличалась особенной вѣрой въ ту эпоху. Буржуазія точно также подпала вліянію скептической философіи XVIII вѣка. Такимъ образомъ революціоннымъ преслѣдованіямъ приходилось считаться съ народной вѣрой. Эту-то вѣру задумали они сломить. Но въ концѣ концовъ она восторжествовала, когда послѣ такой массы бѣдствій, поруганій, преступленій, почувствовали необходимость снова раскрыть церкви и воздвигнуть поверженные алтари.

Революціонеры не щадили ни угрозъ, ни оскорбленій для водворенія новаго культа. Съ апрѣля 1791 года женщины, посѣщавшія католическую обѣдню, подвергались розгамъ, монахини точно также. Розги висѣли привязанными у монастырскихъ воротъ. Въ Rennes, въ Бордо, были захвачены нѣкоторые женскіе монастыри. Монахини изъ монастыря Saint-Vincent de Paul подвергались въ Парижѣ самымъ грубымъ оскорбленіямъ; трое изъ нихъ при этомъ умерли. Эти посягательства возобновлялись и оставались безнаказанными.

Въ Нимѣ, Монпелье, Марсели ослушныхъ священниковъ и міринъ, пребывшихъ вѣрными своей религіи, били плетьми. Доходили до того, что имъ обрѣзывали уши и волосы. Иногда, въ насмѣшку, ихъ возили по улицамъ на ослахъ или на козлахъ, подвергая оскорбленіямъ со стороны черни. Вооруженные люди являлись съ угрозами къ упорствовавшимъ и силою

[1]) Sciу, II. 27.

заставляли ихъ идти къ конституціонной обѣднѣ. Католическія похороны вызывали нападенія со стороны революціонеровъ. Во время борьбы гроба ломались и мертвецовъ выхватывали оттуда [1]).

Протестъ населеній выразился при выборахъ конституціонныхъ священниковъ многочисленными отказами отъ подачи голосовъ. Въ Бордо на девятьсотъ избирателей явилось четыреста пятьдесятъ, въ другомъ мѣстѣ — треть или четверть избирателей. Иногда не оказывалось кандидата или же избранные отказывались принять ихъ назначеніе [2]).

Бывали факты, что отъ шестидесяти до восьмидесяти избирателей избирали кюре для тридцати—сорока приходовъ. Въ Танаргскомъ округѣ (Ардешъ) двадцать избирателей произвели выборы двадцати восьми кюре. Нѣкоего Кордельерца избрали десятью голосами; другихъ кюре—десятью голосами изъ четырнадцати, тринадцатью — изъ семнадцати, двѣнадцатью— изъ пятнадцати [2]).

Въ 1791 году одинъ прокуроръ синдикъ запросилъ письменно значительное количество муниципалитетовъ на счетъ именъ кандидатовъ, пригодныхъ для того, чтобы предложить собраніямъ, на которыхъ возложено избраніе конституціонныхъ кюре. Муниципалитетъ Oeuf, въ Артуа, далъ ему слѣдующій отвѣтъ:

„Monsieur, имѣемъ честь отвѣтить вамъ на ваше письмо, по поводу перемѣщеній, которыя вы проектируете произвести относительно кюре, отказавшихся отъ присяги. Среди окрестнаго духовенства мы не знаемъ такихъ, которые согласились бы этимъ путемъ получить приходы. Отвращеніе къ подчиненію новому режиму, къ отреченію отъ католической религіи, ради національной, сдѣлалось слишкомъ всеобщимъ: народъ начинаетъ возвращаться къ своимъ заблужденіямъ и не желаетъ болѣе имѣть дѣло съ присягнувшимъ духовенствомъ. Уваженіе, какое они питаютъ къ прежнимъ своимъ пастырямъ, создаетъ прозелитовъ ежедневно, и мы могли бы привести много примѣровъ, заслуживающихъ подражанія. Между прочимъ, умеръ одинъ отецъ семейства. Семья его въ слезахъ проводила покойника до дверей церкви, гдѣ его ожидалъ конституціонный кюре. Едва замѣтивъ его, родственники съ страшными стена-

[1]) Сціу, II, 54 и passim.
[2]) Тэнъ, I. 238.
[3]) Сціу, II, 340.

ніями бросились бѣжать, словно какой-то демонъ завладѣлъ останками бѣднаго ихъ родителя.

„Намъ не приходится давать совѣты тѣмъ, отъ кого сами мы должны получать таковые. Но, въ виду свободы религіозныхъ мнѣній, позвольте вамъ доложить о нихъ. Самое лучшее, если бы вы предоставили мирно отправлять богослуженіе вполнѣ приспособленнымъ къ этому лицамъ и которыхъ нельзя упрекнуть въ томъ, что они какіе-нибудь самозванцы, воры, раскольники, еретики, корыстолюбцы, нѣкое подобіе пастырей, орудія смерти, разворенія, хищные волки, и наконецъ, душегубцы.

„Кромѣ того, берегите народный грошъ. Увы! у народа много долговъ и мало источниковъ для уплаты этихъ долговъ. Новые кюре составили бы для нихъ лишнее бремя, такъ какъ имъ пришлось бы платить вдвое больше. Таковы чувства, messieurs, какія намъ продиктовала любовь къ нашей религіи и къ нашей родинѣ. Желательно было бы, чтобы они нашли отголосокъ во всѣхъ сердцахъ. Тогда бы и само это владычество освободилось отъ покрывающаго его траура, ибо новая религія заставила бо̀льшее количество гражданъ покинуть королевство, нежели Нантскій эдиктъ [1]).

Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладали противоположные взгляды, враждебныя манифестаціи мѣшали кюре при отправленіи ихъ священнослуженія. Въ Nielles-les-Ardres отказавшійся отъ присяги кюре хотѣлъ говорить проповѣдь стоя у алтаря, такъ какъ каѳедра была снесена и уничтожена мѣстными жителями, съ согласія мэра. Одинъ національный гардистъ прервалъ его, приказавъ ему прочесть *Символъ Вѣры*. Но кюре продолжалъ говорить, и національные гардисты покрыли звукъ его голоса прикладомъ своихъ ружей. Послѣ безполезныхъ протестовъ, замѣтивъ, что мэръ, присутствовавшій за обѣдней, одобрялъ эти нарушенія его проповѣди, кюре рѣшилъ прибѣгнуть къ совѣту присутствующихъ. Трое или четверо изъ нихъ посовѣтовали ему не говорить проповѣди, и онъ закончилъ обѣдню [2]).

„Въ Фревантѣ мэръ, по имени Детефъ, обнародовалъ гражданскую конституцію духовенства и доложилъ правителямъ, какъ онъ это устроилъ:

„Въ качествѣ мэра, я прочелъ и *обнародовалъ* (je *promulga*)

---

[1]) „Le clergé du diocèse d'Arras, Boulogne et Saint-Omer pendant la Révolution", аббата А. Дерамекура, II, 218.

[2]) Ibid., II, 219.

гражданскую конституцію духовенства въ бывшей церкви Saint-Vast. Кюре отказался прочесть ее. Чувствуя, что противъ этого обнародованія поднимутся протесты и что жизнь моя находится въ опасности, я тѣмъ не менѣе остался непоколебимъ и взялъ отрядъ кирасиръ, находившихся на постоѣ въ Февантѣ. По окончаніи обѣдни я возвѣстилъ (*j'annonça*) о чтеніи закона. Немедленно появились люди Роллепо, вооруженные палками, которые хотѣли помѣшать этому обнародованію. Я приказалъ (*demanda*) замолчать, но голоса моего не было слышно. Отряду пришлось обнажить сабли, чтобы защитить меня отъ ударовъ, грозившихъ мнѣ со стороны людей злонамѣренныхъ. Во избѣжаніе возмущенія, готоваго вспыхнуть, я кинулся (*je me jéta*) въ толпу, и мнѣ удалось успокоить безумцевъ, хотя это было достигнуто цѣною ненависти и оскорбленій [1]).

Присягнувшіе кюре служили иногда въ пустыхъ церквахъ, безъ вѣрующихъ. Одинъ изъ нихъ оказался совсѣмъ solo во время процессіи des Rogations [2]).

Католики изъ Saint-Pol отправили въ Законодательное Собраніе, 18-го ноября 1791 года, протестъ, гдѣ говорилось:

„Христіанство водворилось не огнемъ и мечемъ. Чего же можно ожидать, проливая кровь неповинную? Развѣ не было мучениковъ, презиравшихъ мученія и кидавшихся на встрѣчу смерти? Предупредите междуусобную войну, теперь есть еще время... И не только разрѣшите намъ свободное служеніе нашей религіи, но и уничтожьте безтактную присягу, которую потребовали отъ нашихъ церковно-служителей. Верните намъ наши храмы, верните законныхъ пастырей ихъ паствѣ. Ахъ, messieurs, для чего эти присяги? Преступность нарушаетъ ихъ, добродѣтель оскорбляется ими. Священники новой церкви чувствуютъ себя чужестранцами въ нашей средѣ. Мы глухи къ ихъ голосу. Когда они призываютъ насъ, мы бѣжимъ отъ нихъ. Изъ трехъ тысячъ пятисотъ душъ, составляющихъ населеніе нашего города, не болѣе двухсотъ держатся иного мнѣнія. Неужто вы допустите стенанія такого громаднаго большинства, подъ гнетомъ оппозиціи изъ нѣсколькихъ лицъ, большинства, которое, до настоящаго момента, выставляло противъ своихъ гонителей лишь терпѣніе и кротость?“ [3]).

---

[1]) „Le clergé du diocèse d'Arras, Boulogne et Saint-Omer pendant la Révolution“, аббата А. Дерамекура, II, 218.
[2]) Ibid., II, 307.
[3]) Ibid., II, 285.

Епископство стояло на-сторожѣ, въ ожиданіи, что ему придется уступить тираніи и насилію. Епископы держали себя съ замѣчательнымъ мужествомъ и достоинствомъ. Среди многихъ другихъ можно указать де-Бурдейля, занимавшаго епископскій санъ въ Суассонѣ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ. Старый и больной отправился онъ въ соборъ, въ ноябрѣ 1790 года, и съ высоты каѳедры отказался отъ присяги. Онъ обратился къ своимъ священникамъ съ пастырскимъ наставленіемъ, въ сильныхъ выраженіяхъ, резюмировавшимъ чувства всего епископства:

„Судья,—говорилъ онъ,—потребовалъ, чтобы я пришелъ въ святой храмъ. Онъ ожидалъ меня тамъ, чтобы дать мнѣ новую церковь, новую паству, новую миссію, новое духовенство, чтобы изъ собственныхъ его рукъ, изъ рукъ міряпина, я принялъ законъ, исходящій исключительно изъ его политической власти, законъ, обнародованный противъ желанія всей французской Церкви, законъ, предназначенный, тѣмъ не менѣе, служить кодексомъ для духовнаго правительства Франціи, законъ, подчиняющій гражданской магистратурѣ первосвященниковъ Іисуса Христа! И этотъ-то законъ предлагается епископу! Отъ епископа требуютъ подтвержденія его согласія въ непреложной присягѣ, произнесенной передъ лицомъ святыхъ алтарей, въ присутствіи народа и духовенства!

„Они слышали, какъ передъ лицомъ святыхъ алтарей уста мои произносили совсѣмъ иную клятву! Распростершись у подножія этихъ же самыхъ алтарей, я клялся въ вѣрности Церкви и повиновеніи видимой ея главѣ. Съ высоты небесъ клятву мою принялъ незримый ея глава — Іисусъ Христосъ; святые патроны прихода охраняютъ ее. Клятва эта вспомнится вамъ и мнѣ, братія моя, въ день страшнаго суда. Пускай же судья, прежде чѣмъ предложить мнѣ новый постъ, разобьетъ мое вѣроисповѣданіе! Пусть онъ сотретъ изъ небесной книги первую мою клятву! Пускай вырветъ ее изъ рукъ Іисуса Христа!.. Но произносить другую, отрицающую первую, пока первая еще не уничтожена,—какое предательство, братія моя, и какая измѣна!“

Администрація Энскаго департамента тщетно пыталась застращать отважнаго прелата. Она послала къ нему двухъ коммиссаровъ, которымъ поручено было настоять на принесеніи присяги. Де-Бурдейль отказался принять ихъ. Онъ не обратилъ никакого вниманія на послѣднее требованіе, съ которымъ къ нему обратились. Причтъ его послѣдовалъ его примѣру и его

настойчивости. Его капитулъ, кюре и викаріи Суассона примкнули публично къ его доводамъ. Отчаявшись въ возможности покорить его, Энская администрація созвала избирателей для назначенія конституціоннаго епископа. Выборы производились 31 января 1791 года, въ Ланскомъ соборѣ. При звонѣ колоколовъ избиратели вошли въ церковь, гдѣ конституціонная обѣдня отправлялась на алтарѣ, воздвигнутомъ въ глубинѣ нефа. Собраніе сошлось снова вечеромъ, располагая своимъ бюро, своимъ президентомъ и своимъ секретаремъ. Соперникомъ аббата де-Маролль явился аббатъ Грегуаръ, оффиціальный кандидатъ.

Де-Бурдейль, горячность котораго не въ силахъ была расхолодить его преклонныя лѣта, 1-го февраля обратился къ собранію съ энергическимъ протестомъ, произведшимъ глубокое впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе къ выборамъ было приступлено. Число избирателей равнялось четыремъ стамъ восьмидесяти. Урна помѣщалась на бюро. Въ нее клали они свои записки. Оба кандидата получили одинаковое число голосовъ. Наступила ночь. На другой день, 2-го февраля, пришлось возобновить выборы съ тѣмъ же успѣхомъ. У аббата Грегуара было мало голосовъ. Остальные голоса распредѣлились между аббатомъ де-Маролль, демократомъ, человѣкомъ самолюбивымъ, и патеромъ Фламэномъ, увѣчнымъ старцемъ, благочестивымъ и скромнымъ, на котораго очень разсчитывали въ дѣлѣ безоруженія оппозиціи. Офицеры драгунскаго полка королевы явились къ избирателямъ въ время счета голосовъ. Патеръ Фламэнъ былъ избранъ на третій день и провозглашенъ при свѣтѣ факеловъ.

Къ нему явилась депутація, чтобы возвѣстить ему объ его избраніи. Но онъ отказался принять ее, ссылаясь на свой преклонный возрастъ и недуги.

Такимъ образомъ, выборы приходилось начинать снова. Собраніе пережило страшное разочарованіе, когда депутація, въ свою очередь, явилась съ отвѣтомъ объ отказѣ, полученномъ ею отъ епископа. Послѣдовали новый созывъ избирателей, новая баллотировка. Наконецъ Маролль былъ выбранъ двумя стами голосовъ. Новаго епископа провозгласили тутъ же во время засѣданія, и спѣли „Te Deum“.

Затѣмъ предстояло совершить посвященіе избраннаго кандидата. Реймскій архіепископъ и другіе епископы отказались отъ этого. Маролль обратился къ Энской администраціи съ сообщеніемъ о своемъ затрудненіи. Послѣ нѣкотораго упорства,

Талейранъ согласился оказать услугу въ этомъ дѣлѣ. Говорятъ, что по этому поводу онъ сказалъ: „Національное Собраніе приказало присягать, но оно отнюдь не обязывало посвящать“. При всемъ желаніи Маролля быть посвященнымъ въ Суассонѣ, ему пришлось проѣхаться въ Парижъ, такъ какъ Талейранъ отказался ѣхать въ Суассонъ. Посвященіе состоялось въ Тюльерійской капеллѣ, въ присутствіи многочисленныхъ представителей Національнаго Собранія. Въ тотъ же вечеръ представленный Собранію, Маролль былъ встрѣченъ тамъ рукоплесканіями, которыя иными считались за порицаніе. 26-го февраля онъ былъ представленъ Людовику XVI. Онъ сказалъ королю, что возведенъ въ епископское достоинство „избраніемъ свободнаго народа“. Онъ говорилъ о „преданности своему долгу, о духѣ мира, о братствѣ и т. д.“. Въ отвѣтъ король ограничился словами: „я очень тронутъ вашими чувствами ко мнѣ“.

Между тѣмъ де-Бурдейль продолжалъ упорствовать. Отъ него потребовали удалиться изъ епископства. Но такъ какъ требованіе это осталось безъ отвѣта, то вооруженная сила проникла въ епископскій дворецъ и, въ отсутствіе прелата, наложила печати на всю движимость. По возвращеніи своемъ, де-Бурдейль обратился за пріютомъ въ главную семинарію, продолжая пользоваться заслуженнымъ уваженіемъ. 25-го февраля онъ издалъ пастырское посланіе противъ самозваннаго епископа, подвергнувъ его интердикціи. Съ того момента де-Бурдейль не былъ болѣе въ безопасности. Ему пришлось покинуть Суассонъ посреди черни, конвоировавшей его и швырявшей въ него камнями. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, черезъ которыя ему предстояло проѣзжать, заранѣе подготовлены были враждебныя манифестаціи Отважный старецъ упорствовалъ до конца и съ благородной гордостью совершилъ свой путь изгнанія.

Первой заботой его замѣстителя было уничтоженіе ораторіи старинныхъ епископовъ Суассона. Въ епископскіе викаріи онъ выбралъ двухъ присягнувшихъ священниковъ, вступившихъ затѣмъ въ бракъ и женившихся на монахиняхъ [1]). Онъ посвящалъ въ священники двадцатилѣтнихъ субъектовъ. Одного господина пожаловалъ въ одинъ день всѣми степенями безъ экзамена. Объ его доктринахъ можно судить по слѣдующимъ словамъ, произнесеннымъ имъ въ одной проповѣди въ октябрѣ 1791 года:

---

[1]) Le clergé du département de l'Aisne pendant la Révolution, Эд. Флери, I, гл. VI и VII.

„Подобно тому, какъ не было спасенія внѣ ковчега, дорогіе мои и равные о Христѣ братія, такъ же точно нѣтъ ни счастія, ни свободы внѣ нашей конституціи. Въ теченіе четырехсотъ лѣтъ французская нація стенала подъ ярмомъ самаго тяжкаго рабства. При этомъ пагубномъ правительствѣ единственный человѣкъ былъ свободенъ, а двадцать четыре милліона людей были рабами. Въ настоящее время, *дорогіе мои ровни*, помощью необычайнаго чуда Провидѣнія, одинъ только человѣкъ сталъ рабомъ [1]), а двадцать четыре милліона людей снова освободились. Охваченный святымъ энтузіазмомъ, одушевленный священнымъ огнемъ свободы, упоенный своимъ восторгомъ, французъ изрекъ: *Non serviam*, не стану болѣе повиноваться. И цѣпи спали съ его рукъ. Онъ сказалъ: Не стану болѣе повиноваться, *non serviam*, и счастье, изобиліе, согласіе, спокойствіе вернулись въ нашу среду“ [2]).

Конституціонное духовенство поневолѣ приходилось набирать изъ людей слабыхъ и недостойныхъ. Вотъ почему и неудивительно, что оно представляло собою прискорбные образчики, и что въ рядахъ его оказалось такъ много презрѣнныхъ людей. Рабы гражданской революціонной власти, жившіе ея милостями, возвысившіеся, благодаря ея покровительству, они поддавались увлеченіямъ своего характера и Революціи. Они погрѣшали противъ вѣрности священнослужителей, они нарушали самую святую изъ своихъ клятвъ. Многіе изъ нихъ кончили отрицаніемъ Самого Бога и производили скандалы своими браками и вѣроотступничествомъ.

„Главный контингентъ присягнувшихъ священниковъ,— сказалъ Мортимеръ-Терно,—состоялъ изъ робкихъ и наивныхъ кюре, не желавшихъ изъ-за вопроса, на который они смотрѣли довольно индиферентно, разставаться съ паствами, которыя они привыкли руководить; изъ духовныхъ лицъ, вожделѣвшихъ занять самыя высокія мѣста священнической іерархіи, распредѣленіе которыхъ съ той поры должно было зависѣть отъ народнаго голосованія, столь странно примѣнявшагося въ данномъ случаѣ; изъ бывшихъ разстриженныхъ монаховъ, покинувшихъ свои монастыри лишь для того, чтобы наброситься на земныя блага тѣмъ съ большей жадностью, чѣмъ больше прежде они проповѣдывали о презрѣніи къ этимъ благамъ,—и наконецъ изъ свя-

---

[1]) Король.
[2]) Эд. Флери, „Le clergé du département d'Aisne pendant la Révolution“, I, 312, 314.

щенниковъ, подвергавшихся интердикціи, со всѣхъ сторонъ Европы устремившихся на Францію [1]).

Исповѣдники подобной религіи были достойны своихъ представителей и заслуживали мнѣнія, высказаннаго о нихъ знаменитымъ историкомъ:

„Вокругъ прежняго кюре,—говоритъ Тэнъ,—сгруппировались всѣ вѣрующіе или возвращавшіеся въ лоно вѣры, всѣ тѣ, которые, по убѣжденію или по традиціи, чтили таинства, всѣ тѣ, у которыхъ, по привычкѣ или по вѣрѣ, была потребность въ слушаніи обѣдни. Слушателями же новаго кюре являлись лишь скептики, безбожники, равнодушные, клубисты, члены администраціи, посѣщавшіе церковь, какъ они ходили въ ратушу или Народное Собраніе, не изъ религіознаго усердія, а изъ политическаго рвенія, и поддерживавшіе самозванство для поддержки конституціи“ [2]).

Во время своего заключенія въ Люксанбургской тюрьмѣ, Болье встрѣтилъ тамъ аббата Эмери, ректора главной семинаріи въ Saint-Sulpice, память о которомъ пользуется уваженіемъ. Болье могъ сравнить характеръ священниковъ, оставшихся вѣрными церкви, съ чувствами тѣхъ, кто, поддавшись увлеченію или обольщенію Революціей, въ свою очередь оказался осужденнымъ ею.

„Въ одномъ мѣстѣ заключенія, гдѣ я провелъ семь или восемь ночей,—пишетъ онъ,—находились трое священниковъ: одинъ—былъ конституціонный кюре изъ Монморанси; другой—старый пастырь изъ Сенъ-Сюльписа, и третій—молодой человѣкъ, получившій посвященіе отъ аббата Фоше, въ качествѣ Кальвадосскаго епископа. Этотъ молодой человѣкъ, полагая, что захватилъ выгодную должность, ставши священникомъ, на которую и вступилъ-то исключительно ради ея выгодности, высказывалъ, слѣдуя общему духу времени, что онъ нисколько не священникъ и никогда таковымъ не бывалъ и что Бога совсѣмъ нѣтъ. Онъ насмѣхался надъ священникомъ изъ Сенъ-Сюльписа и надъ всѣми религіозными его обрядами. Старый пастырь, смиренно распростершись передъ койкой, пламенно молился за отступника, возбужденнаго изступленной яростью. Конституціонный священникъ находился подъ гнетомъ смертельной тоски. Изъ этихъ трехъ людей одинъ только пастырь изъ Сенъ-Сюльписа былъ счастливъ,

---

1) „Hist. de la Terreur“, I, 16.
2) „La Révolution“, I, 239.

такъ какъ, несмотря на свое горе, его ничего не заботило. Невозможно было бы имѣть болѣе спокойствія, болѣе свободный духъ въ столь тяжкомъ положеніи въ жизни, тогда какъ существованіе вѣроотступника, казалось, было для него непрерывнымъ мученіемъ“ [1]).

Конституціонное духовенство имѣло большія денежныя выгоды. Парижскій епископъ получалъ 75.000 ливровъ; другіе епископы — по 30.000 ливровъ и никакъ не менѣе 12.000; парижскіе кюре имѣли по 6.000 ливровъ. Въ городахъ съ 50.000 населеніемъ и свыше — жалованье кюре составляло 4.000 ливровъ. Въ городахъ, гдѣ насчитывали 10.000 — 50.000 душъ, жалованье ихъ равнялось 3.000 ливровъ. Въ городахъ съ меньшимъ населеніемъ оно было 2.000—2.400 ливровъ. Ниже 1.200 ливровъ оно нигдѣ никогда не спускалось.

Революція не сдержала своихъ обѣщаній. Посуленныя пенсіи не выплачивались исправно, съ тѣхъ поръ какъ казначейство, обогатившееся грабежемъ, истощилось. Въ концѣ апрѣля 1792 года, въ первый триместръ не было заплачено присягнувшимъ священникамъ. Пять мѣсяцевъ спустя, округъ Шато Тьерри все еще находился въ ожиданіи суммъ, и, вмѣсто 71.000 ливровъ, которые слѣдовало выплатить конституціонному духовенству, округъ получилъ всего 50.000 ливровъ.

Закономъ отъ 19-го іюля предписывалась продажа епископскихъ дворцовъ, отнятыхъ такимъ образомъ отъ присягнувшихъ епископовъ, „въ виду того,—какъ гласилъ законъ, что по своей обширности они представляютъ излишнее помѣщеніе, мало пристойной пышности“ и т. п.

Даже въ томъ случаѣ, если духъ преслѣдованія не былъ въ характерѣ конституціонныхъ епископовъ и священниковъ, духъ этотъ, такъ сказать, былъ неразрывно связанъ съ ихъ функціями. Они не могли безъ злобы и гнѣва смотрѣть на ту любовь и то уваженіе, какими продолжали пользоваться вѣрные служители отверженной религіи. Съ тѣхъ поръ они стали смотрѣть на нихъ, какъ на противниковъ, которыхъ надо было одолѣть во что-бы то ни стало. И для борьбы съ ними они располагали не только покровительствомъ гражданской власти, но и политическими функціями. Епископы состояли членами и президентами директорій своего департамента.

---

[1]) „Essais sur les causes et les effets de la Révolution de France“, томъ V.— Добанъ, „Les prisons de Paris sous la Révolution“, стр. 195.

Они могли пользоваться этимъ положеніемъ, чтобы дѣйствовать противъ ослушниковъ.

Законодательное собраніе насчитывало десять епископовъ и нѣсколько священниковъ-раскольниковъ. Шестнадцать епископовъ и тридцать два священника конституціонной церкви засѣдали въ Конвентѣ [1]).

Фоше, епископъ Кальвадосскій, отличавшійся значительно большей умѣренностью, чѣмъ многіе изъ остальныхъ, тѣмъ не менѣе подалъ голосъ въ законодательномъ собраніи за отмѣну какого-бы то ни было жалованья священникамъ, отказавшимся отъ присяги, „такъ какъ,—говорилъ онъ,—не слѣдуетъ оплачивать своихъ враговъ“.

И, дѣйствительно, духовныя лица, прославившія себя своимъ упорствомъ, дѣлались врагами тѣхъ, которые обезславили себя своимъ подчиненіемъ и измѣнничествомъ. Отъѣздъ законнаго епископа не уменьшалъ затруднительности положенія самозваннаго епископа. Воспоминаніе объ изгнанномъ прелатѣ преслѣдовало псевдо-епископа. Являясь узурпаторомъ того мѣста, какое онъ занималъ, онъ не могъ имѣть ни священнаго характера, ни добродѣтелей пастыря, насильно разлученнаго со своей паствой.

Де-Дюрфоръ, архіепископъ Безансонскій, умеръ въ изгнаніи въ Солерѣ, 19 марта 1792 года, оплакиваемый епархіей, гдѣ подавалъ примѣръ всевозможныхъ добродѣтелей. Одинъ депутатъ писалъ Сегену, Дубскому епископу, замѣнившему Дюрфора: „Искренно привѣтствую васъ, по поводу кончины *Дюрфора*... Предвижу, что вы соберете вокругъ себя цѣлую толпу нашихъ священниковъ-монтаньяровъ, *bettement*—подписавшихся подъ знаменитымъ обязательствомъ (измышленнымъ, какъ говорятъ, Бербеемъ) пребыть нерушимо преданными драгоцѣннѣйшей и священнѣйшей особѣ Дюрфора“.

Уваженіе, какое съумѣлъ внушить къ себѣ Безансонскій архіепископъ, было таково, что Сегенъ, въ надеждѣ расположить къ себѣ свою епархію, написалъ ему хвалебное слово въ циркулярѣ, гдѣ выразился такъ: „Насъ огорчила утрата г. Дюрфора, нашего бывшаго архіепископа... Этотъ почтенный прелатъ былъ нашимъ общимъ отцемъ; онъ желалъ намъ добра. Въ эти трудныя минуты, правда, не смотря на всѣ наши мольбы, *онъ пересталъ такъ поступать*, но мы

---

[1]) Сліу, I, 426.

должны думать, что намѣренія его были чисты“ [1]). Онъ пошелъ еще далѣе, заказавъ обѣдню объ упокоеніи души того, котораго онъ смѣстилъ. То было ловкое лицемѣріе съ его стороны и въ то же время почесть, отданная прелату, воспоминаніе о которомъ онъ не въ силахъ былъ изгладить.

Де-Жуффруа де-Гонссанъ, епископъ Манскій, депутатъ Національнаго собранія, протестовалъ въ весьма достойномъ письмѣ противъ избранія самозваннаго епископа Прюдомма де-ла-Буссиньеръ. Нѣкій манскій аптекарь, не зная о присутствіи де-Жуффруа, вошелъ на трибуну Собранія, съ цѣлью сдѣлать на него доносъ. Прелатъ немедленно поднялся съ своего мѣста и, назвавъ доносчика по имени, обратился къ нему съ словами: „Напрасно было бы производить разслѣдованіе на счетъ этого письма. Оно исходитъ отъ меня. Я пастырь моей паствы. Я имѣю и всегда буду имѣть право поучать ее, что бы ни сказали о томъ всѣ аптекаря Франціи“.

Слова эти были встрѣчены взрывомъ всеобщаго хохота, и переконфуженный до нельзя доносчикъ долженъ былъ сойти съ трибуны [2]).

Въ Майнцскомъ департаментѣ было 253 ослушныхъ священника. 215 человѣкъ присягнули подъ извѣстнымъ условіемъ, 108 безъ ограничительныхъ условій. Это былъ одинъ изъ первыхъ департаментовъ, гдѣ состоялось избраніе конституціоннаго священника (12 декабря 1790 г.). Изъ 485 избирателей нашлось всего 295 въ Лавалѣ. Двѣ очереди баллотировки остались безъ результата. Томасъ Туменъ де-Вопонъ былъ избранъ въ третью баллотировку. Онъ не проявилъ особенной торопливости, чтобы занять свой постъ, хорошо зная религіозный духъ епархіи. Предупрежденный на счетъ дурной встрѣчи, какая его тамъ ожидала, онъ сложилъ съ себя свое званіе 22 февраля 1791 года, за что былъ привѣтствованъ посланіемъ папы Пія VI [3]).

Поріонъ, бывшій священникъ Ораторіи, избранъ былъ епископомъ въ Па-де-Кале, вмѣсто де-Брюнера-Шалабръ, епископа Сентъ-Омерскаго, отказавшагося отъ конституціонной присяги. Избиратели, въ числѣ 497, собрались въ Аррасѣ,

---

[1]) Ж. Созэ, „Hist. de la persécution révolutionnaire dans le département du Doubs“, II, 278, 283.

[2]) П. Ланфанъ, „Mémoires ou Correspondance secrète“, I, 201.—Домъ Піолинъ, „L'Eglise du Mans durant la Révolution“, I, 138.

[3]) Домъ Піолинъ, I, 91.

26 марта 1791 года. Ничто лучше не можетъ характеризовать гражданскую конституцію и нравы той эпохи, какъ рѣчь, сказанная по этому поводу Карно Феленомъ, президентомъ собранія избирателей. Онъ привѣтствовалъ собраніе за то, „что оно вернуло религію къ первоначальной ея чистотѣ, возвратило народу драгоцѣнное его право, утраченное вѣками — право избирать себѣ пастырей, подвергая ихъ провѣркѣ ихъ начальниковъ; наконецъ,—продолжалъ онъ, — оно потребовало отъ нихъ присяги, которая собственно и является пробнымъ камнемъ для человѣка истинно свѣдущаго и преданнаго религіи, ибо дать присягу въ дѣйствительномъ подчиненіи Государственнымъ законамъ—это равносильно исполненію великой заповѣди Евангелія: „Воздадите Кесарево Кесарю“. И такъ, дорогіе мои сограждане, будемъ надѣяться,—таково заключеніе *этой политической и военной бесѣды*,—что пастыри, которыхъ вы всегда любили, которыхъ вы всегда чтили, которые, по справедливости, заслужили ваше почтеніе, скоро поколеблятъ предразсудокъ, вкорененный деспотизмомъ и какъ бы отождествленный послѣднимъ съ ихъ существомъ; что, наконецъ, вмѣстѣ со всѣми французами, они признаютъ, что истинный духъ исповѣдываемой всѣми нами религіи предписываетъ намъ милосердіе, миръ, умѣренность; что счастіе народа заключается въ подчиненіи законамъ. Избранный вами епископъ служитъ тому примѣромъ, и вскорѣ, смѣю васъ въ томъ увѣрить, престижъ обольщенія или заблужденія разсѣется, и всѣ служители алтарей поспѣшатъ послѣдовать его примѣру. И такъ, будемъ смотрѣть на этотъ приснопамятный день, какъ на таковой, который долженъ наложить печать на наше счастье, соединивъ по взглядамъ и принципамъ духовенство и Имперію“.

Избранный епископомъ Поріонъ обнародовалъ посланіе, гдѣ были такія слова: „Въ заключеніе, долженъ подѣлиться съ вами однимъ блестящимъ соображеніемъ, а именно: нельзя не признать перста Божія въ французской Революціи, а слѣдовательно, необходимо подчиниться ея постановленіямъ и благословить ихъ“.

Этотъ доводъ не показался неопровержимымъ для всѣхъ жителей епархіи новаго епископа. Принятый весьма холодно въ Булонѣ, Поріонъ встрѣченъ былъ восторженно только муниципалитетомъ и національной гвардіей. Въ честь его палили пушки и звонили во всѣ колокола. Но явившись въ соборѣ, въ фіолетовой сутанѣ и съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ, онъ

засталъ тамъ только ризничаго и нѣкоего капуцина, по имени Патенайля [1]).

Въ Нимѣ надо было замѣнить епископа де-Балорра, отказавшагося отъ присяги. Изъ 526 человѣкъ оказалось всего 209 избирателей. Большинство избирателей были протестанты. Дюмушеля избрали Гардскимъ епископомъ, благодаря вліянію Рабо де Сенъ-Этьень, протестантскому пастору. Посвященный въ Парижѣ, онъ отправилъ впередъ себя въ Нимъ двухъ старшихъ викаріевъ,—присягнувшихъ священниковъ. Въ самый вечеръ своего прибытія они забрались въ кабачокъ и напились тамъ пьяные. Новый епископъ, встрѣченный муниципалитетомъ и цѣлой толпой протестантовъ, былъ водворенъ въ соборѣ, при пѣніи *Te Deum*.

Вечеромъ въ епископствѣ состоялся большой ужинъ, сопровождавшійся танцами. Пѣли *Карманьолу* и *Ça-ira*. Епископъ обходилъ ряды гостей съ бутылкой въ рукахъ, наполняя всѣ стаканы и чокаясь. Въ 1794 году онъ сдѣлался вѣроотступникомъ и женился [2]).

Экспильи, епископъ Финистерскій, во время пасторскихъ своихъ объѣздовъ, посѣщалъ клубы и распѣвалъ *Ça-ira*, какъ добрый патріотъ. Отправившись въ Морлаксъ, послѣ своего посвященія, онъ встрѣтился тамъ съ аббатомъ Гверлескеномъ, который былъ у него викаріемъ, когда самъ онъ состоялъ ректоромъ. Экспильи хотѣлъ завлечь его въ конституціонную церковь и указывалъ на выгоды, какія были съ нею связаны. Аббатъ упорно отказывался. „Въ такомъ случаѣ, какъ же вы устроитесь, monsieur, чтобы жить?—спросилъ его Экспильи.— А вы же господинъ ректоръ, — отвѣчалъ ему аббатъ, — какъ устроитесь, чтобы умереть?“

Заключенный впослѣдствіи въ тюрьму, какъ федералистъ, Экспильи въ 1794 г. кончилъ жизнь на эшафотѣ, восклицая: „Да здравствуетъ Республика“ [3]).

Лефессье, епископъ Орнскій, рукополагалъ въ іереевъ восемнадцатилѣтнихъ юношей. Онъ допускалъ въ священство самыхъ недостойныхъ субъектовъ. Въ залѣ синода Сеезскаго епископства онъ собиралъ маски, давалъ спектакли, на которыхъ присутствовало конституціонное духовенство съ дамами.

---

[1]) „Le clergé du diocèse d'Arras, Boulogne et Saint-Omer pendant la Révolution“, аббата Дерамекура, II, кн. IV.

[2]) „Las évêques au dix-huitème siècle“, аббата Гуаффона, стр. 208.

[3]) „Histoire de la persécution religieuse dans les diocèses de Quimper e de Léon“, аббата Тефани, стр. 173.

Онъ кончилъ вѣроотступничествомъ и предсѣдательствовалъ впослѣдствіи на языческихъ празднествахъ Революціи, устраивавшихся въ соборѣ, обращенномъ въ декадный храмъ [1].

Гобель, конституціонный епископъ Парижа, революціонное рвеніе котораго было громко засвидѣтельствовано съ первыхъ дней религіознаго преслѣдованія,—самолично, въ день Вознесенья, въ 1793 году, водворилъ въ качествѣ кюре прихода Saint-Augustin, женатаго священника, жена котораго присутствовала при церемоніи.

Находясь въ тѣсной дружбѣ съ самыми ярыми якобинцами, онъ публично отрекся отъ вѣры въ Конвентѣ, 7 ноября 1793 г., совмѣстно съ тринадцатью своими викаріями. „Въ настоящее время,—говоритъ онъ въ одной рѣчи, которая была напечатана въ *Moniteur'ѣ*,—въ настоящее время не должно болѣе существовать иного общественнаго и народнаго культа, кромѣ культа свободы и святаго равенства, ибо—таково желаніе государя. Слѣдуя своимъ принципамъ, я подчиняюсь его волѣ, и вотъ, я пришелъ, чтобы объявить вамъ во всеуслышаніе, что съ сегодняшняго дня отказываюсь отъ исполненія моихъ обязанностей, какъ священнослужителя католической религіи. На этомъ основаніи, возвращаемъ вамъ всѣ наши титулы“.

Президентъ Конвента отвѣтилъ Гобелю привѣтствіемъ по поводу того, что онъ пожертвовалъ „этими готическими погремушками суевѣрія и отрекся отъ заблужденія“. Гобель снялъ съ себя свой крестъ и кольцо и надѣлъ на голову красную шапку. Извѣстно, что онъ погибъ на эшафотѣ въ 1794 году.

Такимъ образомъ, Революція вела къ гибели послѣдовавшихъ за ней духовныхъ лицъ, принудивъ ихъ идти по тому пути, на которомъ они хотѣли бы остановиться. Презираемые истинно вѣрующими, они не имѣли другой поддержки помимо гражданской власти, попадавшей, въ свою очередь, въ руки людей жестокихъ.

Томасъ Линде, епископъ Эрскій, одобрилъ сентябрскія убійства въ одномъ посланіи, адресованномъ имъ, въ сентябрѣ 1792 года, къ его епархіи.

---

[1]) Онъ вернулся въ лоно церкви въ 1802 году; но раскаяніе его было неустойчиво. Удалившись въ Аржантанъ, онъ пожелалъ снова появиться съ орденскими знаками епископскаго достоинства. Лефессье умеръ въ 1806 году и, согласно его волѣ, былъ перенесенъ на кладбище, безъ участія католическаго духовенства. Четверо конституціонныхъ священниковъ шли за его гробомъ. („Les martyrs de la Révolution dans le diocèse de Séez, аббата Блэна, 1, введеніе).

„Вамъ говорили,—писалъ онъ,—*о преступленіяхъ, которыя очернили черезчуръ мрачными красками*. Ихъ отдѣлили отъ ужасныхъ обстоятельствъ, которыя, не оправдывая ихъ, *извиняли ихъ и заставляли смотрѣть на нихъ, какъ на неудобства и слѣдствія почти необходимыя великаго народнаго волненія*. Пускай ставятъ себѣ въ заслугу порицаніе убійцъ, на которое предательство Лонгви и Вердена, нашествіе пруссаковъ на Парижъ, извѣстныя *поползновенія дурныхъ гражданъ*, собравшихся въ столицѣ, — заставили смотрѣть, какъ на актъ *законной безопасности*, такое чувство естественно, оно представляется мнѣ справедливымъ, я самъ одобряю его. *Но я далекъ отъ того, чтобы видѣть чудовищъ и бѣсноватыхъ въ тѣхъ, кто въ эти ужасныя минуты полагалъ, что надо спасать родину, какой бы то ни было цѣной, и что внутренній врагъ долженъ быть истребленъ раньше, чѣмъ идти на встрѣчу внѣшнему* [1])".

Вотъ съ какими аргументами совершались преступленія, которыя этотъ пастырь не особенно высокой евангельской нравственности старался оправдать. Подобно многимъ членамъ раскольническаго духовенства, Линде кончилъ вѣроотступничествомъ и женился.

Торнэ, епископъ Шерскій, женился шестидесяти девяти лѣтъ и развелся. Изъ числа конституціонныхъ епископовъ насчитываютъ девятерыхъ, которые вступили въ бракъ; восемь изъ нихъ погибли на эшафотѣ [2]).

Въ Конвентѣ засѣдали 16 епископовъ и 27 присягнувшихъ священниковъ. 4 епископа и 20 священниковъ подали голосъ за смерть Людовика XVI [3]). Такимъ образомъ, большинство конституціоннаго духовенства, засѣдавшаго въ Конвентѣ, примкнуло къ цареубійцамъ.

Революціонеры не скрывали своего презрѣнія къ епископамъ, которыми они воспользовались для уничтоженія духовенства и попиранія всякой религіозной идеи. Когда Лоранъ, епископъ въ Алье, 25-го брюмера III года, прислалъ Конвенту свой епископскій посохъ и двѣ митры, то для него стали ходатайствовать о наградѣ, соотвѣтственно цѣнности тѣхъ предметовъ, которыхъ онъ добровольно себя лишалъ. Но комитетъ отказалъ, ссылаясь на то, что епископы получали

---

[1]) „Notices historiques sur la Révolutiou dans le département de l'Eure", Л. Буавэнь-Шанпо, стр. 333.

[2]) Фоше, Мароллъ, Гобель, Мартенъ, Экспильи, Ламуретъ, Гуттъ и Ру.

[3]) Люд. Сціу, III, 344.

12.000 ливровъ, подъ условіемъ пріобрѣтать себѣ „орудія своего ремесла". „Оплачивая поденный трудъ каменьщика,— прибавлялъ онъ, — кто же платитъ за его лопатку и за его молотокъ" [1]).

Однимъ изъ первыхъ слѣдствій гражданской конституціи было образованіе двухъ партій въ каждомъ приходѣ. Народное мнѣніе заклеймило конституціонныхъ священниковъ именемъ „jureurs" (охотниковъ до божьбы) или „intrus" (самозванцевъ), — именемъ, которое такъ и осталось за ними въ исторіи. Священники же, подвергшіеся изгнанію и преслѣдованію, сохранили за собою симпатіи и уваженіе, заслуженныя ихъ достойной жизнью, и къ добродѣтелямъ, какія научились познавать, они присоединяли еще тотъ ореолъ, придаваемый несчастіемъ.

Только съ большимъ трудомъ удалось организовать конституціонную церковь въ городахъ въ маѣ 1791 г. Въ очень многихъ деревенскихъ приходахъ дѣло это потерпѣло фіаско или вслѣдствіе недостатка присягнувшихъ священниковъ, или же потому, что не удалось сломить противодѣйствія населенія [2]).

Въ Сенъ-Северѣ, въ Ландахъ, конституціонный священникъ тщетно звонилъ въ колокола,—народъ не шелъ къ его обѣднѣ, а валилъ толпами въ квартиры ослушныхъ священниковъ. Окружная директорія рѣшила прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. Женщинъ стали заключать въ тюрьмы. Mademoiselle де-Понсенъ была арестована за то, что громко высказала на другой день по прибытіи Сорина, епископа Ландскаго, „что не всегда же у него будутъ штыки подъ руками, и что въ одно прекрасное утро дьяволъ устроитъ изъ нихъ превкусный завтракъ".

Упорствовавшіе призывались къ суду. Тѣмъ не менѣе оппозиція продолжала стоять на своемъ. Нѣкій присягнувшій викарій, по имени Лопиталь, подвергся осмѣянію посреди улицы. Какъ-то онъ узналъ, что похороны направляются къ кладбищу. Онъ поспѣшилъ отправиться туда, облачившись въ епитрахиль и стихарь, и сталъ настаивать на своемъ правѣ совершить религіозный обрядъ. „Мы васъ не желаемъ, — отвѣтили ему.—Мы желаемъ священника, который бы не прися-

---

[1]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission dans les départements", III, 297.
[2]) Люд. Сціу, II, 333.

галъ!" Но Лопиталь пропѣлъ таки службу, несмотря на присутствовавшихъ, причемъ многихъ строптивыхъ велѣлъ арестовать [1]).

Соринъ, епископъ Ландскій, прибылъ въ епархію съ двадцатью священниками-раскольниками. Въ виду того, что ихъ было слишкомъ мало для составленія конституціоннаго духовенства, онъ написалъ генералъ-прокурору Ландскаго Совѣта, прося найти ему присягнувшихъ священниковъ. Совѣтъ отвѣтилъ ему слѣдующее:

„Предупреждаю васъ, что они желаютъ получить города. Они не уѣдутъ изъ Парижа безъ усиленныхъ окладовъ" [2]).

Въ Сенъ-Северѣ изъ тридцати пяти избранныхъ кюре тридцать были чужими въ епархіи.

Соринъ потребовалъ вмѣшательства вооруженной силы для водворенія самозванныхъ священниковъ, которые, съ высоты каѳедры предавали анаѳемѣ ослушныхъ священниковъ, превращаясь въ ихъ доносчиковъ [3]).

Генералъ-прокуроръ синдикъ, въ Директоріи Оранскаго департамента, 10 августа 1791 года сказалъ: „Конституціонные кюре подвергаются поруганію и угрозамъ. Многимъ изъ нихъ наскучили и надоѣли оскорбленія, какія имъ приходится глотать втихомолку и въ горѣ; притомъ они напуганы опасностью, грозящей ихъ жизни,—и потому намѣреваются покинуть приходы, куда только что были назначены. Въ этомъ-то и заключается одно изъ торжествъ, какія подготовляютъ себѣ недруги нашего учрежденія [4]).

Изъ католиковъ въ Тулузѣ, по крайней мѣрѣ шестьдесятъ на сто отвергали конституціонныхъ священниковъ, по свидѣтельству Серме, епископа этого департамента, впослѣдствіи раскаявшагося. Онъ извѣщалъ Грегуара, что большинство его сторонниковъ состояло изъ вѣроотступниковъ и невѣрующихъ, остальные же были индиферентны. „Быть можетъ, васъ удивитъ,—писалъ онъ ему,—что у насъ заперты церкви всѣ до единой, и всѣ службы совершаются въ комнатѣ? Только антиконституціонные собираютъ толпу и распѣваютъ себѣ во все горло".

Тому же Грегуару онъ пишетъ 15 апрѣля 1795 года:

---

[1]) „Les diocèses d'Aix u de Dax, ou Le département des Landes sous la Révolution française", аббата Ж. Леже, I, 124.

[2]) Ibid., I. 126.

[3]) Ibid, I, 164; II, 40.

[4]) „Les martyrs de la Révolution dans le diocèse de Séez", аббата Блэна, I, Введеніе, стр. XXIII.

„Я былъ больше епископомъ въ Тулузѣ, нося сандаліи; я пересталъ быть таковымъ, когда на меня напялили митру“ [1]).

Противленіе народнаго чувства расколу, который революціонеры старались ввести насильственными мѣрами и произвольными законами,—легко объясняется. Толпа гораздо скорѣе поняла бы уничтоженіе всѣхъ культовъ, нежели учрежденіе этой странной церкви, старавшейся прикрыться личиной изгнанной религіи и облекавшейся въ бренные останки тѣхъ, кого она изгоняла изъ святилища, не имѣя силъ изгнать ихъ изъ сердца народа.

Впрочемъ, гражданская конституція была лишь первой попыткой къ разрушенію. Ей наслѣдовалъ культъ Разума съ постыдными своими безчинствами, оргіями, сатурналіями. Затѣмъ явился культъ Высшаго Существа, изобрѣтеннаго Робеспьеромъ, съ цѣлью обузданія насилій зловредныхъ для революціонной партіи. Послѣ того наступилъ чередъ теофилантропіи, провозглашенной въ правленіе Директоріи Ларевельеромъ-Лепо.

Революціонерамъ особенно важно было уничтожить католическіе обряды, и этого они добивались съ яростью.

Алтари были осквернены, храмы обобраны, колокола сняты, колокольни разрушены. Конституціонное духовенство, повидимому, само давало въ руки средства для уничтоженія религіозной идеи, которую оно первоначально должно было представлять собой въ революціонной формѣ. Его угодливость, раболѣпство, зависимость, въ какія поставила его гражданская власть, отъ которой оно получало свое жалованье и повышенія по службѣ,—все это давало надежду, что духовенство это довершитъ начатое дѣло, предоставивъ естественному теченію событій унизить себя еще болѣе.

Браки священниковъ были однимъ изъ средствъ, примѣнявшихся въ данномъ случаѣ. 13 іюля 1793 г. Конвентъ постановилъ, что „епископы, которые прямо или косвенно поставятъ какое либо препятствіе къ браку священниковъ,— будутъ подвергаться изгнанію и смѣщенію“.

Какъ милости, такъ и угрозы поочередно пущены были въ ходъ, чтобы понудить священниковъ слагать съ себя священническій санъ и жениться.

Отъ лица проконсула Альбитта въ Савои и въ Энскомъ департаментѣ священникамъ, заключеннымъ въ тюрьмы, пред-

---

[1]) „Histoire réligieuse de la Révolution française“, А. Газье, стр. 272, 273.

ложенъ былъ бракъ, цѣною котораго они могли купить себѣ свободу. Страхъ передъ эшафотомъ имѣлъ рѣшающее значеніе во многихъ случаяхъ нравственнаго банкротства.

Фуше, народный представитель въ Аллье, Шерѣ и ла-Ніеврѣ, дошелъ до того, что давалъ приданое священникамъ, заключавшимъ брачные контракты. Одному онъ назначилъ 2.000 экю на обстановку и 15.000 ливровъ въ годъ взимать съ фанатиковъ своего прихода [1]).

Всѣ женатые священники или тѣ, объ узахъ которыхъ объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, избавлялись отъ изгнанія [2]).

Одного молодого Суасонскаго священника, арестованнаго въ 1794 году, посѣтилъ въ тюрьмѣ его отецъ, который умолялъ его жениться, во избѣжаніе тѣхъ опасностей, какія ему угрожали. Онъ уступилъ мольбамъ отца [3]).

По свидѣтельству Грегуара [4]), число священниковъ, вступившихъ въ бракъ во время Революціи, доходило до двухъ тысячъ. Семь восьмыхъ этихъ браковъ относились къ періоду Террора. Большинство изъ нихъ обусловливалось желаніемъ избавиться отъ преслѣдованія и смерти.

9-го января 1794 года состоялось бракосочетаніе одного схизматическаго попа, бывшаго епископскаго викарія, по имени Жюмель. Обрядъ совершался въ Тюллѣ, въ церкви Saint-Julien, обратившейся въ храмъ Разума. Присутствовавшіе были въ красныхъ шапкахъ; женщины вязали, дѣти играли, и всѣ распѣвали *Марсельезу*. Служившій священникъ, замѣнявшій конституціоннаго епископа, вошелъ на каѳедру и обратился съ слѣдующими словами къ вѣроотступнику-священнику:

„Помни, новый супругъ, новый согражданинъ нашъ, другъ нашъ, братъ нашъ, что если часто ты и проповѣдывалъ противъ своихъ убѣжденій, то тебя обязывала къ тому настоятельная необходимость. Не забывай никогда, что ты отрекся отъ шарлатанства, и, наконецъ, знай, что двадцать лѣтъ лжи могутъ быть заглажены, согласно закону возмездія, лишь двадцатью годами правды.

„Ты, на котораго, если хорошенько все разобрать, обращены взоры и нѣжныя пожеланія этого современнаго философа, наслаждайся многія лѣта твоимъ счастьемъ, упивайся

---

[1]) Люд. Сціу, III, 476; IV, 204, 255.
[2]) Законъ 25 брюмера III года.
[3]) „Le clergé du département de l'Aisne pendant la Révolution", Эд. Флери, II, 30.
[4]) „Histoire du mariage des prêtres", изд. въ 1829 г.

по каплямъ восхитительнымъ наслажденіемъ упоительныхъ объятій, которымъ демонъ стараго режима не въ силахъ воспрепятствовать.

„Богиня Разума, священное божество, ты, которая въ двадцать четыре часа разрушила предразсудокъ восемнадцати вѣковъ, помоги нашимъ усиліямъ. Не омрачай болѣе нашего горизонта. Поддержи въ сердцахъ нѣжныхъ супруговъ, распростертыхъ у твоихъ ногъ,—любовь, равенство, единство, нераздѣльность Республики, а въ виду того, что воинственный орелъ никогда не можетъ родить робкую голубицу, сдѣлай такъ, чтобы они не замедлили наградить насъ потомками, и эти потомки, воспитанные въ принципахъ отца и предковъ, всегда будутъ служить роднѣ своимъ мужествомъ, своимъ писаніемъ, своимъ словомъ, своими дѣлами и своей добродѣтелью. Таковы мои пожеланія въ счастливый день божества, которое мы празднуемъ“ [1]).

Революціонеры начали съ того, что стали отставлять конституціонныхъ священниковъ отъ католической церкви. Когда же, по ихъ мнѣнію, настал часъ, они уничтожили учрежденный ими культъ. Приказъ объ упраздненіи его былъ отданъ народными представителями въ Дофине, на югѣ, въ О, въ департаментахъ ла-Крезъ, Аллье, ла-Ніевръ, Шеръ, Пюи-де-Домъ, Кальвадосъ, ла-Маншъ, Эръ, Нижней Сены [2]).

Потребовали отрѣшенія отъ духовнаго сана для тѣхъ, кто заявилъ себя такимъ послушнымъ. Гобель, епископъ Парижскій, первый подалъ къ тому примѣръ, которому послѣдовало около тридцати присягнувшихъ епископовъ [3]).

Не мало случаевъ вѣроотступничества было также и въ низшихъ слояхъ раскольнаго духовенства. Однако, священники, поддавшіеся самолюбію, слабости и страху, нашли въ

---

[1]) „Scènes et portraits de la Révolution dans le bas Limousin“, графа де-Сейлакъ, стр. 375. Отъ этого брака родился сынъ, который сошелъ съума. Неизвѣстна судьба Жюмеля. Вдова его найдена была мертвою на ея постели. (Ibid.).

[2]) Сціу, т. IV.

[3]) Епископы, состоявшіе депутатами въ Конвентѣ: Гей-Верноnъ, Линде, Массье, Сегенъ, Лаландъ, Тибо (Канталь), Гюге (Крезъ). Другіе самозванные епископы, изъ которыхъ многіе упоминались уже въ этой главѣ, оказались вѣроотступниками. Въ томъ числѣ были: Торце (Шеръ), Маролль (Энъ), Прима (Сѣверный) Пеллетье (Мэны и Луары), де-Жарантъ (Луары), Мине (Нижняя Луара), Героденъ (Эндръ), Молинье (Верхнія Пиринеи), Діо (Марна) Савинъ (Ардешъ), Лефессье (Орнъ), Паниссе (Монбланъ), Девилль (Восточныя Пиринеи), Понтаръ (Дордонь), Поріонъ (Па-де-Кале), Прюдоммъ (Сартъ), Лоранъ (Аллье), Жуберъ (Шаранта), Дюмушель (Гаръ), Ломени де-Бріеннъ, племянникъ весьма знаменитаго архіепископа Сенскаго и бывшій его помощникъ. Послѣдній погибъ на гильотинѣ. (Сціу, III, 610).

себѣ достаточно мужества для того, чтобы устоять противъ революціонной партіи, когда они увидѣли, на какой позоръ ихъ обрекали. Они были такимъ образомъ вовлечены въ преслѣдованіе, какому подвергалось католическое духовенство. Мы встрѣтимся снова съ этими духовными лицами, смѣшавшимися съ вѣрнымъ духовенствомъ, изгнаннымъ Директоріей. Приходится сожалѣть объ ихъ паденіи, ибо они не хотѣли идти до конца за своими соблазнителями. Это были люди слабохарактерные или же священники безъ призванія и необходимо принимать въ разсчетъ тѣ страшныя испытанія, какимъ Революція подвергала этихъ несчастныхъ. Въ общественномъ же мнѣніи, конституціонные священники, даже возвратившіеся въ лоно церкви, не въ силахъ были стереть до конца,—несмотря на свое раскаяніе,—пятно, запечатлѣнное на ихъ имени клятвопреступленіемъ.

Внѣ религіи, напротивъ того, всегда будутъ удивляться епископамъ, священникамъ, вѣра которыхъ была непоколебимой въ дни опасности. Честь и слава останутся за мужествомъ и вѣрностью.

III.

Національное Собраніе отмѣнило монашескіе обѣты 13 февраля 1790 года. По условіямъ декрета монахи и монахини должны были объявить, желаютъ они оставить свои монастыри или же продолжать вести общинную жизнь. Въ послѣднемъ случаѣ имъ предстояло быть соединенными по двадцати человѣкъ въ домахъ, указанныхъ администраціей, каждые два года избирать себѣ настоятеля, подъ предсѣдательствомъ муниципальнаго чиновника, и принять уставъ, составленіе котораго возложено было на муниципалитетъ. Такимъ образомъ, монахи различныхъ орденовъ могли очутиться соединенными однимъ и тѣмъ же уставомъ и подъ одной и той же кровлей, подъ надзоромъ гражданской власти, недоброжелательной, если не враждебной. Это вело къ уничтоженію всяческой монашеской жизни.

Монахини оказались въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Онѣ могли оставаться въ своихъ монастыряхъ; но муниципалитетъ вмѣшивался въ ихъ уставъ и въ выборъ ихъ настоятельницъ. Установлено было закономъ содержаніе для нихъ и для монаховъ. Если монастырскій доходъ не достигалъ цифры эквивалентной съ назначенной суммой, — въ такомъ случаѣ

монахинямъ приходилось умирать съ голоду или покидать свои монастыри.

Почти всѣ монахини отказались вернуться въ міръ и остались вѣрными избранному ими призванію. Отсюда можно судить о ложности мнѣнія, представлявшаго монастыри, наполненными „заточенными жертвами".

Въ Одскомъ департаментѣ изъ 258 монахинь четыре отказались отъ монашеской жизни; въ Безанской епархіи изъ 358—19; въ Морбиганѣ одна изъ 150; въ Ландахъ и въ Côtes-du-Nord изъ 200 не нашлось ни одной [1]).

Бернардинки аббатства Керло, въ Квимперѣ, энергично отказались отъ конституціонной присяги. Игуменьей была у нихъ madame де-Кергю. Угрожаемыя изгнаніемъ со стороны муниципалитета, въ томъ случаѣ, если онѣ откажутся подчиниться, онѣ увидѣли монастырь свой въ осадѣ 24 января 1791 г. Но тѣмъ не менѣе онѣ продолжали еще упорствовать въ теченіе цѣлаго дня, пока, наконецъ, двери ихъ не были взломаны администраторами, причемъ ихъ вышвырнули на улицу, посреди ночи, во время проливного дождя.

Квимперскія сестры милосердія, отказавшіяся отъ присяги, также точно были изгнаны, вмѣстѣ съ несчастными больными, довѣренными ихъ заботамъ. Пятьдесятъ человѣкъ вооруженныхъ напали на ихъ обитель. Madame де-Кервасежанъ, настоятельница, замѣтила человѣку, занесшему на нее руку: „Знайте, что моя особа священна".

Когда урсулинокъ и сестеръ милосердія де-Карге пригласили покинуть ихъ обитель, то онѣ отвѣтили властямъ: „Вы прогоните насъ насильно, но мы не уйдемъ отсюда; мы привяжемъ себя къ рѣшеткамъ нашихъ пріемныхъ". Ни мольбы больныхъ, ни просьбы бѣдныхъ не могли остановить исполнителей революціоннаго закона. Въ одно прекрасное утро къ воротамъ монастыря явилась рота гренадеръ въ сопровожденіи трехъ реквизиціонныхъ повозокъ. Прокуроръ-синдикъ и два чиновника позвонили и потребовали настоятельницу, которая показалась у рѣшетки:

— Прошу васъ извинить меня, господа, — сказала она имъ, — что заставила васъ ожидать меня. Я была занята въ лазаретѣ, ухаживая за одной изъ моихъ сестеръ. Я хотѣла додѣлать ей перевязку. Скажите, пожалуйста, чѣмъ я могу вамъ служить?

---

[1]) Сціу, I, 293.

— Madame, — отвѣчалъ прокуроръ-синдикъ, — вамъ извѣстно постановленіе департамента. Въ свое время оно было доведено до вашего свѣдѣнія, но вы не обратили вниманія на него.

— Это правда.

— Вамъ извѣстно также наше постановленіе и распоряженіе, въ силу этого постановленія, — немедленно эвакуировать вашу обитель. Каковы ваши намѣренія въ настоящее время? такъ какъ всѣ сроки истекли. Говорите.

— Мои намѣренія тѣ же, какія были всегда, т. е. умереть здѣсь, если на то будетъ милость Божья.

— Madame, вы должны сегодня же удалиться отсюда; не заставляйте насъ прибѣгнуть къ мѣрамъ насилія.

— Ахъ, monsieur, вы хозяева, ибо мы лишь бѣдныя овечки. Но мы дали обѣтъ остаться посвященными Богу. Онъ Одинъ можетъ разрѣшить насъ отъ нашихъ обѣтовъ. Да будетъ воля Господня!

Тогда муниципальные чиновники съ нѣсколькими гренадерами выломали двери и наводнили общину, между тѣмъ какъ настоятельница, окруженная всѣми сестрами, распростершись ницъ на землѣ, произносила *Miserere*. Обитель подверглась разграбленію. Сестры же, брошенныя на двухколесныя повозки, отправлены въ Квимперъ, гдѣ онѣ были заключены въ тюрьму [1]).

Число монаховъ, воспользовавшихся революціонными законами, съ цѣлью возвращенія къ свѣтской жизни, было довольно значительно. Въ Юрѣ таковыхъ оказалось 186 человѣкъ на 69, оставшихся вѣрными своему монашескому обѣту; въ Дубсѣ 174 первыхъ на 79 вторыхъ; въ Одѣ 80 первыхъ на 40 вторыхъ; въ Гардѣ 116—на 140; въ Ландахъ—49 на 61; въ Морбиганѣ—21 на 45; въ Côtes-du-Nord—20 на 53. Въ Ла-Раншѣ большинство стояло за монастырь; но покидавшіе монашество составляли немаловажное меньшинство. То же самое повторилось во многихъ другихъ департаментахъ [2]).

Подобныя отступничества, очевидно, свидѣтельствовали объ ослабленіи религіознаго духа во многихъ орденахъ и о неустойчивости нѣкоторыхъ обѣтовъ. Съ другой стороны, препятствія, ставившіяся закономъ при исполненіи монастырскаго устава, также могутъ служить объясненіемъ многихъ фактовъ оскудѣнія вѣры.

[1]) „Histoire de la persécution religieuse dans les diocèses de Quimper et de Léon“, аббата Тефани, стр. 312 и слѣд.
[2]) Л. Сціу, I, 292.

Нѣкоторые монахи удалились въ свои семьи. Отецъ Пуазо, семидесятилѣтній старецъ и пріоръ въ Фуаньи, вынужденъ былъ просить себѣ гостепріимства у бывшаго фермера своего аббатства, у котораго онъ стерегъ стада [1]).

Первоначально монахи располагали свободой въ выборѣ костюма. Но эта свобода враждебными муниципалитетами сочтена была за воспрещеніе. 5-го апрѣля 1792 года вышелъ декретъ, воспрещавшій носить духовное платье.

Обвиненіе въ „фанатизмѣ", взведенное революціонерами на духовенство и вѣрующихъ, оказалось невольной данью почтенія къ религіи, имя которой чтилось населеніями тамъ, гдѣ силились сокрушить ее. Во многихъ мѣстностяхъ обвиненіе „въ набожности" не послужило бы во вредъ тѣмъ, кого замышляли погубить. Вотъ почему ихъ и аттестовали „фанатиками", желая приписать имъ страсти буйныя и опасныя. Революціонеры всегда такъ извращали истинный смыслъ словъ, задаваясь цѣлью обольстить и сбить съ толку толпу, которая, встрѣчая ихъ слова замаскированными подъ личиной обманчивыхъ формулъ, не распознавала зла, которое ей труднѣе было бы навязать, если бы ей представили его безъ прикрасъ, на чистоту.

Надо перенестись къ воздвигавшимся гоненіямъ языческими императорами, чтобы найти положеніе, сходное съ тѣмъ, въ какое были поставлены священники, оставшіеся или возвратившіеся во Францію во время Революціи. Подвергаясь самымъ энергичнымъ обыскамъ, доносамъ, преслѣдованіямъ, они находились въ опасности въ деревняхъ, да не въ бо́льшей безопасности были и въ городахъ. Страшась за себя, они дрожали еще за тѣхъ, которые ихъ принимали и которыхъ ихъ присутствіе подвергало опасности жизни. Они или бродили въ постоянной тревогѣ, безпрестанно мѣняя свое убѣжище, причемъ какая-нибудь неосторожность, доносъ или какое-либо непредвидѣнное обстоятельство то и дѣло создавали для нихъ новыя опасности. Или же были осуждены какъ бы зарываться въ тѣсныя и темныя убѣжища, укрывавшія ихъ отъ взоровъ враговъ.

Аббатъ Матье, ослушный священникъ епархіи Шампань, восемь лѣтъ провелъ, скрываясь въ погребѣ [2]).

---

[1]) „Le clergé du département de l'Aisne pendant la Révolution", Эд. Флёри, I, 108.

[2]) „Les martyrs inconnus; l'abbé Raclot", Альфреда де-Бежансепе.—„Revue de la Révolution", 5 октября 1885 г.

Въ Аньякѣ (Авейронѣ) двое молодыхъ священниковъ, Жозефъ и Андре Боскюсъ, въ 1793 году укрылись у одного туземца. Они жили на чердакѣ, откуда, въ случаѣ опасности, могли бѣжать при помощи траппа. Однажды лай собакъ возвѣстилъ имъ о приближеніи людей, явившихся арестовать ихъ и направлявшихся къ ихъ убѣжищу. Младшій, перелѣзая черезъ стѣну, попалъ въ руки солдата, который кликнулъ своихъ товарищей и арестовалъ его. Затѣмъ принялись отыскивать его брата. Шаря въ гущѣ виноградной лозы, они попали въ него штыками. Боль заставила его вскрикнуть, и такимъ образомъ онъ былъ найденъ. Обоихъ скованными повели въ главный городъ округа, причемъ раненаго поддерживалъ его братъ. Національный коммиссаръ д'Обенъ направилъ ихъ къ Родецскому коммиссару съ словами: „Гражданинъ, посылаю тебѣ пару каплуновъ: одинъ жиренъ, какъ боровъ, другой худъ, какъ щепка. Дѣлай съ ними, что хочешь".

Человѣкъ, давшій имъ у себя убѣжище, былъ заключенъ вмѣстѣ съ ними. „Гдѣ проживалъ ты главнымъ образомъ?"— спросилъ судья революціоннаго суда аббата Жозефа Боскюса.— „Въ ригахъ, очень часто въ лѣсахъ".—„Не живалъ-ли ты въ домахъ?"—„Если дома оказывались незапертыми, то я входилъ въ нихъ".

На вопросы, обращенные къ другому священнику, тотъ отвѣчалъ:

— Меня зовутъ Андре Боскюсъ. Я священникъ, мнѣ 28 лѣтъ; родомъ я изъ Аньяка, Фланьякскаго прихода. *Въ теченіе двадцати мѣсяцевъ блуждаю* по ригамъ и лѣсамъ Ло, Авейрона и въ особенности Кантала...

— Откуда же доставалъ ты себѣ пропитаніе?

— Гдѣ только могъ, — часто получалъ отъ пастуховъ, иногда, заходя въ дома.

Оба были присуждены къ смертной казни и казнены въ тотъ же самый день. Передъ смертью одинъ изъ этихъ молодыхъ священниковъ на клочкѣ бумаги начерталъ слѣдующія слова, преисполненныя краснорѣчивой простоты:

„Сегодня вечеромъ мы должны предстать предъ Богомъ, и мы просимъ всѣхъ вѣрующихъ молиться за насъ, чтобы милосердный Господь помиловалъ насъ" [1]).

Аббатъ Оренъ, состоявшій викаріемъ въ Фежеакѣ,—при-

---

[1]) Валлонъ „Les représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements", II, 332.

ходѣ, расположеннымъ въ Нантской эпархіи, близь Редона, отказался съ каѳедры дать конституціонную присягу. Нѣкоторое время онъ скрывался въ своемъ приходѣ, изъ котораго ему пришлось удалиться, чтобы спастись отъ направленнаго на него преслѣдованія. Дважды чуть чуть не захватили его жандармы. Но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ потихоньку отправлять службу, пользуясь покровительствомъ мѣстнаго населенія. Онъ справлялъ церковные праздники среди благочестиваго собранія, которое, чтобы придти къ нему, презирало нерѣдко трудную и опасную переправу черезъ потокъ. Укрывшись иногда въ еловыя вѣтки, онъ могъ наблюдать, не будучи самъ замѣченнымъ, за тѣмъ, что творилось въ данной мѣстности. Онъ подготовлялъ къ отправленію религіозныхъ обрядовъ молодыхъ людей, которые желали служить гонимой церкви. Онъ благословлялъ бракосочетанія по ночамъ. Обѣдни, совершавшіяся ослушными священниками, привлекали толпу, жаждавшую получить религіозныхъ утѣшеній, которыхъ она была лишена.

„Сперва мы возвѣщали о своемъ прибытіи, — разсказываетъ онъ самъ—черезъ какихъ нибудь вѣрныхъ людей, которые выбирали и приготовляли подходящее помѣщеніе. Окрестные вѣрующіе получали тайное извѣщеніе. Мы исповѣдывали, совершали св. таинство евхаристіи, причащали, крестили и вѣнчали, въ случаяхъ надобности, а главное говорили поученія и наставленія, принаровленныя къ обстоятельствамъ и нуждамъ вѣрующихъ. Мы старались покончить службу до наступленія дня и раннимъ утромъ вернуться въ мѣсто нашего убѣжища, чтобы ничего не встрѣтилось намъ на пути...

„Когда бывало нѣсколько спокойнѣе, я совершалъ службу въ церкви. Когда было менѣе спокойно, я служилъ въ капеллахъ... Когда же было прямо неспокойно, я служилъ въ домахъ или ригахъ, но два раза подрядъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ служить почти никогда не случалось. Чтобы отвлечь подозрѣніе, одинъ разъ я отправлялся въ извѣстный кварталъ прихода, въ другой разъ на противоположную окраину, которая казалась мнѣ наиболѣе подходящей. Я давалъ обыкновенно знать не ранѣе, какъ наканунѣ, чтобы республиканцы только въ понедѣльникъ узнавали о томъ, гдѣ я совершалъ обѣдню въ воскресенье. Иногда имъ случалось приходить въ слѣдующую субботу вечеромъ, когда они знали, что служба была въ предшествовавшее воскресенье. Но они ничего уже

тамъ не находили. Собраніе вѣрующихъ въ тотъ день происходило въ другомъ мѣстѣ“ [1]).

Однажды густой туманъ помѣшалъ сторожевымъ, разставленнымъ на верху колокольни, разглядѣть жандармовъ. Данъ былъ сигналъ, двери заперты и богослуженіе продолжалось, ибо начальникъ жандармовъ былъ человѣкъ благонамѣренный, который поспѣшилъ направить свой отрядъ въ противоположную сторону.

Въ другой разъ, когда аббатъ Оренъ служилъ обѣдню въ одной ригѣ, жандармы появились въ моментъ причащенія. У него было только время проглотить св. дары и бѣжать, между тѣмъ какъ женщины ушли въ свою очередь припрятавъ подъ своими манто священные сосуды и церковныя облаченія.

Первыя причащенія всегда были опасны, въ виду большаго количества собиравшихся тутъ дѣтей. При этомъ присутствовали иногда коммиссары и жандармы, причащая собственныхъ своихъ малютокъ. Вмѣсто всякой выдачи тайны, они вручали своимъ женамъ 12 франковъ для передачи священникамъ, совершавшимъ эти трогательные обряды.

Однажды менѣе благодушные жандармы оказались на лицо въ тотъ моментъ, когда должно было начаться причащеніе дѣтей.

— Жандармы!—раздался крикъ.

Аббатъ Оренъ поспѣшно скинулъ съ себя священническое свое облаченіе и унесъ священные предметы въ лодку, приготовленную заранѣе. Вѣрующіе разбѣжались по окрестностямъ. Затѣмъ, когда опасность миновала, они снова вернулись въ ригу, гдѣ и закончилась прерванная служба.

Тѣмъ не менѣе бретонскій апостолъ едва не попалъ въ руки своихъ шпіоновъ. Не обративъ вниманія на предупрежденіе, сдѣланное ему одной женщиной во время совершенія имъ исповѣди, онъ нашелъ церковь въ осадѣ; впрочемъ, ему удалось проложить себѣ путь черезъ ряды солдатъ. Но, будучи замѣченъ, онъ подвергся преслѣдованію и былъ настигнутъ однимъ изъ солдатъ. Послѣдній поскользнулся и пастырю удалось бѣжать.

Аббатъ Оренъ исповѣдывалъ нерѣдко по цѣлымъ ночамъ на пролетъ, сидя въ нишѣ, устроенной въ стѣнѣ и служившей для него исповѣдальней. Алтаремъ, на которомъ онъ совершалъ

---

[1]) „Vie de M. Orain, prêtre, confesseur de la foi pendant la Révolution“, аббата Кагура, 2-е изд., Нантъ, 1861.

обѣдню, служилъ ему столъ, поставленный на подмосткахъ. Нѣсколько лубочныхъ образовъ, прибитыхъ гвоздями на деревянную раму, представляли собой запрестольные образа. Пышность христіанскаго богослуженія не поражала болѣе взоровъ, но гонимая и преслѣдуемая религія говорила сердцу. Она торжествовала по прежнему въ то время, когда казалась побѣжденною.

Скромные деревенскіе священники, какъ, напримѣръ, тотъ, съ которымъ мы только что познакомились, ежедневно рисковали своей жизнью, какъ бы чудомъ спасаясь отъ своихъ недруговъ, или же мужественно исповѣдуя свою вѣру передъ лицомъ своихъ палачей.

Одинъ священникъ, скрывшійся въ Лавалѣ, въ одномъ преданномъ семействѣ, гдѣ онъ оставался до конца Революціи, описалъ непрерывныя тревоги своего существованія за то время:

„Въ домѣ, гдѣ я былъ, — говоритъ аббатъ Дюбуръ де-ла-Буланжери [1]),—я нашелъ тайный ходъ, принесшій большую пользу вѣрующимъ, приходившимъ ко мнѣ. Каждый мѣсяцъ я отправлялся въ нѣкоторые изъ кварталовъ города. Я уходилъ ночью, переодѣтый то рабочимъ, то крестьяниномъ. Какъ то я надѣлъ военную форму. Но этотъ нарядъ очень мало шелъ ко мнѣ. Меня чуть не арестовалъ офицеръ, поинтересовавшійся узнать, какія у меня дѣла въ такое позднее время на улицѣ. Иногда оставался въ домахъ, куда приходилъ на нѣсколько дней. Сюда же собирались многія лица, желавшія воспользоваться моей службой. Лишь только по сосѣдству замѣчалось вызванное этимъ движеніе,—приходилось уѣзжать оттуда въ слѣдующую же ночь. Въ семействѣ Жимбертьеръ было произведено десять или двѣнадцать обысковъ, пока я тамъ скрывался. Обходили весь домъ, начиная съ погреба и кончая чердакомъ. И однако, поразительный фактъ! никогда не останавливались у той комнаты, которая служила капеллой и гдѣ скрывались Святые Дары. Тамъ стояли два шкафа, вскрытія которыхъ ни разу не потребовали, тогда какъ во всемъ остальномъ домѣ вскрывали всякую мебель, ощупывали бѣлье, заставляли развертывать грязное тряпье, рылись въ самыхъ маленькихъ коробочкахъ, подъ предлогомъ пересмотра, нѣтъ ли въ нихъ какихъ нибудь подозрительныхъ бумагъ.

„Тайникъ, куда я скрывался въ моменты опасности, такъ и остался не открытымъ. Необходимо было особое покрови-

---

[1]) Профессоръ богословія въ Домфронской семинаріи.

тельство Провидѣнія, чтобы оградить его отъ всѣхъ поисковъ. Онъ находился въ кабинетѣ madame де-ла Жимбертьеръ. Одинъ сосѣдъ узналъ объ его существованіи и удостовѣрился въ немъ положительнымъ образомъ... Онъ далъ знать о своемъ открытіи публичному обвинителю при революціонной коммиссіи и потребовалъ вознагражденія въ сто франковъ, обѣщанное тѣмъ, кто поможетъ арестовать священника. На другой день мировой судья, двое жандармовъ и четверо солдатъ явились для производства самаго тщательнаго обыска во всемъ домѣ и въ особенности въ кабинетѣ. Но несмотря на данныя имъ указанія, они ничего не могли найти. Между тѣмъ доносчикъ настаивалъ на основательности доноса. Онъ увѣрялъ, что обыскъ производился недостаточно внимательно и потребовалъ, чтобы сдѣланъ былъ новый болѣе опытными людьми. Насъ предупредили объ этомъ остервенѣніи. Я покинулъ домъ. Тайникъ быстро удалили, такъ что когда сдѣлали новый обыскъ, то уже не оказалось ничего подозрительнаго. Затѣмъ былъ устроенъ новый тайникъ, болѣе безопасный, нежели прежній, что̀ потребовало много работы и заставило меня устроиться въ другомъ убѣжищѣ на три мѣсяца [1]).

Послушаемъ еще одного священника, существованіе котораго преисполнено было потрясающихъ перепитій. Разсказъ этотъ переноситъ насъ въ Нормандію, гдѣ мы прослѣдимъ въ періодъ гоненій за опасностями и непріятностями, какимъ подвергался одинъ деревенскій священникъ. Аббатъ Дюменилль, кюре въ Гвербавиллѣ (Нижняя Сена), вынужденъ былъ покинуть свой священническій домъ въ началѣ весны 1794 г. Съ той поры началась его скитальческая жизнь, подъ вѣчнымъ страхомъ ежедневно все новыхъ опасностей.

„Когда наступала глубокая ночь, я шелъ искать гостепріимства на какую нибудь уединенную ферму, часто отправлялся къ доброму Ивильскому кюре, почти столѣтнему старцу, за которымъ уже не слѣдили. На зарѣ я снова уходилъ оттуда, унося съ собою въ карманѣ кусокъ хлѣба. Во время моихъ странствованій я всегда старался держаться поближе къ Сенѣ и, время отъ времени, въ различныхъ пунктахъ переходилъ съ одного берега на другой,—чтобы скрыть свои слѣды, если бы вздумали меня преслѣдовать. Однажды я имѣлъ неосторожность спуститься въ Руанъ, надѣясь остаться незамѣченнымъ въ толпѣ прохожихъ, и былъ въ жестокомъ затрудненіи въ

[1]) Піолинъ, „L'église du Mans durant la Révolution“, II, 66.

теченіе нѣсколькихъ часовъ. У меня были тамъ старинные друзья, изъ которыхъ ни одинъ не рѣшился принять меня къ себѣ. Еще болѣе рискованнымъ было бы для меня зайти въ какую нибудь гостинницу, гдѣ у меня не замедлили бы потребовать мои бумаги... Нерѣдко въ лѣсахъ или въ чистомъ полѣ, куда я отваживался направлять мои стопы съ наступленіемъ ночи, попадались мнѣ на встрѣчу добрые люди, которыхъ я признавалъ за таковыхъ по ихъ голосу и наружности и которые, съ своей стороны, отлично понимали, кто я такой. Прислушавшись и оглядѣвшись внимательно во всѣ стороны, они, наконецъ, подходили ко мнѣ и шепотомъ говорили.

— Ну, что же, monsieur, какія новости? Ахъ, что за времена! — Тутъ мнѣ они предлагали зайти къ нимъ для отдохновенія или же просили совершить какую либо требу,— окрестить новорожденныхъ или помочь больнымъ".

Проскитавшись болѣе мѣсяца вокругъ Руана, и опасаясь, чтобы его не арестовали, аббатъ Дюмениль рѣшился добраться до мѣстности де-Ко, своей родины.

„Много разъ, подходя къ жилищамъ, въ которыхъ искалъ я убѣжища на ночь, я рисковалъ,—говоритъ онъ,—быть растерзаннымъ въ куски *цѣпными собаками*,—менѣе гостепріимными, нежели ихъ хозяева. Нерѣдко, чтобы спастись отъ зубовъ этихъ черезчуръ ретивыхъ сторожей и отъ взоровъ людей, еще болѣе опасныхъ, я пользовался знакомствомъ съ мѣстностью, чтобы избѣжать этого положенія. Я взбирался на шлагбаумы, перелѣзалъ черезъ плетни и, наконецъ, стучалъ своей палкой въ оконницу, за которой мерцалъ свѣтъ. При этомъ я различалъ сконфуженный звукъ голосовъ, словъ, быстро сказанныхъ шепоткомъ. Въ тѣ несчастныя времена, посѣщеніе въ такую пору прежде всего вызывало тревогу. Когда же узнавали, что это я, когда вполнѣ убѣждались, что на сей разъ дѣло шло не о домашнемъ обыскѣ, не объ арестованіи, то домъ принималъ праздничный видъ, дѣти вылѣзали изъ своихъ прятокъ, чтобы броситься ко мнѣ на шею... Случалось, что среди тѣхъ, которые давали мнѣ пристанище, я встрѣчалъ честныхъ, но робкихъ людей, осуждавшихъ, какъ они называли, мое упрямство и совѣтовавшихъ мнѣ принаровиться къ языку и идеямъ времени, предавъ себя на волю Божію, Которой извѣстны наши намѣренія. Я старался имъ разъяснить, что есть такія вещи, съ которыми христіанинъ, и въ особенности священникъ, не можетъ примириться, не погрѣшивъ противъ своей совѣсти...

„Нерѣдко случалось мнѣ бродить по лѣсамъ цѣлыми днями, не встрѣтивъ тамъ ни единой души. Погруженный въ собственныя свои размышленія, я сравнивалъ это спокойствіе, царившее вокругъ меня, съ терроромъ, царившимъ въ нашихъ городахъ и деревняхъ. *По временамъ также, передаваясь черезъ цѣлый рядъ эхо, до уединенія моего достигалъ звукъ пушки, чествовавшей въ Руанѣ или Гаврѣ побѣды, за которыя намъ возбранялось благодарить Бога. Я испытывалъ при этомъ волненіе, смѣшанное съ какой-то тайной, невѣдомой мнѣ радостью; ибо, какъ бы ни были виновны мои соотечественники, тѣмъ не менѣе я никогда не пожелалъ бы, чтобы орудіемъ для ихъ наказанія Господь избралъ вражескую руку.* Иногда я отваживался доходить до крайнихъ предѣловъ утесистыхъ и лѣсистыхъ холмовъ, начиная отъ Кодебека и до Виллекье, преобладающихъ по лѣвому берегу Сены. Съ этой возвышенности вся страна казалась спокойной; ничто, повидимому, не измѣнилось. Жилища, виднѣвшіяся въ этой отдаленной перспективѣ, казалось, раздѣляли эту неподвижную ясность природы. Индеферентное къ треволненіямъ и горю людскому солнце украшало эту картину тѣми же отблесками свѣта, какъ и въ счастливые дни моей юности. Какъ въ былыя времена, поверхъ городовъ и деревень то тамъ, то сямъ выступали вершины колоколенъ. Но до меня не доносились болѣе звуки „*Angelus*“. Все являло собой безмолвіе и трауръ въ этихъ опустошенныхъ святилищахъ“.

Гвербавильскій кюре, только что посвятившій насъ въ пережитыя имъ испытанія и чувства въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ велъ жизнь изгнанника, прежде, чѣмъ уступилъ желанію своему повидать дорогой свой приходъ. Однажды онъ вернулся туда и забылъ всѣ опасности, какимъ подвергало его это возвращеніе, заставъ свою старушку-мать подъ той же кровлей, гдѣ онъ ее покинулъ. Книги его стояли на томъ же мѣстѣ, на полкахъ его библіотеки. Вотъ и очагъ, столько разъ согрѣвавшій его своимъ пламенемъ въ зимніе морозы. Ничто не измѣнилось въ этихъ мѣстахъ, и онъ могъ бы подумать, что проснулся отъ тяжелаго сна, если бы поруганная церковь не напомнила ему о печальной дѣйствительности. На мѣстѣ разрушеннаго алтаря возвышалось „древо свободы“. Имя Божіе повсюду было стерто нечестивыми руками, превратившими церковь въ „храмъ Разума“. Подъ этими сводами раздавались гражданскія пѣсни, прославлявшія торжество Революціи. Что еще усиливало скорбь добраго кюре, это слабость, проявлен-

ная многими честными, но робкими и боязливыми людьми. Даже тѣ, которые оплакивали смерть Людовика XVI, примкнули затѣмъ къ новому культу, въ надеждѣ избѣгнуть преслѣдованія. Землепашцы не осмѣливались болѣе по Воскресеньямъ надѣвать праздничное свое платье, изъ опасенія, чтобы ихъ не сочли „фанатиками". И они посвящали этотъ день труду, справляя лишь декады, сдѣлавшіяся обязательными.

При всемъ стараніи не быть замѣченнымъ, аббатъ Дюмениль не могъ скрыть своего возвращенія въ Гвербавиллъ. Его увидѣли, когда онъ рано утромъ перелѣзалъ черезъ плетень своего сада. На него было сдѣлано нѣсколько доносовъ и ему приходилось опасаться мэра и двухъ членовъ Наблюдательнаго Комитета, ревностныхъ якобинцевъ. Его арестовали въ его священническомъ домѣ, гдѣ ему дали восьмидневную отсрочку, причемъ онъ оплачивалъ шестерыхъ стражей, зоркій присмотръ которыхъ лишалъ его возможности бѣгства. Отправленный въ Ивето, онъ подвергся тамъ допросу со стороны національнаго агента, встрѣтившаго его грубыми ругательствами.

Проходя по улицамъ Ивето, оживленнымъ въ этотъ день толпой народа, по случаю базара, онъ замѣтилъ уныніе, написанное на всѣхъ лицахъ.

„Вотъ еще одного священника ведутъ въ тюрьму, — сказала одна крестьянка. — Милосердый Боже! какія времена!"

Приведенный въ Комбль, въ полумилѣ отъ Ивето, — загородный домъ, служившій мѣстомъ заключенія, — аббатъ Дюмениль встрѣтилъ тамъ десятерыхъ священниковъ, заключенныхъ подобно ему. Режимъ этой тюрьмы не отличался особенной строгостью. Однако, нація ничего не доставляла заключеннымъ. Болѣе счастливые дѣлились съ остальными скудными своими рессурсами. Два мѣсяца спустя аббату Дюмениль вернули свободу, поставивъ ему условіемъ, чтобы онъ не возвращался въ свой приходъ. Но онъ отказался дать такое обязательство и, дѣйствительно, не замедлилъ появиться снова въ Гвербавиллѣ, гдѣ засталъ свою мать, не покидавшую священническаго дома. Вѣрные прихожане встрѣтили его съ восторгомъ. За то мѣстные якобинцы воспылали на него гнѣвомъ, и только 9-е термидора, къ счастью, помѣшало имъ привести въ исполненіе ихъ угрозы.

Послѣ стольких несчастій стала возрождаться надежда. Тѣмъ не менѣе испытанія Гвербавилльскаго аббата еще не кончились. Къ великому его огорченію, въ концѣ 1794 года,

ему довелось быть свидѣтелемъ торжества Марата, справлявшагося его приходомъ. Особенно прискорбно было ему не видѣть болѣе въ великолѣпномъ замкѣ де-Майльерэ благочестивой благотворительницы, маркизы де-Нагю, которую Революція заключила въ темницу. Капелла замка, закрытая для богослуженія, открылась для шумныхъ народныхъ сборищъ, собиравшихся туда для выраженія ненависти ко всему, что прежде было чтимо и любимо.

Насталъ наконецъ день, когда населеніе могло привѣтствовать радостными своими возгласами возвращеніе владѣлицы замка, благодѣтельницы села, обитатели котораго устроили ей восторженную овацію. Съ постановленіемъ закона 30 мая 1795 года, церкви возвращена была временная свобода. Гонимые священники получили право снова вернуться къ алтарямъ церквей, которыми не овладѣла еще Революція. Но вскорѣ разразился переворотъ 18-го фруктидора. Гвербавильскій кюре снова очутился въ заключеніи въ Ивето, гдѣ провелъ 8 мѣсяцевъ. Впрочемъ, это заключеніе было для него предпочтительнѣе угрожавшаго ему изгнанія. Благодаря хлопотамъ преданныхъ друзей и вмѣшательству madame де-Нагю, уплатившей требуемыя суммы за его выкупъ, онъ могъ вернуться въ свой приходъ, къ матери, согбенной подъ тяжестью своихъ восьмидесяти шести лѣтъ. Впослѣдствіи ему довелось насладиться миромъ, возвращеннымъ церкви. Онъ скончался въ 1837 году, побѣдоносно пройдя черезъ всѣ дни испытаній, гдѣ погибло столько людей, которыхъ, однако, пережили вѣрованія, почерпнутыя въ вѣчныхъ истинахъ [1]).

Преслѣдованіе, начавшееся гражданской конституціей, сковало для церкви такія цѣпи, въ которыхъ каждый новый законъ только туже затягивалъ звенья. Небезъинтересно и небезполезно представить себѣ краткій резюме этихъ законовъ [2]). Они дадутъ возможность судить о положеніи духовенства въ революціонный періодъ.

Мы говорили уже о гражданской конституціи и имѣли возможность оцѣнить ея послѣдствія. Она обрекала на преслѣдованіе всякое духовное лицо, которое отказывалось дать присягу, осуждавшуюся его совѣстью, ранѣе публичнаго воспрещенія ея папою.

---

[1]) „Souvenirs de la Terreur; Mémoires inédits d'un curé de campagne", изданные барономъ Эрнуфомъ, 2-е издан., 1873, in—12.

[2]) Заимствую ихъ изъ труда Людовика Сціу, упоминавшагося уже нѣсколько разъ: „Histoire de la constitution civile du clergé, IV, 827 и слѣд.

29 ноября 1791 года, Законодательное Собраніе, добиваясь примѣненія гражданской конституціи духовенства, объявило католическихъ священниковъ „заподозрѣнными въ бунтѣ". Собраніе дало администраціямъ право отсылать ихъ внутрь страны, оставило вѣрующихъ безъ богослуженія и лишило отказавшихся отъ присяги священниковъ права нанимать церкви, какъ то дѣлалось у протестантовъ и у евреевъ. Постановленіе это, несмотря на королевское *veto*, вошло въ силу въ большей части Франціи, причемъ, вмѣсто умѣреннаго примѣненія, очень часто, подъ вліяніемъ революціонныхъ страстей, оно сопровождалось и большой строгостью.

Изгнаніе всего духовенства постановлено было 27 мая 1792 года, а 14 августа отъ монаховъ и владѣльцевъ духовныхъ мѣстъ, упраздненныхъ и получившихъ пенсію отъ государства, потребовали присягу въ *liberté-égalité*. Всякій отказъ влекъ за собою лишеніе пенсіи.

Декретомъ отъ 26 августа, обязывавшимъ въ теченіе двухъ недѣль покинуть Францію всѣхъ священниковъ, отказавшихся отъ присяги, налагалось десять лѣтъ тюремнаго заключенія на тѣхъ, кто вздумалъ бы вернуться. Этимъ декретомъ совершенно уничтожалось примѣненіе католическихъ обрядовъ по всей Франціи, подобно тому, какъ оно уничтожено было въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, гдѣ гражданская конституція введена была мѣстными или департаментскими властями.

Конвентъ пошелъ еще далѣе, нежели Законодательное Собраніе. Не удовольствовавшись гоненіями на католиковъ, онъ подвергъ преслѣдованію конституціонную церковь и кончилъ тѣмъ, что уничтожилъ ее. Цѣль различныхъ изданныхъ имъ эдиктовъ сводилась къ слѣдующему: разрѣшеніе браковъ среди священства (17 декабря 1792 года); обязательство, возложенное на конституціонное духовенство, вѣнчать разведенныхъ супруговъ и священниковъ.

Въ то же время преслѣдованія католиковъ усилились и поощрялись. Задержавшій ослушнаго священника получалъ премію въ сто ливровъ. (Законъ 14 февраля, 1793 года). Въ случаяхъ ссылки, эмигранты и священники подвергались смертной казни, въ теченіе 24 часовъ. (Законъ 18 марта 1793 года). Монахи, отказавшіеся отъ присяги въ *liberté-égalité*, присуждались къ ссылкѣ; давшіе присягу тѣмъ не менѣе могли подвергнуться подобной же ссылкѣ, за *недостатокъ цивизма*. Всѣ мятежники подвергались смертной казни въ теченіе 24 часовъ. (Законъ 21 апрѣля 1793 года).

Это ужасное законодательство держалось вплоть до консульства.

Уничтоженіе конституціонной церкви продолжено было законами, покровительствовавшими бракамъ священниковъ и осуждавшими на ссылку всѣхъ присягнувшихъ духовныхъ лицъ, отказывавшихся вѣнчать священниковъ. (Законы 19 іюля, 12 августа и 17 сентября 1793 г.). Уничтоженіе этой церкви довершено вѣроотступничествами, допущенными и одобренными. (Законы 23 брюмера и 2 фримера 1793 г.).

Духовенство преслѣдуемое, угнетаемое, гильотинируемое, изгоняемое продолжало находить убѣжище въ домахъ вѣрующихъ и встрѣчало симпатію среди народа. Всѣ укрыватели священниковъ также присуждались къ смертной казни. (Законъ 11 мая 1793 года).

Такова была прогрессія революціонныхъ законовъ. Они уничтожили конституціонную церковь, замѣнивъ ее культомъ Разума, учрежденнымъ въ соборѣ Notre Dame (Законъ 20 брюмера 1793 года), уничтоживъ предварительно католическіе обряды, конституціонной церковью. 9-е термидора не пресѣкло еще силы законовъ преслѣдованія. О приведеніи ихъ въ исполненіе дано было приказаніе отъ имени Конвента 11 января 1795 года. Законы эти остались въ силѣ, несмотря на законъ 11 преріала III года (30 мая 1795 года), возвращавшій религіи не отчужденныя церкви, обязывая притомъ священниковъ, желающихъ служить въ этихъ церквахъ, къ третьей присягѣ,—въ подчиненіи республиканскимъ законамъ, подъ страхомъ штрафа въ тысячу ливровъ. Въ силу не отмѣненныхъ законовъ, священники, возвратившіеся во Францію или снова появившіеся среди бѣла дня, полагаясь на умѣренность лучшаго режима, подвергались нападенію и преслѣдованію со стороны безпокойной и враждебной власти. Закономъ 18 сентября 1794 года было объявлено, что Республика „не платитъ болѣе ни расходовъ, ни жалованья, ни по какому культу“, причемъ она принимала равнодушный видъ, будто для нея безразличны какія бы то ни были религіи, какіе бы то ни были культы. Между тѣмъ администраціи могли, въ силу существовавшихъ законовъ, требовать отъ католическихъ священниковъ присяги гражданской конституціи, даже въ то время, когда, въ сущности, конституціонная церковь была фактически уничтожена.

Преслѣдованіе продолжало пользоваться этимъ неяснымъ положеніемъ и якобинскими страстями, сохранившими еще свое

могущество и послѣ паденія наиболѣе видныхъ террористовъ. Словно изъ опасенія, чтобы революціонные законы не заглохли, ихъ безпрестанно обновляли новыми мѣрами, имѣвшими своимъ назначеніемъ обезпечить приведеніе этихъ законовъ въ исполненіе. (Законы 6-го и 29-го сентября 1795 года).

Законодательство Директоріи признавало *эмигрантами* священниковъ, покинувшихъ Францію въ сентябрѣ и октябрѣ 1792 г., въ силу закона, обрекавшаго ихъ на ссылку въ теченіе восьмидневнаго срока, если они не взяли паспорта, и на десятилѣтнее заключеніе въ томъ случаѣ, если они были снабжены таковымъ для переправы за границу. Странное законодательство, ясно доказывавшее несправедливость угнетателей!

Директорія явилась продолжительницей революціонной системы. 13-го января 1796 года она позаботилась напомнить, что всѣ законы преслѣдованія должны находиться въ своей силѣ, безъ малѣйшаго исключенія. Она повелѣла (8-го вентоза) выдавать премію въ сто ливровъ, обѣщанную тѣмъ, кто арестуетъ священниковъ. Когда, благодаря народнымъ голосованіямъ, умѣренность готова была, повидимому, восторжествовать,—переворотъ 18-го фруктидора (4-го сентября 1797 года) снова вернулъ дни угнетенія и насилія. Отъ священниковъ стали требовать пятой присяги,—въ ненависти къ королевской власти и въ вѣрности Республикѣ,—явившейся новымъ средствомъ для изгнанія тѣхъ, чувства которыхъ помѣшали бы имъ дать подобную присягу. Закономъ 19-го фруктидора всякій священникъ могъ подвергнуться пожизненному изгнанію, по желанію правительства. Нѣсколько далѣе мы вернемся къ этимъ изгнаніямъ, жертвой которыхъ оказалось духовенство того времени. Благодаря 24-му параграфу, всякій священникъ, каковы бы ни были его прежняя жизнь и легальное положеніе, подлежалъ пожизненному изгнанію, если это находило нужнымъ правительство. Благодаря этому произвольному закону, Директорія высылала не только ослушныхъ священниковъ, но и конституціонныхъ, враждебно относившихся къ разводамъ и декадамъ, и даже женатыхъ священниковъ и разстригъ.

Съ 18-го фруктидора празднованіе декадъ [1]) становится предлогомъ для настоящаго преслѣдованія. Духовные лица, отказавшіяся замѣнить воскресенье декадами, лишались церкви. Соблюденіе республиканскаго календаря требовалось особенно

[1]) Въ республиканскомъ календарѣ было 36 декадъ вмѣсто 52 воскресеній.

настоятельно. Соблюденіе постовъ преслѣдовалось какъ важный проступокъ. Всякій торговецъ, продававшій или выставлявшій рыбу въ постные дни, преслѣдовался закономъ. Рабочіе и торговцы обязывались справлять декады какъ можно торжественнѣе. За то по воскресеньямъ ихъ заставляли работать. (Законы 3-го апрѣля, 4-го августа и 9-го сентября 1798 года).

Если упрекаютъ въ пристрастіи тѣхъ, кто видитъ въ Революціи лишь преступленія отдѣльныхъ лицъ, то, по меньшей мѣрѣ, позволительно судить о ней и по законамъ, принимавшимся въ революціонныхъ собраніяхъ и приводившимся въ исполненіе правительствомъ.

Преслѣдованіе касалось не только внѣшнихъ обрядовъ, но рѣшительно всего, что напоминало религіозный культъ. Уполномоченные Лежёнъ и Ру, уполномоченные депутаты въ Энѣ, приказывали разрушать колокольни [1]). „Долой колокольни! Конецъ оскорбленію равенства!“ — восклицали администраторы Директоріи Нижняго Рейна [2]).

Депутатъ Мишо, посланный въ Шатору, обнародовалъ декретъ, гдѣ можно было прочесть слѣдующія удивительныя слова:

„Принимая во вниманіе, что колокольни большинства изъ этихъ церквей находятся еще подъ властью религіознаго деспотизма, и что эти знаменія, своей формой и гигантской высотой возвѣщая о верховенствѣ романскаго культа и нетерпимости по отношенію къ другимъ религіямъ, возмутительнымъ образомъ противорѣчатъ параграфу о Человѣческихъ Правахъ, уничтожившему всѣ привилегіи...“ [3]).

Во многихъ храмахъ были уничтожены органы [4]), сняты колокола и употреблены на литье пушекъ. Но такъ какъ невозможно было конфисковать и расплавить всѣ колокола рѣшительно, то и приняты были мѣры, чтобы заставить ихъ замолкнуть, воспретивъ въ нихъ звонить [5]).

---

[1]) Сціу, III, 712.

[2]) Е. Сейнгёрле, „Strassbourg pendant la Révolution“, стр. 207.

[3]) Сціу, IV, 209.

[4]) „Принимая во вниманіе,—говорилъ депутатъ Эзню-Лавале,—что въ департаментѣ Ille-et-Vilaine играютъ на органѣ, поддерживая тѣмъ глупую вѣру гражданъ, привыкшихъ отправляться въ мѣста, посвященныя заблужденію и лжи; что въ механизмѣ этихъ инструментовъ имѣются матеріалы, которые можно употребить съ большей пользой въ пользу Республики и т. д.“ (Валлонъ, „Les représentants en mission et la justice révolutionnaire dans les départements“, I, 90).

[5]) Законъ 11-го апрѣля 1796 года.

Въ Родецѣ на снятіе колоколовъ и различныхъ церковныхъ предметовъ затрачена была тысяча двадцать шесть ливровъ, на пять ливровъ дороже „цѣны, установленной за сломку рельефа епископа изъ камня, помѣщавшагося на срединѣ хоровъ“ [1]).

Разрушенія слѣдовали за профанаціями, осквернявшими святилища. Въ Меймакѣ, въ Коррецѣ, справляя гражданскій праздникъ, якобинцы ввели въ храмъ лошадь, со звѣздой на хвостѣ, между тѣмъ какъ одинъ изъ революціонеровъ несъ чашу съ Св. Дарами, въ насмѣшку. Доведенная до алтаря лошадь была представлена народу ея вожакомъ, выкрикивавшимъ: „Граждане, вотъ вашъ Богъ!“ Возмущенное подобнымъ поношеніемъ святыни населеніе бросилось на этого якобинца, причемъ группа его товарищей не въ силахъ была укрыть его отъ палочныхъ ударовъ [2]).

Въ Квимперѣ демагоги воспользовались временемъ, когда шла обѣдня, чтобы ворваться въ церковь, облаченные въ карманьолу и въ красныхъ шапкахъ на головахъ. Они разбили мраморъ на алтарѣ, вскрыли дарохранительницу, похитили оттуда дароносицу и осквернили ее своими нечистотами [3]).

Депутатъ Рейно воспретилъ женщинамъ и молодымъ дѣвушкамъ носить на шеѣ „крестъ или вообще всякія изобрѣтенія предразсудка“,—каковые знаки, говорилось въ декретѣ, будутъ конфисковаться въ пользу доносчиковъ.

Въ одной общинѣ департамента Верхней Луары нѣкій человѣкъ, жена его и дочери были застигнуты въ моментъ, когда въ одинъ изъ декадскихъ дней они сбирали вишни. Они были присуждены къ штрафу въ сто пятьдесятъ ливровъ, какъ бы за то, что работали тогда, когда это воспрещено [4]).

Гражданскія похороны сдѣланы были обязательными Фуше, состоявшимъ тогда уполномоченнымъ представителемъ въ Аллье. Вотъ какимъ образомъ распредѣлялъ онъ похоронный распорядокъ:

„Въ каждомъ муниципалитетѣ всѣ скончавшіеся граждане, къ какой бы сектѣ ни принадлежали, — черезъ двадцать четыре часа послѣ кончины или же черезъ сорокъ восемь,—въ случаяхъ внезапной смерти, — отвозятся къ мѣсту, назначенному для общаго погребенія, *покрытые погребальнымъ сава-*

---

[1]) „Tableau sommaire de la Terreur dans l'Aveyron“, Г. Аффра, стр. 29.
[2]) „Scènes et portraits de la Révolution en bas Limousin“, графа де-Сейлака.
[3]) Дю-Шателлье, „La Révolution en Bretagne“, III, 389.
[4]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission“, III, 219.

номъ, на которомъ должно быть изображенie Сна,—въ сопровожденіи общественнаго чиновника, окруженные своими друзьями въ трауръ и отрядомъ собратьевъ ихъ по оружію.

„Общее мѣсто, гдѣ назначено покоиться ихъ останкамъ, будетъ находиться вдали отъ всякаго жилья, засажено деревьями, подъ тѣнью которыхъ будетъ возвышаться статуя, изображающая Сонъ. *Всѣ остальные символы будутъ уничтожены.*

„На воротахъ этого священнаго поля, во имя религіознаго уваженія къ душамъ усопшихъ, будетъ начертана слѣдующая надпись: „*Смерть есть вѣчный сонъ*“ [1]).

Можно было бы думать, что революціонеры преслѣдовали только уничтоженіе существующихъ религій. Но они желали въ то же время создать еще новые культы и навязать ихъ тѣмъ, кто ихъ отвергалъ. За сатурналіями, въ честь богини Разума, послѣдовалъ культъ высшаго Существа, который не пережилъ, однако, Робеспьера, своего изобрѣтателя. Революціонныя празднества вдохновлялись языческими празднествами. Въ началѣ они размножились до такой степени, что пришлось ограничить ихъ число. Наименованія ихъ были очень странны. Были праздники Природы, Любви, Воспроизведенія существъ, Возрожденія французскаго народа, Всеобщаго Счастья, Силы, Общественныхъ Добродѣтелей, Братства, Обязанностей человѣка и гражданина и т. д. и т. п.

Комитетъ Общественнаго Спасенія въ мартѣ 1794 года опубликовалъ циркуляръ, имѣвшій назначеніемъ поддержаніе революціонной религіи, гдѣ говорилось:

„Народныя общества, если вы желаете уничтожить фанатизмъ, въ такомъ случаѣ легендарнымъ чудесамъ противополагайте чудеса свободы; жертвамъ ослѣпленія—мучениковъ разума; притворству лицемѣрія — высокое поведеніе Марата, Пеллетье, Шалье; церковнымъ маскарадамъ—торжественность нашихъ національныхъ празднествъ; заунывному пѣнію священниковъ—гимны свободы; ничтожнымъ *oremus*—любовь къ труду, добрыя дѣйствія и дѣла благотворительности... Забросьте ужасъ въ души насадителей фанатизма и пролейте бальзамъ въ души фанатизируемыхъ“ [2]).

„Внѣ Республики нѣтъ спасенія, — говоритъ Фреманже, народный представитель въ Кальвадосѣ [3]).

---

[1]) Cuiy, IV, 202.

[2]) Вентозъ, III годъ. „Etudes sur l'histoire religieuse de la Révolution française“. А. Газье, кн. III, гл. II.

[3]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission“, I, 99.

И всѣ эти старанія, всѣ угрозы, насилія, казни разбивались о народное чувство. На западѣ, гдѣ шуанство водрузило свое знамя, народъ, привязанный къ своимъ храмамъ и къ своимъ священникамъ, главнымъ образомъ жаждалъ отмщенія не за паденіе трона, а за поруганіе алтарей. То же чувство руководило возстаніемъ въ Нормандіи, позднѣйшее возмущеніе которой было вызвано тѣми же причинами. Здѣсь героизмъ Луи Фротте въ гонимой религіи обрѣлъ оружіе, которое онъ примѣнилъ къ услугамъ дѣла монархизма [1]).

Не только въ Бретани и Вандеѣ крестьяне прославились своимъ противодѣйствіемъ несправедливымъ закономъ. Въ Ардешѣ и Верхней Лоарѣ отказавшіеся отъ присяги священники находили пріютъ въ хижинахъ бѣдняковъ и въ ригахъ земледѣльцевъ. Революціонныя власти производили по лѣсамъ и по горамъ охоту съ борзыми собаками, съ цѣлью напасть на слѣдъ ослушниковъ и устранить укрывателей священниковъ. Они постановили, что необитаемыя и уединенныя строенія обрекали ихъ владѣльцевъ на смертную казнь, если въ таковое скроется какой-нибудь священникъ даже въ случаѣ полнаго невѣдѣнія объ этомъ фактѣ со стороны владѣльца. Единственнымъ средствомъ избѣжать этой опасности являлось отреченіе отъ владѣнія этими постройками, которыя тогда разрушались или же продавались въ пользу націи.

Подобно жителямъ деревень, народъ въ Парижѣ защищалъ свои вѣрованія съ самаго начала религіознаго преслѣдованія. 24 декабря 1792 года, когда Манюэль и Парижская Коммуна объявили приказъ о закрытіи Церквей, въ моментъ приготовленій къ празднованію праздника Пасхи, вспыхнули народные мятежи. Когда въ слѣдующемъ году Манюэля вели на эшафотъ, торговки фруктами и прачки преслѣдовали его съ крикомъ: „Такъ ему и надо; это онъ хотѣлъ намъ помѣшать ходить къ обѣднѣ“ [2]).

Въ 1791 году упраздненіе процессій новымъ конституціоннымъ духовенствомъ вызвало раздраженіе среди турэнскихъ крестьянъ, приписавшихъ этому обстоятельству плохой урожай хлѣба. Они хотѣли заставить присягнувшихъ священ-

---

[1]) Крайне правдивая и интересная характеристика этой эпохи въ Нормандіи дана была въ недавно вышедшемъ изданіи де-ла-Сикотьера: „Louis de Frotté et les insurrections normandes“, 3 тома, in-8°.

[2]) „Du fanatisme et des cultes“, Бодена, народнаго представителя. Парижъ, годъ III, in-8°.—„Etudes sur l'histoire religieuse de la Révolution française“, А. Газье, стр. 177.

никовъ устроить эти процессіи, несмотря на раскольничьяго епископа. Во многихъ приходахъ пришлось повиноваться. Когда одинъ изъ присягнувшихъ священниковъ отказался исполнить это требованіе, толпа осадила его священническій домъ, и только бѣгство въ поле помогло ему спастись отъ ея гнѣва [1]).

Во многихъ общинахъ Сены и Оазы крестьяне, лишенные своихъ кюре, сами распѣвали службы, къ великому негодованію революціонныхъ властей, которыя немедленно произносили слово—заговоръ и спѣшили карать виновныхъ [2]).

Донесенія агентовъ народныхъ представителей въ Шерѣ констатировали 26 іюля 1794 года слѣдующіе факты:

„Привязанность къ крестамъ и религіознымъ символамъ католической религіи интенсивнѣе въ тѣхъ общинахъ, гдѣ населеніе оставлено безъ священниковъ. Эти символы служатъ для нихъ утѣшеніемъ.

„Крестьяне вообще склонны оплачивать своихъ священниковъ, и готовы приносить для того величайшія жертвы". Въ томъ же департаментѣ въ 1793 году, мэръ общины Ази, обратясь къ одному изъ этихъ агентовъ, сказалъ ему: „Не являешься ли ты съ цѣлью посягнуть на наши обряды? Община раздѣлилась на двѣ партіи. Желающій этихъ обрядовъ—сильнѣйшій".

И агентамъ ничего не оставалось какъ признать за крестьянами стойкость ихъ религіозныхъ идей, отстаивавшихся съ такимъ ожесточеніемъ. „Это все фанатизмъ,—писали они,—они желаютъ имѣть священника" [3]).

Снятіе колоколовъ, уничтоженіе колоколенъ часто вызывали протесты, и во многихъ мѣстностяхъ народъ прибѣгалъ къ насилію.

Едва успѣлъ прекратиться Терроръ, какъ укоренились вѣрованія, которыхъ преслѣдованіе не въ силахъ было уничтожить. Одна иностранка въ 1795 году сдѣлала замѣчаніе, что за обѣдней въ опустошенныхъ храмахъ бывало болѣе народу нежели до Революціи.

„Вчера было воскресенье,—писала она изъ Парижа 8-го іюня.—Сегодня день декады, такъ что у насъ два дня праздниковъ подъ рядъ. Но съ той поры, какъ люди имѣютъ болѣе

---

[1]) „Souvenirs de la Révolution dans le département d'Indre-et-Loire" (1790—1798), Ж. Кс. Карре де-Бюссеролль, стр. 32.

[2]) Л. Сціу, III, 690.

[3]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission", III, 303, 431.

свободы для выраженія своихъ мнѣній, они рѣшительно предпочитаютъ христіанскій праздникъ республиканскому. Первый они соблюдаютъ изъ склонности, второй—по необходимости... Люди, относившіеся къ своимъ религіознымъ обязанностямъ небрежно или индифферентно, сдѣлались нынѣ набожными и даже энтузіастами, и не ради ханжества, а подъ давленіемъ жгучаго сознанія золъ нечестія. Надо признать, что если христіанство нуждалось въ адвокатѣ, въ такомъ случаѣ оно не могло найти болѣе могущественнаго, какъ воспоминаніе о преступленіяхъ и страданіяхъ французовъ со времени уничтоженія этого культа“ [1]).

IV.

Мы видѣли какъ духовенство непрерывно продолжало свое апостольство, не взирая на повседневныя, ежечасныя, ежеминутныя опасности. Показавъ, что оно выстрадало, скажемъ о томъ, какъ оно умѣло умирать.

Убійство нѣсколькихъ священниковъ предшествовало сентябрьской рѣзнѣ. До этого періода, въ теченіе 1792 года, революціонеры подвергли избіенію ослушныхъ священниковъ. Аббатъ Шаброль, въ Лиможѣ, палъ жертвой ихъ ярости. Онъ энергично боролся съ тремя національными гардистами. Но на помощь имъ явилось тридцать душегубцевъ. Исколовъ несчастнаго священника всего насквозь, они растерзали его трупъ.

Двое изъ Сенъ-Сюльписцевъ, Браваръ и Лежёнъ, и семь священниковъ, заключенныхъ въ тюрьму въ Арденнскомъ департаментѣ, были вытащены изъ своихъ темницъ, причемъ ихъ связали по-трое. Аббатъ Браваръ шелъ впереди съ требникомъ въ рукахъ. Когда отъ него стали требовать, чтобы онъ далъ конституціонную присягу, онъ отказался, жертвуя своей жизнью во имя Церкви, Франціи и обращенія на путь истины своихъ убійцъ. Какъ его, такъ и сотоварищей его заколотили до смерти ударами штыковъ. Одного изъ нихъ, аббата Нови, кюре въ Ожакѣ, надѣялись заставить дать присягу на лежавшихъ трупахъ, и позвали его отца, который умолялъ сына спасти свою жизнь, согласившись на то, что отъ него требовали: „Я умру, достойнымъ васъ и моего Бога,—отвѣчалъ ему

---

[1]) „Un séjour en France de 1792 à 1795“. Lettres d'un témoin de la Révolution française“, стр. 287, 288.

этотъ молодой священникъ, двадцати восьми лѣтъ, — и вамъ будетъ пріятнѣе имѣть сыномъ мученика, нежели вѣроотступника".

Около того же времени въ данной мѣстности Франціи до двадцати священниковъ подверглись удушенію. Де-Лангуаранъ, главный викарій архіепископа изъ Бордо, былъ убитъ съ другимъ священникомъ шайкой въ тридцать человѣкъ.

Въ Парижѣ, 15-го іюня 1792 года, одинъ священникъ, отрекшійся отъ данной присяги, былъ повѣшенъ на фонарномъ столбѣ. Аббатъ Шоде, кюре изъ Руанской епархіи, выброшенъ былъ въ окно и затѣмъ убитъ.

Въ іюлѣ того же года въ Марселѣ избивались монахи [1]). Аббатъ Лемерсье, преподаватель главной семинаріи въ Буржѣ, въ сентябрѣ 1792 года бѣжалъ вмѣстѣ съ Аймъ, однимъ изъ своихъ собратьевъ, и двумя священниками, по имени Сегреттье, изъ которыхъ одинъ былъ настоятелемъ младшей семинаріи въ Клермонѣ. Законъ о пожизненномъ изгнаніи духовенства былъ еще въ силѣ, и чтобы избѣжать его, они запаслись каретой и паспортами. Проѣзжая черезъ Кушъ, близь Отёна, они возбудили подозрѣніе, несмотря на принятую ими предосторожность, въ видѣ замаскированія себя чужимъ платьемъ. Мэръ надѣялся спасти ихъ, засадивъ ихъ въ тюрьму. Но толпа выломала тюремныя ворота. Увидя себя обреченными на погибель, четверо священниковъ исповѣдовались другъ другу. Едва первый изъ нихъ переступилъ порогъ тюрьмы, какъ упалъ, сраженный ударами лопатъ и заступовъ. Товарищи его пали вслѣдъ за нимъ, обливаясь кровью. Съ звѣрскимъ изступленіемъ принялась чернь избивать ихъ камнями. Одинъ изъ этихъ мучениковъ пережилъ всего одну ночь послѣ своей пытки. Онъ дышалъ еще на другой день, какъ вдругъ нѣкій субъектъ, съ деревянной ногой, ударилъ ею ему въ лицо, затѣмъ размозжилъ ему голову, бросивъ на нее огромный камень. Разсвирѣпѣлые люди продолжали колотить трупы, которые были, наконецъ, преданы землѣ посреди града богохульствъ [2]).

Казнь аббата церкви Saint-Martin, Путанжскаго викарія (Орнъ), отличалась не меньшимъ варварствомъ. Онъ былъ захваченъ 18-го августа 1792 года шайкой революціонеровъ въ домѣ, гдѣ онъ скрывался. Палачи его отрѣзали ему волосы и

---

[1]) Л. Сціу, III, 201—205.

[2]) „Les martyrs du diocèse de Bourges pendant la Révolution", аббата Гайльо, стр. 90.

уши и заставили его присутствовать за обѣдней, совершавшейся конституціоннымъ кюре. Протаскавъ и промучивъ его цѣлыхъ двое сутокъ, они порѣшили его убить. „Отрекайся отъ папы или умирай!“ — сказали они ему прежде чѣмъ покончить съ нимъ. Въ отвѣтъ на его отказъ, они изрѣшетили его пулями, затѣмъ вырвали изъ него внутренности [1]).

Почти въ то же самое время въ Труа былъ убитъ каноникъ Фардо, причемъ голову его носили по улицамъ на пикѣ.

Вскорѣ послѣ того навели на Францію ужасъ сентябрскія убійства. Мы упоминали уже о Кармскомъ избіеніи [2]), гдѣ духовенство доставило знаменитыхъ мучениковъ. Девяносто шесть священниковъ были заключены въ семинарію Saint Firmin, семьдесятъ девять были перебиты. Нѣкая мегера, прозванная *убійцей*, однимъ ударомъ полѣна сразила аббата Гро, кюре изъ церкви Saint Nicolas въ Шардоннэ. Трупъ его стащили въ ручей, голову носили на концѣ пики. Когда же вскрыли его завѣщаніе, то оказалось, что этотъ достойный пастырь оставлялъ свое имущество бѣднымъ [3]).

Де-Кастеланъ, епископъ Мандскій, 7 сентября, подвергся удушенію въ Версалѣ, вмѣстѣ съ Деллассоромъ, бывшимъ министромъ Людовика XII. Таже участь постигла семерыхъ священниковъ въ Мо. Кромѣ того, много пастырей было перебито въ Реймсѣ. На площади Ратуши былъ разведенъ громадный костеръ, куда живыми бросили двухъ священниковъ.

Въ Ліонѣ, не удовольствовавшись избіеніемъ нѣсколькихъ священниковъ, революціонеры ранили еще одного, вырѣзали ему языкъ, затѣмъ повѣсили голову его на дерево [4]).

Патеръ Вальфрамберъ, капуцинъ, арестованный 5 сентября въ Алансонѣ, осужденъ былъ муниципальнымъ совѣтомъ на три дня тюремнаго заключенія за „акты нецивичности“. Душегубы схватили его, забили пинками и палочными ударами, пробовали пилить его тѣло, надѣли голову его на метловище и снесли ее подъ окна дома, гдѣ жили его отецъ и семейство.

Четверо священниковъ, отправлявшихся въ Руанъ, были убиты въ Гасѣ шайкой волонтеровъ, выкрикивавшихъ имъ:

— Присяга или смерть!

Трупы ихъ были изуродованы до такой степени, что сдѣ-

---

1) „Les martyrs de la Révolution dans le diocèse de Séez“, аббата Блэна, томъ I.
2) См. VI главу.
3) Cuiy, III. 258, 263.
4) Ibid. III. 271.

лались неузнаваемыми. Одинъ изъ убійцъ отрѣзалъ ухо у одной изъ жертвъ и прицѣпилъ его себѣ на шляпу [1]).

Духовенство, повсюду подвергаясь оскорбленіямъ, угрозамъ, избіенію, вынуждено было эмигрировать. Но оно подвергалось огромнымъ опасностямъ, пока успѣвало добраться до границы, и садясь на корабли въ гаваняхъ, гдѣ духовныхъ лицъ иногда узнавали, и тогда якобинцы обирали ихъ, враждебныя власти чинили допросъ и захватывали себѣ ихъ деньги и вещи [2]).

Было бы долго перечислять покушенія, какимъ подвергалось духовенство. Терроръ возвелъ многое множество духовныхъ лицъ на эшафотъ. Въ Франшконте и въ департаментѣ Воклюзы присягнувшихъ священниковъ казнили на ряду съ ослушниками. Многіе изъ нихъ отреклись отъ присяги передъ смертью. Въ Оранжѣ, гдѣ размножились кровавые акты, тридцать священниковъ и тридцать семь монахинь сложили свои головы на эшафотѣ.

Въ департаментѣ Эро нѣкій священникъ, по имени Мишель, былъ приговоренъ къ смертной казни судомъ, приказавшимъ у подножія эшафота сжечь его платье, какъ предметы, способные расплодить „фанатизмъ“.

Патеръ Казо былъ гильотинированъ въ Бордо вмѣстѣ съ однимъ мужчиной и одиннадцатью женщинами, виновными въ томъ, что они его укрывали. Примѣры подобныхъ казней, гдѣ вѣрующіе дѣлили участь съ изгнанными священниками, которымъ великодушно давали пристанище, очень многочисленны.

Шесть монахинь, присужденныхъ къ смертной казни революціонной коммиссіей въ Бордо за то, что слушали обѣдню, совершавшуюся ослушными священниками, отказались выдать ихъ убѣжище. „Онѣ объявили при всемъ собраніи, что присутствовали за обѣдней, отправлявшейся этими священниками, знаютъ, гдѣ они находятся, но этого не выдадутъ“. Такъ выражается комиссія, возмущенная непреклонной твердостью тѣхъ, которыхъ она отправила на смерть.

Для изловленія священниковъ нерѣдко прибѣгали къ хитрости. Съ этой цѣлью снаряжались подставные посланные, являвшіеся приглашать пастырей отъ лица умирающихъ, которымъ яко бы требовалось ихъ напутствіе [3]). Одинъ викарій изъ прихода Ларжантьеръ, въ Ардешѣ, скрывался въ Монпеллье, въ 1792 году, и продолжалъ тамъ евангельскую свою

[1]) Л. Сціу, III, 273, 274.
[2]) Ibid, III, 275—277.
[3]) Л. Сціу, IV, *passim.*

миссію, благодаря гостепріимству двухъ отважныхъ женщинъ. Узнавъ о томъ, что мѣстопребываніе его открыто, и что на него сдѣланъ доносъ, онъ сказалъ:

„Я представляю собой жертву, отмѣченную кровавыми литерами, но будьте увѣрены, что вы не замѣтите блѣдности на моемъ лицѣ, когда меня поведутъ на эшафотъ".

5-го марта 1794 года, въ среду, на первой недѣлѣ великаго поста, за обѣдней у него присутствовало одиннадцать человѣкъ. Онъ читалъ Евангеліе, какъ вдругъ въ двери послышался стукъ. Онъ едва успѣлъ снять свое священническое облаченіе и скрыться въ погребѣ вмѣстѣ съ священными сосудами.

Дверь была открыта революціонерамъ, которые нашли священника въ его засадѣ. Осквернивъ святыню и надругавшись надъ нею, они блевали въ чашу.

— Это твой Богъ,—говорили они,—предалъ тебя въ наши руки, чтобы мы положили предѣлъ твоимъ преступленіямъ.

Вмѣстѣ съ нимъ арестовали женщинъ, бывшихъ у него за обѣдней. Ихъ присудили присутствовать при его казни. Послѣ тщетныхъ настояній заставить его дать присягу, президентъ суда сказалъ ему: — Ну-ка, соверши какое нибудь чудо! Богъ въ томъ тебѣ не откажетъ. Но Богъ отступился отъ тебя; Онъ желаетъ, чтобы мы уничтожили подобныхъ нечестивцевъ какъ ты; для того-то Онъ и предалъ тебя въ наши руки.

— Богъ,—кротко отвѣчалъ пастырь,—любилъ единственнаго Сына Своего и тѣмъ не менѣе предалъ Его въ руки злодѣевъ.

Затѣмъ президентъ еще сказалъ ему:—Тебя присуждаютъ къ смертной казни не за то, что ты служилъ обѣдню, а за то, что ты не повиновался. Имѣешь ли ты что сказать?

— Молю Спасителя, чтобы Онъ отпустилъ мою смерть вамъ и всѣмъ тѣмъ, кто ей способствуетъ своимъ одобреніемъ. Желаю, чтобы она принесла пользу моей родинѣ. Но помните, что есть Праведный Судья, Который будетъ судить и судей.

Онъ былъ казненъ въ церковномъ своемъ облаченіи въ тотъ же самый день, когда былъ арестованъ и судимъ. Одна молодая дѣвушка, пожелавшая взять горсть земли, окрашенной его кровью, была привлечена къ суду, и съ твердостью выдержала допросъ, сдѣланный ей по этому поводу. Женщины, давшія пріютъ священнику, были осуждены на ссылку, двѣ другія были арестованы, какъ подозрительныя [1]).

---

[1]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission", II, 439 и слѣд.

Одинъ священникъ, по имени Пьерръ Авиньонъ, добровольно отдался въ руки своихъ враговъ, сказавши: „Выдаю себя, чтобы сберечь жизнь тѣхъ, кто, во имя милосердія, жертвовалъ своею жизнью ради моего спасенія“. И онъ попалъ въ тюрьму, трижды передъ тѣмъ миновавъ гильотины. Уголовный судъ въ Эро приговорилъ его къ смертной казни. Онъ попросилъ разрѣшенія, хотя и безуспѣшно, войти на эшафотъ съ изображеніемъ Христа. Окружающимъ онъ сказалъ, что будетъ послѣднимъ священникомъ, котораго казнятъ и это предсказаніе сбылось [1]).

Въ протоколѣ объ арестованіи аббата Пино, кюре изъ Лору (Луара), значились слѣдующія слова: „Издадимъ приказъ, чтобы священническія облаченія, чаши, лики божковъ и другія игрушки въ этомъ родѣ также переносились въ комитетъ“. Этого священника привели на судъ въ его церковномъ облаченіи. Его спросили, былъ ли бы онъ доволенъ, если бы его гильотинировали въ такомъ видѣ.

— Вы не могли бы доставить мнѣ большаго удовольствія, — отвѣчалъ онъ имъ.

Его священное облаченіе снято было съ него только въ моментъ казни [2]).

Въ Анжерѣ аббатъ Грюже, пренебрегая всѣми опасностями, взбирался на мансарды дома, сосѣдняго съ площадью Ральеманъ, гдѣ былъ воздвигнутъ эшафотъ, чтобы благословлять тѣхъ, кто являлся туда принимать смерть [3]).

Революціонный Комитетъ въ Анжерѣ отдалъ невольную честь жертвамъ въ письмѣ къ Комитету Общественной безопасности:

„Наши аристократы идутъ на смерть съ твердостью, а наши шарлатаны священники съ благочестіемъ и въ своихъ священническихъ ризахъ“ [4]).

Въ числѣ апостоловъ этого времени, заслуживающихъ доброй памяти, надо назвать аббата Роха, викарія изъ Жонвелля (Верхняя Сона). Отказъ его дать конституціонную присягу понудилъ его покинуть свой приходъ въ ноябрѣ 1791 года, хотя онъ удалился оттуда лишь тогда, когда ему невозможно уже было тамъ оставаться.

— Братья мои, — обратился онъ къ своимъ прихожанамъ передъ отъѣздомъ, — обратите дома ваши въ церкви и молельни,

---

[1]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission“, II, 451.
[2]) Ibid., I, 326.
[3]) Ibid., I, 327.
[4]) Камиллъ Бурсье „La Terreur en Anjou“, стр. 178.

и если услышите о томъ, что я арестованъ, преданъ суду,— радуйтесь, ибо тамъ я вамъ буду полезнѣе, чѣмъ здѣсь.

Возвратившись тайкомъ въ свой приходъ въ слѣдующемъ году, онъ отправился въ Римъ, вернулся во Францію во время Террора и продолжалъ служеніе свое въ лѣсахъ и пустынныхъ мѣстахъ, куда вѣрующіе стекались къ нему. Во время пребыванія своего въ Римѣ, онъ обѣщалъ одному изъ своихъ собратьевъ, аббату Ресевѣру, позаботиться объ его матери. Узнавъ, что она серьезно заболѣла, онъ отправился къ ней. У этой женщины былъ другой сынъ, состоявшій президентомъ революціоннаго суда. Присутствіе священника въ его домѣ не могло пройти незамѣченнымъ якобинцами. Тѣмъ не менѣе аббатъ Рохъ скрывался тамъ, прося слугу дать ему знать, когда умирающая, повидимому, будетъ близка къ отходу. Дѣйствительно, ему пришли сказать, что она кончается. Сынъ ея, президентъ революціоннаго суда, стоялъ около нея съ нѣсколькими клубистами. Но священникъ не задумался появиться передъ ними. Очутившись передъ лицомъ президента, онъ сказалъ ему:

„Вы меня знаете, monsieur, я католическій священникъ и являюсь дать послѣднее напутствіе вашей матушкѣ. Я въ вашей власти. Прошу только повременить съ моимъ арестованіемъ, чтобы я успѣлъ передать умирающей необходимыя слова утѣшенія, въ которыхъ она нуждается". Суровый якобинецъ былъ тронутъ зрѣлищемъ умирающей и отважностью того, который такъ рисковалъ собою ради нея. Въ этотъ день аббата Рохъ не потревожили, но, продолжая апостольское свое служеніе, онъ былъ арестованъ нѣсколько времени спустя, и взошелъ на эшафотъ въ 1794 году [1]).

Революціонное преслѣдованіе отличалось особенно гнуснымъ характеромъ, направляясь противъ скромныхъ монахинь, бѣдныхъ дѣвушекъ, не имѣвшихъ никакого руководящаго вліянія на людскую совѣсть и не добивавшихся никакихъ иныхъ правъ, кромѣ права молиться. Казнь шестнадцати кармелитокъ изъ Компьеня—одинъ изъ поразительнѣйшихъ фактовъ этого времени. Онѣ были изгнаны изъ своего монастыря декретомъ Національнаго Собранія 17-го августа 1792 года, гдѣ говорилось:

„Принимая во вниманіе важность предоставленія мона-

[1]) Ж. Созэ, „Histoire de la persécution religieuse dans le département du Doubs", V, 552—571.—Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission", III, стр. 279.

хинямъ свободы, которая обезпечена за ними закономъ, и неменьшую важность необходимости разсѣять остатки фанатизма, которымъ бывшія обитательницы монастырей слишкомъ охотно даютъ убѣжище, 1-го октября всѣ дома, занятые монахинями, будутъ очищены и поступятъ въ продажу".

Тогда кармелитки разбрелись по четыремъ домамъ въ городѣ и жили тамъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, какъ вдругъ мэръ явился къ настоятельницѣ съ просьбой собрать ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Въ ихъ присутствіи вскрылъ онъ протоколъ, принесенный прокуроромъ-синдикомъ, и обратился къ нимъ съ просьбой дать ихъ подписи, имѣвшія цѣлью,—по словамъ его,—обезпечить ихъ спокойствіе. Увидѣвъ бѣлую страницу, настоятельница заподозрила западню. Однако, увѣренія мэра успокоили ея нерѣшительность, и смущенныя монахиня согласились дать требуемыя отъ нихъ подписи. Но эти подписи, какъ оказалось, заставили ихъ сдѣлать непосредственно подъ присягой. Когда же онѣ выразили желаніе отречься отъ послѣдней, то ихъ обязали отсрочить это отреченіе.

Присяга, которую исторгли у нихъ хитростью, однакоже, не защитила ихъ отъ угнетеній. Имъ пришлось представлять еще свидѣтельства цивичности для полученія нѣсколькихъ ассигнацій. Наконецъ, въ іюнѣ 1794 года, ихъ арестовали.

Обвинительнымъ актомъ онѣ обвинялись въ слѣдующемъ: 1) въ ночныхъ собраніяхъ; 2) въ перепискѣ съ эмигрантами; 3) въ сношеніяхъ съ демагогической ясновидящей, и 4) въ утайкѣ мантій короны. Мантіи эти просто на-просто принадлежали тремъ волхвамъ, фигурировавшимъ въ небольшихъ Рождественскихъ ясляхъ.

Съ самаго начала своего арестованія кармелитки потребовали къ воротамъ Компьенской тюрьмы мэра, національнаго агента и актуаріуса, чтобы отречься отъ присяги, которую выманили отъ нихъ, благодаря ихъ довѣрчивости. 10-го іюля ихъ послали въ Парижъ, куда онѣ добрались на двухколесныхъ тележкахъ черезъ три дня. Послѣ различныхъ мытарствъ изъ одной тюрьмы въ другую, гдѣ не находилось для нихъ мѣста, онѣ попали, наконецъ, въ Консьержери. Одна изъ монахинь, по имени Мари Туре, была немощная старуха восьмидесяти четырехъ лѣтъ. Она не могла сойти съ тележки и стражники жестоко сбросили ее на мостовую. Всѣ полагали, что она умерла. Но она поднялась съ окровавленнымъ лицомъ и сказала имъ:

— Я не сержусь на васъ за это. Напротивъ того, я пре-

исполнена къ вамъ чувства благодарности за то, что вы не убили меня, потому что въ такомъ случаѣ я лишена была бы счастія умереть съ нашими сестрами.

Когда президентъ революціоннаго суда сталъ упрекать кармелитокъ, будто бы онѣ скрывали у себя оружіе для эмигрантовъ, настоятельница показала ему на свое Распятіе, сказавъ:

— Вотъ единственное оружіе, какое когда-либо было въ нашемъ домѣ.

— Вы думали, — продолжалъ президентъ, — выставлять Святые Дары въ павильонѣ, имѣвшемъ видъ королевской мантіи. Это украшеніе указываетъ на привязанность къ королевской власти, а тѣмъ самымъ на привязанность къ Людовику Капету и его семейству.

— Ваши законы,—отвѣчала настоятельница,—не могутъ распространять своего владычества на привязанности. Впрочемъ, если вамъ интересно знать о нашихъ чувствахъ, то мы были искренно привязаны къ Людовику XVI и августѣйшему его семейству. Если это преступленіе,—въ такомъ случаѣ, мы всѣ повинны въ немъ, и вамъ никогда не удастся вырвать это чувство изъ нашихъ сердецъ.

Публичный обвинитель обозвалъ монахинь „фанатичками“. Одна изъ сестеръ попросила судей объяснить, что хотѣли этимъ сказать.

— Я разумѣю,—сказалъ Фукье-Тенвилль,—вашу любовь къ этимъ ребяческимъ вѣрованіямъ, ваши глупые религіозные обряды.

— Любезная матушка и дорогія сестры, — воскликнула кармелитка,—вы слышали, какъ обвинитель только что объявилъ, что насъ предаютъ смерти за нашу святую вѣру. Мы всѣ желали этого признанія; теперь мы получили его. Благодареніе Тому, Кто первый проторилъ намъ дорогу къ Распятію. О, какое счастье умереть за своего Бога!

Приговоренныя къ смертной казни 17 іюля, кармелитки выразили признательность своимъ судьямъ. Въ тотъ же день усадили ихъ въ повозки, которыя отвезли ихъ къ Тронской заставѣ, гдѣ ожидалъ ихъ эшафотъ. Толпа была потрясена, при видѣ этихъ женщинъ въ бѣлыхъ одеждахъ, распѣвавшихъ гимны, отправляясь на казнь. Всѣхъ ихъ казнили; настоятельница умерла послѣднею, предварительно благословивъ каждую изъ монахинь, которую убивали [1]).

---

[1]) „Le supplice des Carmélites de Compiègne“, Жюля Созэ, Ліонъ, 1860.

Подобныя смерти были самыми краснорѣчивыми апологіями гонимой религіи. Нѣкоторыя заранѣе отмщали за жертвъ пророческими своими предсказаніями. Таково, между прочимъ, было предсказаніе аббата Дюрана де-Рамефоръ, почтеннаго священника, славившагося своими добродѣтелями и благочестіемъ. 27 іюля 1794 года [1]) онъ предсталъ передъ революціоннымъ судомъ Бордо, гдѣ предсѣдательствовалъ Лакомбъ, знаменитый террористъ, одобрившій проектъ гильотины съ четырьмя ножами, предназначенной для ускоренія казни. Эта монументальная гильотина была уже начата, и муниципалитетъ отнесся къ ней благосклонно. Но наблюдательный Комитетъ воспретилъ этотъ отвратительный снарядъ истребленія, устрашившись примѣненія, какое могло быть изъ него сдѣлано.

Съ высокомѣріемъ, достойнымъ его жестокости, допрашивалъ Лакомбъ приведеннаго къ нему священника.

„И такъ, злодѣй, наконецъ-то ты приведенъ передъ лицо народнаго суда, ты, который сотворилъ столько зла своей родинѣ... У тебя не вырвалось ни одного вздоха по поводу виновности твоей въ смерти женщинъ, которыхъ ты вводилъ въ заблужденіе... Фанатичный и контръ-революціонный священникъ—это хищное животное, пожирающее людскія сердца... Ты умрешь одинъ. Мы постараемся выпутать изъ этого страшнаго затрудненія этихъ слабыхъ женщинъ, имѣвшихъ несчастіе повѣрить въ твои вѣроломныя предсказанія“.

Аббатъ Дюранъ хранилъ молчаніе.

— Согласенъ-ли ты,—продолжалъ суровый президентъ,—на одну минуту сбросить съ себя свой санъ священника? Готовъ-ли ты выдать злодѣевъ, чудовищъ такихъ-же, какъ и ты, твоихъ соумышленниковъ?

— Одинъ пророкъ,—съ твердостью отвѣчалъ священникъ,—сказалъ, что Богъ предастъ насъ нечестивѣйшимъ людямъ.

Онъ былъ прерванъ возгласами толпы. Присужденный къ смертной казни, онъ сказалъ Лакомбу:

— Ты осуждаешь меня, хотя я невиненъ. Но знай, что гнѣвъ Господень готовъ низринуться на тебя. Пройдетъ еще нѣсколько дней, и тотъ-же самый народъ, рукоплещущій тебѣ сегодня, поведетъ тебя на эшафотъ, швыряя въ тебя каменьями.

— Слышишь-ли ты это, народъ,—зарычалъ Лакомбъ.—Неужели ты вѣришь еще въ пророчества и чудеса? Нѣтъ. Царство фанатиковъ миновало, ты не дашься имъ болѣе въ обманъ!

---

[1]) Девятое термидора.

Стараго священника казнили. Но Робеспьера уже не существовало, а съ нимъ должно было окончиться и царство Террора. Лакомбъ былъ арестованъ 1-го августа. Подвергаясь въ собраніи поруганію отъ лица тѣхъ, которые рукоплескали ему еще наканунѣ, онъ вынужденъ былъ выслушивать осужденіе своихъ преступленій и хищеній въ теченіе двухъ съ половиной часовъ. Смертный его приговоръ встрѣченъ былъ радостными возгласами. Мало того что его казнили,—тѣло его волочили по улицамъ, а голова, надѣтая на остріе пики, насытила взоры тѣхъ, на кого она наводила трепетъ [1]).

Преслѣдованіе измѣнило свой характеръ послѣ 9 термидора и во время правленія Директоріи. Но кровь священниковъ продолжала еще литься по прежнему. Въ 1795 году одинъ священникъ-вѣроотступникъ, отрекшійся отъ данной присяги, былъ узнанъ въ городѣ Мансъ и убитъ якобинцами. Въ томъ же году аббатъ Пьерръ Башелье готовился къ совершенію обѣдни въ домѣ одного фермера, въ деревнѣ ла-Гюйонньеръ. Разъяренные злодѣи, предупрежденные однимъ республиканцемъ, разогнали вѣрующихъ, схватили священника и послѣ совѣщанія насчетъ ожидавшей его участи, закололи штыками его и крестьянина, у котораго онъ совершалъ обѣдню. И этихъ убійцъ никогда не преслѣдовали.

На западѣ точно также нѣсколько священниковъ было убито въ теченіе первой половины IV года. Въ томъ числѣ указываютъ аббата Поля-Жедеонъ Бабекъ, стараго кюре изъ Эврона. Подвижная колонна въ пятьдесятъ человѣкъ напала на его домъ. Вытащивъ аббата, они закололи его своими штыками, приговаривая: „Поднеси это своему любезному Богу!“ Затѣмъ командиръ отдалъ приказаніе своимъ солдатамъ подвергнуть его разстрѣлянію. Престарѣлый и немощный кюре обратился къ нимъ съ трогательными словами и сказалъ, что прощаетъ имъ свою смерть. Одинъ изъ солдатъ, растроганный такимъ христіанскимъ поведеніемъ, отказался стрѣлять. Остальные солдаты дали залпъ, и сраженный священникъ повалился какъ снопъ [2]).

27-го вентоза IV года, Александръ Жирардо, пріоръ кюре изъ Руардьеръ, близъ Крана, былъ казненъ въ Лавалѣ, какъ ослушный священникъ. Онъ не прекратилъ своего служенія въ странѣ, гдѣ онъ скрывался. Но особенно много

---

[1]) „Histoire de la Terreur á Bordeaux“, Орельена Виви, II, 314.

[2]) Піолинъ „Histoire de l'Eglise du Mans durant la Révolution“, III, 307.

погибло исповѣдниковъ вѣры подъ солдатскими пулями на западѣ.

„Подвижныя колонны,—говоритъ Людовикъ Сціу,—такимъ образомъ убивали священниковъ до самого Конкордата! Директорія знала, что публичныя казни ослушныхъ священниковъ, по судебнымъ приговорамъ, только возбуждали умы противъ нея. Самымъ апатичнымъ казни эти напоминали ужасный періодъ Террора и пробуждали въ нихъ симпатію къ религіи, преслѣдовавшейся съ такимъ остервенѣніемъ. Къ тому же все болѣе и болѣе распространялось мнѣніе, что это кровавое законодательство было уничтожено Конституціей III-го года. Ненавистники священниковъ находили болѣе благоразумнымъ утолять свою ярость, поручая своимъ сыщикамъ душить священниковъ немедленно послѣ ихъ арестованія. Встрѣчая ослушнаго священника въ какой-нибудь ригѣ или въ лѣсу, его застрѣливали, шпиговали ударами штыковъ, и моментально освобождались отъ его присутствія. Такая быстрая система представляла массу преимуществъ. Прежде всего солдаты избавлялись отъ труда дѣлать съ своимъ плѣнникомъ болѣе или менѣе длинный переходъ, во время котораго они подвергались нападенію со стороны крестьянъ. Затѣмъ, хотя вся процедура и ограничивалась провѣркою личности, тѣмъ не менѣе приходилось задерживать арестанта въ городѣ на два или на три дня; извѣстіе объ его прибытіи и объ явкѣ его въ судъ вызывало большое волненіе. Тогда уже никакъ невозможно было отказать священнику въ защитникѣ. Священникъ могъ протестовать противъ кровавыхъ законовъ, обрекавшихъ его на изгнаніе, задать вопросъ передъ лицомъ всего города, въ чемъ же состояла свобода совѣсти, внесенная въ Конституцію, могъ громко заявить, что законы преслѣдованія были уничтожены и что, примѣняя ихъ, судъ совершалъ политическое убійство. Судьи, въ свою очередь, внушали опасеніе. Нерѣдко сами они оказывались смущенными и сконфуженными своей ролью, причемъ ихъ поведеніе представляло странный контрастъ съ спокойствіемъ и твердостью осужденныхъ. Казнь священника вызывала негодованіе въ гражданахъ, не наводя на нихъ ужаса. Католики и индиферентные высказывали другъ другу, что присутствуютъ при послѣднихъ насиліяхъ Террора, и что позоръ за эти насилія падетъ на Директорію. Всего проще было убивать священниковъ при посредствѣ подвижныхъ колоннъ. Всѣмъ категоріямъ революціонеровъ это было на руку. Правители утоляли тогда ненавистничество

свое къ священникамъ съ меньшимъ рискомъ, а подначальные убійцы могли доставить себѣ удовольствіе, подвергая своихъ жертвъ пыткамъ и утонченной жестокости, какимъ нельзя было бы подвергнуть ихъ въ случаѣ исполненія судебнаго приговора“ [1]).

Въ теченіе этого продолжительнаго періода, начавшагося гражданской Конституціей и закончившагося лишь паденіемъ Директоріи, — духовенство не переставало проливать свою кровь и вполнѣ заслужило похвалу, произнесенную папой Піемъ VII: „Галликанское духовенство сново завоевало въ Церкви, во время Революціи, то высокое мѣсто, какое оно занимало въ древности. Оно доставило небу болѣе мучениковъ, нежели вся остальная Европа, вмѣстѣ взятая“.

Эти священники, сраженные за свою вѣру, пали за нее и могли бы обратиться къ палачамъ своимъ съ слѣдующими словами священнаго писанія:

„Мы всѣ умремъ въ невинности нашей; небо и земля свидѣтели за насъ, что вы несправедливо губите насъ“ [2]).

V.

Революція ознаменовала свое начало смѣщеніемъ законныхъ пастырей и навязываніемъ присягнувшихъ кюре и епископовъ. Однако, ослушные священники, оставаясь въ своихъ приходахъ или же удаленные въ другія мѣстности, не переставали въ глазахъ вѣрующихъ представлять истинную Церковь. Съ ними были пожеланія и симпатіи народа. Въ іюлѣ 1791 года Конституціонное Собраніе надѣялось избавиться отъ нихъ, издавъ декретъ, обязывавшій ихъ и монаховъ удалиться на тридцать миль отъ границы. Это было равносильно введенію законнаго изгнанія. Но изгнанники могли избѣжать этого, скрываясь во Франціи и тайно продолжая свое служеніе.

Постановленіемъ 27 марта 1792 года Законодательное Собраніе ввело ссылку. Въ силу этого закона всякое духовное лицо могло быть выслано по просьбѣ двадцати гражданъ одного округа или даже на основаніи простыхъ доносовъ [3]).

---

[1]) „Histoire de la constitution civile du clergé“, IV, 453.
[2]) Кн. Маккавейскія, кн. I, гл. II, ст. 37.
[3]) Сціу, III, 168.

Мѣры эти не примѣнялись Законодательнымъ Собраніемъ, которое ихъ ввело. Конвентъ, въ свою очередь, принялъ ихъ, безъ практическаго примѣненія. Священники эмигрировали, во избѣжаніе жестокостей, какимъ они подвергались. Но многіе остались во Франціи или же вернулись туда. Конвентъ постановилъ предавать ихъ смертной казни [1]). Одновременно съ этимъ онъ съ большей строгостью возобновилъ законы объ изгнаніи и пожизненной ссылкѣ [2]).

Тогда по всей Франціи можно было видѣть массу представителей духовенства или арестованныхъ, или же направлявшихся къ морскимъ гаванямъ, толпившихся въ тѣснотѣ на кораблѣ, гдѣ они оставались такъ по два года, подкашиваемые болѣзнями, мучимые страданіями, испытывая самое жестокое обращеніе. Многихъ изъ нихъ выселили во внутрь страны, однихъ въ Нантъ, гдѣ ихъ погубилъ Карье въ тюрьмахъ и арестныхъ домахъ, другихъ—въ госпиталяхъ, гдѣ они помѣщались вмѣстѣ съ чесоточными, или же смѣшивались съ каторжниками.

Партія священниковъ, изгнанныхъ въ Рошфоръ, прибыла въ ноябрѣ 1793 года въ Лиможъ, гдѣ была приготовлена процессія изъ ословъ и козловъ, покрытыхъ священническими одеждами. Свинья заключала шествіе; на головѣ у нея была митра съ надписью: „Папа". По распоряженію властей, повозки остановили, священниковъ заставили слѣзть и принять участіе въ святотатственной процессіи вокругъ эшафота, на которомъ казнили отказавшагося отъ присяги священника [3]).

Изъ 827 духовныхъ лицъ, сосланныхъ въ Рошфоръ, 542 погибли [4]). Тюремный режимъ, которому они подверглись въ Бордо и въ Блэ, оказался не подъ силу преступникамъ. Набитые биткомъ въ сырыхъ и нездоровыхъ помѣщеніяхъ, они получали тамъ ужасно дурную пищу и притомъ въ недостаточномъ количествѣ. Только по пятницамъ и по субботамъ старались дать имъ нѣсколько кусочковъ мяса, вопреки ихъ религіознымъ обрядамъ. Послѣ 9 термидора у нихъ не было другихъ утѣшеній, кромѣ случаевъ употребленія ихъ на общественныя работы, причемъ съ ними обращались, какъ съ каторжниками.

---

[1]) Законъ 18 марта 1793 года.
[2]) Законъ 23 апрѣля 1793 года.
[3]) „Le clergé français réfugié en Angleterre", аббата Пласса, I, 110.
[4]) Сціу, III, 383.

Жизнь на днѣ трюма на корабляхъ представляла продолжительную пытку. Два корабля *Washington* и *Deux Associés* превращены были въ тюрьмы, въ виду того, что транспортъ въ Кайенну не могъ состояться, по случаю англійскаго крейсерства. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ простояли они въ виду острова Madame. На второмъ изъ этихъ кораблей скучены были четыреста сорокъ четыре священника, лишенные воздуха и простора. Предоставимъ одной изъ этихъ жертвъ разсказать о мученіяхъ, какія ихъ заставляли выносить:

„Мы должны были носить бѣлье и платье, до такой степени изношенныя, до такой степени кишѣвшія червями, представлявшія такія лохмотья, что бѣднѣйшіе изъ нищихъ, ходящіе отъ одной двери къ другой, погнушались бы взять ихъ себѣ. Тщетно зашивали мы ихъ, накладывали заплатки, пока у насъ оставался малѣйшій клочекъ матеріи или кончикъ нитки, какого-бы то ни было цвѣта,— наступало время, когда они не могли болѣе защищать насъ отъ непріятностей воздуха. А между тѣмъ въ этомъ платьѣ, послѣ продолжительныхъ, изнурявшихъ насъ болѣзней, приходилось переносить суровость одной изъ жесточайшихъ зимъ, когда-либо бывшихъ на памяти людской, и притомъ, и въ глаза не видавши огня. Въ этомъ же одѣяніи приходилось совершать наши трапезы на мосту, на вѣтру и при изморози, проводить ночи, правда, внутри постройки, но тѣмъ не менѣе въ помѣщеніи, открытомъ всякимъ вѣтрамъ, безъ матрасовъ, даже безъ соломы, которая могла бы служить намъ вмѣсто постелей... И вотъ, всѣ престарѣлые изъ нашего состава, всѣ страдавшіе удушьемъ, ревматизмомъ, худосочіемъ были подкошены зимой съ 1794 на 1795 годъ...

„Мы умирали съ голоду... Я собственными глазами видѣлъ, какъ одинъ изъ моихъ собратьевъ настоятельно просилъ дать ему нѣсколько кусковъ хлѣба, жалкіе остатки со стола капитана, которые предназначалось отдать свиньямъ. Вслѣдъ за отказомъ несшаго эти куски юнги, я видѣлъ, какъ несчастный собратъ, по уходѣ юноши, поспѣшно вытащилъ изъ свинаго корыта куски хлѣба, пропитанные помоями и другими нечистотами, и сталъ ихъ ѣсть!.. Ѣли мы стоя, причемъ подъ ногами у насъ очень часто бывала вода. На десятерыхъ полагался всего одинъ ножъ съ деревяннымъ черенкомъ... Здоровые ѣли вмѣстѣ съ больными, скорбутные — вмѣстѣ съ тѣми, которые не были еще заражены этой болѣзнью, проявляющейся, какъ извѣстно, чаще всего на деснахъ, которыя, подъ вліяніемъ ея,

дѣлаются багровыми... Въ такомъ положеніи находились мы днемъ. Но всѣ эти муки, во всякомъ случаѣ, были не сравнимы съ тѣми, какія мы испытывали по ночамъ. Представьте себѣ темную и мрачную тюрьму, въ 5 футовъ 6 дюймовъ высоты не болѣе, на всемъ своемъ протяженіи уставленную скамьями или походными кроватями. Отчасти на этихъ-то скамьяхъ и располагалось большинство изъ насъ, но притомъ до такой степени скученные и стѣсненные, что наши руки невольно попадали на нашихъ сосѣдей и вообще мы чрезвычайно напоминали сельдей въ боченкѣ...

„Съ внѣшнимъ воздухомъ было преграждено почти всякое сообщеніе, такъ что часъ или два спустя въ нашемъ казематѣ оставался только испорченный воздухъ. Для очищенія его каждое утро насъ угощали воскуреніемъ смолы. Эта операція состояла въ томъ, что въ небольшую бочку, наполненную этой массой, погружали два или три раскаленныхъ угля, которые производили густой дымъ съ крѣпкимъ и ѣдкимъ запахомъ. Страдалъ-ли кто насморкомъ, чахоткой, удушьемъ,— на это не обращалось вниманія,—волей-неволей надо было дышать этимъ раздражающимъ дымомъ, хотя бы онъ причинялъ кровохарканье, хотя бы пришлось душу отдать Богу посреди напряженія и конвульсій, какія онъ причинялъ.

„Но одно изъ жесточайшихъ нашихъ мученій заключалось въ томъ, что насъ буквально съѣдали черви... Многіе изъ насъ умерли, причемъ иной причины, кромѣ этой, констатировать было нельзя...

„Въ большомъ госпиталѣ шестьдесятъ несчастныхъ священниковъ, полунагіе, растянувшись на полу, скученные не меньше того чѣмъ были мы на кораблѣ, толкаясь другъ о друга отъ безпрестанной качки, нерѣдко по-поясъ въ водѣ, со всѣхъ сторонъ набѣгавшей въ судно, безъ лѣкарствъ и медицинской помощи, нерѣдко даже лишенные тизаны, страдая отъ недостатка прѣсной воды, представляли собой для чувствительныхъ сердецъ самое вопіющие зрѣлище... По ночамъ намъ не оставляли ни больничныхъ сторожей, ни питья, ни даже огня. Больные, разсчитывая на остатокъ своихъ силъ, пробовавшіе ползти, падали на своихъ полумертвыхъ товарищей, или же въ темнотѣ попадали совсѣмъ въ другую сторону и кончали тѣмъ, что падали внезапно на томъ-же мѣстѣ, гдѣ стояли, т. е. на кого-нибудь изъ своихъ собратьевъ, у которыхъ боль вызывала страшные вопли... Нерѣдко бывало, что при наступленіи дня находили двухъ или трехъ, которые

такимъ образомъ, среди ночной темноты, испустили послѣдній свой вздохъ. Однажды, въ теченіе двадцати четырехъ часовъ, такъ погибло до четырнадцати человѣкъ, какъ на *Washington*, такъ и на *Deux Associés*. Едва успѣли они испустить послѣдній вздохъ, какъ завѣдывавшій кораблемъ выкинулъ извѣстный флагъ, при видѣ котораго на суднѣ, находившемся невдалекѣ, узнали, что въ госпиталѣ умеръ священникъ. Мгновенно весь экипажъ, словно узнавъ о выигранномъ сраженіи, поднявъ шляпы, горланилъ извѣстныя слова: „Vive la République!“ [1]).

„Эмиграція духовенства явилась слѣдствіемъ жестокостей революціонныхъ законовъ. Тысяча восемьсотъ человѣкъ уѣхала въ первый періодъ, въ 1791 и 1792 годахъ. Усиленное преслѣдованіе и сентябрскія убійства побудили покинуть Францію приблизительно столько же человѣкъ [2]). Можно считать въ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ число священниковъ, выброшенныхъ революціей за предѣлы своего отечества [3]).

5-го сентября 1792 года вышелъ декретъ, воспрещавшій вывозъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, — въ монетахъ или въ какомъ бы то ни было видѣ, — подъ страхомъ смертной казни, съ присвоеніемъ четвертой части стоимости захваченныхъ предметовъ въ пользу лица, обнаружившаго нарушеніе этого закона. Такимъ образомъ было обобрано множество священниковъ на границѣ, переправа черезъ которую сопрягалась для нихъ съ величайшими опасностями. Не безъ труда добывали они себѣ паспорта, выдававшіеся имъ враждебными властями съ разсчитанной медленностью. Несмотря на повиновеніе ихъ закону, изгонявшему ихъ изъ территоріи, ихъ всетаки наказывали за ихъ повиновеніе оскорбленіями, а подчасъ и убіеніемъ. Въ Нормандіи, четверо священниковъ, отправлявшихся въ Гавръ, снабженные паспортами, были арестованы. Двое изъ нихъ были убиты, двухъ другихъ утопили. Трое другихъ подверглись удушенію близь той-же мѣстности [4]).

Слишкомъ двѣ тысячи священниковъ укрылись въ Италіи, въ папскихъ владѣніяхъ; въ Римѣ насчитывали двадцать четыре французскихъ епископа. Милосердіе папы Пія VI откликалось на нужды всѣхъ изгнанниковъ, которые были распре-

---

[1]) Донесеніе аббата де-ла-Бришъ.—„Les martyrs du diocèse de Bourges“, аббата Гайльо, стр. 11 и слѣд.
[2]) Греуаръ, „Mémoires“, II, 172.
[3]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 381.—Л. Сціу, III, 285.
[4]) Баррюэль, „Histoire du clergé“, II, 185.

дѣлены по различнымъ эпархіямъ Италіи, гдѣ ихъ принимали съ большимъ состраданіемъ.

Южное французское духовенство эмигрировало въ Испанію и Португалію. Испанское епископство ознаменовало себя великодушнымъ пріемомъ. Архіепископъ Толедскій имѣлъ на своемъ попеченіи пятьсотъ священниковъ. Епископъ Валенсіи приказалъ вырѣзать на обители, гдѣ онъ принималъ изгнанниковъ, слѣдующее прекрасное изреченіе: „*Oportes episcopum esse hospitalem*" [1]).

Въ Швейцаріи насчитывали до шести тысячъ скрывавшихся священниковъ. Въ Фрибургскомъ кантонѣ ихъ было четыре тысячи, въ одной деревнѣ Вистерненъ проживало ихъ восемьдесятъ. Среди протестантскихъ священниковъ не было недостатка въ милосердіи къ католическимъ патерамъ, которые старались такъ или иначе отблагодарить за гостепріимство, или обучая дѣтей, или-же занимаясь полевыми работами [2]).

Священники изъ Нормандіи и Бретани разошлись по островамъ Гернесей и Джерсей, гдѣ католическій культъ былъ утвержденъ подъ управленіемъ и попеченіемъ епископа изъ Трегье. Четыре тысячи священниковъ жили на этихъ островахъ, окруженные вниманіемъ и осыпанные благодѣяніями жителей [3]).

Воспоминаніе о превосходномъ пріемѣ, оказанномъ Англіей изгнанному духовенству, должно остаться на вѣки запечатлѣннымъ въ сердцѣ французской церкви. Тамъ было отъ девяти до десяти тысячъ духовныхъ лицъ. Многіе добрались до континента или же отплыли миссіонерствовать въ Америку и Китай [4]). Пребываніе удалившихся въ Англію длилось десять лѣтъ. Тысяча двѣсти пятьдесятъ священниковъ умерли тамъ.

Эти эмиграціи, начавшіяся въ 1792 и 1793 годахъ, возобновились въ 1794 и 1795 годахъ, подъ вліяніемъ преслѣдованія, и послѣ 18 фруктидора. Епископство насчитывало многихъ представителей въ числѣ этихъ эмигрантовъ. Де-ла-Маршъ, епископъ Леонскій, былъ однимъ изъ первыхъ духовныхъ лицъ, прибывшихъ на англійскую территорію въ 1791 году, гдѣ неутомимой своей дѣятельностью онъ съумѣлъ размно-

---

[1]) „Histoire de l'Eglise de France pendant la Révolution", аббата Жажера, III, 587.
[2]) Ibid., 591.
[3]) Ibid., 593.
[4]) „Le clergé français réfugié en Angleterre", каноника Ф. К. Пласса, I, Introduction, стр. XXV.

жить воззванія къ милосердію и организовать помощь изгнанникамъ.

Согласно одному биллю англійскаго парламента, епископамъ было назначено по десяти гиней въ мѣсяцъ (250 франковъ) и священникамъ по тридцати пяти шиллинговъ (45 франковъ 50 с.). Частная благотворительность не уступила въ щедрости правительству. Madame де-Шельбёрнъ явилась благодѣтельницей, къ которой изгнанники никогда не обращались напрасно.

Маркизъ Букингэмъ въ своемъ замкѣ Винчестеръ оказалъ гостепріимство почти семистамъ священникамъ и маркиза Букингэмъ устроила тамъ ткацкую фабрику, на которой работали двѣсти духовныхъ лицъ, причемъ производство ихъ шло на ихъ нужды. Собранные вмѣстѣ въ этой обители, они составляли обширную общину, отличавшуюся назидательностью своей жизни. Они оставались тамъ три года и пожелали на мраморной доскѣ, помѣщенной въ капеллѣ замка, письменно засвидѣтельствовать выраженіе своей признательности къ своимъ благороднымъ хозяевамъ.

Пожертвованія и подписки являлись на помощь всей этой массѣ несчастныхъ. Приходы доставили до тысячи фунтовъ стерлинговъ [1]) (25.000 франковъ). Суммы, собранныя англійской благотворительностью, превысили два милліона, по докладу Питта парламенту въ 1799 году.

Народъ соперничалъ съ знатными вельможами; лепта ремесленника смѣшивалась съ золотомъ богачей. Нѣкая хозяйка отеля, видя нужду многихъ священниковъ, уменьшила цѣну подаваемыхъ имъ блюдъ. Одинъ джентльменъ немедленно потребовалъ счетъ и заплатилъ по счету.

Къ чести англиканскаго духовенства, надо сказать, что оно забыло религіозные раздоры и видѣло передъ собой въ лицѣ французскихъ священниковъ только братьевъ о Христѣ Іисусѣ. Оно вызывало и собирало пожертвованія съ цѣлью придти на помощь имъ.

„Можно было видѣть въ то время, какъ католическій священникъ и протестантскій пасторъ, — люди, столь различные по вѣрованіямъ, спали подъ одной кровлей и ѣли за однимъ столомъ“ [2]).

---

[1]) „Journal historique et religieux de l'émigration“, аббата де-Люберсака, 17 и 18.

[2]) Аббатъ Жажеръ, „Histoire de l'Église de France pendant la Révolution“, III, 614.

Авраншскій епископъ пользовался гостепріимствомъ одного протестантскаго пастора,—черта, обрисовывающая симпатію, какую вызывали въ сердцахъ французскіе священники, и вмѣстѣ съ тѣмъ благородныя чувства англійской націи.

Нѣсколько духовныхъ лицъ, бѣжавшихъ изъ своей родины, пристали къ берегамъ Англіи. Вечеромъ они зашли въ одну протестантскую капеллу въ молитвенный часъ. Пасторъ стоялъ на каѳедрѣ. Замѣтивъ ихъ, онъ прервалъ свою проповѣдь, обратившись къ нимъ съ слѣдующими словами, сказанными на французскомъ языкѣ:

„Messieurs, честь вамъ за стойкость и мужество, какія вы проявили во время преслѣдованія, жертвами котораго вы состоите, и при тѣхъ опасностяхъ, какимъ это преслѣдованіе васъ подвергало. Да вознаградитъ васъ Богъ и да ниспошлетъ Онъ вамъ всяческаго благополучія!“

Затѣмъ, отвѣсивъ глубокій поклонъ священникамъ, которые также ему поклонились, онъ продолжалъ на англійскомъ языкѣ начатое поученіе [1]).

Англія представляла тогда удивительное зрѣлище! Противоположныя вѣрованія, нѣкогда вооружавшія людей другъ противъ друга, встрѣчались теперь для того, чтобы слиться во едино въ несчастіи и христіанскомъ милосердіи.

Французское духовенство показало себя достойнымъ гостепріимства столь великодушной страны. Его поведеніе и умѣнье держать себя внушали уваженіе и почтеніе. Всѣ священники, способные добывать средства къ жизни, мужественно трудились и занимались различными ремеслами. Одни были часовщиками, портными, вышивали золотомъ, другіе дѣлались сапожниками, коммиссіонерами, комми при магазинахъ. Были и такіе, которые занимались земледѣліемъ. Испытанія, переносившіяся ими, не нарушали свѣтлаго ихъ настроенія, и спокойствіе, съ какимъ они переносили эти испытанія, служило лучшимъ свидѣтельствомъ ихъ вѣры. Ихъ культъ, перенесенный на иноземную почву, давалъ мѣсто благочестивымъ проявленіямъ, въ которыхъ величественность священнаго сана присоединялась къ трогательному положенію изгнанника. До тысячи двухсотъ священниковъ сразу подходили къ Престолу. Изъ глубины маленькихъ католическихъ капеллъ, построенныхъ въ Лондонѣ для эмигрантовъ, возносились молитвы, въ которыхъ у неба испрашивалось спасеніе Франціи.

---

[1]) „Le clergé français réfugié en Angleterre“, каноника Пласса, I, 15.

Французскіе священники не знали, чѣмъ имъ отблагодарить своихъ благодѣтелей. Они просили епископа Леонскаго быть выразителемъ тѣхъ чувствъ, какими они были проникнуты по отношенію къ англичанамъ.

„Долгъ, какой они на васъ возлагаютъ, — отвѣчалъ имъ этотъ прелатъ, — не изъ тѣхъ, за который вы можете расквитаться собственными силами; но религія даетъ вамъ для того средства. Нашъ Богъ можетъ позаботиться о счастьи народа, дѣлающаго такъ много для вашего благополучія".

Шесть епископовъ и нѣсколько священниковъ, примиряясь съ нуждою, изъ деликатности, отказались отъ помощи, предлагавшейся имъ англійскимъ правительствомъ. Нѣкоторые священники умѣли скапливать съ своего заработка и съ денегъ, присылавшихся имъ изъ Франціи, нѣкоторыя суммы, которыя они считали за честь, какъ бы въ видѣ возврата, вносить въ англійскій комитетъ, пришедшій имъ на помощь. Суммы эти достигли трехсотъ пятидесяти тысячъ франковъ [1]). Священники, въ свою очередь, нашли средство помочь въ несчастіи своимъ собратьямъ, высланнымъ въ Гвіану послѣ 18 фруктидора, и открыли между собою подписку, давшую тридцать тысячъ франковъ [2]).

Къ французскимъ священникамъ присоединились десять или двѣнадцать тысячъ эмигрантовъ, которымъ былъ оказанъ не менѣе великодушный пріемъ на англійской территоріи, столь гостепріимной для изгнанниковъ. Столько бѣдствій, казалось, могли только вызывать милосердіе, но никакъ не ослабить его. Аббатъ Карронъ, имя котораго осталось поистинѣ почтеннымъ, совершалъ настоящія чудеса. Дѣла его пріумножались вмѣстѣ съ страданіями, которыя ему приходилось утолять.

Присутствіе такого большого количества католическихъ священниковъ могло привлечь къ ихъ религіи тѣхъ, которые назидались ихъ примѣрами и добродѣтелями. Протестанты испугались ихъ вліянія и обвинили ихъ въ прозелитизмѣ. Но епископъ Винчестерскій потребовалъ произвести разслѣдованіе, которое доказало, что французское духовенство не заслуживало никакого упрека въ этомъ отношеніи и что оно никогда и не пыталось посягать на религію страны, которая оказывала ему столько благодѣяній. Цѣнная аттестація, къ которой слѣдуетъ присовокупить аттестацію, сдѣланную Питтомъ въ 1799 году, въ парламентѣ, этимъ священникамъ, о которыхъ онъ сказалъ:

---

[1]) Жажеръ, III, 624.
[2]) Ibid, III, 626.

„Немногіе позабудутъ о благочестіи, безупречномъ поведеніи, долгомъ и мучительномъ терпѣніи этихъ почтенныхъ людей. Брошенные внезапно посреди чуждаго народа, различнаго съ ними по религіи, языку, нравамъ и обычаямъ, они снискали себѣ всеобщее уваженіе и симпатію строгостью жизни, преисполненной благочестія и скромности. Странѣ, принявшей ихъ, покровительствовало небо [1]).

Преслѣдованіе продолжалось, принимая новыя формы. Повидимому, не осталось болѣе жертвъ для расправы среди духовенства, разсѣяннаго изгнаніемъ или погубленнаго Терроромъ. Но симптомы возврата къ религіознымъ идеямъ пробуждали вражду въ революціонномъ правительствѣ. Переворотъ 18-го фруктидора засталъ священниковъ возвратившимися въ отечество и приступавшими снова къ отправленію своей службы, съ тѣмъ довѣріемъ, какое порождено было паденіемъ именитыхъ террористовъ.

Отъ 18-го фруктидора V-го года по 30-е преріала VII года французское духовенство было свидѣтелемъ осужденія, арестованія, ссылки тысячи семисотъ пятидесяти шести своихъ членовъ, — цифра значительная, въ особенности если вспомнить потери, понесенныя имъ ранѣе. Цифра эта составляла четвертую часть священниковъ, проживавшихъ тогда во Франціи [2]).

Отъ вандемьера VI-го года до термидора VII года Директорія издала не менѣе двухъ тысячъ ста двадцати четырехъ приговоровъ о ссылкѣ. Изъ восьмидесяти девяти французскихъ департаментовъ едва ли найдется два или три, пощаженныхъ этими жестокостями, постигшими восемь тысячъ двѣсти тринадцать бельгійскихъ священниковъ [3]). Не всѣ приговоры, произносившіеся противъ духовныхъ лицъ, примѣнялись къ тѣмъ, кого они имѣли въ виду; приведеніе ихъ въ исполненіе встрѣчало затрудненія. Помимо числа судовъ, какое потребовалось бы для ссылки такого большого количества людей, приходилось еще преодолѣвать препятствія, какія представляли англійскіе крейсера. Наконецъ, многіе изъ священниковъ ускользнули отъ преслѣдованій, направленныхъ противъ нихъ, или эмигрируя, или же скрываясь, какъ и въ дни Террора.

Книга Виктора Пьерра, посвященная изученію этой эпохи,

---

[1]) Жажеръ, III, 628.
[2]) „La Terreur sous le Directoire“, Виктора Пьерра, стр. 253.
[3]) Ibid.

содержитъ въ себѣ статистическія данныя, составленныя на основаніи долгихъ и подробныхъ изысканій. Французскіе священники, сосланные въ Гвіану и на острова Ре и Олеронъ, составили общую цифру въ девятьсотъ девяносто пять человѣкъ [1]).

Первая партія ссыльныхъ посажена была на *Charente* 12 марта 1798 года. Она заключала въ себѣ сто восемьдесятъ два ссыльныхъ, въ томъ числѣ были эмигранты и пятьсотъ пятьдесятъ пять лицъ изъ духовенства. Туда же помѣстили пятерыхъ воровъ, конечно съ оскорбительнымъ намѣреніемъ. На кораблѣ ихъ назвали „пять директоровъ", изъ презрѣнія къ Директоріи. Одинъ англійскій крейсеръ вступилъ въ бой съ судномъ, которое онъ повредилъ и которое, вслѣдствіе своихъ аварій, вынуждено было цѣлый мѣсяцъ оставаться на мѣстѣ, выжидая приказаній. Ссыльные могли надѣяться, что ихъ высадятъ во Франціи. Но ихъ перевели на другое судно, называвшееся *Décade*, недостаточно помѣстительное для такого количества людей, и гдѣ они размѣстились съ большимъ трудомъ. 9-го іюня они прибыли на Кайенскій рейдъ и были высажены на берегъ, почти всѣ больные.

2-го августа *La Vaillante* покинула Рошфоръ, унося съ собой двадцать пять священниковъ, съ которыми посадили вмѣстѣ двадцать три каторжниковъ. Атакованная англійскимъ фрегатомъ, она сдалась. Капитанъ англійскаго судна, распорядившись, чтобы каторжники не сходили съ *La Vaillante*, взялъ къ себѣ на бортъ духовенство и свезъ ихъ въ Англію, гдѣ они и спаслись отъ ссылки.

La Bayonnaise, точно также отправившаяся изъ Рошфора, заключала въ себѣ сто девятнадцать ссыльныхъ, въ томъ числѣ сто восемь священниковъ и нѣсколько эмигрантовъ. Остальные были изъ осужденныхъ преступниковъ. Брюмо де-Борегаръ, сдѣлавшійся затѣмъ Орлеанскимъ епископомъ, находился въ числѣ священниковъ [2]). Онъ оставилъ интересные мемуары, гдѣ разсказываетъ о своей ссылкѣ въ Гвіану. Во время переправы вмѣстѣ со своими сотоварищами по несчастью онъ готовился къ испытаніямъ изгнанія, являя для экипажа

---

[1]) „La Terreur sous le Directoire", оправдательные документы, стр. 459.

[2]) Главный викарій Люсонскаго епископа во время Революціи, онъ былъ сосланъ въ Англію, затѣмъ вернулся въ Вандею въ 1795 году и отправлялъ богослуженіе въ Вьенскомъ департаментѣ. Въ 1823 году онъ былъ назначенъ въ Орлеанское епископство, откуда вышелъ въ отставку въ 1839 году и умеръ въ 1841 году, въ Пуатье, девяноста двухъ лѣтъ.

примѣръ мужественнаго и на волю Божію предавшагося благочестія.

„Каждое утро,—говоритъ онъ,—мы молились. Мы читали молитвы, полагающіяся за обѣдней, присоединяя къ нимъ одно Посланіе и одно Евангеліе. По вечерамъ бывало чтеніе, молитва по четкамъ (Отче Нашъ) и молитва за враговъ. Требникъ читался въ тотъ же часъ и неукоснительность исполненія этихъ обязанностей представляла для всего экипажа величественное зрѣлище. Около одной изъ рѣшетокъ, за которой мы были заперты, находился караулъ изъ плотничьей артели. Мы замѣтили, что хозяинъ и рабочіе его оставались съ обнаженными головами все время, пока совершались наши молитвы. Они ни разу не проманкировали этими молитвами, и соблюдали глубокое молчаніе...

„Пускай каждый мысленно перенесется въ нашу среду, пускай представитъ себѣ людей, оторванныхъ отъ своей родины, отъ своихъ родныхъ, друзей, отъ своей паствы; большинство изъ насъ пережило уже иныя опасности, иныя изгнанія; гонимые, словно какіе-то злодѣи, притѣсняемые правительствомъ суровымъ, несправедливымъ и всемогущимъ; оставивши позади себя Францію въ рукахъ Террора, лишенную религіи, храмовъ, священнослужителей, и отсылаемые, какъ уже извѣстно... въ страну, пользовавшуюся всемірной репутаціей страны, пожиравшей своихъ обитателей. Разбросанныя кости мертвецовъ, конечно, засвидѣтельствуютъ на вѣки справедливость нашихъ опасеній. О, конечно, ведомые къ нашимъ могиламъ, мы не вѣдали, притомъ, будемъ ли мы еще имѣть право выбрать эти могилы; будемъ ли мы разбросаны по этой обширной пустынѣ или же собраны вмѣстѣ, и не ждетъ ли насъ въ концѣ путешествія тюремное заключеніе. Всѣ упованія на жизнь сводились у насъ на помощь, которую окажетъ намъ это правительство, на то, что добудутъ наши руки и таланты. Притомъ, всѣ или почти всѣ изъ насъ были неспособны къ землянымъ работамъ, при нашемъ положеніи, лѣтахъ и немощахъ.

„Эта тревожная неизвѣстность служила обыкновенной темой для разговоровъ днемъ, а въ особенности для вечернихъ мечтаній, навѣваемыхъ тишиной моря и однообразнымъ колыханіемъ волнъ. Каюсь, они нерѣдко наполняли мои ночи. Религія поднимала тогда наше мужество. Съ вѣрой призывали мы Того, ради Котораго претерпѣвали наши мученія... Я любилъ повторять *Salve Regina.* Я обращался тогда къ Франціи,

причемъ сердцемъ переносился къ тому святому дому, который, во время моего пребыванія въ тюрьмѣ Пуатье, давалъ знакъ къ закланію безкровной жертвы. Не безъ сожалѣнія замѣчалъ я по ночамъ, какъ мало по малу опускалась Сѣверная звѣзда; каждый день отдалялъ меня отъ моей родины".

Де-Борегаръ продолжалъ исполнять свои обязанности при больныхъ собратьяхъ. Онъ соборовалъ умирающихъ и считалъ оконченнымъ срокъ изгнанія для тѣхъ, тѣла которыхъ выбрасывались въ море. На *Bayonnaise* находились конституціонные священники, подобно присягнувшимъ подвергшіеся революціонному преслѣдованію. Эти духовныя лица не смѣшивались другъ съ другомъ, образуя изъ себя правую и лѣвую стороны. Одинъ изъ офицеровъ на кораблѣ, нѣкто Потье де-ла-Гуссэ, имѣлъ порученіе слѣдить за ссыльными и прекрасно держалъ себя съ ними.

„Онъ замѣтилъ,—говоритъ де-Борегаръ,—что *лѣвая сторона* всегда была болѣе возбуждена нежели *правая*, занятая неприсягнувшими священниками. Онъ подошелъ къ весьма многочисленной группѣ священниковъ какъ разъ въ то время, какъ они обсуждали грустное свое положеніе и обвиняли Директорію въ несправедливости за то, что она ихъ выслала. Его присутствіе не остановило оратора съ громовымъ голосомъ, несмотря на то, что де-ла-Гуссэ приглашалъ его къ тому, обращая вниманіе на безполезность его жалобъ, „быть можетъ,—говорилъ онъ,—повторяющихся слишкомъ часто". Изгнанники, окружавшіе оратора, закричали всѣ сразу и присоединились къ нему.

„— Что сдѣлали мы такого,—говорили они,—чтобы заслужить нашу участь? Мы повинуемся правительству съ самаго начала Революціи во всемъ, что оно намъ предписывало; мы были вѣрными его законамъ, мы служили ему. Зачѣмъ же было высылать насъ безъ всякихъ поводовъ, безъ основанія, безъ суда и правосудія? Правительство ваше жестоко и тиранично.

„— Господа, — отвѣчалъ офицеръ, — я не представляю собою того правительства, съ которымъ вы меня отождествляете. Я проявилъ достаточно состраданія къ вашей участи, чтобы вы могли убѣдиться, что сочувствіе это не притворно. Я явился сюда съ намѣреніемъ утѣшить васъ и отвлечь отъ тѣхъ мыслей, которыя васъ волнуютъ. Вы не пожелали выслушать меня. Въ такомъ случаѣ, вы узнаете мое мнѣніе.

Правительство высылаетъ васъ, какъ и этихъ господъ (при этомъ онъ указалъ на группу неприсягнувшихъ священниковъ, хранившихъ молчаніе), но съ различными взглядами на васъ и на нихъ. Оно высылаетъ этихъ господъ, которые никогда не жалуются на него, хотя оно преслѣдуетъ ихъ съ давнихъ поръ, за то, что никогда не могло одолѣть ихъ и стойкость ихъ приводитъ правительство въ отчаяніе. Разставаясь съ ними, оно питаетъ къ нимъ уваженіе и, быть можетъ, пожалѣетъ о нихъ когда нибудь. Что же касается васъ, господа, то оно изгоняетъ васъ потому, что презираетъ васъ и опасается вашего подозрительнаго и лживаго непостоянства. О васъ оно никогда не пожалѣетъ навѣрное“ [1]).

Добравшись до Кайенны, изгнанники нашли утѣшеніе въ печальномъ своемъ положеніи, встрѣтивъ массу заботливости и вниманія со стороны колонистовъ. Но едва успѣли они сойти на берегъ, какъ явилось постановленіе Директоріи, воспрещавшее изгнанникамъ оставаться въ Кайеннѣ и даже на островѣ того же имени. Извѣстное число ихъ разбрелось среди колонистовъ, которые снабдили ихъ средствами къ существованію. Остальные были сосланы въ Синнамари и Конанаму. Лишенія, климатъ, утомленіе, болѣзни, — вызвали страшную смертность. Въ Конанамѣ, представлявшей настоящую пустыню, посреди которой импровизирована была деревня, изъ 87-ми изгнанниковъ 26 умерли. Дурное обращеніе и хищность негровъ пріумножали испытанія несчастныхъ изгнанниковъ.

Тѣло аббата Бреню̀га, Базожскаго викарія въ Вандеѣ, оставалось непогребеннымъ три дня, вслѣдствіе несогласія негровъ хоронить его. Могилу для него пришлось копать его собратьямъ. Дорого продававшіе свои услуги негры обирали мертвецовъ и обкрадывали живыхъ. Въ томъ случаѣ, если умирающіе предоставляли скудное свое имущество въ пользу своихъ сотоварищей по изгнанію, администрація Директоріи забирала это имущество себѣ и распродавала его въ пользу Республики.

Изъ 87-ми сосланныхъ на „Décade“ и 74-хъ—на „Bayonnaise“, 69 умерли въ Конанамѣ [2]). Перевезенные въ Синнамари, пережившіе ихъ, только измѣнили мѣсто своей могилы.

---

[1]) „Mémoires de Mgr Brumauld de Beauregard“, Пуатье, 1842, II, 294, 314.
[2]) „La Terreur sous le Directoire“, Виктора Пьерра, стр. 310.

Въ декабрѣ 1798 года умерло 10, а въ январѣ 1799 — 11 человѣкъ [1]).

Общая цифра умершихъ въ теченіе изгнанія, окончившагося 18-го брюмера, достигаетъ 180-ти человѣкъ; изъ нихъ 24 мірянина и 156 священниковъ [2]).

Острова Ре и Олеронъ задерживали у себя узниковъ, которыхъ Директорія намѣревалась сослать въ Кайенну. Проектъ этотъ оказался неосуществимымъ, вслѣдствіе англійскихъ крейсеровъ, выставлявшихъ суда для захвата ссыльныхъ, иначе сказать, для освобожденія послѣднихъ. Въ цитадели острова Ре томились 943 священника и 117 мірянъ. Тамъ были представители всѣхъ департаментовъ Франціи, за исключеніемъ восьми. Самыя суровыя лишенія усиливали еще болѣе страданія отъ заточенія и болѣзней. Смѣшеніе ослушныхъ священниковъ съ присягнувшими существовало и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сопровождаясь тѣми же затрудненіями и раздѣленіемъ, какія отсюда вытекали. Во всякомъ случаѣ отправленіе религіозныхъ обрядовъ доставляло утѣшеніе заключеннымъ. Де-Майлье Ла-Туръ-Ландри, епископъ Saint-Papoul, жившій во Франціи во время Террора, прибылъ къ нимъ въ февралѣ 1799 года и сдѣлался главой этой изгнанной и преслѣдуемой паствы.

Въ Олеронской цитадели собрано было 250 ссыльныхъ: 46 мірянъ, шуановъ, журналистовъ, чиновниковъ; 66 французскихъ священниковъ и 126 бельгійскихъ священниковъ. Образъ ихъ жизни приблизительно напоминалъ образъ жизни на островѣ Ре. Недостатокъ простора, скученность заключенныхъ порождали болѣзни. Госпиталь страдалъ отсутствіемъ необходимѣйшихъ условій. Но тѣмъ не менѣе смертность на островѣ Олеронѣ, также какъ и на островѣ Ре, была весьма незначительна.

Переворотъ 30-го преріаля VII года (18-го іюня 1799 года) повліялъ на нѣсколько освобожденій, между прочимъ возвращена была свобода 12-ти присягнувшимъ священникамъ, заключеннымъ въ цитадели Ре. До 18-го брюмера на островѣ Олеронѣ не было освобождено ни единаго человѣка. Въ этотъ день насчитывали еще 941 изгнанника на островѣ Ре и 240 человѣкъ на островѣ Олеронѣ. Заточеніе ихъ окончилось лишь съ обнародованіемъ Конституціи VIII года, когда первый консулъ высказался за ихъ освобожденіе. Во

[1]) „La Terreur sous le Directoire“, стр. 311.
[2]) Ibid., стр. 435.

всякомъ случаѣ, для духовныхъ лицъ существовало извѣстное ограниченіе. Отъ нихъ потребовали присягу въ вѣрности Конституціи. Аббатъ Эмери былъ того мнѣнія, что можно было дать эту присягу, не обязываясь одобрять законы, противные совѣсти. Мнѣнія по этому поводу раздѣлились. Двѣсти священниковъ и въ томъ числѣ де-Майлье, епископъ изъ Saint-Papoul [1]), отказались дать подписку въ вѣрности. Но имъ удалось бѣжать изъ тюрьмы, причемъ администрація, вслѣдствіе недостатка надзора, повидимому, желала способствовать ихъ побѣгу [2]).

Постановленіе, касавшееся священниковъ на островахъ Ре и Олеронѣ, распространилось и на священниковъ, находившихся въ Гвіянѣ. Нѣкоторые дали присягу, которая служила цѣною ихъ освобожденія. Но большинство отказалось отъ этого предложенія. Нѣсколько священниковъ было выслано безъ всякихъ условій, въ томъ числѣ Брюмо де-Борегаръ.

5-го сентября 1800 года сосланные изъ Гвіяны были перемѣщены на острова Ре и Олеронъ. Изъ нихъ 18 человѣкъ, захваченные англійскими фрегатами, перебрались въ Англію, а оттуда вернулись во Францію.

Отъ 21-го января 1800 года по 7-е ноября 1802 года изъ Кайенны выѣхало 108 ссыльныхъ; одни, на свой счетъ, на коммерческихъ судахъ, другіе—на казенныхъ.

Цѣлыхъ три года прошло послѣ 18-го брюмера, а между тѣмъ продолжительное изгнаніе, на какое осуждено было столько несчастныхъ и невинныхъ, все еще не прекратилось. Равнодушіе ли правительства было тому виною или какіе либо иные мотивы, только ссылка была продлена почти на два года для трети изгнанниковъ, а для остальныхъ на три года послѣ паденія Директоріи. Одиннадцать ссыльныхъ добровольно остались въ Гвіянѣ: семеро мірянъ и четыре священника, изъ которыхъ двое поочередно были кюре въ Кайеннѣ [3]).

Война, объявленная Революціей христіанской религіи, окончилась торжествомъ религіозныхъ идей. Идеи эти нашли защитниковъ среди тѣхъ, которые ихъ преслѣдовали. Отрекаясь отъ скептицизма VIII-го вѣка, Ривароль писалъ въ 1797 году:

„Наше несчастіе заключается въ невозможности не признать своими учениками лицедѣевъ революціонной драмы“.

Затѣмъ вполнѣ справедливо онъ прибавлялъ:

---

[1]) Послѣ Конкордата онъ былъ назначенъ епископомъ Реннскимъ.
[2]) Викторъ Пьерръ, „La Terreur sous le Directoire“, стр. 335—404.
[2]) Ibid., стр. 391 и слѣд.

„Всякій, кто разрушаетъ прежній алтарь, желая воздвигнуть новый,—есть фанатикъ. Тотъ же, кто разрушаетъ, ничего не созидая,—есть безумецъ“.

„Въ одномъ донесеніи Совѣту Пятисотъ, 29-го преріаля V года, Камиллъ Жорданъ утверждалъ, что „потребность въ религіозныхъ идеяхъ чувствуется народами и въ революцію“.

„Для васъ крайне важно существованіе религій,—говоритъ онъ.—Только религіи дѣйствительно говорятъ о нравственности народу; онѣ отверзаютъ сердце его для кроткихъ привязанностей, онѣ внушаютъ ему чувство порядка. Законы представляютъ лишь дополненіе нравственности народовъ“.

„Если бы знаніе человѣческаго сердца,—въ свою очередь говорилъ Фуркруа,—не научило меня, что громадная масса человѣчества нуждается въ религіи, богослуженіи и священникахъ, въ такомъ случаѣ посѣщеніе жителей деревень, въ особенности же очень отдаленныхъ отъ Парижа, пребываніе въ департаментахъ, по которымъ я проѣзжалъ, твердо убѣдили бы меня въ томъ. Вѣрить въ возможность распространенія достаточнаго образованія, которое уничтожило бы религіозные предразсудки, это заблужденіе нѣкоторыхъ современныхъ философовъ, въ которое впадалъ и я самъ. Для большинства несчастныхъ эти предразсудки являются источникомъ утѣшеній; таковыми оказывались они даже и для нѣкоторыхъ весьма просвѣщенныхъ умовъ во всѣ времена. Необходимо прощать и терпимо относиться къ мнѣнію, присущему большинству людей, мнѣнію, зарожденію котораго въ головахъ Паскаля, Ньютона, Руссо и др. не могли воспрепятствовать ни величайшія познанія, ни глубочайшій геній. Вандейская война дала современнымъ правительствамъ великій урокъ, который философія тщетно желала бы приравнять нулю“ [1]).

Декады соблюдались только общественными властями, и Летурнёръ, въ одномъ циркулярѣ отъ 19 брюмера VI года признавалъ антипатію, связанную съ законами о декадахъ. Тщетно Директорія возобновила преслѣдованіе и воскресила Терроръ. Тщетно 19-го жерминаля VII года обратилась она съ посланіемъ къ Совѣту Пятисотъ, приглашая учредить культъ декадъ во всѣхъ церквахъ и силою ввести его по деревнямъ [2]).

---

[1]) Отчетъ о миссіи Фуркруа въ 12-й военной дивизіи, нивозъ IV года.— Феликсъ Рокенъ, „Etat de la France au 18 brumaire“, стр. 148.

[2]) „Débats et décrets“, стр. 311. „Съ грустью видимъ мы, какъ воскресенье съ большимъ успѣхомъ соперничаетъ съ декадами, — писалъ 21-го декабря 1798 года національный агентъ Сенъ-Симонскаго округа, отсылая въ департаментъ копію съ одного постановленія относительно отправленія

Народный голосъ Франціи требовалъ возвращенія своихъ священниковъ и возстановленія алтарей.

Въ теченіе флореаля IV года богослуженіе стало возстановляться, причемъ службы отправлялись слишкомъ тремя стами священниковъ. Главные викаріи епископа Жюпнье правильно управляли Парижской епархіей. Всѣ лавки закрылись въ день Пасхи, и храмы съ трудомъ вмѣщали въ себѣ вѣрующихъ.

Въ сентябрѣ 1796 года—въ 32.214 приходахъ исправлялась должность священника. Цифра эта высчитана Грегуаромъ, конституціоннымъ епископомъ [1]. 4.511 коммунъ оффиціально потребовали отправленія богослуженія [2]. Въ IX году пятнадцать церквей въ Парижѣ снова были открыты для совершенія богослуженій. Въ десяти изъ нихъ обязанности священнослужителя исполняли присягнувшіе священники, въ пяти—конституціонные священники. Теофилантропы имѣли право общиннаго пользованія всѣми этими пятнадцатью церквами, хотя службы свои совершали всего въ трехъ или четырехъ [3].

Возстановлявшаяся религія, овладѣвая снова своими храмами, представляла по временамъ странные контрасты. Надъ нѣкоторыми каѳедрами водружалось трехцвѣтное знамя съ слѣдующей надписью: „Свобода культовъ". Католическій священникъ возвѣщалъ слово Божіе посреди теофилантропическихъ правилъ. Та же самая церковь была свидѣтельницей, какъ смѣнялись одинъ за другимъ старый культъ и новый.

Алтари, статуи святыхъ, христіанскія эмблемы хранили на себѣ слѣды революціоннаго увѣчья. Но посреди самаго разрушенія явились проблески возстановленія религіи. Чѣмъ болѣе люди страдали отъ междуусобныхъ раздоровъ, тѣмъ болѣе чувствовалась ими потребность вымолить себѣ у неба утѣшенія и успокоенія послѣ бѣдствій и раззоренія родины.

Отдавая 19 нивоза IX года отчетъ о миссіи своей въ Бретани, Барбе Марбуа говоритъ: „Однажды, въ Ваннѣ, въ день Богоявленія, я зашелъ въ соборъ. Тамъ шла конституціонная обѣдня; присутствовали всего только священникъ и двоетрое нищихъ. Въ нѣкоторомъ же разстояніи оттуда на улицѣ я наткнулся на такую большую толпу, сквозь которую

декадъ. Первое отмѣчено глупымъ весельемъ фанатизма, а вторая—тупой тоской". (Эд. Флери, Le clergé du département de l'Aisne pendant la persécution, II, 430).

[1]) „Histoire du mariage des prêtres", стр. V.

[2]) „Annales de la religion", V, 192.—„Études sur l'histoire religieuse de la Révolution française", А. Газье, кн. III, гл. II.

[3]) Рокенъ, „Etat de la France au 18 brumaire", стр. 281.

буквально нельзя было протискаться. Это были люди, которымъ не удалось проникнуть въ капеллу, уже биткомъ набитую народомъ, гдѣ совершалась обѣдня, называвшаяся обѣдней католиковъ. Въ другихъ мѣстахъ городскія церкви точно также пребывали пустынными, а народъ по убійственнымъ дорогамъ толпами валилъ въ сосѣднія деревни послушать обѣдню какого-нибудь священника, только что вернувшагося изъ Англіи“ [1]).

Донесенія, присылавшіяся въ консульское правительство государственными совѣтниками, на которыхъ возложена была миссія въ департаментахъ, единодушно признавали пробужденіе религіознаго духа. Всякое преслѣдованіе должно имѣть тѣ же послѣдствія. Оно возвышаетъ то, что надѣется уничтожить. Оно раздуваетъ въ сердцахъ пламя, гдѣ это пламя готово было потухнуть.

При Директоріи ни одна религія не оплачивалась. Существовало отдѣленіе церкви отъ государства, но не существовало религіозной свободы, такъ какъ католики подвергались дѣйствію законовъ исключительныхъ и репресивныхъ. Конституціонное духовенство не могло быть довольно режимомъ, при которомъ оно лишено было жалованья, назначеннаго ему гражданской конституціей 1790 года.

Между католиками и конституціонными священниками существовало рѣзкое раздѣленіе вслѣдствіе прошлыхъ воспоминаній. Но какъ тѣ, такъ и другіе были недовольны Директоріей; обѣ стороны были заинтересованы въ ея паденіи. Всѣми чувствовалась необходимость примиренія, которое могло возникнуть лишь изъ соглашенія между властями свѣтской и религіозной.

Исполненіе католическихъ обрядовъ не было еще свободно послѣ наступленія 18-го брюмера. Фуше, министръ полиціи, въ одномъ циркулярѣ, отъ 22-го апрѣля 1800 года, объявлялъ, что законы 1792 и 1793 годовъ оставались въ дѣйствіи, а въ силу этихъ законовъ священники могли подвергаться преслѣдованію и тревогамъ. Тѣмъ не менѣе личный характеръ ивласть Перваго Консула уже дѣйствовали успокои-

---

[1]) Рокенъ, „Etat de la France au 18 brumaire“, стр. 275. — „Положеніе непокорныхъ священниковъ болѣе выгодно, нежели положеніе покорившихся священниковъ... послѣдніе заброшены, находятся въ пренебреженіи; сноситься съ ними считается непозволительнымъ“. „Rapport de Lacuée sur Paris et les sept départements environnants“.—„Десятая часть населенія примкнула къ конституціоннымъ священникамъ. Остальные пребыли вѣрными эмигрировавшимъ и возвратившимся священникамъ“. „Rapport de Français de Nantes, sur le Vaucluse et la Provence“.—Національные архивы, IX годъ. Тэнъ, „Le régime moderne“, I, 228.

тельно на умы, пока, наконецъ, конкордатъ (15-го іюля 1801 года) не вернулъ церкви мира.

Этимъ конкордатомъ предписывалась отставка прежнихъ епископовъ,—жертва, которой подчинился папа Пій VI, исполнившій это дѣло съ большимъ горемъ, ибо приходилось смѣстить съ епископскихъ мѣстъ тѣхъ, которые прославились благороднымъ своимъ поведеніемъ и непоколебимой твердостью. Изгнанные изъ своего отечества, они возвратились въ него лишь для того, чтобы быть изгнанными изъ своихъ епархій, гдѣ могли бы найти себѣ награду за годы испытаній. Почти всѣ епископы согласились съ требованіемъ римскаго первосвятителя, съ достохвальнымъ и великодушнымъ самоотверженіемъ. Лишь немногіе отказались исполнить это требованіе и образовали такъ называемую „Малую Церковь“.

Религіозная свобода восторжествовала надъ Революціей. Католицизмъ старались сдѣлать отвѣтственнымъ за убійства въ Saint-Barthélemy, за кровавыя столкновенія между католиками и протестантами, за отмѣну Нантскаго эдикта. Нельзя въ достаточной мѣрѣ сожалѣть о человѣческихъ заблужденіяхъ и страстяхъ, которыя въ религіозные вѣка прикрывались мантіей религіи, подобно тому, какъ въ другія эпохи они маскировались лживымъ обликомъ свободы. Но развѣ у невѣрія не было своихъ преслѣдованій, своей нетерпимости; развѣ антихристіанскій фанатизмъ не разнуздывалъ страшныхъ бичей?

Всякое вѣрованіе, если оно искренно, заслуживаетъ уваженія. Совѣсть—область неприкосновенная и священная. Никакая человѣческая власть не можетъ навязать ей то, что она отрицаетъ. Можно воспретить внѣшнія манифестаціи культа, но ничто не въ силахъ преодолѣть религіозное вѣрованіе. Всякое преслѣдованіе гнусно. Осужденія заслуживаютъ какъ тѣ, которые пожелали бы принудить вѣровать, такъ и тѣ, которые запрещаютъ вѣровать.

Временная власть французской церкви была уничтожена. За то духовенство отвоевало цѣною своей крови болѣе цѣнную и высокую власть. Мы попытались прослѣдить за нимъ посреди испытаній, какія оно претерпѣло съ 1789 по 1799 годъ, т. е. съ того дня, когда Революція начала конфисковать его богатства, передъ осужденіемъ его къ заточенію, къ смертной казни, изгнанію, ссылкѣ и вплоть до учрежденія Консульства, вступившаго въ свои права 18-го брюмера.

Изъ этого бѣглаго очерка видно, какія злоупотребленія попущены были въ духовныхъ учрежденіяхъ при старомъ ре-

жимѣ, на какія бѣдствія возможно тамъ указать, разсматривая ихъ безъ пристрастія и предубѣжденій. Но въ то же время всякій искренній человѣкъ не можетъ отказать въ дани удивленія французскому духовенству, подвергавшемуся столь жестокимъ притѣсненіямъ со стороны революціонной власти. Всякій человѣкъ съ сердцемъ съ почтеніемъ преклонится передъ этимъ длиннымъ рядомъ мучениковъ и передъ непоколебимой преданностью, которую не въ силахъ была сломить тиранія, творившаяся надъ совѣстью правительствомъ-гонителемъ.

Многія изъ учрежденій, сраженныхъ Революціей, не могли болѣе подняться или же послѣ пережитыхъ бѣдствій влачили лишь жалкое существованіе. Многіе скипетры сломились. Королевская фамилія, въ которой воплощалось славное прошлое Франціи, нерѣдко шла по печальному пути изгнанія. Дворянство исчезло, какъ привилегированное сословіе и какъ отдѣльный классъ. Оно существовало лишь въ воспоминаніяхъ, подобно почетному наслѣдству, переданныхъ и благоговѣйно хранимыхъ въ фамильномъ святилищѣ. Одно только духовенство не только пережило всѣ катастрофы, покушенія, разрушенія, раззоренія, но и возродилось, укрѣпленное преслѣдованіемъ, возвеличенное несчастіемъ. Его бѣдность, его чисто духовный авторитетъ пробуждали еще недовѣріе въ умахъ подозрительныхъ и не успѣли обезоружить враждебность. Если и преслѣдовались въ немъ тѣ вѣрованія, выразителемъ которыхъ оно являлось, то ничто лучше не можетъ засвидѣтельствовать о непреодолимой ихъ властности, какъ усилія, пытавшіяся ихъ уничтожить. Но вмѣсто уничтоженія ихъ, преслѣдованія сдѣлали ихъ лишь болѣе горячими и болѣе прочными.

Революція разсчитывала на-смерть поразить церковь Франціи. На самомъ же дѣлѣ она только придала ей новую жизнь, прибавивъ къ ея лѣтописямъ достославнѣйшія страницы, какія когда либо украшали ея исторію.

Глава XIV.

Буржуазія.

I. Положеніе ея при старомъ режимѣ. — II. Роль ея въ періодъ Революціи.

I.

Въ моментъ Революціи французская буржуазія представляла собою около 100.000 семействъ, находившихся въ различныхъ условіяхъ [1]). Излишне было бы повторять, что она сосредоточивала въ себѣ истинное и реальное могущество, хотя и не располагала номинальной властью. Дворянству были предоставлены блескъ, почетныя отличія, внѣшнія преимущества, представлявшія собою послѣдній отблескъ прошлаго его величія, удовлетвореніе,—тѣшившія его самолюбіе въ горѣ объ утраченномъ вліяніи. Самая же власть, располагавшая правительствомъ и главными силами государства, была въ рукахъ буржуазіи. Однѣхъ горькихъ жалобъ Сенъ-Симона было бы достаточно, чтобы указать то мѣсто, какое занимала буржуазія при Людовикѣ XIV, судя по тѣмъ должностямъ, какими она располагала и которыя, способствуя возвышенію фамилій, содѣйствовали и возвышенію всего сословія.

Не говоря о министрахъ, въ родѣ Кольбера и Тюрго, въ лицѣ которыхъ буржуазія привлечена была къ участію въ совѣтахъ короля, въ различныя эпохи интенданты выбирались изъ ея рядовъ, причемъ власть ихъ значительно превышала власть губернаторовъ, назначавшихся поголовно изъ дворянъ. Первая магистратура въ концѣ концевъ вербовалась изъ дворянства; но многія судейскія должности заняты были буржуа. Главные финансовые контролеры, личное положеніе которыхъ связано было съ такимъ значительнымъ вліяніемъ, какъ въ силу важности ихъ должностей, такъ и въ силу ввѣренныхъ имъ

---

[1]) Тэнъ, „La Révolution", III, 421.

интересовъ, — эти контролеры точно также происходили изъ третьяго сословія. Достаточно изъ числа ихъ назвать Орри — внука одного книгопродавца, Моро де-Сешелль — сына суконнаго фабриканта, Булонья — сына живописца, Силуэтта — сына одного мелкаго провинціальнаго чиновника, Лаверди — сына одного адвоката, — чтобы напомнить, какимъ образомъ люди темнаго происхожденія достигали тогда первостепенныхъ мѣстъ въ государствѣ.

Дворянство преобладало въ арміи не въ силу привилегіи его по рожденію, а просто потому, что вкусы и традиціи его заставляли его предпочитать опасное ремесло войны занятіямъ, требующимъ терпѣнія и труда. При Дворѣ, до извѣстной степени, оно чувствовало себя какъ бы дома, получая милости отъ монарха и составляя его свиту, престижъ которой возвышалъ величіе королевской власти. Мѣста и почести, какими оно располагало, являлись въ нѣкоторомъ родѣ вознагражденіемъ за славу и непрерывныя услуги, засвидѣтельствованныя всѣми военными битвами. Дворянство представляло собой солдата Франціи. Буржуазія была его интендантомъ; она управляла его дѣлами, составляла изъ него правительство, располагая такимъ образомъ политическимъ вліяніемъ, ускользавшимъ отъ дворянства.

Буржуазія того времени не миновала вліянія скептицизма, царившаго въ XVIII столѣтіи среди образованныхъ умовъ. Въ семьяхъ, оставшихся вѣрующими, религіозное чувство нерѣдко отражало суровость и строгія привычки, привитыя янсенистскими традиціями и тенденціями. Съ настроеніемъ фрондера, будучи партизаномъ парламентовъ, съ которыми нерѣдко его связывали личныя отношенія и семейныя узы, буржуа стараго режима тѣмъ не менѣе былъ глубоко привязанъ къ королевской власти [1]). Онъ не долюбливалъ Дворъ, но былъ вѣренъ государю. Нѣкій парижскій буржуа, писавшій свои мемуары, въ 1775 году заканчиваетъ ихъ такъ:

---

[1]) „Утративъ любовь и уваженіе къ Людовику XV, онъ продолжалъ чтить въ лицѣ его королевскую власть. Трудно повѣрить, до какой степени это уваженіе, за недостаткомъ обманувшейся и обезкураженной привязанности, продолжаетъ жить въ массѣ народа и буржуазіи, до какой степени старая Франція упорно старалась прикрывать промахи монарха, не видѣть ихъ, силясь удержать престижъ власти, необходимость которой чувствовалась ею... Менѣе снисходительный, хотя и весьма политичный двигатель, въ видѣ страха, — дѣйствовалъ на эту приверженность къ роялизму въ родѣ возбуждающаго средства. Буржуа опасался народа и не довѣрялъ ему“. („L'esprit public au dix-huitième siècle“, Ш. Обертена, стр. 412, 416).

„Французъ—подчиненный своему королю, король—подчиненный законамъ,—вотъ нашъ девизъ“ [1]).

Политическія убѣжденія писавшаго эти строки подтвердятся впослѣдствіи на дѣлѣ, въ дни опасности. 10-го августа 1792 года онъ очутился въ Тюльери, среди защитниковъ умиравшей монархіи.

Буржуазія сама характеризуетъ себя въ лицѣ своихъ хроникеровъ, начиная отъ Бюва и Матьё Марэ и до адвокатовъ Барбье и Гарди.

„Ни въ одномъ изъ этихъ буржуа, авторовъ мемуаровъ,—весьма справедливо говоритъ Обертенъ,—вы не замѣтите слѣдовъ злопамятной зависти и ненавистныхъ вожделѣній, которыя вскорѣ, на подобіе общественной чумы, овладѣли націей и развратили ее. Спокойная мудрость этихъ хроникеровъ чужда какой бы то ни было нездоровой закваски. Намъ извѣстны искренность и безкорыстіе Гарди. Дневникъ Барбье всецѣло проникнутъ добродушіемъ. Это мемуары счастливаго человѣка: настоящій типъ удовлетворенности, довольнаго какъ другими, такъ и самимъ собой. Марэ, талантливый человѣкъ, пользуется уваженіемъ, какое онъ внушаетъ...

„Безъ сомнѣнія, когда, съ наступленіемъ вечера, эти добродушные буржуа, при закрытыхъ дверяхъ, принимаются строчить въ своей записной книжкѣ и съ перомъ въ рукахъ бесѣдуютъ сами съ собой, то вдохновеніе ихъ по временамъ даетъ себѣ волю пройтись насчетъ дворянства: они не отказываютъ себѣ въ удовольствіи позлословить насчетъ трескотни, которая ихъ оглушаетъ, и безчинства, которое ихъ возмущаетъ. И однако во всѣхъ этихъ интимнымъ изліяніяхъ, гдѣ всякая сдержанность безполезна, вы никогда не встрѣтите какой-нибудь остервенѣлой, ядовитой брани, какой-нибудь тирады à la Figaro. Тутъ нѣтъ и слѣда чаши, переполненной желчью и гнѣвомъ, которые съ шипѣньемъ бьютъ черезъ край. Они не придумываютъ никакого проекта мщенія и разрушенія. Быть можетъ, сознавая всю несправедливость привилегіи и надменное превосходство рода, они легко переносятъ этотъ гнетъ, или, скорѣе, быть можетъ, не заключается-ли тайна ихъ сдержанности въ самомъ достоинствѣ ихъ независимости? Будучи хозяевами у себя, сознавая превосходство серьезной породы надъ легкомысленной, они держались отъ дворянства на извѣстномъ

[1]) Реньо, „Histoire des événements arrivés en France, depuis septembre 1770 jusqu'en février 1775“. Рукопись. Національная Библіотека, № 13.733.— Ш.-Обертенъ, стр. 413—415.

разстояніи и столь же мало помышляли о томъ, чтобы состязаться съ нимъ, сколько и о томъ, чтобы ухаживать за нимъ. Они слѣдовали по пути, на которомъ не могли съ нимъ столкнуться" [1]).

Кажется въ 1789 году буржуазіи не оставалось ничего болѣе стяжать, кромѣ дворянства. Но и послѣдняго могла она добиться, занимая четыре тысячи мѣстъ, дававшихъ дворянское достоинство,—въ магистратурѣ, по вѣдомству финансовъ и въ администраціи. Но если буржуазія имѣла солидныя преимущества, если она и добилась, какъ извѣстный классъ, власти въ самыхъ существенныхъ ея прерогативахъ, то, во всякомъ случаѣ, ей недоставало, быть можетъ, хотя и менѣе необходимыхъ, но болѣе чувствительныхъ радостей, тѣшащихъ самолюбіе. Относительная низшая степень ея положенія представлялась буржуазіи несовмѣстимой съ той властью, какой она пользовалась. Чѣмъ болѣе въ правахъ обнаруживалось стремленіе сгладить соціальныя различія, тѣмъ болѣе учрежденія стремились поддержать ихъ и напомнить о нихъ.

Когда какой-нибудь классъ утрачиваетъ реальную власть, то онъ старается утѣшить себя въ томъ ранговыми привилегіями, которыя собственно и вызываютъ наибольшую зависть.

Придворная аристократія могла ослѣпить своимъ блескомъ, даровавшимися ей милостями, предоставленной ей честью состоять при особѣ монарха. Во всякомъ случаѣ, ея вкусы и родъ жизни приближали ее къ богатымъ финансистамъ, главнымъ фермерамъ, а недостатокъ средствъ, нерѣдко долги, легко

---

[1]) Ш. Обертенъ, стр. 417.—Бюва, Марэ, Барбье и Гарди являются представителями парижской буржуазіи. О провинціальной буржуазіи имѣются «Mémoires de J.-B. Le Prince d'Ardenay», изданные аббатомъ Эспольтомъ (Мансъ, 1880, in-8°). Адвокатъ, мэръ города Манса, авторъ этихъ мемуаровъ, довольно вѣрно обрисовываетъ характеръ, жизнь и вкусы тѣхъ фамилій, которыя считали самолюбіе свое удовлетвореннымъ при прогрессивномъ возвышеніи. Одинъ простой ремесленникъ, по имени Жанъ Le Prince, поселился въ Мансѣ, около 1650 года, у одного хозяина воскового завода, и женился на дочери своего хозяина. Въ 1686 году онъ сдѣлался городскимъ головой. Сынъ его и внукъ продолжаютъ его ремесло, увеличиваютъ свое состояніе и вступаютъ въ почетные браки. Синьорія Арденэй становится фамильной собственностью, въ силу пріобрѣтенія ея. Должность королевскаго секретаря, купленная въ 1763 году за шестьдесятъ шесть тысячъ ливровъ, жалуетъ ему наслѣдственное дворянство, такъ что правнукъ ремесленника-свѣчника въ 1789 году фигурируетъ посреди представителей дворянства страны. Онъ уже синьоръ и владѣлецъ замка; у него гербы. Эта простая родословная — одинъ изъ массы другихъ подобныхъ примѣровъ. Она служитъ доказательствомъ, какимъ образомъ семья скромнаго происхожденія могла возвыситься при старомъ режимѣ, благодаря заслугамъ и настойчивости многихъ поколѣній. Трудомъ достигали богатства, а послѣднее, въ свою очередь, доставляло мѣста, которыя открывали доступъ въ дворянское сословіе семьямъ буржуазнаго или же плебейскаго происхожденія.

побуждали ее заключать брачные союзы, которые получили название неровныхъ браковъ (mésaillances).

Иначе стояло дѣло съ провинціальнымъ дворянствомъ. Чѣмъ болѣе оно бѣднѣло, тѣмъ болѣе съ гордостью укрывалось за воспоминаніями прошлаго, давая чувствовать буржуазіи свое первенство.

Освобождая отъ податей, пожалованное дворянское достоинство не давало еще всѣхъ дворянскихъ преимуществъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Зависть и злорадство не щадили новопожалованнаго дворянина. Положеніе бывшаго буржуа могло казаться предпочтительнѣе положенія новаго дворянина. Достоинство его не оспаривалось съ точки зрѣнія легальной, но онъ чувствовалъ себя еще въ положеніи неопредѣленномъ. Не принадлежа болѣе къ буржуазіи, онъ лишь отчасти принадлежалъ къ дворянству. Обязанный своимъ дворянскимъ достоинствомъ купленному мѣсту, онъ стоялъ значительно ниже фамилій, родовитость которыхъ освящена была вѣками или прославлена заслугами.

Несправедливо было бы думать, что соперничество классовъ особенно проявилось при Людовикѣ XIV. Оно стушевывалось тогда передъ всемогуществомъ и величіемъ великаго короля, впрочемъ, гораздо благосклоннѣе относившагося къ буржуазіи, нежели его наслѣдникъ. Тѣмъ не менѣе, однако же, начиная съ этого времени щепетильность и критика проглядываютъ въ замѣчаніяхъ современниковъ. Ла-Брюйеръ посвящаетъ аристократамъ главу, полную ядовитыхъ эпиграммъ, которыя преимущественно относятся къ придворному кругу, бывшему у него передъ глазами. Но Ла-Брюйеръ былъ слугой дома Конде, и не былъ заинтересованъ въ разрушеніи порядка вещей, которому самъ былъ обязанъ своимъ положеніемъ. И, тѣмъ не менѣе, какъ жестоко критикуетъ онъ особъ наивысшаго ранга, говоря:

„Человѣкъ изъ народа не съумѣлъ бы сдѣлать никакого зла; аристократъ не хочетъ дѣлать никакого добра и способенъ натворить страшное зло. Одинъ развивается и упражняется лишь въ полезныхъ вещахъ, другой присоединяетъ сюда всякую пагубу. У одного чистосердечно выступаютъ наружу грубость и откровенность; у другого, подъ корой учтивости, кроется злокачественный и тлетворный сокъ. Народъ страдаетъ полнымъ отсутствіемъ ума, а у знати нѣтъ души. У перваго очень много внутреннихъ достоинствъ и нѣтъ внѣшнихъ качествъ. Аристократы обладаютъ только одной внѣшностью и

простой поверхностностью. Что же предпочтительнѣе? Я не колеблюсь, я хочу быть народомъ“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

„Если финансистъ промахнется, придворные выражаются о немъ такъ: это буржуа, ничтожество, болванъ. Если же ему повезетъ,—они просятъ руки его дочери“ [2]).

Такимъ образомъ, въ насмѣшливой формѣ, характеризовались браки, заключавшіеся ради выгоды и тщеславія.

Въ самый разгаръ царствованія Людовика XIV Буало,— поэтъ, пользовавшійся королевской милостью, — написалъ сатиру на дворянство и посвятилъ ее Данжо, одно уже имя котораго характеризуетъ царедворца. Буало, кажется не чуждался аристократіи своего времени, и однако требовалась нѣкоторая отвага, чтобъ въ 1665 году напечатать слѣдующіе стихи, приводимые въ прозаическомъ переводѣ:

„Вскорѣ, для своего пропитанія, неимущее дворянство изобрѣло искусство брать взаймы и безъ отдачи. Бравируя робкой кагортой сержантовъ, оно предоставляло своему кредитору по цѣлымъ часамъ тщетно стучаться въ его дверь. Но въ концѣ концовъ, на глазахъ маркиза, заключеннаго въ тюрьму, домъ его рухнулъ, подъ бременемъ процессовъ. Тогда благородный гордецъ, тѣснимый нуждой, сталъ униженно искать союза съ негодяемъ. Вмѣстѣ съ нимъ торгуя столь драгоцѣннымъ именемъ, при посредствѣ недостойнаго контракта, продалъ онъ всѣхъ своихъ предковъ. И, такимъ образомъ поправивъ враждебное ему состояніе, возстановилъ свою честь помощью позора“.

Пока дворянство бѣднѣло, буржуазія богатѣла и такимъ образомъ пріобрѣла въ государствѣ новую силу.

По странному противорѣчію, кастовымъ различіямъ,— защищавшимися одними и вызывавшимъ вожделѣніе въ другихъ,—придавалось особое значеніе именно въ разгарѣ этого новаторскаго и смѣлаго вѣка. Между тѣмъ какъ распространившіяся идеи подготовляли Революцію, предполагая подготовить лишь однѣ реформы,—старыя преграды не только не рушились, но люди хлопотали еще о томъ, чтобы воздвигнуть новыя.

Регламентъ, изданный Людовикомъ XV 17 апрѣля 1760 г., требовалъ для представленій ко Двору доказательствъ о дво-

---

[1]) „Les caractères“. Объ аристократахъ.
[2]) О случайныхъ богатствахъ.

рянствѣ, восходящемъ къ 1400 году, титулами, подлинными безъ особаго возведенія въ дворянство! Регламентъ этотъ былъ продиктованъ необходимостью обуздать развившіяся самолюбія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлалъ доступъ ко Двору болѣе затруднительнымъ, чѣмъ то было при Людовикѣ XIV.

Въ 1781 году, въ эпоху совсѣмъ близкую къ Революціи, указъ, изданный въ правленіе маршала де-Сегюра, даже офицеровъ обязывалъ представлять документы о дворянствѣ,— мѣра столь же несправедливая, какъ и неполитичная, закрывавшая дорогу къ военной карьерѣ разночинцамъ, чего не сдѣлала монархія въ періодъ наиболѣе абсолютной своей власти.

Вмѣстѣ съ препятствіями и исключеніями пріумножалось число оскорбленныхъ самолюбій, такъ что совершенно основательно можно было сказать, что „первый взрывъ Революціи порѣшенъ былъ страстью къ равенству у крайне тщеславнаго народа“ [1]).

Въ 1789 году буржуазія представляла собой самое богатое и самое многочисленное сословіе, вслѣдствіе чего сословіе это имѣло рѣшительное вліяніе на событія. „Оно чувствовало себя запѣвалой общественнаго мнѣнія, и какъ только собрались états généraux—оно стало во главѣ положенія“ [2]).

Имѣла ли буржуазія основаніе такъ жаловаться на этотъ старый отживавшій свой вѣкъ режимъ, какъ это ей представлялось? Не ему ли обязана она была своимъ успѣхомъ и возвышеніемъ? Съ нимъ она познала независимость. Благодаря открытой для нея возможности пріобрѣтать мѣста, положеніе ея зависѣло теперь исключительно отъ ея средствъ и отъ нея самой.

По своимъ вкусамъ и по характеру Людовикъ XVI казался скорѣе королемъ буржуазіи, нежели королемъ дворянства и стараго режима. Онъ отличался буржуазными добродѣтелями, а никакъ не пороками, въ какихъ упрекали старый Дворъ. Такимъ образомъ все, казалось, благопріятствовало возвышенію третьяго сословія, когда слабость королевской власти, революціонныя страсти и ослѣпленіе умовъ привели къ кровавой демагогіи.

Дворянство, изгнанное Революціей, встрѣчается впослѣдствіи лишь въ эмиграціи, въ изгнаніи, въ тюрьмѣ и на эшафотѣ. Оно или скрывало свою жизнь, надъ которой висѣла

---

[1]) А. Барду, „La bourgeoisie française“ (1789—1848 г.), стр. 22.
[2]) Альбертъ Бабо, „Les bourgeoises d'autrefois“, гл. XIV.

гроза, или же рисковало ею въ Бретани и Вандеѣ, среди героевъ шуанства. Роль его кончилась, а роль буржуазіи началась, чтобы окончиться, въ свою очередь, въ разливѣ потока, который она не въ силахъ была сдержать.

II.

Самолюбія и соперничества классовъ нашли новые поводы для раздраженія при созваніи états généraux. Различіе костюмовъ было предписано церемоніймейстеромъ, чтобы отмѣтить различіе ранговъ. Дворянство могло облечься въ бархатныя одежды, украсить себя золотомъ, перьями и кружевами, тогда какъ третье сословіе должно было простотой чернаго своего костюма засвидѣтельствовать о низшей степени своего положенія. Съ нимъ обращались менѣе церемонно, чѣмъ съ остальными сословіями. Въ королевскомъ засѣданіи, 27-го іюня, духовенство и дворянство были размѣщены первыми, между тѣмъ какъ третье сословіе цѣлый часъ заставили дожидаться у дверей, подъ дождемъ, причемъ оно выразило свое неудовольствіе. Въ Версали ему казалось, что оно чувствуетъ на себѣ покровительственные взгляды Двора. Парижъ, охваченный уже революціонной лихорадкой, поддерживалъ его въ этомъ мнѣніи, и оно не съумѣло оградить себя отъ этого воздѣйствія въ достаточной мѣрѣ [1]). Въ этихъ первыхъ волненіяхъ общественнаго духа оно замѣтило силы, какія собою представляло. Но оно не разглядѣло среди нихъ тѣхъ силъ, которыя угрожали ему самому. Внушенія самолюбія отвлекли его отъ настоящихъ его интересовъ.

Водворившись въ Національномъ Собраніи (17-го іюня 1789 года), третье сословіе измѣнило сущность полномочій, данныхъ ему отъ его избирателей, и удалилось отъ цѣли, намѣченной Etats généraux въ cahiers 89 года. Такимъ образомъ оно заставило Революцію сдѣлать первый шагъ по пути мятежей, на которомъ она не остановилась болѣе.

Сіейсъ сдѣлался одной изъ наиболѣе видныхъ личностей, благодаря громкой своей брошюрѣ, озаглавленной: „Qu'est-ce que le tiers état?“ Въ 1789 году имя его еще пользовалось такой ограниченной популярностью, что его едва согласились

---

[1]) „Les usurpations de Paris“, Этьенна Лами. „Correspondant“ 25-го марта 1890 года.

предложить и принять, въ то время, когда треть выбрала уже себѣ представителей и оставалось выбрать еще двадцатую часть. Такъ что онъ былъ послѣднимъ депутатомъ, избраннымъ третьимъ сословіемъ [1]). Бареръ характеризуетъ его не особенно лестно:

„Онъ не перестаетъ,—говоритъ онъ,—дѣйствовать въ подпольяхъ собраній; онъ всѣмъ руководитъ и все запутываетъ. Онъ взбудораживаетъ почвы и исчезаетъ; создаетъ заговоры и приводитъ ихъ въ движеніе, поселяя раздоръ между партіями и держась при этомъ въ отдаленіи, чтобы воспользоваться затѣмъ подходящими для него обстоятельствами“ [2]).

Малле дю-Папъ дѣлаетъ ему не менѣе строгую оцѣнку:

„Будучи республиканцемъ до созванія états généraux въ 1789 г., онъ не упустилъ изъ вида ни единаго дня послѣ паденія трона, церкви, католической религіи и дворянства. Къ счастью, этотъ упрямый и проницательный новаторъ первѣйшій трусъ изъ смертныхъ. Едва замѣтивъ опасность, онъ совершенно стушевывается. Всякій, кто внушитъ ему страхъ, всегда будетъ повелѣвать имъ. Являясь желчнымъ мизантропомъ, отличаясь совершенно исключительной заносчивостью, нетерпѣливый и сосредоточенный, надменный и завистливый шарлатанъ, противникъ всякой заслуги, которая выше его заслугъ,—этотъ человѣкъ, какъ никто, обладаетъ искусствомъ завладѣвать умами, пользуясь для того исключительно языкомъ разума,— прикрывать самой холодной внѣшностью свои страсти, свою наружность, свой стиль“ [3]).

Извѣстно опроверженіе, которое впослѣдствіи онъ написалъ на свои доктрины, во время первой имперіи, возведшей его въ санъ сенатора. Одна изъ главъ знаменитой его брошюры озаглавлена такъ: „Que demande le tiers état?“ („Чего требуетъ третье сословіе?“). Вотъ какъ онъ отвѣчаетъ на поставленный имъ вопросъ:

„О требованіяхъ третьяго сословія отнюдь не слѣдуетъ судить по отдѣльнымъ замѣчаніямъ нѣсколькихъ авторовъ, болѣе или менѣе просвѣщеннымъ насчетъ человѣческихъ правъ. Третье сословіе еще очень отстало въ этомъ отношеніи. Я говорю не только о просвѣщеніи людей, изучавшихъ соціальный строй, но также и о той массѣ общественныхъ идей,

---

[1]) Байльи, „Mémoires“, I, 75.
[2]) „Mémoires“, II, 280.
[3]) „Correspondance inédite avec la cour de Vienne“, изданная А. Мишелемъ, II, 227.

которыя составляютъ общественное мнѣніе. Истинныя петиціи третьяго сословія могутъ быть удостовѣрены лишь подлинными требованіями, которыя большіе муниципалитеты предъявили правительству. Что же тамъ оказалось? *что народъ желаетъ быть чѣмъ-нибудь и, по истинѣ, наивозможно меньшей малостью*" [1]).

Изъ этого заявленія можно заключить, что наибольшія перемѣны требовались не народомъ, а демократами и честолюбцами. Впрочемъ, мнѣнія провинціи не сходилось съ мнѣніемъ Парижа. Провинція лучше понимала необходимость согласить реформы съ традиціей. Удаленная отъ Двора и отъ Парижа, она одновременно избѣгла иллюзій перваго и революціонныхъ возбужденій второго. Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ по отношенію къ третьему сословію сдѣлался ренегатомъ дворянства: то былъ Мирабо, столь увлекавшій пыломъ своего краснорѣчія.

Одинъ городской голова Флессель палъ подъ ударами мятежниковъ въ тотъ самый день, когда былъ убитъ комендантъ Бастиліи. 22-го іюля былъ также убитъ Фулонъ,—финансовый интендантъ, назначенный контролеромъ послѣ отставки Неккера. Такимъ образомъ буржуазія доставила Революціи первыя свои жертвы. Убійство Бертье, парижскаго интенданта, послѣдовало вскорѣ послѣ убійства Фулона, его тестя.

Въ Конституціонномъ Собраніи буржуазія составляла большинство [2]). На этомъ основаніи, на ней лежитъ большая доля отвѣтственности за постановленія этого Собранія. Конвентъ не есть представитель среднихъ классовъ; онъ — орудіе разнузданной демагогіи. Вмѣстѣ съ нею занялась зловѣщая заря кровавыхъ дней Террора. Буржуазія перестала руководить Революціей, которая сама стала доминировать надъ нею. Кровь буржуазіи лилась на эшафотахъ, смѣшанная съ кровью дворянства и народа. Но если буржуазія и исчезла какъ отдѣльный классъ и утратилось ея вліяніе, то, во всякомъ случаѣ, мы снова встрѣчаемся съ ней, въ лицѣ людей изъ ея среды, имена которыхъ отмѣчены событіями Революціи.

Сынъ судьи и самъ бывшій адвокатомъ, Камиллъ Демуленъ, съ перваго момента сталъ выше идей и вожделѣній буржуазіи 1789 г., къ которой Дантонъ принадлежалъ по своему происхожденію, хотя и не могъ служить выразителемъ ни ея желаній, ни ея характера. Тоже самое можно сказать о Петіонѣ.

[1]) „Correspondance inèdite avec la cour de Vienne", изданная А. Мишелемъ, 3-е изд., 1789 г., гл. III.

[2]) Тэнъ, „La Révolution", III, 416.

Роланъ, происходившій изъ судейской фамиліи, былъ главнымъ инспекторомъ торговли, когда Революція открыла передъ нимъ двери карьеры, которую онъ завершилъ бы на эшафотѣ, если бы самъ не покончилъ съ собой. Самолюбіе его прикрывалось суровой внѣшностью. Госпожа Роланъ по своему стоицизму—совершенная римлянка, была дочерью гравера [1]). Уколы самолюбія не были чужды мнѣніямъ, какія она высказывала. Можно прославлять ея мужество, ея энергію, замѣчательныя качества ея ума. Но въ ней не было ни чертъ характера, ни чувствъ, свойственныхъ ея полу.

Совсѣмъ иною была госпожа Талльенъ, отличавшаяся женской чувствительностью. Доброта ея нѣкоторымъ образомъ искупала ея заблужденія и слабости. Госпожа Роланъ поощряла своего мужа въ его революціонныхъ дѣяніяхъ. Госпожа Талльенъ, напротивъ того, пользовалась своей властью лишь для того, чтобы умѣрить изступленныя страсти Революціи и вырвать отъ нея ея жертвы.

Верньо, сынъ адвоката изъ Лимузена, представлялъ собой самое блестящее олицетвореніе партіи Жиронды, роль которой была прикрашена легендой. Жирондисты обязаны были своей смерти извѣстной долей возбужденнаго ими къ себѣ интереса. Но слава объ ихъ умѣренности, повидимому, нисколько не оправдывается ихъ дѣлами. Почти всѣ они присоединили свои голоса къ голосамъ цареубійцъ. Благодаря свой недальновидности и слабости, они сдѣлались соучастниками тѣхъ, которые обратили ихъ въ своихъ жертвъ [2]).

„Жиронда, — говоритъ Низаръ, — представляетъ собой не только политическую партію, имѣвшую мѣсто въ извѣстную историческую эпоху, а цѣлый типъ... Это та партія, которая никогда не умѣетъ желать того, чего хочетъ, ни держаться того, чѣмъ владѣетъ; всегда имѣющая видъ, будто она беретъ власть штурмомъ и приходящая въ крайнее удивленіе, когда эту власть ей предлагаютъ, партія честолюбцевъ въ своей фантазіи, немощныхъ волей, скорѣе безпокойная, нежели дѣятельная, и которая вслѣдствіе всѣхъ этихъ различныхъ непослѣдовательностей не могла даже личной честностью защи-

[1]) Ее звали Манонъ Флипонъ.

[2]) Число жирондистовъ, казненныхъ 31 октября 1793 года, равнялось двадцати: Верньо, Бриссо, Жансонне, Дюкосъ, Фоше,—конституціонный епископъ, Бойе-Фонфрелъ, Лазурсъ, Брюларъ-Силлери, Мэнвьейлль, Бове, Лозъ-Дюперре, Лаказъ, Дюшастель, Ле-Гарди, Буало, Антибуль, Вижеръ, Карра, Гардьенъ и Дюпра. Дюфришъ-Валазе покончилъ съ собою, въ ожиданіи своего смертнаго приговора.

титься отъ разсчетовъ и дискредитированія интриги. Обратите вниманіе на языкъ, какимъ они говорятъ. Это средній языкъ между порядкомъ и безурядицей, между свободой и анархіей, переполненный грубыми словами, значенія которыхъ они не понимаютъ, и среди которыхъ люди съ разрушительными наклонностями всегда найдутъ свое льготное слово для пропуска. Вотъ почему ничего нѣтъ болѣе опаснаго въ политикѣ, какъ жирондисты. Для меня болѣе страшенъ Верньо, амнистирующій рѣзню, нежели Маратъ, проповѣдующій ее. Для меня болѣе симпатиченъ пивоваръ Сантерръ, грубо указывающій Парижской Коммунѣ на мятежъ 21 іюня, нежели Петіонъ, предлагающій сопровождать это возмущеніе національной гвардіей, подъ правильной командой. Да и чего же можно болѣе страшиться, какъ ни глупаго пуританства Ролана? Относительно людей, стоящихъ за разрушеніе, всякій держитъ себя на сторожѣ. Притомъ же что нибудь непремѣнно ихъ выдаетъ— или ихъ фанатизмъ, или ихъ нравы. Не было примѣра, чтобы общество попадало въ ихъ лапы по ошибкѣ. Но вѣдь жирондистовъ не остерегаются; самая ихъ непослѣдовательность представляетъ главную ихъ прелесть. Они увлекаютъ за собой, и вдругъ человѣкъ попадаетъ въ руки людей, стоящихъ за разрушеніе, которые сами оказываются крайне удивленными своей побѣдой“ [1]).

Байльи и Барнавъ—двѣ фигуры, нѣсколько аналогичныя между собою. Первый, бывшій мэромъ Парижа до Петіона, былъ сынъ живописца. Второй былъ адвокатомъ въ Греноблѣ. Оба погибли на эшафотѣ. Оба олицетворяли собой революціонный духъ, доступный состраданію. Революція обольстила ихъ. Зрѣлище несчастія ихъ тронуло. Виновные главнымъ образомъ въ недальновидности, сердцемъ они были лучше, нежели разсудкомъ.

Мунье, напротивъ того, соединялъ въ себѣ твердость и разумъ. Иллюзіи его, которыми онъ былъ зараженъ, подобно многимъ другимъ, были не долговѣчны. Онъ заставилъ уважать себя за свое мужество и сопротивленіе мятежникамъ.

Малуэ представлялъ собою одинъ изъ наиболѣе законченныхъ типовъ буржуазіи того времени. Умѣренность и прозорливость, искренность, прямота, справедливость руководили его поведеніемъ и диктовали ему его приговоры. Онъ питалъ склонность къ разсудительности даже въ дни безумія и, конечно, его не

---

[1]) „Considérations sur la Révolution française et sur Napoléon 1-er“, стр. 55—57.

могли выслушивать крайнія партіи, единственныя, которыя владычествуютъ въ эпохи насилій и смуты.

Этотъ благоразумный и осторожный духъ всегда являлся естественнымъ достояніемъ буржуазіи, когда она не уступала ни увлеченіямъ политическими страстями, ни вліянію вѣроломныхъ или же неразумныхъ совѣтниковъ. Революціоннымъ духъ этотъ могъ быть по недальновидности, случайно; но онъ не могъ быть таковымъ по привычкѣ и склонности. Инстинкты его и потребности привязывали его къ порядку и консервативности. По своему соціальному положенію и просвѣщенности, онъ вносилъ въ государственное управленіе правильное равновѣсіе и полезный противовѣсъ.

„Средній классъ, — резонно сказалъ одинъ писатель, набрасывая нравственный портретъ Гизо, — это прежде всего классъ гражданъ, которые не являются погруженными или какъ бы закостенѣвшими подъ гнетомъ излишней работы или же праздности; у которыхъ имѣются занятія и досугъ, здоровая дисциплина работы и свобода мысли, дающаяся отдыхомъ... Почему именно средній классъ, а не другой какой классъ создаетъ общественное мнѣніе? Потому что низшій классъ можетъ только чувствовать и совсѣмъ не умѣетъ говорить. Потому что высшій классъ, который съумѣлъ бы высказаться, слишкомъ далекъ отъ всѣхъ, чтобы знать объ ихъ желаніяхъ и вдохновляться ихъ чувствами. Недостатокъ низшаго класса,—исключительно чувствующаго,—заключается въ томъ, что онъ никогда не думаетъ, а лишь выражаетъ или точнѣе выдыхаетъ свои желанія и жалобы. Ошибка высшаго класса,—обязательно мыслящаго,—состоитъ въ томъ, что онъ не раздѣляетъ народныхъ чувствъ, не имѣетъ общенія съ народомъ, и при самомъ искреннемъ желаніи, не можетъ ясно представить себѣ то, чѣмъ болѣетъ народъ, чего онъ требуетъ, чему противится. Вотъ почему общественное мнѣніе создается именно среднимъ классомъ“ [1]).

Только отдалившись отъ своего благоразумія и своихъ традицій, буржуазія и могла допустить революціонному пороку увлечь себя вмѣстѣ съ учрежденіями, которыя такъ долго ее охраняли.

„Отнынѣ, — говоритъ Бабо, — буржуа нечего болѣе бороться съ дворянствомъ, которому онъ завидовалъ, не имѣя возможности пробраться въ его ряды. Ему приходится считаться съ болѣе многочисленной и болѣе немощной фракціей

---

[1]) „Гизо“, Эмиля Фагэ.—„Revue des deux Mondes“, 15 іюля 1890.

третьяго сословія, которую онъ презиралъ и которая, въ свою очередь, требуетъ своихъ правъ. Онъ заговорилъ о равенствѣ съ тѣми, кто стоялъ выше него, и тѣ, кто ниже его, въ свою очередь, заговорятъ съ нимъ о томъ же самомъ. Не напоминаетъ ли пріемъ буржуа ту лошадь изъ басни, которая захотѣла отомстить оленю? Помощникъ его оказывается готовымъ сдѣлаться его хозяиномъ. Передъ нимъ раскрывается новый режимъ, при которомъ онъ не будетъ болѣе чувствовать надъ собою легальнаго превосходства, но притомъ непремѣнно задастъ себѣ вопросъ, какъ ему удастся справиться съ претензіями, которымъ онъ самъ первый подалъ примѣръ" [1]).

Сила дворянства существовала во Франціи во времена феодализма, въ эпохи войнъ. Оно только падало въ послѣдующіе вѣка, такъ какъ оставалось военнымъ, не располагая возможностью обратиться въ аристократію, способную имѣть вліяніе на правительство и политическія судьбы страны. Это отсутствіе посредствующаго сословія сперва должно было идти на пользу абсолютной монархіи, а затѣмъ буржуазіи, возвышеніе которой можно было предчувствовать еще при Людовикѣ XIV. Владычество ея наступило, повидимому, въ 1789 году, когда революціонная анархія, своими разрушеніями, подготовила цезаризмъ.

Безъ сомнѣнія, буржуазія видѣла, что Революція уничтожила сословныя привилегіи, кастовыя отличія, но за то буржуазія утрачивала оплоты, ограждавшіе ее и обезпечивавшіе за ней силу и безопасность. Положеніе ея при старомъ режимѣ было скорѣе прочно, нежели блестяще. Правда, это положеніе не предоставляло ей права пользованія всѣми поблажками самолюбія, за то оно давало реальныя преимущества тѣмъ, кто оставался умѣреннымъ въ своихъ желаніяхъ.

Комедіи и сатиры того времени не переставали предупреждать буржуа противъ искушеній тщеславія. Какія же радости, въ самомъ дѣлѣ, могли быть выше спокойной независимости этихъ фамилій, украшавшихъ свои очаги частными добродѣтелями, достойной жизнью, отцы которыхъ старѣлись съ ревнивой заботой о сохраненіи за ними вотчинъ, равно какъ и о ненарушимости домашнихъ традицій, которыя они восприняли отъ своихъ отцовъ и продолжателями которыхъ являлись ихъ потомки?

---

[1]) „Les bourgeois d'autrefois", гл. XIV.

Глава XV.

I. Народное просвѣщеніе при старомъ режимѣ.—II. Народное просвѣщеніе въ періодъ Революціи.

I.

Предметъ этой главы обсуждался уже съ компетентностью и авторитетомъ писателями, которымъ мы обязаны освященіемъ сторонъ, нынѣ уже не подлежащихъ спору. Намъ остается только воспользоваться ихъ открытіями и трудами.

Для того, чтобы составить себѣ истинное понятіе объ образованіи въ періодъ Революціи, необходимо сказать чѣмъ оно было до нея.

Парижскій университетъ былъ оффиціальнымъ представителемъ высшаго образованія. Онъ резюмировалъ традиціи французскаго духа. Учрежденіе его относилось къ Филиппу-Августу. Названный Карломъ V „Старшей дочерью короля", онъ пребывалъ вѣрнымъ старинному своему происхожденію. Привилегіи его были значительны, и онъ умѣлъ отстаивать ихъ противъ королевской власти, сохраняя независимость, какую нѣкогда умѣли согласовать съ преданностью и вѣрностью монарху. Университетъ состоялъ изъ четырехъ факультетовъ: богословія, преподававшагося въ Сорбоннѣ съ такимъ авторитетомъ и блескомъ; искусствъ, обнимавшихъ собой науки и литературу; права и медицины. Во главѣ университета стоялъ ректоръ, назначавшійся по выборамъ. Важность его соотвѣтствовала высокому значенію его положенія, если вѣрить въ этомъ дѣлѣ стихамъ Буало:

... шествуя размѣренными шагами,
Словно какой-нибудь ректоръ въ сопровожденіи четырехъ факультетовъ.

Парижскій университетъ давалъ ученыя степени. Въ теченіе долгаго времени право преподаванія принадлежало ему исключительно, и онъ не легко соглашался дѣлить это право.

Извѣстна та борьба, какую онъ выдерживалъ съ религіозными орденами, занявшими столь видное мѣсто въ дѣлѣ воспитанія и успѣхъ которыхъ освященъ былъ временемъ. Университетское преподаваніе отличалось отъ преподаванія конгрегацій; но религія и тамъ занимала почетное мѣсто. Во главѣ его стояли такіе люди, какъ Пьерръ д'Айлли, Жерсонъ, одинъ изъ предполагаемыхъ авторовъ сочиненія *Imitation de Jésus-Christ*, Ролленъ, этотъ почтенный типъ классическаго духа и христіанскаго воспитателя.

Парижскій университетъ не былъ пощаженъ революціоннымъ разгромомъ. Упраздненіе его рѣшено было въ 1790 году.

Въ провинціяхъ существовало множество университетовъ, распространявшихъ просвѣщеніе. Въ 1789 году таковыхъ насчитывали двадцать одинъ. Коллежей было пятьсотъ шестьдесятъ два. [1]) Въ нихъ обучалось 72.747 учениковъ, изъ которыхъ около 40.000 человѣкъ получали образованіе вполнѣ или отчасти даровое. Населеніе Франціи состояло тогда изъ 25 милліоновъ жителей. Количество дѣтей мужескаго пола, отъ 8—18 лѣтъ, исчислялось въ 2.326.364 человѣкъ. Такимъ образомъ, приходилось по одному ученику на 31 ребенка. Въ 1843 году приходилось по 1 на 37 дѣтей. Въ 1882 году населеніе Франціи разрослось до 38 милліоновъ, слѣдовательно, на треть болѣе, нежели въ 1789 году. По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ, тогда существовало: 81 лицей съ 40.995 учениками, и 300 общинныхъ коллежей съ 38.236 учениками. Эти цифры даютъ въ итогѣ 79.231 ученика, изъ коихъ 4.949 полныхъ стипендіатовъ, полустипендіатовъ или же стипендіатовъ въ четвертую долю. Такимъ образомъ, среднее общественное образованіе, начиная съ 1789 года, привлекло всего 6.484 ученика, хотя населеніе увеличилось на треть, причемъ утрачено было 200 заведеній и 35.000 стипендіатовъ [2]).

Упраздненіе ордена Іезуитовъ (1762 г.), повлекло за собой упраздненіе 200 коллежей. Священники Ораторіи получили изъ нихъ, такъ сказать, въ наслѣдство 70 коллежей въ 1792 г.

Образованіе стараго режима слѣдуетъ судить по его результатамъ. Ему именно и обязаны мы великими геніями XVII вѣка, литературная слава которыхъ продолжаетъ украшать французское имя. Оно дало намъ Паскаля, Декарта,

---

[1]) Отчетъ Вильмэня о положенія средняго образованія въ 1843 г.—Альбертъ Дюрюи, „L'instruction publique et la Révolution", in—8°, 1882 г., стр. 25.

[2]) Альбертъ Дюрюи, „L'instruction publique et la Révolution", стр. 25 и 26.

Боссюэта, Фенелона, Корнеля, Расина, Мольера, Ла-Фонтэна, Буало, Ла-Брюйера. Именно эти-то университеты и коллежи образовали столько замѣчательныхъ людей и такого высокаго ума. Изъ этихъ очаговъ просвѣщенія вышли мыслители и писатели XVIII вѣка, — достояніе, которымъ Франція можетъ гордиться съ полнымъ правомъ, отвергнуть которое она не могла бы, не покрививши передъ собственной совѣстью, ибо это достояніе принадлежало бы ей, помимо ея воли, въ богатствахъ ея языка и сокровищахъ ея ума.

По вычисленіямъ Кондорсе, котораго трудно заподозрить въ пристрастіи къ старому режиму, школьный бюджетъ до революціи, въ большинствѣ оплачивавшійся фабриками и частными взносами, не превышалъ 20 милліоновъ.

„Среднее образованіе,—заключаетъ Альбертъ Дюрюи,—при старомъ режимѣ, почти ничего не стоившее государственной казнѣ, находилось въ цвѣтущемъ состояніи, какого оно достигло въ наше время только цѣною долгихъ усилій и великихъ жертвъ. Кромѣ того, у него было преимущество,—по крайней мѣрѣ, таково наше мнѣніе,—что оно не сосредоточивалось, какъ теперь, въ нѣсколькихъ большихъ городахъ, а распредѣлялось гораздо равномѣрнѣе по всей поверхности территоріи. Благодаря этому, весьма второстепенныя мѣстности нерѣдко располагали значительными заведеніями. Во Флешскомъ коллежѣ,—согласно списку, присланному въ Римъ и сохранившемуся въ іезуитскихъ архивахъ—было не менѣе 1.300 учениковъ въ 1625 году. Президентъ Ролланъ насчитывалъ таковыхъ еще 700 въ 1763 г. послѣ изгнанія іезуитовъ. Въ Сорезѣ, во второй половинѣ XVIII вѣка, было слишкомъ 500 учениковъ, въ Мансѣ—900, въ Діеппѣ—отъ 150—200“ [1]).

Въ виду двухъ славныхъ литературныхъ вѣковъ и знаменитыхъ именъ, никто не отрицаетъ заслугъ высшаго образованія. Но старый режимъ упрекаютъ въ недостаточности и низкой степени первоначальнаго образованія.

Тѣмъ, кто усомнился-бы въ народномъ просвѣщеніи, какое давалось во Франціи до Революціи, стоитъ только указать на многочисленныя коммуны, снабженныя школами. Въ 1718 г., въ Руанской епархіи на 1.159 приходовъ насчитывали 855 школъ для мальчиковъ и 306 школъ для дѣвочекъ [2]). Въ

---

[1]) „L'instruction publique et la Révolution“, стр. 26.
[2]) „L'instruction publique dans l'ancien diocèse de Rouen“, Робильера де-Борепэръ.

Отёнской епархіи было 259 школъ на 383 прихода [1]). Въ Санской епархіи существовало почти столько школъ, сколько приходовъ. Тоже самое было въ Кутанской епархіи. Въ Aube изъ 446 приходовъ—въ 403 были школы [2]). На 550 приходовъ Верхней Марны приходилось 473 школы, что составляло пропорцію 80 на 100. Во всѣхъ Дубскихъ приходахъ были школы [3]). Школы существовали въ большей половинѣ Ландскихъ приходовъ, несмотря на небольшую зажиточность этой мѣстности [4]).

Школы обыкновенно обязаны были принимать безплатно дѣтей неимущихъ семействъ, а вдовы и простые рабочіе платили менѣе зажиточныхъ земледѣльцевъ. Въ контрегаціонныхъ школахъ или въ школахъ, основанныхъ частной благотворительностью,—обученіе было безплатнымъ для всѣхъ [5]).

Въ Парижѣ существовало пятьсотъ пятьдесятъ первоначальныхъ школъ. Слишкомъ три тысячи приходящихъ учениковъ обучались тамъ безплатно. Въ 1789 году насчитывали тысячу сорокъ шесть стипендіатовъ въ различныхъ коллежахъ Парижа. Въ 1886 году число ихъ въ лицеяхъ достигало лишь до пятисотъ двадцати четырехъ [6]).

Государству было не до того, чтобы заниматься народнымъ просвѣщеніемъ, которое ничего ему не стоило и не значилось въ его бюджетѣ. Для него достаточно было, чтобы это просвѣщеніе не шло противъ него. Никто не могъ жаловаться на систему, при которой царила свобода обученія, причемъ государство не несло на себѣ никакой повинности. Церковь доминировала своимъ духомъ и направленіемъ, но ее нисколько не интересовала борьба съ правительствомъ, при которомъ вліяніе ея оставалось въ полной силѣ. Государство, съ своей стороны, видѣло въ духовномъ обученіи гарантіи для нравственности и уваженія власти.

Въ деревняхъ, послѣ разсмотрѣнія кандидатуры школьнаго учителя кюре и нѣсколькими дворянами, назначеніе его производилось общимъ собраніемъ поселянъ, собраніемъ, изъ котораго исключены были только нищіе и наемники. Отцы

---

[1]) „L'instruction publique dans l'ancien diocèse d'Autun“, де-Шармасса.

[2]) „L'instruction primaire dans les campagnes avant l'an 1789“, Альберта Бабо.

[3]) Ж. Созэ, „Histoire de la persécution révolutionnaire dans le Doubs“.

[4]) „De l'instruction publique dans les Landes avant la Révolution“, де-Тартьера.

[5]) Альбертъ Дюрюи, „L'instruction publique et la Révolution“, стр. 10.

[6]) „Les établissements d'instruction à Paris en 1789“, Альберта Бабо, „Correspondant“, 10 іюня 1889 года.

семействъ также принимали участіе въ выборѣ, касавшемся воспитанія ихъ дѣтей. Но епископу или же его делегату предоставлено было право увольнять учителей и вмѣшиваться въ направленіе школъ эпархіи. Кюре былъ обычнымъ и естественнымъ ихъ наблюдателемъ, такъ какъ школы относились тогда къ области религіи въ виду самаго преподаванія и средствъ къ существованію школъ. Средства эти очень часто шли отъ аббатствъ, фабрикъ, если не составлялись изъ частныхъ даяній.

Такимъ образомъ, школы, по своимъ доходамъ и выбору учителей, зависѣли отъ государства и общины. Въ деревняхъ школы нерѣдко зависѣли отъ кюре, викаріевъ или свободныхъ священниковъ, болѣе многочисленныхъ въ то время, чѣмъ теперь. Система эта имѣла свои неудобства, ибо если кюре и обладалъ надлежащей способностью, то весьма часто отвлекался отъ своей преподавательской задачи обязанностями своей службы. Тоже самое можно сказать о викаріяхъ и священникахъ, которымъ ввѣрены были школы. Они стояли иногда слишкомъ высоко для того рода преподаванія, какое отъ нихъ требовалось. Но за отсутствіемъ другого преподавателя, приходилось волей-неволей прибѣгать къ этимъ духовнымъ лицамъ, преданность и просвѣщенность которыхъ являлись цѣнными рессурсами.

Въ 1789 году первоначальное обученіе велось братьями Христіанскаго ученія, занимавшимися въ большинствѣ школъ [1]).

Направленіе, предоставленное церкви въ дѣлѣ преподаванія, кажется, оправдывалось ея денежными пожертвованіями и множествомъ доставлявшихся ею воспитателей. Тѣмъ не менѣе свѣтская власть не вполнѣ уступила власти духовной.

„По мѣрѣ приближенія къ Революціи,—говоритъ Бабо,—власть духовенства начинаетъ уравновѣшиваться властью интендантовъ и ихъ субделегатовъ. Предоставивъ церкви право одобрять, государство оставило за собой право повелѣвать, и, начиная съ XVIII столѣтія, всякое назначеніе ректора должно было санкціонироваться интендантомъ. Администрація вмѣшивалась точно также въ дѣло увольненій. Въ 1788 году прокуроры-синдики Труа отправились въ ***, для выслушанія жалобъ, принесенныхъ жителями на мэра, и присудили послѣдняго къ увольненію отъ службы“ [2]).

---

[1]) Альбертъ Дюрюи, стр. 11,
[2]) „L'école de village pendant la Révolution“.

Школьные учители или ректоры получали вознагражденіе отъ 400 до 800 ливровъ. Въ главныхъ мѣстностяхъ приходовъ и въ другихъ мѣстностяхъ это жалованье равнялось пятидесяти ливрамъ; сюда прибавлялось еще пропитаніе, доставлявшееся родителями поочередно.

Со второй половины XVIII столѣтія жалованье это среднимъ числомъ составляло сто двадцать ливровъ, увеличенное ежемѣсячнымъ взносомъ учениковъ, церковнымъ доходомъ, и квартирой школьнаго учителя. Впрочемъ, въ школьномъ режимѣ, принятомъ въ то время, не было ничего опредѣленнаго. Онъ измѣнялся, смотря по приходамъ, въ зависимости отъ условій существованія школъ и ихъ основанія.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подать, взимавшаяся съ жителей, устанавливалась въ видѣ налога, несеннаго только тѣми, кто посылалъ дѣтей своихъ въ школу и распредѣлявшагося притомъ пропорціонально получавшемуся образованію. Налогъ этотъ составлялъ пять су въ мѣсяцъ за обученіе чтенію, и десять су—за обученіе письму. Въ другихъ мѣстностяхъ жалованье школьнаго учителя составлялось изъ подати, опредѣлявшейся смотря по значенію сдѣланнаго налога, взимавшагося иногда въ видѣ извѣстной суммы денегъ и въ видѣ пользованія земельнымъ участкомъ [1]. Въ небольшихъ приходахъ, жалованье учителей нерѣдко исключительно состояло изъ поземельныхъ доходовъ. Система эта не пользовалась одобреніемъ со стороны интендантовъ, въ виду порождавшихся ею затрудненій.

Можно, если хотите, критиковать старую организацію народнаго просвѣщенія. Она объясняется матеріальными и моральными условіями того времени, частной иниціативой, которой обязаны были благодѣтельными дарами образованія, наконецъ, разнокалиберностью школъ и преподавательскаго состава. Изъ этого разнообразія вытекало реальное преимущество,—преимущество соревнованія. Монополія не выгодна ни въ какомъ учрежденіи; устраняя борьбу, она парализуетъ усилія.

„До 1789 г., — по словамъ Гизо,—во Франціи существовала огромная и дѣятельная конкуренція между всѣми частными учебными заведеніями, между всѣми учрежденіями учеными, литературными, религіозными, которыя занимались дѣломъ общественнаго образованія. Конкурренція эта была весьма активная, весьма дѣйствительная, и этой-то конкурренціи отчасти обязаны благодѣтельностью системы воспитанія этой эпохи и

---

[1]) Альбертъ Дюрюи, стр. 15.

той энергичной жезненностью, какую она проявила въ различныя эпохи“ [1]).

Большое количество школъ, распространенныхъ по всей Франціи, не позволяетъ отрицать, что первоначальное образованіе до 1789 года давалось въ изобиліи и свободно. Правда, cahiers 89 года требовали школьныхъ реформъ и введенія большаго распространенія въ дѣлѣ преподаванія. Но ихъ желанія доказываютъ совсѣмъ не то, что народное просвѣщеніе находилось въ пренебреженіи, а только то, что оно, какъ и все вообще, подлежало усовершенствованію и прогрессу.

Въ матеріальномъ отношеніи, школьныя помѣщенія, конечно, оставляли желать многого.

„Весьма неудовлетворительны съ точки зрѣнія устройства, вентиляціи и, слѣдовательно, здоровья, — говоритъ Альбертъ Дюрюи. Достаточно взглянуть на дошедшія до насъ старинныя гравюры, между прочимъ, на одинъ очень интересный офортъ Буассьё, чтобы составить себѣ понятіе о ветхости и убожествѣ помѣщеній, отведенныхъ подъ школы въ деревняхъ. Это были вообще простыя хижины, ничѣмъ не отличавшіяся отъ другихъ жилищъ. Крытыя соломой, деревянныя, хижины эти состояли всего изъ одного rezde-chaussée, освѣщеннаго узкими и рѣдкими отверстіями. Дѣти помѣщались здѣсь pêle-mêle, вмѣстѣ съ ректоромъ и его семействомъ. Меблировки не было вовсе никакой или было очень мало, да и та составляла собственность учителя. Столы устроены были изъ подвижныхъ досокъ, положенныхъ на козлы. Ученики писали стоя; только самые младшіе сидѣли на небольшихъ скамьяхъ.

„Таковъ былъ внутренній видъ сельской школы XVIII столѣтія. Между этимъ убожествомъ и современными удобствами цѣлая бездна. Но не слѣдуетъ забывать, что большинство этихъ школьныхъ помѣщеній представляли собой старинныя жилища, пожертвованныя благотворителями или же отводившіяся для школъ фабриками. Только незначительное число ихъ было построено сообразно съ ихъ назначеніемъ, общинами, или мѣстнымъ помѣщикомъ, и все это въ такое время, когда нисколько не заботились о законахъ гигіены“ [2]).

Каковы были результаты, достигнутые первоначальнымъ образованіемъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дадутъ намъ цифры.

---

[1]) Засѣданіе Законодательнаго Корпуса 15 марта 1835.
[2]) „L'instruction publique et la Révolution“, стр. 13.

Въ Объ (Aube) въ 1780 году среднее число жителей, мужчинъ и женщинъ, умѣвшихъ читать и писать, было приблизительно 47% [1]). На сѣверѣ, отъ 1750 по 1790 годъ, на основаніи свадебныхъ контрактовъ, указывается пропорція 53,97 проц. среди мужчинъ, подписавшихъ свое имя и 36,29 проц.—среди женщинъ [2]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ силу различныхъ причинъ, просвѣщеніе распредѣлялось тогда неравномѣрно по деревнямъ. Остается, однако, непреложнымъ тотъ фактъ, что оно было настолько распространено, на сколько это согласовалось съ нравами и потребностями эпохи.

Въ Парижѣ почти всѣ простолюдины умѣли читать. Одинъ нѣмецъ, Генрихъ Шторхъ, пріѣхавшій во Францію въ 1786 г., былъ на столько пораженъ этимъ фактомъ, что внесъ его въ свои путевыя впечатлѣнія: „Въ Парижѣ всѣ умѣютъ читать. У каждаго, въ особенности у женщинъ, книжка въ карманѣ. Читаютъ въ каретѣ, на прогулкѣ, въ театрѣ, въ антрактахъ, въ кафе, въ ваннахъ. Въ лавкахъ читаютъ женщины, дѣти *рабочіе, ученики.* По воскресеньямъ люди, усаживающіеся у своихъ воротъ, читаютъ; лакеи читаютъ на запяткахъ каретъ; кучера читаютъ на козлахъ; солдаты читаютъ на своихъ постахъ, а коммиссіонеры—по прибытіи на мѣсто“ [3]).

II.

Народное образованіе, какъ мы только что видѣли, было тѣсно связано съ Церковью. Оно зависѣло отъ ея авторитета и въ большинствѣ случаевъ существовало ея благодѣяніями. И Революція не могла сразить духовенства, не посягнувъ на школу. 2-го ноября 1789 года Національное Собраніе завладѣло имуществомъ духовенства. Это было равносильно истощенію источника доходовъ, питавшихъ народное образованіе.

Уничтоженіе десятинъ лишило школы, университеты и многочисленныя учебныя заведенія одного изъ главныхъ средствъ ихъ къ существованію. Конституціонное Собраніе въ 1791 г лишило ихъ косвенныхъ налоговъ, оскудѣвшихъ уже со вре

[1]) Альбертъ Бабо, „L'instruction primaire dans les campagnes avant 1789“.
[2]) Де-Резбекъ, „Histore de l'instruction primaire avant 1789 dans les communes qui ont formé le département du Nord“.
[3]) „Les établissements d'instruction à Paris en 1789“, Альберта Бабо. „Correspondant“, 10 іюня 1889 г.

мени предъидущихъ расхищеній. Народное просвѣщеніе сильно пострадало съ матеріальной стороны. Оно было поражено въ лицѣ преподавательскаго персонала гражданской Конституціей духовенства и уничтоженіемъ религіозныхъ орденовъ. Конституціонная присяга, требовавшаяся отъ духовенства, вмѣнялась также въ обязанность „всѣмъ лицамъ, работавшимъ въ учрежденіяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ народному просвѣщенію“ [1]).

18-го августа 1792 г. одно постановленіе Законодательнаго Собранія объявляло „уничтоженными и упраздненными всѣ вѣковыя духовныя корпораціи и вообще всѣ корпораціи религіозныя и конгрегаціи, мужскія и женскія, духовныя и свѣтскія, даже такія, которыя были исключительно посвящены дѣлу госпиталей“.

Невозможность найти учителей, для замѣны увольнявшихся, была столь очевидна, что тѣмъ же самымъ декретомъ приглашались лица, занимавшіяся народнымъ образованіемъ, „продолжать преподаваніе подъ личною отвѣтственностью впредь до окончательной его организаціи, — подъ страхомъ лишенія половины пенсіи, которую они должны были получить“.

Это значило поставить ихъ въ положеніе одновременно унизительное и шаткое. Члены духовныхъ обществъ отказались отъ этого, причемъ ихъ удаленіе повлекло за собой гибель маленькихъ школъ, уже и безъ того поколебленныхъ въ своемъ основаніи ударами, нанесенными имъ первыми революціонными дѣяніями.

Въ мартѣ 1793 года по декрету Конвента были конфискованы „всѣ имущества, представлявшія собой пожертвованія въ пользу коллежей, стипендій и всѣхъ другихъ заведеній по народному просвѣщенію, за исключеніемъ признанныхъ необходимыми для веденія курса обученія и для помѣщенія преподавателей и учениковъ“. Тѣмъ же самымъ декретомъ опредѣлялось жалованье преподавателямъ и воспитателямъ, съ того времени отнесенное на счетъ государства.

Вскорѣ послѣ того декретомъ 8 августа 1793 г. упразднялись „всѣ академіи и литературныя общества, патентованныя или же содержавшіяся иждивеніемъ націи“. Такимъ образомъ должны были исчезнуть учрежденія, служившія выразителями французскаго духа, въ самомъ высокомъ значеніи этого слова, виновныя лишь тѣмъ, что принадлежали къ прошлому и держались его традицій. Французская академія, вслѣдствіе своей

[1]) Декреты отъ 22 марта, 15 и 17 апрѣля 1791 г.

независимости, внушала къ себѣ особенное подозрѣніе въ революціонерахъ.

Въ 1793 году Конвентъ попытался организовать народное просвѣщеніе, потрясенное въ самомъ корнѣ революціонными мѣрами. Онъ учредилъ первоначальную школу, по группамъ отъ 400 до 1.500 человѣкъ въ каждой, присоединивъ къ нимъ сосѣднія поселенія въ тысячу туазовъ [1]). При этомъ подраздѣленіи не принимали въ разсчетъ ни естественныхъ скопленій, ни разстояній, лишая подчасъ одну общину той школы, которая у нея была, и приписывая эту школу къ другой. Законъ не допускалъ къ исполненію учительскихъ обязанностей „бывшихъ дворянъ“, духовенства и священнослужителей какихъ бы то ни было культовъ (ст. 12); „бывшихъ дворянокъ“ монахинь, школьныхъ учительницъ, получившихъ назначеніе до этого періода отъ духовенства или дворянъ (ст. 22). Преподаватели, состоявшіе на жалованьи у Республики, могли получать не болѣе 1.200 ливровъ. Выборъ ихъ предоставлялся отцамъ и матерямъ семействъ для каждой коммуны, по представленію выборныхъ кандидатовъ коммиссіей изъ пяти членовъ на каждый округъ. Вліяніе отцовъ и матерей семействъ ограничивалось уже такимъ образомъ революціонными кандидатами, которые должны были предъявлять свидѣтельство цивичности, выданное наблюдательнымъ комитетомъ и комитетомъ общественной безопасности, или же комитетомъ, составленнымъ изъ народныхъ обществъ.

Декретомъ 29 фримера II года, преподаватели ставились подъ непосредственное наблюденіе муниципалитета или секціи, а кромѣ того „подъ наблюденіе всѣхъ гражданъ“. Къ установленному жалованью въ 1.200 ливровъ назначена была еще ежегодная сумма въ 20 ливровъ съ каждаго ребенка—преподавателямъ и въ 15 ливровъ съ каждаго ребенка—преподавательницамъ. Этимъ декретомъ родители обязывались посылать дѣтей своихъ въ школы въ теченіе трехъ лѣтъ, подъ страхомъ штрафа въ размѣрѣ четвертой доли ихъ податей, а въ случаѣ вторичнаго ослушанія, подвергались удвоенному штрафу, сопряженному съ лишеніемъ правъ гражданства на десять лѣтъ.

Преподаватель, внушавшій „правила или наставленія, противныя законамъ и республиканской морали“,—а извѣстно, что

[1]) Основной законъ 21 октября. Дополнительные законы 28 и 30 того же мѣсяца.

надо было подъ этимъ разумѣть,—подвергался доносамъ и карательнымъ мѣрамъ, сообразно съ важностью своего проступка [1]).

„Дѣло заключается въ томъ,—высказалъ Барерь,—чтобы измѣнить старые взгляды и установить направленіе въ духѣ свободы и Республики".

Когда духовный элементъ, въ силу поставленныхъ ему условій, былъ изгнанъ изъ школъ, тогда попробовали подготовить новыхъ преподавателей, учредивъ для того нормальныя школы [2]). Попытка эта не удалась. Тысяча четыреста молодыхъ людей привезены были въ Парижъ, гдѣ, впрочемъ, ихъ не обязывали регулярно посѣщать какіе бы то ни было курсы. По недостатку ли способностей, или за отсутствіемъ прилежанія, они не оправдали возложенныхъ на нихъ упованій, и закрытіе нормальныхъ школъ было объявлено 30 флореаля [3]).

Гораздо счастливѣе оказался Конвентъ въ дѣлѣ основанія политехнической школы, идея которой принадлежитъ именно ему, и которая почти немедленно увѣнчалась успѣхомъ.

Паденіе Робеспьера сопровождалось новыми школьными законами. Законъ 27 брюмера III года раздѣлилъ первоначальныя школы на два отдѣленія: одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ, полагая одну школу на тысячу жителей, подчинивъ преподавателей выбору и наблюденію жюри, состоявшаго изъ трехъ членовъ, назначавшихся окружной администраціей изъ отцовъ семействъ. Помимо жалованья въ 1.200 ливровъ, послѣ долголѣтней службы, учителя получали право на пенсію. Иниціатива этого распоряженія принадлежитъ Лаканалю, но оно стало примѣняться гораздо позднѣе послѣ Революціи. Закономъ отъ 27 брюмера прекратились уже требованія отъ учителей свидѣтельствъ цивичности. Наконецъ, законъ этотъ предоставлялъ каждому гражданину свободу открывать частную школу, подъ наблюденіемъ установленныхъ властей. Духъ этого закона—надо признать,—былъ либераленъ и умѣренъ, въ особенности если сравнить его съ тѣми, которые ему предшествовали. Можетъ быть, тутъ подобало видѣть признакъ безсилія. Свобода преподаванія еще сильно оспаривалась революціонными вліяніями. Но слѣдуетъ быть благодарнымъ тѣмъ, кто освятилъ принципъ ея въ законѣ.

Учрежденіе центральныхъ школъ (декретъ 7 вентоза III

---

[1]) „L'école sous la Révolution française", Виктора Пьерра, кн. II, гл. II.
[2]) Декретъ 9 брюмера III года.
[3]) Альбертъ Дюрюи, „L'instruction publique et la Révolution", стр. 111.

года) заслуживаетъ упоминанія въ числѣ самыхъ полезныхъ нововведеній. Національный институтъ наукъ и искусствъ, идея котораго принадлежитъ Собраніямъ Учредительному и Законодательному, точно также былъ основанъ, благодаря закону 3 брюмера IV года. Этотъ законъ, послѣдній законъ Конвента по народному просвѣщенію, поддерживалъ принципъ свободы преподаванія, учредивъ „національные праздники, для поддержанія братства и преданности конституціи, родинѣ и законамъ“. Этотъ законъ еще разъ измѣнилъ вознагражденіе преподавателей. Съ тѣхъ поръ они должны были получать съ каждаго изъ своихъ учениковъ ежегодный взносъ, назначавшійся администраціей департамента, причемъ муниципалитетамъ предоставлялось право увольнять четвертую часть учениковъ, въ случаѣ ихъ бѣдности. Скудость общественной казны достаточно подтверждалась этимъ постановленіемъ, обязывавшимъ учениковъ оплачивать учителей.

Первый параграфъ закона гласилъ:

„Въ каждомъ округѣ Республики будутъ учреждены одна или нѣсколько первоначальныхъ школъ, районы которыхъ опредѣлятся администраціей департамента“.

Одна или нѣсколько школъ на округъ, этого было мало. Опытъ показалъ, что, хотя на разрушеніе старой организаціи и потребовалось не особенно много времени, за то гораздо труднѣе и больше времени надо было для созданія новой, въ особенности же среди царившихъ тогда междуусобныхъ раздоровъ и финансовой безурядицы. Законъ этотъ подтверждаетъ неудовлетворительность первоначальнаго образованія того времени, и объясняетъ невѣжество, которое неизбѣжно должно было водвориться вслѣдъ за революціоннымъ періодомъ.

Ущербъ, нанесенный народному просвѣщенію, вызывалъ единодушныя жалобы въ департаментахъ, начиная съ ноября 1792 года. Революціонный духъ прежде всего озаботился устранить всякое религіозное преподаваніе. Однако, при всей пылкости этого старанія, послѣднее не въ силахъ было преодолѣть матеріальныя препятствія, и создало нравственное препятствіе, вызвавъ оппозицію со стороны семьи,—оппозицію, клонившуюся не въ пользу Республиканскихъ школъ. Невѣжество представлялось родителямъ болѣе предпочтительнымъ, нежели посѣщеніе школъ, посягавшихъ на ихъ привычки и религіозныя чувства. Притомъ же революціонныя программы исключали изъ преподаванія не мало достойныхъ вниманія предметовъ. Сверхъ того, преподаватели были обезкуражены

непостоянствомъ законовъ и условіями, въ какія они были поставлены. Оплачиваемое ассигнаціями назначенное имъ жалованье въ 1.200 ливровъ, которые имъ то давали, то отнимали, равнялось пріобрѣтенію одного четверика ржи. Воспретивъ преподавателю занимать мѣсто секретаря мэеріи, его лишили денежной выгоды. Наконецъ, взносы за дѣтей платились весьма неаккуратно, чаще же всего учитель совсѣмъ не получалъ ихъ [1]).

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, нисколько не удивительно, что число преподавателей было крайне ограничено, какъ свидѣтельствуютъ о томъ 22 жерминаля II года Бареръ и Колло д'Эрбуа [2]).

Исполнительная коммиссія закона 27 брюмера дала подобный же отзывъ: „Недостатокъ людей, способныхъ исполнять преподавательскія обязанности, — говорила она, — помѣшалъ приведенію въ исполненіе декрета 29 фримера“ [3]).

Лаканаль потребовалъ отъ муниципальныхъ администрацій отчетовъ о положеніи народнаго образованія, и ему отвѣтили: „Недостатокъ въ преподавателяхъ такъ великъ, что мы отчаяваемся въ возможности организовать школы.

„Мы даемъ права всѣмъ учителямъ, какіе только являются. Таковыхъ весьма немного. Приходится признать роскошью, если они окажутся въ состояніи учить читать и писать“. (Прадъ, Восточныя Пиринеи, 24-го нивоза III года).

„Народное образованіе въ этомъ округѣ равно нулю; первоначальныя школы еще не организованы“. (Аррасъ, нивозъ III года).

„Народное образованіе глохнетъ въ этомъ округѣ на столько замѣтно, что я считаю своей обязанностью сообщить вамъ объ этомъ. *Изъ восьмидесяти одной коммуны, входящихъ въ его составъ, только въ двадцати четырехъ имѣются преподаватели.* Въ остальныхъ учителей нѣтъ, прежде всего вслѣдствіе недостатка въ нихъ“. (Вандомъ, 27 брюмера III года).

„Жюри пришлось подвергать испытанію всего одного преподавателя. Не является ни одного гражданина, ни одной гражданки. *Изъ двадцати пяти округовъ*, глѣ требуются учителя, *всего шесть снабжены ими.* (Сансерръ, Шеръ).

[1]) „L'école sous la Révolution française“, Виктора Пьерра, стр. 138.

[2]) „Затруднительность, испытываемая муниципалитетами при отысканіи преподавателей, малочисленность которыхъ чувствуется во многихъ департаментахъ, зависитъ отъ препятствій, которыя необходимо удалить“. (Національные архивы, Л. 17—1.009, n° 2.609).—Викторъ Пьерръ, L'école sous la Révolution française, стр. 79.

[3]) Ibid., стр. 127.

„Для сорока одной школы жюри могло найти всего пять преподавательницъ, способныхъ хотя бы отчасти удовлетворить требованіямъ закона 27 брюмера". (Ажанъ).

„Мы вынуждены были освѣдомиться, *насколько умѣнье писать безусловно необходимо для учительницъ* и нельзя-ли поручить дѣло обученія молодыхъ гражданокъ учителю, такъ какъ *учительница этого не знаетъ*". (Ангулемъ).

Въ Ландъ изъ сорока лицъ, подвергшихся экзамену, не было ни единаго, который, по своимъ познаніямъ, хотя-бы на половину отвѣчалъ требованіямъ закона. Тѣ же жалобы слышались въ департаментахъ Арьежа, Луаре, Аллье, Ло-и Гаронны, Жерса, Оды [1]). Въ Сартѣ пятьдесятъ семь общинъ оставались безъ школъ. Маликорнскій округъ, состоявшій изъ восьми общинъ, располагалъ всего однимъ преподавателемъ [2]).

Нѣсколько лѣтъ спустя въ VI году министръ внутреннихъ дѣлъ, Летурне, отдалъ приказъ о муниципальныхъ посѣщеніяхъ школъ, предпославъ администраціямъ департаментовъ слѣдующій циркуляръ, гдѣ онъ говорилъ:

„Сколь сильную скорбь въ душѣ всякаго истиннаго республиканца должно вызывать то зрѣлище, какое являетъ собою картина первоначальныхъ школъ! Испытывая недоброжелательства и клевету, лишенныя необходимыхъ средствъ, которыя могли бы ихъ поддержать и пропитать, подвергаясь открытымъ нападеніямъ и насмѣшкамъ со стороны тѣхъ, кто долженъ бы явиться въ рядахъ первыхъ ихъ защитниковъ, *первоначальныя школы не успѣли еще народиться, какъ уже прекратили свое существованіе.* Такимъ образомъ, поставленные въ самое плачевное положеніе, не пользуясь даже внѣшнимъ уваженіемъ, въ большинствѣ случаевъ, безъ учениковъ, не считая тѣхъ, которыхъ бѣдность лишала возможности вносить опредѣленную плату,—преподаватели видѣли рвеніе свое парализованнымъ, *и только изъ недостойной угодливости всякимъ зазорнымъ предразсудкамъ и готовности даже на клятвопреступность противъ данной ими присяги, могли они добиться какого-либо успѣха. А между тѣмъ, на ряду съ ними смѣло воздвиглось и продолжаетъ еще воздвигаться цѣлое множество частныхъ школъ, частныхъ воспитательныхъ заведеній, гдѣ безнаказанно преподаются истины, совершенно противорѣчащія конституціи и правительству, преступное процвѣтаніе которыхъ*

[1]) Викторъ Пьерръ, кн. II, гл. VIII.
[2]) Арманъ Белле, „Recherches sur l'instruction publique dans le département de la Sarthe avant et aprés la Révolution".

ростетъ, повидимому, вслѣдствіе развращенности принциповъ, какіе усвоиваетъ себѣ юношество въ этихъ заведеніяхъ. На эти-то притоны королевскаго и изувѣрскаго фанатизма призываетъ Директорія всю вашу бдительность и всю вашу дѣятельность" [1]).

Этотъ оффиціальный документъ свидѣтельствуетъ о томъ, что республиканскіе преподаватели снискивали себѣ расположеніе въ семьяхъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, когда они исповѣдывали принципы, противные революціи. Кромѣ того, изъ него явствуетъ все возроставшій успѣхъ вольныхъ школъ, основаніе которыхъ послѣдовало въ силу закона 27 брюмера.

Протестъ общественнаго чувства противъ революціонныхъ школъ выразился не только мирнымъ устраненіемъ себя отъ нихъ. Онъ обнаружился также и въ актахъ насилія. Въ Нормандіи соумышленниками оппозиціи нерѣдко являлись сами муниципалитеты. Эти муниципалитеты боролись съ учителями, отказывая имъ въ выдачѣ жалованья и покровительствуя учрежденію вольныхъ школъ.

Одинъ преподаватель, назначенный въ Ливе, въ Ушъ, отправлялся къ своему мѣсту 18 жерминаля III года и долженъ былъ занять священническій домъ. Его ожидали пять человѣкъ, переодѣтыхъ женщинами, вооруженныхъ пистолетами и палками. Эти люди заставили его уѣхать обратно съ его имуществомъ.

Въ Вернессъ (Эра) на преподавателя сдѣлано было нападеніе, нанесено ему оскорбленіе, причемъ мужчины и женщины заявляли, „что они не желаютъ признавать Республики, ни повиноваться ея законамъ; что они не станутъ посылать учиться своихъ дѣтей; что они всегда считали его за честнаго человѣка, но если только онъ приметъ на себя подобную должность, то окажется плутомъ и бездѣльникомъ и что, наконецъ, жизни его угрожаетъ опасность, если онъ будетъ настаивать на своемъ водвореніи, что вообще преподаватели люди злонамѣренные и книги ихъ также скверны" [2]).

Муниципалитетъ д'Аркура отказался внести въ протоколъ о назначеніи преподавателя и предоставить ему домъ священника. Національный агентъ писалъ 24 жерминаля III года Комитету народнаго просвѣщенія:

„Гражданинъ депутатъ, граждане бѣгутъ отъ народнаго

---

[1]) Викторъ Пьерръ, стр. 189.
[2]) Бернайскіе архивы. Дѣла жюри просвѣщенія.

просвѣщенія, къ которому они были призваны образовательнымъ жюри, и предпочитаютъ вольное образованіе въ своихъ общинахъ.

„Назначенные преподаватели встрѣчаютъ препятствія. Я доложилъ уже о томъ Комитету. Большинство общинъ сожалѣетъ о прежнемъ образованіи и желаетъ продолжать его.

„Однимъ патріотомъ-отцомъ была мнѣ предъявлена записка, присланная ему однимъ преподавателемъ, отказавшимся отъ назначенія жюри и занимающагося вольнымъ преподаваніемъ. Записка эта, переданная ученику для врученія ея его отцу, заключала слѣдующее:

„*Мое желаніе таково, чтобы г. Гонтье, школьный учитель, заставлялъ моего сына читать по тѣмъ книгамъ, которыя я ему пришлю, именно по книгамъ моей католической религіи, и училъ бы уроки изъ моего катехизиса*“.

„Записка эта одновременно была разослана ко всѣмъ ученикамъ данной школы. Прошу Комитетъ дать мнѣ указаніе, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ“ [1]).

Въ 1797 году, въ Бернаѣ, 8 преподавателей собрали 275 мальчиковъ, 7 преподавательницъ—170 дѣвочекъ. Національный агентъ констатировалъ состояніе запустѣнія въ народномъ просвѣщеніи и существованіе частныхъ школъ. Онъ обвинялъ учителей въ „фанатизмѣ“. Такимъ выраженіемъ обозначались тогда религіозныя вѣрованія. „Образованіе не то, что лишено всякаго значенія,—говорилъ онъ,—но оно вполнѣ антиреспубликанское и антиобщественное. Преподаватели и преподавательницы, наиболѣе враждебно относящіеся къ Республикѣ, только для соблюденія формы имѣютъ въ школахъ своихъ декларацію человѣческихъ правъ и Конституцію“ [2]).

Это отвращеніе со стороны родителей оправдывалось выборомъ элементарныхъ книгъ, предназначенныхъ для школъ Республикой. Въ числѣ ихъ, между прочимъ, допущенъ былъ медицинскій трактатъ, имѣвшій цѣлью научить дѣтей тому, чего имъ не подобаетъ знать [3]). Революціонныя страсти продиктовали списокъ книгъ, изданныхъ по распоряженію Конвента и даже на его счетъ.

„Не ищите въ немъ,—говоритъ Альбертъ Дюрюи,—высшаго вдохновенія или общихъ и безпристрастныхъ взглядовъ.

---

[1]) Запись 6-й изъ переписки національнаго агента изъ Берная.

[2]) „Les petites écoles et la Révolution, (1789—1799) dans les districts de Bernay et de Louviers“, Веклена, Бернай, 1885, in—12.

[3]) Альбертъ Дюрюи, „L'instruction publique et la Révolution“, стр. 106.

Основой этой оффиціальной литературы было стремленіе познакомить дѣтей съ Конституціей и ея основными принципами, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ организаціей политической, административной, религіозной и юридической, а главное—внушить дѣтямъ любовь къ Республикѣ и народу, ненависть къ королямъ, аристократамъ и священникамъ. Республика учитъ ребенка не только тому, что онъ родился свободнымъ и имѣетъ права, что эти права даны ему природой и Конституціей; что торжественная декларація французскаго народа ихъ освятила; она не довольствуется тѣмъ, что показываетъ ему самый текстъ этихъ документовъ, сопровождая ихъ комментаріемъ и соображеніями, нерѣдко болѣе темными, нежели самые документы. Нѣтъ, она присоединяетъ еще сюда разглагольствованія и оцѣнку людей и событій, сравненіе стараго режима съ Революціей, примѣры цивичной добродѣтели и аристократическаго растлѣнія, приспособленныхъ для того, чтобы запечатлѣть въ юныхъ умахъ превосходство человѣка изъ народа надъ всѣми остальными людьми и Республики въ худшихъ ея проявленіяхъ—надъ всѣми другими формами правленія" [1]).

Историческій и Революціонный Катехизисъ заключалъ въ себѣ разсказъ о казни Людовика XVI и Маріи Антуанетты, причемъ по ихъ адресу посылались самыя оскорбительныя выраженія. *Въ Новомъ Республиканскомъ Катехизисѣ, предназначенномъ для чтенія санкюлотамъ и ихъ дѣтямъ, представленномъ Національному Конвенту, который далъ о немъ похвальный отзывъ*, ученику задавался такой вопросъ: „И такъ, вселенная представляетъ всего одну республику?" И онъ долженъ былъ отвѣчать: „Пока, нѣтъ еще, но это навѣрное такъ будетъ".

Азбука санкюлотовъ или Первые Элементы Республиканскаго образованія, посвященная юнымъ санкюлотамъ, содержала въ себѣ вопросы и отвѣты, въ родѣ слѣдующихъ:

„В.—Что такое безупречный санкюлотъ?

„О.—Это молодецъ, душа котораго не можетъ быть совращена золотомъ деспотовъ.

„В.—Какія добродѣтели у санкюлотовъ?

„О.—Всѣ".

Съ учрежденіемъ вольныхъ школъ снова появилось христіанское обученіе, изгнанное отовсюду, и часть прежняго персонала духовнаго и свѣтскаго. Событія Революціи не

---

[1]) Альбертъ Дюрюи, „L'instruction publique et la Révolution", стр. 163.

только не принесли ущерба религіознымъ идеямъ въ умѣ населеній, но даже усилили ихъ вліяніе. Директорія констатировала этотъ фактъ съ сожалѣніемъ. Наконецъ, она свидѣтельствовала о немъ въ своихъ офиціальныхъ донесеніяхъ и тѣми мѣрами, какія она старалась принимать противъ духа реакціи: постановленіемъ 27 брюмера VI года, давались привилегіи офиціальному образованію; постановленіемъ 17 плювіоза VI года, учреждалось строгое наблюденіе надъ вольными школами; сверхъ того, она прибѣгала къ административнымъ циркулярамъ, увольняла преподавателей, на которыхъ дѣлались доносы, или повинныхъ въ антиреволюціонномъ духѣ.

Не менѣе очевиднымъ было плачевное положеніе народнаго образованія.

„Вотъ уже около шести лѣтъ,—говорится въ одномъ современномъ донесеніи Исполнительной Директоріи,—какъ народнаго образованія болѣе не существуетъ“ [1]).

Въ VIII году два отчета министерства внутреннихъ дѣлъ отмѣтили это зло и его причины. Они приписывали неуспѣшность первоначальныхъ правительственныхъ школъ „дурному выбору преподавателей“, „недостатку довѣрія со стороны отцовъ семействъ“ и „пробѣлу закона“, не обезпечивавшаго за преподавателями средствъ къ существованію. „Первоначальныя школы, — говорилось во второмъ изъ этихъ отчетовъ,—почти повсюду пустуютъ. Этому содѣйствовали двѣ причины: первая—отвратительный выборъ тѣхъ, кого назначили преподавателями; почти всѣ они—люди безнравственные, безъ образованія, обязанные своимъ назначеніемъ лишь мнимому цивизму, являющему собой лишь одно забвеніе всякой нравственности и благопристойности. Другая причина кроется въ неизмѣнной силѣ религіозныхъ убѣжденій, чрезмѣрно задѣтыхъ законами и по отношенію къ которымъ эти преподаватели проявляютъ наглое неслыханное пренебреженіе“ [2]).

Въ высшемъ образованіи: уничтоженіе старыхъ очаговъ высшаго изученія литературы и науки, закрытіе высшихъ курсовъ изученія права, недостаточность и отсутствіе гарантіи въ дѣлѣ изученія медицины,—таково было положеніе, къ какому пришли въ концѣ правленія Директоріи. Результатомъ плачевнаго положенія первоначальнаго обученія было всеобщее и глубокое невѣжество.

---

[1]) Альберъ Дюрюи. „L'instruction publique et la Révolution“, стр. 177.
[2]) Ibid., стр. 178.

Послѣ 9 термидора Фуркруа произнесъ слѣдующія слова съ трибуны Конвента: „Надо-ли вамъ говорить, что у самаго входа на ваши засѣданія, повсюду дѣлаются орѳографическія ошибки? Читать и писать не учатся болѣе“ [1]).

Въ одномъ донесеніи Барбе-Марбуа 3 апрѣля 1796 года говорилъ: „Есть безконечное множество общинъ, гдѣ не найдется ни единаго человѣка, способнаго четко написать акты гражданскаго состоянія... Дѣти, бывшія восьми или девяти лѣтъ при началѣ революціи, достигшія теперь шестнадцатилѣтняго возраста; всѣ тѣ, кто въ этотъ же срокъ, долженъ былъ пополнить или закончить свое образованіе, просятъ насъ вырвать ихъ изъ невѣжества, грозящаго имъ на всю остальную жизнь. Вы увидите учащихся отъ восемнадцати до двадцати пяти лѣтъ“ [2]).

Фуркруа, въ IX году состоя уполномоченнымъ въ департаментахъ Кальвадоса, Ла-Манша и Орны, насчитывалъ всего 177 первоначальныхъ школъ, организованныхъ въ Ла-Маншѣ, вмѣсто 425, которыя должны были-бы существовать. Онъ объясняетъ это недостаткомъ довѣрія, оказаннаго громадному большинству преподавателей.

„Помимо дурного поведенія, безнравственности и пьянства многихъ изъ сихъ послѣднихъ, — говоритъ онъ, — кажется, достовѣрно, что главнымъ мотивомъ, препятствующимъ родителямъ посылать дѣтей своихъ въ эти школы, служитъ отсутствіе религіознаго обученія. Они предпочитаютъ посылать ихъ къ частнымъ учителямъ, которымъ скорѣе готовы платить, такъ какъ разсчитываютъ найти тамъ лучшее преподаваніе, болѣе чистые нравы и религіозные принципы“ [3]).

„Сколько же открыто этихъ первоначальныхъ школъ, составляющихъ насущную нужду для народа, и сколько центральныхъ? — говоритъ онъ далѣе. — Въ самомъ Парижѣ, гдѣ всѣ средства, повидимому, должны находиться подъ рукой у пребывающей тамъ администраціи, вы видите эти учрежденія лишь въ проектѣ, въ то время какъ граждане почти тщетно взываютъ о просвѣщеніи, источники котораго изсякли уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Что же будетъ, если мы перенесемся въ департаменты, наиболѣе отдаленные отъ центра? Повсюду раздаются жалобы на отсутствіе обуче-

---

[1]) Засѣданіе Конвента 14 фруктидора II года.—„Moniteur“, XXI, 645.— Тэнъ, „La Révolution“, III 452.
[2]) Перепечатка „Moniteur'a“, XXVIII, 120—121.
[3]) Альберъ Дюрюи, стр. 353.

нія. Даже въ наиболѣе населенныхъ городахъ съ трудомъ найдется нѣсколько частныхъ домовъ, гдѣ вашихъ дѣтей могутъ обучить первымъ элементамъ письма. Вотъ истинное положеніе народнаго образованія во Франціи" [1]).

Одинъ изъ тѣхъ, который въ законодательномъ собраніи однимъ изъ первыхъ подалъ голосъ за высылку неприсягнувшихъ священниковъ, французъ изъ Нанта, въ IX году писалъ: „Въ восьмомъ отдѣленіи [2]) менѣе одной десятой населенія умѣетъ читать. Прежніе кюре и викаріи учатъ дѣтей читать. Прежнія монахини содержатъ школы для дѣвочекъ; такъ что въ этомъ отношеніи вернулся прежній порядокъ вещей" [3]).

„Невѣжество угрожаетъ завладѣть деревнями, даже городами со всѣми свойственными ему бичами,—пишетъ также конституціонный епископъ Грегуаръ.—Много разсуждали, причемъ не мало мололи вздора на счетъ учрежденія первоначальныхъ школъ, а между тѣмъ первоначальныя школы все еще остаются только въ проектѣ" [4]).

Шапталь, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ IX году производилъ разслѣдованіе насчетъ народнаго образованія, положеніе котораго вызвало у него слѣдующія слова:

„Поколѣніе, только что достигшее двадцатилѣтняго возраста, безвозвратно обречено на невѣжество: народная масса возрастаетъ безъ просвѣщенія" [5]).

Порталисъ только подтверждаетъ эти свѣдѣнія, въ свою очередь, заявляя:

„Уже десять лѣтъ народнаго образованія нѣтъ никакого. Дѣти предоставлены самой опасной праздности, самому тревожному бродяжничеству. Они не имѣютъ никакого понятія о Богѣ, никакого представленія о справедливости и несправедливости: результатомъ этого явились жестокіе и варварскіе нравы и хищный народъ" [6]).

Невѣжество, на какое обреченъ былъ народный классъ, являлось прискорбнымъ фактомъ, и вполнѣ резонно было стараться помочь этому дѣлу всевозможными средствами. Но невѣжество это было еще пагубнѣе въ средѣ муниципальныхъ агентовъ, въ средѣ чиновниковъ. Коммиссары II года

---

[1]) Перепечатка „Moniteur'a", XXVIII, 137—138.

[2]) Воклюзъ, Устья Роны, Варъ, Нижнія Альпы, Приморскія Альпы.

[3]) Феликсъ Рокенъ, „L'état de la France au 18 brumaire", стр. 28.

[4]) Рукописный докладъ, изданный Улиссомъ Робертомъ, „Cabinet historique de 1876", стр. 259.

[5]) „L'école sous la Révolution", Виктора Пьерра, стр. 225.

[6]) „Exposé des motifs du Concordat devant le Corps législatif", 1800.

приписывали дурное веденіе списковъ гражданскаго состоянія необразованности мэровъ и ихъ помощниковъ, изъ которыхъ большинство не знало ни читать, ни писать и—самое большее—могло подписать свое имя [1]).

Невѣжество мировыхъ судей не представляло ни малѣйшихъ неудобствъ и доходило до такой степени, что часто они не только не имѣли никакого представленія о законахъ, но даже лишены были самаго элементарнаго образованія.

Одинъ директоръ жюри писалъ какъ-то публичному обвинителю:

„Большинство судей этого округа (Марли), вслѣдствіе недостаточнаго образованія, не знаетъ, какъ пользоваться уголовными инструкціями и, своими проволочками и беззаботностью или же неспособностью, попускаютъ побѣги преступниковъ, благодаря чему чрезмѣрно распространившіяся преступленія остаются безнаказанными...

„X... продиктовалъ мировому судьѣ, у котораго онъ состоитъ письмоводителемъ и которымъ онъ руководитъ, — X, говорю я, продиктовалъ протоколъ мировому судьѣ, слишкомъ невѣжественному для того, чтобы самостоятельно справляться со своими обязанностями (онъ едва умѣетъ читать и писать)“ [2]).

Анархія, якобинскіе законы, междуусобныя распри, внѣшнія войны,—все это вмѣстѣ взятое, вполнѣ объясняетъ почти полное отсутствіе серьезной организаціи народнаго просвѣщенія въ теченіе революціоннаго періода. Но не одни интеллектуальныя и моральныя раззоренія приходилось оплакивать. Рядомъ съ тѣми, какія мы только что разсмотрѣли, слѣдуетъ показать и раззоренія матеріальныя, а также физическія страданія.

---

[1]) Феликсъ Рокенъ, Введеніе, стр. XXII.
[2]) „La justice criminelle à Laon pendant la Révolution“, А. Комбье, I, 613.

Глава XVI.

I. Грабежъ и раззореніе.—II. Нищета и голодъ.—III. Картина Франціи при паденіи Директоріи.

I.

При этихъ описаніяхъ Франціи въ эпоху Революціи весьма многое приковывало къ себѣ наше вниманіе. Мы судили о революціонномъ правительствѣ по его доктринамъ, по его законамъ и дѣйствіямъ. Мы слѣдовали за его жертвами по тюрьмамъ и сопровождали ихъ къ подножію эшафота, куда ихъ направляли суды безъ правосудія. Парижъ и Департаменты являлись передъ нашими глазами въ тѣхъ фазисахъ, черезъ которые прошла Революція, начиная съ первыхъ ея дебютовъ и вплоть до ея прекращенія. Намъ остается представить послѣднюю картину — картину общественныхъ страданій и нищеты. Мы не станемъ умышленно усиливать мрачность ея красокъ. Въ слишкомъ реальныхъ фактахъ иные сами найдутъ поводъ для побѣдоносныхъ обвинительныхъ актовъ.

Хулители прошлаго испытываютъ извѣстное удовлетвореніе, когда имъ покажется, что въ долгихъ годахъ нищеты и нужды они нашли осужденіе для многовѣковой монархіи. Бѣдствія, начавшіяся съ Революціей, окончились лишь вмѣстѣ съ нею, и они могли бы служить возмездіемъ для тѣхъ, кто отъ исторіи требуетъ партійности.

Но здѣсь не мѣсто противопоставлять различныя эпохи одну другой, ниже устанавливать параллели между ними; это мы предоставляемъ самому читателю, если у него есть къ тому охота. Мы же стараемся здѣсь лишь о точномъ изложеніи неопровержимыхъ фактовъ.

Недостаточно отмѣчать бѣдствія; необходимо еще обратиться за ихъ объясненіемъ къ человѣческому разуму и логикѣ событій. Уяснивъ себѣ причины, мы станемъ менѣе удивляться

результатамъ, и на нихъ будутъ смотрѣть, какъ на послѣдствія естественныя, необходимыя, неустранимыя послѣдствія доктринъ и дѣяній правителей.

Никогда принципъ собственности не нарушался безнаказанно. Съ самаго начала Революція посягнула на него не только разграбленіемъ замковъ и магазиновъ, не только многочисленными покушеніями на частную собственность, но и легальнымъ грабежомъ: уничтоженіемъ поземельныхъ помѣщичьихъ податей, безъ всякой компенсаціи и вознагражденія, конфискованіемъ имуществъ Церкви и эмигрантовъ, обложеніемъ запрещеніями, чудовищными и произвольными налогами.

Раззоряя богатыхъ, ассосіаціи, цѣлые классы, вмѣстѣ съ потребителями она поражала тѣхъ, кто существовалъ отъ потребленія. Это значило раззорить торговлю и промышленность, остановить торговыя сдѣлки, парализовать кредитъ.

Конфискуя имущества госпиталей [1]), простиравшіяся до 800 милліоновъ [2]), захватывая доходы фабрикъ, частныхъ фондовъ, благотворительныхъ учрежденій, расхищали имущество больныхъ и бѣдныхъ.

Навязанными реквизиціями обкрадывали землепашцевъ, собственниковъ, негоціантовъ [3]). Законъ maximum'а раззорилъ торговца, заставивъ его продавать свой товаръ по низшей цѣнѣ, нежели онъ стоилъ ему самому. Этотъ законъ обездолилъ крестьянина, вынужденнаго скрывать свою рожь, бравировать самыми тяжкими карательными мѣрами, спекулировать на бѣдности того времени, чтобы самому избѣжать полнаго раззоренія. Звонкая монета была отобрана, равно какъ и всѣ золотыя и серебряныя вещи.

Конфискаціи эти, въ теченіе всего двухъ мѣсяцевъ, въ ноябрѣ и декабрѣ 1793 года [4]), оцѣнивались въ триста или четыреста милліоновъ.

Ассигнаціи, ихъ форсированный курсъ, ихъ баснословные и многократные выпуски нанесли смертельный ударъ государственному кредиту и частному богатству. Кредиторы под-

---

[1]) Декретъ 23 мессидора III года.
[2]) Тэнъ, „La Révolution", III, 72.
[3]) Декреты 29 сентября 1793 года, 4 и 30 мая, 26 іюня 1794 года.—Реквизиціонные талоны служили для погашенія продовольственныхъ расходовъ и расходовъ по транспорту войскъ во внутрь страны. Пріемъ этихъ талоновъ былъ вынужденный, подъ страхомъ штрафа и тюремнаго заключенія. Невозможно даже приблизительно вычислить общую цифру, какой они достигли. Быть можетъ, на нихъ пошло не менѣе 1.500 милліоновъ (Рене Стурмъ, „Ler finances de l'ancien régime et de la Révolution", II, гл. XXV).
[4]) Тэнъ, „La Révolution", III, 72.

верглись ограбленію со стороны своихъ должниковъ, которые расплачивались за свои долги фиктивными деньгами. Клочекъ бумажки, безъ всякой цѣны, служилъ для уплаты арендной платы; этотъ же клочекъ давалъ права на владѣніе землею и замкомъ; имъ же разсчитывались съ купцами и рабочими.

Богачи, которые не были пощажены, подвергались еще къ принудительному займу (28 іюня 1798). Государственные рантье сильно пострадали тогда, вслѣдствіе уплаты ихъ рентъ ассигнаціями. Затѣмъ настало время, когда имъ и совсѣмъ перестали платить, и когда они по четыре года ожидали, чтобы получить восьмую долю причитавшихся имъ денегъ [1]).

Правительство присвоило себѣ церковныя имущества, имущества эмигрантовъ и лицъ, имъ осужденныхъ. Но заступивъ мѣсто законныхъ собственниковъ, оно не выполнило ихъ обязательствъ. Правда, богатство его возросло, но за то и расходы его увеличились. Уменьшилось поступленіе податей. Всѣ источники національнаго богатства изсякли. Конвентъ закрылъ биржу 27 іюня 1793 года.

Національныя имущества поглотились быстро, какъ всякая добыча. Это производительное богатство въ чужихъ рукахъ необычайно сократилось, вслѣдствіе употребленія, какое изъ него сдѣлала революціонная партія. Національное Собраніе, желая поощрить пріобрѣтателей національныхъ имуществъ, облегчило уплату за нихъ, назначивъ первый взносъ въ 30, 20 и 12 процентовъ покупной цѣны, а уплату недоимокъ распредѣливъ по равнымъ аннюитетамъ. Эти имущества, оплачивавшіяся ассигнаціями, стоимость которыхъ постоянно падала, принесли барышъ не государству, а пріобрѣтателямъ, воспользовавшихся обстоятельствами.

Основываясь на вѣроятномъ разсчетѣ, можно сказать, что національныя имущества были проданы за пять съ половиной милліардовъ [2]). Изъ этой суммы не было внесено въ общественную кассу четырехъ милліардовъ [3]). Всѣ имущества духовенства было проданы ниже пятой части ихъ стоимости. [4])

---

[1]) „Censeur des journaux, novembre 1796“.—Гонкуръ, „La société française pendant le Directoire“, стр. 150.

[2]) Рене Стурмъ, „Les finances de l'ancien régime et de la Révolution“, II гл. XXX.

[3]) Форперонъ, „Histoire des émigrés“, III, 74, 75.

[4]) Мишель Шевалье. — „Revue des Deux Mondes“ 1 Іюня 1866 года.—Судя по цифрамъ, приложеннымъ къ проекту закона 1825 года, эмигранты вернули всего двадцатую часть изъ своихъ родовыхъ имѣній, значитъ, 100 милліоновъ изъ 2 милліардовъ слишкомъ. Стурмъ, „Les finances de l'acien régime et de la Révolution“, II, 459—461.—Тэнъ, „Le régime moderne“, I, 202.

Эти продажи послужили поводомъ къ неисчислимымъ обманамъ и скандальнымъ мошенничествамъ. Сперва было рѣшено, что на всемъ сѣверномъ протяженіи Франціи назначеніе цѣнъ будетъ опредѣляться таксой арендной платы, увеличенной въ 22 раза. Тогда установились соглашенія скрывать размѣръ арендной платы. Революціонныя власти дѣйствовали съ корыстными разсчетами, то устраняя гласность при продажѣ, то поддѣлывая дѣйствительныя цифры. Недобросовѣстные агенты, съ помощью подставныхъ лицъ, оставляли за собой лучшія доли, нѣкоторые покупали недвижимое имущество за безцѣнокъ съ тѣмъ, чтобы немедленно перепродать его съ вѣрнымъ барышомъ.

Въ Мансѣ пришлось преслѣдовать оцѣнщика духовныхъ имуществъ, расцѣнившаго ихъ слишкомъ дешево. Въ Лавалѣ администраторы департамента старались пріобрѣтать духовныя имущества безъ всякаго соблюденія законныхъ формальностей [1]).

Въ Энскомъ департаментѣ въ 1791 году національныя имущества были проданы значительно ниже ихъ стоимости. Слѣдующія цифры могутъ служить иллюстраціей [2]).

Проданныя имущества.	Дѣйствительная стоимость.		Продажная цѣна.	
Ланъ	15.280.786	франк.	11.913.276	франк.
Шони	11.882.346	„	7.957.346	„
Сенъ-Кентенъ . .	24.049.700	„	13.547.000	„
Вервенъ	8.266.294	„	7.466.294	„
Суассонъ	25.484.417	„	16.164.023	„
Шато-Тьерри . . .	11.768.023	„	7.692.023	„
Итого	96.731.566	франк.	64.740.742	франк.

Въ 1791 году продажи шли туго, вслѣдствіе отвращенія, какое внушала къ себѣ мысль воспользоваться грабежемъ, и страха оказаться предметомъ преслѣдованія со стороны законныхъ собственниковъ [3]). Пріобрѣтателями являлись крестьяне

[1]) Д. Піолинъ, „Hist. de l'Eglise du Mans durant la Révolution", I, 83, 84.
[2]) Эд. Флёри, „Le clergé du département de l'Aisne pendant la Révolution", I, гл. IX.
[3]) Въ 1795 году національныя имущества, значительно уступавшія въ своей цѣнѣ родовымъ имуществамъ, теряли 40% своей стоимости. Имущества духовенства были обезцѣнены еще болѣе чѣмъ имущества эмигрантовъ. Въ Нормандіи и въ остальной Франціи въ 1803 году національныя имущества не покупались ниже 15 проц. То же самое было въ 1809 году. Начиная съ 1815 года національныя имущества продавались по 5% дохода; родовыя имѣнія — по 3 и по 4 проц. (Тэнъ, „Le régime moderne", I, 233, 234).

и революціонеры, жаждавшіе показать себя людьми вполнѣ безцеремонными, когда дѣло идетъ о наживѣ.

Къ 24 марта 1791 года національныхъ имуществъ было продано всего на 180 милліоновъ. Сумма проданныхъ имуществъ къ 1 ноября того же года составляла 1.526 милліоновъ. Осталось продать ихъ еще на 669 милліоновъ. Въ теченіе семи мѣсяцевъ крестьяне скупили ихъ на 1.316 милліоновъ [1]). Они сдѣлались хозяевами тѣхъ земель, на которыя зарились. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они стали врагами духовенства, которое владѣло этими землями, а, слѣдовательно, и присягнувшихъ священниковъ, представителей раззоренной церкви, подателей св. Причастія, священнослужителей религіи, которой народъ остался вѣрнымъ. Такимъ образомъ, крестьянинъ очутился между своими вожделѣніями и своей религіей или религіей его семейнаго очага. Хищеніе, въ которомъ онъ участвовалъ до извѣстной степени, помимо своей воли, обязывало его стать на сторону революціи. Ему удобнѣе было принять конституціоннаго кюре, олицетворявшаго новую раскольничью церковь, который притомъ не станетъ ему говорить о возвращеніи чужаго. Какое обиліе столкновеній между совѣстью и наживой! Какая масса противорѣчивыхъ чувствъ по поводу этого поля, этого имущества, владѣніе которымъ предполагало нарушеніе закона о собственности!

Если дѣло касалось замка вмѣсто аббатства, въ такомъ случаѣ, синьоръ точно также становился врагомъ крестьянина, обогатившагося его наслѣдствомъ. Грабителю приходилось опасаться обратнаго требованія со стороны того, котораго онъ обездолилъ. И потому ненависть его должна была обратиться не на старый режимъ, а на необходимость вернуть чужое имущество, необходимость, которая явится слѣдствіемъ возвращенія къ учрежденіямъ стараго режима. Такимъ образомъ, легко было въ народномъ умѣ возбудить отвращеніе къ старому режиму. Да и какъ было не поддаться искушенію преувеличить злоупотребленія этого режима, не только для того, чтобы отрѣзать путь къ его возвращенію, но также и для того, чтобы оправдать послѣдовавшія затѣмъ насилія?

Въ видахъ облегченія продажи національныхъ имуществъ и перепродажи ихъ въ раздробь, Конституціонное Собраніе ввело разсрочки для уплаты. Многіе изъ пріобрѣтателей перваго года выплачивали наличными деньгами, не пользуясь за-

---

[1]) Тэнъ, „La Révolution“, I, 445.

конными разсрочками, и вносили первую свою двѣнадцатую часть, не извлекая выгодъ изъ пониженія курса ассигнацій, какъ то дѣлали пріобрѣтатели послѣдующихъ періодовъ. Начиная съ 1792 года прекратились взносы со стороны тѣхъ, кто покупалъ съ излишней поспѣшностью и кого разорили событія Революціи. Это отчужденіе сдѣлало государство собственникомъ этихъ обезцѣненныхъ имуществъ.

Продажныя цѣны возвышались вмѣстѣ съ обезцѣниваніемъ ассигнацій, такъ какъ требовалось большее количество ассигнацій, чтобы представить суммы, условленныя заранѣе. Такъ, 23 апрѣля 1794 года недвижимыя имущества, оцѣненныя въ 212.580 франковъ, были проданы за 456.000 франковъ. Одна ферма, принадлежавшая къ церковнымъ имуществамъ, оцѣненная въ 123.000 франковъ въ 1791 году, была продана за 653.000 франковъ въ апрѣлѣ 1795 г. [1]).

Въ маѣ 1795 года, по предложенію Бурдона изъ Уазы, Конвентъ постановилъ, что всѣ національныя имущества безъ всякихъ аукціоновъ, на основаніи простыхъ протоколовъ, будутъ присуждаемы тому, кто дастъ за нихъ ассигнаціями втрое больше цѣну, противъ той, которая была установлена разцѣнкой 1790 г. Постановленіе это вскорѣ было отмѣнено. Но пока оно дѣйствовало, имущество, оцѣненное въ 100.000 франковъ въ 1790 г., можно было купить за 300.000 франковъ ассигнаціями, что составляло собственно 20.000 франковъ, такъ какъ ассигнаціи упали тогда до пятнадцатой части ихъ номинальной стоимости. Такимъ образомъ, за 20.000 франковъ пріобрѣталось имущество въ 100.000 франковъ. Пріобрѣтатели церковныхъ имуществъ вносили менѣе трети стоимости этихъ имуществъ; пріобрѣтатели имуществъ эмигрантовъ вносили менѣе пятой части стоимости пріобрѣтавшихся ими имуществъ [2]).

Родственники эмигрантовъ выкупали конфискованныя имущества, но такихъ фактовъ было весьма немного. Главными пріобрѣтателями были спекуляторы, якобинцы, чиновники, крестьяне, буржуа, дворяне различныхъ положеній. Образовались общества барышниковъ, скупавшихъ съ цѣлью перепродажи. Нѣсколько общинъ соединялись для пріобрѣтенія недвижимаго имущества, котораго онѣ не могли бы купить каждая въ отдѣльности.

---

[1]) Эд. Флери, I, гл. IX.
[2]) Г. Форверонъ, „Histoire générale des émigrés“, III, 76, примѣчаніе.

Покупателями на земли являлись также фермеры, лучше всякаго другого знавшіе истинную цѣнность этихъ земель. Въ разсчетѣ разбогатѣть, покупали имущества и рабочіе, которымъ очень часто нечѣмъ было за нихъ платить. Иногда эти рабочіе вступали въ компанію другъ съ другомъ.

Въ 1791 году одинъ простой рабочій, кирпичникъ изъ Шато-Тьерри, набавилъ 100.000 ливровъ на одно имущество, оцѣненное въ 60.000 ливровъ. Въ Сенъ-Кентенѣ, нѣкій бочаръ-рабочій, накупилъ національныхъ имуществъ на 238.000 ливровъ сразу [1]).

Располагавшіе властью якобинцы могли на этихъ имуществахъ нажить себѣ громадные барыши, обратившіеся въ источники ихъ богатствъ. Роверъ за 80.000 франковъ, выплаченныхъ ассигнаціями, присвоилъ себѣ землю, стоившую 500.000 франковъ звонкой монетой. Фуше скупилъ громаднѣйшія имѣнія. Андре Дюмонъ, Мерленъ де-Тіонвилль, Баррасъ, Рюбелль и много другихъ, которые, какъ было извѣстно, не располагали никакими средствами до революціи, стали богачами. Якобинцы часто распоряжались продажей національныхъ имуществъ, причемъ нерѣдко устраивались такъ, чтобы попользоваться имъ однимъ. Въ Тулузѣ коммиссары, составлявшіе списокъ продажныхъ имуществъ, раздѣлили послѣднія между собой, предварительно сговорившись съ патріотами, чтобы при надбавкахъ на торгахъ не привысить той цѣны, какая подходила каждому. Въ Провансѣ національныя имущества проданы были администраторами департамента. Компаніи патріотовъ заранѣе заботились, чтобы наемные оцѣнщики понижали цѣну. За одну ферму, стоимостью въ 5.000 франковъ, была заплачена стоимость лошади [2]). Въ Нантѣ, Шо—соумышленникъ Карье, прибѣгалъ къ террору для удаленія своихъ конкуррентовъ на торгахъ. Объ одномъ имуществѣ, на которое онъ зарился, онъ выразился такъ: „я знаю средство добиться его; я прикажу арестовать владѣльца. И вотъ, чтобы освободиться изъ тюрьмы, онъ будетъ чрезмѣрно счастливъ уступить мнѣ свою землю“ [3]).

Одинъ свидѣтель той эпохи въ маѣ 1792 года писалъ: „Фермеры это—люди, наиболѣе довольные Революціей, и у нихъ имѣются на то свои причины. Въ настоящее время они не соглашаются продавать свой хлѣбъ, иначе какъ на чистыя

---

[1]) Эд. Флери, „Le clergé du département de l'Aisne pendant la Révolution“, I, гл. IX.
[2]) Форнеронъ, „Histoire générale des émigrés“, III, 71—75.
[3]) Тэнъ, „La Révolution“, III, 364.

деньги, тогда какъ сами они платятъ свои аренды ассигнаціями. А такъ какъ всѣ эти фермы находятся въ арендѣ, то собственники и не могутъ возставать противъ такого рода уплаты. Фермеровъ также весьма поощряютъ къ пріобрѣтенію національныхъ имуществъ, что,—какъ меня увѣряютъ,—можетъ дурно отразиться на земледѣліи, ибо, увлекаясь пріобрѣтеніемъ участковъ земли, они сами себя лишаютъ средства для ея воздѣлыванія. Вмѣсто того, чтобы поступать такъ,какъ поступали крестоносцы, наши предки, которые „продавали пастбище ради пріобрѣтенія лошади", они продаютъ лошадь, чтобы пріобрѣсть пастбище. Вотъ почему слѣдуетъ быть готовымъ къ тому, что во многихъ мѣстностяхъ большія фермы окажутся въ такихъ рукахъ, которыя вынуждены будутъ держать эти фермы въ запустѣніи. Съ прошлаго года въ земельной собственности произошла большая перемѣна, и многимъ фермерамъ легко удалось сдѣлаться собственниками. Страсть къ эмиграціи, съ каждымъ днемъ усиливающаяся вслѣдствіе близости войны, вслѣдствіе гордости, застѣнчивости и тщеславія, побудила многихъ дворянъ продать свои земли. Вмѣстѣ съ имуществами коронными и духовными, эти земли составляютъ громадную массу, брошенную, такъ сказать, въ общественное обращеніе.

„Быть можетъ, впослѣдствіи это представитъ какую-либо выгоду для страны, но современное поколѣніе дороговато расплачивается за то. Что меня касается, то я охотно насадилъ бы цѣлый милліонъ желудей, чтобы будущее столѣтіе изобиловало дубовыми деревьями. Но, признаюсь, не нахожу такого-же удовольствія въ томъ, чтобы отказывать себѣ въ кускѣ хлѣба, заботясь при томъ, чтобы у моихъ потомковъ былъ онъ въ излишкѣ" [1]).

Въ началѣ Консульства, сенскій префектъ въ одной запискѣ, адресованной къ государственному совѣтнику Лакюэ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ положеніе, созданное владѣльцамъ національныхъ имуществъ:

„Пріобрѣтателей національныхъ имуществъ очень много. Множество землепашцевъ обязаны этимъ пріобрѣтеніямъ своимъ благосостояніемъ и независимостью, которыхъ они не вѣдали до этого времени. Иные единственно этимъ пріобрѣтеніямъ обязаны той роскошью, которая создала для нихъ новую жизнь,

---

[1]) Un séjour en France de 1792 à 1795.—Lettres d'un témoin de la Révolution française", перевед. И. Тэномъ, 3 изд., стр. 8.

и отъ которой имъ трудно было бы отказаться. Весь этотъ классъ съ тревогой встрѣчаетъ возвращеніе эмигрантовъ, имущества которыхъ были проданы“ [1]).

И такъ, двѣ категоріи, которыя, повидимому, болѣе всего выиграли при продажѣ національныхъ имуществъ, — были прежде всего начальство, партизаны, люди, покровительствовавшіеся якобинскимъ правительствомъ, затѣмъ земледѣльцы, фермеры, которые выплачивали аренду свою ассигнаціями, а сами продавали свой хлѣбъ на звонкую монету, и по весьма низкимъ цѣнамъ могли пріобрѣтать національныя имущества въ теченіе втораго періода, то есть со времени паденія курса ассигнацій и пертурбаціи, произведенной въ дѣлахъ событіями Революціи. Но если продажа этихъ имуществъ обогатила отдѣльныхъ личностей, за то она оказалась невыгодной для государства. Она глубоко нарушила принципъ собственности и поставила грабителей въ непріятное и неопредѣленное положеніе на долгое время. Наконецъ, она внесла тревогу, продолжавшуюся за періодъ легальнаго освященія, вызваннаго общественнымъ интересомъ и необходимостью. Ассигнаціи сохранились въ народныхъ воспоминаніяхъ и служатъ для выраженія характеристики финансовой системы Революціи въ одномъ словѣ.

Конституціонное Собраніе выпустило ассигнацій на 1.800 милліоновъ; Законодательное на 900 милліоновъ, начиная съ октября 1791 года до сентября 1792 г.; Конвентъ на 7 милліардовъ 278 милліоновъ, постановивъ конфискацію имуществъ и смертную казнь для каждаго, уличеннаго въ отказѣ принять уплату ассигнаціями, въ выдачѣ или принятіи ихъ по пониженному курсу, уличеннаго въ рѣчахъ, посягающихъ на ихъ дискредитированіе. Доносчику жаловалось вознагражденіе въ 100 ливровъ съ каждаго осужденнаго [2]). Когда была разбита ассигнаціонная доска (19 февраля 1796 г.), вся сумма выпущенныхъ ассигнацій равнялась $45\frac{1}{2}$ милліардамъ.

Въ іюнѣ 1791 г. въ Парижѣ ассигнація въ 100 франковъ стоила на звонкую монету . . . . 85 фр.
Въ январѣ 1792 г. . . . . 66 „
„ мартѣ 1792 „ . . . . 53 „
„ январѣ 1793 „ . . . . 55 „
„ апрѣлѣ 1793 „ . . . . 47 „

---

[1]) Феликсъ Рокенъ, „L'état de la France au 18 brumaire“, стр. 271.
[2]) Законъ 5 сентября 1793 г. — „Les finances de l'ancien régime et de la Révolution“, Рене Стурма, II, гл. XXIII.

въ іюнѣ	1793 г.	40	фр.
„ іюлѣ	1793 „	33	„
„ іюнѣ	1795 „	4	„
„ августѣ	1795 „	3	„
„ ноябрѣ	1795 „	15	су.
затѣмъ		5	„

Въ 1794 г. ассигнація понизилась на 66%; въ октябрѣ—на 72%; въ декабрѣ—на 78%; въ январѣ 1795—на 81% [1]). Чѣмъ болѣе увеличивались выпуски ассигнацій, тѣмъ болѣе послѣднія падали въ цѣнѣ. По мѣрѣ паденія ихъ стоимости, правительство чувствовало себя вынужденнымъ дѣлать новые выпуски. Цѣлый милліардъ бумажныхъ денегъ едва стоилъ 30 милліоновъ звонкой монеты. На ряду съ выпускомъ ассигнацій появилась фабрикація ихъ и распространеніе фальшивыхъ ассигнацій. Распространеніе ихъ въ 1790 году было поразительно.

„Бумаги падали,—говоритъ Мерсье,—съ быстротой лопающагося аэростата и, желая почтить ихъ паденіе, сдѣлана была гравюра, представлявшая всѣ знаки, какіе употреблялись во время Революціи. Всѣ они были безупречны“ [2]).

Недостатокъ въ металлѣ давалъ уже себя чувствовать въ провинціяхъ въ 1790 году. Жители Конша, не располагая средствами для оплаты вѣсовыхъ денегъ за получавшіяся ими письма, вынуждены были ходатайствовать у почтовой администраціи о правѣ расплачиваться росписками или патріотическими векселями [3]).

11 марта 1795 г. луидоръ стоилъ на ассигнаціи.	205	фр.
11 мая	400	„
12 іюня	1.000	„
въ октябрѣ	1.700	„
13 ноября	2.850	„
21 „	3.000	„
шесть мѣсяцевъ спустя	19.000 [4]).	

Обобравъ собственниковъ, революціонное правительство принялось обманывать кредиторовъ государства. Рантье пережили прогрессивное уменьшеніе процентовъ и получали сперва

---

[1]) Тэнъ „La Révolution“, III, 473, 518.
[2]) „Paris pendant la Révolution“, II, 117.
[3]) Л. Буавенъ Шампо, „Notices historiques sur la Révolution, dans le département de l'Eure“, стр. 235.
[4]) Тэнъ, III, 519.

по 80% съ годовыхъ доходовъ, а затѣмъ по 50%, по 20% и по 5%.

„Участь рантье,—читаемъ въ одномъ документѣ того времени, — находится въ такомъ плачевномъ положеніи, что я нисколько бы не удивился, если бы среди нихъ оказались такіе, которые желали бы прежняго порядка вещей“ [1]).

Банкротство наступило въ 1797 году и дошло до 1 милліарда 900 милліоновъ слишкомъ, явившись опроверженіемъ на провозглашеніе Конституціоннаго Собранія, что „общественный долгъ поставленъ нынѣ подъ охрану чести и французской лойяльности и потому никакая власть не имѣетъ права произнести подлое слово банкротство“ [2]).

Мирабо съ гордостью выражался по этому поводу [3]), а Камбонъ заявилъ:

„Всѣ французы, присягавшіе соблюдать конституцію, отвѣтственны въ ежегодной уплатѣ рентъ. Ручательство 25 милліоновъ свободныхъ людей и ихъ собственности дороже слова министра“ [4]).

Предъявитель бумаги въ 100 франковъ, который вѣрилъ въ эти обѣщанія, бывалъ обманутъ на 95 франковъ.

Внесеніе налоговъ быстро сократилось. Въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ Революціи по налогамъ обнаружена потеря 356 милліоновъ. Въ 1793 г. поземельный налогъ и налогъ по движимому имуществу 1791 г. дали государственной казнѣ всего 150 милліоновъ вмѣсто 300, причемъ изъ этихъ налоговъ на 1792 годъ казна ничего не получила. Въ 1792 году и въ теченіе четырехъ лѣтъ Революціи общая сумма недоимокъ по податямъ доходила до 623 милліоновъ [5]). Сокращеніе доходовъ государства наступило вслѣдъ за увеличеніемъ его расходовъ. Постоянный расходъ въ 1789 году, по бюджету Неккера, равнялся 531 милліону. Расходъ этотъ ежегодно достигалъ до 1.582 милліоновъ въ теченіе четырехъ съ половиною лѣтъ, что, вмѣстѣ съ расходами для Революціи и для войны, въ общей сложности за этотъ періодъ составило 7 милліардовъ 121 милліонъ [6]). Чѣмъ менѣе государство вы-

---

[1]) Документы Директоріи. Жанъ Беньо, ла-Рошелль, 24 вандеміера VI годъ. Національные архивы, A. F. III, 120.—Рено Стурмъ, „Les finances de l'ancien régime et de la Révolution“, II, гл. XXIV.

[2]) Законъ 13 іюля 1789 г.

[3]) Рѣчь о національномъ кредитѣ 29 августа 1789 года.

[4]) Докладъ 3 апрѣля 1792 года.

[5]) Тэнъ, III, 470, 471.

[6]) Тэнъ, III, 471, примѣч. 1.

полняло свои обязательства по отношенію къ своимъ кредиторамъ, тѣмъ требовательнѣе становилось оно по отношенію къ нимъ. Въ 1796 году подати требовались за тридцать дней до наступленія перваго законнаго срока [1]).

Въ моментъ паденія Директоріи въ государственной кассѣ было всего 167.000 франковъ, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ вкладовъ, внесенныхъ въ тотъ же самый день. Казначейство платило лишь изъ утреннихъ приходовъ. Касса открывалась въ два часа и затворялась немедленно, лишь только оказывалась недохватка денегъ [2]).

Ссуды выдавались только подъ ростовщическіе проценты. Денежный ростъ до Революціи, составлявшій 6%, 5% и 4% *въ годъ*, теперь составлялъ 2% *въ мѣсяцъ* и то подъ закладъ. Въ Парижѣ и въ Страсбургѣ онъ поднялся еще выше и достигъ 4%, 5%, 6% и 7% *въ мѣсяцъ* [3]).

II.

Увеличеніе жалованья въ значительной мѣрѣ было вызвано возростаніемъ цѣнъ на продукты. Въ Бове, напр., въ 1795 году, „рабочій, получавшій прежде 25 су въ день, нынѣ имѣетъ 3 ливра. Портнихѣ, вмѣсто 10 су, вы платите 30. За то мясо, стоившее всего 5 или 6 су за фунтъ въ то время, когда рабочій получалъ 25 су,—стоитъ теперь отъ 50 су до 3 франковъ за фунтъ. Всѣ остальные продукты поднялись въ той же пропорціи или въ еще большей. Такъ что ежедневный заработокъ мужчины, вмѣсто того, чтобы доставить ему четыре или пять фунтовъ мяса, какъ то было до Революціи, можетъ доставить ему всего одинъ фунтъ [4]).

„Рабочій народъ, — говорится въ одномъ отчетѣ той-же эпохи о внутреннемъ положеніи Франціи,—страдаетъ менѣе, ибо онъ соразмѣряетъ свой заработокъ съ исключительной дороговизной съѣстныхъ припасовъ, и тѣмъ самымъ становится не чуждъ ажіотажа. А вотъ нуждающіеся люди, рантье, чиновники республики далеки отъ возможности пользоваться вещами, наиболѣе потребными для жизни. Роскошь отчаянно борется съ страшнѣйшей нищетой, оргіи дебоша возобновляются и про-

---

1) Гонкуръ, «La société française pendant le Directoire», стр. 150.
2) Рене Стурмъ, II, 442.
3) Ф. Рокенъ, стр. 240. Донесеніе Лакюэ, IX годъ.
4) «Un séjour en France de 1792 à 1795», стр. 267.

должаются бокъ-о-бокъ съ несчастными, исхудалая рука которыхъ ищетъ въ ручьяхъ тяжкое свое существованіе“ [1]).

Для чиновниковъ, для администраціи жизнь была тѣмъ труднѣе, что они иногда не получали не только своего жалованья, но даже акontовъ. И потому они грозили, что убѣгутъ со своихъ мѣстъ [2]).

Нѣкоторые чиновники, приравнявшіеся къ бѣднякамъ, получали свою долю при раздачахъ телятины, баранины, муки. Другимъ выплачивали хлѣбомъ. Магистраты выжидали своихъ окладовъ отъ 6—9 мѣсяцевъ, а нѣкоторые ждали ихъ весь VI годъ. Мировымъ судьямъ должны были 4 милліона, членамъ разныхъ судовъ около 1.400,000 франковъ [3]). То же самое было во флотѣ и въ арміи. „Можно-ли было откладывать уплату жалованья арміямъ,—писалъ Робертъ Линде,—когда французы проливаютъ свою кровь на поляхъ сраженій, можетъ ли нація не проявить своего великодушія?“ [4]).

Франсе, изъ Нанта, пишетъ на югъ, что двое инженеровъ путей сообщенія умерли съ голоду, одному изъ ихъ замѣстителей грозитъ та же участь, если правительство, состоящее должникомъ его задержаннаго жалованья, не поспѣшитъ выплатить этого жалованья [5]).

Положимъ, существовалъ небольшой кругъ привилегированныхъ. Но источники, которыми располагали, весьма быстро истощались, такъ какъ одна пища достигала чудовищнѣйшихъ цѣнъ.

Въ первые мѣсяцы въ 1793 году фунтъ мяса, стоившій прежде 6 су, стоилъ среднимъ числомъ 20 су.

Въ маѣ, въ Парижѣ, вмѣсто 35 су, водка стоила 94 су; въ іюнѣ —фунтъ телятины стоилъ 22 су вмѣсто 5. Сахаръ съ 20 су поднялся до 4 франковъ 10 су. За свѣчку платилось не менѣе 7 су [6]). За бутылку обыкновеннаго вина въ 1794 г. сначала платили 50 су, затѣмъ 4, 8 и 10 ливровъ въ теченіе того же самаго года. Въ слѣдующемъ году цѣна этой бутылки

---

[1]) Рокенъ, «État de la France au 18 brumaire», стр. 374.

[2]) Гонкуръ, «La société française pendant le Directoire», стр. 151.—«Чиновники министерства юстиціи возобновляютъ свои настоянія на выдачѣ имъ ихъ жалованья». (Отосланный обратно въ наблюдательный комитетъ казначейства. Совѣтъ Пятисотъ, засѣданіе 11 іюня 1797 г.). Рене Стурмъ, Les finances de l'ancien régime et de la Révolution, II, гл. XXVI.

[3]) Посланіе президента исполнительной Директоріи Трейлара, 15 октября 1798 г.—Рене Стурмъ, II, гл. XXVI.

[4]) Донесеніе Директоріи, сдѣланное министромъ финансовъ 4 вандемьера, VIII года. Національные Архивы.—Рене Стурмъ, Ibid.

[5]) Рокенъ, стр. LXI.

[6]) Тэнъ, III, 481.

дошла до 20 и 30 ливровъ [1]). Въ 1795 году чашка кофе стоила 15 франковъ [2]). Въ январѣ 1796 года въ Парижѣ фунтъ хлѣба стоилъ 50 франковъ ассигнаціями; фунтъ мяса—60 франковъ; фунтъ свѣчей—180 франковъ; четверикъ картофелю—200 франковъ; бутылка вина—100 франковъ [3]).

Юлія де-Бомарше уже указывала намъ на затруднительность Парижской жизни въ 1794 году въ одномъ письмѣ, преисполненномъ ея сѣтованій [4]).

„Взгляните,—говоритъ Мерсье 7 октября 1795 года,—на эту мать, окруженную пятерыми дѣтьми, которая полмѣры турецкихъ бобовъ, стоющей 25 ливровъ, приправляетъ четверкой фунта масла, купленной за 10 ливровъ, на четверти угля, за который заплачено 3 ливра. Это единственное блюдо турецкихъ бобовъ, это блюдо, которое стоитъ ей 38 франковъ, это блюдо, которое дѣти ея уже пожираютъ глазами,—составитъ весь обѣдъ для нея и для ея дѣтей. Мужъ ея заработываетъ всего 40 франковъ въ день. На 40 остающихся су ей надо еще приготовить завтракъ и ужинъ для ея дѣтей, такъ какъ сама она болѣе не завтракаетъ и не ужинаетъ. Надо еще заплатить за наемъ квартиры, за стирку: по экю за рубашку, купить башмаки по 200 ливровъ, дровъ—1.000 ливровъ, свѣчей—45 ливровъ“ [5]).

Изучая Парижъ во время Революціи, мы видѣли царившія тамъ страданія и безпорядки, порожденные голодомъ въ 1793 году, голодныя толпы, борьбу за существованіе, борьбу изъ-за куска хлѣба въ столицѣ, умирающей отъ истощенія въ теченіе четырнадцати мѣсяцевъ.

Въ провинціи, послѣ закона о maximum'ѣ, картина была не менѣе ужасна. Въ Руанѣ жители ѣли всего по четверти фунта хлѣба въ день. Жители Бордо, въ дни недостатка хлѣба питались бобами, каштанами и рисомъ. Въ округѣ Кадильякъ крестьяне „оспаривали другъ у друга полевыя травы“, по выраженію Тальена, бывшаго тогда народнымъ представителемъ.

Тюсте, прокуроръ Коммуны, писалъ въ іюлѣ 1794 г.:

„Потомству покажутся невѣроятными тѣ страданія и лишенія, какія пришлось испытать жителямъ департамента Бекъ-д'Амбесъ почти около года. Они лишили себя почти всѣхъ това-

[1]) Рене Стурмъ, II, гл. XXIII.
[2]) Мерсье, „Paris pendant le Révolution“, II, 449.
[3]) Тэнъ, III, 519.
[4]) Тэнъ, гл. II, стр. 102,
[5]) „Paris pendant la Révolution“, II, 448.

ровъ, какими располагали, въ родѣ сахара, кофе, индиго, какао, масла, мыла, полотенъ, суконъ, матерій и т. п., чтобы раздѣлить ихъ съ своими братьями.

„Вотъ уже цѣлый годъ, какъ они обречены на порцію хлѣба по 11 унцій въ день, притомъ хлѣбъ этотъ составленъ изъ дурныхъ матеріаловъ. Слишкомъ четыре мѣсяца они лишены мыла. Былъ такой моментъ, когда они оставались даже безъ мяса и не имѣли возможности сварить бульонъ для больныхъ. Чего только не перенесли деревенскіе обыватели. Они оставались по восемнадцати и по двадцати дней безъ куска хлѣба. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ этой жизни, преисполненной лишеній, они питались лишь травами, предназначенными для скота, котораго они лишали этихъ травъ.

„Находили мужчинъ и женщинъ, умершихъ отъ голода. Нѣкоторые, болѣе крѣпкаго сложенія—совершенно распухли; иные умирали посреди улицъ и дорогъ. Есть основаніе думать, что безъ стараній и заботъ и попеченій народныхъ представителей въ Бордо, перемерла бы половина народу“ [1]).

Во многихъ мѣстностяхъ Индры питались желудями [2]).

Въ Роаннѣ дрова, земляной уголь и свѣчи представляли такую рѣдкость, что муниципальному Совѣту пришлось отмѣнить свои засѣданія, за неимѣніемъ возможности топить и освѣщать зало своихъ совѣщаній. Хлѣба не было, а если онъ и оказывался на лицо, то стоилъ 8—10 франковъ ассигнаціями за фунтъ. Фунтъ мыла стоилъ 5 франковъ звонкой монетой или 50 франковъ ассигнаціями. Въ городѣ не было сукна, чтобы сшить хотя бы одно платье [3]).

Одинъ туренскій житель въ іюнѣ 1793 года писалъ одному изъ своихъ пріятелей и соотечественниковъ, удалившемуся въ Швейцарію:

„Нищета царитъ повсюду, такъ что даже люди съ достаткомъ не могутъ миновать ее. Намъ не хватаетъ самыхъ насущныхъ съѣстныхъ припасовъ. Богатые, какъ и бѣдные вынуждены питаться чернымъ и невкуснымъ хлѣбомъ, который оспариваютъ другъ у друга у дверей булочниковъ, да и того иногда невозможно достать столько, сколько нужно для потребленія въ семьѣ. Торговли болѣе не существуетъ; законъ *maximum'а* убилъ ее. Съ другой стороны, мы разорены налогами, принуди-

---

[1]) Орельенъ Виви, „Histoire de la Terreur à Bordeaux“ II, 311.
[2]) Тэнъ, III, 495, 496.
[3]) „Roanne pendant le Révolution“ (1789—1795), Фр. Потье. Роаннъ, 1868, in—8°, стр. 361.

тельными займами, революціонными податями, цифра которыхъ произвольно назначена нашими тиранами... Земледѣліе лишается рукъ, безъ которыхъ оно не можетъ обойтись. Лошади наши подверглись реквизиціи, причемъ намъ заплатили клочками ничего нестоющихъ бумажекъ. Феодальныя барщины, уничтоженныя въ достопамятную ночь 4 августа, были снова возстановлены. Ихъ налагаютъ на насъ безъ передышки для ускореннаго перевоза... Если же кто-нибудь осмѣлится сдѣлать какое-нибудь замѣчаніе или пожаловаться, то ему указываютъ эшафотъ, постоянно имѣющійся на публичной площади, и часто его ведутъ туда“ [1]).

Одна женщина, изъ бретонскаго дворянства, описываетъ страданія и лишенія, пережитыя въ Брестѣ. Она адресуетъ къ эмигрировавшему сыну своему слѣдующія строки 5 іюля 1793 года:

„Ты не можешь себѣ представить, до какой степени намъ трудно жить. Мы отказываемъ себѣ въ парѣ башмаковъ. Никто въ домѣ не пьетъ вина; о дессертѣ и помина нѣтъ. Пища наша представляетъ собой какъ разъ столько, сколько надо, чтобы не умереть съ голоду...

„Въ данный моментъ въ Парижѣ нѣтъ никого изъ нашей семьи. Всѣ доведены до самой крайней нищеты. Мать моя осталась безъ горничной; супъ она ѣстъ только два раза въ недѣлю. Тетка моя еще въ худшемъ положеніи... Я еще самая счастливая изъ всей семьи, а между тѣмъ ты не можешь составить себѣ истиннаго представленія о нашемъ положеніи. Лицо, получающее отъ государства 25.000 ливровъ годового дохода, не имѣетъ на что купить хлѣба, потому что на дѣлѣ оно получаетъ эту сумму только бумажками, отпускается-же всякій товаръ исключительно на деньги, а это составляетъ четыре или пять луидоровъ. Землевладѣльцы, конечно, болѣе счастливы; но имъ приходится платить столько всякихъ налоговъ. Да и наша земля совсѣмъ запущена!..

„Добрые наши фермеры ведутъ себя, какъ ангелы. На тысячу ладовъ проявляютъ они привязанность ко мнѣ и безпрестанно справляются о тебѣ. Но, какъ я только что тебѣ сказала, они даютъ немного, а остальное выплатятъ рабочими днями, скотомъ, чѣмъ только имъ будетъ возможно“ [2]).

Въ одномъ донесеніи, сдѣланномъ центральной администра-

---

[1]) „Souvenirs de la Révolution dans le département d'Indre-et-Loire“, Карре де-Бюссеролля, стр. 205.

[2]) Письмо г-жи Дю-Камие.—Архивы замка де-Фежере.

ціи Финистера, 13 плювіоза IV года, коммиссаръ исполнительной власти констатировалъ бѣдственное положеніе финансовъ:

„Вы знаете,—говорилъ онъ,—что я вамъ сообщалъ объ отсутствіи суммъ, которыми можно было-бы располагать во многихъ кассахъ главнаго пункта и о томъ, что за послѣдніе дни сборщикъ податей и національныхъ имуществъ, за неимѣніемъ какихъ бы то ни было суммъ въ своей кассѣ, былъ поставленъ въ невозможность выдать на расходы уголовному суду для расплаты съ свидѣтелями, равно какъ и на закупку бумаги, чернилъ и перьевъ, необходимыхъ для изготовленія постановленныхъ рѣшеній".

По свидѣтельству того же донесенія, деревенскіе жители поставлены были въ необходимость вносить свои подати не иначе, какъ натурой [1]).

Послѣ уничтоженія закона о *maximum'ѣ* (24 ноября 1794 года), ощущался недостатокъ не столько въ съѣстныхъ припасахъ, сколько въ деньгахъ, необходимыхъ для ихъ пріобрѣтенія. Богачи платили баснословныя цѣны за самыя незначительныя вещи. Обѣдъ стоилъ 1.000 ливровъ ассигнаціями. Луидоръ стоилъ 5.000 франковъ [2]).

Располагая 40.000 ливровъ годового дохода, люди вынуждены были сами воздѣлывать свой садъ. Де-Ришебургъ, бывшій почтмейстеръ, продавалъ то часы, то комодъ, для своего пропитанія. „Друзья мои,—заявилъ онъ какъ-то своимъ гостямъ,—чтобы принять васъ сегодня, я въ супъ вложилъ свои часы" [3]).

Нищета обрушилась на народъ и на мелкихъ рантье. Она возбуждала возмущенія. По этому поводу представитель Бро писалъ изъ Амьена 3 апрѣля 1795 года:

„Толпа въ восемьсотъ-девятьсотъ мужчинъ и женщинъ двинулась въ домъ общины. Нѣсколько человѣкъ выломали тамъ ворота, накинулись на эмблемы свободы, сорвали ихъ и стали топтать ногами, схватили меня вмѣстѣ съ генераломъ, мэромъ и помощникомъ національнаго агента въ шарфѣ и потащили насъ изъ дома общины въ такъ называемый домъ Епископіи. Насъ били, изорвали все мое платье, мои башмаки, серебряныя пряжки, мой носовой платокъ, отняли у меня табакерку, футляръ, ассигнацію въ 25 ливровъ, вырвали треть волосъ съ головы, обратили въ лохмотья всѣ принадлежности моего туа-

---

[1]) А. Дю-Шателье, „Le Finistère et la persécution réligieuse après le 18 fructidor an V", стр. 74—77.

[2]) Шмидтъ, „Rapports du 17 frimaire an IV".

[3]) „Mémoires de Dufort de Cheverny".—Тэнъ, III, 536, прим. 2.

лета, жилетку, панталоны и рубашку, хотѣли меня принудить кричать: *Vive Louis XVII!* Десять разъ сваливали меня на землю и топтали ногами, плевали мнѣ въ лицо, вымазавъ его грязью и мукой, усѣяли тѣло мое ранами и синяками и душили меня лентами съ моей шапки до такой степени, что, когда меня освободили, я пересталъ дышать“ [1]).

Въ то время, въ Амьенѣ, когда съ большимъ трудомъ и по большой цѣнѣ была наконецъ закуплена рожь, молоть ее рѣшались только по ночамъ. По ночамъ же и пекли хлѣбъ, причемъ тщательно закрытыя двери не открывались даже на учащенные призывы звонковъ.

„Двери наши, — разсказываетъ 9 мая 1795 года авторъ *Un séjour en France* — осаждаются иногда двадцатью — тридцатью лицами, просящими не денегъ, а хлѣба. На улицахъ ко мнѣ часто обращаются весьма приличныя съ виду женщины, отказывающіяся отъ предлагаемыхъ имъ мною ассигнацій, прибавляя:

— У насъ довольно ихъ, этихъ злосчастныхъ бумажекъ,— намъ надо хлѣба!

„Если вы прошены на обѣдъ, вы должны съ собой приносить хлѣбъ. Если вы отправляетесь путешествовать, то должны запастись съѣстнымъ, такъ какъ немного найдется такихъ гостинницъ по дорогѣ, гдѣ бы вы могли найти хлѣбъ или даже вообще какіе бы то ни было съѣстные припасы“ [2]).

Голодъ въ провинціи продолжалъ быть такимъ же ужаснымъ. Въ департаментѣ Сены и Марны жители одной общины питались отрубями и овощами. Нѣкоторые падали отъ слабости и были неспособны работать. Въ Пикардіи крестьяне бродили по лѣсамъ и искали тамъ грибовъ и дикихъ плодовъ. Въ Вервье, Ланѣ цѣлыя семьи питались одной зеленью. Въ другихъ мѣстностяхъ голодные распространялись по деревнямъ, гдѣ занимались нищенствомъ и грабежемъ. Въ Сенъ-Дени матери и кормилицы падали безъ сознанія, а нѣкоторыя изъ нихъ умирали вмѣстѣ съ грудными младенцами, которыхъ питали своей грудью. Въ Сенъ-Жерменѣ въ Лэйѣ, каждый обыватель изрѣдка получалъ по полфунту муки. Въ нѣкоторыхъ городахъ выдавалось по семи-восьми унцій или по три—по четыре унціи хлѣба на человѣка. Въ Нантѣ раздача въ теченіе цѣлаго года не превышала никогда четырехъ унцій на день,

---

[1]) Валлонъ, „Les représentants du peuple en mission dans les départements“, III, стр. 400.
[2]) „Un séjour en France de 1792 à 1795“, стр. 275.

на человѣка. Тоже самое было въ Руанѣ. Въ Канѣ народъ питался хлѣбомъ, отрубями и бычачьей кровью [1]).

Таково было положеніе Франціи въ 1795 году. Въ Парижѣ, послѣ 9 термидора, продолжали устраивать хвостъ, чтобы добиться чего нибудь съѣстнаго и такимъ образомъ спастись отъ голодной смерти. Эти выжиданія громадными толпами народа, повторявшіяся ежедневно и сопровождавшіяся борьбой, разъяренностью и безпорядками, длились еще въ теченіе двадцати четырехъ мѣсяцевъ. Женщины въ моментъ наступленія родовъ, требовали себѣ ножей, собираясь убить себя и малютокъ, которыми вотъ-вотъ должны были разрѣшиться. Подъ вліяніемъ отчаянія, нѣкоторые несчастные бросалась въ Сену, чтобы покончить съ собою. Нерѣдко попадались на встрѣчу люди совершенно обезсилившіе, падавшіе отъ изнуренія голодомъ. Много народу умирало на улицахъ [2]).

Эти продолжительныя и ужасныя пытки цѣлой націи, эти нестерпимыя страданія, эти драмы нищеты и голода относятся не только къ эпохѣ Террора и къ правленію Конвента, непрекращаемость ихъ длилась и при Директоріи въ Парижѣ и провинціи.

„Сдѣлавшись добычей террористовъ, истребляющихъ весь департаментъ и занявшихъ всѣ крѣпости, Туръ находится въ самомъ плачевномъ положеніи. Семьи, располагающіе нѣкоторымъ достаткомъ, негоціанты, купцы покидаютъ его, и недалеко то время, когда городъ впадетъ въ самую крайнюю нищету. Всѣ проѣзжающіе черезъ него увѣряютъ, что въ этой мѣстности нѣтъ никакой разницы между временемъ Робеспьера и тѣмъ, какое она переживаетъ теперь“ [3]).

Строки эти были написаны въ 1798 году, и показанія современниковъ не опровергаются офиціальными документами, свидѣтельствующими о бѣдствіяхъ, продолжавшихся въ теченіе всего революціоннаго періода.

Смерть подкашивала покинутыхъ дѣтей и больныхъ въ госпиталяхъ, у которыхъ Конвентъ конфисковалъ имущества [4]). Цифра покинутыхъ дѣтей, простиравшаяся 23.000 въ 1790 г., въ X году превышала 63.000. Они умирали среднимъ чис-

---

[1]) Тэнъ, III, 520, 522, 523, 526, 530.
[2]) Тэнъ, III, 520—545.
[3]) „Mémoires sur les règnes de Louis XV, Louis XVI et sur la Révolution“, Ж. Н. Дюфора, графа де-Шеверни, II, 376.
[4]) До Революціи во Франціи существовало около 800 госпиталей, больницъ, благотворительныхъ учрежденій, дававшихъ у себя пріютъ отъ 100.000 до 110.000 больнымъ и неимущимъ. (Пёше, „Statistique élémentaire de la France“, 1805, стр. 256).

ломъ въ пропорціи 19 къ 20. Въ Парижѣ, въ IV году, изъ 3.122 брошенныхъ дѣтей умерло 2.907 [1]).

Больные умирали, лишенные ухода и пищи. Въ Тулонѣ приходилось всего по 7 фунтовъ мяса на 80 человѣкъ больныхъ. Одной женщинѣ, только что перенесшей операцію, для подкрѣпленія силъ, давали по двѣнадцати штукъ турецкихъ бобовъ на деревянной тарелкѣ. Многіе больные оставались безъ одѣялъ, въ соломенникахъ не было соломы. Старикамъ давали въ больницѣ всего по одному фунту хлѣба на день и по нѣсколько штукъ бобовъ, сваренныхъ просто въ водѣ, не прибавляя ни вина, ни мяса [2]).

„Сколько же человѣкъ умерло отъ нищеты?—задаетъ себѣ вопросъ Тэнъ. *Весьма вѣроятно, что значительно больше милліона.* Постарайтесь однимъ взглядомъ обнять необычайную картину, раскидывающуюся на двадцати шести тысячахъ квадратныхъ миль территоріи и представляющую собою громадную массу голодающихъ по городамъ и деревнямъ; хвостъ выжидающихъ женщинъ, собиравшійся въ теченіе трехъ лѣтъ ежедневно во всѣхъ городахъ; какой нибудь городъ въ 20.000 душъ, гдѣ, за двадцать три мѣсяца, въ госпиталѣ вымираетъ двадцатая часть населенія; скучиваніе бѣдняковъ у дверей каждаго благотворительнаго учрежденія, вереницу вносимыхъ туда носилокъ, вереницу выносимыхъ оттуда гробовъ, госпитали, лишенные ихъ имуществъ, обремененные больными, не имѣющіе возможности прокормить стадо покинутыхъ дѣтей, голодныхъ малютокъ, изсохшихъ еще въ своей колыбели, съ первыхъ недѣль своего существованія, блѣдныхъ, *съ сморщенными старческими лицами*; болѣзнь голода, усиливающую и сокращающую всякія другія, продолжительныя мученія упорной жизни, не уступающей страданію и противящейся испустить послѣднее дыханіе и, наконецъ, заключительную агонію на какомъ-нибудь чердакѣ или-же въ могилѣ. Затѣмъ бросьте взглядъ на небольшой кругъ остающихся въ живыхъ и торжествующихъ якобинцевъ, которые, съумѣвъ примоститься въ какомъ-нибудь тепломъ мѣстѣ, намѣрены тамъ и остаться, во чтобы то ни стало“ [3]).

Когда въ 1794 году маршала де-Муши вели на эшафотъ, одинъ якобинецъ крикнулъ ему вслѣдъ: „Санкюлоты поѣдятъ

[1]) „Moniteur“, V годъ, № 231.
[2]) Рокенъ „État de la France au 18 brumaire“, стр. 31. Донесеніе Франсэ изъ Нанта.
[3]) «La Révolution», III, 545.

твое имущество и выпьютъ твое вино".—Дай Богъ,—спокойно отвѣчалъ маршалъ,—чтобы у васъ былъ хлѣбъ въ будущемъ году и чтобы вамъ не пришлось пожирать другъ друга [1]).

Революція вполнѣ оправдала послѣднія слова одной изъ знаменитыхъ своихъ жертвъ. Нищета и голодъ завершили дѣло гильотины. Зловѣщій и длинный кортежъ, ужасный, душу разрывающій призракъ составляетъ какъ-бы заключительную картину этихъ мрачныхъ эпохъ.

Прислушайтесь къ крику страданія. Подобно проклятію, возносится онъ къ тѣмъ, кто претендовалъ возродить Францію.

III.

18-е брюмера вручило высшую власть Бонапарту, и въ этой власти подавленная и раззоренная Франція предусматривала конецъ тѣхъ людей и вещей, которые такъ жестоко тяготѣли надъ ней. Консульское правительство, принимая страну въ свои руки, желало получить свѣдѣнія объ ея немощахъ и облегчить ихъ. Въ началѣ IX года (1801), по его распоряженію, произведены были разслѣдованія, возложенныя на государственныхъ совѣтниковъ, а именно: Фуркруа, Барбе-Марбуа, Лакюэ, Франсэ изъ Нанта, Шампаньи, Дюшателя и другихъ людей, не менѣе достойныхъ, по своей компетентности и авторитету. Они составили донесенія, значеніе которыхъ трудно оспаривать. Феликсъ Рокенъ напечаталъ часть ихъ въ книгѣ, уже цитированной выше [2]) и изъ которой я заимствую то, что слѣдуетъ далѣе. По этимъ документамъ можно судить о положеніи Франціи вслѣдъ за паденіемъ Директоріи. Составителями ихъ были разныя лица и хотя, въ силу той цѣли, какой задавались при ихъ собираніи, они носятъ на себѣ слѣды критики, тѣмъ не менѣе они остаются самымъ подлиннымъ и самымъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ той эпохи.

Франсэ изъ Нанта, на котораго возложена была инспекція восьмой военной дивизіи [3]), въ слѣдующихъ выраженіяхъ описываетъ положеніе Тулона:

„Въ городѣ полное отсутствіе корпуса жандармовъ, совсѣмъ нѣтъ фонарей; всякую ночь по лавкамъ производятся кражи со взломомъ; никакихъ мостовыхъ, никакой чистоты, полное

---

[1]) «Journal des prisons de mon père, de ma mère et des miennes», герцогини де-Дюрасъ, стр. 184.
[2]) «L'état de la France au 18 brumaire».
[3]) Воклюзъ, Устья Роны, Варъ, Нижнія Альпы и Приморскія Альпы.

отсутствіе безопасности, никакихъ пошлинъ на съѣстные припасы, полное отсутствіе хлѣба въ госпиталяхъ".

Онъ указываетъ на упадокъ Марсельской торговли, ввозъ и вывозъ которой въ теченіе шести мѣсяцевъ не достигали той цифры, какой они достигали до 1789 года въ теченіе двухъ недѣль. „Виною тому,—говоритъ онъ,—насилія Революціи, морскія войны, уничтоженіе льготъ".

Онъ приводитъ пропорцію уголовныхъ преступленій въ Воклюзскомъ департаментѣ, гдѣ насчитывалось 47 убійствъ въ теченіе перваго полугодія VIII года и 32 убійства—за второе. Число этихъ убійствъ замѣтно сократилось съ возстановленіемъ порядка, такъ какъ въ IX году насчитывали всего 11 преступленій въ первое полугодіе и ни единаго—во второе.

Факты воровства въ деревняхъ Вара были неисчислимы:

„Здѣсь именно кстати поговорить о сельскихъ преступленіяхъ. Они стали часто повторяться, вслѣдствіе своевольства, печальнаго плода революціонныхъ страстей и вслѣдствіе того своеволія, которое возвели въ систему и которое, если не сдѣлало земли общими, то сдѣлало общими плоды. Въ деревняхъ нельзя разсчитывать ни на какую жатву. Деревенское мародерство дошло до своего апогея. Въ нѣкоторыхъ общинахъ свидѣтели не осмѣливаются давать показанія, а во всѣхъ общинахъ мировые судьи опасаются создать себѣ враговъ или затормазить новые свои выборы. То же самое было съ муниципальными чиновниками, на обязанности которыхъ лежали донесенія о преступленіяхъ; положеніе ихъ, какъ избираемыхъ и временныхъ властей, дѣлало ихъ несмѣлыми въ дѣлѣ преслѣдованія. Принципы измѣнились, а привычки остаются тѣ-же".

Въ другихъ мѣстностяхъ цѣлыя общины отправлялись съ лошадьми и повозками опустошать лѣса среди бѣла дня: „Нельзя укрыть отъ себя, — говоритъ Франсэ, — что расхищеніе лѣсовъ обратилось въ деревенскій обычай и что фактъ этотъ располагаетъ уже силой привычки" [1]).

Барбе Марбуа, уполномоченный инспектировать тринадцатую дивизію [2]), говоритъ, что „треть населенія живетъ на счетъ двухъ остальныхъ третей, или обкрадывая ихъ, или вымогая отъ нихъ подаянія" [3]).

Въ это время въ каждомъ департаментѣ было по три, по

---

[1]) Ф. Рокенъ, стр. 5, 11, 27, 45, 63.
[2]) Котъ-дю-Норъ, Финистеръ, Илль-и-Виленъ и Морбиганъ.
[3]) Рокенъ, стр. 93.

четыре тысячи нищихъ, а во всей Франціи ихъ насчитывалось около трехсотъ тысячъ [1]).

Къ сожалѣнію, честностью обладали не всѣ тѣ, кто долженъ бы подавать въ томъ примѣръ.

Въ донесеніи Барбе Марбуа одна глава озаглавлена такъ: „Расхищеніе кассъ генералами". Изъ этой главы видно, что, если офицеры умѣли заставлять оплачивать ихъ, за то солдаты съ трудомъ получали свое вознагражденіе, причемъ они были „плохо одѣты, плохо помѣщены и плохо накормлены".

По поводу фактовъ казенныхъ хищеній, констатировать которые ему представляется много случаевъ, Барбе-Марбуа замѣчаетъ: „Эта пагубная легкость заимствованія изъ общественной казны обратила всѣхъ въ мотовъ. Экономія стала смѣшною, человѣкъ, примѣняющій ее, считается лицомъ съ узкими и ограниченными взглядами".

Говоря о финансовой администраціи, онъ заявляетъ: „Я не встрѣтилъ ни одного счетовода, способнаго отдать отчетъ въ своихъ счетахъ".

Увеличено было число мѣстъ, дабы дать возможность получать деньги; предоставлены были должности людямъ неспособнымъ и недостойнымъ. Барбе-Марбуа и по этому поводу дѣлаетъ свое замѣчаніе:

„Созданы были различныя учрежденія съ большими окладами, чтобы удовлетворить людей алчныхъ, или наглыхъ, или пользовавшихся протекціей, но въ большинствѣ — неспособныхъ. Всѣ тѣ, которые состояли членами Законодательныхъ Собраній, всѣ тѣ, которые испытали несчастія, полагаютъ, что должны быть вознаграждены мѣстами. Я видѣлъ позорныхъ эксъ-законодателей, состоявшихъ лишь субпрефектами или же членами совѣта префектуры, и неспособныхъ притомъ исполнять свои обязанности" [2]).

Со всѣхъ сторонъ раздавались жалобы на неравномѣрное распредѣленіе налоговъ и на чрезмѣрность бремени, какое приходилось нести. Въ Кальвадосскомъ департаментѣ по этому поводу было не менѣе тридцати тысячъ протестовъ. Подлежавшіе налогамъ отдавали на эти налоги шестую часть, треть, половину, а подчасъ и всѣ свои доходы. Въ Канталѣ поземельный налогъ превышалъ доходы [3]).

Мы говорили уже о томъ, какъ много больнымъ прихо-

---

[1]) Тэнъ, III, 547.
[2]) Рокенъ, стр. 71—127.
[3]) Рокенъ, Введеніе, стр. XVII и стр. 388—400.

дилось терпѣть въ госпиталяхъ, доведенныхъ до нищеты конфискаціей ихъ доходовъ. Въ Сѣверномъ департаментѣ, въ сорока восьми госпиталяхъ былъ ежегодный дефицитъ въ 367.485 франковъ. Въ Бордо, только въ семи госпиталяхъ дефицитъ равнялся 304.978 франкамъ. Въ Парижѣ госпиталя располагали только четвертью, а иногда пятой и шестой частью изъ тѣхъ доходовъ, какими они владѣли въ 1790 году, Докторамъ и служащимъ состояли въ долгу за двадцать одинъ мѣсяцъ. Дѣти одной сиротской богадѣльни, украшенной громкимъ именемъ „Пріютъ воспитанниковъ отечества", ходили голыми или же въ лохмотьяхъ. Воздуху не было; залы лишены были оконъ, соломенники прогнили, причемъ это нездоровое помѣщеніе порождало болѣзни.

Въ донесеніи генерала Лакюэ, на котораго возложено было инспектированіе первой военной дивизіи [1], находимъ слѣдующее замѣчаніе о состояніи земледѣлія:

„До Революціи, земледѣліе (въ шести департаментахъ, помимо Сенскаго) находилось бы въ очень цвѣтущемъ состояніи, будь оно свободно отъ димъ, хлѣбныхъ налоговъ и налоговъ на дичь. Считалось, что дичь истребляетъ восьмую долю сѣмянъ и десятую часть жатвы. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ департаментѣ Сены и Уазы.

„Законъ о maximum'ѣ и реквизиціи крайне повредили земледѣлію въ теченіе извѣстнаго періода Революціи. Но ущербъ этотъ болѣе чѣмъ возмѣстился раздѣломъ имѣній, не взиманіемъ податей, присутствіемъ собственниковъ, уничтоженіемъ охоты, хлѣбныхъ оброковъ и димъ. И дѣйствительно, благодаря этому, земледѣліе сдѣлало нѣсколько весьма замѣтныхъ шаговъ къ улучшенію своего состоянія.

„Тѣмъ не менѣе оно очень пострадало въ VII году. Владѣльцы ненадежныхъ національныхъ имуществъ плохо воздѣлывали землю и сильно ее опустошали. 18-е брюмера воскресило надежды. Число искусственныхъ луговъ возросло. Стали вспахивать нови, сажать, увеличивать число рогатаго скота, исправлять постройки [2]).

Промышленность, находившаяся нѣкогда въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, глубоко пострадала, вслѣдствіе событій, финансоваго кризиса и застоя въ дѣлахъ. Общественными и частными бѣдствіями поражены были не только производства роскоши, но также и производства предметовъ первой необхо-

[1]) Эна, Эра и Луара, Луаре, Уаза, Сена, Сена и Марна, Сена и Уаза.
[2]) Рокенъ, стр. 237.

димости. Суконныя фабрики въ Лувье, полотняныя — въ Бретани прекратили свои работы. Въ Шарантѣ закрылось бумажное производство. Число станковъ для производства шелковыхъ тканей, доходившее въ Ліонѣ въ 1788 г. до 14.770, въ IX году упало до 5.000 [1]).

Матеріальное разореніе, разрушеніе, бросалось всѣмъ въ глаза. Гавани были повреждены, болота залили нѣкогда пересохшіе участки земли; нѣкоторымъ зданіямъ грозило полнѣйшее разрушеніе. Крыши на зданіяхъ замѣнены были парусиной. Мостовая на улицахъ Рошфоръ была вся взломана и почти не годилась для ѣзды въ экипажахъ, ни для пѣшеходовъ.

„Вслѣдствіе преступной небрежности къ памятникамъ и національнымъ имуществамъ,—говоритъ Фуркруа,—со времени Революціи, послѣдніе пришли въ такой упадокъ, что нельзя рѣшительно сомнѣваться въ томъ, что ничего или почти ничего не было сдѣлано для поддержанія ихъ за это время“.

Состояніе дорогъ было достойно всего остального. Экипажи безпрестанно вваливались въ выбоины, углубленія которыхъ представляли цѣлыя пропасти. Иногда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ имъ приходилось съѣзжать съ дороги и проѣзжать по вспаханнымъ полямъ. „Всѣ вообще жалуются на дороги во Франціи, — писалъ Фуркруа въ теченіе нивоза IX года. Повсюду онѣ попорчены до такой степени, что жалоба эта раздается съ одного конца Республики до другого... У меня шесть разъ ломалась карета, причемъ три раза изъ шести я долженъ былъ задерживаться на полдня, чтобы, при помощи неумѣлыхъ рабочихъ, исправить нанесенныя ей поврежденія. Одиннадцать разъ мнѣ пришлось посылать за быками, чтобы меня вытащили изъ грязи, въ которую моя карета увязала выше ступицы большихъ колесъ. Я вычислилъ, что черезъ восемь или десять мѣсяцевъ отъ настоящаго времени, если только дождливое время затянется и если дожди будутъ такими же обильными, въ такомъ случаѣ между многими большими городами сообщенія совсѣмъ прекратятся, а транспорты окажутся совершенно немыслимы“ [2]).

Въ разгарѣ этого сильнаго разрушенія обратимся къ общественному мнѣнію. Свѣдѣнія о томъ мы получимъ опять таки отъ одного коммиссара IX года, который высказываетъ личный свой взглядъ:

---

[1]) Рокенъ, Введеніе, стр. LV, LVII.

[2]) Рокенъ, Введеніе, LXIV и стр. 139.—Въ одномъ письмѣ, написанномъ въ теченіе вандемьера V года, указывается на затруднительность, какую пред-

„Масса людей, довольныхъ настоящимъ порядкомъ вещей [1]), —говоритъ генералъ Лакюэ, —несравненно значительнѣе, нежели масса людей недовольныхъ... и причины этого недовольства въ большинствѣ случаевъ—почтенны. Роялисты ожидали королевской власти; эмигранты—безмѣрныхъ и безграничныхъ возмездій; священники—полнаго своего могущества; анархисты —своей власти и т. п...

„*Съ горестью*,—прибавляетъ онъ,—*усматриваетъ философъ среди французовъ демаркаціонную линію, которой не стереть цѣлому столѣтію*“ [2]).

Однимъ изъ несчастій всѣхъ революцій, дѣйствительно, служитъ тотъ фактъ, что онѣ переживаютъ самихъ себя. Бѣдствія ихъ продолжаются послѣ срока, указаннаго событіями. Онѣ породили междуусобія; разладъ оставляютъ и послѣ себя въ наслѣдіе, и народы поневолѣ принимаютъ это наслѣдіе. Революціи создали партіи, и тѣмъ самымъ принесли съ собой посягательство на единство родины; воспоминанія о нихъ также поддерживаютъ раздоры, которые внесли разрывъ въ великую національную семью.

Мы не задавались цѣлью оживлять эти воспоминанія на приведенныхъ страницахъ. Если не можетъ быть забвенія для этихъ страшныхъ годинъ, то самыя поколѣнія, пережившія ихъ и въ теченіе всей своей жизни сохранявшія произведенныя ими впечатлѣнія, давнымъ давно полегли въ прахъ могилы, гдѣ покоятся какъ угнетаемые, такъ и угнетатели, какъ жертвы, такъ и палачи.

Послѣднее солнце монархіи скрылось въ грозныхъ тучахъ, затѣмъ поднялась буря, которая, въ слѣпой своей ярости, разрушила величественныя зданія и столѣтніе дубы. Вслѣдъ за мракомъ новаго варварства мы видимъ разсвѣтъ лучезарнаго утра и можемъ привѣтствовать блестящую зарю новаго консульства, военная слава котораго связывается съ мирной славой. Въ числѣ великихъ дѣлъ этой эпохи особенно два тѣсно связаны съ именемъ Наполеона: Конкордатъ и Гражданскій кодексъ.

„Конкордатомъ, какъ говорилъ де-Фаллу—Франціи вернули

ставляли путешествія въ періодъ правленія Директоріи. «Нельзя повѣрить тому, что стоило намъ путешествіе изъ Орлеана въ Парижъ. Необходимо будетъ опять привести къ намъ нашихъ верховыхъ лошадей. Настоящихъ дилижансовъ болѣе не существуетъ. Надо за мѣсяцъ предупреждать, чтобы получить мѣста. Отсюда слѣдуетъ, что въ настоящее время, когда Парижъ является центромъ всѣхъ удовольствій, всякой роскоши, путешествовать по Франціи возможно только пѣшкомъ или верхомъ». (А. Барду, „La bourgeoisie française (1789—1848)“, стр. 100).

[1]) Консульство.

[2]) Рокенъ, стр. 248, 251.

нравственную жизнь. Гражданскимъ кодексомъ современное общество было извлечено изъ революціоннаго хаоса для дальнѣйшей жизни и существованія... Гражданскій кодексъ подвергся улучшенію въ нѣкоторыхъ статьяхъ; онъ можетъ быть улучшенъ еще болѣе. Но эта усугубленная концепція, весьма быстро сдѣлавшаяся столь же Европейской, сколь и французской, тѣмъ не менѣе глубоко проникла въ наши нравы. Католическое общество успокоилось, такъ какъ получило увѣренность за свою вѣру. Вандея имѣла двухъ миротворцевъ: Гошъ и Конкордатъ. Гражданское общество было удовлетворено, не потому, что получало то, что ему казалось предпочтительнымъ, или то, о чемъ оно мечтало, а потому, что національное единство встрѣтило могущественнаго организатора. Начиная съ этого дня Франція снова пустилась по своему восходящему пути, и Наполеонъ могъ пасть, не увлекая за собою ни единаго изъ великихъ лоскутьевъ французской жизненности. Измѣнивъ первоначальной своей мудрости, онъ самъ болѣе, чѣмъ кто либо, способствовалъ паденію своего величія. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ поколебать гранита двухъ главныхъ своихъ памятниковъ: архитекторъ погибъ, но сооруженное имъ зданіе устояло"!

Мы привели всего десять лѣтъ нашей исторіи, а между тѣмъ цѣлое столѣтіе можетъ показаться слишкомъ тѣснымъ, чтобы вмѣстить столько событій. Мы не выходили за предѣлы Франціи. А какія великія дѣла творились по ту сторону границъ! Какую картину представляли намъ поля битвъ, гдѣ передъ нашими глазами проносилось побѣдоносное знамя! Мы не заглядывали также въ героическія провинціи, гдѣ землепашцы-воины защищали противъ Революціи свои алтари и очаги. То были факты прискорбной борьбы, ибо они носятъ имя междуусобныхъ войнъ, но эти то войны и блещутъ примѣрами самопожертвованій, доблестныхъ характеровъ и славныхъ пораженій, ибо для чествованія храбрости этихъ загрубѣлыхъ ратниковъ не спрашивается, на какой сторонѣ оказалась побѣда. Побѣжденные пользуются не меньшимъ удивленіемъ и даже, быть можетъ, большей симпатіей.

Этотъ историческій періодъ,—одновременно столь важный и столь краткій,—является безпредѣльнымъ по характеру и массѣ воспоминаній, какія онъ будитъ, по чувствамъ, какія внушаетъ, по противоположнымъ взглядамъ, противорѣчивымъ чувствамъ, даже страстямъ, которыхъ не удалось расхолодить до сихъ поръ цѣлому столѣтію. А между тѣмъ, часъ повидимому насталъ для изученія его безъ восторга и безъ гнѣва, для того, чтобы поискать въ немъ не оружія, а уроковъ.

Впрочемъ, исторія должна быть безпристрастна и не отдаетъ преимущества ни которой изъ партій. Ея дѣло констатировать добро и зло, устраняя страсти, предразсудки и злопамятство. Исторія—не вассалъ; она—королева.

Обязанность историка заключается въ томъ, чтобы доискаться правды и высказать ее съ монаршей независимостью, взявши девизомъ выраженіе Монтеня „Cecy est un livre de bonne foy". Безъ сомнѣнія, безпристрастіе, эта необходимая добродѣтель, является качествомъ наиболѣе труднымъ и наиболѣе рѣдкимъ. Будемъ же, по крайней мѣрѣ, держаться культа правды. Любить истину,—значитъ учиться познавать ее, а желаніе быть справедливымъ есть начало справедливости.

Партія Революціи выдавала себя за наслѣдника принциповъ 89 года, которымъ она оказала столь крайнее пренебреженіе. Однако, тщетно было бы искать, въ которомъ году реформы, начертанныя на торжественной челобитной всѣхъ французовъ, были осуществлены въ теченіе періода, простирающагося отъ 17 іюня 1789 года до 18 брюмера. Въ послѣдовательномъ рядѣ законодательныхъ актовъ Революціи нигдѣ не видно примѣненія принциповъ, внесенныхъ въ cahiers 89 года и громко возвышавшихся тогда всей Франціей.

Желаніе уничтожить всѣ традиціи есть капитальная ошибка революціоннаго ума. Столь же ошибочно было думать, что традиціи не могутъ поддаться неизбѣжнымъ преобразованіямъ вѣковъ и народовъ, непрестанно идущихъ впередъ по пути достиженія новыхъ цѣлей.

На французской почвѣ, возвеличенной побѣдами и политическимъ искусствомъ, воздвиглись учрежденія, которыя не избѣгли закона времени и человѣческихъ заблужденій. Они реформировались иногда мирнымъ путемъ, а иногда ломались дерзкими и преступными руками. Но увеличенная или уменьшенная территорія осталась для насъ отечествомъ. Его именно чтили мы въ рыцарствѣ, отличавшемся доблестнымъ сердцемъ и великодушными чувствами. Мы сливали его съ старинной королевской властью, въ теченіе долгихъ вѣковъ нераздѣльной съ его славой и судьбами. Церковь, хранительница его вѣры, была причастна къ его гражданской жизни. Она дала ему такихъ государственныхъ людей, какъ Сугерій и Ришелье. Она пріумножила его интеллектуальное богатство и много способствовала его образованію.

Наша страна, наконецъ, имѣла счастіе, въ видѣ истолкователя, располагать именно французскимъ языкомъ, ясность

котораго такъ естественно служитъ для выраженія правдивыхъ идей, и который, въ теченіе долгихъ лѣтъ, сопутствовалъ развитію ума, освященнаго геніальными людьми, обезсмертившагося вѣкомъ Людовика XIV.

Учрежденія, разрушенныя Революціей, пережиты были родиной, созданной изъ души древнихъ временъ и ума новыхъ временъ, являвшей собою созданіе предковъ, сотканное изъ борьбы, страданій, славы и бѣдствій.

Въ эти-то злополучные дни, когда провозглашались человѣческія права и въ то же время нарушались права справедливости и совѣсти, убѣгая изъ своей родины, французъ могъ повторять желаніе стараго троянца, покидавшаго свое жилище посреди Иліона, объятаго пламенемъ:

Di patrii, servati domum! [1]).

Но мольба эта не всегда бывала услышана. Многіе покинули свой кровъ, который имъ не суждено было болѣе увидать, унося съ собой, подобно старцу въ *Энеидѣ*, боговъ пенатовъ и всѣ свои реликвіи:

Sacra manu, patriosque penates.

И если бы пророческая тѣнь, подобная той, какая явилась Энею, предстала тогда передъ ними, то она предсказала бы имъ не блестящія судьбы, обѣщанныя герою Виргилія, а жестокія испытанія и долгіе годы изгнанія:

Longa tibi exsilia.

Изгнанники не создали новаго государства; они жили подъ чуждымъ имъ небомъ, гдѣ и покончили свое существованіе въ нищетѣ и горѣ. Нѣкоторые вернулись на родину, гдѣ революціонная коса подкосила столько существованій. Среди развалинъ и скорби они встрѣтили новую Францію. Но это была уже не та Франція, которую они знали и любили, воспоминаніе о которой напоминало имъ молодость и счастливые дни. Но тѣмъ не менѣе то была Франція, Франція—жертва неслыханныхъ катастрофъ и неисчислимыхъ бѣдствій, достаточно, однако, сильная, чтобы устоять противъ всѣхъ этихъ золъ и снова возстать торжествующей и славной. Истинное чудо французскаго могущества, не столько поразительное тѣмъ величіемъ, какое его воздвигло, сколько тѣми стрѣлами, которыя не могли его сразить.

КОНЕЦЪ.

---

[1]) Энеида, II, 702.

Приложенія.

I.

Депутатскія записки 1789 года.

1789 годъ,—это болѣе нежели извѣстная дата въ нашей исторіи; это выраженіе цѣлой эпохи, резюме политическаго и соціальнаго положенія; это конецъ одного міра и начало новаго общества. Ошибочно было бы удивляться тому обстоятельству, что всѣ люди не могли придти къ соглашенію по поводу истиннаго значенія этого года, ибо, если онъ и былъ сигналомъ великихъ и полезныхъ реформъ, то все таки за нимъ послѣдовали кровавые годы и страшнѣйшія потрясенія. Проливая вокругъ яркій свѣтъ, въ тоже время онъ явился первымъ отблескомъ огней пожара. Наконецъ, если 1789 годъ посѣялъ сѣмена истины и принциповъ, которыхъ не могло отвергнуть ни одно изъ монархическихъ правительствъ нашего столѣтія, то онъ же подготовилъ грозы и бури. Отсюда возникли смута, недоразумѣнія, безпорядокъ, которые должны были усилиться вслѣдствіе партійной борьбы и которыхъ времени не удалось разсѣять еще до сихъ поръ.

Одни прославляли 89 годъ съ шумнымъ восторгомъ, примѣшивая къ слѣпому культу незаконныя свои вожделѣнія о самыхъ преступныхъ увлеченіяхъ, доходя даже до превознесенія именъ, которыя навѣки вѣчные останутся запятнанными чудовищными покушеніями. Другіе, испуганные насиліями, не различали болѣе дѣла Людовика XVI и монархической Франціи отъ дѣла Революціи. Они закрыли глаза на необходимость реформъ, несчастье которыхъ заключалось въ томъ, что онѣ совершились слишкомъ стремительно и слишкомъ поздно. Они не замѣтили, что это великое и неудержимое движеніе умовъ было подготовлено предшествовавшими эпохами. Часъ реформъ не принадлежалъ уже болѣе Людовику XVI; онъ пробилъ ра-

нѣе конца царствованія Людовика XIV, и Фенелонъ хорошо это понималъ, набрасывая планъ этихъ реформъ герцогу Бургундскому, царствованіе котораго, быть можетъ, избавило бы Францію отъ предстоявшихъ ей катастрофъ.

1789 годъ сдѣлался какъ бы арсеналомъ, куда партіи являлись на поиски за оружіемъ для борьбы, вмѣсто того, чтобы искать тамъ исторической правды. Пора возстановить настоящее его значеніе и вывести изъ него истинную мораль не въ интересѣ какого нибудь тезиса и какой либо партіи, а въ интересѣ нашей родины, жертвы междуусобій. Пора разсѣять тучи, надвинутыя политическими страстями. Задача эта обязательна не только для безпристрастнаго историка, но она обязательна для всякаго истиннаго француза.

Прежде чѣмъ задать себѣ вопросъ, какъ мы смотримъ на 1789-й годъ, не подобаетъ ли спросить нашихъ отцовъ, что они думали о немъ? Этотъ вопросъ слѣдовало бы поставить первымъ, и вся Франція 1789 года отвѣтила на него въ этихъ знаменитыхъ запискахъ (cahiers), которыя Токвилль называетъ „завѣщаніемъ стараго французскаго общества". То было настоящее завѣщаніе, ибо общество это отживало свои послѣдніе дни, но завѣщаніе это представляло самое свободное и самое искреннее выраженіе чувствъ и желаніе всей націи, откликнувшейся на призывъ своего короля.

Эдиктомъ 8 августа 1788 года Людовикъ XVI созвалъ états généraux, собраніе которыхъ онъ назначилъ на 1 мая 1789 года. Въ промежутокъ этого времени вся рѣшительно Франція приглашена была высказать свои претензіи, свои желанія и свои нужды, и сорокъ тысячъ общинъ (communautés, какъ назывались тогда общины), представлявшія шесть милліоновъ французовъ, собрались на предварительныя засѣданія для выраженія своихъ желаній. Каждый обыватель имѣлъ право объявить о своихъ желаніяхъ, то было нѣчто въ родѣ плебисцита, грандіознаго слѣдствія, въ которомъ французы всѣхъ классовъ принесли свои показанія къ стопамъ трона. Духовенство, дворянство и третье сословіе избрали затѣмъ выборныхъ, назначавшихся для избранія депутатовъ въ états généraux.

Духовенство составляло четыре отдѣльныхъ категоріи: 1) обладатели бенефицій, 2) каноники, 3) кюре или простыя духовныя лица, 4) религіозныя общины.

Каждая изъ этихъ категорій представительствовала въ лицѣ выборныхъ своихъ депутатовъ. То же самое сдѣлало дворян-

ство, раздѣленное на два класса: дворяне-владѣльцы помѣстій и безпомѣстные дворяне, двадцати пяти лѣтъ.

Королевскимъ указомъ отъ 24 января опредѣлены были правила этихъ выборовъ, съ предпосланіемъ каждому сословію спеціальнаго руководствованія, приспособленнаго къ особому его составу. Третье сословіе состояло изъ различныхъ категорій. Избиратели его были самые многочисленные, такъ какъ къ нимъ относились всѣ французы, двадцати пяти лѣтъ, платившіе подати. Первое собраніе состоялось для предварительныхъ выборовъ своихъ избирателей депутатовъ. Въ корпораціяхъ искусствъ и ремеслъ, въ корпораціяхъ либеральныхъ профессій и негоціантовъ каждые сто человѣкъ назначали одного депутата. То же самое сдѣлали жители городовъ и деревень, гдѣ принималось въ разсчетъ не число жителей, а число дворовъ. Тамъ пришлось выбирать по одному избирателю депутату двумъ стамъ дворовъ, по трое—свыше двухсотъ, по четверо—свыше трехсотъ, и т. д.

Избиратели всѣхъ трехъ сословій, созванныхъ королемъ, собрались, въ свою очередь, въ главномъ пунктѣ судебныхъ округовъ, именовавшихся уѣздными судами на сѣверѣ и сенешальствами на югѣ. Три сословія явились на первое общее засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ сенешаля или судьи, и дали присягу, затѣмъ каждое сословіе собиралось на отдѣльныя свои засѣданія,—дворянство подъ предсѣдательствомъ сенешаля или судьи, а два другихъ сословія—подъ предсѣдательствомъ избраннаго ими президента. Бюро состояло изъ секретаря собранія и троихъ членовъ постарше годами.

Каждое сословіе должно было назначить своихъ депутатовъ въ états généraux. Выборы были произведены закрытой баллотировкой и при условіи абсолютнаго большинства. Такимъ образомъ эти депутаты представляли выборы второй степени. Ихъ было тысяча: двѣсти пятьдесятъ человѣкъ отъ духовенства, двѣсти пятьдесятъ отъ дворянства и пятьсотъ отъ третьяго сословія,—цифра, обезпечившая за нимъ перевѣсъ, когда поголовное голосованіе замѣнило посословное. На засѣданіяхъ въ главномъ пунктѣ судебнаго округа или сенешальства три сословія и собирали и редактировали, резюмируя ихъ, претензіи первоначальныхъ собраній, изъ чего и составилось то, что называется cahiers 89. Записки эти, опредѣляя родъ и предметъ реформъ, какихъ должны были добиваться депутаты въ états généraux, предоставляли имъ опредѣленныя полномочія.

Такимъ образомъ, до собранія états généraux, всѣ классы

свободно подали свой голосъ. Никогда не было столь торжественной минуты въ жизни народа. Совершенно напрасно было-бы предполагать, что дѣло шло о перемѣнѣ правительства. Ничего иного, кромѣ монархіи тогда не знали, и она была желанною вмѣстѣ съ тѣмъ, кто былъ ея представителемъ. Повидимому, насталъ часъ замѣнить конституціонной монархіей абсолютную, которую упрочивалъ престижъ Людовика XIV, но примѣненіе которой должно было казаться спорнымъ въ царствованіе Людовика XV.

Созваніе états généraux не осуществило ни одного изъ возбужденныхъ имъ упованій. Во всякомъ случаѣ, волей-неволей приходится согласиться съ тѣмъ, что созваніе это было далеко не новшествомъ, а возвращеніемъ къ старинной конституціи королевства. До политической системы, введенной министерствомъ Ришелье, французская монархія не была абсолютною ни по своему характеру, ни по своему происхожденію. Никогда не было признано, что королевская власть должна быть безграничной. Первоначальной цѣлью états généraux было именно установленіе контроля надъ налогами и общественными дѣлами, контроля, полезнаго для самой верховной королевской власти, въ видахъ предупрежденія злоупотребленій. За отсутствіемъ états généraux парламенты и присвоили себѣ роль, которая удалялась отъ ихъ юридическихъ функцій и нерѣдко переходила въ недовольную оппозицію.

Уже въ 1711 году, въ политической меморіи, поданной Дофину, Фенелонъ требовалъ періодическихъ засѣданій états généraux и возстановленія провинціальныхъ собраній, сознавая необходимость того, чтобы королевская власть опиралась на истинное національное представительство. Онъ провидѣлъ грозившую ей опасность, при условіи изолированія ея въ олимпійской сферѣ, куда невсегда могутъ проникать спасительныя истины, и гдѣ эту власть легко можетъ настигнуть разрушительное дыханіе революціи. Монархія была уже менѣе сильною, когда она, казалось, достигла апогея своего могущества. То, что она выиграла въ абсолютизмѣ, она утратила въ авторитетности.

Желаете-ли вы знать, что говоритъ о конституціонномъ правительствѣ де-Мэстръ, котораго охотно цитируютъ, какъ защитника абсолютистскихъ идей?

„Начнемъ,—говоритъ онъ,—съ замѣчанія, что система эта отнюдь не представляетъ собой какого либо новѣйшаго открытія, а есть продуктъ или, лучше сказать, документъ феодаль-

наго правительства, когда оно дошло до той степени зрѣлости и равновѣсія, что могло воспользоваться всѣмъ, что только было наисовершеннѣйшаго во всей вселенной" [1]).

Старый режимъ палъ не потому, что оставался вѣренъ монархическимъ началамъ, а потому, что слишкомъ отдалился отъ нихъ; къ этимъ истиннымъ принципамъ прежней монархіи и пытались вернуть его въ 1789 году. Представляя 89 годъ въ видѣ побѣды, повидимому, полагали, что реформы, какихъ тогда желали французы всѣхъ классовъ, были силою вырваны отъ слабости Людовика XVI. Это значитъ смѣшивать короля узника Революціи съ королемъ свободнымъ еще на тронѣ, паденія котораго въ 1789 году никто и не желалъ.

Пораженный затруднительностью и опасностью положенія, Людовикъ XVI добровольно далъ слово Франціи, и съ той же свободой отвѣтила ему Франція въ этихъ запискахъ, гдѣ она выступаетъ, конечно, со всѣми иллюзіями, но также и со всѣмъ прямодушіемъ своихъ намѣреній. Токвилль чрезвычайно справедливо замѣчаетъ по этому поводу: „Французская Революція, какъ я полагаю, единственная, въ началѣ которой различные классы могли каждый въ отдѣльности дать подлинное свидѣтельство зародившихся у нихъ идей и высказать воодушевлявшія ихъ чувства, прежде нежели самая эта революція успѣла исказить и измѣнить эти чувства и идеи" [2]).

Что особенно замѣчательно въ этихъ запискахъ, это почти полное единодушіе заключающихся въ нихъ желаній со стороны всѣхъ трехъ сословій, во всѣхъ провинціяхъ, высказанныхъ безъ предварительнаго соглашенія. Де-Понсенъ резюмировалъ ихъ, разобравъ ихъ въ книгѣ, которая навсегда останется справочнымъ пособіемъ для знакомства съ этими документами и самымъ достовѣрнымъ ихъ изложеніемъ [3]).

Нѣтъ ни однѣхъ записокъ, въ которыхъ не было бы похвальнаго слова Людовику XVI и выраженія признательности по адресу короля за проявленіе его довѣрія къ своимъ подданнымъ, въ видѣ дарованной имъ свободы. Тщетно было бы въ этихъ изъявленіяхъ признательности искать слѣдовъ возмущенія угнетеннаго народа, какъ въ томъ желали увѣрить. Нація, къ которой король обратился за совѣтомъ, не помышляла о насиліи противъ него, а съ признательностью откликнулась на его призывъ.

---

[1]) „Considérations sur la France", изд. 1868 г., стр. 52.

[2]) „L'ancien régime et la Révolution". Примѣчаніе. Разборъ записокъ дворянства.

[3]) „Les cahiers de 89" ou „Les vrais principes libéraux", 2-е изд., 1887 г., in-8°

Дворянство, далекое отъ того, чтобы оспаривать злоупотребленія стараго режима, первое начало указывать на нихъ и требовать ихъ уничтоженія. Подобно духовенству, въ этомъ отношеніи оно не давало опередить себя третьему сословію. Съ своей стороны, третье сословіе отнюдь не посягало на монархическое правительство. Чувства трехъ сословій значительно разнятся отъ тѣхъ, какія угодно было имъ приписать. Всѣ три класса желали и просили одного и того же, причемъ эти классы представлялись гораздо болѣе близкими другъ другу по своимъ идеямъ, нежели мы видимъ это въ настоящее время послѣ ста лѣтъ революціи.

Несогласіе ихъ касалось всего трехъ пунктовъ: поголовнаго голосованія, требовавшагося третьимъ сословіемъ и отвергавшагося дворянствомъ, свободы печати, противъ чего возставало духовенство; и продажи церковныхъ имуществъ, предлагавшейся многими свѣтскими людьми, какъ средство для устраненія финансовыхъ затрудненій.

Дворянство, одушевленное реформаторскимъ духомъ, было согласно съ третьимъ сословіемъ по многимъ вопросамъ. Возставая противъ поголовнаго голосованія, оно дѣйствовало подъ вліяніемъ заботы о самосохраненіи.

Довольно значительное большинство дворянства склонно было къ уступкѣ своихъ привилегій. Оно хлопотало только о сохраненіи почетныхъ отличій. Это было естественное самолюбіе со стороны класса, который,—со славой просуществовавъ цѣлыя столѣтія и проливъ своей крови на защиту родины болѣе всякаго другого класса,—не могъ добровольно стереть послѣдніе слѣды своего существованія, единственные признаки, имѣвшіе назначеніемъ увѣковѣчить славныя воспоминанія.

Въ свободѣ печати духовенство усматривало опасность примѣненія этой свободы въ такую эпоху, когда умы еще не успѣли освоиться съ ней. Но вмѣстѣ съ тѣмъ далекое отъ того, чтобы быть сторонникомъ невѣжества, съ большей настойчивостью, чѣмъ оба другія сословія, ратовало оно за увеличеніе числа школъ, предназначенныхъ для распространенія народнаго просвѣщенія. Вѣрное христіанскому духу, оно возставало противъ торговли неграми и высказывало пожеланія объ уничтоженіи рабства.

Въ религіозномъ отношеніи записки дворянства и третьяго сословія осуждали многочисленность бенефицій, пребываніе епископовъ внѣ своихъ епархій и недостаточность окладовъ кюре. Что касается продажи духовныхъ имуществъ, то она

представлялась желательной нѣкоторымъ честнымъ и добросовѣстнымъ людямъ; но нерѣдко въ этомъ желаніи выражались также и неблагосклонныя чувства къ духовному сословію.

Во всѣхъ классахъ, вообще, обнаружилось ясно формулированное желаніе, чтобы абсолютная монархія смѣнилась монархіей съ ограниченной властью. Привилегированные не задумались отказаться отъ освобожденія ихъ отъ налоговъ и подчиниться тому гражданскому равенству, которое составляло предметъ вожделѣнія для третьяго сословія.

Члены третьяго сословія не желали уничтоженія дворянства; но имъ казалось полезнымъ, чтобы дворянскаго достоинства нельзя было покупать и чтобы оно давалось исключительно за заслуги, оказанныя родинѣ. Дѣйствительно, нельзя не признать злоупотребленіемъ противнымъ дворянству и духу его учрежденія множество должностей, которыя облагороживали ихъ замѣстителей и передавали дворянское достоинство ихъ потомству.

Lettres de cachet были осуждены сразу всѣми тремя сословіями, которыя просили объ ихъ уничтоженіи.

Записки настаивали на уваженіи тайны частной корреспонденціи. Въ дѣлахъ суда они ходатайствовали о гарантіяхъ для защиты подсудимыхъ и протестовали противъ передачъ, дозволявшихъ переносить дѣла отъ естественныхъ ихъ судей въ Совѣтъ Короля.

Записки 89 года могли бы вполнѣ доказать злоупотребленія стараго режима для тѣхъ, кто вздумалъ бы отрицать ихъ. Въ то же время онѣ свидѣтельствуютъ объ осужденіи этихъ злоупотребленій не только тѣми, кому приходилось отъ нихъ терпѣть, но и тѣми, для которыхъ могла быть выгодна ихъ ненарушимость.

Преобладающей мыслью Франціи 1789 года была необходимость реформъ и въ то же время уваженіе къ королевской власти, которой, къ сожалѣнію, недоставало необходимой силы для выполненія этихъ реформъ, ибо, если съ одной стороны выступала необходимость измѣнить учрежденія, то съ другой стороны нужна была рука, достаточно могущественная для поддержанія новой свободы, первые шаги которой быстро повели къ своеволію.

Изъ записокъ 1789 года явствуетъ союзъ королевской власти съ свободой, а не разрушеніе монархіи свободой. И почему не осуществилась эта прекрасная мечта? Какимъ образомъ благородныя эти упованія унеслись кровавой рѣкой, потоками

которой покрылась вся Францiя? Причины этого уже были указаны. Реформы были несомнѣнно правильны и необходимы, но онѣ являлись слишкомъ поздно. Онѣ затрогивали всѣ части зданiя, и по тому самому приводили его въ сильнѣйшее колебанiе. Онѣ возбуждали великодушный пылъ, но въ то же время поощряли самыя смѣлыя предпрiятiя. По выраженiю Токвилля, „возмутили народъ, желая ему помочь". Мнѣнiе, составившееся о власти, права которой долгое время были абсолютными, оказалось таково, что при видѣ крайняго ея снисхожденiя заподозрили въ ней только одну слабость.

Къ идеямъ справедливости и реформы, разъясненнымъ въ запискахъ 89 года, духъ XVIII столѣтiя примѣшалъ свои утопiи, свою неопытность, да и никакой народъ не переходитъ безнаказанно, безъ подготовки, отъ абсолютнаго правительства къ свободѣ. Необходимо также сказать, что Людовикъ XVI былъ свободенъ отъ тѣхъ упрековъ, какiе могли бы заслужить его предшественники. Но, помимо своей воли, принялъ онъ въ наслѣдство содѣянныя ими ошибки и палъ подъ ихъ бременемъ.

Ошибочно было бы полагать, что можно было предотвратить Революцiю, отклонивъ реформы, законность которыхъ признана была королевской властью и всѣми роялистами 89 года. Требуя ихъ вмѣстѣ съ третьимъ сословiемъ, дворянство и духовенство только подчинялись призыву Людовика XVI и всеобщности мнѣнiя. Если попытки ихъ затерялись въ водоворотѣ революцiоннаго потока, то, во всякомъ случаѣ, въ глазахъ потомства эти попытки оправдываютъ ихъ за желанiе сдержать злоупотребленiя, въ которыхъ такъ часто упрекали старый режимъ.

II.

Перечень политическихъ фактовъ и главныхъ событiй Революцiи 1789—1799 г.

1789 года.

17 iюня.—Третье сословiе составляется въ Нацiональномъ Собранiи.

20 iюня.—Присяга Jeu de paume.

27 iюня.—Духовенство и дворянство присоединяются къ третьему сословiю, по просьбѣ короля.

12 и 13 іюля—Мятежи и безпорядки въ Парижѣ.

14 іюля.—Взятіе Бастиліи. Начало эмиграціи.

22 іюля.—Убійство Фулона, интенданта финансовъ, и Бертье, интенданта Парижа.

4 августа. — Уничтоженіе привилегій и феодальныхъ правъ, предложенное двумя членами дворянства. Національное Собраніе постановляетъ равенство налоговъ и уничтоженіе духовныхъ десятинъ.

13 августа.—Національное Собраніе присуждаетъ Людовику XVI титулъ *возстановителя французской свободы.*

22 и 24 августа.—Декретированіе свободы печати и свободы религіозныхъ мнѣній.

5 и 6 октября.—Бунтъ въ Парижѣ, вызванный дороговизной хлѣба. Шайки инсургентовъ направляются въ Версаль и отвозятъ королевскую семью въ Парижъ.

12 октября.—Національное Собраніе переводится въ Парижъ.

2 ноября.—Имущества духовенства объявлены національными имуществами.

17 декабря.—Учрежденіе ассигнацій.

22 декабря.—Конфискація имуществъ эмигрантовъ.

1790 года.

15 января.—Раздѣленіе Франціи на восемьдесятъ три департамента.

21 января.—Національное Собраніе постановляетъ равенство всѣхъ передъ закономъ.

13 февраля.—Уничтоженіе монашескихъ обѣтовъ.

24 февраля.—Уничтоженіе правъ старшинства и сеньоріальныхъ правъ.

6 мая.—Учрежденіе Парижскаго муниципалитета.

Іюнь.—Выпускъ четырехъ милліоновъ ассигнацій форсированнаго курса.

19 іюня.—Уничтоженіе дворянскихъ титуловъ и всякаго рода отличій.

12 іюля.—Установленіе гражданской Конституціи духовенства.

14 іюля.—Праздникъ Федераціи на Марсовомъ полѣ.

Августъ. — Выпускъ восьмисотъ милліоновъ ассигнацій.

7 сентября.—Упраздненіе парламентовъ и судебныхъ палатъ, замѣненныхъ мѣстными судами двоякой юрисдикціи,

судами 1-й инстанціи и королевскими судами, изъ которыхъ одинъ—кассаціонный судъ—могъ кассировать рѣшенія.

27 октября.—Постановленіе, обязывающее духовенство принести присягу гражданской конституціи духовенства. Начало раскола, который дѣлитъ духовенство на *конституціонныхъ* и *ослушниковъ*.

1791 года.

15 февраля. — Посвященіе первыхъ конституціонныхъ епископовъ въ Парижѣ де-Талейраномъ.

2 апрѣля.—Смерть Мирабо.

15 мая.—Предоставленіе гражданскихъ правъ колоніальнымъ мулаткамъ, вызвавшее возстаніе въ Санъ-Доминго.

21 мая.—Учрежденіе Парижской Коммуны.

20 іюня. — Бѣгство королевской семьи, задержанной въ Вареннѣ и отведенной обратно въ Парижъ.

9 іюля. — Приказъ эмигрантамъ возвратиться во Францію въ теченіе двухъ мѣсяцевъ.

15 іюля.—Лишеніе Людовика XVI исполнительной власти, пока онъ не приметъ Конституціи.

14 сентября.—Присяга короля Конституціи.

30 сентября. — Послѣднее засѣданіе Конституціоннаго Собранія.

1 октября.—Открытіе Законодательнаго Собранія.

1 октября.—Возстанія въ Бретани и Вандеѣ.

29 ноября.—Постановленія, лишающія жалованья лицъ духовнаго званія, отказывающихся отъ гражданской присяги, и угрожающія смертью эмигрантамъ, которые не вернутся во Францію къ 1-му января. Отказъ Людовика XVI санкціонировать эти декреты.

17 декабря. — Выпускъ пятисотъ милліоновъ новыхъ ассигнацій.

1792 года.

9 февраля.—Постановленіе о секвестрованіи имуществъ эмигрантовъ.

14 февраля.—Первое появленіе краснаго колпака, какъ революціоннаго знака.

5 апрѣля.—Воспрещеніе духовнаго костюма.

20 апрѣля.—Начало войны между Революціей и коалиціей Европы [1]).

---

[1]) См. дальше перечень военныхъ событій.

26 мая.—Постановленіе, осуждающее на высылку не давшихъ присяги священниковъ.

4 іюня.—Сожженіе дворянскихъ титуловъ въ силу особаго декрета.

20 іюня. — Возстаніе парижскихъ предмѣстій и нападеніе на Тюльери.

31 іюля.—Новый выпускъ трехсотъ милліоновъ ассигнацій.

10 августа. — Осада Тюльерійскаго дворца. Лишеніе короля его функцій. Декретъ о созваніи Національнаго Собранія.

11 августа. — Законъ общей полиціи, приглашающій каждаго гражданина доносить о заговорщикахъ и подозрительныхъ, и поручающій муниципальнымъ корпораціямъ разслѣдованіе преступленій противъ государственной безопасности, съ правомъ арестованія лицъ обвиняемыхъ.

12 августа.—Заключеніе королевской семьи въ Тампль.

29 августа.—Начало домашнихъ обысковъ.

30 августа.—Учрежденіе чрезвычайнаго уголовнаго суда и революціонныхъ Комитетовъ.

2, 3, 4 и 5 сентября.—Убійства въ Парижскихъ тюрьмахъ.

21 сентября.—Закрытіе Законодательнаго Собранія.

22 сентября.—Первое засѣданіе Конвента, постановляющаго уничтоженіе королевской власти и провозглашающаго республику.

Сентябрь.—Новый выпускъ ассигнацій. Цифра ассигнацій, находившихся тогда въ обращеніи, достигла до двухъ милліардовъ семисотъ милліоновъ.

9 октября.—Декретъ, присуждавшій смертную казнь эмигрантамъ, которые вернутся во Францію или будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ. Обращенія *Monsieur* и *Madame* изъяты изъ публичныхъ актовъ и замѣнены обращеніями *citoyen* и *citoyenne*.

16 октября.—Авиньонскія убійства.

3 декабря.—Преданіе суду Людовика XVI Конвентомъ.

1793 года.

17 января.—Осужденіе Людовика XVI на смерть большинствомъ пяти голосовъ.

21 января.—Казнь Людовика XVI.

Мартъ. — Вандейское возстаніе. Отмѣна права дѣлать завѣщанія. Богатые обязываются платить очень высокій налогъ.

10 марта.—Учрежденіе революціоннаго суда въ Парижѣ.

6 апрѣля.—Учрежденіе комитета общественной безопасности, составленнаго сперва изъ девяти, затѣмъ изъ двѣнадцати членовъ. Выпускъ тысячи двухсотъ милліоновъ ассигнацій.

29 мая.—Возстаніе въ Ліонѣ противъ Конвента.

31 мая.—Возстаніе въ Парижѣ. Борьба между жирондистами и монтаньярами. Арестованіе двадцати одного депутата изъ жирондистовъ.

24 іюня.—Представленіе народу Конституціи 1793 года, принятой 10 августа.

13 іюля.—Убійство Марата Шарлоттой Корде.

23 августа.—Декретъ о поголовномъ возстаніи французскаго народа.

5 сентября.—Законъ о *maximum'ѣ*, облагающій таксой съѣстные припасы, продукты первой необходимости и довершающій раззореніе торговли. Учрежденіе походной революціонной арміи, сопровождавшейся гильотиной. Этой арміи пришлось внести терроръ въ департаменты.

17 сентября.—Законъ о подозрительныхъ.

5 октября.—Декретъ, уничтожающій христіанскую эру и устанавливающій эру французовъ съ учрежденія Республики.

9 октября.—Взятіе города Ліона, возмутившагося противъ Конвента.

12 октября.—Оскверненіе королевскихъ гробницъ въ Сенъ-Дени.

14 октября.—Декретъ Конвента, повелѣвающій перевернуть всѣ каминныя доски съ лиліями и гербами.

16 октября.—Казнь Маріи-Антуанетты.

31 октября.—Казнь двадцати одного депутата изъ жирондистовъ.

8 ноября.—Казнь герцога Орлеанскаго.

10 ноября.—Постановленіе Коммуны объ уничтоженіи католическаго культа и замѣна его культомъ Разума.

24 ноября. — Обнародованіе республиканскаго календаря.

1794 года.

24 марта. — Казни Геберта, Дантона, Шометта, Камилла Демулена, Геро де-Сешелля и Шабо.

7 мая.—По предложенію Робеспьера, Конвентъ объявляетъ, что французскій народъ признаетъ существованіе высшаго Существа и безсмертіе души.

8 мая.—Казнь Лавуазье и главныхъ фермеровъ.

10 мая.—Казнь принцессы Елизаветы.

27 мая. — Декретъ, воспрещающій республиканскимъ арміямъ какіе бы то ни было аресты. Ассигнаціи достигли цифры отъ восьми до девяти милліардовъ.

8 іюня.—Праздникъ высшаго Существа, подъ предсѣдательствомъ Робеспьера.

25 іюля.—Казнь Андре Шенье.

27 іюля.—День 9-го термидора. Постановленіе обвинительнаго приговора Робеспьеру и казнь его на слѣдующій день вмѣстѣ съ двадцатью его соумышленниками. Отмѣна закона о подозрительныхъ.

15 декабря.—Казнь Каррье.

24 декабря.—Уничтоженіе закона о *maximum'ѣ*, результаты котораго продолжаютъ чувствоваться. Всеобщій голодъ.

1795 года.

1 апрѣля.—Возстаніе Парижскихъ предмѣстій противъ Конвента. Декретъ, устанавливающій единообразіе вѣса, мѣръ и денежныхъ знаковъ, согласно десятичной системѣ.

20 апрѣля.—Такъ называемое 1-е преріаля. Новое возстаніе якобинцевъ. Убійство депутата Феро.

6 мая.—Казнь Фукье-Тенвилля.

31 мая. Уничтоженіе Революціоннаго суда.

8 іюня.—Смерть Людовика XVII въ Тамплѣ.

21 іюля.—Дѣло Квиберона. Избіеніе пятисотъ эмигрантовъ.

22 августа. — Конституція III года, декретированная Конвентомъ, учредившая Совѣтъ *Пятисотъ* для предложенія законовъ, Совѣтъ Старѣйшинъ для ихъ принятія или отмѣны, и поручившая исполнительную власть Директоріи, составленной изъ пяти членовъ. Эта Конституція была принята 25 сентября.

3 октября.—Смуты въ Парижѣ. Конвентъ объявляетъ о непрерывности своихъ засѣданій.

5 октября.—Такъ называемое 13-е вандемьера. Возстаніе Парижскихъ секцій, подавленное Бонапартомъ.

9 октября.—Осужденіе на смерть Жозефа Ле-Бонъ.

26 октября.—Послѣднее засѣданіе Конвента, который длился три года, одинъ мѣсяцъ и четыре дня, и издалъ 3.870 постановленій. Раньше, чѣмъ быть распущеннымъ, онъ постановляетъ уничтоженіе смертной казни по политическимъ

дѣламъ и амнистію по всѣмъ революціоннымъ дѣламъ. Онъ не допускаетъ ни на какія общественныя должности вернувшихся эмигрантовъ и ихъ родственниковъ, впредь до всеобщаго мира, разрѣшая имъ покинуть Францію со всѣмъ ихъ имуществомъ. Онъ отставляетъ отъ должности всѣхъ офицеровъ, которые не служили съ 10 августа 1792 года.

1796 года.

19 февраля.—Уничтоженіе ассигнаціонной доски. Общая сумма выпуска ассигнацій равнялась сорока пяти милліардамъ съ половиной. Окончаніе Вандейской войны. Разстрѣляніе Штоффлэ и Шаретта (25 февраля и 29 марта).

18 марта.—Учрежденіе новыхъ бумажныхъ денегъ, названныхъ *территоріальными векселями* (mandats territoriaux). Ихъ фабрикуютъ на два милліарда четыреста милліоновъ. Тридцать два милліарда ассигнацій, находившихся еще въ обращеніи, объявлены изъятыми изъ употребленія.

16 іюня.—Изъятіе территоріальныхъ векселей изъ обращенія.

12 августа.—Установленіе десяти-процентнаго квартирнаго налога.

1797 года.

Май.—Уничтоженіе законовъ, устраняющихъ эмигрантовъ отъ общественныхъ должностей.

4 сентября.—Такъ называемое 18-е фруктидора. Государственный переворотъ большинства Директоріи, поддержанный войсками Анжеро. Двое директоровъ, Бартелеми и Карно, одиннадцать членовъ Совѣта Старѣйшинъ, сорокъ два члена Совѣта Пятисотъ, а также различные журналисты и лица, заподозрѣнные въ роялистскихъ тенденціяхъ, подвергнуты изгнанію. Всякій, выражающій пожеланія, благопріятныя возстановленію королевской власти или Конституціи 1793 года—присуждается къ разстрѣлянію. Выборы въ сорока восьми департаментахъ кассированы, всѣ эмигранты изгнаны изъ территоріи. Революціонные законы снова вошли въ силу, газеты предоставлены надзору полиціи на годъ.

18 сентября.—Смерть Гоша.

Декабрь.—Тріумфальное возвращеніе Бонапарта въ Парижъ.

1798 года.

10 февраля.—Французская армія вступаетъ въ Римъ, откуда взятъ въ плѣнъ папа Пій VI 20 февраля. Переведен-

ный въ Италію, онъ былъ отправленъ во Францію, по распоряженію Директоріи, и умеръ въ Валенсѣ, въ 1799 году.

21 августа.—Учрежденіе военнаго рекрутскаго набора, распространявшагося на всѣхъ французовъ, способныхъ носить оружіе, отъ двадцати до двадцатипятилѣтняго возраста.

1799 года.

20 января.—Умиротвореніе Вандеи.

28 іюня.—Принудительный заемъ у богачей въ сто милліоновъ.

12 іюля.—Законъ, изданный Директоріей, обязывавшій брать заложниковъ изъ дворянъ и эмигрантовъ.

9 ноября.—День 18-го брюмера. Паденіе Директоріи. Учрежденіе Консульства, представителями котораго явились три члена, назначавшіеся на десять лѣтъ: Бонапартъ—1-й консулъ; Камбасаресъ — 2-й консулъ и Лебрёнъ—3-й консулъ. Учрежденіе суда, составленнаго изъ ста членовъ, обязаннаго обсуждать законы, предложенные консулами; учрежденіе Законодательнаго Корпуса, на котораго возложена была законодательная санкція, и Сената блюстителя, обязаннаго слѣдить за охраненіемъ законовъ и ихъ выполненіемъ.

III.

Перечень военныхъ событій 1792—1799 г.

1792 года.

Апрѣль.—Начало непріятельскихъ дѣйствій близь Лилля. Пораженіе французовъ при Турнэ. Начало Европейской коалиціи противъ Франціи. Взятіе Менена, Ипра и Куртрэ Люкнеромъ.

25 іюля.—Манифестъ герцога Брауншвейгскаго.

5 августа.— Бомбардированіе Тіонвилля пруссаками.

7 августа.—Побѣда Люкнера при Касселѣ.

23 августа.—Взятіе Лонгвая пруссаками.

2 сентября.—Сдача Вердена.

29 сентября.—Бомбардированіе Лилля австрійцами.

Октябрь.—Взятіе Вормса и Майнца Кюстиномъ. Взятіе Лонгвая Келлерманномъ. Обратное взятіе Вердена. Эвакуація пруссаковъ съ французской территоріи.

Ноябрь.—Побѣда Дюмурье при Джемаппѣ и занятіе Брюсселя. Присоединеніе Савойи къ Франціи.

1793 года.

31 января.—Присоединеніе графства Ницца къ Франціи.

1 февраля.—Объявленіе войны Англіи и Голландіи. Вторженіе въ Голландію.

7 марта.—Объявленіе войны Испаніи.

8 марта.—Пораженіе Дюмурье при Нервиндѣ. Присоединеніе Базельскаго епископства къ Франціи.

9 марта.—Коалиція Австріи, Германіи, Англіи, Голландіи, Испаніи, Португаліи, папы и короля Сардиніи противъ Франціи.

23 іюля.—Капитуляція Майнца, осажденнаго пруссаками.

16 августа. Декретъ Конвента, повелѣвающій поголовное возстаніе.

27 августа. Сдача Тулона англичанамъ его жителями.

Сентябрь.—Пораженіе австрійцевъ и англичанъ при Гондшутѣ Гушаромъ.

15 и 16 октября. — Побѣда Журдана при Ваттиньи надъ австрійцами.

19 декабря.—Обратное взятіе Тулона.

1794 года.

Апрѣль.—Спасеніе Ландо Гошемъ и Пишегрю. Вторженіе въ австрійскую Бельгію.

26 іюня.—Побѣда Журдана при Флёрусѣ.

1795 года.

19 января.—Завоеваніе Голландіи и занятіе Амстердама Пишегрю.

16 мая.—Мирный договоръ между Франціей и Голландіей.

11 октября.—Пораженіе Журдана при Гохстѣ.

23 ноября.—Пораженіе австрійцевъ въ Италіи Шереромъ.

1796 года.

11 апрѣля. — Первый походъ Бонапарта въ Италію. Монтеноттская побѣда, одержанная надъ австрійцами.

22 апрѣля.—Пораженіе Піемонтцевъ при Мондови.

11 мая. Побѣда при мостѣ Лоди, одержанная Бонапартомъ. Парижскій миръ между Сардиніей и Франціей.

Іюнь.—Оккупація Вероны, Болоньи, Феррары и Анконы. Рейнская кампанія.

4 іюня.—Альтенкирхенская побѣда, одержанная надъ австрійцами Клеберомъ и Моро.

1 іюля.—Взятіе Кельской крѣпости Моро.

10 августа.—Пораженіе эрцгерцога Карла—Моро при Нерешеймѣ.

23 августа.—Пораженіе Бернадотта эрцгерцогомъ Карломъ при Неймаркѣ. Отступленіе Журдана и Моро. Походъ Бонапарта противъ австрійскаго генерала Вурмсера. Пораженіе австрійцевъ при Лонато и Кастильоне.

Сентябрь.—Побѣды Ровередо и Бассано. Вурмсеръ блокированъ въ Мантуѣ.

7 октября.—Объявленіе войны съ Англіей.

10 октября.—Мирный договоръ, подписанный въ Парижѣ съ Неаполитанскимъ королемъ.

15 и 17 ноября. — Побѣды Бонапарта и Ожеро при Арколѣ.

1797 года.

14 января.—Побѣда Бонапарта при Риволи.

2 февраля.—Капитуляція Вурмсера въ Мантуѣ.

19 февраля.—Толентинскій договоръ съ папой, уступившимъ Франціи Авиньонъ, графство Венессенъ, легатства Ферраро, Болонья и Равенна.

16 марта.—Побѣда французовъ при Тальяменто. Возстаніе венеціанскихъ провинцій.

18 апрѣля.—Предварительныя условія мира, подписанныя въ Леобенѣ. Переходъ Гоша черезъ Рейнъ и пораженіе австрійцевъ.

Апрѣль и май.—Оккупація Венеціи и Вероны. Договоръ съ Австріей въ Кампо-Форміо, закрѣпляющій за Франціей Бельгію и уступающій ей Ломбардію, Іонійскіе острова и берега Албаніи.

1798 года.

10 февраля.—Оккупація Рима. Экспедиція Бонапарта въ Египетъ и Сирію. Сраженіе при Эль-Арихѣ.

7 марта.—Взятіе Газа и Яффы. Осада Сенъ-Жанъ д'Акра.

16 апрѣля.—Побѣда Монъ-Табора.

20 мая.—Снятіе осады съ Сенъ-Жанъ д'Акра.

10 и 13 іюня.—Взятіе Мальты.

1 іюля.—Высадка французской арміи въ Абукирѣ.

2 іюля.—Взятіе Александріи Клеберомъ.

21 іюля.—Битва при Пирамидахъ, выигранная Бонапартомъ.

23 іюля.—Взятіе Каира.

1 августа.—Французская армія, значительно порѣдѣвшая отъ голода, снова приведена въ Египетъ Бонапартомъ, который передаетъ командованіе Клеберу съ тѣмъ, чтобы вернуться во Францію.

8 сентября.—Высадка французскаго генерала Гумберта въ Ирландіи, гдѣ онъ вынужденъ былъ сдаться на капитуляцію.

12 сентября.—Объявленіе войны Франціи Турціей.

7 октября.—Побѣда Дезе при Седиманѣ.

16 октября.—Возвращеніе Бонапарта въ Парижъ.

24 ноября. — Союзъ Австріи съ Неаполемъ противъ Франціи.

26 ноября.—Генералъ Шампіонне вынужденъ очистить Римъ, куда онъ и вступилъ снова 15 декабря.

4 декабря.—Побѣда Макдональда надъ Неаполитанцами при Чивита—Кастеллана.

6 декабря.—Директорія объявляетъ войну королямъ Неаполитанскому и Сардинскому. Сардинскій король отказывается отъ владѣнія Пьемонтомъ.

23 декабря.—Союзъ Порты съ Россіей.

1799 года.

23 января.—Оккупація Неаполя Шампіонне. Русскіе и турки отнимаютъ у французовъ ихъ владѣнія на Іоническихъ островахъ. Объявленіе войны Директоріей Австріи.—Коалиція Англіи, Австріи, части Германіи, Неаполитанскаго королевства, Португаліи, Россіи и Турціи противъ Франціи.

22 марта.—Пораженіе Журдана при Стокахѣ эрцгерцогомъ Карломъ.

5 апрѣля.—Пораженія Шерера при Эчи и въ Маньяно.

28 апрѣля.—Пораженіе Моро при Кассано.

15 августа.—Побѣда Суворова при Нови надъ Моро и Журданомъ.

19 сентября.—Побѣда Брюна при Бергенѣ.

24 и 25 сентября. — Корпусъ арміи Суворова былъ разсѣянъ въ Швейцаріи Лекурбомъ.

25 сентября.—Цюрихская побѣда Массены.

6 октября.—Побѣда Брюна при Кастрикумѣ.

18 октября. — Капитуляція англо-русской арміи въ Алькмаэрѣ.

IV.

Республиканскій календарь.

Согласно постановленію Конвента отъ 5 октября 1793 г., христіанская эра была уничтожена и рѣшено было, что эра французовъ будетъ вестись отъ основанія Республики, т. е. отъ 22 сентября 1792 года. Въ теченіе революціоннаго періода годы должны считаться слѣдующимъ образомъ:
1-й годъ—отъ 22 сентября 1792 г. по 22 сентября 1793 г.
2-й годъ—отъ 22 сентября 1793 г. по 22 сентября 1794 г.

Продолжая такимъ образомъ измѣненія наименованій годовъ, 1804-й годъ дѣлается XII-мъ. Начиная съ первой Имперіи года возвращаются къ своему старому послѣдовательному порядку.

Учрежденіе республиканскаго календаря относится къ 24 ноября 1793 года. Онъ дѣлитъ годъ на двѣнадцать равныхъ мѣсяцевъ, въ тридцать дней каждый, а мѣсяцъ на три декады. Названія осеннихъ мѣсяцевъ слѣдующія: вандемьеръ, брюмеръ, фримеръ; зимнихъ: нивозъ, плювіозъ, вентозъ; весеннихъ: жерминаль, флореаль, преріаль; лѣтнихъ: мессидоръ, термидоръ, фруктидоръ.

Осень длилась отъ 1-го вандемьера по 30-е фримера, зима—отъ 1-го нивоза по 30-е вентоза; весна—отъ 1-го жерминаля по 30-е преріаля; лѣто—отъ 1-го мессидора по 30-е фруктидора.

Къ двѣнадцати тридцатидневнымъ мѣсяцамъ присоединялись еще пять дней, названныхъ сперва *санкюлоттидами*, а потомъ *дополнительными днями.*

Дни недѣли утратили свои названія, а имена святыхъ, память которыхъ отмѣчена въ дни григоріанскаго календаря, были замѣнены названіями плодовъ, овощей и земледѣльческихъ орудій.

Понятно, что подобнымъ перемѣнамъ не легко было восторжествовать надъ привычками и обычаями, освященными вѣками. Перемѣны эти вызываютъ путаницу, въ которой можно разобраться только воспроизведеніемъ самаго календаря. Послѣдній послужитъ пособіемъ для читателя, который пожелалъ бы провѣрить даты исторіи Революціи, сравнивъ ихъ съ датами календаря григоріанскаго.

Вандемьеръ. I-й мѣсяцъ.

Отъ 22 сентября по 21 октября.

1) Первый день декады.--Виноградъ.
2) Второй.—Шафранъ.
3) Третій. — Каштанъ.
4) Четвертый. — Безвременный цвѣтъ.
5) Пятый. — *Лошадь.*
6) Шестой.—Бальзамъ.
7) Седьмой.—Морковь.
8) Восьмой.—Амарантъ.
9) Девятый. — Пастернакъ.
10) Десятый.—Чанъ.
11) Первый день декады. — Картофель.
12) Второй. — Иммортель.
13) Третій.—Круглая тыква.
14) Четвертый. — Резеда.
15) Пятый.—Оселъ.
16) Шестой.—Чудоцвѣтъ.
17) Седьмой.—Тыква.
18) Восьмой.—Греча.
19) Девятый.—Подсолнечникъ.
20) Десятый. — Тиски.
21) Первый день декады. — Конопля.
22) Второй. — Персикъ.
23) Третій.—Брюква.
24) Четвертый. — Сѣмянникъ.
25) Пятый.—*Яйцо.*
26) Шестой.—Демьянка.
27) Седьмой. — Индѣйскій перецъ.
28) Восьмой. — Томатъ.
29) Девятый. — Ячмень.
30) Десятый.—*Бочка.*

Брюмеръ. II-й мѣсяцъ.

Отъ 22 октября по 20 ноября.

1) Яблоко.
2) Сельдерей.
3) Груша.
4) Свекловица.
5) *Гусь.*
6) Геліотропъ.
7) Фига.
8) Черный корень.
9) Боярышникъ.
10) Плугъ.
11) Козелецъ.
12) Череда.
13) Земляная груша.
14) Эндивій.
15) *Индюкъ.*
16) Chironi.
17) Кресъ.
18) Зубница.
19) Гранатъ.
20) *Борона.*
21) Комарникъ.
22) Маслина.
23) Марена.
24) Апельсинъ.
25) *Гусакъ.*
26) Фисташка.
27) Масјопс.
28) Айва.
29) Садовая рябина.
30) *Свитокъ.*

Фримеръ. III-й мѣсяцъ.

Отъ 21 ноября по 20 декабря.

1) Рѣпчатый колокольчикъ.
2) Брюква
3) Цикорій.
4) Кизильникъ.
5) *Свинья.*
6) Мауница.
7) Цвѣтная капуста.
8) Пихта.
9) Можжевельникъ.
10) *Кирка.*
11) Негніючка.
12) Рѣдька.
13) Кедръ.
14) Пихта.
15) *Плетень.*
16) Дикій тернъ.
17) Кипарисъ.
18) Плющъ.
19) Береза.
20) *Двузубая мотыка.*
21) Сахарный кленъ.
22) Верескъ.
23) Тростникъ.
24) Щавель.
25) *Сверчокъ.*
26) Ядро въ еловой шишкѣ.
27) Пробка.
28) Трюфель.
29) Олива.
30) *Лопата.*

Нивозъ. IV-й мѣсяцъ.

Отъ 21 декабря по 19 января.

1) Снѣгъ.
2) Ледъ.
3) Медъ.
4) Сургучъ.
5) *Собака.*
6) Наземъ.
7) Нефть.
8) Каменный уголь.
9) Камедь.
10) *Цѣпъ.*
11) Горохъ.
12) Терпентинъ.
13) Глина.
14) Мергель.
15) *Кроликъ.*
16) Гипсъ.
17) Известковый камень.
18) Шиферъ.
19) Песокъ.
20) *Вѣялка.*
21) Песчаникъ.
22) Кремень.
23) Ртуть.
24) Свинецъ.
25) *Кошка.*
26) Олово.
27) Мѣдь.
28) Желѣзо.
29) Соль.
30) *Рѣшето.*

Плювіозъ. V-й мѣсяцъ.

Отъ 20 января по 18 февраля.

1) Дикій лавръ.
2) Мохъ.
3) Иглица.
4) Поденѣжникъ.
5) *Буйволъ.*
6) Шамшитъ.
7) Рудникъ.
8) Mozéréon.
9) Тополь.
10) *Coignée.*
11) Чемерица.
12) Кудрявая капуста.
13) Лавръ.
14) Орѣшина.
15) *Корова.*
16) Буксъ.
17) Лишай.
18) Тисъ.
19) Медунка.
20) *Садовый виноградный ножъ.*
21) Ярутка.
22) Волчій перецъ.
23) Ежа.
24) Спорышъ.
25) *Теленокъ.*
26) Синильникъ.
27) Орѣшникъ.
28) Дряква.
29) Чистотѣлъ.
30) *Картина.*

Вентозъ. VI-й мѣсяцъ.

Отъ 19 февраля по 20 марта.

1) Бѣлокопытникъ.
2) Кизиль.
3) Желтофіоль.
4) Бирючина.
5) *Козелъ.*
6) Копытень.
7) Крушина колючая.
8) Фіалка.
9) Козья верба.
10) *Заступъ.*
11) Нарциссъ.
12) Вязъ.
13) Дымянка.
14) Поневая горчица.
15) *Коза.*
16) Шпинатъ.
17) Сангачій корень.
18) Курослѣпникъ.
19) Кервель.
20) *Ворона.*
21) Адамова голова.
22) Петрушка.
23) Ложечникъ.
24) Бѣльцы.
25) *Козленокъ.*
26) Оддуванчикъ.
27) Сильвія.
28) Волосатикъ.
29) Ясень.
30) *Колъ.*

Жерминаль. VII-й мѣсяцъ.

Отъ 21 марта по 19 апрѣля.

1) Бѣлая буквица.
2) Яворъ.
3) Спаржа.
4) Тюльпанъ.
5) *Пѣтухъ.*
6) Амарантъ.
7) Береза.
8) Жонкиль.
9) Ольха.
10) *Прививальный ножикъ.*
11) Барвинокъ.
12) Грабъ.
13) Сморчокъ.
14) Букъ.
15) *Курица.*
16) Латукъ.
17) Лиственица.
18) Болиголовъ.
19) Редиска.
20) *Улей.*
21) Багряникъ.
22) Безмѣнъ.
23) Каштановое дерево.
24) Дикая горчица.
25) Голубь.
26) Сирень.
27) Анемонъ.
28) Незабудка.
29) Черника.
30) *Приборъ для высиживанія яицъ.*

Флореаль. VIII-й мѣсяцъ.

Отъ 20 апрѣля по 19 мая.

1) Роза.
2) Дубъ.
3) Папоротникъ.
4) Боярышникъ.
5) *Пчела.*
6) Водосборъ.
7) Ландышъ.
8) Грибъ.
9) Гіацинтъ.
10) *Грабли.*
11) Ревень.
12) Сладкая дятлина.
13) Дымянка.
14) Полевая горчица.
15) Шелковичный червь.
16) Сальный корень.
17) Бедренецъ.
18) Курослѣпникъ.
19) Лебеда садовая.
20) *Бороздникъ.*
21) Желтокорень.
22) Кудрявка - рябчикъ.
23) Огуречная трава.
24) Валеріанъ.
25) *Карпъ.*
26) Бружмель.
27) Парей.
28) Воловій языкъ.
29) Горчица.
30) *Лопатка.*

Преріаль. IX-й мѣсяцъ.

Отъ 20 мая по 18 іюня.

1) Медунка.
2) Желтая лилія.
3) Клеверъ.
4) Дягаль.
5) *Утка.*
6) Меллиса.
7) Родъ овса.
8) Красная лилія.
9) Богородицына трава.
10) *Коса.*
11) Земляника.
12) Прямая буквица
13) Горохъ.
14) Акація.
15) *Камышъ.*
16) Гвоздика.
17) Бузина.
18) Макъ.
19) Липа.
20) *Вилы.*
21) Василекъ.
22) Ромашка.
23) Жимолость.
24) Сывороточная трава.
25) *Линь.*
26) Жасминъ.
27) Желѣзнякъ.
28) Тимьянъ.
29) Піонъ.
30) *Тельжка.*

Мессидоръ. X-й мѣсяцъ.

Отъ 19 іюня по 18 іюля.

1) Рожь.
2) Овесъ.
3) Лукъ.
4) Вероника.
5) *Лошакъ.*
6) Размаринъ.
7) Огурецъ.
8) Шарлотъ.
9) Полынь.
10) *Серпъ.*
11) Кишнецъ.
12) Артишокъ.
13) Левкой.
14) Лаванда.
15) *Ублюдокъ.*
16) Табакъ.
17) Смородина.
18) Ячмень.
19) Вишня.
20) *Паркъ.*
21) Мята.
22) Тминъ.
23) Фасоль.
24) Красный корень.
25) *Цесарка.*
26) Шалфей.
27) Чеснокъ.
28) Вика.
29) Рожь.
30) *Chalémie.*

Термидоръ. XI-й мѣсяцъ.

Отъ 19 іюля по 17 августа.

1) Полба.
2) Коровякъ.
3) Дыня.
4) Плевелъ.
5) *Баранъ.*
6) Хвощъ.
7) Чернобыльникъ.
8) Желтиница.
9) Тутовая ягода.
10) *Лейка.*
11) Черное, птичье просо.
12) Солянка.
13) Абрикосъ.
14) Базиликъ.
15) *Овца.*
16) Проскурнякъ.
17) Ленъ.
18) Миндаль.
19) Генціана.
20) *Шлюзъ.*
21) Колючникъ.
22) Каперсовый кустъ.
23) Чечевица.
24) Ольха.
25) *Ягненокъ.*
26) Мирта.
27) Полевая рѣпа.
28) Лупинъ.
29) Хлопчатая бумага.
30) *Мельница.*

Фруктидоръ. XII-й мѣсяцъ.

Отъ 18 августа по 21 сентября.

1) Слива.
2) Просо.
3) Плавукъ.
4) Ранній ячмень.
5) *Василекъ.*
6) Тубероза.
7) Sucrien.
8) Тайна-трава.
9) Солодк. корень.
10) *Лѣстница.*
11) Арбузъ.
12) Укропъ.
13) Барбарисъ.
14) Орѣхъ.
15) *Долбило.*
16) Рига.
17) Чесалка.
18) Придорожная игла.
19) Стрѣла.
20) *Корзина.*
21) Шиповникъ.
22) Лещинный орѣхъ.
23) Хмѣль.
24) Индѣйская пшеница.
25) *Ракъ.*
26) Горькій померанецъ.
27) Золотарникъ.
28) Маисъ.
29) Каштанъ.
30) *Корзина.*

V.

10-е августа по разсказу одного офицера швейцарской гвардіи.

О 10-мъ августа была уже рѣчь, когда говорилось о событіяхъ Революціи, театромъ которыхъ былъ Парижъ. Разсказъ объ этомъ знаменитомъ днѣ, начавшемся агоніей королевской семьи, попавшей въ число узниковъ Тампля, переданъ однимъ швейцарскимъ офицеромъ, которому посчастливилось спастись отъ рѣзни, послѣдовавшей за сдачей Тюльери и сентябрскими убійствами. Это разсказъ капитана Дюрлера, вернувшагося на родину послѣ злополучныхъ дней, которые столь многимъ стоили жизни. Сообщеніемъ этого разсказа я обязанъ любезности одного швейцарца, г. Фрица де-Тшарнера, семья котораго состоитъ въ свойствѣ со многими благородными и доблестными защитниками Тюльери. Документъ этотъ, по наслѣдству, находится въ его архивахъ. Неизмѣнно преданный стариннымъ родственнымъ отношеніямъ и воспоминаніямъ, связаннымъ съ кровью, пролитою Швейцаріей ради французской королевской власти, онъ охотно предоставилъ документъ этотъ въ мое распоряженіе.

Самаго оригинала у него нѣтъ; онъ владѣетъ лишь копіей съ него, того времени. Тождественность этой копіи не возбуждаетъ сомнѣній. Она подписана именами многихъ швейцарскихъ офицеровъ, которые также принимали участіе въ этихъ трагическихъ событіяхъ и, желая подтвердить разсказъ капитана Дюрлера, приложили свои подписи на послѣдней страницѣ этого разсказа.

Торвальдсенъ обезсмертилъ храбрость и самопожертвованіе швейцарскихъ героевъ въ знаменитомъ памятникѣ, передъ которымъ съ волненіемъ останавливается каждый путешественникъ, проѣзжающій черезъ Люцернъ. Дѣлая послѣднее усиліе, умирающій левъ какъ будто хочетъ защитить щитъ съ гербовыми лиліями. Это и есть изображеніе тѣхъ неустрашимыхъ борцовъ. Одинъ изъ нихъ, пережившій эти дни, и сообщаетъ намъ нижеслѣдующее о послѣднемъ кровавомъ сраженіи, столь славномъ для памяти этихъ борцовъ.

VI.

Реляція Дюрлера, капитана полка швейцарскихъ гвардейцевъ и командира около 500 человѣкъ, защищавшихся на лѣстницѣ капеллы и внутри дворца 10-го августа 1792 года.

8-го августа, Манда [1]), главный командиръ, передалъ подполковнику Майльярдозу и маіору де-Бахманну требованіе муниципалитета и письменное приказаніе привести въ Тюльерійскій дворецъ возможно большее количество солдатъ. Оба эти начальника немедленно отправили остатокъ батальоновъ Курбвуа и Рюэля. 9-го, въ три часа утра, тамъ было около восьмисотъ человѣкъ, считая въ томъ числѣ обычную гвардію короля.

Въ ночь съ 9-го на 10-е, Манда, де-Майльядозъ и де-Бахманнъ распорядились занятіемъ различныхъ постовъ національной гвардіей и швейцарскими гвардейцами. Оба начальника полка поручили мнѣ командованіе постами королевскаго двора, двора швейцарцевъ и резервомъ въ триста человѣкъ, находившихся тамъ въ боевомъ строю, прибавивъ: „Если король удалится изъ дворца, какъ глава, мы слѣдомъ пойдемъ за нимъ. Мы разсчитываемъ на васъ, увѣренные, что вы не сдадитесь и ни въ какомъ случаѣ не сложите оружія“.

Капитану де-Салисъ поручили они командованіе постами, расположенными на лѣстницахъ и во дворѣ королевы.

Я обошелъ мои посты и сказалъ командиру національныхъ гвардейцевъ, что, хотя положеніе наше подчиненное, тѣмъ не менѣе, въ случаѣ аттаки, они могутъ быть увѣрены, что мы стоять будемъ твердо.

Къ полночи по всему Парижу раздался набатъ. Ночью во дворецъ пріѣхалъ мэръ Петіонъ. Между тремя и четырьмя часами пришло нѣсколько батальоновъ національной гвардіи для подкрѣпленія. Они выстроились съ своими орудіями на королевскомъ дворѣ, вмѣстѣ съ пѣшей жандармеріей и частью конныхъ жандармовъ. На мой взглядъ, подкрѣпленіе это доходило приблизительно до двухъ тысячъ человѣкъ.

Между четырьмя и пятью часами я узналъ, что Манда,

---

[1]) Галіо де-Манда, командиръ Парижской національной гвардіи, убитый утромъ 10-го августа мятежниками въ тотъ моментъ, когда онъ готовился къ защитѣ Тюльери.

получивъ приказаніе явиться въ муниципалитетъ, отправился въ городъ. Какъ всѣмъ извѣстно, онъ былъ убитъ на ступенькахъ Ратуши.

Въ шесть часовъ король спустился на королевскій дворъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ дивизіонныхъ командировъ, батальонныхъ командировъ и Майльярдоза и Бахманна. Онъ прошелъ мимо всѣхъ постовъ. Нѣсколько національныхъ гвардейцевъ крикнули: Vive le Roi! въ тотъ моментъ, когда онъ входилъ въ батальонъ, какъ бы построенный въ карре на королевскомъ дворѣ. Другіе закричали: Vive la nation! Нѣкоторые возроптали, причемъ между ними и канонирами возникли весьма оживленныя пререканія. Однако начальникамъ удалось ихъ успокоить заявленіемъ, что король и народъ составляютъ одно. Послѣдовали взаимныя объятія, и они обѣщали поддерживать другъ друга и отразить всякое нападеніе.

Въ семь часовъ ропотъ возобновился и нѣсколько батальоновъ удалились... Почти въ это же время посты обошли Рёдереръ и генералъ-маіоръ де-Буассьё. Первый читалъ постановленіе департамента, положительно повелѣвавшее отражать всякое нападеніе по закону. Тогда нѣсколько національныхъ гвардейцевъ, у которыхъ не были заряжены ружья, зарядили ихъ; канониры зарядили пушки; прочіе оставались спокойными.

Между восемью и девятью часами король удалился въ Собраніе вмѣстѣ со всей королевской семьей, сопровождаемый многими аристократами, однимъ или двумя батальонами національной гвардіи, дежурной швейцарской гвардіей, подъ начальствомъ капитана гвардіи барона д'Эрлаха. За ними слѣдовали Майльярдозъ, де-Бахманнъ, полковой врачъ де-Салисъ, помощникъ полковаго врача д'Аллиманъ и адъютантъ. Находясь тогда на дворѣ, я не видѣлъ отъѣзда короля, ни того, что произошло внутри дворца.

Въ девять часовъ войска Сантера, марсельцы и предмѣстій начали появляться на Carrouzel'и. Де-Буассье немедленно отдалъ мнѣ приказъ увести всѣ посты изъ дворовъ и удалиться во внутрь дворца, что и было исполнено немедленно. Лучшую часть изъ моихъ людей я помѣстилъ вдоль лѣстницы направо и налѣво. Первая ступенька была уже занята нѣсколькими гренадерами des Filles Saint-Thomas и другими національными гвардейцами, и потому я поставилъ взводъ позади нихъ, около двери капеллы. Остальнымъ я велѣлъ подняться въ первую комнату, противъ лѣстницы, гдѣ

находились маршалъ де-Майльи, генералъ-маіоръ и поручикъ гренадеръ Циммерманъ, нѣкоторые другіе офицеры и много полковыхъ солдатъ, ранѣе того размѣщенныхъ по постамъ внутри дворца.

Я былъ занятъ разстановкой моихъ людей, когда маршалъ де-Майльи потребовалъ меня къ себѣ черезъ гренадерскаго поручика и полковника отъ инфантеріи Жозефа де-Циммермана. Я отправился къ нему, причемъ онъ мнѣ сказалъ: „Я имѣю порученіе отъ короля взять на себя командованіе дворцомъ". Тогда я освѣдомился объ его приказаніяхъ, которыя сводились къ тому, чтобы не сдаваться. Я отвѣтилъ ему, что онъ можетъ разсчитывать на насъ. Пока я говорилъ съ нимъ, я замѣтилъ изъ оконъ, что привратникъ отворялъ королевскія ворота. У воротъ показались марсельцы, дѣлая намъ знаки своими шляпами и крича, чтобы мы присоединились къ нимъ. Сперва они не осмѣливались войти во дворъ. Но затѣмъ рѣшили вступ пить колоннами; а нѣкоторые вошли черезъ Марсанскія ворота и черезъ ворота Швейцарцевъ, проскользнули вдоль стѣнъ и добрались къ ступенямъ дворца. Другіе, болѣе смѣлые, проникли въ вестибюль и толпой поднялись на лѣстницѣ до первой площадки. Я быстро бросился туда вмѣстѣ съ капитаномъ де-Редингъ, Жозефомъ де-Циммерманномъ и полковымъ врачемъ Глютцомъ и распорядился поставить поперекъ лѣстницы деревянный барьеръ. Де-Буассьё сталъ около меня и хотѣлъ говорить съ мятежниками. Но они такъ рычали и такъ пронзительно кричали, что нельзя было разслышать его словъ. Неустрашимый адъютантъ Рулленъ предложилъ мнѣ, что онъ пойдетъ взглянуть, что происходитъ на улицѣ, и посмотритъ, нельзя ли какъ-нибудь успокоить разъяренную толпу. Я позволилъ ему сдѣлать это. Онъ отправился туда и былъ захваченъ мятежниками. Съ него сняли часы, начали срывать съ него платье и уже заставили наклонить голову, чтобы отрубить ее, какъ вдругъ онъ былъ освобожденъ нашими храбрецами, которые бросились къ нему на помощь.

Минуту спустя, начальникъ войскъ Сантера, оказавшійся старымъ французскимъ гвардейцемъ, поднялся къ деревянной загородкѣ и пожелалъ самолично переговорить съ командиромъ швейцарцевъ. Находясь близъ перилъ вмѣстѣ съ Буассьё, я ему сказалъ: „Это я!" Правая рука моя лежала на перилахъ. Онъ схватилъ ее съ словами: „Присоединяйтесь къ намъ, вы будете довольны и вамъ хорошо заплатятъ. Вы должны примкнуть къ націи". Я съ горячностью отвѣтилъ ему: „Мы считали бы

себя обезчещенными, если бы мы передались на вашу сторону. Оставьте насъ въ покоѣ на нашихъ постахъ. Мы не причинимъ вамъ никакого зла. Но если вы станете на насъ нападать, мы будемъ защищаться до послѣдней крайности". Онъ сталъ грозить. Тогда я прибавилъ: „Я отвѣтственъ за свое поведеніе передъ кантонами, моими повелителями. Ни за что не передамся на вашу сторону и ни за что не сложу оружія!" При этихъ словахъ онъ поднялъ свою саблю, наговорилъ мнѣ всякихъ оскорбительныхъ словъ, прибавивъ, что я головой своей поплачусь за подлость, какую дѣлаю, не желая перейти на сторону націи. Такъ какъ онъ крѣпко держалъ меня за руку, занеся притомъ поднятую саблю, то я сказалъ одному изъ своихъ солдатъ по нѣмецки: „Если онъ нанесетъ мнѣ ударъ саблей, уложи его на мѣстѣ выстрѣломъ изъ ружья". Услышавъ мою нѣмецкую рѣчь, онъ опустилъ свою саблю. Въ этотъ моментъ другой старый французскій гвардеецъ нанесъ мнѣ ударъ пикой, который я отразилъ лѣвой рукой, освобождая правую, которую держалъ еще командиръ войскъ Сантера.

Жозефъ де-Циммерманнъ, полковой врачъ де-Глютцъ, по прежнему находившіеся около меня, замѣтили, что съ другой стороны лѣстницы начальникъ отряда Сантера пытался убѣдить нашихъ солдатъ присоединиться къ нему, и что двое негодяевъ поддались уже на его уговоры. Жозефъ де-Циммерманнъ бросился туда вмѣстѣ съ адъютантомъ Рулленомъ, загородилъ имъ дорогу и своей настойчивостью и хладнокровіемъ помѣшалъ этому соблазну. Онъ долго бесѣдовалъ съ этимъ начальникомъ, который убѣждалъ его сложить оружіе. Я подошелъ къ нимъ, и этотъ начальникъ повелъ со мной тѣ же рѣчи.

Увидя, что всѣ ихъ уговоры были напрасны, командиръ и его помощникъ снова спустились въ вестибюль со всѣми своими солдатами, за исключеніемъ двухъ марсельцевъ, проскользнувшихъ между ногъ гренадеровъ des Filles Saint-Thomas. Солдаты мои хотѣли кинуться за ними, но я спасъ имъ жизнь, приказавъ имъ укрыться въ капеллу.

Минуту спустя, войско Сантера стало стрѣлять въ вестибюлѣ; они убили и ранили нѣсколькихъ солдатъ. Бравые гренадеры des Filles Saint-Thomas отвѣтили, наши солдаты послѣдовали ихъ примѣру. Едва успѣла начаться аттака въ вестибюлѣ, какъ артиллерія Сантера, стоявшая на Carrouzel и на королевскомъ дворѣ, стала стрѣлять въ окна дворца, и

затѣмъ пошла стрѣльба. Маршалъ де-Майльи, генералъ-маіоръ де-Циммерманнъ, ни на минуту не отходя отъ окна той комнаты, на которое была направлена вся артиллерія и ружейные залпы, отдали приказъ находившимся при нихъ швейцарскимъ солдатамъ отвѣчать изъ ружей, и дѣло стало всеобщимъ.

Я отразилъ марсельцевъ, находившихся въ вестибюлѣ, спустился туда вмѣстѣ съ моимъ войскомъ и, разсудивъ, что имѣя противъ себя громадную артиллерію, долго намъ не удержаться во дворцѣ,—сталъ во главѣ войска, находившемся при мнѣ,—въ общемъ составлявшемъ около двухсотъ человѣкъ. Я выступилъ для аттаки ихъ пушекъ и очистилъ дворъ, который захватили моментально, также какъ и четыре орудія, которыя оказались разряженными и безъ всякихъ боевыхъ снарядовъ. Нѣсколько гренадеровъ des Filles Saint-Thomas или des Petits-Pères, увидя, что эта артиллерія для насъ безполезна, вынули шомпола изъ своихъ ружей и поломали ихъ въ запалѣ пушекъ. Многіе были убиты на мѣстѣ. Маршалъ де-Майльи, увидя изъ оконъ сраженіе на королевскомъ дворѣ, прекратилъ свой огонь.

Марсельцы, отбитые на Карусельской площади, продолжали поддерживать противъ насъ весьма сильный огонь, противъ королевскихъ воротъ. Много солдатъ было убито. У полкового врача де-Глютцъ, не отходившаго отъ меня у королевскихъ воротъ, ружейнымъ ударомъ сломило саблю.

Одинъ сержантъ открылъ караулъ изъ пятнадцати-двадцати марсельцевъ, скрывавшихся, лежа плашмя на землѣ, противъ королевскихъ воротъ, за кавалерійской караулкой. Сперва мнѣ показалось, что это мертвецы. Когда же я подошелъ къ нимъ, они взмолились о пощадѣ. Я бросился между ними и моими солдатами. Разгоряченные сраженіемъ и внѣ себя отъ ярости послѣдніе, повидимому, не думали щадить ихъ. Мнѣ удалось удержать ихъ. Я приказалъ марсельцамъ отдать ихъ оружіе и патроны, самъ провелъ ихъ мимо швейцарскаго гвардейскаго корпуса и указалъ имъ дорогу, по которой они могли спастись, а затѣмъ вернулся обратно къ королевскимъ воротамъ Наконецъ, я рѣшилъ преслѣдовать другихъ осаждающихъ, чтобы завладѣть ихъ пушками. Я вышелъ изъ королевскихъ воротъ и направилъ свой огонь влѣво, въ сторону корпуса швейцарской гвардіи, гдѣ марсельцы и другіе защищались съ большой храбростью. Во время сраженія два орудія направлены были на нашу правую сторону, на уголъ небольшого сада противъ корпуса швейцарской гвардіи, и въ

насъ палили картечью. Нѣсколько зарядовъ уложили несчастный мой отрядъ наповалъ.

Я остался въ одиночествѣ съ однимъ сержантомъ и нѣсколькими солдатами. Мы вернулись въ королевскія ворота, гдѣ застали капитана де-Салиса, помощника полковаго врача Жибелена и нѣсколько гренадеровъ съ его поста. Солдаты, приведенные де-Салисомъ къ королевскимъ воротамъ, вскорѣ были убиты. Пришли другіе, но и тѣхъ постигла почти та же участь.

Нѣсколько времени спустя генералъ-маіоръ д'Эрвильи прибѣжалъ ко мнѣ безъ оружія и безъ шапки, среди ружейныхъ залповъ, и крикнулъ намъ: „именемъ короля приказываю вамъ прекратить огонь и удалиться въ Національное Собраніе". Онъ повторилъ этотъ приказъ и далѣе повсюду, гдѣ швейцарцы продолжали еще биться на дворахъ съ марсельцами, которые во множествѣ спрятались во дворцѣ и повылѣзли оттуда въ тотъ моментъ, когда замѣтили наше ослабленіе и полное отсутствіе у насъ боевыхъ запасовъ. Вмѣстѣ съ де-Редингомъ, капитаномъ де-Салисъ, капитаномъ де-Кфифферъ, генералъ-маіоромъ де-Циммерманномъ, его сыномъ, полковымъ врачемъ де-Глютцъ, де-Люзомъ, Жибеленомъ, Игнатіемъ де-Майльярдозъ, де-Ла-Корбьеромъ и другими офицерами я собралъ солдатъ для отступленія. Вернувшись ко входу въ вестибюль, я наткнулся на заряженную пушку и, распорядившись направить ее на королевскія ворота, приказалъ одному гренадеру въ случаѣ нашего преслѣдованія произвести выстрѣлъ. Когда я давалъ это приказаніе, одинъ гренадеръ грубо оттолкнулъ меня къ какому-то офицеру, съ словами: „Въ васъ цѣлятся". Въ ту же минуту раздался выстрѣлъ, которымъ сорвало ступеньку, на которой передъ тѣмъ я стоялъ.

Де-Редингъ и полковой врачъ де-Глютцъ, хотѣли перетащить пушку въ вестибюль, причемъ де-Редингъ былъ раненъ. Трагическій конецъ его достаточно извѣстенъ.

Я прошелъ черезъ садъ вмѣстѣ съ Жозефомъ де-Циммерманномъ, полковымъ врачемъ де-Глютцъ, де-Лизомъ, де-Жибеленомъ, Игнатіемъ де-Майльярдозъ и другими офицерами. Со всѣхъ сторонъ стрѣляли въ насъ изъ ружей и карабиновъ. Пуля пробила мою шапку. На моихъ глазахъ свалился несчастный Гроссъ, съ сломаннымъ бедромъ. Я распорядился, чтобы двое солдатъ отнесли его на извѣстное разстояніе.

Когда мы вошли въ корридоръ Національнаго Собранія,

многіе депутаты заявили мнѣ, что я обязательно долженъ сложить съ себя оружіе, въ виду невозможности оставаться вооруженнымъ въ нѣдрахъ Собранія. Я отвѣтилъ, что, отказываясь исполнить это требованіе до сихъ поръ, я не могъ послѣдовать ихъ совѣту, и сложу съ себя оружіе только по приказанію короля. Генералъ-маіоръ де-Мену сказалъ мнѣ, что король находится въ ложѣ Собранія. Я попросилъ одного депутата потрудиться свести меня къ нему, что онъ и сдѣлалъ. Я засталъ все королевское семейство, де-Шуазеля, д'Эрвильи, принца де-Пуа и другихъ придворныхъ особъ. Я сказалъ королю: „Ваше величество, отъ меня требуютъ, чтобы я сложилъ съ себя оружіе. Несмотря на ничтожное количество оставшихся у меня солдатъ, я сдѣлаю это только по вашему повелѣнію". Король отвѣтилъ: „Сложите ваше оружіе, безъ сомнѣнія, въ руки національной гвардіи; я не хочу, чтобы подобные храбрецы, какъ вы, погибли всѣ до единаго".

Королева, принцесса Елизавета и остальные, кто былъ въ ложѣ короля, съ большимъ сочувствіемъ освѣдомились, не раненъ-ли я. Я удалился, чтобы отправиться въ комнату, гдѣ находились Жозефъ де-Циммерманнъ, полковой врачъ де-Глютцъ, де-Люзъ, де-Ла-Корбьеръ, Игнатій де-Майльярдозъ, д'Эрнстъ и остатокъ моихъ солдатъ,—около ста человѣкъ. Едва успѣлъ я войти въ комнату, какъ король былъ столь добръ прислать мнѣ записку, подписанную собственной его рукой. Привожу подлинныя слова этой записки:

„Король повелѣваетъ швейцарцамъ немедленно сложить оружіе и удалиться въ казармы".

„Людовикъ".

На основаніи этого приказанія я положилъ оружіе въ уголъ, несмотря на возраженія нѣкоторыхъ солдатъ, которые, несмотря на отсутствіе при нихъ боевыхъ запасовъ, тѣмъ не менѣе говорили: „Мы можемъ еще защищаться штыками".

Къ намъ пришли депутаты, которые сказали, чтобы мы шли въ церковь des Feuillans, такъ какъ намъ грозила слишкомъ большая опасность. Для нашей безопасности, солдатамъ пришлось снять свою аммуницію, чтобы на пути на замѣтили краснаго платья. Нѣсколько солдатъ послѣдовали этому совѣту и мы отправились къ церкви des Feuillans. Во все продолженіе пути насъ преслѣдовали оскорбленіями и угрозами. При входѣ въ церковь des Feuillans, четверо часовыхъ сказали мнѣ, что я былъ самый виновный, равно какъ и другіе офицеры и что насъ поведутъ немедленно въ муниципалитетъ. Я высказалъ

проводнику, что церковь была разбойничьимъ притономъ и что я тутъ не останусь. Я пригласилъ офицеровъ: полковаго врача де-Глютцъ, де-Люза, де-Ла-Корбьера слѣдовать за мной. Жозефъ де-Циммерманнъ, зашедшій въ церкви слишкомъ впередъ, потерялъ меня изъ виду. Наговоривъ мнѣ грубостей, депутатъ кончилъ тѣмъ, что сталъ увѣрять, что хочетъ насъ свести въ мѣсто, гдѣ мы будемъ въ безопасности. Дѣйствительно, онъ свелъ насъ въ Наблюдательный Комитетъ, гдѣ были уже заключены капитанъ де-Салисъ, капитанъ де-Кфифферъ, генералъ-маіоръ де-Циммерманнъ, д'Эрнстъ, Дисбахъ, де-Штейнбрюгъ, Жибелинъ, де-Циммерманнъ сынъ и Кастелла д'Оржемонъ.

Нѣсколько времени спустя, депутатъ прислалъ намъ съѣстного. Нѣкоторые приходили смотрѣть на насъ, какъ на любопытныхъ звѣрей.

Наконецъ, къ вечеру, явился къ намъ одинъ нѣмецкій депутатъ, по имени Брюа, который отнесся къ намъ съ участіемъ. Онъ по нѣмецки сказалъ намъ: „Я сдѣлаю все возможное, чтобы спасти васъ". Онъ призвалъ тряпичника, принесшаго поношенные панталоны и сюртуки, за которые мы заплатили весьма дорого. Всѣ одѣлись и поспѣшно вышли. Де-Салисъ, де-Кфифферъ и я вышли послѣдними. Брюа сказалъ намъ, что проведетъ насъ въ полночь по корридорамъ, гдѣ не было часовыхъ.

Мы, дѣйствительно, вышли въ полночь, не встрѣтивъ часовыхъ и прибыли на Вандомскую площадь. Брюа хотѣлъ сперва свести насъ къ себѣ, но измѣнилъ это намѣреніе, найдя его не безопаснымъ. Я просилъ его свести насъ ко мнѣ, полагая, что никто не заподозритъ такого факта, чтобы швейцарцы отправились спать къ себѣ на квартиру. Онъ одобрилъ мою мысль. Разставаясь съ нами, онъ просилъ насъ никогда не упоминать о немъ, если бы насъ арестовали.

11-го августа, въ 4 часа утра явился одинъ изъ его родственниковъ, съ предупрежденіемъ, чтобы поторопились спасаться. Мы обнялись, поручивъ себя на милость Божью въ этой странѣ свободы, и разстались. Съ весьма необычайными приключеніями, мы всѣ трое добрались до нашихъ очаговъ.

Всѣ раненые офицеры были убиты, за исключеніемъ де-Репона, которому удалось бѣжать, несмотря на пулю, угодившую ему прямо въ ногу на вылетъ.

Таковъ перечень главныхъ фактовъ, свидѣтелемъ которыхъ я былъ вмѣстѣ съ вышеупомянутыми офицерами, находившимися подъ моей командой. Остальные офицеры, вмѣстѣ съ

храбрыми нашими солдатами бились и погибли съ оружіемъ въ рукахъ или во дворцѣ, или же въ саду и на площади Людовика XV. Многіе очевидцы могутъ въ подробности засвидѣтельствовать эти факты.

Подписано: пѣхотный полковникъ де-Циммерманнъ, полковой врачъ Глютцъ, помощникъ полкового врача Жибеленъ, де-Ла-Корбьеръ, Рулленъ, Репонъ, второй поручикъ де-Люзъ.

